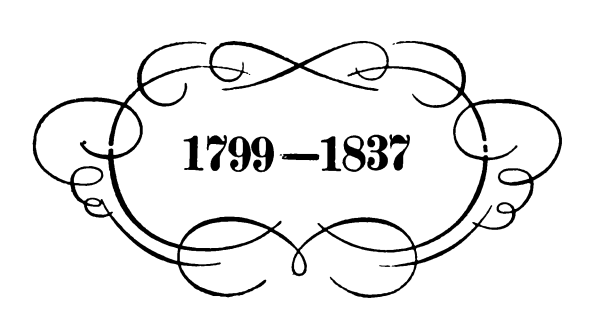
А. С. ПУШКИН

ACADEMIA


1799—1837

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ
1837—1937

А. С. ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ШЕСТИ ТОМАХ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. А. ЦЯВЛОВСКОГО

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ACADEMIA
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

А. С. ПУШКИН
1799—1837

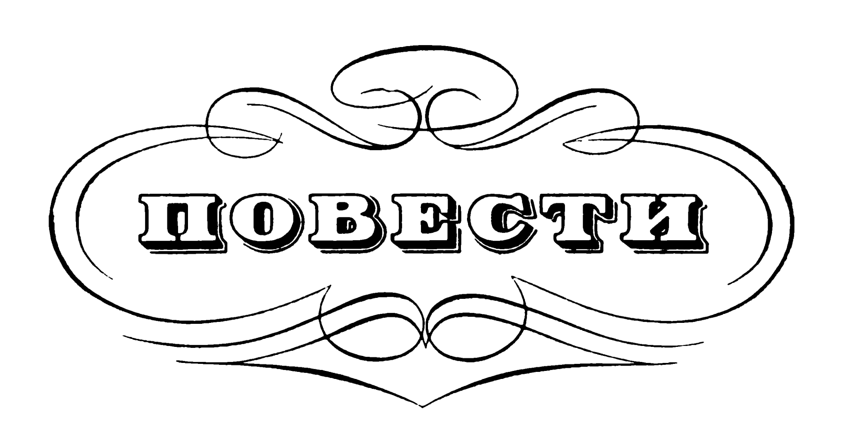
ПОВЕСТИ

ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ

ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВА

ACADEMIA
1936

А. С. Пушкин. С портрета маслом *К. П. Мазера*. (Госуд. Литературный музей в Москве)


ПОВЕСТИ

От редакции

Тексты повестей, опубликованных при жизни Пушкина, воспроизводятся в настоящем издании в их последних печатных редакциях. На основании сверки с рукописями устранены лишь явные опечатки и цензурные извращения.

Произведения незаконченные или только начатые, равно как планы и программы вещей задуманных, но неосуществленных Пушкиным, даются в их последней рукописной редакции. Из черновых вариантов отмечаются в основном тексте в прямых скобках [ ] только те, которые существенны для уяснения замысла недовершенного произведения или успели прочно войти в литературный и научный оборот. В угловых скобках < > оставляются традиционные названия повестей, самим Пушкиным не озаглавленных, а также вставки редактора и слова, чтение которых предположительно. Все даты написания законченных и незаконченных произведений оговорены в примечаниях; там же даны и переводы иноязычных строк, встречающихся в тексте Пушкина.

<АРАП ПЕТРА ВЕЛИКОГО>

Глава I

Я в Париже,
Я начал жить, а не дышать.

Дмитриев. *Журнал путешественника.*

В числе молодых людей, отправленных Петром Великим в чужие края для приобретения сведений, необходимых государству преобразованному, находился его крестник, арап Ибрагим. Он обучался в парижском военном училище, выпущен был капитаном артиллерии, отличился в испанской войне и, тяжело раненый, возвратился в Париж. Император посреди обширных своих трудов не переставал осведомляться о своем любимце и всегда получал лестные отзывы насчет его успехов и поведения. Петр был очень им доволен и неоднократно звал его в Россию, но Ибрагим не торопился. Он отговаривался различными предлогами, то раною, то желанием усовершенствовать свои познания, то недостатком в деньгах, и Петр снисходительствовал его просьбам, просил заботиться о своем здоровии, благодарил за ревность к учению, и, крайне бережливый в собственных своих расходах, не жалел для него своей казны, присовокупляя к червонцам отеческие советы и предостерегательные наставления.

По свидетельству всех исторических записок, ничто не могло сравниться с легкомыслием, безумством и роскошью французов того времени. Последние годы царствования Людовика XIV, ознаменованные строгой набожностию двора, важностию и приличием, не оставили никаких следов. Герцог Орлеанский, соединяя многие блестящие качества с пороками всякого рода, к несчастию, не имел и тени лицемерия. Оргии Пале-Рояля не были тайною для Парижа: пример был заразителен. На ту пору явился Laws: алчность к деньгам соединилась с жаждою наслаждений и рассеянности; имения исчезали; нравственность гибла; французы смеялись и рассчитывали, и государство распадалось под игривые припевы сатирических водевилей.

Между тем, общества представляли картину самую занимательную. Образованность и потребность веселиться сблизила все состояния. Богатство, любезность, слава, таланты, самая странность, всё, что подавало пищу любопытству или обещало удовольствие, было принято с одинаковой благосклонностию. Литература, ученость и философия оставляли тихий свой кабинет и являлись в кругу большого света угождать моде, управляя ее мнениями. Женщины царствовали, но уже не требовали обожания. Поверхностная вежливость заменила глубокое почтение. Проказы герцога Ришелье, Алкивиада новейших Афин, принадлежат истории и дают понятие о нравах сего времени.

Temps fortuné, marqué par la licence,
Où la folie, agitant son grelot,
D'un pied leger parcourt toute la France,
Où nul mortel ne daigne être dévot,
Où l'on fait tout excepté pénitence.

Появление Ибрагима, его наружность, образованность и природный ум возбудили в Париже общее внимание. Все дамы желали видеть у себя le nègre du czar и ловили его на перехват. Регент приглашал его не раз на свои веселые вечера; он присутствовал на ужинах, одушевленных молодостью Аруэта и старостию Шолье, разговорами Монтеские и Фонтенеля; не пропускал ни одного бала, ни одного праздника, ни одного первого представления, и предавался общему вихрю со всею пылкостию своих лет и своей породы. Но мысль променять это рассеяние, эти блестящие забавы на суровую простоту петербургского двора не одна ужасала Ибрагима. Другие сильнейшие узы привязывали его к Парижу. Молодой африканец любил.

Графиня D., уже не в первом цвете лет, славилась еще своею красотою. Семнадцати лет, при выходе ее из монастыря, выдали ее за человека, которого она не успела полюбить и который впоследствии никогда о том не заботился. Молва приписывала ей любовников, но по снисходительному уложению света она пользовалась добрым именем, ибо нельзя было упрекнуть ее в каком-нибудь смешном или соблазнительном приключеньи. Дом ее был самый модный. У ней соединялось лучшее парижское общество. Ибрагима представил ей молодой Мервиль, почитаемый вообще последним ее любовником, что и старался он дать почувствовать всеми способами.

Графиня приняла Ибрагима учтиво, но безо всякого особенного внимания: это польстило ему. Обыкновенно смотрели на молодого негра как на чудо, окружали его, осыпали приветствиями и вопросами, и это любопытство, хотя и прикрытое видом благосклонности, оскорбляло его

самолюбие. Сладостное внимание женщин, почти единственная цель наших усилий, не только не радовало его, но даже исполняло горечью и негодованием. Он чувствовал, что он для них род какого-то редкого зверя, творенья особенного, чужого, случайно перенесенного в мир, не имеющий с ним ничего общего. Он даже завидовал людям, никем не замеченным, и почитал их ничтожество благополучием.

Мысль, что природа не создала его для взаимной страсти, избавила его от самонадеянности и притязаний самолюбия, что придавало редкую прелесть обращению его с женщинами. Разговор его был прост и важен; он понравился графине D., которой надоели вечные шутки и тонкие намеки французского остроумия. Ибрагим часто бывал у ней. Мало-по-малу она привыкла к наружности молодого негра и даже стала находить что-то приятное в этой курчавой голове, чернеющей посреди пудреных париков ее гостиной. (Ибрагим был ранен в голову, и вместо парика носил повязку.) Ему было 27 лет от роду; он был высок и строен, и не одна красавица заглядывалась на него с чувством более лестным, нежели простое любопытство; но предубежденный Ибрагим или ничего не замечал, или видел одно кокетство. Когда же взоры его встречались со взорами графини, недоверчивость его исчезала. Ее глаза выражали такое милое добродушие, ее обхождение с ним было так просто, так непринужденно, что невозможно было в ней подозревать и тени кокетства или насмешливости.

Любовь не приходила ему на ум, — а уже видеть графиню каждый день было для него необходимо. Он повсюду искал ее встречи, и встреча с нею казалась ему каждый раз неожиданной милостию неба. Графиня, прежде, чем он сам, угадала его чувства. Что ни говори, а любовь без надежд и требований трогает сердце женское вернее всех расчетов обольщения. В присутствии Ибрагима графиня следовала за всеми его движениями, вслушивалась во все его речи; без него она задумывалась и впадала в обыкновенную свою рассеянность.

Мервиль первый заметил эту взаимную склонность и поздравил Ибрагима. Ничто так не воспламеняет любви, как ободрительное замечание постороннего. Любовь слепа, и, не доверяя самой себе, торопливо хватается за всякую опору.

Слова Мервиля пробудили Ибрагима. Возможность обладать любимой женщиной доселе не представлялась его воображению; надежда вдруг озарила его душу; он влюбился без памяти. Напрасно графиня, испуганная исступлением его страсти, хотела противуставить ей увещания дружбы и советы благоразумия, она сама ослабевала. Неосторожные вознаграждения быстро следовали одно за другим. И наконец,

увлеченная силою страсти, ею же внушенной, изнемогая под ее влиянием, она отдалась восхищенному Ибрагиму...

Ничто не скрывается от взоров наблюдательного света. Новая связь графини стала скоро всем известна. Некоторые дамы изумлялись ее выбору, многим казался он очень естественным. Одни смеялись, другие видели с ее стороны непростительную неосторожность. В первом упоении страсти Ибрагим и графиня ничего не замечали, но вскоре двусмысленные шутки мужчин и колкие замечания женщин стали до них доходить. Важное и холодное обращение Ибрагима доселе ограждало его от подобных нападений; он выносил их нетерпеливо и не знал, чем отразить. Графиня, привыкшая к уважению света, не могла хладнокровно видеть себя предметом сплетней и насмешек. Она то со слезами жаловалась Ибрагиму, то горько упрекала его, то умоляла за нее не вступаться, чтоб напрасным шумом не погубить ее совершенно.

Новое обстоятельство еще более запутало ее положение. Обнаружилось следствие неосторожной любви. Утешения, советы, предложения — всё было истощено и всё отвергнуто. Графиня видела неминуемую гибель и с отчаянием ожидала ее.

Как скоро положение графини стало известно, толки начались с новою силою. Чувствительные дамы ахали от ужаса; мужчины бились об заклад, кого родит графиня: белого ли или черного ребенка. Эпиграммы сыпались насчет ее мужа, который один во всем Париже ничего не знал и ничего не подозревал.

Роковая минута приближалась. Состояние графини было ужасно. Ибрагим каждый день был у нее. Он видел, как силы душевные и телесные постепенно в ней исчезали. Ее слезы, ее ужас возобновлялись поминутно. Наконец, она почувствовала первые муки. Меры были приняты наскоро. Графа нашли способ удалить. Доктор приехал. Дня два перед сим уговорили одну бедную женщину уступить в чужие руки новорожденного своего младенца; за ним послали поверенного. Ибрагим находился в кабинете близ самой спальни, где лежала несчастная графиня. Не смея дышать, он слышал ее глухие стенанья, шопот служанки и приказанья доктора. Она мучилась долго. Каждый стон ее раздирал его душу; каждый промежуток молчания обливал его ужасом... Вдруг он услышал слабый крик ребенка, и, не имея силы удержать своего восторга, бросился в комнату графини — черный младенец лежал на постеле в ее ногах. Ибрагим к нему приблизился. Сердце его билось сильно. Он благословил сына дрожащею рукою. Графиня слабо улыбнулась и протянула ему слабую руку... но доктор, опасаясь для боль-

ной слишком сильных потрясений, оттащил Ибрагима от ее постели. Новорожденного положили в крытую корзину и вынесли из дому по потаенной лестнице. Принесли другого ребенка и поставили его колыбель в спальне роженицы. Ибрагим уехал немного успокоенный. Ждали графа. Он возвратился поздно, узнал о счастливом разрешении супруги и был очень доволен. Таким образом публика, ожидавшая соблазнительного шума, обманулась в своей надежде и была принуждена утешаться единым злословием. Всё вошло в обыкновенный порядок.

Но Ибрагим чувствовал, что судьба его должна была перемениться, и что связь его рано или поздно могла дойти до сведения графа D. В таком случае, что бы ни произошло, погибель графини была неизбежна. Он любил страстно и так же был любим; но графиня была своенравна и легкомысленна. Она любила не в первый раз. Отвращение, ненависть могли заменить в ее сердце чувства самые нежные. Ибрагим предвидел уже минуту ее охлаждения; доселе он не ведал ревности, но с ужасом ее предчувствовал; он воображал, что страдания разлуки должны быть менее мучительны, и уже намеревался разорвать несчастную связь, оставить Париж и отправиться в Россию, куда давно призывали его и Петр и темное чувство собственного долга.

Глава II

Дни, месяцы проходили, и влюбленный Ибрагим не мог решиться оставить им обольщенную женщину. Графиня час от часа более к нему привязывалась. Сын их воспитывался в отдаленной провинции. Сплетни света стали утихать, и любовники начинали наслаждаться бо́льшим спокойствием, молча помня минувшую бурю и стараясь не думать о будущем.

Однажды Ибрагим был у выхода герцога Орлеанского. Герцог, проходя мимо его, остановился и вручил ему письмо, приказав прочесть на досуге. Это было письмо Петра I-го. Государь, угадывая истинную причину его отсутствия, писал герцогу, что он ни в чем неволить Ибрагима не намерен, что предоставляет его доброй воле возвратиться в Россию или нет, но что во всяком случае он никогда не оставит прежнего своего питомца. Это письмо тронуло Ибрагима до глубины сердца. С той минуты участь его была решена. На другой день он объявил регенту свое намерение немедленно отправиться в Россию.

„Подумайте о том, что делаете", сказал ему герцог: „Россия не есть ваше отечество; не думаю, чтоб вам когда-нибудь удалось опять увидеть знойную вашу родину; но ваше долговременное пребывание во Франции сделало вас равно чуждым климату и образу жизни полудикой России. Вы не родились подданным Петра. Поверьте мне: воспользуйтесь его великодушным позволением. Останьтесь во Франции, за которую вы уже проливали свою кровь, и будьте уверены, что и здесь ваши заслуги и дарования не останутся без достойного вознаграждения".

Ибрагим искренно благодарил герцога, но остался тверд в своем намерении.

„Жалею", сказал ему регент, „но, впрочем, вы правы". Он обещал ему отставку и написал обо всем русскому царю.

Ибрагим скоро собрался в дорогу. Накануне своего отъезда провел он по обыкновению вечер у графини D. Она ничего не знала; Ибрагим не имел духа ей открыться. Графиня была спокойна и весела. Она несколько раз подзывала его к себе и шутила над его задумчивостью. После ужина все разъехались. Остались в гостиной графиня, ее муж да Ибрагим. Несчастный отдал бы всё на свете, чтоб только остаться с нею наедине; но граф D., казалось, расположился у камина так спокойно, что нельзя было надеяться выжить его из комнаты. Все трое молчали. „Bonne nuit", сказала наконец графиня. Сердце Ибрагима стеснилось и вдруг почувствовало все ужасы разлуки. Он стоял неподвижно. „Bonne nuit, messieurs", повторила графиня. Он всё не двигался... Наконец глаза его потемнели, голова закружилась, он едва мог выйти из комнаты. Приехав домой, он почти в беспамятстве написал следующее письмо:

„Я еду, милая Леонора, оставляю тебя навсегда. Пишу тебе потому, что не имею сил иначе с тобою объясниться.

Счастие мое не могло продолжиться. Я наслаждался им вопреки судьбе и природе. Ты должна была меня разлюбить; очарование должно было исчезнуть. Эта мысль меня всегда преследовала, даже в те минуты, когда, казалось, забывал я всё, когда у твоих ног упивался твоим страстным самоотвержением, твоею неограниченною нежностию... Легкомысленный свет беспощадно гонит на самом деле то, что дозволяет в теории: его холодная насмешливость, рано или поздно, победила бы тебя, смирила бы твою пламенную душу — и ты наконец устыдилась бы своей страсти... Что было б тогда со мною? Нет! Лучше умереть, лучше оставить тебя прежде ужасной этой минуты...

Твое спокойствие мне всего дороже: ты не могла им наслаждаться, пока взоры света были на нас устремлены. Вспомни всё, что ты вы-

терпела — все оскорбления самолюбия, все мучения боязни; вспомни ужасное рождение нашего сына. Подумай: должен ли я подвергать тебя долее тем же волнениям и опасностям? Зачем силиться соединить судьбу столь нежного, столь прекрасного создания с бедственной судьбою негра, жалкого творения, едва удостоенного названия человека?

Прости, Леонора, прости, милый, единственный друг. Оставляя тебя, оставляю первые и последние радости моей жизни. Не имею ни отечества, ни ближних. Еду в печальную Россию, где мне отрадою будет мое совершенное уединение. Строгие занятия, которым отныне предаюсь, если не заглушат, то по крайней мере будут развлекать мучительные воспоминания о днях восторгов и блаженства... Прости, Леонора — отрываюсь от этого письма, как будто из твоих объятий; прости, будь счастлива — и думай иногда о бедном негре, о твоем верном Ибрагиме“.

В ту же ночь он отправился в Россию.

Путешествие не показалось ему столь ужасно, как он того ожидал. Воображение его восторжествовало над существенностию. Чем более удалялся он от Парижа, тем живее, тем ближе представлял он себе предметы, им покидаемые навек.

Нечувствительным образом очутился он на русской границе. Осень уже наступала. Но ямщики, несмотря на дурную дорогу, везли его с быстротою ветра, и в 17-ый день своего путешествия прибыл он утром в Красное Село, чрез которое шла тогдашняя большая дорога.

Оставалось 28 верст до Петербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагим вошел в ямскую избу. В углу человек высокого росту, в зеленом кафтане, с глиняною трубкою во рту, облокотясь на стол, читал гамбургские газеты. Услышав, что кто-то вошел, он поднял голову. „Ба! Ибрагим? — закричал он, вставая с лавки: — Здорово, крестник!“ Ибрагим, узнав Петра, в радости к нему было бросился, но почтительно остановился. Государь приближился, обнял его и поцеловал в голову. „Я был предуведомлен о твоем приезде, — сказал Петр, — и поехал тебе навстречу. — Жду тебя здесь со вчерашнего дня“. Ибрагим не находил слов для изъявления своей благодарности. „Вели же, — продолжал государь, — твою повозку везти за нами; а сам садись со мною и поедем ко мне“. Подали государеву коляску; он сел с Ибрагимом, и они поскакали. Чрез полтора часа они приехали в Петербург.

Ибрагим с любопытством смотрел на новорожденную столицу, которая подымалась из болота по манию самодержавия. Обнаженные пло-

тины, каналы без набережной, деревянные мосты повсюду являли недавнюю победу человеческой воли над супротивлением стихий. Дома казались наскоро построены. Во всем городе не было ничего великолепного, кроме Невы, не украшенной еще гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами. Государева коляска остановилась у дворца так называемого Царицына Сада. На крыльце встретила Петра женщина лет 35, прекрасная собою, одетая по последней парижской моде. Петр поцеловал ее в губы, и взяв Ибрагима за руку, сказал: „Узнала ли ты, Катинька, моего крестника: прошу любить и жаловать его попрежнему“. Екатерина устремила на него черные проницательные глаза и благосклонно протянула ему ручку. Две юные красавицы, высокие, стройные, свежие как розы, стояли за нею и почтительно приблизились к Петру. „Лиза, — сказал он одной из них, — помнишь ли ты маленького арапа, который для тебя крал у меня яблоки в Ораньенбауме? Вот он: представляю тебе его“. Великая княжна засмеялась и покраснела. Пошли в столовую. В ожидании государя стол был накрыт. Петр со всем семейством сел обедать, пригласив и Ибрагима. Во время обеда государь с ним разговаривал о разных предметах, расспрашивал его о испанской войне, о внутренних делах Франции, о регенте, которого он любил, хоть и осуждал в нем многое. Ибрагим отличался умом точным и наблюдательным. Петр был очень доволен его ответами; он вспомнил некоторые черты Ибрагимова младенчества и рассказывал их с таким добродушием и веселостью, что никто в ласковом и гостеприимном хозяине не мог бы подозревать героя полтавского, могучего и грозного преобразователя России.

После обеда государь, по русскому обыкновению, пошел отдохнуть. Ибрагим остался с императрицей и с великими княжнами. Он старался удовлетворить их любопытству, описывал образ парижской жизни, тамошние праздники и своенравные моды. Между тем некоторые из особ, приближенных к государю, собралися во дворец. Ибрагим узнал великолепного князя Меншикова, который, увидя арапа, разговаривающего с Екатериной, гордо на него покосился; князя Якова Долгорукого, крутого советника Петра; ученого Брюса, прослывшего в народе русским Фаустом; молодого Рагузинского, бывшего своего товарища, и других пришедших к государю с докладами и за приказаниями.

Государь вышел часа через два. „Посмотрим, — сказал он Ибрагиму, — не позабыл ли ты своей старой должности. Возьми-ка аспидную доску, да ступай за мною“. Петр заперся в токарне и занялся государственными делами. Он по очереди работал с Брюсом, с князем Долгоруким, с генерал-полицмейстером Девиером и продиктовал Иб-

рагиму несколько указов и решений. Ибрагим не мог надивиться быстрому и твердому его разуму, силе и гибкости внимания и разнообразию деятельности. По окончанию трудов, Петр вынул карманную книжку, дабы справиться, всё ли им предполагаемое на сей день исполнено. Потом, выходя из токарни, сказал Ибрагиму: „Уж поздно; ты, я чай, устал: ночуй здесь, как бывало в старину. Завтра я тебя разбужу“.

Ибрагим, оставшись наедине, едва мог опомниться. Он находился в Петербурге; он видел вновь великого человека, близ которого, еще не зная ему цены, провел он свое младенчество. Почти с раскаянием признавался он в душе своей, что графиня D., в первый раз после разлуки, не была во весь день единственной его мыслию. Он увидел, что новый образ жизни, ожидающий его, деятельность и постоянные занятия могут оживить его душу, утомленную страстями, праздностию и тайным унынием. Мысль быть сподвижником великого человека и совокупно с ним действовать на судьбу великого народа возбудила в нем в первый раз благородное чувство честолюбия. В сем расположении духа он лег в приготовленную для него походную кровать, и тогда привычное сновидение перенесло его в дальний Париж в объятия милой графини.

Глава III

На другой день Петр по своему обещанию разбудил Ибрагима и поздравил его капитан-лейтенантом бомбардирской роты Преображенского полка, в коей он сам был капитаном. Придворные окружили Ибрагима, всякой по своему старался обласкать нового любимца. Надменный князь Меншиков дружески пожал ему руку. Шереметев осведомился о своих парижских знакомых, а Головин позвал обедать. Сему последнему примеру последовали и прочие, так что Ибрагим получил приглашений по крайней мере на целый месяц.

Ибрагим проводил дни однообразные, но деятельные — следственно не знал скуки. Он день ото дня более привязывался к государю, лучше постигал его высокую душу. Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная. Ибрагим видел Петра в Сенате, оспориваемого Бутурлиным и Долгоруким, разбирающего важные запросы законодательства, в адмиралтейской коллегии утверждающего морское величие России, видел его с Феофаном, Гавриилом Бужинским и Копиевичем, в часы отдохновения рассматривающего переводы иностранных публицистов, или посещающего фабрику купца, рабочую ре-

месленника и кабинет ученого. Россия представлялась Ибрагиму огромной мастеровою, где движутся одни машины, где каждый работник, подчиненный заведенному порядку, занят своим делом. Он почитал и себя обязанным трудиться у собственного станка и старался как можно менее сожалеть об увеселениях парижской жизни. Труднее было ему удалить от себя другое, милое воспоминание: часто думал он о графине D., воображал ее справедливое негодование, слезы и уныние... Но иногда мысль ужасная стесняла его грудь: рассеяние большого света, новая связь, другой счастливец — он содрогался: ревность начинала бурлить в африканской его крови, и горячие слезы готовы были течь по его черному лицу.

Однажды утром сидел он в своем кабинете, окруженный деловыми бумагами, как вдруг услышал громкое приветствие на французском языке; Ибрагим с живостию оборотился, и молодой Корсаков, которого оставил он в Париже, в вихре большого света, обнял его с радостными восклицаниями. „Я сейчас только приехал, — сказал Корсаков, — и прямо прибежал к тебе. Все наши парижские знакомые тебе кланяются, жалеют о твоем отсутствии. Графиня D. велела звать тебя непременно, и вот тебе от нее письмо“. Ибрагим схватил его с трепетом и смотрел на знакомый почерк надписи, не смея верить своим глазам. „Как я рад, — продолжал Корсаков, — что ты еще не умер со скуки в этом варварском Петербурге! Что здесь делают, чем занимаются? Кто твой портной? Заведена ли у вас хоть опера?“ Ибрагим в рассеянии отвечал, что, вероятно, государь работает теперь на корабельной верфи. Корсаков засмеялся. „Вижу, — сказал он, — что тебе теперь не до меня: в другое время наговоримся досыта; еду представляться государю“. С этим словом он перевернулся на одной ножке и выбежал из комнаты.

Ибрагим, оставшись наедине, поспешно распечатал письмо. Графиня нежно ему жаловалась, упрекая его в притворстве и недоверчивости. „Ты говоришь, — писала она, — что мое спокойствие дороже тебе всего на свете: Ибрагим, если б это была правда, мог ли бы ты подвергнуть меня состоянию, в которое привела меня нечаянная весть о твоем отъезде? Ты боялся, чтоб я тебя не удержала; будь уверен, что, несмотря на мою любовь, я умела бы ею пожертвовать твоему благополучию и тому, что почитаешь ты своим долгом“. Графиня заключала письмо страстными уверениями в любви и заклинала его хоть изредка ей писать, если уже не было для них надежды снова свидеться когда-нибудь.

Ибрагим двадцать раз перечел это письмо, с восторгом целуя бесценные строки. Он горел нетерпением услышать что-нибудь об графине,

и собрался ехать в адмиралтейство, надеясь там застать еще Корсакова, но дверь отворилась, и сам Корсаков явился опять. Он уже представлялся государю — и по своему обыкновению казался очень собою доволен. „Entre nous, — сказал он Ибрагиму, — государь престранный человек, вообрази, что я застал его в какой-то холстяной фуфайке, на мачте нового корабля, куда принужден я был карабкаться с моими депешами. Я стоял на веревочной лестнице и не имел довольно места, чтоб сделать приличный реверанс, и совершенно замешался, что отроду со мною не случалось. Однако ж государь, прочитав бумаги, посмотрел на меня с головы до ног и, вероятно, был приятно поражен вкусом и щегольством моего наряда; по крайней мере, он улыбнулся и позвал меня на сегодняшнюю ассамблею. Но я в Петербурге совершенный чужестранец, во время шестилетнего отсутствия я вовсе позабыл здешние обыкновения, пожалуйста, будь моим ментором, заезжай за мной и представь меня“. Ибрагим согласился и спешил обратить разговор к предмету, более для него занимательному. „Ну, что графиня D.?“ — „Графиня? Она, разумеется, сначала очень была огорчена твоим отъездом; потом, разумеется, мало-по-малу утешилась и взяла себе нового любовника; знаешь кого? длинного маркиза R.; что ж ты вытаращил свои арапские белки? или это кажется тебе странным; разве ты не знаешь, что долгая печаль не в природе человеческой, особенно женской; подумай об этом хорошенько, а я пойду, отдохну с дороги; не забудь же за мною заехать“.

Какие чувства наполнили душу Ибрагима? Ревность? бешенство? отчаянье? Нет; но глубокое, стесненное уныние. Он повторял себе: это я предвидел, это должно было случиться. Потом открыл письмо графини, перечел его снова, повесил голову и горько заплакал. Он плакал долго. Слезы облегчили его сердце. Посмотрев на часы, увидел он, что время ехать. Ибрагим был бы очень рад избавиться, но ассамблея была дело должностное, и государь строго требовал присутствия своих приближенных. Он оделся и поехал за Корсаковым.

Корсаков сидел в шлафроке, читая французскую книгу. „Так рано?“ — сказал он Ибрагиму, увидя его. „Помилуй, — отвечал тот, — уже половина шестого; мы опоздаем; скорей одевайся и поедем“. Корсаков засуетился, стал звонить изо всей мочи; люди сбежались; он стал поспешно одеваться. Француз камердинер подал ему башмаки с красными каблуками, голубые бархатные штаны, розовый кафтан, шитый блестками; в передней наскоро пудрили парик, его принесли. Корсаков сунул в него стриженую головку, потребовал шпагу и перчатки, раз десять перевернулся перед зеркалом и объявил Ибрагиму, что он

готов. Гайдуки подали им медвежии шубы, и они поехали в зимний дворец.

Корсаков осыпал Ибрагима вопросами, кто в Петербурге первая красавица? кто славится первым танцовщиком? какой танец ныне в моде? Ибрагим весьма неохотно удовлетворял его любопытству. Между тем они подъехали ко дворцу. Множество длинных саней, старых колымаг и раззолоченных карет стояло уже на лугу. У крыльца толпились кучера в ливрее и в усах, скороходы, блистающие мишурою, в перьях и с булавами, гусары, пажи, неуклюжие гайдуки, навьюченные шубами и муфтами своих господ: свита необходимая, по понятиям бояр тогдашнего времени. При виде Ибрагима поднялся между ими общий шопот: арап, арап, царский арап! Он поскорее провел Корсакова сквозь эту пеструю челядь. Придворный лакей отворил им двери настежь, и они вошли в залу. Корсаков остолбенел...

В большой комнате, освещенной сальными свечами, которые тускло горели в облаках табачного дыму, вельможи с голубыми лентами через плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардии в зеленых мундирах, корабельные мастера в куртках и полосатых панталонах, толпою двигались взад и вперед при беспрерывном звуке духовой музыки. Дамы сидели около стен; молодые блистали всею роскошию моды. Золото и серебро блистало на их робах; из пышных фижм возвышалась, как стебель, их узкая талия; алмазы блистали в ушах, в длинных локонах и около шеи. Они весело повертывались направо и налево, ожидая кавалеров и начала танцев. Барыни пожилые старались хитро сочетать новый образ одежды с гонимою стариною: чепцы сбивались на соболью шапочку царицы Натальи Кириловны, а робронды и мантильи как-то напоминали сарафан и душегрейку. Казалось, они более с удивлением, чем с удовольствием присутствовали на сих нововведенных игрищах, и с досадою косились на жен и дочерей голландских шхиперов, которые в канифасных юбках и красных кофточках вязали свой чулок, между собою смеясь и разговаривая, как будто дома. Корсаков не мог опомниться. Заметя новых гостей, слуга подошел к ним с пивом и стаканами на подносе. „Que diable est-ce que tout cela?“ — спрашивал Корсаков вполголоса у Ибрагима. Ибрагим не мог не улыбнуться. Императрица и великие княжны, блистая красотою и нарядами, прохаживались между рядами гостей, приветливо с ними разговаривая. Государь был в другой комнате. Корсаков, желая ему показаться, насилу мог туда пробраться сквозь беспрестанно движущуюся толпу. Там сидели большею частию иностранцы, важно покуривая свои глиняные трубки и опорожнивая глиняные кружки. На столах расставлены были бутылки пива и

Петр I. С эскиза гуашью *В. А. Серова*

вина, кожаные мешки с табаком, стаканы с пуншем и шахматные доски. За одним из сих столов Петр играл в шашки с одним широкоплечим английским шхипером. Они усердно салютовали друг друга залпами табачного дыма, и государь так был озабочен нечаянным ходом своего противника, что не заметил Корсакова, как он около их ни вертелся. В это время толстый господин, с толстым букетом на груди, суетливо вошел, объявил громогласно, что танцы начались — и тотчас ушел; за ним последовало множество гостей, в том числе и Корсаков.

Неожиданное зрелище его поразило. Во всю длину танцовальной залы, при звуке самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли в два ряда друг против друга; кавалеры низко кланялись, дамы еще ниже приседали, сперва прямо против себя, потом поворотясь направо, потом налево, там опять прямо, опять направо и так далее. Корсаков, смотря на сие затейливое препровождение времени, таращил глаза и кусал себе губы. Приседания и поклоны продолжались около получаса; наконец они прекратились, и толстый господин с букетом провозгласил, что церемониальные танцы кончились, и приказал музыкантам играть менуэт. Корсаков обрадовался и приготовился блеснуть. Между молодыми гостьями, одна в особенности ему понравилась. Ей было около шестнадцати лет, она была одета богато, но со вкусом, и сидела подле мужчины пожилых лет, виду важного и сурового. Корсаков к ней разлетелся и просил сделать честь пойти с ним танцовать. Молодая красавица смотрела на него с замешательством и, казалось, не знала, что ему сказать. Мужчина, сидевший подле нее, нахмурился еще более. Корсаков ждал ее решения, но господин с букетом подошел к нему, отвел на средину залы и важно сказал: „Государь мой, ты провинился, во-первых, подошед к сей молодой персоне, не отдав ей три должные реверанса; а во-вторых, взяв на себя самому ее выбрать, тогда как в менуэтах право сие подобает даме, а не кавалеру; сего ради имеешь ты быть весьма наказан, именно должен выпить *кубок Большого Орла*“. Корсаков час от часу более дивился. В одну минуту гости его окружили, шумно требуя немедленного исполнения закона. Петр, услыша хохот и крики, вышел из другой комнаты, будучи большой охотник лично присутствовать при таковых наказаниях. Перед ним толпа раздвинулась, и он вступил в круг, где стоял осужденный и перед ним маршал ассамблеи с огромным кубком, наполненным мальвазии. Он тщетно уговаривал преступника добровольно повиноваться закону. „Ага, — сказал Петр, — увидя Корсакова, — попался, брат, изволь же, мосье, пить и не морщиться“. Делать было нечего. Бедный щеголь, не переводя духу, осушил весь кубок и отдал его маршалу. „Послушай, Корсаков, — сказал

ему Петр, — штаны-то на тебе бархатные, каких и я не ношу, а я тебя гораздо богаче. Это мотовство: смотри, чтоб я с тобой не побранился". Выслушав сей выговор, Корсаков хотел выйти из круга, но зашатался и чуть не упал к неописанному удовольствию государя и всей веселой компании. Сей эпизод не только не повредил единству и занимательности главного действия, но еще оживил его. Кавалеры стали шаркать и кланяться, а дамы приседать и постукивать каблучками с большим усердием и уж вовсе не наблюдая каданса. Корсаков не мог участвовать в общем веселии. Дама, им выбранная, по повелению отца своего, Гаврилы Афанасьевича, подошла к Ибрагиму и, потупя голубые глаза, робко подала ему руку. Ибрагим протанцовал с нею менуэт и отвел ее на прежнее место; потом, отыскав Корсакова, вывел его из залы, посадил в карету и отвез домой. Дорогою Корсаков сначала невнятно лепетал: „Проклятая ассамблея... проклятый кубок Большого Орла"... но вскоре заснул крепким сном, не чувствовал, как он приехал домой, как его раздели и уложили; и проснулся на другой день с головною болью, смутно помня шарканья, приседания, табачный дым, господина с букетом и кубок Большого Орла.

Глава IV

Не скоро ели предки наши,
Не скоро двигались кругом
Ковши, серебряные чаши
С кипящим пивом и вином.

Руслан и Людмила.

Теперь должен я благосклонного читателя познакомить с Гаврилою Афанасьевичем Ржевским. Он происходил от древнего боярского рода, владел огромным имением, был хлебосол, любил соколиную охоту; дворня его была многочисленна. Словом, он был коренной русский барин; по его выражению, не терпел немецкого духу и старался в домашнем быту сохранить обычай любезной ему старины.

Дочери его было 17 лет от роду. Еще ребенком лишилась она матери. Она была воспитана по-старинному, т. е. окружена мамушками, нянюшками, подружками и сенными девушками, шила золотом и не знала грамоты; отец ее, несмотря на отвращение свое от всего заморского, не мог противиться ее желанию учиться пляскам немецким у пленного шведского офицера, живущего в их доме. Сей заслуженный

танцмейстер имел лет 50 от роду, правая нога была у него прострелена под Нарвою, и потому была не весьма способна к менуэтам и курантам, зато левая с удивительным искусством и легкостию выделывала самые трудные *па*. Ученица делала честь ее стараниям. Наталья Гавриловна славилась на ассамблеях лучшею танцовщицей, что и было отчасти причиною проступку Корсакова, который на другой день приезжал извиняться перед Гаврилою Афанасьевичем; но ловкость и щегольство молодого франта не понравились гордому боярину, который и прозвал его остроумно французской обезьяною.

День был праздничный. Гаврила Афанасьевич ожидал несколько родных и приятелей. В старинной зале накрывали длинный стол. Гости съезжались с женами и дочерьми, наконец освобожденными от затворничества домашнего указами государя и собственным его примером. Наталья Гавриловна поднесла каждому гостю серебряный поднос, уставленный золотыми чарочками, и каждый выпил свою, жалея, что поцелуй, получаемый в старину при таком случае, вышел уж из обыкновения. — Пошли за стол. На первом месте, подле хозяина, сел тесть его, князь Борис Алексеевич Лыков, семидесятилетний боярин; прочие гости, наблюдая старшинство рода, и тем поминая счастливые времена местничества, сели — мужчины по одной стороне, женщины по другой; — на конце заняли свои привычные места: барская барыня, в старинном шушуне и кичке; карлица, тридцатилетняя малютка, чопорная и сморщенная, и пленный швед, в синем поношенном мундире.

Стол, уставленный множеством блюд, был окружен суетливой и многочисленной челядью, между которою отличался дворецкий строгим взором, толстым брюхом и величавой неподвижностью. — Первые минуты обеда посвящены были единственно на внимание к произведению старинной нашей кухни, звон тарелок и деятельных ложек возмущал один общее безмолвие. Наконец, хозяин, видя, что время занять гостей приятною беседою, оборотился и спросил: „А где же Екимовна? Позвать ее сюда“. Несколько слуг бросились было в разные стороны, но в ту же минуту старая женщина, набеленная и нарумяненная, убранная цветами и мишурою, в штофном робронде, с открытой шеей и грудью, вошла припевая и подплясывая. Ее появление произвело общее удовольствие.

— Здравствуй, Екимовна, — сказал князь Лыков: — каково поживаешь?

— По-добру, по-здорову, кум: поючи да пляшучи, женишков поджидаючи.

— Где ты была, дура? — спросил хозяин.

— Наряжалась, кум, для дорогих гостей, для божия праздника, по царскому наказу, по боярскому приказу, на смех всему миру, по немецкому маниру.

При сих словах поднялся громкий хохот, и дура стала на свое место, за стулом хозяина.

— А дура-то врет, врёт, да и правду соврет, — сказала Татьяна Афанасьевна, старшая сестра хозяина, сердечно им уважаемая. — Подлинно, нынешние наряды на смех всему миру. Коли уж и вы, батюшки, обрили себе бороду и надели кургузый кафтан, так про женское тряпье толковать, конечно, нечего: а право, жаль сарафана, девичьей ленты и повойника. Ведь посмотреть на нынешних красавиц, и смех и жалость: волоски-то взбиты, что войлок, насалены, засыпаны французской мукою, животик перетянут так, что еле не перервется, исподницы напялены на обручи: в колымагу садятся бочком; в двери входят — нагибаются. Ни стать, ни сесть, ни дух перевести — сущие мученицы, мои голубушки.

— Ох, матушка Татьяна Афанасьевна, — сказал Кирила Петрович Т., бывший в Рязани воевода, где нажил себе три тысячи душ и молодую жену, то и другое с грехом пополам. — По мне жена как хочешь одевайся: хоть кутафьей, хоть болдыханом; только б не каждый месяц заказывала себе новые платья, а прежние бросала новешенькие. Бывало, внучке в приданое доставался бабушкин сарафан, а нынешние робронды — поглядишь — сегодня на барыне, а завтра на холопке. Что делать? Разорение русскому дворянству! Беда, да и только. — При сих словах он со вздохом посмотрел на свою Марью Ильиничну, которой, казалось, вовсе не нравились ни похвалы старине, ни порицания новейших обычаев. Прочие красавицы разделяли ее неудовольствие, но молчали, ибо скромность почиталась тогда необходимой принадлежностью молодой женщины.

— А кто виноват, — сказал Гаврила Афанасьевич, напеня кружку кислых щей. — Не мы ли сами? Молоденькие бабы дурачатся; а мы им потакаем.

— А что нам делать, коли не наша воля? — возразил Кирила Петрович. — Иной бы рад был запереть жену в тереме, а ее с барабанным боем требуют на ассамблею; муж за плетку, а жена за наряды. — Ох, уж эти ассамблеи! наказал нас ими господь за прегрешения наши.

Марья Ильинична сидела как на иголках; язык у нее так и свербел; наконец она не вытерпела и, обратясь к мужу, спросила его с кисленькой улыбкою, что находит он дурного в ассамблеях?

— А то в них дурно, — отвечал разгоряченный супруг, — что

с тех пор, как они завелись, мужья не сладят с женами. Жены позабыли слово апостольское: *жена да убоится своего мужа;* хлопочут не о хозяйстве, а об обновах; не думают, как бы мужу угодить, а как бы приглянуться офицерам вертопрахам. Да и прилично ли, сударыня, русской боярыне или боярышне находиться вместе с немцами-табачниками, да с их работницами? Слыхано ли дело, до ночи плясать и разговаривать с молодыми мужчинами? и добро бы еще с родственниками, а то с чужими, с незнакомыми.

— Сказал бы словечко, да волк недалечко, — сказал, нахмурясь, Гаврила Афанасьевич. — А признаюсь — ассамблеи и мне не по нраву: того и гляди, что на пьяного натолкнешься, аль и самого на смех пьяным напоят. Того и гляди, чтоб какой-нибудь повеса не напроказил чего с дочерью; а нынче молодежь так избаловалась, что ни на что не похоже. Вот, например, сын покойного Евграфа Сергеевича Корсакова на прошедшей ассамблее наделал такого шуму с Наташей, что привел меня в краску. — На другой день, гляжу, катят ко мне прямо на двор; я думал, кого-то бог несет — уж не князя ли Александра Даниловича? Не тут-то было: Ивана Евграфовича! Небось, не мог остановиться у ворот, да потрудиться пешком дойти до крыльца — куды! влетел! расшаркался! разболтался!.. Дура Екимовна уморительно его передразнивает; кстати: представь, дура, заморскую обезьяну.

Дура Екимовна схватила крышку с одного блюда, взяла подмышку будто шляпу и начала кривляться, шаркать и кланяться во все стороны, приговаривая: „мусье... мамзель... ассамблея... пардон“. — Общий и продолжительный хохот снова изъявил удовольствие гостей.

— Ни дать, ни взять — Корсаков, — сказал старый князь Лыков, отирая слезы смеха, когда спокойствие мало-по-малу восстановилось. — А что греха таить? Не он первый, не он последний воротился из Неметчины на святую Русь скоморохом. Чему там научаются наши дети? Шаркать, болтать бог весть на каком наречии, не почитать старших, да волочиться за чужими женами. Изо всех молодых людей, воспитанных в чужих краях (прости господи), царской арап всех более на человека походит.

— Конечно, — заметил Гаврила Афанасьевич, — человек он степенный и порядочный, не чета ветрогону... Это кто еще въехал в ворота на двор? Уж не опять ли обезьяна заморская? Вы что зеваете, скоты? — продолжал он, обращаясь к слугам: — бегите, отказать ему; да чтоб и впредь...

— Старая борода, не бредишь ли? — прервала дура Екимовна. — Али ты слеп: сани-то государевы, царь приехал.

Гаврила Афанасьевич встал поспешно из-за стола; все бросились к окнам; и в самом деле увидели государя, который всходил на крыльцо, опираясь на плечо своего денщика. Сделалась суматоха. Хозяин бросился навстречу Петра; слуги разбегались, как одурелые, гости перетрусились, иные даже думали, как бы убраться поскорее домой. Вдруг в передней раздался громозвучный голос Петра, всё утихло, и царь вошел, в сопровождении хозяина, оторопелого от радости. — „Здорово, господа“, — сказал Петр с веселым лицом. Все низко поклонились. Быстрые взоры царя отыскали в толпе молодую хозяйскую дочь; он подозвал ее. Наталья Гавриловна приближилась довольно смело, но покраснев не только по уши, а даже по плеча. „Ты час от часу хорошеешь, — сказал ей государь, и по своему обыкновению поцеловал ее в голову; потом обратясь к гостям: — Что же? Я вам помешал. Вы обедали; прошу садиться опять, а мне, Гаврила Афанасьевич, дай-ка анисовой водки“. Хозяин бросился к величавому дворецкому, выхватил из рук у него поднос, сам наполнил золотую чарочку и подал ее с поклоном государю. Петр, выпив, закусил кренделем и вторично пригласил гостей продолжать обед. Все заняли свои прежние места, кроме карлицы и барской барыни, которые не смели оставаться за столом, удостоенным царским присутствием. Петр сел подле хозяина и спросил себе щей. Государев денщик подал ему деревянную ложку, оправленную слоновою костью, ножик и вилку с зелеными костяными черенками, ибо Петр никогда не употреблял другого прибора, кроме своего. Обед, за минуту перед сим шумно оживленный веселием и говорливостию, продолжался в тишине и принужденности. Хозяин из почтения и радости ничего не ел, гости также чинились и с благоговением слушали, как государь по-немецки разговаривал с пленным шведом о походе 1701 года. Дура Екимовна, несколько раз вопрошаемая государем, отвечала с какою-то робкой холодностию, что (замечу мимоходом) вовсе не доказывало природной ее глупости. Наконец обед кончился.

Государь встал, за ним и все гости. „Гаврила Афанасьевич! — сказал он хозяину: — Мне нужно с тобою поговорить наедине“, и, взяв его под руку, увел в гостиную и запер за собою дверь.

Гости остались в столовой, шопотом толкуя об этом неожиданном посещении и, опасаясь быть нескромными, вскоре разъехались один за другим, не поблагодарив хозяина за его хлеб-соль. Тесть его, дочь и сестра провожали их тихонько до порогу и остались одни в столовой, ожидая выхода государева.

Глава V

Чрез полчаса дверь отворилась, и Петр вышел. Важным наклонением головы ответствовал он на тройной поклон князя Лыкова, Татьяны Афанасьевны и Наташи, и пошел прямо в переднюю. Хозяин подал ему красный его тулуп, проводил его до саней и на крыльце еще благодарил за оказанную честь. Петр уехал.

Возвратясь в столовую, Гаврила Афанасьевич казался очень озабочен. Сердито приказал он слугам скорее сбирать со стола, отослал Наташу в ее светлицу и, объявив сестре и тестю, что ему нужно с ними поговорить, повел их в опочивальню, где обыкновенно отдыхал он после обеда. Старый князь лег на дубовую кровать, Татьяна Афанасьевна села на старинные штофные кресла, придвинув под ноги скамеечку; Гаврила Афанасьевич запер все двери, сел на кровать, в ногах князя Лыкова, и начал вполголоса следующий разговор:

— Не даром государь ко мне пожаловал; угадайте, о чем он изволил со мною беседовать?

— Как нам знать, батюшка-братец, — сказала Татьяна Афанасьевна.

— Не приказал ли тебе царь ведать какое-либо воеводство? — сказал тесть. — Давно пора. Али предложил быть в посольстве? что же? ведь и знатных людей — не одних дьяков посылают к чужим государям.

— Нет, — отвечал зять, нахмурясь. — Я человек старого покроя, нынче служба наша не нужна, хоть, может быть, православный русский дворянин стоит нынешних новичков, блинников да басурманов, — но это статья особая.

— Так о чем же, братец, — сказала Татьяна Афанасьевна, — изволил он так долго с тобою толковать? Уж не беда ли какая с тобою приключилась? Господь упаси и помилуй!

— Беда не беда, а признаюсь, я было призадумался.

— Что ж такое, братец? о чем дело?

— Дело о Наташе: царь приезжал ее сватать.

— Слава богу, — сказала Татьяна Афанасьевна, перекрестясь. — Девушка на-выданьи, а каков сват, таков и жених, — дай бог любовь да совет, а чести много. За кого же царь ее сватает?

— Гм, — крякнул Гаврила Афанасьевич, — за кого? то-то, за кого.

— А за кого же? — повторил князь Лыков, начинавший уже дремать.

— Отгадайте, — сказал Гаврила Афанасьевич.

— Батюшка-братец, — отвечала старушка, — как нам угадать? мало ли женихов при дворе: всякий рад взять за себя твою Наташу. Долгорукой, что ли?

— Нет, не Долгорукой.

— Да и бог с ним: больно спесив. Шеин, Троекуров?

— Нет, ни тот ни другой.

— Да и мне они не по сердцу: ветрогоны, слишком понабрались немецкого духу. Ну, так Милославской?

— Нет, не он.

— И бог с ним: богат да глуп. Что же? Елецкий? Львов? Нет? неужто Рагузинский? Воля твоя: ума не приложу. Да за кого же царь сватает Наташу?

— За арапа Ибрагима.

Старушка ахнула и сплеснула руками. Князь Лыков приподнял голову с подушек и с изумлением повторил: за арапа Ибрагима!

— Батюшка-братец, — сказала старушка слезливым голосом, — не погуби ты своего родимого дитяти, не дай ты Наташеньки в когти черному диаволу.

— Но как же, — возразил Гаврила Афанасьевич, — отказать государю, который за то обещает нам свою милость, мне и всему нашему роду?

— Как, — воскликнул старый князь, у которого сон совсем прошел, — Наташу, внучку мою, выдать за купленного арапа!

— Он роду не простого, — сказал Гаврила Афанасьевич, — он сын арапского салтана. Басурмане взяли его в плен и продали в Цареграде, а наш посланник выручил и подарил его царю. Старший брат арапа приезжал в Россию с знатным выкупом и...

— Батюшка, Гаврила Афанасьевич, — перервала старушка, — слыхали мы сказку про Бову Королевича да Еруслана Лазаревича. Расскажи-тко нам лучше, как отвечал ты государю на его сватание.

— Я сказал, что власть его с нами, а наше холопье дело повиноваться ему во всем.

В эту минуту за дверью раздался шум. Гаврила Афанасьевич пошел отворить ее, но почувствовав сопротивление, он сильно ее толкнул, дверь отворилась — и увидели Наташу, в обмороке простертую на окровавленном полу.

Сердце в ней замерло, когда государь заперся с ее отцом. Какое-то предчувствие шепнуло ей, что дело касается до нее, и когда Гаврила Афанасьевич отослал ее, объявив, что должен говорить ее тетке и деду, она не могла противиться влечению женского любопытства, тихо

Царевна Софья. С гравюры *Блотелинга* XVII в. (Госуд. Музей Изобразительных Искусств в Москве)

Петр I. С гравюры *Хубракена* XVIII в. по портрету Моора (Госуд. Музей Изобразительных Искусств в Москве)

через внутренние покои подкралась к дверям опочивальни и не пропустила ни одного слова из всего ужасного разговора; когда же услышала последние отцовские слова, бедная девушка лишилась чувств и, падая, расшибла голову о кованый сундук, где хранилось ее приданое.

Люди сбежались; Наташу подняли, понесли в ее светлицу и положили на кровать. Через несколько времени она очнулась, открыла глаза, но не узнала ни отца, ни тетки. Сильный жар обнаружился, она твердила в бреду о царском арапе, о свадьбе — и вдруг закричала жалобным и пронзительным голосом: —Валериан, милый Валериан, жизнь моя! Спаси меня: вот они, вот они!.. Татьяна Афанасьевна с беспокойством взглянула на брата, который побледнел, закусил губы и молча вышел из светлицы. Он возвратился к старому князю, который, не могши взойти на лестницу, оставался внизу. „Что Наташа?" — спросил он. — „Худо, — отвечал огорченный отец, — хуже чем я думал: она в беспамятстве бредит Валерианом".

— Кто этот Валериан? — спросил встревоженный старик. — Неужели тот сирота, стрелецкий сын, что воспитывался у тебя в доме?

— Он сам, — отвечал Гаврила Афанасьевич, — на беду мою, отец его во время бунта спас мне жизнь, и чорт меня догадал принять в свой дом проклятого волченка. Когда, тому два года, по его просьбе, записали его в полк, Наташа, прощаясь с ним, расплакалась, а он стоял, как окаменелый. Мне показалось это подозрительным, — и я говорил о том сестре. Но с тех пор Наташа о нем не упоминала, а про него не было ни слуху, ни духу. Я думал, она его забыла; ан видно нет. — Решено: она выйдет за арапа.

Князь Лыков не противуречил: это было бы напрасно. Он поехал домой; Татьяна Афанасьевна осталась у Наташиной постели; Гаврила Афанасьевич, послав за лекарем, заперся в своей комнате, и в его доме всё стало тихо и печально.

Неожиданное сватовство удивило Ибрагима, по крайней мере столь же, как и Гаврилу Афанасьевича. Вот как это случилось: Петр, занимаясь делами с Ибрагимом, сказал ему: „Я замечаю, брат, что ты приуныл; говори прямо: чего тебе не достает?" Ибрагим уверил государя, что он доволен своей участию и лучшей не желает. „Добро, — сказал государь, — если ты скучаешь безо всякой причины, так я знаю, чем тебя развеселить".

По окончанию работы, Петр спросил Ибрагима: „Нравится ли тебе девушка, с которой ты танцовал менуэт на прошедшей ассамблее?" — „Она, государь, очень мила и, кажется, девушка скромная и добрая". — „Так я ж тебя с нею познакомлю покороче. Хочешь ли ты

на ней жениться?“ — „Я, государь?..“ — „Послушай, Ибрагим, ты человек одинокой, без роду и племени, чужой для всех, кроме одного меня. Умри я сегодня, завтра что с тобою будет, бедный мой арап? Надобно тебе пристроиться, пока есть еще время, найти опору в новых связях, вступить в союз с русским боярством“. — „Государь, я счастлив покровительством и милостями вашего величества. Дай бог мне не пережить моего царя и благодетеля, более ничего не желаю; но если б и имел в виду жениться, то согласятся ли молодая девушка и ее родственники? моя наружность...“ — „Твоя наружность! какой вздор! чем ты не молодец? Молодая девушка должна повиноваться воле родителей, а посмотрим, что скажет старый Гаврила Ржевский, когда я сам буду твоим сватом?“

При сих словах государь велел подавать сани и оставил Ибрагима, погруженного в глубокие размышления.

„Жениться! — думал африканец, — зачем же нет? ужели суждено мне провести жизнь в одиночестве и не знать лучших наслаждений и священнейших обязанностей человека, потому только, что я родился под <знойным> градусом? Мне нельзя надеяться быть любимым: детское возражение! разве можно верить любви? Разве существует она в женском, легкомысленном сердце? Отказавшись навек от милых заблуждений, я выбрал иные обольщения — более существенные. Государь прав: мне должно обеспечить будущую судьбу мою. Свадьба с молодою Ржевскою присоединит меня к гордому русскому дворянству, и я перестану быть пришельцем в новом моем отечестве. От жены я не стану требовать любви, буду довольствоваться ее верностию, а дружбу приобрету постоянной нежностию, доверенностию и снисхождением“.

Ибрагим, по своему обыкновению, хотел заняться делом, но воображение его слишком было развлечено. Он оставил бумаги и пошел бродить по невской набережной. Вдруг услышал он голос Петра; оглянулся и увидел государя, который, отпустив сани, шел за ним с веселым видом. — „Всё, брат, кончено, — сказал Петр, взяв его под руку: — я тебя сосватал. Завтра поезжай к своему тестю; но смотри, потешь его боярскую спесь; оставь сани у ворот; пройди через двор пешком; поговори с ним о его заслугах и знатности — и он будет от тебя без памяти. А теперь, — продолжал он, потряхивая дубинкою, — заведи меня к плуту Данилычу, с которым надо мне переведаться за его новые проказы“.

Ибрагим, сердечно отблагодарив Петра за его отеческую заботливость о нем, довел его до великолепных палат князя Меншикова и возвратился домой.

Глава VI

Тихо теплилась лампада перед стеклянным кивотом, в коем блистали золотые и серебряные оклады наследственных икон. Дрожащий свет ее слабо озарял занавешенную кровать и столик, уставленный склянками с ярлыками. — У печки сидела служанка за самопрялкою, и легкий шум ее веретена прерывал один тишину светлицы.

„Кто здесь?“ — произнес слабый голос. Служанка встала тотчас, подошла к кровати и тихо приподняла полог. — „Скоро ли рассветет?“ — спросила Наталья. — „Теперь уже полдень“, — отвечала служанка. — „Ах, боже мой, отчего же так темно?“ — „Окны закрыты, барышня“. — „Дай же мне поскорее одеваться“. — „Нельзя, барышня, дохтур не приказал“. — „Разве я больна? давно ли?“ — „Вот уж две недели“. — „Неужто? а мне казалось, будто я вчера только легла...“

Наташа умолкла; она старалась собрать рассеянные мысли. Что-то с нею случилось, но что именно? не могла вспомнить. Служанка всё стояла перед нею, ожидая приказанья. В это время раздался снизу глухой шум. — „Что такое?“ — спросила больная. — „Господа откушали, — отвечала служанка; — встают изо стола. Сейчас придет сюда Татьяна Афанасьевна“. — Наташа, казалось, обрадовалась; она махнула слабою рукою. Служанка задернула занавес и села опять за самопрялку.

Через несколько минут из-за двери показалась голова в белом широком чепце с темными лентами, и спросила в полголоса: что Наташа? — „Здравствуй, тетушка“, — сказала тихо больная — и Татьяна Афанасьевна к ней поспешила. — „Барышня в памяти“, — сказала служанка, осторожно придвигая кресла. Старушка со слезами поцеловала бледное, томное лицо племянницы и села подле нее. Вслед за нею немец лекарь, в черном кафтане и в ученом парике, вошел, пощупал у Наташи пульс и объявил по-латыне, а потом и по-русски, что опасность миновала. Он потребовал бумаги и чернильницы, написал новый рецепт и уехал, а старушка встала и, снова поцеловав Наталью, с доброю вестию тотчас отправилась вниз к Гавриле Афанасьевичу.

В гостиной, в мундире при шпаге, с шляпою в руках сидел царский арап, почтительно разговаривая с Гаврилом Афанасьевичем. Корсаков, растянувшись на пуховом диване, слушал их рассеянно и дразнил заслуженную борзую собаку; наскуча сим занятием, он подошел к зеркалу, обыкновенному прибежищу его праздности, и в нем увидел Татьяну Афанасьевну, которая из-за двери делала брату незамечаемые знаки. — „Вас зовут, Гаврила Афанасьевич“, — сказал Корсаков, обра-

тясь к нему и перебив речь Ибрагима. Гаврила Афанасьевич тотчас пошел к сестре и притворил за собою дверь.

„Дивлюсь твоему терпению, — сказал Корсаков Ибрагиму. — Битый час слушаешь ты бредни о древности рода Лыковых и Ржевских и еще присовокупляешь к тому свои нравоучительные примечания! На твоем месте j'aurais planté là старого враля и весь его род, включая тут же и Наталию Гавриловну, которая жеманится, притворяется больной, une petite santé. — Скажи по совести: ужели ты влюблен в эту маленькую mijauré?" — „Нет, — отвечал Ибрагим, — я женюсь, конечно, не по страсти, но по соображению, и то, если она не имеет от меня решительного отвращения". — „Послушай, Ибрагим, последуй хоть раз моему совету; право я благоразумнее, чем кажусь. Брось эту блажную мысль — не женись. Мне сдается, что твоя невеста никакого не имеет особенного к тебе расположения. Мало ли что случается на свете? Например: я, конечно, собою не дурен, но случалось однако ж мне обманывать мужей, которые были, ей богу, ничем не хуже моего. Ты сам... помнишь нашего парижского приятеля, графа D.? — Нельзя надеяться на женскую верность; счастлив, кто смотрит на это равнодушно! Но ты!.. С твоим ли пылким, задумчивым и подозрительным характером, с твоим сплющенным носом, вздутыми губами, с этой шершавой шерстью бросаться во все опасности женитьбы?.." — „Благодарю за дружеский совет, — прервал холодно Ибрагим, — но знаешь пословицу: не твоя печаль чужих детей качать..." — „Смотри, Ибрагим, — отвечал смеясь Корсаков, — чтоб тебе после не пришлось эту пословицу доказывать на самом деле, в буквальном смысле".

Но разговор в другой комнате становился горяч. — „Ты уморишь ее, — говорила старушка. — Она не вынесет его виду". — „Но посуди ты сама, — возражал упрямый брат. — Вот уж две недели ездит он женихом, а до сих пор не видал невесты. Он, наконец, может подумать, что ее болезнь пустая выдумка, что мы ищем только как бы время продлить, чтоб как-нибудь от него отделаться. Да что скажет и царь? Он уж и так три раза присылал спросить о здоровьи Натальи. Воля твоя — а я ссориться с ним не намерен". — „Господи боже мой, — сказала Татьяна Афанасьевна, — что с нею, бедной, будет? По крайней мере, пусти меня приготовить ее к такому посещению". Гаврила Афанасьевич согласился, и возвратился в гостиную.

— Славу богу, — сказал он Ибрагиму, — опасность миновалась. — Наталье гораздо лучше; если б не совестно было оставить здесь одного дорогого гостя, Ивана Евграфовича, то я повел бы тебя вверх взглянуть на свою невесту.

Корсаков поздравил Гаврилу Афанасьевича, просил не беспокоиться, уверил, что ему необходимо ехать, и побежал в переднюю, не допуская хозяина проводить себя.

Между тем Татьяна Афанасьевна спешила приготовить больную к появлению страшного гостя. Вошед в светлицу, она села, задыхаясь, у постели, взяла Наташу за руку, но не успела еще вымолвить слова, как дверь отворилась. Наташа спросила: кто пришел. — Старушка обмерла и онемела. Гаврила Афанасьевич отдернул занавес, холодно посмотрел на больную и спросил, какова она? Больная хотела ему улыбнуться, но не могла. Суровый взгляд отца ее поразил, и беспокойство овладело ею. В это время показалось, что кто-то стоял у ее изголовья. Она с усилием приподняла голову и вдруг узнала царского арапа. Тут она вспомнила всё, весь ужас будущего представился ей. Но изнуренная природа не получила приметного потрясения. Наташа снова опустила голову на подушку и закрыла глаза... сердце в ней билось болезненно. Татьяна Афанасьевна подала брату знак, что больная хочет уснуть, и все вышли потихоньку из светлицы, кроме служанки, которая снова села за самопрялку.

Несчастная красавица открыла глаза и, не видя уже никого около своей постели, подозвала служанку и послала ее за карлицею. Но в ту же минуту круглая, старая крошка как шарик подкатилась к ее кровати. „Ласточка“ (так прозывалась карлица) во всю прыть коротеньких ножек, вслед за Гаврилом Афанасьевичем и Ибрагимом, пустилась вверх по лестнице и притаилась за дверью, не изменяя любопытству, сродному прекрасному полу. Наташа, увидя ее, выслала служанку, и карлица села у кровати на скамеечку.

Никогда столь маленькое тело не заключало в себе столь много душевной деятельности. Она вмешивалась во всё, знала всё, хлопотала обо всем. Хитрым и вкрадчивым умом умела она приобрести любовь своих господ и ненависть всего дома, которым управляла самовластно. Гаврила Афанасьевич слушал ее доносы, жалобы и мелочные просьбы; Татьяна Афанасьевна поминутно справлялась с ее мнениями и руководствовалась ее советами; а Наташа имела к ней неограниченную привязанность и доверяла ей все свои мысли, все движения 16-летнего своего сердца.

— Знаешь, Ласточка? — сказала она, — батюшка выдает меня за арапа.

Карлица вздохнула глубоко, и сморщенное лицо ее сморщилось еще более.

— Разве нет надежды, — продолжала Наташа, — разве батюшка не сжалится надо мною?

Карлица тряхнула чепчиком.

— Не заступятся ли за меня дедушка али тетушка?

— Нет, барышня. Арап во время твоей болезни всех успел заворожить. Барин от него без ума, князь только им и бредит, а Татьяна Афанасьевна говорит: жаль, что арап, а лучшего жениха грех нам и желать.

— Боже мой, боже мой! — простонала бедная Наташа.

— Не печалься, красавица наша, — сказала карлица, целуя ее слабую руку. — Если уж и быть тебе за арапом, то всё же будешь на своей воле. Нынче не то, что в старину; мужья жен не запирают: арап, слышно, богат; дом у вас будет как полная чаша, заживешь припеваючи...

— Бедный Валериан! — сказала Наташа, но так тихо, что карлица могла только угадать, а не слышать эти слова.

— То-то, барышня, — сказала она, таинственно понизив голос; — кабы ты меньше думала о стрелецком сироте, так бы в жару о нем не бредила, а батюшка не гневался б.

— Что? — сказала испуганная Наташа, — я бредила Валерианом? батюшка слышал, батюшка гневается!

— То-то и беда, — отвечала карлица. — Теперь, если ты будешь просить его не выдавать тебя за арапа, так он подумает, что Валериан тому причиною. Делать нечего: уж покорись воле родительской, а что будет, то будет.

Наташа не возразила ни слова. Мысль, что тайна ее сердца известна отцу ее, сильно подействовала на ее воображение. Одна надежда ей оставалась: умереть прежде совершения ненавистного брака. Эта мысль ее утешила. Слабой и печальной душой покорилась она своему жребию.

Глава VII

В доме Гаврилы Афанасьевича из сеней направо находилась тесная каморка с одним окошечком. В ней стояла простая кровать, покрытая байковым одеялом, а пред кроватью еловый столик, на котором горела сальная свеча и лежали открытые ноты. На стене висел старый синий мундир и его ровесница, треугольная шляпа; над нею тремя гвоздиками прибита была лубочная картинка, изображающая Карла XII верхом. Звуки флейты раздавались в этой смиренной обители. Пленный танцмейстер, уединенный ее житель, в колпаке и в китайчатом шлафроке, услаждал скуку зимнего вечера, наигрывая старинные шведские марши, напоминающие ему веселое время его юности. Посвятив целые два

часа на сие упражнение, швед разобрал свою флейту, вложил ее в ящик и стал раздеваться.

В это время защелка двери его приподнялась, и красивый молодой человек высокого росту, в мундире, вошел в комнату.

Удивленный швед встал тотчас.

— Ты не узнал меня, Густав Адамыч, — сказал молодой посетитель тронутым голосом, — ты не помнишь мальчика, которого учил ты шведскому артикулу, с которым ты, стреляя из детской пушечки, чуть <не> наделал пожара в этой самой комнатке.

Густав Адамыч пристально всматривался...

— Эээ, — вскричал он наконец, обнимая его, — сдарофо, тофно ли твой сдесь. Садись, твой тобрый повес, погофорим.

. . . .

ПОВЕСТИ
ПОКОЙНОГО
ИВАНА ПЕТРОВИЧА БЕЛКИНА

Г-жа Простакова.
То, мой батюшка, он еще сызмала к историям охотник.

Скотинин.
Митрофан по мне.

Недоросль.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Взявшись хлопотать об издании Повестей И. П. Белкина, предлагаемых ныне публике, мы желали к оным присовокупить хотя краткое жизнеописание покойного автора, и тем отчасти удовлетворить справедливому любопытству любителей отечественной словесности. Для сего обратились было мы к Марье Алексеевне Трафилиной, ближайшей родственнице и наследнице Ивана Петровича Белкина; но к сожалению ей невозможно было нам доставить никакого о нем известия, ибо покойник вовсе не был ей знаком. Она советовала нам отнестись по сему предмету к одному почтенному мужу, бывшему другом Ивану Петровичу. Мы последовали сему совету, и на письмо наше получили нижеследующий желаемый ответ. Помещаем его безо всяких перемен и примечаний, как драгоценный памятник благородного образа мнений и трогательного дружества, а вместе с тем, как и весьма достаточное биографическое известие.

*Милостивый Государь мой*****

Почтеннейшее письмо ваше от 15-го сего месяца получить имел я честь 23 сего же месяца, в коем вы изъявляете мне свое желание иметь подробное известие о времени рождения и смерти, о службе, о домашних обстоятельствах, также и о занятиях и нраве покойного Ивана Петровича Белкина, бывшего моего искреннего друга и соседа по поместьям. С великим моим удовольствием исполняю сие ваше желание и препровождаю к вам, Милостивый Государь мой, всё, что из его разговоров, а также из собственных моих наблюдений запомнить могу.

Иван Петрович Белкин родился от честных и благородных родителей в 1798 году в селе Горюхине. Покойный отец его, секунд-маиор Петр Иванович Белкин, был женат на девице Пелагее Гавриловне из дому Трафилиных. Он был человек не богатый, но умеренный, и по части хозяйства весьма смышленый. Сын их получил первоначальное образование от деревенского дьячка. Сему-то почтенному мужу был он, кажется, обязан охотою к чтению и занятиям по части русской словесности. В 1815 году вступил он в службу в пехотной егерской полк (числом не упомню), в коем и находился до самого 1823 года. Смерть его родителей, почти в одно время приключившаяся, понудила его подать в отставку и приехать в село Горюхино, свою отчину.

Вступив в управление имения, Иван Петрович, по причине своей неопытности и мягкосердия, в скором времени запустил хозяйство и ослабил строгой порядок, заведенный покойным его родителем. Сменив исправного и расторопного старосту, коим крестьяне его (по их привычке) были недовольны, поручил он управление села старой своей ключнице, приобретшей его доверенность искусством рассказывать истории. Сия глупая старуха не умела никогда различить двадцатипятирублевой ассигнации от пятидесятирублевой; крестьяне, коим она всем была кума, ее вовсе не боялись; ими выбранный староста до того им потворствовал, плутуя заодно, что Иван Петрович принужден был отменить барщину и учредить весьма умеренный оброк; но и тут крестьяне, пользуясь его слабостию, на первый год выпросили себе нарочитую льготу, а в следующие более двух третей оброка платили орехами, брусникою и тому подобным; и тут были недоимки.

Быв приятель покойному родителю Ивана Петровича, я почитал долгом предлагать и сыну свои советы, и неоднократно вызывался восстановить прежний, им упущенный, порядок. Для сего, приехав однажды к нему, потребовал я хозяйственные книги, призвал плута старосту, и в присутствии Ивана Петровича занялся рассмотрением оных. Молодой хозяин сначала стал следовать за мною со всевозможным вниманием и прилежностию; но как по щетам оказалось, что в последние два года число крестьян умножилось, число же дворовых птиц и домашнего скота нарочито уменьшилось, то Иван Петрович довольствовался сим первым сведением и далее меня не слушал, и в ту самую минуту, как я своими разысканиями и строгими допросами плута старосту в крайнее замешательство привел, и к совершенному безмолвию принудил, с великою моею досадою услышал я Ивана Петровича крепко храпящего на своем стуле. С тех пор перестал

я вмешиваться в его хозяйственные распоряжения и предал его дела (как и он сам) распоряжению всевышнего.

Сие дружеских наших сношений нисколько впрочем не расстроило; ибо я, соболезнуя его слабости и пагубному нерадению, общему молодым нашим дворянам, искренно любил Ивана Петровича; да нельзя было и не любить молодого человека столь кроткого и честного. С своей стороны Иван Петрович оказывал уважение к моим летам и сердечно был ко мне привержен. До самой кончины своей он почти каждый день со мною виделся, дорожа простою моею беседою, хотя ни привычками, ни образом мыслей, ни нравом, мы большею частию друг с другом не сходствовали.

*Иван Петрович вел жизнь самую умеренную, избегал всякого рода излишеств; никогда не случалось мне видеть его навеселе (что в краю нашем за неслыханное чудо почесться может); к женскому же полу имел он великую склонность, но стыдливость была в нем истинно девическая.**

Кроме повестей, о которых в письме вашем упоминать изволите, Иван Петрович оставил множество рукописей, которые частию у меня находятся, частию употреблены его ключницею на разные домашние потребы. Таким образом прошлою зимою все окна его флигеля заклеены были первою частию романа, которого он не кончил. Вышеупомянутые повести были, кажется, первым его опытом.

*Они, как сказывал Иван Петрович, большею частию справедливы и слышаны им от разных особ.** Однако ж имена в них почти все вымышлены им самим, а названия сел и деревень заимствованы из нашего околодка, отчего и моя деревня где-то упомянута. Сие произошло не от злого какого-либо намерения, но единственно от недостатка воображения.*

Иван Петрович осенью 1828 года занемог простудною лихорадкою, обратившеюся в горячку, и умер, несмотря на неусыпные старания уездного нашего лекаря, человека весьма искусного, особенно в лечении закоренелых болезней, как то мозолей, и тому подобного. Он скончался

---

* Следует анекдот, коего мы не помещаем, полагая его излишним; впрочем уверяем читателя, что он ничего предосудительного памяти Ивана Петровича Белкина в себе не заключает.

** В самом деле, в рукописи г. Белкина над каждой повестию рукою автора надписано: слышано мною от *такой-то особы* (чин или звание и заглавные буквы имени и фамилии). Выписываем для любопытных изыскателей: *Смотритель* рассказан был ему титулярным советником А. Г. Н., *Выстрел* подполковником И. Л. П., *Гробовщик* приказчиком Б. В., *Метель* и *Барышня* девицею К. И. Т.

на моих руках на 30-м году от рождения, и похоронен в церкви села Горюхина близ покойных его родителей.

Иван Петрович был росту среднего, глаза имел серые, волоса русые, нос прямой; лицом был бел и худощав.

Вот, Милостивый Государь мой, всё, что мог я припомнить, касательно образа жизни, занятий, нрава и наружности покойного соседа и приятеля моего. Но в случае, если заблагорассудите сделать из сего моего письма какое-либо употребление, всепокорнейше прошу никак имени моего не упоминать; ибо хотя я весьма уважаю и люблю сочинителей, но в сие звание вступить полагаю излишним и в мои лета неприличным. С истинным моим почтением и проч.

1830 году Ноября 16
Село Ненарадово.

Почитая долгом уважить волю почтенного друга автора нашего, приносим ему глубочайшую благодарность за доставленные нам известия, и надеемся, что публика оценит их искренность и добродушие.

А. П.

Выстрел

Стрелялись мы.

Баратынский

Я поклялся застрелить его по праву дуэли.
(За ним остался еще мой выстрел).

Вечер на бивуаке.

I

Мы стояли в местечке ***. Жизнь армейского офицера известна. Утром ученье, манеж; обед у полкового командира или в жидовском трактире; вечером пунш и карты. В *** не было ни одного открытого дома, ни одной невесты; мы собирались друг у друга, где, кроме своих мундиров, не видали ничего.

Один только человек принадлежал нашему обществу, не будучи военным. Ему было около тридцати пяти лет, и мы за то почитали его стариком. Опытность давала ему перед нами многие преимущества; к тому же его обыкновенная угрюмость, крутой нрав и злой язык имели сильное влияние на молодые наши умы. Какая-то таинственность окружала его судьбу; он казался русским, а носил иностранное имя. Некогда он служил в гусарах, и даже счастливо; никто не знал причины, побудившей его выйти в отставку и поселиться в бедном местечке, где жил он вместе и бедно и расточительно: ходил вечно пешком, в изношенном черном сертуке, а держал открытый стол для всех офицеров нашего полка. Правда, обед его состоял из двух или трех блюд, изготовленных отставным солдатом, но шампанское лилось притом рекою. Никто не знал ни его состояния, ни его доходов, и никто не осмеливался о том его спрашивать. У него водились книги, большею частию военные, да романы. Он охотно давал их читать, никогда не требуя их назад; зато никогда не возвращал хозяину книги, им занятой. Главное упражнение его состояло в стрельбе из пистолета. Стены его комнаты были все источены пулями, все в скважинах, как соты пчелиные. Богатое со-

брание пистолетов было единственной роскошью бедной мазанки, где он жил. Искусство, до коего достиг он, было неимоверно, и если б он вызвался пулей сбить грушу с фуражки кого б то ни было, никто б в нашем полку не усомнился подставить ему своей головы. Разговор между нами касался часто поединков; Сильвио (так назову его) никогда в него не вмешивался. На вопрос, случалось ли ему драться, отвечал он сухо, что случалось, но в подробности не входил, и видно было, что таковые вопросы были ему неприятны. Мы полагали, что на совести его лежала какая-нибудь несчастная жертва его ужасного искусства. Впрочем нам и в голову не приходило подозревать в нем что-нибудь похожее на робость. Есть люди, коих одна наружность удаляет таковые подозрения. Нечаянный случай всех нас изумил.

Однажды человек десять наших офицеров обедали у Сильвио. Пили по обыкновенному, то есть очень много; после обеда стали мы уговаривать хозяина прометать нам банк. Долго он отказывался, ибо никогда почти не играл; наконец велел подать карты, высыпал на стол полсотни червонцев и сел метать. Мы окружили его, и игра завязалась. Сильвио имел обыкновение за игрою хранить совершенное молчание, никогда не спорил и не объяснялся. Если понтеру случалось обсчитаться, то он тотчас или доплачивал достальное, или записывал лишнее. Мы уж это знали и не мешали ему хозяйничать по-своему; но между нами находился офицер, недавно к нам переведенный. Он, играя тут же, в рассеянности загнул лишний угол. Сильвио взял мел и уровнял счет по своему обыкновению. Офицер, думая, что он ошибся, пустился в объяснения. Сильвио молча продолжал метать. Офицер, потеряв терпение, взял щетку и стер то, что казалось ему напрасно записанным. Сильвио взял мел и записал снова. Офицер, разгоряченный вином, игрою и смехом товарищей, почел себя жестоко обиженным, и в бешенстве схватив со стола медный шандал, пустил его в Сильвио, который едва успел отклониться от удара. Мы смутились. Сильвио встал, побледнел от злости и с сверкающими глазами сказал: „милостивый государь, извольте выдти и благодарите бога, что это случилось у меня в доме“.

Мы не сомневались в последствиях, и полагали нового товарища уже убитым. Офицер вышел вон, сказав, что за обиду готов отвечать, как будет угодно господину банкомету. Игра продолжалась еще несколько минут; но чувствуя, что хозяину было не до игры, мы отстали один за другим и разбрелись по квартирам, толкуя о скорой ваканции.

На другой день в манеже мы спрашивали уже, жив ли еще бедный поручик, как сам он явился между нами; мы сделали ему тот же вопрос.

Он отвечал, что об Сильвио не имел он еще никакого известия. Это нас удивило. Мы пошли к Сильвио и нашли его на дворе, сажающего пулю на пулю в туза, приклеенного к воротам. Он принял нас по обыкновенному, ни слова не говоря о вчерашнем происшествии. Прошло три дня, поручик был еще жив. Мы с удивлением спрашивали: неужели Сильвио не будет драться? Сильвио не дрался. Он довольствовался очень легким объяснением и помирился.

Это было чрезвычайно повредило ему во мнении молодежи. Недостаток смелости менее всего извиняется молодыми людьми, которые в храбрости обыкновенно видят верх человеческих достоинств и извинение всевозможных пороков. Однако ж мало-по-малу всё было забыто, и Сильвио снова приобрел прежнее свое влияние.

Один я не мог уже к нему приблизиться. Имея от природы романическое воображение, я всех сильнее прежде сего был привязан к человеку, коего жизнь была загадкою, и который казался мне героем таинственной какой-то повести. Он любил меня: по крайней мере со мной одним оставлял обыкновенное свое резкое злоречие и говорил о разных предметах с простодушием и необыкновенною приятностию. Но после несчастного вечера, мысль, что честь его была замарана и не омыта по его собственной воле, эта мысль меня не покидала и мешала мне обходиться с ним попрежнему; мне было совестно на него глядеть. Сильвио был слишком умен и опытен, чтобы этого не заметить и не угадывать тому причины. Казалось, это огорчало его; по крайней мере я заметил раза два в нем желание со мною объясниться; но я избегал таких случаев, и Сильвио от меня отступился. С тех пор видался я с ним только при товарищах, и прежние откровенные разговоры наши прекратились.

Рассеянные жители столицы не имеют понятия о многих впечатлениях, столь известных жителям деревень или городков, например, об ожидании почтового дня: во вторник и пятницу полковая наша канцелярия была полна офицерами: кто ждал денег, кто письма, кто газет. Пакеты обыкновенно тут же распечатывались, новости сообщались, и канцелярия представляла картину самую оживленную. Сильвио получал письма, адресованные в наш полк, и обыкновенно тут же находился. Однажды подали ему пакет, с которого он сорвал печать с видом величайшего нетерпения. Пробегая письмо, глаза его сверкали. Офицеры, каждый занятый своими письмами, ничего не заметили. „Господа, — сказал им Сильвио, — обстоятельства требуют немедленного моего отсутствия; еду сегодня в ночь; надеюсь, что вы не откажетесь отобедать у меня в последний раз. Я жду и вас, — продолжал он, обратившись

ко мне,— жду непременно". С сим словом он поспешно вышел; а мы, согласясь соединиться у Сильвио, разошлись каждый в свою сторону.

Я пришел к Сильвио в назначенное время и нашел у него почти весь полк. Всё его добро было уже уложено; оставались одни голые, простреленные стены. Мы сели за стол; хозяин был чрезвычайно в духе, и скоро веселость его сделалась общею; пробки хлопали поминутно, стаканы пенились и шипели беспрестанно, и мы со всевозможным усердием желали отъезжающему доброго пути и всякого блага. Встали из-за стола уже поздно вечером. При разборе фуражек, Сильвио, со всеми прощаясь, взял меня за руку и остановил в ту самую минуту, как собирался я выйти. „Мне нужно с вами поговорить", сказал он тихо. Я остался.

Гости ушли; мы остались вдвоем, сели друг противу друга и молча закурили трубки. Сильвио был озабочен; не было уже и следов его судорожной веселости. Мрачная бледность, сверкающие глаза и густой дым, выходящий изо рту, придавали ему вид настоящего дьявола. Прошло несколько минут, и Сильвио прервал молчание. „Может быть, мы никогда больше не увидимся, — сказал он мне; — перед разлукой я хотел с вами объясниться. Вы могли заметить, что я мало уважаю постороннее мнение; но я вас люблю и чувствую: мне было бы тягостно оставить в вашем уме несправедливое впечатление".

Он остановился и стал набивать выгоревшую свою трубку; я молчал, потупя глаза.

„Вам было странно, — продолжал он, — что я не требовал удовлетворения от этого пьяного сумасброда Р***. Вы согласитесь, что, имея право выбрать оружие, жизнь его была в моих руках, а моя почти безопасна: я мог бы приписать умеренность мою одному великодушию, но не хочу лгать. Если б я мог наказать Р***, не подвергая вовсе моей жизни, то я б ни за что не простил его".

Я смотрел на Сильвио с изумлением. Таковое признание совершенно смутило меня. Сильвио продолжал:

„Так точно: я не имею права подвергать себя смерти. Шесть лет тому назад я получил пощечину, и враг мой еще жив".

Любопытство мое сильно было возбуждено. „Вы с ним не дрались?— спросил я.— Обстоятельства верно вас разлучили?"

„Я с ним дрался, — отвечал Сильвио, — и вот памятник нашего поединка".

Сильвио встал и вынул из картона красную шапку с золотою кистью, с галуном (то, что французы называют bonnet de police); он ее надел; она была прострелена на вершок ото лба.

„Вы знаете, — продолжал Сильвио, — что я служил в*** гусарском полку. Характер мой вам известен: я привык первенствовать, но смолоду это было во мне страстию. В наше время буйство было в моде: я был первым буяном по армии. Мы хвастались пьянством: я перепил славного Б***<урцева>, воспетого Д<енисом> Д<авыдовы>м. Дуэли в нашем полку случались поминутно: я на всех был или свидетелем, или действующим лицом. Товарищи меня обожали, а полковые командиры, поминутно сменяемые, смотрели на меня, как на необходимое зло.

Я спокойно (или беспокойно) наслаждался моею славою, как определился к нам молодой человек, богатой и знатной фамилии (не хочу назвать его). Отроду не встречал счастливца столь блистательного! Вообразите себе молодость, ум, красоту, веселость самую бешеную, храбрость самую беспечную, громкое имя, деньги, которым не знал он счета и которые никогда у него не переводились, и представьте себе, какое действие должен был он произвести между нами.

Первенство мое поколебалось. Обольщенный моею славою, он стал было искать моего дружества; но я принял его холодно, и он безо всякого сожаления от меня удалился. Я его возненавидел. Успехи его в полку и в обществе женщин приводили меня в совершенное отчаяние. Я стал искать с ним ссоры; на эпиграммы мои отвечал он эпиграммами, которые всегда казались мне неожиданнее и острее моих, и которые, конечно, невпример были веселее: он шутил, а я злобствовал. Наконец однажды на бале у польского помещика, видя его предметом внимания всех дам, и особенно самой хозяйки, бывшей со мною в связи, я сказал ему на ухо какую-то плоскую грубость. Он вспыхнул и дал мне пощечину. Мы бросились к саблям; дамы попадали в обморок; нас растащили, и в ту же ночь поехали мы драться.

Это было на рассвете. Я стоял на назначенном месте с моими тремя секундантами. С неизъяснимым нетерпением ожидал я моего противника. Весеннее солнце взошло и жар уже наспевал. Я увидел его издали. Он шел пешком, с мундиром на сабле, сопровождаемый одним секундантом. Мы пошли к нему навстречу. Он приближился, держа фуражку, наполненную черешнями. Секунданты отмеряли нам двенадцать шагов. Мне должно было стрелять первому: но волнение злобы во мне было столь сильно, что я не понадеялся на верность руки и, чтобы дать себе время остыть, уступал ему первый выстрел; противник мой не соглашался. Положили бросить жребий: первый нумер достался ему, вечному любимцу счастия. Он прицелился и прострелил мне фуражку. Очередь была за мною. Жизнь его наконец была в моих

руках; я глядел на него жадно, стараясь уловить хотя одну тень беспокойства. Он стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки, которые долетали до меня. Его равнодушие взбесило меня. Что пользы мне, подумал я, лишить его жизни, когда он ею вовсе не дорожит? Злобная мысль мелькнула в уме моем. Я опустил пистолет. Вам, кажется, теперь не до смерти, сказал я ему, вы изволите завтракать; мне не хочется вам помешать. Вы ничуть не мешаете мне, возразил он, извольте себе стрелять, а впрочем как вам угодно: выстрел ваш остается за вами; я всегда готов к вашим услугам. Я обратился к секундантам, объявив, что нынче стрелять не намерен, и поединок тем и кончился.

Я вышел в отставку и удалился в это местечко. С тех пор не прошло ни одного дня, чтоб я не думал о мщении. Нынче час мой настал...“

Сильвио вынул из кармана утром полученное письмо, и дал мне его читать. Кто-то (казалось, его поверенный по делам) писал ему из Москвы, что *известная особа* скоро должна вступить в законный брак с молодой и прекрасной девушкой.

„Вы догадываетесь, — сказал Сильвио, — кто эта *известная особа*. Еду в Москву. Посмотрим, так ли равнодушно примет он смерть перед своей свадьбой, как некогда ждал ее за черешнями!“

При сих словах Сильвио встал, бросил об пол свою фуражку и стал ходить взад и вперед по комнате, как тигр по своей клетке. Я слушал его неподвижно; странные, противоположные чувства волновали меня.

Слуга вошел и объявил, что лошади готовы. Сильвио крепко сжал мне руку; мы поцеловались. Он сел в тележку, где лежали два чемодана, один с пистолетами, другой с его пожитками. Мы простились еще раз, и лошади поскакали.

II

Прошло несколько лет, и домашние обстоятельства принудили меня поселиться в бедной деревеньке N* уезда. Занимаясь хозяйством, я не переставал тихонько воздыхать о прежней моей шумной и беззаботной жизни. Всего труднее было мне привыкнуть проводить осенние и зимние вечера в совершенном уединении. До обеда кое-как еще дотягивал я время, толкуя со старостой, разъезжая по работам или обходя новые заведения; но как скоро начинало смеркаться, я совершенно не знал куда деваться. Малое число книг, найденных мною под шкафами и в

кладовой, были вытвержены мною наизусть. Все сказки, которые только могла запомнить клюшница Кириловна, были мне пересказаны; песни баб наводили на меня тоску. Принялся я было за неподслащенную наливку, но от нее болела у меня голова; да признаюсь, побоялся я сделаться *пьяницею с горя*, т. е. самым *горьким* пьяницею, чему примеров множество видел я в нашем уезде. Близких соседов около меня не было, кроме двух или трех *горьких*, коих беседа состояла большею частию в икоте и воздыханиях. Уединение было сноснее.

В четырех верстах от меня находилось богатое поместье, принадлежащее графине Б***; но в нем жил только управитель, а графиня посетила свое поместье только однажды, в первый год своего замужества, и то прожила там не более месяца. Однако ж во вторую весну моего затворничества разнесся слух, что графиня с мужем приедет на лето в свою деревню. В самом деле, они прибыли в начале июня месяца.

Приезд богатого соседа есть важная эпоха для деревенских жителей. Помещики и их дворовые люди толкуют о том месяца два прежде и года три спустя. Что касается до меня, то, признаюсь, известие о прибытии молодой и прекрасной соседки сильно на меня подействовало; я горел нетерпением ее увидеть, и потому в первое воскресенье по ее приезде отправился после обеда в село*** рекомендоваться их сиятельствам, как ближайший сосед и всепокорнейший слуга.

Лакей ввел меня в графской кабинет, а сам пошел обо мне доложить. Обширный кабинет был убран со всевозможною роскошью; около стен стояли шкафы с книгами, и над каждым бронзовый бюст; над мраморным камином было широкое зеркало; пол обит был зеленым сукном и устлан коврами. Отвыкнув от роскоши в бедном углу моем, и уже давно не видав чужого богатства, я оробел и ждал графа с каким-то трепетом, как проситель из провинции ждет выхода министра. Двери отворились, и вошел мужчина лет тридцати двух, прекрасный собою. Граф приблизился ко мне с видом открытым и дружелюбным; я старался ободриться и начал было себя рекомендовать, но он предупредил меня. Мы сели. Разговор его, свободный и любезный, вскоре рассеял мою одичалую застенчивость; я уже начинал входить в обыкновенное мое положение, как вдруг вошла графиня, и смущение овладело мною пуще прежнего. В самом деле, она была красавица. Граф представил меня; я хотел казаться развязным, но чем больше старался взять на себя вид непринужденности, тем более чувствовал себя неловким. Они, чтоб дать мне время оправиться и привыкнуть к новому знакомству, стали говорить между собою, обходясь со мною как с доб-

рым соседом и без церемонии. Между тем я стал ходить взад и вперед, осматривая книги и картины. В картинах я не знаток, но одна привлекла мое внимание. Она изображала какой-то вид из Швейцарии; но поразила меня в ней не живопись, а то, что картина была прострелена двумя пулями, всаженными одна на другую. „Вот хороший выстрел“, — сказал я, обращаясь к графу. — „Да, — отвечал он, — выстрел очень замечательный. А хорошо вы стреляете?“ продолжал он. — „Изрядно, — отвечал я, обрадовавшись, что разговор коснулся наконец предмета, мне близкого. — В тридцати шагах промаху в карту не дам, разумеется, из знакомых пистолетов“. — „Право? — сказала графиня, с видом большой внимательности; — а ты, мой друг, попадешь ли в карту на тридцати шагах?“ — „Когда-нибудь, — отвечал граф, — мы попробуем. В свое время я стрелял не худо; но вот уже четыре года, как я не брал в руки пистолета“. — „О, — заметил я, — в таком случае бьюсь об заклад, что ваше сиятельство не попадете в карту и в двадцати шагах: пистолет требует ежедневного упражнения. Это я знаю на опыте. У нас в полку я считался одним из лучших стрелков. Однажды случилось мне целый месяц не брать пистолета: мои были в починке; что же бы вы думали, ваше сиятельство? В первый раз, как стал потом стрелять, я дал сряду четыре промаха по бутылке в двадцати пяти шагах. У нас был ротмистр, остряк, забавник; он тут случился и сказал мне: знать у тебя, брат, рука не поднимается на бутылку. Нет, ваше сиятельство, не должно пренебрегать этим упражнением, не то отвыкнешь как раз. Лучший стрелок, которого удалось мне встречать, стрелял каждый день, по крайней мере три раза перед обедом. Это у него было заведено, как рюмка водки“. Граф и графиня рады были, что я разговорился. „А каково стрелял он?“ — спросил меня граф. — „Да вот как, ваше сиятельство: бывало увидит он, села на стену муха: вы смеетесь, графиня? Ей-богу, правда. Бывало, увидит муху и кричит: Кузька, пистолет! Кузька и несет ему заряженный пистолет. Он хлоп, и вдавит муху в стену!“ — „Это удивительно! — сказал граф; — а как его звали?“ — „Сильвио, ваше сиятельство“. — „Сильвио! — вскричал граф, вскочив со своего места; — вы знали Сильвио?“ — „Как не знать, ваше сиятельство: мы были с ним приятели; он в нашем полку принят был, как свой брат товарищ; да вот уж лет пять, как об нем не имею никакого известия. Так и ваше сиятельство стало быть знали его?“ — „Знал, очень знал. Не рассказывал ли он вам одного очень странного происшествия?“ — „Не пощечина ли, ваше сиятельство, полученная им на бале от какого-то повесы?“ — „А сказывал он вам имя этого повесы?“ — „Нет, ваше сиятельство, не сказывал... Ах! ваше сиятельство, — про-

должал я, догадываясь об истине, — извините... я не знал... уж не вы ли?..“ — „Я сам, — отвечал граф, с видом чрезвычайно расстроенным, — а простреленная картина есть памятник последней нашей встречи...“ — „Ах, милый мой, — сказала графиня, — ради бога не рассказывай; мне страшно будет слушать“. — „Нет, — возразил граф, — я все расскажу; он знает, как я обидел его друга: пусть же узнает, как Сильвио мне отомстил“. — Граф подвинул мне кресла, и я с живейшим любопытством услышал следующий рассказ.

„Пять лет тому назад я женился. — Первый месяц, the honey-moon, провел я здесь, в этой деревне. Этому дому обязан я лучшими минутами жизни и одним из самых тяжелых воспоминаний.

Однажды вечером ездили мы вместе верхом; лошадь у жены что-то заупрямилась; она испугалась, отдала мне поводья и пошла пешком домой; я поехал вперед. На дворе увидел я дорожную телегу; мне сказали, что у меня в кабинете сидит человек, не хотевший объявить своего имени, но сказавший просто, что ему до меня есть дело. Я вошел в эту комнату и увидел в темноте человека, запыленного и обросшего бородой; он стоял здесь у камина. Я подошел к нему, стараясь припомнить его черты. „Ты не узнал меня, граф?“ — сказал он дрожащим голосом. „Сильвио!“ — закричал я, и признаюсь, я почувствовал, как волоса стали вдруг на мне дыбом. „Так точно, — продолжал он, — выстрел за мною; я приехал разрядить мой пистолет; готов ли ты?“ Пистолет у него торчал из бокового кармана. Я отмерил двенадцать шагов, и стал там в углу, прося его выстрелить скорее, пока жена не воротилась. Он медлил — он спросил огня. Подали свечи. — Я запер двери, не велел никому входить, и снова просил его выстрелить. Он вынул пистолет и прицелился... Я считал секунды... я думал о ней... Ужасная прошла минута! Сильвио опустил руку. Жалею, сказал он, что пистолет заряжен не черешневыми косточками... пуля тяжела. Мне всё кажется, что у нас не дуэль, а убийство: я не привык целить в безоруженного. Начнем сызнова; кинем жеребий, кому стрелять первому. Голова моя шла кругом... Кажется, я не соглашался... Наконец мы зарядили еще пистолет; свернули два билета; он положил их в фуражку, некогда мною простреленную; я вынул опять первый нумер. Ты, граф, дьявольски счастлив, сказал он с усмешкою, которой никогда не забуду. Не понимаю, что со мною было, и каким образом мог он меня к тому принудить... но — я выстрелил, и попал вот в эту картину. (Граф указывал пальцем на простреленную картину; лицо его горело как огонь; графиня была бледнее своего платка: я не мог воздержаться от восклицания.)

Я выстрелил, продолжал граф, и слава богу, дал промах; тогда Сильвио... (в эту минуту он был, право, ужасен) Сильвио стал в меня прицеливаться. Вдруг двери отворились, Маша вбегает, и с визгом кидается мне на шею. Ее присутствие возвратило мне всю бодрость. Милая, сказал я ей, разве ты не видишь, что мы шутим? Как же ты перепугалась! поди, выпей стакан воды и приди к нам; я представлю тебе старинного друга и товарища. Маше всё еще не верилось. Скажите, правду ли муж говорит? сказала она, обращаясь к грозному Сильвио; правда ли, что вы оба шутите? Он всегда шутит, графиня, отвечал ей Сильвио; однажды дал он мне шутя пощечину, шутя прострелил мне вот эту фуражку, шутя дал сейчас по мне промах; теперь и мне пришла охота пошутить... С этим словом он хотел в меня прицелиться... при ней! Маша бросилась к его ногам. Встань, Маша, стыдно! закричал я в бешенстве; а вы, сударь, перестанете ли издеваться над бедной женщиной? Будете ли вы стрелять, или нет? Не буду, отвечал Сильвио, я доволен; я видел твое смятение, твою робость; я заставил тебя выстрелить по мне, с меня довольно. Будешь меня помнить. Предаю тебя твоей совести. Тут он было вышел, но остановился в дверях, оглянулся на простреленную мною картину, выстрелил в нее, почти не целясь, и скрылся. Жена лежала в обмороке; люди не смели его остановить и с ужасом на него глядели; он вышел на крыльцо, кликнул ямщика, и уехал, прежде чем успел я опомниться".

Граф замолчал. Таким образом узнал я конец повести, коей начало некогда так поразило меня. С героем оной уже я не встречался. Сказывают, что Сильвио, во время возмущения Александра Ипсиланти, предводительствовал отрядом этеристов и был убит в сражении под Скулянами.

Метель

Кони мчатся по буграм,
Топчут снег глубокой...
Вот, в сторонке божий храм
Виден одинокой.
. . . .
Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Вещий стон гласит печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Воздымая гривы...

Жуковский.

В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную, жил в своем поместье Ненарадове добрый Гаврила Гаврилович Р**. Он славился во всем округе гостеприимством и радушием; соседы поминутно ездили к нему поесть, попить, поиграть по пяти копеек в бостон с его женою, а некоторые для того, чтоб поглядеть на дочку их, Марью Гавриловну, стройную, бледную и семнадцатилетнюю девицу. Она считалась богатой невестою, и многие прочили ее за себя или за сыновей.

Марья Гавриловна была воспитана на французских романах, и следственно была влюблена. Предмет, избранный ею, был бедный армейский прапорщик, находившийся в отпуску в своей деревне. Само по себе разумеется, что молодой человек пылал равною страстию, и что родители его любезной, заметя их взаимную склонность, запретили дочери о нем и думать, а его принимали хуже, нежели отставного заседателя.

Наши любовники были в переписке, и всякой день видались наедине в сосновой роще или у старой часовни. Там они клялись друг другу в вечной любви, сетовали на судьбу и делали различные пред-

положения. Переписываясь и разговаривая таким образом, они (что весьма естественно) дошли до следующего рассуждения: если мы друг без друга дышать не можем, а воля жестоких родителей препятствует нашему благополучию, то нельзя ли нам будет обойтись без нее? Разумеется, что эта счастливая мысль пришла сперва в голову молодому человеку, и что она весьма понравилась романическому воображению Марьи Гавриловны.

Наступила зима и прекратила их свидания; но переписка сделалась тем живее. Владимир Николаевич в каждом письме умолял ее предаться ему, венчаться тайно, скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей, которые конечно будут тронуты наконец героическим постоянством и несчастием любовников, и скажут им непременно: Дети! придите в наши объятия.

Марья Гавриловна долго колебалась; множество планов побега было отвергнуто. Наконец она согласилась: в назначенный день она должна была не ужинать, удалиться в свою комнату под предлогом головной боли. Девушка ее была в заговоре; обе они должны были выдти в сад через заднее крыльцо, за садом найти готовые сани, садиться в них и ехать за пять верст от Ненарадова в село Жадрино, прямо в церковь, где уж Владимир должен был их ожидать.

Накануне решительного дня Марья Гавриловна не спала всю ночь; она укладывалась, увязывала белье и платье, написала длинное письмо к одной чувствительной барышне, ее подруге, другое к своим родителям. Она прощалась с ними в самых трогательных выражениях, извиняла свой проступок неодолимою силою страсти, и оканчивала тем, что блаженнейшею минутою жизни почтет она ту, когда позволено будет ей броситься к ногам дражайших ее родителей. Запечатав оба письма тульской печаткой, на которой изображены были два пылающие сердца с приличной надписью, она бросилась на постель перед самым рассветом и задремала, но и тут ужасные мечтания поминутно ее пробуждали. То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани, чтоб ехать венчаться, отец ее останавливал ее, с мучительной быстротой тащил ее по снегу и бросал в темное, бездонное подземелье... и она летела стремглав с неизъяснимым замиранием сердца; то видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного. Он, умирая, молил ее пронзительным голосом поспешить с ним обвенчаться... другие безобразные, бессмысленные видения неслись перед нею одно за другим. Наконец она встала, бледнее обыкновенного и с непритворной головною болью. Отец и мать заметили ее беспокойство; их нежная заботливость и беспрестанные вопросы: что с тобою, Маша? не боль-

на ли ты, Маша? раздирали ее сердце. Она старалась их успокоить, казаться веселою, и не могла. Наступил вечер. Мысль, что уже в последний раз провожает она день посреди своего семейства, стесняла ее сердце. Она была чуть жива; она втайне прощалась со всеми особами, со всеми предметами, ее окружавшими. Подали ужинать; сердце ее сильно забилось. Дрожащим голосом объявила она, что ей ужинать не хочется, и стала прощаться с отцом и матерью. Они ее поцеловали и, по обыкновению, благословили: она чуть не заплакала. Пришед в свою комнату, она кинулась в кресла и залилась слезами. Девушка уговаривала ее успокоиться и ободриться. Всё было готово. Через полчаса Маша должна была навсегда оставить родительский дом, свою комнату, тихую девическую жизнь... На дворе была метель; ветер выл, ставни тряслися и стучали; всё казалось ей угрозой и печальным предзнаменованием. Скоро в доме всё утихло и заснуло. Маша окуталась шалью, надела теплый капот, взяла в руки шкатулку свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка несла за нею два узла. Они сошли в сад. Метель не утихала; ветер дул навстречу, как будто силясь остановить молодую преступницу. Они насилу дошли до конца сада. На дороге сани дожидались их. Лошади, прозябнув, не стояли на месте; кучер Владимира расхаживал перед оглоблями, удерживая ретивых. Он помог барышне и ее девушке усесться и уложить узлы и шкатулку, взял возжи, и лошади полетели. Поручив барышню попечению судьбы и искусству Терешки кучера, обратимся к молодому нашему любовнику.

Целый день Владимир был в разъезде. Утром был он у жадринского священника; насилу с ним уговорился; потом поехал искать свидетелей между соседними помещиками. Первый, к кому явился он, отставной сорокалетний корнет Дравин, согласился с охотою. Это приключение, уверял он, напоминало ему прежнее время и гусарские проказы. Он уговорил Владимира остаться у него отобедать и уверил его, что за другими двумя свидетелями дело не станет. В самом деле, тотчас после обеда явились землемер Шмит в усах и шпорах, и сын капитан-исправника, мальчик лет шестнадцати, недавно поступивший в уланы. Они не только приняли предложение Владимира, но даже клялись ему в готовности жертвовать для него жизнию. Владимир обнял их с восторгом, и поехал домой приготовляться.

Уже давно смеркалось. Он отправил своего надежного Терешку в Ненарадово с своею тройкою и с подробным, обстоятельным наказом, а для себя велел заложить маленькие сани в одну лошадь, и один без кучера отправился в Жадрино, куда часа через два должна была при-

ехать и Марья Гавриловна. Дорога была ему знакома, а езды всего двадцать минут.

Но едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летели белые хлопья снегу; небо слилось с землею; Владимир очутился в поле и напрасно хотел снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то взъезжала на сугроб, то проваливалась в яму; сани поминутно опрокидывались. — Владимир старался только не потерять настоящего направления. Но ему казалось, что уже прошло более получаса, а он не доезжал еще до жадринской рощи. Прошло еще около десяти минут; рощи всё было не видать. Владимир ехал полем, пересеченным глубокими оврагами. Метель не утихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала уставать, а с него пот катился градом, несмотря на то, что он поминутно был по пояс в снегу.

Наконец он увидел, что едет не в ту сторону. Владимир остановился: начал думать, припоминать, соображать, и уверился, что должно было взять ему вправо. Он поехал вправо. Лошадь его чуть ступала. Уже более часа был он в дороге. Жадрино должно было быть недалеко. Но он ехал, ехал, а полю не было конца. Всё сугробы, да овраги; поминутно сани опрокидывались, поминутно он их поднимал. Время шло; Владимир начинал сильно беспокоиться.

Наконец в стороне что-то стало чернеть. Владимир поворотил туда. Приближаясь, увидел он рощу. Слава богу, подумал он, теперь близко. Он поехал около рощи, надеясь тотчас попасть на знакомую дорогу или объехать рощу кругом: Жадрино находилось тотчас за нею. Скоро нашел он дорогу, и въехал во мрак дерев, обнаженных зимою. Ветер не мог тут свирепствовать; дорога была гладкая; лошадь ободрилась и Владимир успокоился.

Но он ехал, ехал, а Жадрина было не видать; роще не было конца. Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес. Отчаяние овладело им. Он ударил по лошади; бедное животное пошло было рысью, но скоро стало приставать и через четверть часа пошло шагом, несмотря на все усилия несчастного Владимира.

Мало-по-малу деревья начали редеть, и Владимир выехал из лесу; Жадрина было не видать. Должно было быть около полуночи. Слезы брызнули из глаз его; он поехал наудачу. Погода утихла, тучи расходились, перед ним лежала равнина, устланная белым волнистым ковром. Ночь была довольно ясна. Он увидел невдалеке деревушку, состоящую из четырех или пяти дворов. Владимир поехал к ней. У первой

избушки он выпрыгнул из саней, подбежал к окну и стал стучаться. Через несколько минут деревянный ставень поднялся, и старик высунул свою седую бороду. „Что те надо?“ — „Далеко ли Жадрино?“ — „Жадрино-то далеко ли?“ — „Да, да! Далеко ли?“ — „Недалече; верст десяток будет“. При сем ответе Владимир схватил себя за волосы и остался недвижим, как человек, приговоренный к смерти.

„А отколе ты?“ продолжал старик. Владимир не имел духа отвечать на вопросы. „Можешь ли ты, старик, — сказал он, — достать мне лошадей до Жадрина?“ — „Каки у нас лошади“, отвечал мужик. — „Да не могу ли взять хоть проводника? Я заплачу, сколько ему будет угодно“. — „Постой, — сказал старик, опуская ставень, — я те сына вышлю; он те проводит“. Владимир стал дожидаться. Не прошло минуты, он опять начал стучаться. Ставень поднялся, борода показалась. „Что те надо?“ — „Что ж твой сын?“ — „Сейчас выдет, обувается. Али ты прозяб? взойди погреться“. — „Благодарю, высылай скорее сына“.

Ворота заскрыпели; парень вышел с дубиною, и пошел вперед, то указывая, то отыскивая дорогу, занесенную снеговыми сугробами. „Который час?“ спросил его Владимир. „Да уж скоро рассвенет“, отвечал молодой мужик. Владимир не говорил уже ни слова.

Пели петухи и было уже светло, как достигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владимир заплатил проводнику и поехал на двор к священнику. На дворе тройки его не было. Какое известие ожидало его!

Но возвратимся к добрым ненарадовским помещикам и посмотрим, что-то у них делается.

А ничего.

Старики проснулись и вышли в гостиную, Гаврила Гаврилович в колпаке и байковой куртке, Прасковья Петровна в шлафроке на вате. Подали самовар, и Гаврила Гаврилович послал девчонку узнать от Марьи Гавриловны, каково ее здоровье и как она почивала. Девчонка воротилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче, и что она-де сейчас придет в гостиную. В самом деле, дверь отворилась, и Марья Гавриловна подошла здороваться с папенькой и с маменькой.

„Что твоя голова, Маша?“ спросил Гаврила Гаврилович. — „Лучше, папенька“, отвечала Маша. — „Ты верно, Маша, вчерась угорела“, сказала Прасковья Петровна. — „Может быть, маменька“, отвечала Маша.

День прошел благополучно, но в ночь Маша занемогла. Послали в город за лекарем. Он приехал к вечеру и нашел больную в бреду. Открылась сильная горячка, и бедная больная две недели находилась у края гроба.

Никто в доме не знал о предположенном побеге. Письма, накануне ею написанные, были сожжены; ее горничная никому ни о чем не говорила, опасаясь гнева господ. Священник, отставной корнет, усатый землемер и маленький улан были скромны, и не даром. Терешка кучер никогда ничего лишнего не высказывал, даже и в хмелю. Таким образом тайна была сохранена более чем полудюжиною заговорщиков. Но Марья Гавриловна сама, в беспрестанном бреду, высказывала свою тайну. Однако ж ее слова были столь несообразны ни с чем, что мать, не отходившая от ее постели, могла понять из них только то, что дочь ее была смертельно влюблена во Владимира Николаевича, и что вероятно любовь была причиною ее болезни. Она советовалась со своим мужем, с некоторыми соседами, и наконец единогласно все решили, что видно такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженого конем не объедешь, что бедность не порок, что жить не с богатством, а с человеком, и тому подобное. Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание.

Между тем барышня стала выздоравливать. Владимира давно не видно было в доме Гаврилы Гавриловича. Он был напуган обыкновенным приемом. Положили послать за ним и объявить ему неожиданное счастие: согласие на брак. Но каково было изумление ненарадовских помещиков, когда в ответ на их приглашение получили они от него полусумасшедшее письмо! Он объявлял им, что нога его не будет никогда в их доме, и просил забыть о несчастном, для которого смерть остается единою надеждою. Через несколько дней узнали они, что Владимир уехал в армию. Это было в 1812 году.

Долго не смели объявить об этом выздоравливающей Маше. Она никогда не упоминала о Владимире. Несколько месяцев уже спустя, нашед имя его в числе отличившихся и тяжело раненых под Бородиным, она упала в обморок, и боялись, чтоб горячка ее не возвратилась. Однако, слава богу, обморок не имел последствия.

Другая печаль ее посетила: Гаврила Гаврилович скончался, оставя ее наследницей всего имения. Но наследство не утешало ее; она разделяла искренно горесть бедной Прасковьи Петровны, клялась никогда с нею не расставаться; обе они оставили Ненарадово, место печальных воспоминаний, и поехали жить в ***ское поместье.

Женихи кружились и тут около милой и богатой невесты; но она никому не подавала и малейшей надежды. Мать иногда уговаривала ее выбрать себе друга; Марья Гавриловна качала головой и задумывалась. Владимир уже не существовал: он умер в Москве, накануне вступления

французов. Память его казалась священною для Маши; по крайней мере она берегла всё, что могло его напомнить: книги, им некогда прочитанные, его рисунки, ноты и стихи, им переписанные для нее. Соседы, узнав обо всем, дивились ее постоянству и с любопытством ожидали героя, долженствовавшего наконец восторжествовать над печальной верностию этой девственной Артемизы.

Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. Музыка играла завоеванные песни: Vive Henri-Quatre, тирольские вальсы и арии из Жоконда. Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове Отечество! Как сладки были слезы свидания! С каким единодушием мы соединяли чувства народной гордости и любви к государю! А для него, какая была минута!

Женщины, русские женщины были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: *ура!*

И в воздух чепчики бросали.

Кто из тогдашних офицеров не сознается, что русской женщине обязан он был лучшей, драгоценнейшей наградой?..

В это блистательное время Марья Гавриловна жила с матерью в *** губернии и не видала, как обе столицы праздновали возвращение войск. Но в уездах и деревнях общий восторг, может быть, был еще сильнее. Появление в сих местах офицера было для него настоящим торжеством, и любовнику во фраке плохо было в его соседстве.

Мы уже сказывали, что, несмотря на ее холодность, Марья Гавриловна всё попрежнему окружена была искателями. Но все должны были отступить, когда явился в ее замке раненый гусарский полковник Бурмин, с Георгием в петлице и с *интересной бледностию,* как говорили тамошние барышни. Ему было около двадцати шести лет. Он приехал в отпуск в свои поместья, находившиеся по соседству деревни Марьи Гавриловны. Марья Гавриловна очень его отличала. При нем обыкновенная задумчивость ее оживлялась. Нельзя было сказать, чтоб она с ним кокетничала; но поэт, заметя ее поведение, сказал бы:

Se amor non è, che dunche...

Бурмин был, в самом деле, очень милый молодой человек. Он имел именно тот ум, который нравится женщинам: ум приличия и на-

блюдения, безо всяких притязаний и беспечно насмешливый. Поведение его с Марьей Гавриловной было просто и свободно; но что б она ни сказала или ни сделала, душа и взоры его так за нею и следовали. Он казался нрава тихого и скромного, но молва уверяла, что некогда был он ужасным повесою, и это не вредило ему во мнении Марьи Гавриловны, которая (как и все молодые дамы вообще) с удовольствием извиняла шалости, обнаруживающие смелость и пылкость характера.

Но более всего... (более его нежности, более приятного разговора, более интересной бледности, более перевязанной руки) молчание молодого гусара более всего подстрекало ее любопытство и воображение. Она не могла не сознаваться в том, что она очень ему нравилась; вероятно и он, с своим умом и опытностью, мог уже заметить, что она отличала его: каким же образом до сих пор не видала она его у своих ног и еще не слыхала его признания? Что удерживало его? робость, гордость или кокетство хитрого волокиты? Это было для нее загадкою. Подумав хорошенько, она решила, что робость была единственно тому причиною, и положила ободрить его большею внимательностию, и, смотря по обстоятельствам, даже нежностию. Она приуготовляла развязку самую неожиданную и с нетерпением ожидала минуты романического объяснения. Тайна, какого роду ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу. Ее военные действия имели желаемый успех: по крайней мере, Бурмин впал в такую задумчивость, и черные глаза его с таким огнем останавливались на Марье Гавриловне, что решительная минута, казалось, уже близка. Соседы говорили о свадьбе, как о деле уже конченном, а добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь ее наконец нашла себе достойного жениха.

Старушка сидела однажды одна в гостиной, раскладывая гран-пасьянс, как Бурмин вошел в комнату и тотчас осведомился о Марье Гавриловне. „Она в саду, — отвечала старушка, — подите к ней, а я вас буду здесь ожидать“. Бурмин пошел, а старушка перекрестилась и подумала: авось дело сегодня же кончится!

Бурмин нашел Марью Гавриловну у пруда, под ивою, с книгою в руках и в белом платье, настоящей героинею романа. После первых вопросов, Марья Гавриловна нарочно перестала поддерживать разговор, усиливая таким образом взаимное замешательство, от которого можно было избавиться разве только внезапным и решительным объяснением. Так и случилось: Бурмин, чувствуя затруднительность своего положения, объявил, что искал давно случая открыть ей свое сердце, и потребовал минуты внимания. Марья Гавриловна закрыла книгу и потупила глаза в знак согласия.

„Метель". С рис. карандашом *Д. А. Шмаринова*

„Я вас люблю, — сказал Бурмин, — я вас люблю страстно...“ (Марья Гавриловна покраснела и наклонила голову еще ниже.) „Я поступил неосторожно, предаваясь милой привычке, привычке видеть и слышать вас ежедневно...“ (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St. Preux.) „Теперь уже поздно противиться судьбе моей; воспоминание об вас, ваш милый, несравненный образ отныне будет мучением и отрадою жизни моей; но мне еще остается исполнить тяжелую обязанность, открыть вам ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду...“—„Она всегда существовала,—прервала с живостию Марья Гавриловна, — я никогда не могла быть вашею женою...“—„Знаю, — отвечал он ей тихо, — знаю, что некогда вы любили, но смерть и три года сетований... Добрая, милая Марья Гавриловна! не старайтесь лишить меня последнего утешения: мысль, что вы бы согласились сделать мое счастие, если бы... молчите, ради бога, молчите. Вы терзаете меня. Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но—я несчастнейшее создание... я женат!“

Марья Гавриловна взглянула на него с удивлением.

„Я женат,—продолжал Бурмин; — я женат уже четвертый год и не знаю, кто моя жена, и где она, и должен ли свидеться с нею когда-нибудь!“

„Что вы говорите? — воскликнула Марья Гавриловна; — как это странно! Продолжайте; я расскажу после... но продолжайте, сделайте милость“.

„В начале 1812 года, — сказал Бурмин, — я спешил в Вильну, где находился наш полк. Приехав однажды на станцию поздно вечером, я велел было поскорее закладывать лошадей, как вдруг поднялась ужасная метель, и смотритель и ямщики советовали мне переждать. Я их послушался, но непонятное беспокойство овладело мною; казалось, кто-то меня так и толкал. Между тем метель не унималась; я не вытерпел, приказал опять закладывать и поехал в самую бурю. Ямщику вздумалось ехать рекою, что должно было сократить нам путь тремя верстами. Берега были занесены; ямщик проехал мимо того места, где выезжали на дорогу, и таким образом очутились мы в незнакомой стороне. Буря не утихала; я увидел огонек, и велел ехать туда. Мы приехали в деревню; в деревянной церкви был огонь. Церковь была отворена, за оградой стояло несколько саней; по паперти ходили люди. „Сюда! сюда!“ закричало несколько голосов. Я велел ямщику подъехать. „Помилуй, где ты замешкался? — сказал мне кто-то; — невеста в обмороке; поп не знает, что делать; мы готовы были ехать назад. Выходи же скорее“. Я молча выпрыгнул из саней и вошел в церковь, слабо освещенную двумя или

тремя свечами. Девушка сидела на лавочке в темном углу церкви; другая терла ей виски. „Слава богу, — сказала эта, — насилу вы приехали. Чуть было вы барышню не уморили“. Старый священник подошел ко мне с вопросом: „Прикажете начинать?“ — „Начинайте, начинайте, батюшка“, отвечал я рассеянно. Девушку подняли. Она показалась мне не дурна... Непонятная, непростительная ветренность... я стал подле нее перед налоем; священник торопился; трое мужчин и горничная поддерживали невесту и заняты были только ею. Нас обвенчали. „Поцелуйтесь“, сказали нам. Жена моя обратила ко мне бледное свое лицо. Я хотел было ее поцеловать... Она вскрикнула: „Ай, не он! не он!“ и упала без памяти. Свидетели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышел из церкви безо всякого препятствия, бросился в кибитку и закричал: пошел!

„Боже мой! — закричала Марья Гавриловна; — и вы не знаете, что сделалось с бедною вашею женою?“

„Не знаю, — отвечал Бурмин, — не знаю как зовут деревню, где я венчался; не помню, с которой станции поехал. В то время я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что, отъехав от церкви, заснул, и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции. Слуга, бывший тогда со мною, умер в походе, так что я не имею и надежды отыскать ту, над которой подшутил я так жестоко, и которая теперь так жестоко отомщена“.

„Боже мой, боже мой! — сказала Марья Гавриловна, схватив его руку; — так это были вы! И вы не узнаете меня?“

Бурмин побледнел... и бросился к ее ногам...

Гробовщик

Не зрим ли каждый день гробов,
Седин дряхлеющей вселенной?

Державин.

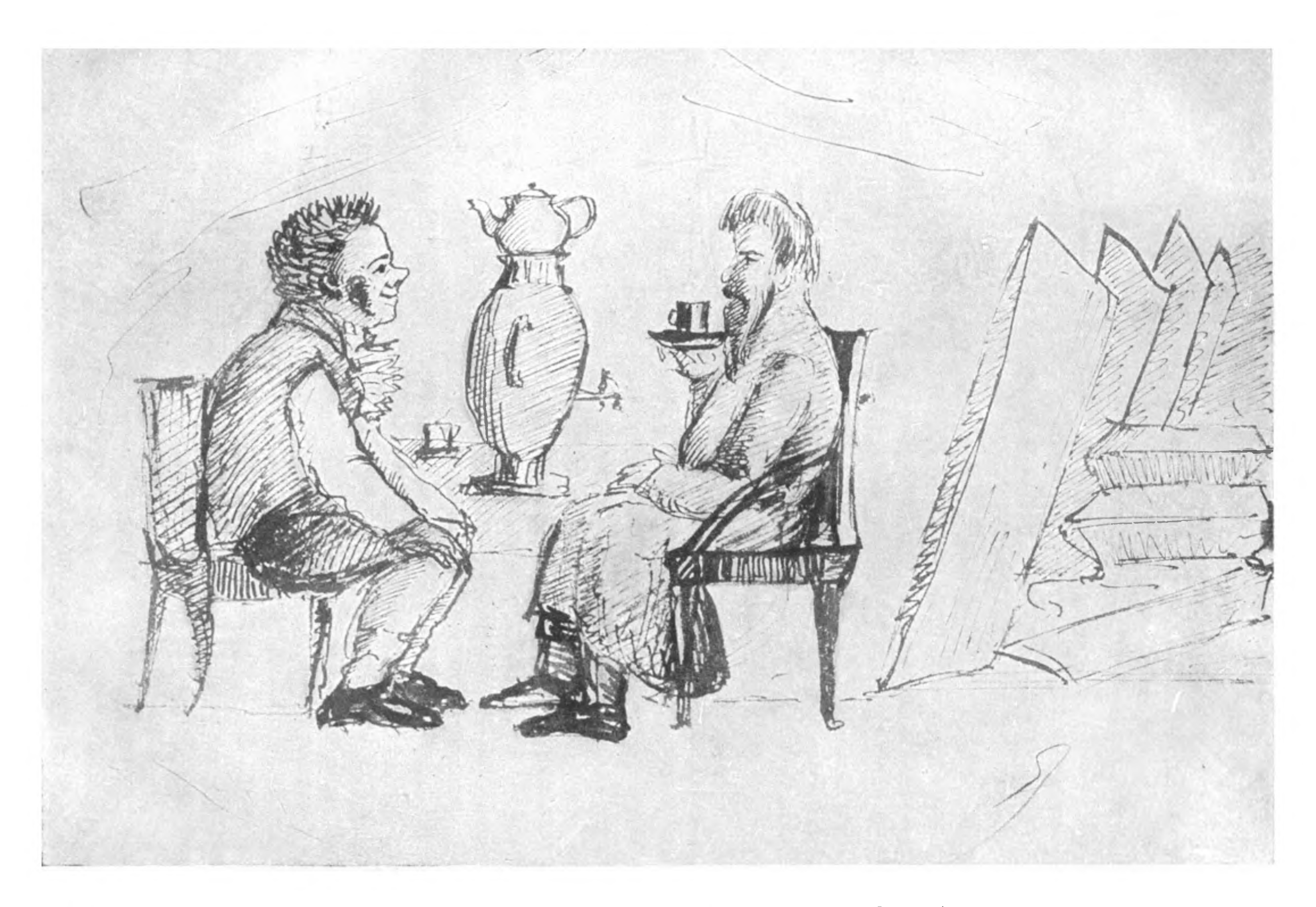
Последние пожитки гробовщика Адриана Прохорова были взвалены на похоронные дроги, и тощая пара в четвертый раз потащилась с Басманной на Никитскую, куда гробовщик переселялся всем своим домом. Заперев лавку, прибил он к воротам объявление о том, что дом продается и отдается в наймы, и пешком отправился на новоселье. Приближаясь к желтому домику, так давно соблазнявшему его воображение и наконец купленному им за порядочную сумму, старый гробовщик чувствовал с удивлением, что сердце его не радовалось. Переступив за незнакомый порог и нашед в новом своем жилище суматоху, он вздохнул о ветхой лачужке, где в течение осьмнадцати лет всё было заведено самым строгим порядком; стал бранить обеих своих дочерей и работницу за их медленность, и сам принялся им помогать. Вскоре порядок установился; кивот с образами, шкап с посудою, стол, диван и кровать заняли им определенные углы в задней комнате; в кухне и гостиной поместились изделия хозяина: гробы всех цветов и всякого размера, также шкапы с траурными шляпами, мантиями и факелами. Над воротами возвысилась вывеска, изображающая дородного Амура с опрокинутым факелом в руке, с подписью: „здесь продаются и обиваются гробы простые и крашеные, также отдаются на прокат и починяются старые“. Девушки ушли в свою светлицу, Адриан обошел свое жилище, сел у окошка и приказал готовить самовар.

Просвещенный читатель ведает, что Шекспир и Вальтер Скотт оба представили своих гробокопателей людьми веселыми и шутливыми, дабы сей противоположностию сильнее поразить наше воображение. Из уважения к истине мы не можем следовать их примеру, и принуждены признаться, что нрав нашего гробовщика совершенно соответствовал

мрачному его ремеслу. Адриан Прохоров обыкновенно был угрюм и задумчив. Он разрешал молчание разве только для того, чтоб журить своих дочерей, когда заставал их без дела глазеющих в окно на прохожих, или чтоб запрашивать за свои произведения преувеличенную цену у тех, которые имели несчастие (а иногда и удовольствие) в них нуждаться. И так Адриан, сидя под окном, и выпивая седьмую чашку чаю, по своему обыкновению был погружен в печальные размышления. Он думал о проливном дожде, который, за неделю тому назад, встретил у самой заставы похороны отставного бригадира. Многие мантии от того сузились, многие шляпы покоробились. Он предвидел неминуемые расходы, ибо давний запас гробовых нарядов приходил у него в жалкое состояние. Он надеялся выместить убыток на старой купчихе Трюхиной, которая уже около года находилась при смерти. Но Трюхина умирала на Разгуляе, и Прохоров боялся, чтоб ее наследники, несмотря на свое обещание, не поленились послать за ним в такую даль и не сторговались бы с ближайшим подрядчиком.

Сии размышления были прерваны нечаянно тремя франмасонскими ударами в дверь. „Кто там?“ — спросил гробовщик. Дверь отворилась, и человек, в котором с первого взгляду можно было узнать немца ремесленника, вошел в комнату и с веселым видом приблизился к гробовщику. „Извините, любезный сосед, — сказал он тем русским наречием, которое мы без смеха доныне слышать не можем, — извините, что я вам помешал... я желал поскорее с вами познакомиться. Я сапожник, имя мое Готлиб Шульц, и живу от вас через улицу, в этом домике, что против ваших окошек. — Завтра праздную мою серебряную свадьбу, и я прошу вас и ваших дочек отобедать у меня по-приятельски“. Приглашение было благосклонно принято. Гробовщик просил сапожника садиться и выкушать чашку чаю, и, благодаря открытому нраву Готлиба Шульца, вскоре они разговорились дружелюбно. „Каково торгует ваша милость?“ спросил Адриан. — „Э-хе-хе, — отвечал Шульц, — и так и сяк. Пожаловаться не могу. Хоть конечно мой товар не то, что ваш: живой без сапог обойдется, а мертвый без гроба не живет“. — „Сущая правда, — заметил Адриан; — однако ж, если живому не на что купить сапог, то, не прогневайся, ходит он и босой; а нищий мертвец и даром берет себе гроб“. Таким образом беседа продолжалась у них еще несколько времени; наконец сапожник встал и простился с гробовщиком, возобновляя свое приглашение.

На другой день, ровно в двенадцать часов, гробовщик и его дочери вышли из калитки новокупленного дома, и отправились к соседу. Не стану описывать ни русского кафтана Адриана Прохорова, ни



„Гробовщик". С рис. пером *А. С. Пушкина* (Всесоюзная публичная библиотека им. Ленина)

европейского наряда Акулины и Дарьи, отступая в сем случае от обычая, принятого нынешними романистами. Полагаю однако ж не излишним заметить, что обе девицы надели желтые шляпки и красные башмаки, что бывало у них только в торжественные случаи.

Тесная квартирка сапожника была наполнена гостями, большею частию немцами ремесленниками, с их женами и подмастерьями. Из русских чиновников был один будочник, чухонец Юрко, умевший приобрести, несмотря на свое смиренное звание, особенную благосклонность хозяина. Лет двадцать пять служил он в сем звании верой и правдою, как почталион Погорельского. Пожар двенадцатаго года, уничтожив первопрестольную столицу, истребил и его желтую будку. Но тотчас, по изгнании врага, на ее месте явилась новая, серенькая с белыми колонками дорического ордена, и Юрко стал опять расхаживать около нее *с секирой и в броне сермяжной*. Он был знаком большей части немцев, живущих около Никитских ворот: иным из них случалось даже ночевать у Юрки с воскресенья на понедельник. Адриан тотчас познакомился с ним, как с человеком, в котором рано или поздно может случиться иметь нужду, и как гости пошли за стол, то они сели вместе. Господин и госпожа Шульц и дочка их, семнадцатилетняя Лотхен, обедая с гостями все вместе, угощали и помогали кухарке служить. Пиво лилось. Юрко ел за четверых; Адриан ему не уступал; дочери его чинились; разговор на немецком языке час от часу делался шумнее. Вдруг хозяин потребовал внимания и, откупоривая засмоленую бутылку, громко произнес по-русски: „За здоровье моей доброй Луизы!“ Полушампанское запенилось. Хозяин нежно поцеловал свежее лицо сорокалетней своей подруги, и гости шумно выпили здоровье доброй Луизы. „За здоровье любезных гостей моих!“ провозгласил хозяин, откупоривая вторую бутылку — и гости благодарили его, осушая свои рюмки. Тут начали здоровья следовать одно за другим: пили здоровье каждого гостя особливо, пили здоровье Москвы и целой дюжины германских городков, пили здоровье всех цехов вообще и каждого в особенности, пили здоровье мастеров и подмастерьев. Адриан пил с усердием, и до того развеселился, что сам предложил какой-то шутливый тост. Вдруг один из гостей, толстый булочник, поднял рюмку и воскликнул: „За здоровье тех, на которых мы работаем, unserer Kundleute!“ Предложение, как и все, было принято радостно и единодушно. Гости начали друг другу кланяться, портной сапожнику, сапожник портному, булочник им обоим, все булочнику, и так далее. Юрко, посреди сих взаимных поклонов, закричал, обратясь к своему соседу: „Что же? пей, батюшка, за здоровье своих мертвецов“. Все захохотали, но гробовщик

почел себя обиженным и нахмурился. Никто того не заметил, гости продолжали пить, и уже благовестили к вечерне, когда встали из-за стола.

Гости разошлись поздно, и по большей части навеселе. Толстый булочник и переплетчик, коего лицо казалось в красненьком сафьянном переплете, под руки отвели Юрку в его будку, наблюдая, в сем случае, русскую пословицу: долг платежем красен. Гробовщик пришел домой пьян и сердит. „Что ж это, в самом деле, — рассуждал он вслух — чем ремесло мое нечестнее прочих? разве гробовщик брат палачу? чему смеются басурмане? разве гробовщик гаэр святочный? Хотелось было мне позвать их на новоселье, задать им пир горой; ин не бывать же тому! А созову я тех, на которых работаю: мертвецов православных“. — „Что ты, батюшка?—сказала работница, которая в это время разувала его;— что ты это городишь? Перекрестись! Созывать мертвых на новоселье! Экая страсть!“ — „Ей-богу, созову, — продолжал Адриан, — и на завтрашний же день. Милости просим, мои благодетели, завтра вечером у меня попировать; угощу, чем бог послал“. С этим словом гробовщик отправился на кровать и вскоре захрапел.

На дворе было еще темно, как Адриана разбудили. Купчиха Трюхина скончалась в эту самую ночь, и нарочный от ее приказчика прискакал к Адриану верхом с этим известием. Гробовщик дал ему за то гривенник на водку, оделся наскоро, взял извозчика и поехал на Разгуляй. У ворот покойницы уже стояла полиция, и расхаживали купцы, как вороны, почуя мертвое тело. Покойница лежала на столе, желтая как воск, но еще не обезображенная тлением. Около нее теснились родственники, соседы и домашние. Все окна были открыты; свечи горели; священники читали молитвы. — Адриан подошел к племяннику Трюхиной, молодому купчику в модном сертуке, объявляя ему, что гроб, свечи, покров и другие похоронные принадлежности тотчас будут ему доставлены во всей исправности. Наследник благодарил его рассеянно, сказав, что о цене он не торгуется, а во всем полагается на его совесть. Гробовщик, по обыкновению своему, побожился, что лишнего не возьмет; значительным взглядом обменялся с приказчиком, и поехал хлопотать. Целый день разъезжал с Разгуляя к Никитским воротам и обратно; к вечеру всё сладил, и пошел домой пешком, отпустив своего извозчика. Ночь была лунная. Гробовщик благополучно дошел до Никитских ворот. У Вознесения окликал его знакомец наш Юрко и, узнав гробовщика, пожелал ему доброй ночи. — Было поздно. Гробовщик подходил уже к своему дому, как вдруг показалось ему, что кто-то подошел к его воротам, отворил калитку, и в нее скрылся.

„Что бы это значило? — подумал Адриан. — Кому опять до меня нужда? Уж не вор ли ко мне забрался? Не ходят ли любовники к моим дурам? Чего доброго!“ И гробовщик думал уже кликнуть себе на помощь приятеля своего Юрку. В эту минуту кто-то еще приблизился к калитке и собирался войти, но, увидя бегущего хозяина, остановился и снял треугольную шляпу. Адриану лицо его показалось знакомо, но второпях не успел он порядочно его разглядеть. „Вы пожаловали ко мне, — сказал запыхавшись Адриан; — войдите же, сделайте милость“. — „Не церемонься, батюшка, — отвечал тот глухо; — ступай себе вперед; указывай гостям дорогу!“ Адриану и некогда было церемониться. Калитка была отперта, он пошел на лестницу, и тот за ним. Адриану показалось, что по комнатам его ходят люди. „Что за дьявольщина!“ подумал он, и спешил войти... тут ноги его подкосились. Комната полна была мертвецами. Луна сквозь окна освещала их желтые и синие лица, ввалившиеся рты, мутные, полузакрытые глаза и высунувшиеся носы... Адриан с ужасом узнал в них людей, погребенных его стараниями, и в госте, с ним вместе вошедшем, бригадира, похороненного во время проливного дождя. Все они, дамы и мужчины, окружили гробовщика с поклонами и приветствиями, кроме одного бедняка, недавно даром похороненного, который, совестясь и стыдясь своего рубища, не приближался, и стоял смиренно в углу. Прочие все одеты были благопристойно: покойницы в чепцах и лентах, мертвецы чиновные в мундирах, но с бородами небритыми, купцы в праздничных кафтанах. „Видишь ли, Прохоров, — сказал бригадир от имени всей честной компании; — все мы поднялись на твое приглашение; остались дома только те, которым уже не в мочь, которые совсем развалились, да у кого остались одни кости без кожи, но и тут один не утерпел — так хотелось ему побывать у тебя...“ В эту минуту маленький скелет продрался сквозь толпу и приблизился к Адриану. Череп его ласково улыбался гробовщику. Клочки светлозеленого и красного сукна и ветхой холстины кой-где висели на нем, как на шесте, а кости ног бились в больших ботфортах, как пестики в ступах. „Ты не узнал меня, Прохоров, — сказал скелет. — Помнишь ли отставного сержанта гвардии Петра Петровича Курилкина, того самого, которому, в 1799 году, ты продал первый свой гроб — и еще сосновый за дубовый?“ С сим словом мертвец простер ему костяные объятия — но Адриан, собравшись с силами, закричал и оттолкнул его. Петр Петрович пошатнулся, упал и весь рассыпался. Между мертвецами поднялся ропот негодования; все вступились за честь своего товарища, пристали к Адриану с бранью и угрозами, и бедный хозяин, оглушенный их криком и почти задавленный,

потерял присутствие духа, сам упал на кости отставного сержанта гвардии и лишился чувств.

Солнце давно уже освещало постелю, на которой лежал гробовщик. Наконец открыл он глаза и увидел перед собою работницу, раздувающую самовар. С ужасом вспомнил Адриан все вчерашние происшествия. Трюхина, бригадир и сержант Курилкин смутно представились его воображению. Он молча ожидал, чтоб работница начала с ним разговор, и объявила о последствиях ночных приключений.

— Как ты заспался, батюшка, Адриан Прохорович, — сказала Аксинья, подавая ему халат. — К тебе заходил сосед портной, и здешний будочник забегал с объявлением, что сегодня частный именинник, да ты изволил почивать, и мы не хотели тебя разбудить.

— А приходили ко мне от покойницы Трюхиной?

— Покойницы? Да разве она умерла?

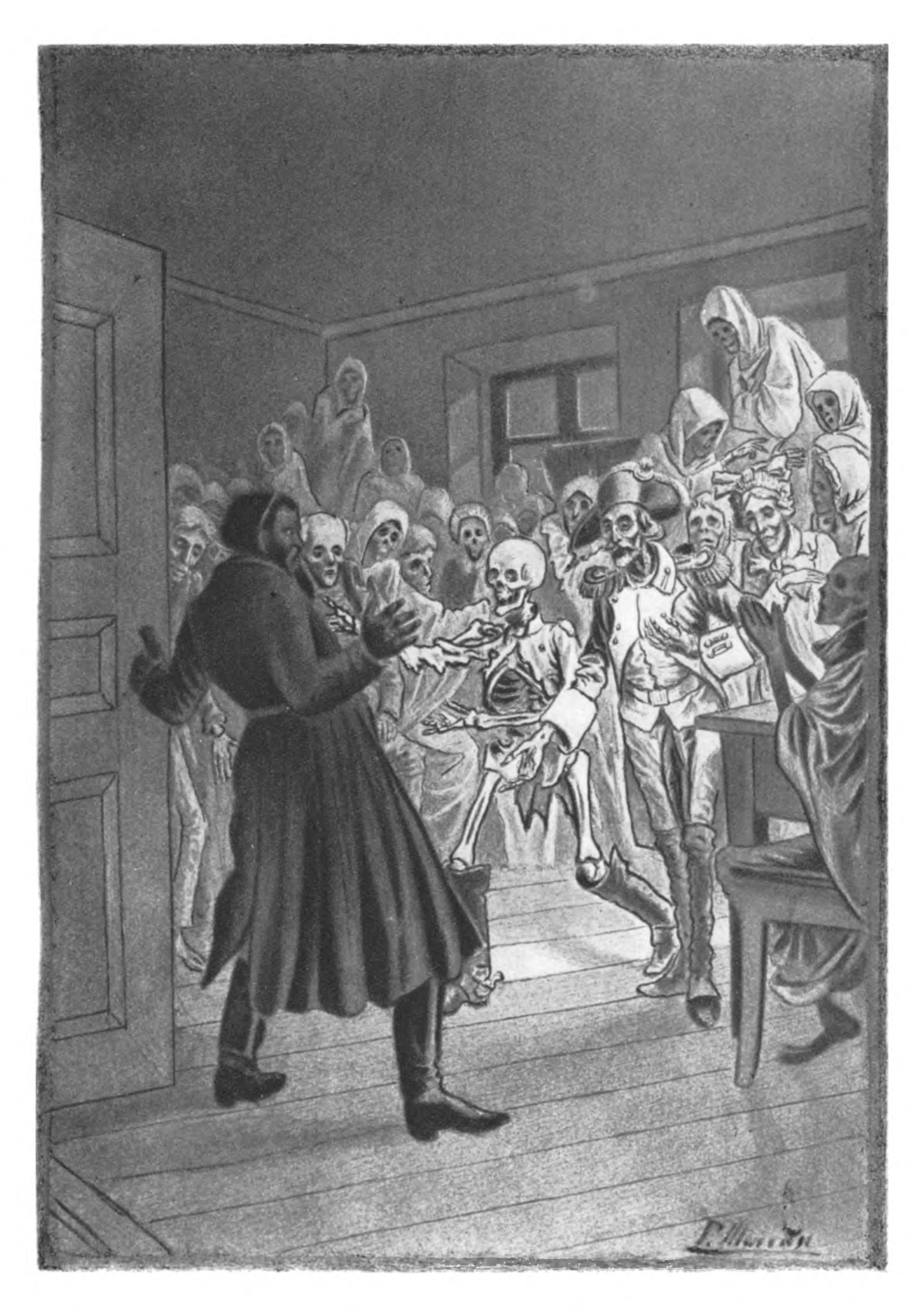
— Эка дура! Да не ты ли пособляла мне вчера улаживать ее похороны?

— Что ты, батюшка, не с ума ли спятил, али хмель вчерашний еще у тя не прошел? Какии были вчера похороны? Ты целый день пировал у немца, воротился пьян, завалился в постелю, да и спал до сего часа, как уж к обедне отблаговестили.

— Ой ли! — сказал обрадованный гробовщик.

— Вестимо так, — отвечала работница.

— Ну, коли так, давай скорее чаю, да позови дочерей.



„Гробовщик". С рис. *Р. Штейна* (Институт литературы Академии Наук СССР)

Станционный смотритель

Коллежский регистратор,
Почтовой станции диктатор.

Князь Вяземский.

Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим, или, по крайней мере, муромским разбойникам? Будем однако справедливы, постараемся войти в их положение и, может быть, станем судить об них гораздо снисходительнее. Что такое станционный смотритель? Сущий мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев, и то не всегда (ссылаюсь на совесть моих читателей). Какова должность сего диктатора, как называет его шутливо князь Вяземский? Не настоящая ли каторга? Покоя ни днем, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут — а виноват смотритель. Входя в бедное его жилище, проезжающий смотрит на него, как на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться от непрошенного гостя; но если не случится лошадей?.. Боже! какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову! В дождь и слякоть принужден он бегать по дворам; в бурю, в крещенской мороз уходит он в сени, чтоб только на минуту отдохнуть от крика и толчков раздраженного постояльца. Приезжает генерал; дрожащий смотритель отдает ему две последние тройки, в том числе курьерскую. Генерал едет, не сказав ему спасибо. Через пять минут — колокольчик!.. и фельдъегерь бросает ему на стол свою подорожную!.. Вникнем во всё это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданием. Еще несколько слов:

в течение двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ямщиков мне знакомы; редкого смотрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела; любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени; покамест скажу только, что сословие станционных смотрителей представлено общему мнению в самом ложном виде. Сии столь оклеветанные смотрители вообще суть люди мирные, от природы услужливые, склонные к общежитию, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые. Из их разговоров (коими некстати пренебрегают господа проезжающие) можно почерпнуть много любопытного и поучительного. Что касается до меня, то признаюсь, я предпочитаю их беседу речам какого-нибудь чиновника 6-го класса, следующего по казенной надобности.

Легко можно догадаться, что есть у меня приятели из почтенного сословия смотрителей. В самом деле, память одного из них мне драгоценна. Обстоятельства некогда сблизили нас, и об нем-то намерен я теперь побеседовать с любезными читателями.

В 1816 году, в мае месяце, случилось мне проезжать через ***скую губернию, по тракту, ныне уничтоженному. Находился я в мелком чине, ехал на перекладных и платил прогоны за две лошади. Вследствие сего смотрители со мною не церемонились, и часто бирал я с бою то, что, во мнении моем, следовало мне по праву. Будучи молод и вспыльчив, я негодовал на низость и малодушие смотрителя, когда сей последний отдавал приготовленную мне тройку под коляску чиновного барина. Столь же долго не мог я привыкнуть и к тому, чтоб разборчивый холоп обносил меня блюдом на губернаторском обеде. Ныне то и другое кажется мне в порядке вещей. В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общеудобного правила: *чин чина почитай*, ввелось в употребление другое, например: *ум ума почитай*? Какие возникли бы споры! и слуги с кого бы начинали кушанье подавать? Но обращаюсь к моей повести.

День был жаркий. В трех верстах от станции *** стало накрапывать, и через минуту проливной дождь вымочил меня до последней нитки. По приезде на станцию, первая забота была поскорее переодеться, вторая спросить себе чаю. „Эй, Дуня!— закричал смотритель,— поставь самовар, да сходи за сливками“. При сих словах вышла из-за перегородки девочка лет четырнадцати и побежала в сени. Красота ее меня поразила. „Это твоя дочка?“ спросил я смотрителя.— „Дочка-с,— отвечал он с видом довольного самолюбия;— да такая разумная, такая проворная, вся в покойницу мать“. Тут он принялся переписывать мою подорожную, а

я занялся рассмотрением картинок, украшавших его смиренную, но опрятную обитель. Они изображали историю блудного сына: в первой почтенный старик в колпаке и шлафроке отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами. В другой яркими чертами изображено развратное поведение молодого человека: он сидит за столом, окруженный ложными друзьями и бесстыдными женщинами. Далее, промотавшийся юноша, в рубище и в треугольной шляпе, пасет свиней и разделяет с ними трапезу; в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние. Наконец представлено возвращение его к отцу; добрый старик в том же колпаке и шлафроке выбегает к нему навстречу; блудный сын стоит на коленах; в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости. Под каждой картинкой прочел я приличные немецкие стихи. Всё это доныне сохранилось в моей памяти, так же как и горшки с бальзамином и кровать с пестрой занавескою, и прочие предметы, меня в то время окружавшие. Вижу, как теперь, самого хозяина, человека лет пятидесяти, свежего и бодрого, и его длинный зеленый сертук с тремя медалями на полинялых лентах.

Не успел я расплатиться со старым моим ямщиком, как Дуня возвратилась с самоваром. Маленькая кокетка со второго взгляда заметила впечатление, произведенное ею на меня; она потупила большие голубые глаза; я стал с нею разговаривать, она отвечала мне безо всякой робости, как девушка, видевшая свет. Я предложил отцу ее стакан пуншу; Дуне подал я чашку чаю, и мы втроем начали беседовать, как будто век были знакомы.

Лошади были давно готовы, а мне всё не хотелось расстаться с смотрителем и его дочкой. Наконец я с ними простился; отец пожелал мне доброго пути, а дочь проводила до телеги. В сенях я остановился и просил у ней позволения ее поцеловать: Дуня согласилась... Много могу я насчитать поцелуев,

С тех пор, как этим занимаюсь,

но ни один не оставил во мне столь долгого, столь приятного воспоминания.

Прошло несколько лет, и обстоятельства привели меня на тот самый тракт, в те самые места. Я вспомнил дочь старого смотрителя и обрадовался при мысли, что увижу ее снова. Но, подумал я, старый смотритель, может быть, уже сменен; вероятно Дуня уже замужем. Мысль о смерти того или другого также мелькнула в уме моем, и я приближался к станции *** с печальным предчувствием. Лошади стали у почтового

домика. Вошед в комнату, я тотчас узнал картинки, изображающие историю блудного сына; стол и кровать стояли на прежних местах; но на окнах уже не было цветов, и всё кругом показывало ветхость и небрежение. Смотритель спал под тулупом; мой приезд разбудил его, он привстал... Это был точно Симеон Вырин; но как он постарел! Покамест собирался он переписать мою подорожную, я смотрел на его седину, на глубокие морщины давно небритого лица, на сгорбленную спину — и не мог надивиться, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика. „Узнал ли ты меня?— спросил я его;— мы с тобою старые знакомые".—„Может статься,— отвечал он угрюмо;—здесь дорога большая; много проезжих у меня перебывало".— „Здорова ли твоя Дуня?" продолжал я. Старик нахмурился. „А бог ее знает",—отвечал он.—„Так видно она замужем?"— сказал я. Старик притворился, будто бы не слыхал моего вопроса, и продолжал пошептом читать мою подорожную. Я прекратил свои вопросы и велел поставить чайник. Любопытство начинало меня беспокоить, и я надеялся, что пунш разрешит язык моего старого знакомца.

Я не ошибся: старик не отказался от предлагаемого стакана. Я заметил, что ром прояснил его угрюмость. На втором стакане сделался он разговорчив; вспомнил, или показал вид, будто бы вспомнил меня, и я узнал от него повесть, которая в то время сильно меня заняла и тронула.

„Так вы знали мою Дуню?— начал он.— Кто же и не знал ее? Ах, Дуня, Дуня! Что за девка то была! Бывало, кто ни проедет, всякой похвалит, никто не осудит. Барыни дарили ее, та платочком, та сережками. Господа проезжие нарочно останавливались, будто бы пообедать, аль отужинать, а в самом деле только, чтоб на нее подолее поглядеть. Бывало барин, какой бы сердитый ни был, при ней утихает и милостиво со мною разговаривает. Поверите ль, сударь: курьеры, фельдъегеря с нею по получасу заговаривались. Ею дом держался: что прибрать, что приготовить, за всем успевала. А я то, старый дурак, не нагляжусь, бывало, не нарадуюсь; уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти; уж ей ли не было житье? Да нет, от беды не отбожиться, что суждено, тому не миновать". Тут он стал подробно рассказывать мне свое горе.— Три года тому назад однажды, в зимний вечер, когда смотритель разлиневывал новую книгу, и дочь его за перегородкой шила себе платье, тройка подъехала, и проезжий в черкесской шапке, в военной шинели, окутанный шалью, вошел в комнату, требуя лошадей. Лошади все были в разгоне. При сем известии путешественник возвысил было голос и нагайку; но Дуня, привыкшая к таковым сценам,

выбежала из-за перегородки и ласково обратилась к проезжему с вопросом: не угодно ли будет ему чего-нибудь покушать? Появление Дуни произвело обыкновенное свое действие. Гнев проезжего прошел; он согласился ждать лошадей и заказал себе ужин. Сняв мокрую косматую шапку, отпутав шаль и сдернув шинель, проезжий явился молодым, стройным гусаром с черными усиками. Он расположился у смотрителя, начал весело разговаривать с ним и с его дочерью. Подали ужинать. Между тем лошади пришли, и смотритель приказал, чтоб тотчас, не кормя, запрягали их в кибитку проезжего; но возвратясь, нашел он молодого человека почти без памяти лежащего на лавке: ему сделалось дурно, голова разболелась, невозможно было ехать... Как быть! смотритель уступил ему свою кровать, и положено было, если больному не будет легче, на другой день утром послать в С*** за лекарем.

На другой день гусару стало хуже. Человек его поехал верхом в город за лекарем. Дуня обвязала ему голову платком, намоченным уксусом, и села с своим шитьем у его кровати. Больной при смотрителе охал и не говорил почти ни слова, однако ж выпил две чашки кофе и, охая, заказал себе обед. Дуня от него не отходила. Он поминутно просил пить, и Дуня подносила ему кружку ею заготовленного лимонада. Больной обмакивал губы, и всякой раз, возвращая кружку, в знак благодарности, слабою своею рукою пожимал Дунюшкину руку. К обеду приехал лекарь. Он пощупал пульс больного, поговорил с ним по-немецки, и по-русски объявил, что ему нужно одно спокойствие, и что дня через два ему можно будет отправиться в дорогу. Гусар вручил ему двадцать пять рублей за визит, пригласил его отобедать; лекарь согласился; оба ели с большим аппетитом, выпили бутылку вина и расстались очень довольны друг другом.

Прошел еще день, и гусар совсем оживился. Он был чрезвычайно весел, без умолку шутил то с Дунею, то с смотрителем; насвистывал песни, разговаривал с проезжими, вписывал их подорожные в почтовую книгу, и так полюбился доброму смотрителю, что на третье утро жаль было ему расстаться с любезным своим постояльцем. День был воскресный; Дуня собиралась к обедне. Гусару подали кибитку. Он простился с смотрителем, щедро наградив его за постой и угощение; простился и с Дунею и вызвался довезти ее до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня стояла в недоумении... „Чего же ты боишься? — сказал ей отец; — ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест; прокатись-ка до церкви“. Дуня села в кибитку подле гусара, слуга вскочил на облучок, ямщик свистнул, и лошади поскакали.

Бедный смотритель не понимал, каким образом мог он сам позволить своей Дуне ехать вместе с гусаром, как нашло на него ослепление, и что тогда было с его разумом. Не прошло и получаса, как сердце его начало ныть, ныть, и беспокойство овладело им до такой степени, что он не утерпел и пошел сам к обедне. Подходя к церкви, увидел он, что народ уже расходился, но Дуни не было ни в ограде, ни на паперти. Он поспешно вошел в церковь: священник выходил из алтаря; дьячок гасил свечи, две старушки молились еще в углу; но Дуни в церкви не было. Бедный отец насилу решился спросить у дьячка, была ли она у обедни. Дьячок отвечал, что не бывала. Смотритель пошел домой ни жив, ни мертв. Одна оставалась ему надежда: Дуня по ветренности молодых лет вздумала, может быть, прокатиться до следующей станции, где жила ее крестная мать. В мучительном волнении ожидал он возвращения тройки, на которой он отпустил ее. Ямщик не возвращался. Наконец, к вечеру приехал он один и хмелен, с убийственным известием: „Дуня с той станции отправилась далее с гусаром“.

Старик не снес своего несчастия; он тут же слег в ту самую постель, где накануне лежал молодой обманщик. Теперь смотритель, соображая все обстоятельства, догадывался, что болезнь была притворная. Бедняк занемог сильной горячкою; его свезли в С*** и на его место определили на время другого. Тот же лекарь, который приезжал к гусару, лечил и его. Он уверил смотрителя, что молодой человек был совсем здоров, и что тогда еще догадывался он о его злобном намерении, но молчал, опасаясь его нагайки. Правду ли говорил немец, или только желал похвастаться дальновидностию, но он нимало тем не утешил бедного больного. Едва оправясь от болезни, смотритель выпросил у С*** почтмейстера отпуск на два месяца и, не сказав никому ни слова о своем намерении, пешком отправился за своею дочерью. Из подорожной знал он, что ротмистр Минский ехал из Смоленска в Петербург. Ямщик, который вез его, сказывал, что во всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ехала по своей охоте. „Авось, — думал смотритель, — приведу я домой заблудшую овечку мою“. С этой мыслию прибыл он в Петербург, остановился в Измайловском полку, в доме отставного унтер-офицера, своего старого сослуживца, и начал свои поиски. Вскоре узнал он, что ротмистр Минский в Петербурге и живет в Демутовом трактире. Смотритель решился к нему явиться.

Рано утром пришел он в его переднюю и просил доложить его высокоблагородию, что старый солдат просит с ним увидеться. Военный лакей, чистя сапог на колодке, объявил, что барин почивает, и

что прежде одиннадцати часов не принимает никого. Смотритель ушел и возвратился в назначенное время. Минский вышел сам к нему в халате, в красной скуфье. „Что, брат, тебе надобно?“ спросил он его. Сердце старика закипело, слезы навернулись на глазах и он дрожащим голосом произнес только: „Ваше высокоблагородие!.. сделайте такую божескую милость!..“ Минский взглянул на него быстро, вспыхнул, взял его за руку, повел в кабинет и запер за собою дверь. „Ваше высокоблагородие! — продолжал старик, — что с возу упало, то пропало; отдайте мне, по крайней мере, бедную мою Дуню. Ведь вы натешились ею; не погубите ж ее понапрасну“. — „Что сделано, того не воротишь, — сказал молодой человек в крайнем замешательстве; — виноват перед тобою и рад просить у тебя прощения; но не думай, чтоб я Дуню мог покинуть: она будет счастлива, даю тебе честное слово. Зачем тебе ее? Она меня любит; она отвыкла от прежнего своего состояния. Ни ты, ни она — вы не забудете того, что случилось“. Потом, сунув ему что-то за рукав, он отворил дверь, и смотритель, сам не помня как, очутился на улице.

Долго стоял он неподвижно, наконец увидел за обшлагом своего рукава сверток бумаг; он вынул их и развернул несколько пятидесятирублевых смятых ассигнаций. Слезы опять навернулись на глазах его, слезы негодования! Он сжал бумажки в комок, бросил их на земь, притоптал каблуком, и пошел... Отошед несколько шагов, он остановился, подумал... и воротился... Но ассигнаций уже не было. Хорошо одетый молодой человек, увидя его, подбежал к извозчику, сел поспешно и закричал: „пошел!..“ Смотритель за ним не погнался. Он решился отправиться домой на свою станцию, но прежде хотел хоть раз еще увидеть бедную свою Дуню. Для сего, дня через два, воротился он к Минскому; но военный лакей сказал ему сурово, что барин никого не принимает, грудью вытеснил его из передней, и хлопнул двери ему под нос. Смотритель постоял, постоял — да и пошел.

В этот самый день, вечером, шел он по Литейной, отслужив молебен у Всех Скорбящих. Вдруг промчались перед ним щегольские дрожки, и смотритель узнал Минского. Дрожки остановились перед трехэтажным домом, у самого подъезда, и гусар вбежал на крыльцо. Счастливая мысль мелькнула в голове смотрителя. Он воротился, и, поровнявшись с кучером — „Чья, брат, лошадь? — спросил он, — не Минского ли?“ — „Точно так, — отвечал кучер, — а что тебе?“ — „Да вот что: барин твой приказал мне отнести к его Дуне записочку, а я и позабудь, где Дуня-то его живет“. — „Да вот здесь, во втором этаже. Опоздал ты, брат, с твоей запиской; теперь уж он сам у нее“. —

„Нужды нет, — возразил смотритель с неизъяснимым движением сердца, — спасибо, что надоумил, а я свое дело сделаю“. И с этим словом пошел он по лестнице.

Двери были заперты; он позвонил, прошло несколько секунд в тягостном для него ожидании. Ключ загремел, ему отворили. „Здесь стоит Авдотья Симеоновна?“ — спросил он. „Здесь, — отвечала молодая служанка; — зачем тебе ее надобно?“ Смотритель, не отвечая, вошел в залу. „Нельзя, нельзя!“ — закричала вслед ему служанка; — „У Авдотьи Симеоновны гости“. Но смотритель, не слушая, шел далее. Две первые комнаты были темны, в третьей был огонь. Он подошел к растворенной двери и остановился. В комнате прекрасно убранной Минский сидел в задумчивости. Дуня, одетая со всею роскошью моды, сидела на ручке его кресел, как наездница на своем английском седле. Она с нежностию смотрела на Минского, наматывая черные его кудри на свои сверкающие пальцы. Бедный смотритель! Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; он поневоле ею любовался. „Кто там?“ — спросила она, не поднимая головы. Он всё молчал. Не получая ответа, Дуня подняла голову... и с криком упала на ковер. Испуганный Минский кинулся ее поднимать, и вдруг увидя в дверях старого смотрителя, оставил Дуню, и подошел к нему, дрожа от гнева. „Чего тебе надобно? — сказал он ему, стиснув зубы;—что ты за мною всюду крадешься, как разбойник? или хочешь меня зарезать? Пошел вон!“ и сильной рукою, схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу.

Старик пришел к себе на квартиру. Приятель его советовал ему жаловаться; но смотритель подумал, махнул рукой и решился отступиться. Через два дня отправился он из Петербурга обратно на свою станцию, и опять принялся за свою должность. „Вот уже третий год, — заключил он, — как живу я без Дуни, и как об ней нет ни слуху, ни духу. Жива ли, нет ли, бог ее ведает. Всяко случается. Не ее первую, не ее последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал, да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкою. Как подумаешь порою, что и Дуня, может быть, тут же пропадает, так поневоле согрешишь, да пожелаешь ей могилы...“

Таков был рассказ приятеля моего, старого смотрителя, рассказ неоднократно прерываемый слезами, которые живописно отирал он своею полою, как усердный Терентьич в прекрасной балладе Дмитриева. Слезы сии отчасти возбуждаемы были пуншем, коего вытянул он пять стаканов в продолжение своего повествования; но как бы то ни было, они сильно тронули мое сердце. С ним расставшись, долго

„Станционный смотритель". С автолитографии *А. А. Суворова*

не мог я забыть старого смотрителя, долго думал я о бедной Дуне...

Недавно еще, проезжая через местечко ***, вспомнил я о моем приятеле; я узнал, что станция, над которой он начальствовал, уже уничтожена. На вопрос мой: „Жив ли старый смотритель?“ никто не мог дать мне удовлетворительного ответа. Я решился посетить знакомую сторону, взял вольных лошадей и пустился в село Н.

Это случилось осенью. Серенькие тучи покрывали небо; холодный ветер дул с пожатых полей, унося красные и желтые листья со встречных деревьев. Я приехал в село при закате солнца и остановился у почтового домика. В сени (где некогда поцеловала меня бедная Дуня) вышла толстая баба, и на вопросы мои отвечала, что старый смотритель с год как помер, что в доме его поселился пивовар, а что она жена пивоварова. Мне стало жаль моей напрасной поездки и семи рублей, издержанных даром. — „От чего ж он умер?“ спросил я пивоварову жену. — „Спился, батюшка“, отвечала она. — „А где его похоронили?“ — „За околицей, подле покойной хозяйки его“. — „Нельзя ли довести меня до его могилы?“ — „Почему же нельзя. Эй, Ванька! полно тебе с кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище да укажи ему смотрителеву могилу“.

При сих словах оборванный мальчик, рыжий и кривой, выбежал ко мне и тотчас повел меня за околицу.

„Знал ты покойника?“ — спросил я его дорогой. — „Как не знать! Он выучил меня дудочки вырезывать. Бывало (царство ему небесное!) идет из кабака, а мы-то за ним: „Дедушка, дедушка! орешков!“ — а он нас орешками и наделяет. Всё бывало с нами возится“.

„А проезжие вспоминают ли его?“

— „Да ныне мало проезжих; разве заседатель завернет, да тому не до мертвых. Вот летом проезжала барыня, так та спрашивала о старом смотрителе и ходила к нему на могилу“.

„Какая барыня?“ — спросил я с любопытством.

— „Прекрасная барыня“, отвечал мальчишка; „ехала она в карете в шесть лошадей с тремя маленькими барчатами и с кормилицей, и с черной моською; и как ей сказали, что старый смотритель умер, так она заплакала и сказала детям: „сидите смирно, а я схожу на кладбище“. А я было вызвался довести ее. А барыня сказала: „Я сама дорогу знаю“. И дала мне пятак серебром — такая добрая барыня!..“

Мы пришли на кладбище, голое место, ничем не огражденное, усеянное деревянными крестами, не осененными ни единым деревцом. Отроду не видал я такого печального кладбища.

„Вот могила старого смотрителя", — сказал мне мальчик, вспрыгнув на груду песку, в которую врыт был черный крест с медным образом.

— „И барыня приходила сюда?" — спросил я.

„Приходила", — отвечал Ванька; — „я смотрел на нее издали. Она легла здесь, и лежала долго. А там барыня пошла в село, и призвала попа, дала ему денег и поехала, а мне дала пятак серебром — славная барыня!"

И я дал мальчишке пятачок, и не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях, мною истраченных.

Барышня-крестьянка

Во всех ты, Душенька, нарядах хороша.
Богданович.

В одной из отдаленных наших губерний находилось имение Ивана Петровича Берестова. В молодости своей служил он в гвардии, вышел в отставку в начале 1797 года, уехал в свою деревню, и с тех пор оттуда не выезжал. Он был женат на бедной дворянке, которая умерла в родах, в то время, как он находился в отъезжем поле. Хозяйственные упражнения скоро его утешили. Он выстроил дом по собственному плану, завел у себя суконную фабрику, утроил доходы и стал почитать себя умнейшим человеком во всем околодке, в чем и не прекословили ему соседы, приезжавшие к нему гостить с своими семействами и собаками. В будни ходил он в плисовой куртке, по праздникам надевал сертук из сукна домашней работы; сам записывал расход, и ничего не читал, кроме Сенатских Ведомостей. Вообще его любили, хотя и почитали гордым. Не ладил с ним один Григорий Иванович Муромский, ближайший его сосед. Этот был настоящий русской барин. Промотав в Москве большую часть имения своего, и на ту пору овдовев, уехал он в последнюю свою деревню, где продолжал проказничать, но уже в новом роде. Развел он английский сад, на который тратил почти все остальные доходы. Конюхи его были одеты английскими жокеями. У дочери его была мадам англичанка. Поля свои обработывал он по английской методе;

Но на чужой манер хлеб русской не родится

и несмотря на значительное уменьшение расходов, доходы Григорья Ивановича не прибавлялись; он и в деревне находил способ входить в новые долги; со всем тем почитался человеком не глупым, ибо первый из помещиков своей губернии догадался заложить имение в Опекунской

Совет: оборот, казавшийся в то время чрезвычайно сложным и смелым. Из людей, осуждавших его, Берестов отзывался строже всех. Ненависть к нововведениям была отличительная черта его характера. Он не мог равнодушно говорить об англомании своего соседа, и поминутно находил случай его критиковать. Показывал ли гостю свои владения, в ответ на похвалы его хозяйственным распоряжениям: „Да-с! говорил он с лукавой усмешкою; „у меня не то, что у соседа Григорья Ивановича. Куда нам по-английски разоряться! Были бы мы по-русски хоть сыты". Сии и подобные шутки, по усердию соседов, доводимы были до сведения Григорья Ивановича с дополнением и объяснениями. Англоман выносил критику столь же нетерпеливо, как и наши журналисты. Он бесился и прозвал своего Зоила медведем и провинциалом.

Таковы были сношения между сими двумя владельцами, как сын Берестова приехал к нему в деревню. Он был воспитан в *** университете и намеревался вступить в военную службу, но отец на то не соглашался. К статской службе молодой человек чувствовал себя совершенно неспособным. Они друг другу не уступали, и молодой Алексей стал жить покамест барином, отпустив усы на всякой случай.

Алексей был, в самом деле, молодец. Право было бы жаль, если бы его стройного стана никогда не стягивал военный мундир, и если бы он, вместо того, чтоб рисоваться на коне, провел свою молодость, согнувшись над канцелярскими бумагами. Смотря, как он на охоте скакал всегда первый, не разбирая дороги, соседы говорили согласно, что из него никогда не выйдет путного столоначальника. Барышни поглядывали на него, а иногда и заглядывались; но Алексей мало ими занимался, а они причиной его нечувствительности полагали любовную связь. В самом деле, ходил по рукам список с адреса одного из его писем: *Акулине Петровне Курочкиной; в Москве, напротив Алексеевского монастыря, в доме медника Савельева, а вас покорнейше прошу доставить письмо сие А. Н. Р.*

Те из моих читателей, которые не живали в деревнях, не могут себе вообразить, что за прелесть эти уездные барышни! Воспитанные на чистом воздухе, в тени своих садовых яблонь, они знание света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам. Для барышни звон колокольчика есть уже приключение, поездка в ближайший город полагается эпохою в жизни, и посещение гостя оставляет долгое, иногда и вечное воспоминание. Конечно, всякому вольно смеяться над некоторыми их странностями; но шутки поверхностного наблюдателя не могут уничтожить их существенных досто-

инств, из коих главное: *особенность характера, самобытность* (individualité), без чего, по мнению Жан-Поля, не существует и человеческого величия. В столицах женщины получают, может быть, лучшее образование; но навык света скоро сглаживает характер и делает души столь же однообразными, как и головные уборы. Сие да будет сказано не в суд и не во осуждение, однако ж Nota nostra manet,* как пишет один старинный комментатор.

Легко вообразить, какое впечатление Алексей должен был произвести в кругу наших барышень. Он первый перед ними явился мрачным и разочарованным, первый говорил им об утраченных радостях и об увядшей своей юности; сверх того носил он черное кольцо с изображением мертвой головы. Всё это было чрезвычайно ново в той губернии. Барышни сходили по нем с ума.

Но всех более занята была им дочь англомана моего, Лиза (или Бетси, как звал ее обыкновенно Григорий Иванович). Отцы друг ко другу не ездили, она Алексея еще не видала, между тем как все молодые соседки только об нем и говорили. Ей было семнадцать лет. Черные глаза оживляли ее смуглое и очень приятное лицо. Она была единственное и следственно балованное дитя. Ее резвость и поминутные проказы восхищали отца и приводили в отчаянье ее мадам, мисс Жаксон, сорокалетнюю чопорную девицу, которая белилась и сурмила себе брови, два раза в год перечитывала Памелу, получала за то две тысячи рублей, и умирала со скуки в этой варварской России.

За Лизою ходила Настя; она была постарше, но столь же ветрена, как и ее барышня. Лиза очень любила ее, открывала ей все свои тайны, вместе с нею обдумывала свои затеи; словом, Настя была в селе Прилучине лицом гораздо более значительным, нежели любая наперсница во французской трагедии.

„Позвольте мне сегодня пойти в гости", сказала однажды Настя, одевая барышню.

— „Изволь; а куда?"

„В Тугилово, к Берестовым. Поварова жена у них именинница, и вчера приходила звать нас отобедать".

— „Вот!" сказала Лиза, „господа в ссоре, а слуги друг друга угощают".

„А нам какое дело до господ!" возразила Настя; „к тому же я ваша, а не папенькина. Вы ведь не бранились еще с молодым Берестовым; а старики пускай себе дерутся, коли им это весело".

---

* ⟨Замечание наше остается в силе⟩

— „Постарайся, Настя, увидеть Алексея Берестова, да расскажи мне хорошенько, каков он собою и что он за человек".

Настя обещалась, а Лиза с нетерпением ожидала целый день ее возвращения. Вечером Настя явилась. „Ну, Лизавета Григорьевна", сказала она, входя в комнату, „видела молодого Берестова; нагляделась довольно; целый день были вместе".

— „Как это? Расскажи, расскажи по порядку".

„Извольте-с: пошли мы, я, Анисья Егоровна, Ненила, Дунька..."

— „Хорошо, знаю. Ну потом".

„Позвольте-с, расскажу всё по порядку. Вот пришли мы к самому обеду. Комната полна была народу. Были колбинские, захарьевские, приказчица с дочерьми, хлупинские..."

— „Ну! а Берестов?"

„Погодите-с. Вот мы сели за стол, приказчица на первом месте, я подле нее... а дочери и надулись, да мне наплевать на них..."

— „Ах, Настя, как ты скучна с вечными своими подробностями!"

„Да как же вы нетерпеливы! Ну вот вышли мы из-за стола... а сидели мы часа три и обед был славный; пирожное блан-манже синее, красное и полосатое... Вот вышли мы из-за стола, и пошли в сад играть в горелки, а молодой барин тут и явился".

— „Ну что ж? Правда ли, что он так хорош собою?"

„Удивительно хорош, красавец, можно сказать. Стройный, высокий, румянец во всю щеку..."

— „Право? А я так думала, что у него лицо бледное. Что же? Каков он тебе показался? Печален, задумчив?"

„Что вы? Да этакого бешеного я и сроду не видывала. Вздумал он с нами в горелки бегать".

— „С вами в горелки бегать! Невозможно!"

„Очень возможно. Да что еще выдумал! Поймает, и ну целовать!"

— „Воля твоя, Настя, ты врешь".

„Воля ваша, не вру. Я насилу от него отделалась. Целый день с нами так и провозился".

— „Да как же, говорят, он влюблен и ни на кого не смотрит?"

„Не знаю-с, а на меня так уж слишком смотрел да и на Таню, приказчикову дочь, тоже; да и на Пашу колбинскую, да, грех сказать, никого не обидел, такой баловник!"

— „Это удивительно! А что в доме про него слышно?"

„Барин, сказывают, прекрасный: такой добрый, такой веселый. Одно не хорошо: за девушками слишком любит гоняться. Да, по мне, это еще не беда: современем остепенится".

— „Как бы мне хотелось его видеть!“ сказала Лиза со вздохом.

„Да что же тут мудреного? Тугилово от нас не далеко, всего три версты: подите гулять в ту сторону, или поезжайте верхом; вы верно встретите его. Он же всякой день, рано по утру, ходит с ружьем на охоту“.

— „Да нет, не хорошо. Он может подумать, что я за ним гоняюсь. К тому же отцы наши в ссоре, так и мне всё же нельзя будет с ним познакомиться... Ах, Настя! Знаешь ли что? Наряжусь я крестьянкою!“

„И в самом деле; наденьте толстую рубашку, сарафан, да и ступайте смело в Тугилово; ручаюсь вам, что Берестов уж вас не прозевает“.

— „А по-здешнему я говорить умею прекрасно. Ах, Настя, милая Настя! Какая славная выдумка!“ И Лиза легла спать с намерением непременно исполнить веселое свое предположение. На другой же день приступила она к исполнению своего плана, послала купить на базаре толстого полотна, синей китайки и медных пуговок, с помощью Насти скроила себе рубашку и сарафан, засадила за шитье всю девичью, и к вечеру всё было готово. Лиза примерила обнову, и призналась пред зеркалом, что никогда еще так мила самой себе не казалась. Она повторила свою роль, на ходу низко кланялась и несколько раз потом качала головою, на подобие глиняных котов, говорила на крестьянском наречии, смеялась, закрываясь рукавом, и заслужила полное одобрение Насти. Одно затрудняло ее: она попробовала было пройти по двору босая, но дерн колол ее нежные ноги, а песок и камешки показались ей нестерпимы. Настя и тут ей помогла: она сняла мерку с Лизиной ноги, сбегала в поле к Трофиму пастуху и заказала ему пару лаптей по той мерке. На другой день, ни свет ни заря, Лиза уже проснулась. Весь дом еще спал. Настя за воротами ожидала пастуха. Заиграл рожок, и деревенское стадо потянулось мимо барского двора. Трофим, проходя перед Настей, отдал ей маленькие, пестрые лапти и получил от нее полтину в награждение. Лиза тихонько нарядилась крестьянкою, шопотом дала Насте свои наставления касательно мисс Жаксон, вышла на заднее крыльцо и через огород побежала в поле.

Заря сияла на востоке, и золотые ряды облаков, казалось, ожидали солнца, как царедворцы ожидают государя; ясное небо, утренняя свежесть, роса, ветерок и пение птичек наполняли сердце Лизы младенческой веселостию; боясь какой-нибудь знакомой встречи, она, казалось, не шла, а летела. Приближаясь к роще, стоящей на рубеже отцовского владения, Лиза пошла тише. Здесь она должна была ожидать Алексея.

Сердце ее сильно билось, само не зная, почему; но боязнь, сопровождающая молодые наши проказы, составляет и главную их прелесть. Лиза вошла в сумрак рощи. Глухой, перекатный шум ее приветствовал девушку. Веселость ее притихла. Мало-по-малу предалась она сладкой мечтательности. Она думала... но можно ли с точностию определить, о чем думает семнадцатилетняя барышня, одна, в роще, в шестом часу весеннего утра? И так она шла, задумавшись, по дороге, осененной с обеих сторон высокими деревьями, как вдруг прекрасная лягавая собака залаяла на нее. Лиза испугалась и закричала. В то же время раздался голос: tout beau, Sbogar, ici*... и молодой охотник показался из-за кустарника. „Небось, милая“, сказал он Лизе: „собака моя не кусается“. Лиза успела уже оправиться от испуга, и умела тотчас воспользоваться обстоятельствами. „Да нет, барин“, сказала она, притворяясь полуиспуганной, полузастенчивой, „боюсь: она, вишь, такая злая; опять кинется“. Алексей (читатель уже узнал его) между тем пристально глядел на молодую крестьянку. „Я провожу тебя, если ты боишься“, сказал он ей; „ты мне позволишь идти подле себя?“ — „А кто те мешает?“ отвечала Лиза; „вольному воля, а дорога мирская“. — „Откуда ты?“ — „Из Прилучина; я дочь Василья кузнеца, иду по грибы“. (Лиза несла кузовок на веревочке.) „А ты, барин? Тугиловский, что ли?“ — „Так точно“, отвечал Алексей, „я камердинер молодого барина“. Алексею хотелось уровнять их отношения. Но Лиза поглядела на него и засмеялась. „А лжешь“, сказала она, „не на дуру напал. Вижу, что ты сам барин“. — „Почему же ты так думаешь?“ — „Да по всему“. — „Однако ж?“ — „Да как же барина с слугой не распознать? И одет-то не так, и баишь иначе, и собаку-то кличешь не по-нашему“. Лиза час от часу более нравилась Алексею. Привыкнув не церемониться с хорошенькими поселянками, он было хотел обнять ее; но Лиза отпрыгнула от него и приняла вдруг на себя такой строгой и холодный вид, что хотя это и рассмешило Алексея, но удержало его от дальнейших покушений. „Если вы хотите, чтобы мы были вперед приятелями“, сказала она с важностию, „то не извольте забываться“. — „Кто тебя научил этой премудрости?“ спросил Алексей, расхохотавшись. „Уж не Настенька ли, моя знакомая, не девушка ли барышни вашей? Вот какими путями распространяется просвещение!“ Лиза почувствовала, что вышла было из своей роли, и тотчас поправилась. „А что думаешь?“ сказала она; „разве я и на барском дворе никогда не бываю? небось: всего наслышалась и нагляделась. Однако“, продолжала она, „болтая с тобою, грибов не наберешь. Иди-ка ты, барин, в

---

* ⟨Спокойно, Сбогар, сюда⟩

„Барышня крестьянка“ С рис. ***Б. А. Дехтерева***

сторону, а я в другую. Прощения просим...“ Лиза хотела удалиться. Алексей удержал ее за руку. „Как тебя зовут, душа моя?“ — „Акулиной“, отвечала Лиза, стараясь освободить свои пальцы от руки Алексеевой; „да пусти ж, барин; мне и домой пора“. — „Ну, мой друг Акулина, непременно буду в гости к твоему батюшке, к Василью кузнецу“.— „Что ты?“ возразила с живостию Лиза, „ради Христа, не приходи. Коли дома узнают, что я с барином в роще болтала наедине, то мне беда будет; отец мой, Василий кузнец, прибьет меня до смерти“. — „Да я непременно хочу с тобою опять видеться“. — „Ну я когда-нибудь опять сюда приду за грибами“.—„Когда же?“—„Да хоть завтра“.— „Милая Акулина, расцеловал бы тебя, да не смею. Так завтра, в это время, не правда ли?“—„Да, да“.—„И ты не обманешь меня?“—„Не обману“.—„Побожись“.—„Ну вот те святая пятница, приду“.

Молодые люди расстались. Лиза вышла из лесу, перебралась через поле, прокралась в сад и опрометью побежала в ферму, где Настя ожидала ее. Там она переоделась, рассеянно отвечая на вопросы нетерпеливой наперсницы, и явилась в гостиную. Стол был накрыт, завтрак готов, и мисс Жаксон, уже набеленная и затянутая в рюмочку, нарезывала тоненькие тартинки. Отец похвалил ее за раннюю прогулку. „Нет ничего здоровее“, сказал он, „как просыпаться на заре“. Тут он привел несколько примеров человеческого долголетия, почерпнутых из английских журналов, замечая, что все люди, жившие более ста лет, не употребляли водки и вставали на заре зимой и летом. Лиза его не слушала. Она в мыслях повторяла все обстоятельства утреннего свидания, весь разговор Акулины с молодым охотником, и совесть начинала ее мучить. Напрасно возражала она самой себе, что беседа их не выходила из границ благопристойности, что эта шалость не могла иметь никакого последствия, совесть ее роптала громче ее разума. Обещание, данное ею на завтрашний день, всего более беспокоило ее: она совсем было решилась не сдержать своей торжественной клятвы. Но Алексей, прождав ее напрасно, мог идти отыскивать в селе дочь Василья кузнеца, настоящую Акулину, толстую, рябую девку, и таким образом догадаться об ее легкомысленной проказе. Мысль эта ужаснула Лизу, и она решилась на другое утро опять явиться в рощу Акулиной.

С своей стороны Алексей был в восхищении, целый день думал он о новой своей знакомке; ночью образ смуглой красавицы и во сне преследовал его воображение. Заря едва занималась, как он уже был одет. Не дав себе времени зарядить ружье, вышел он в поле с верным своим Сбогаром и побежал к месту обещанного свидания. Около получаса

прошло в несносном для него ожидании; наконец он увидел меж кустарника мелькнувший синий сарафан, и бросился навстречу милой Акулины. Она улыбнулась восторгу его благодарности; но Алексей тотчас заметил на ее лице следы уныния и беспокойства. Он хотел узнать тому причину. Лиза призналась, что поступок ее казался ей легкомысленным, что она в нем раскаивалась, что на сей раз не хотела она не сдержать данного слова, но что это свидание будет уже последним, и что она просит его прекратить знакомство, которое ни к чему доброму не может их довести. Всё это, разумеется, было сказано на крестьянском наречии; но мысли и чувства, необыкновенные в простой девушке, поразили Алексея. Он употребил всё свое красноречие, дабы отвратить Акулину от ее намерения; уверял ее в невинности своих желаний, обещал никогда не подать ей повода к раскаянию, повиноваться ей во всем, заклинал ее не лишать его одной отрады: видаться с нею наедине, хотя бы через день, хотя бы дважды в неделю. Он говорил языком истинной страсти, и в эту минуту был точно влюблен. Лиза слушала его молча. „Дай мне слово", сказала она наконец, „что ты никогда не будешь искать меня в деревне или расспрашивать обо мне. Дай мне слово не искать других со мною свиданий, кроме тех, которые я сама назначу". Алексей поклялся было ей святою пятницею, но она с улыбкой остановила его. „Мне не нужно клятвы", сказала Лиза, „довольно одного твоего обещания". После того они дружески разговаривали, гуляя вместе по лесу, до тех пор пока Лиза сказала ему: пора. Они расстались, и Алексей, оставшись наедине, не мог понять, каким образом простая деревенская девочка в два свидания успела взять над ним истинную власть. Его сношения с Акулиной имели для него прелесть новизны, и хотя предписания странной крестьянки казались ему тягостными, но мысль не сдержать своего слова не пришла даже ему в голову. Дело в том, что Алексей, несмотря на роковое кольцо, на таинственную переписку и на мрачную разочарованность, был доброй и пылкой малый и имел сердце чистое, способное чувствовать наслаждения невинности.

Если бы слушался я одной своей охоты, то непременно и во всей подробности стал бы описывать свидания молодых людей, возрастающую взаимную склонность и доверчивость, занятия, разговоры; но знаю, что большая часть моих читателей не разделила бы со мною моего удовольствия. Эти подробности вообще должны казаться приторными, и так я пропущу их, сказав вкратце, что не прошло еще и двух месяцев, а мой Алексей был уже влюблен без памяти, и Лиза была не равнодушнее, хотя и молчаливее его. Оба они были счастливы настоящим и мало думали о будущем.

Мысль о неразрывных узах довольно часто мелькала в их уме, но никогда они о том друг с другом не говорили. Причина ясная: Алексей, как ни привязан был к милой своей Акулине, всё помнил расстояние, существующее между ним и бедной крестьянкою; а Лиза ведала, какая ненависть существовала между их отцами, и не смела надеяться на взаимное примирение. К тому же самолюбие ее было втайне подстрекаемо темной, романическою надеждою увидеть наконец тугиловского помещика у ног дочери прилучинского кузнеца. Вдруг важное происшествие чуть было не переменило их взаимных отношений.

В одно ясное, холодное утро (из тех, какими богата наша русская осень), Иван Петрович Берестов выехал прогуляться верхом, на всякой случай взяв с собою пары три борзых, стремянного и несколько дворовых мальчишек с трещотками. В то же самое время Григорий Иванович Муромский, соблазнясь хорошею погодою, велел оседлать куцую свою кобылку и рысью поехал около своих англизированных владений. Подъезжая к лесу, увидел он соседа своего, гордо сидящего верхом, в чекмене, подбитом лисьим мехом, и поджидающего зайца, которого мальчишки криком и трещотками выгоняли из кустарника. Если б Григорий Иванович мог предвидеть эту встречу, то конечно б он поворотил в сторону; но он наехал на Берестова вовсе неожиданно, и вдруг очутился от него в расстоянии пистолетного выстрела. Делать было нечего: Муромский, как образованный европеец, подъехал к своему противнику и учтиво его приветствовал. Берестов отвечал с таким же усердием, с каковым цепной медведь кланяется *господам* по приказанию своего вожатого. В сие время заяц выскочил из лесу и побежал полем. Берестов и стремянной закричали во всё горло, пустили собак и следом поскакали во весь опор. Лошадь Муромского, не бывавшая никогда на охоте, испугалась и понесла. Муромский, провозгласивший себя отличным наездником, дал ей волю и внутренно доволен был случаем, избавляющим его от неприятного собеседника. Но лошадь, доскакав до оврага, прежде ею не замеченного, вдруг кинулась в сторону, и Муромский не усидел. Упав довольно тяжело на мерзлую землю, лежал он, проклиная свою куцую кобылу, которая, как будто опомнясь, тотчас остановилась, как только почувствовала себя без седока. Иван Петрович подскакал к нему, осведомляясь, не ушибся ли он. Между тем стремянный привел виновную лошадь, держа ее под устцы. Он помог Муромскому взобраться на седло, а Берестов пригласил его к себе. Муромский не мог отказаться, ибо чувствовал себя обязанным, и таким образом Берестов возвратился домой со славою, затравив зайца и ведя своего противника раненым и почти военнопленным.

Соседы, завтракая, разговорились довольно дружелюбно. Муромский попросил у Берестова дрожек, ибо признался, что от ушибу не был он в состоянии доехать до дома верхом. Берестов проводил его до самого крыльца, а Муромский уехал не прежде, как взяв с него честное слово на другой же день (и с Алексеем Ивановичем) приехать отобедать по-приятельски в Прилучино. Таким образом вражда старинная и глубоко укоренившаяся, казалось, готова́ была прекратиться от пугливости куцой кобылки.

Лиза выбежала навстречу Григорию Ивановичу. „Что это значит, папа?“ сказала она с удивлением; „отчего вы хромаете? Где ваша лошадь? Чьи это дрожки?“—„Вот уж не угадаешь, my dear“ *, отвечал ей Григорий Иванович, и рассказал всё, что случилось. Лиза не верила своим ушам. Григорий Иванович, не дав ей опомниться, объявил, что завтра будут у него обедать оба Берестовы. „Что вы говорите!“ сказала она, побледнев. „Берестовы, отец и сын! Завтра у нас обедать! Нет, папа, как вам угодно: я ни за что не покажусь“.—„Что ты, с ума сошла?“ возразил отец: „давно ли ты стала так застенчива, или ты к ним питаешь наследственную ненависть, как романическая героиня? Полно, не дурачься...“—„Нет, папа, ни за что на свете, ни за какие сокровища не явлюсь я перед Берестовыми“. Григорий Иванович пожал плечами и более с нею не спорил, ибо знал, что противоречием с нее ничего не возьмешь, и пошел отдыхать от своей достопримечательной прогулки.

Лизавета Григорьевна ушла в свою комнату и призвала Настю. Обе долго рассуждали о завтрашнем посещении. Что подумает Алексей, если узнает в благовоспитанной барышне свою Акулину? Какое мнение будет он иметь о ее поведении и правилах, о ее благоразумии? С другой стороны Лизе очень хотелось видеть, какое впечатление произвело бы на него свидание столь неожиданное... Вдруг мелькнула ей мысль. Она тотчас передала ее Насте; обе обрадовались ей как находке и положили исполнить ее непременно.

На другой день за завтраком Григорий Иванович спросил у дочки всё ли намерена она спрятаться от Берестовых. „Папа“, отвечала Лиза, „я приму их, если это вам угодно, только с уговором: как бы я перед ними ни явилась, что б я ни сделала, вы бранить меня не будете и не дадите никакого знака удивления или неудовольствия“.—„Опять какие-нибудь проказы!“ сказал смеясь Григорий Иванович. „Ну, хорошо, хорошо; согласен, делай, что хочешь, черноглазая моя шалунья“. С этим словом он поцеловал ее в лоб, и Лиза побежала приготовляться.

---

* ⟨Моя дорогая⟩

В два часа ровно коляска домашней работы, запряженная шестью лошадьми, въехала на двор и покатилась около густозеленого дернового круга. Старый Берестов взошел на крыльцо с помощью двух ливрейных лакеев Муромского. Вслед за ним сын его приехал верхом, и вместе с ним вошел в столовую, где стол был уже накрыт. Муромский принял своих соседов как нельзя ласковее, предложил им осмотреть перед обедом сад и зверинец, и повел по дорожкам, тщательно выметенным и усыпанным песком. Старый Берестов внутренно жалел о потерянном труде и времени на столь бесполезные прихоти, но молчал из вежливости. Сын его не разделял ни неудовольствия расчетливого помещика, ни восхищения самолюбивого англомана; он с нетерпением ожидал появления хозяйской дочери, о которой много наслышался, и хотя сердце его, как нам известно, было уже занято, но молодая красавица всегда имела право на его воображение.

Возвратясь в гостиную, они уселись втроем: старики вспомнили прежнее время и анекдоты своей службы, а Алексей размышлял о том, какую роль играть ему в присутствии Лизы. Он решил, что холодная рассеянность во всяком случае всего приличнее, и вследствие сего приготовился. Дверь отворилась; он повернул голову с таким равнодушием, с такою гордою небрежностию, что сердце самой закоренелой кокетки непременно должно было бы содрогнуться. К несчастию, вместо Лизы, вошла старая мисс Жаксон, набеленая, затянутая, с потупленными глазами и с маленьким книксом, и прекрасное военное движение Алексеево пропало втуне. Не успел он снова собраться с силами, как дверь опять отворилась, и на сей раз вошла Лиза. Все встали; отец начал было представление гостей, но вдруг остановился и поспешно закусил себе губы... Лиза, его смуглая Лиза, набелена была по уши, насурмлена пуще самой мисс Жаксон; фальшивые локоны, гораздо светлее собственных ее волос, взбиты были, как парик Людовика XIV; рукава à l'imbécile торчали как фижмы у Madame de Pompadour; талия была перетянута как буква икс, и все брилиянты ее матери, еще не заложенные в ломбарде, сияли на ее пальцах, шее и ушах. Алексей не мог узнать свою Акулину в этой смешной и блестящей барышне. Отец его подошел к ее ручке, и он с досадою ему последовал; когда прикоснулся он к ее беленьким пальчикам, ему показалось, что они дрожали. Между тем он успел заметить ножку, с намерением выставленную и обутую со всевозможным кокетством. Это помирило его несколько с остальным ее нарядом. Что касается до белил и до сурьмы, то в простоте своего сердца, признаться, он их с первого взгляда не заметил, да и после не подозревал. Григорий Иванович вспомнил свое обе-

щание и старался не показать и вида удивления; но шалость его дочери казалась ему так забавна, что он едва мог удержаться. Не до смеху было чопорной англичанке. Она догадывалась, что сурьма и белилы были похищены из ее комода, и багровый румянец досады пробивался сквозь искусственную белизну ее лица. Она бросала пламенные взгляды на молодую проказницу, которая, отлагая до другого времени всякие объяснения, притворялась, будто их не замечает.

Сели за стол. Алексей продолжал играть роль рассеянного и задумчивого. Лиза жеманилась, говорила сквозь зубы, нараспев, и только по-французски. Отец поминутно засматривался на нее, не понимая ее цели, но находя всё это весьма забавным. Англичанка бесилась и молчала. Один Иван Петрович был как дома: ел за двоих, пил в свою меру, смеялся своему смеху и час от часу дружелюбнее разговаривал и хохотал.

Наконец встали из-за стола; гости уехали, и Григорий Иванович дал волю смеху и вопросам. „Что тебе вздумалось дурачить их?“ спросил он Лизу. „А знаешь ли что? Белилы право тебе пристали; не вхожу в тайны дамского туалета, но на твоем месте я бы стал белиться; разумеется, не слишком, а слегка“. Лиза была в восхищении от успеха своей выдумки. Она обняла отца, обещалась ему подумать о его совете и побежала умилостивлять раздраженную мисс Жаксон, которая насилу согласилась отпереть ей свою дверь и выслушать ее оправдания. Лизе было совестно показаться перед незнакомцами такой чернавкою; она не смела просить... она была уверена, что добрая, милая мисс Жаксон простит ей... и проч. и проч. Мисс Жаксон, удостоверясь, что Лиза не думала поднять ее насмех, успокоилась, поцеловала Лизу и в залог примирения подарила ей баночку английских белил, которую Лиза и приняла с изъявлением искренной благодарности.

Читатель догадается, что на другой день утром Лиза не замедлила явиться в роще свиданий. „Ты был, барин, вечор у наших господ?“ сказала она тотчас Алексею; „какова показалась тебе барышня?“ Алексей отвечал, что он ее не заметил. „Жаль“, возразила Лиза. — „А почему же?“ спросил Алексей. — „А потому, что я хотела бы спросить у тебя, правда ли, говорят...“ — „Что же говорят?“ — „Правда ли, говорят, будто бы я на барышню похожа?“ — „Какой вздор! Она перед тобой урод уродом“. — „Ах, барин, грех тебе это говорить; барышня наша такая беленькая, такая щеголиха! Куда мне с нею ровняться!“ Алексей божился ей, что она лучше всевозможных беленьких барышень, и чтоб успокоить ее совсем, начал описывать ее госпожу такими смешными чертами, что Лиза хохотала от души. „Однако ж“, сказала она

со вздохом, „хоть барышня, может, и смешна, всё же я перед нею дура безграмотная“. — „И!“ сказал Алексей, „есть о чем сокрушаться! Да коли хочешь, я тотчас выучу тебя грамоте“. — „А взаправду“, сказала Лиза, „не попытаться ли и в самом деле?“ — „Изволь, милая; начнем хоть сейчас“. Они сели. Алексей вынул из кармана карандаш и записную книжку, и Акулина выучилась азбуке удивительно скоро. Алексей не мог надивиться ее понятливости. На следующее утро она захотела попробовать и писать; сначала карандаш не слушался ее, но через несколько минут она и вырисовывать буквы стала довольно порядочно. „Что за чудо!“ говорил Алексей. „Да у нас учение идет скорее, чем по Ланкастерской системе“. В самом деле, на третьем уроке Акулина разбирала уже по складам Наталью Боярскую дочь, прерывая чтение замечаниями, от которых Алексей истинно был в изумлении, и круглый лист измарала афоризмами, выбранными из той же повести.

Прошла неделя, и между ними завелась переписка. Почтовая контора учреждена была в дупле старого дуба. Настя втайне исправляла должность почталиона. Туда приносил Алексей крупным почерком написанные письма, и там же находил на синей простой бумаге каракульки своей любезной. Акулина видимо привыкала к лучшему складу речей, и ум ее приметно развивался и образовывался.

Между тем недавнее знакомство между Иваном Петровичем Берестовым и Григорьем Ивановичем Муромским более и более укреплялось и вскоре превратилось в дружбу, вот по каким обстоятельствам: Муромский нередко думал о том, что по смерти Ивана Петровича, всё его имение перейдет в руки Алексею Ивановичу; что в таком случае Алексей Иванович будет один из самых богатых помещиков той губернии, и что нет ему никакой причины не жениться на Лизе. Старый же Берестов, с своей стороны, хотя и признавал в своем соседе некоторое сумасбродство (или, по его выражению, английскую дурь), однако ж не отрицал в нем и многих отличных достоинств, например: редкой оборотливости; Григорий Иванович был близкой родственник графу Пронскому, человеку знатному и сильному; граф мог быть очень полезен Алексею, а Муромский (так думал Иван Петрович) вероятно обрадуется случаю выдать свою дочь выгодным образом. Старики до тех пор обдумывали всё это каждый про себя, что наконец друг с другом и переговорились, обнялись, обещались дело порядком обработать и принялись о нем хлопотать каждый со своей стороны. Муромскому предстояло затруднение: уговорить свою Бетси познакомиться короче с Алексеем, которого не видала она с самого достопамятного обеда.

Казалось, они друг другу не очень нравились; по крайней мере, Алексей уже не возвращался в Прилучино, а Лиза уходила в свою комнату всякой раз, как Иван Петрович удостоивал их своим посещением. Но, думал Григорий Иванович, если Алексей будет у меня всякой день, то Бетси должна же будет в него влюбиться. Это в порядке вещей. Время всё сладит.

Иван Петрович менее беспокоился об успехе своих намерений. В тот же вечер призвал он сына в свой кабинет, закурил трубку, и, немного помолчав, сказал: „Что же ты, Алеша, давно про военную службу не поговариваешь? Или гусарской мундир уже тебя не прельщает!“ — „Нет, батюшка“, отвечал почтительно Алексей, „я вижу, что вам не угодно, чтоб я шел в гусары: мой долг вам повиноваться“. — „Хорошо“, отвечал Иван Петрович, „вижу, что ты послушный сын; это мне утешительно; не хочу ж и я тебя неволить; не понуждаю тебя вступить... тотчас... в статскую службу; а покамест намерен я тебя женить“.

„На ком это, батюшка?“ спросил изумленный Алексей.

— „На Лизавете Григорьевне Муромской“, отвечал Иван Петрович; „невеста хоть куда; не правда ли?“

„Батюшка, я о женитьбе еще не думаю“.

— „Ты не думаешь, так я за тебя думал и передумал“.

„Воля ваша, Лиза Муромская мне вовсе не нравится“.

— „После понравится. Стерпится, слюбится“.

„Я не чувствую себя способным сделать ее счастие“.

— „Не твое горе, ее счастие. Что? так-то ты почитаешь волю родительскую? Добро!“

„Как вам угодно, я не хочу жениться и не женюсь“.

— „Ты женишься, или я тебя прокляну, а имение, как бог свят! продам и промотаю, и тебе полушки не оставлю. Даю тебе три дня на размышление, а покамест не смей на глаза мне показаться“.

Алексей знал, что если отец заберет что себе в голову, то уж того, по выражению Тараса Скотинина, у него и гвоздем не вышибешь; но Алексей был в батюшку, и его столь же трудно было переспорить. Он ушел в свою комнату и стал размышлять о пределах власти родительской, о Лизавете Григорьевне, о торжественном обещании отца сделать его нищим, и наконец об Акулине. В первый раз видел он ясно, что он в нее страстно влюблен; романическая мысль жениться на крестьянке и жить своими трудами пришла ему в голову, и чем более думал он о сем решительном поступке, тем более находил в нем благоразумия. С некоторого времени свидания в роще были прекра-

щены по причине дождливой погоды. Он написал Акулине письмо самым четким почерком и самым бешеным слогом, объявил ей о грозящей им погибели, и тут же предлагал ей свою руку. Тотчас отнес он письмо на почту, в дупло, и лег спать весьма довольный собою.

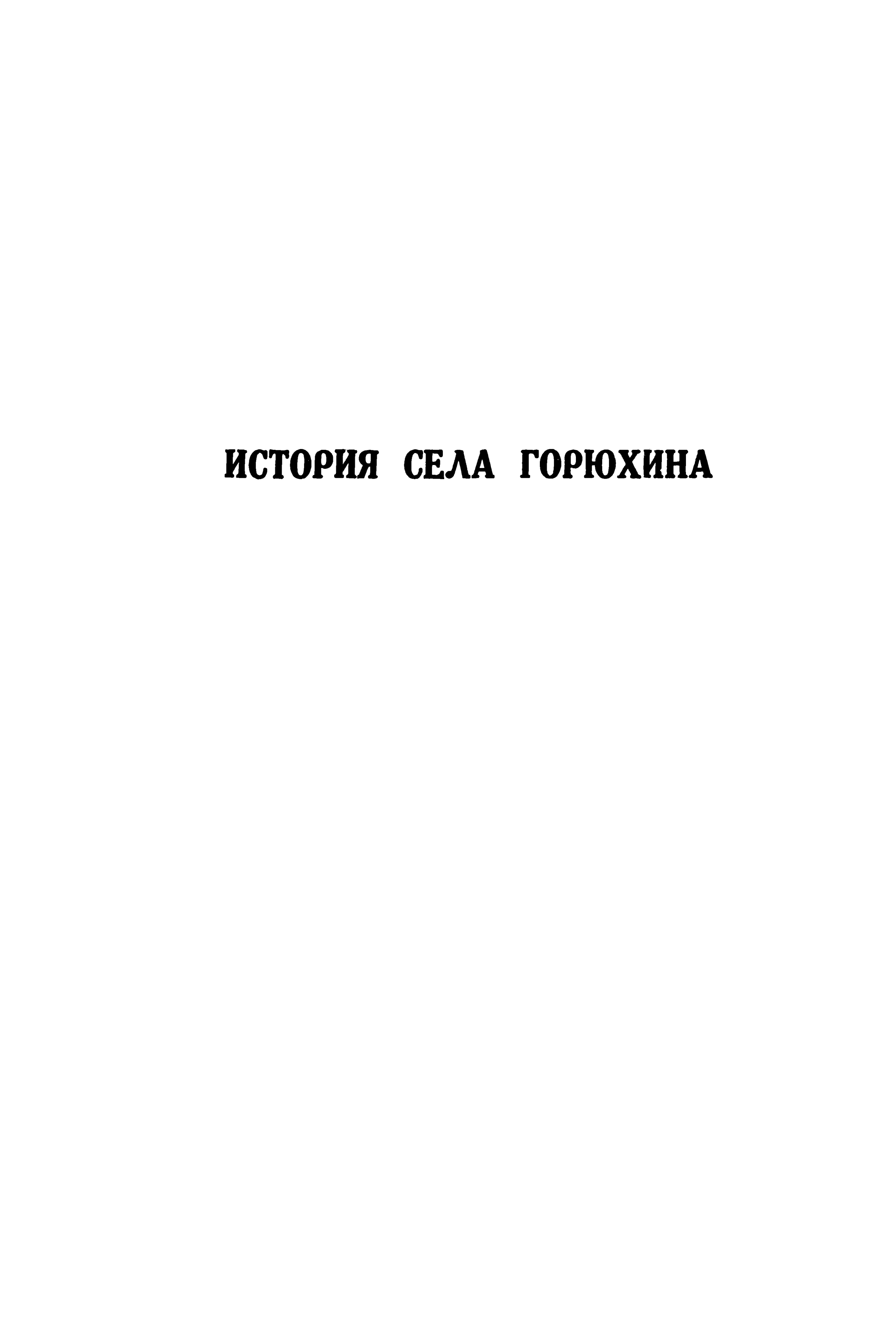
На другой день Алексей, твердый в своем намерении, рано утром поехал к Муромскому, дабы откровенно с ним объясниться. Он надеялся подстрекнуть его великодушие и склонить его на свою сторону. „Дома ли Григорий Иванович?“ спросил он, останавливая свою лошадь перед крыльцом прилучинского замка. „Никак нет“, отвечал слуга; „Григорий Иванович с утра изволил выехать“. — „Как досадно!“ подумал Алексей. „Дома ли, по крайней мере, Лизавета Григорьевна?“ — „Дома-с“. И Алексей спрыгнул с лошади, отдал поводья в руки лакею, и пошел без доклада.

„Всё будет решено“, думал он, подходя к гостиной; „объяснюсь с нею самою“. — Он вошел... и остолбенел! Лиза... нет, Акулина, милая, смуглая Акулина, не в сарафане, а в белом утреннем платьице, сидела перед окном и читала его письмо; она так была занята, что не слыхала, как он и вошел. Алексей не мог удержаться от радостного восклицания. Лиза вздрогнула, подняла голову, закричала и хотела убежать. Он бросился ее удерживать. „Акулина, Акулина!..“ Лиза старалась от него освободиться... „Mais laissez-moi donc, Monsieur; mais êtes-vous fou?“ повторяла она, отворачиваясь. „Акулина! друг мой, Акулина!“ повторял он, целуя ее руки. Мисс Жаксон, свидетельница этой сцены, не знала, что подумать. В эту минуту дверь отворилась, и Григорий Иванович вошел.

„Ага!“ сказал Муромский, „да у вас, кажется, дело совсем уже слажено...“

Читатели избавят меня от излишней обязанности описывать развязку.

Конец повестям И. П. Белкина.



ИСТОРИЯ СЕЛА ГОРЮХИНА

Если бог пошлет мне читателей, то, может быть, для них будет любопытно узнать, каким образом решился я написать Историю села Горюхина. Для того должен я войти в некоторые предварительные подробности.

Я родился от честных и благородных родителей в селе Горюхине 1801 года апреля 1 числа и первоначальное образование получил от нашего дьячка. Сему-то почтенному мужу обязан я впоследствии развившейся во мне охотою к чтению и вообще к занятиям литературным. Успехи мои хотя были медленны, но благонадежны, ибо на десятом году от роду я знал уже почти всё то, что поныне осталось у меня в памяти, от природы слабой и которую по причине столь же слабого здоровья не дозволяли мне излишне отягощать.

Звание литератора всегда казалось для меня самым завидным. Родители мои, люди почтенные, но простые и воспитанные по-старинному, никогда ничего не читывали, и во всем доме, кроме Азбуки, купленной для меня, календарей и Новейшего письмовника, никаких книг не находилось. Чтение письмовника долго было любимым моим упражнением. Я знал его наизусть и, несмотря на то, каждый день находил в нем новые, незамеченные красоты. После генерала Племянникова, у которого батюшка был некогда адъютантом, Курганов казался мне величайшим человеком. Я расспрашивал о нем у всех, и, к сожалению, никто не мог удовлетворить моему любопытству, никто не знал его лично, на все мои вопросы отвечали только, что Курганов сочинил Новейший письмовник, что твердо знал я и прежде. Мрак неизвестности окружал его, как некоего древнего полубога; иногда я даже сомневался в истине его существования. Имя его казалось мне вымышленным, и предание о нем пустою мифою, ожидавшею изыскания нового Нибура. Однако же он всё преследовал мое воображение, я старался придать какой-нибудь образ сему таинственному лицу, и наконец решил, что должен он был походить на земского заседателя Корючкина, маленького старичка, с красным носом и сверкающими глазами.

В 1812 году повезли меня в Москву и отдали в пансион Карла Ивановича Мейера — где пробыл я не более трех месяцев, ибо нас распустили перед вступлением неприятеля — я возвратился в деревню. По изгнании двухнадесяти языков, хотели меня снова везти в Москву посмотреть, не возвратился ли Карл Иванович на прежнее пепелище или, в противном случае, отдать меня в другое училище, но я упросил матушку оставить меня в деревне, ибо здоровье мое не позволяло мне вставать с постели в 7 часов, как обыкновенно заведено во всех пансионах. Таким образом достиг я 16-летнего возраста, оставаясь при первоначальном моем образовании и играя в лапту с моими потешными, единственная наука, в коей приобрел я достаточное познание во время пребывания моего в пансионе.

В сие время определился я юнкером в ** пехотный полк, в коем и находился до прошлого 18... года. Пребывание мое в полку оставило мне мало приятных впечатлений кроме производства в офицеры и выигрыша 240 рублей в то время, как у меня в кармане всего оставался рубль 6 грив. Смерть дражайших моих родителей, воспоследовавшая в одно время, принудила меня подать в отставку и приехать в мою вотчину.

Сия эпоха жизни моей столь для меня важна, что я намерен о ней распространиться, заранее прося извинения у благосклонного читателя, если во зло употреблю снисходительное его внимание.

День был осенний и пасмурный.— Прибыв на станцию, с которой должно было мне своротить на Горюхино, нанял я вольных и поехал проселочною дорогой. — Хотя я нрава от природы тихого, но нетерпение вновь увидеть места, где провел я лучшие свои годы, так сильно овладело мной, что я поминутно погонял моего ямщика, то обещая ему на водку, то угрожая побоями, и как удобнее было мне толкать его в спину, нежели вынимать и развязывать кошелек, то, признаюсь, раза три и ударил его, что от роду со мною не случалось, ибо сословие ямщиков, сам не знаю почему, для меня в особенности любезно. — Ямщик погонял свою тройку, но мне казалось, что он, по обыкновению ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутом, всё-таки затягивал гужи. — Наконец, завидел горюхинскую рощу; и через 10 минут въехал на барский двор. Сердце мое сильно билось — я смотрел вокруг себя с волнением неописанным. 8 лет не видал я Горюхина. Березки, которые при мне посажены были около забора, выросли и стали теперь высокими, ветвистыми деревьями. Двор, бывший некогда украшен тремя правильными цветниками — меж которых шла широкая дорога, усыпанная песком, — теперь обращен был в некошенный луг, на котором паслась бурая корова. Бричка моя остановилась у переднего крыльца. — Человек

мой пошел было отворить двери, но они были заколочены, хотя ставни были открыты и дом казался обитаемым. Баба вышла из людской избы и спросила, кого мне надобно. Узнав, что барин приехал, она снова побежала в избу, и вскоре дворня меня окружила. Я был тронут до глубины сердца, увидя знакомые и незнакомые лица — и дружески со всеми ими целуясь: мои потешные мальчишки были уж мужиками, а сидевшие некогда на полу для посылок девчонки замужними бабами. Мужчины плакали. Женщинам говорил я без церемонии: „Как ты постарела“ — и мне отвечали с чувством — „Как вы-то, батюшка, подурнели“. — Повели меня на заднее крыльцо, навстречу мне вышла моя кормилица и обняла меня с плачем и рыданием, как многострадального Одиссея. Побежали топить баню. Повар, в бездействии отростивший себе бороду, вызвался приготовить мне обед или ужин — ибо уже смеркалось. Тотчас очистили мне комнаты, в коих жила кормилица с девушками покойной матушки, и я очутился в смиренной отеческой обители и заснул в той самой комнате, в которой за 23 года тому родился.

Около трех недель прошло для меня в хлопотах всякого роду — я возился с заседателями, предводителями и всевозможными губернскими чиновниками. — Наконец принял я наследство и был введен во владение отчиной. — Я успокоился, но скоро скука бездействия стала меня мучить. Я не был еще знаком с добрым и почтенным соседом моим **. — Занятия хозяйственные были вовсе для меня чужды. — Разговоры кормилицы моей, произведенной мною в ключницы и управительницы, состояли счетом из 15 домашних анекдотов, весьма для меня любопытных, но рассказываемых ею всегда одинаково, так что она сделалась для меня другим *новейшим письмовником*, в котором я знал, на какой странице какую найду строчку. — Настоящий же заслуженный письмовник был мною найден в кладовой, между всякой рухлядью, в жалком состоянии. — Я вынес его на свет и принялся было за него, но Курганов потерял для меня прежнюю свою прелесть, я прочел его еще раз и больше уже не открывал.

В сей крайности пришло мне на мысль: не попробовать ли самому что-нибудь сочинить? Благосклонный читатель знает уже, что воспитан я был на медные деньги и что не имел я случая приобрести сам собою то, что было раз упущено, до шестнадцати лет играя с дворовыми мальчишками, а потом переходя из губернии в губернию, из квартиры на квартиру, провождая время с жидами да с маркитантами, играя на ободранных биллиардах и маршируя в грязи.

К тому же, быть сочинителем казалось мне так мудрено, так недосягаемо нам, непосвященным, что мысль взяться за перо сначала испу-

гала меня. Смел ли я надеяться попасть когда-нибудь в число писателей, когда уже пламенное желание мое встретиться с одним из них никогда не было исполнено? Но это напоминает мне случай, который намерен я рассказать в доказательство всегдашней страсти моей к отечественной словесности.

В 1820 году еще юнкером случилось мне быть по казенной надобности в ПБ. Я прожил в нем неделю и, несмотря на то, что не было там у меня ни одного знакомого человека, провел время чрезвычайно весело: каждый день тихонько ходил я в театр, в галлерею 4-го яруса. — Всех актеров узнал по имени и страстно влюбился в **, игравшую с большим искусством в одно воскресенье роль Амалии в драме *Ненависть к людям и раскаяние*. Утром, возвращаясь из Главного Штаба, заходил я обыкновенно в низенькую конфетную лавку и за чашкой шоколаду читал литературные журналы. Однажды сидел я углубленный в критическую статью *Благонамеренного;* некто в гороховой шинеле ко мне подошел и из-под моей книжки тихонько потянул листок Гамбургской Газеты. Я так был занят, что не поднял и глаз. Незнакомый спросил себе бифштексу и сел передо мною; я всё читал, не обращая на него внимания; он между тем позавтракал, сердито побранил мальчика за неисправность, выпил полбутылки вина и вышел. — Двое молодых людей тут же завтракали. „Знаешь ли, кто это был? — сказал один другому: — Это Б., сочинитель“. Сочинитель! воскликнул я невольно, — и, оставя журнал недочитанным и чашку недопитою, побежал расплачиваться и, не дождавшися сдачи, выбежал на улицу. Смотря во все стороны, увидел я издали гороховую шинель и пустился за нею по Невскому проспекту — только что не бегом. Сделав несколько шагов, чувствую вдруг, что меня останавливают — оглядываюсь, гвардейский офицер заметил мне, что-де мне следовало б не толкнуть его с тротуара, но скорее остановиться и вытянуться. После сего выговора я стал осторожнее; на беду мою, поминутно встречались мне офицеры, я поминутно останавливался, а сочинитель всё уходил от меня вперед. От роду моя солдатская шинель не была мне столь тягостною — от роду эполеты не казались мне столь завидными; наконец у самого Аничкина моста догнал я гороховую шинель. „Позвольте спросить, — сказал я, приставя ко лбу руку, — вы г. Б., коего прекрасные статьи имел я счастие читать в Соревнователе Просвещения?“ — Никак нет-с, — отвечал он мне, — я не сочинитель, а стряпчий; но ** мне очень знаком: четверть часа тому я встретил его у Полицейского мосту. — Таким образом уважение мое к русской литературе стоило мне 30 копеек потерянной сдачи, выговора по службе и чуть-чуть не ареста — а всё даром.

Несмотря на все возражения моего рассудка, дерзкая мысль сделаться писателем поминутно приходила мне в голову. Наконец, не будучи более в состоянии противиться влечению природы, я сшил себе толстую тетрадь с твердым намерением наполнить ее чем бы то ни было. Все роды поэзии (ибо о смиренной прозе я еще и не помышлял) были мною разобраны, оценены, и я непременно решился на эпическую поэму, почерпнутую из Отечественной Истории. — Не долго искал я себе героя. Я выбрал Рюрика — и принялся за работу.

К стихам приобрел я некоторый навык, переписывая тетрадки, ходившие по рукам между нашими офицерами, именно: *Опасного Соседа, Критику на Московский Бульвар, на Пресненские пруды* и т. п. Несмотря на то, поэма моя подвигалась медленно, и я бросил ее на третьем стихе. Я думал, что эпический род не мой род, и начал трагедию Рюрик. Трагедия не пошла. Я попробовал обратить ее в балладу — но и баллада как-то мне не давалась. Наконец вдохновение озарило меня, я начал и благополучно окончил надпись к портрету Рюрика.

Несмотря на то, что надпись моя была не вовсе недостойна внимания, особенно как первое произведение молодого стихотворца, однако ж я почувствовал, что я не рожден поэтом, и довольствовался сим первым опытом. Но творческие мои попытки так привязали меня к литературным занятиям, что уже не мог я расстаться с тетрадью и чернильницей. — Я хотел низойти к прозе. На первый случай, не желая заняться предварительным изучением, расположением плана, скреплением частей и т. под., я вознамерился писать отдельные мысли, без связи, без всякого порядка, в том виде, как они мне станут представляться. К несчастию, мысли не приходили мне в голову — и в целые 2 дня надумал я только следующее замечание:

Человек, не повинующийся законам рассудка и привыкший следовать внушениям страстей, часто заблуждается и подвергает себя позднему раскаянию.

Мысль, конечно, справедливая, но уже не новая. Оставя мысли, принялся я за повести, но, не умея с непривычки расположить вымышленное происшествие, я избрал замечательные анекдоты, некогда мною слышанные от разных особ, и старался украсить истину живостию рассказа, а иногда и цветами собственного воображения. Составляя сии повести, малу-по-малу образовал я свой слог и приучился выражаться правильно, приятно и свободно. — Но скоро запас мой истощился, и я стал опять искать предмета для литературной моей деятельности.

Мысль оставить мелочные и сомнительные анекдоты для повествования истинных и великих происшествий давно тревожила мое вообра-

жение. Быть судиею, наблюдателем и пророком веков и народов казалось мне высшею степенью, доступной для писателя. Но какую историю мог я написать с моей жалкой образованностию, где бы не предупредили меня многоученые, добросовестные мужи? Какой род истории не истощен уже ими? Стану ль писать историю всемирную — но разве не существует уже бессмертный труд аббата Милота? Обращусь ли к истории отечественной, что скажу я после Татищева, Болтина и Голикова? И мне ли рыться в летописях и добираться до сокровенного смысла обветшалого языка, когда не мог я выучиться славянским цыфрам? Я думал об истории меньшего объема, напр. об истории губернского нашего города; но и тут сколько препятствий для меня неодолимых! Поездка в город, визиты к губернатору и к архиерею, просьба о допущении в архивы и монастырские кладовые и проч. История уездного нашего города была бы для меня удобнее, но она не была занимательна ни для философа, ни для прагматика, и представляла мало пищи красноречию. *** был переименован в город в 17** году, и единственное замечательное происшествие, сохранившееся в его летописях, есть ужасный пожар, случившийся 10 лет тому назад — и истребивший базар и присутственные места.

Нечаянный случай разрешил мои недоумения. Баба, развешивая белье на чердаке, нашла старую корзину, наполненную щепками, сором и книгами. Весь дом знал охоту мою к чтению. — Ключница моя, в то самое время, как я, сидя за моей тетрадью, грыз перо и думал об опыте сельских проповедей, с торжеством втащила корзинку в мою комнату, радостно восклицая: „книги! книги!“—Книги! — повторил я с восторгом и бросился к корзинке. В самом деле, я увидел целую груду книг в зеленом и синем бумажном переплете — это было собрание старых календарей.— Сие открытие охладило мой восторг, но всё я был рад нечаянной находке, всё же это были книги, и я щедро наградил усердие прачки полтиною серебром.

Оставшись наедине, я стал рассматривать свои календари, и скоро мое внимание было сильно ими привлечено. Они составляли непрерывную цепь годов от 1744 до 1799, т. е. ровно 55 лет. Синие листы бумаги, обыкновенно вплетаемые в календари, были все исписаны старинным почерком. Бросая взор на сии строки, с изумлением увидел я, что они заключали не только замечания о погоде и хозяйственные счеты, но также и известия краткие исторические касательно села Горюхина. Немедленно занялся я разбором драгоценных сих записок и вскоре нашел, что они представляли полную историю моей отчины в течение почти целого столетия в самом строгом хронологическом порядке. Сверх сего

заключали они неистощимый запас экономических, статистических, метеорологических и других ученых наблюдений. С тех пор изучение сих записок заняло меня исключительно — ибо увидел я возможность извлечь из них повествование стройное, любопытное и поучительное.— Ознакомясь довольно с драгоценными сими памятниками, я стал искать новых источников Истории села Горюхина, — и вскоре обилие оных изумило меня. Посвятив целые шесть месяцев на предварительное изучение, наконец приступил я к давно желанному труду — и с помощию божиею совершил оный сего ноября 3 дня 1827 года.

Ныне, как некоторый мне подобный историк, коего имени я не запомню, окончa свой трудный подвиг, кладу перо и с грустию иду в мой сад размышлять о том, что мною совершено. Кажется и мне, что, написав Историю Горюхина, я уже не нужен миру, что долг мой исполнен и что пора мне опочить!

Здесь прилагаю список источников, послуживших мне к составлению Истории Горюхина:

1. Собрание старинных календарей. 54 *части*. Первые 20 частей исписано старинным почерком с титлами. Летопись сия сочинена прадедом моим Андреем Степановичем Белкиным. Они отличаются ясностию и краткостию слога: например: 4 мая. Снег. Тр̆шка за грубость бит. 6— корова бурая пала. Сенька за пьянство бт̆. 8 — погода ясная. 9 — дождь и снег. Тришка бит по погоде. 11— погода ясная. Пороша; затравил 3 зайцев, и тому подобное, безо всяких размышлений...— Остальные 35 частей писаны разными почерками, большею частию так называемым *лавочничьим* с титлами и без титлов, вообще плодовито, несвязно и без соблюдения правописания. Кой-где заметна женская рука. В сие отделение входят записки деда моего Ивана Андреевича Белкина и бабки моей, а его супруги, Евпраксии Алексеевны — также и записки приказчика Горбовицкого.

2. Летопись Горюхинского дьячка. Сия любопытная рукопись отыскана мною у моего попа, женатого на дочери летописца. Первые листы были выдраны и употреблены детьми священника на так называемые змеи. Один из таковых упал посреди моего двора. Я поднял его и хотел было возвратить детям, как заметил, что он был исписан. С первых строк увидел я, что змей составлен был из летописи — к счастию успел спасти остальное. Летопись сия, приобретенная мною за четверть овса, отличается глубокомыслием и велеречием необыкновенным.

3. Изустные предания.—Я не пренебрегал никакими известиями. Но в особенности обязан Аграфене Трифоновой, матери Авдея старосты, бывшей, говорят, любовницею приказчика Горбовицкого.

4. Ревижские сказки, с замечаниями прежних старост (счетные и расходные книги) касательно нравственности и состояния крестьян.

Страна по имени столицы своей Горюхиным называемая занимает на земном шаре более 240 десятин. Число жителей простирается до 63 душ. К северу граничит она с деревнями Дериуховом и Перкуховом, коего обитатели бедны, тощи и малорослы, а гордые владельцы преданы воинственному упражнению зайчей охоты. К югу река Сивка отделяет ее от владений Карачевских вольных хлебопашцев—соседей беспокойных, известных буйной жестокостию нравов. К западу облегают ее цветущие поля Захарьинские, благоденствующие под властию мудрых и просвещенных помещиков. К востоку примыкает она к диким, необитаемым местам, к непроходимому болоту, где произрастает одна клюква, где раздается лишь однообразное квакание лягушек и где суеверное предание предполагает быть обиталищу некоего беса.

NB. Сие болото и называется *Бесовским.* Рассказывают, будто одна полуумная пастушка стерегла стадо свиней недалече от сего уединенного места. Она сделалась беременною и никак не могла удовлетворительно объяснить сего случая. Глас народный обвинил болотного беса,— но сия сказка недостойна внимания историка, и после Нибура непростительно было бы тому верить.

Издревле Горюхино славилось своим плодородием и благорастворенным климатом. — Рожь, овес, ячмень и гречиха родятся на тучных его нивах.—Березовая роща и еловый лес снабжают обитателей деревами и валежником на построение и отопку жилищ. Нет недостатка в орехах, клюкве, бруснике и чернике. Грибы произрастают в необыкновенном количестве; сжаренные в сметане представляют приятную, хотя и нездоровую пищу. Пруд наполнен карасями, а в реке Сивке водятся щуки и налимы.

Образ правления в Горюхине несколько раз изменялся. Оно попеременно находилось под властию старшин, выбранных миром, приказчиков, назначенных помещиками, и наконец непосредственно под рукою самих помещиков. Выгоды и невыгоды сих различных образов правления будут развиты мною в течение моего повествования.

Обитатели Горюхина большею частию росту середнего, сложения крепкого и мужественного, глаза их серы, волосы русые или рыжие. Женщины отличаются носами, поднятыми несколько вверх, выпуклыми скулами и дородностию.

№. *Баба здоровенная*, сие выражение встречается часто в примечаних старосты к Ревижским сказкам.

Мужчины добронравны, трудолюбивы (особенно на своей пашне), храбры, воинственны: многие из них ходят одни на медведя и славятся в околодке кулачными бойцами; все вообще склонны к чувственному наслаждению пиянства. Женщины сверх домашних работ разделяют с мужчинами большую часть их трудов; и не уступят им в отважности, редкая из них боится старосты. Они составляют мощную общественную стражу, неусыпно бодрствующую на барском дворе, и называются *копейщицами* (от словенского слова *копье*). Главная обязанность копейщиц—как можно чаще бить камнем в чугунную доску и тем устрашать злоумышление. Они столь же целомудренны, как и прекрасны; на покушения дерзновенного отвечают сурово и выразительно.

Жители Горюхина издавна производят обильный торг лыками, лукошками и лаптями. Сему способствует река Сивка, через которую весною переправляются они на челноках, подобно древним скандинавам, а прочее время года переходят в брод, предварительно засучив портки до колен.

Язык горюхинский есть решительно отрасль славянского, но столь же разнится от него, как и русский. Он исполнен сокращениями и усечениями—некоторые буквы вовсе в нем уничтожены или заменены другими. Однако ж россиянину легко понять горюхинца и обратно.

Мужчины женились обыкновенно на 13-м году на девицах 20-летных. Жены били своих мужей в течение 4 или 5 лет. После чего мужья уже начинали бить жен; и таким образом оба пола имели свое время власти, и равновесие было соблюдено.

Обряд похорон происходил следующим образом. В самый день смерти покойника относили на кладбище — дабы мертвый в избе не занимал напрасно лишнего места. От сего случалось, что к неописанной радости родственников мертвец чихал или зевал в ту самую минуту, как его выносили в гробе за околицу. Жены оплакивали мужьев, воя и приговаривая — „Свет-моя удалая головушка! на кого ты меня покинул? чем-то мне тебя поминати?“ При возвращении с кладбища начиналася тризна в честь покойника, и родственники и друзья бывали пьяны 2—3 дня или даже целую неделю, смотря по усердию и привязанности к его памяти. Сии древние обряды сохранилися и поныне.

Одежда горюхинцев состояла из рубахи, надеваемой сверх порток, что есть отличительный признак их славянского происхождения. Зимою носили они овчинный тулуп, но более для красы, нежели из настоящей нужды — ибо тулуп обыкновенно накидывали они на одно плечо и сбрасывали при малейшем труде, требующем движения.

Науки, искусства и поэзия издревле находились в Горюхине в довольно цветущем состоянии. — Сверх священника и церковных причетников, всегда водились в нем грамотеи. Летописи упоминают о земском Терентии, жившем около 1767 году, умевшем писать не только правой, но и левою рукою. — Сей необыкновенный человек прославился в околодке сочинением всякого роду писем, челобитьев, партикулярных пашпортов и т. п. Неоднократно пострадав за свое искусство, услужливость и участие в разных замечательных происшествиях, он умер уже в глубокой старости, в то самое время, как приучался писать правою ногою, ибо почерка обеих рук его были уже слишком известны. Он играет, как читатель увидит, важную роль и в истории Горюхина.

Музыка была всегда тоже любимое искусство образованных горюхинцев; балалайка и волынка, услаждая чувствительные сердца, поныне раздаются в их жилищах, особенно в древнем общественном здании, украшенном елкою и изображением двуглавого орла.

Поэзия некогда процветала в древнем Горюхине. Доныне стихотворения Архипа-Лысого сохранились в памяти потомства.

В нежности не уступят они эклогам известного Виргилия, в красоте воображения далеко превосходят они идиллии г-на Сумарокова. И хотя в щеголеватости слога и уступают новейшим произведениям наших муз, но равняются с ними затейливостию и остроумием.

Приведем в пример сие сатирическое стихотворение:

Ко боярскому двору
Антон староста идет, (2)
Бирки в пазухе несет, (2)
Боярину подает,
А боярин смотрит,
Ничего не смыслит.
Ах, ты, староста Антон,
Обокрал бояр кругом,
Село по миру пустил,
Старостиху надарил.

Познакомя таким образом моего читателя с этнографическим и статистическим состоянием Горюхина и со нравами и обычаями его обитателей, приступим теперь к самому повествованию.

БАСНОСЛОВНЫЕ ВРЕМЕНА — СТАРОСТА ТРИФОН

Основание Горюхина и первоначальное население оного покрыто мраком неизвестности. Темные предания гласят, что некогда Горюхино было село богатое и обширное, что все жители оного были зажиточны, что оброк собирали единожды в год и отсылали неведомо кому на нескольких возах. В то время всё покупали дешево, и дорого продавали. Приказчиков не существовало, старосты никого не обижали, обитатели работали мало, а жили припеваючи, и пастухи стерегли стадо в сапогах. Мы не должны обольщаться сею очаровательною картиною. Мысль о золотом веке сродна всем народам и доказывает только, что люди никогда не довольны настоящим и, по опыту имея мало надежды на будущее, украшают невозвратимое минувшее всеми цветами своего воображения. Вот что кажется достоверным:

Село Горюхино издревле принадлежало знаменитому роду Белкиных. Но предки мои, владея многими другими отчинами, не обращали внимания на сию отдаленную страну. Горюхино платило малую дань и управлялось старшинами, избираемыми народом на вече, мирскою сходкою называемом.

Но в течение времени родовые владения Белкиных раздробились и пришли в упадок. Обедневшие внуки богатого деда не могли отвыкнуть от роскошных своих привычек — и требовали прежнего полного дохода от имения, в десять крат уже уменьшившегося. Грозные предписания следовали одно за другим. Староста читал их на вече; старшины витийствовали, мир волновался,—а господа, вместо двойного оброку, получали лукавые отговорки и смиренные жалобы, писанные на засаленной бумаге и запечатанные грошом.

Мрачная туча висела над Горюхиным, а никто об ней и не помышлял. В последний год властвования Трифона, последнего старосты, народом избранного, в самый день храмового праздника, когда весь народ шумно окружал увеселительное здание (кабаком в просторечии именуемое) или бродил по улицам, обнявшись между собою и громко воспевая песни Архипа-Лысого, въехала в село плетеная крытая бричка, заложенная парою кляч, едва живых; на козлах сидел оборванный жид — а из брички высунулась голова в картузе и, казалось, с любопытством смотрела на веселящийся народ. Жители встретили повозку смехом и грубыми насмешками. (№. Свернув трубкою воскраия одежд, безумцы глумились над еврейским возницею и восклицали смехотворно: „Жид, жид, ешь свиное ухо!..“ *Летопись Горюхинского Дьячка.*) Но сколь изумились они, когда бричка остановилась посреди села и когда

приезжий, выпрыгнув из нее, повелительным голосом потребовал старосты Трифона. Сей сановник находился в увеселительном здании, откуда двое старшин почтительно вывели его под руки.—Незнакомец, посмотрев на него грозно, подал ему письмо и велел читать оное немедленно. Старосты горюхинские имели обыкновение никогда ничего сами не читать. Староста был неграмотен. Послали за земским Авдеем. Его нашли неподалеку, спящего в переулке под забором — и привели к незнакомцу по просыпе. Но или от внезапного испуга, или от горестного предчувствия, буквы письма, четко написанного, показались ему отуманенными — и он не был в состоянии их разобрать.— Незнакомец, с ужасными проклятиями отослав старосту Трифона и земского Авдея спать, отложил чтение письма до завтрашнего дня и пошел в приказную избу, куда жид понес за ним и его маленький чемодан.

Горюхинцы с безмолвным изумлением смотрели на сие необыкновенное происшествие; но вскоре бричка, жид и незнакомец были забыты. День кончился шумно и весело — и Горюхино заснуло, не предвидя, что́ ожидало его.

С восходом утреннего солнца жители были пробуждены стуком в окошки с призыванием на мирскую сходку. Граждане один за другим явились на двор приказной избы, служивший вечевою площадию. Глаза их были мутны и красны, лица опухлы; они, зевая и почесываясь, смотрели на человека в картузе, в старом голубом кафтане, важно стоявшего на крыльце приказной избы, — и старались припомнить себе черты его, когда-то ими виденные. Староста и земский Авдей стояли подле него без шапки с видом подобострастия и глубокой горести.— „Все ли здесь?“ — спросил незнакомец. — „Все ли-ста здесь?“—повторил староста. „Все-ста“, — отвечали граждане. Тогда староста объявил, что от барина получена грамота, и приказал земскому прочесть ее во услышание мира. Авдей выступил и громогласно прочел следующее. (NB. „Грамоту грозновещую сию списах я у Трифона старосты, у него же хранилась она в кивоте вместе с другими памятниками владычества его над Горюхиным“. Я не мог сам отыскать сего любопытного письма.)

Трифон Иванов!

Вручитель письма сего, поверенный мой **, едет в отчину мою село Горюхино для поступления в управление оного. Немедленно по его прибытию собрать мужиков и объявить им мою барскую волю, а именно: Приказаний поверенного моего ** им, мужикам, слушаться как моих

„История села Горюхина“. С автолитографии *А. Н. Самохвалова*

собственных. А всё, чего он ни потребует, исполнять беспрекословно, в противном случае имеет он ** поступать с ними со всевозможною строгостию. К сему понудило меня их бессовестное непослушание, и твое, Трифон Иванов, плутовское потворство.

Подписано NN.

Тогда **, растопыря ноги на подобие буквы хера и подбочась на подобие ферта, произнес следующую краткую и выразительную речь: „Смотрите ж вы у меня, не очень умничайте — вы, я знаю, народ избалованный; да я выбью дурь из ваших голов, небось, скорее вчерашнего хмеля“. Хмеля ни в одной голове уже не было. Горюхинцы, как громом пораженные, повесили носы — и с ужасом разошлись по домам.

ПРАВЛЕНИЕ ПРИКАЗЧИКА **

** принял бразды правления и приступил к исполнению своей политической системы, она заслуживает особенного рассмотрения.

Главным основанием оной была следующая аксиома: Чем мужик богаче, тем он избалованнее — чем беднее, тем смирнее. Вследствие сего ** старался о смирности вотчины, как о главной крестьянской добродетели. Он потребовал опись крестьянам, разделил их на богачей и бедняков. 1) Недоимки были разложены на самых зажиточных мужиков и взыскаемы с них со всевозможною строгостию. — 2) Недостаточные и празднолюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню — если же по его расчету труд их оказывался недостаточным, то он отдавал их в батраки другим крестьянам, за что сии платили ему добровольную дань, а отдаваемые в холопство имели полное право откупаться, заплатя сверх недоимок двойной годовой оброк. Всякая общественная повинность падала на зажиточных мужиков. Рекрутство же было торжеством корыстолюбивому правителю; ибо от оного по очереди откупались все богатые мужики, пока наконец выбор не падал на негодяя или разоренного.* Мирские сходки были уничтожены. — Оброк собирал он понемногу и круглый год сряду. Сверх того, завел он нечаянные сборы. Мужики,

* „Посадил окаянный приказчик Антона Тимофеева в железы — а старик Тимофей сына откупил за 100 рублей; а приказчик заковал Петрушку Еремеева, и того откупил отец за 68 р. и хотел окаянный сковать Леху Тарасова, но тот бежал в лес — и приказчик о том вельми крушился и свирепствовал во словесах, — а отвезли в город и отдали в рекруты Ваньку пьяницу“.

кажется, платили и не слишком более противу прежнего, но никак не могли ни наработать, ни накопить достаточно денег. В 3 года Горюхино совершенно обнищало.

Горюхино приуныло, базар запустел, песни Архипа-Лысого умолкли. Половина мужиков была на пашне, а другая служила в батраках; ребятишки пошли по миру — и день храмового праздника сделался, по выражению летописца, не днем радости и ликования, но годовщиною печали и поминания горестного.

РОСЛАВЛЕВ

Отрывок из неизданных записок дамы

Читая „Рославлева“, с изумлением увидела я, что завязка его основана на истинном происшествии, слишком для меня известном. Некогда я была другом несчастной женщины, выбранной г. Загоскиным в героини его повести. Он вновь обратил внимание публики на происшествие забытое, разбудил чувства негодования, усыпленные временем, и возмутил спокойствие могилы. Я буду защитницею тени, — и читатель извинит слабость пера моего, уважив сердечные мои побуждения. Буду принуждена много говорить о самой себе, потому что судьба моя долго была связана с участью бедной моей подруги.

Меня вывезли в свет зимою 1811 года. Не стану описывать первых моих впечатлений. Легко можно себе вообразить, что должна была чувствовать шестнадцатилетняя девушка, променяв антрсоли и учителей на беспрерывные балы. Я предавалась вихрю веселия со всею живостию моих лет и еще не размышляла... Жаль: тогдашнее время стоило наблюдения.

Между девицами, выехавшими вместе со мною, отличалась княжна ** (г. Загоскин назвал ее Полиною, оставлю ей это имя). Мы скоро подружились вот по какому случаю.

Брат мой, двадцатидвухлетний малой, принадлежал сословию тогдашних франтов; он считался в Иностранной Коллегии и жил в Москве, танцуя и повесничая. Он влюбился в Полину и упросил меня сблизить наши домы. Брат был идолом всего нашего семейства, а из меня делал, что хотел.

Сблизясь с Полиною из угождения к нему, вскоре я искренно к ней привязалась. В ней было много странного и еще более привлекательного. Я еще не понимала ее, а уже любила. Нечувствительно я стала смотреть ее глазами и думать ее мыслями.

Отец Полины был заслуженный человек, т. е. ездил цугом и носил ключ и звезду, впрочем был ветрен и прост. Мать ее была, напротив, женщина степенная и отличалась важностию и здравым смыслом.

Полина являлась везде; она окружена была поклонниками; с нею любезничали, — но она скучала, и скука придавала ей вид гордости и холодности. Это чрезвычайно шло к ее греческому лицу и к черным бровям. Я торжествовала, когда мои сатирические замечания наводили улыбку на это правильное и скучающее лицо.

Полина чрезвычайно много читала, и без всякого разбора. Ключ от библиотеки отца ее был у ней. Библиотека большею частию состояла из сочинений писателей XVIII века. Французская словесность, от Монтескьё до романов Кребильйона, была ей знакома. Руссо знала она наизусть. В библиотеке не было ни одной русской книги, кроме сочинений Сумарокова, которых Полина никогда не раскрывала. Она сказывала мне, что с трудом разбирала русскую печать, и вероятно ничего по-русски не читала, не исключая и стишков, поднесенных ей московскими стихотворцами.

Здесь позволю себе маленькое отступление. Вот уже, слава богу, лет тридцать как бранят нас бедных за то, что мы по-русски не читаем, и не умеем (будто бы) изъясняться на отечественном языке. (NB: Автору „Юрия Милославского“ грех повторять пошлые обвинения. Мы все прочли его, и, кажется, одной из нас обязан он и переводом своего романа на французский язык.) Дело в том, что мы и рады бы читать по-русски; но словесность наша кажется не старее Ломоносова и чрезвычайно еще ограничена. Она, конечно, представляет нам несколько отличных поэтов, но нельзя же ото всех читателей требовать исключительной охоты к стихам. В прозе имеем мы только „Историю Карамзина“; первые два или три романа появились два или три года назад: между тем как во Франции, Англии и Германии книги, одна другой замечательнее, следуют одна за другой. Мы не видим даже и переводов; а если и видим, то, воля ваша, я все-таки предпочитаю оригиналы. Журналы наши занимательны для наших литераторов. Мы принуждены всё, известия и понятия, черпать из книг иностранных; таким образом и мыслим мы на языке иностранном (по крайней мере, все те, которые мыслят и следуют за мыслями человеческого рода). В этом признавались мне самые известные наши литераторы. Вечные жалобы наших писателей на пренебрежение, в коем оставляем мы русские книги, похожи на жалобы русских торговок, негодующих на то, что мы шляпки наши покупаем у Сихлера и не довольствуемся произведениями костромских модисток. Обращаюсь к моему предмету.

Воспоминания светской жизни обыкновенно слабы и ничтожны даже в эпоху историческую. Однако ж появление в Москве одной путешественницы оставило во мне глубокое впечатление. Эта путешественница —

M-me de Staël. Она приехала летом, когда большая часть московских жителей разъехалась по деревням. Русское гостеприимство засуетилось; не знали, как угостить славную иностранку. Разумеется, давали ей обеды. Мужчины и дамы съезжались поглазеть на нее, и были по большей части недовольны ею. Они видели в ней пятидесятилетнюю толстую бабу, одетую не по летам. Тон ее не понравился, речи показались слишком длинны, а рукава слишком коротки. Отец Полины, знавший M-me de Staël еще в Париже, дал ей обед, на который скликал всех наших московских умников. Тут увидела я сочинительницу Корины. Она сидела на первом месте, облокотясь на стол, свертывая и развертывая прекрасными пальцами трубочку из бумаги. Она казалась не в духе, несколько раз принималась говорить и не могла разговориться. Наши умники ели и пили в свою меру, и, казалось, были гораздо более довольны ухою князя, нежели беседою M-me de Staël. Дамы чинились. Те и другие только изредка прерывали молчание, убежденные в ничтожестве своих мыслей и оробевшие при европейской знаменитости. Во всё время обеда Полина сидела как на иголках. Внимание гостей разделено было между осетром и M-me de Staël. Ждали от нее поминутно bon mot; наконец вырвалось у ней двусмыслие, и даже довольно смелое. Все подхватили его, захохотали, поднялся шопот удивления; князь был вне себя от радости. Я взглянула на Полину. Лицо ее пылало, и слезы показались на ее глазах. Гости встали из-за стола, совершенно примиренные с M-me de Staël: она сказала каламбур, который они поскакали развозить по городу.

„Ѝ с тобою сделалось, ma chère? — спросила я Полину, — неужели шутка, немножко вольная, могла до такой степени тебя смутить?“ — Ах, милая, — отвечала Полина, — я в отчаянии! Как ничтожно должно было показаться наше большое общество этой необыкновенной женщине! Она привыкла быть окружена людьми, которые ее понимают, для которых блестящее замечание, сильное движение сердца, вдохновенное слово никогда не потеряны; она привыкла к увлекательному разговору высшей образованности. А здесь... Боже мой! Ни одной мысли, ни одного замечательного слова в течение трех часов! Тупые лица, тупая важность — и только! Как ей было скучно! Как она казалась утомленною! Она увидела, чего им было надобно, что̀ могли понять эти обезьяны просвещения, и кинула им каламбур. А они так и бросились! Я сгорела со стыда, я готова была заплакать... Но пускай, — с жаром продолжала Полина, — пускай она вывезет об нашей светской черни мнение, которого они достойны. По крайней мере, она видела наш добрый простой народ и понимает его. Ты слышала, что̀ сказала она этому старому, несносному

шуту, который, из угождения к иностранке, вздумал было смеяться над русскими бородами: „Народ, который, тому сто лет, отстоял свою бороду, отстоит в наше время и свою голову". Как она мила! Как я люблю ее! Как ненавижу ее гонителя!

Не я одна заметила смущение Полины. Другие проницательные глаза остановились на ней в ту же самую минуту: черные глаза самой M-me de Staël. Не знаю, что подумала она, но только она подошла после обеда к моей подруге и с нею разговорилась. Через несколько дней M-me de Staël написала ей следующую записку:

Ma chère enfant, je suis toute malade. Il serait bien aimable à vous de venir me ranimer. Tâchez de l'obtenir de M-me votre mère et veuillez lui présenter les respects de votre amie.

de S.

Эта записка хранится у меня. Никогда Полина не объясняла мне своих сношений с M-me de Staël, несмотря на всё мое любопытство. Она была без памяти от славной женщины, столь же добродушной, как и гениальной.

До чего доводит охота к злословию! Недавно рассказывала я всё это в одном очень порядочном обществе. „Может быть, — заметили мне, — M-me de Staël была не что иное как шпион Наполеона, а княжна ** доставляла ей нужные сведения". — Помилуйте, — сказала я, — M-me de Staël, десять лет гонимая Наполеоном, благородная, добрая M-me de Staël, насилу убежавшая под покровительство русского императора, M-me de Staël, друг Шатобриана и Байрона, M-me de Staël будет шпионом у Наполеона!.. — „Очень, очень может статься, — возразила востроносая графиня Б. — Наполеон был такая бестия, а M-me de Staël претонкая штука!"

Все говорили о близкой войне, и, сколько помню, довольно легкомысленно. Подражание французскому тону времен Людовика XV было в моде. Любовь к отечеству казалась педантством. Тогдашние умники превозносили Наполеона с фанатическим подобострастием и шутили над нашими неудачами. К несчастию, заступники отечества были немного простоваты; они были осмеяны довольно забавно и не имели никакого влияния. Их патриотизм ограничивался жестоким порицанием употребления французского языка в обществах, введения иностранных слов, грозными выходками противу Кузнецкого Моста и тому подобным. Молодые люди говорили обо всем русском с презрением или равноду-

шием и, шутя, предсказывали России участь Рейнской конфедерации. Словом, общество было довольно гадко.

Вдруг известие о нашествии и воззвание государя поразили нас. Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Растопчина; народ ожесточился. Светские балагуры присмирели; дамы вструхнули.

Гонители французского языка и Кузнецкого Моста взяли в обществах решительный верх и гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюрок, кто отказался от лафита, а принялся за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедывать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни.

Полина не могла скрыть свое презрение, как прежде не скрывала своего негодования. Такая проворная перемена и трусость выводили ее из терпения. На бульваре, на Пресненских прудах, она нарочно говорила по-французски; за столом в присутствии слуг нарочно оспоривала патриотическое хвастовство, нарочно говорила о многочисленности Наполеоновых войск, о его военном гении. Присутствующие бледнели, опасаясь доноса, и спешили укорить ее в приверженности ко врагу отечества. Полина презрительно улыбалась. „Дай бог, — говорила она, — чтобы все русские любили свое отечество, как я его люблю“. Она удивляла меня. Я всегда знала Полину скромной и молчаливой и не понимала, откуда взялась у ней такая смелость. „Помилуй, — сказала я однажды: — охота тебе вмешиваться не в наше дело. Пусть мужчины себе дерутся и кричат о политике; женщины на войну не ходят, и им дела нет до Бонапарта“. Глаза ее засверкали. — „Стыдись, — сказала она, — разве женщины не имеют отечества? Разве нет у них отцов, братьев, мужьев? Разве кровь русская для нас чужда? Или ты полагаешь, что мы рождены для того только, чтоб нас на бале вертели в экосезах, а дома заставляли вышивать по канве собачек? Нет! Я знаю, какое влияние женщина может иметь на мнение общественное или даже на сердце хоть одного человека. Я не признаю уничижения, к которому присуждают нас. Посмотри на M-me de Staël. Наполеон боролся с нею, как с неприятельскою силой... И дядюшка смеет еще насмехаться над ее робостию при приближении французской армии! „Будьте спокойны, сударыня: Наполеон воюет против России, а не противу вас“... Да! если б дядюшка попался в руки французам, то его бы пустили гулять по Пале-Роялю; но M-me de Staël в таком случае умерла бы в государственной темнице. А Шарлот Кордэ? А наша Марфа Посадница?

А княгиня Д**<ашкова>? Чем я ниже их? Уж верно не смелостию души и решительностию". — Я слушала Полину с изумлением. Никогда не подозревала я в ней такого жара, такого честолюбия. Увы! К чему привели ее необыкновенные качества души и мужественная возвышенность ума? Правду сказал мой любимый писатель: „Il n'est de bonheur que dans les voies communes" *.

Приезд государя усугубил общее волнение. Восторг патриотизма овладел наконец и высшим обществом. Гостиные превратились в палаты прений. Все толковали о патриотических пожертвованиях. Повторяли бессмертную речь молодого графа Мамонова, пожертвовавшего всем своим имением. Некоторые маменьки после того заметили, что граф уж не такой завидный жених, но мы все были от него в восхищении. Полина бредила им. „Вы чем пожертвуете?" спросила она раз у моего брата. — „Я не владею еще моим имением, — отвечал мой повеса. — У меня всего на всё 30 000 долгу: приношу их в жертву на алтарь отечества". Полина рассердилась. „Для некоторых людей, — сказала она, — и честь, и отечество, всё безделица. Братья их умирают на поле сражения, а они дурачатся в гостиных. Не знаю, найдется ли женщина, довольно низкая, чтоб позволить таким фиглярам притворяться перед нею в любви". Брат мой вспыхнул. — „Вы слишком взыскательны, княжна, — возразил он. — Вы требуете, чтобы все видели в вас M-me de Staël и говорили бы вам тирады из Корины. Знайте, что кто шутит с женщиною, тот может не шутить перед лицом отечества и его неприятелем". — С этим словом он отвернулся. Я думала, что они навсегда поссорились, но ошиблась: Полине понравилась дерзость моего брата, она простила ему неуместную шутку за благородный порыв негодования и, узнав через неделю, что он вступил в Мамоновский полк, сама просила, чтоб я их помирила. Брат был в восторге. Он тут же предложил ей свою руку. Она согласилась, но отсрочила свою свадьбу до конца войны. На другой день брат мой отправился в армию.

Наполеон шел на Москву; наши отступали, Москва тревожилась; жители ее выбирались один за другим. Князь и княгиня уговорили матушку вместе ехать в их **скую деревню.

Мы приехали в **, огромное село в 20-ти верстах от губернского города. Около нас было множество соседей, большею частию приезжих

* Кажется, слова Шатобриана. *Примеч. Изд.*

из Москвы. Всякой день все бывали вместе; наша деревенская жизнь походила на городскую. Письма из армии приходили почти каждый день, старушки искали на карте местечка *Бивак* и сердились, не находя его. Полина занималась одною политикою, ничего не читала, кроме газет, Растопчинских афишек, и не открывала ни одной книги. Окруженная людьми, коих понятия были ограничены, слыша постоянно суждения нелепые и новости неосновательные, она впала в глубокое уныние; томление овладело ее душой. Она отчаявалась в спасении отечества, казалось ей, что Россия быстро приближается к своему падению, всякая реляция усугубляла ее безнадежность, полиц<ейские> объявления графа Растопчина выводили ее из терпения. — Шутливый слог их казался ей верхом неприличия, а меры им принимаемые варварством нестерпимым. Она не постигала мысли тогдашнего времени, столь великой в своем ужасе, мысли, которой смелое исполнение спасло Россию и освободило Европу. Целые часы проводила она, облокотясь на карту России, рассчитывая версты и следуя за быстрыми движениями войск. Странные мысли приходили ей в голову. Однажды она мне объявила о своем намерении уйти из деревни, явиться во французский лагерь, добраться до Наполеона и там убить его из своих рук. Мне не трудно было убедить ее в безумстве такого предприятия — но мысль о Шарлоте Кордэ долго ее не оставляла.

Отец ее, как уже вам известно, был человек довольно легкомысленный; он только и думал, чтоб жить в деревне как можно более по московскому. Давал обеды, завел théâtre de société, где разыгрывались французские proverbes*, и всячески старался разнообразить наши удовольствия. В город прибыло несколько пленных офицеров. Князь обрадовался новым лицам и выпросил у губернатора позволение поместить их у себя.

Их было четверо — трое довольно незначущие люди, фанатически преданные Наполеону, нестерпимые крикуны, правда, выкупающие свою хвастливость почтенными своими ранами. Но четвертый был человек чрезвычайно примечательный.

Ему было тогда 26 лет. Он принадлежал хорошему дому. Лицо его было приятно. Тон очень хороший. Мы тотчас отличили его. Ласки принимал он с благородной скромностию. Он говорил мало, но речи его были основательны. Полине он понравился тем, что первый мог ясно ей истолковать военные действия и движения войск. Он успокоил ее, удостоверив, что отступление русских войск было не бессмысленный

* <Пословицы>

побег, и столько же беспокоило [французов], как ожесточало русских. Но вы, — спросила его Полина, — разве вы не убеждены в непобедимости вашего императора? Синекур (назову ж и его именем, данным ему г-м Загоскиным), Синекур, несколько помолчав, отвечал, что в его положении откровенность была бы затруднительна. Полина настоятельно требовала ответа. Синекур признался, что устремление французских войск в сердце России могло сделаться для них опасно, что поход 1812 года, кажется, кончен, но не представляет ничего решительного. „Кончен! — возразила Полина, — а Наполеон всё еще идет вперед, а мы всё еще отступаем!“ — „Тем хуже для нас“, отвечал Синекур, и заговорил о другом предмете.

———

Полина, которой надоели и трусливые предсказания, и глупое хвастовство соседей, жадно слушала суждения, основанные на знании дела и беспристрастии. От брата получала я письма, в которых толку невозможно было добиться. Они были наполнены шутками умными и плохими, вопросами о Полине, пошлыми уверениями в любви и проч. Полина, читая их, досадовала и пожимала плечами. „Признайся, — говорила она, — что твой Алексей препустой человек. Даже в нынешних обстоятельствах, с полей сражений находит он способ писать ничего не значущие письма, какова же будет мне его беседа в течение тихой семейственной жизни?“ Она ошибалась. Пустота братниных писем происходила не от его собственного ничтожества, но от предрассудка, впрочем, самого оскорбительного для нас. Он полагал, что с женщинами должно употреблять язык, приноровленный к слабости их понятий, и что важные предметы до нас не касаются. Таковое мнение везде было бы невежливо, но у нас оно и глупо. Нет сомнения, что русские женщины лучше образованы, более читают, более мыслят, нежели мужчины, занятые бог знает чем.

Разнеслась весть о Бородинском сражении. Все толковали о нем, у всякого было самое верное известие, всякой имел список убитым и раненым. Брат нам не писал. Мы чрезвычайно были встревожены. Наконец один из развозителей всякой всячины приехал нас известить о его взятии в плен, а между тем пошепту объявил Полине о его смерти. Полина глубоко огорчилась. Она не была влюблена в моего брата и часто на него досадовала, но в эту минуту видела она в нем мученика, героя, и оплакивала втайне от меня. Несколько раз я заставала ее в слезах. Это меня не удивляло, я знала, какое болезненное участие принимала она в судьбе страждущего нашего отечества. Я не подозревала, что было еще причиною ее горести.

———

Однажды утром гуляла я в саду; подле меня шел Синекур; мы разговаривали о Полине. Я заметила, что он глубоко чувствовал ее необыкновенные качества, и что ее красота сделала на него сильное впечатление. Я, смеясь, дала ему заметить, что положение его самое романическое.— В плену у неприятеля раненый рыцарь влюбляется в благородную владетельницу замка, трогает ее сердце и наконец получает ее руку. — „Нет, — сказал мне Синекур: — княжна видит во мне врага России, и никогда не согласится оставить свое отечество". В эту минуту Полина показалась в конце аллеи, мы пошли к ней навстречу. Она приближалась скорыми шагами. Бледность ее меня поразила.

„Москва взята", сказала <она> мне, не отвечая на поклон Синекура; сердце мое сжалось, слезы потекли ручьем. Синекур молчал, потупя глаза. — „Благородные, просвещенные французы, — продолжала она голосом, дрожащим от негодования, — ознаменовали свое торжество достойным образом. — Они зажгли Москву — Москва горит уже два дни". — „Что вы говорите, — закричал Синекур, — не может быть". — „Дождитесь ночи, — отвечала она сухо: — может быть, увидите зарево".— „Боже мой! Он погиб, — сказал Синекур, — как, разве вы не видите, что пожар Москвы есть гибель всему французскому войску, что Наполеону негде, нечем будет держаться, что он принужден будет скорее отступить сквозь разоренную опустелую сторону, при приближении зимы, с войском расстроенным и недовольным. И вы могли думать, что французы сами изрыли себе ад: нет, нет, — русские, русские зажгли Москву! Ужасное, варварское великодушие! Теперь всё решено: ваше отечество вышло из опасности; но что будет с нами, что будет с нашим императором!"

Он оставил нас. Полина и я не могли опомниться. „Неужели, — сказала она, — Синекур прав, и пожар Москвы дело наших рук? Если так... О, мне можно гордиться именем россиянки! Вселенная изумится великой жертве! Теперь и падение наше мне не страшно, честь наша спасена; никогда Европа не осмелится уже бороться с народом, который рубит сам себе руки и жжет свою столицу!"

Глаза ее так и блистали, голос так и звенел. Я обняла ее, мы смешали слезы благородного восторга и жаркие моления за отечество. „Ты не знаешь? — сказала мне Полина с видом вдохновенным. — Твой брат... он счастлив, он не в плену — радуйся: он убит за спасение России".

Я вскрикнула и упала без чувств в ее объятия.

<ДУБРОВСКИЙ>

ТОМ ПЕРВЫЙ

Глава I

Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил старинный русский барин, Кирила Петрович Троекуров. Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губерниях, где находилось его имение. Соседи рады были угождать малейшим его прихотям; губернские чиновники трепетали при его имени; Кирила Петрович принимал знаки подобострастия как надлежащую дань; дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность, разделяя шумные, а иногда и буйные его увеселения.

Никто не дерзал отказываться от его приглашения, или в известные дни не являться с должным почтением в село Покровское. В домашнем быту Кирила Петрович выказывал все пороки человека необразованного. Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать полную волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума. Несмотря на необыкновенную силу физических способностей, [он] раза два в неделю страдал от обжорства и каждый вечер бывал навеселе. [В одном из флигелей его дома жили 16 горничных, занимаясь рукоделиями, свойственными их полу. Окны во флигеле были загорожены деревянною решеткою; двери запирались замками, от коих ключи хранились у Кирила Петровича. Молодые затворницы, в положенные часы, сходили в сад и прогуливались под надзором двух старух. От времени до времени Кирила Петрович выдавал некоторых из них замуж и новые поступали на их место.]

С крестьянами и дворовыми обходился он строго и своенравно; [несмотря на то, они были ему преданы: они тщеславились богатством и славою своего господина и в свою очередь позволяли себе многое в отношении к их соседам, надеясь на его сильное покровительство].

Всегдашние занятия Троекурова состояли в разъездах около пространных его владений, в продолжительных пирах, и в проказах, ежедневно притом изобретаемых и жертвою коих бывал обыкновенно какой-нибудь новый знакомец; хотя и старинные приятели не всегда их избегали, за исключением одного Андрея Гавриловича Дубровского. Сей Дубровский, отставной поручик гвардии, был ему ближайшим соседом и владел семидесятью душами. Троекуров, надменный в сношениях с людьми самого высшего звания, уважал Дубровского, несмотря на его смиренное состояние. Некогда были они товарищами по службе, и Троекуров знал по опыту нетерпеливость и решительность его характера. Обстоятельства разлучили их надолго. Дубровский, с расстроенным состоянием, принужден был выдти в отставку и поселиться в остальной своей деревне. Кирила Петрович, узнав о том, предлагал ему свое покровительство, но Дубровский благодарил его и остался беден и независим. Спустя несколько лет Троекуров, отставной генерал-аншеф, приехал в свое поместие, они свиделись и обрадовались друг другу. С тех пор они каждый день бывали вместе, и Кирила Петрович, от роду не удостоивавший никого своим посещением, заезжал запросто в домишка своего старого товарища. [Будучи ровесниками, рожденные в одном сословии, воспитанные одинаково, они сходствовали отчасти и в характерах и в наклонностях.] В некоторых отношениях [и] судьба их была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовели, у обоих оставалось по ребенку — сын Дубровского воспитывался в Петербурге, дочь Кирила Петровича росла в глазах родителя, и он часто говаривал Дубровскому: „Слушай, брат, Андрей Гаврилович: коли в твоем Володьке будет путь, так отдам за него Машу; даром что он гол как сокол“. Андрей Гаврилович качал головою и отвечал обыкновенно: „Нет, Кирила Петрович: мой Володька не жених Марии Кириловне. Бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке, да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабенки“.

Все завидовали согласию, царствующему между надменным Троекуровым и бедным его соседом, и удивлялись смелости сего последнего, когда он за столом у Кирила Петровича прямо высказывал свое мнение, не заботясь о том, противуречило ли оно мнениям хозяина. Некоторые пытались было ему подражать, и выдти из пределов должного повиновения, но Кирила Петрович так их пугнул, что навсегда отбил у них охоту к таковым покушениям, и Дубровский один остался вне общего закона. Нечаянный случай всё расстроил и переменил.

Раз в начале осени Кирила Петрович собирался в отъезжее поле. Накануне был отдан приказ псарям и стремянным быть готовыми к пяти

часам утра. Палатка и кухня отправлены были вперед на место, где Кирила Петрович должен был обедать. Хозяин и гости пошли на псарный двор, где более пятисот гончих и борзых жили в довольстве и тепле, прославляя щедрость Кирила Петровича на своем собачьем языке. Тут же находился и лазарет для больных собак [и богадельня], под присмотром штаб-лекаря Тимошки, и отделение, где благородные суки ощенялись и кормили своих щенят. Кирила Петрович гордился сим прекрасным заведением, и никогда не упускал случая похвастаться оным перед своими гостями, из коих каждый осматривал его по крайней мере уже в двадцатый раз. Он расхаживал по псарне, окруженный своими гостями и сопровождаемый Тимошкой и главными псарями; останавливался пред некоторыми конурами, то расспрашивая о здоровии больных, то делая замечания более или менее строгие и справедливые — то подзывая к себе знакомых собак и ласково с ними разговаривая. Гости почитали обязанностию восхищаться псарнею Кирила Петровича — один Дубровский молчал и хмурился. Он был горячий охотник. Его состояние позволяло ему держать только двух гончих и одну свору борзую; он не мог удержаться от некоторой зависти при виде сего великолепного заведения.

— Что же ты хмуришься, брат, — спросил его Кирила Петрович, — или псарня моя тебе не нравится?

— Нет, — отвечал он сурово, — псарня чудная, — вряд людям вашим житье такое ж, как вашим собакам.

Один из псарей обиделся.

— Мы на свое житье, — сказал он, — благодаря бога и барина, не жалуемся — а что правда — то правда, иному [голому] и дворянину не худо бы променять усадьбу на любую здешнюю конурку. — Ему было б и сытнее и теплее.

Кирила Петрович громко засмеялся при дерзком замечании своего холопа, а гости вослед за ним захохотали, хотя и чувствовали, что шутка псаря могла отнестися и к ним. Дубровский побледнел, и не сказал ни слова.

В сие время поднесли в лукошке Кирилу Петровичу новорожденных щенят — он занялся ими, выбрал себе двух, прочих велел утопить. Между тем Андрей Гаврилович скрылся, и никто того не заметил.

Возвратясь с гостями со псарного двора, Кирила Петрович сел ужинать и только тогда, не видя Дубровского, хватился о нем. Люди отвечали, что Андрей Гаврилович уехал домой. Троекуров велел тотчас его догнать и воротить непременно. От роду не выезжал он на охоту без Дубровского, опытного и тонкого ценителя псовых достоинств

и безошибочного решителя всевозможных охотничьих споров. Слуга, поскакавший за ним, воротился, как еще сидели за столом, и доложил своему господину, что дескать Андрей Гаврилович не послушался и не хотел воротиться. Кирила Петрович, по обыкновению своему разгоряченный наливками, осердился и вторично послал того же слугу сказать Андрею Гавриловичу, что если он тотчас же не приедет ночевать в Покровское, то он, Троекуров, с ним навеки рассорится. Слуга снова поскакал. Кирила Петрович, встав изо стола, отпустил гостей и отправился спать.

На другой день первый вопрос его был: здесь ли Андрей Гаврилович? Вместо ответа ему подали письмо, сложенное треугольником; Кирила Петрович приказал своему писарю читать его вслух — и услышал следующее:

Государь мой премилостивый,

Я до тех пор не намерен ехать в Покровское, пока не вышлете Вы мне псаря Парамошку с повинною; а будет моя воля наказать его или помиловать, а я терпеть шутки от Ваших холопьев не намерен, да и от Вас их не стерплю — потому что я не шут, а старинный дворянин. — За сим остаюсь покорным ко услугам

Андрей Дубровский.

По нынешним понятиям об этикете письмо сие было бы весьма неприличным, но оно рассердило Кирила Петровича не странным слогом и расположением, но только своей сущностью:

— Как, — загремел Троекуров, вскочив с постели босой, — высылать к ему моих людей с повинной, он волен их миловать, наказывать! — да что он в самом деле задумал; да знает ли он с кем связывается, — вот я ж его... Наплачется он у меня, узнает, каково идти на Троекурова!

Кирила Петрович оделся, и выехал на охоту, с обыкновенной своею пышностию, — но охота не удалась. Во весь день видели одного только зайца, и того протравили. Обед в поле под палаткою также не удался, или по крайней мере был не по вкусу Кирила Петровича, который прибил повара, разбранил гостей и на возвратном пути со всею своей охотою нарочно поехал полями Дубровского.

Прошло несколько дней, и вражда между двумя соседами не унималась. Андрей Гаврилович не возвращался в Покровское — Кирила Петрович без него скучал, и досада его громко изливалась в самых

оскорбительных выражениях, которые, благодаря усердию тамошних дворян, доходили до Дубровского исправленные и дополненные. Новое обстоятельство уничтожило и последнюю надежду на примирение.

Дубровский объезжал однажды малое свое владение; приближаясь к березовой роще, услышал он удары топора, и через минуту треск повалившегося дерева. Он поспешил в рощу и наехал на Покровских мужиков, спокойно ворующих у него лес. Увидя его, они бросились было бежать. Дубровский со своим кучером поймал из них двоих и привел их связанных к себе на двор. Три неприятельские лошади достались тут же в добычу победителю. Дубровский был отменно сердит, прежде сего никогда люди Троекурова, известные разбойники, не осмеливались шалить в пределах его владений, зная приятельскую связь его с их господином. Дубровский видел, что теперь пользовались они происшедшим разрывом — и решился, вопреки всем понятиям о праве войны, проучить своих пленников прутьями, коими запаслись они в его же роще, а лошадей отдать в работу, приписав к барскому скоту.

Слух о сем происшествии в тот же день дошел до Кирила Петровича. Он вышел из себя и в первую минуту гнева хотел было со всеми своими дворовыми учинить нападение на Кистеневку (так называлась деревня его соседа), разорить ее до-тла, и осадить самого помещика в его усадьбе — таковые подвиги были ему не в диковину. Но мысли его вскоре приняли другое направление.

Расхаживая тяжелыми шагами взад и вперед по зале, он взглянул нечаянно в окно и увидел у ворот остановившуюся тройку — маленький человек в кожаном картузе и фризовой шинеле вышел из телеги и пошел во флигель к приказчику — Троекуров узнал заседателя Шабашкина, и велел его позвать. Через минуту Шабашкин уже стоял перед Кирилом Петровичем, отвешивая поклон за поклоном, и с благоговением ожидая его приказаний.

— Здорово, как бишь тебя зовут, — сказал ему Троекуров, — зачем пожаловал?

— Я ехал в город, ваше превосходительство, — отвечал Шабашкин, — и зашел к Ивану Демьянову узнать, не будет ли какого приказания от вашего превосходительства.

— Очень кстати заехал, как бишь тебя зовут; мне до тебя нужда, выпей водки, да выслушай.

Таковой ласковый прием приятно изумил заседателя. — Он отказался от водки ⟨и⟩ стал слушать Кирила Петровича со всевозможным вниманием.

— У меня сосед есть, — сказал Троекуров, — мелкопоместный грубиян; я хочу взять у него имение — как ты про то думаешь?

— Ваше превосходительство, коли есть какие-нибудь документы, или...

— Врешь, братец, какие тебе документы. На то указы. В том-то и сила, чтобы безо всякого права отнять имение. Постой однако ж. Это имение принадлежало некогда нам, было куплено у какого-то Спицына, и продано потом отцу Дубровского. — Нельзя ли к этому придраться?

— Мудрено, ваше превосходительство; вероятно сия продажа совершена законным порядком.

— Подумай, братец, поищи хорошенько.

— Если бы, например, ваше превосходительство могли как ни есть образом достать от вашего соседа запись, в силу которой владеет он своим имением, то конечно — — —

— Понимаю, да вот беда — у него все бумаги сгорели во время пожара.

— Как, ваше превосходительство, бумаги его сгорели! Чего ж вам лучше — в таком случае извольте действовать по законам, и без всякого сомнения получите ваше совершенное удовольствие.

— Ты думаешь? Ну, смотри же — я полагаюсь на твое усердие, а в благодарности моей можешь быть уверен.

Шабашкин поклонился почти до земли, вышел вон, с того же дни стал хлопотать по замышленному делу, и благодаря его проворству, ровно через две недели, Дубровский получил из города приглашение доставить немедленно надлежащие объяснения насчет его владения сельцом Кистеневкою.

Андрей Гаврилович, изумленный неожиданным запросом, в тот же день написал в ответ довольно грубое отношение, в коем объявлял он, что сельцо Кистеневка досталось ему по смерти покойного его родителя, что он владеет им по праву наследства, что Троекурову до него дела никакого нет, и что всякое постороннее притязание на сию его собственность есть ябеда и мошенничество.

Письмо сие произвело весьма приятное впечатление в душе заседателя Шабашкина. Он увидел, во 1) что Дубровский мало знает толку в делах, во 2) что человека столь горячего и неосмотрительного нетрудно будет поставить в самое невыгодное положение.

Андрей Гаврилович, рассмотрев хладнокровно запросы заседателя, увидел необходимость отвечать обстоятельнее. Он написал довольно дельную бумагу, но впоследствии времени оказавшуюся недостаточной.

Дело стало тянуться — уверенный в своей правоте Андрей Гаврилович мало о нем беспокоился, не имел ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньги, и хоть он, бывало, всегда первый трунил над продажной совестью чернильного племени, но мысль соделаться жертвою ябеды не приходила ему в голову. С своей стороны Троекуров столь же мало заботился о выигрыше им затеянного дела — Шабашкин за него хлопотал, действуя от его имени, стращая и подкупая судей и толкуя вкрив и впрям всевозможные указы. Как бы то ни было, 18... года, февраля 9 дня, Дубровский получил через городовую полицию приглашение явиться к ** земскому судьи для выслушания решения оного по делу спорного имения между им, поручиком Дубровским, и генерал-аншефом Троекуровым, и для подписки своего удовольствия или неудовольствия. В тот же день Дубровский отправился в город; на дороге обогнал его Троекуров. Они гордо взглянули друг на друга, и Дубровский заметил злобную улыбку на лице своего противника.

Глава II

Приехав в город, Андрей Гаврилович остановился у знакомого купца, ночевал у него и на другой день утром явился в присутствие уездного суда. Никто не обратил на него внимания. Вслед за ним приехал и Кирила Петрович, писаря встали и заложили перья за ухо, члены встретили его с изъявлениями глубокого подобострастия, придвинули ему кресла из уважения к его чину, летам и дородности; он сел при открытых дверях, — Андрей Гаврилович стоя прислонился к стенке — настала глубокая тишина, и секретарь звонким голосом стал читать определение суда.

Мы помещаем его вполне, полагая, что всякому приятно будет увидать один из способов, коими на Руси можем мы лишиться имения, на владение коим имеем неоспоримое право.

18... года <февраля> * дня К** уездный суд рассматривал дело о неправильном владении гвардии поручиком Андреем Гавриловым сыном Дубровским имением, принадлежащим генерал-аншефу Кирилу Петрову сыну Троекурову, состоящим ** губернии в сельце Кистеневке, мужеска пола ** душами, да земли с лугами и угодьями ** десятин. Из коего дела видно: означенный генерал-аншеф Троекуров прошлого 18... года июня 9-го дня взошел в сей суд с прошением в том, что покойный его отец [коллежский асессор] и кавалер [Петр Ефимов] сын Троекуров в 17... году августа 14-го дня, служивший в то время в ** наместни-

ческом правлении провинциальным секретарем, купил из дворян у канцеляриста Фадея Егорова сына Спицына имение, состоящее** округи в помянутом сельце Кистеневке, которое селение тогда по ревизии называлось Кистеневскими выселками, всего значущихся по 4-й ревизии мужеска пола** душ со всем их крестьянским имуществом, усадьбою, с пашенною и непашенною землею, лесами, сенными покосы, рыбными ловли по речке, называемой Кистеневке, и со всеми принадлежащими к оному имению угодьями и господским деревянным домом, и словом всё без остатка, что ему после отца его, из дворян урядника Егора Терентьева сына Спицына по наследству досталось и во владении его было, не оставляя из людей ни единыя души, а из земли ни единого четверика, ценою за 2500 р., на что и купчая в тот же день в** палате суда и расправы совершена, и отец его тогда же августа в 26-й день К** земским судом введен был во владение и учинен за него отказ. — А наконец 17... года сентября 6-го дня отец его волею божиею помер, а между тем он проситель генерал-аншеф Троекуров с 17... года почти с малолетства находился в военной службе и по большей части был в походах за границами, почему он и не мог иметь сведения, как о смерти отца его, равно и об оставшемся после его имении. Ныне же по выходе совсем из той службы в отставку и по возвращении в имения отца его, состоящие ** и ** губерниях в К**, П** и Р** уездах, в разных селениях, всего до 3000 душ, находит, что из числа таковых имений вышеписанными ** ими ** душами (коих по нынешней... ревизии значится в том сельце всего** душ) с землею и со всеми угодьями владеет без всяких укреплений вышеписанный гвардии поручик Андрей Дубровский, почему, представляя при оном прошении ту подлинную купчую, данную отцу его продавцом Спицыным, просит, отобрав помянутое имение из неправильного владения Дубровского, отдать по принадлежности в полное его, Троекурова, распоряжение, а за несправедливое оного присвоение, с коего он пользовался получаемыми доходами, по учинении об оных надлежащего дознания, положить с него, Дубровского, следующее по законам взыскание и оным его, Троекурова, удовлетворить.

По учинении ж ** земским судом по сему прошению исследований открылось: что помянутый нынешний владелец спорного имения гвардии поручик Дубровский дал на месте дворянскому заседателю объяснение, что владеемое им ныне имение, состоящее в означенном сельце Кистеневке,** душ с землею и угодьями, досталось ему по наследству после смерти отца его, артиллерии подпоручика Гаврила Евграфова сына Дубровского, а ему дошедшее по покупке от отца сего просителя,

прежде бывшего провинциального секретаря, а потом коллежского асессора Троекурова, по доверенности, данной от него в 17... году августа 30 дня, засвидетельствованной в ** уездном суде, титулярному советнику Григорью Васильеву сыну Соболеву, по которой должна быть от него на имение сие отцу его купчая, потому что во оной именно сказано, что он, Троекуров, всё доставшееся ему по купчей от канцеляриста Спицына имение, ** душ с землею, продал отцу его, Дубровского, и следующие по договору деньги, 3200 рублей, все сполна с отца его без возврата получил и просил оного доверителя Соболева выдать отцу его указную крепость. А между тем отцу его в той же доверенности по случаю заплаты всей суммы владеть тем покупным у него имением и распоряжаться впредь до совершения оной крепости, как настоящему владельцу, и ему продавцу Троекурову впредь и никому в то имение уже не вступаться.

Но когда именно и в каком присутственном месте таковая купчая от поверенного Соболева дана его отцу, — ему Андрею Дубровскому неизвестно, ибо он в то время был в совершенном малолетстве, и после смерти его отца таковой крепости отыскать не мог, а полагает, что не сгорела ли с прочими бумагами и имением во время бывшего в 17... году в доме их пожара, о чем известно было и жителям того селения. А что оным имением — со дня продажи Троекуровым или выдачи Соболеву доверенности, т. е. с 17... года, а по смерти отца его с 17... и поныне, они, Дубровские, бесспорно владели, в том свидетельствуется на окольных жителей — которые, всего 52 человека, на опрос под присягою показали, что действительно, как они могут запомнить, означенным спорным имением начали владеть помянутые гг. Дубровские назад сему лет с 70 без всякого от кого-либо спора, но по какому именно акту или крепости, им неизвестно. — Упомянутый же по сему делу прежний покупчик сего имения, бывший провинциальный секретарь Петр Троекуров, владел ли сим имением, они не запомнят. Дом же гг. Дубровских назад сему лет 30-ть от случившегося в их имении в ночное время ⟨пожара⟩ сгорел, причем сторонние люди доказали, что доходу означенное спорное имение может приносить, полагая с того времени в сложности, ежегодно не менее как до 2000 рублей.

Напротив же сего генерал-аншеф Кирила Петров сын Троекуров 3-го генваря сего года взошел в сей суд с прошением, что хотя помянутый гвардии поручик Андрей Дубровский и представил при учиненном следствии к делу сему выданную покойным его отцом Гаврилою Дубровским титулярному советнику Соболеву доверенность на запроданное ему имение, но по оной не только подлинной купчей, но даже и

на совершение когда-либо оной никаких ясных доказательств по силе генерального регламента 19 главы и указа 1752 года ноября 29 дня не представил. Следовательно, самая доверенность ныне, за смертию самого дателя оной, отца его, по указу 1818 года маия... дня, совершенно уничтожается. — А сверх сего — велено спорные имения отдавать во владения — крепостные по крепостям, а не крепостные по розыску. На каковое имение, принадлежащее отцу его, представлен уже от него в доказательство крепостной акт, по которому и следует, на основании означенных узаконений, из неправильного владения помянутого Дубровского отобрав, отдать ему по праву наследства. А как означенные помещики, имея во владении не принадлежащее им имение и без всякого укрепления, и пользовались с оного неправильно и им не принадлежащими доходами, то по исчислении, сколько таковых будет причитаться по силе... с помещика Дубровского и его Троекурова оными удовлетворить. — По рассмотрении какового дела и учиненной из оного и из законов выписки в ** уездном суде определено:

Как из дела сего видно, что генерал-аншеф Кирила Петров сын Троекуров на означенное спорное имение, находящееся ныне во владении у гвардии поручика Андрея Гаврилова сына Дубровского, состоящее в сельце Кистеневке, по нынешней... ревизии всего мужеска пола** душ, с землею и угодьями, представил подлинную купчую на продажу оного покойному отцу его, провинциальному секретарю, который потом был коллежским асессором, в 17... году из дворян канцеляристом Фадеем Спицыным, и что сверх сего сей покупщик, как из учиненной на той купчей надписи видно, был в том же году *** земским судом введен во владение, которое имение уже и за него отказано, и хотя напротив сего со стороны гвардии поручика Андрея Дубровского и представлена <доверенность>, данная тем умершим покупщиком Троекуровым титулярному советнику Соболеву для совершения купчей на имя отца его, Дубровского: но по таковым сделкам не только утверждать крепостные недвижимые имения, но даже и временно владеть по указу... воспрещено, к тому ж и самая доверенность смертию дателя оной совершенно уничтожается. — Но чтоб сверх сего действительно была по оной доверенности совершена где и когда на означенное спорное имение купчая, со стороны Дубровского никаких ясных доказательств к делу с начала производства, т. е. с 18... года, и по сие время не представлено. А потому сей суд и полагает: означенное имение, ** душ, с землею и угодьями, в каком ныне положении тое окажется, утвердить по представленной на оное купчей за генерал-аншефа Троекурова; о удалении от распоряжения оным гвардии поручика Дубровского и о надлежащем

вводе во владение за него, г. Троекурова; и об отказе за него, как дошедшего ему по наследству, предписать К** земскому суду. — А хотя сверх сего генерал-аншеф Троекуров и просит о взыскании с гвардии поручика Дубровского за неправое владение наследственным его имением воспользовавшихся с оного доходов. — Но как оное имение, по показанию старожилых людей, было у г.г. Дубровских несколько лет в бесспорном владении, и из дела сего не видно, чтоб со стороны г. Троекурова были какие-либо до сего времени прошения о таковом неправильном владении Дубровскими оного имения, к тому по уложению велено, ежели кто чужую землю засеет или усадьбу загородит, и на того о неправильном завладении станут бити челом, и про то сыщется допрямо, тогда правому отдавать тую землю и с посеянным хлебом, и городьбою, и строением, а посему генерал-аншефу Троекурову в изъявленном на гвардии поручика Дубровского иске отказать, ибо принадлежащее ему имение возвращается в его владение, не изъемля из оного ничего. А что при вводе за него оказаться может всё без остатка, предоставя между тем генерал-аншефу Троекурову, буде он имеет о таковой своей претензии какие-либо ясные и законные доказательствы, может просить где следует особо. — Каковое решение напред объявить как истцу, равно и ответчику, на законном основании, апелляционным порядком, коих и вызвать в сей суд для выслушания сего решения и подписи удовольствия или неудовольствия чрез полицию.

Каковое решение подписали все присутствующие того суда —.

Секретарь умолкнул, заседатель встал и с низким поклоном обратился к Троекурову, приглашая его подписать предлагаемую бумагу, и торжествующий Троекуров, взяв от него перо, подписал под *решением* суда совершенное свое удовольствие.

Очередь была за Дубровским. Секретарь поднес ему бумагу. Но Дубровский стал неподвижен, потупя голову.

Секретарь повторил ему свое приглашение подписать свое полное и совершенное удовольствие или явное неудовольствие, если паче чаяния чувствует по совести, что дело его есть правое, и намерен в положенное законами время просить по апелляции куда следует.

Дубровский молчал... Вдруг он поднял голову, глаза его засверкали, он топнул ногою, оттолкнул секретаря с такою силою, что тот упал, схватив чернильницу, пустил ею в заседателя. Все пришли в ужас. „Как! не почитать церковь божию! прочь, хамово племя!“ Потом, обратясь к Кирилу Петровичу: „Слыхано дело, ваше превосходительство, — продолжал он, — псари вводят собак в божию церковь! собаки бегают по церкви. Я вас ужо проучу — — —“. Сторожа сбежались на

шум, и насилу им овладели. Его вывели и усадили в сани. Троекуров вышел вслед за ним, сопровождаемый всем судом. Внезапное сумасшествие Дубровского сильно подействовало на его воображение и отравило его торжество. Судии, надеявшиеся на его благодарность, не удостоились получить от него ни единого приветливого слова. Он в тот же день отправился в Покровское. Дубровский между тем лежал в постеле; уездный лекарь, по счастию не совершенный невежда, успел пустить ему кровь, приставить пиявки и шпанские мухи — к вечеру ему стало легче, больной пришел в память. На другой день повезли его в Кистеневку, почти уже ему не принадлежащую.

Глава III

Прошло несколько времени, а здоровье бедного Дубровского всё еще было плохо. Правда припадки сумасшествия уже не возобновлялись, но силы его приметно ослабевали. Он забывал свои прежние занятия, редко выходил из своей комнаты, и задумывался по целым суткам. — Егоровна, добрая старуха, некогда ходившая за его сыном, теперь сделалась и его нянькою. Она смотрела за ним как за ребенком, напоминала ему о времени пищи и сна, кормила его, укладывала спать. Андрей Гаврилович тихо повиновался ей, и кроме ее не имел ни с кем сношения. Он был не в состоянии думать о своих делах, хозяйственных распоряжениях, и Егоровна увидела необходимость уведомить обо всем молодого Дубровского, служившего в одном из гвардии пехотных полков и находящегося в то время в Петербурге. И так, отодрав лист от расходной книги, она продиктовала повару Харитону, единственному кистеневскому грамотею, письмо, которое в тот же день и отослала в город на почту.

Но пора читателя познакомить с настоящим героем нашей повести.

Владимир Дубровский воспитывался в кадетском корпусе и выпущен был корнетом в гвардию; отец не щадил ничего для приличного его содержания, и молодой человек получал из дому более нежели должен был ожидать. Будучи расточителен и честолюбив, он позволял себе роскошные прихоти; играл в карты и входил в долги, не заботясь о будущем, и предвидя себе рано или поздно богатую невесту, мечту бедной молодости.

Однажды вечером, когда несколько офицеров сидели у него, развалившись по диванам и куря из его янтарей, Гриша, его камердинер,

подал ему письмо, коего надпись и печать тотчас поразили молодого человека. Он поспешно его распечатал, и прочел следующее:

Государь ты наш, Владимир Андреевич, — я, твоя старая нянька, решилась тебе доложить о здоровьи папенькином. Он очень плох, иногда заговаривается, и весь день сидит как дитя глупое — а в животе и смерти бог волен. Приезжай ты к нам, соколик мой ясный, мы тебе и лошадей вышлем на Песочное — слышно, земский суд к нам едет отдать нас под начал Кирилу Петровичу Троекурову — потому что мы-дескать ихние, а мы искони Ваши — и от роду того не слыхивали. — Ты бы мог, живя в Петербурге, доложить о том царю-батюшке, а он бы не дал нас в обиду. — Остаюсь твоя верная раба, нянька

Орина Егоровна Бузырева.

Посылаю мое материнское благословление Грише, хорошо ли он тебе служит? — У нас дожди идут вот ужо друга неделя и пастух Родя помер около Миколина дня.

Владимир Дубровский несколько раз сряду прочитал сии довольно бестолковые строки с необыкновенным волнением. Он лишился матери с малолетства и, почти не зная отца своего, был привезен в Петербург на 8-м году своего возраста — со всем тем он романически был к нему привязан, и тем более любил семейственную жизнь, чем менее успел насладиться ее тихими радостями.

Мысль потерять отца своего тягостно терзала его сердце, а положение бедного больного, которое угадывал он из письма своей няни, ужасало его. Он воображал отца, оставленного в глухой деревне, на руках глупой старухи и дворни, угрожаемого каким-то бедствием и угасающего без помощи в мучениях телесных и душевных. Владимир упрекал себя в преступном небрежении. Долго не получал он от отца никакого известия и не подумал о нем осведомиться, полагая его в разъездах или хозяйственных заботах.

Он решился к нему ехать и даже выдти в отставку, если болезненное состояние отца потребует его присутствия. Товарищи, заметя его беспокойство, ушли. Владимир, оставшись один, написал просьбу об отпуске — закурил трубку и погрузился в глубокие размышления.

Тот же день стал он хлопотать об отпуске [и через два дня пустился в дорогу на перекладных с верным своим Гришей].

Владимир Андреевич приближался к той станции, с которой должен он был своротить на Кистеневку. Сердце его исполнено было

печальных предчувствий, он боялся уже не застать отца в живых, он воображал грустный образ жизни, ожидающий его в деревне: глушь, безлюдие, бедность и хлопоты по делам, в коих он не знал никакого толку. Приехав на станцию, он вошел к смотрителю и спросил вольных лошадей. Смотритель осведомился, куда надобно было ему ехать, и объявил, что лошади, присланные из Кистеневки, ожидали его уже четвертые сутки. Вскоре явился к Владимиру Андреевичу старый кучер Антон, некогда водивший его по конюшне, и смотревший за его маленькой лошадкою. Антон прослезился, увидя его, поклонился ему дò земи, сказал ему, что старый его барин еще жив, и побежал запрягать лошадей. Владимир Андреевич отказался от предлагаемого завтрака и спешил отправиться. Антон повез его проселочными дорогами — и между ими завязался разговор.

— Скажи, пожалуйста, Антон, какое дело у отца моего с Троекуровым?

— А бог их ведает, батюшка Владимир Андреевич — — барин, слышь, не поладил с Кирилом Петровичем, а тот и подал в суд — хотя по часту он сам себе судия. Не наше холопье дело разбирать барские воли, а ей-богу, напрасно батюшка ваш пошел на Кирила Петровича, плетью обуха не перешибешь.

— Так видно этот Кирила Петрòвич — у вас делает что хочет?

— И вестимо, барин — заседателя, слышь, он и в грош не ставит, исправник у него на посылках — господа съезжаются к нему на поклон, и то сказать, было бы корыто, а свиньи-то будут.

— Правда ли, что отымает он у нас имение?

— Ох, барин, слышали так и мы — на днях покровский пономарь сказал на крестинах у нашего старосты: полно вам гулять; вот ужо приберет вас к рукам Кирила Петрович. Микита кузнец и сказал ему: и полно, Савельич, не печаль кума, не мути гостей — Кирила Петрович сам по себе, а Андрей Гаврилович сам по себе — а все мы божии да государевы; да ведь на чужой рот пуговицы не нашьешь.

— Стало быть, вы не желаете перейти во владение Троекурову?

— Во владение Кирилу Петровичу! Господь упаси и избави — у него там и своим плохо приходится, а достанутся чужие, так он с них не только шкурку, да и мясо-то отдерет. — Нет, дай бог долго здравствовать Андрею Гавриловичу, а коли уж бог его приберет, так не надо нам никого, кроме тебя, наш кормилец. Не выдавай ты нас, а мы уж за тебя станем.

При сих словах Антон размахнул кнутом, тряхнул вожжами, и лошади его побежали крупной рысью.

Тронутый преданностию старого кучера, Дубровский замолчал — и предался своим размышлениям. Прошло более часа — вдруг Гриша пробудил его восклицанием: *Вот Покровское!* Дубровский поднял голову. Он ехал берегом широкого озера, из которого вытекала речка и вдали извивалась между холмами — на одном из них над густою зеленью рощи возвышалась зеленая кровля и бельведер огромного каменного дома — на другом пятиглавая церковь и старинная колокольня — — около разбросаны были деревенские избы с их огородами и колодезями. Дубровский узнал сии места — он вспомнил, что на сем самом холму играл он с маленькой Машей Троекуровой, которая была двумя годами его моложе и тогда уже обещала быть красавицей. Он хотел об ней осведомиться у Антона, но какая-то застенчивость удержала его.

Подъехав к господскому дому, он увидел белое платье, мелькающее между деревьями сада. В это время Антон ударил по лошадям и, повинуясь честолюбию, общему и деревенским кучерам как и извозчикам, пустился во весь дух через мост и мимо села. Выехав из деревни, поднялись они на гору, и Владимир увидел березовую рощу, и влево на открытом месте серенький домик с красной кровлею; сердце в нем забилось.— Перед собою видел он Кистеневку и бедный дом своего отца.

Через 10 минут въехал он на барский двор. Он смотрел вокруг себя с волнением неописанным. Двенадцать лет не видал он своей родины. Березки, которые при нем только что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими ветвистыми деревьями. Двор, некогда украшенный тремя правильными цветниками, меж коими шла широкая дорога, тщательно выметаемая, обращен был в некошаный луг, на котором паслась опутанная лошадь. Собаки было залаяли, но, узнав Антона, умолкли и замахали косматыми хвостами. Дворня высыпала из людских изоб, окружила молодого барина с шумными изъявлениями радости. Насилу мог он продраться сквозь их усердную толпу, и взбежал на ветхое крыльцо. В сенях встретила его Егоровна и с плачем обняла своего воспитанника.

— Здорово, здорово, няня, — повторял он, прижимая к сердцу добрую старуху, — что батюшка, где он? каков он?

В эту минуту в залу вошел, насилу передвигая ноги, старик высокого роста, бледный и худой, в халате и колпаке.

— Здравствуй, Володька! — сказал он слабым голосом, и Владимир с жаром обнял отца своего.

Радость произвела в больном слишком сильное потрясение, он ослабел, ноги под ним подкосились, и он бы упал, если бы сын не поддержал его.

— Зачем вы встали с постели, — говорила ему Егоровна, — на ногах не стоит, а туда же норовит, куда и люди.

Старика отнесли в спальню. Он силился с ним разговаривать, но мысли мешались в его голове и слова не имели никакой связи. Он замолчал и впал в усыпление. Владимир поражен был его состоянием. Он расположился в его спальне — и просил оставить его наедине с отцом. Домашние повиновались, и тогда все обратились к Грише, и повели в людскую, где и угостили его по-деревенскому, со всевозможным радушием, измучив его вопросами и приветствиями.

Глава IV

Где стол был яств, там гроб стоит.

Несколько дней спустя после своего приезда молодой Дубровский хотел заняться делами, но отец его был не в состоянии дать ему нужные объяснения — у Андрея Гавриловича не было поверенного. Разбирая его бумаги, нашел он только первое письмо заседателя и черновой ответ на оное — из коего не мог он получить ясное понятие о тяжбе, и решился ожидать последствий, надеясь на правоту самого дела.

Между тем здоровье Андрея Гавриловича час от часу становилось хуже. Владимир предвидел его скорое разрушение и не отходил от старика, впадшего в совершенное детство.

Между тем положенный срок прошел, и апелляция не была подана. Кистеневка принадлежала Троекурову. Шабашкин явился к нему с поклонами и поздравлениями и просьбою назначить, когда угодно будет его превосходительству вступить во владение новоприобретенным имением — самому или кому изволит он дать на то доверенность. Кирила Петрович смутился. От природы не был он корыстолюбив, желание мести завлекло его слишком далеко, совесть его роптала. Он знал, в каком состоянии находился его противник, старый товарищ его молодости — и победа не радовала его сердце. Он грозно взглянул на Шабашкина, ища к чему привязаться, чтоб его выбранить — но не нашед достаточного к тому предлога, сказал ему сердито:

— Пошел вон, не до тебя.

Шабашкин, видя, что он не в духе, поклонился и спешил удалиться. А Кирила Петрович, оставшись наедине, стал расхаживать взад и вперед, насвистывая: *Гром победы раздавайся*, что всегда означало в нем необыкновенное волнение мыслей.

и поставя лестницу на загоревшую
кровлю, он полез за кошкою —
Она поняла его намерение и с
видом торопливой благодарности — уцепи
за его рукав — полуобгоре
кузнец, с своей добычей полез
вниз — Ну ребята, прощайте, ме
сказал он смущенной дворне,
мне здесь делать нечего — Счастли
во, не поминайте меня лихом
Кузнец ушел, и пожар
свирепствовал еще несколько
времени — Наконец унялся,
груды углей без пламени
ярко горели в темноте ночи
около них бродили погорелые жители

Из рукописи „Дубровский“ (Всесоюзная публичная библиотека им. Ленина)

Наконец он велел запрячь себе беговые дрожки, оделся потеплее (это было уже в конце сентября) и, сам правя, выехал со двора.

Вскоре завидел он домик Андрея Гавриловича, и противоположные чувства наполнили душу его. Удовлетворенное мщение и властолюбие заглушали до некоторой степени чувства более благородные, но последние наконец восторжествовали. — Он решился помириться с старым своим соседом, уничтожить и следы ссоры, возвратив ему его достояние. Облегчив душу сим благим намерением, Кирила Петрович пустился рысью к усадьбе своего соседа — и въехал прямо на двор.

В это время больной сидел в спальней у окна. Он узнал Кирила Петровича, и ужасное смятение изобразилось на лице его — багровый румянец заступил место обыкновенной бледности, глаза засверкали, он произносил невнятные звуки. Сын его, сидевший тут за хозяйственными книгами, поднял голову и поражен был его состоянием. Больной указывал пальцем на двор с видом ужаса и гнева. Он торопливо подбирал полы своего халата, собираясь встать с кресел, приподнялся — — и вдруг упал. — Сын бросился к нему, старик лежал без чувств и без дыхания — паралич его ударил.

— Скорей, скорей в город за лекарем! — кричал Владимир.

— Кирила Петрович спрашивает вас, — сказал вошедший слуга.

Владимир бросил на него ужасный взгляд.

— Скажи Кирилу Петровичу, чтоб он скорее убирался, пока я не велел его выгнать со двора — пошел.

Слуга радостно побежал исполнить приказание своего барина — Егоровна всплеснула руками.

— Батюшка ты наш, — сказала она пискливым голосом, — погубишь ты свою головушку! Кирила Петрович съест нас.

— Молчи, няня, — сказал с сердцем Владимир, — сейчас пошли Антона в город за лекарем.

Егоровна вышла. В передней никого не было — все люди сбежались на двор смотреть на Кирила Петровича. Она вышла на крыльцо — и услышала ответ слуги, доносящего от имени молодого барина. Кирила Петрович выслушал его, сидя на дрожках — лицо его стало мрачнее ночи, он с презрением улыбнулся, грозно взглянул на дворню и поехал шагом около двора. Он взглянул и в окошко, где за минуту перед сим сидел Андрей Гаврилович, но где уж его не было. Няня стояла на крыльце, забыв о приказании барина.

Дворня с шумом толковала о сем происшествии. Вдруг Владимир явился между людьми и отрывисто сказал: — Не надобно лекаря, батюшка скончался.

Сделалось смятение. Люди бросились в комнату старого барина. Он лежал в креслах, на которые перенес его Владимир; правая рука его висела до полу, голова опущена была на грудь — не было уж и признака жизни в сем теле еще не охладелом, но уже обезображенном кончиною. Егоровна взвыла — слуги окружили труп, оставленный на их попечение, — вымыли его, одели в мундир, сшитый еще в 1797 году, и положили на тот самый стол, за которым столько лет они служили своему господину.

Глава V

Похороны совершились на третий день. Тело бедного старика лежало на столе, покрытое саваном и окруженное свечами. Столовая полна была дворовых. Готовились к выносу. Владимир и трое слуг подняли гроб. Священник пошел вперед, дьячок сопровождал его, воспевая погребальные молитвы. Хозяин Кистеневки в последний раз перешел за порог своего дома. Гроб понесли рощею. Церковь находилась за нею. День был ясный и холодный. Осенние листья падали с дерев.

При выходе из рощи, увидели кистеневскую деревянную церковь и кладбище, осененное старыми липами. Там покоилось тело Владимировой матери, там подле могилы ее накануне вырыта была свежая яма.

Церковь полна была кистеневскими крестьянами, пришедшими отдать последнее поклонение господину своему. Молодой Дубровский стал у клироса; он не плакал и не молился — но лицо его было страшно. Печальный обряд кончился. Владимир первый пошел прощаться с телом — за ним и все дворовые — принесли крышку и заколотили гроб. Бабы громко выли; мужики нередко утирали слезы кулаком. Владимир и тех же трое слуг понесли на кладбище — в сопровождении всей деревни. Гроб опустили в могилу — все присутствующие бросили в нее по горсти песку — яму засыпали, поклонились ей, и разошлись. Владимир поспешно удалился, всех опередил, и скрылся в Кистеневскую рощу.

Егоровна от имени его пригласила попа и весь причет церковный на похоронный обед — объявив, что молодой барин не намерен на оном присутствовать — и таким образом отец Антон, попадья Федотовна и дьячок пешком отправились на барский двор, рассуждая с Егоровной о добродетелях покойника и о том, что, повидимому, ожидало его наследника. (Приезд Троекурова и прием, ему оказанный, были уже известны всему околодку, и тамошние политики предвещали важные оному последствия.)

— Что будет — то будет, — сказала попадья, — а жаль, если не Владимир Андреевич будет нашим господином. Молодец, нечего сказать.

— А кому же, как не ему, и быть у нас господином, — прервала Егоровна, — напрасно Кирила Петрович и горячится — не на робкого напал — мой соколик и сам за себя постоит — да и, бог даст, благодетель его не оставит. Больно спесив Кирила Петрович: а небось поджал хвост, когда Гришка мой закричал ему: Вон, старый пес! — Долой со двора!

— Ахти, Егоровна, — сказал дьячок, — да как у Григорья-то язык повернулся, я скорее соглашусь, кажется, лаять на владыку, чем косо взглянуть на Кирила Петровича. Как увидишь его, страх и трепет и клонят ниц, а спина-то сама так и гнется, так и гнется. — — —

— Суета сует, — сказал священник, — и Кирилу Петровичу отпоют вечную память, как ныне и Андрею Гавриловичу, разве похороны будут побогаче, да гостей созовут побольше — а богу не всё ли равно. — —

— Ах, батька! и мы хотели зазвать весь околодок, да Владимир Андреевич не захотел. Небось у нас всего довольно, — есть чем угостить, да что прикажешь делать. По крайней мере, коли нет людей, так уж хоть вас употчую, дорогие гости наши.

Сие ласковое обещание и надежда найти лакомый пир ускорили шаги собеседников, и они благополучно прибыли в барский дом, где стол был уже накрыт и водка подана.

Между <тем> Владимир углублялся в чащу дерев, движением и усталостию стараясь заглушать душевную скорбь. Он шел, не разбирая дороги — сучья поминутно задевали и царапали его — ноги его поминутно вязли в болоте — он ничего не замечал. Наконец достигнул он маленькой лощины, со всех сторон окруженной лесом; ручеек извивался молча около деревьев, полуобнаженных осенью. Владимир остановился, сел на холодный дерн, и мысли одна другой мрачнее стеснились в душе его. — — Сильно чувствовал он свое одиночество. Будущее для него являлось покрытым грозными тучами. Вражда с Троекуровым предвещала ему новые несчастия. Бедное его достояние могло отойти от него в чужие руки — в таком случае нищета ожидала его. Долго сидел он неподвижно на том же месте, взирая на тихое течение ручья, уносящего несколько поблеклых листьев — и живо представлялось ему верное подобие жизни — подобие столь обыкновенное. Наконец заметил он, что начало смеркаться — он встал и пошел искать дороги домой, но еще долго блуждал по незнакомому лесу, пока не попал на тропинку, которая и привела его прямо к воротам его дома.

Навстречу Дубровскому попался поп со всем причетом. Мысль о несчастливом предзнаменовании пришла ему в голову. — — Он невольно пошел стороною и скрылся за деревом. Они его не заметили и с жаром говорили между собою, проходя мимо его.

— Удались от зла и сотвори благо, — говорил поп попадье, — нечего нам здесь оставаться. Не твоя беда, чем бы дело ни кончилось — —

Попадья что-то отвечала, но Владимир не мог ее расслышать.

Приближаясь увидел он множество народа — крестьяне и дворовые люди толпились на барском дворе. Издали услышал Владимир необыкновенный шум и говор. У сарая стояли две тройки. На крыльце несколько незнакомых людей в мундирных сертуках, казалось, о чем-то толковали.

— Что это значит, — спросил он сердито у Антона, который бежал ему навстречу. — Это кто такие, и что им надобно?—

— Ах, батюшка Владимир Андреевич, — отвечал старик, задыхаясь. — Суд приехал. Отдают нас Троекурову, отымают нас от твоей милости!..

Владимир потупил голову, люди его окружили несчастного своего господина.

— Отец ты наш, — кричали они, целуя ему руки, — не хотим другого барина, кроме тебя, прикажи, осударь, с судом мы управимся. Умрем, а не выдадим. — Владимир смотрел на них, и странные чувства волновали <его>.

— Стойте смирно, — сказал он им, — а я с приказными переговорю.

— Переговори, батюшка, — закричали ему из толпы, — да усовести окаянных.

Владимир подошел к чиновникам. Шабашкин, с картузом на голове, стоял подбочась и гордо взирал около себя — — Исправник, высокий и толстый мужчина лет пятидесяти с красным лицом и в усах, увидя приближающегося Дубровского, крякнул, и произнес охриплым голосом:

— И так, я вам повторяю то, что уже сказал: по решению уездного суда отныне принадлежите вы Кирилу Петровичу Троекурову, коего лицо представляет здесь г. Шабашкин. — Слушайтесь его во всем, что ни прикажет, а вы, бабы, любите и почитайте его, а он до вас большой охотник.

При сей острой шутке исправник захохотал, а Шабашкин и прочие члены ему последовали. Владимир кипел от негодования.

— Позвольте узнать, что это значит, — спросил он с притворным холоднокровием у веселого исправника.

— А это то значит, — отвечал замысловатый чиновник, — что мы приехали вводить во владение сего Кирила Петровича Троекурова и просить *иных прочих* убираться по-добру по-здорову.

— Но вы могли бы, кажется, отнестися ко мне, прежде чем к моим крестьянам — и объявить помещику отрешение от власти — —

— А ты кто такой, — сказал Шабашкин с дерзким взором, — бывший помещик Андрей Гаврилов сын Дубровский волею божиею помер, — мы вас не знаем, да и знать не хотим.

— Ваше благородие, наш молодой барин, — сказал голос из толпы, — Владимир Андреевич.

— Кто там смел рот разинуть, — сказал грозно исправник, — какой барин, какой Владимир Андреевич — барин ваш Кирила Петрович Троекуров — слышите ли, олухи.

— Как не так, — сказал тот же голос.

— Да это бунт! — закричал исправник.— Гей, староста, сюда!

Староста выступил вперед.

— Отыщи сей же час, кто смел со мною разговаривать, я его!

Староста обратился к толпе, спрашивая, кто говорил? Но все молчали; вскоре в задних рядах поднялся ропот, стал усиливаться и в одну минуту превратился в ужаснейшие вопли. Исправник понизил голос и хотел было их уговаривать — —

— Да что на него смотреть, — закричали дворовые, — ребята! долой их! — и толпа двинулась.

Шабашкин и другие члены поспешно бросились в сени — и заперли за собою дверь.

— Ребята, вязать, — закричал тот же голос, — и толпа стала напирать.

— Стойте, — крикнул Дубровский, — дураки, что вы это? вы губите и себя и меня — ступайте по дворам и оставьте меня в покое. Не бойтесь, государь милостив, я буду просить его — он нас не обидит — мы все его дети — а как ему за вас будет заступиться, если вы станете бунтовать и разбойничать.

Речь молодого Дубровского, его звучный голос и величественный вид произвели желанное действие. Народ утих, разошелся — двор опустел. Члены сидели в доме. Наконец Шабашкин тихонько отпер двери, вышел на крыльцо и с униженными поклонами стал благодарить Дубровского за его милостивое заступление.

Владимир слушал его с презрением и ничего не отвечал.

— Мы решили, — продолжал заседатель, — с вашего дозволения остаться здесь ночевать; а то уж темно и ваши мужики могут напасть

на нас на дороге. Сделайте такую милость: прикажите постлать нам хоть сена в гостиной; чем свет, мы отправимся во-свояси.

— Делайте, что хотите, — ответил им сухо Дубровский, — я здесь уже не хозяин.

С этим словом он удалился в комнату отца своего, и запер за собою дверь.

Глава VI

„Итак, всё кончено, — сказал он сам себе; — еще утром имел я угол и кусок хлеба. Завтра должен я буду оставить дом, где я родился, где умер мой отец, виновнику его смерти и моей нищеты". И глаза его неподвижно остановились на портрете его матери. Живописец представил ее облокоченною на перилы, в белом утреннем платье с одною розою в волосах. „И портрет этот достанется врагу моего семейства, — подумал Владимир, — он заброшен будет в кладовую вместе с изломанными стульями, или повешен в передней, предмет насмешек и замечаний его псарей — а в ее спальней, в комнате — — где умер отец, поселится его приказчик или поместится его гарем. Нет! нет! пускай же и ему не достанется печальный дом, из которого он выгоняет меня". Владимир стиснул зубы — страшные мысли рождались в уме его. Голоса подьячих доходили до него — они хозяйничали, требовали то того, то другого, и неприятно развлекали его среди печальных его размышлений. Наконец всё утихло.

Владимир отпер комоды и ящики, занялся разбором бумаг покойного. Они большею частию состояли из хозяйственных счетов и переписки по разным делам. Владимир разорвал их, не читая. Между ими попался ему пакет с надписью: *Письма моей жены*. С сильным движением чувства, Владимир принялся за них: они писаны были во время Т<урецкого> похода и были адресованы в армию из Кистеневки. Она описывала ему свою пустынную жизнь, хозяйственные занятия, с нежностию сетовала на разлуку и призывала его домой, в объятия доброй подруги. В одном из них она изъявляла ему свое беспокойство насчет здоровья маленького Владимира; в другом она радовалась его ранним способностям и предвидела для него счастливую и блестящую будущность. Владимир зачитался, и позабыл всё на свете, погрузясь душою в мир семейственного счастия, и не заметил, как прошло время, стенные часы пробили одиннадцать. Владимир положил письма в карман, взял свечу и вышел из кабинета. В зале приказные спали на полу. На столе стояли стаканы, ими опорожненные, и сильный дух рома слы-

шался по всей комнате. Владимир с отвращением прошел мимо их в переднюю. Двери были заперты — не нашед ключа, Владимир возвратился в залу — ключ лежал на столе, Владимир отворил дверь и наткнулся на человека, прижавшегося в угол — топор блестел у него. И обратясь к нему со свечою, Владимир узнал Архипа-кузнеца.

— Зачем ты здесь? — спросил он.

— Ах, Владимир Андреевич, это вы, — отвечал Архип пошепту, — господь помилуй и спаси! Хорошо, что вы шли со свечою! — Владимир глядел на него с изумлением.

— Что ты здесь притаился? — спросил он кузнеца.

— Я хотел... я пришел... было проведать, всё ли дома — тихо отвечал Архип запинаясь.

— А зачем с тобою топор?

— Топор-то зачем? — Да как же без топора ноне и ходить. Эти приказные такие, вишь, озорники — того и гляди —

— Ты пьян, брось топор, поди выспись.

— Я пьян? Батюшка Владимир Андреевич, бог свидетель, ни единой капли во рту не было — — да и пойдет ли вино на ум, слыхано ли дело — подьячие задумали нами владеть, подьячие гонят наших господ с барского двора — — Эк они храпят, окаянные — всех бы разом, так и концы в воду.

Дубровский нахмурился.

— Послушай, Архип, — сказал он, немного помолчав, — не дело ты затеял. Не приказные виноваты. Засвети-ко фонарь ты, ступай за мною.

Архип взял свечку из рук барина, отыскал за печкою фонарь, засветил его, и оба тихо сошли с крыльца и пошли около двора, сторож начал бить в чугунную доску, собаки залаяли.

— Кто на сторожах? — спросил Дубровский.

— Мы, батюшка, — отвечал тонкий голос, — Василиса да Лукерья.

— Подите по дворам, — сказал им Дубровский, — вас не нужно.

— Шабаш, — примолвил Архип.

— Спасибо, кормилец, — отвечали бабы — и тотчас отправились домой.

Дубровский пошел далее. Два человека приблизились к нему; они его окликнули — Дубровский узнал голос Антона и Гриши.

— Зачем вы не спите? — спросил он их.

— До сна ли нам, — ответил Антон, — до чего мы дожили, кто бы подумал — —

— Тише! — перервал Дубровский, — где Егоровна?

— В барском доме в своей светелке, — отвечал Гриша.

— Поди, приведи ее сюда, да выведи из дому всех наших людей, чтоб ни одной души в нем не оставалось — кроме приказных — а ты, Антон, запряги телегу.

Гриша ушел и через минуту явился с своею матерью. Старуха не раздевалась в эту ночь; кроме приказных никто в доме не смыкал глаз.

— Все ли здесь? — спросил Дубровский, — не осталось ли никого в доме?

— Никого, кроме подьячих, — отвечал Гриша.

— Давайте сюда сена или соломы, — сказал Дубровский.

Люди побежали в конюшню и возвратились, неся в охапках сено.

— Подложите под крыльцо — вот так. Ну, ребята, огню! —

Архип открыл фонарь — Дубровский зажег лучину.

— Постой, — сказал он Архипу, — кажется, второпях я запер двери в переднюю, поди скорей отопри их.

Архип побежал в сени — двери были отперты. Архип запер их на ключ, примолвя вполголоса: *как не так, отопри!* и возвратился к Дубровскому.

Дубровский приблизил лучину, сено вспыхнуло, пламя взвилось — и осветило весь двор.

— Ахти, — жалобно закричала Егоровна, — Владимир Андреевич, что ты делаешь!

— Молчи, — сказал Дубровский. — Ну, дети, прощайте, иду, куда бог поведет; будьте счастливы с новым вашим господином.

— Отец наш, кормилец, — отвечали люди, — умрем, не оставим тебя, идем с тобою.

Лошади были поданы — Дубровский сел с Гришею в телегу и назначил им место свидания — Кистеневскую рощу. Антон ударил по лошадям, и они выехали со двора.

Поднялся ветер. В одну минуту пламя обхватило весь дом. Красный дым вился над кровлею. Стеклы трещали, сыпались, пылающие бревны стали падать, раздался жалобный вопль и крики: „горим, помогите, помогите“.

— *Как не так,* — сказал Архип, — с злобной улыбкой взирающий на пожар.

— Архипушка, — говорила ему Егоровна, — спаси их, окаянных, бог тебя наградит.

— Как не так, — отвечал кузнец.

В сию минуту приказные показались в окно, стараясь выломать двойные рамы. Но тут кровля с треском рухнула, и вопли утихли.

Вскоре вся дворня высыпала на двор. Бабы с криком спешили спасти свою рухлядь, ребятишки прыгали, любуясь на пожар. Искры полетели огненной мятелью, избы загорелись.

— Теперь всё ладно, — сказал Архип, — каково горит, — а? Чай, из Покровского славно смотреть.

В сию минуту новое явление привлекло его внимание; кошка бегала по кровле пылающего сарая, недоумевая, куда спрыгнуть — со всех сторон окружало ее пламя. Бедное животное жалким мяуканием призывало на помощь, мальчишки помирали со смеху, смотря на ее отчаяние.

— Чему смеетеся, бесенята, — сказал им сердито кузнец, — бога вы не боитесь — божия тварь погибает, а вы сдуру радуетесь — и поставя лестницу на загоревшуюся кровлю, он полез за кошкою. Она поняла его намерение и с видом торопливой благодарности уцепилась за его рукав. Полуобгорелый кузнец с своей добычей полез вниз.

— Ну, ребята, прощайте, — сказал он смущенной дворне, — мне здесь делать нечего. Счастливо, не поминайте меня лихом.

Кузнец ушел, пожар свирепствовал еще несколько времени. Наконец унялся, и груды углей без пламени ярко горели в темноте ночи и около них бродили погорелые жители Кистеневки.

Глава VII

На другой день весть о пожаре разнеслась по всему околодку. Все толковали о нем с различными догадками и предположениями. Иные уверяли, что люди Дубровского, напившись пьяны на похоронах, зажгли дом из неосторожности, другие обвиняли приказных, подгулявших на новоселии, многие уверяли, что он сам сгорел с земским судом и со всеми дворовыми, некоторые догадывались об истине и утверждали, что виновником сего ужасного бедствия был сам Дубровский, движимый злобой и отчаянием. Троекуров приезжал на другой же день на место пожара и сам производил следствие. Оказалось, что исправник, заседатель земского суда, стряпчий и писарь, так же как Владимир Дубровский, няня Егоровна, дворовый человек Григорий, кучер Антон и кузнец Архип пропали неизвестно куда — — Все дворовые показали, что приказные сгорели в то время, как повалилась кровля; обгорелые кости их были отрыты. Бабы Василиса и Лукерья сказали, что Дуб-

ровского и Архипа-кузнеца видели они за несколько минут перед пожаром. Кузнец-Архип, по всеобщему показанию, был жив и вероятно главный, если не единственный виновник пожара. На Дубровском лежали сильные подозрения. Кирила Петрович послал губернатору подробное описание всему происшествию, и новое дело завязалось.

Вскоре другие вести дали другую пищу любопытству и толкам. В ** появились разбойники, и распространили ужас по всем окрестностям. Меры, принятые противу них правительством, оказались недостаточными. Грабительства, одно другого замечательнее, следовали одно за другим. Не было безопасности ни по дорогам, ни по деревням. Несколько троек, наполненных разбойниками, разъезжали днем по всей губернии — останавливали путешественников и почту, приезжали в селы, грабили помещичьи дома и предавали их огню. Начальник шайки славился умом, отважностью и каким-то великодушием. Рассказывали о нем чудеса; имя Дубровского было во всех устах, все были уверены, что он, а не кто другой, предводительствовал отважными злодеями. Удивлялись одному — поместия Троекурова были пощажены, разбойники не ограбили у него ни единого сарая; не остановили ни одного воза. С обыкновенной своей надменностию Троекуров приписывал сие исключение страху, который умел он внушить всей губернии, также и отменно хорошей полиции, им заведенной в его деревнях. Сначала соседи смеялись между собою над высокомерием Троекурова и каждый <день> ожидали, чтоб незваные гости посетили Покровское, где было им чем поживиться, но наконец принуждены были с ним согласиться и сознаться, что и разбойники оказывали ему непонятное уважение — — Троекуров торжествовал и при каждой вести о новом грабительстве Дубровского рассыпался в насмешках насчет губернатора, исправников и ротных командиров, от коих Дубровский уходил всегда невредимо.

Между тем наступило 1-е октября — день храмового праздника в селе Троекурова. — — Но прежде чем приступим к описанию сего торжества и дальнейших происшествий, мы должны познакомить читателя с лицами, для него новыми, или о коих мы слегка только упомянули в начале нашей повести.

Глава VIII

Читатель, вероятно, уже догадался, что дочь Кирила Петровича, о которой сказали мы еще только несколько слов, есть героиня нашей повести. В эпоху, нами описываемую, ей было 17 лет, и красота ее была в полном цвете. Отец любил ее до безумия, но обходился с нею

со свойственным ему своенравием, то стараясь угождать малейшим ее прихотям, то пугая ее суровым, а иногда и жестоким обращением. Уверенный в ее привязанности, никогда не мог он добиться ее доверенности. Она привыкла скрывать от него свои чувства и мысли, ибо никогда не могла знать наверно, каким образом будут они приняты. Она не имела подруг и выросла в уединении. Жены и дочери соседей редко езживали к Кирилу Петровичу, коего обыкновенные разговоры и увеселения требовали товарищества мужчин, а не присутствия дам. Редко наша красавица являлась посреди гостей, пирующих у Кирила Петровича. Огромная <библиотека>, составленная большею частию из сочинений французских писателей XVIII века, была отдана в ее распоряжение. Отец ее, никогда не читавший ничего, кроме *Совершенной Поварихи*, не мог руководствовать ее в выборе книг, и Маша, естественным образом, перерыв сочинения всякого рода, остановилась на романах. Таким образом совершила она свое воспитание, начатое некогда под руководством мамзель Мими, которой Кирила Петрович оказывал большую доверенность и благосклонность, и которую принужден он был наконец выслать тихонько в другое поместие, когда следствия сего дружества оказались слишком явными. Мамзель Мими оставила по себе память довольно приятную. Она была добрая девушка, и никогда во зло не употребляла влияния, которое видимо имела над Кирилом Петровичем — в чем отличалась она от других наперсниц, поминутно им сменяемых. Сам Кирила Петрович, казалось, любил ее более прочих, и черноглазый мальчик, шалун лет 9-ти, напоминающий полуденные черты m-lle Мими, воспитывался при нем и признан был его сыном, несмотря на то, что множество босых ребятишек, как две капли воды похожих на Кирила Петровича, бегали перед его окнами и считались дворовыми. Кирила Петрович выписал из Москвы для своего маленького Саши француза-учителя, который и прибыл в Покровское во время происшествий, нами теперь описываемых.

Сей учитель понравился Кирилу Петровичу своей приятной наружностию и простым обращением. Он представил Кирилу Петровичу свои аттестаты и письмо от одного из родственников Троекурова, у которого 4 года жил он гувернером. Кирила Петрович всё это пересмотрел и был недоволен одною молодостью своего француза — не потому, что полагал бы сей любезный недостаток несовместным с терпением и опытностию, столь нужными в несчастном звании учителя, но у него были свои сомнения, которые тотчас и решился ему объяснить. Для сего велел он позвать к себе Машу (Кирила Петрович по-французски не говорил, и она служила ему переводчиком).

— Подойди сюда, Маша: скажи ты этому мусье, что так и быть — принимаю его; только с тем, чтоб он у меня за моими девушками не осмелился волочиться, не то я его, собачьего сына — — переведи это ему, Маша.

Маша покраснела и, обратясь к учителю, сказала ему по-французски, что отец ее надеется на его скромность и порядочное поведение.

Француз ей поклонился, и отвечал, что он надеется заслужить уважение, даже если откажут ему в благосклонности.

Маша слово в слово перевела его ответ.

— Хорошо, хорошо, — сказал Кирила Петрович, — не нужно для него ни благосклонности, ни уважения. Дело его ходить за Сашей и учить грамматике да географии, переведи это ему.

Марья Кириловна смягчила в своем переводе грубые выражения отца, и Кирила Петрович отпустил своего француза во флигель, где назначена была ему комната.

Маша не обратила никакого внимания на молодого француза, воспитанная в аристократических предрассудках, учитель был для нее род слуги или мастерового, а слуга иль мастеровой не казался ей мужчиною. Она не заметила и впечатления, ею произведенного на M-r Дефоржа, ни его смущения, ни его трепета, ни изменившегося голоса. Несколько дней сряду потом она встречала его довольно часто, не удостоивая большей внимательности. Неожиданным образом получила она о нем совершенно новое понятие.

На дворе у Кирила Петровича воспитывались обыкновенно несколько медвежат и составляли одну из главных забав покровского помещика. В первой своей молодости медвежата приводимы были ежедневно в гостиную, где Кирила Петрович по целым часам возился с ними, стравливая их с кошками и щенятами. Возмужав, они бывали посажены на цепь, в ожидании настоящей травли. Изредко выводили пред окна барского дома и подкатывали им порожнюю винную бочку, утыканную гвоздями; медведь обнюхивал ее, потом тихонько до нее дотрогивался, колол себе лапы, осердясь толкал ее сильнее, и сильнее становилась боль. Он входил в совершенное бешенство, с ревом бросался на бочку, покамест не отымали у бедного зверя предмета тщетной его ярости. Случалось, что в телегу впрягали пару медведей, волею и неволею сажали в нее гостей, и пускали их скакать на волю божию. Но лучшею штукою почиталась у Кирила Петровича следующая.

Проголодавшегося медведя запрут, бывало, в пустой комнате, привязав его веревкою за кольцо, ввинченное в стену. Веревка была дли-

ною почти во всю комнату, так что один только противуположный угол мог быть безопасным от нападения страшного зверя. Приводили обыкновенно новичка к дверям этой комнаты, нечаянно вталкивали его к медведю, двери запирались, и несчастную жертву оставляли наедине с косматым пустынником. Бедный гость, с оборванной полою и до крови оцарапанный, скоро отыскивал безопасный угол, но принужден был иногда целых три часа стоять, прижавшись к стене, и видеть, как разъяренный зверь в двух шагах от него ревел, прыгал, становился на дыбы, рвался и силился до него дотянуться. Таковы были благородные увеселения русского барина! Несколько дней спустя после приезда учителя, Троекуров вспомнил о нем и вознамерился угостить его в медвежьей комнате: для сего, призвав его однажды утром, повел он его с <собою> темными коридорами — вдруг боковая дверь отворилась — двое слуг вталкивают в нее француза и запирают ее на ключ. Опомнившись, учитель увидел привязанного медведя, зверь начал фыркать, издали обнюхивая своего гостя, и вдруг, поднявшись на задние лапы, пошел на него — — Француз не смутился, не побежал, и ждал нападения. Медведь приблизился, Дефорж вынул из кармана маленький пистолет, вложил его в ухо голодному зверю и выстрелил. Медведь повалился. Всё сбежалось — двери отворились — Кирила Петрович вошел, изумленный развязкою своей шутки.

Кирила Петрович хотел непременно объяснения всему делу — кто предварил Дефоржа о шутке, для него предуготовленной, или зачем у него в кармане был заряженый пистолет. Он послал за Машей, Маша прибежала и перевела французу вопросы отца.

— Я не слыхивал о медведе, — отвечал Дефорж, — но я всегда ношу при себе пистолеты, потому что не намерен терпеть обиду, за которую, по моему званью, не могу требовать удовлетворения.

Маша смотрела на него с изумлением, и перевела слова его Кирилу Петровичу. Кирила Петрович ничего не отвечал, велел вытащить медведя и снять с него шкуру; потом, обратясь к своим людям, сказал: — Каков молодец! не струсил, ей-богу, не струсил. С той минуты он Дефоржа полюбил, и не думал уж его пробовать.

Но случай сей произвел еще большее впечатление на Марью Кириловну. Воображение ее было поражено: она видела мертвого медведя и Дефоржа, спокойно стоящего над ним и спокойно с нею разговаривающего. Она увидела, что храбрость и гордое самолюбие не исключительно принадлежат одному сословию — и с тех пор стала оказывать молодому учителю уважение, которое час от часу становилось внимательнее. Между ими основались некоторые сношения. Маша имела

прекрасный голос и большие музыкальные способности, Дефорж вызвался давать ей уроки. После того читателю уже нетрудно догадаться, что Маша в него влюбилась, сама еще в том себе не признаваясь.

ТОМ ВТОРОЙ

Глава IX

Накануне праздника гости начали съезжаться, иные останавливались в господском доме и во флигелях, другие у приказчиков, третьи у священника, четвертые у зажиточных крестьян. Конюшни полны были дорожных лошадей, дворы и сараи загромождены разными экипажами. В 9 часов утра заблаговестили к обедне, и всё потянулось к новой каменной церкве, построенной Кирилом Петровичем и ежегодно украшаемой его приношениями. Собралось такое множество почетных богомольцев, что простые крестьяне не могли поместиться в церкве, и стояли на паперти и в ограде. Обедня не начиналась — ждали Кирила Петровича. Он приехал в коляске шестернею — и торжественно пошел на свое место, сопровождаемый Мариею Кириловной. Взоры мужчин и женщин обратились на нее — первые удивлялись ее красоте, вторые со вниманием осмотрели ее наряд. Началась обедня, домашние певчие пели на крылосе, Кирила Петрович сам подтягивал, молился, не смотря ни направо, ни налево, и с гордым смирением поклонился в землю, когда дьякон громогласно упомянул *и о зиждителе храма сего.*

Обедня кончилась. Кирила Петрович первый подошел ко кресту. Все двинулись за ним, потом соседи подошли к нему с почтением. Дамы окружили Машу. Кирила Петрович, выходя из церкви, пригласил всех к себе обедать — сел в коляску и отправился домой. Все поехали вслед за ним. Комнаты наполнились гостями. Поминутно входили новые лица, и насилу могли пробраться до хозяина. Барыни сели чинным полукругом, одетые по запоздалой моде, в поношенных и дорогих нарядах, все в жемчугах и бриллиантах, мужчины толпились около икры и водки — с шумным разногласием разговаривая между собою. В зале накрывали стол на 80 приборов. Слуги суетились, расставляли бутылки и графины, и прилаживали скатерти. Наконец дворецкий провозгласил: кушанье поставлено — и Кирила Петрович первый пошел садиться за стол, за ним двинулись дамы, и важно заняли свои места,

наблюдая некоторое старшинство, барышни стеснились между собою как робкое стадо козочек и выбрали себе места одна подле другой. Против них поместились мужчины. На конце стола сел учитель подле маленького Саши.

Слуги стали разносить тарелки по чинам, в случае недоумения руководствуясь Лафатерскими догадками, и почти всегда безошибочно. Звон тарелок и ложек слился с шумным говором гостей, Кирила Петрович весело обозревал свою трапезу и вполне наслаждался счастием хлебосола. — — В это время въехала на двор коляска, запряженная шестью лошадьми.

— Это кто? — спросил хозяин.

— Антон Пафнутьич, — отвечали несколько голосов. Двери отворились, и Антон Пафнутьич Спицын, толстый мужчина, лет 50, с круглым и рябым лицом, украшенным тройным подбородком, ввалился в столовую, кланяясь, улыбаясь, и уже собираясь извиниться.

— Прибор сюда, — закричал Кирила Петрович, — милости просим, Антон Пафнутьич, садись, да скажи нам, что это значит: не был у моей обедни и к обеду опоздал. Это на тебя не похоже, ты и богомолен, и покушать любишь.

— Виноват, — отвечал Антон Пафнутьич, привязывая салфетку в петлицу горохового кафтана, — виноват, батюшка Кирила Петрович, я было рано пустился в дорогу, да не успел отъехать и десяти верст, вдруг шина у переднего колеса пополам — что прикажешь? К счастию, недалеко было от деревни — пока до нее дотащились, да отыскали кузнеца, да всё кое-как уладили, прошли ровно три часа — делать было нечего. Ехать ближним путем через Кистеневский лес я не осмелился, а пустился в объезд...

— Эге! — прервал Кирила Петрович, — да ты, знать, не из храброго десятка; чего ты боишься.

— Как, чего боюсь, батюшка Кирила Петрович, а Дубровского-то? — Того и гляди попадешься ему в лапы — он малый не промах, никому не спустит, а с меня, пожалуй, и две шкуры сдерет.

— За что же, братец, такое отличие?

— Как за что, батюшка Кирила Петрович? а за тяжбу-то покойника Андрея Гавриловича. Не я ли в удовольствие ваше, т. е. по совести и по справедливости, показал, что Дубровские владеют Кистеневкою безо всякого на то права, а единственно по снисхождению вашему. И покойник (царство ему небесное) обещал со мною по-свойски переведаться, а сынок, пожалуй, сдержит слово батюшкино. Доселе

бог миловал. — Всего-на-все разграбили у меня один анбар, да того и гляди до усадьбы доберутся.

— А в усадьбе-то будет им раздолье, — заметил Кирила Петрович, — я чай красная шкатулочка полным-полна...

— Куда, батюшка Кирила Петрович. Была полна, а нынче совсем опустела!

— Полно врать, Антон Пафнутьич. Знаем мы вас; куда тебе деньги тратить, дома живешь свинья свиньей, никого не принимаешь, своих мужиков обдираешь, знай копишь да и только.

— Вы всё изволите шутить, батюшка Кирила Петрович, — пробормотал с улыбкою Антон Пафнутьич, — а мы, ей-богу, разорились, — и Антон Пафнутьич стал заедать барскую шутку хозяина жирным куском кулебяки.

Кирила Петрович оставил его и обратился к новому исправнику, в первый раз к нему в гости приехавшему, и сидящему на другом конце стола, подле учителя.

— А что, поймаете хоть вы Дубровского, господин исправник?

Исправник струсил, поклонился, улыбнулся, заикнулся и произнес наконец:

— Постараемся, ваше превосходительство.

— Гм, постараемся. Давно, давно стараются, а проку всё-таки нет. Да правда, зачем и ловить его. Разбои Дубровского благодать для исправников — разъезды, следствия, подводы, а деньга в карман — как такого благодетеля извести? Не правда ли, г-н исправник?

— Сущая правда, ваше превосходительство, — отвечал совершенно смутившийся исправник.

Гости захохотали.

— Люблю молодца за искренность, — сказал Кирила Петрович. — А жаль покойного нашего исправника Тараса Алексеевича — кабы не сожгли его, так в околодке было бы тише. А что слышно про Дубровского? Где его видели в последний раз?

— У меня, Кирила Петрович, — пропищал толстый дамский голос, — в прошлый вторник обедал он у меня...

Все взоры обратились на Анну Савишну Глобову, довольно простую вдову, всеми любимую за добрый и веселый нрав. Все с любопытством приготовились услышать ее рассказ.

— Надобно знать, что тому три недели послала я приказчика на почту с деньгами для моего Ванюши. Сына я не балую, да и не в состоянии баловать, хоть бы и хотела; однако, сами изволите знать: офицеру гвардии нужно содержать себя приличным образом, и я с

„Дубровский". С акварели *В. М. Конашевича*

Ванюшей делюсь как могу своими доходишками. Вот и послала ему 2000 рублей, хоть Дубровский не раз приходил мне в голову, да думаю: город близко, всего 7 верст, авось бог пронесет. Смотрю: вечером мой приказчик возвращается бледен, оборван и пеш — я так и ахнула — что такое? что с тобою сделалось? Он мне: матушка Анна Савишна — разбойники ограбили; самого чуть не убили — сам Дубровский был тут, хотел повесить меня, да сжалился и отпустил — за то всего обобрал — отнял и лошадь и телегу. Я обмерла; царь мой небесный, что будет с моим Ванюшею? Делать нечего: написала я сыну письмо, рассказала всё и послала ему свое благословение без гроша денег.

Прошла неделя, другая — вдруг въезжает ко мне на двор коляска. Какой-то генерал просит со мною увидеться: милости просим; входит ко мне человек лет 35, смуглый, черноволосый, в усах, в бороде, сущий портрет Кульнева, рекомендуется мне как друг и сослуживец покойного мужа Ивана Андреевича; он-де ехал мимо и не мог не заехать к его вдове, зная, что я тут живу. Я угостила его чем бог послал, разговорились о том, о сем, наконец и о Дубровском — я рассказала ему свое горе. Генерал мой нахмурился. — Это странно, — сказал он, — я слыхал, что Дубровский нападает не на всякого, а на известных богачей, но и тут делится с ними, а не грабит дочиста. А в убийствах никто его не обвиняет, нет ли тут плутни, прикажите-ка позвать вашего приказчика. — Пошли за приказчиком, он явился; только увидел генерала, он так и остолбенел. „Расскажи-ка мне, братец, каким образом Дубровский тебя ограбил, и как он хотел тебя повесить". Приказчик мой задрожал и повалился генералу в ноги. — Батюшка, виноват — грех попутал — солгал. — „Коли так, — отвечал генерал, — так изволь же рассказать барыне, как всё дело случилось, а я послушаю". Приказчик не мог опомниться. „Ну что же, — продолжал генерал, — рассказывай: где ты встретился с Дубровским?" — У двух сосен, батюшка, у двух сосен. — „Что же сказал он тебе?" — Он спросил у меня, чей ты, куда едешь и зачем? — „Ну, а после?" — А после потребовал он письмо и деньги. — „Ну?" — Я отдал ему письмо и деньги. — „А он? — Ну, а он?" — Батюшка, виноват. — „Ну, что ж он сделал?" — Он возвратил мне деньги и письмо, да сказал: ступай себе с богом — отдай это на почту. — „Ну, а ты?" — Батюшка, виноват. — „Я с тобою, голубчик, управлюсь, — сказал грозно генерал, — а вы, сударыня, прикажите обыскать сундук этого мошенника, и отдайте его мне на руки, а я его проучу. Знайте, что Дубровский сам был гвардейским офицером, он не захочет обидеть товарища". Я догадывалась, кто был его превосходительство, нечего мне было с ним толковать. Кучера привязали приказчика к козлам коляски —

деньги нашли; генерал у меня отобедал, потом тотчас уехал и увез с собою приказчика. Приказчика моего нашли на другой день в лесу, привязанного к дубу и ободранного как липку.

Все слушали молча рассказ Анны Савишны, особенно барышни. Многие из них втайне ему доброжелательствовали, видя в нем героя романического — особенно Марья Кириловна, пылкая мечтательница, напитанная таинственными ужасами Радклиф.

— И ты, Анна Савишна, полагаешь, что у тебя был сам Дубровский, — спросил Кирила Петрович. — Очень же ты ошиблась. Не знаю, кто был у тебя в гостях, а только не Дубровский.

— Как, батюшка, не Дубровский, да кто же, как не он, выедет на дорогу и станет останавливать прохожих, да их осматривать.

— Не знаю, а уж верно не Дубровский. Я помню его ребенком, не знаю почернели ль у него волоса, а тогда был он кудрявый белокуренький мальчик — но знаю наверное, что Дубровский пятью годами старше моей Маши и что следственно ему не 35 лет, а около 23.

— Точно так, ваше превосходительство, — провозгласил исправник, — у меня в кармане и приметы Владимира Дубровского. В них точно сказано, что ему от роду 23-й год.

— А! — сказал Кирила Петрович, — кстати: прочтите-ка, а мы послушаем, не худо нам знать его приметы, авось в глаза попадется, так не вывернется.

Исправник вынул из кармана довольно замаранный лист бумаги, развернул его с важностию и стал читать нараспев.

„Приметы Владимира Дубровского, составленные по сказкам бывших его дворовых людей.

„От роду 22 года, *роста* середнего, *лицом* чист, *бороду* бреет, *глаза* имеет карие, *волосы* русые, *нос* прямой. *Приметы особые*: таковых не оказалось“.

— И только, — сказал Кирила Петрович.

— Только, — отвечал исправник, складывая бумагу.

— Поздравляю, г-н исправник. Ай да бумага! По этим приметам немудрено будет вам отыскать Дубровского. Да кто же не среднего роста, у кого не русые волосы, не прямой нос, да не карие глаза! Бьюсь об заклад, три часа сряду будешь говорить с самим Дубровским, а не догадаешься, с кем бог тебя свел. Нечего сказать, умные головушки приказные!

Исправник смиренно положил в карман свою бумагу и молча принялся за гуся с капустой. Между тем слуги успели уж несколько раз обойти гостей, наливая каждому его рюмку. Несколько бутылок гор-

ского и цымлянского громко были откупорены и приняты благосклонно под именем шампанского, лица начинали рдеть, разговоры становились звонче, несвязнее и веселее.

— Нет,—продолжал Кирила Петрович, — уж не видать нам такого исправника, каков был покойник Тарас Алексеевич! Этот был не промах, не разиня. Жаль, что сожгли молодца, а то бы от него не ушел ни один человек изо всей шайки. Он бы всех до единого переловил — да и сам Дубровский не вывернулся б и не откупился. Тарас Алексеевич деньги с него взять-то бы взял, да и самого не выпустил. Таков был обычай у покойника. Делать нечего, видно, мне вступиться в это дело, да пойти на разбойников с моими домашними. На первый случай отряжу человек двадцать, так они и очистят воровскую рощу; народ не трусливый, каждый в одиночку на медведя ходит—от разбойников не попятится.

— Здоров ли ваш медведь, батюшка Кирила Петрович, — сказал Антон Пафнутьич, вспомня при сих словах о своем косматом знакомце и о некоторых шутках, коих и он был когда-то жертвою.

— Миша приказал долго жить, — отвечал Кирила Петрович, — умер славною смертью, от руки неприятеля. Вон его победитель, — Кирила Петрович указывал на Дефоржа; — выменяй образ моего француза. Он отомстил за твою — — с позволения сказать — — помнишь?

— Как не помнить, — сказал Антон Пафнутьич почесываясь, — очень помню. Так Миша умер — жаль Миши, ей-богу жаль! какой был забавник! какой умница! эдакого медведя другого не сыщешь. Да зачем мусье убил его? —

Кирила Петрович с великим удовольствием стал рассказывать подвиг своего француза, ибо имел счастливую способность тщеславиться всем, что только ни окружало его. Гости со вниманием слушали повесть о Мишиной смерти, и с изумлением посматривали на Дефоржа, который, не подозревая, что разговор шел о его храбрости, спокойно сидел на своем месте и делал нравственные замечания резвому своему воспитаннику.

Обед, продолжавшийся около трех часов, кончился; хозяин положил салфетку на стол — все встали, и пошли в гостиную, где ожидал их кофей, карты и продолжение попойки, столь славно начатой в столовой.

Глава X

Около семи часов вечера некоторые гости хотели ехать, но хозяин, развеселенный пуншем, приказал запереть ворота, и объявил, что ⟨до⟩ следующего утра никого со двора не выпустит. Скоро загремела музыка, двери в залу отворились, и бал завязался. Хозяин и его

приближенные сидели в углу, выпивая стакан за стаканом, и любуясь веселостию молодежи. Старушки играли в карты. Кавалеров, как и везде, где не квартирует какой-нибудь уланской бригады, было менее, нежели дам, все мужчины годные на то были завербованы. Учитель между всеми отличался, он танцовал более всех, все барышни выбирали его и находили, что с ним очень легко вальсировать. Несколько раз кружился он с Марьей Кириловною — и барышни насмешливо за ними примечали. Наконец около полуночи усталый хозяин прекратил танцы, приказал давать ужин — а сам отправился спать.

Отсутствие Кирила Петровича придало обществу более свободы и живости — кавалеры осмелились занять места подле дам — девицы смеялись и перешоптывались со своими соседами; дамы громко разговаривали через стол. Мужчины пили, спорили и хохотали — словом, ужин был чрезвычайно весел—и оставил по себе много приятных воспоминаний.

Один только человек не участвовал в общей радости — Антон Пафнутьич сидел пасмурен и молчалив на своем месте, ел рассеянно и казался чрезвычайно беспокоен. Разговоры о разбойниках взволновали его воображение. Мы скоро увидим, что он имел достаточную причину их опасаться.

Антон Пафнутьич, призывая господа в свидетели в том, что красная шкатулка его была пуста, не лгал и не согрешал — красная шкатулка точно была пуста, деньги, некогда в ней хранимые, перешли в кожаную суму, которую носил он на груди под рубашкой. Сею только предосторожностию успокоивал он свою недоверчивость ко всем, и вечную боязнь. Будучи принужден остаться ночевать в чужом доме, он боялся, чтоб не отвели ему ночлега где-нибудь в уединенной комнате, куда легко могли забраться воры, он искал глазами надежного товарища и выбрал наконец Дефоржа. Его наружность, обличающая силу, а пуще храбрость, им оказанная при встрече с медведем, о коем бедный Антон Пафнутьич не мог вспомнить без содрогания, решили его выбор. Когда встали изо стола, Антон Пафнутьич стал вертеться около молодого француза, покрякивая и откашливаясь, и наконец обратился к нему с изъяснением.

— Гм, гм, нельзя ли, мусье, переночевать мне в вашей конурке, потому что извольте видеть — —

— Que désire monsieur,—спросил Дефорж, учтиво ему поклонившись.

— Эк, беда, ты, мусье, по-русски еще не выучился. Же ве, муа, ше ву куше, понимаешь ли?

— Monsieur, très volontiers, — отвечал Дефорж, — veuillez donner des ordres en conséquence.

Антон Пафнутьич, очень довольный своими сведениями во французском языке, пошел тотчас распоряжаться.

Гости стали прощаться между собою, и каждый отправился в комнату, ему назначенную. А Антон Пафнутьич пошел с учителем во флигель. Ночь была темная. Дефорж освещал дорогу фонарем, Антон Пафнутьич шел за ним довольно бодро, прижимая изредка к груди потаенную суму — дабы удостовериться, что деньги его еще при нем.

Пришед во флигель, учитель засветил свечу, и оба стали раздеваться; между тем Антон Пафнутьич похаживал по комнате, осматривая замки и окна — и качая головою при сем неутешительном смотре. Двери запирались одною задвижкою, окна не имели еще двойных рам. Он попытался было жаловаться на то Дефоржу, но знания его во французском языке были слишком ограничены для столь сложного объяснения — француз его не понял, и Антон Пафнутьич принужден был оставить свои жалобы. Постели их стояли одна против другой, оба легли, и учитель потушил свечу.

— Пуркуа ву туше, пуркуа ву туше, — закричал Антон Пафнутьич. спрягая с грехом пополам русский глагол *тушу* на французский лад. — Я не могу дормир в потемках.

Дефорж не понял его восклицания и пожелал ему доброй ночи.

— Проклятый басурман, — проворчал Спицын, закутываясь в одеяло, — нужно ему было свечку тушить. Ему же хуже. Я спать не могу без огня. — Мусье, мусье, — продолжал он, — же ве авек ву парле. — Но француз не отвечал и вскоре захрапел.

„Храпит бестия француз, — подумал Антон Пафнутьич, — а мне так сон и в ум нейдет — того и гляди воры войдут в открытые двери или влезут в окно — а его, бестию, и пушками не добудишься“.

— Мусье! а, мусье! — дьявол тебя побери.

Антон Пафнутьич замолчал — усталость и винные пары мало-помалу превозмогли его боязливость — он стал дремать, и вскоре глубокий сон овладел им совершенно.

Странное готовилось ему пробуждение. Он чувствовал, сквозь сон, что кто-то тихонько дергал его за ворот рубашки. Антон Пафнутьич открыл глаза — и при бледном свете осеннего утра увидел перед собою Дефоржа; француз в одной руке держал карманный пистолет, а другою отстегивал заветную суму. Антон Пафнутьич обмер.

— Кесь ке се, мусье, кесь ке се? — произнес он трепещущим голосом.

— Тише, молчать, — отвечал учитель чистым русским языком, — молчать или вы пропали. Я — Дубровский.

Глава XI

Теперь попросим у читателя позволения объяснить последние происшествия повести нашей предыдущими обстоятельствами, кои не успели мы еще рассказать.

На станции ** в доме смотрителя, о коем уже мы упомянули, сидел в углу проезжий с видом смиренным и терпеливым — обличающим разночинца или иностранца, т. е. человека, не имеющего голоса на почтовом тракте. Бричка его стояла на дворе, ожидая подмазки. В ней лежал маленький чемодан, тощее доказательство не весьма достаточного состояния. Проезжий не спрашивал себе ни чаю, ни кофию, поглядывал в окно и посвистывал к великому неудовольствию смотрительши, сидевшей за перегородкою.

— Вот бог послал свистуна, — говорила она вполголоса, — эк посвистывает — чтоб он лопнул, окаянный басурман.

— А что? — сказал смотритель, — что за беда, пускай себе свищет.

— Что за беда? — возразила сердитая супруга, — а разве не знаешь приметы?

— Какой приметы? что свист деньгу выживает. И! Пахомовна, у нас что свисти, что нет: а денег всё нет как нет.

— Да отпусти ты его, Сидорыч. Охота тебе его держать. Дай ему лошадей, да провались он к чорту.

— Подождет, Пахомовна; на конюшне всего три тройки, четвертая отдыхает. Того и гляди, подоспеют хорошие проезжие; не хочу своею шеей отвечать за француза. Чу, так и есть! вон скачут. Эге-ге, да как шибко; уж не генерал ли?

Коляска остановилась у крыльца. Слуга соскочил с козел — отпер дверцы, и через минуту молодой человек в военной шинеле и в белой фуражке вошел к смотрителю — вслед за ним слуга внес шкатулку и поставил ее на окошко.

— Лошадей, — сказал офицер повелительным голосом.

— Сейчас, — отвечал смотритель. — Пожалуйте подорожную.

— Нет у меня подорожной. Я еду в сторону — — Разве ты меня не узнаешь?

Смотритель засуетился и кинулся торопить ямщиков. Молодой человек стал расхаживать взад и вперед по комнате, зашел за перегородку, и спросил тихо у смотрительши: кто такой проезжий.

— Бог его ведает, — отвечала смотрительша, — какой-то француз. Вот уж пять часов как дожидается лошадей да свищет. Надоел, проклятый.

Молодой человек заговорил с проезжим по-французски.

— Куда изволите вы ехать? — спросил он его.

— В ближний город, — отвечал француз, — оттуда отправляюсь к одному помещику, который нанял меня за глаза в учители. Я думал сегодня быть уже на месте, но г-н смотритель, кажется, судил иначе — в этой земле трудно достать лошадей, г-н офицер.

— А к кому из здешних помещиков определились вы, — спросил офицер.

— К г-ну Троекурову, — отвечал француз.

— К Троекурову? Кто такой этот Троекуров?

— Ma foi, monsieur... я слыхал о нем мало доброго. Сказывают, что он барин гордый и своенравный, жестокий в обращении со своими домашними — что никто не может с ним ужиться, что все трепещут при его имени, что с учителями (avec les outchitels) он не церемонится, и уж двух засек до смерти.

— Помилуйте! и вы решились определиться к такому чудовищу.

— Что ж делать, г-н офицер. Он предлагает мне хорошее жалование, 3000 р. в год и всё готовое. Быть может, я буду счастливее других. У меня старушка мать, половину жалования буду отсылать ей на пропитание, из остальных денег в пять лет могу скопить маленький капитал — достаточный для будущей моей независимости — и тогда bonsoir, еду в Париж и пускаюсь в коммерческие обороты.

— Знает ли вас кто-нибудь в доме Троекурова? — спросил он.

— Никто, — отвечал учитель, — меня он выписал из Москвы чрез одного из своих приятелей, коего повар, мой соотечественник, меня рекомендовал. Надобно вам знать, что я готовился было не в учители, а в кондиторы — но мне сказали, что в вашей земле звание учительское не в пример выгоднее — —

Офицер задумался.

— Послушайте, — прервал он, обращаясь к французу, — что если бы вместо этой будущности предложили вам 10 000 чистыми деньгами, с тем, чтоб сей же час отправились обратно в Париж.

Француз посмотрел на офицера с изумлением, улыбнулся и покачал головою.

— Лошади готовы, — сказал вошедший смотритель.

Слуга подтвердил то же самое.

— Сейчас, — отвечал офицер, — выдьте вон на минуту. — Смотритель и слуга вышли. — Я не шучу, — продолжал он по-французски, — 10 000 могу я вам дать, мне нужно только ваше отсутствие и ваши бумаги.

При сих словах он отпер шкатулку и вынул несколько кип ассигнаций.

Француз вытаращил глаза. Он не знал, что и думать.

— Мое отсутствие — — мои бумаги, — повторял он с изумлением, — — вот мои бумаги — — но вы шутите: зачем вам мои бумаги?

— Вам дела нет до того. Спрашиваю, согласны вы или нет?

Француз, всё еще не веря своим ушам, протянул бумаги свои молодому офицеру, который быстро их пересмотрел.

— Ваш пашпорт — — хорошо — письмо рекомендательное, посмотрим — свидетельство о рождении, прекрасно. Ну вот же вам ваши деньги, отправляйтесь назад. Прощайте — —

Француз стоял как вкопанный.

Офицер воротился.

— Я было забыл самое важное: дайте мне честное слово, что всё это останется между нами — честное ваше слово.

— Честное мое слово, — отвечал француз. — Но мои бумаги, что мне делать без них.

— В первом городе объявите, что вы были ограблены Дубровским. Вам поверят, и дадут нужные свидетельства. Прощайте, дай бог вам скорее доехать до Парижа и найти матушку в добром здоровьи.

Дубровский вышел из комнаты, сел в коляску и поскакал.

Смотритель смотрел в окошко, и когда коляска уехала, обратился к жене с восклицанием:

— Пахомовна, знаешь ли ты что? ведь это был Дубровский.

Смотрительша опрометью кинулась в окошко, но было уж поздно — Дубровский был уж далеко. Она принялась бранить мужа:

— Бога ты не боишься, Сидорыч, зачем ты не сказал мне того прежде, я бы хоть взглянула на Дубровского, а теперь жди, чтоб он опять завернул. Бессовестный ты, право, бессовестный!

Француз стоял как вкопанный. Договор с офицером, деньги, всё казалось ему сновидением. Но кипы ассигнаций были тут у него в кармане и красноречиво твердили ему о существенности удивительного происшествия.

Он решился нанять лошадей до города. Ямщик повез его шагом, и ночью дотащился он до города.

Не доезжая до заставы, у которой, вместо часового, стояла развалившаяся будка, француз велел остановиться, — вылез из брички, и пошел пешком, объяснив знаками ямщику, что бричку и чемодан дарит ему на водку. Ямщик был в таком же изумлении от его щедрости, как и сам француз от предложения Дубровского. Но, заключив из того, что

немец сошел с ума, ямщик поблагодарил его усердным поклоном, и не рассудив за благо въехать в город, отправился в известное ему увеселительное заведение, коего хозяин был весьма ему <знаком>. Там провел он целую ночь, а на другой день утром на порожней тройке отправился во-свояси — без брички и без чемодана, с пухлым лицом и красными глазами.

Дубровский, овладев бумагами француза, смело явился, как мы уже видели, к Троекурову и поселился в его доме. Каковы ни были его тайные намерения (мы их узнаем после), но в его поведении не оказалось ничего предосудительного. Правда, он мало занимался воспитанием маленького Саши, давал ему полную свободу повесничать, и не строго взыскивал за уроки, задаваемые только для формы — зато с большим прилежанием следовал за музыкальными успехами своей ученицы, и часто по целым часам сиживал с нею за фортепьяно. Все любили молодого учителя — Кирила Петрович за его смелое проворство на охоте, Марья Кириловна за неограниченное усердие и робкую внимательность, Саша — за снисходительность к его шалостям, домашние за доброту и за щедрость, повидимому, несовместную с его состоянием. Сам он, казалось, привязан был ко всему семейству и почитал уже себя членом оного.

Прошло около месяца от его вступления в звание учительское до достопамятного празднества, и никто не подозревал, что в скромном молодом французе таился грозный разбойник — коего имя наводило ужас на всех окрестных владельцев. Во всё это время Дубровский не отлучался из Покровского, но слух о разбоях его не утихал благодаря изобретательному воображению сельских жителей, но могло статься и то, что шайка его продолжала свои действия и в отсутствие начальника.

Ночуя в одной комнате с человеком, коего мог он почесть личным своим врагом и одним из главных виновников его бедствия, — Дубровский не мог удержаться от искушения. Он знал о существовании сумки, и решился ею завладеть. Мы видели, как изумил он бедного Антона Пафнутьича неожиданным своим превращением из учителей в разбойники.

В 9 часов утра гости, ночевавшие в Покровском, собралися один за другим в гостиной, где кипел уже самовар, перед которым в утреннем платье сидела Марья Кириловна, — а Кирила Петрович в байковом сертуке и в туфлях выпивал свою широкую чашку, похожую на полоскательную. Последним явился Антон Пафнутьич; он был так бледен и казался так расстроен, что вид <его> всех поразил, и что Кирила

Петрович осведомился о его здоровии. Спицын отвечал безо всякого смысла и с ужасом поглядывал на учителя, который тут же сидел, как ни в чем не бывало. Через несколько минут слуга вошел и объявил Спицыну, что коляска его готова — Антон Пафнутьич спешил откланяться и несмотря на увещания хозяина вышел поспешно из комнаты и тотчас уехал. Не понимали, что с ним сделалось, и Кирила Петрович решил, что он объелся. После чаю и прощального завтрака прочие гости начали разъезжаться, вскоре Покровское опустело, и всё вошло в обыкновенный порядок.

Глава XII

Прошло несколько дней, и не случилось ничего достопримечательного. Жизнь обитателей Покровского была однообразна. Кирила Петрович ежедневно выезжал на охоту; чтение, прогулки и музыкальные уроки занимали Марью Кириловну — особенно музыкальные уроки. Она начинала понимать собственное сердце и признавалась, с невольной досадою, что оно не было равнодушно к достоинствам молодого француза. Он с своей стороны не выходил из пределов почтения и строгой пристойности, и тем успокоивал ее гордость и боязливые сомнения. Она с большей и большей доверчивостию предавалась увлекательной привычке. Она скучала без Дефоржа, в его присутствии поминутно занималась им, обо всем хотела знать его мнение и всегда с ним соглашалась. Может быть, она не была еще влюблена, но при первом случайном препятствии или незапном гонении судьбы пламя страсти должно было вспыхнуть в ее сердце.

Однажды, пришед в залу, где ожидал ее учитель, Марья Кириловна с изумлением заметила смущение на бледном его лице. Она открыла фортепьяно, пропела несколько нот, но Дубровский под предлогом головной боли извинился, прервал урок и, закрывая ноты, подал ей украдкою записку. Марья Кириловна, не успев одуматься, приняла ее и раскаялась в ту же минуту, но Дубровского не было уже в зале. Марья Кириловна пошла в свою комнату, развернула записку и прочла следующее:

„Будьте сегодня в семь часов в беседке у ручья—Мне необходимо с вами говорить“.

Любопытство ее было сильно возбуждено. Она давно ожидала признания, желая и опасаясь его. Ей приятно было бы услышать подтверждение того, о чем она догадывалась, но она чувствовала, что ей было бы неприлично слышать таковое объяснение от человека, который по

состоянию своему не мог надеяться когда-нибудь получить ее руку. Она решилась идти на свидание, но колебалась в одном: каким образом примет она признание учителя, с аристократическим ли негодованием, с увещаниями ли дружбы, с веселыми шутками, или с безмолвным участием. Между тем она поминутно поглядывала на часы. Смерклось, подали свечи, Кирила Петрович сел играть в бостон с приезжими соседями; столовые часы пробили третью четверть седьмого и Марья Кириловна тихонько вышла на крыльцо — огляделась во все стороны и побежала в сад.

Ночь была темна, небо покрыто тучами — в двух шагах от себя нельзя было ничего видеть, но Марья Кириловна шла в темноте по знакомым дорожкам, и через минуту очутилась у беседки; тут остановилась она, дабы перевести дух и явиться перед Дефоржем с видом равнодушным и неторопливым. Но Дефорж стоял уже перед нею.

— Благодарю вас, — сказал он ей тихим и печальным голосом, — что вы не отказали мне в моей просьбе. Я был бы в отчаянии, если б вы на то не согласились.

Марья Кириловна отвечала заготовленной фразой:

— Надеюсь, что вы не заставите меня раскаяться в моей снисходительности.

Он молчал и, казалось, собирался с духом.

— Обстоятельства требуют... я должен вас оставить, — сказал он наконец, — вы скоро, может быть, услышите... Но перед разлукой я должен с вами сам объясниться...

Марья Кириловна не отвечала ничего. В этих словах видела она предисловие к ожидаемому признанию.

— Я не то, что вы предполагаете, — продолжал он, потупя голову, — я не француз Дефорж, я Дубровский.

Марья Кириловна вскрикнула.

— Не бойтесь, ради бога, вы не должны бояться моего имени. Да, я тот несчастный, которого ваш отец лишил куска хлеба, выгнал из отеческого дома и послал грабить на больших дорогах. Но вам не надобно меня бояться — ни за себя, ни за него. Всё кончено. — Я ему простил. Послушайте, вы спасли его. Первый мой кровавый подвиг должен был свершиться над ним. Я ходил около его дома, назначая, где вспыхнуть пожару, откуда войти в его спальню, как пресечь ему все пути к бегству — в ту минуту вы прошли мимо меня, как небесное видение, и сердце мое смирилось, — я понял, что дом, где обитаете вы, священ, что ни единое существо, связанное с вами узами крови, не подлежит моему проклятию. Я отказался от мщения, как от безумства.

Целые дни я бродил около садов Покровского в надежде увидеть издали ваше белое платье. В ваших неосторожных прогулках я следовал за вами, прокрадываясь от куста к кусту, счастливый мыслию, что вас охраняю, что для вас нет опасности там, где я присутствую тайно. Наконец случай представился. Я поселился в вашем доме. Эти три недели были для меня днями счастия — их воспоминание будет отрадою печальной моей жизни... Сегодня я получил известие, после которого мне невозможно долее здесь оставаться. Я расстаюсь с вами сегодня... сей же час... Но прежде я должен был вам открыться, чтоб вы не проклинали меня, не презирали. Думайте иногда о Дубровском. Знайте, что он рожден был для иного назначения, что душа его умела вас любить, что никогда...

Тут раздался легкий свист — и Дубровский умолк... Он схватил ее руку и прижал к пылающим устам. Свист повторился.

— Простите, — сказал Дубровский, — меня зовут, минута может погубить меня.

Он отошел, Марья Кириловна стояла неподвижно — Дубровский воротился и снова взял ее руку.

— Если когда-нибудь, — сказал он ей нежным и трогательным голосом, — если когда-нибудь несчастие вас постигнет и вы ни от кого не будете ждать ни помощи, ни покровительства, в таком случае обещаетесь ли вы прибегнуть ко мне, требовать от меня всего — для вашего спасения? Обещаетесь ли вы не отвергнуть моей преданности?

Марья Кириловна плакала молча. Свист раздался в третий раз.

— Вы меня губите! — закричал Дубровский. — Я не оставлю вас, пока не дадите мне ответа — обещаетесь ли вы или нет?

— Обещаюсь, — прошептала бедная красавица.

Взволнованная свиданием с Дубровским Марья Кириловна возвращалась из саду. Ей показалось, что все люди разбегались — дом был в движении, на дворе было много народа, у крыльца стояла тройка — издали услышала она голос Кирила Петровича — и спешила войти в комнаты, опасаясь, чтоб отсутствие ее не было замечено. В зале встретил ее Кирила Петрович, гости окружили исправника, нашего знакомца, и осыпали его вопросами. Исправник в дорожном платье, вооруженный с ног до головы, отвечал им с видом таинственным и суетливым.

— Где ты была, Маша, — спросил Кирила Петрович, — не встретила ли ты m-r Дефоржа?

Маша насилу могла ответить отрицательно.

— Вообрази, — продолжал Кирила Петрович, — исправник приехал его схватить и уверяет меня, что это сам Дубровский.

— Все приметы, ваше превосходительство, — сказал почтительно исправник.

— Эх, братец, — прервал Кирила Петрович, — убирайся, знаешь куда, со своими приметами. Я тебе моего француза не выдам, покамест сам не разберу дела.— Как можно верить на слово Антону Пафнутьичу, трусу и лгуну: ему пригрезилось, что учитель хотел ограбить его. Зачем он в то же утро не сказал мне о том ни слова?

— Француз застращал его, ваше превосходительство, — отвечал исправник, — и взял с него клятву молчать...

— Вранье, — решил Кирила Петрович, — сейчас я всё выведу на чистую воду. Где же учитель? — спросил он у вошедшего слуги.

— Нигде не найдут-с, — отвечал слуга.

— Так сыскать его, — закричал Троекуров, начинающий сумневаться. — Покажи мне твои хваленые приметы, — сказал он исправнику, который тотчас и подал ему бумагу.

— Гм, гм, двадцать три года etc... Оно так, да это еще ничего не доказывает. Что ж учитель?

— Не найдут-с, — был опять ответ.

Кирила Петрович начинал беспокоиться, Марья Кириловна была ни жива, ни мертва.

— Ты бледна, Маша, — заметил ей отец, — тебя перепугали.

— Нет, папенька, — отвечала Маша, — у меня голова болит.

— Поди, Маша, в свою комнату и не беспокойся. — Маша поцеловала у него руку и ушла скорее в свою комнату, там она бросилась на постелю и зарыдала в истерическом припадке. Служанки сбежались, раздели ее, насилу-насилу успели ее успокоить холодной водой и всевозможными спиртами — ее уложили, и она впала в усыпление.

Между тем француза не находили. Кирила Петрович ходил взад и вперед по зале, грозно насвистывая *Гром победы раздавайся*. Гости шептались между собою, исправник казался в дураках — француза не нашли. Вероятно, он успел скрыться, быв предупрежден. Но кем и как? это оставалось тайною.

Било 11, и никто не думал о сне. Наконец Кирила Петрович сказал сердито исправнику:

— Ну что? ведь не до свету же тебе здесь оставаться, дом мой не харчевня, не с твоим проворством, братец, поймать Дубровского, если уж это Дубровский. Отправляйся-ка во-свояси, да вперед будь расторопнее. Да и вам пора домой, — продолжал он, обращаясь к гостям.— Велите закладывать — а я хочу спать.

Так немилостиво расстался Троекуров со своими гостями!

Глава XIII

Прошло несколько времени без всякого замечательного случая. Но в начале следующего лета произошло много перемен в семейном быту Кирила Петровича.

В 30-ти верстах от него находилось богатое поместие князя Верейского. Князь долгое время находился в чужих краях — всем имением его управлял отставной маиор, и никакого сношения не существовало между Покровским и Арбатовым. Но в конце мая месяца князь возвратился из-за границы и приехал в свою деревню, которой от роду еще не видал. Привыкнув к рассеянности, он не мог вынести уединения, и на третий день по своем приезде отправился обедать к Троекурову, с которым был некогда знаком.

Князю было около 50 лет, но он казался гораздо старее. Излишества всякого рода изнурили его здоровие и положили на нем свою неизгладимую печать. Несмотря на то наружность его была приятна, замечательна, а привычка быть всегда в обществе придавала ему некоторую любезность, особенно с женщинами. Он имел непрестанную нужду в рассеянии и непрестанно скучал. Кирила Петрович был чрезвычайно доволен его посещением, приняв оное знаком уважения от человека, знающего свет; он по обыкновению своему стал угощать его смотром своих заведений и повел на псарный двор. Но князь чуть не задохся в собачей атмосфере, и спешил выдти вон, зажимая нос платком, опрысканным духами. Старинный сад с его стрижеными липами, четвероугольным прудом и правильными аллеями ему не понравился; он любил английские сады и так называемую природу, но хвалил и восхищался; слуга пришел доложить, что кушание поставлено. Они пошли обедать. Князь прихрамывал, устав от своей прогулки, и уже раскаиваясь в своем посещении.

Но в зале встретила их Марья Кириловна, и старый волокита был поражен ее красотой. Троекуров посадил гостя подле ее — князь был оживлен ее присутствием, был весел и успел несколько раз привлечь ее внимание любопытными своими рассказами. После обеда Кирила Петрович предложил ехать верхом, но князь извинился, указывая на свои бархатные сапоги — и шутя над своею подагрой — он предпочел прогулку в линейке, с тем чтоб не разлучаться с милою своей соседкою. Линейку заложили. Старики и красавица сели втроем и поехали. Разговор не прерывался. Марья Кириловна с удовольствием слушала льстивые и веселые приветствия светского человека, как вдруг Верейский, обратясь к Кирилу Петровичу, спросил у него, что значит это погорелое строе-

ние, и ему ли оно принадлежит? — — Кирила Петрович нахмурился; воспоминания, возбуждаемые в нем погорелой усадьбою, были ему неприятны. Он отвечал, что земля теперь его и что прежде принадлежала она Дубровскому.

— Дубровскому, — повторил Верейский, — как, этому славному разбойнику?

— Отцу его, — отвечал Троекуров, — да и отец-то был порядочный разбойник.

— Куда же девался наш Ринальдо? жив ли он, схвачен ли он?

— И жив и на воле — и покамест у нас будут исправники за одно с ворами, до тех пор не будет он пойман; кстати, князь, Дубровский побывал ведь у тебя в Арбатове?

— Да, прошлого году он, кажется, что-то сжег или разграбил— — Не правда ли, Марья Кириловна, что было бы любопытно познакомиться покороче с этим романтическим героем?

— Чего любопытно! — сказал Троекуров, — она знакома с ним — он целые три недели учил ее музыке, да слава богу не взял ничего за уроки.

Тут Кирила Петрович начал рассказывать повесть о своем французе-учителе. Марья Кириловна сидела как на иголках, Верейский выслушал с глубоким вниманием, нашел всё это очень странным и переменил разговор. Возвратясь он велел подавать свою карету, и несмотря на усильные просьбы Кирила Петровича остаться ночевать, уехал тотчас после чаю. Но прежде просил Кирила Петровича приехать к нему в гости с Марьей Кириловной — и гордый Троекуров обещался, ибо, взяв в уважение княжеское достоинство, две звезды и 3000 душ родового имения, он до некоторой степени почитал князя Верейского себе равным.

Два дня спустя после сего посещения Кирила Петрович отправился с дочерью в гости к князю Верейскому. Подъезжая к Арбатову, он не мог не любоваться чистыми и веселыми избами крестьян и каменным господским домом — выстроенным во вкусе английских замков. Перед домом расстилался густозеленый луг, на коем паслись швейцарские коровы, звеня своими колокольчиками. Пространный парк окружал дом со всех сторон. Хозяин встретил гостей у крыльца, и подал руку молодой красавице; они вошли в великолепную залу, где стол был накрыт на три прибора. Князь подвел гостей к окну, и им открылся прелестный вид. Волга протекала перед окнами, по ней шли нагруженные барки под натянутыми парусами и мелькали рыбачьи лодки, столь выразительно прозванные душегубками. За рекою тянулись холмы и поля, несколько

деревень оживляли окрестность. Потом они занялись рассмотрением галлерей картин, купленных князем в чужих краях. Князь объяснял Марье Кириловне их различное содержание, историю живописцев, указывал на достоинства и недостатки, он говорил о картинах не на условленном языке педантического знатока, но с чувством и воображением. Марья Кириловна слушала его с удовольствием. Пошли за стол. Троекуров отдал полную справедливость винам своего Амфитриона и искусству его повара, а Марья Кириловна не чувствовала ни малейшего замешательства или принуждения в беседе с человеком, которого видела она только во второй раз от роду. После обеда хозяин предложил гостям пойти в сад. Они пили кофей в беседке на берегу широкого озера, усеянного островами. Вдруг раздалась духовая музыка, и шестивесельная лодка причалила к самой беседке. Они поехали по озеру, около островов — посещали некоторые из них — на одном находили мраморную статую, на другом уединенную пещеру, на третьем памятник с таинственной надписью, возбуждавшей в Марье Кириловне девическое любопытство, не вполне удовлетворенное учтивыми недомолвками князя — время прошло незаметно — начало смеркаться. Князь под предлогом свежести и росы спешил возвратиться домой — самовар их ожидал. Князь просил Марью Кириловну хозяйничать в доме старого холостяка. Она разливала чай — слушая неистощимые рассказы любезного говоруна — вдруг раздался выстрел — и ракетка осветила небо. Князь подал Марье Кириловне шаль и позвал ее и Троекурова на балкон. Перед домом в темноте разноцветные огни вспыхнули, завертелись, поднялись вверх колосьями, пальмами, фонтанами, посыпались дождем, звездами, угасали, и снова вспыхивали. Марья Кириловна веселилась как дитя. Князь Верейский радовался ее восхищению — а Троекуров был чрезвычайно им доволен, ибо принимал tous les frais князя, как знаки уважения и желания ему угодить.

Ужин в своем достоинстве ничем не уступал обеду. Гости отправились в комнаты, для них отведенные, и на другой день поутру расстались с любезным хозяином, дав друг другу обещание вскоре снова увидеться.

Глава XIV

Марья Кириловна сидела в своей комнате, вышивая в пяльцах, перед открытым окошком. Она не путалась шелками, подобно любовнице Конрада, которая в любовной рассеянности вышила розу зеленым шелком. Под ее иглой канва повторяла безошибочно узоры подлинника, несмотря на то ее мысли не следовали за работой, они были далеко.

„Дубровский“. С акварели *В. М. Конашевича*

Вдруг в окошко тихонько протянулась рука — кто-то положил на пяльцы письмо и скрылся, прежде чем Марья Кириловна успела образумиться. В это самое время слуга к ней вошел и позвал ее к Кирилу Петровичу. Она с трепетом спрятала письмо за косынку, и поспешила к отцу — в кабинет.

Кирила Петрович был не один. Князь Верейский сидел у него. При появлении Марьи Кириловны князь встал и молча поклонился ей с замешательством для него необыкновенным.

— Подойди сюда, Маша, — сказал Кирила Петрович, — скажу тебе новость, которая, надеюсь, тебя обрадует. Вот тебе жених, князь тебя сватает.

Маша остолбенела, смертная бледность покрыла ее лицо. Она молчала. Князь к ней подошел, взял ее руку и с видом тронутым спросил: согласна ли она сделать его счастие. Маша молчала.

— Согласна, конечно, согласна, — сказал Кирила Петрович, — но знаешь, князь: девушке трудно выговорить это слово. Ну, дети, поцелуйтесь и будьте счастливы.

Маша стояла неподвижно, старый князь поцеловал ее руку, вдруг слезы побежали по ее бледному лицу. Князь слегка нахмурился.

— Пошла, пошла, пошла, — сказал Кирила Петрович, — осуши свои слезы, и воротись к нам веселешенька. Они все плачут при помолвке, — продолжал он, обратясь к Верейскому, — это у них уж так заведено... Теперь, князь, поговорим о деле — т. е. о приданом.

Марья Кириловна жадно воспользовалась позволением удалиться. Она побежала в свою комнату, заперлась и дала волю своим слезам, воображая себя женою старого князя; он вдруг показался ей отвратительным и ненавистным — — брак пугал ее как плаха, как могила... „Нет, нет, — повторяла она в отчаянии, — лучше умереть, лучше в монастырь, лучше пойду за Дубровского“. Тут она вспомнила о письме, и жадно бросилась его читать, предчувствуя, что оно было от него. В самом деле оно было писано им — и заключало только следующие слова:

„Вечером в 10 на прежнем месте“.

Глава XV

Луна сияла — июльская ночь была тиха — изредка подымался ветерок, и легкий шорох пробегал по всему саду.

Как легкая тень молодая красавица приблизилась к месту назначенного свидания. Еще никого не было видно, вдруг из-за беседки очутился Дубровский перед нею.

— Я всё знаю, — сказал он ей тихим и печальным голосом. — Вспомните ваше обещание.

— Вы предлагаете мне свое покровительство, — отвечала Маша, — но не сердитесь — оно пугает меня. Каким образом окажете вы мне помочь?

— Я бы мог избавить вас от ненавистного человека.

— Ради бога, не трогайте его, не смейте его тронуть, если вы меня любите — я не хочу быть виною какого-нибудь ужаса...

— Я не трону его, воля ваша для меня священна. Вам обязан он жизнию. Никогда злодейство не будет совершено во имя ваше. Вы должны быть чисты даже и в моих преступлениях. Но как же спасу вас от жестокого отца?

— Еще есть надежда. Я надеюсь тронуть его моими слезами и отчаянием. Он упрям, но он так меня любит.

— Не надейтесь по пустому: в этих слезах увидит он только обыкновенную боязливость и отвращение, общее всем молодым девушкам, когда идут они замуж не по страсти, а из благоразумного расчета; что если возьмет он себе в голову сделать счастие ваше вопреки вас самих; если насильно повезут вас под венец, чтобы навеки предать судьбу вашу во власть старого мужа...

— Тогда, тогда делать нечего, явитесь за мною — я буду вашей женою.

Дубровский затрепетал — бледное лицо покрылось багровым румянцем, и в ту же минуту стало бледнее прежнего. Он долго молчал — потупя голову.

— Соберитесь с всеми силами души, умоляйте отца, бросьтесь к его ногам: представьте ему весь ужас будущего, вашу молодость, увядающую близ хилого и развратного старика — решитесь на жестокое объяснение: скажите, что если он останется неумолим, то... то вы найдете ужасную защиту... скажите, что богатство не доставит вам и одной минуты счастия; роскошь утешает одну бедность, и то с непривычки на одно мгновение; не отставайте от него, не пугайтесь ни его гнева, ни угроз — пока останется хоть тень надежды, ради бога, не отставайте. Если ж не будет уже другого средства...

Тут Дубровский закрыл лицо руками, он, казалось, задыхался — Маша плакала...

— Бедная, бедная моя участь, — сказал он, горько вздохнув. — — За вас отдал бы я жизнь, видеть вас издали, коснуться руки вашей было для меня упоением. И когда открывается для меня возможность прижать <вас> к волнуемому сердцу и сказать: Ангел, умрем! бедный, я дол-

жен остерегаться от блаженства — я должен отдалять его всеми силами... Я не смею пасть к вашим ногам, благодарить небо за непонятную незаслуженную награду. О как должен я ненавидеть того — но чувствую — теперь в сердце моем нет места ненависти.

Он тихо обнял стройный ее стан и тихо привлек ее к своему сердцу. Доверчиво склонила она голову на плечо молодого разбойника. Оба молчали.

Время летело.

— Пора, — сказала наконец Маша. Дубровский как будто очнулся от усыпления. Он взял ее руку и надел ей на палец кольцо.

— Если решитесь прибегнуть ко мне, — сказал он, — то принесите кольцо сюда, опустите его в дупло этого дуба — я буду знать, что делать.

Дубровский поцеловал ее руку и скрылся между деревьями.

Глава XVI

Сватовство князя Верейского не было уже тайною для соседства — Кирила Петрович принимал поздравления, свадьба готовилась. Маша день ото дня отлагала решительное объявление. Между тем обращение ее со старым женихом было холодно и принужденно. Князь о том не заботился. Он о любви не хлопотал, довольный ее безмолвным согласием.

Но время шло. Маша наконец решилась действовать — и написала письмо князю Верейскому; она старалась возбудить в его сердце чувство великодушия, откровенно признавалась, что не имела к нему ни малейшей привязанности, умоляла его отказаться от ее руки и самому защитить ее от власти родителя. Она тихонько вручила письмо князю Верейскому, тот прочел его наедине и нимало не был тронут откровенностию своей невесты. Напротив, он увидел необходимость ускорить свадьбу и для того почел нужным показать письмо будущему тестю.

Кирила Петрович взбесился; насилу князь мог уговорить его не показывать Маше и виду, что он уведомлен о ее письме. Кирила Петрович согласился ей о том не говорить, но решился не тратить времени и назначил быть свадьбе на другой же день. Князь нашел сие весьма благоразумным, пошел к своей невесте, сказал ей, что письмо очень его опечалило, но что он надеется современем заслужить ее привязанность, что мысль ее лишиться слишком для него тяжела, и что он не в силах согласиться на свой смертный приговор. Засим он почтительно поцело-

вал ее руку и уехал, не сказав ей ни слова о решении Кирила Петровича.

Но едва успел он выехать со двора, как отец ее вошел, и напрямик велел ей быть готовой на завтрашний день. Марья Кириловна, уже взволнованная объяснением князя Верейского, залилась слезами и бросилась к ногам отца.

— Папенька, — закричала она жалобным голосом, — папенька, не губите меня, я не люблю князя, я не хочу быть его женою...

— Это что значит, — сказал грозно Кирила Петрович, — до сих пор ты молчала и была согласна, а теперь, когда всё решено, ты вздумала капризничать и отрекаться. Не изволь дурачиться; этим ты со мною ничего не выиграешь.

— Не губите меня, — повторяла бедная Маша, — за что гоните меня от себя прочь, и отдаете человеку нелюбимому, разве я вам надоела, я хочу остаться с вами попрежнему. Папенька, вам без меня будет грустно, еще грустнее, когда подумаете, что я несчастлива, папенька: не принуждайте меня, я не хочу идти замуж...

Кирила Петрович был тронут, но скрыл свое смущение и, оттолкнув ее, сказал сурово:

— Всё это вздор, слышишь ли. Я знаю лучше твоего, что нужно для твоего счастия. Слезы тебе не помогут, послезавтра будет твоя свадьба.

— Послезавтра, — вскрикнула Маша, — боже мой! Нет, нет, невозможно, этому не быть. Папенька, послушайте, если уже вы решились погубить меня, то я найду защитника, о котором вы и не думаете, вы увидите, вы ужаснетесь, до чего вы меня довели.

— Что? что? — сказал Троекуров, — угрозы! мне угрозы, — дерзкая девчонка! — Да знаешь ли ты, что я с тобою сделаю то, чего ты и не воображаешь. Ты смеешь меня стращать защитником. Посмотрим, кто будет этот защитник.

— Владимир Дубровский, — отвечала Маша в отчаянии.

Кирила Петрович подумал, что она сошла с ума, и глядел на нее с изумлением.

— Добро, — сказал он ей после некоторого молчания, — жди себе кого хочешь в избавители, а покамест сиди в этой комнате, ты из нее не выдешь до самой свадьбы. — С этим словом Кирила Петрович вышел и запер за собою дверь.

Долго плакала бедная девушка, воображая всё, что ожидало ее, но бурное объяснение облегчило ее душу, и она спокойнее могла рассуждать о своей участи и о том, что надлежало ей делать. Главное было

для нее: избавиться от ненавистного брака; участь супруги разбойника казалась для нее раем в сравнении со жребием, ей уготовленным. Она взглянула на кольцо, оставленное ей Дубровским. Пламенно желала она с ним увидеться наедине и еще раз перед решительной минутой долго посоветоваться. Предчувствие сказывало ей, что вечером найдет она Дубровского в саду близ беседки; она решилась пойти ожидать его там — как только станет смеркаться. Смерклось — Маша приготовилась, но дверь ее заперта на ключ. Горничная отвечала ей из-за двери, что Кирила Петрович не приказал ее выпускать. Она была под арестом. Глубоко оскорбленная, она села под окошко, и до глубокой ночи сидела не раздеваясь, неподвижно глядя на темное небо. На рассвете она задремала, но тонкий сон ее был встревожен печальными видениями, и лучи восходящего солнца уже разбудили ее.

Глава XVII

Она проснулась, и с первой мыслью представился ей весь ужас ее положения. Она позвонила, девка вошла и на вопросы ее отвечала, что Кирила Петрович вечером ездил в Арбатово и возвратился поздно, что он дал строгое приказание не выпускать ее из ее комнаты и смотреть за тем, чтоб никто с ней не говорил — что впрочем не видно никаких особенных приготовлений к свадьбе, кроме того, что велено было попу не отлучаться из деревни ни под каким предлогом. После сих известий девка оставила Марью Кириловну и снова заперла двери.

Ее слова ожесточили молодую затворницу — голова ее кипела — кровь волновалась — она решилась дать знать обо всем Дубровскому и стала искать способа отправить кольцо в дупло заветного дуба. В это время камушек ударился в окно ее, стекло зазвенело — и Марья Кириловна взглянула на двор и увидела маленького Сашу, делающего ей тайные знаки. Она знала его привязанность и обрадовалась ему. Она отворила окно.

— Здравствуй, Саша, — сказала она, — зачем ты меня зовешь?

— Я пришел, сестрица, узнать от вас, не надобно ли вам чего-нибудь. Папенька сердит и запретил всему дому вас слушаться, но велите мне сделать, что вам угодно, и я для вас всё сделаю.

— Спасибо, милый мой Сашенька, слушай: ты знаешь старый дуб с дуплом, что у беседки?

— Знаю, сестрица.

— Так если ты меня любишь, сбегай туда поскорей, и положи в дупло вот это кольцо, да смотри же, чтоб никто тебя не видел.

С этим словом она бросила ему кольцо и заперла окошко.

Мальчик поднял кольцо, во весь дух пустился бежать — и в 3 минуты очутился у заветного дерева. Тут он остановился, задыхаясь, оглянулся во все стороны и положил колечко в дупло. Окончив дело благополучно, он хотел тот же час донести о том Марье Кириловне, как вдруг рыжий и косой оборванный мальчишка мелькнул из-за беседки, кинулся к дубу и запустил руку в дупло. Саша быстрее белки бросился к нему и зацепился за его обеими руками.

— Что ты здесь делаешь? — сказал он грозно.

— Тебе како дело? — отвечал мальчишка, стараясь от него освободиться.

— Оставь это кольцо, рыжий заяц, — кричал Саша, — или я проучу тебя по-свойски.

Вместо ответа тот ударил его кулаком по лицу, но Саша его не выпустил — и закричал во всё горло:

— Воры, воры — сюда, сюда...

Мальчишка силился от него отделаться. Он был повидимому двумя годами старее Саши, и гораздо его сильнее, но Саша был увертливее. Они боролись несколько минут, наконец рыжий мальчик одолел. Он повалил Сашу на земь, и схватил его за горло.

Но в это время сильная рука вцепилась в его рыжие и щетинистые волосы, и садовник Степан приподнял его на пол-аршина от земли...

— Ах, ты, рыжая бестия, — говорил садовник, — да как ты смеешь бить маленького барина...

Саша успел вскочить и оправиться.

— Ты меня схватил под-силки, — сказал он, — а то бы никогда меня не повалил. Отдай сейчас кольцо, и убирайся.

— Как не так, — отвечал рыжий, и вдруг перевернувшись на одном месте, освободил свои щетины от руки Степановой.

Тут он пустился было бежать, но Саша догнал его, толкнул в спину, и мальчишка упал со всех ног — садовник снова его схватил и связал кушаком.

— Отдай кольцо! — кричал Саша.

— Погоди, барин, — сказал Степан, — мы сведем его на расправу к приказчику.

Садовник повел пленника на барский двор, а Саша его сопровождал, с беспокойством поглядывая на свои шаровары, разорванные и замаранные зеленью. Вдруг все трое очутились перед Кирилом Петровичем, идущим осматривать свою конюшню.

— Это что? — спросил он Степана.

Степан в коротких словах описал всё происшествие.

Кирила Петрович выслушал его со вниманием.

— Ты, повеса, — сказал он, обратясь к Саше, — за что ты с ним связался?

— Он украл из дупла кольцо, папенька, прикажите отдать кольцо.

— Какое кольцо, из какого дупла?

— Да мне Марья Кириловна... да то кольцо...

Саша смутился, спутался. Кирила Петрович нахмурился — и сказал, качая головою:

— Тут замешалась Марья Кириловна. Признавайся во всем, или так отдеру тебя розгою, что ты и своих не узнаешь.

— Ей-богу, папенька, я, папенька — — Мне Марья Кириловна ничего не приказывала, папенька.

— Степан, ступай-ка да срежь мне хорошенькую, свежую березовую розгу — —

— Постойте, папенька, я всё вам расскажу. Я сегодня бегал по двору, а сестрица Марья Кириловна открыла окошко — и я подбежал — и сестрица не нарочно уронила кольцо, а я спрятал его в дупло, и — и — — этот рыжий мальчик хотел кольцо украсть.

— Не нарочно уронила, а ты хотел спрятать — — Степан, ступай за розгами.

— Папенька, погодите, я всё расскажу. Сестрица Марья Кириловна велела мне сбегать к дубу и положить кольцо в дупло, я и сбегал и положил кольцо — а этот скверный мальчик...

Кирила Петрович обратился к скверному мальчику — и спросил его грозно:

— Чей ты?

— Я дворовый человек господ Дубровских, — отвечал рыжий мальчик.

Лицо Кирила Петровича омрачилось.

— Ты, кажется, меня господином не признаешь, добро, — отвечал он. — А что ты делал в моем саду?

— Малину крал, — отвечал мальчик с большим равнодушием.

— Ага, — заметил Кирила Петрович, — слуги в барина: каков поп, таков и приход, а малина разве растет у меня на дубах?

Мальчик ничего не отвечал.

— Папенька, прикажите ему отдать кольцо, — сказал Саша.

— Молчи, Александр, — отвечал Кирила Петрович, — не забудь, что я собираюсь с тобою разделаться. Ступай в свою комнату. Ты — косой — ты мне кажешься малый не промах. — Отдай кольцо и ступай домой.

Мальчик разжал кулак и показал, что в его руке не было ничего.

— Если ты мне во всем признаешься, так я тебя не высеку, дам еще пятак на орехи. Не то, я с тобою сделаю то, чего ты не ожидаешь. Ну!

Мальчик не отвечал ни слова и стоял, потупя голову и приняв на себя вид настоящего дурачка.

— Добро, — сказал Кирила Петрович, — запереть его куда-нибудь, да смотреть, чтоб он не убежал — или со всего дома шкуру спущу.

Степан отвел мальчишку на голубятню, запер его там, и приставил смотреть за ним старую птичницу Агафию.

— Сейчас ехать в город за исправником, — сказал Кирила Петрович, проводив мальчика глазами, — да как можно скорее.

— Тут нет никакого сомнения. Она сохранила сношения с проклятым Дубровским. Но ужели и в самом деле она звала его на помощь? — думал Кирила Петрович, расхаживая по комнате и сердито насвистывая: — *Гром победы*. Может быть, я наконец нашел на его горячие следы, и он от нас не увернется. Мы воспользуемся этим случаем. Чу! колокольчик, слава богу, это исправник.

— Гей, привести сюда мальчишку пойманного.

Между тем тележка въехала на двор, и знакомый уже нам исправник вошел в комнату весь запыленный.

— Славная весть, — сказал ему Кирила Петрович, — я поймал Дубровского.

— Слава богу, ваше превосходительство, — сказал исправник с видом обрадованным, — где ж он?

— То есть не Дубровского, а одного из его шайки. Сейчас его приведут. Он пособит нам поймать самого атамана. Вот его и привели.

Исправник, ожидавший грозного разбойника, был изумлен, увидев 13-летнего мальчика, довольно слабой наружности. Он с недоумением обратился к Кирилу Петровичу и ждал объяснения. Кирила Петрович стал тут же рассказывать утреннее происшествие, не упоминая однако ж о Марье Кириловне.

Исправник выслушал его со вниманием, поминутно взглядывая на маленького негодяя, который, прикинувшись дурачком, казалось, не обращал никакого внимания на всё, что делалось около него.

— Позвольте, ваше превосходительство, переговорить с вами наедине, — сказал наконец исправник.

Кирила Петрович повел его в другую комнату и запер за собою дверь.

„Дубровский“. С рис. *Б. М. Кустодиева*

Через полчаса они вышли опять в залу, где невольник ожидал решения своей участи.

— Барин хотел, — сказал ему исправник, — посадить тебя в городской острог, выстегать плетьми и сослать потом на поселение — но я вступился за тебя и выпросил тебе прощение. — Развязать его.

Мальчика развязали.

— Благодари же барина, — сказал исправник.

Мальчик подошел к Кирилу Петровичу и поцеловал у него руку.

— Ступай себе домой, — сказал ему Кирила Петрович, — да впредь не крадь малины по дуплам.

Мальчик вышел — весело спрыгнул с крыльца и пустился бегом не оглядываясь через поле в Кистеневку. Добежав до деревни, он остановился у полуразвалившейся избушки, первой с края, и постучал в окошко... Окошко поднялось, и старуха показалась.

— Бабушка, хлеба, — сказал мальчик, — я с утра ничего не ел, умираю с голоду.

— Ах, это ты, Митя, да где же ты пропадал, бесенок, — отвечала старуха.

— После расскажу, бабушка, ради бога хлеба.

— Да войди ж в избу.

— Некогда, бабушка, — мне надо сбегать еще в одно место. Хлеба, ради Христа, хлеба.

— Экой непосед, — проворчала старуха, — на, вот тебе ломотик, — и сунула в окошко ломоть черного хлеба.

Мальчик жадно его прикусил и жуя мигом отправился далее.

Начинало смеркаться. Митя пробирался овинами и огородами в Кистеневскую рощу. Дошедши до двух сосен, стоящих передовыми стражами рощи, он остановился, оглянулся во все стороны, свистнул свистом пронзительным и отрывисто и стал слушать; легкий и продолжительный свист послышался ему в ответ, кто-то вышел из рощи и приблизился к нему.

Глава XVIII

Кирила Петрович ходил взад и вперед по зале, громче обыкновенного насвистывая свою песню. Весь дом был в движении — слуги бегали, девки суетились — в сарае кучера закладывали карету. На дворе толпился народ. В уборной барышни, перед зеркалом, дама, окруженная служанками, убирала бледную, неподвижную Марью Кириловну, голова ее томно клонилась под тяжестью бриллиантов, она слегка

вздрагивала, когда неосторожная рука укалывала ее, но молчала, бессмысленно глядясь в зеркало.

— Скоро ли? — раздался у дверей голос Кирила Петровича.

— Сию минуту, — отвечала дама, — Марья Кириловна, встаньте, посмотритесь; хорошо ли?

Марья Кириловна встала и не отвечала ничего. Двери отворились.

— Невеста готова, — сказала дама Кирилу Петровичу, — прикажите садиться в карету.

— С богом, — отвечал Кирила Петрович, — и взяв со стола образ, — подойди ко мне, Маша, — сказал он ей тронутым голосом, — благословляю тебя...

Бедная девушка упала ему в ноги и зарыдала.

— Папенька... папенька... — говорила она в слезах, и голос ее замирал.

Кирила Петрович спешил ее благословить — ее подняли и почти понесли в карету. С нею села посаженая мать — и одна из служанок. Они поехали в церковь. Там жених уж их ожидал. Он вышел навстречу невесты, и был поражен ее бледностию и странным видом. Они вместе вошли в холодную, пустую церковь — за ними заперли двери. Священник вышел из алтаря и тотчас же начал. Марья Кириловна ничего не видала, ничего не слыхала, думала об одном, с самого утра она ждала Дубровского, надежда ни на минуту ее не покидала, но когда священник обратился к ней с обычным вопросом, она содрогнулась и обмерла — но еще медлила, еще ожидала; священник, не дождавшись ее ответа, произнес невозвратимые слова.

Обряд был кончен. Она чувствовала холодный поцелуй немилого супруга, она слышала веселые поздравления присутствующих и всё еще не могла поверить, что жизнь ее была навеки окована, что Дубровский не прилетел освободить ее. Князь обратился к ней с ласковыми словами, она их не поняла, они вышли из церкви, на паперти толпились крестьяне из Покровского. Взор ее быстро их обежал и снова оказал прежнюю бесчувственность. Молодые сели вместе в карету и поехали в Арбатово, туда уже отправился Кирила Петрович, дабы встретить там молодых. Наедине с молодою женой князь нимало не был смущен ее холодным видом. Он не стал докучать ее приторными изъяснениями и смешными восторгами, слова его были просты, и не требовали ответов. Таким образом проехали они около десяти верст, лошади неслись быстро по кочкам проселочной дороги, и карета почти не качалась на своих английских рессорах. Вдруг раздались крики погони, карета остановилась, толпа вооруженных людей окружила ее — и человек в полу-

маске, отворив дверцы, со стороны, где сидела молодая княгиня, сказал ей:

— Вы свободны, выходите.

— Что это значит, — закричал князь, — кто ты такой...

— Это Дубровский, — сказала княгиня.

Князь, не теряя присутствия духа, вынул из бокового кармана дорожный пистолет и выстрелил в маскированного разбойника. Княгиня вскрикнула, и с ужасом закрыла лицо обеими руками, Дубровский был ранен в плечо, кровь показалась, князь, не теряя ни минуты, вынул другой пистолет. Но ему не дали времени выстрелить, дверцы растворились, и несколько сильных <рук> вытащили его из кареты и вырвали у него пистолет. Над ним засверкали ножи.

— Не трогать его! — закричал Дубровский, — и мрачные его сообщники отступили.

— Вы свободны, — продолжал Дубровский, обращаясь к бледной княгине.

— Нет, — отвечала она. — Поздно — я обвенчана, я жена князя Верейского.

— Что вы говорите, — закричал с отчаяния Дубровский, — нет, вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться...

— Я согласилась, я дала клятву, — возразила она с твердостию, — князь мой муж, прикажите освободить его, и оставьте меня с ним. Я не обманывала. Я ждала вас до последней минуты — — но теперь, говорю вам, теперь поздно. Пустите нас.

Но Дубровский уже ее не слышал, боль раны и сильные волнения души — лишили его силы. Он упал у колеса, разбойники окружили его. Он успел сказать им несколько слов, они посадили его верхом, двое из них его поддерживали, третий взял лошадь под устцы, и все поехали в сторону, оставя карету посреди дороги, людей связанных, лошадей отпряженных, но не разграбя ничего и не пролив ни единой капли крови, в отмщение за кровь своего атамана.

Глава XIX

Посреди дремучего леса на узкой лужайке возвышалось маленькое земляное укрепление, состоящее из вала и рва, за коими находилось несколько шалашей и землянок.

На дворе множество людей, коих по разнообразию одежды и по общему вооружению можно было тотчас признать за разбойников,

обедало, сидя без шапок, около братского котла. На валу подле маленькой пушки сидел караульный, поджав под себя ноги; он вставлял заплатку в некоторую часть своей одежды, владея иголкою с искусством, обличающим опытного портного — и поминутно посматривал во все стороны.

Хотя некоторый ковшик несколько раз переходил из рук в руки, странное молчание царствовало в сей толпе — разбойники отобедали, один после другого вставал и молился богу, некоторые разошлись по шалашам, — а другие разбрелись по лесу — или прилегли соснуть, по русскому обыкновению.

Караульщик кончил свою работу, встряхнул свою рухлядь, полюбовался заплатою, приколол к рукаву иголку — сел на пушку верхом и запел во всё горло меланхолическую старую песню:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мешай мне молодцу думу думати.

В это время дверь одного из шалашей отворилась, и старушка в белом чепце, опрятно и чопорно одетая, показалась у порога.

— Полно тебе, Степка, — сказала она сердито, — барин почивает, а ты знай горланишь — нет у вас ни совести, ни жалости.

— Виноват, Егоровна, — отвечал Степка, — ладно, больше не буду, пусть он себе, наш батюшка, почивает да выздоравливает.

Старушка ушла, а Степка стал расхаживать по валу.

В шалаше, из которого вышла старуха, за перегородкою, раненый Дубровский лежал на походной кровати. Перед ним на столике лежали его пистолеты, а сабля висела в головах. Землянка устлана и обвешана была богатыми коврами, в углу находился женский серебряный туалет и трюмо. Дубровский держал в руке открытую книгу, но глаза его были закрыты. И старушка, поглядывающая на него из-за перегородки, не могла знать, заснул ли он или только задумался.

Вдруг Дубровский вздрогнул — в укреплении сделалась тревога — и Степка просунул к нему голову в окошко.

— Батюшка, Владимир Андреевич, — закричал он, — наши знак подают, нас ищут.

Дубровский вскочил с кровати, схватил оружие, и вышел из шалаша. Разбойники с шумом толпились на дворе, при его появлении настало глубокое молчание.

— Все ли здесь? — спросил Дубровский.

— Все, кроме дозорных, — ответили.

— По местам! — закричал Дубровский. И разбойники заняли каждый определенное место.

В сие время трое дозорных прибежали к воротам — Дубровский пошел к ним навстречу.

— Что такое? — спросил он их.

— Солдаты в лесу, — отвечали они, — нас окружают.

Дубровский велел запереть вороты — и сам пошел освидетельствовать пушечку. По лесу раздалось несколько голосов — и стали приближаться — разбойники ожидали в безмолвии. Вдруг три или четыре солдата показались из лесу — и тотчас подались назад, выстрелами дав знать товарищам.

— Готовиться к бою, — сказал Дубровский, и между разбойниками сделался шорох — снова всё утихло.

Тогда услышали шум приближающейся команды, оружия блеснули между деревьями, человек полтораста солдат высыпало из лесу и с криком устремились на вал. Дубровский приставил фитиль, выстрел был удачен: одному оторвало голову, двое были ранены. Между солдатами произошло смятение, но офицер бросился вперед, солдаты за ним последовали и сбежали в ров; разбойники выстрелили в них из ружей и пистолетов и стали с топорами в руках защищать вал, на который лезли остервенелые солдаты, оставя во рву человек двадцать раненых товарищей. Рукопашный бой завязался — солдаты уже были на валу — разбойники начали уступать, но Дубровский, подошед к офицеру, приставил ему пистолет ко груди и выстрелил, офицер грянулся навзничь, несколько солдат подхватили его на руки и спешили унести в лес, прочие, лишась начальника, остановились. Ободренные разбойники воспользовались сей минутою недоумения, смяли их, стеснили в ров, осаждающие побежали — разбойники с криком устремились за ними. Победа была решена. Дубровский, полагаясь на совершенное расстройство неприятеля, остановил своих и заперся в крепости, приказав подобрать раненых, удвоив караулы и никому не велев отлучаться.

Последние происшествия обратили уже не на шутку внимание правительства на дерзновенные разбои Дубровского. Собраны были сведения о его местопребывании. Отправлена была рота солдат, дабы взять его — мертвого или живого. Поймали несколько человек из его шайки и узнали от них, что уж Дубровского между ими не было. Несколько дней после (~) он собрал всех своих сообщников, объявил им, что намерен навсегда их оставить, советовал и им переменить образ жизни.

— Вы разбогатели под моим начальством, каждый из вас имеет вид, с которым безопасно может пробраться в какую-нибудь отдаленную

губернию и там провести остальную жизнь в честных трудах и в изобилии. Но вы все мошенники и, вероятно, не захотите оставить ваше ремесло.

После сей речи он оставил их, взяв с собою одного **. Никто не знал, куда он девался. Сначала сумневались в истине сих показаний — приверженность разбойников к атаману была известна. Полагали, что они старались о его спасении — но последствия их оправдали — грозные посещения, пожары и грабежи прекратились — дороги стали свободны. По другим известиям узнали, что Дубровский скрылся за границу.

ПИКОВАЯ ДАМА

Пиковая дама означает тайную недоброжелательность.

Новейшая гадательная книга.

I

А в ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули — бог их прости! —
От пятидесяти
На сто,
И выигрывали
И отписывали
Мелом.
Так, в ненастные дни,
Занимались они
Делом.

Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно; сели ужинать в пятом часу утра. Те, которые остались в выигрыше, ели с большим аппетитом; прочие, в рассеянности, сидели перед пустыми своими приборами. Но шампанское явилось, разговор оживился, и все приняли в нем участие.

— Что ты сделал, Сурин? спросил хозяин.

— Проиграл, по обыкновению. Надобно признаться, что я несчастлив: играю мирандолем, никогда не горячусь, ничем меня с толку не собьешь, а всё проигрываюсь!

— И ты ни разу не соблазнился? ни разу не поставил на *руте*?.. Твердость твоя для меня удивительна.

— А каков Германн! сказал один из гостей, указывая на молодого инженера, — отроду не брал он карты в руки, отроду не загнул ни одного пароли, а до пяти часов сидит с нами и смотрит на нашу игру!

— Игра занимает меня сильно, сказал Германн, но я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее.

— Германн — немец: он расчетлив, вот и всё! заметил Томский. — А если кто для меня непонятен, так это моя бабушка, графиня Анна Федотовна.

— Как? что? — закричали гости.

— Не могу постигнуть, продолжал Томский: каким образом бабушка моя не понтирует!

— Да что ж тут удивительного, сказал Нарумов, что осьмидесятилетняя старуха не понтирует?

— Так вы ничего про нее не знаете?

— Нет! право, ничего!

— О, так послушайте:

Надобно знать, что бабушка моя, лет шестьдесят тому назад, ездила в Париж, и была там в большой моде. Народ бегал за нею, чтоб увидеть la Vénus moscovite *; Ришелье за нею волочился, и бабушка уверяет, что он чуть было не застрелился от ее жестокости.

В то время дамы играли в фараон. Однажды при дворе она проиграла на слово герцогу Орлеанскому что-то очень много. Приехав домой, бабушка, отлепливая мушки с лица и отвязывая фижмы, объявила дедушке о своем проигрыше и приказала заплатить.

Покойный дедушка, сколько я помню, был род бабушкина дворецкого. Он ее боялся, как огня; однако, услышав о таком ужасном проигрыше, он вышел из себя, принес счеты, доказал ей, что в полгода они издержали полмиллиона, что под Парижем нет у них ни подмосковной, ни саратовской деревни, и начисто отказался от платежа. Бабушка дала ему пощечину и легла спать одна, в знак своей немилости.

На другой день она велела позвать мужа, надеясь, что домашнее наказание над ним подействовало, но нашла его непоколебимым. В первый раз в жизни она дошла с ним до рассуждений и объяснений; думала усовестить его, снисходительно доказывая, что долг долгу рознь, и что есть разница между принцем и каретником. — Куда! дедушка бунтовал. Нет, да и только! Бабушка не знала, что делать.

С нею был коротко знаком человек очень замечательный. Вы слышали о графе Сен-Жермене, о котором рассказывают так много чудесного. Вы знаете, что он выдавал себя за вечного жида, за изобретателя жизненного эликсира и философского камня, и прочая. Над ним смеялись, как над шарлатаном, а Казанова в своих Записках говорит, что он был шпион; впрочем, Сен-Жермен, несмотря на свою таинственность, имел очень почтенную наружность и был в обществе человек очень любезный. Бабушка до сих пор любит его без памяти и сердится, если говорят об нем с неуважением. Бабушка знала, что Сен-Жермен

* ⟨Московскую Венеру⟩

мог располагать большими деньгами. Она решилась к нему прибегнуть. Написала ему записку, и просила немедленно к ней приехать.

Старый чудак явился тотчас и застал в ужасном горе. Она описала ему самыми черными красками варварство мужа, и сказала наконец, что всю свою надежду полагает на его дружбу и любезность.

Сен-Жермен задумался. — „Я могу вам услужить этой суммою, сказал он, но знаю, что вы не будете спокойны, пока со мною не расплатитесь, а я бы не желал вводить вас в новые хлопоты. Есть другое средство: вы можете отыграться“.

„Но, любезный граф, отвечала бабушка, я говорю вам, что у нас денег вовсе нет“. — „Деньги тут не нужны, возразил Сен-Жермен, извольте меня выслушать“. Тут он открыл ей тайну, за которую всякой из нас дорого бы дал...

Молодые игроки удвоили внимание. Томский закурил трубку, затянулся, и продолжал.

— В тот же самый вечер бабушка явилась в Версали, au jeu de la Reine. Герцог Орлеанский метал; бабушка слегка извинилась, что не привезла своего долга, в оправдание сплела маленькую историю, и стала против него понтировать. Она выбрала три карты, поставила их одну за другою: все три выиграли ей соника, и бабушка отыгралась совершенно.

— Случай! сказал один из гостей.

— Сказка! заметил Германн.

— Может статься, порошковые карты? подхватил третий.

— Не думаю, отвечал важно Томский.

— Как! сказал Нарумов, у тебя есть бабушка, которая угадывает три карты сряду, а ты до сих пор не перенял у ней ее кабалистики?

— Да, чорта с два! отвечал Томский: у ней было четверо сыновей, в том числе и мой отец; все четыре отчаянные игроки, и ни одному не открыла она своей тайны; хоть это было бы не худо для них, и даже для меня. Но вот, что мне рассказывал дядя, граф Иван Ильич, и в чем он меня уверял честью. Покойный Чаплицкий, тот самый, который умер в нищете, промотав миллионы, однажды в молодости своей проиграл — помнится, Зоричу, — около трех сот тысяч. Он был в отчаянии. Бабушка, которая всегда была строга к шалостям молодых людей, как-то сжалилась над Чаплицким. Она дала ему три карты, с тем, чтоб он поставил их одну за другою, и взяла с него честное слово впредь уже никогда не играть. Чаплицкий явился к своему победителю: они сели играть. Чаплицкий поставил на первую карту пятьдесят

тысяч и выиграл соника; загнул пароли, пароли-пе, — отыгрался, и остался еще в выигрыше...

Однако пора спать: уже без четверти шесть.

В самом деле, уж рассветало: молодые люди допили свои рюмки, и разъехались.

II

— Il paraît que monsieur est décidément pour les suivantes.

— Que voulez-vous, madame? Elles sont plus fraîches.

Светский разговор.

Старая графиня *** сидела в своей уборной перед зеркалом. Три девушки окружали ее. Одна держала банку румян, другая коробку со шпильками, третья высокий чепец с лентами огненного цвета. Графиня не имела ни малейшего притязания на красоту, давно увядшую, но сохраняла все привычки своей молодости, строго следовала модам семидесятых годов, и одевалась так же долго, так же старательно, как и шестьдесят лет тому назад. У окошка сидела за пяльцами барышня, ее воспитанница.

— Здравствуйте, grand'maman, сказал, вошедши, молодой офицер. — Bon jour, mademoiselle Lise. Grand'maman, я к вам с просьбою.

— Что такое, Paul?

— Позвольте вам представить одного из моих приятелей и привезти его к вам в пятницу на бал.

— Привези мне его прямо на бал, и тут мне его и представишь. Был ты вчерась у ***?

— Как же! очень было весело; танцовали до пяти часов. Как хороша была Елецкая!

— И, мой милый! Что в ней хорошего? Такова ли была ее бабушка, княгиня Дарья Петровна?.. Кстати: я, чай, она уж очень постарела, княгиня Дарья Петровна?

— Как, постарела? отвечал рассеянно Томский: она лет семь как умерла.

Барышня подняла голову, и сделала знак молодому человеку. Он вспомнил, что от старой графини таили смерть ее ровесниц, и закусил себе губу. Но графиня услышала весть, для нее новую, с большим равнодушием.

— Умерла! сказала она: а я и не знала! Мы вместе были пожалованы во фрейлины, и когда мы представились, то государыня...

И графиня в сотый раз рассказала внуку свой анекдот.

— Ну, Paul, сказала она потом: теперь помоги мне встать. Лизанька, где моя табакерка?

И графиня со своими девушками пошла за ширмами оканчивать свой туалет. Томский остался с барышнею.

— Кого это вы хотите представить? тихо спросила Лизавета Ивановна.

— Нарумова. Вы его знаете?

— Нет! Он военный, или статский?

— Военный.

— Инженер?

— Нет! кавалерист. А почему вы думали, что он инженер?

Барышня засмеялась, и не отвечала ни слова.

— Paul! закричала графиня из-за ширмов: пришли мне какой-нибудь новый роман, только, пожалуйста, не из нынешних.

— Как это, grand'maman?

— То есть такой роман, где бы герой не давил ни отца, ни матери и где бы не было утопленных тел. Я ужасно боюсь утопленников!

— Таких романов нынче нет. Не хотите ли разве русских?

— А разве есть русские романы?.. Пришли, батюшка, пожалуйста, пришли!

— Простите, grand'maman: я спешу... Простите, Лизавета Ивановна! Почему же вы думали, что Нарумов инженер?

И Томский вышел из уборной.

Лизавета Ивановна осталась одна: она оставила работу и стала глядеть в окно. Вскоре на одной стороне улицы из-за угольного дома показался молодой офицер. Румянец покрыл ее щеки: она принялась опять за работу, и наклонила голову над самой канвою. В это время вошла графиня, совсем одетая.

— Прикажи, Лизанька, сказала она, карету закладывать и поедем прогуляться.

Лизанька встала из-за пяльцев и стала убирать свою работу.

— Что ты, мать моя! глуха, что ли! закричала графиня. — Вели скорей закладывать карету.

— Сейчас! отвечала тихо барышня, и побежала в переднюю.

Слуга вошел, и подал графине книги от князя Павла Александровича.

— Хорошо! Благодарить, сказала графиня. Лизанька, Лизанька! да куда ж ты бежишь?

— Одеваться.

— Успеешь, матушка. Сиди здесь. Раскрой-ка первый том; читай вслух...

Барышня взяла книгу и прочла несколько строк.

— Громче! сказала графиня. — Что с тобою, мать моя? с голосу спала, что ли?.. Погоди: подвинь мне скамеечку; ближе... ну! —

Лизавета Ивановна прочла еще две страницы. Графиня зевнула.

— Брось эту книгу, сказала она: что за вздор! Отошли это князю Павлу и вели благодарить... Да что ж карета?..

— Карета готова, сказала Лизавета Ивановна, взглянув на улицу.

— Что ж ты не одета? сказала графиня: всегда надобно тебя ждать! Это, матушка, несносно.

Лиза побежала в свою комнату. Не прошло двух минут, графиня начала звонить изо всей мочи. Три девушки вбежали в одну дверь, а камердинер в другую.

— Что это вас не докличешься? сказала им графиня. Сказать Лизавете Ивановне, что я ее жду.

Лизавета Ивановна вошла в капоте и в шляпке.

— Наконец, мать моя! сказала графиня. — Что за наряды! Зачем это?.. кого прельщать?.. А какова погода? — кажется, ветер.

— Никак нет-с! ваше сиятельство! очень тихо-с! отвечал камердинер.

— Вы всегда говорите наобум! Отворите форточку! Так и есть: ветер! и прехолодный! Отложить карету! Лизанька, мы не поедем: нечего было наряжаться.

— И вот моя жизнь! подумала Лизавета Ивановна.

В самом деле, Лизавета Ивановна была пренесчастное создание. Горек чужой хлеб, говорит Данте, и тяжелы ступени чужого крыльца, а кому и знать горечь зависимости, как не бедной воспитаннице знатной старухи? Графиня ***, конечно, не имела злой души; но была своенравна, как женщина, избалованная светом, скупа, и погружена в холодный эгоизм, как и все старые люди, отлюбившие в свой век и чуждые настоящему. Она участвовала во всех суетностях большого света; таскалась на балы, где сидела в углу, разрумяненная и одетая по старинной моде, как уродливое и необходимое украшение бальной залы; к ней с низкими поклонами подходили приезжающие гости, как по установленному обряду, и потом уже никто ею не занимался. У себя принимала она весь город, наблюдая строгий этикет и не узнавая никого в лицо. Многочисленная челядь ее, разжирев и поседев в ее передней и девичьей, делала, что хотела, наперерыв обкрадывая умирающую старуху. Лизавета Ивановна была домашней мученицею. Она разливала чай, и получала выговоры за лишний расход сахара; она вслух читала

романы, и виновата была во всех ошибках автора; она сопровождала графиню в ее прогулках, и отвечала за погоду и за мостовую. Ей было назначено жалованье, которое никогда не доплачивали; а между тем требовали от нее, чтоб она одета была, как и все, то есть, как очень немногие. В свете играла она самую жалкую роль. Все ее знали и никто не замечал; на балах она танцовала только тогда, как не доставало vis-à-vis, и дамы брали ее под руку всякой раз, как им нужно было идти в уборную поправить что-нибудь в своем наряде. Она была самолюбива, живо чувствовала свое положение, и глядела кругом себя, — с нетерпением ожидала избавителя; но молодые люди, расчетливые в ветреном своем тщеславии, не удостоивали ее внимания, хотя Лизавета Ивановна была сто раз милее наглых и холодных невест, около которых они увивались. Сколько раз, оставя тихонько скучную и пышную гостиную, она уходила плакать в бедной своей комнате, где стояли ширмы, оклеенные обоями, комод, зеркальце и крашеная кровать, и где сальная свеча темно горела в медном шандале!

Однажды, — это случилось два дня после вечера, описанного в начале этой повести, и за неделю перед той сценой, на которой мы остановились, — однажды Лизавета Ивановна, сидя под окошком за пяльцами, нечаянно взглянула на улицу и увидела молодого инженера, стоящего неподвижно и устремившего глаза к ее окошку. Она опустила голову и снова занялась работой; через пять минут взглянула опять — молодой офицер стоял на том же месте. Не имея привычки кокетничать с прохожими офицерами, она перестала глядеть на улицу, и шила около двух часов, не приподнимая головы. Подали обедать. Она встала, начала убирать свои пяльцы, и, взглянув нечаянно на улицу, опять увидела офицера. Это показалось ей довольно странным. После обеда она подошла к окошку с чувством некоторого беспокойства, но уже офицера не было, — и она про него забыла...

Дня через два, выходя с графиней садиться в карету, она опять его увидела. Он стоял у самого подъезда, закрыв лицо бобровым воротником: черные глаза его сверкали из-под шляпы. Лизавета Ивановна испугалась, сама не зная чего, и села в карету с трепетом неизъяснимым.

Возвратясь домой, она подбежала к окошку, — офицер стоял на прежнем месте, устремив на нее глаза: она отошла, мучась любопытством и волнуемая чувством, для нее совершенно новым.

С того времени не проходило дня, чтоб молодой человек, в известный час, не являлся под окнами их дома. Между им и ею учредились неусловленные сношения. Сидя на своем месте за работой, она чувство-

вала его приближение, — подымала голову, смотрела на него с каждым днем долее и долее. Молодой человек, казалось, был за то ей благодарен: она видела острым взором молодости, как быстрый румянец покрывал его бледные щеки всякой раз, когда взоры их встречались. Через неделю она ему улыбнулась...

Когда Томский спросил позволения представить графине своего приятеля, сердце бедной девушки забилось. Но узнав, что Нарумов не инженер, а конногвардеец, она сожалела, что нескромным вопросом высказала свою тайну ветреному Томскому.

Германн был сын обрусевшего немца, оставившего ему маленький капитал. Будучи твердо убежден в необходимости упрочить свою независимость, Германн не касался и процентов, жил одним жалованьем, не позволял себе малейшей прихоти. Впрочем, он был скрытен и честолюбив, и товарищи его редко имели случай посмеяться над его излишней бережливостью. Он имел сильные страсти и огненное воображение, но твердость спасла его от обыкновенных заблуждений молодости. Так, например, будучи в душе игрок, никогда не брал он карты в руки, ибо рассчитал, что его состояние не позволяло ему (как сказывал он) *жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее,* — а между тем, целые ночи просиживал за карточными столами, и следовал с лихорадочным трепетом за различными оборотами игры.

Анекдот о трех картах сильно подействовал на его воображение, и целую ночь не выходил из его головы. — Что, если, думал он на другой день вечером, бродя по Петербургу: что, если старая графиня откроет мне свою тайну! — или назначит мне эти три верные карты! Почему ж не попробовать своего счастия? Представиться ей, подбиться в ее милость, — пожалуй, сделаться ее любовником, — но на всё это требуется время — а ей восемьдесят семь лет, — она может умереть через неделю, — через два дня!.. Да и самый анекдот?.. Можно ли ему верить?.. Нет! расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что утроит, усемерит мой капитал, и доставит мне покой и независимость! —

Рассуждая таким образом, очутился он в одной из главных улиц Петербурга, перед домом старинной архитектуры. Улица была заставлена экипажами, кареты одна за другою катились к освещенному подъезду. Из карет поминутно вытягивались то стройная нога молодой красавицы, то гремучая ботфорта, то полосатый чулок и дипломатический башмак. Шубы и плащи мелькали мимо величавого швейцара. Германн остановился.

— Чей это дом? спросил он у углового будочника.

— Графини ***, отвечал будочник.

„Пиковая дама“. С рис. *В. И. Шухаева*

Германн затрепетал. Удивительный анекдот снова представился его воображению. Он стал ходить около дома, думая об его хозяйке и о чудной ее способности. Поздно воротился он в смиренный свой уголок; долго не мог заснуть, и когда сон им овладел, ему пригрезились карты, зеленый стол, кипы ассигнаций и груды червонцев. Он ставил карту за картой, гнул углы решительно, выигрывал беспрестанно, и загребал к себе золото, и клал ассигнации в карман. Проснувшись уже поздно, он вздохнул о потере своего фантастического богатства, пошел опять бродить по городу, и опять очутился перед домом графини ***. Неведомая сила, казалось, привлекала его к нему. Он остановился и стал смотреть на окна. В одном увидел он черноволосую головку, наклоненную, вероятно, над книгой или над работой. Головка приподнялась. Германн увидел свежее личико и черные глаза. Эта минута решила его участь.

III

Vous m'écrivez, mon ange, des lettres de quatre pages plus vite que je ne puis les lire.

Переписка.

Только Лизавета Ивановна успела снять капот и шляпу, как уже графиня послала за нею, и велела опять подавать карету. Они пошли садиться. В то самое время, как два лакея приподняли старуху и просунули в дверцы, Лизавета Ивановна у самого колеса увидела своего инженера; он схватил ее руку; она не могла опомниться от испугу, молодой человек исчез: письмо осталось в ее руке. Она спрятала его за перчатку, и во всю дорогу ничего не слыхала и не видала. Графиня имела обыкновение поминутно делать в карете вопросы: кто это с нами встретился? — как зовут этот мост? — что там написано на вывеске? Лизавета Ивановна на сей раз отвечала наобум и невпопад, и рассердила графиню.

— Что с тобою сделалось, мать моя! Столбняк на тебя нашел, что ли? Ты меня или не слышишь, или не понимаешь?.. Слава богу, я не картавлю, и из ума еще не выжила!

Лизавета Ивановна ее не слушала. Возвратясь домой, она побежала в свою комнату, вынула из-за перчатки письмо: оно было незапечатано. Лизавета Ивановна его прочитала. Письмо содержало в себе признание в любви: оно было нежно, почтительно и слово-в-слово взято из немецкого романа. Но Лизавета Ивановна по-немецки не умела и была очень им довольна.

Однако принятое ею письмо беспокоило ее чрезвычайно. Впервые входила она в тайные, тесные сношения с молодым мужчиною. Его дерзость ужасала ее. Она упрекала себя в неосторожном поведении, и не знала, что делать: перестать ли сидеть у окошка, и невниманием охладить в молодом офицере охоту к дальнейшим преследованиям? — отослать ли ему письмо? — отвечать ли холодно и решительно? Ей не с кем было посоветоваться: у ней не было ни подруги, ни наставницы. Лизавета Ивановна решилась отвечать.

Она села за письменный столик, взяла перо, бумагу, — и задумалась. Несколько раз начинала она свое письмо, — и рвала его: то выражения казались ей слишком снисходительными, то слишком жестокими. Наконец ей удалось написать несколько строк, которыми она осталась довольна. „Я уверена, писала она, что вы имеете честные намерения, и что вы не хотели оскорбить меня необдуманным поступком; но знакомство наше не должно бы начаться таким образом. Возвращаю вам письмо ваше и надеюсь, что не буду впредь иметь причины жаловаться на незаслуженное неуважение".

На другой день, увидя идущего Германна, Лизавета Ивановна встала из-за пяльцев, вышла в залу, отворила форточку, и бросила письмо на улицу, надеясь на проворство молодого офицера. Германн подбежал, поднял его, и вошел в кондитерскую лавку. Сорвав печать, он нашел свое письмо и ответ Лизаветы Ивановны. Он того и ожидал, и возвратился домой, очень занятый своей интригою.

Три дня после того, Лизавете Ивановне молоденькая быстроглазая мамзель принесла записочку из модной лавки. Лизавета Ивановна открыла ее с беспокойством, предвидя денежные требования, и вдруг узнала руку Германна.

— Вы, душенька, ошиблись, сказала она: эта записка не ко мне.

— Нет, точно к вам! отвечала смелая девушка, не скрывая лукавой улыбки. — Извольте прочитать!

Лизавета Ивановна пробежала записку. Германн требовал свидания.

— Не может быть! сказала Лизавета Ивановна, испугавшись и поспешности требований, и способу, им употребленному. — Это письмо верно не ко мне! — И разорвала письмо на мелкие кусочки!

— Коли письмо не к вам, зачем же вы его разорвали? сказала мамзель: я бы возвратила его тому, кто его послал.

— Пожалуйста, душенька! сказала Лизавета Ивановна, вспыхнув от ее замечания: вперед ко мне записок не носите. А тому, кто вас послал, скажите, что ему должно быть стыдно...

Но Германн не унялся. Лизавета Ивановна каждый день получала от него письма, то тем, то другим образом. Они уже не были переведены с немецкого. Германн их писал вдохновенный страстию, и говорил языком, ему свойственным: в них выражались и непреклонность его желаний, и беспорядок необузданного воображения. Лизавета Ивановна уже не думала их отсылать: она упивалась ими; стала на них отвечать, — и ее записки час от часу становились длиннее и нежнее. Наконец, она бросила ему в окошко следующее письмо:

— „Сегодня бал у ***ского посланника. Графиня там будет. Мы останемся часов до двух. Вот вам случай увидеть меня наедине. Как скоро графиня уедет, ее люди, вероятно, разойдутся, в сенях останется швейцар, но и он обыкновенно уходит в свою каморку. Приходите в половине двенадцатого. Ступайте прямо на лестницу. Коли вы найдете кого в передней, то вы спросите, дома ли графиня. Вам скажут нет, — и делать нечего. Вы должны будете воротиться. Но, вероятно, вы не встретите никого. Девушки сидят у себя, все в одной комнате. Из передней ступайте налево, идите всё прямо до графининой спальни. В спальне за ширмами увидите две маленькие двери: справа в кабинет, куда графиня никогда не входит; слева в коридор, и тут же узенькая витая лестница: она ведет в мою комнату“.

Германн трепетал, как тигр, ожидая назначенного времени. В десять часов вечера он уж стоял перед домом графини. Погода была ужасная: ветер выл, мокрый снег падал хлопьями; фонари светились тускло; улицы были пусты. Изредка тянулся Ванька на тощей кляче своей, высматривая запоздалого седока. —Германн стоял в одном сюртуке, не чувствуя ни ветра, ни снега. Наконец графинину карету подали. Германн видел, как лакеи вынесли под руки сгорбленную старуху, укутанную в соболью шубу, и как вослед за нею, в холодном плаще, с головой, убранною свежими цветами, мелькнула ее воспитанница. Дверцы захлопнулись. Карета тяжело покатилась по рыхлому снегу. Швейцар запер двери. Окна померкли. Германн стал ходить около опустевшего дома: он подошел к фонарю, взглянул на часы, — было двадцать минут двенадцатого. Он остался под фонарем, устремив глаза на часовую стрелку и выжидая остальные минуты. Ровно в половине двенадцатого Германн ступил на графинино крыльцо и взошел в ярко освещенные сени. Швейцара не было. Германн взбежал по лестнице, отворил двери в переднюю и увидел слугу, спящего под лампою, в старинных, запачканных креслах. Легким и твердым шагом Германн прошел мимо его. Зала и гостиная были темны. Лампа слабо освещала их из передней. Германн вошел в спальню. Перед кивотом, наполненным старинными образами, теплилась

золотая лампада. Полинялые штофные кресла и диваны с пуховыми подушками, с сошедшей позолотою, стояли в печальной симметрии около стен, обитых китайскими обоями. На стене висели два портрета, писанные в Париже M-me Lebrun. Один из них изображал мужчину лет сорока, румяного и полного, в светло-зеленом мундире и со звездою; другой — молодую красавицу с орлиным носом, с зачесанными висками и с розою в пудренных волосах. По всем углам торчали фарфоровые пастушки, столовые часы работы славного Leroy, коробочки, рулетки, веера и разные дамские игрушки, изобретенные в конце минувшего столетия вместе с Монгольфьеровым шаром и Месмеровым магнетизмом. Германн пошел за ширмы. За ними стояла маленькая железная кровать; справа находилась дверь, ведущая в кабинет; слева — другая, в коридор. Германн ее отворил, увидел узкую, витую лестницу, которая вела в комнату бедной воспитанницы... Но он воротился и вошел в темный кабинет.

Время шло медленно. Всё было тихо. В гостиной пробило двенадцать; по всем комнатам часы одни за другими прозвонили двенадцать — и всё умолкло опять. Германн стоял, прислонясь к холодной печке. Он был спокоен; сердце его билось ровно, как у человека, решившегося на что-нибудь опасное, но необходимое. Часы пробили первый и второй час утра, — и он услышал дальний стук кареты. Невольное волнение овладело им. Карета подъехала и остановилась. Он услышал стук опускаемой подножки. В доме засуетились. Люди побежали, раздались голоса, и дом осветился. В спальню вбежали три старые горничные, и графиня, чуть живая, вошла и опустилась в Вольтеровы кресла. Германн глядел в щелку: Лизавета Ивановна прошла мимо его. Германн услышал ее торопливые шаги по ступеням ее лестницы. В сердце его отозвалось нечто похожее на угрызение совести, и снова умолкло. Он окаменел.

Графиня стала раздеваться перед зеркалом. Откололи с нее чепец, украшенный розами; сняли напудренный парик с ее седой и плотно остриженной головы. Булавки дождем сыпались около нее. Желтое платье, шитое серебром, упало к ее распухлым ногам. Германн был свидетелем отвратительных таинств ее туалета; наконец, графиня осталась в спальной кофте и ночном чепце: в этом наряде, более свойственном ее старости, она казалась менее ужасна и безобразна.

Как и все старые люди вообще, графиня страдала бессонницею. Раздевшись, она села у окна в Вольтеровы кресла, и отослала горничных. Свечи вынесли, комната опять осветилась одною лампадою. Графиня сидела вся желтая, шевеля отвислыми губами, качаясь направо и на-

лево. В мутных глазах ее изображалось совершенное отсутствие мысли; смотря на нее, можно было бы подумать, что качание страшной старухи происходило не от ее воли, но по действию скрытого галванизма.

Вдруг это мертвое лицо изменилось неизъяснимо. Губы перестали шевелиться, глаза оживились: перед графинею стоял незнакомый мужчина.

— Не пугайтесь, ради бога, не пугайтесь! сказал он внятным и тихим голосом. — Я не имею намерения вредить вам; я пришел умолять вас об одной милости.

Старуха молча смотрела на него и, казалось, его не слыхала. Германн вообразил, что она глуха, и, наклонясь над самым ее ухом, повторил ей то же самое. Старуха молчала попрежнему.

— Вы можете, продолжал Германн, составить счастие моей жизни, и оно ничего не будет вам стоить: я знаю, что вы можете угадать три карты сряду...

Германн остановился. Графиня, казалось, поняла, чего от нее требовали; казалось, она искала слов для своего ответа.

— Это была шутка, сказала она наконец: клянусь вам! это была шутка!

— Этим нечего шутить, возразил сердито Германн. — Вспомните Чаплицкого, которому помогли вы отыграться.

Графиня видимо смутилась. Черты ее изобразили сильное движение души, но она скоро впала в прежнюю бесчувственность.

— Можете ли вы, продолжал Германн, назначить мне эти три верные карты?

Графиня молчала; Германн продолжал:

— Для кого вам беречь вашу тайну? Для внуков? Они богаты и без того; они же не знают и цены деньгам. Моту не помогут ваши три карты. Кто не умеет беречь отцовское наследство, тот всё-таки умрет в нищете, несмотря ни на какие демонские усилия. Я не мот; я знаю цену деньгам. Ваши три карты для меня не пропадут. Ну!..

Он остановился, и с трепетом ожидал ее ответа. Графиня молчала; Германн стал на колени.

— Если когда-нибудь, сказал он, сердце ваше знало чувство любви, если вы помните ее восторги, если вы хоть раз улыбнулись при плаче новорожденного сына, если что-нибудь человеческое билось когда-нибудь в груди вашей, то умоляю вас чувствами супруги, любовницы, матери, — всем, что ни есть святого в жизни, — не откажите мне в моей просьбе! — откройте мне вашу тайну! — что вам в ней?.. Может быть, она сопряжена с ужасным грехом, с пагубою вечного блаженства, с

дьявольским договором... Подумайте, вы стары; жить вам уж недолго, — я готов взять грех ваш на свою душу. Откройте мне только вашу тайну. Подумайте, что счастие человека находится в ваших руках; что не только я, но дети мои, внуки и правнуки благословят вашу память и будут ее чтить, как святыню...

Старуха не отвечала ни слова.

Германн встал.

— Старая ведьма! сказал он, стиснув зубы: так я ж заставлю тебя отвечать...

С этим словом он вынул из кармана пистолет.

При виде пистолета графиня во второй раз оказала сильное чувство. Она закивала головою, и подняла руку, как бы заслоняясь от выстрела... Потом покатилась навзничь... и осталась недвижима.

— Перестаньте ребячиться, сказал Германн, взяв ее руку. — Спрашиваю в последний раз: хотите ли назначить мне ваши три карты? — да или нет?

Графиня не отвечала. Германн увидел, что она умерла.

IV

7 Mai 18*.

Homme sans moeurs et sans religion!

Переписка.

Лизавета Ивановна сидела в своей комнате, еще в бальном своем наряде, погруженная в глубокие размышления. Приехав домой, она спешила отослать заспанную девку, нехотя предлагавшую ей свою услугу — сказала, что разденется сама, и с трепетом вошла к себе, надеясь найти там Германна и желая не найти его. С первого взгляда она удостоверилась в его отсутствии, и благодарила судьбу за препятствие, помешавшее их свиданию. Она села, не раздеваясь, и стала припоминать все обстоятельства, в такое короткое время и так далеко ее завлекшие. Не прошло трех недель с той поры, как она в первый раз увидела в окошко молодого человека, — и уже она была с ним в переписке, — и он успел вытребовать от нее ночное свидание! Она знала имя его потому только, что некоторые из его писем были им подписаны; никогда с ним не говорила, не слыхала его голоса, никогда о нем не слыхала... до самого сего вечера. Странное дело! В самый тот вечер, на бале, Томский, дуясь на молодую княжну Полину ***, которая, против обыкновения, кокетничала не с ним, желал отомстить, оказывая равнодушие:

он позвал Лизавету Ивановну, и танцовал с нею бесконечную мазурку. Во всё время шутил он над ее пристрастием к инженерным офицерам, уверял, что он знает гораздо более, нежели можно было ей предполагать, и некоторые из его шуток были так удачно направлены, что Лизавета Ивановна думала несколько раз, что ее тайна была ему известна.

— От кого вы всё это знаете? спросила она, смеясь.

— От приятеля известной вам особы, отвечал Томский: человека очень замечательного!

— Кто ж этот замечательный человек?

— Его зовут Германном.

Лизавета Ивановна не отвечала ничего, но ее руки и ноги поледенели...

— Этот Германн, продолжал Томский, лицо истинно романическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. Я думаю, что на его совести по крайней мере три злодейства. Как вы побледнели!..

— У меня голова болит... Что же говорил вам Германн, — или как бишь его?

— Германн очень недоволен своим приятелем: он говорит, что на его месте он поступил бы совсем иначе... Я даже полагаю, что Германн сам имеет на вас виды, по крайней мере он очень неравнодушно слушает влюбленные восклицания своего приятеля.

— Да где ж он меня видел?

— В церкви, может быть, — на гулянье!.. Бог его знает! может быть, в вашей комнате, во время вашего сна: от него станет...

Подошедшие к ним три дамы с вопросами — oubli ou regret? — прервали разговор, который становился мучительно любопытен для Лизаветы Ивановны.

Дама, выбранная Томским, была сама княжна ***. Она успела с ним изъясниться, обежав лишний круг и лишний раз повертевшись перед своим стулом. — Томский, возвратясь на свое место, уже не думал ни о Германне, ни о Лизавете Ивановне. Она непременно хотела возобновить прерванный разговор; но мазурка кончилась, и вскоре после старая графиня уехала.

Слова Томского были не что иное, как мазурочная болтовня, но они глубоко заронились в душу молодой мечтательницы. Портрет, набросанный Томским, сходствовал с изображением, составленным ее самою, и, благодаря новейшим романам, это, уже пошлое лицо, пугало и пленяло ее воображение. Она сидела, сложа крестом голые руки, наклонив на открытую грудь голову еще убранную цветами... Вдруг дверь отворилась, и Германн вошел. Она затрепетала...

— Где же вы были? спросила она испуганным шопотом.

— В спальне у старой графини, отвечал Германн, я сейчас от нее. Графиня умерла.

— Боже мой!.. что вы говорите?..

— И кажется, продолжал Германн, я причиною ее смерти.

Лизавета Ивановна взглянула на него, и слова Томского раздались в ее душе: *у этого человека по крайней мере три злодейства на душе!* Германн сел на окошко подле нее, и всё рассказал.

Лизавета Ивановна выслушала его с ужасом. И так, эти страстные письма, эти пламенные требования, это дерзкое, упорное преследование, всё это было не любовь! Деньги, — вот чего алкала его душа! Не она могла утолить его желания и осчастливить его! Бедная воспитанница была не что иное, как слепая помощница разбойника, убийцы старой ее благодетельницы!.. Горько заплакала она, в позднем, мучительном своем раскаянии. Германн смотрел на нее, молча: сердце его также терзалось, но ни слезы бедной девушки, ни удивительная прелесть ее горести не тревожили суровой души его. Он не чувствовал угрызения совести при мысли о мертвой старухе. Одно его ужасало: невозвратная потеря тайны, от которой ожидал обогащения.

— Вы чудовище! сказала наконец Лизавета Ивановна.

— Я не хотел ее смерти, отвечал Германн: пистолет мой не заряжен.

Они замолчали.

Утро наступало. Лизавета Ивановна погасила догорающую свечу: бледный свет озарил ее комнату. Она отерла заплаканные глаза и подняла их на Германна: он сидел на окошке, сложа руки и грозно нахмурясь. В этом положении удивительно напоминал он портрет Наполеона. Это сходство поразило даже Лизавету Ивановну.

— Как вам выйти из дому? сказала наконец Лизавета Ивановна. Я думала провести вас по потаенной лестнице, но надобно идти мимо спальни, а я боюсь.

— Расскажите мне, как найти эту потаенную лестницу; я выйду.

Лизавета Ивановна встала, вынула из комода ключ, вручила его Германну и дала ему подробное наставление. Германн пожал ее холодную, безответную руку, поцеловал ее наклоненную голову, и вышел.

Он спустился вниз по витой лестнице, и вошел опять в спальню графини. Мертвая старуха сидела, окаменев; лицо ее выражало глубокое спокойствие. Германн остановился перед нею, долго смотрел на нее, как бы желая удостовериться в ужасной истине; наконец вошел в кабинет, ощупал за обоями дверь, и стал сходить по темной лестнице,

„Пиковая дама“. С рис. *В. И. Шухаева*

волнуемый странными чувствованиями. По этой самой лестнице, думал он, может быть, лет шестьдесят назад, в эту самую спальню, в такой же час, в шитом кафтане, причесанный à l'oiseau royal, прижимая к сердцу треугольную свою шляпу, прокрадывался молодой счастливец, давно уже истлевший в могиле, а сердце престарелой его любовницы сегодня перестало биться...

Под лестницею Германн нашел дверь, которую отпер тем же ключем, и очутился в сквозном коридоре, выведшем его на улицу.

V

В эту ночь явилась ко мне покойница баронесса фон-В***. Она была вся в белом и сказала мне: „Здравствуйте, господин советник!“

Шведенборг.

Три дня после роковой ночи, в девять часов утра, Германн отправился в *** монастырь, где должны были отпевать тело усопшей графини. Не чувствуя раскаяния, он не мог, однако, совершенно заглушить голос совести, твердившей ему: ты убийца старухи! Имея мало истинной веры, он имел множество предрассудков. Он верил, что мертвая графиня могла иметь вредное влияние на его жизнь, — и решился явиться на ее похороны, чтобы испросить у ней прощения.

Церковь была полна. Германн насилу мог пробраться сквозь толпу народа. Гроб стоял на богатом катафалке под бархатным балдахином. Усопшая лежала в нем с руками, сложенными на груди, в кружевном чепце и в белом атласном платье. Кругом стояли ее домашние: слуги в черных кафтанах с гербовыми лентами на плече и со свечами в руках; родственники в глубоком трауре, — дети, внуки и правнуки. Никто не плакал; слезы были бы — une affectation. Графиня так была стара, что смерть ее никого не могла поразить, и что ее родственники давно смотрели на нее, как на отжившую. Молодой архиерей произнес надгробное слово. В простых и трогательных выражениях представил он мирное успение праведницы, которой долгие годы были тихим, умилительным приготовлением к христианской кончине. „Ангел смерти обрел ее, сказал оратор, бодрствующую в помышлениях благих и в ожидании жениха полунощного“. Служба совершилась с печальным приличием. Родственники первые пошли прощаться с телом. Потом двинулись и многочисленные

гости, приехавшие поклониться той, которая так давно была участницею в их суетных увеселениях. После них и все домашние. Наконец приблизилась старая барская барыня, ровесница покойницы. Две молодые девушки вели ее под руки. Она не в силах была поклониться до земли, — и одна пролила несколько слез, поцеловав холодную руку госпожи своей. После нее Германн решился подойти ко гробу. Он поклонился в землю, и несколько минут лежал на холодном полу, усыпанном ельником. Наконец приподнялся, бледен, как сама покойница, взошел на ступени катафалка и поклонился... В эту минуту показалось ему, что мертвая насмешливо взглянула на него, прищуривая одним глазом. Германн, поспешно подавшись назад, оступился, и навзничь грянулся об земь. Его подняли. В то же самое время Лизавету Ивановну вынесли в обмороке на паперть. Этот эпизод возмутил на несколько минут торжественность мрачного обряда. Между посетителями поднялся глухой ропот, а худощавый камергер, близкий родственник покойницы, шепнул на ухо стоящему подле него англичанину, что молодой офицер ее побочный сын, на что англичанин отвечал холодно: Oh?

Целый день Германн был чрезвычайно расстроен. Обедая в уединенном трактире, он, против обыкновения своего, пил очень много, в надежде заглушить внутреннее волнение. Но вино еще более горячило его воображение. Возвратясь домой, он бросился, не раздеваясь, на кровать, и крепко заснул.

Он проснулся уже ночью: луна озаряла его комнату. Он взглянул на часы: было без четверти три. Сон у него прошел; он сел на кровать, и думал о похоронах старой графини.

В это время кто-то с улицы взглянул к нему в окошко, — и тотчас отошел. Германн не обратил на то никакого внимания. Чрез минуту услышал он, что отпирали дверь в передней комнате. Германн думал, что денщик его, пьяный по своему обыкновению, возвращался с ночной прогулки. Но он услышал незнакомую походку: кто-то ходил, тихо шаркая туфлями. Дверь отворилась, вошла женщина в белом платье. Германн принял ее за свою старую кормилицу, и удивился, что могло привести ее в такую пору. Но белая женщина, скользнув, очутилась вдруг перед ним, — и Германн узнал графиню!

— Я пришла к тебе против своей воли, — сказала она твердым голосом: — но мне велено исполнить твою просьбу. Тройка, семерка и туз выиграют тебе сряду, — но с тем, чтоб ты в сутки более одной карты не ставил, и чтоб во всю жизнь уже после не играл. Прощаю тебе мою смерть, с тем, чтоб ты женился на моей воспитаннице Лизавете Ивановне...

С этим словом она тихо повернулась, пошла к дверям, и скрылась, шаркая туфлями. Германн слышал, как хлопнула дверь в сенях, и увидел, что кто-то опять поглядел к нему в окошко.

Германн долго не мог опомниться. Он вышел в другую комнату. Денщик его спал на полу; Германн насилу его добудился. Денщик был пьян по обыкновению: от него нельзя было добиться никакого толку. Дверь в сени была заперта. Германн возвратился в свою комнату, засветил свечку, и записал свое видение.

VI

— *Атанде*!
— Как вы смели мне сказать *атанде*?
— Ваше превосходительство, я сказал *атанде-с*!

Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же, как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место. Тройка, семерка, туз — скоро заслонили в воображении Германна образ мертвой старухи. Тройка, семерка, туз — не выходили из его головы и шевелились на его губах. Увидев молодую девушку, он говорил: — Как она стройна!.. Настоящая тройка червонная. У него спрашивали: который час, он отвечал: — без пяти минут семерка. — Всякой пузастый мужчина напоминал ему туза. Тройка, семерка, туз — преследовали его во сне, принимая все возможные виды. Тройка цвела перед ним в образе пышного грандифлора, семерка представлялась готическими воротами, туз огромным пауком. Все мысли его слились в одну, — воспользоваться тайной, которая дорого ему стоила. Он стал думать об отставке и о путешествии. Он хотел в открытых игрецких домах Парижа вынудить клад у очарованной фортуны. Случай избавил его от хлопот.

В Москве составилось общество богатых игроков, под председательством славного Чекалинского, проведшего весь век за картами и нажившего некогда миллионы, выигрывая векселя и проигрывая чистые деньги. Долговременная опытность заслужила ему доверенность товарищей, а открытый дом, славный повар, ласковость и веселость приобрели уважение публики. Он приехал в Петербург. Молодежь к нему нахлынула, забывая балы для карт и предпочитая соблазны фараона обольщениям волокитства. Нарумов привез к нему Германна.

Они прошли ряд великолепных комнат, наполненных учтивыми официантами. Несколько генералов и тайных советников играли в вист;

молодые люди сидели, развалясь на штофных диванах, ели мороженое и курили трубки. В гостиной за длинным столом, около которого теснилось человек двадцать игроков, сидел хозяин и метал банк. Он был человек лет шестидесяти, самой почтенной наружности; голова покрыта была серебряной сединою; полное и свежее лицо изображало добродушие; глаза блистали, оживленные всегдашнею улыбкою. Нарумов представил ему Германна. Чекалинский дружески пожал ему руку, просил не церемониться, и продолжал метать.

Талья длилась долго. На столе стояло более тридцати карт. Чекалинский останавливался после каждой прокидки, чтобы дать играющим время распорядиться, записывал проигрыш, учтиво вслушивался в их требования, еще учтивее отгибал лишний угол, загибаемый рассеянною рукою. Наконец талья кончилась. Чекалинский стасовал карты, и приготовился метать другую.

— Позвольте поставить карту, сказал Германн, протягивая руку из-за толстого господина, тут же понтировавшего. Чекалинский улыбнулся и поклонился, молча, в знак покорного согласия. Нарумов, смеясь, поздравил Германна с разрешением долговременного поста, и пожелал ему счастливого начала.

— Идет! сказал Германн, подписав мелом куш над своею картою.

— Сколько-с? спросил, прищуриваясь, банкомет: извините-с, я не разгляжу.

— Сорок семь тысяч, отвечал Германн.

При этих словах все головы обратились мгновенно, и все глаза устремились на Германна. — Он с ума сошел! подумал Нарумов.

— Позвольте заметить вам, сказал Чекалинский с неизменной своею улыбкою, что игра ваша сильна: никто более двухсот семидесяти пяти семпелем здесь еще не ставил.

— Что ж? возразил Германн: бьете вы мою карту или нет?

Чекалинский поклонился с видом того же смиренного согласия.

— Я хотел только вам доложить, сказал он, что, будучи удостоен доверенности товарищей, я не могу метать иначе, как на чистые деньги. С моей стороны я, конечно, уверен, что довольно вашего слова, но для порядка игры и счетов прошу вас поставить деньги на карту.

Германн вынул из кармана банковый билет и подал его Чекалинскому, который, бегло посмотрев его, положил на Германнову карту.

Он стал метать. Направо легла девятка, налево тройка.

— Выиграла! сказал Германн, показывая свою карту.

Между игроками поднялся шопот. Чекалинский нахмурился, но улыбка тотчас возвратилась на его лицо.

— Изволите получить? спросил он Германна.

— Сделайте одолжение.

Чекалинский вынул из кармана несколько банковых билетов, и тотчас расчелся. Германн принял свои деньги и отошел от стола. Нарумов не мог опомниться. Германн выпил стакан лимонаду и отправился домой.

На другой день вечером, он опять явился у Чекалинского. Хозяин метал. Германн подошел к столу; понтеры тотчас дали ему место. Чекалинский ласково ему поклонился.

Германн дождался новой тальи, поставил карту, положив на нее свои сорок семь тысяч и вчерашний выигрыш.

Чекалинский стал метать. Валет выпал направо, семерка налево.

Германн открыл семерку.

Все ахнули. Чекалинский видимо смутился. Он отсчитал девяносто четыре тысячи и передал Германну. Германн принял их с хладнокровием, и в ту же минуту удалился.

В следующий вечер Германн явился опять у стола. Все его ожидали. Генералы и тайные советники оставили свой вист, чтоб видеть игру, столь необыкновенную. Молодые офицеры соскочили с диванов; все официанты собрались в гостиной. Все обступили Германна. Прочие игроки не поставили своих карт, с нетерпением ожидая, чем он кончит. Германн стоял у стола, готовясь один понтировать противу бледного, но всё улыбающегося, Чекалинского. Каждый распечатал колоду карт. Чекалинский стасовал. Германн снял, и поставил свою карту, покрыв ее кипой банковых билетов. Это похоже было на поединок. Глубокое молчание царствовало кругом.

Чекалинский стал метать, руки его тряслись. Направо легла дама, налево туз.

— Туз выиграл! — сказал Германн и открыл свою карту.

— Дама ваша убита, сказал ласково Чекалинский.

Германн вздрогнул: в самом деле, вместо туза, у него стояла пиковая дама. Он не верил своим глазам, не понимая, как мог он обдернуться.

В эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмехнулась. Необыкновенное сходство поразило его...

— Старуха! закричал он в ужасе.

Чекалинский потянул к себе проигранные билеты. Германн стоял неподвижно. Когда отошел он от стола, поднялся шумный говор. — Славно спонтировал! говорили игроки. — Чекалинский снова стасовал карты: игра пошла своим чередом.

Заключение

Германн сошел с ума. Он сидит в Обуховской больнице в 17 нумере, не отвечает ни на какие вопросы и бормочет необыкновенно скоро: — Тройка, семерка, туз! Тройка, семерка, дама!..

Лизавета Ивановна вышла замуж за очень любезного молодого человека; он где-то служит и имеет порядочное состояние: он сын бывшего управителя у старой графини. У Лизаветы воспитывается бедная родственница.

Томский произведен в ротмистры и женится на княжне Полине.

КИРДЖАЛИ

Повесть

Кирджали был родом булгар. Кирджали на турецком языке значит витязь, удалец. Настоящего его имени я не знаю.

Кирджали своими разбоями наводил ужас на всю Молдавию. Чтоб дать об нем некоторое понятие, расскажу один из его подвигов. Однажды ночью он и арнаут Михайлаки напали вдвоем на булгарское селение. Они зажгли его с двух концов, и стали переходить из хижины в хижину. Кирджали резал, а Михайлаки нес добычу. Оба кричали: Кирджали! Кирджали! Всё селение разбежалось.

Когда Александр Ипсиланти обнародовал возмущение и начал набирать себе войско, Кирджали привел к нему несколько старых своих товарищей. Настоящая цель этерии была им худо известна, но война представляла случай обогатиться на счет турок, а может быть и молдаван — и это казалось им очевидно.

Александр Ипсиланти был лично храбр, но не имел свойств нужных для роли, за которую взялся так горячо и так неосторожно. Он не умел сладить с людьми, которыми принужден был предводительствовать. Они не имели к нему ни уважения, ни доверенности. После несчастного сражения, где погиб цвет греческого юношества, Иордаки Олимбиоти присоветовал ему удалиться, и сам заступил его место. Ипсиланти ускакал к границам Австрии, и оттуда послал свое проклятие людям, которых называл ослушниками, трусами и негодяями. Эти трусы и негодяи, большею частию, погибли в стенах монастыря Секу или на берегах Прута, отчаянно защищаясь противу неприятеля вдесятеро сильнейшего.

Кирджали находился в отряде Георгия Кантакузина, о котором можно повторить то же самое, что сказано о Ипсиланти. Накануне сражения под Скулянами, Кантакузин просил у русского начальства позволение вступить в наш карантин. Отряд остался без предводителя; но Кирджали, Сафианос, Кантагони и другие не находили никакой нужды в предводителе.

Сражение под Скулянами, кажется, никем не описано во всей его трогательной истине. Вообразите себе 700 человек арнаутов, албанцев, греков, булгар и всякого сброду, не имеющих понятия о военном искусстве и отступающих в виду пятнадцати тысяч турецкой конницы. Этот отряд прижался к берегу Прута и выставил перед собою две маленькие пушечки, найденные в Яссах на дворе господаря, и из которых, бывало, палили во время именинных обедов. Турки рады были бы действовать картечью, но не смели без позволения русского начальства: картечь непременно перелетела бы на наш берег. Начальник карантина (ныне уже покойник), сорок лет служивший в военной службе, отроду не слыхивал свиста пуль, но тут бог привел услышать. Несколько их прожужжали мимо его ушей. Старичок ужасно рассердился, и разбранил за то маиора Охотского пехотного полка, находившегося при карантине. Маиор, не зная, что делать, побежал к реке, за которой гарцовали делибаши, и погрозил им пальцем. Делибаши, увидя это, повернулись и ускакали, а за ними и весь турецкий отряд. Маиор, погрозивший пальцем, назывался Хорчевский. Не знаю, что с ним сделалось.

На другой день, однако ж, турки атаковали этеристов. Не смея употреблять ни картечи, ни ядер, они решились, вопреки своему обыкновению, действовать холодным оружием. Сражение было жестоко. Резались атаганами. Со стороны турков замечены были копья, дотоле у них не бывалые: эти копья были русские: некрасовцы сражались в их рядах. Этеристы, с разрешения нашего государя, могли перейти Прут, и скрыться в нашем карантине. Они начали переправляться. Кантагони и Сафьянос остались последние на турецком берегу. Кирджали, раненый накануне, лежал уже в карантине. Сафьянос был убит. Кантагони, человек очень толстый, ранен был копьем в брюхо. Он одной рукой поднял саблю, другою схватился за вражеское копье, всадил его в себя глубже, и таким образом мог достать саблею своего убийцу, с которым вместе и повалился.

Всё было кончено. Турки остались победителями. Молдавия была очищена. Около шести сот арнаутов рассыпались по Бессарабии; не ведая, чем себя прокормить, они всё же были благодарны России за ее покровительство. Они вели жизнь праздную, но не беспутную. Их можно всегда было видеть в кофейнях полутурецкой Бессарабии, с длинными чубуками во рту, прихлебывающих кофейную гущу из маленьких чашечек. Их узорные куртки и красные востроносые туфли начинали уж изнашиваться, но хохлатая скуфейка всё же еще надета была на бекрень, а атаганы и пистолеты всё еще торчали из-за широких поясов. Никто на них не жаловался. Нельзя было и подумать, чтоб эти мирные бед-

няки были известнейшие клефты Молдавии, товарищи грозного Кирджали, и чтоб он сам находился между ими.

Паша, начальствовавший в Яссах, о том узнал и, на основании мирных договоров, потребовал от русского начальства выдачи разбойника.

Полиция стала доискиваться. Узнали, что Кирджали в самом деле находится в Кишиневе. Его поймали в доме беглого монаха, вечером, когда он ужинал, сидя в потемках с семью товарищами.

Кирджали засадили под караул. Он не стал скрывать истины, и признался, что он Кирджали. „Но, — прибавил он, — с тех пор, как я перешел за Прут, я не тронул ни волоса чужого добра, не обидел и последнего цыгана. Для турков, для молдаван, для валахов я конечно разбойник, но для русских я гость. Когда Сафьянос, расстреляв всю свою картечь, пришел к нам в карантин, отбирая у раненых для последних зарядов пуговицы, гвозди, цепочки и набалдашники с атаганов, я отдал ему двадцать бешлыков и остался без денег. Бог видит, что я, Кирджали, жил подаянием! За что же теперь русские выдают меня моим врагам?“ После того Кирджали замолчал и спокойно стал ожидать разрешения своей участи.

Он дожидался не долго. Начальство, не обязанное смотреть на разбойников с их романтической стороны и убежденное в справедливости требования, повелело отправить Кирджали в Яссы.

Человек с умом и сердцем, в то время неизвестный молодой чиновник, ныне занимающий важное место, живо описывал мне его отъезд.

У ворот острога стояла почтовая каруца... (Может быть, вы не знаете, что такое каруца. Это низенькая плетеная тележка, в которую еще недавно впрягались обыкновенно шесть или восемь клячонок. Молдаван в усах и в бараньей шапке, сидя верхом на одной из них, поминутно кричал и хлопал бичом, и клячонки его бежали рысью довольно крупной. Если одна из них начинала приставать, то он отпрягал ее с ужасными проклятиями, и бросал на дороге, не заботясь об ее участи. На обратном пути он уверен был найти ее на том же месте, спокойно пасущуюся на зеленой степи. Нередко случалось, что путешественник, выехавший из одной станции на осьми лошадях, приезжал на другую на паре. Так было лет пятнадцать тому назад. Ныне в обрусевшей Бессарабии переняли русскую упряжь и русскую телегу.)

Таковая каруца стояла у ворот острога в 1821 году, в одно из последних чисел сентября месяца. Жидовки, спустя рукава и шлепая туфлями, арнауты в своем оборванном и живописном наряде, стройные

молдаванки с черноглазыми ребятами на руках, окружали каруцу. Мужчины хранили молчание, женщины с жаром чего-то ожидали.

Ворота отворились, и несколько полицейских офицеров вышли на улицу; за ними двое солдат вывели скованного Кирджали.

Он казался лет тридцати. Черты смуглого лица его были правильны и суровы. Он был высокого росту, широкоплеч, и вообще в нем изображалась необыкновенная физическая сила. Пестрая чалма наискось покрывала его голову, широкий пояс обхватывал тонкую поясницу; доломан из толстого синего сукна, широкие складки рубахи, падающие выше колен, и красивые туфли составляли остальной его наряд. Вид его был горд и спокоен.

Один из чиновников, красноражий старичок, в полинялом мундире, на котором болтались три пуговицы, прищемил оловянными очками багровую шишку, заменявшую у него нос, развернул бумагу и, гнуся, начал читать на молдавском языке. Время от времени он надменно взглядывал на скованного Кирджали, к которому, повидимому, относилась бумага. Кирджали слушал его со вниманием. Чиновник кончил свое чтение, сложил бумагу, грозно прикрикнул на народ, приказав ему раздаться — и велел подвезти каруцу. Тогда Кирджали обратился к нему, и сказал ему несколько слов на молдавском языке; голос его дрожал, лицо изменилось; он заплакал и повалился в ноги полицейского чиновника, загремев своими цепями. Полицейский чиновник, испугавшись, отскочил; солдаты хотели было приподнять Кирджали, но он встал сам, подобрал свои кандалы, шагнул в каруцу и закричал: *гайда!* Жандарм сел подле него, молдаван хлопнул бичом, и каруца покатилась.

— Что это говорил вам Кирджали? — спросил молодой чиновник у полицейского.

— Он (видите-с) просил меня, — отвечал, смеясь, полицейский, — чтоб я позаботился о его жене и ребенке, которые живут недалече от Килии в болгарской деревне — он боится, чтоб и они *из-за него* не пострадали. Народ глупый-с.

Рассказ молодого чиновника сильно меня тронул. Мне было жаль бедного Кирджали. Долго не знал я ничего об его участи. Несколько лет уж спустя, встретился я с молодым чиновником. Мы разговорились о прошедшем.

— А что ваш приятель Кирджали? — спросил я, — не знаете ли, что с ним сделалось?

— Как не знать, — отвечал он, и рассказал мне следующее:

Кирджали, привезенный в Яссы, представлен был паше, который присудил его быть посажену на кол. Казнь отсрочили до какого-то праздника. Покамест заключили его в тюрьму.

Невольника стерегли семеро турок (люди простые и в душе такие же разбойники, как и Кирджали); они уважали его, и с жадностию, общею всему Востоку, слушали его чудные рассказы.

Между стражами и невольником завелась тесная связь. Однажды Кирджали сказал им: Братья! час мой близок. Никто своей судьбы не избежит. Скоро я с вами расстанусь. Мне хотелось бы вам оставить что-нибудь на память.

Турки развесили уши.

— Братья, — продолжал Кирджали, — три года тому назад, как я разбойничал с покойным Михайлаки, мы зарыли в степи недалече от Ясс котел с *гальбинами*. Видно ни мне, ни ему не владеть этим кладом. Так и быть: возьмите его себе, и разделите его полюбовно.

Турки чуть с ума не сошли. Пошли толки, как им будет найти заветное место? Думали, думали и положили, чтобы Кирджали сам их повел.

Настала ночь. Турки сняли оковы с ног невольника, связали ему руки веревкою, и с ним отправились из города в степь.

Кирджали их повел, держась одного направления, от одного кургана к другому. Они шли долго. Наконец Кирджали остановился близ широкого камня, отмерил двенадцать шагов на полдень, топнул и сказал: *здесь*.

Турки распорядились. Четверо вынули свои атаганы и начали копать землю. Трое остались на страже. Кирджали сел на камень, и стал смотреть на их работу.

— Ну что, скоро ли?—спрашивал он,—дорылись ли?

— Нет еще, отвечали турки, и работали так, что пот лил с них градом.

Кирджали стал оказывать нетерпение.

— Экой народ, — говорил он. — И землю-то копать порядочно не умеют. Да у меня дело было бы кончено в две минуты. Дети! развяжите мне руки, дайте атаган.

Турки призадумались, и стали советоваться. — Что же? (решили они) развяжем ему руки, дадим атаган. Что за беда? Он один, нас семеро.—И турки развязали ему руки и дали ему атаган.

Наконец Кирджали был свободен и вооружен. Что-то должен он был почувствовать!.. Он стал проворно копать, сторожа ему помогали...

Вдруг он в одного из них вонзил свой атаган и, оставя булат в его груди, выхватил из-за его пояса два пистолета.

Остальные шесть, увидя Кирджали вооруженного двумя пистолетами, разбежались.

Кирджали ныне разбойничает около Ясс. Недавно писал он господарю, требуя от него пяти тысяч *левов* и грозясь, в случае неисправности в платеже, зажечь Яссы, и добраться до самого господаря. Пять тысяч левов были ему доставлены.

Каков Кирджали?

ЕГИПЕТСКИЕ НОЧИ

Глава I

— Quel est cet homme?
— Ha, c'est un bien grand talent, il fait de sa voix tout ce qu'il veut.
— Il devroit bien, madame, s'en faire une culotte.

Чарский был один из коренных жителей Петербурга. Ему не было еще тридцати лет; он не был женат; служба не обременяла его. Покойный дядя его, бывший виц-губернатором в хорошее время, оставил ему порядочное имение. Жизнь его могла быть очень приятна; но он имел несчастие писать и печатать стихи. В журналах звали его поэтом, а в лакейских сочинителем.

Несмотря на великие преимущества, коими пользуются стихотворцы (признаться, кроме права ставить винительный падеж вместо родительного и еще кой-каких, так называемых, поэтических вольностей, мы никаких особенных преимуществ за русскими стихотворцами не ведаем) — как бы то ни было, несмотря на всевозможные их преимущества, эти люди подвержены большим невыгодам и неприятностям. Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его звание и прозвище, которым он заклеймен и которое никогда от него не отпадает. Публика смотрит на него, как на свою собственность; по ее мнению, он рожден для ее *пользы и удовольствия*. Возвратится ли он из деревни, первый встречный спрашивает его: не привезли ли вы нам чего-нибудь новенького? Задумается ли он о расстроенных своих делах, о болезни милого ему человека, тотчас пошлая улыбка сопровождает пошлое восклицание: верно что-нибудь сочиняете! Влюбится ли он?—красавица его покупает себе альбом в английском магазине и ждет уж элегии. Приедет ли он к человеку, почти с ним незнакомому, поговорить о важном деле, тот уж кличет своего сынка и заставляет читать стихи такого-то; и мальчишка угощает стихотворца его же изуродованными стихами. А это

еще цветы ремесла! Каковы же должны быть невзгоды? Чарский признавался, что приветствия, запросы, альбомы и мальчишки так ему надоедали, что поминутно принужден он был удерживаться от какой-нибудь грубости.

Чарский употреблял всевозможные старания, чтобы сгладить с себя несносное прозвище. Он избегал общества своей братьи литераторов и предпочитал им светских людей, даже самых пустых. Разговор его был самый пошлый и никогда не касался литературы. В своей одежде он всегда наблюдал самую последнюю моду с робостию и суеверием молодого москвича, в первый раз отроду приехавшего в Петербург. В кабинете его, убранном как дамская спальня, ничто не напоминало писателя; книги не валялись по столам и под столами; диван не был обрызган чернилами; не было того беспорядка, который обличает присутствие музы и отсутствие метлы и щетки. Чарский был в отчаянии, если кто-нибудь из светских его друзей заставал его с пером в руках. Трудно поверить, до каких мелочей мог доходить человек, одаренный впрочем талантом и душою. Он прикидывался то страстным охотником до лошадей, то отчаянным игроком, то самым тонким гастрономом; хотя никак не мог различить горской породы от арабской, никогда не помнил козырей и втайне предпочитал печеный картофель всевозможным изобретениям французской кухни. Он вел жизнь самую рассеянную; торчал на всех балах, объедался на всех дипломатических обедах, и на всяком званом вечере был так же неизбежим, как резановское мороженое. Однако ж он был поэт, и страсть его была неодолима: когда находила на него такая *дрянь* (так называл он вдохновение), Чарский запирался в своем кабинете и писал с утра до поздней ночи. Он признавался искренним своим друзьям, что только тогда и знал истинное счастие. Остальное время он гулял, чинясь и притворяясь и слыша поминутно славный вопрос: не написали ли вы чего-нибудь новенького?

Однажды утром Чарский чувствовал то благодатное расположение духа, когда мечтания явственно рисуются перед вами, и вы обретаете живые, неожиданные слова для воплощения видений ваших, когда стихи легко ложатся под перо ваше, и звучные рифмы бегут навстречу стройной мысли.— Чарский погружен был душою в сладостное забвение... и свет, и мнения света, и его собственные причуды для него не существовали.— Он писал стихи.

Вдруг дверь его кабинета скрыпнула, и незнакомая голова показалась. Чарский вздрогнул и нахмурился.

— *Кто там?*— спросил он с досадою, проклиная в душе своих слуг, никогда не сидевших в передней.

Незнакомец вошел. Он был высокого росту, худощав и казался лет тридцати. Черты смуглого его лица были выразительны: бледный высокий лоб, осененный черными клоками волос, черные сверкающие глаза, орлиный нос и густая борода, окружающая впалые желтосмуглые щеки, обличали в нем иностранца. На нем был черный фрак, побелевший уже по швам; панталоны летние (хотя на дворе стояла уже глубокая осень); под истертым черным галстуком на его желтоватой манишке блестел фальшивый алмаз; шершавая шляпа, казалось, видала и вёдро и ненастье. Встретясь с этим человеком в лесу, вы приняли бы его за разбойника; в обществе — за политического заговорщика; в передней — за шарлатана, торгующего элексирами и мышьяком.

— Что вам надобно? — спросил его Чарский на французском языке.

— Signor, — отвечал иностранец с низкими поклонами, — Lei voglia perdonarmi si...

Чарский не предложил ему стула и встал сам, разговор продолжался на италианском языке.

— Я неаполитанский художник, — говорил незнакомый, — обстоятельства принудили меня оставить отечество; я приехал в Россию в надежде на свой талант.

Чарский подумал, что неаполитанец собирается дать несколько концертов на виолончеле и развозит по домам свои билеты. Он уж хотел вручить ему свои двадцать пять рублей и скорее от него избавиться, но незнакомец прибавил:

— Надеюсь, signor, что вы сделаете дружеское вспоможение своему собрату и введете меня в дома, в которые сами имеете доступ.

Невозможно было нанести тщеславию Чарского оскорбления более чувствительного. Он спесиво взглянул на того, кто назывался его собратом.

— Позвольте спросить, кто вы такой, и за кого вы меня принимаете? — спросил он, с трудом удерживая свое негодование.

Неаполитанец заметил его досаду.

— Signor, — отвечал он запинаясь... — Ho creduto... Ho sentito... la vostra eccelenza mi perdonera...

— Что вам угодно? — повторил сухо Чарский.

— Я много слыхал о вашем удивительном таланте; я уверен, что здешние господа ставят за честь оказывать всевозможное покровительство такому превосходному поэту, — отвечал итальянец, — и потому осмелился к вам явиться...

— Вы ошибаетесь, signor, — прервал его Чарский, — звание поэтов у нас не существует. Наши поэты не пользуются покровительством господ:

наши поэты сами господа, и если наши меценаты (чорт их побери!) этого не знают, тем хуже для них. У нас нет оборванных аббатов, которых музыкант брал бы с улицы для сочинения libretto. У нас поэты не ходят пешком из дому в дом, выпрашивая себе вспоможения. Впрочем, вероятно, вам сказали в шутку, будто я великий стихотворец. Правда, я когда-то написал несколько плохих эпиграмм, но, слава богу, с господами стихотворцами ничего общего не имею и иметь не хочу.

Бедный итальянец смутился. Он поглядел вокруг себя. Картины, мраморные статуи, бронзы, дорогие игрушки, расставленные на готических этажерках, — поразили его. Он понял, что между надменным dandy, стоящим перед ним в хохлатой парчевой скуфейке, в золотистом китайском халате, опоясанном турецкой шалью, и им, бедным кочующим артистом, в истертом галстуке и поношенном фраке — ничего не было общего. Он проговорил несколько несвязных извинений, поклонился и хотел выдти. Жалкий вид его тронул Чарского, который, вопреки мелочам своего характера, имел сердце доброе и благородное. Он устыдился раздражительности своего самолюбия.

— Куда же вы? — сказал он итальянцу. — Постойте... Я должен был отклонить от себя незаслуженное титло и признаться вам, что я не поэт. Теперь поговорим о ваших делах. Я готов вам услужить, в чем только будет возможно. Вы музыкант?

— Нет, eccelenza! — отвечал итальянец, — я бедный импровизатор.

— Импровизатор! — вскрикнул Чарский, почувствовав всю жестокость своего обхождения. — Зачем же вы прежде не сказали, что вы импровизатор? — и Чарский сжал ему руку с чувством искреннего раскаяния.

Дружеский вид его ободрил италиянца. Он простодушно разговорился о своих предположениях. Наружность его не была обманчива. Ему деньги были нужны; он надеялся в России коё-как поправить свои домашние обстоятельства. Чарский выслушал его со вниманием.

— Я надеюсь, — сказал он бедному художнику, — что вы будете иметь успех: здешнее общество никогда еще не слыхало импровизатора. Любопытство будет возбуждено; правда, итальянский язык у нас не в употреблении; вас не поймут; но это не беда; главное — чтоб вы были в моде.

— Но если у вас никто не понимает итальянского языка, — сказал призадумавшись импровизатор, — кто ж поедет меня слушать?

— Поедут, — не опасайтесь: иные из любопытства, другие, чтоб провести вечер как-нибудь, третьи, чтоб показать, что понимают итальянский

язык; повторяю, надобно только, чтоб вы были в моде; а вы уж будете в моде, вот вам моя рука.

Чарский ласково расстался с импровизатором, взяв себе его адрес, и — — —

В тот же вечер он поехал за него хлопотать.

Глава II

Я царь, я раб, я червь, я бог.

Державин.

На другой день Чарский в темном и нечистом коридоре трактира отыскивал 35-й номер. Он остановился у двери и постучался. Вчерашний италиянец отворил ее.

— Победа! — сказал ему Чарский, — ваше дело в шляпе. Княгиня ** дает вам свою залу — вчера на рауте я успел завербовать половину Петербурга; печатайте билеты и объявления. Ручаюсь вам, если не за триумф, то по крайней мере за барыш...

— А это главное! — вскричал италиянец, изъявляя свою радость живыми движениями, свойственными южной его породе. — Я знал, что вы мне поможете. Corpo di Bacco! Вы поэт, так же, как и я; а что ни говори, поэты славные ребята! Как изъявлю вам мою благодарность? Постойте... хотите ли выслушать импровизацию?

— Импровизацию!.. разве вы можете обойтиться и без публики, и без музыки, и без грома рукоплесканий?

— Пустое, пустое! где найти мне лучшую публику? Вы поэт, вы поймете меня лучше их, и ваше тихое ободрение дороже мне целой бури рукоплесканий... Садитесь где-нибудь и задайте мне тему. —

Чарский сел на чемодане (из двух стульев, находившихся в тесной конурке, один был сломан, другой завален бумагами и бельем). Импровизатор взял со стола гитару — и стал перед Чарским, перебирая струны костливыми пальцами и ожидая его заказа.

— Вот вам тема, — сказал ему Чарский, — *поэт сам избирает предметы для своих песен; толпа не имеет права управлять его вдохновением.*

Глаза италиянца засверкали — он взял несколько аккордов — гордо поднял голову, и пылкие строфы, выражение мгновенного чувства, стройно излетели из уст его... Вот они, вольно переданные одним из наших приятелей со слов, сохранившихся в памяти Чарского.

. . . .

Италиянец умолк... Чарский молчал, изумленный и растроганный.—

— Ну что?— спросил импровизатор.

Чарский схватил его руку и сжал ее крепко.

— Что? — спросил импровизатор,— каково?

— Удивительно, — отвечал поэт. — Как? чужая мысль чуть коснулась вашего слуха, и уже стала вашею собственностию, как будто вы с нею носились, лелеяли, развивали ее беспрестанно. Итак, для вас не существует ни труда, ни охлаждения, ни этого беспокойства, которое предшествует вдохновению?.. Удивительно, удивительно!..

Импровизатор отвечал:

— Всякий талант неизъясним. Каким образом ваятель в куске каррарского мрамора видит сокрытого Юпитера и выводит его на свет, резцом и молотом раздробляя его оболочку? Почему мысль из головы поэта выходит уже вооруженная четырьмя рифмами, размеренная стройными, однообразными стопами? — Так никто, кроме самого импровизатора, не может понять эту быстроту впечатлений, эту тесную связь между собственным вдохновением и чуждой внешнею волею — тщетно я сам захотел бы это изъяснять. Однако... надобно подумать о моем первом вечере. Как вы полагаете? Какую цену можно будет назначить за билет, чтобы публике не слишком было тяжело, и чтобы я между тем не остался в накладе? Говорят, la signora Catalani брала по 25 рублей? Цена хорошая...

Неприятно было Чарскому с высоты поэзии вдруг упасть под лавку конторщика; но он очень хорошо понимал житейскую необходимость и пустился с италиянцем в меркантильные расчеты. Италиянец при сем случае обнаружил такую дикую жадность, такую простодушную любовь к прибыли, что он опротивел Чарскому, который поспешил его оставить, чтобы не совсем утратить чувство восхищения, произведенное в нем блестящим импровизатором. Озабоченный италиянец не заметил этой перемены и проводил <его> по коридору и по лестнице с глубокими поклонами и уверениями в вечной благодарности.

Глава III

Цена за билет 10 рублей;
начало в 7 часов.

Афишка.

Зала княгини ** отдана была в распоряжение импровизатору. Подмостки были сооружены; стулья расставлены в двенадцать рядов; в назначенный день, с семи часов вечера, зала была освещена, у дверей перед столиком для продажи и приема билетов сидела старая долгоносая жен-

щина в серой шляпе с надломленными перьями и с перстнями на всех пальцах. У подъезда стояли жандармы. Публика начала собираться. Чарский приехал из первых. Он принимал большое участие в успехе представления и хотел видеть импровизатора, чтоб узнать, всем ли он доволен. Он нашел итальянца в боковой комнатке, с нетерпением посматривающего на часы. Итальянец одет был театрально; он был в черном с ног до головы; кружевной воротник его рубашки был откинут, голая шея своею странной белизною ярко отделялась от густой и черной бороды, волоса опущенными клоками осеняли ему лоб и брови. Всё это очень не понравилось Чарскому, которому неприятно было видеть поэта в одежде заезжего фигляра. Он после короткого разговора возвратился в залу, которая более и более наполнялась.

Вскоре все ряды кресел были заняты блестящими дамами; мужчины стесненной рамою стали у подмостков, вдоль стен и за последними стульями. Музыканты с своими пульпитрами занимали обе стороны подмостков. Посредине стояла на столе фарфоровая ваза. Публика была многочисленна. Все с нетерпением ожидали начала; наконец в половине осьмого музыканты засуетились, приготовили смычки и заиграли увертюру из „Танкреда". — — — Всё уселось и примолкло — последние звуки увертюры прогремели... И импровизатор, встреченный оглушительным плеском, поднявшимся со всех сторон, с низкими поклонами приблизился к самому краю подмостков.

Чарский с беспокойством ожидал, какое впечатление произведет первая минута, но он заметил, что наряд, который показался ему так неприличен, не произвел того же действия на публику: сам Чарский не нашел ничего в нем смешного, когда увидел его на подмостках, с бледным лицом, ярко освещенным множеством ламп и свечей. Плеск утих; говор умолк.

... Италиянец, изъясняясь на плохом французском языке, просил господ посетителей назначить несколько тем, написав их на особых бумажках. При этом неожиданном приглашении все молча поглядели друг на друга, и никто ничего не отвечал. Италиянец, подождав немного, повторил свою просьбу робким и смиренным голосом. Чарский стоял под самыми подмостками, им овладело беспокойство; он предчувствовал, что дело без него не обойдется и что принужден он будет написать свою тему. В самом деле, несколько дамских головок обратились к нему и стали вызывать его сперва вполголоса, потом громче и громче. Услыша имя его, импровизатор отыскал его глазами у своих ног и подал ему карандаш и клочок бумаги с дружескою улыбкою. Играть роль в этой комедии казалось Чарскому очень неприятно, но делать было

нечего; он взял карандаш и бумагу из рук италиянца, написал несколько слов; италиянец, взяв со стола вазу, сошел с подмостков, поднес ее Чарскому, который бросил в нее свою тему. Его пример подействовал; два журналиста, в качестве литераторов, почли обязанностию написать каждый по теме; секретарь неаполитанского посольства и молодой <человек>, недавно возвратившийся из путешествия, бредя о Флоренции, — положили в урну свои свернутые бумажки; наконец, одна некрасивая девица, по приказанию своей матери, со слезами на глазах написала несколько строк по-италиянски и, покраснев по уши, отдала их импровизатору, между тем как дамы смотрели на нее молча, с едва заметной усмешкою. Возвратясь на свои подмостки, импровизатор поставил урну на стол и стал вынимать бумажки одну за другой, читая каждую вслух:

— Семейство Ченчи (La famiglia dei Cenci).

L'ultimo giorno di Pompeia.

Cleopatra e i suoi amanti.

La primavera veduta da una prigione.

Il trionfo di Tasso.

— Что прикажет почтенная публика? — спросил смиренный италиянец, — назначит ли мне сама один из предложенных предметов, или предоставит решить это жребию?..

— Жребий!.. — сказал один голос из толпы. — Жребий, жребий! — повторила публика.

Импровизатор сошел опять с подмостков, держа в руках урну, и спросил, кому угодно будет вынуть тему? Импровизатор обвел умоляющим взором первые ряды стульев. Ни одна из блестящих дам, тут сидевших, не тронулась. Импровизатор, не привыкший к северному равнодушию, казалось, страдал... вдруг заметил он в стороне поднявшуюся ручку в белой маленькой перчатке — он с живостию оборотился и подошел к молодой величавой красавице, сидевшей на краю второго ряда. Она встала безо всякого смущения и со всевозможною простотою опустила в урну аристократическую ручку и вынула сверток.

— Извольте развернуть и прочитать, — сказал ей импровизатор. Красавица развернула бумажку и прочла вслух: Cleopatra e i suoi amanti. — Эти слова были произнесены тихим голосом, но в зале царствовала такая тишина, что все их услышали. Импровизатор низко поклонился прекрасной даме с видом глубокой благодарности и возвратился на свои подмостки.

— Господа, — сказал он, обратясь к публике, — жребий назначил мне предметом импровизации Клеопатру и ее любовники. Покорно

прошу особу, избравшую эту тему, пояснить мне свою мысль: о каких любовниках здесь идет речь, perché la grande regina aveva molto *...

При сих словах многие мужчины громко засмеялись. Импровизатор немного смутился.

— Я желал бы знать, — продолжал он, — на какую историческую черту намекала особа, избравшая эту тему... Я буду весьма благодарен, если угодно ей будет изъясниться.

Никто не торопился отвечать. Несколько дам оборотили взоры на некрасивую девушку, написавшую тему по приказанию своей матери. Бедная девушка заметила это неблагосклонное внимание и так смутилась, что слезы повисли на ее ресницах... Чарский не мог этого вынести и, обратясь к импровизатору, сказал ему на италиянском языке:

— Тема предложена мною. Я имел в виду показание Аврелия Виктора, который пишет, будто бы Клеопатра назначила смерть ценою своей любви, и что нашлись обожатели, которых таковое условие не испугало и не отвратило... мне кажется, однако, что предмет немного затруднителен... не выберете ли вы другого?..

Но уже импровизатор чувствовал приближение бога... он дал знак музыкантам играть... Лицо его страшно побледнело, он затрепетал как в лихорадке; глаза его засверкали чудным огнем; он приподнял рукою черные свои волосы, отер платком высокое чело, покрытое каплями пота... и вдруг шагнул вперед, сложил крестом руки на грудь... музыка умолкла... Импровизация началась.

. . . .

Чертог сиял. Гремели хором
Певцы при звуке флейт и лир.
Царица голосом и взором
Свой пышный оживляла пир;
Сердца неслись к ее престолу,
Но вдруг над чашей золотой
Она задумалась и долу
Поникла дивною главой...

И пышный пир как будто дремлет.
Безмолвны гости. Хор молчит.
Но вновь она чело подъемлет
И с видом ясным говорит:

* ⟨Потому что великая царица имела много...⟩

В моей любви для вас блаженство.
Блаженство можно вам купить...
Внемлите ж мне: могу равенство
Меж нами я восстановить.
Кто к торгу страстному приступит?
Свою любовь я продаю;
Скажите: кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою? —

Рекла — и ужас всех объемлет,
И страстью дрогнули сердца...
Она смущенный ропот внемлет
С холодной дерзостью лица,
И взор презрительный обводит
Кругом поклонников своих...
Вдруг из толпы один выходит,
Вослед за ним и два других.
Смела их поступь; ясны очи;
Навстречу им она встает;
Свершилось: куплены три ночи,
И ложе смерти их зовет.

Благословенные жрецами,
Теперь из урны роковой
Пред неподвижными гостями
Выходят жребии чредой.
И первый — Флавий, воин смелый,
В дружинах римских поседелый;
Снести не мог он от жены
Высокомерного презренья;
Он принял вызов наслажденья,
Как принимал во дни войны
Он вызов ярого сраженья.
За ним Критон, младой мудрец,
Рожденный в рощах Эпикура,
Критон, поклонник и певец
Харит, Киприды и Амура.
Любезный сердцу и очам,
Как вешний цвет едва развитый,
Последний имени векам

Не передал. Его ланиты
Пух первый нежно отенял;
Восторг в очах его сиял;
Страстей неопытная сила
Кипела в сердце молодом...
И грустный взор остановила
Царица гордая на нем.

— Клянусь... — о матерь наслаждений,
Тебе неслыханно служу,
На ложе страстных искушений
Простой наемницей всхожу.
Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари,
О боги грозного Аида,
Клянусь — до утренней зари
Моих властителей желанья
Я сладострастно утомлю
И всеми тайнами лобзанья
И дивной негой утолю.
Но только утренней порфирой
Аврора вечная блеснет,
Клянусь — под смертною секирой
Глава счастливцев отпадет. —
. . . .

И вот уже сокрылся день,
Восходит месяц златорогий.
Александрийские чертоги
Покрыла сладостная тень.
Фонтаны бьют, горят лампады,
Курится легкий фимиам,
И сладострастные прохлады
Земным готовятся богам.
В роскошном сумрачном покое
Средь обольстительных чудес
Под сенью пурпурных завес
Блистает ложе золотое...
. . . .

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА

Береги честь смолоду.

Пословица.

Глава I

СЕРЖАНТ ГВАРДИИ

Был бы гвардии он завтра ж капитан.
— Того не надобно: пусть в армии послужит.
Изрядно сказано! Пускай его потужит...
. . . .
Да кто его отец?

Княжнин.

Отец мой, Андрей Петрович Гринев, в молодости своей служил при графе Минихе, и вышел в отставку премьер-маиором в 17.. году. С тех пор жил он в своей симбирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сестры умерли во младенчестве. Я был записан в Семеновский полк сержантом, по милости маиора гвардии князя Б., близкого нашего родственника. Я считался в отпуску до окончания наук. В то время воспитывались мы не по нынешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки. Под его надзором, на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза, мосье Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла. Приезд его сильно не понравился Савельичу. „Слава богу“ — ворчал он про себя — „кажется, дитя умыт, причесан, накормлен. Куда как нужно тратить лишние деньги и нанимать мусье, как будто и своих людей не стало!“

Бопре в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию pour être outchitel *, не очень понимая значения этого слова. Он был добрый малой, но ветрен и беспутен до крайности. Главною его слабостию была страсть к прекрасному полу;

* ⟨Быть учителем⟩

не редко за свои нежности получал он толчки, от которых охал по целым суткам. К тому же не был он (по его выражению) и *врагом бутылки*, т. е. (говоря по-русски) любил хлебнуть лишнее. Но как вино подавалось у нас только за обедом, и то по рюмочке, причем учителя обыкновенно и обносили, то мой Бопре очень скоро привык к русской настойке, и даже стал предпочитать ее винам своего отечества, как не в пример более полезную для желудка. Мы тотчас поладили, и хотя по контракту обязан он был учить меня *по-французски, по-немецки и всем наукам*, но он предпочел наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, — и потом каждый из нас занимался уже своим делом. Мы жили душа в душу. Другого ментора я и не желал. Но вскоре судьба нас разлучила, и вот по какому случаю:

Прачка Палашка, толстая и рябая девка, и кривая коровница Акулька как-то согласились в одно время кинуться матушке в ноги, винясь в преступной слабости и с плачем жалуясь на мусье, обольстившего их неопытность. Матушка шутить этим не любила, и пожаловалась батюшке. У него расправа была коротка. Он тотчас потребовал каналью француза. Доложили, что мусье давал мне свой урок. Батюшка пошел в мою комнату. В это время Бопре спал на кровати сном невинности. Я был занят делом. Надобно знать, что для меня выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене безо всякого употребления и давно соблазняла меня шириною и добротою бумаги. Я решился сделать из нее змей, и, пользуясь сном Бопре, принялся за работу. Батюшка вошел в то самое время, как я прилаживал мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражнения в географии, батюшка дернул меня за ухо, потом подбежал к Бопре, разбудил его очень неосторожно, и стал осыпать укоризнами. Бопре в смятении хотел было привстать, и не мог: несчастный француз был мертво пьян. Семь бед, один ответ. Батюшка за ворот приподнял его с кровати, вытолкал из дверей, и в тот же день прогнал со двора, к неописанной радости Савельича. Тем и кончилось мое воспитание.

Я жил недорослем, гоняя голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками. Между тем минуло мне шестнадцать лет. Тут судьба моя переменилась.

Однажды осенью матушка варила в гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрел на кипучие пенки. Батюшка у окна читал Придворный Календарь, ежегодно им получаемый. Эта книга имела всегда сильное на него влияние: никогда не перечитывал он ее без особенного участия, и чтение это производило в нем всегда удивительное волнение желчи. Матушка, знавшая наизусть все его свычаи и обычаи, всегда

„Капитанская дочка". С рис. Р. *Штейна*
(Институт литературы Академии Наук СССР)

старалась засунуть несчастную книгу как можно подалее, и таким образом Придворный Календарь не попадался ему на глаза иногда по целым месяцам. Зато, когда он случайно его находил, то бывало по целым часам не выпускал уж из своих рук. И так батюшка читал Придворный Календарь, изредко пожимая плечами и повторяя вполголоса: „Генерал-поручик!.. Он у меня в роте был сержантом!.. Обоих российских орденов кавалер!.. А давно ли мы?..“ Наконец батюшка швырнул календарь на диван, и погрузился в задумчивость, не предвещавшую ничего доброго.

Вдруг он обратился к матушке: „Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?“

— Да вот пошел семнадцатый годок, — отвечала матушка. — Петруша родился в тот самый год, как окривела тетушка Настасья Герасимовна, и когда еще...

„Добро“ — прервал батюшка, — „пора его в службу. Полно ему бегать по девичьим, да лазить на голубятни“.

Мысль о скорой разлуке со мною так поразила матушку, что она уронила ложку в кастрюльку, и слезы потекли по ее лицу. Напротив того, трудно описать мое восхищение. Мысль о службе сливалась во мне с мыслями о свободе, об удовольствиях петербургской жизни. Я воображал себя офицером гвардии, что по мнению моему было верхом благополучия человеческого.

Батюшка не любил ни переменять свои намерения, ни откладывать их исполнение. День отъезду моему был назначен. Накануне батюшка объявил, что намерен писать со мною к будущему моему начальнику, и потребовал пера и бумаги.

„Не забудь, Андрей Петрович“, — сказала матушка — „поклониться и от меня князю Б.; я, дескать, надеюсь, что он не оставит Петрушу своими милостями“.

— Что за вздор! — отвечал батюшка нахмурясь. — К какой стати стану я писать к князю Б.?

„Да ведь ты сказал, что изволишь писать к начальнику Петруши“.

— Ну, а там что?

„Да ведь начальник Петрушин — князь Б. Ведь Петруша записан в Семеновский полк“.

— Записан! А мне какое дело, что он записан? Петруша в Петербург не поедет. Чему научится он служа в Петербурге? Мотать да повесничать? Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает пороху, да будет солдат, а не шаматон. Записан в гвардии! Где его пашпорт? Подай его сюда.

Матушка отыскала мой паспорт, хранившийся в ее шкатулке вместе с сорочкою, в которой меня крестили, и вручила его батюшке дрожащею рукою. Батюшка прочел, его со вниманием, положил перед собою на стол, и начал свое письмо.

Любопытство меня мучило. Куда ж отправляют меня, если уж не в Петербург? Я не сводил глаз с пера батюшкина, которое двигалось довольно медленно. Наконец он кончил, запечатал письмо в одном пакете с паспортом, снял очки и, подозвав меня, сказал: „Вот тебе письмо к Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты едешь в Оренбург служить под его начальством".

И так, все мои блестящие надежды рушились! Вместо веселой петербургской жизни ожидала меня скука в стороне глухой и отдаленной. Служба, о которой за минуту думал я с таким восторгом, показалась мне тяжким несчастием. Но спорить было нечего! На другой день по утру подвезена была к крыльцу дорожная кибитка; уложили в нее чемодан, погребец с чайным прибором и узлы с булками и пирогами, последними знаками домашнего баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказал мне: „Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду". Матушка в слезах наказывала мне беречь мое здоровье, а Савельичу смотреть за дитятей. Надели на меня заячий тулуп, а сверху лисью шубу. Я сел в кибитку с Савельичем, и отправился в дорогу, обливаясь слезами.

В ту же ночь приехал я в Симбирск, где должен был пробыть сутки для закупки нужных вещей, что и было поручено Савельичу. Я остановился в трактире. Савельич с утра отправился по лавкам. Соскуча глядеть из окна на грязный переулок, я пошел бродить по всем комнатам. Вошед в биллиардную, увидел я высокого барина, лет тридцати пяти, с длинными черными усами, в халате, с кием в руке и с трубкой в зубах. Он играл с маркером, который при выигрыше выпивал рюмку водки, а при проигрыше должен был лезть под биллиард на четверинках. Я стал смотреть на их игру. Чем долее она продолжалась, тем прогулки на четверинках становились чаще, пока наконец маркер остался под биллиардом. Барин произнес над ним несколько сильных выражений в виде надгробного слова, и предложил мне сыграть партию. Я отказался по неумению. Это показалось ему, повидимому, странным. Он поглядел на меня как бы с сожалением; однако мы разговорились. Я узнал, что его зовут Иваном Ивановичем Зуриным, что он ротмистр ** гусарского полка и находится в Симбирске при приеме рекрут, а стоит

в трактире. Зурин пригласил меня отобедать с ним вместе чем бог послал, по-солдатски. Я с охотою согласился. Мы сели за стол. Зурин пил много и потчевал и меня, говоря, что надобно привыкать к службе; он рассказывал мне армейские анекдоты, от которых я со смеху чуть не валялся, и мы встали из-за стола совершенными приятелями. Тут вызвался он выучить меня играть на биллиарде. „Это“ — говорил он — „необходимо для нашего брата служивого. В походе, например, придешь в местечко. Чем прикажешь заняться? Ведь не всё же бить жидов. Поневоле пойдешь в трактир и станешь играть на биллиарде; а для того надобно уметь играть!“ Я совершенно был убежден, и с большим прилежанием принялся за учение. Зурин громко ободрял меня, дивился моим быстрым успехам; и после нескольких уроков, предложил мне играть в деньги, по одному грошу, не для выигрыша, а так, чтоб только не играть даром, что, по его словам, самая скверная привычка. Я согласился и на то, а Зурин велел подать пуншу и уговорил меня попробовать, повторяя, что к службе надобно мне привыкать; а без пуншу, что и служба! Я послушался его. Между тем игра наша продолжалась. Чем чаще прихлебывал я от моего стакана, тем становился отважнее. Шары поминутно летали у меня через борт; я горячился, бранил маркера, который считал бог ведает как, час от часу умножал игру, словом — вел себя как мальчишка, вырвавшийся на волю. Между тем время прошло незаметно. Зурин взглянул на часы, положил кий, и объявил мне, что я проиграл сто рублей. Это меня немножко смутило. Деньги мои были у Савельича. Я стал извиняться. Зурин меня прервал: „Помилуй! Не изволь и беспокоиться. Я могу и подождать, а покамест поедем к Аринушке“.

Что прикажете? День я кончил так же беспутно, как и начал. Мы отужинали у Аринушки. Зурин поминутно мне подливал, повторяя, что надобно к службе привыкать. Встав из-за стола, я чуть держался на ногах; в полночь Зурин отвез меня в трактир.

Савельич встретил нас на крыльце. Он ахнул, увидя несомненные признаки моего усердия к службе. „Что это, сударь, с тобою сделалось?“ — сказал он жалким голосом. — „Где ты это нагрузился? Ахти господи! отроду такого греха не бывало!“ — Молчи, хрыч! — отвечал я ему, запинаясь; — ты верно пьян, пошел спать... и уложи меня.

На другой день я проснулся с головною болью, смутно припоминая себе вчерашние происшествия. Размышления мои прерваны были Савельичем, вошедшим ко мне с чашкою чая. „Рано, Петр Андреич“, — сказал он мне, качая головою — „рано начинаешь гулять. И в кого ты пошел? Кажется, ни батюшка, ни дедушка пьяницами не бы-

вали; о матушке и говорить нечего: отроду, кроме квасу, в рот ничего не изволила брать. А кто всему виноват? Проклятый мусье. То и дело, бывало к Антипьевне забежит: „Мадам, же ву при, водкю“. Вот тебе и же ву при! Нечего сказать: добру наставил, собачий сын. И нужно было нанимать в дядьки басурмана, как будто у барина не стало и своих людей!“

Мне было стыдно. Я отвернулся и сказал ему: Поди вон, Савельич; я чаю не хочу. Но Савельича мудрено было унять, когда бывало примется за проповедь. „Вот видишь ли, Петр Андреич, каково подгуливать. И головке-то тяжело, и кушать-то не хочется. Человек пьющий ни на что негоден... Выпей-ка огуречного рассолу с медом, а всего бы лучше опохмелиться полстаканчиком настойки. Не прикажешь ли?“

В это время мальчик вошел, и подал мне записку от И. И. Зурина. Я развернул ее и прочел следующие строки:

„Любезный Петр Андреевич, пожалуйста, пришли мне с моим мальчиком сто рублей, которые ты мне вчера проиграл. Мне крайняя нужда в деньгах.

Готовый ко услугам

Иван Зурин“.

Делать было нечего. Я взял на себя вид равнодушный, и обратясь к Савельичу, который был *и денег и белья и дел моих рачитель*, приказал отдать мальчику сто рублей. „Как! зачем?“ — спросил изумленный Савельич. — Я их ему должен — отвечал я со всевозможной холодностию. — „Должен!“ — возразил Савельич, час от часу приведенный в большее изумление; — „да когда же, сударь, успел ты ему задолжать? Дело что-то не ладно. Воля твоя, сударь, а денег я не выдам“.

Я подумал, что если в сию решительную минуту не переспорю упрямого старика, то уж в последствии времени трудно мне будет освободиться от его опеки, и взглянув на него гордо, сказал: Я твой господин, а ты мой слуга. Деньги мои. Я их проиграл, потому что так мне вздумалось. А тебе советую не умничать, и делать то, что тебе приказывают.

Савельич так был поражен моими словами, что сплеснул руками и остолбенел. Что же ты стоишь! — закричал я сердито. Савельич заплакал. „Батюшка Петр Андреич“, — произнес он дрожащим голосом — „не умори меня с печали. Свет ты мой! послушай меня, старика: напиши этому разбойнику, что ты пошутил, что у нас и денег-то таких не водится. Сто рублей! Боже ты милостивый! Скажи, что тебе родители крепко на крепко заказали не играть, окроме как в орехи...“

— Полно врать — прервал я строго — подавай сюда деньги, или я тебя в зашеи прогоню.

Савельич поглядел на меня с глубокой горестью и пошел за моим долгом. Мне было жаль бедного старика; но я хотел вырваться на волю и доказать, что уж я не ребенок. Деньги были доставлены Зурину. Савельич поспешил вывезти меня из проклятого трактира. Он явился с известием, что лошади готовы. С неспокойной совестию и с безмолвным раскаянием выехал я из Симбирска, не простясь с моим учителем и не думая с ним уже когда-нибудь увидеться.

Глава II

ВОЖАТЫЙ

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашел,
Что не добрый ли да меня конь завез:
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая,
И хмелинушка кабацкая.

Старинная песня.

Дорожные размышления мои были не очень приятны. Проигрыш мой по тогдашним ценам был немаловажен. Я не мог не признаться в душе, что поведение мое в симбирском трактире было глупо, и чувствовал себя виноватым перед Савельичем. Всё это меня мучило. Старик угрюмо сидел на облучке, отворотясь от меня, и молчал, изредка только покрякивая. Я непременно хотел с ним помириться, и не знал с чего начать. Наконец я сказал ему: „Ну, ну, Савельич! полно, помиримся, виноват: вижу сам, что виноват. Я вчера напроказил, а тебя напрасно обидел. Обещаюсь вперед вести себя умнее и слушаться тебя. Ну, не сердись; помиримся".

— Эх, батюшка Петр Андреич! — отвечал он с глубоким вздохом. — Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват. Как мне было оставлять тебя одного в трактире! Что делать? Грех попутал: вздумал забрести к дьячихе, повидаться с кумою. Так-то: зашел к куме, да засел в тюрьме. Беда да и только! Как покажусь я на глаза господам? Что скажут они, как узнают, что дитя пьет и играет.

Чтоб утешить бедного Савельича, я дал ему слово впредь без его согласия не располагать ни одною копейкою. Он мало-по-малу успокоился, хотя всё еще изредка ворчал про себя, качая головою: „Сто рублей! легко ли дело!"

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами. Всё покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или точнее по следу, проложенному крестьянскими санями. Вдруг ямщик стал посматривать в сторону, и наконец, сняв шапку, оборотился ко мне и сказал: „Барин, не прикажешь ли воротиться?“

— Это зачем?

„Время ненадежно: ветер слегка подымается; — вишь, как он сметает порошу“.

— Что ж за беда!

„А видишь там что?“ (Ямщик указал кнутом на восток.)

— Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.

„А вон — вон: это облачко“.

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдаленный холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало буран.

Я слыхал о тамошних метелях, и знал, что целые обозы бывали ими занесены. Савельич, согласно с мнением ямщика, советовал воротиться. Но ветер показался мне не силен; я понадеялся добраться заблаговременно до следующей станции и велел ехать скорее.

Ямщик поскакал; но всё поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо. Пошел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось с снежным морем. Всё исчезло. „Ну, барин“, — закричал ямщик — „беда: буран!“...

Я выглянул из кибитки: всё было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностию, что казался одушевленным; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом — и скоро стали.

— „Что же ты не едешь?“ — спросил я ямщика с нетерпением. — Да что ехать? — отвечал он, слезая с облучка; — невесть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом. — Я стал было его бранить. Савельич за него заступился: „И охота было не слушаться“ — говорил он сердито — „воротился бы на постоялый двор, накушался бы чаю, почивал бы себе до утра, буря б утихла, отправились бы далее. И куда спешим? Добро бы на свадьбу!“ — Савельич был прав. Делать было нечего. Снег так и валил. Около кибитки подымался сугроб. Лошади стояли, понуря голову и изредка вздрагивая. Ямщик ходил кругом, от нечего делать улаживая упряжь. Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь

увидеть хоть признак жила или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели... Вдруг увидел я что-то черное. „Эй, ямщик!“ — закричал я — „смотри: что̀ там такое чернеется?“ Ямщик стал всматриваться. — А бог знает, барин, — сказал он, садясь на свое место: — воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк или человек.

Я приказал ехать на незнакомый предмет, который тотчас и стал подвигаться нам навстречу. Через две минуты мы поравнялись с человеком. „Гей, добрый человек!“ — закричал ему ямщик. — „Скажи, не знаешь ли где дорога?“

— Дорога-то здесь; я стою на твердой полосе, — отвечал дорожный, — да что толку?

— Послушай, мужичок, — сказал я ему — знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли ты довести меня до ночлега?

— „Сторона мне знакомая“ — отвечал дорожный — „слава богу, исхожена и изъезжена вдоль и поперек. Да вишь какая погода: как раз собьешься с дороги. Лучше здесь остановиться, да переждать, авось буран утихнет да небо прояснится: тогда найдем дорогу по звездам“.

Его хладнокровие ободрило меня. Я уж решился, предав себя божией воле, ночевать посреди степи, как вдруг дорожный сел проворно на облучок и сказал ямщику: „Ну, слава богу, жило недалеко; сворачивай вправо, да поезжай“. — А почему ехать мне вправо? — спросил ямщик с неудовольствием. — Где ты видишь дорогу? Небось: лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой. — Ямщик казался мне прав. „В самом деле“ — сказал я: — „почему думаешь ты, что жило не далече?“ — А потому, что ветер оттоле потянул, — отвечал дорожный, — и я слышу, дымом пахнуло; знать, деревня близко. — Сметливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велел ямщику ехать. Лошади тяжело ступали по глубокому снегу. Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание судна по бурному морю. Савельич охал, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустил цыновку, закутался в шубу и задремал, убаюканный пением бури и качкою тихой езды.

Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть, и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю с ним странные обстоятельства моей жизни. Читатель извинит меня: ибо, вероятно, знает по опыту, как сродно человеку предаваться суеверию, несмотря на всевозможное презрение к предрассудкам.

Я находился в том состоянии чувств и души, когда существенность, уступая мечтаниям, сливается с ними в неясных видениях первосония.

Мне казалось, буран еще свирепствовал, и мы еще блуждали по снежной пустыне... Вдруг увидел я ворота, и въехал на барский двор нашей усадьбы. Первою мыслию моею было опасение, чтоб батюшка не прогневался на меня за невольное возвращение под кровлю родительскую, и не почел бы его умышленным ослушанием. С беспокойством я выпрыгнул из кибитки, и вижу: матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорчения. „Тише", — говорит она мне — „отец болен, при смерти, и желает с тобою проститься". — Пораженный страхом, я иду за нею в спальню. Вижу, комната слабо освещена; у постели стоят люди с печальными лицами. Я тихонько подхожу к постели; матушка приподнимает полог и говорит: „Андрей Петрович, Петруша приехал; он воротился, узнав о твоей болезни; благослови его". Я стал на колени и устремил глаза мои на больного. Что ж?.. Вместо отца моего, вижу в постели лежит мужик с черной бородою, весело на меня поглядывая. Я в недоумении оборотился к матушке, говоря ей: — Что это значит? Это не батюшка. И к какой мне стати просить благословения у мужика? — „Всё равно, Петруша", — отвечала мне матушка — „это твой посаженый отец; поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит..." Я не соглашался. Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны. Я хотел бежать... и не мог; комната наполнилась мертвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах... Страшный мужик ласково меня кликал, говоря: „Не бойсь, подойди под мое благословение..." Ужас и недоумение овладели мною... И в эту минуту я проснулся; лошади стояли; Савельич держал меня за руку, говоря: „Выходи, сударь: приехали".

— Куда приехали? — спросил я, протирая глаза. „На постоялый двор. Господь помог, наткнулись прямо на забор. Выходи, сударь, скорее, да обогрейся".

Я вышел из кибитки. Буран еще продолжался, хотя с меньшею силою. Было так темно, что хоть глаз выколи. Хозяин встретил нас у ворот, держа фонарь под полою, и ввел меня в горницу, тесную, но довольно чистую; лучина освещала ее. На стене висела винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяин, родом яицкий казак, казался мужик лет шестидесяти, еще свежий и бодрый. Савельич внес за мною погребец, потребовал огня, чтоб готовить чай, который никогда так не казался мне нужен. Хозяин пошел хлопотать.

— Где же вожатый? — спросил я у Савельича.

„Здесь, ваше благородие", — отвечал мне голос сверху. Я взглянул на полати и увидел черную бороду и два сверкающие глаза. — Что,

брат, прозяб? — „Как не прозябнуть в одном худеньком армяке! Был тулуп, да что греха таить? заложил вечор у целовальника: мороз показался не велик“. В эту минуту хозяин вошел с кипящим самоваром; я предложил вожатому нашему чашку чаю; мужик слез с полатей. Наружность его показалась мне замечательна. Он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В черной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волоса были обстрижены в кружок; на нем был оборванный армяк и татарские шаровары. Я поднес ему чашку чаю; он отведал и поморщился. „Ваше благородие, сделайте мне такую милость, — прикажите поднести стакан вина; чай не наше казацкое питье“. Я с охотой исполнил его желание. Хозяин вынул из ставца штоф и стакан, подошел к нему и, взглянув ему в лицо: „Эхе“ — сказал он — „опять ты в нашем краю! Отколе бог принес?“ — Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою: „В огороде летал, конопли клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ваши?“

— Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. — Стали было к вечерни звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте. — „Молчи, дядя“, — возразил мой бродяга — „будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит. Ваше благородие! за ваше здоровье!“ — При сих словах он взял стакан, перекрестился и выпил одним духом. Потом поклонился мне, и воротился на полати.

Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора; но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмиренного после бунта 1772 года. Савельич слушал с видом большого неудовольствия. Он посматривал с подозрением то на хозяина, то на вожатого. Постоялый двор, или, по тамошнему, *умет*, находился в стороне, в степи, далече от всякого селения, и очень походил на разбойническую пристань. Но делать было нечего. Нельзя было и подумать о продолжении пути. Беспокойство Савельича очень меня забавляло. Между тем я расположился ночевать и лег на лавку. Савельич решился убраться на печь; хозяин лег на полу. Скоро вся изба захрапела, и я заснул, как убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидел, что буря утихла. Солнце сияло. Снег лежал ослепительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился с хозяином, который взял с нас такую умеренную плату, что даже Савельич с ним не заспорил и

не стал торговаться по своему обыкновению, и вчерашние подозрения изгладились совершенно из головы его. Я позвал вожатого, благодарил за оказанную помочь, и велел Савельичу дать ему полтину на водку. Савельич нахмурился. „Полтину на водку!“ — сказал он, — „за что это? За то, что ты же изволил подвезти его к постоялому двору? Воля твоя, сударь: нет у нас лишних полтин. Всякому давать на водку, так самому скоро придется голодать“. Я не мог спорить с Савельичем. Деньги, по моему обещанию, находились в полном его распоряжении.

Мне было досадно однако ж, что не мог отблагодарить человека, выручившего меня, если не из беды, то по крайней мере из очень неприятного положения. Хорошо — сказал я хладнокровно; — если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь из моего платья. Он одет слишком легко. Дай ему мой заячий тулуп.

„Помилуй, батюшка Петр Андреич!“ — сказал Савельич. — „Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьет, собака, в первом кабаке“.

— Это, старинушка, уж не твоя печаль — сказал мой бродяга — пропью ли я или нет. Его благородие мне жалует шубу с своего плеча: его на то барская воля, а твое холопье дело не спорить и слушаться.

„Бога ты не боишься, разбойник!“ — отвечал ему Савельич сердитым голосом. — „Ты видишь, что дитя еще не смыслит, а ты и рад его обобрать, простоты его ради. Зачем тебе барский тулупчик? Ты и не напялишь его на свои окаянные плечища“.

— Прошу не умничать, — сказал я своему дядьке; — сейчас неси сюда тулуп.

„Господи владыко!“ — простонал мой Савельич. — „Заячий тулуп почти новешенький! И добро бы кому, а то пьянице оголелому!“

Однако заячий тулуп явился. Мужичок тут же стал его примеривать. В самом деле тулуп, из которого успел и я вырасти, был немножко для него узок. Однако он кое-как умудрился, и надел его, распоров по швам. Савельич чуть не завыл, услышав, как нитки затрещали. Бродяга был чрезвычайно доволен моим подарком. Он проводил меня до кибитки и сказал с низким поклоном: „Спасибо, ваше благородие! Награди вас господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей“. — Он пошел в свою сторону, а я отправился далее, не обращая внимания на досаду Савельича, и скоро позабыл о вчерашней вьюге, о своем вожатом и о заячьем тулупе.

Приехав в Оренбург, я прямо явился к генералу. Я увидел мужчину роста высокого, но уже сгорбленного старостию. Длинные волосы его

были совсем белы. Старый полинялый мундир напоминал воина времен Анны Иоанновны, а в его речи сильно отзывался немецкий выговор. Я подал ему письмо от батюшки. При имени его он взглянул на меня быстро: „Поже мой!“ — сказал он. — „Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был еше твоих лет, а теперь вот уш какой у него молотец! Ах, фремя, фремя!“ — Он распечатал письмо и стал читать его вполголоса, делая свои замечания. „Милостивый государь Андрей Карлович, надеюсь, что ваше превосходительство“... Это что за серемонии? Фуй, как ему не софестно! Конечно: дисциплина перво дело, но так ли пишут к старому камрад?..... „ваше превосходительство не забыло“... гм... „и... когда... покойным фельдмаршалом Мин... походе... также и... Каролинку“... Эхе, брудер! так он еще помнит стары наши проказ? „Теперь о деле... К вам моего повесу“.... гм.... „держать в ежовых рукавицах“.... Что такое ешовы рукавиц? Это должно быть русска поговорк... Что такое „держать в ешовых рукавицах?“ повторил он, обращаясь ко мне.

— Это значит, — отвечал я ему с видом как можно более невинным, — обходиться ласково, не слишком строго, давать побольше воли, держать в ежовых рукавицах.

„Гм, понимаю... „и не давать ему воли“... нет, видно ешовы рукавицы значит не то... „При сем... его паспорт“... Где ж он? А, вот... „отписать в Семеновский“... Хорошо, хорошо: всё будет сделано... „Позволишь без чинов обнять себя и... старым товарищем и другом“ — а! наконец догадался... и прочая и прочая... Ну, батюшка, — сказал он, прочитав письмо и отложив в сторону мой паспорт — всё будет сделано: ты будешь офицером переведен в *** полк, и чтоб тебе времени не терять, то завтра же поезжай в Белогорскую крепость, где ты будешь в команде капитана Миронова, доброго и честного человека. Там ты будешь на службе настоящей, научишься дисциплине. В Оренбурге делать тебе нечего; рассеяние вредно молодому человеку. А сегодня милости просим отобедать у меня“.

Час от часу не легче! подумал я про себя; к чему послужило мне то, что почти в утробе матери я был уже гвардии сержантом! Куда это меня завело? В *** полк и в глухую крепость на границу киргиз-кайсацких степей!.. Я отобедал у Андрея Карловича, втроем с его старым адъютантом. Строгая немецкая экономия царствовала за его столом, и я думаю, что страх видеть иногда лишнего гостя за своею холостою трапезою был отчасти причиною поспешного удаления моего в гарнизон. На другой день я простился с генералом и отправился к месту моего назначения.

Глава III

КРЕПОСТЬ

Мы в фортеции живем,
Хлеб едим и воду пьем;
А как лютые врзги
Придут к нам на пироги,
Зададим гостям пирушку:
Зарядим картечью пушку.

Солдатская песня.

Старинные люди, мой батюшка.

Недоросль.

Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Река еще не замерзала, и ее свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом. За ними простирались киргизские степи. Я погрузился в размышления, большею частию печальные. Гарнизонная жизнь мало имела для меня привлекательности. Я старался вообразить себе капитана Миронова, моего будущего начальника, и представлял его строгим, сердитым стариком, не знающим ничего, кроме своей службы, и готовым за всякую безделицу сажать меня под арест на хлеб и на воду. Между тем начало смеркаться. Мы ехали довольно скоро. — Далече ли до крепости? — спросил я у своего ямщика. „Недалече“ — отвечал он.— „Вон уж видна“. — Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни и вал; но ничего не видал, кроме деревушки, окруженной бревенчатым забором. С одной стороны стояли три или четыре скирда сена, полузанесенные снегом; с другой скривившаяся мельница, с лубочными крыльями, лениво опущенными. — Где же крепость? — спросил я с удивлением. — „Да вот она“ — отвечал ямщик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в нее въехали. У ворот увидел я старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частию покрыты соломою. Я велел ехать к коменданту и через минуту кибитка остановилась перед деревянным домиком, выстроенным на высоком месте, близ деревянной же церкви.

Никто не встретил меня. Я пошел в сени и отворил дверь в переднюю. Старый инвалид, сидя на столе, нашивал синюю заплату на локоть зеленого мундира. Я велел ему доложить обо мне. „Войди, батюшка“, — отвечал инвалид: — „наши дома“. Я вошел в чистенькую комнатку, убранную по-старинному. В углу стоял шкаф с посудой; на стене висел диплом офицерский за стеклом и в рамке; около него кра-

совались лубочные картинки, представляющие взятие Кистрина и Очакова, также выбор невесты и погребение кота. У окна сидела старушка в телогрейке и с платком на голове. Она разматывала нитки, которые держал, распялив на руках, кривой старичок в офицерском мундире. „Что вам угодно, батюшка?“ — спросила она, продолжая свое занятие. Я отвечал, что приехал на службу и явился по долгу своему к господину капитану, и с этим словом обратился было к кривому старичку, принимая его за коменданта: но хозяйка перебила затверженную мною речь. „Ивана Кузмича дома нет“ — сказала она; — „он пошел в гости к отцу Герасиму; да всё равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка“. Она кликнула девку и велела ей позвать урядника. Старичок своим одиноким глазом поглядывал на меня с любопытством. „Смею спросить“—сказал он; — „вы в каком полку изволили служить?“ Я удовлетворил его любопытству. „А смею спросить“ — продолжал он, — „зачем изволили вы перейти из гвардии в гарнизон?“ — Я отвечал, что такова была воля начальства. „Чаятельно, за неприличные гвардии офицеру поступки“—продолжал неутомимый вопрошатель.— „Полно врать пустяки“ — сказала ему капитанша: — „ты видишь, молодой человек с дороги устал; ему не до тебя... (держи-ка руки прямее...) А ты, мой батюшка“, — продолжала она, обращаясь ко мне — „не печалься, что тебя упекли в наше захолустье. Не ты первый, не ты последний. Стерпится, слюбится. Швабрин Алексей Иваныч вот уж пятый год как к нам переведен за смертоубийство. Бог знает, какой грех его попутал; он, изволишь видеть, поехал за город с одним поручиком, да взяли с собою шпаги, да и ну друг в друга пырять; а Алексей Иваныч и заколол поручика, да еще при двух свидетелях! Что прикажешь делать? На грех мастера нет“.

В эту минуту вошел урядник, молодой и статный казак. „Максимыч!“ — сказала ему капитанша. — „Отведи г. офицеру квартиру, да почище“. — „Слушаю, Василиса Егоровна“, — отвечал урядник. —„Не поместить ли его благородие к Ивану Полежаеву?“ — „Врешь, Максимыч“, — сказала капитанша: — „у Полежаева и так тесно; он же мне кум и помнит, что мы его начальники. Отведи г. офицера... как ваше имя и отчество, мой батюшка?“ — Петр Андреич. — „Отведи Петра Андреича к Семену Кузову. Он, мошенник, лошадь свою пустил ко мне в огород. Ну, что, Максимыч, всё ли благополучно?“

— Всё, славу богу, тихо, — отвечал казак; — только капрал Прохоров подрался в бане с Устиньей Негулиной за шайку горячей воды.

„Иван Игнатьич!“ — сказала капитанша кривому старичку. — „Разбери Прохорова с Устиньей, кто прав, кто виноват. Да обоих и накажи.

Ну, Максимыч, ступай себе с богом. Петр Андреич, Максимыч отведет вас на вашу квартиру".

Я откланялся. Урядник привел меня в избу, стоявшую на высоком берегу реки, на самом краю крепости. Половина избы занята была семьею Семена Кузова, другую отвели мне. Она состояла из одной горницы довольно опрятной, разделенной надвое перегородкой. Савельич стал в ней распоряжаться; я стал глядеть в узенькое окошко. Передо мною простиралась печальная степь. Наискось стояло несколько избушек; по улице бродило несколько куриц. Старуха, стоя на крыльце с корытом, кликала свиней, которые отвечали ей дружелюбным хрюканьем. И вот в какой стороне осужден я был проводить мою молодость! Тоска взяла меня; я отошел от окошка и лег спать без ужина, несмотря на увещания Савельича, который повторял с сокрушением: „Господи владыко! ничего кушать не изволит! Что скажет барыня, коли дитя занеможет?"

На другой день поутру я только что стал одеваться, как дверь отворилась и ко мне вошел молодой офицер невысокого роста, с лицом смуглым и отменно некрасивым, но чрезвычайно живым. „Извините меня" — сказал он мне по-французски — „что я без церемонии прихожу с вами познакомиться. Вчера узнал я о вашем приезде; желание увидеть наконец человеческое лицо так овладело мною, что я не вытерпел. Вы это поймете, когда проживете здесь еще несколько времени". — Я догадался, что это был офицер, выписанный из гвардии за поединок. Мы тотчас познакомились. Швабрин был очень неглуп. Разговор его был остер и занимателен. Он с большой веселостию описал мне семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смеялся от чистого сердца, как вошел ко мне тот самый инвалид, который чинил мундир в передней коменданта, и от имени Василисы Егоровны позвал меня к ним обедать. Швабрин вызвался идти со мною вместе.

Подходя к комендантскому дому, мы увидели на площадке человек двадцать старecho стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных шляпах. Они выстроены были во фрунт. Впереди стоял комендант, старик бодрый и высокого роста, в колпаке и в китайчатом халате. Увидя нас, он к нам подошел, сказал мне несколько ласковых слов и стал опять командовать. Мы остановились было смотреть на учение; но он просил нас идти к Василисе Егоровне, обещаясь быть вслед за нами. „А здесь" — прибавил он — „нечего вам смотреть".

Василиса Егоровна приняла нас запросто и радушно, и обошлась со мною как бы век была знакома. Инвалид и Палашка накрывали

стол. „Что это мой Иван Кузмич сегодня так заучился!“ — сказала комендантша. — „Палашка, позови барина обедать. Да где же Маша?“ — Тут вошла девушка лет осьмнадцати, круглолицая, румяная, с светлорусыми волосами, гладко зачесанными за уши, которые у ней так и горели. С первого взгляда она не очень мне понравилась. Я смотрел на нее с предубеждением: Швабрин описал мне Машу, капитанскую дочь, совершенною дурочкою. Марья Ивановна села в угол и стала шить. Между тем подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за ним Палашку. „Скажи барину: гости-де ждут, щи простынут; слава богу, ученье не уйдет; успеет накричаться“. — Капитан вскоре явился, сопровождаемый кривым старичком. „Что это, мой батюшка?“ — сказала ему жена. — „Кушанье давным давно подано, а тебя не дозовешься“. — А слышь ты, Василиса Егоровна, — отвечал Иван Кузмич, — я был занят службой: солдатушек учил.

„И, полно!“ — возразила капитанша. — „Только слава, что солдат учишь: ни им служба не дается, ни ты в ней толку не ведаешь. Сидел бы дома, да богу молился, так было бы лучше. Дорогие гости, милости просим за стол“.

Мы сели обедать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, где живут и каково их состояние? Услыша, что у батюшки триста душ крестьян, „легко ли!“ — сказала она; — „ведь есть же на свете богатые люди! А у нас, мой батюшка, всего-то душ одна девка Палашка; да слава богу, живем помаленьку. Одна беда: Маша; девка на выданьи, а какое у ней приданое? частый гребень, да веник, да алтын денег (прости бог!), с чем в баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человек; а то сиди себе в девках вековечной невестою“. — Я взглянул на Марью Ивановну; она вся покраснела, и даже слезы капнули на ее тарелку. Мне стало жаль ее; и я спешил переменить разговор. — Я слышал, — сказал я довольно некстати, — что на вашу крепость собираются напасть башкирцы. — „От кого, батюшка, ты изволил это слышать?“ — спросил Иван Кузмич. — Мне так сказывали в Оренбурге, — отвечал я. „Пустяки!“ — сказал комендант. — „У нас давно ничего не слыхать. Башкирцы — народ напуганный, да и киргизцы проучены. Небось, на нас не сунутся; а насунутся, так я такую задам острастку, что лет на десять угомоню“. — И вам не страшно, — продолжал я, обращаясь к капитанше, — оставаться в крепости, подверженной таким опасностям? — „Привычка, мой батюшка“, — отвечала она. — „Тому лет двадцать как нас из полка перевели сюда, и не приведи господи, как я боялась проклятых этих нехристей! Как завижу, бывало, рысьи шапки, да как заслышу

их визг, веришь ли, отец мой, сердце так и замрет! А теперь так привыкла, что и с места не тронусь, как придут нам сказать, что злодеи около крепости рыщут".

— Василиса Егоровна прехрабрая дама — заметил важно Швабрин. — Иван Кузмич может это засвидетельствовать.

„Да слышь ты", — сказал Иван Кузмич: — „баба-то не робкого десятка".

— А Марья Ивановна? — спросил я: — так же ли смела, как и вы?

„Смела ли Маша?" — отвечала ее мать. — „Нет, Маша трусиха. До сих пор не может слышать выстрела из ружья: так и затрепещется. А как тому два года Иван Кузмич выдумал в мои именины палить из нашей пушки, так она, моя голубушка, чуть со страха на тот свет не отправилась. С тех пор уж и не палим из проклятой пушки".

Мы встали из-за стола. Капитан с капитаншею отправились спать; а я пошел к Швабрину, с которым и провел целый вечер.

Глава IV

ПОЕДИНОК

— Ин изволь и стань же в позитуру.
Посмотришь, проколю как я твою фигуру.

Княжнин.

Прошло несколько недель, и жизнь моя в Белогорской крепости сделалась для меня не только сносною, но даже и приятною. В доме коменданта был я принят как родной. Муж и жена были люди самые почтенные. Иван Кузмич, вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек необразованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его им управляла, что согласовалось с его беспечностию. Василиса Егоровна и на дела службы смотрела, как на свои хозяйские, и управляла крепостию так точно, как и своим домком. Марья Ивановна скоро перестала со мною дичиться. Мы познакомились. Я в ней нашел благоразумную и чувствительную девушку. Незаметным образом я привязался к доброму семейству, даже к Ивану Игнатьичу, кривому гарнизонному поручику, о котором Швабрин выдумал, будто бы он был в непозволительной связи с Василисой Егоровной, что не имело и тени правдоподобия; но Швабрин о том не беспокоился.

Я был произведен в офицеры. Служба меня не отягощала. В богоспасаемой крепости не было ни смотров, ни учений, ни караулов. Ко-

„Капитанская дочка“. С рис. ***П. Соколова***

мендант по собственной охоте учил иногда своих солдат; но еще не мог добиться, чтобы все они знали, которая сторона правая, которая левая. У Швабрина было несколько французских книг. Я стал читать, и во мне пробудилась охота к литературе. По утрам я читал, упражнялся в переводах, а иногда и в сочинении стихов. Обедал почти всегда у коменданта, где обыкновенно проводил остаток дня, и куда вечером иногда являлся отец Герасим с женою Акулиной Памфиловной, первою вестовщицею во всем околодке. С А. И. Швабриным, разумеется, виделся я каждый день; но час от часу беседа его становилась для меня менее приятною. Всегдашние шутки его насчет семьи коменданта мне очень не нравились, особенно колкие замечания о Марье Ивановне. Другого общества в крепости не было, но я другого и не желал.

Несмотря на предсказания, башкирцы не возмущались. Спокойствие царствовало вокруг нашей крепости. Но мир был прерван незапным междоусобием.

Я уж сказывал, что я занимался литературою. Опыты мои, для тогдашнего времени, были изрядны, и Александр Петрович Сумароков, несколько лет после, очень их похвалял. Однажды удалось мне написать песенку, которой был я доволен. Известно, что сочинители иногда, под видом требования советов, ищут благосклонного слушателя. И так, переписав мою песенку, я понес ее к Швабрину, который один во всей крепости мог оценить произведение стихотворца. После маленького предисловия, вынул я из кармана свою тетрадку и прочел ему следующие стишки:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть,
И ах, Машу избегая,
Мышлю вольность получить!

Но глаза, что мя пленили,
Всеминутно предо мной;
Они дух во мне смутили,
Сокрушили мой покой.

Ты, узнав мои напасти,
Сжалься, Маша, надо мной;
Зря меня в сей лютой части,
И что я пленен тобой.

— Как ты это находишь? — спросил я Швабрина, ожидая похвалы, как дани, мне непременно следующей. Но к великой моей досаде, Швабрин, обыкновенно снисходительный, решительно объявил, что песня моя нехороша.

— Почему так? — спросил я его, скрывая свою досаду.

„Потому“ — отвечал он, — „что такие стихи достойны учителя моего, Василья Кирилыча Тредьяковского, и очень напоминают мне его любовные куплетцы“.

Тут он взял от меня тетрадку и начал немилосердно разбирать каждый стих и каждое слово, издеваясь надо мной самым колким образом. Я не вытерпел, вырвал из рук его мою тетрадку и сказал, что уж отроду не покажу ему своих сочинений. Швабрин посмеялся и над этой угрозою. — „Посмотрим“ — сказал он — „сдержишь ли ты свое слово: стихотворцам нужен слушатель, как Ивану Кузмичу графинчик водки перед обедом. А кто эта Маша, перед которой изъясняешься в нежной страсти и в любовной напасти? Уж не Марья ль Ивановна?“

— Не твое дело, — отвечал я нахмурясь, — кто бы ни была эта Маша. Не требую ни твоего мнения, ни твоих догадок.

„Ого! Самолюбивый стихотворец и скромный любовник!“ — продолжал Швабрин, час от часу более раздражая меня; — „но послушай дружеского совета: коли ты хочешь успеть, то советую действовать не песенками“.

— Что это, сударь, значит? Изволь объясниться.

„С охотою. Это значит, что ежели хочешь, чтобы Маша Миронова ходила к тебе в сумерки, то вместо нежных стишков подари ей пару серег“.

Кровь моя закипела. — А почему ты об ней такого мнения? — спросил я, с трудом удерживая свое негодование.

„А потому“, — отвечал он с адской усмешкою, — „что знаю по опыту ее нрав и обычай“.

— Ты лжешь, мерзавец! — вскричал я в бешенстве, — ты лжешь самым бесстыдным образом.

Швабрин переменился в лице. „Это тебе так не пройдет“ — сказал он, стиснув мне руку. — „Вы мне дадите сатисфакцию“.

— Изволь; когда хочешь! — отвечал я, обрадовавшись. В эту минуту я готов был растерзать его.

Я тотчас отправился к Ивану Игнатьичу, и застал его с иголкою в руках: по препоручению комендантши, он нанизывал грибы для сушенья на зиму. „А, Петр Андреич!“ — сказал он увидя меня; — „добро пожаловать! Как это вас бог принес? по какому делу, смею спросить?“ Я в коротких словах объяснил ему, что я поссорился с Алексеем Иванычем, а его, Ивана Игнатьича, прошу быть моим секундантом. Иван Игнатьич выслушал меня со вниманием, вытараща на меня свой единственный глаз. „Вы изволите говорить“ — сказал он мне, — „что хо-

тите Алексея Иваныча заколоть и желаете, чтоб я при том был свидетелем? Так ли? смею спросить".

— Точно так.

„Помилуйте, Петр Андреич! Что это вы затеяли! Вы с Алексеем Иванычем побранились? Велика беда! Брань на вороту не виснет. Он вас побранил, а вы его выругайте; он вас в рыло, а вы его в ухо, в другое, в третье — и разойдитесь; а мы вас уж помирим. А то: доброе ли дело заколоть своего ближнего, смею спросить? И добро б уж закололи вы его: бог с ним, с Алексеем Иванычем; я и сам до него не охотник. Ну, а если он вас просверлит? На что это будет похоже? Кто будет в дураках, смею спросить".

Рассуждения благоразумного поручика не поколебали меня. Я остался при своем намерении. „Как вам угодно" — сказал Иван Игнатьич: — „делайте, как разумеете. Да зачем же мне тут быть свидетелем? К какой стати? Люди дерутся, что за невидальщина, смею спросить? Слава богу, ходил я под шведа и под турку: всего насмотрелся".

Я кое-как стал изъяснять ему должность секунданта, но Иван Игнатьич никак не мог меня понять. „Воля ваша" — сказал он. — „Коли уж мне и вмешаться в это дело, так разве пойти к Ивану Кузмичу да донести ему по долгу службы, что в фортеции умышляется злодействие противное казенному интересу: не благоугодно ли будет господину коменданту принять надлежащие меры..."

Я испугался и стал просить Ивана Игнатьича ничего не сказывать коменданту; насилу его уговорил; он дал мне слово, и я решился от него отступиться.

Вечер провел я, по обыкновению своему, у коменданта. Я старался казаться веселым и равнодушным, дабы не подать никакого подозрения и избегнуть докучных вопросов: но признаюсь, я не имел того хладнокровия, которым хвалятся почти всегда те, которые находились в моем положении. В этот вечер я расположен был к нежности и к умилению. Марья Ивановна нравилась мне более обыкновенного. Мысль, что, может быть, вижу ее в последний раз, придавала ей в моих глазах что-то трогательное. Швабрин явился тут же. Я отвел его в сторону и уведомил его о своем разговоре с Иваном Игнатьичем. „Зачем нам секунданты" — сказал он мне сухо: — „без них обойдемся". Мы условились драться за скирдами, что находились подле крепости, и явиться туда на другой день в седьмом часу утра. Мы разговаривали, повидимому, так дружелюбно, что Иван Игнатьич от радости проболтался. „Давно бы так" — сказал он мне с довольным видом; — „худой мир лучше доброй ссоры, а и не честен, так здоров".

„Что, что, Иван Игнатьич?“ — сказала комендантша, которая в углу гадала в карты: — „я не вслушалась“.

Иван Игнатьич, заметив во мне знаки неудовольствия и вспомня свое обещание, смутился и не знал, что отвечать. Швабрин подоспел к нему на помощь.

„Иван Игнатьич“ — сказал он — „одобряет нашу мировую“.

— А с кем это, мой батюшка, ты ссорился?

„Мы было поспорили довольно крупно с Петром Андреичем“.

— За что так?

„За сущую безделицу: за песенку, Василиса Егоровна“.

— Нашли за что ссориться! за песенку!.. да как же это случилось?

„Да вот как: Петр Андреич сочинил недавно песню и сегодня запел ее при мне, а я затянул мою любимую:

Капитанская дочь,
Не ходи гулять в полночь.

Вышла разладица. Петр Андреич было и рассердился; но потом рассудил, что всяк волен петь, что кому угодно. Тем и дело кончилось“.

Бесстыдство Швабрина чуть меня не взбесило; но никто, кроме меня, не понял грубых его обиняков; по крайней мере, никто не обратил на них внимания. От песенок разговор обратился к стихотворцам, и комендант заметил, что все они люди беспутные и горькие пьяницы, и дружески советовал мне оставить стихотворство, как дело службе противное и ни к чему доброму не доводящее.

Присутствие Швабрина было мне несносно. Я скоро простился с комендантом и с его семейством; пришед домой, осмотрел свою шпагу, попробовал ее конец и лег спать, приказав Савельичу разбудить меня в седьмом часу.

На другой день в назначенное время я стоял уже за скирдами, ожидая моего противника. Вскоре и он явился. „Нас могут застать“ — сказал он мне;—„надобно поспешить“. Мы сняли мундиры, остались в одних камзолах и обнажили шпаги. В эту минуту из-за скирда вдруг появился Иван Игнатьич и человек пять инвалидов. Он потребовал нас к коменданту. Мы повиновались с досадою; солдаты нас окружили, и мы отправились в крепость вслед за Иваном Игнатьичем, который вел нас в торжестве, шагая с удивительной важностию.

Мы вошли в комендантский дом. Иван Игнатьич отворил двери, провозгласив торжественно: „привел!“ Нас встретила Василиса Егоровна. „Ах, мои батюшки! На что это похоже? как? что? в нашей крепости заводить смертоубийство! Иван Кузмич, сейчас их под арест! Петр

Андреич! Алексей Иваныч! подавайте сюда ваши шпаги, подавайте, подавайте. Палашка, отнеси эти шпаги в чулан. Петр Андреич! Этого я от тебя не ожидала. Как тебе не совестно? Добро Алексей Иваныч: он за душегубство и из гвардии выписан, он и в господа бога не верует; а ты-то что? туда же лезешь?“

Иван Кузмич вполне соглашался с своею супругою и приговаривал: „А слышь ты, Василиса Егоровна правду говорит. Поединки формально запрещены в воинском артикуле“. Между тем Палашка взяла у нас наши шпаги и отнесла в чулан. Я не мог не засмеяться. Швабрин сохранил свою важность. „При всем моем уважении к вам“ — сказал он ей хладнокровно — „не могу не заметить, что напрасно вы изволите беспокоиться, подвергая нас вашему суду. Предоставьте это Ивану Кузьмичу: это его дело“. — Ах! мой батюшка! — возразила комендантша; — да разве муж и жена не един дух и едина плоть? Иван Кузмич! Что ты зеваешь? Сейчас рассади их по разным углам на хлеб да на воду, чтоб у них дурь-то прошла; да пусть отец Герасим наложит на них эпитимию, чтоб молили у бога прощения, да каялись перед людьми.

Иван Кузмич не знал, на что решиться. Марья Ивановна была чрезвычайно бледна. Мало-по-малу буря утихла; комендантша успокоилась и заставила нас друг друга поцеловать. Палашка принесла нам наши шпаги. Мы вышли от коменданта, повидимому примиренные. Иван Игнатьич нас сопровождал. — Как вам не стыдно было — сказал я ему сердито — доносить на нас коменданту после того, как дали мне слово того не делать? — „Как бог свят, я Ивану Кузмичу того не говорил“ — отвечал он; — „Василиса Егоровна выведала всё от меня. Она всем и распорядилась без ведома коменданта. Впрочем, слава богу, что всё так кончилось“. С этим словом он повернул домой, а Швабрин и я остались наедине. — Наше дело этим кончиться не может — сказал я ему. „Конечно“, — отвечал Швабрин; — „вы своею кровью будете отвечать мне за вашу дерзость; но за нами, вероятно, станут присматривать. Несколько дней нам должно будет притворяться. До свидания!“ — И мы расстались, как ни в чем не бывали.

Возвратясь к коменданту, я по обыкновению своему подсел к Марье Ивановне. Ивана Кузмича не было дома; Василиса Егоровна занята была хозяйством. Мы разговаривали вполголоса. Марья Ивановна с нежностию выговаривала мне за беспокойство, причиненное всем моею ссорою с Швабриным. „Я так и обмерла“ — сказала она — „когда сказали нам, что вы намерены биться на шпагах. Как мужчины странны! За одно слово, о котором через неделю верно б они позабыли, они готовы резаться и жертвовать не только жизнию, но и совестию и благо-

получием тех, которые... Но я уверена, что не вы зачинщик ссоры. Верно виноват Алексей Иваныч".

— А почему же вы так думаете, Марья Ивановна?

„Да так... он такой насмешник! Я не люблю Алексея Иваныча. Он очень мне противен; а странно: ни за что б я не хотела, чтоб и я ему так же не нравилась. Это меня беспокоило бы страх".

— А как вы думаете, Марья Ивановна? Нравитесь ли вы ему, или нет?

Марья Ивановна заикнулась и покраснела. „Мне кажется" — сказала она,— „я думаю, что нравлюсь".

— Почему же вам так кажется?

„Потому что он за меня сватался".

— Сватался! Он за вас сватался? Когда же?

„В прошлом году. Месяца два до вашего приезда".

— И вы не пошли?

„Как изволите видеть. Алексей Иваныч конечно человек умный, и хорошей фамилии, и имеет состояние; но как подумаю, что надобно будет под венцом при всех с ним поцеловаться... Ни за что! ни за какие благополучия!"

Слова Марьи Ивановны открыли мне глаза и объяснили мне многое. Я понял упорное злоречие, которым Швабрин ее преследовал. Вероятно, замечал он нашу взаимную склонность и старался отвлечь нас друг от друга. Слова, подавшие повод к нашей ссоре, показались мне еще более гнусными, когда, вместо грубой и непристойной насмешки, увидел я в них обдуманную клевету. Желание наказать дерзкого злоязычника сделалось во мне еще сильнее, и я с нетерпением стал ожидать удобного случая.

Я дожидался не долго. На другой день, когда сидел я за элегией и грыз перо в ожидании рифмы, Швабрин постучался под моим окошком. Я оставил перо, взял шпагу и к нему вышел. „Зачем откладывать?" — сказал мне Швабрин: — „за нами не смотрят. Сойдем к реке. Там никто нам не помешает". Мы отправились, молча. Спустясь по крутой тропинке, мы остановились у самой реки и обнажили шпаги. Швабрин был искуснее меня, но я сильнее и смелее, и monsieur Бопре, бывший некогда солдатом, дал мне несколько уроков в фехтовании, которыми я и воспользовался. Швабрин не ожидал найти во мне столь опасного противника. Долго мы не могли сделать друг другу никакого вреда; наконец, приметя, что Швабрин ослабевает, я стал с живостию на него наступать и загнал его почти в самую реку. Вдруг услышал я свое

имя, громко произнесенное. Я оглянулся, и увидел Савельича, сбегающего ко мне по нагорной тропинке... В это самое время меня сильно кольнуло в грудь пониже правого плеча; я упал и лишился чувств.

Глава V

ЛЮБОВЬ

Ах ты, девка, девка красная!
Не ходи, девка, молода замуж;
Ты спроси, девка, отца, матери,
Отца, матери, роду-племени;
Накопи, девка, ума-разума,
Ума-разума, приданова.

Песня народная.

Буде лучше меня найдешь, позабудешь,
Если хуже меня найдешь, воспомянешь.

То же.

Очнувшись, я несколько времени не мог опомниться и не понимал, что со мною сделалось. Я лежал на кровати, в незнакомой горнице, и чувствовал большую слабость. Передо мною стоял Савельич со свечкою в руках. Кто-то бережно развивал перевязи, которыми грудь и плечо были у меня стянуты. Мало-по-малу мысли мои прояснились. Я вспомнил свой поединок, и догадался, что был ранен. В эту минуту скрыпнула дверь. „Что? каков?“ — произнес пошепту голос, от которого я затрепетал.— Всё в одном положении,— отвечал Савельич со вздохом; — всё без памяти, вот уже пятые сутки.— Я хотел оборотиться, но не мог.— Где я? кто здесь?— сказал я с усилием. Марья Ивановна подошла к моей кровати и наклонилась ко мне. „Что? как вы себя чувствуете?“ — сказала она.— Слава богу,— отвечал я слабым голосом. — Это вы, Марья Ивановна? скажите мне...— я не в силах был продолжать и замолчал. Савельич ахнул. Радость изобразилась на его лице. „Опомнился! опомнился!“— повторял он.—„Слава тебе, владыко! Ну, батюшка Петр Андреич! напугал ты меня! легко ли? пятые сутки!..“ Марья Ивановна перервала его речь. „Не говори с ним много, Савельич“,— сказала она.— „Он еще слаб“. Она вышла и тихонько притворила дверь. Мысли мои волновались. И так я был в доме коменданта, Марья Ивановна входила ко мне. Я хотел сделать Савельичу некоторые вопросы, но старик замотал головою и заткнул себе уши. Я с досадою закрыл глаза и вскоре забылся сном.

Проснувшись, подозвал я Савельича, и вместо его увидел перед собою Марью Ивановну; ангельский голос ее меня приветствовал. Не могу выразить сладостного чувства, овладевшего мною в эту минуту. Я схватил ее руку и прильнул к ней, обливая слезами умиления. Маша не отрывала ее... и вдруг ее губки коснулись моей щеки, и я почувствовал их жаркий и свежий поцелуй. Огонь пробежал по мне. „Милая, добрая Марья Ивановна,— сказал я ей — будь моею женою, согласись на мое счастие".— Она опомнилась. „Ради бога успокойтесь"— сказала она, отняв у меня свою руку.— „Вы еще в опасности: рана может открыться. Поберегите себя хоть для меня". С этим словом она ушла, оставя меня в упоении восторга. Счастие воскресило меня. Она будет моя! она меня любит! Эта мысль наполняла всё мое существование.

С той поры мне час от часу становилось лучше. Меня лечил полковой цырюльник, ибо в крепости другого лекаря не было, и, слава богу, не умничал. Молодость и природа ускорили мое выздоровление. Всё семейство коменданта за мною ухаживало. Марья Ивановна от меня не отходила. Разумеется, при первом удобном случае я принялся за прерванное объяснение, и Марья Ивановна выслушала меня терпеливее. Она безо всякого жеманства призналась мне в сердечной склонности и сказала, что ее родители конечно рады будут ее счастию. „Но подумай хорошенько"— прибавила она:— „со стороны твоих родных не будет ли препятствия?"

Я задумался. В нежности матушкиной я не сомневался; но, зная нрав и образ мыслей отца, я чувствовал, что любовь моя не слишком его тронет, и что он будет на нее смотреть, как на блажь молодого человека. Я чистосердечно признался в том Марье Ивановне, и решился однако писать к батюшке как можно красноречивее, прося родительского благословения. Я показал письмо Марье Ивановне, которая нашла его столь убедительным и трогательным, что не сомневалась в успехе его, и предалась чувствам нежного своего сердца со всею доверчивостию молодости и любви.

С Швабриным я помирился в первые дни моего выздоровления. Иван Кузмич, выговаривая мне за поединок, сказал мне: „Эх, Петр Андреич! надлежало бы мне посадить тебя под арест, да ты уж и без того наказан. А Алексей Иваныч у меня таки сидит в хлебном магазине под караулом, и шпага его под замком у Василисы Егоровны. Пускай он себе надумается, да раскается".— Я слишком был счастлив, чтоб хранить в сердце чувство неприязненное. Я стал просить за Швабрина, и добрый комендант, с согласия своей супруги, решился его освободить. Швабрин пришел ко мне; он изъявил глубокое сожаление

о том, что случилось между нами; признался, что был кругом виноват, и просил меня забыть о прошедшем. Будучи от природы незлопамятен, я искренно простил ему и нашу ссору и рану, мною от него полученную. В клевете его видел я досаду оскорбленного самолюбия и отвергнутой любви, и великодушно извинял своего несчастного соперника.

Вскоре я выздоровел, и мог перебраться на мою квартиру. С нетерпением ожидал я ответа на посланное письмо, не смея надеяться, и стараясь заглушить печальные предчувствия. С Василисой Егоровной и с ее мужем я еще не объяснился; но предложение мое не должно было их удивить. Ни я, ни Марья Ивановна не старались скрывать от них свои чувства, и мы заранее были уж уверены в их согласии.

Наконец однажды утром Савельич вошел ко мне, держа в руках письмо. Я схватил его с трепетом. Адрес был написан рукою батюшки. Это приуготовило меня к чему-то важному, ибо обыкновенно письма писала ко мне матушка, а он в конце приписывал несколько строк. Долго не распечатывал я пакета и перечитывал торжественную надпись: „Сыну моему Петру Андреевичу Гриневу, в Оренбургскую губернию, в Белогорскую крепость“. Я старался по почерку угадать расположение духа, в котором писано было письмо; наконец решился его распечатать, и с первых строк увидел, что всё дело пошло к чорту. Содержание письма было следующее:

„Сын мой Петр! Письмо твое, в котором просишь ты нас о родительском нашем благословении и согласии на брак с Марьей Ивановой, дочерью Мироновой, мы получили 15 сего месяца, и не только ни моего благословения, ни моего согласия дать я тебе не намерен, но еще и собираюсь до тебя добраться, да за проказы твои проучить тебя путем, как мальчишку, не смотря на твой офицерский чин: ибо ты доказал, что шпагу носить еще недостоин, которая пожалована тебе на защиту отечества, а не для дуелей с такими же сорванцами, каков ты сам. Немедленно буду писать к Андрею Карловичу, прося его перевести тебя из Белогорской крепости куда-нибудь подальше, где бы дурь у тебя прошла. Матушка твоя, узнав о твоем поединке и о том, что ты ранен, с горести занемогла и теперь лежит. Что из тебя будет? Молю бога, чтоб ты исправился, хоть и не смею надеяться на его великую милость.

Отец твой А. Г.“

Чтение сего письма возбудило во мне разные чувствования. Жестокие выражения, на которые батюшка не поскупился, глубоко оскорбили меня. Пренебрежение, с каким он упоминал о Марье Ивановне, казалось мне столь же непристойным, как и несправедливым. Мысль о переведении моем из Белогорской крепости меня ужасала, но всего более огорчило

меня известие о болезни матери. Я негодовал на Савельича, не сомневаясь, что поединок мой стал известен родителям через него. Шагая взад и вперед по тесной моей комнате, я остановился перед ним и сказал, взглянув на него грозно: — Видно тебе не довольно, что я, благодаря тебя, ранен и целый месяц был на краю гроба: ты и мать мою хочешь уморить. — Савельич был поражен как громом. „Помилуй, сударь“, — сказал он чуть не зарыдав, — „что это изволишь говорить? Я причина, что ты был ранен! Бог видит, бежал я заслонить тебя своею грудью от шпаги Алексея Иваныча! Старость проклятая помешала. Да что ж я сделал матушке-то твоей?“ — Что ты сделал? — отвечал я. — Кто просил тебя писать на меня доносы? разве ты приставлен ко мне в шпионы? — „Я? писал на тебя доносы?“ — отвечал Савельич со слезами. — „Господи царю небесный! Так изволь-ка прочитать, что̀ пишет ко мне барин: увидишь, как я доносил на тебя“. Тут он вынул из кармана письмо, и я прочел следующее:

„Стыдно тебе, старый пес, что ты, не взирая на мои строгие приказания, мне не донес о сыне моем Петре Андреевиче и что посторонние принуждены уведомлять меня о его проказах. Так ли исполняешь ты свою должность и господскую волю? Я тебя, старого пса! пошлю свиней пасти за утайку правды и потворство к молодому человеку. С получением сего, приказываю тебе немедленно отписать ко мне, каково теперь его здоровье, о котором пишут мне, что поправилось; да в какое именно место он ранен и хорошо ли его залечили“.

Очевидно было, что Савельич передо мною был прав и что я напрасно оскорбил его упреком и подозрением. Я просил у него прощения; но старик был неутешен. „Вот до чего я дожил“ — повторял он; — „вот каких милостей дослужился от своих господ! Я и старый пес, и свинопас, да я ж и причина твоей раны? Нет, батюшка Петр Андреич! не я, проклятый мусье всему виноват: он научил тебя тыкаться железными вертелами, да притопывать, как будто тыканием да топанием убережешься от злого человека! Нужно было нанимать мусье, да тратить лишние деньги!“

Но кто же брал на себя труд уведомить отца моего о моем поведении? Генерал? Но он, казалось, обо мне не слишком заботился; а Иван Кузмич не почел за нужное рапортовать о моем поединке. Я терялся в догадках. Подозрения мои остановились на Швабрине. Он один имел выгоду в доносе, коего следствием могло быть удаление мое из крепости и разрыв с комендантским семейством. Я пошел объявить обо всем Марье Ивановне. Она встретила меня на крыльце. „Что это с вами

сделалось?" — сказала она, увидев меня. — „Как вы бледны!" — Всё кончено! — отвечал я, и отдал ей батюшкино письмо. Она побледнела в свою очередь. Прочитав, она возвратила мне письмо дрожащею рукою и сказала дрожащим голосом: „Видно мне не судьба... Родные ваши не хотят меня в свою семью. Буди во всем воля господня! Бог лучше нашего знает, что̀ нам надобно. Делать нечего, Петр Андреич; будьте хоть вы счастливы..." — Этому не бывать! — вскричал я, схватив ее за руку; — ты меня любишь; я готов на всё. Пойдем, кинемся в ноги к твоим родителям; они люди простые, не жестокосердые гордецы... Они нас благословят; мы обвенчаемся... а там, современем, я уверен, мы умолим отца моего; матушка будет за нас; он меня простит... „Нет, Петр Андреич", — отвечала Маша — „я не выйду за тебя без благословения твоих родителей. Без их благословения не будет тебе счастия. Покоримся воле божией. Коли найдешь себе суженую, коли полюбишь другую — бог с тобою, Петр Андреич; а я за вас обоих..." Тут она заплакала и ушла от меня; я хотел было войти за нею в комнату, но чувствовал, что был не в состоянии владеть самим собою, и воротился домой.

Я сидел погруженный в глубокую задумчивость, как вдруг Савельич прервал мои размышления. „Вот, сударь", — сказал он, подавая мне исписанный лист бумаги; — „посмотри, доносчик ли я на своего барина, и стараюсь ли я помутить сына с отцом". Я взял из рук его бумагу: это был ответ Савельича на полученное им письмо. Вот он от слова до слова:

„Государь Андрей Петрович, отец наш милостивый!

Милостивое писание ваше я получил, в котором изволишь гневаться на меня, раба вашего, что де стыдно мне не исполнять господских приказаний; — а я, не старый пес, а верный ваш слуга, господских приказаний слушаюсь и усердно вам всегда служил и дожил до седых волос. Я ж про рану Петра Андреича ничего к вам не писал, чтоб не испужать понапрасну, и, слышно, барыня, мать наша Авдотья Васильевна и так с испугу слегла, и за ее здоровье бога буду молить. А Петр Андреич ранен был под правое плечо, в грудь под самую косточку, в глубину на полтора вершка, и лежал он в доме у коменданта, куда принесли мы его с берега, и лечил его здешний цырюльник Степан Парамонов; и теперь Петр Андреич, слава богу, здоров, и про него кроме хорошего нечего и писать. Командиры, слышно, им довольны; а у Василисы Егоровны он как родной сын. А что с ним случилась такая оказия, то быль молодцу не укора: конь и о четырех ногах, да

спотыкается. И изволите вы писать, что сошлете меня свиней пасти, и на то ваша боярская воля. За сим кланяюсь рабски.

Верный холоп ваш

Архип Савельев".

Я не мог несколько раз не улыбнуться, читая грамоту доброго старика. Отвечать батюшке я был не в состоянии; а чтоб успокоить матушку, письмо Савельича мне показалось достаточным.

С той поры положение мое переменилось. Марья Ивановна почти со мною не говорила, и всячески старалась избегать меня. Дом коменданта стал для меня постыл. Мало-по-малу приучился я сидеть один у себя дома. Василиса Егоровна сначала за то мне пеняла; но видя мое упрямство, оставила меня в покое. С Иваном Кузмичем виделся я только, когда того требовала служба. С Швабриным встречался редко и неохотно, тем более что замечал в нем скрытую к себе неприязнь, что и утверждало меня в моих подозрениях. Жизнь моя сделалась мне несносна. Я впал в мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездействие. Любовь моя разгоралась в уединении и час от часу становилась мне тягостнее. Я потерял охоту к чтению и словесности. Дух мой упал. Я боялся или сойти с ума или удариться в распутство. Неожиданные происшествия, имевшие важные влияния на всю мою жизнь, дали вдруг моей душе сильное и благое потрясение.

Глава VI

ПУГАЧЕВЩИНА

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будем сказывати.

Песня.

Прежде, нежели приступлю к описанию странных происшествий, коим я был свидетель, я должен сказать несколько слов о положении, в котором находилась Оренбургская губерния в конце 1773 года.

Сия обширная и богатая губерния обитаема была множеством полудиких народов, признавших еще недавно владычество российских государей. Их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражданской жизни, легкомыслие и жестокость требовали со стороны правительства непрестанного надзора для удержания их в повиновении. Крепости выстроены были в местах, признанных удобными, и заселены

по большей части казаками, давнишними обладателями яицких берегов. Но яицкие казаки, долженствовавшие охранять спокойствие и безопасность сего края, с некоторого времени были сами для правительства неспокойными и опасными подданными. В 1772 году произошло возмущение в их главном городке. Причиною тому были строгие меры, предпринятые генерал-маиором Траубенбергом, дабы привести войско к должному повиновению. Следствием было варварское убиение Траубенберга, своевольная перемена в управлении, и наконец усмирение бунта картечью и жестокими наказаниями.

Это случилось несколько времени перед прибытием моим в Белогорскую крепость. Всё было уже тихо, или казалось таковым; начальство слишком легко поверило мнимому раскаянию лукавых мятежников, которые злобствовали в тайне и выжидали удобного случая для возобновления беспорядков.

Обращаюсь к своему рассказу.

Однажды вечером (это было в начале октября 1773 года) сидел я дома один, слушая вой осеннего ветра и смотря в окно на тучи, бегущие мимо луны. Пришли меня звать от имени коменданта. Я тотчас отправился. У коменданта нашел я Швабрина, Ивана Игнатьича и казацкого урядника. В комнате не было ни Василисы Егоровны, ни Марьи Ивановны. Комендант со мною поздоровался с видом озабоченным. Он запер двери, всех усадил, кроме урядника, который стоял у дверей, вынул из кармана бумагу и сказал нам: „Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что пишет генерал“. Тут он надел очки и прочел следующее:

„Господину коменданту Белогорской крепости капитану Миронову.

„По секрету.

„Сим извещаю вас, что убежавший из-под караула донской казак и раскольник Емельян Пугачев, учиня непростительную дерзость принятием на себя имени покойного императора Петра III, собрал злодейскую шайку, произвел возмущение в яицких селениях, и уже взял и разорил несколько крепостей, производя везде грабежи и смертные убийства. Того ради, с получением сего, имеете вы, господин капитан, немедленно принять надлежащие меры к отражению помянутого злодея и самозванца, а буде можно и к совершенному уничтожению оного, если он обратится на крепость, вверенную вашему попечению“.

„Принять надлежащие меры!“ — сказал комендант, снимая очки и складывая бумагу.— „Слышь ты, легко сказать. Злодей-то видно силен;

а у нас всего сто тридцать человек, не считая казаков, на которых плоха надежда, не в укор буди тебе сказано, Максимыч. (Урядник усмехнулся.) Однако делать нечего, господа офицеры! Будьте исправны, учредите караулы, да ночные дозоры; в случае нападения запирайте ворота, да выводите солдат. Ты, Максимыч, смотри крепко за своими казаками. Пушку осмотреть, да хорошенько вычистить. А пуще всего содержите всё это в тайне, чтоб в крепости никто не мог о том узнать преждевременно".

Раздав сии повеления, Иван Кузмич нас распустил. Я вышел вместе с Швабриным, рассуждая о том, что мы слышали.— Как ты думаешь, чем это кончится?— спросил я его. „Бог знает"— отвечал он; — „посмотрим. Важного покамест еще ничего не вижу. Если же..." Тут он задумался и в рассеянии стал насвистывать французскую арию.

Несмотря на все наши предосторожности, весть о появлении Пугачева разнеслась по крепости. Иван Кузмич, хоть и очень уважал свою супругу, но ни за что на свете не открыл бы ей тайны, вверенной ему по службе. Получив письмо от генерала, он довольно искусным образом выпроводил Василису Егоровну, сказав ей, будто бы отец Герасим получил из Оренбурга какие-то чудные известия, которые содержит в великой тайне. Василиса Егоровна тотчас захотела отправиться в гости к попадье и, по совету Ивана Кузмича, взяла с собою и Машу, чтоб ей не было скучно одной.

Иван Кузмич, оставшись полным хозяином, тотчас послал за нами, а Палашку запер в чулан, чтоб она не могла нас подслушать.

Василиса Егоровна возвратилась домой, не успев ничего выведать от попадьи, и узнала, что во время ее отсутствия было у Ивана Кузмича совещание и что Палашка была под замком. Она догадалась, что была обманута мужем, и приступила к нему с допросом. Но Иван Кузмич приготовился к нападению. Он нимало не смутился и бодро отвечал своей любопытной сожительнице: „А слышь ты, матушка, бабы наши вздумали печи топить соломою; а как от того может произойти несчастие, то я и отдал строгий приказ впредь соломою бабам печей не топить, а топить хворостом и валежником". — А для чего ж было тебе запирать Палашку? — спросила комендантша. — За что бедная девка просидела в чулане, пока мы не воротились? — Иван Кузмич не был приготовлен к таковому вопросу; он запутался и пробормотал что-то очень нескладное. Василиса Егоровна увидела коварство своего мужа; но зная, что ничего от него не добьется, прекратила свои вопросы и завела речь о соленых огурцах, которые Акулина Памфиловна приготовляла совершенно особенным образом. Во всю ночь Василиса

Егоровна не могла заснуть и никак не могла догадаться, что бы такое было в голове ее мужа, о чем бы ей нельзя было знать.

На другой день, возвращаясь от обедни, она увидела Ивана Игнатьича, который вытаскивал из пушки тряпички, камешки, щепки, бабки и сор всякого рода, запиханный в нее ребятишками. „Что̀ бы значили эти военные приготовления?“ — думала комендантша: — „уж не ждут ли нападения от киргизцев? Но неужто Иван Кузмич стал бы от меня таить такие пустяки?“ Она кликнула Ивана Игнатьича с твердым намерением выведать от него тайну, которая мучила ее дамское любопытство.

Василиса Егоровна сделала ему несколько замечаний касательно хозяйства, как судия, начинающий следствие вопросами посторонними, дабы сперва усыпить осторожность ответчика. Потом, помолчав несколько минут, она глубоко вздохнула и сказала качая головою: „Господи боже мой! Вишь какие новости! Что из этого будет?“

— И, матушка! — отвечал Иван Игнатьич. — Бог милостив: солдат у нас довольно, пороху много, пушку я вычистил. Авось дадим отпор Пугачеву. Господь не выдаст, свинья не съест!

„А что за человек этот Пугачев?“ — спросила комендантша.

Тут Иван Игнатьич заметил, что проговорился, и закусил язык. Но уже было поздно. Василиса Егоровна принудила его во всем признаться, дав ему слово не рассказывать о том никому.

Василиса Егоровна сдержала свое обещание и никому не сказала ни одного слова, кроме как попадье, и то потому только, что корова ее ходила еще в степи и могла быть захвачена злодеями.

Вскоре все заговорили о Пугачеве. Толки были различны. Комендант послал урядника с поручением разведать хорошенько обо всем по соседним селениям и крепостям. Урядник возвратился через два дня и объявил, что в степи верст за шестьдесят от крепости видел он множество огней и слышал от башкирцев, что идет неведомая сила. Впрочем не мог он сказать ничего положительного, потому что ехать далее побоялся.

В крепости между казаками заметно стало необыкновенное волнение; во всех улицах они толпились в кучки, тихо разговаривали между собою и расходились, увидя драгуна или гарнизонного солдата. Подосланы были к ним лазутчики. Юлай, крещеный калмык, сделал коменданту важное донесение. Показания урядника, по словам Юлая, были ложны: по возвращении своем, лукавый казак объявил своим товарищам, что он был у бунтовщиков, представлялся самому их предводителю, который допустил его к своей руке и долго с ним разговаривал. Комендант немедленно посадил урядника под караул, а Юлая назначил на

его место. Эта новость принята была казаками с явным неудовольствием. Они громко роптали, и Иван Игнатьич, исполнитель комендантского распоряжения, слышал своими ушами, как они говорили: „Вот ужо̀ тебе будет, гарнизонная крыса!“ Комендант думал в тот же день допросить своего арестанта; но урядник бежал из-под караула, вероятно при помощи своих единомышленников.

Новое обстоятельство усилило беспокойство коменданта. Схвачен был башкирец с возмутительными листами. По сему случаю комендант думал опять собрать своих офицеров и для того хотел опять удалить Василису Егоровну под благовидным предлогом. Но как Иван Кузмич был человек самый прямодушный и правдивый, то и не нашел другого способа, кроме как единожды уже им употребленного.

„Слышь ты, Василиса Егоровна“, — сказал он ей покашливая. — „Отец Герасим получил, говорят, из города...“ — Полно врать, Иван Кузмич, — перервала комендантша; — ты, знать, хочешь собрать совещание, да без меня потолковать об Емельяне Пугачеве; да лих, не проведешь! — Иван Кузмич вытаращил глаза. „Ну, матушка“, — сказал он — „коли ты уже всё знаешь, так пожалуй оставайся; мы потолкуем и при тебе“. — То-то, батька мой, — отвечала она; — не тебе бы хитрить; посылай-ка за офицерами.

Мы собрались опять. Иван Кузмич в присутствии жены прочел нам воззвание Пугачева, писанное каким-нибудь полуграмотным казаком. Разбойник объявлял о своем намерении немедленно идти на нашу крепость; приглашал казаков и солдат в свою шайку, а командиров увещевал не сопротивляться, угрожая казнию в противном случае. Воззвание написано было в грубых, но сильных выражениях и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей.

„Каков мошенник!“ — воскликнула комендантша. — „Что смеет еще нам предлагать! Выдти к нему на встречу и положить к ногам его знамена! Ах он собачий сын! Да разве не знает он, что мы уже сорок лет в службе и всего, слава богу, насмотрелись? Неужто нашлись такие командиры, которые послушались разбойника?“

— Кажется, не должно бы — отвечал Иван Кузмич. — А слышно, злодей завладел уж многими крепостями.

„Видно он в самом деле силен“ — заметил Швабрин.

— А вот сейчас узнаем настоящую его силу — сказал комендант. — Василиса Егоровна, дай мне ключ от анбара. Иван Игнатьич, приведи-ка башкирца, да прикажи Юлаю принести сюда плетей.

„Постой, Иван Кузмич“ — сказала комендантша, вставая с места. — „Дай уведу Машу куда-нибудь из дому; а то услышит крик, перепу-

гается. Да и я, правду сказать, не охотница до розыска. Счастливо оставаться".

Пытка в старину так была укоренена в обычаях судопроизводства, что благодетельный указ, уничтоживший оную, долго оставался безо всякого действия. Думали, что собственное признание преступника необходимо было для его полного обличения, — мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо, если отрицание подсудимого не приемлется в доказательство его невинности, то признание его и того менее должно быть доказательством его виновности. Даже и ныне случается мне слышать старых судей, жалеющих об уничтожении варварского обычая. В наше же время никто не сомневался в необходимости пытки, ни судьи, ни подсудимые. И так приказание коменданта никого из нас не удивило и не встревожило. Иван Игнатьич отправился за башкирцем, который сидел в анбаре под ключом у комендантши, и через несколько минут невольника привели в переднюю. Комендант велел его к себе представить.

Башкирец с трудом шагнул через порог (он был в колодке) и, сняв высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянул на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа ни ушей. Голова его была выбрита; вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого росту, тощ и сгорблен; но узенькие глаза его сверкали еще огнем. „Эхе!" — сказал комендант, узнав, по страшным его приметам, одного из бунтовщиков, наказанных в 1741 году. — „Да ты видно старый волк, побывал в наших капканах. Ты знать не впервой уже бунтуешь, коли у тебя так гладко выстрогана башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подослал?"

Старый башкирец молчал и глядел на коменданта с видом совершенного бессмыслия. „Что̀ же ты молчишь?" — продолжал Иван Кузмич: — „али бельмес по-русски не разумеешь? Юлай, спроси-ка у него по вашему, кто его подослал в нашу крепость?"

Юлай повторил на татарском языке вопрос Ивана Кузмича. Но башкирец глядел на него с тем же выражением, и не отвечал ни слова.

„Якши" — сказал комендант; — „ты у меня заговоришь. Ребята! сымите-ка с него дурацкий полосатый халат, да выстрочите ему спину. Смотри ж, Юлай: хорошенько его!"

Два инвалида стали башкирца раздевать. Лицо несчастного изобразило беспокойство. Он оглядывался на все стороны, как зверок, пойманный детьми. Когда ж один из инвалидов взял его руки и, положив

их себе около шеи, поднял старика на свои плечи, а Юлай взял плеть и замахнулся: тогда башкирец застонал слабым, умоляющим голосом и, кивая головою, открыл рот, в котором вместо языка шевелился короткий обрубок.

Когда вспомню, что это случилось на моем веку и что ныне дожил я до кроткого царствования императора Александра, не могу не дивиться быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия. Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений.

Все были поражены. „Ну“ — сказал комендант — „видно нам от него толку не добиться. Юлай, отведи башкирца в анбар. А мы, господа, кой о чем еще потолкуем“.

Мы стали рассуждать о нашем положении, как вдруг Василиса Егоровна вошла в комнату, задыхаясь и с видом чрезвычайно встревоженным.

„Что̀ это с тобою сделалось?“ — спросил изумленный комендант.

— Батюшки, беда! — отвечала Василиса Егоровна. — Нижнеозерная взята сегодня утром. Работник отца Герасима сейчас оттуда воротился. Он видел, как ее брали. Комендант и все офицеры перевешаны. Все солдаты взяты в полон. Того и гляди злодеи будут сюда.

Неожиданная весть сильно меня поразила. Комендант Нижнеозерной крепости, тихий и скромный молодой человек, был мне знаком: месяца за два перед тем проезжал он из Оренбурга с молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузмича. Нижнеозерная находилась от нашей крепости верстах в двадцати пяти. С часу на час должно было и нам ожидать нападения Пугачева. Участь Марьи Ивановны живо представилась мне, и сердце у меня так и замерло.

— Послушайте, Иван Кузмич! — сказал я коменданту. — Долг наш защищать крепость до последнего нашего издыхания; об этом и говорить нечего. Но надобно подумать о безопасности женщин. Отправьте их в Оренбург, если дорога еще свободна, или в отдаленную, более надежную крепость, куда злодеи не успели бы достигнуть.

Иван Кузмич оборотился к жене и сказал ей:

„А слышь ты, матушка, и в самом деле, не отправить ли вас подале, пока не управимся мы с бунтовщиками?“

— И, пустое! — сказала комендантша. — Где такая крепость, куда бы пули не залетали? Чем Белогорская ненадежна? Слава богу, два-

дцать второй год в ней проживаем. Видали и башкирцев и киргизцев: авось и от Пугачева отсидимся!

„Ну, матушка“, — возразил Иван Кузмич — „оставайся, пожалуй, коли ты на крепость нашу надеешься. Да с Машей-то что нам делать? Хорошо, коли отсидимся, или дождемся сикурса; ну, а коли злодеи возьмут крепость?“

— Ну, тогда... — Тут Василиса Егоровна заикнулась и замолчала с видом чрезвычайного волнения.

„Нет, Василиса Егоровна“, — продолжал комендант, замечая, что слова его подействовали, может быть, в первый раз в его жизни. — „Маше здесь оставаться не гоже. Отправим ее в Оренбург к ее крестной матери: там и войска и пушек довольно, и стена каменная. Да и тебе советовал бы с нею туда же отправиться; даром что ты старуха, а посмотри, что̀ с тобою будет, коли возьмут фортецию приступом“.

— Добро, — сказала комендантша, — так и быть, отправим Машу. А меня и во сне не проси: не поеду. Нечего мне под старость лет расставаться с тобою, да искать одинокой могилы на чужой сторонке. Вместе жить, вместе и умирать.

„И то дело“ — сказал комендант. — „Ну, медлить нечего. Ступай готовить Машу в дорогу. Завтра чем свет ее и отправим, да дадим ей и конвой, хоть людей лишних у нас и нет. Да где же Маша?“

— У Акулины Памфиловны, — отвечала комендантша. — Ей сделалось дурно, как услышала о взятии Нижнеозерной; боюсь, чтобы не занемогла. Господи владыко, до чего мы дожили!

Василиса Егоровна ушла хлопотать об отъезде дочери. Разговор у коменданта продолжался; но я уже в него не мешался и ничего не слушал. Марья Ивановна явилась к ужину бледная и заплаканная. Мы отужинали молча, и встали изо стола скорее обыкновенного; простясь со всем семейством, мы отправились по домам. Но я нарочно забыл свою шпагу и воротился за нею: я предчувствовал, что застану Марью Ивановну одну. В самом деле, она встретила меня в дверях и вручила мне шпагу. „Прощайте, Петр Андреич!“ — сказала она мне со слезами. — „Меня посылают в Оренбург. Будьте живы и счастливы; может быть, господь приведет нам друг с другом увидеться; если же нет...“ Тут она зарыдала. Я обнял ее. — Прощай, ангел мой, — сказал я, — прощай, моя милая, моя желанная! Что бы со мною ни было, верь, что последняя моя мысль и последняя молитва будет о тебе! — Маша рыдала, прильнув к моей груди. Я с жаром ее поцеловал и поспешно вышел из комнаты.

Глава VII

ПРИСТУП

Голова моя, головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года.
Ах, не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости,
Как ни слова себе доброго
И ни рангу себе высокого;
Только выслужила головушка
Два высокие столбика,
Перекладинку кленовую,
Еще петельку шелковую.

Народная песня.

В эту ночь я не спал и не раздевался. Я намерен был отправиться на заре к крепостным воротам, откуда Марья Ивановна должна была выехать, и там проститься с нею в последний раз. Я чувствовал в себе великую перемену: волнение души моей было мне гораздо менее тягостно, нежели то уныние, в котором еще недавно был я погружен. С грустию разлуки сливались во мне и неясные, но сладостные надежды, и нетерпеливое ожидание опасностей, и чувства благородного честолюбия. Ночь прошла незаметно. Я хотел уже выдти из дому, как дверь моя отворилась и ко мне явился капрал с донесением, что наши казаки ночью выступили из крепости, взяв насильно с собою Юлая, и что около крепости разъезжают неведомые люди. Мысль, что Марья Ивановна не успеет выехать, ужаснула меня; я поспешно дал капралу несколько наставлений, и тотчас бросился к коменданту.

Уж рассветало. Я летел по улице, как услышал, что зовут меня. Я остановился. „Куда вы?“ — сказал Иван Игнатьич, догоняя меня.— „Иван Кузмич на валу и послал меня за вами. Пугач пришел“.— Уехала ли Марья Ивановна? — спросил я с сердечным трепетом.— „Не успела“ — отвечал Иван Игнатьич: — „дорога в Оренбург отрезана; крепость окружена. Плохо, Петр Андреич!“

Мы пошли на вал, возвышение, образованное природой и укрепленное частоколом. Там уже толпились все жители крепости. Гарнизон стоял в ружье. Пушку туда перетащили накануне. Комендант расхаживал перед своим малочисленным строем. Близость опасности одушевляла старого воина бодростию необыкновенной. По степи, не в дальнем расстоянии от крепости, разъезжали человек двадцать верхами.

Они, казалося, казаки, но между ими находились и башкирцы, которых легко можно было распознать по их рысьим шапкам и по колчанам. Комендант обошел свое войско, говоря солдатам: „Ну, детушки, постоим сегодня за матушку государыню и докажем всему свету, что мы люди бравые и присяжные!“ Солдаты громко изъявили усердие. Швабрин стоял подле меня и пристально глядел на неприятеля. Люди, разъезжающие в степи, заметя движение в крепости, съехались в кучку и стали между собою толковать. Комендант велел Ивану Игнатьичу навести пушку на их толпу, и сам приставил фитиль. Ядро зажужжало и пролетело над ними, не сделав никакого вреда. Наездники, рассеясь, тотчас ускакали из виду, и степь опустела.

Тут явилась на валу Василиса Егоровна и с нею Маша, не хотевшая отстать от нее.—„Ну, что?“—сказала комендантша.—„Каково идет баталья? Где же неприятель?“—Неприятель недалече,—отвечал Иван Кузмич.—Бог даст, всё будет ладно. Что, Маша, страшно тебе?—„Нет, папенька“,—отвечала Марья Ивановна;—„дома одной страшнее“. Тут она взглянула на меня и с усилием улыбнулась. Я невольно стиснул рукоять моей шпаги, вспомня, что накануне получил ее из ее рук, как бы на защиту моей любезной. Сердце мое горело. Я воображал себя ее рыцарем. Я жаждал доказать, что был достоин ее доверенности, и с нетерпением стал ожидать решительной минуты.

В это время из-за высоты, находившейся в полверсте от крепости, показались новые конные толпы, и вскоре степь усеялась множеством людей, вооруженных копьями и сайдаками. Между ими на белом коне ехал человек в красном кафтане, с обнаженной саблею в руке: это был сам Пугачев. Он остановился; его окружили и, как видно, по его повелению, четыре человека отделились и во весь опор подскакали под самую крепость. Мы в них узнали своих изменников. Один из них держал над шапкою лист бумаги; у другого на копье воткнута была голова Юлая, которую, стряхнув, перекинул он к нам чрез частокол. Голова бедного калмыка упала к ногам коменданта. Изменники кричали:

„Не стреляйте; выходите вон к государю. Государь здесь!“

„Вот я вас!“—закричал Иван Кузмич.—„Ребята! стреляй!“ Солдаты наши дали залп. Казак, державший письмо, зашатался и свалился с лошади; другие поскакали назад. Я взглянул на Марью Ивановну. Пораженная видом окровавленной головы Юлая, оглушенная залпом, она казалась без памяти. Комендант подозвал капрала и велел ему взять лист из рук убитого казака. Капрал вышел в поле и возвратился, ведя под уздцы лошадь убитого. Он вручил коменданту письмо. Иван Кузмич прочел его про себя и разорвал потом в клочки. Между тем мя-

тежники видимо приготовлялись к действию. Вскоре пули начали свистать около наших ушей, и несколько стрел воткнулись около нас в землю и в частокол. „Василиса Егоровна!“ — сказал комендант. — „Здесь не бабье дело; уведи Машу; видишь: девка ни жива, ни мертва“.

Василиса Егоровна, присмиревшая под пулями, взглянула на степь, на которой заметно было большое движение; потом оборотилась к мужу и сказала ему: „Иван Кузмич, в животе и смерти бог волен; благослови Машу. Маша, подойди к отцу“.

Маша, бледная и трепещущая, подошла к Ивану Кузмичу, стала на колени и поклонилась ему в землю. Старый комендант перекрестил ее трижды; потом поднял и, поцеловав, сказал ей изменившимся голосом: „Ну, Маша, будь счастлива. Молись богу: он тебя не оставит. Коли найдется добрый человек, дай бог вам любовь да совет. Живите, как жили мы с Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорее“. (Маша кинулась ему на шею, и зарыдала.) — Поцелуемся ж и мы, — сказала заплакав комендантша. — Прощай, мой Иван Кузмич. Отпусти мне, коли в чем я тебе досадила! — „Прощай, прощай, матушка!“ — сказал комендант, обняв свою старуху. — „Ну, довольно! Ступайте, ступайте домой; да коли успеешь, надень на Машу сарафан“. Комендантша с дочерью удалились. Я глядел во след Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мне головой. Тут Иван Кузмич оборотился к нам, и всё внимание его устремилось на неприятеля. Мятежники съезжались около своего предводителя, и вдруг начали слезать с лошадей. „Теперь стойте крепко“ — сказал комендант; — „будет приступ...“ В эту минуту раздался страшный визг и крики; мятежники бегом бежали к крепости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендант подпустил их на самое близкое расстояние, и вдруг выпалил опять. Картечь хватила в самую средину толпы. Мятежники отхлынули в обе стороны и попятились. Предводитель их остался один впереди... Он махал саблею и, казалось, с жаром их уговаривал... Крик и визг, умолкнувшие на минуту, тотчас снова возобновились. „Ну, ребята“, — сказал комендант; — „теперь отворяй ворота, бей в барабан. Ребята! вперед, на вылазку, за мною!“

Комендант, Иван Игнатьич и я мигом очутились за крепостным валом; но обробелый гарнизон не тронулся. „Что ж вы, детушки, стоите?“ — закричал Иван Кузмич. — „Умирать, так умирать: дело служивое!“ В эту минуту мятежники набежали на нас и ворвались в крепость. Барабан умолк; гарнизон бросил ружья; меня сшибли было с ног, но я встал и вместе с мятежниками вошел в крепость. Комендант, раненый в голову, стоял в кучке злодеев, которые требовали от него клю-

чей. Я бросился было к нему на помощь: несколько дюжих казаков схватили меня и связали кушаками, приговаривая: „Вот ужо вам будет, государевым ослушникам!“ Нас потащили по улицам; жители выходили из домов с хлебом и солью. Раздавался колокольный звон. Вдруг закричали в толпе, что государь на площади ожидает пленных и принимает присягу. Народ повалил на площадь; нас погнали туда же.

Пугачев сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нем был красивый казацкий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза. Лицо его показалось мне знакомо. Казацкие старшины окружали его. Отец Герасим, бледный и дрожащий, стоял у крыльца, с крестом в руках, и, казалось, молча, умолял его за предстоящие жертвы. На площади ставили наскоро виселицу. Когда мы приближились, башкирцы разогнали народ и нас представили Пугачеву. Колокольный звон утих; настала глубокая тишина. „Который комендант?“ — спросил самозванец. Наш урядник выступил из толпы и указал на Ивана Кузмича. Пугачев грозно взглянул на старика и сказал ему: „Как ты смел противиться мне, своему государю?“ Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твердым голосом: „Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!“ Пугачев мрачно нахмурился и махнул белым платком. Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице. На ее перекладине очутился верхом изувеченный башкирец, которого допрашивали мы накануне. Он держал в руке веревку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузмича вздернутого на воздух. Тогда привели к Пугачеву Ивана Игнатьича. „Присягай“ — сказал ему Пугачев — „государю Петру Феодоровичу!“ — Ты нам не государь, — отвечал Иван Игнатьич, повторяя слова своего капитана. — Ты, дядюшка, вор и самозванец! — Пугачев махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальника.

Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачева, готовясь повторить ответ великодушных моих товарищей. Тогда, к неописанному моему изумлению, увидел я среди мятежных старшин Швабрина, обстриженного в кружок и в казацком кафтане. Он подошел к Пугачеву и сказал ему на ухо несколько слов. „Вешать его!“ — сказал Пугачев, не взглянув уже на меня. Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, принося богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащили под виселицу. „Не бось, не бось“, — повторяли мне губители, может быть и вправду желая меня ободрить. Вдруг услышал я

крик: „Постойте, окаянные! погодите!..“ Палачи остановились. Гляжу: Савельич лежит в ногах у Пугачева. „Отец родной!“ — говорил бедный дядька.— „Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради, вели повесить хоть меня старика!“ Пугачев дал знак, и меня тотчас развязали и оставили. „Батюшка наш тебя милует“ — говорили мне. В эту минуту не могу сказать, чтоб я обрадовался своему избавлению, не скажу однако ж, чтоб я о нем и сожалел. Чувствования мои были слишком смутны. Меня снова привели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачев протянул мне жилистую свою руку. „Целуй руку, целуй руку!“ — говорили около меня. Но я предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению. „Батюшка Петр Андреич!“ — шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня.— „Не упрямься! что тебе стоит? плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку“. Я не шевелился. Пугачев опустил <руку>, сказав с усмешкою: „Его благородие знать одурел от радости. Подымите его!“ — Меня подняли и оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение ужасной комедии.

Жители начали присягать. Они подходили один за другим, целуя распятие и потом кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тут же. Ротный портной, вооруженный тупыми своими ножницами, резал у них косы. Они, отряхиваясь, подходили к руке Пугачева, который объявлял им прощение и принимал в свою шайку. Всё это продолжалось около трех часов. Наконец Пугачев встал с кресел и сошел с крыльца в сопровождении своих старшин. Ему подвели белого коня, украшенного богатой сбруей. Два казака взяли его под руки и посадили на седло. Он объявил отцу Герасиму, что будет обедать у него. В эту минуту раздался женский крик. Несколько разбойников вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздетую донага. Один из них успел уже нарядиться в ее душегрейку. Другие таскали перины, сундуки, чайную посуду, белье и всю рухлядь. „Батюшки мои!“ — кричала бедная старушка.— „Отпустите душу на покаяние. Отцы родные, отведите меня к Ивану Кузмичу“. Вдруг она взглянула на виселицу и узнала своего мужа. „Злодеи!“ — закричала она в исступлении.— „Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузмич, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!“ — Унять старую ведьму! — сказал Пугачев. Тут молодой казак ударил ее саблею по голове, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачев уехал; народ бросился за ним.

Глава VIII

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Незванный гость хуже татарина.
Пословица.

Площадь опустела. Я всё стоял на одном месте, и не мог привести в порядок мысли, смущенные столь ужасными впечатлениями.

Неизвестность о судьбе Марьи Ивановны пуще всего меня мучила. Где она? что с нею? успела ли спрятаться? надежно ли ее убежище?.. Полный тревожными мыслями, я вошел в комендантский дом... Всё было пусто; стулья, столы, сундуки были переломаны; посуда перебита; всё растаскано. Я взбежал по маленькой лестнице, которая вела в светлицу, и в первый раз отроду вошел в комнату Марьи Ивановны. Я увидел ее постелю, перерытую разбойниками; шкап был разломан и ограблен; лампадка теплилась еще перед опустелым кивотом. Уцелело и зеркальце, висевшее в простенке... Где ж была хозяйка этой смиренной, девической кельи? Страшная мысль мелькнула в уме моем: я вообразил ее в руках у разбойников... Сердце мое сжалось... Я горько, горько заплакал и громко произнес имя моей любезной... В эту минуту послышался легкий шум, и из-за шкапа явилась Палаша, бледная и трепещущая.

„Ах, Петр Андреич!" — сказала она, сплеснув руками. — „Какой денёк! какие страсти!.."

— А Марья Ивановна? — спросил я нетерпеливо. — Что Марья Ивановна?

„Барышня жива" — отвечала Палаша. — „Она спрятана у Акулины Памфиловны".

— У попадьи! — вскричал я с ужасом. — Боже мой! да там Пугачев!..

Я бросился вон из комнаты, мигом очутился на улице и опрометью побежал в дом священника, ничего не видя и не чувствуя. Там раздавались крики, хохот и песни... Пугачев пировал с своими товарищами. Палаша прибежала туда же за мною. Я подослал ее вызвать тихонько Акулину Памфиловну. Чрез минуту попадья вышла ко мне в сени с пустым штофом в руках.

— Ради бога! где Марья Ивановна? — спросил я с неизъяснимым волнением.

„Лежит, моя голубушка, у меня на кровати, там за перегородкою" — отвечала попадья. — „Ну, Петр Андреич, чуть было не стряслась беда, да, слава богу, всё прошло благополучно: злодей только что усел-

ся обедать, как она, моя бедняжка, очнется да застонет!.. Я так и обмерла. Он услышал: „А кто это у тебя охает, старуха?“ Я вору в пояс: племянница моя, государь; захворала, лежит, вот уж другая неделя. — „А молода твоя племянница?“ — Молода, государь. — „А покажи-ка мне, старуха, свою племянницу“. — У меня сердце так и йокнуло, да нечего было делать. — Изволь, государь; только девка-то не сможет встать и придти к твоей милости. — „Ничего, старуха, я и сам пойду погляжу“. И ведь пошел окаянный за перегородку; как ты думаешь! ведь отдернул занавес, взглянул ястребиными своими глазами — и ничего... бог вынес! А веришь ли, я и батька мой так уж и приготовились к мученической смерти. К счастию, она, моя голубушка, не узнала его. Господи владыко, дождались мы праздника! Нечего сказать! бедный Иван Кузмич! кто бы подумал!.. А Василиса-то Егоровна? А Иван-то Игнатьич? Его-то за что?.. Как это вас пощадили? А каков Швабрин, Алексей Иваныч? Ведь остригся в кружок и теперь у нас тут же с ними пирует! Проворен, нечего сказать! А как сказала я про больную племянницу, так он, веришь ли, так взглянул на меня, как бы ножом насквозь; однако не выдал, спасибо ему и за то“. — В эту минуту раздались пьяные крики гостей и голос отца Герасима. Гости требовали вина, хозяин кликал сожительницу. Попадья расхлопоталась. „Ступайте себе домой, Петр Андреич“, — сказала она; — „теперь не до вас; у злодеев попойка идет. Беда, попадетесь под пьяную руку. Прощайте, Петр Андреич. Что̀ будет, то будет; авось бог не оставит!“

Попадья ушла. Несколько успокоенный, я отправился к себе на квартиру. Проходя мимо площади, я увидел несколько башкирцев, которые теснились около виселицы и стаскивали сапоги с повешенных; с трудом удержал я порыв негодования, чувствуя бесполезность заступления. По крепости бегали разбойники, грабя офицерские дома. Везде раздавались крики пьянствующих мятежников. Я пришел домой. Савельич встретил меня у порога. „Слава богу!“ — вскричал он, увидя меня. — „Я было думал, что злодеи опять тебя подхватили. Ну, батюшка Петр Андреич! веришь ли? всё у нас разграбили, мошенники: платье, белье, вещи, посуду — ничего не оставили. Да что уж! Слава богу, что тебя живого отпустили! А узнал ли ты, сударь, атамана?“

— Нет, не узнал; а кто ж он такой?

„Как, батюшка? Ты и позабыл того пьяницу, который выманил у тебя тулуп на постоялом дворе? Заячий тулупчик совсем новёшенький, а он, бестия, его так и распорол, напяливая на себя!“

Я изумился. В самом деле сходство Пугачева с моим вожатым было разительно. Я удостоверился, что Пугачев и он были одно и то же

лицо, и понял тогда причину пощады, мне оказанной. Я не мог не подивиться странному сцеплению обстоятельств: детский тулуп, подаренный бродяге, избавлял меня от петли, и пьяница, шатавшийся по постоялым дворам, осаждал крепости и потрясал государством!

„Не изволишь ли покушать?“ — спросил Савельич, неизменный в своих привычках. — „Дома ничего нет; пойду, пошарю, да что-нибудь тебе изготовлю“.

Оставшись один, я погрузился в размышления. Чтò мне было делать? Оставаться в крепости, подвластной злодею, или следовать за его шайкою было неприлично офицеру. Долг требовал, чтоб я явился туда, где служба моя могла еще быть полезна отечеству в настоящих, затруднительных обстоятельствах... Но любовь сильно советовала мне оставаться при Марье Ивановне и быть ей защитником и покровителем. Хотя я и предвидел скорую и несомненную перемену в обстоятельствах, но всё же не мог не трепетать, воображая опасность ее положения.

Размышления мои были прерваны приходом одного из казаков, который прибежал с объявлением, „что-де великий государь требует тебя к себе“. — Где же он? — спросил я, готовясь повиноваться.

„В комендантском“ — отвечал казак. — „После обеда батюшка наш отправился в баню, а теперь отдыхает. Ну, ваше благородие, по всему видно, что персона знатная: за обедом скушать изволил двух жареных поросят, а пàрится так жарко, что и Тарас Курочкин не вытерпел, отдал веник Фомке Бикбаеву, да насилу холодной водой откачался. Нечего сказать: все приемы такие важные... А в бане, слышно, показывал царские свои знаки на грудях: на одной двуглавый орел, величиною с пятак, а на другой персона его“.

Я не почел нужным оспоривать мнения казака и с ним вместе отправился в комендантский дом, заране воображая себе свидание с Пугачевым и стараясь предугадать, чем оно кончится. Читатель легко может себе представить, что я не был совершенно хладнокровен.

Начинало смеркаться, когда пришел я к комендантскому дому. Виселица с своими жертвами страшно чернела. Тело бедной комендантши всё еще валялось под крыльцом, у которого два казака стояли на карауле. Казак, приведший меня, отправился про меня доложить и, тотчас же воротившись, ввел меня в ту комнату, где накануне так нежно прощался я с Марьей Ивановною.

Необыкновенная картина мне представилась. За столом, накрытым скатертью и установленным штофами и стаканами, Пугачев и человек десять казацких старшин сидели, в шапках и цветных рубашках, разгоряченные вином, с красными рожами и блистающими глазами. Между

ими не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобранных изменников. „А, ваше благородие!“ — сказал Пугачев, увидя меня. — „Добро пожаловать; честь и место, милости просим“. Собеседники потеснились. Я молча сел на краю стола. Сосед мой, молодой казак, стройный и красивый, налил мне стакан простого вина, до которого я не коснулся. С любопытством стал я рассматривать сборище. Пугачев на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирая черную бороду своим широким кулаком. Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъявляли ничего свирепого. Он часто обращался к человеку лет пятидесяти, называя его то графом, то Тимофеичем, а иногда величая его дядюшкою. Все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю. Разговор шел об утреннем приступе, об успехе возмущения и о будущих действиях. Каждый хвастал, предлагал свои мнения и свободно оспоривал Пугачева. И на сем-то странном военном совете решено было идти к Оренбургу: движение дерзкое, и которое чуть было не увенчалось бедственным успехом! Поход был объявлен к завтрашнему дню. „Ну, братцы“, — сказал Пугачев — „затянем-ка на сон грядущий мою любимую песенку. Чумаков! начинай!“ — Сосед мой затянул тонким голоском заунывную бурлацкую песню, и все подхватили хором:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мешай мне доброму молодцу думу думати.
Что заутра мне доброму молодцу в допрос идти
Перед грозного судью, самого царя.
Еще станет государь-царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Еще много ли с тобой было товарищей?
Я скажу тебе, надежа православный царь,
Всее правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первой мой товарищ темная ночь,
А второй мой товарищ булатный нож,
А как третий-то товарищ, то мой добрый конь,
А четвертой мой товарищ, то тугой лук,
Что рассыльщики мои, то калены стрелы.
Что возговорит надежа православный царь:
Исполать тебе, детинушка крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной.

Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обреченными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, — всё потрясало меня каким-то пиитическим ужасом.

Гости выпили еще по стакану, встали изо стола и простились с Пугачевым. Я хотел за ними последовать, но Пугачев сказал мне: „Сиди; я хочу с тобою переговорить". — Мы остались глаз на глаз.

Несколько минут продолжалось обоюдное наше молчание. Пугачев смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости. Наконец он засмеялся, и с такою непритворной веселостию, что и я, глядя на него, стал смеяться, сам не зная чему.

„Что, ваше благородие?" — сказал он мне. — „Струсил ты, признайся, когда молодцы мои накинули тебе веревку на шею? Я чаю, небо с овчинку показалось... А покачался бы на перекладине, если б не твой слуга. Я тотчас узнал старого хрыча. Ну, думал ли ты, ваше благородие, что человек, который вывел тебя к умету, был сам великий государь? (Тут он взял на себя вид важный и таинственный.) Ты крепко предо мною виноват" — продолжал он; — „но я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу, когда принужден я был скрываться от своих недругов. То ли еще увидишь! Так ли еще тебя пожалую, когда получу свое государство! Обещаешься ли служить мне с усердием?"

Вопрос мошенника и его дерзость показались мне так забавны, что я не мог не усмехнуться.

„Чему ты усмехаешься?" — спросил он меня нахмурясь. — „Или ты не веришь, что я великий государь? Отвечай прямо".

Я смутился. Признать бродягу государем был я не в состоянии: это казалось мне малодушием непростительным. Назвать его в глаза обманщиком — было подвергнуть себя погибели; и то, на что был я готов под виселицею в глазах всего народа и в первом пылу негодования, теперь казалось мне бесполезной хвастливостию. Я колебался. Пугачев мрачно ждал моего ответа. Наконец (и еще ныне с самодовольствием поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во мне над слабостию человеческою. Я отвечал Пугачеву: Слушай; скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смышленый: ты сам увидел бы, что я лукавствую.

„Кто же я таков, по твоему разумению?"

— Бог тебя знает; но кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку.

Пугачев взглянул на меня быстро. „Так ты не веришь", — сказал он, — „чтоб я был государь Петр Федорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев не царствовал? Думай про меня что хочешь, а от меня не отставай. Какое тебе дело до иного-прочего? Кто ни поп, тот батька. Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы и в князья. Как ты думаешь?"

— Нет, — отвечал я с твердостию. — Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу. Коли ты в самом деле желаешь мне добра, так отпусти меня в Оренбург.

Пугачев задумался. „А коли отпущу" — сказал он — „так обещаешься ли по крайней мере против меня не служить?"

— Как могу тебе в этом обещаться? — отвечал я. — Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: отпустишь меня — спасибо; казнишь — бог тебе судья; а я сказал тебе правду.

Моя искренность поразила Пугачева. „Так и быть" — сказал он, ударя меня по плечу. — „Казнить так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себе спать, и меня уж дрема клонит".

Я оставил Пугачева и вышел на улицу. Ночь была тихая и морозная. Месяц и звезды ярко сияли, освещая площадь и виселицу. В крепости всё было спокойно и темно. Только в кабаке светился огонь и раздавались крики запоздалых гуляк. Я взглянул на дом священника. Ставни и ворота были заперты. Казалось всё в нем было тихо.

Я пришел к себе на квартиру, и нашел Савельича, горюющего по моем отсутствии. Весть о свободе моей обрадовала его несказанно. „Слава тебе, владыко!" — сказал он перекрестившись. — „Чем свет оставим крепость и пойдем, куда глаза глядят. Я тебе кое-что заготовил; покушай-ка, батюшка, да и почивай себе до утра, как у Христа за пазушкой".

Я последовал его совету и, поужинав с большим аппетитом, заснул на голом полу, утомленный душевно и физически.

Глава IX

РАЗЛУКА

Сладко было спознаваться
Мне, прекрасная, с тобой;
Грустно, грустно расставаться,
Грустно, будто бы с душой.

Херасков.

Рано утром разбудил меня барабан. Я пошел на сборное место. Там строились уже толпы пугачевские около виселицы, где всё еще висели вчерашние жертвы. Казаки стояли верхами, солдаты под ружьем. Знамена развевались. Несколько пушек, между коих узнал я и нашу, поставлены были на походные лафеты. Все жители находились тут же, ожидая самозванца. У крыльца комендантского дома казак держал под уздцы прекрасную белую лошадь киргизской породы. Я искал глазами тела комендантши. Оно было отнесено немного в сторону и прикрыто рогожею. Наконец Пугачев вышел из сеней. Народ снял шапки. Пугачев остановился на крыльце и со всеми поздоровался. Один из старшин подал ему мешок с медными деньгами, и он стал их метать пригоршнями. Народ с криком бросался их подбирать, и дело обошлось не без увечья. Пугачева окружили главные из его сообщников. Между ими стоял и Швабрин. Взоры наши встретились; в моем он мог прочесть презрение, и он отворотился с выражением искренней злобы и притворной насмешливости. Пугачев, увидев меня в толпе, кивнул мне головою и подозвал к себе. „Слушай“ — сказал он мне. — „Ступай сей же час в Оренбург и объяви от меня губернатору и всем генералам, чтоб ожидали меня к себе через неделю. Присоветуй им встретить меня с детскою любовию и послушанием; не то не избежать им лютой казни. Счастливый путь, ваше благородие!“ Потом обратился он к народу и сказал, указывая на Швабрина: — „Вот вам, детушки, новый командир. Слушайте его во всем, а он отвечает мне за вас и за крепость“. С ужасом услышал я сии слова: Швабрин делался начальником крепости; Марья Ивановна оставалась в его власти! Боже, что с нею будет! Пугачев сошел с крыльца. Ему подвели лошадь. Он проворно вскочил в седло, не дождавшись казаков, которые хотели было подсадить его.

В это время, из толпы народа, вижу, выступил мой Савельич, подходит к Пугачеву и подает ему лист бумаги. Я не мог придумать, что из того выйдет. „Это что?“ спросил важно Пугачев.

— Прочитай, так изволишь увидеть — отвечал Савельич. Пугачев принял бумагу и долго рассматривал с видом значительным. „Что ты

так мудрено пишешь?“ — сказал он наконец. — „Наши светлые очи не могут тут ничего разобрать. Где мой обер-секретарь?“

Молодой малой в капральском мундире проворно подбежал к Пугачеву. „Читай вслух“ — сказал самозванец, отдавая ему бумагу. Я чрезвычайно любопытствовал узнать, о чем дядька мой вздумал писать Пугачеву. Обер-секретарь громогласно стал по складам читать следующее:

„Два халата, миткалевый и шелковый полосатый, на шесть рублей“.

— Это что значит? — сказал, нахмурясь, Пугачев.

— Прикажи читать далее — отвечал спокойно Савельич.

Обер-секретарь продолжал:

„Мундир из тонкого зеленого сукна, на семь рублей.

„Штаны белые суконные, на пять рублей.

„Двенадцать рубах полотняных голландских с манжетами, на десять рублей.

„Погребец с чайною посудою, на два рубля с полтиною...“

— Что за вранье? — прервал Пугачев. — Какое мне дело до погребцов и до штанов с манжетами?

Савельич крякнул и стал объясняться. „Это, батюшка, изволишь видеть, реестр барскому добру, раскраденному злодеями...“

— Какими злодеями? — спросил грозно Пугачев.

„Виноват: обмолвился“ — отвечал Савельич. — „Злодеи не злодеи, а твои ребята таки пошарили, да порастаскали. Не гневись: конь и о четырех ногах да спотыкается. Прикажи уж дочитать“.

— Дочитывай, — сказал Пугачев. Секретарь продолжал:

„Одеяло ситцевое, другое тафтяное на хлопчатой бумаге, четыре рубля.

„Шуба лисья, крытая алым ратином, 40 рублей.

„Еще заячий тулупчик, пожалованный твоей милости на постоялом дворе, 15 рублей“.

— Это что еще! — вскричал Пугачев, сверкнув огненными глазами.

Признаюсь, я перепугался за бедного моего дядьку. Он хотел было пуститься опять в объяснения, но Пугачев его прервал: „Как ты смел лезть ко мне с такими пустяками? — вскричал он, выхватя бумагу из рук секретаря и бросив ее в лицо Савельичу. — Глупый старик! Их обобрали: экая беда? Да ты должен, старый хрыч, вечно бога молить за меня да за моих ребят, за то, что ты и с барином-то своим не висите здесь вместе с моими ослушниками... Заячий тулуп! Я-те дам заячий тулуп! Да знаешь ли ты, что я с тебя живого кожу велю содрать на тулупы?“

„Капитанская дочка“. С офорта *Е. Я. Хигера*

— Как изволишь, — отвечал Савельич; — а я человек подневольный и за барское добро должен отвечать.

Пугачев был видно в припадке великодушия. Он отворотился и отъехал, не сказав более ни слова. Швабрин и старшины последовали за ним. Шайка выступила из крепости в порядке. Народ пошел провожать Пугачева. Я остался на площади один с Савельичем. Дядька мой держал в руках свой реестр и рассматривал его с видом глубокого сожаления.

Видя мое доброе согласие с Пугачевым, он думал употребить оное в пользу; но мудрое намерение ему не удалось. Я стал было его бранить за неуместное усердие, и не мог удержаться от смеха. „Смейся, сударь“, — отвечал Савельич; — „смейся; а как придется нам сызнова заводиться всем хозяйством, так посмотрим, смешно ли будет“.

Я спешил в дом священника увидеться с Марьей Ивановной. Попадья встретила меня с печальным известием. Ночью у Марьи Ивановны открылась сильная горячка. Она лежала без памяти и в бреду. Попадья ввела меня в ее комнату. Я тихо подошел к ее кровати. Перемена в ее лице поразила меня. Больная меня не узнала. Долго стоял я перед нею, не слушая ни отца Герасима, ни доброй жены его, которые, кажется, меня утешали. Мрачные мысли волновали меня. Состояние бедной, беззащитной сироты, оставленной посреди злобных мятежников, собственное мое бессилие устрашали меня. Швабрин, Швабрин пуще всего терзал мое воображение. Облеченный властию от самозванца, предводительствуя в крепости, где оставалась несчастная девушка — невинный предмет его ненависти, он мог решиться на всё. Что̀ мне было делать? Как подать ей помощь? Как освободить из рук злодея? Оставалось одно средство: я решился тот же час отправиться в Оренбург, дабы торопить освобождение Белогорской крепости, и по возможности тому содействовать. Я простился с священником и с Акулиной Памфиловной, с жаром поручая ей ту, которую почитал уже своею женою. Я взял руку бедной девушки и поцеловал ее, орошая слезами. „Прощайте“ — говорила мне попадья, провожая меня; — „прощайте, Петр Андреич. Авось увидимся в лучшее время. Не забывайте нас и пишите к нам почаще. Бедная Марья Ивановна, кроме вас, не имеет теперь ни утешения, ни покровителя“.

Вышед на площадь, я остановился на минуту, взглянул на виселицу, поклонился ей, вышел из крепости и пошел по Оренбургской дороге, сопровождаемый Савельичем, который от меня не отставал.

Я шел, занятый своими размышлениями, как вдруг услышал за собою конский топот. Оглянулся; вижу: из крепости скачет казак,

держа башкирскую лошадь в поводья и делая издали мне знаки. Я остановился, и вскоре узнал нашего урядника. Он, подскакав, слез с своей лошади и сказал, отдавая мне поводья другой: „Ваше благородие! Отец наш вам жалует лошадь и шубу с своего плеча (к седлу привязан был овчинный тулуп). Да еще“ — примолвил запинаясь урядник — „жалует он вам... полтину денег... да я растерял ее дорогою; простите великодушно“. Савельич посмотрел на него косо и проворчал: Растерял дорогою! А что же у тебя побрякивает за пазухой? Бессовестный! — „Что у меня за пазухой-то побрякивает?“ — возразил урядник, нимало не смутясь. — „Бог с тобою, старинушка. Это бренчит уздечка, а не полтина“. — Добро, — сказал я, — прерывая спор. — Благодари от меня того, кто тебя прислал; а растерянную полтину постарайся подобрать на возвратном пути, и возьми себе на водку. — „Очень благодарен, ваше благородие“, — отвечал он, поворачивая свою лошадь; — „вечно за вас буду бога молить“. При сих словах он поскакал назад, держась одной рукою за пазуху, и через минуту скрылся из виду.

Я надел тулуп и сел верхом, посадив за собою Савельича. „Вот видишь ли, сударь“, — сказал старик, — „что я недаром подал мошеннику челобитье: вору-то стало совестно, хоть башкирская долговязая кляча да овчинный тулуп не стоят и половины того, что они, мошенники, у нас украли, и того, что ты ему сам изволил пожаловать; да всё же пригодится, а с лихой собаки хоть шерсти клок“.

Глава X

ОСАДА ГОРОДА

Заняв луга и горы,
С вершины, как орел, бросал на град он взоры.
За станом повелел соорудить раскат,
И в нем перуны скрыв, в нощи привесть под град.

Херасков.

Приближаясь к Оренбургу, увидели мы толпу колодников с обритыми головами, с лицами, обезображенными щипцами палача. Они работали около укреплений, под надзором гарнизонных инвалидов. Иные вывозили в тележках сор, наполнявший ров; другие лопатками копали землю; на валу каменщики таскали кирпич и чинили городскую стену. У ворот часовые остановили нас и потребовали наших паспортов. Как

скоро сержант услышал, что я еду из Белогорской крепости, то и повел меня прямо в дом генерала.

Я застал его в саду. Он осматривал яблони, обнаженные дыханием осени, и с помощию старого садовника бережно их укутывал теплой соломой. Лицо его изображало спокойствие, здоровье и добродушие. Он мне обрадовался, и стал расспрашивать об ужасных происшествиях, коим я был свидетель. Я рассказал ему всё. Старик слушал меня со вниманием и между тем отрезывал сухие ветви. „Бедный Миронов!“ — сказал он, когда кончил я свою печальную повесть. — „Жаль его: хороший был офицер. И мадам Миронов добрая была дама, и какая майстерица грибы солить! А что Маша, капитанская дочка?“ Я отвечал, что она осталась в крепости на руках у попадьи. „Ай, ай, ай! — заметил генерал. — Это плохо, очень плохо. На дисциплину разбойников никак нельзя положиться. Что будет с бедной девушкою?“ — Я отвечал, что до Белогорской крепости недалеко и что вероятно его превосходительство не замедлит выслать войско для освобождения бедных ее жителей. Генерал покачал головою с видом недоверчивости. „Посмотрим, посмотрим“ — сказал он. — „Об этом мы еще успеем потолковать. Прошу ко мне пожаловать на чашку чаю: сегодня у меня будет военный совет. Ты можешь нам дать верные сведения о бездельнике Пугачеве и об его войске. Теперь покамест поди отдохни“.

Я пошел на квартиру, мне отведенную, где Савельич уже хозяйничал, и с нетерпением стал ожидать назначенного времени. Читатель легко себе представит, что я не преминул явиться на совет, долженствовавший иметь такое влияние на судьбу мою. В назначенный час я уже был у генерала.

Я застал у него одного из городских чиновников, помнится, директора таможни, толстого и румяного старичка в глазетовом кафтане. Он стал расспрашивать меня о судьбе Ивана Кузмича, которого называл кумом, и часто прерывал мою речь дополнительными вопросами и нравоучительными замечаниями, которые, если и не обличали в нем человека сведущего в военном искусстве, то по крайней мере обнаруживали сметливость и природный ум. Между тем собрались и прочие приглашенные. Когда все уселись и всем разнесли по чашке чаю, генерал изложил весьма ясно и пространно, в чем состояло дело: „Теперь, господа“, — продолжал он, — „надлежит решить, как нам действовать противу мятежников: *наступательно, или оборонительно*? Каждый из оных способов имеет свою выгоду и невыгоду. Действие наступательное представляет более надежды на скорейшее истребление неприятеля; действие оборонительное более верно и безо-

пасно... И так, начнем собирать голоса по законному порядку, то есть, начиная с младших по чину. Г. прапорщик!“ — продолжал он, обращаясь ко мне. — „Извольте объяснить нам ваше мнение“.

Я встал и, в коротких словах описав сперва Пугачева и шайку его, сказал утвердительно, что самозванцу способа не было устоять противу правильного оружия.

Мнение мое было принято чиновниками с явною неблагосклонностию. Они видели в нем опрометчивость и дерзость молодого человека. Поднялся ропот, и я услышал явственно слово: молокосос, произнесенное кем-то вполголоса. Генерал обратился ко мне и сказал с улыбкою: „Г. прапорщик! Первые голоса на военных советах подаются обыкновенно в пользу движений наступательных; это законный порядок. Теперь станем продолжать собирание голосов. Г. коллежский советник! скажите нам ваше мнение!“

Старичок в глазетовом кафтане поспешно допил третью свою чашку, значительно разбавленную ромом, и отвечал генералу: „Я думаю, ваше превосходительство, что не должно действовать ни наступательно, ни оборонительно“.

„Как же так, господин коллежский советник?“ — возразил изумленный генерал. — „Других способов тактика не представляет: движение оборонительное, или наступательное...“

— Ваше превосходительство, двигайтесь подкупательно.

„Э-хе-хе! мнение ваше весьма благоразумно. Движения подкупательные тактикою допускаются, и мы воспользуемся вашим советом. Можно будет обещать за голову бездельника... рублей семьдесят или даже сто... из секретной суммы...“

— И тогда, — прервал таможенный директор, — будь я киргизский баран, а не коллежский советник, если эти воры не выдадут нам своего атамана, скованного по рукам и по ногам.

„Мы еще об этом подумаем и потолкуем“ — отвечал генерал. — „Однако, надлежит во всяком случае предпринять и военные меры. Господа, подайте голоса ваши по законному порядку“.

Все мнения оказались противными моему. Все чиновники говорили о ненадежности войск, о неверности удачи, об осторожности и тому подобном. Все полагали, что благоразумнее оставаться под прикрытием пушек за крепкой каменной стеною нежели на открытом поле испытывать счастие оружия. Наконец генерал, выслушав все мнения, вытряхнул пепел из трубки и произнес следующую речь:

„Государи мои! должен я вам объявить, что с моей стороны я совершенно с мнением господина прапорщика согласен: ибо мнение сие

основано на всех правилах здравой тактики, которая всегда почти наступательные движения оборонительным предпочитает".

Тут он остановился и стал набивать свою трубку. Самолюбие мое торжествовало. Я гордо посмотрел на чиновников, которые между собою перешептывались с видом неудовольствия и беспокойства.

„Но, государи мои", — продолжал он, выпустив, вместе с глубоким вздохом, густую струю табачного дыму — „я не смею взять на себя столь великую ответственность, когда дело идет о безопасности вверенных мне провинций ее императорским величеством, всемилостивейшей моею государыней. И так я соглашаюсь с большинством голосов, которое решило, что всего благоразумнее и безопаснее внутри города ожидать осады, а нападения неприятеля силой артиллерии и (буде окажется возможным) вылазками — отражать".

Чиновники в свою очередь насмешливо поглядели на меня. Совет разошелся. Я не мог не сожалеть о слабости почтенного воина, который, наперекор собственному убеждению, решился следовать мнениям людей несведущих и неопытных.

Спустя несколько дней после сего знаменитого совета, узнали мы, что Пугачев, верный своему обещанию, приближался к Оренбургу. Я увидел войско мятежников с высоты городской стены. Мне показалось, что число их вдесятеро увеличилось со времени последнего приступа, коему был я свидетель. При них была и артиллерия, взятая Пугачевым в малых крепостях, им уже покоренных. Вспомня решение совета, я предвидел долговременное заключение в стенах оренбургских, и чуть не плакал от досады.

Не стану описывать оренбургскую осаду, которая принадлежит истории, а не семейственным запискам. Скажу вкратце, что сия осада по неосторожности местного начальства была гибельна для жителей, которые претерпели голод и всевозможные бедствия. Легко можно себе вообразить, что жизнь в Оренбурге была самая несносная. Все с унынием ожидали решения своей участи; все охали от дороговизны, которая в самом деле была ужасна. Жители привыкли к ядрам, залетавшим на их дворы; даже приступы Пугачева уж не привлекали общего любопытства. Я умирал со скуки. Время шло. Писем из Белогорской крепости я не получал. Все дороги были отрезаны. Разлука с Марьей Ивановной становилась мне нестерпима. Неизвестность о ее судьбе меня мучила. Единственное развлечение мое состояло в наездничестве. По милости Пугачева, я имел добрую лошадь, с которой делился скудной пищею, и на которой ежедневно выезжал я за город перестреливаться с пугачевскими наездниками. В этих перестрелках

перевес был обыкновенно на стороне злодеев, сытых, пьяных и доброконных. Тощая городовая конница не могла их одолеть. Иногда выходила в поле и наша голодная пехота; но глубина снега мешала ей действовать удачно противу рассеянных наездников. Артиллерия тщетно гремела с высоты вала, а в поле вязла и не двигалась по причине изнурения лошадей. Таков был образ наших военных действий! И вот что оренбургские чиновники называли осторожностию и благоразумием!

Однажды, когда удалось нам как-то рассеять и прогнать довольно густую толпу, наехал я на казака, отставшего от своих товарищей; я готов был уже ударить его своею турецкою саблею, как вдруг он снял шапку и закричал: „Здравствуйте, Петр Андреич! Как вас бог милует?“

Я взглянул и узнал нашего урядника. Я несказанно ему обрадовался. — Здравствуй, Максимыч, — сказал я ему. — Давно ли из Белогорской?

„Недавно, батюшка Петр Андреич; только вчера воротился. У меня есть к вам письмецо“.

— Где ж оно? — вскричал я, весь так и вспыхнув.

„Со мною“ — отвечал Максимыч, положив руку за пазуху. — „Я обещался Палаше уж как-нибудь да вам доставить“. Тут он подал мне сложенную бумажку и тотчас ускакал. Я развернул ее и с трепетом прочел следующие строки:

„Богу угодно было лишить меня вдруг отца и матери: не имею на земле ни родни, ни покровителей. Прибегаю к вам, зная, что вы всегда желали мне добра и что вы всякому человеку готовы помочь. Молю бога, чтоб это письмо как-нибудь до вас дошло! Максимыч обещал вам его доставить. Палаша слышала также от Максимыча, что вас он часто издали видит на вылазках и что вы совсем себя не бережете и не думаете о тех, которые за вас со слезами бога молят. Я долго была больна; а когда выздоровела, Алексей Иванович, который командует у нас на месте покойного батюшки, принудил отца Герасима выдать меня ему, застращав Пугачевым. Я живу в нашем доме под караулом. Алексей Иванович принуждает меня выдти за него замуж. Он говорит, что спас мне жизнь, потому что прикрыл обман Акулины Памфиловны, которая сказала злодеям, будто бы я ее племянница. А мне легче было бы умереть, нежели сделаться женою такого человека, каков Алексей Иванович. Он обходится со мною очень жестоко и грозится, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезет меня в лагерь к злодею и с вами-де то же будет, что с Лизаветой Харловой. Я просила

Алексея Ивановича дать мне подумать. Он согласился ждать еще три дня; а коли через три дня за него не выду, так уж никакой пощады не будет. Батюшка Петр Андреич! вы один у меня покровитель; заступитесь за меня бедную. Упросите генерала и всех командиров прислать к нам поскорее сикурсу, да приезжайте сами, если можете. Остаюсь вам покорная бедная сирота

Марья Миронова".

Прочитав это письмо, я чуть с ума не сошел. Я пустился в город, без милосердия пришпоривая бедного моего коня. Дорогою придумывал я и то и другое для избавления бедной девушки и ничего не мог выдумать. Прискакав в город, я отправился прямо к генералу и опрометью к нему вбежал.

Генерал ходил взад и вперед по комнате, куря свою пенковую трубку. Увидя меня, он остановился. Вероятно, вид мой поразил его; он заботливо осведомился о причине моего поспешного прихода. — Ваше превосходительство, — сказал я ему, — прибегаю к вам, как к отцу родному; ради бога, не откажите мне в моей просьбе; дело идет о счастии всей моей жизни.

„Что такое, батюшка?" — спросил изумленный старик. — „Что я могу для тебя сделать? Говори".

— Ваше превосходительство, прикажите взять мне роту солдат и полсотни казаков и пустите меня очистить Белогорскую крепость.

Генерал глядел на меня пристально, полагая, вероятно, что я с ума сошел (в чем почти и не ошибался).

„Как это? Очистить Белогорскую крепость?" — сказал он наконец.

— Ручаюсь вам за успех, — отвечал я с жаром. — Только отпустите меня.

„Нет, молодой человек", — сказал он качая головою. — „На таком великом расстоянии неприятелю легко будет отрезать вас от коммуникации с главным стратегическим пунктом и получить над вами совершенную победу. Пресеченная коммуникация..."

Я испугался, увидя его завлеченного в военные рассуждения, и спешил его прервать. — Дочь капитана Миронова, — сказал я ему, — пишет ко мне письмо: она просит помощи; Швабрин принуждает ее выйти за него замуж.

„Неужто? О, этот Швабрин превеликий schelm, и если попадется ко мне в руки, то я велю его судить в 24 часа, и мы расстреляем его на парапете крепости! Но покамест надобно взять терпение!.."

— Взять терпение! — вскричал я вне себя. — А он между тем женится на Марье Ивановне!..

„О!“ — возразил генерал. — „Это еще не беда: лучше ей быть покамест женою Швабрина: он теперь может оказать ей протекцию; а когда его расстреляем, тогда, бог даст, сыщутся ей и женишки. Миленькие вдовушки в девках не сидят; то есть, хотел я сказать, что вдовушка скорее найдет себе мужа, нежели девица“.

— Скорее соглашусь умереть, — сказал я в бешенстве, — нежели уступить ее Швабрину!

„Ба, ба, ба, ба!“ — сказал старик. — „Теперь понимаю: ты, видно, в Марью Ивановну влюблен. О, дело другое! Бедный малый! Но всё же я никак не могу дать тебе роту солдат и полсотни казаков. Эта экспедиция была бы неблагоразумна; я не могу взять ее на свою ответственность“.

Я потупил голову; отчаяние мною овладело. Вдруг мысль мелькнула в голове моей: в чем оная состояла, читатель увидит из следующей главы, как говорят старинные романисты.

Глава XI

МЯТЕЖНАЯ СЛОБОДА

В ту пору лев был сыт, хоть с роду он свиреп.
„Зачем пожаловать изволил в мой вертеп?“
Спросил он ласково.

А. Сумароков.

Я оставил генерала и поспешил на свою квартиру. Савельич встретил меня с обыкновенным своим увещанием. „Охота тебе, сударь, переведываться с пьяными разбойниками! Боярское ли это дело? Не равён час: ни за что пропадешь. И добро бы уж ходил ты на турку или на шведа, а то грех и сказать на кого“.

Я прервал его речь вопросом: сколько у меня всего-на-всё денег? „Будет с тебя“ — отвечал он с довольным видом. — „Мошенники как там ни шарили, а я всё-таки успел утаить“. И с этим словом он вынул из кармана длинный вязаный кошелек полный серебра. — Ну, Савельич, — сказал я ему, — отдай же мне теперь половину; а остальное возьми себе. Я еду в Белогорскую крепость.

„Батюшка Петр Андреич!“ — сказал добрый дядька дрожащим голосом. — „Побойся бога; как тебе пускаться в дорогу в нынешнее вре-

мя, когда никуда проезду нет от разбойников! Пожалей ты хоть своих родителей, коли сам себя не жалеешь. Куда тебе ехать? Зачем? Погоди маленько: войска придут, переловят мошенников; тогда поезжай себе хоть на все четыре стороны".

Но намерение мое было твердо принято. — Поздно рассуждать,— отвечал я старику. — Я должен ехать, я не могу не ехать. Не тужи, Савельич: бог милостив; авось увидимся! Смотри же, не совестись и не скупись. Покупай, что тебе будет нужно, хоть в три-дорога. Деньги эти я тебе дарю. Если через три дня я не ворочусь...

„Что ты это, сударь?"—прервал меня Савельич.— „Чтоб я тебя пустил одного! Да этого и во сне не проси. Коли ты уж решился ехать, то я хоть пешком да пойду за тобой, а тебя не покину. Чтоб я стал без тебя сидеть за каменной стеною? Да разве я с ума сошел? Воля твоя, сударь, а я от тебя не отстану".

Я знал, что с Савельичем спорить было нечего, и позволил ему приготовляться в дорогу. Через полчаса я сел на своего доброго коня, а Савельич на тощую и хромую клячу, которую даром отдал ему один из городских жителей, не имея более средств кормить ее. Мы приехали к городским воротам; караульные нас пропустили; мы выехали из Оренбурга.

Начинало смеркаться. Путь мой шел мимо Бердской слободы, пристанища пугачевского. Прямая дорога занесена была снегом; но по всей степи видны были конские следы, ежедневно обновляемые. Я ехал крупной рысью. Савельич едва мог следовать за мною издали и кричал мне поминутно: „Потише, сударь, ради бога потише. Проклятая клячонка моя не успевает за твоим долгоногим бесом. Куда спешишь? Добро бы на пир, а то под обух, того и гляди... Петр Андреич... батюшка Петр Андреич!.. Не погуби!.. Господи владыко, пропадет барское дитя!"

Вскоре засверкали бердские огни. Мы подъехали к оврагам, естественным укреплениям слободы. Савельич от меня не отставал, не прерывая жалобных своих молений. Я надеялся объехать слободу благополучно, как вдруг увидел в сумраке прямо перед собой человек пять мужиков, вооруженных дубинами; это был передовой караул пугачевского пристанища. Нас окликали. Не зная пароля, я хотел молча проехать мимо их; но они меня тотчас окружили, и один из них схватил лошадь мою за узду. Я выхватил саблю и ударил мужика по голове; шапка спасла его, однако он зашатался и выпустил из рук узду. Прочие смутились и отбежали; я воспользовался этой минутою, пришпорил лошадь и поскакал.

Темнота приближающейся ночи могла избавить меня от всякой опасности, как вдруг, оглянувшись, увидел я, что Савельича со мною не было. Бедный старик на своей хромой лошади не мог ускакать от разбойников. Что было делать? Подождав его несколько минут и удостоверясь в том, что он задержан, я поворотил лошадь и отправился его выручать.

Подъезжая к оврагу, услышал я издали шум, крики и голос моего Савельича. Я поехал скорее и вскоре очутился снова между караульными мужиками, остановившими меня несколько минут тому назад. Савельич находился между ими. Они стащили старика с его клячи и готовились вязать. Прибытие мое их обрадовало. Они с криком бросились на меня и мигом стащили с лошади. Один из них, повидимому главный, объявил нам, что он сейчас поведет нас к государю. „А наш батюшка“ — прибавил он — „волен приказать: сейчас ли вас повесить, али дождаться свету божия“. Я не противился: Савельич последовал моему примеру, и караульные повели нас с торжеством.

Мы перебрались через овраг и вступили в слободу. Во всех избах горели огни. Шум и крики раздавались везде. На улице я встретил множество народу; но никто в темноте нас не заметил и не узнал во мне оренбургского офицера. Нас привели прямо к избе, стоявшей на углу перекрестка. У ворот стояло несколько винных бочек и две пушки. „Вот и дворец“ — сказал один из мужиков: — „сейчас об вас доложим“. Он вошел в избу. Я взглянул на Савельича; старик крестился, читая про себя молитву. Я дожидался долго; наконец мужик воротился и сказал мне: „Ступай: наш батюшка велел впустить офицера“.

Я вошел в избу, или во дворец, как называли ее мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на веревочке, полотенце на гвозде, ухват в углу и широкий шесток, уставленный горшками, — всё было как в обыкновенной избе. Пугачев сидел под образами, в красном кафтане, в высокой шапке и важно подбочась. Около него стояло несколько из главных его товарищей, с видом притворного подобострастия. Видно было, что весть о прибытии офицера из Оренбурга пробудила в бунтовщиках сильное любопытство, и что они приготовились встретить меня с торжеством. Пугачев узнал меня с первого взгляду. Поддельная важность его вдруг исчезла. „А, ваше благородие!“ — сказал он мне с живостию. — „Как поживаешь? За чем тебя бог принес?“ Я. отвечал, что ехал по своему делу и что люди его меня остановили. „А по какому делу?“ спросил он меня. Я не знал, что отвечать. Пугачев, полагая, что я не хочу

объясниться при свидетелях, обратился к своим товарищам и велел им выдти. Все послушались, кроме двух, которые не тронулись с места. „Говори смело при них" — сказал мне Пугачев: — „от них я ничего не таю". Я взглянул наискось на наперсников самозванца. Один из них, тщедушный и сгорбленный старичок с седою бородкою, не имел в себе ничего замечательного, кроме голубой ленты, надетой чрез плечо по серому армяку. Но ввек не забуду его товарища. Он был высокого росту, дороден и широкоплеч, и показался мне лет сорока пяти. Густая рыжая борода, серые сверкающие глаза, нос без ноздрей и красноватые пятна на лбу и на щеках придавали его рябому широкому лицу выражение неизъяснимое. Он был в красной рубахе, в киргизском халате и в казацких шароварах. Первый (как узнал я после) был беглый капрал Белобородов; второй Афанасий Соколов (прозванный Хлопушей), ссыльный преступник, три раза бежавший из сибирских рудников. Несмотря на чувства, исключительно меня волновавшие, общество, в котором я так нечаянно очутился, сильно развлекало мое воображение. Но Пугачев привел меня в себя своим вопросом: „Говори: по какому же делу выехал ты из Оренбурга!"

Странная мысль пришла мне в голову: мне показалось, что провидение, вторично приведшее меня к Пугачеву, подавало мне случай привести в действо мое намерение. Я решился им воспользоваться и, не успев обдумать то, на что решался, отвечал на вопрос Пугачева:

— Я ехал в Белогорскую крепость избавить сироту, которую там обижают.

Глаза у Пугачева засверкали. „Кто из моих людей смеет обижать сироту!" — закричал он. — „Будь он семи пядень во лбу, а от суда моего не уйдет. Говори: кто виноватый?"

— Швабрин виноватый, — отвечал я. — Он держит в неволе ту девушку, которую ты видел, больную, у попадьи, и насильно хочет на ней жениться.

„Я проучу Швабрина" — сказал грозно Пугачев. — „Он узнает, каково у меня своевольничать и обижать народ. Я его повешу".

„Прикажи слово молвить" — сказал Хлопуша хриплым голосом. — „Ты поторопился назначить Швабрина в коменданты крепости, а теперь торопишься его вешать. Ты уж оскорбил казаков, посадив дворянина им в начальники; не пугай же дворян, казня их по первому наговору".

„Нечего их ни жалеть, ни жаловать!" — сказал старичок в голубой ленте. — „Швабрина сказнить не беда; а не худо и господина офицера

допросить порядком: зачем изволил пожаловать. Если он тебя государем не признает, так нечего у тебя и управы искать, а коли признает, что же он до сегодняшнего дня сидел в Оренбурге с твоими супостатами? Не прикажешь ли свести его в приказную, да запалить там огоньку; мне сдается, что его милость подослан к нам от оренбургских командиров".

Логика старого злодея показалась мне довольно убедительною. Мороз пробежал по всему моему телу, при мысли, в чьих руках я находился. Пугачев заметил мое смущение. „Ась, ваше благородие?" — сказал он мне подмигивая. — „Фельдмаршал мой, кажется, говорит дело. Как ты думаешь?"

Насмешка Пугачева возвратила мне бодрость. Я спокойно отвечал, что я нахожусь в его власти и что он волен поступать со мною, как ему будет угодно.

„Добро" — сказал Пугачев. — „Теперь скажи, — в каком состоянии ваш город".

— Слава богу, — отвечал я; — всё благополучно.

„Благополучно?" — повторил Пугачев. — „А народ мрет с голоду!"

Самозванец говорил правду; но я по долгу присяги стал уверять, что всё это пустые слухи и что в Оренбурге довольно всяких запасов.

„Ты видишь" — подхватил старичок — „что он тебя в глаза обманывает. Все беглецы согласно показывают, что в Оренбурге голод и мор, что там едят мертвечину, и то за честь; а его милость уверяет, что всего вдоволь. Коли ты Швабрина хочешь повесить, то уж на той же виселице повесь и этого молодца, чтоб никому не было завидно".

Слова проклятого старика, казалось, поколебали Пугачева. К счастию Хлопуша стал противоречить своему товарищу. „Полно, Наумыч", — сказал он ему. — „Тебе бы всё душить, да резать. Что ты за богатырь? Поглядеть, так в чем душа держится. Сам в могилу смотришь, а других губишь. Разве мало крови на твоей совести?"

— Да ты что за угодник? — возразил Белобородов. — У тебя-то откуда жалость взялась?

„Конечно" — отвечал Хлопуша, — „и я грешен, и эта рука (тут он сжал свой костлявый кулак и, засуча рукава, открыл косматую руку), и эта рука повинна в пролитой христианской крови. Но я губил супротивника, а не гостя; на вольном перепутьи да в темном лесу, не дома, сидя за печью; кистенем и обухом, а не бабьим наговором".

Старик отворотился и проворчал слова: „рваные ноздри!"...

— Что ты там шепчешь, старый хрыч? — закричал Хлопуша. — Я тебе дам рваные ноздри; погоди, придет и твое время; бог даст, и ты

щипцов понюхаешь... А покамест смотри, чтоб я тебе бородишки не вырвал!

„Господа енаралы!“ — провозгласил важно Пугачев. — „Полно вам ссориться. Не беда, если б и все оренбургские собаки дрыгали ногами под одной перекладиной; беда, если наши кобели меж собою перегрызутся. Ну, помиритесь“.

Хлопуша и Белобородов не сказали ни слова, и мрачно смотрели друг на друга. Я увидел необходимость переменить разговор, который мог кончиться для меня очень невыгодным образом, и, обратясь к Пугачеву, сказал ему с веселым видом: Ах! я было и забыл благодарить тебя за лошадь и за тулуп. Без тебя я не добрался бы до города и замерз бы на дороге.

Уловка моя удалась. Пугачев развеселился. „Долг платежом красен“, — сказал он, мигая и прищуриваясь. — „Расскажи-ка мне теперь, какое тебе дело до той девушки, которую Швабрин обижает? Уж не зазноба ли сердцу молодецкому? а?“

— Она невеста моя, — отвечал я Пугачеву, видя благоприятную перемену погоды и не находя нужды скрывать истину.

„Твоя невеста!“ — закричал Пугачев. — „Что ж ты прежде не сказал? Да мы тебя женим, и на свадьбе твоей попируем!“ — Потом обращаясь к Белобородову: — „Слушай, фельдмаршал! Мы с его благородием старые приятели; сядем-ка да поужинаем; утро вечера мудренее. Завтра посмотрим, что с ним сделаем“.

Я рад был отказаться от предлагаемой чести, но делать было нечего. Две молодые казачки, дочери хозяина избы, накрыли стол белой скатертью, принесли хлеба, ухи и несколько штофов с вином и пивом, и я вторично очутился за одною трапезою с Пугачевым и с его страшными товарищами.

Оргия, коей я был невольным свидетелем, продолжалась до глубокой ночи. Наконец хмель начал одолевать собеседников. Пугачев задремал, сидя на своем месте; товарищи его встали и дали мне знак оставить его. Я вышел вместе с ними. По распоряжению Хлопуши, караульный отвел меня в приказную избу, где я нашел и Савельича и где меня оставили с ним взаперти. Дядька был в таком изумлении при виде всего, что̀ происходило, что не сделал мне никакого вопроса. Он улегся в темноте, и долго вздыхал и охал; наконец захрапел, а я предался размышлениям, которые во всю ночь ни на одну минуту не дали мне задремать.

Поутру пришли меня звать от имени Пугачева. Я пошел к нему. У ворот его стояла кибитка, запряженная тройкою татарских лошадей.

Народ толпился на улице. В сенях встретил я Пугачева: он был одет по-дорожному, в шубе и в киргизской шапке. Вчерашние собеседники окружали его, приняв на себя вид подобострастия, который сильно противоречил всему, чему я был свидетелем накануне. Пугачев весело со мною поздоровался и велел мне садиться с ним в кибитку.

Мы уселись. „В Белогорскую крепость!“ — сказал Пугачев широкоплечему татарину, стоя правящему тройкою. Сердце мое сильно забилось. Лошади тронулись, колокольчик загремел, кибитка полетела...

„Стой! стой!“ раздался голос, слишком мне знакомый, — и я увидел Савельича, бежавшего нам на встречу. Пугачев велел остановиться. „Батюшка, Петр Андреич!“ — кричал дядька. — „Не покинь меня на старости лет посреди этих мошен...“ — А, старый хрыч! — сказал ему Пугачев. — Опять бог дал свидеться. Ну, садись на облучок.

„Спасибо, государь, спасибо, отец родной!“ — говорил Савельич усаживаясь. — „Дай бог тебе сто лет здравствовать за то, что меня старика призрил и успокоил. Век за тебя буду бога молить, а о заячьем тулупе и упоминать уж не стану“.

Этот заячий тулуп мог наконец не на шутку рассердить Пугачева. К счастию, самозванец или не расслыхал или пренебрег неуместным намеком. Лошади поскакали; народ на улице останавливался и кланялся в пояс. Пугачев кивал головою на обе стороны. Через минуту мы выехали из слободы и помчались по гладкой дороге.

Легко можно себе представить, что̀ чувствовал я в эту минуту. Через несколько часов должен я был увидеться с той, которую почитал уже для меня потерянною. Я воображал себе минуту нашего соединения... Я думал также и о том человеке, в чьих руках находилась моя судьба, и который по странному стечению обстоятельств таинственно был со мною связан. Я вспоминал об опрометчивой жестокости, о кровожадных привычках того, кто вызывался быть избавителем моей любезной! Пугачев не знал, что она была дочь капитана Миронова: озлобленный Швабрин мог открыть ему всё; Пугачев мог проведать истину и другим образом... Тогда что̀ станется с Марьей Ивановной? Холод пробегал по моему телу, и волоса становились дыбом...

Вдруг Пугачев прервал мои размышления, обратясь ко мне с вопросом:

„О чем, ваше благородие, изволил задуматься?“

— Как не задуматься, — отвечал я ему. — Я офицер и дворянин; вчера еще дрался противу тебя, а сегодня еду с тобой в одной кибитке, и счастие всей моей жизни зависит от тебя.

„Что ж?“ — спросил Пугачев. — „Страшно тебе?“

Я отвечал, что быв однажды уже им помилован, я надеялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

„И ты прав, ей богу прав!“ — сказал самозванец. — „Ты видел, что мои ребята смотрели на тебя косо; а старик и сегодня настаивал на том, что ты шпион, и что надобно тебя пытать и повесить; но я не согласился“, — прибавил он, понизив голос, чтоб Савельич и татарин не могли его услышать, — „помня твой стакан вина и заячий тулуп. Ты видишь, что я не такой еще кровопийца, как говорит обо мне ваша братья“.

Я вспомнил взятие Белогорской крепости; но не почел нужным его оспоривать и не отвечал ни слова.

„Что говорят обо мне в Оренбурге?“ — спросил Пугачев, помолчав немного.

— Да говорят, что с тобою сладить трудновато; нечего сказать: дал ты себя знать.

Лицо самозванца изобразило довольное самолюбие. „Да!“ — сказал он с веселым видом. — „Я воюю хоть куда. Знают ли у вас в Оренбурге о сражении под Юзеевой? Сорок енаралов убито, четыре армии взято в полон. Как ты думаешь: прусский король мог ли бы со мною потягаться?“

Хвастливость разбойника показалась мне забавна. — Сам как ты думаешь? — сказал я ему, — управился ли бы ты с Фридериком?

„С Федором Федоровичем? А как же нет? С вашими енаралами ведь я же управляюсь; а они его бивали. Доселе оружие мое было счастливо. Дай срок, то ли еще будет, как пойду на Москву“.

— А ты полагаешь идти на Москву?

Самозванец несколько задумался и сказал вполголоса: „Бог весть. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою“.

— То-то! — сказал я Пугачеву. — Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни?

Пугачев горько усмехнулся. „Нет“, — отвечал он; — „поздно мне каяться. Для меня не будет помилования. Буду продолжать как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою“.

— А знаешь ты, чем он кончил? Его выбросили из окна, зарезали, сожгли, зарядили его пеплом пушку и выпалили!

„Слушай“ — сказал Пугачев с каким-то диким вдохновением. — „Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. Однажды орел спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица,

отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего-на-всё только тридцатъ три года? — Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орел подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орел да ворон. Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать, да похваливать. Орел клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст! — Какова калмыцкая сказка?"

— Затейлива — отвечал я ему. — Но жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвечину.

Пугачев посмотрел на меня с удивлением и ничего не отвечал. Оба мы замолчали, погрузясь каждый в свои размышления. Татарин затянул унылую песню; Савельич, дремля, качался на облучке. Кибитка летела по гладкому зимнему пути... Вдруг увидел я деревушку на крутом берегу Яика, с частоколом и с колокольней — и через четверть часа въехали мы в Белогорскую крепость.

Глава XII

СИРОТА

Как у нашей у яблонки
Ни верхушки нет, ни отросточек;
Как у нашей у княгинюшки
Ни отца нету, ни матери.
Снарядить-то ее некому,
Благословить-то ее некому.

Свадебная песня.

Кибитка подъехала к крыльцу комендантского дома. Народ узнал колокольчик Пугачева и толпою бежал за нами. Швабрин встретил самозванца на крыльце. Он был одет казаком и отрастил себе бороду. Изменник помог Пугачеву вылезть из кибитки, в подлых выражениях изъявляя свою радость и усердие. Увидя меня, он смутился, но вскоре оправился, протянул мне руку, говоря: „И ты наш? Давно бы так!" — Я отворотился от него и ничего не отвечал.

Сердце мое заныло, когда очутились мы в давно-знакомой комнате, где на стене висел еще диплом покойного коменданта, как печальная эпитафия прошедшему времени. Пугачев сел на том диване, на кото-

ром, бывало, дремал Иван Кузмич, усыпленный ворчанием своей супруги. Швабрин сам поднес ему водки. Пугачев выпил рюмку и сказал ему, указав на меня: „Попотчуй и его благородие“. Швабрин подошел ко мне с своим подносом, но я вторично от него отворотился. Он казался сам не свой. При обыкновенной своей сметливости он, конечно, догадался, что Пугачев был им недоволен. Он трусил перед ним, а на меня поглядывал с недоверчивостию. Пугачев осведомился о состоянии крепости, о слухах про неприятельские войска и тому подобном, и вдруг спросил его неожиданно: „Скажи, братец, какую девушку держишь ты у себя под караулом? Покажи-ка мне ее“.

Швабрин побледнел, как мертвый. — Государь, — сказал он дрожащим голосом... — Государь, она не под караулом... она больна... она в светлице лежит.

„Веди ж меня к ней“ — сказал самозванец, вставая с места. Отговориться было невозможно. Швабрин повел Пугачева в светлицу Марьи Ивановны. Я за ними последовал.

Швабрин остановился на лестнице. „Государь!“ — сказал он. — „Вы властны требовать от меня, что вам угодно; но не прикажите постороннему входить в спальню к жене моей“.

Я затрепетал. „Так ты женат!“ — сказал я Швабрину, готовяся его растерзать.

„Тише!“ — прервал меня Пугачев. — „Это мое дело. А ты“ — продолжал он, обращаясь к Швабрину, — „не умничай и не ломайся: жена ли она тебе или не жена, а я веду к ней кого хочу. Ваше благородие, ступай за мною“.

У дверей светлицы Швабрин опять остановился и сказал прерывающимся голосом: „Государь, предупреждаю вас, что она в белой горячке, и третий день как бредит без умолку“.

— Отворяй! — сказал Пугачев.

Швабрин стал искать у себя в карманах, и сказал, что не взял с собою ключа. Пугачев толкнул дверь ногою; замок отскочил; дверь отворилась, и мы вошли.

Я взглянул и обмер. На полу в крестьянском оборванном платье сидела Марья Ивановна, бледная, худая, с растрепанными волосами. Перед нею стоял кувшин воды, накрытый ломтем хлеба. Увидя меня, она вздрогнула и закричала. Что тогда со мною стало — не помню.

Пугачев посмотрел на Швабрина и сказал с горькой усмешкою: „Хорош у тебя лазарет!“ — Потом, подошед к Марье Ивановне: — „Скажи мне, голубушка, за что твой муж тебя наказывает? в чем ты перед ним провинилась?“

— Мой муж! — повторила она. — Он мне не муж. Я никогда не буду его женою! Я лучше решилась умереть, и умру, если меня не избавят.

Пугачев взглянул грозно на Швабрина: „И ты смел меня обманывать!“ — сказал он ему. — Знаешь ли, бездельник, чего ты достоин?“

Швабрин упал на колени... В эту минуту презрение заглушило во мне все чувства ненависти и гнева. С омерзением глядел я на дворянина, валяющегося в ногах беглого казака. Пугачев смягчился. „Милую тебя на сей раз“ — сказал он Швабрину; — „но знай, что при первой вине тебе припомнится и эта“. Потом обратился он к Марье Ивановне и сказал ей ласково: „Выходи, красная девица; дарую тебе волю. Я государь“.

Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что перед нею убийца ее родителей. Она закрыла лицо обеими руками и упала без чувств. Я кинулся к ней, но в эту минуту очень смело в комнату втерлась моя старинная знакомая Палаша и стала ухаживать за своею барышнею. Пугачев вышел из светлицы, и мы трое сошли в гостиную.

„Что, ваше благородие?“ — сказал смеясь Пугачев. — „Выручили красную девицу! Как думаешь, не послать ли за попом, да не заставить ли его обвенчать племянницу? Пожалуй, я буду посаженым отцом, Швабрин дружкою; закутим, запьем — и ворота запрем!“

Чего я опасался, то и случилось. Швабрин, услыша предложение Пугачева, вышел из себя. „Государь!“ — закричал он в исступлении. — „Я виноват, я вам солгал, но и Гринев вас обманывает. Эта девушка не племянница здешнего попа: она дочь Ивана Миронова, который казнен при взятии здешней крепости“.

Пугачев устремил на меня огненные свои глаза. „Это что еще?“ — спросил он меня с недоумением.

— Швабрин сказал тебе правду, — отвечал я с твердостию.

„Ты мне этого не сказал“ — заметил Пугачев, у коего лицо омрачилось.

— Сам ты рассуди, — отвечал я ему, — можно ли было при твоих людях объявить, что дочь Миронова жива. Да они бы ее загрызли. Ничто ее бы не спасло!

„И то правда“ — сказал смеясь Пугачев. — „Мои пьяницы не пощадили бы бедную девушку. Хорошо сделала кумушка-попадья, что обманула их“.

— Слушай, — продолжал я, видя его доброе расположение. — Как тебя назвать не знаю, да и знать не хочу... Но бог видит, что жиз-

нию моей рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести. Ты мой благодетель. Доверши как начал: отпусти меня с бедной сиротою, куда нам бог путь укажет. А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою ни случилось, каждый день будем бога молить о спасении грешной твоей души...

Казалось, суровая душа Пугачева была тронута. „Ин быть потвоему!“ — сказал он. — „Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай. Возьми себе свою красавицу; вези ее, куда хочешь, и дай вам бог любовь да совет!“

Тут он обратился к Швабрину и велел выдать мне пропуск во все заставы и крепости, подвластные ему. Швабрин, совсем уничтоженный, стоял как остолбенелый. Пугачев отправился осматривать крепость. Швабрин его сопровождал; а я остался под предлогом приготовлений к отъезду.

Я побежал в светлицу. Двери были заперты. Я постучался. „Кто там?“ спросила Палаша. Я назвался. Милый голосок Марьи Ивановны раздался из-за дверей. „Погодите, Петр Андреич. Я переодеваюсь. Ступайте к Акулине Памфиловне; я сейчас туда же буду“.

Я повиновался и пошел в дом отца Герасима. И он и попадья выбежали ко мне навстречу. Савельич их уже предупредил. „Здравствуйте, Петр Андреевич“, — говорила попадья. — „Привел бог опять увидеться. Как поживаете? А мы-то про вас каждый день поминали. А Марья-то Ивановна всего натерпелась без вас, моя голубушка!.. Да скажите, мой отец, как это вы с Пугачевым-то поладили? Как он это вас не укокошил? Добро, спасибо злодею и за то“. — Полно, старуха, — прервал отец Герасим. — Не всё то ври, что знаешь. Несть спасения во многом глаголании. Батюшка Петр Андреевич! войдите, милости просим. Давно, давно не видались.

Попадья стала угощать меня чем бог послал. А между тем говорила без умолку. Она рассказала мне, каким образом Швабрин принудил их выдать ему Марью Ивановну; как Марья Ивановна плакала и не хотела с ними расстаться; как Марья Ивановна имела с нею всегдашние сношения через Палашку (девку бойкую, которая и урядника заставляет плясать по своей дудке); как она присоветовала Марье Ивановне написать ко мне письмо и прочее. Я в свою очередь рассказал ей вкратце свою историю. Поп и попадья крестились, услыша, что Пугачеву известен их обман. „С нами сила крестная!“ — говорила Акулина Памфиловна. — „Промчи бог тучу мимо. Ай-да Алексей Иваныч; нечего сказать: хорош гусь!“ — В самую эту минуту дверь отворилась, и Марья Ивановна

вошла с улыбкою на бледном лице. Она оставила свое крестьянское платье и одета была по-прежнему, просто и мило.

Я схватил ее руку и долго не мог вымолвить ни одного слова. Мы оба молчали от полноты сердца. Хозяева наши почувствовали, что нам было не до них, и оставили нас. Мы остались одни. Всё было забыто. Мы говорили и не могли наговориться. Марья Ивановна рассказала мне всё, что с нею ни случилось с самого взятия крепости; описала мне весь ужас ее положения, все испытания, которым подвергал ее гнусный Швабрин. Мы вспомнили и прежнее счастливое время... Оба мы плакали... Наконец я стал объяснять ей мои предположения. Оставаться ей в крепости, подвластной Пугачеву и управляемой Швабриным, было невозможно. Нельзя было думать и об Оренбурге, претерпевающем все бедствия осады. У ней не было на свете ни одного родного человека. Я предложил ей ехать в деревню к моим родителям. Она сначала колебалась: известное ей неблагорасположение отца моего ее пугало. Я ее успокоил. Я знал, что отец почтет за счастие и вменит себе в обязанность принять дочь заслуженного воина, погибшего за отечество. — Милая Марья Ивановна! — сказал я наконец. — Я почитаю тебя своею женою. Чудные обстоятельства соединили нас неразрывно: ничто на свете не может нас разлучить. — Марья Ивановна выслушала меня просто, без притворной застенчивости, без затейливых отговорок. Она чувствовала, что судьба ее соединена была с моею. Но она повторила, что не иначе будет моею женою, как с согласия моих родителей. Я ей и не противоречил. Мы поцеловались горячо, искренно — и таким образом всё было между нами решено.

Чрез час урядник принес мне пропуск, подписанный каракульками Пугачева, и позвал меня к нему от его имени. Я нашел его готового пуститься в дорогу. Не могу изъяснить то, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком, извергом, злодеем для всех, кроме одного меня. Зачем не сказать истины? В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему. Я пламенно желал вырвать его из среды злодеев, которыми он предводительствовал, и спасти его голову, пока еще было время. Швабрин и народ, толпящийся около нас, помешали мне высказать всё, чем исполнено было мое сердце.

Мы расстались дружески. Пугачев, увидя в толпе Акулину Памфиловну, погрозил пальцем и мигнул значительно; потом сел в кибитку, велел ехать в Берду, и когда лошади тронулись, то он еще раз высунулся из кибитки и закричал мне: „Прощай, ваше благородие! Авось увидимся когда-нибудь“. — Мы точно с ним увиделись, но в каких обстоятельствах!..

Пугачев уехал. Я долго смотрел на белую степь, по которой неслась его тройка. Народ разошелся. Швабрин скрылся. Я воротился в дом священника. Всё было готово к нашему отъезду; я не хотел более медлить. Добро наше всё было уложено в старую комендантскую повозку. Ямщики мигом заложили лошадей. Марья Ивановна пошла проститься с могилами своих родителей, похороненных за церковью. Я хотел ее проводить, но она просила меня оставить ее одну. Через несколько минут она воротилась, обливаясь молча тихими слезами. Повозка была подана. Отец Герасим и жена его вышли на крыльцо. Мы сели в кибитку втроем: Марья Ивановна с Палашей и я. Савельич забрался на облучок. „Прощай, Марья Ивановна, моя голубушка! прощайте, Петр Андреич, сокол наш ясный!“ — говорила добрая попадья.— „Счастливый путь, и дай бог вам обоим счастия!“ Мы поехали. У окошка комендантского дома я увидел стоящего Швабрина. Лицо его изображало мрачную злобу. Я не хотел торжествовать над уничтоженным врагом и обратил глаза в другую сторону. Наконец мы выехали из крепостных ворот и навек оставили Белогорскую крепость.

Глава XIII

АРЕСТ

Не гневайтесь, сударь: по долгу моему
Я должен сей же час отпразить вас в тюрьму.
— Извольте, я готов; но я в такой надежде,
Что дело объяснить дозволите мне прежде.

Княжнин.

Соединенный так нечаянно с милой девушкою, о которой еще утром я так мучительно беспокоился, я не верил самому себе и воображал, что всё со мною случившееся было пустое сновидение. Марья Ивановна глядела с задумчивостию то на меня, то на дорогу, и, казалось, не успела еще опомниться и придти в себя. Мы молчали. Сердца наши слишком были утомлены. Неприметным образом часа через два очутились мы в ближней крепости, также подвластной Пугачеву. Здесь мы переменили лошадей. По скорости, с каковой их запрягали, по торопливой услужливости брадатого казака, поставленного Пугачевым в коменданты, я увидел, что, благодаря болтливости ямщика, нас привезшего, меня принимали как придворного временщика.

Мы отправились далее. Стало смеркаться. Мы приблизились к городку, где, по словам бородатого коменданта, находился сильный отряд, идущий на соединение к самозванцу. Мы были остановлены караульными. На вопрос: кто едет? ямщик отвечал громогласно: „Государев кум со своею хозяюшкою". Вдруг толпа гусаров окружила нас с ужасною бранью. „Выходи, бесов кум!" — сказал мне усатый вахмистр. — „Вот ужо тебе будет баня, и с твоею хозяюшкою!"

Я вышел из кибитки и требовал, чтоб отвели меня к их начальнику. Увидя офицера, солдаты прекратили брань. Вахмистр повел меня к маиору. Савельич от меня не отставал, поговаривая про себя: „Вот тебе и государев кум! Из огня да в полымя... Господи владыко! чем это всё кончится?" Кибитка шагом поехала за нами.

Через пять минут мы пришли к домику, ярко освещенному. Вахмистр оставил меня при карауле и пошел обо мне доложить. Он тотчас же воротился, объявив мне, что его высокоблагородию некогда меня принять, а что он велел отвести меня в острог, а хозяюшку к себе привести.

— Что это значит? — закричал я в бешенстве. — Да разве он с ума сошел?

„Не могу знать, ваше благородие", — отвечал вахмистр. — „Только его высокоблагородие приказал ваше благородие отвести в острог, а ее благородие приказано привести к его высокоблагородию, ваше благородие!"

Я бросился на крыльцо. Караульные не думали меня удерживать, и я прямо вбежал в комнату, где человек шесть гусарских офицеров играли в банк. Маиор метал. Каково было мое изумление, когда, взглянув на него, узнал я Ивана Ивановича Зурина, некогда обыгравшего меня в симбирском трактире!

— Возможно ли? — вскричал я. — Иван Иваныч! ты ли?

„Ба, ба, ба, Петр Андреич! Какими судьбами? Откуда ты? Здорово, брат. Не хочешь ли поставить карточку?"

— Благодарен. Прикажи-ка лучше отвести мне квартиру.

„Какую тебе квартиру? Оставайся у меня".

— Не могу: я не один.

„Ну, подавай сюда и товарища".

— Я не с товарищем; я... с дамою.

„С дамою! Где же ты ее подцепил? Эге, брат!" (При сих словах Зурин засвистел так выразительно, что все захохотали, а я совершенно смутился.)

„Ну" — продолжал Зурин: — „так и быть. Будет тебе квартира. А жаль... Мы бы попировали по-старинному... Гей! малой! да что ж

сюда не ведут кумушку-то Пугачева? или она упрямится? Сказать ей, чтоб она не боялась: барин-де прекрасный; ничем не обидит, да хорошенько ее в шею".

— Что ты это? — сказал я Зурину. — Какая кумушка Пугачева? Это дочь покойного капитана Миронова. Я вывез ее из плена и теперь провожаю до деревни батюшкиной, где и оставлю ее.

„Как! Так это о тебе мне сейчас докладывали? Помилуй! что ж это значит?"

— После всё расскажу. А теперь, ради бога, успокой бедную девушку, которую гусары твои перепугали.

Зурин тотчас распорядился. Он сам вышел на улицу извиняться перед Марьей Ивановной в невольном недоразумении, и приказал вахмистру отвести ей лучшую квартиру в городе. Я остался ночевать у него.

Мы отужинали, и когда остались вдвоем, я рассказал ему свои похождения. Зурин слушал меня с большим вниманием. Когда я кончил, он покачал головою и сказал: „Всё это, брат, хорошо; одно не хорошо; зачем тебя чорт несет жениться? Я, честный офицер, не захочу тебя обманывать: поверь же ты мне, что женитьба блажь. Ну, куда тебе возиться с женою да няньчиться с ребятишками? Эй, плюнь. Послушайся меня: развяжись ты с капитанскою дочкой. Дорога в Симбирск мною очищена и безопасна. Отправь ее завтра ж одну к родителям твоим; а сам оставайся у меня в отряде. В Оренбург возвращаться тебе не за чем. Попадешься опять в руки бунтовщикам, так вряд ли от них еще раз отделаешься. Таким образом любовная дурь пройдет сама собою, и всё будет ладно".

Хотя я не совсем был с ним согласен, однако ж я чувствовал, что долг чести требовал моего присутствия в войске императрицы. Я решился последовать совету Зурина: отправить Марью Ивановну в деревню и остаться в его отряде.

Савельич явился меня раздевать; я объявил ему, чтоб на другой же день готов он был ехать в дорогу с Марьей Ивановной. Он было заупрямился. „Что ты, сударь? Как же я тебя-то покину? Кто за тобою будет ходить? Что скажут родители твои?"

Зная упрямство дядьки моего, я вознамерился убедить его лаской и искренностию. — Друг ты мой, Архип Савельич! — сказал я ему. — Не откажи, будь мне благодетелем; в прислуге здесь я нуждаться не стану, а не буду спокоен, если Марья Ивановна поедет в дорогу без тебя. Служа ей, служишь ты и мне, потому что я твердо решился, как скоро обстоятельства дозволят, жениться на ней.

Тут Савельич сплеснул руками с видом изумления неописанного. „Жениться!“ — повторил он. — „Дитя хочет жениться! А что скажет батюшка, а матушка-то что подумает?“

— Согласятся, верно согласятся,— отвечал я,— когда узнают Марью Ивановну. Я надеюсь и на тебя. Батюшка и матушка тебе верят: ты будешь за нас ходатаем, не так ли?

Старик был тронут. „Ох, батюшка ты мой Петр Андреич!“ — отвечал он. — Хоть раненько задумал ты жениться, да зато Марья Ивановна такая добрая барышня, что грех и пропустить оказию. Ин быть по-твоему! Провожу ее, ангела божия, и рабски буду доносить твоим родителям, что такой невесте не надобно и приданого“.

Я благодарил Савельича и лег спать в одной комнате с Зуриным. Разгоряченный и взволнованный, я разболтался. Зурин сначала со мною разговаривал охотно; но мало-по-малу слова его стали реже и бессвязнее; наконец, вместо ответа на какой-то запрос, он захрапел и присвистнул. Я замолчал и вскоре последовал его примеру.

На другой день утром пришел я к Марье Ивановне. Я сообщил ей свои предположения. Она признала их благоразумие и тотчас со мною согласилась. Отряд Зурина должен был выступить из города в тот же день. Нечего было медлить. Я тут же расстался с Марьей Ивановной, поручив ее Савельичу и дав ей письмо к моим родителям. Марья Ивановна заплакала. „Прощайте, Петр Андреич!“ — сказала она тихим голосом. — „Придется ли нам увидеться или нет, бог один это знает; но век не забуду вас; до могилы ты один останешься в моем сердце“. Я ничего не мог отвечать. Люди нас окружили. Я не хотел при них предаваться чувствам, которые меня волновали. Наконец она уехала. Я возвратился к Зурину, грустен и молчалив. Он хотел меня развеселить; я думал себя рассеять: мы провели день шумно и буйно, и вечером выступили в поход.

Это было в конце февраля. Зима, затруднявшая военные распоряжения, проходила, и наши генералы готовились к дружному содействию. Пугачев всё еще стоял под Оренбургом. Между тем около его отряды соединялись и со всех сторон приближались к злодейскому гнезду. Бунтующие деревни, при виде наших войск, приходили в повиновение; шайки разбойников везде бежали от нас, и всё предвещало скорое и благополучное окончание.

Вскоре князь Голицын, под крепостию Татищевой, разбил Пугачева, рассеял его толпы, освободил Оренбург, и, казалось, нанес бунту последний и решительный удар. Зурин был в то время отряжен противу шайки мятежных башкирцев, которые рассеялись прежде, нежели мы

их увидали. Весна осадила нас в татарской деревушке. Речки разлились, и дороги стали непроходимы. Мы утешались в нашем бездействии мыслию о скором прекращении скучной и мелочной войны с разбойниками и дикарями.

Но Пугачев не был пойман. Он явился на сибирских заводах, собрал там новые шайки и снова начал злодействовать. Слух о его успехах снова распространился. Мы узнали о разорении сибирских крепостей. Вскоре весть о взятии Казани и о походе самозванца на Москву встревожила начальников войск, беспечно дремавших в надежде на бессилие презренного бунтовщика. Зурин получил повеление переправиться чрез Волгу.

Не стану описывать нашего похода и окончания войны. Скажу коротко, что бедствие доходило до крайности. Правление было повсюду прекращено: помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду; начальники отдельных отрядов самовластно наказывали и миловали; состояние всего обширного края, где свирепствовал пожар, было ужасно... Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!

Пугачев бежал, преследуемый Иваном Ивановичем Михельсоном. Вскоре узнали мы о совершенном его разбитии. Наконец Зурин получил известие о поимке самозванца, а вместе с тем и повеление остановиться. Война была кончена. Наконец мне можно было ехать к моим родителям! Мысль их обнять, увидеть Марью Ивановну, от которой не имел я никакого известия, одушевляла меня восторгом. Я прыгал как ребенок. Зурин смеялся и говорил, пожимая плечами: „Нет, тебе не сдобровать! Женишься — ни за что пропадешь!“

Но между тем странное чувство отравляло мою радость: мысль о злодее, обрызганном кровию стольких невинных жертв, и о казни, его ожидающей, тревожила меня поневоле: Емеля, Емеля!— думал я с досадою; — зачем не наткнулся ты на штык, или не подвернулся под картечь? Лучше ничего не мог бы ты придумать. Что прикажете делать? Мысль о нем неразлучна была во мне с мыслию о пощаде, данной мне им в одну из ужасных минут его жизни, и об избавлении моей невесты из рук гнусного Швабрина.

Зурин дал мне отпуск. Чрез несколько дней должен я был опять очутиться посреди моего семейства, увидеть опять мою Марью Ивановну... Вдруг неожиданная гроза меня поразила.

В день, назначенный для выезда, в самую ту минуту, когда готовился я пуститься в дорогу, Зурин вошел ко мне в избу, держа в руках бумагу, с видом чрезвычайно озабоченным. Что-то кольнуло меня

в сердце. Я испугался, сам не зная чего. Он выслал моего денщика и объявил, что имеет до меня дело. Что такое? — спросил я с беспокойством. — „Маленькая неприятность“ — отвечал он, подавая мне бумагу. — „Прочитай, что̀ сейчас я получил“. Я стал ее читать: это был секретный приказ ко всем отдельным начальникам арестовать меня, где бы ни попался, и немедленно отправить под караулом в Казань в Следственную комиссию, учрежденную по делу Пугачева.

Бумага чуть не выпала из моих рук. „Делать нечего!“ — сказал Зурин. — „Долг мой повиноваться приказу. Вероятно, слух о твоих дружеских путешествиях с Пугачевым как-нибудь да дошел до правительства. Надеюсь, что дело не будет иметь никаких последствий и что ты оправдаешься перед комиссией. Не унывай и отправляйся“. Совесть моя была чиста; я суда не боялся; но мысль отсрочить минуту сладкого свидания, может быть, на несколько еще месяцев — устрашала меня. Тележка была готова. Зурин дружески со мною простился. Меня посадили в тележку. Со мною сели два гусара с саблями наголо, и я поехал по большой дороге.

Глава XIV

СУД

Мирская молва —
Морская волна.

Пословица.

Я был уверен, что виною всему было самовольное мое отсутствие из Оренбурга. Я легко мог оправдаться: наездничество не только никогда не было запрещено, но еще всеми силами было ободряемо. Я мог быть обвинен в излишней запальчивости, а не в ослушании. Но приятельские сношения мои с Пугачевым могли быть доказаны множеством свидетелей и должны были казаться по крайней мере весьма подозрительными. Во всю дорогу размышлял я о допросах, меня ожидающих, обдумывал свои ответы и решился перед судом объявить сущую правду, полагая сей способ оправдания самым простым, а вместе и самым надежным.

Я приехал в Казань, опустошенную и погорелую. По улицам, наместо домов, лежали груды углей и торчали закоптелые стены без крыш и окон. Таков был след, оставленный Пугачевым! Меня привезли в крепость, уцелевшую посереди сгоревшего города. Гусары сдали меня караульному офицеру. Он велел кликнуть кузнеца. Надели мне на ноги

цепь и заковали ее наглухо. Потом отвели меня в тюрьму и оставили одного в тесной и темной конурке, с одними голыми стенами и с окошечком, загороженным железною решоткою.

Таковое начало не предвещало мне ничего доброго. Однако ж я не терял ни бодрости, ни надежды. Я прибегнул к утешению всех скорбящих и, впервые вкусив сладость молитвы, излиянной из чистого, но растерзанного сердца, спокойно заснул, не заботясь о том, что̀ со мною будет.

На другой день тюремный сторож меня разбудил, с объявлением, что меня требуют в комиссию. Два солдата повели меня через двор в комендантский дом, остановились в передней и впустили одного во внутренние комнаты.

Я вошел в залу довольно обширную. За столом, покрытым бумагами, сидели два человека: пожилой генерал, виду строгого и холодного, и молодой гвардейский капитан, лет двадцати осьми, очень приятной наружности, ловкий и свободный в обращении. У окошка за особым столом сидел секретарь с пером за ухом, наклонясь над бумагою, готовый записывать мои показания. Начался допрос. Меня спросили о моем имени и звании. Генерал осведомился, не сын ли я Андрея Петровича Гринева? И на ответ мой возразил сурово: „Жаль, что такой почтенный человек имеет такого недостойного сына!“ Я спокойно отвечал, что каковы бы ни были обвинения, тяготеющие на мне, я надеюсь их рассеять чистосердечным объяснением истины. Уверенность моя ему не понравилась. „Ты, брат, востер“ — сказал он мне нахмурясь; — „но видали мы и не таких!“

Тогда молодой человек спросил меня: по какому случаю и в какое время вошел я в службу к Пугачеву и по каким поручениям был я им употреблен?

Я отвечал с негодованием, что я, как офицер и дворянин, ни в какую службу к Пугачеву вступать не мог и никаких поручений от него принять не мог.

„Каким же образом“ — возразил мой допросчик, — „дворянин и офицер один пощажен самозванцем, между тем как все его товарищи злодейски умерщвлены? Каким образом этот самый офицер и дворянин дружески пирует с бунтовщиками, принимает от главного злодея подарки, шубу, лошадь и полтину денег? Отчего произошла такая странная дружба и на чем она основана, если не на измене, или по крайней мере на гнусном и преступном малодушии?“

Я был глубоко оскорблен словами гвардейского офицера, и с жаром начал свое оправдание. Я рассказал, как началось мое знакомство с

Пугачевым в степи, во время бурана; как при взятии Белогорской крепости он меня узнал и пощадил. Я сказал, что тулуп и лошадь, правда, не посовестился я принять от самозванца; но что Белогорскую крепость защищал я противу злодея до последней крайности. Наконец я сослался и на моего генерала, который мог засвидетельствовать мое усердие во время бедственной оренбургской осады.

Строгий старик взял со стола открытое письмо и стал читать его вслух:

„На запрос вашего превосходительства касательно прапорщика Гринева, якобы замешанного в нынешнем смятении и вошедшего в сношения с злодеем, службою недозволенные и долгу присяги противные, объяснить имею честь: оный прапорщик Гринев находился на службе в Оренбурге от начала октября прошлого 1773 года до 24 февраля нынешнего года, в которое число он из города отлучился, и с той поры уже в команду мою не являлся. А слышно от перебежчиков, что он был у Пугачева в слободе и с ним вместе ездил в Белогорскую крепость, в коей прежде находился он на службе; что касается до его поведения, то я могу...“ Тут он прервал свое чтение и сказал мне сурово: „Что ты теперь скажешь себе в оправдание?“

Я хотел было продолжать, как начал, и объяснить мою связь с Марьей Ивановной так же искренно, как и всё прочее. Но вдруг почувствовал непреодолимое отвращение. Мне пришло в голову, что если назову ее, то комиссия потребует ее к ответу; и мысль впутать имя ее между гнусными изветами злодеев и ее самую привести на очную с ними ставку — эта ужасная мысль так меня поразила, что я замялся и спутался.

Судьи мои, начинавшие, казалось, выслушивать ответы мои с некоторою благосклонностию, были снова предубеждены противу меня при виде моего смущения. Гвардейский офицер потребовал, чтоб меня поставили на очную ставку с главным доносителем. Генерал велел кликнуть *вчерашнего злодея*. Я с живостию обратился к дверям, ожидая появления своего обвинителя. Через несколько минут загремели цепи, двери отворились, и вошел — Швабрин. Я изумился его перемене. Он был ужасно худ и бледен. Волоса его, недавно черные как смоль, совершенно поседели; длинная борода была всклокочена. Он повторил обвинения свои слабым, но смелым голосом. По его словам, я отряжен был от Пугачева в Оренбург шпионом; ежедневно выезжал на перестрелки, дабы передавать письменные известия о всем, что делалось в городе; что наконец явно передался самозванцу, разъезжал с ним из крепости в крепость, стараясь всячески губить своих товарищей-измен-

ников, дабы занимать их места и пользоваться наградами, раздаваемыми от самозванца. — Я выслушал его молча и был доволен одним: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнусным злодеем, оттого ли, что самолюбие его страдало при мысли о той, которая отвергла его с презрением; оттого ли, что в сердце его таилась искра того же чувства, которое и меня заставляло молчать, — как бы то ни было, имя дочери белогорского коменданта не было произнесено в присутствии комиссии. Я утвердился еще более в моем намерении, и когда судьи спросили: чем могу опровергнуть показания Швабрина, я отвечал, что держусь первого своего объяснения и ничего другого в оправдание себе сказать не могу. Генерал велел нас вывести. Мы вышли вместе. Я спокойно взглянул на Швабрина, но не сказал ему ни слова. Он усмехнулся злобной усмешкою и, приподняв свои цепи, опередил меня и ускорил свои шаги. Меня опять отвели в тюрьму и с тех пор уже к допросу не требовали.

Я не был свидетелем всему, о чем остается мне уведомить читателя; но я так часто слыхал о том рассказы, что малейшие подробности врезались в мою память и что мне кажется, будто бы я тут же невидимо присутствовал.

Марья Ивановна принята была моими родителями с тем искренним радушием, которое отличало людей старого века. Они видели благодать божию в том, что имели случай приютить и обласкать бедную сироту. Вскоре они к ней искренно привязались, потому что нельзя было ее узнать и не полюбить. Моя любовь уже не казалась батюшке пустою блажью; а матушка только того и желала, чтоб ее Петруша женился на милой капитанской дочке.

Слух о моем аресте поразил всё мое семейство. Марья Ивановна так просто рассказала моим родителям о странном знакомстве моем с Пугачевым, что оно не только не беспокоило их, но еще заставляло часто смеяться от чистого сердца. Батюшка не хотел верить, чтобы я мог быть замешан в гнусном бунте, коего цель была ниспровержение престола и истребление дворянского рода. Он строго допросил Савельича. Дядька не утаил, что барин бывал в гостях у Емельки Пугачева, и что-де злодей его таки жаловал; но клялся, что ни о какой измене он и не слыхивал. Старики успокоились и с нетерпением стали ждать благоприятных вестей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо в высшей степени была одарена скромностию и осторожностию.

Прошло несколько недель... Вдруг батюшка получает из Петербурга письмо от нашего родственника князя Б**. Князь писал ему обо мне.

После обыкновенного приступа, он объявил ему, что подозрения насчет участия моего в замыслах бунтовщиков к несчастию оказались слишком основательными, что примерная казнь должна была бы меня постигнуть, но что государыня, из уважения к заслугам и преклонным летам отца, решилась помиловать преступного сына и, избавляя его от позорной казни, повелела только сослать в отдаленный край Сибири на вечное поселение.

Сей неожиданный удар едва не убил отца моего. Он лишился обыкновенной своей твердости, и горесть его (обыкновенно немая) изливалась в горьких жалобах. „Как!“ — повторял он, выходя из себя. — „Сын мой участвовал в замыслах Пугачева! Боже праведный, до чего я дожил! Государыня избавляет его от казни! От этого разве мне легче? Не казнь страшна: пращур мой умер на лобном месте, отстаивая то, что почитал святынею своей совести; отец мой пострадал вместе с Волынским и Хрущевым. Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбойниками, с убийцами, с беглыми холопьями!.. Стыд и срам нашему роду!..“ Испуганная его отчаянием матушка не смела при нем плакать и старалась возвратить ему бодрость, говоря о неверности молвы, о шаткости людского мнения. Отец мой был неутешен.

Марья Ивановна мучилась более всех. Будучи уверена, что я мог оправдаться, когда бы только захотел, она догадывалась об истине и почитала себя виновницею моего несчастия. Она скрывала от всех свои слезы и страдания, и между тем непрестанно думала о средствах, как бы меня спасти.

Однажды вечером батюшка сидел на диване, перевертывая листы Придворного Календаря; но мысли его были далеко, и чтение не производило над ним обыкновенного своего действия. Он насвистывал старинный марш. Матушка молча вязала шерстяную фуфайку и слезы изредка капали на ее работу. Вдруг Марья Ивановна, тут же сидевшая за работой, объявила, что необходимость ее заставляет ехать в Петербург и что она просит дать ей способ отправиться. Матушка очень огорчилась. „Зачем тебе в Петербург?“ — сказала она. — „Неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты нас покинуть?“ Марья Ивановна отвечала, что вся будущая судьба ее зависит от этого путешествия, что она едет искать покровительства и помощи у сильных людей, как дочь человека, пострадавшего за свою верность.

Отец мой потупил голову: всякое слово, напоминающее мнимое преступление сына, было ему тягостно и казалось колким упреком. „Поезжай, матушка!“ — сказал он ей со вздохом. — „Мы твоему сча-

стию помехи сделать не хотим. Дай бог тебе в женихи доброго человека, не ошельмованного изменника". Он встал и вышел из комнаты.

Марья Ивановна, оставшись наедине с матушкою, отчасти объяснила ей свои предположения. Матушка со слезами обняла ее и молила бога о благополучном конце замышленного дела. Марью Ивановну снарядили, и через несколько дней она отправилась в дорогу с верной Палашей и с верным Савельичем, который, насильственно разлученный со мною, утешался по крайней мере мыслию, что служит нареченной моей невесте.

Марья Ивановна благополучно прибыла в Софию и, узнав, что двор находился в то время в Царском Селе, решилась тут остановиться. Ей отвели уголок за перегородкой. Жена смотрителя тотчас с нею разговорилась, объявила, что она племянница придворного истопника, и посвятила ее во все таинства придворной жизни. Она рассказала, в котором часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофе, прогуливалась; какие вельможи находились в то время при ней; что изволила она вчерашний день говорить у себя за столом, кого принимала вечером, словом, разговор Анны Власьевны стоил нескольких страниц исторических записок и был бы драгоценен для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманием. Они пошли в сад. Анна Власьевна рассказала историю каждой аллеи и каждого мостика, и, нагулявшись, они возвратились на станцию очень довольные друг другом.

На другой день рано утром Марья Ивановна проснулась, оделась и тихонько пошла в сад. Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов, осеняющих берег. Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева. Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. В эту самую минуту раздался приятный женский голос: „Не бойтесь, она не укусит". И Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника. Марья Ивановна села на другом конце скамейки. Дама пристально на нее смотрела; а Марья Ивановна, с своей стороны бросив несколько косвенных взглядов, успела рассмотреть ее с ног до головы. Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и в душегрейке. Ей казалось лет сорок. Лицо ее, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а го-

лубые глаза и легкая улыбка имели прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчание.

„Вы верно не здешние?“ — сказала она.

— Точно так-с: я вчера только приехала из провинции.

„Вы приехали с вашими родными?“

— Никак нет-с. Я приехала одна.

„Одна! Но вы так еще молоды“.

— У меня нет ни отца, ни матери.

„Вы здесь конечно по каким-нибудь делам?“

— Точно так-с. Я приехала подать просьбу государыне.

„Вы сирота: вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?“

— Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия.

„Позвольте спросить, кто вы таковы?“

— Я дочь капитана Миронова.

„Капитана Миронова! того самого, что был комендантом в одной из оренбургских крепостей?“

— Точно так-с.

Дама, казалось, была тронута. „Извините меня“ — сказала она голосом еще более ласковым, — „если я вмешиваюсь в ваши дела; но я бываю при дворе, изъясните мне, в чем состоит ваша просьба, и, может быть, мне удастся вам помочь“.

Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Всё в неизвестной даме невольно привлекало сердце и внушало доверенность. Марья Ивановна вынула из кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительнице, которая стала читать ее про себя.

Сначала она читала с видом внимательным и благосклонным; но вдруг лицо ее переменилось, — и Марья Ивановна, следовавшая глазами за всеми ее движениями, испугалась строгому выражению этого лица, за минуту столь приятному и спокойному.

„Вы просите за Гринева?“ — сказала дама с холодным видом. — „Императрица не может его простить. Он пристал к самозванцу не из невежества и легковерия, но как безнравственный и вредный негодяй“.

— Ах, неправда! — вскрикнула Марья Ивановна.

„Как неправда!“ — возразила дама, вся вспыхнув.

— Неправда, ей богу, неправда! Я знаю всё, я всё вам расскажу. Он для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если он не оправдался перед судом, то разве потому только, что не хотел запутать меня. — Тут она с жаром рассказала всё, что уже известно моему читателю.

„Пугачевщина“. С эскиза *В. Г. Перова* (Госуд. Третьяковская галлерея)

Дама выслушала ее со вниманием. — „Где вы остановились?“ спросила она потом; и услыша, что у Анны Власьевны, примолвила с улыбкою: „А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрече. Я надеюсь, что вы недолго будете ждать ответа на ваше письмо“.

С этим словом она встала и вышла в крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась к Анне Власьевне, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по ее словам, для здоровья молодой девушки. Она принесла самовар и за чашкою чая только было принялась за бесконечные рассказы о дворе, как вдруг придворная карета остановилась у крыльца, и камер-лакей вошел с объявлением, что государыня изволит к себе приглашать девицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. „Ахти, господи!“ — закричала она. — „Государыня требует вас ко двору. Как же это она про вас узнала? Да как же вы, матушка, представитесь к императрице? Вы, я чай, и ступить по придворному не умеете... Не проводить ли мне вас? Всё-таки я вас хоть в чем-нибудь да могу предостеречь. И как же вам ехать в дорожном платье? Не послать ли к повивальной бабушке за ее желтым роброном?“ — Камер-лакей объявил, что государыне угодно было, чтоб Марья Ивановна ехала одна, и в том, в чем ее застанут. Делать было нечего: Марья Ивановна села в карету и поехала во дворец, сопровождаемая советами и благословениями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала решение нашей судьбы; сердце ее сильно билось и замирало. Чрез несколько минут карета остановилась у дворца. Марья Ивановна с трепетом пошла по лестнице. Двери перед нею отворились настежь. Она прошла длинный ряд пустых, великолепных комнат; камер-лакей указывал дорогу. Наконец, подошед к запертым дверям, он объявил, что сейчас об ней доложит, и оставил ее одну.

Мысль увидеть императрицу лицом к лицу так устрашала ее, что она с трудом могла держаться на ногах. Чрез минуту двери отворились, и она вошла в уборную государыни.

Императрица сидела за своим туалетом. Несколько придворных окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково к ней обратилась, и Марья Ивановна узнала в ней ту даму, с которой так откровенно изъяснялась она несколько минут тому назад. Государыня подозвала ее и сказала с улыбкою: „Я рада, что могла сдержать вам свое слово и исполнить вашу просьбу. Дело ваше кон-

чено. Я убеждена в невинности вашего жениха. Вот письмо, которое сами потрудитесь отвезти к будущему свекру".

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакав, упала к ногам императрицы, которая подняла ее и поцеловала. Государыня разговорилась с нею. „Знаю, что вы не богаты" — сказала она; — „но я в долгу перед дочерью капитана Миронова. Не беспокойтесь о будущем. Я беру на себя устроить ваше состояние".

Обласкав бедную сироту, государыня ее отпустила. Марья Ивановна уехала в той же придворной карете. Анна Власьевна, нетерпеливо ожидавшая ее возвращения, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвечала кое-как. Анна Власьевна хотя и была недовольна ее беспамятством, но приписала оное провинциальной застенчивости и извинила великодушно. В тот же день Марья Ивановна, не полюбопытствовав взглянуть на Петербург, обратно поехала в деревню...

Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринева. Из семейственных преданий известно, что он был освобожден от заключения в конце 1774 года, по именному повелению; что он присутствовал при казни Пугачева, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу. Вскоре потом Петр Андреевич женился на Марье Ивановне. Потомство их благоденствует в Симбирской губернии. — В тридцати верстах от *** находится село, принадлежащее десятерым помещикам. В одном из барских флигелей показывают собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке. Оно писано к отцу Петра Андреевича и содержит оправдание его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова. Рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом. Мы решились, с разрешения родственников, издать ее особо, приискав к каждой главе приличный эпиграф и дозволив себе переменить некоторые собственные имена.

Издатель

19 окт. 1836 г.

Приложение

Пропущенная глава *

Мы приближались к берегам Волги; полк наш вступил в деревню ** и остановился в ней ночевать. Староста объявил мне, что на той стороне все деревни взбунтовались, шайки пугачевские бродят везде. Это известие меня сильно встревожило. Мы должны были переправиться на другой день утром.

Нетерпение овладело мной [и не давало мне покою]. Деревня отца моего находилась в 30 верстах по ту сторону реки. Я спросил, не сыщется ли перевозчика. Все крестьяне были рыболовы; лодок было много. Я пришел к Гриневу и объявил ему о своем намерении.

— Берегись, сказал он мне. Одному ехать опасно. Дождись утра. Мы переправимся первые, и приведем в гости к твоим родителям 50 чел<овек> гусаров на всякий случай.

Я настоял на своем. Лодка была готова. Я сел в нее с двумя гребцами. — Они отчалили и ударили в весла.

Небо было ясно. Луна сияла. — Погода была тихая — Волга неслась ровно и спокойно. Лодка, плавно качаясь, быстро скользила по [поверхности] темных волн. — Я погрузился в мечты воображения: (спокойствие природы и ужасы политические), любовь etc. —

Прошло около получаса. — Мы достигли средины реки... вдруг гребцы начали шептаться между собою.

— Что такое? спросил я, очнувшись.

— Не знаем, бог весть, отвечали гребцы, смотря в одну сторону.

Глаза мои приняли то же направление, и я увидел в сумраке что-то плывшее вниз по Волге. Незнакомый предмет приближался. Я велел гребцам остановиться и дождаться его.

Луна зашла за облако. Плывучий призрак сделался еще темнее. Он был от меня уже близко, и я всё еще не мог н<ичего> различить.

— Что бы это было, говорили гребцы. Парус не парус, мачты не мачты...

Вдруг луна вышла из-за облака и озарила зрелище ужасное. К нам навстречу плыла виселица, утвержденная на плоту — 3 тела висели на перекладине. Болезненное любопытство овладело мною. — Я захотел взглянуть на лица висельников.

---

* <Глава эта, не включенная в окончательную редакцию „Капитанской дочки“ по цензурным соображениям и сохранившаяся только в черновой рукописи, самим Пушкиным названа была „Пропущенной главой“. В тексте этой главы остались невыправленными фамилии некоторых персонажей: Гринев называется *Буланиным*, а Зурин — *Гриневым*.>

По моему приказанию гребцы зацепили плот багром, лодка моя толкнулась о плывучую виселицу. Я выпрыгнул и очутился между ужасными столбами. — Полная луна озаряла обезображенные лица несчастных. Один из них был старый чуваш, другой [заводский] русский крестьянин, сильный и здоровый малый лет 20-ти. Но взглянув на третьего, я сильно был поражен и не мог удержаться от жалобного восклицания: это был Ванька, бедный мой Ванька, по глупости своей приставший к Пугачеву. Над ними прибита была черная доска, на которой белыми крупными буквами было написано: *Воры и бунтовщики.* Гребцы [смотрели] равнодушно ожидали меня, удерживая плот багром. Я сел опять в лодку. Плот поплыл вниз по реке. Виселица долго чернела во мраке. Наконец она исчезла — и лодка моя пристала к высокому и крутому берегу...

Я щедро расплатился с гребцами. Один из них повел меня к выборному деревни, находившейся у перевоза. Я вошел с ним вместе в избу. Выборный, услыша, что я требую лошадей, принял было меня довольно грубо, но мой вожатый сказал ему тихо несколько слов, и его суровость тотчас обратилась в торопливую услужливость. В одну минуту тройка была готова. Я сел в тележку и велел себя везти в нашу деревню.

Я скакал по большой дороге, мимо спящих деревень. Я боялся одного: быть остановлену на дороге. Если ночная встреча моя на Волге доказывала присутствие бунтовщиков, то она вместе была доказательством и сильного противудействия правительства. На всякой случай я имел в кармане пропуск, выданный мне Пугачевым, и приказ полковника Гринева. Но никто мне не встретился, и к утру я завидел реку и еловую рощу, за которой находилась наша деревня. — Ямщик ударил по лошадям, и через четверть часа я въехал в **.

Барский дом находился на другом конце села. Лошади мчались во весь дух. Вдруг посреди улицы — ямщик начал их удерживать.

— Что такое, — спросил я с нетерпением.

— Застава, барин, отвечал ямщик, с трудом остановя разъяренных своих коней.

В самом деле, я увидел рогатку и караульного с дубиною. Мужик подошел ко мне, ⟨и⟩ снял шляпу, спрашивая пашпорту.

— Что это значит? спросил я его, зачем здесь рогатка? Кого ты караулишь?

— Да мы, батюшка, бунтуем, ответил он, почесываясь.

— А где ваши господа? спросил я с сердечным замиранием.

— Господа-то наши где? повторил мужик. Господа наши в хлебном анбаре.

— Как в анбаре?

— Да Андрюха, земский, посадил, вишь, их в колодки — и хочет везти к батюшке-государю.

— Боже мой! Отворачивай, дурак, рогатку. Что же ты зеваешь?

Караульный медлил. Я выскочил из телеги, треснул его (виноват) в ухо — и сам отодвинул рогатку. — Мужик мой глядел на меня с глупым недоумением. Я сел опять в телегу ⟨и⟩ велел скакать к барскому дому. Хлебный анбар находился на дворе. У запертых дверей стояли два мужика тоже с дубинами. — Телега остановилась прямо перед ними. — Я выскочил и бросился прямо на них.

— Отворяйте двери! сказал я им.

Вероятно, вид мой был страшен. По крайней мере, оба убежали, бросив дубины. Я попытался сбить замок с двери, выломать, но двери были дубовые, а огромный замок несокрушим. В эту минуту статный молодой мужик вышел из людской избы и с видом надменным спросил меня, как я смею буянить.

— Где Андрюшка земский, закричал я ему. — Кликнуть его ко мне.

— Я сам Андрей Афанасьевич, а не Андрюшка, отвечал он мне, гордо подбочась. Чего надобно?

Вместо ответа я схватил его за шиворот и, притащив к дверям анбара, велел их отпирать. Земский было заупрямился, но *отеческое* наказание подействовало и на него. Он вынул ключ и отпер анбар. — Я кинулся через порог и в темном углу, слабо освещенном узким отверстием, прорубленным в потолке, увидел мать и отца. Руки их были связаны — на ноги набиты были колодки. Я бросился их обнимать и не мог выговорить ни слова. Оба смотрели на меня с изумлением, — три года военной жизни так изменили меня, что они не могли меня узнать.

Вдруг услышал я милый знакомый голос.

— Петр Андреич! Это вы!

Оглянулся и вижу в другом углу Марью Ивановну, также связанную. Я остолбенел...

Матушка ахнула и залилась слезами.

Отец глядел на меня молча — не смея верить самому себе. Радость блистала на лице его.

Я спешил саблею разрезать узлы их веревок.

— Здравствуй, здравствуй, Петруша, говорил отец мне, прижимая меня к сердцу, слава богу, дождались тебя...

— Петруша, друг мой, [говорила] матушка. Как тебя господь привел! Здоров ли ты?

Я спешил их вывести из заключения,—но, подошед к двери, я нашел ее снова запертою.

— Андрюшка, закричал я, отопри!

— Как не так, отвечал из-за двери земский. Сиди-ка сам здесь. Вот ужо научим тебя буянить, да за ворот таскать государевых чиновников!

Я стал осматривать анбар, ища, не было ли какого-нибудь способа выбраться.

— Не трудись, сказал мне батюшка, не таковский я хозяин, чтоб можно было в анбары мои входить и выходить воровскими лазейками.

Матушка, на минуту обрадованная моим появлением, впала в отчаяние, видя, что пришлось и мне разделить погибель всей семьи. Но я был спокойнее с тех пор, как находился с ними и с Марьей Ивановной. Со мною была сабля и два пистолета — я мог еще выдержать осаду. — Гринев должен был подоспеть к вечеру и нас освободить. Я сообщил всё это моим родителям и успел успокоить матушку. Они предались вполне радости свидания.

— Ну, Петр, сказал мне отец, довольно ты напроказил, и я на тебя порядком был сердит. Но нечего поминать про старое. Надеюсь, что теперь ты исправился и перебесился. Знаю, что ты служил, как надлежит честному офицеру. Спасибо. Утешил меня, старика. Коли тебе обязан я буду избавлением, то жизнь мне вдвое будет приятнее.

Я со слезами целовал его руку и глядел на Марью Ивановну, которая была так обрадована моим присутствием, что казалась совершенно счастлива и спокойна.

Около полудни услышали мы необычайный шум и крики.

— Что это значит, сказал отец, уж не твой ли полковник подоспел?

— Не возможно, отвечал я. Он не будет прежде вечера.

Шум умножался. Били в набат. По двору скакали конные люди; в эту минуту в узкое отверстие, прорубленное в стене, просунулась седая голова Савельича, и мой бедный дядька произнес жалостным голосом:

— Андрей Петрович! Авдотья Васильевна! Батюшка ты мой, Петр Андреич, матушка Марья Ивановна! Беда, злодеи вошли в село. И знаешь ли, Петр Андреич, кто их привел? Швабрин, Алексей Иваныч, нелегкое его побери!

Услыша ненавистное имя, Марья Ивановна всплеснула руками и осталась неподвижною.

— Послушай, — сказал я Савельичу, пошли кого-нибудь верхом к * перевозу, навстречу гусарскому полку; и вели дать знать полковнику об нашей опасности.

— Да кого же послать, сударь! Все мальчишки бунтуют — а лошади все захвачены! Ахти! Вот уж на дворе — до анбара добираются.

В это время за дверью раздалось несколько голосов. Я дал знак матушке и Марье Ивановне удалиться в угол, обнажил саблю и прислонился к стене у самой двери. Батюшка взял пистолеты и на обоих взвел курок, и стал подле меня. Загремел замок, дверь отворилась и голова земского показалась. — Я ударил по ней саблею и он упал, заградив вход. В ту же минуту батюшка выстрелил в двери из пистолета. Толпа, осаждавшая нас, отбежала с проклятиями. Я перетащил через порог раненого и запер дверь внутренней петлею.

Двор был полон вооруженных людей. — Между ими узнал я Швабрина.

— Не бойтесь, — сказал я женщинам, — есть надежда. А вы, батюшка, уж более не стреляйте. Побережем последний заряд.

Матушка молча молилась богу — Марья Ивановна стояла подле нее, с ангельским спокойствием ожидая решения судьбы нашей. За дверьми раздавались угрозы, брань и проклятия. Я стоял на своем месте, готовясь изрубить первого смельчака. Вдруг злодеи замолчали. Я услышал голос Швабрина, зовущего меня по имени.

— Я здесь, чего ты хочешь?

— Сдайся, Буланин, противиться напрасно. Пожалей своих стариков. Упрямством себя не спасешь. — Я до вас доберусь!

— Попробуй, изменник!

— Не стану ни сам соваться попустому, ни своих людей тратить. А велю поджечь анбар и тогда посмотрим, что ты станешь делать. Дон-Кишот белогорский. Теперь время обедать. Покамест сиди, да думай на досуге. До свидания, Марья Ивановна, не извиняюсь перед вами: вам, вероятно, не скучно в потемках с вашим рыцарем.

Швабрин удалился, оставя караул у анбара. Мы молчали. Каждый из нас думал про себя, не смея сообщить другому своих мыслей. — Я воображал себе всё, что в состоянии был учинить озлобленный Швабрин. О себе я почти не заботился. Признаться ли? И участь родителей моих не столько ужасала меня, как судьба Марьи Ивановны. Я знал, что матушка была обожаема крестьянами и дворовыми людьми, батюшка, несмотря на свою строгость, был также любим, ибо был справедлив и знал истинные нужды подвластных ему людей. Бунт их был заблуждение, мгновенное пьянство, а не изъявление их негодований. Тут пощада была вероятна. Но Марья Ивановна? Какую участь готовил ей развратный и бессовестный человек! Я не смел остановиться на этой ужасной мысли и готовился (прости господи!) умертвить ее скорее, нежели вторично увидеть в руках жестокого недруга.

Прошло еще около часа. В деревне раздавались песни пьяных. Караульные наши им завидовали и, досадуя на нас, ругались и стращали нас истязаниями и смертию. —

Мы ожидали последствия угрозам Швабрина. Наконец сделалось большое движение на дворе, и мы опять услышали голос Швабрина.

— Что, надумались ли вы? Отдаетесь ли добровольно в мои руки?

Никто ему не отвечал.

Подождав немного, Швабрин велел принести соломы. — Через несколько минут вспыхнул огонь, осветил темный анбар — и дым начал пробиваться из-под щелей порога. Тогда Марья Ивановна подошла ко мне и тихо, взяв меня за руку, сказала:

— Полно, Петр Андреич! Не губите за меня и себя и родителей. Выпустите меня. Швабрин меня послушает.

— Ни за что, закричал я с сердцем. Знаете ли вы, что вас ожидает.

— Бесчестия я не переживу, отвечала она спокойно. Но, может быть, я спасу моего избавителя и семью, которая так великодушно призрела мое бедное сиротство. Прощайте, Андрей Петрович. Прощайте, ⟨Авдотья Васильевна⟩. Вы были для меня более, чем благодетели. Благословите меня. Простите же и вы, Петр Андреич. Будьте уверены, что... что... тут она заплакала... и закрыла лицо руками... Я был, как сумасшедший. Матушка плакала.

— Полно врать, Марья Ивановна, сказал мой отец. Кто тебя пустит одну к разбойникам! Сиди здесь, и молчи. Умирать, так умирать уж вместе.

— Слушай — что там еще говорят?

— Сдаетесь ли? кричал Швабрин. Видите? через пять минут вас изжарят.

— Не сдадимся, злодей! отвечал ему батюшка твердым голосом.

Лицо его, покрытое морщинами, оживлено было удивительною бодростию, глаза грозно сверкали из-под седых бровей. — И обратясь ко мне сказал: „Теперь пора!"

Он отпер двери. Огонь ворвался и взвился по бревнам, законопаченным сухим мохом. Батюшка выстрелил из пистолета и шагнул за пылающий порог, закричав: „Все за мною". — ⟨Я взял⟩ за руку матушку и Марью Ивановну и быстро вывел их на воздух. У порога лежал Швабрин, простреленный дряхлою рукою отца моего; толпа разбойников, бежавшая от неожиданной нашей вылазки, тотчас ободрилась и начала нас окружать. Я успел нанести еще несколько ударов, но кирпич, удачно брошенный, угодил мне прямо в грудь. Я упал и на минуту лишился чувств. Пришед в себя, увидел я Швабрина, сидевшего на окровавленной траве, и перед ним всё наше семейство.

Меня поддерживали под руки. — Толпа крестьян, казаков и башкирцев окружала нас. Швабрин был ужасно бледен. Одной рукой прижимал он раненый бок. Лицо его изображало мучение и злобу. Он медленно поднял голову, взглянул на меня и произнес слабым и невнятным голосом:

— Вешать его... и всех... кроме ее...

Тотчас толпа злодеев окружила нас и с криком потащила к воротам. Но вдруг они нас оставили и разбежались; в ворота въехал Гринев, — и за ним целый эскадрон с саблями наголо.

Бунтовщики утекали во все стороны; гусары их преследовали, рубили и хватали в плен. Гринев соскочил с лошади, поклонился батюшке и матушке и крепко пожал мне руку.

— Кстати же я подоспел, сказал он нам. А вот и твоя невеста.

Марья Ивановна покраснела по уши. Батюшка к нему подошел и благодарил его, с видом спокойным, хотя и тронутым. Матушка обнимала его, называя ангелом избавителем.

— Милости просим к нам, сказал ему батюшка и повел его к нам в дом.

Проходя мимо Швабрина, Гринев остановился.

— Это кто? — спросил он, глядя на раненого.

— Это сам предводитель, начальник шайки, — отвечал мой отец с некоторой гордостию, обличающей старого воина, — бог помог дряхлой руке моей наказать молодого злодея и отмстить ему за кровь моего сына.

— Это Швабрин, сказал я Гриневу.

— Швабрин! Очень рад. Гусары! возьмите его! Да сказать нашему лекарю, чтоб он перевязал ему рану и берег его как зеницу ока. Швабрина надобно непременно представить в секретную Казанскую комиссию. Он один из главных преступников, и показания его должны быть важны.

Швабрин открыл томный взгляд. На лице его ничего не изображалось кроме физической муки. Гусары отнесли его на плаще.

Мы вошли в комнаты. С трепетом смотрел я вокруг себя, припоминая свои младенческие годы. Ничто в доме не изменилось, всё было на прежнем месте. Швабрин не дозволил его разграбить, сохраняя в самом своем унижении невольное отвращение от бесчестного корыстолюбия.

Слуги явились в переднюю. Они не участвовали в бунте и от чистого сердца радовались нашему избавлению. Савельич торжествовал. Надобно знать, что во время тревоги, произведенной нападением разбойников, он побежал в конюшню, где стояла Швабрина лошадь, оседлал ее, вывел тихонько и, благодаря суматохе, незаметным образом поскакал к перевозу. Он встретил полк, отдыхавший уже по сю сторону Волги. Гринев, узнав от него об нашей опасности, велел садиться, скомандовал марш, марш в галоп — и, слава богу, прискакал во время.

Гринев настоял на том, чтобы голова земского была на несколько часов выставлена на шесте у кабака.

Гусары возвратились с погони, захватя в плен несколько человек. — Их заперли в тот самый анбар, в котором выдержали мы достопамятную осаду.

Мы разошлись каждый по своим комнатам. Старикам нужен был отдых. Не спавши целую ночь, я бросился на постель и крепко заснул. Гринев пошел делать свои распоряжения.

Вечером мы соединились в гостиной около самовара, весело разговаривая о минувшей опасности. Марья Ивановна разливала чай, я сел подле нее и занялся ею исключительно. Родители мои, казалось, благосклонно смотрели на нежность наших отношений. Доселе этот вечер живет в моем воспоминании. Я был счастлив, счастлив совершенно — а много ли таких минут в бедной жизни человеческой?

На другой день доложили батюшке, что крестьяне явились на барский двор с повинною. Батюшка вышел к ним на крыльцо. При его появлении мужики стали на колени.

— Ну что, дураки, — сказал он им, — зачем вы вздумали бунтовать?

— Виноваты, государь ты наш, отвечали они в голос.

— То-то виноваты. Напроказят, да и сами не рады. Прощаю вас для радости, что бог привел меня свидеться с сыном Петром Андреичем. Ну, добро: повинную голову меч не сечет.

— Виноваты!

— Конечно, виноваты. Бог дал вёдро, пора бы сено убрать: а вы, дурачье, целые три дня что делали? Староста! Нарядить поголовно на сенокос: да смотри, рыжая бестия, чтоб у меня к Иванову дню всё сено было в копнах. Убирайтесь.

Мужики поклонились и пошли на барщину как ни в чем не бывало.

Рана Швабрина оказалась не смертельна. Его с конвоем отправили в Казань. Я видел из окна, как его уложили в телегу. Взоры наши встретились, он потупил голову, а я поспешно отошел от окна. Я боялся показать вид, что торжествую над несчастием и унижением недруга.

Гринев должен был отправиться далее. Я решился за ним последовать, несмотря на мое желание пробыть еще несколько дней посреди моего семейства. Накануне по-

хода я пришел к моим родителям и по тогдашнему обыкновению поклонился им в ноги, прося их благословения на брак с Марьей Ивановной. Старики меня подняли и в радостных слезах изъявили свое согласие. Я привел к ним Марью Ивановну, бледную и трепещущую. — Нас благословили...

Что чувствовал я, того не стану описывать. Кто бывал в моем положении, тот и без того меня поймет, — кто не бывал, о том только могу пожалеть и советовать, пока еще время не ушло, влюбиться и получить от родителей благословение.

На другой день полк собрался — Гринев распростился с нашим семейством. Все мы были уверены, что военные действия скоро будут прекращены; через месяц я надеялся быть супругом. Марья Ивановна, прощаясь со мною, поцеловала меня при всех. — Я сел верхом. Савельич опять за мною последовал — и полк ушел.

Долго смотрел я издали на сельский дом, опять мною покидаемый. Мрачное предчувствие тревожило меня. Кто-то мне шептал, что не все несчастия для меня миновались. Сердце чу<я>ло новую бурю.

Не стану описывать нашего похода — и окончания Пугачевской войны. Мы проходили через селения, разоренные Пугачевым, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что оставлено было им разбойниками.

Они не знали, кому повиноваться. Правление было всюду прекращено. Помещики укрывались по лесам. — Шайки разбойников злодействовали повсюду. Начальники отдельных отрядов, посланных в погоню за Пугачевым, тогда уже бегущим к Астрахани, самовластно наказывали виноватых и безвинных. — — Состояние всего края, где свирепствовал пожар, было ужасно. Не приведи бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка — полушка, да и своя шейка копейка.

ОТРЫВКИ
И НАБРОСКИ

Надинька

Несколько молодых людей, по большей части военных, проигрывали свое именье поляку Ясунскому, который держал маленький банк для препровождения времени и важно передергивал, подрезая карты. Тузы, тройки, разорванные короли, загнутые валеты сыпались как град — и облака стираемого мела смешались с дымом турецкого табаку.

— Неужто два часа ночи? Боже мой, как мы засиделись, — сказал Виктор N молодым своим товарищам. — Не пора ли оставить игру?

Все бросили карты, встали изо стола. Всякой, докуривая трубку, [стал] считать свой или чужой выигрыш. Поспорили, согласились и разъехались.

— Поедем вместе — сказал Виктору ветреный Вельверов. — Я познакомлю тебя с очень милой девочкой; ты будешь меня благодарить.

Оба сели в дрожки и полетели по мертвым улицам Петербурга.

Виктор N...

<1819 г.>

Гости съезжались на дачу...

<I>

Гости съезжались на дачу г<рафини>***. Зала наполнялась дамами и мужчинами, приехавшими в одно время из театра, где давали новую италианскую оперу. Каждый гость, пробравшись до круглого стола, где разливали чай, спешил поклониться хозяйке и потом исчезнуть в толпе. Мало-по-малу порядок установился. Дамы заняли свои места по диванам. Около их составился кружок мужчин. Висты учредились. Осталось на ногах несколько молодых людей, и смотр парижских литографий заменил общий разговор.

На балконе сидело двое мужчин. Один из них, путешествующий испанец, казалось, живо наслаждался прелестью северной ночи. С восхищением глядел он на ясное, бледное небо, на величавую Неву, озаренную светом неизъяснимым, и на окрестные дачи, рисующиеся в прозрачном сумраке. „Как хороша ваша северная ночь“, — сказал он, наконец: — „и как не пожалеть об ее прелести, даже под небом моего отечества?“ — „Один из наших поэтов, — отвечал ему другой, — сравнивал ее с русской белобрысой красавицей; признаюсь, что смуглая, черноглазая италианка или испанка, исполненная живости и полуденной неги, более пленяет мое воображение. Впрочем, давнишний спор между la brune et la blonde еще не решен. Но кстати: знаете ли вы, как одна иностранка изъясняла мне строгость и чистоту петербургских нравов? Она уверяла, что для любовных приключений наши зимние ночи слишком холодны, а летние слишком светлы“. — Испанец улыбнулся. „Итак благодаря влиянию климата“, — сказал он: — „Петербург есть обетованная земля красоты, любезности и беспорочности“. — „Красота дело вкуса“, — отвечал русской, — „но нечего говорить об нашей любезности.

Она не в моде, никто об ней и не думает. Женщины боятся прослыть кокетками, мужчины уронить свое достоинство. Все стараются быть ничтожными со вкусом и приличием. Что же касается до чистоты нравов, то дабы не употребить во зло доверчивости иностранца, я расскажу вам...“ И разговор принял самое сатирическое направление.

В сие время двери в залу отворились, и Вольская взошла. Она была в первом цвете молодости. Правильные черты, большие черные глаза, живость движений, самая странность наряда, всё поневоле привлекало внимание. Мужчины встретили ее с какой-то шутливой приветливостью, дамы с заметным недоброжелательством; но Вольская ничего не замечала; отвечая кратко на общие вопросы, она рассеянно глядела во все стороны; лицо ее, изменчивое как облако, изобразило досаду; она села подле важной княгини Г. и, как говорится, se mit à bouder.

Вдруг она вздрогнула и обернулась к балкону. Беспокойство овладело ею. Она встала, пошла около кресел и столов, остановилась на минуту за стулом старого генерала Р., ничего не отвечала на его тонкий мадригал, и вдруг скользнула на балкон.

Испанец и русской оба встали. Она подошла к ним и с замешательством сказала несколько слов по-русски. Испанец, полагая себя лишним, оставил ее и возвратился в залу.

Важная княгиня Г. проводила Вольскую глазами и вполголоса сказала своему соседу: „Это ни на что не похоже“.

— Она ужасно ветрена, — отвечал он.

„Ветрена? этого мало. Она ведет себя непростительно. Она может не уважать себя, сколько ей угодно, но свет еще не заслуживает от нее такого пренебрежения. Минский мог бы ей это заметить“.

— Il n'en fera rien, trop heureux de pouvoir la compromettre. Между тем, я бьюсь об заклад, что разговор их самый невинный.

„Я в том уверена... Давно ли вы стали так добродушны?“

— Признаюсь: я принимаю участие в судьбе этой молодой женщины. В ней много хорошего и гораздо менее дурного, нежели думают. Но страсти ее погубят.

„Страсти! какое громкое слово! Что такое страсти? Не воображали ли вы, что у ней пылкое сердце, романическая голова? Просто она дурно воспитана... Что это за литография? Портрет Гуссейн-паши? покажите мне его“.

Гости разъезжались; ни одной дамы не оставалось уже в гостиной; лишь хозяйка с явным неудовольствием стояла у стола, за которым два дипломата доигрывали последнюю игру в экарте.

Вольская вдруг заметила зарю и поспешно оставила балкон, где она около трех часов сряду находилась наедине с Минским. Хозяйка простилась с нею холодно, а Минского не удостоила взгляда.

У подъезда несколько гостей ожидали своих экипажей. Минский посадил Вольскую в ее карету.

„Кажется, твоя очередь", сказал ему молодой офицер.

— Вовсе нет, — отвечал он. — Она занята; я просто ее наперсник, или что вам угодно. Но я люблю ее от души — она уморительно смешна.

Зинаида Вольская лишилась матери на шестом году от рождения. Отец ее, человек деловой и рассеянный, отдал ее на руки француженки, нанял учителей всякого рода и после уж об ней не заботился. Четырнадцати лет она была прекрасна, и писала любовные записки своему танцмейстеру. Отец об этом узнал, отказал танцмейстеру, и вывез ее в свет, полагая, что воспитание ее кончено. Появление Зинаиды наделало шуму. Вольский, богатый молодой человек, привыкший подчинять свои чувства мнению других, влюбился в нее без памяти, потому что генерал-адъютант ** на одном придворном бале решительно объявил, что Zénéida первая в Петербурге красавица, и что Г**<осударь>, встретив ее на Английской набережной, целый час с нею разговаривал. Он стал свататься. Отец обрадовался случаю сбыть с рук молодую невесту. Зинаида горела нетерпением быть замужем, чтоб видеть у себя весь город. К тому же Вольский ей не был противен, и таким образом участь ее была решена.

Ее искренность, неожиданные проказы, детское легкомыслие производили сначала приятное впечатление, и даже свет был благодарен той, которая поминутно прерывала важное однообразие аристократического круга. Смеялись ее шалостям, повторяли ее странные выходки. Но годы шли, а душе Зинаиды всё еще было четырнадцать лет. Стали роптать. Нашли, что Вольская не имеет никакого чувства приличия, свойственного ее полу. Женщины стали от нее удаляться, а мужчины приблизились. Зинаида подумала, что она не в проигрыше, и утешилась.

Молва стала приписывать ей любовников. Злословие даже без доказательств оставляет почти вечные следы. В светском уложении правдоподобие равняется правде, а быть предметом клеветы унижает нас в собственном мнении. Вольская, в слезах негодования, решилась возмутиться противу власти несправедливого света. Случай скоро представился.

Между молодыми людьми, ее окружающими, Зинаида отличила Минского. Повидимому, некоторое сходство в характерах и обстоятельствах жизни должно было их сблизить. В первой молодости Минский порочным своим поведением заслужил также порицание света, который наказал его клеветою. Минский оставил его, притворясь равнодушным. Страсти на время заглушили в его сердце угрызения самолюбия; но усмиренный опытами, явился он вновь на сцену общества и принес ему уже не пылкость неосторожной своей юности, но снисходительность и благопристойность эгоизма. Он не любил света, но не презирал, ибо знал необходимость его одобрения. Со всем тем, уважая вообще, он не щадил его в особенности, и каждого члена его готов был принести в жертву своему злопамятному самолюбию. Вольская нравилась ему за то, что она осмеливалась явно презирать ему ненавистные условия. Он подстрекал ее одобрением и советами, сделался ее наперсником и вскоре стал ей необходим.

Б ** несколько времени занимал ее воображение. „Он слишком для вас ничтожен", сказал ей Минский. „Весь ум его почерпнут из „Liaisons dangereuses", — так же как весь его гений выкраден из Жомини. Узнав его покороче, вы будете презирать его тяжелую безнравственность, как военные люди презирают его пошлые рассуждения".

— Мне хотелось бы влюбиться в Р., — сказала ему Зинаида.

„Какой вздор!" отвечал он. „Охота вам связаться с человеком, который красит волоса и каждые пять минут повторяет с упоением: quand j'étais à Florence... Говорят, его несносная жена влюблена в него; оставьте их в покое, они созданы друг для друга".

— А барон W.?

„Это девочка в мундире, но знаете ли что? Влюбитесь в Л. Он займет ваше воображение: он так же необыкновенно умен, как необыкновенно дурен, et puis c'est un homme à grands sentiments, он будет ревнив и страстен, он будет вас мучить и смешить — чего вам более?"

Однако ж Вольская его не послушалась. Минский угадывал ее сердце; самолюбие его было тронуто; не полагая, чтоб легкомыслие могло быть соединено с сильными страстями, он предвидел связь безо всяких важных последствий, лишнюю женщину в списке ветреных своих любовниц, и хладнокровно обдумывал свою победу. Вероятно, если б он мог вообразить бури, его ожидающие, то отказался бы от своего торжества, ибо светский человек легко жертвует своими наслаждениями и даже тщеславием — лени и благоприличию.

〈1828-1829〉

〈II〉

Минский лежал еще в постеле, когда подали ему письмо. Он распечатал его, зевая, пожал плечами, развернул два листа, вдоль и поперек исписанные самым мелким женским почерком. Письмо начиналось таким образом:

„Я намерена тебе высказать всё, что имею на сердце. В твоем присутствии я не нахожу мыслей, которые теперь так сильно меня преследуют. Твои софизмы не убеждают моих подозрений, но заставляют меня молчать. Это доказывает твое всегдашнее превосходство надо мною, но не довольно для счастия, для спокойствия моего сердца“ — —

Вольская упрекала его в холодности, недоверчивости и проч., жаловалась, умоляла, сама не зная о чем; рассыпалась в нежных, ласковых уверениях и назначала ему вечером свидание в своей ложе. Минский отвечал ей в двух словах, извиняясь скучными необходимыми делами и обещаясь быть непременно в театре.

〈1828—1829〉

〈III〉

— Вы так откровенны и снисходительны, сказал испанец, что осмелюсь просить вас разрешить мне одну задачу: я шатался по всему свету, представлялся во всех европейских дворах, везде посещал высшее общество, но нигде не чувствовал 〈себя〉 так связанным, так неловким, как в проклятом вашем аристократическом кругу. Всякой раз, когда я вхожу в залу княгини В. и вижу эти немые неподвижные мумии, напоминающие мне египетские кладбища, какой-то холод меня пронизывает. Меж ими нет ни одной моральной власти, ни одно имя не натвержено мне славою — пред чем же я робею?

— Перед недоброжелательством, — отвечал русский. — Это черта наших нравов: в народе выражается она насмешливостию, в высшем кругу невниманием и холодностию. [Аристократическое спокойствие наших дам происходит от их нравственного бездействия.] О мужчинах нечего и говорить. Наши дамы к тому же очень поверхностно образованы, ничто европейское не занимает их мыслей. Политика и литература для них не существует. Остроумие давно в опале, как признак легкомыслия. О чем же станут они говорить? О самих себе? Нет, — они слишком хорошо воспитаны. Остается им разговор какой-то домашний, мелочной, часто понятный только для немногих, для избранных. И человек, не принадлежащий к этому малому стаду, принят, как чужой, не только иностранец, но и свой.

— Извините мне мои вопросы, — сказал испанец, — но вряд ли мне найти в другой раз удовлетворительных ответов, и я спешу вами пользоваться. Вы упомянули о вашей аристократии: что такое русская аристократия? Занимаясь вашими законами, я вижу, что наследственной аристократии, основанной на неделимости имений, у вас не существует. — Кажется, между вашим дворянством существует гражданское равенство, — и доступ к оному ничем не ограничен. На чем же основывается ваша так называемая аристократия? Разве на одной только древности родов русских замечательных <людей>?

— [Вы ошибаетесь], отвечал он. — Древнее русское [дворянство] вследствие причин, вами упомянутых, упало в неизвестность и составило род третьего состояния. Наша дворянская чернь, к которой и я принадлежу, считает своими родоначальниками Рюрика и Мономаха. Но настоящая аристократия наша с трудом может назвать и своего деда. Древность рода их восходит до Петра и до Елисаветы. Денщики, певчие, хохлы, вот их родоначальники. Говорю не в упрек: достоинство — всегда достоинство, и государственная польза требует его возвышения. Смешно только видеть в ничтожных внуках пирожника, денщика, певчего и беглого <солдата> — спесь [герцогов] Монморанси [и] Клермон Тоннера, первого христианского барона.

— Я сам, например, — продолжал русский с видом самодовольного небрежения, — хотя дворянство мое и теряется в отдаленной древности, и имена предков моих на всех страницах истории нашей, но если бы я подумал назвать себя аристократом, то, вероятно, насмешил бы многих. Мы так положительны, что стоим на коленах пред настоящим случаем и успехом, но <у нас нет> очарования древностию, благодарности к прошедшему и уважения к нравственному достоинству. Прошедшее для нас не существует. Карамзин недавно рассказал нам нашу историю, но едва ли мы вслушались. Мы гордимся не славою предков, но чином какого-нибудь дяди [дурака] или балом двоюродной сестры. Заметьте, что неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности.

<1830>

На углу маленькой площади...

Глава I

Votre coeur est l'éponge imbibée
de fiel et de vinaigre.

Correspondance inédite.

На углу маленькой площади, перед деревянным домиком, стояла карета, явление редкое в сей отдаленной части города. Кучер спал лежа на козлах, а форейтор играл в снежки с дворовыми мальчишками.

В комнате, убранной со вкусом и роскошью, на диване, обложенная подушками, одетая с большой изысканностию, лежала бледная дама, уже не молодая, но еще прекрасная. Перед камином сидел молодой человек лет двадцати шести, перебирающий листы английского романа.

Бледная дама не спускала с него своих черных и впалых глаз, окруженных болезненной синевою. Начинало смеркаться: камин гаснул; молодой человек продолжал свое чтение. Наконец она сказала:

„Что с тобою сделалось, Валериан? Ты сегодня сердит".

— Сердит, отвечал он, не подымая глаз с своей книги.

„На кого?"

— На князя Горецкого. У него сегодня бал, а я не зван.

„А тебе очень хотелось быть на его бале?"

— Ни мало. Чорт его побери с его балом. Но если зовет он весь город, то должен звать и меня.

„Который это Горецкой? Не князь ли Яков?"

— Совсем нет. Князь Яков давно умер. Это брат его, князь Григорий, известная скотина.

„На ком он женат?"

— На дочери [какого-то целовальника, нажившего миллионы], того певчего, как бишь его?

„Я так давно не выезжала, что совсем раззнакомилась с вашим [высшим обществом]. Так ты очень дорожишь вниманием князя Григория, известного мерзавца, и благосклонностию жены его, дочери целовальника?"

— И конечно, с жаром отвечал молодой человек, бросая книгу на стол. — Я человек светский и не хочу быть в пренебрежении [у аристократии, из какой грязи, впрочем, ни была б она вылеплена], у светских аристократов. Мне дела нет ни до их родословной, ни до их нравственности.

„Кого ты называешь у нас аристократами?"

— Тех, которые протягивают руку графине Фуфлыгиной.

„А кто такая графиня Фуфлыгина?"

— [Взяточница, толстая], наглая дура.

„[Какие тонкие эпиграммы!"

— Я за остроумием, слава богу, не гоняюсь].

„И пренебрежение людей, которых ты презираешь, может до такой степени тебя расстраивать!.. Признайся, тут есть и иная причина..." сказала дама после некоторого молчания.

— Так: опять подозрения! Опять ревность! Это, ей-богу, несносно.

С этим словом он встал и взял шляпу.

„Ты уж едешь?" — сказала дама с беспокойством. — „Ты не хочешь здесь отобедать?"

— Нет, я дал слово.

„Обедай со мною", продолжала она ласковым и робким голосом. „Я велела взять шампанского".

— Это зачем? Разве я московский банкомет? Разве я без шампанского обойтиться не могу?

„Но в последний раз ты нашел, что вино у меня дурно, ты сердился, что женщины в этом не знают толку. На тебя не угодишь".

— Не прошу и угождать.

Она не отвечала ничего. Молодой человек тотчас раскаялся в грубости сих последних слов. Он к ней подошел, взял ее за руку и сказал с нежностию:

— Зинаида! Прости меня; я сегодня сам не свой; сержусь на всех и за всё. В эти минуты надобно мне сидеть дома... Прости меня; не сердись.

„Я не сержусь, Валериан: но мне больно видеть, что с некоторого времени ты совсем переменился. Ты приезжаешь ко мне, как по обязанности, не по сердечному внушению. Тебе скучно со мною. Ты молчишь, не знаешь, чем заняться, перевертываешь книги, придираешься

ко мне, чтоб со мною побраниться и уехать... Я не упрекаю тебя: сердце наше не в нашей воле; но я...“

Валериан уже ее не слушал. Он натягивал давно надетую перчатку и нетерпеливо поглядывал на улицу. Она замолчала с видом стесненной досады. Он пожал ее руку, сказал несколько незначущих слов и выбежал из комнаты, как резвый школьник выбегает из класса. Зинаида подошла к окошку; смотрела, как подали ему карету, как он сел и уехал. Долго стояла она на том же месте, опершись горячим лбом о оледенелое стекло. — Наконец она сказала вслух: Нет, он меня не любит. Она позвонила, велела зажечь лампу и села за письменный столик.

Глава II

Vous écrivez vos lettres de 4 pages plus vite que je ne puis les lire.

** скоро удостоверился в неверности своей жены. Это чрезвычайно его расстроило. Он не знал, на что решиться: притвориться ничего не замечающим казалось ему глупым; смеяться над несчастием столь обыкновенным — презрительным; сердиться не на шутку — слишком шумным; жаловаться с видом глубоко оскорбленного чувства — слишком смешным. К счастию, жена его явилась ему на помощь.

Полюбив Володского, она почувствовала отвращение от своего мужа, сродное одним женщинам и понятное только им. — Однажды вошла она к нему в кабинет, заперла за собою дверь и объявила, что она любит Володского, что не хочет обманывать мужа и втайне его бесчестить и что она решилась развестись. ** был встревожен таким чистосердечием, стремительностию; она не дала ему времени опомниться, в тот же день переехала с Английской набережной в Коломну и в короткой записочке уведомила обо всем В **, ничего тому подобного не ожидавшего.

Он был в отчаянии: никогда не думал он связать себя такими узами. Он не любил скуки, боялся всяких обязанностей и выше всего ценил свою себялюбивую независимость. — Но всё было кончено. Зинаида оставалась на его руках. Он притворился благодарным и приготовился на хлопоты любовной связи, как на занятие должностное или как на скучную обязанность поверять ежемесячные счеты своего дворецкого.—

⟨1829⟩

<Роман в письмах>

1. <ПИСЬМО ЛИЗЫ В ПЕТЕРБУРГ ИЗ ДЕРЕВНИ>

Ты, конечно, милая Сашенька, удивилась нечаянному моему отъезду в деревню. Спешу объясниться во всем откровенно. Зависимость моего положения была всегда мне тягостна. Конечно, Авдотья Андреевна воспитывала меня на ровне со своею племянницею, но в ее доме я всё же была воспитанница, и ты не можешь вообразить, как много мелочных горестей неразлучны с этим званием. Многое должна была я сносить, во многом уступать, многого не видеть, между тем как мое самолюбие прилежно замечало малейший оттенок небрежения. Самое равенство мое с княжною было мне в тягость. Когда являлись мы на бале, одетые одинаково, я досадовала, не видя на ее шее жемчугов. Я чувствовала, что она не носила их для того только, чтоб не отличаться от меня, и эта внимательность уж оскорбляла меня. Неужто предполагают во мне, думала я, зависть или что-нибудь похожее на такое детское малодушие? Поведение со мною мужчин, как бы оно ни было учтиво, поминутно задевало мое самолюбие. Холодность их или приветливость, всё казалось мне неуважением. Словом, я была создание пренесчастное, и сердце мое, от природы нежное, час от часу более ожесточалось. Заметила ли ты, что все девушки, состоящие на правах воспитанниц, дальних родственниц, demoiselles de compagnie и тому подобное, обыкновенно бывают или низкие служанки, или несносные причудницы? Последних я уважаю и извиняю от всего сердца.

Тому ровно три недели получила я письмо от бедной моей бабушки. Она жаловалась на свое одиночество и звала меня к себе в деревню. Я решилась воспользоваться этим случаем. Насилу могла выпросить у Авдотьи Андреевны позволение ехать и должна была обещать зимою возвратиться в Петербург. Но я не намерена сдержать свое слово.

Бабушка мне чрезвычайно обрадовалась; она никак меня не ожидала. Слезы ее меня тронули несказанно. Я сердечно ее полюбила. Она была некогда в большом свете и сохранила много тогдашней любезности.

Теперь я живу *дома*, я хозяйка — и ты не поверишь, какое это мне истинное наслаждение. Я тотчас привыкла к деревенской жизни, и мне вовсе не странно отсутствие роскоши. — Деревня наша очень мила. Старый дом на горе, сад, озеро, рощи сосновые, всё это осенью и зимой, конечно, немного печально, но зато весной и летом должно казаться земным раем. Соседей у нас мало, и я еще ни с кем не виделась. Уединение мне нравится на самом деле как в элегиях твоего Ламартина.

Пиши ко мне, мой ангел, письма твои будут мне большим утешением. Что ваши балы, что наши общие знакомые? Хоть я и сделалась затворницей, однако ж я не вовсе отказалась от суеты мира — вести об нем для меня занимательны.

Село Павловское.

2. <ПИСЬМО САШИ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В ДЕРЕВНЮ>

Милая Лиза!

Вообрази мое изумление, когда узнала я твой отъезд в деревню. Увидев княжну Ольгу одну, я думала, что ты нездорова, и не хотела поверить ее словам. На другой день получаю твое письмо. Поздравляю тебя, мой ангел, с новым образом жизни. Радуюсь, что он тебе понравился. Твои жалобы о прежнем твоем положении меня тронули до слез, но показались мне слишком горькими. Как можешь ты сравнивать себя с воспитанницами и demoiselles de compagnie? Все знают, что Ольгин отец был всем обязан твоему и что дружба их была столь же священна, как самое близкое родство. Ты казалось была довольна своей судьбою. Никогда не предполагала я в тебе столько раздражительности. Признайся: нет ли другой, тайной причины твоему поспешному отъезду? Я подозреваю, ... но ты со мною скромничаешь,— и я боюсь рассердить тебя заочно своими догадками.

Что сказать тебе про Петербург? Мы еще на даче, но почти все уже разъехались. Балы начнутся недели через две. Погода прекрасная. Я гуляю очень много. На днях обедали у нас гости, — один из них спрашивал, имею ли о тебе известия? Он сказал, что твое отсутствие на балах заметно, как порванная струна в фортепиано — и я совершенно

с ним согласна. Я всё надеюсь, что этот припадок мизантропии будет непродолжителен. Возвратись, мой ангел: а то нынешнею зимою мне не с кем будет разделять моих невинных наблюдений, некому будет передавать эпиграммы моего сердца. — Прости, моя милая, подумай и одумайся.

Крестовский остров.

3. ‹ВТОРОЕ ПИСЬМО ЛИЗЫ›

Письмо твое меня чрезвычайно утешило — оно так живо напомнило мне Петербург. Мне казалось, что я тебя слышу! Как смешны твои вечные предположения! Ты подозреваешь во мне какие-то глубокие, тайные чувства, какую-то несчастную любовь — не правда ли? Успокойся, милая, ты ошибаешься: я похожа на героиню только тем, что живу в глухой деревне и разливаю чай, как Кларисса Гарлов.

Ты говоришь, что тебе некому будет нынешней зимою передавать своих сатирических наблюдений. А на что ж переписка? Пиши ко мне всё, что ты заметишь; повторяю тебе, что я вовсе не отказалась от света, что всё касающееся до него для меня занимательно. В доказательство того, прошу тебя написать, кому отсутствие мое кажется так заметным? Не Алексею П*, любезному нашему говоруну? — Я уверена, что угадала. Уши мои были всегда к его услугам, а ему только и надобно.

Я познакомилась с семейством ***. Отец [балагур] и хлебосол. Мать толстая, веселая баба, большая охотница до виста. Дочка стройная, меланхолическая девушка лет семнадцати, воспитанная на романах и на чистом воздухе. Она целый день в саду или в поле с книгой в руках, окружена дворовыми собаками, говорит о погоде нараспев и с чувством подчует вареньем. У нее нашла я целый шкаф, наполненный старинными романами. Я намерена всё это прочесть и начала Ричардсоном. Надобно жить в деревне, чтоб иметь возможность прочитать хваленую Клариссу. Я, благословясь, начала с предисловия переводчика и увидя в нем уверение, что хотя первые шесть частей скучненьки, за то последние шесть в полной мере вознаградят терпение читателя, храбро принялась за дело. Читаю том, другой, третий, — наконец, добралась до шестого, — скучно, мочи нет. Ну, думала я, — теперь буду я награждена за труд. Что же? Читаю смерть Клариссы, смерть Ловласа — и конец. Каждый том заключал в себе 2 части и я не заметила перехода от шести скучных к шести занимательным.

Чтение Ричардсона дало мне повод к размышлениям. Какая ужасная

разница между идеалами бабушек и внучек! Что есть общего между Ловласом и Адольфом? Между тем роль женщины не изменяется. Кларисса, за исключением церемонных приседаний, всё ж походит на героиню новейших романов. Потому ли, что [способы] нравиться в мужчине зависят от моды, от минутного мнения, а в женщинах они основаны на чувстве и природе, которые вечны?

Ты видишь, я с тобою болтлива по обыкновенному. Не будь же и ты скупа на заочные разговоры. Пиши ко мне как можно чаще и как можно более — ты не можешь вообразить, что значит ожидание почтового дня в деревне. Ожидание бала не может с ним равняться.

4. <ОТВЕТ САШИ>

Ты ошиблась, милая Лиза. Чтоб смирить твое самолюбие, объявляю, что Р * вовсе не замечает твоего отсутствия. Он привязался к леди Пелам, приезжей англичанке, и от нее не отходит. На его речи отвечает она видом невинного удивления и маленьким восклицанием: oho! — — а он в восхищении. — Знай: спрашивал меня о тебе, всем сердцем жалеет о тебе твой постоянный admirateur, Владимир **. Довольна ли ты? Думаю, очень довольна, и по своему обыкновению осмеливаюсь предполагать, что и без меня ты догадалась.

Шутки в сторону, ** очень занят тобою. На твоем месте я бы завела его далеко. Что ж, он прекрасный жених — — Зачем не выйти за него, — ты жила бы на Английской набережной, по субботам имела бы вечера, и всякое утро заезжала бы за мною. — Полно тебе дурачиться, мой ангел, приезжай к нам и выходи за **.

Третьего дня был бал у князя **. Народу было пропасть. Танцовали до пяти часов. — Княгиня В. была одета очень просто; белое креповое платьице, даже без гирлянды, а на голове и шее на полмиллиона бриллиантов: только! Z * по своему обыкновению была одета уморительно.— Откуда берет она свои наряды? — На платье ее были нашиты не цветы, а какие-то сушеные грибы. Не ты ли ей, мой ангел, прислала их из деревни? — Владимир ** не танцовал: он едет в отпуск. — С. приехали (вероятно первые), просидели всю ночь не танцуя, и уехали последние. — Старшая, кажется, была нарумянена: пора! — — Бал очень удался. — Мужчины были недовольны ужином, но ведь они вечно должны быть чем-нибудь да недовольны. Мне было очень весело, хотя я и танцовала котильон с несносным дипломатом Ст., который к природной своей глупости присоединил еще рассеянность, вывезенную им из Мадрита.

Благодарю тебя, душа моя, за отчет о Ричардсоне. Теперь я имею об нем понятие — прочитать его не надеюсь с моим нетерпением; я и в Вальтер-Скотте нахожу лишние страницы. Кстати, кажется, роман Елены Н. и графа Л. кончается, по крайней мере он так приуныл, а она так важничает, что, вероятно, свадьба решена.

Прости, моя прелесть!

Довольна ли ты моею сегодняшней болтовней?

5. ⟨ТРЕТЬЕ ПИСЬМО ЛИЗЫ⟩

Нет, милая моя сваха, я не думаю оставить деревню и приехать к вам на свадьбы. Откровенно признаюсь, что Владимир ** мне нравился, но никогда я не предполагала выйти за него. Он аристократ, а я — смиренная демократка. Спешу объясниться и заметить гордо, как истинная героиня романа, что родом принадлежу я к самому старинному русскому дворянству, а что мой рыцарь внук бородатого мильонщика — ты знаешь, что значит наша аристократия. — Как бы то ни было, ** человек светский; я могла ему понравиться, но он для меня не пожертвует [надеждами на знатное родство и] богатой невестою и выгодным родством. Если когда-нибудь и выйду замуж, то выберу здесь какого-нибудь сорокалетнего помещика. Он станет заниматься своим сахарным заводом, я хозяйством и буду счастлива, не танцуя на бале у гр. К. и не имея суббот у себя на Английской набережной.

У нас зима: в деревне c'est un événement. — Это вовсе переменяет образ жизни. Уединенные гуляния прекращаются, раздаются колокольчики, охотники выезжают с собаками, — всё делается светлее, веселее от первого снега. — Я никак этого не ожидала. Зима в деревне пугала меня. — Но всё на свете имеет свою хорошую сторону.

Я короче познакомилась с Машенькой *** и полюбила ее; у ней много хорошего, много оригинального. Нечаянно узнала я, что ** [их] близкий родня. Маша не видала его семь лет, но от него в восхищении. Он провел у них одно лето, — и Маша беспрестанно рассказывает все подробности тогдашней его жизни. Читая ее романы, нахожу на полях его замечания, бледно писанные карандашем — видно, что он был тогда ребенок. — Его поражали мысли и чувства, над которыми, конечно, стал бы он теперь смеяться; по крайней мере, видна душа свежая, чувствительная. — Я читаю очень много. Ты не можешь вообразить, как странно читать в 1829 году роман, писанный в 775-м. Кажется, будто вдруг из своей гостиной входим мы в старинную залу, обитую штофом, садимся в атласные пуховые кресла, видим около себя странные пла-

тья, однако ж знакомые лица, и узнаем в них наших дядюшек, бабушек, но помолодевшими. Большею частию эти романы не имеют другого достоинства — происшествие занимательно, положение хорошо запутано, но Белькур говорит косо, но Шарлотта отвечает криво. — Умный человек мог бы взять готовый план, готовые характеры, исправить слог и бессмыслицы, дополнить недомолвки — и вышел бы прекрасный оригинальный роман. — Скажи это от меня моему неблагодарному Р *. Полно ему тратить ум в разговорах с англичанками! Пусть он по старой канве вышьет новые узоры и представит нам в маленькой раме картину света и людей, которых он так хорошо знает.

Маша хорошо знает русскую литературу. Вообще здесь более занимаются словесностию, чем в Петербурге. Здесь получают журналы, принимают живое участие в их перебранке, попеременно верят обеим сторонам, сердятся за любимого писателя, если он раскритикован. Теперь я понимаю, за что В*〈яземский〉 и П*〈ушкин〉 так любят уездных барышен — они их истинная публика. Я было заглянула в журналы и принялась за критики Вестника **, но их плоскость и лакейство показались мне отвратительны. — Смешно видеть, как семинарист важно упрекает в безнравственности и неблагопристойности сочинения, которые прочли мы все, мы — санкт-петербургские недотроги!..

6. 〈ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО ЛИЗЫ〉

Милая! Мне невозможно долее притворяться, мне нужны помощь и советы дружбы. Тот, от которого я убежала, кого боюсь, как несчастия, ** — здесь! Что мне делать? Голова моя кружится, я теряюсь, ради бога реши, что мне делать. Расскажу тебе всё.

Ты заметила прошедшею зимою, что он от меня не отходил. Напрасно вооружалась я холодностию, даже видом пренебрежения,— ничем не могла я от его избавиться. Он к нам не ездил, но мы виделись везде. На балах он вечно умел найти место возле меня, на гуляньи он вечно с нами встречался, в театре лорнет его был устремлен на нашу ложу.

С начала это льстило моему самолюбию. Я, может быть, слишком это ему дала заметить. По крайней мере он, присвоя себе новые права, вполголоса говорил мне каждый час о своих чувствах, то ревновал, то жаловался.

С ужасом думала: к чему всё это ведет и с отчаянием признавала я власть его над моей душою. Я уехала из Петербурга — думала тем прекратить зло в его начале. Моя решимость, уверенность в том, что

исполнила я свой долг, успокоили было мое сердце. Я начинала думать о нем равнодушнее, с меньшею горестию. — Вдруг я его вижу.

Я его вижу: вчера были именины ***. Я приехала к обеду, вхожу в гостиную, нахожу толпу гостей, уланские мундиры. Дамы меня окружают. Я со всеми ими перецеловалась, не замечая никого, сажусь подле хозяйки, — гляжу: ** передо мной. Я остолбенела. Он сказал мне несколько слов с видом такой нежной, искренней радости, что и я не имела силы скрыть ни замешательства своего, ни удовольствия.

Пошли за стол. — Он сел против меня. Я не смела на него взглянуть, но заметила, что все глаза были устремлены на него. Он был молчалив и рассеян. В другое время меня бы очень занимало общее желание привлечь внимание приезжего гвардейца, беспокойство барышен, неловкость мужчин, хохот их при собственных шутках, и между тем учтивая холодность и совершенное невнимание гостя.

После обеда он ко мне подошел. Чувствуя, что мне было надобно что-нибудь сказать, я спросила довольно не кстати, по делам ли заехал он в нашу сторону? —

„Я приехал по одному делу, от которого зависит счастие моей жизни“, отвечал он вполголоса и отошел. Он сел играть в бостон с тремя старушками (в том числе с бабушкой), а я ушла на верх, к Маше, где пролежала до вечера, под предлогом головной боли. В самом деле, я была хуже, чем нездорова. Машенька от меня не отходила. Она в восторге от **. — ⟨Он⟩ пробудет у них месяц, или более. — Она целый день будет с ним. — Право, она влюблена в него. Дай бог, что и он влюбится. Она стройна и странна — мужчинам только того и надобно.

Что мне делать, милая? Здесь не будет мне возможности избегнуть его преследований. Он уж успел обворожить бабушку. Он будет ездить к нам. Опять пойдут признания, жалобы, клятвы — *и к чему?* Он добьется моей любви, моего признания, потом размыслит о невыгодах женитьбы, уедет под каким-нибудь предлогом, оставит меня — а я... Какая ужасная будущность! Ради бога, дай мне руку: я тону.

7. ⟨ОТВЕТ САШИ⟩

То ли дело облегчить сердце полной исповедию! Давно бы так, мой ангел! Охота же тебе была не сознаваться в том, что я давно знала — ** и ты — вы влюблены друг в друга. Что за беда? На здоровье. — Ты имеешь дар смотреть на вещи бог знает с какой стороны. — Ты напрашиваешься на несчастие — берегись накликать его. — Почему тебе не выйти за **: где тут неодержимые препятствия? Он богат, а ты бедна —

пустое! — Он богат за двух. — Чего ж вам более? Он аристократ, а ты именем, воспитанием разве не аристократка?

Недавно [спор зашел] о дамах высшего круга. Я узнала, что Р. объявил однажды себя решительно на стороне аристократок, потому что они лучше обуваются. И так, не явно ль, что ты с головы до ног аристократка?

Извини меня, мой ангел, но твое патетическое письмо рассмешило меня. ** приехал в деревню для того, чтоб тебя видеть. Какой ужас! Ты гибнешь, ты требуешь моего совета. Уж не сделалась ли ты уездной героиней! Мой совет — обвенчаться как можно скорее в вашей деревенской церкви, и приезжать к нам, чтоб явиться Форнариной в картинах, которые затеваются у С **.

Поступок твоего рыцаря меня тронул, кроме шуток. Конечно, в старину любовник для благосклонного взгляда [уезжал на] три года сражаться в Палестину; но в наши времена уехать за пятьсот верст от Петербурга для того, чтоб увидеться с владычицею своего сердца — право много значит! ** достоин награды.

8. <ПИСЬМО ВЛАДИМИРА ** К ДРУГУ В ПЕТЕРБУРГ>

Сделай одолжение, распусти слух, что я при смерти болен, я намерен просрочить и хочу соблюсти всевозможную благопристойность. Вот уж две недели, как я живу в деревне и не вижу, как время летит. Отдыхаю от петербургской жизни, которая мне ужасно надоела. Не любить деревни простительно монастырке, только что выпущенной из клетки, да двадцатилетнему камер-юнкеру. — Петербург — прихожая, Москва — девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю, редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своем кабинете. Тем и я кончу. Выйду в отставку, женюсь и уеду в свою Саратовскую деревню. Звание помещика есть та же служба. Заниматься тремя тысячами душ, коих всё благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши...

Небрежение, в котором оставляем мы наших крестьян, непростительно. Чем более имеем мы над ними прав, тем более имеем и обязанностей в их отношении. Мы [оставляем] их на произвол плута приказчика, который их притесняет, а нас обкрадывает. Мы проживаем в долг свои будущие доходы — и разоряемся; старость нас застает в нужде и в хлопотах. Вот причина быстрого упадка нашего дворянства: дед был богат, сын нуждается, внук идет по-миру. Древние фамилии при-

ходят в ничтожество, новые поднимаются и в третьем поколении исчезают опять. К чему ведет такой политический материализм? Не знаю, но пора положить ему преграды. Аристократия чина не заменит аристократии родовой. Семейственные воспоминания дворянства должны быть историческими воспоминаниями народа. Но какие воспоминания у детей коллежского асессора [или обер-офицера]?

Говоря в пользу аристократии, я не корчу английского лорда; мое происхождение, хоть я им и не стыжусь, не дает мне на то никакого права. Но я согласен с Лабрюером: Affecter le mépris de la naissance est un ridicule dans le parvenu et une lâcheté dans le gentilhomme.

Я без прискорбия никогда не мог видеть уничижения наших исторических родов. Никто у нас ими не дорожит, начиная с тех, которые им принадлежат. Какой гордости воспоминаний ожидать от народа, у которого пишут на памятнике: „Гражданину Минину и князю Пожарскому“. Какой князь Пожарский? Что такое гражданин Минин? Был окольничий князь Дмитрий Михайлович Пожарский и мещанин Козьма Минич Сухорукой, выборный человек от всего Государства. Но отечество забыло даже настоящие имена своих избавителей. Прошедшее для нас не существует. Жалкий народ!

Всё это надумал я, живучи в чужой деревне, глядя на управление мелкопоместных дворян. Эти господа не служат и сами занимаются управлением своих деревушек; но, признаюсь, дай бог им промотаться, как нашему брату. Какая дикость! Для них не прошли еще времена Фонвизина. — Между ими процветают Простаковы и Скотинины!

Это, впрочем, не относится к родственнику, у которого я в гостях. Он очень добрый человек, жена его очень добрая баба, дочь очень добрая девочка. Ты видишь, что я стал очень добр. В самом деле с тех пор, как я в деревне, я стал отменно благосклонен и снисходителен — действие моей патриархальной жизни и присутствия Лизы ***.

Мне было скучно без нее не на шутку. Я приехал уговорить ее возвратиться в Петербург. — Наше первое свидание было великолепно. Тетка моя была именинница. Всё соседство съехалось, — явилась и Лиза — и едва поверила самой себе, увидев меня. — Она не могла ж не признаться, что я приехал сюда только для нее. По крайней мере я постарался дать ей это почувствовать. Здесь мой успех превзошел мои ожидания (что много значит). Старушки от меня в восхищении, барыни ко мне так и льнут,

А потому что патриотки...

Мужчины отменно недовольны моею fatuité indolente, которая здесь еще новость. Они бесятся тем более, что я чрезвычайно учтив и благо-

пристоен, и они никак не понимают, в чем именно состоит мое нахальство, хотя и чувствуют, что я нахал.

Прощай, что делают наши?

Servitor di tuti quanti.

Пиши ко мне в село **.

9. ⟨ОТВЕТ ВЛАДИМИРУ ** ИЗ ПЕТЕРБУРГА⟩

Поручение твое мною исполнено. Вчера в театре объявил я, что ты занемог нервическою горячкою и что, вероятно, тебя уже нет на свете. Итак, пользуйся жизнию, покамест еще ты не воскрес.

Твои нравственные размышления на счет управления имений радуют меня за тебя. Назначение помещика, по-моему, самое завидное. То ли дело

Un homme sans peur ⟨?⟩
Qui n'est ⟨*нрзбр.*⟩

Конечно дворянин [совершенно независим. Время нам ограничиться.]

Чины в России необходимость хотя бы для одних станций, где без них не добьешься лошадей.

. . . .

Пустившись в важные рассуждения, я совсем забыл, что теперь тебе не до того. Ты занят своею Лизою. Охота тебе корчить г. Фобласа и вечно возиться с женщинами! Это не достойно тебя. В этом отношении ты отстал от своего века и сбиваешься на ci-devant гвардии хрипуна 1807 г. Покамест это недостаток, скоро ты будешь смешон. Не лучше ли заранее привыкнуть к строгости зрелого возраста и добровольно отказаться от увядающей молодости? Знаю, что проповедую втуне, но таково мое назначение.

Все твои друзья тебе кланяются и очень жалеют о преждевременной твоей кончине. Между прочим — и прежняя твоя приятельница, которая возвратилась из Рима влюбленная в папу. — Как это на нее похоже и как это должно тебя восхитить! Не приедешь ли для соперничества cum servo servorum Dei? Это было бы похоже на тебя.

Я всякий день стану тебя ожидать.

10. ⟨ВТОРОЕ ПИСЬМО ВЛАДИМИРА ** К ДРУГУ⟩

Выговоры твои совершенно несправедливы. Не я, но ты отстал от своего века — и целым десятилетием. Твои умозрительные и важные рассуждения принадлежат к 1818 году. В то время строгость правил и политическая экономия были в моде. Мы являлись на балы, не сни-

мая шпаг — нам было неприлично танцовать, и некогда заниматься дамами. Честь имею донести тебе, теперь это всё переменилось. — Французская кадриль заменила Адама Смита. Всякий волочится и веселится, как умеет. Я следую духу времени, но ты неподвижен, ты ci-devant un homme стереотип. Охота тебе сиднем сидеть одному на оппозиционной скамеечке. Надеюсь, что Z обратит тебя на истинный путь: поручаю тебя ее ватиканскому кокетству.

Что касается до меня — я совершенно предался патриархальной жизни: ложусь спать в десять часов вечера, езжу на порошу с здешними помещиками, играю со старухами в бостон по копейке и сержусь, когда проигрываюсь. — С Лизою вижусь каждый день и час от часу более в нее влюбляюсь. В ней много увлекательного. Эта тихая благородная стройность в обращении — прелесть высшего петербургского общества, а между тем, что-то живое, снисходительное, *доброродное* (как говорит ее бабушка). Ничего резкого, жестокого в ее суждениях, она не морщится перед впечатлениями, как ребенок пред принятием ревеню. Она слушает и понимает — редкое достоинство в наших женщинах. Часто удивляюсь я тупости понятия или нечистоте воображения дам, впрочем очень любезных. Часто самое тонкое поэтическое приветствие они принимают или за нахальную эпиграмму, или за неблагопристойную плоскость. В таком случае холодный вид, ими принимаемый, так убийственно отвратителен, что самая пылкая любовь против него не устоит.

Это испытал я с Еленой ***, в которую был я влюблен без памяти. Я сказал ей какую-то нежность, — она приняла ее за грубость и пожаловалась на меня своей приятельнице. Это меня вовсе разочаровало.

Кроме Лизы есть у меня для развлечения ⟨Машенька ***⟩. Эта девушка, выросшая под яблонями и между скирд, воспитанная природой и старыми нянюшками, гораздо милее наших однообразных красавиц, которые до свадьбы придерживаются мнения матерей, а после — мнения своих мужьев.

Прощай, мой милый. Что нового в свете? Объяви всем, что наконец и я пустился в поэзию. — Намедни сочинил я надпись к портрету княжны Ольги (за что Лиза очень мило бранила меня): „*Глупа, как* ⟨*нрзбр.*⟩, *скучна, как* ⟨*нрзбр.*⟩ etc. Не лучше ли *скучна, как* etc. То и другое похоже на мысль. Попроси В. прислать первый стих и отныне считать меня поэтом.

⟨1829⟩

В начале 1812 года полк наш стоял...

В начале 1812 года полк наш стоял в небольшом уездном городе, где мы проводили время очень весело. Помещики окрестных деревень обыкновенно приезжали туда на зиму, каждый день мы бывали вместе, по воскресениям танцовали у предводителя. Все мы, то есть двадцатилетние обер-офицеры, были влюблены, многие из моих товарищей нашли себе подругу на этих вечеринках — итак, не удивительно, что каждая безделица, относящаяся к тому времени, для меня памятна и любопытна.

Всего чаще посещали мы дом городничего. Он был взяточник, балагур и хлебосол, жена его свежая веселая баба, большая охотница до виста, а дочь стройная меланхолическая девушка лет семнадцати, воспитанная на романах и на бланманже...

<1829>

<Повесть о прапорщике Черниговского полка>

4 мая 1825 г. произведен я в офицеры, 6-го получил повеление отправиться в полк в [Киевскую губернию] в местечко В<асильков>. 9-го выехал из Петербурга.

Давно ли я был еще кадетом? Давно ли будили меня в 6 часов утра, давно ли я твердил немецкий урок при вечном шуме корпуса? Теперь я прапорщик, имею в сумке 475 р., делаю, что хочу, и скачу на перекладных в местечко В., где буду спать до 8 часов и где уж никогда не молвлю ни единого немецкого слова.

В ушах моих всё еще отзывает шум и крики играющих кадетов и однообразное жужжание прилежных учеников, повторяющих вокабулы — le bluet, le bluet — василек, amarante — амарант, amarante, amarante... Теперь стук тележки да звон колокольчика одни нарушают окрестное безмолвие. Я всё еще не могу привыкнуть к этой тишине.

При мысли о моей свободе, об удовольствиях пути и приключениях, меня ожидающих, чувство несказанной сладости, доходящее до восторга, наполнило мою душу. Успокоиваясь мало-по-малу, наблюдал я движение передних колес и делал математические исчисления. Нечувствительным образом сие занятие меня утомило, и путешествие уже казалось мне не [столь] приятным как с начала.

Приехав на станцию, я отдал кривому смотрителю свою подорожную, и потребовал скорее лошадей. Но с неизъяснимым неудовольствием услышал я, что лошадей нет; я заглянул в почтовую книгу: от города* до Петербурга едущий 6-го класса чиновник с будущим взял [двенадцать] лошадей, генеральша Б. — восемь, две тройки пошли с почтою, остальные две лошади взял наш брат прапорщик.

На станции стояла одна курьерская тройка, и смотритель не мог ее мне дать — если паче чаяния наскачет курьер или фельдъегерь и не найдет лошадей, то что тогда будет, беда — он может лишиться

места, пойти по миру. Я попытался подкупить его совесть, но он остался неколебим и решительно отвергнул мой двугривенник. Нечего делать! Я покорился необходимости.

— Угодно ли чаю или кофею, спросил меня смотритель.

Я благодарил и занялся рассмотрением картин, украшающих его смиренную обитель. В них изображена история блудного сына. — В первой почтенный старец в колпаке и в шлафроке отпускает беспокойного юношу, который принимает поспешно его благословение и мешок с деньгами. В другой изображено яркими чертами дурное поведение молодого человека; он сидит за столом, окруженный ложными друзьями и бесстыдными женщинами. Далее промотавшийся юноша в французском кафтане, в треугольной шляпе пасет свиней и разделяет с ними трапезу. — В его лице изображены глубокая печаль и раскаяние, он вспоминает о доме отца своего, где *последний раб* etc. Наконец представлено возвращение его к отцу своему. Добрый старик в том же колпаке и шлафроке выбегает к нему навстречу. Блудный сын стоит на коленях — вдали повар убивает упитанного тельца и старший брат с досадой вопрошает о причине таковой радости. Под картинками напечатаны немецкие стихи. Я прочел их с удовольствием и списал, чтобы на досуге перевести.

Прочие картины не имеют рам и прибиты на стене гвоздиками. Они изображают погребение кота, спор красного носа с сильным морозом и тому подобное, — и в нравственном как и художественном отношении не стоят внимания образованного человека.

Я сел под окно. Виду никакого. Тесный ряд однообразных изб, прислоненных одна к другой. Кое-где две-три яблони, две-три рябины, окруженные худым забором, отпряженная телега с моим чемоданом и погребцом.

День жаркой. Ямщики разбрелись. На улице играют в бабки златовласые, замаранные ребятишки. Против меня старуха сидит перед избою подгорюнившись. Изредка поют петухи. Собаки валяются на солнце, или бродят, высунув язык и опустя хвост, да поросята с визгом выбегают из-под ворот и мечутся в сторону безо всякой видимой причины.

Какая скука! Пойду гулять. В поле — развалившийся колодец. Около — мелкая лужица. В ней резвятся желтенькие утята под надзором глупой утки, как балованные дети при французской мадаме.

Я пошел по большой дороге — справа тощий озимь, слева кустарник и болото. Кругом плоское пространство. Навстречу одни полосатые версты. В небесах медленное солнце, кое-где облако. Какая скука!

Иду назад, дошед до третьей версты и удостоверясь, что до следующей станции оставалось еще 22.

Возвратясь, я попытался было завести речь с моим ямщиком, но он как будто избегал порядочного разговора, на вопросы мои отвечал одним: не можем знать, ваше благородие, а бог знает, а не что...

Я сел опять под окном и спросил у толстой работницы, которая бегала поминутно мимо меня то в задние сени, то в чулан, — нет ли чего-нибудь почитать.

Она принесла мне [несколько книг]. Я обрадовался и кинулся с жадностию их разбирать. Но тотчас и успокоился, увидев затасканную Азбуку и арифметику, изданную для народных училищ. Сын смотрителя, буян лет девяти, обучаясь по ним, как говорила она, всем наукам царским, выдрал затверженные листы, за что выдрали его за волосы (естественное возмездие).

〈1829—1830〉

Участь моя решена, я женюсь...

(С французского)

Участь моя решена. Я женюсь.

Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством, — боже мой, — она почти моя.

Ожидание решительного ответа было самым болезненным чувством жизни моей. [Ожидание последней заметавшейся карты, угрызение совести, сон перед поединком — всё это в сравнении с ним ничего не значит.]

Дело в том, что я боялся не одного отказа. Один из моих приятелей говаривал: не понимаю, каким образом можно свататься, если знаешь наверное, что не будет отказа.

Жениться! Легко сказать. — Большая часть людей видит в женитьбе шали, взятые в долг, новую карету и розовый шлафрок, другие — приданое и степенную жизнь, третьи женятся так, потому что все женятся, потому что им под тридцать лет. Спросите их, что такое брак, — в ответ они скажут вам пошлую эпиграмму.

Я женюсь, т. е. я жертвую независимостию, моей беспечной, прихотливой независимостию, моими роскошными привычками, странствиями бéз цели, уединением, непостоянством. Готов я удвоить жизнь и без того неполную; [*я* стану думать *мы*]. Я никогда не хлопотал о счастии: я мог обойтиться без него. — Теперь мне нужно на двоих, а где мне взять его?

Пока я не женат, что значат мои обязанности?

Есть у меня больной дядя, которого почти никогда не вижу. Заеду к нему — он очень рад; нет — так он извиняет меня: „повеса мой молод, ему не до меня!“

Я ни с кем не в переписке, долги свои выплачиваю каждый месяц. Утром встаю, когда хочу, принимаю, кого хочу, вздумаю гулять — мне

седлают мою умную, смирную Женни, еду переулками, смотрю в окна низеньких домиков: здесь сидит семейство за самоваром, там слуга метет комнаты, далее девочка учится за фортепьяно, подле нее ремесленник-музыкант. Она поворачивает ко мне рассеянное лицо — учитель ее бранит — я шагом еду мимо. Одеваюсь небрежно, если еду в гости, — со всевозможной старательностью, если обедаю в ресторации, где читаю или новый роман, или журналы. Если же Вальтер-Скотт и Купер ничего не написали, а в газетах нет какого-нибудь уголовного процесса, то требую бутылку шампанского во льду, смотрю как рюмка стынет от холода, пью медленно, радуясь, что обед стоит мне семнадцать рублей и что могу позволить себе эту шалость. Еду в театр, отыскиваю в какой-нибудь ложе замечательный убор, черные глаза; между нами начинается сношение — я занят до самого разъезда. Вечер провожу или в мужском обществе, где теснится весь город, где я вижу всех и всё и где никто меня не замечает, или в любезном избранном кругу, где говорю я про себя и где меня слушают. Возвращаюсь поздно, засыпаю, читая хорошую книгу. На другой день опять еду верхом — переулками, мимо дома, где девочка играла на фортепьяно. Она твердит на фортепьяно вчерашний урок. Она взглянула на меня, как на знакомого, и засмеялась. — Вот моя холостая жизнь...

Если мне откажут, думал я, поеду в чужие краи, — и уже воображал себя на пироскафе. Около меня суетятся, прощаются, носят чемоданы, смотрят на часы. — Пироскаф тронулся: морской свежий воздух веет мне в лицо; я долго смотрю на убегающий берег. My native land, adieu! Подле меня молодую женщину начинает тошнить — это придает ее бледному лицу выражение томной нежности. Она просит у меня воды. Слава богу, до Кронштадта есть для меня занятие!

В эту минуту подали мне записку; ответ на мое письмо. Отец невесты моей ласково звал меня к себе... Нет сомнения, предложение мое принято. Надинька, мой ангел — она моя!.. Все печальные сомнения исчезли перед этой райской мыслию. Бросаюсь в карету, скачу — вот их дом — вхожу в переднюю, уже по торопливому приему слуг вижу, что я жених. Я смутился: эти люди знают мое сердце, говорят о моей любви на своем холопском языке!

Отец и мать сидели в гостиной. Первый встретил меня с отверстыми объятиями, вынул из кармана платок, он хотел заплакать, но не мог и решился высморкаться. У матери глаза были красны. Позвали Надиньку, она явилась бледная, неловкая. Отец вышел и вынес образа

Николая чудотворца и Казанской богоматери. Нас благословили. Надинька подала мне холодную, безответную руку. Мать заговорила о приданом, отец о саратовской деревне — и я жених.

Итак уж это не тайна двух сердец. Это сегодня новость домашняя, завтра — площадная.

Так поэма, обдуманная в уединении, в летние ночи, при свете луны [печатается в сальной типографии], продается потом в книжной лавке и критикуется в журналах дураками.

Все радуются моему счастию, все поздравляют, все полюбили меня. Всякой предлагает мне свои услуги — кто свой дом, кто денег взаймы, кто знакомого бухарца с шалями.

Иные беспокоятся о многочисленности будущего моего семейства и предлагают мне 12 дюжин перчаток с портретом m-lle Зонтаг.

Молодые люди начинают со мною чиниться — уважают во мне уже неприятеля. Дамы в глаза хвалят мой выбор, а заочно жалеют о моей невесте. — „Бедная! она так молода, так невинна, а он такой ветреный, безнравственной!“

Признаюсь, это начинает мне надоедать. Мне нравится обычай какого-то древнего народа: жених тайно похищал свою невесту — на другой день представлял уже он ее городским сплетницам, как свою супругу. — У нас приуготовляют к семейственному счастию печатными объявлениями, подарками, известными всему городу, форменными письмами, визитами, словом сказать, соблазном всякого рода.

〈1830〉

Отрывок *

Несмотря на великие преимущества, коими пользуются стихотворцы (признаться, кроме права ставить винительный вместо родительного падежа после частицы *не* и кой-каких еще так называемых стихотворческих вольностей, мы никаких особенных преимуществ за стихотворцами не ведаем) — как бы то ни было, несмотря на всевозможные их преимущества, эти люди подвержены большим невыгодам и неприятностям. Не говорю о их обыкновенном гражданском ничтожестве и бедности, вошедшей в пословицу, о зависти и клевете братьи, коих они делаются жертвами, если они в славе, о презрении и насмешках, со всех сторон падающих на них, если произведения их не нравятся — но что, кажется, может сравниться с несчастием, для них неизбежимым: разумеем суждения глупцов? Однако же и сие горе, как оно ни велико, не есть крайним еще для них. — Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца — есть его звание, прозвище, коим он заклеймен и которое никогда его не покидает. — Публика смотрит на него, как на свою собственность, считает себя в праве требовать от него отчета в малейшем шаге. По ее мнению, он рожден для ее удовольствия и дышит для того только, чтоб подбирать рифмы. Требуют ли обстоятельства присутствия его в деревне — при возвращении его первый встречный спрашивает его: не привезли ли вы нам чего-нибудь нового? — Явится ль он в армию, чтоб взглянуть на друзей и родственников — публика требует непременно от него поэмы на последнюю победу, и газетчики сердятся, почему долго заставляет он себя ждать. Задумается ли он о расстроенных своих делах, о предположении семейственном, о болезни милого ему человека — тотчас уже пошлая улыбка сопровождает пошлое восклицание: верно, изволите сочинять? — Влюбится ли он? — красавица его нарочно покупает себе альбом и ждет уже эле-

* Сей отрывок составлял, вероятно, предисловие к повести, не написанной или потерянной. — Мы не хотели его уничтожить...

гии. Приедет ли он к соседу поговорить о деле или просто для развлечения от трудов? — сосед кличет своего сынка и заставляет мальчишку читать стихи *такого-то,* и мальчишка самым жалостным голосом угощает стихотворца его же изуродованными стихами. А это еще называется торжеством! Каковы же должны быть невзгоды? Не знаю, но последние легче, кажется, переносить. По крайней мере один из моих приятелей, известный стихотворец, признавался, что сии [обязательные] приветствия, вопросы, альбомы и мальчишки до такой степени бесили его, что поминутно принужден он был удерживаться от какой-нибудь грубости и твердить себе, что эти добрые люди не имели, вероятно, намерения вывести его из терпения...

Мой приятель был самый простой и обыкновенный человек, хотя и стихотворец. Когда находила на него такая дрянь (так называл он вдохновение), то он запирался в своей комнате и писал в постеле с утра до позднего вечера, одевался наскоро, чтоб пообедать в ресторации, выезжал часа на три, возвратившись, ложился опять в постелю и писал до петухов. Это продолжалось у него недели две, три — много месяц, и случалось единожды в год, всегда осенью. Приятель мой уверял меня, что он только тогда и знал истинное счастие. Остальное время года он гулял, читая мало и не сочиняя ничего, и слыша поминутно неизбежимый вопрос: скоро ли вы нас подарите новым произведением пера вашего? Долго дожидалась бы почтеннейшая публика подарков от моего приятеля, если б книгопродавцы не платили ему довольно дорого за его стихи. Имея поминутно нужду в деньгах, приятель мой печатал свои сочинения и имел удовольствие потом читать о них печатные суждения, что называл он в своем энергическом просторечии — подслушивать у кабака, что говорят об нем холопья.

Приятель мой происходил от одного из древнейших дворянских наших родов, чем и тщеславился, со всевозможным добродушием. Он столько же дорожил тремя строчками летописца, в коих упомянуто было о предке его, как модный камер-юнкер тремя звездами двоюродного своего дяди. Будучи беден, как и почти всё наше старинное дворянство, он, подымая нос, уверял, что никогда не женится, или возьмет за себя княжну рюриковой крови, именно, одну из княжен Елецких, коих отцы и братья, как известно, ныне пашут сами и, встречаясь друг с другом на своих бороздах, отряхают сохи и говорят: „Бог помочь, князь Антип, сколько твое княжое здоровье сегодня напахало?“ — Спасибо, князь Ерёма Авдеевич... — Кроме сей маленькой слабости, которую, впрочем, относим мы к желанию подражать лорду Байрону, продававшему также очень хорошо свои стихотворения, приятель мой

был человек совершенно круглый, un homme tout rond, как говорят французы, homo quadratus, человек четвероугольный, по выражению латинскому — по нашему, очень хороший человек.

Он не любил общества своей братьи литераторов. Кроме весьма-весьма немногих, он находил в них слишком много притязаний—у одних на колкость ума, у других на пылкость воображения, у третьих на чувствительность, у четвертых на меланхолию, на разочарованность, на глубокомыслие, на филантропию, на мизантропию, иронию и проч. и проч. Иные казались ему скучными по своей глупости, другие несносными по своему тону, третьи гадкими по своей подлости, четвертые опасными по своему двойному ремеслу, — вообще слишком самолюбивыми и занятыми исключительно собою да своими сочинениями. Он предпочитал им общество женщин и светских людей, которые, видя его ежедневно, переставали с ним чиниться и избавляли его от разговоров об литературе и от известного вопроса: не написали ли чего-нибудь новенького?

Мы распространились о нашем приятеле по двум причинам: во-первых, потому что он есть единственный литератор, с которым удалось нам коротко познакомиться, — во-вторых — что повесть, предлагаемая ныне читателю, слышана от него.

〈1830〉

⟨Роман на Кавказских водах⟩

В одно из первых чисел апреля 181.. года в доме Катерины Петровны Томской происходила большая суматоха. Все двери были растворены настичь; зала и передняя загромождены сундуками и чемоданами; ящики всех комодов выдвинуты, слуги поминутно бегали по лестницам, служанки суетились и спорили; сама хозяйка, сорокапятилетняя дама, сидела в спальне, пересматривая счетные книги, принесенные ей толстым управителем, который стоял перед нею с руками за спиной и выдвинув правую ногу вперед. Катерина Петровна показывала вид, будто бы хозяйственные тайны были ей коротко знакомы, но ее вопросы и замечания обнаруживали ее барское неведение и возбуждали изредка едва заметную улыбку на величавом лице управителя, который однако ж с большою снисходительностию подробно входил во все требуемые объяснения. В это время слуга доложил, что Парасковья Ивановна Поводова приехала. Катерина Петровна обрадовалась случаю прервать свои совещания, велела просить и отпустила управителя.

— Помилуй, мать моя, — сказала вошедшая старая дама, — да ты собираешься в дорогу! куда тебя бог несет?

— На Кавказ, милая Парасковья Ивановна.

— На Кавказ! стало быть Москва впервой от роду правду сказала — а я не верила. На Кавказ! да ведь это ужесть как далеко. Охота тебе тащиться бог ведает куда, бог ведает зачем.

— Как быть? Доктора объявили, что моей Маше нужны железные воды, а для моего здоровья необходимы горячие ванны. Вот уж полтора года, как я всё страдаю — авось Кавказ поможет.

— Дай-то бог! а скоро ли едешь?

— Дня через четыре, много-много промешкаю неделю — всё уж готово. Вчера привезли мне новую дорожную карету — что за карета! игрушка, загляденье — вся в ящиках, и чего тут нет! — постеля, туалет, погребок, аптечка, кухня, сервиз — хочешь ли посмотреть?

— Изволь, мать моя, — ⟨и⟩ обе дамы вышли на крыльцо. Кучера выдвинули из сарая дорожную карету. Катерина Петровна велела открыть дверцы, вошла в карету, перерыла в ней все подушки, выдвинула все ящики, показала все ее тайны, все удобности, приподняла все ставни, все зеркала, выворотила все сумки, словом, для больной женщины оказалась очень деятельной и проворной. Полюбовавшись экипажем, обе дамы возвратились в гостиную, где разговорились опять о предстоящем пути, о возвращении, о планах на будущую зиму.

— В октябре месяце, — сказала Катерина Петровна, — надеюсь непременно воротиться. У меня будут вечера два раза в неделю, и надеюсь, милая, что ты ко мне перенесешь свой бостон.

В эту минуту девушка лет осьмнадцати, стройная, высокая, с бледным прекрасным лицом и черными огненными глазами, тихо вошла в комнату, присела Поводовой [и] подошла к руке Катерины Петровны.

— Хорошо ли ты спала, Маша? — спросила Катерина Петровна.

— Хорошо, маменька, сейчас только встала. Вы удивляетесь моей лени, Парасковья Ивановна? Что делать — больной простительно.

— Спи, мать моя, спи себе на здоровье, — отвечала Поводова, — да смотри: воротись у меня с Кавказа румяная, здоровая, а бог даст — и замужняя.

— Как замужняя? — возразила Катерина Петровна смеясь, — да за кого выдти ей на Кавказе? разве за черкесского князя?..

— За черкеса! сохрани ее бог! да ведь они что турки да бухарцы — нехристы. Они ее забреют да запрут.

— Пошли нам бог только здоровья, — сказала со вздохом Катерина Петровна, — а женихи не уйдут. Слава богу, Маша еще молода, приданое есть. А добрый человек полюбит, так и без приданого возьмет.

— А с приданым всё-таки лучше, мать моя, — сказала Парасковья Ивановна вставая. — Ну, простимся ж, Катерина Петровна, уж я тебя до сентября не увижу; далеко мне до тебя тащиться, с Басманной на Арбат — и тебя не прошу, знаю, что тебе теперь некогда; прощай и ты, красавица, не забудь же моего совета.

Дамы распростились, и Парасковья Ивановна уехала.

⟨1831⟩

<Русский Пелам>

Глава I

Я начинаю помнить себя с самого нежного младенчества, и вот сцена, которая [живо сохранилась в моем воображении.]

Нянька приносит меня в большую комнату, слабо освещенную. На постели, под зелеными занавесками, лежит женщина вся в белом. Отец мой берет меня на руки. Она целует меня и плачет. Отец мой рыдает громко. [Я пугаюсь — и кричу] — Няня меня выносит, говоря: „Миша хочет бай, бай“.

Помню также большую суматоху, множество гостей; люди бегают из комнаты в комнату. Солнце светит во все окошки, и мне очень весело. Монах с золотым крестом на груди благословляет меня; в двери выносят длинный красный гроб. Вот всё, что похороны матери оставили у меня в сознании. Она была женщина необыкновенного ума и сердца, как узнал я после, по рассказам людей, не знавших ей цены.

Тут воспоминания мои становятся сбивчивы. Я могу дать ясный отчет о себе не прежде, как уж с осьмилетнего моего возраста. Но прежде должен я поговорить о моем семействе.

Отец мой был пожалован сержантом, когда еще бабушка была им брюхата. Он воспитывался дома до 18 лет. Учитель его, М. Дерори, был простой и добрый старичек, очень хорошо знавший французскую орфографию. Неизвестно, были ли у отца другие наставники; но отец, кроме французской орфографии, кажется, ничего основательно не знал. Он женился, против воли своих родителей, на девушке, которая была старее его несколькими годами; в тот же год он вышел в отставку и уехал в Москву. Старый Савельич, его камердинер, сказывал мне, что первые годы супружества были счастливы. Мать моя успела примирить мужа с его семейством, в котором ее полюбили. Но легкомысленный и

непостоянный характер отца моего не позволил ей насладиться спокойствием и счастием. Он вошел в связь с женщиной, известной в свете своей красотою и любовными похождениями. Она для него развелась с своим мужем, который уступил ее отцу моему за десять тысяч и потом обедывал у нас довольно часто. Мать моя знала всё, и молчала. Душевные страдания расстроили ее здоровие. Она слегла и уже не встала.

Отец имел пять тысяч душ. Следственно был из тех дворян, которых покойный граф Шереметев называл мелкопоместными, удивляясь от чистого сердца, каким образом они могут жить! Дело в том, что отец мой жил не хуже графа Шереметева, хотя был ровно в 20 раз беднее. Москвичи помнят еще его обеды, домашний театр и роговую музыку. Года два после смерти матери моей, Анна Петровна Вирлацкая, виновница этой смерти, поселилась в его доме. Она была, как говорится, видная баба, впрочем, уже не в первом цвете молодости. Мне подвели мальчика в красной курточке с манжетами и сказали, что он мне братец. Я смотрел на его во все глаза. Мишенька шаркнул направо, шаркнул налево — и хотел поиграть моим ружьецом; я вырвал игрушку из его рук. — Мишенька заплакал, и отец поставил меня в угол, подарив братцу мое ружье.

Таковое начало не предвещало мне ничего доброго. И в самом деле пребывание мое под отеческою кровлею не оставило ничего приятного в моем воображении. Отец, конечно, меня любил, но вовсе обо мне не беспокоился и оставил меня на попечение французов, которых беспрестанно принимали и отпускали. Первый мой гувернер оказался пьяницей; второй, человек неглупой и не без сведений, имел такой бешеный нрав, что однажды чуть не убил меня поленом за то, что пролил я чернила на его жилет; третий, проживший у нас целый год, был сумасшедший, и в доме только тогда догадались о том, когда пришел он жаловаться Анне Петровне на меня и на Мишеньку за то, что мы подговорили клопов со всего дому не давать ему покою, и что сверх того чертенок повадился вить гнезда в его колпаке. Прочие французы не могли ужиться с Анной Петровной, которая не давала им вина за обедом, или лошадей по воскресеньям. Сверх того, им платили очень неисправно. Виноватым остался я; Анна Петровна решила, что ни один из моих гувернеров не мог сладить с таким несносным мальчишкою.

Впрочем, и то правда, что не было из них ни одного, которого бы в две недели по его вступлению в должность не обратил я в домашнего шута: с особенным удовольствием воспоминаю о [мосье Гроже, пятидесятилетнем пиэтисте] женевце, которого уверил я, что Анна Петровна была в него влюблена.

Надобно было видеть целомудренный ужас с некоторой примесью лукавого кокетства, когда Анна Петровна косо поглядывала на него за столом, говоря вполголоса: „Экой обжора!“

Я был резв, ленив и вспыльчив, но чувствителен и честолюбив, и лаской от меня можно было добиться всего; к несчастию, всякой вмешивался в мое воспитание, и никто не умел за меня взяться.

Над учителями я смеялся и проказил; с Анной Петровной бранился зуб за зуб; с Мишенькой имел беспрестанные ссоры и драки; с отцом доходило часто дело до бурных объяснений, которые с обеих сторон оканчивались слезами. Наконец, Анна Петровна уговорила его отослать меня в один из немецких университетов. Мне тогда было пятнадцать лет.

Университетская жизнь моя оставила мне приятные воспоминания, которые, если их разобрать, относятся к происшествиям ничтожным, иногда и неприятным; но молодость — великий чародей; дорого бы я дал, чтоб сидеть за кружкою пива, в облаках табачного дыма, с дубиною в руках и с засаленной бархатной фуражкой на голове. Дорого бы я дал за мою комнату, вечно полную народу, и бог знает какого народу; за наши латинские песни, студенческие поединки и ссоры с филистерами!

Вольное университетское учение принесло мне больше пользы, чем домашние уроки. Но вообще выучился я порядочно только фехтованию и деланию пунша. Из дому получал я деньги в разные не положенные сроки. Это приучило меня к долгам и к беспечности. Прошло три года, и я получил от отца из Петербурга приказание оставить университет и ехать в Россию служить. Несколько слов о расстроенном состоянии, о лишних расходах, о перемене жизни показались мне странными, но я не обратил на них большого внимания.

При отъезде моем дал я прощальный пир, на котором поклялся я быть вечно верным дружбе и человечеству, и никогда не принимать должности цензора — а на другой день, с головной болью и с изжогою, отправился в дорогу.

В 179* году возвращался я...

В 179* году возвращался я в Лифляндию, с веселою мыслию обнять мою старушку мать после четырехлетней разлуки. Чем более приближался я к нашей мызе, тем сильнее волновало меня нетерпение. Я погонял почтаря, хладнокровного моего единоземца, и душевно жалел о русских ямщиках и об удалой русской езде.

К умножению досады, бричка моя сломалась. Я принужден был остановиться. К счастию, станция была недалеко.

Я пошел пешком в деревню, чтоб выслать людей к бедной моей бричке. Это было в конце лета. Солнце садилось. С одной стороны дороги простирались распаханные поля, с другой — луга, поросшие мелким кустарником. Издали слышалась печальная песнь молодой эстонки. Вдруг в общей тишине раздался явственно пушечный выстрел... и замер без отзыва. Я удивился. В соседстве не находилось ни одной крепости; каким же образом пушечный выстрел мог быть слышен в этой мирной стороне? Я решил, что, вероятно, где-нибудь по близости находился лагерь, и воображение перенесло меня на минуту к занятиям военной жизни, мною только что покинутой.

Подходя к деревне, увидел я в стороне господский домик. На балконе сидели две дамы. Проходя мимо их, я поклонился — и отправился на почтовый двор.

Едва успел я справиться с ленивыми кузнецами, как явился ко мне старичек, отставной русский солдат, и от имени барыни позвал меня откушать чаю. Я согласился охотно и отправился на господский двор.

Дорогой узнал я от солдата, что старую барыню зовут Каролиной Ивановной, что она вдова, что дочь ее Екатерина Ивановна — уже в невестах, что обе такие добрые, и проч...

В 179* мне было ровно 23 года, и мысль *о молодой барыне* была достаточна, чтоб возбудить во мне живое любопытство.

Старушка приняла меня ласково и радушно. Узнав мою фамилию, Каролина Ивановна сочлась со мною свойством, и я узнал в ней вдову фон В., дальнего нам родственника, храброго генерала, убитого в 1772 году.

Между тем как я повидимому со вниманием вслушивался в генеалогические воспоминания доброй Каролины Ивановны, я украдкою посматривал на ее милую дочь, которая разливала чай и мазала свежее, янтарное масло на ломтики домашнего хлеба.

18 лет, круглое румяное лицо, темные, узенькие брови, свежий ротик и голубые глазки — вполне оправдывали мои ожидания. Мы скоро познакомились, и на третьей чашке чаю уже обходился я с нею, как с кузиною. Между тем, бричку мою привезли; Иван пришел мне доложить, что она не прежде готова будет, как на другой день утром. Это известие меня вовсе не огорчило, и по приглашению Каролины Ивановны я остался ночевать

〈1835〉

Мы проводили вечер на даче у княгини Д.

Мы проводили вечер на даче у княгини Д.

Разговор коснулся как-то Madame de Stael. Барон ** на дурном французском языке очень дурно рассказал известный анекдот: вопрос ее Бонапарту — кого почитает он первою женщиною в свете — и забавный его ответ: ту, которая народила более детей — celle qui a fait le plus d'enfants.

— Какая славная эпиграмма! — заметил один из гостей.

— И поделом ей! — сказала одна дама, — как можно так неловко напрашиваться на комплименты?

— А мне так кажется, — сказал Сорохтин, дремавший в гамсовых креслах, — мне так кажется, что ни Madame de Stael не думала о мадригале, ни Наполеон об эпиграмме. Одна сделала свой вопрос из единого любопытства, очень понятного, а Наполеон буквально выразил настоящее свое мнение. Но вы не верите простодушию гениев.

Гости начали спорить, а Сорохтин задремал опять.

— Однако, в самом деле, — сказала хозяйка, — кого почитаете вы первою женщиною в свете?

— Берегитесь: вы напрашиваетесь на комплименты...

— Нет, шутки в сторону...

Тут пошли толки: иные называли Madame de Stael, другие Орлеанскую Деву, третьи Елисавету, английскую королеву, Madame de Maintenon, Madame Roland и проч...

Молодой человек, стоявший у камина (потому что в Петербурге камин никогда не лишнее), в первый раз вмешался в разговор.

— Для меня, — сказал он, — женщина самая удивительная — Клеопатра.

— Клеопатра? — сказали гости, — да, конечно... однако, почему ж?

— Есть черта в ее жизни, которая так врезалась в мое воображение, что не могу взглянуть почти ни на одну женщину, чтоб тотчас не подумать о Клеопатре.

— Что ж это за черта? — спросила хозяйка, — расскажите.

— Не могу; мудрено рассказать.

— А что? Разве неблагопристойно?

— Да, как почти всё, что живо рисует ужасные нравы древности.

— Ах! расскажите, расскажите.

— Ах! нет, не рассказывайте, — перервала Вольская, вдова по разводу, опустив чопорно огненные свои глаза.

— Полноте, — вскричала хозяйка с нетерпением. — Qui est-ce donc que l'on trompe ici. Вчера мы смотрели Anthony, а вон там у меня на камине валяется La physiologie du mariage. Неблагопристойно! Нашли чем нас пугать! Перестаньте нас морочить, Алексей Иваныч! Вы не журналист. Расскажите просто, что знаете про Клеопатру — однако, будьте благопристойны, если можно. —

Все засмеялись.

— Ей-богу, — сказал молодой человек, — я робею: я стал стыдлив, как цензура. Ну, так и быть...

Надобно знать, что в числе латинских историков есть некто Аврелий Виктор, о котором, вероятно, вы никогда не слыхивали.

— Aurelius Victor? — прервал Вершнев, который учился некогда у езуитов. — Аврелий Виктор, писатель IV столетия. Сочинения его приписываются Корнелию Непоту и даже Светонию; он написал книгу De viris illustribus — о знаменитых мужах города Рима, знаю...

— Точно так, — продолжал Алексей Иваныч, — книжонка его довольно ничтожна, но в ней находится то сказание о Клеопатре, которое так меня поразило. И — что замечательно — в этом месте — сухой и скучный Аврелий Виктор силою выражения равняется Тациту. Haec tantae libidinis fuit, ut saepe prostituerit; tantae pulchritudinis, ut multi noctem illius morte emeruerint...

— Прекрасно! — воскликнул Вершнев. — Это напоминает мне Саллюстия — помните? Tantae...

— Что ж это, господа? — сказала хозяйка, — уж вы изволите разговаривать по латыни! Как это для нас весело! — скажите, что значит ваша латинская фраза?

— Дело в том, что Клеопатра торговала своею красотою, и что многие купили ее ночи ценою своей жизни...

— Какой ужас! — сказали дамы, — что же вы тут нашли удивительного?

— Как что? Кажется мне, Клеопатра была не пошлая кокетка и ценила себя не дешево. Я предлагал ** сделать из этого поэму; он было и начал ее, да бросил.

— И хорошо сделал.

— Что ж из этого хотел он извлечь? Какая тут главная идея — не помните ли?

— Он начинает описанием пиршества в садах царицы египетской.

Темная знойная ночь объемлет африканское небо; Александрия заснула; ее стогны утихли, дома померкли. Дальний Фарос горит уединенно в ее широкой пристани, как лампада в изголовьи спящей красавицы.

Светлы и шумны чертоги Птоломеевы: Клеопатра угощает своих друзей. Стол обставлен костяными ложами. Гости увенчаны венками. Триста юношей служат гостям, триста дев разносят им амфоры, полные греческих вин; триста черных евнухов надзирают над ними безмолвно.

Порфирная колонада, открытая с юга и с севера, ожидает дуновения Эвра; но воздух недвижим, огненные языки светильников горят недвижно, дым курильниц возносится прямо недвижною струею, недвижное море как зеркало лежит недвижно у розовых ступеней полукруглого крыльца. Сторожевые сфинксы в нем отразили свои золоченые когти и гранитные хвосты... только звуки кифары <и> флейты потрясают огни, воздух и море...

Вдруг царица задумалась и грустно поникла дивною головою; светлый пир омрачился ее грустию, как солнце омрачается облаком.

О чем она грустит?

Какая грусть ее гнетет.
Чего, чего не достает
Царице гордой и прекрасной?
В ее столице сладострастной
Веселье, блеск и тишина.
Судьбою властвует она.
Покорны ей земные боги,
Полны чудес ее чертоги.
Все земли, волны всех морей
Смиренно дань приносят ей.
Всечасно пред ее глазами
Пиры сменяются пирами —
Постиг ли кто в душе своей
[Все] таинства ее ночей?..
Вотще! В ней сердце глухо страждет —
[Она] утех безвестных жаждет —
Утомлена, пресыщена,
Больна бесчувствием она...
. . . .

— Этот предмет должно бы доставить маркизе Жорж Занд, такой же бесстыднице, как ваша Клеопатра. Она ваш египетский анекдот переделала бы на нынешние нравы...

— Невозможно. Не было бы никакого правдоподобия. Этот анекдот совершенно древний; таковой торг нынче несбыточен, как сооружение пирамид.

— Отчего ж несбыточен? Неужто между нынешними женщинами не найдется ни одной, которая захотела бы испытать на самом деле справедливость того, что твердят ей поминутно — что любовь ее была бы дороже им жизни.

— Положим, это и любопытно было бы узнать, — но каким образом можно сделать это ученое испытание? Клеопатра имела всевозможные способы заставить должников своих расплатиться. — А мы?

— Конечно: ведь нельзя же такие условия написать на гербовой бумаге и засвидетельствовать в Гражданской Палате.

— Можно в таком случае положиться на *честное слово.*

— Как это?

— Женщина может взять с любовника его честное слово, что на другой <день> он застрелится.

— Да, а он на другой день уедет в чужие края, — а она останется в дурах.

— Да, — если он согласится остаться навек бесчестным в глазах той, которую любит. — Да и самое условие неужели так тяжело? Разве жизнь уж такое сокровище, что ее ценою жаль и счастие купить? Посудите сами: первый шалун, которого я презираю, скажет обо мне слово, которое не может мне повредить никаким образом, и я подставляю лоб под его пулю — я не имею права отказать в этом удовольствии первому забияке, повесе, которому вздумается испытать мое хладнокровие. И я стану трусить, когда дело идет о моем блаженстве? — Что жизнь, если она отравлена унынием, пустыми желаниями! И что в ней, когда наслаждения ее истощены?

— Неужели вы в состоянии заключить такое условие?

В эту минуту Вольская, которая во всё время сидела, молча опустив глаза, быстро устремила их на Алексея Иваныча.

— Я про себя не говорю — истинно влюбленный человек, конечно, не усумнится ни на одну минуту...

— Как! Даже для такой женщины, которая бы вас не любила? (А та, которая согласилась бы на ваше предложение, уж верно б вас не любила.) Одна мысль о таком зверстве должна уничтожить самую безумную страсть...

— Нет — я в ее согласии видел бы одну только пылкость воображения. — А что касается до взаимной любви... то я ее не требую — если я люблю, какое тебе дело?..

— Перестаньте — бог знает, что вы говорите. — Так вот чего вы не хотели рассказать...

Молодая графиня К., кругленькая дурнушка, постаралась придать важное выраженье своему носу, похожему на луковицу, воткнутую в репу, и сказала:

— Есть и нынче женщины, которые ценят себя подороже.

...Муж ее, польский [граф], женившийся по расчету (говорят, ошибочному), потупил глаза и выпил свою чашку чаю.

— Что вы под этим разумеете, графиня? — спросил [молодой человек], с трудом удерживая улыбку.

— Я разумею, — отвечала графиня К., — что женщина, которая уважает себя, которая уважает...

Тут она запуталась; Вершнев подоспел ей на помощь.

— Вы думаете, что женщина, которая себя уважает, не хочет смерти грешнику — не так ли?

Разговор переменился.

Алексей Иваныч сел подле Вольской, наклонился, будто рассматривал ее работу, и сказал ей вполголоса:

— Что вы думаете об условии Клеопатры?

Вольская молчала. — Алексей Иваныч повторил свой вопрос.

— Что вам сказать? И нынче иная женщина дорого себя ценит, но мужчины 19-го столетия слишком хладнокровны, благоразумны, чтоб заключить такие условия.

— Вы думаете, — сказал Алексей Иваныч голосом, вдруг изменившимся, — вы думаете, что в наше время, в Петербурге, здесь — найдется женщина, которая будет иметь довольно гордости, довольно силы душевной... чтоб предписать любовнику условия Клеопатры?..

— Думаю — даже уверена.

— Вы не обманываете меня? Подумайте — это было бы слишком жестоко — более жестоко, нежели самое условие...

Вольская взглянула на него огненными пронзительными глазами и произнесла твердым голосом: — *нет*.

Алексей Иваныч встал — и тотчас исчез.

〈1835〉

Цезарь путешествовал...

Цезарь путешествовал, мы с Титом Петронием следовали за ним издали, не торопясь.

По захождении солнца [слуги разбивали] шатер, расставляли постели, мы ложились пировать и весело беседовали. На заре мы снова пускались в дорогу, и сладко засыпали каждый в лектике своей, утомленные жаром и ночными наслаждениями.

Мы достигли Кум и уже думали пуститься далее, как явился к нам посланный от Нерона. Он принес Петронию повеление Цезаря возвратиться в Рим и там ожидать решения своей участи — вследствие ненавистного обвинения.

Мы были поражены ужасом. Один Петроний равнодушно выслушал свой приговор, отпустил гонца с подарками и объявил нам свое намерение остановиться в Кумах. Он послал своего любимого раба выбрать и нанять ему дом и стал ожидать его возвращения в кипарисной роще, посвященной Эвменидам.

Мы окружили его с беспокойством. Флавий Аврелий спросил, долго ли думает он оставаться в Кумах, и не страшится ли раздражить Нерона ослушанием?

— Я не только не думаю ослушаться его, — отвечал Петроний с улыбкою, — но даже намерен предупредить его желания. Но вам, друзья мои, советую возвратиться. Путник в ясный день отдыхает под тенью дуба, но во время грозы от него благоразумно удаляется, страшась удара молнии.

Мы все изъявили желание с ним остаться — и Петроний ласково нас поблагодарил. Слуга возвратился — и повел нас в дом им уже выбранный. — Он находился в предместьи города. — Им управлял в отсутствии хозяина, уже давно покинувшего Италию, старый отпущенник. Несколько рабов под его надзором заботились о чистоте комнат и садов. В широких сенях нашли мы кумиры девяти муз. У дверей стояли два кентавра.

Петроний остановился у мраморного порога и прочел начертанное на нем приветствие: *здравствуй*! Печальная улыбка изобразилась на лице его. Старый управитель повел его в вивлиофику, где осмотрели мы несколько свитков — и вошли потом в спальню хозяина. Она убрана была просто. В ней находились только две семейные статуи. Одна изображала матрону, сидящую в креслах, другая девочку, играющую мячем. На столике подле постели стояла маленькая лампада. Здесь Петроний остался<на>отдых и нас отпустил, пригласив вечером к нему собраться.

Я не мог уснуть; печаль наполняла мою душу. Я видел в Петронии не только щедрого благодетеля, но и друга, искренно ко мне привязанного. Я уважал его обширный ум и любил его прекрасную душу. В разговорах с ним почерпал я знание света и людей, известных мне более по умозрениям божественного Платона, нежели по собственному опыту. Его суждения обыкновенно были быстры и верны. Равнодушие ко всему избавляло его от пристрастия. Искренность в отношении к самому себе делала его проницательным. Жизнь не могла представить ему ничего нового; он изведал все наслаждения; чувства его дремали, притупленные привычкою. Но ум его хранил удивительную свежесть. — Он любил игру мыслей, как и гармонию слов. — Охотно слушал философические рассуждения и сам писал стихи не хуже Катулла.

Я сошел в сад и долго ходил по извилистым его тропинкам, осененным старыми деревьями. Я сел на скамейку, под тень широкого тополя, у которого стояла статуя молодого сатира, прорезывающего тростник. Желая развлечь как-нибудь печальные мысли, я вынул записные дощечки и перевел одну из од Анакреона, которую и сберег в память этого печального дня:

Поредели, побелели
Кудри, честь главы моей,
Зубы в деснах ослабели
И потух огонь очей.
Сладкой жизни мне немного
Проводить осталось дней,
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет моей. —
Страшен хлад подземна свода,
Вход в него для всех открыт,
Из него же нет исхода...
Всяк сойдет и там забыт.

Солнце клонилось к западу; я пошел к Петронию [и нашел] [его в библиотеке. Он расхаживал — с ним был его домашний лекарь Септимий. — Петроний, увидя меня, остановился и произнес шутливо:

Узнают коней ретивых
По их выжженным таврам,
Узнают парфян кичливых
По высоким клобукам.
И любовников счастливых
Узнают по их глазам.

— Ты угадал, — отвечал я Петронию и подал ему свои дощечки. Он прочитал мои стихи. Облако задумчивости прошло по его лицу и тотчас рассеялось.

— Когда читаю подобные стихотворения, — сказал он, — мне всегда любопытно знать, как умерли те, которые так сильно были поражены мыслию о смерти. — Анакреон уверяет, что Тартар его ужасает, но не верю ему — так же как не верю трусости Горация. Вы знаете оду его?

Кто из богов мне возвратил
Того, с кем первые походы
И браней ужас я делил,
Когда за призраком свободы
Нас Брут отчаянный водил?
С кем я тревоги боевые
В шатре за чашей забывал,
И кудри, плющем увитые,
Сирийским миром умащал?
Ты помнишь час ужасной битвы,
Когда я, трепетный квирит,
Бежал, нечестно брося щит,
Творя обеты и молитвы?
Как я боялся! Как бежал!
Но Эрмий сам внезапной тучей
Меня покрыл и вдаль умчал
И спас от смерти неминучей.
. . . .

Хитрый стихотворец хотел рассмешить Августа и Мецената своею трусостию, чтобы не напомнить им о сподвижнике Кассия и Брута. [Воля ваша, нахожу более искренности в его восклицании:

Красно и сладостно паденье за отчизну!]

⟨1833–1835⟩

‹Мария Шонинг›

АННА ГАРЛИН К МАРЬЕ ШОНИНГ

Милая Мария!

Что с тобою делается? Уж более четырех месяцев не получала я от тебя ни строчки. Здорова ли ты? Кабы не всегдашние хлопоты, я бы уж побывала у тебя в гостях; но ты знаешь: 12 миль не шутка. Без меня хозяйство станет; Фриц в нем ничего не смыслит — настоящий ребенок. Уж не вышла ли ты замуж? Нет, верно ты б обо мне вспомнила и порадовала свою подругу вестию о своем счастии. В последнем письме ты писала, что твой бедный отец всё еще хворает; надеюсь, что весна ему помогла и что теперь ему легче.— О себе скажу, что я, слава богу, здорова и счастлива. Работа идет помаленьку, но я всё еще не умею ни запрашивать, ни торговаться. А надобно будет выучиться. Фриц также довольно здоров, но с некоторых пор деревянная нога начинает его беспокоить; он мало ходит, а в ненастное время кряхтит да охает. Впрочем, он по-прежнему весел, по-прежнему любит выпить стакан вина и всё еще не досказал мне историю о своих походах. Дети растут и хорошеют. Франк становится молодцом. Вообрази, милая Марья, что уж он бегает за девочками,— каков?—а ему нет еще и трех лет. А какой забияка! Фриц не может им налюбоваться и ужасно его балует; вместо того, чтоб ребенка унимать, он еще его подстрекает и радуется всем его проказам. Мина гораздо степеннее; правда, она годом старше. — Я начала уж учить ее азбуке. Она очень понятлива и, кажется, будет хороша собою. Но что в красоте? Была бы добра и разумна, тогда верно будет и счастлива.

P. S. Посылаю тебе в гостинец косынку; обнови ее, милая Марья, в будущее воскресение, когда пойдешь в церковь. Это подарок Фрица, но красный цвет идет более к твоим черным волосам, нежели к моим светлорусым. Мужчины этого не понимают. Им всё равно, что голубое,

что красное. Прости, милая Марья, я с тобою заболталась. Отвечай же мне поскорее. Батюшке засвидетельствуй мое искреннее почтение. Напиши мне, каково его здоровье. Мать нашего пастора советует ему употреблять, вместо чаю, красный *бедринец*, цветок очень обыкновенный; я отыскала и латинское его название; всякий аптекарь тебе укажет его. Век не забуду, что я провела три года под его кровлею и что он обходился со мною, бедной сироткою, не как с наемной служанкою, а как с дочерью.

МАРИЯ ШОНИНГ К АННЕ ГАРЛИН

Я получила твое письмо в прошлую пятницу, [но] прочла [его] только сегодня. Бедный отец мой скончался в тот самый день, в шесть часов по утру — вчера были похороны.

Я никак не воображала, чтоб смерть была так близка. Во всё последнее время ему было гораздо легче, и г. Кельц имел надежду на совершенное его выздоровление. В понедельник он даже гулял по нашему садику и дошел до колодезя не задохнувшись. Возвратясь в комнату, он почувствовал легкий озноб, я уложила его и побежала к г. Кельцу — его не было дома. Возвратясь к отцу, я нашла его в усыплении — я подумала, что сон успокоит его совершенно. — Г. Кельц пришел вечером; он осмотрел больного, и был недоволен его состоянием. Он прописал ему новое лекарство. Ночью отец проснулся и просил есть — я дала ему супу; он хлебнул одну ложку и более не захотел. Он опять впал в усыпление. — На другой день с ним сделались спазмы. Г. Кельц от него не отходил. К вечеру боль унялась — но им овладело такое беспокойство, что он пяти минут сряду не мог лежать в одном положении — я должна была поворачивать его с боку на бок... Перед утром он утих и часа два лежал в усыплении. Г. Кельц вышел, сказав мне, что воротится часа через два. Вдруг отец мой приподнялся и позвал меня. Я к нему подошла и спросила: что ему надобно. Он сказал мне: „Марья, что так темно? Открой ставни". Я испугалась и сказала ему: „Батюшка! разве вы не видите... ставни открыты". Он стал искать около себя, схватив меня за руку, и сказал: „Марья, Марья, мне очень дурно — я умираю... Дай, благословлю тебя поскорее". Я бросилась на колени и положила его руку себе на голову — рука вдруг отяжелела. Он сказал: „Господь, награди ее; господь! тебе ее поручаю". — Он замолк. Я подумала, что он опять заснул, и несколько минут не смела шевельнуться. Вдруг вошел г. Кельц, снял с моей головы руку его и сказал мне: „Теперь оставьте его, подите в свою комнату". Я взглянула: отец лежал бледный и недвижимый. Всё было кончено.

Добрый г. Кельц целые два дня не выходил из нашего дома и всё распорядил, потому что я была не в силах.— В последние дни я ходила за больным, некому было меня сменить. Часто я вспоминала о тебе и горько сожалела, что тебя с нами не было.

Вчера я встала с постели и пошла было за гробом, но мне стало дурно. Я стала на колени, чтоб издали с ним проститься. Фрау Ротберх сказала: какая комедиантка! Вообрази, милая Анна, что слова эти возвратили мне силу. Я пошла за гробом удивительно легко. В церкви, мне казалось, было чрезвычайно светло, и всё кругом меня шаталось. Я не плакала. Мне было душно, и мне всё хотелось смеяться.

Его снесли на кладбище, что за церковью св. Якова, и при мне опустили в могилу. Мне вдруг захотелось тогда ее разрыть, потому что я с ним не совсем простилась. Но многие еще гуляли по кладбищу, и я боялась, чтоб фрау Ротберх не сказала опять: какая комедиантка!

Какая жестокость не позволять дочери проститься с мертвым отцом, как ей вздумается...

Возвратясь домой, я нашла чужих людей, которые сказали мне, что надобно запечатать всё имение и бумаги покойного отца. Они оставили мне мою комнату, только вынесли из нее всё, кроме кровати и одного стула. Завтра воскресение. Я не обновлю твою косынку, но очень тебя за нее благодарю. Кланяюсь твоему мужу, Франка и Мини целую. Прощай.

P. S. Пишу стоя у окошка, а чернильницу заняла у соседей.

МАРИЯ ШОНИНГ К АННЕ ГАРЛИН

Милая Анна!

Вчера пришел ко мне чиновник и объявил, что всё имение покойного отца моего должно продаваться с публичного торгу, в пользу городовой казны, за то, что он был обложен не по состоянию, и что по описи имения оказался он гораздо богаче, нежели думали. Я тут ничего не понимаю. В последнее время мы очень много тратили на лекарство. У меня всего на расход осталось 23 талера,—я показала их чиновникам, которые однако ж сказали, чтоб я деньги эти взяла себе, потому что закон их не требует.

Дом наш будет продаваться на будущей неделе, и я не знаю куда мне деться. Я ходила к г. бургмейстеру,— он принял меня хорошо, но на мои просьбы отвечал, что он ничего не может для меня сделать. Не знаю, куда мне определиться. Если нужна тебе служанка, то напиши мне; ты знаешь, что я могу тебе помогать в хозяйстве и в рукоделии,

а сверх того буду смотреть за детьми и за Францем, если он занеможет. За больными ходить я научилась. Пожалуйста, напиши, нужна ли я тебе. И не совестись. Я уверена, что отношения наши от того ни мало не переменятся и что ты будешь для меня всё та же добрая и снисходительная подруга.

* * *

Домик старого Шонинга полон был народу. Толпа теснилась около стола, за которым председательствовал оценщик. Он кричал: „Байковый камзол с медными пуговицами— — <столько-то>. Раз, два... Никто более — Байковый камзол—три“. Камзол перешел в руки нового своего владельца.

Покупщики осматривали с хулой и любопытством вещи, выставленные на торг. Фрау Ротберх рассматривала черное белье, не вымытое после смерти Шонинга; она теребила его, отряхивала и повторяла: „Дрянь, ветошь, лохмотья“, — и надбавляла по грошам. Трактирщик Гирц купил две серебряных ложки, полдюжину салфеток и две фарфоровые чашки. Кровать, на которой умер Шонинг, куплена была Каролиной Шмидт, девушкой сильно нарумяненной, вида скромного и смиренного.

Марья, бледная как тень, стояла тут же, безмолвно смотря на расхищение бедного своего имущества. Она держала в руке ** талеров, готовясь купить что-нибудь, и не имела духа перебивать добычу у покупщиков.

Народ уходил, унося приобретенное. Оставались непроданными два портретика в рамах, некогда вызолоченных, замаранных мухами. На одном изображен был Шонинг молодым человеком в красном кафтане. На другом Христина, жена его, с собачкою на руках. Оба портрета были нарисованы резко и ярко. Гирц хотел купить их, чтобы повесить в угольной комнате своего трактира, потому что стены были слишком голы. Портреты оценены были в ** <талеров>. Гирц вынул кошелек.

В это время Марья превозмогла свою робость и дрожащим голосом надбавила цену. Гирц бросил на нее презрительный взгляд и начал торговаться. Мало-по-малу цена возросла до ***. Марья дала наконец ***, Гирц отступился, и портреты остались за нею. Она отдала деньги, остальные спрятала в карман, взяла портреты и вышла из дому, не дождавшись конца аукциону.

Когда Марья вышла на улицу с портретом в каждой руке, она остановилась в недоумении: куда ей было идти?..

Молодой человек в золотых очках, [одетый с некоторой] странностию, подошел к ней и очень вежливо вызвался отнести портреты, куда ей будет угодно.

— Я очень вам благодарна... я, право, не знаю... И Марья думала, куда бы ей отнести портреты, покаместь она сама без места.

Молодой человек подождал несколько секунд и пошел своею дорогою, а Марья решилась нести портреты к лекарю Кельцу.

⟨**Материалы**⟩

Marie Schoning et Anna Harlin jugées en 1787 à Nurenberg.

Marie Schoning, fille d'un ouvrier de Nurenberg, perdit son père à 17 ans. Elle le soignait seule, la pauvreté l'ayant forcée de renvoyer leur unique servante Anna Harlin.

En revenant de l'enterrement de son père, elle trouva deux officiers du revenu public, qui lui demandèrent à visiter les papiers du défunt, pour s'assurer s'il avait payé les taxes en proportion de sa propriété. Ils trouvèrent après l'examen que le vieux Schoning n'avait pas imposé en proportion de ses moyens: ils mirent les scelles. La jeune fille se retira dans une chambre sans meubles jusqu'à ce que les directeurs du trésor public eussent décidé sur sette affaire.

Les officiers du fisc revinrent apporter la décision de leur chef, muni d'un ordre qui enjoignait Marie Eléonora Schoning de quitter la maison, confisquée au profit du trésor.

Mr. Schoning était pauvre, mais économe. Une maladie de trois ans épuisa tout ce qu'il avait amassé. Marie alla chez les commissaires. Elle pleura, et le bureau fut inflexible.

La nuit elle alla au cimetière de St. Jacques. Elle en sortit le matin, mourant de faim, elle se retrouva au cimetière.

La police de Nurenberg assigne un demi-couronne aux gardes de nuit pour chaque femme arrêtée la nuit après 10 heures. Marie Schoning fut conduite au corps de garde. Le lendemain elle fut emmenée devant le magistrat qui la renvoya, en la menaçant de l'envoyer dans la maison de correction en cas de récidive.

Marie voulait se jeter dans la Pegnitz... On l'appelle: elle vit Anna Harlin, ancienne servante de son père, qui avait épousé un invalide. Anna la consola: „la vie est courte, lui dit-elle, et le ciel c'est pour toujours, mon enfant".

Marie fut recueillie chez les Harlins pendant une année. Elle y mena une vie assez misérable. Au bout de ce temps A. tomba malade. L'hiver

vint, l'ouvrage manqua; le prix des denrées s'accrut. Les meubles furent vendus pièce à pièce, excepté le grabat de l'invalide qui mourut au printemps.

Un pauvre médecin traitait gratis le mari et la femme. Il apportait quelquefois une bouteille de vin, mais il n'avait pas d'argent. Anne se rétablit; mais elle devint apathique: le travail manqua tout à fait.

Au commencement de Mars, un soir, Marie sortit tout à coup...

Elle fut arrêtée par la patrouille de nuit. Le caporal la plaça au milieu des soldats et lui dit que le lendemain elle sera fouettée. Marie s'écria qu'elle était coupable d'un enfanticide...

Amenée devant le juge, elle déclara avoir été accouchée par la femme Harlin et que celle-ci avait enterré son enfant dans un bois elle ne sait plus où. Anne Harlin fut tout de suite arrêtée, et sur sa dénégation confrontée avec Marie; elle nia tout.

On apporta les instruments de torture. Marie s'épouvanta — elle saisit les mains liées de sa prétendue complice et lui dit: „Anne, fais l'aveu qu'on te demande! Ma bonne Anne, tout sera fini pour nous, et Frank et Nany seront mis dans la maison des orphelins“.

Anne la comprit, l'embrassa, et dit que l'enfant a fut jeté dans la Pegnitz.

Le procès fut rapidement instruit. Elles furent condamnées à mort.—Le matin du jour fixé, elles furent amenées à l'église, ou elles se préparèrent à la mort par la prière. Sur la charrette Anne fut ferme, Marie fut agitée. Harlin monta sur l'échafaud et lui dit: „encore un instant, et nous serons là (au ciel)! Courage, une minute, et nous serons devant Dieu!“

Marie s'écria: „elle est innocente, je suis un faux témoin...“ elle se jeta aux pieds du bourreau et du prêtre... elle dit tout. L'exécuteur, étonné, s'arrête. Le peuple pousse des cris... Anne Harlin interrogée par le prêtre et le bourreau dit avec répugnance (simplicité): „assurément elle a dit la vérité. Je suis coupable pour avoir menti et manqué de foi en la Providence“.

Un rapport est envoyé en magistrat. Le messager revient dans une heure avec l'ordre de procéder à l'exécution.

L'exécuteur s'évanouit après avoir décapité Anne Harlin.—Marie était déjà morte.

ПЛАНЫ

I. <**Карты; продан...**>

... Карты; продан; женат — дядька.
... Солдатство — (делается офицером).

<1820?>

II. <**Влюбленный бес**>

Москва в 1811 году. — Старуха, две дочери, одна невинная, другая романическая. — Два приятеля к ним ходят. — Один развратный, другой В<любленный б<ес>.

В. б<ес> любит меньшую и хочет погубить молодого человека. — Он достает ему деньги, водит его повсюду — [*Бордель*] *Наст<асьи?>* — Вдова *ч<ертовка?>*.

Ночь. Извозчик. Молод. челов. ссорится с ним. — Старшая дочь сходит с ума от любви к В. б.

<1826–1828>

III. <**L'homme du monde**>

L'homme du monde — [marié en province à une aristocrate] fait la cour à une femme à la mode (Nom). Il la séduit et il épouse une autre [по расчету]. Sa femme lui fait des scènes. L'autre avoue tout à son mari — la console — la visite. L'homme du monde malheureux — ambitieux.

L'entrée d'une jeune personne dans le monde. —

Zélie aime un égoïste vaniteux; entourée de la froide malveillance du monde; un mari raisonnable. Un amant qui se moque d'elle. Une amie qui s'en éloigne devient légère, fait un esclandre. Aime un homme qu'elle n'aime pas. — Son mari la réfugie. — Elle est tout à fait malheureuse. — Son amant, son ami. —

---

1) Une scène du grand monde на даче у гр. L. Комната полна, около чая приезд Зелии. — Она отыскала глазами l'homme du monde и с ним проводит целый вечер.

2) Исторический рассказ de la séduction. La liaison. Son amant l'affiche.

3) L'entrée dans le monde d'une jeune provinciale. — Scène de jalousie. — Ressentiments du grand monde.

4) Bruit du mariage. — Zélie avoue* tout à son mari. — Un mari raisonnable. — Visite de nôce. — Zélie tombe malade — reparaît dans le monde; on lui fait la cour etc.

〈1828〉

IV. 〈Н. избирает себе в наперсники...〉

Н. избирает себе в наперсники Н〈евский〉Проспект — он доверяет ему все свои домашние беспокойства, все семейственные огорчения. — Об нем жалеют — Он доволен.

〈Нач. 1830-х гг.?〉

V. 〈Планы и наброски повести о стрельце и боярской дочери〉

〈1〉

Стрелец, влюбленный в боярскую дочь — Отказ — Приходит к другу-заговорщику — Вступает в заговор.

〈2〉

Софья во дворце — Нищие, скоморох. Скоморох и старый раскольник. — Молодой стрелец. Заговор.

Стрелец влюбляется в Ржевскую; сватается, получает отказ. — Он становится уныл. — Товарищ открывает ему заговор. Он объявляет обо всем правительнице; Софья принимает его как заговорщика, объяснение. — Софья сваха. Комедия у боярина.

Бунт стрелецкий, боярин спасен им, обещает выдать за него дочь.** [Мать торопится и выдает ее за боярина]. Ржевская замужем.

---

* 〈Между словами „Zélie" и „avoue" вписано позднее: désespoir de, но остальные части фразы остались невыправленными.〉

** 〈Зачеркнуто: Обед у тестя, бедная родственница. Комедия у боярина.〉

<3>

1) Стрелец, сын старого раскольника, видит Ржевскую в окошко, переодетую горничной девушкой. — Сватает через мамушку-раскольницу — получает отказ.

Полковник стрелецкий имеет большое влияние на своих; Софья хочет его к себе переманнуть. — Он рассказывает ей, каким образом узнал он о заговоре.

Софья. О чем же ты был печален? — Об отказе.

— Я сваха — Но будь же etc.

<1830—1834?>

VI. <Криспин приезжает в губернию...>

Криспин приезжает в губернию на ярмонку. — Его принимают за Ambas<sadeur>. Губернатор честный дурак. Губ<ернаторша> с ним кокетнич<ает>. Криспин сватается за дочь.

<1833—1835>

VII. <Les deux danseuses>

Les deux danseuses — Un ballet de Didlot en 1819 — Zavadovsky. — Un amant au paradis. — Scène aux coulisses — duel — Istomine est à la mode — elle est entretenue, elle se marie. — Sa sœur est dans la détresse. — Elle épouse le souffleur. — Istomine dans le monde — On ne la reçoi pas. — Elle reçoit chez elle. — Dégoûts. — Elle reçoit sa compagne.

<1834—1835>

VIII. <Сын казненного стрельца...>

Сын казненного стрельца воспитан вдовою вместе с ее сыном и дочерью; он идет в службу вместо ее сына. При Пруте ему Петр поручает свое письмо.

Приказчик вдовы доносит на своего молодого барина, который лишен имения своего, и отдан в солдаты.

Стрел<ецкий сын> посещает его семейство — и у Петра выпрашивает прощение молод<ому>.

<1834—1835>

ПУТЕШЕСТВИЕ
В АРЗРУМ
ВО ВРЕМЯ ПОХОДА
1829 ГОДА

Подготовка текста и комментарии

Ю. Н. Тынянова

Предисловие

Недавно попалась мне в руки книга, напечатанная в Париже в прошлом 1834 году под названием: Voyages en Orient entrepris par ordre du Gouvernement Français. Автор, по своему описывая поход 1829 года, оканчивает свои рассуждения следующими словами:

Un poète distingué par son imagination a trouvé dans tant de hauts faits dont il a été témoin, non le sujet d'un poème, mais celui d'une satyre.

Из поэтов, бывших в турецком походе, знал я только об А. С. Хомякове и об А. Н. Муравьеве. Оба находились в армии графа Дибича. Первый написал в то время несколько прекрасных лирических стихотворений, второй обдумывал свое путешествие к святым местам, произведшее столь сильное впечатление. Но я не читал никакой сатиры на Арзрумский поход.

Никак бы я не мог подумать, что дело здесь идет обо мне, если бы в той самой книге не нашел я своего имени между именами генералов отдельного Кавказского корпуса. Parmi les chefs qui la commandaient (l'armée du *Prince* Paskewitch) on distinguait le Général Mouravief... le Prince Georgien Tsitsevaze... le *Prince Arménien Beboutof*... le *Prince* Potemkine, le Général Raiewsky, et enfin — M. Pouchkine... qui avait quitté la capitale pour chanter les exploits de ses compatriotes.

Признаюсь: эти строки французского путешественника, несмотря на лестные эпитеты, были мне гораздо досаднее, нежели брань русских журналов. *Искать вдохновения* всегда казалось мне смешной и нелепой причудою: вдохновения не сыщешь; оно само должно найти поэта. Приехать на войну с тем, чтоб воспевать будущие подвиги, было бы для меня с одной стороны слишком самолюбиво, а с другой слишком не пристойно. Я не вмешиваюсь в военные суждения. Это не мое дело. Может быть, смелый переход через Саган-лу, движение, коим граф Паскевич отрезал сераскира от Осман-Паши, поражение двух неприятельских корпусов в течение одних суток, быстрый поход к Арзруму,

всё это, увенчанное полным успехом, может быть, и чрезвычайно достойно посмеяния в глазах военных людей (каковы, например, г. купеческий консул Фонтанье, автор путешествия на Восток): но я устыдился бы написать сатиры на прославленного полководца, ласково принявшего меня под сень своего шатра и находившего время посреди своих великих забот оказывать мне лестное внимание. Человек, не имеющий нужды в покровительстве сильных, дорожит их радушием и гостеприимством, ибо иного от них не может и требовать. Обвинение в неблагодарности не должно быть оставлено без возражения, как ничтожная критика или литературная брань. Вот почему решился я напечатать это предисловие и выдать свои путевые записки, как *всё*, что мною было написано о походе 1829 года.

А. Пушкин.

А. С. Пушкин. С гравюры *Р. Райта* по его же рисунку
(Госуд. Музей Изобразительных Искусств в Москве)

Глава первая

Степи. Калмыцкая кибитка. Кавказские воды. Военная Грузинская дорога. Владикавказ. Осетинские похороны. Терек. Дариальское ущелие. Переезд через снеговые горы. Первый взгляд на Грузию. Водопроводы. Ховрев-Мирза. Душетский городничий.

...Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел, и сделал таким образом двести верст лишних; зато увидел Ермолова.

Он живет в Орле, близ коего находится его деревня. Я приехал к нему в 8 часов утра и не застал его дома. Извозчик мой сказал мне, что Ермолов ни у кого не бывает, кроме как у отца своего, простого, набожного старика, что он не принимает одних только городских чиновников, а что всякому другому доступ свободен. Через час я снова к нему приехал. Ермолов принял меня с обыкновенной своей любезностию. С первого взгляда я не нашел в нем ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные, серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на Геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что не естественна. Когда же он задумывается и хмурится, то он становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом. Он был в зеленом черкесском чекмене. На стенах его кабинета висели шашки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказе. Он, повидимому, нетерпеливо сносит свое бездействие. Несколько раз принимался он говорить о Паскевиче и всегда язвительно. Говоря о легкости его побед, он сравнивал его с Навином, перед которым стены падали от трубного звука, и называл графа Эриванского графом Ерихонским. Пускай нападет он, говорил Ермолов, на пашу не умного, не искусного, но только упрямого, например, на пашу, начальствовавшего в Шумле, — и Паскевич пропал. Я передал Ермолову слова гр. Толстова, что Паскевич так хорошо действовал в персидскую кампанию, что умному человеку осталось бы только действовать похуже, чтоб отличиться от

него. Ермолов засмеялся, но не согласился. Можно было бы сберечь людей и издержки, сказал он. Думаю, что он пишет или хочет писать свои записки. Он недоволен Историей Карамзина; он желал бы, чтобы пламенное перо изобразило переход русского народа от ничтожества к славе и могуществу. О записках кн. Курбского говорил он con amore. Немцам досталось. Лет через 50, сказал он, подумают, что в нынешнем походе была вспомогательная прусская или австрийская армия, предводительствованная такими-то немецкими генералами. — Я пробыл у него часа 2. Ему было досадно, что не помнил моего полного имени. Он извинился комплиментами. Разговор несколько раз касался литературы. О стихах Грибоедова говорит он, что от их чтения скулы болят. О правительстве и политике не было ни слова.

...Мне предстоял путь через Курск и Харьков, но я своротил на прямую Тифлисскую дорогу, жертвуя хорошим обедом в Курском трактире (что не безделица в наших путешествиях) и не любопытствуя посетить Харьковский университет, который не стоит курской ресторации. До Ельца дороги ужасны. Несколько раз коляска моя вязла в грязи, достойной грязи одесской. Мне случалось в сутки проехать не более пятидесяти верст. Наконец, увидел я воронежские степи и свободно покатился по зеленой равнине. В Новочеркасске нашел я графа Пушкина, ехавшего также в Тифлис, и мы согласились путешествовать вместе.

Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее: леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет и являет бо́льшую силу растительности; показываются птицы неведомые в наших лесах; орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и гордо смотрят на путешественника. Калмыки располагаются около станционных хат. У кибиток их пасутся их уродливые, косматые кони, знакомые вам по прекрасным рисункам Орловского.

На днях посетил я калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Всё семейство собиралось завтракать. Котел варился посредине, и дым выходил в отверстие, сделанное в верху кибитки. Молодая калмычка, собою очень недурная, шила куря табак. Я сел подле нее. Как тебя зовут?—***.— Сколько тебе лет?— Десять и восемь. — Что ты шьешь? — Портка. — Кому? — Себя. — Она подала мне свою трубку и стала завтракать. В котле варился чай с бараниим жиром и солью. Она предложила мне и свой ковшик. Я не хотел отказаться, и хлебнул, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже. Я попросил чем-нибудь это заесть. Мне дали кусочек сушеной кобылятины; я был

и тому рад. Калмыцкое кокетство испугало меня: я поскорее выбрался из кибитки — и поехал от степной Цирцеи.

В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мне взоры тому ровно девять лет. Они были всё те же, всё на том же месте. Это — снежные вершины Кавказской цепи.

Из Георгиевска я заехал на Горячие воды. Здесь нашел большую перемену: в мое время ванны находились в лачужках, наскоро построенных. Источники, большею частию в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям, оставляя по себе белые и красные следы. Мы черпали кипучую воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки. Нынче выстроены великолепные ванны и дома. Бульвар, обсаженный липками, проведен по склонению Машука. Везде чистенькие дорожки, зеленые лавочки, правильные цветники, мостики, павильоны. Ключи обделаны, выложены камнем; на стенах ванн прибиты предписания от полиции; везде порядок, чистота, красивость...

Признаюсь: Кавказские воды представляют ныне более удобностей; но мне было жаль их прежнего, дикого состояния; мне было жаль крутых каменных тропинок, кустарников и неогороженных пропастей, над которыми, бывало, я карабкался. С грустью оставил я воды и отправился обратно в Георгиевск. Скоро настала ночь. Чистое небо усеялось миллионами звезд. Я ехал берегом Подкумка. Здесь, бывало, сиживал со мною А. Раевский, прислушиваясь к мелодии вод. Величавый Бешту чернее и чернее рисовался в отдалении, окруженный горами, своими вассалами, и наконец исчез во мраке...

На другой день мы отправились далее и прибыли в Екатериноград, бывший некогда наместническим городом.

С Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога; почтовый тракт прекращается. Нанимают лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачий и пехотный и одна пушка. Почта отправляется два раза в неделю, и проезжие к ней присоединяются: это называется *оказией*. Мы дожидались недолго. Почта пришла на другой день, и на третье утро в 9 часов мы были готовы отправиться в путь. На сборном месте соединился весь караван, состоявший из 500 человек или около. Пробили в барабан. Мы тронулись. Вперед поехала пушка, окруженная пехотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдаток, переезжающих из одной крепости в другую; за нами заскрыпел обоз двуколесных ароб. По сторонам бежали конские табуны и стада волов. Около них скакали нагайские проводники в бурках и с арканами. Всё это сначала мне очень нравилось, но скоро надоело. Пушка ехала

шагом, фитиль курился, и солдаты раскуривали им свои трубки. Медленность нашего похода (в первый день мы прошли только 15 верст), несносная жара, недостаток припасов, беспокойные ночлеги, наконец беспрерывный скрып нагайских ароб выводили меня из терпения. Татаре тщеславятся этим скрыпом, говоря, что они разъезжают как честные люди, не имеющие нужды укрываться. На сей раз приятнее было бы мне путешествовать не в столь почтенном обществе. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонам холмы. На краю неба вершины Кавказа, каждый день являющиеся выше и выше. Крепости, достаточные для здешнего края, со рвом, который каждый из нас перепрыгнул бы встарину не разбегаясь, с заржавевшими пушками, не стрелявшими со времен графа Гудовича, с обрушенным валом, по которому бродит гарнизон куриц и гусей. В крепостях несколько лачужек, где с трудом можно достать десяток яиц и кислого молока.

Первое замечательное место есть крепость Минарет. Приближаясь к ней, наш караван ехал по прелестной долине, между курганами, обросшими липой и чинаром. Это могилы нескольких тысяч умерших чумою. Пестрелись цветы, порожденные зараженным пеплом. Справа сиял снежный Кавказ; впереди возвышалась огромная, лесистая гора; за нею находилась крепость: кругом ее видны следы разоренного аула, называвшегося *Татартубом* и бывшего некогда главным в Большой Кабарде. Легкий, одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения. Он стройно возвышается между грудами камней, на берегу иссохшего потока. Внутренняя лестница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, с которой уже не раздается голос муллы. Там нашел я несколько неизвестных имен, нацарапанных на кирпичах славолюбивыми путешественниками.

Дорога наша сделалась живописна. Горы тянулись над нами. На их вершинах ползали чуть видные стада и казались насекомыми. Мы различили и пастуха, быть может, русского, некогда взятого в плен и состаревшегося в неволе. Мы встретили еще курганы, еще развалины. Два, три надгробных памятника стояло на краю дороги. Там, по обычаю черкесов, похоронены их наездники. Татарская надпись, изображение шашки, танга, иссеченные на камне, оставлены хищным внукам в память хищного предка.

Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги. Дружба *мирных* черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам. Дух дикого их рыцарства заметно упал. Они редко на-

падают в равном числе на казаков, никогда на пехоту и бегут, завидя пушку. Зато никогда не пропустят случая напасть на слабый отряд или на беззащитного. Здешняя сторона полна молвой о их злодействах. Почти нет никакого способа их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар, что чрезвычайно трудно исполнить, по причине господствующих между ими наследственных распрей и мщения крови. Кинжал и шашка суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать. У них убийство — простое телодвижение. Пленников они сохраняют в надежде на выкуп, но обходятся с ними с ужасным бесчеловечием, заставляют работать сверх сил, кормят сырым тестом, бьют, когда вздумается, и приставляют к ним для стражи своих мальчишек, которые, за одно слово, вправе их изрубить своими детскими шашками. Недавно поймали мирного черкеса, выстрелившего в солдата. Он оправдывался тем, что ружье его слишком долго было заряжено. Что делать с таковым народом? Должно однако ж надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением. Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия. Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру. Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов *Корана*, между коими отличался Мансур, человек необыкновенный, долго возмущавший Кавказ противу русского владычества, наконец схваченный нами и умерший в Соловецком монастыре. Кавказ ожидает христианских миссионеров. Но легче для нашей лености в замену слова живого выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты.

Мы достигли Владикавказа, прежнего Кап-кая, преддверия гор. Он окружен осетинскими аулами. Я посетил один из них и попал на похороны. Около сакли толпился народ. На дворе стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершего съезжались со всех сторон и с громким плачем шли в саклю, ударяя себя кулаками в лоб. Женщины стояли смирно. Мертвеца вынесли на бурке.

...like a warrior taking his rest
With his martial cloak around him;

положили его на арбу. Один из гостей взял ружье покойника, сдул с полки порох и положил его подле тела. Волы тронулись. Гости поехали следом. Тело должно было быть похоронено в горах, верстах

в тридцати от аула. К сожалению, никто не мог объяснить мне сих обрядов.

Осетинцы самое бедное племя из народов, обитающих на Кавказе; женщины их прекрасны и, как слышно, очень благосклонны к путешественникам. У ворот крепости встретил я двух, жену и дочь заключенного осетинца. Они несли ему обед. Обе казались спокойны и смелы; однако ж при моем приближении обе потупили голову и закрылись своими изодранными *чадрами*. В крепости видел я черкесских аманатов, резвых и красивых мальчиков. Они поминутно проказят и бегают из крепости. Их держат в жалком положении. Они ходят в лохмотьях, полунагие, и в отвратительной нечистоте. На иных видел я деревянные колодки. Вероятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалеют о своем пребывании во Владикавказе.

Пушка оставила нас. Мы отправились с пехотой и казаками. Кавказ нас принял в свое святилище. Мы услышали глухой шум и увидели Терек, разливающийся по разным направлениям. Мы поехали по его левому берегу. Шумные волны его приводят в движение колеса низеньких осетинских мельниц, похожих на собачьи конуры. Чем далее углублялись мы в горы, тем уже становилось ущелие. Стесненный Терек с ревом бросает свои мутные волны чрез утесы, преграждающие ему путь. Ущелие извивается вдоль его течения. Каменные подошвы гор обточены его волнами. Я шел пешком и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестию природы. Погода была пасмурная; облака тяжело тянулись около черных вершин. Граф Пушкин и Шернваль, смотря на Терек, воспоминали Иматру и отдавали преимущество *реке на Севере гремящей*. Но я ни с чем не мог сравнить мне предстоявшего зрелища.

Не доходя до Ларса, я отстал от конвоя, засмотревшись на огромные скалы, между коими хлещет Терек с яростию неизъяснимой. Вдруг бежит ко мне солдат, крича мне издали: *не останавливайтесь, ваше благородие, убьют!* Это предостережение с непривычки показалось мне чрезвычайно странным. Дело в том, что осетинские разбойники, безопасные в этом узком месте, стреляют через Терек в путешественников. Накануне нашего перехода они напали таким образом на генерала Бековича, проскакавшего сквозь их выстрелы. На скале видны развалины какого-то замка: они облеплены саклями мирных осетинцев, как будто гнездами ласточек.

В Ларсе остановились мы ночевать. Тут нашли мы путешественника француза, который напугал нас предстоящею дорогой. Он сове-

товал нам бросить экипажи в Коби и ехать верхом. С ним выпили мы в первый раз кахетинского вина из вонючего *бурдюка*, воспоминая пирования Илиады:

И в козиих мехах вино, отраду нашу!

Здесь нашел я измаранный список *Кавказского Пленника*, и, признаюсь, перечел его с большим удовольствием. Всё это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно.

На другой день поутру отправились мы далее. Турецкие пленники разработывали дорогу. Они жаловались на пищу, им выдаваемую. Они никак не могли привыкнуть к русскому черному хлебу. Это напоминало мне слова моего приятеля Ш., по возвращении его из Парижа: „Худо, брат, жить в Париже: есть нечего; черного хлеба не допросишься!“

В семи верстах от Ларса находится Дариальский пост. Ущелье носит то же имя. Скалы с обеих сторон стоят параллельными стенами. Здесь так узко, так узко, пишет один путешественник, что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тесноту. Клочок неба, как лента, синеет над вашей головою. Ручьи, падающие с горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мне похищение Ганимеда, странную картину Рембранда. К тому же и ущелье освещено совершенно в его вкусе. В иных местах Терек подмывает самую подошву скал, и на дороге, в виде плотины, навалены каменья. Недалеко от поста мостик смело переброшен через реку. На нем стоишь, как на мельнице. Мостик весь так и трясется, а Терек шумит, как колеса, движущие жернов. Против Дариала на крутой скале видны развалины крепости. Предание гласит, что в ней скрывалась какая-то царица Дария, давшая имя свое ущелию: сказка. Дариал на древнем персидском языке значит ворота. По свидетельству Плиния, Кавказские врата, ошибочно называемые Каспийскими, находились здесь. Ущелие замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными железом. Под ними, пишет Плиний, течет река Дириодорис. Тут была воздвигнута и крепость для удержания набегов диких племен; etc. Смотрите путешествие графа И. Потоцкого, коего ученые изыскания столь же занимательны, как и испанские романы.

Из Дариала отправились мы к Казбеку. Мы увидели *Троицкие ворота* (арка, образованная в скале взрывом пороха), — под ними шла некогда дорога, а ныне протекает Терек, часто меняющий свое русло.

Недалеко от *селения* Казбек переехали мы через *Бешеную Балку*, овраг, во время сильных дождей превращающийся в яростный поток. В это время он был совершенно сух, и громок одним своим именем.

Деревня Казбек находится у подошвы горы Казбек, и принадлежит князю Казбеку. Князь, мужчина лет сорока пяти, ростом выше преображенского флигельмана. Мы нашли его в духане (так называются грузинские харчевни, которые гораздо беднее и не чище русских). В дверях лежал пузастый бурдюк (воловий мех), растопыря свои четыре ноги. Великан тянул из него чихирь и сделал мне несколько вопросов, на которые отвечал я с почтением, подобаемым его званию и росту. Мы расстались большими приятелями.

Скоро притупляются впечатления. Едва прошли сутки, и уже рев Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего внимания. Нетерпение доехать до Тифлиса исключительно овладело мною. Я столь же равнодушно ехал мимо Казбека, как некогда плыл мимо Чатырдага. Правда и то, что дождливая и туманная погода мешала мне видеть его снеговую груду, по выражению поэта, *подпирающую небосклон*.

Ждали персидского принца. В некотором расстоянии от Казбека попались нам навстречу несколько колясок и затруднили узкую дорогу. Покамест экипажи разъезжались, конвойный офицер объявил нам, что он провожает придворного персидского поэта, и, по моему желанию, представил меня Фазил-Хану. Я, с помощию переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда Фазил-Хан отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостию порядочного человека! „Он надеялся увидеть меня в Петербурге; он жалел, что знакомство наше будет непродолжительно и проч." Со стыдом принужден я был оставить важно-шутливый тон и съехать на обыкновенные европейские фразы. Вот урок нашей русской насмешливости. Вперед не стану судить о человеке по его бараньей *папахе** и по крашеным ногтям.

Пост Коби находится у самой подошвы Крестовой горы, чрез которую предстоял нам переход. Мы тут остановились ночевать и стали думать, каким бы образом совершить сей ужасный подвиг: сесть ли, бросив экипажи, на казачьих лошадей, или послать за осетинскими волами? На всякий случай, я написал от имени всего нашего каравана официальную просьбу к г. Чиляеву, начальствующему в здешней стороне, и мы легли спать в ожидании подвод.

На другой день около 12-ти часов услышали мы шум, крики, и увидели зрелище необыкновенное: 18 пар тощих, малорослых волов, понуждаемых толпою полунагих осетинцев, насилу тащили легкую вен-

* Так называются персидские шапки.

скую коляску приятеля моего О***. Это зрелище тотчас рассеяло все мои сомнения. Я решился отправить мою тяжелую петербургскую коляску обратно в Владикавказ и ехать верхом до Тифлиса. Граф Пушкин не хотел следовать моему примеру. Он предпочел впрячь целое стадо волов в свою бричку, нагруженную запасами всякого рода, и с торжеством переехать через снеговой хребет. Мы расстались, и я поехал с полковником Огаревым, осматривающим здешние дороги.

Дорога шла через обвал, обрушившийся в конце июня 1827 года. Таковые случаи бывают обыкновенно каждые семь лет. Огромная глыба, свалясь, засыпала ущелие на целую версту и запрудила Терек. Часовые, стоявшие ниже, слышали ужасный грохот и увидели, что река быстро мелела и в четверть часа совсем утихла и истощилась. Терек прорылся сквозь обвал не прежде, как через два часа. То-то был он ужасен!

Мы круто подымались выше и выше. Лошади наши вязли в рыхлом снегу, под которым шумели ручьи. Я с удивлением смотрел на дорогу и не понимал возможности езды на колесах.

В это время услышал я глухой рокот. „Это обвал", сказал мне г. Огарев. Я оглянулся и увидел в стороне груду снега, которая осыпалась и медленно съезжала с крутизны. Малые обвалы здесь нередки. В прошлом году русский извозчик ехал по Крестовой горе. Обвал оборвался; страшная глыба свалилась на его повозку; поглотила телегу, лошадь и мужика, перевалилась через дорогу и покатилась в пропасть с своею добычею. Мы достигли самой вершины горы. Здесь поставлен гранитный крест, старый памятник, обновленный Ермоловым.

Здесь путешественники обыкновенно выходят из экипажей и идут пешком. Недавно проезжал какой-то иностранный консул: он так был слаб, что велел завязать себе глаза; его вели под руки, и когда сняли с него повязку, тогда он стал на колени, благодарил бога, и проч., что очень изумило проводников.

Мгновенный переход от грозного Кавказа к миловидной Грузии восхитителен. Воздух Юга вдруг начинает повевать на путешественника. С высоты Гут-горы открывается Кайшаурская долина с ее обитаемыми скалами, с ее садами, с ее светлой Арагвой, извивающейся, как серебряная лента, — и всё это в уменьшенном виде, на дне трехверстной пропасти, по которой идет опасная дорога.

Мы спускались в долину. Молодой месяц показался на ясном небе. Вечерний воздух был тих и тепел. Я ночевал на берегу Арагвы, в доме г. Чиляева. На другой день я расстался с любезным хозяином и отправился далее.

Здесь начинается Грузия. Светлые долины, орошаемые веселой Арагвою, сменили мрачные ущелия и грозный Терек. Вместо голых утесов я увидел около себя зеленые горы и плодоносные деревья. Водопроводы доказывали присутствие образованности. Один из них поразил меня совершенством оптического обмана: вода, кажется, имеет свое течение по горе снизу вверх.

В Пайсанауре остановился я для перемены лошадей. Тут я встретил русского офицера, провожающего персидского принца. Вскоре услышал я звук колокольчиков, и целый ряд катаров (мулов), привязанных один к другому и навьюченных по-азиатски, потянулся по дороге. Я пошел пешком, не дождавшись лошадей; и в полуверсте от Ананура, на повороте дороги, встретил Хозрев-Мирзу. Экипажи его стояли. Сам он выглянул из своей коляски и кивнул мне головою. Несколько часов после нашей встречи, на принца напали горцы. Услыша свист пуль, Хозрев выскочил из своей коляски, сел на лошадь и ускакал. Русские, бывшие при нем, удивились его смелости. Дело в том, что молодой азиатец, не привыкший к коляске, видел в ней скорее западню, нежели убежище.

Я дошел до Ананура, не чувствуя усталости. Лошади мои не приходили. Мне сказали, что до города Душета оставалось не более как десять верст, и я опять отправился пешком. Но я не знал, что дорога шла в гору. Эти десять верст стоили добрых двадцати.

Наступил вечер; я шел вперед, подымаясь всё выше и выше. С дороги сбиться было невозможно; но местами глинистая грязь, образуемая источниками, доходила мне до колена. Я совершенно утомился. Темнота увеличилась. Я слышал вой и лай собак и радовался, воображая, что город не далеко. Но ошибался: лаяли собаки грузинских пастухов, а выли шакалы, звери в той стороне обыкновенные. Я проклинал свое нетерпение, но делать было нечего. Наконец увидел я огни, и около полуночи очутился я у домов, осененных деревьями. Первый встречный вызвался провести меня к городничему и требовал за то с меня *абаз*.

Появление мое у городничего, старого офицера из грузин, произвело большое действие. Я требовал, во-первых, комнаты, где бы мог раздеться, во-вторых, стакан вина, в-третьих, абаза для моего провожатого. Городничий не знал, как меня принять, и посматривал на меня с недоумением. Видя, что он не торопится исполнить мои просьбы, я стал перед ним раздеваться, прося извинения *de la liberté grande*. К счастию, нашел я в кармане подорожную, доказывавшую, что я мирный путешественник, а не Ринальдо-Ринальдини. Благословенная

хартия возымела тотчас свое действие: комната была мне отведена, стакан вина принесен и абаз выдан моему проводнику, с отеческим выговором за его корыстолюбие, оскорбительное для грузинского гостеприимства. Я бросился на диван, надеясь после моего подвига заснуть богатырским сном: не тут-то было! блохи, которые гораздо опаснее шакалов, напали на меня и во всю ночь не дали мне покою. Поутру явился ко мне мой человек и объявил, что граф Пушкин благополучно переправился на волах через снеговые горы и прибыл в Душет. Нужно было мне торопиться! Граф Пушкин и Шернваль посетили меня и предложили опять отправиться вместе в дорогу. Я оставил Душет с приятной мыслию, что ночую в Тифлисе.

Дорога была так же приятна и живописна, хотя редко видели мы следы народонаселения. В нескольких верстах от Гарцискала мы переправились через Куру по древнему мосту, памятнику римских походов, и крупной рысью, а иногда и вскачь, поехали к Тифлису, в котором неприметным образом и очутились часу в одиннадцатом вечера.

Глава вторая

Тифлис. Народные бани. Безносый Гассан. Нравы грузинские. Песни. Кахетинское вино. Причина жаров. Дороговизна. Описание города. Отъезд из Тифлиса. Грузинская ночь. Вид Армении. Двойной переход. Армянская деревня Гергеры. Грибоедов. Безобдал. Минеральный ключ. Буря в горах. Ночлег в Гумрах. Арарат. Граница. Турецкое гостеприимство. Карс. Армянская семья. Выезд из Карса. Лагерь графа Паскевича.

Я остановился в трактире, на другой день отправился в славные тифлисские бани. Город показался мне многолюден. Азиатские строения и базар напомнили мне Кишинев. По узким и кривым улицам бежали ослы с перекидными корзинами; арбы, запряженные волами, перегорожали дорогу. Армяне, грузинцы, черкесы, персияне теснились на неправильной площади; между ими молодые русские чиновники разъезжали верьхами на карабахских жеребцах. При входе в бани сидел содержатель, старый персиянин. Он отворил мне дверь, я вошел в обширную комнату, и что же увидел? Более пятидесяти женщин, молодых и старых, полуодетых и вовсе неодетых, сидя и стоя раздевались, одевались на лавках, расставленных около стен. Я остановился. — Пойдем, пойдем, сказал мне хозяин, сегодня вторник: женский день. Ничего, не беда.—Конечно не беда, отвечал я ему, напротив.—Появление мужчин не произвело никакого впечатления. Они продолжали смеяться и разговаривать между собою. Ни одна не поторопилась покрыться своею *чадрою*; ни одна не перестала раздеваться. Казалось, я вошел

невидимкой. Многие из них были в самом деле прекрасны и оправдывали воображение Т. Мура:

> a lovely Georgian maid,
> With all the bloom, the freshened glow
> Of her own country maiden's looks,
> When warm they rise from Teflis brooks.
>
> *Lalla Rookh.*

Зато не знаю ничего отвратительнее грузинских старух: это ведьмы.

Персиянин ввел меня в бани: горячий железосерный источник лился в глубокую ванну, иссеченную в скале. Отроду не встречал я ни в России, ни в Турции ничего роскошнее тифлисских бань. Опишу их подробно.

Хозяин оставил меня на попечение татарину-банщику. Я должен признаться, что он был без носу; это не мешало ему быть мастером своего дела. Гассан (так назывался безносый татарин) начал с того, что разложил меня на теплом каменном полу, после чего начал он ломать мне члены, вытягивать составы, бить меня сильно кулаком; я не чувствовал ни малейшей боли, но удивительное облегчение. (Азиятские банщики приходят иногда в восторг, вспрыгивают вам на плечи, скользят ногами по бедрам и пляшут по спине в присядку, *e sempre bene*). После сего долго тер он меня шерстяною рукавицей, и сильно оплескав теплой водою, стал умывать намыленным полотняным пузырем). Ощущение неизъяснимое: горячее мыло обливает вас, как воздух! №: шерстяная рукавица и полотняный пузырь непременно должны быть приняты в русской бане: знатоки будут благодарны за таковое нововведение.

После пузыря, Гассан отпустил меня в ванну, тем и кончилась церемония.

В Тифлисе я надеялся найти Раевского, но узнав, что полк его уже выступил в поход, я решился просить у графа Паскевича позволения приехать в армию.

В Тифлисе пробыл я около двух недель и познакомился с тамошним обществом. Санковский, издатель Тифлисских Ведомостей, рассказывал мне много любопытного о здешнем крае, о князе Цицианове, об А. П. Ермолове и проч. Санковский любит Грузию и предвидит для нее блестящую будущность.

Грузия прибегнула под покровительство России в 1783 году, что не помешало славному Аге-Мохамеду взять и разорить Тифлис и 20.000 жителей увести в плен (1795 г.). Грузия перешла под скипетр императора Александра в 1802. Грузины народ воинственный. Они доказали свою храбрость под нашими знаменами. Их умственные способности ожидают большей образованности. Они вообще нрава веселого и обще-

жительного. По праздникам мужчины пьют и гуляют по улицам. Черноглазые мальчики поют, прыгают и кувыркаются; женщины пляшут лезгинку.

Голос песен грузинских приятен; мне перевели одну из них слово в слово; она, кажется, сложена в новейшее время; в ней есть какая-то восточная бессмыслица, имеющая свое поэтическое достоинство. Вот вам она:

Душа, недавно рожденная в раю! Душа, созданная для моего счастия! От тебя, бессмертная, ожидаю жизни.

От тебя, Весна цветущая, от тебя, Луна двунедельная, от тебя, ангел мой хранитель, от тебя ожидаю жизни.

Ты сияешь лицом и веселишь улыбкою. Не хочу обладать миром: хочу твоего взора. От тебя ожидаю жизни.

Горная роза, освеженная росою! Избранная любимица природы! Тихое, потаенное сокровище! от тебя ожидаю жизни.

Грузины пьют не по-нашему и удивительно крепки. Вины их не терпят вывоза и скоро портятся, но на месте они прекрасны. Кахетинское и карабахское стоят некоторых бургонских. Вино держат в *маранах*, огромных кувшинах, зарытых в землю. Их открывают с торжественными обрядами. Недавно русский драгун, тайно отрыв таковой кувшин, упал в него и утонул в кахетинском вине, как несчастный Кларенс в бочке малаги.

Тифлис находится на берегах Куры, в долине, окруженной каменистыми горами. Они укрывают его со всех сторон от ветров и, раскалясь на солнце, не нагревают, а кипятят недвижный воздух. Вот причина нестерпимых жаров, царствующих в Тифлисе, несмотря на то, что город находится только еще под 41 градусом широты. Самое его название (Тбилис-калар) значит Жаркий город.

Большая часть города выстроена по-азиатски: дома низкие, кровли плоские. В северной части возвышаются дома европейской архитектуры, и около них начинают образовываться правильные площади. Базар разделяется на несколько рядов; лавки полны турецких и персидских товаров, довольно дешевых, если принять в рассуждение всеобщую дороговизну. Оружие тифлисское дорого ценится на всем Востоке. Граф Самойлов и В., прослывшие здесь богатырями, обыкновенно пробовали свои новые шашки, с одного маху перерубая на двое барана или отсекая голову быку.

В Тифлисе главную часть народонаселения составляют армяне: в 1825 году было их здесь до 2500 семейств. Во время нынешних войн число их еще умножилось. Грузинских семейств считается до 1500.

Русские не считают себя здешними жителями. Военные, повинуясь долгу, живут в Грузии, потому что так им велено. Молодые титулярные советники приезжают сюда за чином асессорским, толико вожделенным. Те и другие смотрят на Грузию, как на изгнание.

Климат тифлисский, сказывают, нездоров. Здешние горячки ужасны; их лечат меркурием, коего употребление безвредно по причине жаров. Лекаря кормят им своих больных безо всякой совести. Генерал Сипягин, говорят, умер оттого, что его домовый лекарь, приехавший с ним из Петербурга, испугался приема, предлагаемого тамошними докторами, и не дал оного больному. Здешние лихорадки похожи на крымские и молдавские и лечатся одинаково.

Жители пьют Курскую воду, мутную, но приятную. Во всех источниках и колодцах вода сильно отзывается серой. Впрочем, вино здесь в таком общем употреблении, что недостаток в воде был бы не заметен.

В Тифлисе удивила меня дешевизна денег. Переехав на извозчике через две улицы и отпустив его через полчаса, я должен был заплатить два рубля серебром. Я сперва думал, что он хотел воспользоваться незнанием новоприезжего; но мне сказали, что цена точно такова. Всё прочее дорого в соразмерности.

Мы ездили в немецкую колонию и там обедали. Пили там делаемое пиво, вкусу очень неприятного, и заплатили очень дорого за очень плохой обед. В моем трактире кормили меня также дорого и дурно. Генерал Стрекалов, известный гастроном, позвал однажды меня отобедать; по несчастию, у него разносили кушанья по чинам, а за столом сидели английские офицеры в генеральских эполетах. Слуги так усердно меня обносили, что я встал изо стола голодный. Чорт побери Тифлисского гастронома!

Я с нетерпением ожидал разрешения моей участи. Наконец получил я записку от Раевского. Он писал мне, чтобы я спешил к Карсу, потому что через несколько дней войско должно было идти далее. Я выехал на другой же день.

Я ехал верхом, переменяя лошадей на казачьих постах. Вокруг меня земля была опалена зноем. Грузинские деревни издали казались мне прекрасными садами, но подъезжая к ним видел я несколько бедных сакель, осененных пыльными тополями. Солнце село, но воздух всё еще был душен:

Ночи знойные!
Звезды чуждые!..

Луна сияла; всё было тихо; топот моей лошади один раздавался в ночном безмолвии. Я ехал долго, не встречая признаков жилья. Наконец увидел уединенную саклю. Я стал стучаться в дверь. Вышел хозяин. Я попросил воды, сперва по-русски, а потом по-татарски. Он меня не понял. Удивительная беспечность! В тридцати верстах от Тифлиса, и на дороге в Персию и Турцию, он не знал ни слова ни по-русски, ни по-татарски.

Переночевав на казачьем посту, на рассвете отправился я далее. Дорога шла горами и лесом. Я встретил путешествующих татар; между ними было несколько женщин. Они сидели верьхами, окутанные в чадры; видны были у них только глаза да каблуки.

Я стал подыматься на Безобдал, гору, отделяющую Грузию от древней Армении. Широкая дорога, осененная деревьями, извивается около горы. На вершине Безобдала я проехал сквозь малое ущелие, называемое, кажется, Волчьими Воротами, и очутился на естественной границе Грузии. Мне представились новые горы, новый горизонт; подо мною расстилались злачные, зеленые нивы. Я взглянул еще раз на опаленную Грузию и стал спускаться по отлогому склонению горы к свежим равнинам Армении. С неописанным удовольствием заметил я, что зной вдруг уменьшился: климат был уже другой.

Человек мой со вьючными лошадьми от меня отстал. Я ехал один в цветущей пустыне, окруженной издали горами. В рассеянности проехал я мимо поста, где должен был переменить лошадей. Прошло более шести часов и я начал удивляться пространству перехода. Я увидел в стороне груды камней, похожие на сакли, и отправился к ним. В самом деле, я приехал в армянскую деревню. Несколько женщин в пестрых лохмотьях сидели на плоской кровле подземной сакли. Я изъяснился кое-как. Одна из них сошла в саклю и вынесла мне сыру и молока. Отдохнув несколько минут, я пустился далее и на высоком берегу реки увидел против себя крепость Гергеры. Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега. Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались на крутую дорогу. Несколько грузин сопровождали арбу. Откуда вы, спросил я их. — Из Тегерана. — Что вы везете? — *Грибоеда.* — Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис.

Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году, в Петербурге, пред отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия. Я было хотел его успокоить; он мне сказал: *Vous ne connaissez pas ces gens-là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux.* Он полагал, что причиною крово-

пролития будет смерть шаха и междуусобица его семидесяти сыновей. Но престарелый шах еще жив, а пророческие слова Грибоедова сбылись. Он погиб под кинжалами персиян, жертвой невежества и вероломства. Обезображенный труп его, бывший три дня игралищем тегеранской черни, узнан был только по руке, некогда простреленной пистолетною пулею.

Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году. Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, — всё в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении. Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую несносную улыбку, — когда случалось им говорить о нем, как о человеке необыкновенном. Люди верят только Славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротою, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в Московском Телеграфе. Впрочем, уважение наше к Славе происходит, может быть, от самолюбия: в состав славы входит ведь и наш голос.

Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств. Он почувствовал необходимость расчесться единожды навсегда с своею молодостию и круто поворотить свою жизнь. Он простился с Петербургом и с праздной рассеянностию; уехал в Грузию, где пробыл осемь лет в уединенных, неусыпных занятиях. Возвращение его в Москву в 1824 году было переворотом в его судьбе и началом беспрерывных успехов. Его рукописная комедия: *Горе от Ума* произвела неописанное действие и вдруг поставила его на ряду с первыми нашими поэтами. Несколько времени потом совершенное знание того края, где начиналась война, открыло ему новое поприще; он назначен был посланником. Приехав в Грузию, женился он на той, которую любил... Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна.

Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...

Встреча А. С. Пушкина с гробом А. С. Грибоедова, с рис. *П. Ф. Бореля*

Глава вторая

В Гергерах встретил я Бутурлина, который, как и я, ехал в армию. Бутурлин путешествовал со всевозможными прихотями. Я отобедал у него как бы в Петербурге. Мы положили путешествовать вместе: но демон нетерпения опять мною овладел. Человек мой просил у меня позволения отдохнуть. Я отправился один даже без проводника. Дорога всё была одна и совершенно безопасна.

Переехав невысокую гору и спустясь в долину, осененную деревьями, я увидел минеральный ключ, текущий поперек дороги. Здесь я встретил армянского попа, ехавшего в Ахалцык из Эривани. Что нового в Эривани? — спросил я его. — В Эривани чума, — отвечал он; а что слыхать об Ахалцыке? — В Ахалцыке чума, — отвечал я ему. Обменявшись сими приятными известиями, мы расстались.

Я ехал посреди плодоносных нив и цветущих лугов. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасной землею, коей плодородие вошло на Востоке в пословицу. К вечеру прибыл я в Пернике. Здесь был казачий пост. Урядник предсказывал мне бурю и советовал остаться ночевать, но я хотел непременно в тот же день достигнуть Гумров.

Мне предстоял переход через невысокие горы, естественную границу Карского пашалыка. Небо покрыто было тучами; я надеялся, что ветер, который час от часу усиливался, их разгонит. Но дождь стал накрапывать и шел всё крупнее и чаще. От Пернике до Гумров считается 27 верст. Я затянул ремни моей бурки, надел башлык на картуз и поручил себя провидению.

Прошло более двух часов. Дождь не переставал. Вода ручьями лилась с моей отяжелевшей бурки и с башлыка, напитанного дождем. Наконец, холодная струя начала пробираться мне за галстук, и вскоре дождь промочил меня до последней нитки. Ночь была темная; казак ехал впереди, указывая дорогу. Мы стали подыматься на горы. Между тем дождь перестал и тучи рассеялись. До Гумров оставалось верст десять. Ветер, дуя на свободе, был так силен, что в четверть часа высушил меня совершенно. Я не думал избежать горячки. Наконец, я достигнул Гумров около полуночи. Казак привез меня прямо к посту. Мы остановились у палатки, куда спешил я войти. Тут нашел я двенадцать казаков, спящих один возле другого. Мне дали место; я повалился на бурку, не чувствуя сам себя от усталости. В этот день проехал я 75 верст. Я заснул как убитый.

Казаки разбудили меня на заре. Первою моею мыслию было: не лежу ли в лихорадке. Но почувствовал, что славу богу бодр, здоров; не было следа не только болезни, но и усталости. Я вышел из палатки на свежий утренний воздух. Солнце всходило. На ясном небе белела сне-

говая, двуглавая гора. Что за гора? спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: это Арарат. Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни — и врана и голубицу излетающих, символы казни и примирения...

Лошадь моя была готова. Я поехал с проводником. Утро было прекрасно. Солнце сияло. Мы ехали по широкому лугу, по густой зеленой траве, орошенной росою и каплями вчерашнего дождя. Перед нами блистала речка, через которую должны мы были переправиться. — Вот и Арпачай, — сказал мне казак. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимою мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по Югу, то по Северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я всё еще находился в России.

До Карса оставалось мне еще 75 верст. К вечеру надеялся я увидеть наш лагерь. Я нигде не останавливался. На половине дороги, в армянской деревне, выстроенной в горах на берегу речки, вместо обеда съел я проклятый *чюрек*, армянский хлеб, испеченный в виде лепешки пополам с золою, о котором так тужили турецкие пленники в Дарьяльском ущелии. Дорого бы я дал за кусок русского черного хлеба, который был им так противен. Меня провожал молодой турок, ужасный говорун. Он во всю дорогу болтал по-турецки, не заботясь о том, понимал ли я его или нет. Я напрягал внимание и старался угадать его. Казалось, он побранивал русских и, привыкнув видеть всех их в мундирах, по платью принимал меня за иноземца. Навстречу нам попался русский офицер. Он ехал из нашего лагеря и объявил мне, что армия выступила уже из-под Карса. Не могу описать моего отчаяния: мысль, что мне должно будет возвратиться в Тифлис, измучась понапрасну в пустынной Армении, совершенно убивала меня. Офицер поехал в свою сторону; турок начал опять свой монолог; но уже мне было не до него. Я переменил иноходь на крупную рысь и вечером приехал в турецкую деревню, находящуюся в 20 верстах от Карса.

Соскочив с лошади, я хотел войти в первую саклю, но в дверях показался хозяин и оттолкнул меня с бранию. Я отвечал на его приветствие нагайкою. Турок раскричался; народ собрался. Проводник мой, кажется, за меня заступился. Мне указали караван-сарай; я вошел в

большую саклю, похожую на хлев; не было места, где бы я мог разостлать бурку. Я стал требовать лошадь. Ко мне явился турецкий старшина. На все его непонятные речи отвечал я одно: вербана ат (дай мне лошадь). Турки не соглашались. Наконец я догадался показать им деньги (с чего надлежало бы мне начать). Лошадь тотчас была приведена и мне дали проводника.

Я поехал по широкой долине, окруженной горами. Вскоре увидел я Карс, белеющийся на одной из них. Турок мой указывал мне на него, повторяя: *Карс, Карс*! и пускал вскачь свою лошадь; я следовал за ним, мучась беспокойством: участь моя должна была решиться в Карсе. Здесь должен я был узнать, где находится наш лагерь и будет ли еще мне возможность догнать армию. Между тем небо покрылось тучами и дождь пошел опять; но я об нем уже не заботился.

Мы въехали в Карс. Подъезжая к воротам стены, услышал я русский барабан: били зорю. Часовой принял от меня билет и отправился к коменданту. Я стоял под дождем около получаса. Наконец меня пропустили. Я велел проводнику вести меня прямо в бани. Мы поехали по кривым и крутым улицам; лошади скользили по дурной турецкой мостовой. Мы остановились у одного дома, довольно плохой наружности. Это были бани. Турок слез с лошади и стал стучаться у дверей. Никто не отвечал. Дождь ливмя лил на меня. Наконец из ближнего дома вышел молодой армянин и, переговоря с моим турком, позвал меня к себе, изъясняясь на довольно чистом русском языке. Он повел меня по узкой лестнице во второе жилье своего дома. В комнате, убранной низкими диванами и ветхими коврами, сидела старуха, его мать. Она подошла ко мне и поцеловала мне руку. Сын велел ей разложить огонь и приготовить мне ужин. Я разделся и сел перед огнем. Вошел меньший брат хозяина, мальчик лет семнадцати. Оба брата бывали в Тифлисе и живали в нем по нескольку месяцев. Они сказали мне, что войска наши выступили накануне, и что лагерь наш находится в 25 верстах от Карса. Я успокоился совершенно. Скоро старуха приготовила мне баранину с луком, которая показалась мне верьхом поваренного искусства. Мы все легли спать в одной комнате; я разлегся противу угасающего камина и заснул в приятной надежде увидеть на другой день лагерь графа Паскевича.

Поутру пошел я осматривать город. Младший из моих хозяев взялся быть моим чичероном. Осматривая укрепления и цитадель, выстроенный на неприступной скале, я не понимал, каким образом мы могли овладеть Карсом. Мой армянин толковал мне, как умел, военные действия, коим сам он был свидетелем. Заметя в нем охоту к войне, я предложил

ему ехать со мною в армию. Он с охотою согласился. Я послал его за лошадьми. Он явился вместе с офицером, который потребовал от меня письменного предписания. Судя по азиатским чертам его лица, не почел я за нужное рыться в моих бумагах, и вынул из кармана первый попавшийся мне листок. Офицер, важно его рассмотрев, тотчас велел привести его благородию лошадей по предписанию и возвратил мне мою бумагу: это было послание к Калмычке, намаранное мною на одной из кавказских станций. Через полчаса выехал я из Карса, и Артемий (так назывался мой армянин) уже скакал подле меня на турецком жеребце, с гибким куртинским дротиком в руке, с кинжалом за поясом, и бредя о турках и о сражениях.

Я ехал по земле, везде засеянной хлебом; кругом видны были деревни, но они были пусты: жители разбежались. Дорога была прекрасна, и в топких местах вымощена — через ручьи выстроены были каменные мосты. Земля приметно возвышалась — передовые холмы хребта Саган-лу, древнего Тавра, начинали появляться. Прошло около двух часов; я взъехал на отлогое возвышение и вдруг увидел наш лагерь, расположенный на берегу Карс-чая; через несколько минут я был уже в палатке Раевского.

Глава третия

Переход через Саган-лу. Перестрелка. Лагерная жизнь. Язиды. Сражение с сераскиром арзрумским. Взорванная сакля.

Я приехал во время. В тот же день (13 июня) войско получило повеление идти вперед. Обедая у Раевского, слушал я молодых генералов, рассуждавших о движении им предписанном. Генерал Бурцов отряжен был влево по большой Арзрумской дороге прямо противу турецкого лагеря, между тем как всё прочее войско должно было идти правою стороною в обход неприятелю.

В пятом часу войско выступило. Я ехал с Нижегородским драгунским полком, разговаривая с Раевским, с которым уже несколько лет не видался. Настала ночь; мы остановились в долине, где всё войско имело привал. Здесь имел я честь быть представлен графу Паскевичу.

Я нашел графа дома перед бивачным огнем, окруженного своим штабом. Он был весел и принял меня ласково. Чуждый военному искусству, я не подозревал, что участь похода решалась в эту минуту. Здесь увидел я нашего Вольховского, запыленного с ног до головы, обросшего бородой, изнуренного заботами. Он нашел, однако, время побеседовать со мною как старый товарищ. Здесь увидел я и Михаила Пущина, ране-

ного в прошлом году. Он любим и уважаем как славный товарищ и храбрый солдат. Многие из старых моих приятелей окружили меня. Как они переменились! как быстро уходит время!

Heu! fugaces, Posthume, Posthume,
Labuntur anni...

Я воротился к Раевскому и ночевал в его палатке. Посреди ночи разбудили меня ужасные крики: можно было подумать, что неприятель сделал нечаянное нападение. Раевский послал узнать причину тревоги: несколько татарских лошадей, сорвавшихся с привязи, бегали по лагерю, и мусульмане (так зовутся татаре, служащие в нашем войске) их ловили.

На заре войско двинулось вперед. Мы подъехали к горам, поросшим лесом. Мы въехали в ущелие. Драгуны говорили между собою: Смотри, брат, держись: как раз картечью хватит. В самом деле, местоположение благоприятствовало засадам; но турки, отвлеченные в другую сторону движением генерала Бурцова, не воспользовались своими выгодами. Мы благополучно прошли опасное ущелие и стали на высотах Саган-лу, в 10 верстах от неприятельского лагеря.

Природа около нас была угрюма. Воздух был холоден, горы покрыты печальными соснами. Снег лежал в оврагах.

Usque nec Armeniis in oris,
Amice Valgi, stat glacies iners
Menses per omnes...

Только успели мы отдохнуть и отобедать, как услышали ружейные выстрелы. Раевский послал осведомиться. Ему донесли, что турки завязали перестрелку на передовых наших пикетах. Я поехал с Семичевым посмотреть новую для меня картину. Мы встретили раненого казака: он сидел, шатаясь, на седле, бледен и окровавлен. Два казака поддерживали его. Много ли турков — спросил Семичев. Свиньем валит, ваше благородие, — отвечал один из них. Проехав ущелие, вдруг увидели мы на склонении противуположной горы до 200 казаков, выстроенных в лаву, и над ними около 500 турков. Казаки отступали медленно; турки наезжали с большею дерзостию, прицеливались шагах в 20 и выстрелив скакали назад. Их высокие чалмы, красивые доломаны и блестящая сбруя коней составляли резкую противуположность с синими мундирами и простою сбруей казаков. Человек 15 наших было уже ранено. Подполковник Басов послал за подмогой. В это время сам он был ранен в ногу. Казаки было смешались. Но Басов опять сел на лошадь и остался при своей команде. Подкрепление подоспело. Турки, заметив его, тот-

час исчезли, оставя на горе голый труп казака, обезглавленный и обрубленный. Турки отсеченные головы отсылают в Константинополь, а кисти рук, обмакнув в крови, отпечатлевают на своих знаменах. Выстрелы утихли. Орлы, спутники войск, поднялися над горою, с высоты высматривая себе добычу. В это время показалась толпа генералов и офицеров: граф Паскевич приехал и отправился на гору, за которою скрылись турки. Они были подкреплены 4000 конницы, скрытой в лощине и в оврагах. С высоты горы открылся нам турецкий лагерь, отделенный от нас оврагами и высотами. Мы возвратились поздно. Проезжая нашим лагерем я видел наших раненых, из коих человек 5 умерло в ту же ночь и на другой день. Вечером навестил я молодого Остен-Сакена, раненого в тот же день в другом сражении.

Лагерная жизнь очень мне нравилась. Пушка подымала нас на заре. Сон в палатке удивительно здоров. За обедом запивали мы азиатский шашлык английским пивом и шампанским, застывшим в снегах таврийских. Общество наше было разнообразно. В палатке генерала Раевского собирались беки мусульманских полков; и беседа шла через переводчика. В войске нашем находились и народы закавказских наших областей, и жители земель недавно завоеванных. Между ими с любопытством смотрел я на язидов, слывущих на Востоке дьяволопоклонниками. Около 300 семейств обитают у подошвы Арарата. Они признали владычество русского государя. Начальник их, высокий, уродливый мужчина, в красном плаще и черной шапке, приходил иногда с поклоном к генералу Раевскому, начальнику всей конницы. Я старался узнать от язида правду о их вероисповедании. На мои вопросы отвечал он, что молва, будто бы язиды поклоняются сатане, есть пустая басня; что они веруют в единого бога, что по их закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличным и неблагородным, ибо он теперь несчастлив, но со временем может быть прощен, ибо нельзя положить пределов милосердию аллаха. Это объяснение меня успокоило. Я очень рад был за язидов, что они сатане не поклоняются, и заблуждения их показались мне уже гораздо простительнее.

Человек мой явился в лагерь три дня после меня. Он приехал вместе с вагенбургом, который в виду неприятеля благополучно соединился с армией. NB: во всё время похода ни одна арба из многочисленного нашего обоза не была захвачена неприятелем. Порядок, с каковым обоз следовал за войском, в самом деле удивителен.

17 июня утром услышали вновь мы перестрелку и через два часа увидели карабахский полк возвращающимся с осмью турецкими знаменами; полковник Фридерикс имел дело с неприятелем, засевшим за

каменными завалами, вытеснил его и прогнал; Осман-паша, начальствовавший конницей, едва успел спастись.

18-го июня лагерь передвинулся на другое место. 19-го, едва пушка разбудила нас, всё в лагере пришло в движение. Генералы поехали к своим постам. Полки строились; офицеры становились у своих взводов. Я остался один, не зная, в которую сторону ехать, и пустил лошадь на волю божию. Я встретил генерала Бурцова, который звал меня на левый фланг. Что такое левый фланг? подумал я, и поехал далее. Я увидел генерала Муравьева, расставлявшего пушки. Вскоре показались делибаши и закружились в долине, перестреливаясь с нашими казаками. Между тем густая толпа их пехоты шла по лощине. Генерал Муравьев приказал стрелять. Картечь хватила в самую середину толпы. Турки повалили в сторону и скрылись за возвышением. Я увидел графа Паскевича, окруженного своим штабом. Турки обходили наше войско, отделенное от них глубоким оврагом. Граф послал Пущина осмотреть овраг. Пущин поскакал. Турки приняли его за наездника и дали по нем залп. Все засмеялись. Граф велел выставить пушки и палить. Неприятель рассыпался по горе и по лощине. На левом фланге, куда звал меня Бурцов, происходило жаркое дело. Перед нами (противу центра) скакала турецкая конница. Граф послал против нее генерала Раевского, который повел в атаку свой Нижегородский полк. Турки исчезли. Татаре наши окружали их раненых и проворно раздевали, оставляя нагих посреди поля. Генерал Раевский остановился на краю оврага. Два эскадрона, отделясь от полка, занеслись в своем преследовании; они были выручены полковником Симоничем.

Сражение утихло: турки у нас в глазах начали копать землю и таскать каменья, укрепляясь по своему обыкновению. Их оставили в покое. Мы слезли с лошадей и стали обедать чем бог послал. В это время к графу привели нескольких пленников. Один из них был жестоко ранен. Их расспросили. Около 6-го часу войска опять получили приказ идти на неприятеля. Турки зашевелились за своими завалами, приняли нас пушечными выстрелами, и вскоре зачали отступать. Конница наша была впереди; мы стали спускаться в овраг; земля обрывалась и сыпалась под конскими ногами. Поминутно лошадь моя могла упасть, и тогда сводный уланский полк переехал бы через меня. Однако бог вынес. Едва выбрались мы на широкую дорогу, идущую горами, как вся наша конница поскакала во весь опор. Турки бежали; казаки стегали нагайками пушки, брошенные на дороге, и неслись мимо. Турки бросались в овраги, находящиеся по обеим сторонам дороги; они уже не стреляли; по крайней мере ни одна пуля не просвистала мимо моих ушей. Первые

в преследовании были наши татарские полки, коих лошади отличаются быстротою и силою. Лошадь моя, закусив повода, от них не отставала; я насилу мог ее сдержать. Она остановилась перед трупом молодого турка, лежавшим поперек дороги. Ему, казалось, было лет 18; бледное девическое лицо не было обезображено. Чалма его валялась в пыли; обритый затылок прострелен был пулею. Я поехал шагом; вскоре нагнал меня Раевский. Он написал карандашом на клочке бумаги донесение графу Паскевичу о совершенном поражении неприятеля и поехал далее. Я следовал за ним издали; настала ночь. Усталая лошадь моя отставала и спотыкалась на каждом шагу. Граф Паскевич повелел не прекращать преследования и сам им управлял. Меня обгоняли конные наши отряды. Я увидел полковника Полякова, начальника казацкой артиллерии, игравшей в тот день важную роль, и с ним вместе прибыл в оставленное селение, где остановился граф Паскевич, прекративший преследование по причине наступившей ночи.

Мы нашли графа на кровле подземной сакли, перед огнем. К нему приводили пленных. Тут находились и почти все начальники. Казаки держали в поводьях их лошадей. Огонь освещал картину, достойную Сальватора-Розы, речка шумела во мраке. В это время донесли графу, что в деревне спрятаны пороховые запасы и что должно опасаться взрыва. Граф оставил саклю со всею своею свитою. Мы поехали к нашему лагерю, находившемуся уже в 30 верстах от места, где мы ночевали. Дорога полна была конных отрядов. Только успели мы прибыть на место, как вдруг небо осветилось, как будто метеором, и мы услышали глухой взрыв. Сакля, оставленная нами тому четверть часа, взорвана была на воздух: в ней находился пороховой запас. Разметанные камни задавили несколько казаков.

Вот всё, что в то время успел я увидеть. Вечером я узнал, что в сем сражении разбит сераскир арзрумский, шедший на присоединение к Гаки-паше с 30.000 войска. Сераскир бежал к Арзруму; войско его, переброшенное за Саган-лу, было рассеяно, артиллерия взята, и Гаки-паша один оставался у нас на руках. Граф Паскевич не дал ему время распорядиться.

Глава четвертая

Сражение с Гаки-пашею. Смерть татарского бека. Гермафродит. Пленный паша. Аракс. Мост пастуха. Гассан Кале. Горячий источник. Поход к Арзруму. Переговоры. Взятие Арзрума. Турецкие пленники. Дервиш.

На другой день в пятом часу лагерь проснулся и получил приказание выступить. Вышед из палатки, встретил я графа Паскевича,

вставшего прежде всех. Он увидел меня. Etes-vous fatigué de la journée d'hier? — Mais un peu, Mr. le Comte. — J'en suis fâché pour vous, car nous allons faire encore une marche pour joindre le Pacha, et puis il faudra poursuivre l'ennemi encore une trentaine de verstes.

Мы тронулись — и к осьми часам пришли на возвышение, с которого лагерь Гаки-паши виден был как на ладони. Турки открыли безвредный огонь со всех своих батарей. Между тем в лагере их заметно было большое движение. Усталость и утренний жар заставили многих из нас слезть с лошадей и лечь на свежую траву. Я опутал поводья около руки и сладко заснул, в ожидании приказа идти вперед. Чрез четверть часа меня разбудили. Всё было в движении. С одной стороны колонны шли на турецкий лагерь; с другой — конница готовилась преследовать неприятеля. Я поехал было за Нижегородским полком, но лошадь моя хромала. Я отстал. Мимо меня пронесся уланский полк. Потом Вольховский проскакал с тремя пушками. Я очутился один в лесистых горах. Мне попался навстречу драгун, который объявил, что лес наполнен неприятелем. Я воротился. Я встретил генерала Муравьева с пехотным полком. Он отрядил одну роту в лес, дабы его очистить. Подъезжая к лощине, увидел я необыкновенную картину. Под деревом лежал один из наших татарских беков, раненый смертельно. Подле него рыдал его любимец. Мулла, стоя на коленах, читал молитвы. Умирающий бек был чрезвычайно спокоен и неподвижно глядел на молодого своего друга. В лощине собрано было человек 500 пленных. Несколько раненых турков подзывали меня знаками, вероятно, принимая меня за лекаря, и требуя помощи, которую я не мог им подать. Из лесу вышел турок, зажимая свою рану окровавленною тряпкою. Солдаты подошли к нему с намерением его приколоть, может быть, из человеколюбия. Но это слишком меня возмутило; я заступился за бедного турку и насилу привел его изнеможенного и истекающего кровию к кучке его товарищей. При них был полковник Анреп. Он курил дружелюбно из их трубок, несмотря на то, что были слухи о чуме, будто бы открывшейся в турецком лагере. Пленные сидели, спокойно разговаривая между собою. Почти все были молодые люди. Отдохнув, пустились мы далее. По всей дороге валялись тела. Верстах в 15 нашел я Нижегородский полк, остановившийся на берегу речки посреди скал. Преследование продолжалось еще несколько часов. К вечеру пришли мы в долину, окруженную густым лесом, и наконец мог я выспаться вволю, проскакав в эти два дня более восьмидесяти верст.

На другой день войска, преследовавшие неприятеля, получили приказ возвратиться в лагерь. Тут узнали мы, что между пленниками

находился гермафродит. Раевский, по просьбе моей, велел его привести. Я увидел высокого, довольно толстого мужика, с лицом старой курносой чухонки. Мы осмотрели его в присутствии лекаря. Erat vir, mammosus, ut femina, habebat testiculos non evolutos, penem que parvum et puerilem. Quaerebamus, sit ne exsectus? — Deus, respondit, castravit me. Сия болезнь, известная Ипократу, по свидетельству путешественников, встречается часто у кочующих татар и у турков. *Хосс* есть турецкое название сим мнимым гермафродитам.

Войско наше стояло в турецком лагере, взятом накануне. Палатка графа Паскевича стояла близ зеленого шатра Гаки-паши, взятого в плен нашими казаками. Я пошел к нему и нашел его окруженного нашими офицерами. Он сидел, поджав под себя ноги и куря трубку. Он казался лет сорока. Важность и глубокое спокойствие изображались на лице его. Отдавшись в плен, он просил, чтоб ему дали чашку кофию и чтоб его избавили от вопросов.

Мы стояли в долине. Снежные и лесистые горы Саган-лу были уже за нами. Мы пошли вперед, не встречая уже нигде неприятеля. Селения были пусты. Окрестная сторона печальна. Мы увидели Аракс, быстро текущий в каменистых берегах своих. В 15 верстах от Гассан-Кале находится мост, прекрасно и смело выстроенный на семи неравных сводах. Предание приписывает его построение разбогатевшему пастуху, умершему пустынником на высоте холма, где доныне показывают его могилу, осененную двумя пустынными соснами. Соседние поселяне стекаются к ней на поклонение. Мост называется *Чабан-Кэпри* (мост пастуха). Дорога в Тебриз лежит через него.

В нескольких шагах от моста посетил я темные развалины караван-сарая. Я не нашел в нем никого, кроме больного осла, вероятно, брошенного здесь бегущими поселянами.

24 июня утром пошли мы к Гассан-Кале, древней крепости, накануне занятой князем Бековичем. Она была в 15 верстах от места нашего ночлега. Длинные переходы утомили меня. Я надеялся отдохнуть; но вышло иначе.

Перед выступлением конницы явились в наш лагерь армяне, живущие в горах, требуя защиты от турков, которые три дня тому назад отогнали их скот. Полковник Анреп, хорошо не разобрав, чего они хотели, вообразил, что турецкий отряд находился в горах, и с одним эскадроном уланского полка поскакал в сторону, дав знать Раевскому, что 3000 турков находятся в горах. Раевский отправился вслед за ним, дабы подкрепить его в случае опасности. Я почитал себя прикомандированным к Нижегородскому полку, и с великою досадою поскакал на

освобождение армян. Проехав верст 20, въехали мы в деревню, и увидели несколько отставших уланов, которые, спешась, с обнаженными саблями преследовали нескольких кур. Здесь один из поселян растолковал Раевскому, что дело шло о 3000 волах, три дня назад отогнанных турками, и которых весьма легко будет догнать дни через два. Раевский приказал уланам прекратить преследование кур и послал полковнику Анрепу повеление воротиться. Мы поехали обратно и, выбравшись из гор, прибыли под Гассан-Кале. Но таким образом дали мы 40 верст крюку, дабы спасти жизнь нескольким армянским курицам, что вовсе не казалось мне забавным.

Гассан-Кале почитается ключем Арзрума. Город выстроен у подошвы скалы, увенчанной крепостью. В нем находилось до ста армянских семейств. Лагерь наш стоял в широкой равнине, расстилающейся перед крепостию. Тут посетил я круглое, каменное строение, в коем находится горячий железо-серный источник.

Круглый бассейн имеет сажени три в диаметре. Я переплыл его два раза и вдруг почувствовал головокружение и тошноту и едва имел силу выдти на каменный край источника. Эти воды славятся на Востоке, но, не имея порядочных лекарей, жители пользуются ими наобум и, вероятно, без большого успеха.

Под стенами Гассан-Кале течет речка Мурц, берега ее покрыты железными источниками, которые бьют из-под камней и стекают в реку. Они не столь приятны вкусу, как кавказский Нарзан, и отзываются медью.

25 июня, в день имянин государя императора, в лагере нашем под стенами крепости полки отслушали молебен. За обедом у графа Паскевича, когда пили здоровье государя, граф объявил поход к Арзруму. В пять часов вечера войско уже выступило.

26 июня мы стали в горах в пяти верстах от Арзрума. Горы эти называются *Ак-даг* (белые горы); они меловые. Белая язвительная пыль ела нам глаза; грустный вид их наводил тоску. Близость Арзрума и уверенность в окончании похода утешала нас.

Вечером граф Паскевич ездил осматривать местоположение. Турецкие наездники, целый день кружившиеся перед нашими пикетами, начали по нем стрелять. Граф несколько раз погрозил им нагайкою, не преставая рассуждать с генералом Муравьевым. На их выстрелы не отвечали.

Между тем, в Арзруме происходило большое смятение. Сераскир, прибежавший в город после своего поражения, распустил слух о совершенном разбитии русских. Вслед за ним, отпущенные пленники доста-

вили жителям воззвание графа Паскевича. Беглецы уличили сераскира во лжи. Вскоре узнали о быстром приближении русских. Народ стал говорить о сдаче. Сераскир и войско думали защищаться. Произошел мятеж. Несколько франков были убиты озлобленной чернию.

В лагерь наш (26-го утром) явились депутаты от народа и сераскира. День прошел в переговорах; в пять часов вечера депутаты отправились в Арзрум, и с ними генерал князь Бекович, хорошо знающий азиатские языки и обычаи.

На другой день утром войско наше двинулось вперед. С восточной стороны Арзрума, на высоте Топ-дага, находилась турецкая батарея. Полки пошли к ней, отвечая на турецкую пальбу барабанным боем и музыкою. Турки бежали и Топ-даг был занят. Я приехал туда с поэтом Юзефовичем. На оставленной батарее нашли мы графа Паскевича со всею его свитою. С высоты горы в лощине открывался взору Арзрум со своею цитаделью, с минаретами, с зелеными кровлями, наклеенными одна на другую. Граф был верьхом. Перед ним на земле сидели турецкие депутаты, приехавшие с ключами города. Но в Арзруме заметно было волнение. Вдруг на городском валу мелькнул огонь, закурился дым, и ядра полетели к Топ-дагу. Несколько их пронеслись над головою графа Паскевича; Voyez les Turcs, — сказал он мне, — on ne peut jamais se fier à eux. В сию минуту прискакал на Топ-даг князь Бекович, со вчерашнего дня находившийся в Арзруме на переговорах. Он объявил, что сераскир и народ давно согласны на сдачу, но что несколько непослушных арнаутов, под предводительством Топчи-паши, овладели городскими батареями и бунтуют. Генералы подъехали к графу, прося позволения заставить молчать турецкие батареи. Арзрумские сановники, сидевшие под огнем своих же пушек, повторили ту же просьбу. Граф несколько времени медлил; наконец дал повеление, сказав: Полно им дурачиться. — Тотчас подвезли пушки, стали стрелять, и неприятельская пальба мало-по-малу утихла. Полки наши пошли в Арзрум, и 27 июня, в годовщину Полтавского сражения, в 6 часов вечера русское знамя развилось над арзрумской цитаделию.

Раевский поехал в город — я отправился с ним; мы въехали в город, представлявший удивительную картину. Турки с плоских кровель своих угрюмо смотрели на нас. Армяне шумно толпились в тесных улицах. Их мальчишки бежали перед нашими лошадьми, крестясь и повторяя: Християн! Християн!.. Мы подъехали к крепости, куда входила наша артиллерия; с крайним удивлением встретил я тут моего Артемия, уже разъезжающего по городу, несмотря на строгое предписание никому из лагеря не отлучаться без особенного позволения.

Улицы города тесны и кривы. Дома довольно высоки. Народу множество — лавки были заперты. Пробыв в городе часа с два, я возвратился в лагерь: сераскир и четверо пашей, взятые в плен, находились уже тут. Один из пашей, сухощавый старичок, ужасный хлопотун, с живостию говорил нашим генералам. Увидев меня во фраке, он спросил, кто я таков. Пущин дал мне титул поэта. Паша сложил руки на грудь и поклонился мне, сказав через переводчика: Благословен час, когда встречаем поэта. Поэт брат дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных; и между тем как мы, бедные, заботимся о славе, о власти, о сокровищах, он стоит наровне с властелинами земли и ему поклоняются.

Восточное приветствие паши всем нам очень полюбилось. Я пошел взглянуть на сераскира. При входе в его палатку встретил я его любимого пажа, черноглазого мальчика лет четырнадцати, в богатой арнаутской одежде. Сераскир, седой старик, наружности самой обыкновенной, сидел в глубоком унынии. Около него была толпа наших офицеров. Выходя из его палатки, увидел я молодого человека, полунагого, в бараньей шапке, с дубиною в руке и с мехом (outre) за плечами. Он кричал во всё горло. Мне сказали, что это был брат мой, дервиш, пришедший приветствовать победителей. Его насилу отогнали.

Глава пятая

Арзрум. Азиатская роскошь. Климат. Кладбища. Сатирические стихи. Сераскирский дворец. Харем турецкого паши. Чума. Смерть Бурцова. Выезд из Арзрума. Обратный путь. Русский журнал.

Арзрум (неправильно называемый Арзерум, Эрзрум, Эрзрон) основан около 415 году, во время Феодосия Второго, и назван Феодосиополем. Никакого исторического воспоминания не соединяется с его именем. Я знал о нем только то, что здесь, по свидетельству Гаджи-Бабы, поднесены были персидскому послу, в удовлетворение какой-то обиды, телячьи уши вместо человечьих.

Арзрум почитается главным городом в Азиятской Турции. В нем считалось до 100.000 жителей, но кажется число сие слишком увеличено. Дома в нем каменные, кровли покрыты дерном, что дает городу чрезвычайно странный вид, если смотришь на него с высоты.

Главная сухопутная торговля между Европою и Востоком производится чрез Арзрум. Но товаров в нем продается мало; их здесь не выкладывают, что заметил и Турнфор, пишущий, что в Арзруме боль-

ной может умереть за невозможностию достать ложку ревеня, между тем как целые мешки оного находятся в городе.

Не знаю выражения, которое было бы бессмысленнее слов: азиатская роскошь. Эта поговорка, вероятно, родилась во время крестовых походов, когда бедные рыцари, оставя голые стены и дубовые стулья своих замков, увидели в первой раз красные диваны, пестрые ковры и кинжалы с цветными камушками на рукояти. Ныне можно сказать: азиатская бедность, азиатское свинство, etc., но роскошь есть конечно принадлежность Европы. В Арзруме ни за какие деньги нельзя купить того, что вы найдете в мелочной лавке первого уездного городка Псковской губернии.

Климат арзрумский суров. Город выстроен в лощине, возвышающейся над морем на 7000 футов. Горы, окружающие его, покрыты снегом большую часть года. Земля безлесна, но плодоносна. Она орошена множеством источников и отвсюду пересечена водопроводами. Арзрум славится своею водою. Евфрат течет в трех верстах от города. Но фонтанов везде множество. У каждого висит жестяной ковшик на цепи, и добрые мусульмане пьют и не нахвалятся. Лес доставляется из Саган-лу.

В арзрумском арсенале нашли множество старинного оружия, шлемов, лат, сабель, ржавеющих вероятно еще со времен Годфреда.

Мечети низки и темны. За городом находится кладбище. Памятники состоят обыкновенно в столбах, убранных каменною чалмою. Гробницы двух или трех пашей отличаются бóльшей затейливостию, но в них нет ничего изящного: никакого вкусу, никакой мысли... Один путешественник пишет, что изо всех азиатских городов, в одном Арзруме нашел он башенные часы, и те были испорчены.

Нововведения, затеваемые султаном, не проникли еще в Арзрум. Войско носит еще свой живописный, восточный наряд. Между Арзрумом и Константинополем существует соперничество, как между Казанью и Москвою. Вот начало сатирической поэмы, сочиненной янычаром Амином-Оглу.

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованной пятой,
Как змия спящего, раздавят,
И прочь пойдут — и так оставят.
Стамбул заснул перед бедой.

Стамбул отрекся от пророка;
В нем правду древнего Востока
Лукавый Запад омрачил.
Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.

Стамбул отвык от поту битвы
И пьет вино в часы молитвы.

В нем веры чистый жар потух.
В нем жены по кладбищам ходят.
На перекрестки шлют старух.
А те мужчин в харемы вводят
И спит подкупленный евнух.

Но не таков Арзрум нагорный,
Многодорожный наш Арзрум;
Не спим мы в роскоши позорной,
Не черплем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.

Постимся мы: струею трезвой
Святые воды нас поят:
Толпой бестрепетной и резвой
Джигиты наши в бой летят.
Харемы наши недоступны,
Евнухи строги, неподкупны,
И смирно жены там сидят.

Я жил в сераскировом дворце в комнатах, где находился харем. Целый день бродил я по бесчисленным переходам, из комнаты в комнату, с кровли на кровлю, с лестницы на лестницу. Дворец казался разграбленным; сераскир, предполагая бежать, вывез из него что только мог. Диваны были ободраны, ковры сняты. Когда гулял я по городу, турки подзывали меня и показывали мне язык. (Они принимают всякого франка за лекаря.) Это мне надоело, я готов был отвечать им тем же. Вечера проводил я с умным и любезным Сухоруковым; сходство наших занятий сближало нас. Он говорил мне о своих литературных предположениях, о своих исторических изысканиях, некогда начатых им с такою ревностию и удачей. Ограниченность его желаний и требований поистине трогательна. Жаль, если они не будут исполнены.

Дворец сераскира представлял картину вечно оживленную: там, где угрюмый паша молчаливо курил посреди своих жен и бесчестных отроков, там его победитель получал донесения о победах своих генералов, раздавал пашалыки, разговаривал о новых романах. Мушский паша приезжал к графу Паскевичу просить у него места своего племянника. Ходя по дворцу, важный турок остановился в одной из комнат, с живостию проговорил несколько слов, и впал потом в задумчивость: в этой самой комнате обезглавлен был его отец по повелению сераскира. Вот впечатления настоящие восточные! Славный Бей-булат, гроза Кавказа, приезжал в Арзрум с двумя старшинами черкесских селений, возмутившихся во время последних войн. Они обедали у графа Паске-

вича. Бей-булат, мужчина лет 35, малорослый и широкоплечий. Он по-русски не говорит, или притворяется, что не говорит. Приезд его в Арзрум меня очень обрадовал: он был уже мне порукой в безопасном переезде через горы и Кабарду.

Осман-паша, взятый в плен под Арзрумом и отправленный в Тифлис вместе с сераскиром, просил графа Паскевича за безопасность харема, им оставляемого в Арзруме. В первые дни об нем было забыли. Однажды за обедом, разговаривая о тишине мусульманского города, занятого 10.000 войска, и в котором ни один из жителей ни разу не пожаловался на насилие солдата, граф вспомнил о хареме Османа-паши и приказал г. Абрамовичу съездить в дом паши и спросить у его жен, довольны ли они и не было ли им какой-нибудь обиды. Я просил позволения сопровождать г. Абрамовича. Мы отправились. Г. Абрамович взял с собою в переводчики русского офицера, коего история любопытна. 18-ти лет попался он в плен к персиянам. Его скопили и он более 20 лет служил евнухом в хареме одного из сыновей шаха. Он рассказывал о своем несчастии, о пребывании в Персии с трогательным простодушием. В физиологическом отношении показания его были драгоценны.

Мы пришли в дом Османа-паши; нас ввели в открытую комнату, убранную очень порядочно, даже со вкусом, — на цветных окнах начертаны были надписи, взятые из Корана. Одна из них показалась мне очень замысловата для мусульманского гарема: *тебе подобает связывать и развязывать*. Нам поднесли кофию в чашечках, оправленных в серебре. Старик с белой почтенной бородою, отец Османа-паши, пришел от имени жен благодарить графа Паскевича, но Абрамович сказал наотрез, что он послан к женам Османа-паши, и хочет их видеть, дабы от них самих удостовериться, что они в отсутствие супруга всем довольны. Едва персидский пленник успел всё это перевести, как старик, в знак негодования, защелкал языком и объявил, что никак не может согласиться на наше требование, и что если паша, по своем возвращении, проведает, что чужие мужчины видели его жен, то и ему старику и всем служителям харема велит отрубить голову. Прислужники, между коими не было ни одного евнуха, подтвердили слова старика, но г. Абрамович был неколебим. Вы боитесь своего паши, сказал он им, а я — своего сераскира, и не смею ослушаться его приказаний. — Делать было нечего. Нас повели через сад, где били два тощие фонтана. Мы приближились к маленькому каменному строению. Старик стал между нами и дверью, осторожно ее отпер, не выпуская из рук задвижки, и мы увидели женщину, с головы до желтых туфель покрытую белой чадрою. Наш переводчик повторил ей вопрос: мы услышали

шамкание семидесятилетней старухи; г. Абрамович прервал ее: Это мать паши, сказал он, а я прислан к женам, приведите одну из них; все изумились догадке гяуров: старуха ушла и через минуту возвратилась с женщиной, покрытой так же, как и она, — из-под покрывала раздался молодой приятный голосок. Она благодарила графа за его внимание — к бедным вдовам, и хвалила обхождение русских. Г. Абрамович имел искусство вступить с нею в дальнейший разговор. Я между тем, глядя около себя, увидел вдруг над самой дверью круглое окошко, и в этом круглом окошке 5 или 6 круглых голов с черными любопытными глазами. Я хотел было сообщить о своем открытии г. Абрамовичу, но головки закивали, замигали, несколько пальчиков стали мне грозить, давая знать, чтоб я молчал. Я повиновался и не поделился моею находкою. Все они были приятны лицом, но не было ни одной красавицы; та, которая разговаривала у дверей с г. Абрамовичем, была, вероятно, розою-повелительницею харема, сокровищницею сердец — Розою любви — по крайней мере, я так воображал.

Наконец г. Абрамович прекратил свои расспросы. Дверь затворилась. Лица в окошке исчезли. Мы осмотрели сад и дом, и возвратились, очень довольные своим посольством.

Таким образом видел я харем: это удалось редкому европейцу. Вот вам основание для восточного романа.

Война казалась кончена. Я собирался в обратный путь. 14 июля пошел я в народную баню, и не рад был жизни. Я проклинал нечистоту простынь, дурную прислугу и проч. Как можно сравнить бани арзрумские с тифлисскими!

Возвращаясь во дворец узнал я от Коновницына, стоявшего в карауле, что в Арзруме открылась чума. Мне тотчас открылись ужасы карантина, и я в тот же день решился оставить армию. Мысль о присутствии чумы очень неприятна с непривычки. Желая изгладить это впечатление, я пошел гулять по базару. Остановясь перед лавкою оружейного мастера, я стал рассматривать какой-то кинжал, как вдруг кто-то ударил меня по плечу. Я оглянулся: за мною стоял ужасный нищий. Он был бледен как смерть; из красных загноенных глаз его текли слезы. Мысль о чуме опять мелькнула в моем воображении. Я оттолкнул нищего с чувством отвращения неизъяснимого, и воротился домой очень недовольный своею прогулкою.

Любопытство, однако ж, превозмогло; на другой день я отправился с лекарем в лагерь, где находились зачумленные. Я не сошел с лошади и взял предосторожность стать по ветру. Из палатки вывели нам больного;

он был чрезвычайно бледен и шатался как пьяный. Другой больной лежал без памяти. Осмотрев чумного, и обещав несчастному скорое выздоровление, я обратил внимание на двух турков, которые выводили его под руки, раздевали, щупали, как будто чума была не что иное как насморк. Признаюсь, я устыдился моей европейской робости в присутствии такого равнодушия, и поскорее возвратился в город.

19 июля, пришед проститься с графом Паскевичем, я нашел его в сильном огорчении. Получено было печальное известие, что генерал Бурцов был убит под Байбуртом. Жаль было храброго Бурцова, но это происшедствие могло быть гибельно и для всего нашего малочисленного войска, зашедшего глубоко в чужую землю и окруженного неприязненными народами, готовыми восстать при слухе о первой неудаче. Итак, война возобновлялась! Граф предлагал мне быть свидетелем дальнейших предприятий. Но я спешил в Россию... Граф подарил мне на память турецкую саблю. Она хранится у меня памятником моего странствования вослед блестящего героя по завоеванным пустыням Армении. В тот же день я оставил Арзрум.

Я ехал обратно в Тифлис, по дороге уже мне знакомой. Места, еще недавно оживленные присутствием 15.000 войска, были молчаливы и печальны. Я переехал Саган-лу и едва мог узнать место, где стоял наш лагерь. В Гумрах выдержал я трехдневный карантин. Опять увидел я Безобдал и оставил возвышенные равнины холодной Армении для знойной Грузии. В Тифлис я прибыл 1-го августа. Здесь остался я несколько дней в любезном и веселом обществе. Несколько вечеров провел я в садах, при звуке музыки и песен грузинских. Я отправился далее. Переезд мой через горы замечателен был для меня тем, что близ Коби ночью застала меня буря. Утром, проезжая мимо Казбека, увидел я чудное зрелище. Белые, оборванные тучи перетягивались через вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавал в воздухе, несомый облаками. Бешеная Балка также явилась мне во всем своем величии: овраг, наполнившийся дождевыми водами, превосходил в своей свирепости самый Терек, тут же грозно ревевший. Берега были растерзаны; огромные камни сдвинуты были с места и загромождали поток. Множество осетинцев разработывали дорогу. Я переправился благополучно. Наконец я выехал из тесного ущелия на раздолие широких равнин Большой Кабарды. Во Владикавказе нашел я Дорохова и Пущина. Оба ехали на воды, лечиться от ран, полученных ими в нынешние походы. У Пущина на столе нашел я русские журналы. Первая статья мне попавшаяся была разбор одного

из моих сочинений. В ней всячески бранили меня и мои стихи. Я стал читать ее вслух. Пущин остановил меня, требуя, чтоб я читал с бо́льшим мимическим искусством. Надобно знать, что разбор был украшен обыкновенными затеями нашей критики: это был разговор между дьячком, просвирней и корректором типографии, Здравомыслом этой маленькой комедии. Требование Пущина показалось мне так забавно, что досада, произведенная на меня чтением журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались от чистого сердца.

Таково было мне первое приветствие в любезном отечестве.

⟨1835⟩

ИСТОРИЯ
ПУГАЧЕВА

Предисловие

Сей исторический отрывок составлял часть труда, мною оставленного. В нем собрано всё, что было обнародовано правительством касательно Пугачева, и то, что показалось мне достоверным в иностранных писателях, говоривших о нем. Также имел я случай пользоваться некоторыми рукописями, преданиями и свидетельством живых.

Дело о Пугачеве, доныне нераспечатанное, находилось в государственном санкт-петербургском архиве, вместе с другими важными бумагами, некогда тайнами государственными, ныне превращенными в исторические материалы. Государь император по своем восшествии на престол приказал привести их в порядок. Сии сокровища вынесены были из подвалов, где несколько наводнений посетило их и едва не уничтожило.

Будущий историк, коему позволено будет распечатать дело о Пугачеве, легко исправит и дополнит мой труд — конечно, несовершенный, но добросовестный. Историческая страница, на которой встречаются имена Екатерины, Румянцева, двух Паниных, Суворова, Бибикова, Михельсона и Державина, не должна быть затеряна для потомства.

А. Пушкин.

2 ноября 1833.
Село Болдино.

Часть первая

Мне кажется сего вора всех замыслов и похождений не только посредственному, но ниже самому превосходнейшему историку порядочно описать едва ли бы удалось; коего все затеи не от разума и воинского распорядка, но от дерзости, случая и удачи зависели. Почему и сам Пугачев (думаю) подробностей оных не только рассказать, но нарочитой части припомнить не в состоянии, поелику не от его одного непосредственно, но от многих его сообщников полной воли и удальства в разных вдруг местах происходили.

Архимандрит Платон Любарский.

Глава первая

Начало яицких казаков. — Поэтическое предание. — Царская грамота. — Грабежи на Каспийском море. — Стенька Разин. — Нечай и Шамай. — Предположения Петра Великого. — Внутренние беспокойства. — Побег кочующего народа. — Бунт яицких казаков. — Их усмирение.

Яик, по указу Екатерины II переименованный в Урал, выходит из гор, давших ему нынешнее его название; течет к югу вдоль их цепи, до того места, где некогда положено было основание Оренбургу и где теперь находится Орская крепость: тут, разделив каменистый хребет их, поворачивает на запад и, протекши более двух тысяч пятисот верст, впадает в Каспийское море. Он орошает часть Башкирии, составляет почти всю юго-восточную границу Оренбургской губернии; справа примыкают к нему заволжские степи; слева простираются печальные пустыни, где кочуют орды диких племен, известных у нас под именем киргиз-кайсаков. Его течение быстро; мутные воды наполнены рыбою всякого рода; берега большею частию глинистые, песчаные и безлес-

ИСТОРІЯ

ПУГАЧЕВСКАГО

БУНТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1834.

Титульный лист первого издания „История Пугачевского бунта“ 1834 г.

ные, но в местах поемных удобные для скотоводства. Близ устья оброс он высоким камышем, где кроются кабаны и тигры.

На сей-то реке, в пятнадцатом столетии, явились донские казаки, разъезжавшие по Хвалынскому морю.[1] Они зимовали на ее берегах, в то время еще покрытых лесом и безопасных по своему уединению; весною снова пускались в море, разбойничали до глубокой осени и к зиме возвращались на Яик. Подаваясь всё вверх с одного места на другое, наконец они избрали себе постоянным пребыванием урочище Коловратное в шестидесяти верстах от нынешнего Уральска.

В соседстве новых поселенцев кочевали некоторые татарские семейства, отделившиеся от улусов Золотой Орды и искавшие привольных пажитей на берегах того же Яика. Сначала оба племени враждовали между собою, но в последствии времени вошли в дружелюбные сношения: казаки стали получать жен из татарских улусов. Сохранилось поэтическое предание: казаки, страстные к холостой жизни, положили между собой убивать приживаемых детей, а жен бросать при выступлении в новый поход. Один из их атаманов, по имени *Гугня,* первый преступил жестокий закон, пощадив молодую жену, и казаки, по примеру атамана, покорились игу семейственной жизни. Доныне просвещенные и гостеприимные жители уральских берегов пьют на своих пирах здоровье бабушки Гугнихи.[2]

Живя набегами, окруженные неприязненными племенами, казаки чувствовали необходимость в сильном покровительстве и в царствование Михаила Феодоровича послали от себя в Москву просить государя, чтоб он принял их под свою высокую руку. Поселение казаков на бесхозяйном Яике могло казаться завоеванием, коего важность была очевидна. Царь обласкал новых подданных, и пожаловал им грамоту[3] на реку Яик, отдав им ее от вершины до устья и дозволя им *набираться на житье вольными людьми.*

Число их час-от-часу умножалось. Они продолжали разъезжать по Каспийскому морю, соединялись там с донскими казаками, вместе нападали на торговые персидские суда и грабили приморские селения. Шах жаловался царю. Из Москвы посланы были на Дон и на Яик увещевательные грамоты.

Казаки на лодках, еще нагруженных добычею, поехали Волгою в Нижний-Новгород; оттоле отправились в Москву, и явились ко двору с повинною головою, каждый неся топор и плаху. Им велено было ехать в Польшу и под Ригу заслуживать там свои вины; а на Яик посланы были стрельцы, в последствии времени составившие с казаками одно племя.

Стенька Разин посетил яицкие жилища. По свидетельству летописей, казаки приняли его как неприятеля. Городок их был взят сим отважным мятежником, а стрельцы, там находившиеся, побиты или потоплены.[4]

Предание, согласное с татарским летописцем, относит к тому же времени походы двух яицких атаманов, Нечая и Шамая.[5] Первый, набрав вольницу, отправился в Хиву, в надежде на богатую добычу. Счастие ему благоприятствовало. Совершив трудный путь, казаки достигли Хивы. Хан с войском своим находился тогда на войне. Нечай овладел городом без всякого препятствия; но зажился в нем, и поздно выступил в обратный поход. Обремененные добычею, казаки были настигнуты возвратившимся ханом, и на берегу Сыр-Дарьи разбиты и истреблены. Не более трех возвратилось на Яик, с объявлением о погибели храброго Нечая. Несколько лет после, другой атаман, по прозванию Шамай, пустился по его следам. Но он попался в плен степным калмыкам, а казаки его отправились далее, сбились с дороги, на Хиву не попали, и пришли к Аральскому морю, на котором принуждены были зимовать. Их постигнул голод. Несчастные бродяги убивали и ели друг друга. Большая часть погибла. Остальные послали наконец от себя к Хивинскому хану просить, чтоб он их принял и спас от голодной смерти. Хивинцы приехали за ними, забрали всех и отвели рабами в свой город. Там они и пропали. Шамай же, несколько лет после, привезен был калмыками в Яицкое войско, вероятно, для размена. С тех пор у казаков охота к дальним походам охладела. Они мало-по-малу привыкли к жизни семейной и гражданственной.

Яицкие казаки послушно несли службы по наряду московского приказа; но дома сохраняли первоначальный образ управления своего. Совершенное равенство прав; атаманы и старшины, избираемые народом, временные исполнители народных постановлений; круги, или совещания, где каждый казак имел свободный голос и где все общественные дела решены были большинством голосов; никаких письменных постановлений; *в куль да в воду* — за измену, трусость, убийство и воровство: таковы главные черты сего управления.[6] К простым и грубым учреждениям, еще принесенным ими с Дона, яицкие казаки присовокупляли и другие, местные, относящиеся к рыболовству, главному источнику их богатства, и к праву нанимать на службу требуемое число казаков, учреждения чрезвычайно сложные и определенные с величайшею утонченностию.[7]

Петр Великий принял первые меры для введения яицких казаков в общую систему государственного управления. В 1720 году Яицкое войско отдано было в ведомство военной коллегии. Казаки возмутились, сож-

гли свой городок, с намерением — бежать в Киргизские степи, но были жестоко усмирены полковником Захаровым. Сделана была им перепись, определена служба, и назначено жалованье. Государь сам назначил войскового атамана.

В царствование Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны правительство хотело исполнить предположения Петра. Тому благоприятствовали возникшие раздоры между войсковым атаманом Меркульевым и войсковым старшиною Логиновым и разделение чрез то казаков на две стороны: атаманскую и логиновскую, или народную. В 1740 году положено было преобразовать внутреннее управление Яицкого войска, и Неплюев, бывший в то время оренбургским губернатором, представил в военную коллегию проект нового учреждения; но большая часть предположений и предписаний осталась без исполнения до восшествия на престол государыни Екатерины II.

С самого 1762 года стороны логиновской яицкие казаки начали жаловаться на различные притеснения, ими претерпеваемые от членов канцелярии, учрежденной в войске правительством: на удержание определенного жалованья, самовольные налоги и нарушение старинных прав и обычаев рыбной ловли. Чиновники, посылаемые к ним для рассмотрения их жалоб, не могли или не хотели их удовлетворить. Казаки неоднократно возмущались, и генерал-маиоры Потапов и Черепов (первый в 1766 году, а второй в 1767) принуждены были прибегнуть к силе оружия и к ужасу казней. В Яицком городке учреждена была следственная комиссия. В ней присутствовали генерал-маиоры Потапов, Черепов, Бримфельд и Давыдов, и гвардии капитан Чебышев. Войсковой атаман Андрей Бородин был отставлен; на его место выбран Петр Тамбовцев; члены канцелярии осуждены уплатить войску, сверх удержанных денег, значительную пеню; но они умели избегнуть исполнения приговора. Казаки не теряли надежды. Они покушались довести до сведения самой императрицы справедливые свои жалобы. Но тайно посланные от них люди были, по повелению президента военной коллегии графа Чернышева, схвачены в Петербурге, заключены в оковы и наказаны как бунтовщики. Между тем, велено было нарядить несколько сот казаков на службу в Кизляр. Местное начальство воспользовалось и сим случаем, дабы новыми притеснениями мстить народу за его сопротивления. Узнали, что правительство имело намерение составить из казаков гусарские эскадроны, и что уже повелено брить им бороду. Генерал-маиор Траубенберг, присланный для того в Яицкой городок, навлек на себя народное негодование. Казаки волновались. Наконец в 1771 году мятеж обнаружился во всей своей силе.

Происшествие не менее важное подало к оному повод. Между Волгой и Яиком, по необозримым степям астраханским и саратовским, кочевали мирные калмыки, в начале осьмнадцатого столетия ушедшие от границ Китая под покровительство белого царя. С тех пор они верно служили России, охраняя южные ее границы. Русские приставы, пользуясь их простотою и отдаленностию от средоточия правления, начали их угнетать. Жалобы сего смирного и доброго народа не доходили до высшего начальства: выведенные из терпения, они решились оставить Россию и тайно снеслись с китайским правительством. Им не трудно было, не возбуждая подозрения, прикочевать к самому берегу Яика. И вдруг, в числе тридцати тысяч кибиток, они перешли на другую сторону и потянулись по киргизской степи к пределам прежнего отечества. [8] Правительство спешило удержать неожиданный побег. Яицкому войску велено было выступить в погоню, но казаки (кроме весьма малого числа) не послушались и явно отказались от всякой службы.

Тамошние начальники прибегнули к строжайшим мерам для прекращения мятежа; но наказания уже не могли смирить ожесточенных. 13 января 1771 года они собрались на площади, взяли из церкви иконы и пошли, под предводительством казака Кирпичникова, в дом гвардии капитана Дурнова, находившегося в Яицком городке по делам следственной комиссии. Они требовали отрешения членов канцелярии и выдачи задержанного жалованья. Генерал-маиор Траубенберг пошел им навстречу с войском и пушками, приказывая разойтиться; но ни его повеления, ни увещания войскового атамана не имели никакого действия. Траубенберг велел стрелять; казаки бросились на пушки. Произошло сражение; мятежники одолели. Траубенберг бежал и был убит у ворот своего дома. Дурнов изранен, Тамбовцев повешен, члены канцелярии посажены под стражу; а на место их учреждено новое начальство.

Мятежники торжествовали. Они отправили от себя выборных в Петербург, дабы объяснить и оправдать кровавое происшествие. Между тем генерал-маиор Фрейман послан был из Москвы для их усмирения, с одною ротой гренадер и с артиллерией. Фрейман весною прибыл в Оренбург, где дождался слития рек, и — взяв с собою две легкие полевые команды и несколько казаков, прошел к Яицкому городку.[9] Мятежники, в числе трех тысяч, выехали против него; оба войска сошлись в семидесяти верстах от города. 3 и 4 июня произошли жаркие сражения. Фрейман картечью открыл себе дорогу. Мятежники прискакали в свои домы, забрали жен и детей, и стали переправляться через реку Чаган, намереваясь бежать к Каспийскому морю. Фрейман, вслед за ними вступивший в город, успел удержать народ угрозами и увещаниями.

За ушедшими послана погоня, и почти все были переловлены. В Оренбурге учредилась следственная комиссия под председательством полковника Неронова. Множество мятежников было туда отправлено. В тюрьмах не достало места. Их рассадили по лавкам Гостинного и Менового дворов. Прежнее казацкое правление было уничтожено. Начальство поручено яицкому коменданту, подполковнику Симонову. В его канцелярии повелено присутствовать войсковому старшине Мартемьяну Бородину и старшине (простому) Мостовщикову. Зачинщики бунта наказаны были кнутом; около ста сорока человек сослано в Сибирь; другие отданы в солдаты (№ все бежали), остальные прощены и приведены ко вторичной присяге. Сии строгие и необходимые меры восстановили наружный порядок; но спокойствие было ненадежно. „То ли еще будет!“ говорили прощенные мятежники: „так ли мы тряхнем Москвою“. — Казаки всё еще были разделены на две стороны: согласную и несогласную (или, как весьма точно переводила слова сии военная коллегия, на послушную и непослушную). Тайные совещания происходили по степным уметам[10] и отдаленным хуторам. Всё предвещало новый мятеж. Недоставало предводителя. Предводитель сыскался.

Глава вторая

Появление Пугачева. — Бегство его из Казани. — Показания Кожевникова. — Первые успехи самозванца. — Измена илецких казаков. — Взятие крепости Рассыпной. — Нурали-Хан. — Распоряжение Рейнсдорпа. — Взятие Нижне-Озерной. — Взятие Татищевой. — Совет в Оренбурге. — Взятие Чернореченской. — Пугачев в Сакмарске.

В смутное сие время, по казацким дворам шатался неизвестный бродяга, нанимаясь в работники то к одному хозяину, то к другому, и принимаясь за всякие ремесла.[1] Он был свидетелем усмирения мятежа и казни зачинщиков, уходил на время в Иргизские скиты; оттуда в конце 1772 года послан был для закупки рыбы в Яицкой городок, где и стоял у казака Дениса Пьянова. Он отличался дерзостию своих речей, поносил начальство, и подговаривал казаков бежать в области турецкого султана; он уверял, что и донские казаки не замедлят за ними последовать, что у него на границе заготовлено двести тысяч рублей и товару на семьдесят тысяч, и что какой-то паша, тотчас по приходе казаков, должен им выдать до пяти миллионов, покамест обещал он каждому по двенадцати рублей в месяц жалованья. Сверх того, сказывал он, будто бы противу яицких казаков из Москвы идут два полка, и что около Рождества, или Крещения, непременно будет бунт. Некоторые

из послушных хотели его поймать и представить, как возмутителя, в комендантскую канцелярию; но он скрылся вместе с Денисом Пьяновым и был пойман уже в селе Малыковке (что ныне Волгск) по указанию крестьянина, ехавшего с ним одною дорогой.[2] Сей бродяга был Емельян Пугачев, донской казак и раскольник, пришедший с ложным письменным видом из-за польской границы, с намерением поселиться на реке Иргизе, посреди тамошних раскольников. Он был отослан под стражею в Симбирск, а оттуда в Казань; и как всё, относящееся к делам Яицкого войска, по тогдашним обстоятельствам могло казаться важным, то оренбургской губернатор и почел за нужное уведомить о том государственную военную коллегию донесением от 18 января 1773 года.

Яицкие бунтовщики были тогда нередки, и казанское начальство не обратило большого внимания на присланного преступника. Пугачев содержался в тюрьме не строже прочих невольников. Между тем сообщники его не дремали. Однажды он, под стражею двух гарнизонных солдат, ходил по городу для собирания милостыни. У Замочной Решетки (так называлась одна из главных казанских улиц) стояла готовая тройка. Пугачев, подошед к ней, вдруг оттолкнул одного из солдат, его сопровождавших: другой помог колоднику сесть в кибитку и вместе с ним ускакал из города. Это случилось 19 июня 1773 года. Три дня после в Казани получено было утвержденное в Петербурге решение суда, по коему Пугачев приговорен к наказанию плетьми и к ссылке в Пелым, на каторжную работу.[3]

Пугачев явился на хуторах отставного казака Данилы Шелудякова, у которого жил он прежде в работниках. Там производились тогда совещания злоумышленников.

Сперва дело шло о побеге в Турцию: мысль издавна общая всем недовольным казакам. Известно, что в царствование Анны Иоанновны, Игнатий Некрасов успел привести ее в действо и увлечь за собой множество донских казаков. Потомки их доныне живут в турецких областях, сохраняя на чуждой им родине веру, язык и обычаи прежнего своего отечества. Во время последней турецкой войны они дрались противу нас отчаянно. Часть их явилась к императору Николаю, уже переплывшему Дунай, на запорожской лодке; так же, как остаток Сечи, они принесли повинную за своих отцов, и возвратились под владычество законного своего государя.

Но яицкие заговорщики слишком привязаны были к своим богатым, родимым берегам. Они, вместо побега, положили быть новому мятежу. Самозванство показалось им надежною пружиною. Для сего нужен был только прошлец, дерзкий и решительный, еще неизвестный народу,

Выбор их пал на Пугачева. Им не трудно было его уговорить. Они немедленно начали собирать себе сообщников.

Военная коллегия дала знать о побеге казанского колодника во все места, где, по предположениям, мог он укрываться. Вскоре подполковник Симонов узнал, что беглеца видели на хуторах, находящихся около Яицкого городка. Отряды были посланы для поимки Пугачева, но не имели в том успеха: Пугачев и его главные сообщники спасались от поиска, переходя с одного места на другое и час-от-часу умножая свою шайку. Между тем разнеслись странные слухи... Многие казаки взяты были под стражу. Схватили Михайла Кожевникова, привели в комендантскую канцелярию и пыткою вынудили от него следующие важные показания:

В начале сентября находился он на своем хуторе, как приехал к нему Иван Зарубин и объявил за тайну, что великая особа находится в их краю. Он убеждал Кожевникова скрыть ее на своем хуторе. Кожевников согласился. Зарубин уехал и в ту же ночь перед светом возвратился с Тимофеем Мясниковым и с неведомым человеком, все трое верхами. Незнакомец был росту среднего, широкоплеч и худощав. Черная борода его начинала седеть. Он был в верблюжьем армяке, в голубой калмыцкой шапке и вооружен винтовкою. Зарубин и Мясников поехали в город *для повестки народу*, а незнакомец, оставшись у Кожевникова, объявил ему, что он император Петр III, что слухи о смерти его были ложны, что он, при помощи караульного офицера, ушел в Киев, где скрывался около года; что потом был в Цареграде и тайно находился в русском войске во время последней турецкой войны; что оттуда явился он на Дону и был потом схвачен в Царицыне, но вскоре освобожден верными казаками; что в прошлом году находился он на Иргизе и в Яицком городке, где был снова пойман и отвезен в Казань; что часовой, подкупленный за семьсот рублей неизвестным купцом, освободил его снова; что после подъезжал он к Яицкому городку, но, узнав через одну женщину о строгости, с каковою ныне требуются и осматриваются паспорты, воротился на Сызранскую дорогу, по коей скитался несколько времени, пока наконец с Таловинского умета взят Зарубиным и Мясниковым и привезен к Кожевникову. Высказав нелепую повесть, самозванец стал объяснять свои предположения. Он намерен был обнаружить себя по выступлении казацкого войска на *плавню* (осеннее рыболовство), во избежание сопротивления со стороны гарнизона и *напрасного кровопролития*. Во время же плавни хотел он явиться посреди казаков, связать атамана, идти прямо на Яицкой городок, овладеть им, и учредить заставы по всем дорогам, дабы никуда прежде-

временно не дошло о нем известия. В случае же неудачи думал он *броситься в Русь*, увлечь ее всю за собою, повсюду поставить новых судей (ибо в нынешних, по его словам, присмотрена им многая неправда) и возвести на престол государя великого князя. *Сам же я*, говорил он, *уже царствовать не желаю*. Пугачев на хуторе Кожевникова находился три дня; Зарубин и Мясников приехали за ним и увезли его на Усихину Россошь, где и намерен он был скрываться до самой плавни. Кожевников, Коновалов и Кочуров проводили его.

Взятие под стражу Кожевникова и казаков, замешанных в его показании, ускорило ход происшествий. 18 сентября Пугачев с Будоринского[4] форпоста пришел под Яицкой городок с толпою, из трехсот человек состоявшею, и остановился в трех верстах от города, за рекою Чаганом.

В городе всё пришло в смятение. Недавно усмиренные жители начали перебегать на сторону новых мятежников. Симонов выслал противу Пугачева пятьсот казаков, подкрепленных пехотою и с двумя пушками. Двести казаков при капитане Крылове отряжены были вперед. К ним выехал навстречу казак, держа над головою возмутительное письмо от самозванца. Казаки потребовали, чтоб письмо было им прочтено. Крылов тому противился. Произошел мятеж, и половина отряда тут же передалась на сторону самозванца, и потащила за собою пятьдесят верных казаков, ухватя за узды их лошадей. Видя измену в своем отряде, Наумов возвратился в город. Захваченные казаки приведены были к Пугачеву, и одиннадцать из них, по приказанию его, повешены. Сии первые его жертвы были: сотники: Витошнов, Черторогов, Раинев и Коновалов; пятидесятники: Ружеников, Толстов, Подъячев и Колпаков; рядовые: Сидоровкин, Ларзянев и Чукалин.

На другой день Пугачев приближился к городу; но при виде выходящего противу него войска стал отступать, рассыпав по степи свою шайку. Симонов не преследовал его, ибо казаков не хотел отрядить, опасаясь от них измены, а пехоту не смел отдалить от города, коего жители готовы были взбунтоваться. Он донес обо всем оренбургскому губернатору, генерал-поручику Рейнсдорпу, требуя от него легкого войска для преследования Пугачева. Но прямое сообщение с Оренбургом было уже пресечено, и донесение Симонова дошло до губернатора не прежде, как через неделю.

С шайкой, умноженной новыми бунтовщиками, Пугачев пошел прямо к Илецкому городку[5] и послал начальствовавшему в нем атаману Портнову повеление — выдти к нему навстречу и с ним соединиться. Он обещал казакам пожаловать их крестом и бородою (илецкие, как и яиц-

кие, казаки были все староверцы), реками и лугами, деньгами и провиантом, свинцом и порохом, и вечною вольностию, угрожая местию в случае непослушания. Верный своему долгу, атаман думал сопротивляться; но казаки связали его, и приняли Пугачева с колокольным звоном и с хлебом-солью. Пугачев повесил атамана, три дня праздновал победу и, взяв с собою всех илецких казаков и городские пушки, пошел на крепость Рассыпную.[6]

Крепости, в том краю выстроенные, были не что иное, как деревни, окруженные плетнем или деревянным забором. Несколько старых солдат и тамошних казаков, под защитою двух или трех пушек, были в них безопасны от стрел и копий диких племен, рассеянных по степям Оренбургской губернии и около ее границ. 24 сентября Пугачев напал на Рассыпную. Казаки и тут изменили. Крепость была взята. Комендант, маиор Веловский, несколько офицеров и один священник были повешены, а гарнизонная рота и полтораста казаков присоединены к мятежникам.

Слух о самозванце быстро распространялся. Еще с Будоринского форпоста Пугачев писал к киргиз-кайсакскому хану, именуя себя государем Петром III и требуя от него сына в заложники и ста человек вспомогательного войска. Нурали-Хан подъезжал к Яицкому городку под видом переговоров с начальством, коему предлагал он свои услуги. Его благодарили и отвечали, что надеются управиться с мятежниками без его помощи. Хан послал оренбургскому губернатору татарское письмо самозванца с первым известием о его появлении. „Мы, люди, живущие в степях, — писал Нурали к губернатору, — не знаем, кто сей, разъезжающий по берегу: обманщик ли, или настоящий государь? Посланный от нас воротился, объявив, что того разведать не мог, а что борода у того человека русая“. При сем, пользуясь обстоятельствами, хан требовал от губернатора возвращения аманатов, отогнанного скота и выдачи бежавших из орды рабов. Рейнсдорп спешил отвечать, что кончина императора Петра III известна всему свету; что сам он видел государя во гробе и целовал его мертвую руку. Он увещевал хана, в случае побега самозванца в киргизские степи, выдать его правительству, обещая за то милость императрицы. Прошения хана были исполнены. Между тем Нурали вошел в дружеские сношения с самозванцем, не преставая уверять Рейнсдорпа в своем усердии к императрице, а киргизцы стали готовиться к набегам.

Вслед за известием хана получено было в Оренбурге донесение яицкого коменданта, посланное через Самару. Вскоре потом пришло и донесение Веловского о взятии Илецкого городка. Рейнсдорп поспешил

принять меры к прекращению возникающего зла. Он предписал бригадиру барону Билову выступить из Оренбурга с четырьмястами солдат пехоты и конницы и с шестью полевыми орудиями, и идти к Яицкому городку, забирая по дороге людей с форпостов и из крепостей. Командиру Верхне-Озерной дистанции,[7] бригадиру барону Корфу велел, как можно скорее, идти к Оренбургу, подполковнику Симонову отрядить маиора Наумова с полевой командой и с казаками, для соединения с Биловым; ставропольской канцелярии[8] велено было выслать к Симонову пятьсот вооруженных калмыков, а ближайшим башкирцам и татарам собраться, как можно скорее, и в числе тысячи человек идти навстречу Наумову. Ни одно из сих распоряжений не было исполнено. Билов занял Татищеву крепость и двинулся было на Озерную, но, в пятнадцати верстах от оной, услышав ночью пушечные выстрелы, отступил, полагая крепость уже взятою Пугачевым. Рейнсдорп вторично приказал ему спешить на поражение бунтовщиков; Билов не послушался, и остался в Татищевой. Корф отговаривался от похода под различными предлогами. Вместо пятисот вооруженных калмыков не собралось их и трехсот, и те бежали с дороги. Башкирцы и татары не слушались предписания. Маиор же Наумов и войсковой старшина Бородин, выступив из Яицкого городка, шли издали по следам Пугачева, и 3 октября прибыли в Оренбург степною стороною, не видав неприятеля.

Из Рассыпной Пугачев пошел на Нижне-Озерную.[9] На дороге встретил он капитана Сурина, высланного на помощь Веловскому комендантом Нижне-Озерной, маиором Харловым. Пугачев его повесил, а рота пристала к мятежникам. Узнав о приближении Пугачева, Харлов отправил в Татищеву молодую жену свою, дочь тамошнего коменданта Елагина, а сам приготовился к обороне. Казаки его изменили и ушли к Пугачеву. Харлов остался с малым числом престарелых солдат. Ночью на 26 сентября вздумал он, для их ободрения, палить из двух своих пушек, и сии-то несчастные выстрелы остановили Билова, шедшего к нему на помощь. Утром Пугачев показался перед крепостию. Он ехал впереди своего войска. „Берегись, государь", сказал ему старый казак: „неравно из пушки убьют". — „Старый ты человек", отвечал самозванец: „разве пушки льются на царей?" — Харлов бегал от одного солдата к другому, и приказывал стрелять. Никто не слушался. Он схватил фитиль, выпалил из одной пушки, и кинулся к другой. В сие время бунтовщики заняли крепость, бросились на единственного ее защитника и изранили его. Полумертвый, он думал от них откупиться, и повел их к избе, где было спрятано его имущество. Между

тем за крепостию уже ставили виселицу; перед нею сидел Пугачев, принимая присягу жителей и гарнизона. К нему привели Харлова, обезумленного от ран и истекающего кровью. Глаз, вышибенный копьем, висел у него на щеке. Пугачев велел его казнить и с ним прапорщиков Фигнера и Кабалерова, одного писаря и татарина Бикбая. Гарнизон стал просить за своего доброго коменданта; но яицкие казаки, предводители мятежа, были неумолимы. Ни один из страдальцев не оказал малодушия. Магометанин Бикбай, взошед на лестницу, перекрестился и сам надел на себя петлю.[10] На другой день Пугачев выступил, и пошел на Татищеву.[11]

В сей крепости начальствовал полковник Елагин. Гарнизон был умножен отрядом Билова, искавшего в ней своей безопасности. Утром 27 сентября Пугачев показался на высотах, ее окружающих. Все жители видели, как он расставил там свои пушки и сам направил их на крепость. Мятежники подъехали к стенам, уговаривая гарнизон — *не слушаться бояр* и сдаться добровольно. Им отвечали выстрелами. Они отступили. Бесполезная пальба продолжалась с полудня до вечера; в то время скирды сена, находившиеся близ крепости, загорелись, подожженные осаждающими. Пожар быстро достигнул деревянных укреплений. Солдаты бросились тушить огонь. Пугачев, пользуясь смятением, напал с другой стороны. Крепостные казаки ему передались. Раненый Елагин и сам Билов оборонялись отчаянно. Наконец мятежники ворвались в дымящиеся развалины. Начальники были захвачены. Билову отсекли голову. С Елагина, человека тучного, содрали кожу; злодеи вынули из него сало и мазали им свои раны. Жену его изрубили. Дочь их, накануне овдовевшая Харлова, приведена была к победителю, распоряжавшему казнию ее родителей. Пугачев поражен был ее красотою, и взял несчастную к себе в наложницы, пощадив для нее семилетнего ее брата. Вдова маиора Веловского, бежавшая из Рассыпной, также находилась в Татищевой: ее удавили. Все офицеры были повешены. Несколько солдат и башкирцев выведены в поле и расстреляны картечью. Прочие острижены по-казацки, и присоединены к мятежникам. Тринадцать пушек достались победителю.

Известия об успехах Пугачева приходили в Оренбург одно за другим. Едва Веловский успел донести о взятии Илецкого городка, уже Харлов доносил о взятии Рассыпной; вслед за тем Билов, из Татищевой, извещал о взятии Нижне-Озерной; маиор Крузе, из Чернореченской, о пальбе, происходящей под Татищевой. Наконец (28 сентября) триста человек татар, насилу собранные и отправленные к Татищевой, возвратились с дороги с известием об участи Билова и Елагина. Рейнс-

дорп, испуганный быстротою пожара, собрал совет из главных оренбургских чиновников, и следующие меры были им утверждены:

1) Все мосты через Сакмару разломать, и пустить вниз по реке.

2) У польских конфедератов, содержащихся в Оренбурге, отобрать оружие, и отправить их в Троицкую крепость под строжайшим присмотром.

3) Разночинцам, имеющим оружие, назначить места для защищения города, отдав их в распоряжение обер-коменданту, генерал-маиору Валленштерну; прочим находиться в готовности, в случае пожара, и быть под начальством таможенного директора Обухова.

4) Сеитовских татар перевести в город, и поручить начальство над ними коллежскому советнику Тимашеву.

5) Артиллерию отдать в распоряжение действительному статскому советнику Старову-Милюкову, служившему некогда в артиллерии.

Сверх сего, Рейнсдорп, думая уже о безопасности самого Оренбурга, приказал обер-коменданту исправить городские укрепления, и привести в оборонительное состояние. Гарнизонам же малых крепостей, еще не взятых Пугачевым, велено было идти в Оренбург, зарывая или потопляя тяжести и порох.

Из Татищевой, 29 сентября, Пугачев пошел на Чернореченскую.[12] В сей крепости оставалось несколько старых солдат при капитане Нечаеве, заступившем место коменданта, маиора Крузе, который скрылся в Оренбург. Они сдались без сопротивления. Пугачев повесил капитана, по жалобе крепостной его девки.

Пугачев, оставя Оренбург вправе, пошел к Сакмарскому городку,[13] коего жители ожидали его с нетерпением. — 1-го октября, из татарской деревни Каргале, поехал он туда в сопровождении нескольких казаков. Очевидец описывает его прибытие следующим образом:[14]

„В крепости у станичной избы постланы были ковры, и поставлен стол с хлебом и солью. Поп ожидал Пугачева с крестом и с святыми иконами. Когда въехал он в крепость, начали звонить в колокола; народ снял шапки, и когда самозванец стал сходить с лошади, при помощи двух из его казаков, подхвативших его под руки, тогда все пали ниц. Он приложился ко кресту, хлеб-соль поцеловал и, сев на уготовленный стул, сказал: *вставайте, детушки*. Потом все целовали его руку. — Пугачев осведомился о городских казаках. Ему отвечали: что иные на службе, другие с их атаманом, Данилом Донским, взяты в Оренбург, и что только двадцать человек оставлены для почтовой гоньбы, но и те скрылись. Он обратился к священнику и грозно приказал ему отыскать их, примолвя: *ты, поп, так будь и атаман; ты и все жители*

отвечаете мне за них головами. Потом поехал он к атаманову отцу, у которого был ему приготовлен обед. *Если б твой сын был здесь,* сказал он старику, *то ваш обед был бы высок и честен: но хлеб-соль твоя помрачилась. Какой он атаман, коли место свое покинул?*— После обеда, пьяный, он велел было казнить хозяина, но бывшие при нем казаки упросили его; старик был только закован и посажен на одну ночь в станичную избу под караул. На другой день сысканные казаки представлены были Пугачеву. Он обошелся с ними ласково, и взял с собою. Они спросили его: сколько прикажет взять припасов? *Возьмите,* отвечал он, *краюшку хлеба; вы проводите меня только до Оренбурга.*— В сие время башкирцы, присланные от оренбургского губернатора, окружили город. Пугачев к ним выехал, и без бою взял всех в свое войско. На берегу Сакмары повесил он шесть человек".[15]

В тридцати верстах от Сакмарского городка находилась крепость Пречистенская. Лучшая часть ее гарнизона была взята Биловым на походе его к Татищевой. Один из отрядов Пугачева занял ее без сопротивления. Офицеры и гарнизон вышли навстречу победителям. Самозванец по своему обыкновению принял солдат в свое войско, и в первый раз оказал позорную милость офицерам.

Пугачев усиливался: прошло две недели со дня, как явился он под Яицким городком с горстью бунтовщиков, и уж он имел до трех тысяч пехоты и конницы, и более двадцати пушек. Семь крепостей были им взяты, или сдались ему. Войско его с часу-на-час умножалось неимоверно. Он решился пользоваться счастием, и 3 октября, ночью, под Сакмарским городком перешел реку через мост, уцелевший вопреки распоряжениям Рейнсдорпа, и потянулся к Оренбургу.

Глава третия

Меры правительства. — Состояние Оренбурга. — Объявление Рейнсдорпа о Пугачеве.— Разбойник Хлопуша. — Пугачев под Оренбургом. — Бердская слобода.— Сообщники Пугачева. — Генерал-маиор Кар. — Его неудача. — Гибель полковника Чернышева. — Кар оставляет армию. — Бибиков.

Оренбургские дела принимали худой оборот. С часу-на-час ожидали общего возмущения Яицкого войска; башкирцы, взволнованные своими старшинами (которых Пугачев успел задарить верблюдами и товарами, захваченными у бухарцев), начали нападать на русские селения и кучами присоединяться к войску бунтовщиков. Служивые калмыки бежали с форпостов. Мордва, чуваши, черемисы перестали повиноваться русскому начальству. Господские крестьяне явно оказывали свою привер-

женность самозванцу, и вскоре не только Оренбургская, но и пограничные с нею губернии пришли в опасное колебание.

Губернаторы, казанский — фон-Брант, сибирский — Чичерин и астраханский — Кречетников, вслед за Рейнсдорпом, известили государственную военную коллегию о яицких происшествиях. Императрица с беспокойством обратила внимание на возникающее бедствие. Тогдашние обстоятельства сильно благоприятствовали беспорядкам. Войска отовсюду были отвлечены в Турцию и в волнующуюся Польшу. Строгие меры, принятые по всей России для прекращения недавно свирепствовавшей чумы, производили в черни общее негодование. Рекрутский набор усиливал затруднения. Повелено было нескольким ротам и эскадронам из Москвы, Петербурга, Новагорода и Бахмута наскоро следовать в Казань. Начальство над ними поручено генерал-маиору Кару, отличившемуся в Польше твердым исполнением строгих предписаний начальства. Он находился в Петербурге, при приеме рекрут. Ему велено было сдать свою бригаду генерал-маиору Нащокину и спешить к местам, угрожаемым опасностию. К нему присоединили генерал-маиора Фреймана, уже усмирявшего раз яицкое войско и хорошо знавшего театр новых беспорядков. Начальникам окрестных губерний велено было, с их стороны, делать нужные распоряжения. Манифестом от 15 октября правительство объявляло народу о появлении самозванца, увещевая обольщенных отстать заблаговременно от преступного заблуждения.[1]

Обратимся к Оренбургу.

В сем городе находилось до трех тысяч войска и до семидесяти орудий. С таковыми средствами можно и должно было уничтожить мятежников. К несчастию, между военными начальниками не было ни одного, знавшего свое дело. Оробев с самого начала, они дали время Пугачеву усилиться и лишили себя средств к наступательным движениям. Оренбург претерпел бедственную осаду, коей любопытное изображение сохранено самим Рейнсдорпом.[2]

Несколько дней появление Пугачева было тайною для оренбургских жителей; но молва о взятии крепостей вскоре разошлась по городу, а поспешное выступление Билова[3] подтвердило справедливые слухи. В Оренбурге оказалось волнение; казаки с угрозами роптали; устрашенные жители говорили о сдаче города. Схвачен был зачинщик смятения, отставной сержант,[4] подосланный Пугачевым. В допросе он показал, что имел намерение заколоть губернатора. В селениях, около Оренбурга, начали показываться возмутители. Рейнсдорп обнародовал объявление о Пугачеве, в коем объяснял его настоящее звание и прежние преступления.[5] Оно было писано темным и запутанным слогом. В нем было

сказано, что *о злодействующем с Яицкой стороны носится слух, якобы он другова состояния, нежели как есть;* но что он в самом деле донской казак Емельян Пугачев, за прежние преступления наказанный кнутом с поставлением на лице знаков. Сие показание было несправедливо.[6] Рейнсдорп поверил ложному слуху, и мятежники потом торжествовали, укоряя его в клевете.[7]

Казалось, все меры, предпринимаемые Рейнсдорпом, обращались ему во вред. В оренбургском остроге содержался тогда в оковах злодей, известный под именем Хлопуши. Двадцать лет разбойничал он в тамошних краях; три раза ссылаем был в Сибирь, и три раза находил способ уходить. Рейнсдорп вздумал [8] употребить смышленного каторжника и чрез него переслать в шайку Пугачевскую увещевательные манифесты. Хлопуша клялся в точности исполнить его препоручения. Он был освобожден, явился прямо к Пугачеву и вручил ему самому все губернаторские бумаги. „Знаю, братец, что тут написано“, сказал безграмотный Пугачев, и подарил ему полтину денег и платье недавно повешенного киргизца. Хорошо зная край, на который так долго наводил ужас своими разбоями, Хлопуша сделался ему необходим. Пугачев наименовал его полковником и поручил ему грабеж и возмущение заводов. Хлопуша оправдал его доверенность. Он пошел по реке Сакмаре, возмущая окрестные селения; явился на Бугульчанской и Стерлитамацкой пристанях, и на уральских заводах, и переслал оттоле Пугачеву пушки, ядра и порох, умножа свою шайку приписными крестьянами и башкирцами, товарищами его разбоев.

5 октября Пугачев со своими силами расположился лагерем на казачьих лугах, в пяти верстах от Оренбурга. Он тотчас двинулся вперед и под пушечными выстрелами поставил одну батарею на паперти церкви у самого предместия, а другую в загородном губернаторском доме. Он отступил, отбитый сильною пальбою. В тот же день, по приказанию губернатора, предместие было выжжено. Уцелела одна только изба и Георгиевская церковь. Жители переведены были в город, и им обещано вознаграждение за весь убыток. Начали очищать ров, окружающий город, а вал обносить рогатками.

Ночью около всего города запылали скирды заготовленного на зиму сена. Губернатор не успел перевезти оное в город. Противу зажигателей (уже на другой день утром) выступил маиор Наумов (только что прибывший из Яицкого городка). С ним было тысяча пятьсот человек конницы и пехоты. Встреченный пушками, он перестреливался, и отступил безо всякого успеха. Его солдаты робели, а казакам он не доверял.

Рейнсдорп собрал опять совет из военных и гражданских своих чи-

новников, и требовал от них письменного мнения: выступить ли еще против злодея, или под защитой городских укреплений ожидать прибытия новых войск? На сем совете действительный статский советник Старов-Милюков один объявил мнение, достойное военного человека: *идти противу бунтовщиков*. Прочие боялись новою неудачею привести жителей в опасное уныние, и только думали защищаться. С последним мнением согласился и Рейнсдорп.

8 октября мятежники выехали грабить меновой двор, находившийся в трех верстах от города.[9] Высланный противу них отряд прогнал их, убив на месте двести человек и захватив до ста шестнадцати. Рейнсдорп, желая воспользоваться сим случаем, несколько ободрившим его войско, хотел на другой день выступить против Пугачева; но все начальники единогласно донесли ему, что на войско никаким образом положиться было невозможно: солдаты, приведенные в уныние и недоумение, сражались неохотно; казаки на самом месте сражения могли соединиться с мятежниками, и следствия их измены были бы гибелью для Оренбурга. Рейнсдорп не знал, что делать.[10] Он кое-как успел однако ж уговорить и усовестить своих подчиненных, и 12 октября Наумов вывел опять из города свое ненадежное войско.

Сражение завязалось. Артиллерия Пугачева была превосходнее числом вывезенной из города. Оренбургские казаки, с непривычки, робели ядер и жались к городу, под прикрытие пушек, расставленных по валу. Отряд Наумова был окружен со всех сторон многочисленными толпами. Он выстроился в карре, и начал отступать, отстреливаясь от неприятеля. Сражение продолжалось четыре часа. Наумов убитыми, ранеными и бежавшими потерял сто семнадцать человек.

Не проходило дня без перестрелок. Мятежники толпами разъезжали около городского вала и нападали на фуражиров. Пугачев несколько раз подступал под Оренбург со всеми своими силами. Но он не имел намерения взять его приступом. „*Не стану тратить людей*“, говорил он сакмарским казакам, „*а выморю город мором*“. Не раз находил он способ доставлять жителям возмутительные свои листы. Схватили в городе несколько злодеев, подосланных от самозванца: у них находили порох и фитили.

Вскоре в Оренбурге оказался недостаток в сене. У войска и у жителей худые и к работе неспособные лошади были отобраны и отправлены частию к Илецкой Защите и к Верхо-Яицкой крепости, частию в Уфимской уезд. Но, в нескольких верстах от города, лошади были захвачены бунтующими крестьянами и татарами, а казаки, гнавшие табун, отосланы к Пугачеву.

Осенняя стужа настала ранее обыкновенного. С 14 октября начались уже морозы: 16-го выпал снег. 18-го Пугачев, зажегши свой лагерь, со всеми тяжестями пошел обратно от Яика к Сакмаре и расположился под Бердскою[11] слободою, близ летней сакмарской дороги, в семи верстах от Оренбурга. Оттоле разъезды его не преставали тревожить город, нападать на фуражиров и держать гарнизон во всегдашнем опасении.

2 ноября Пугачев со всеми силами подступил опять к Оренбургу и, поставя около всего города батареи, открыл ужасный огонь. С городской стены отвечали ему тем же. Между тем человек тысяча из его пехоты, со стороны реки закравшись в погреба выжженного предместия, почти у самого вала и рогаток, стреляли из ружей и сайдаков. Сам Пугачев ими предводительствовал. Егери полевой команды выгнали их из предместия. Пугачев едва не попался в плен. Вечером огонь утих; но во всю ночь мятежники пальбою сопровождали бой часов соборной церкви, делая по выстрелу на каждый час.

На другой день огонь возобновился, несмотря на стужу и метель. Мятежники в церкви разложили огонь, истопили избу, уцелевшую в выжженном предместии, и грелись попеременно. Пугачев поставил пушку на паперти, а другую велел втащить на колокольню. В версте от города находилась высокая мишень, служившая целью во время артиллерийских учений. Мятежники устроили там свою главную батарею. Обоюдная пальба продолжалась целой день. Ночью Пугачев отступил, претерпев незначительный урон и не сделав вреда осажденным.[12] Утром из города высланы были невольники под прикрытием казаков срыть мишень и другие укрепления, а избу разломать. В церкви, куда мятежники приносили своих раненых, видны были на помосте кровавые лужи. Оклады с икон были ободраны, напрестольное одеяние в лоскутьях. [Церковь осквернена была даже калом лошадиным и человечьим.]

Стужа усилилась. 6 ноября Пугачев с яицкими казаками перешел из своего нового лагеря в самую слободу. Башкирцы, калмыки и заводские крестьяне остались на прежнем месте, в своих кибитках и землянках. Разъезды, нападения и перестрелки не прекращались. С каждым днем силы Пугачева увеличивались. Войско его состояло уже из двадцати пяти тысяч; ядром оного были яицкие казаки и солдаты, захваченные по крепостям; но около их скоплялось неимоверное множество татар, башкирцев, калмыков, бунтующих крестьян, беглых каторжников и бродяг всякого рода. Вся эта сволочь была кое-как вооружена, кто копьем, кто пистолетом, кто офицерскою шпагой. Иным розданы были

штыки, наткнутые на длинные палки; другие носили дубины; большая часть не имела никакого оружия. Войско разделено было на полки, состоящие из пятисот человек. Жалованье получали одни яицкие казаки; прочие довольствовались грабежом. Вино продавалось *от казны*. Корм и лошадей доставали от башкирцев. За побег объявлена была смертная казнь. Десятник головою отвечал за своего беглеца. Учреждены были частые разъезды и караулы. Пугачев строго наблюдал за их исправностию, сам их объезжая иногда и ночью. Учения (особенно артиллерийские) происходили почти всякой день. Церковная служба отправлялась ежедневно. На ектении поминали государя Петра Феодоровича и супругу его государыню Екатерину Алексеевну. Пугачев, будучи раскольником, в церковь никогда не ходил. Когда ездил он по базару или по бердским улицам, то всегда бросал в народ медными деньгами. Суд и расправу давал сидя на креслах перед своей избою. По бокам его сидели два казака, один с булавою, другой с серебряным топором. Подходящие к нему кланялись в землю и, перекрестясь, целовали его руку. Бердская слобода была вертепом убийств и распутства. Лагерь полон был офицерских жен и дочерей, отданных на поругание разбойникам. Казни происходили каждый день. Овраги около Берды были завалены трупами расстрелянных, удавленных, четвертованных страдальцев. Шайки разбойников устремлялись во все стороны, пьянствуя по селениям, грабя казну и достояние дворян, но не касаясь крестьянской собственности. Смельчаки подъезжали к рогаткам оренбургским; иные, наткнув шапку на копье, кричали: *Господа казаки! пора вам одуматься и служить государю Петру Федоровичу*. Другие требовали, чтобы им выдали *Мартюшку Бородина* (войскового старшину, прибывшего в Оренбург из Яицкого городка вместе с отрядом Наумова), и звали казаков к себе в гости, говоря: *У нашего батюшки вина много!* Из города противу них выезжали наездники, и завязывались перестрелки иногда довольно жаркие. Нередко сам Пугачев являлся тут же, хвастая молодечеством. Однажды прискакал он, пьяный, потеряв шапку и шатаясь на седле, — и едва не попался в плен. Казаки спасли его и утащили, подхватив его лошадь под устцы. [13]

Пугачев не был самовластен. Яицкие казаки, зачинщики бунта, управляли действиями прошлеца, не имевшего другого достоинства, кроме некоторых военных познаний и дерзости необыкновенной. Он ничего не предпринимал без их согласия; они же часто действовали без его ведома, а иногда и вопреки его воли. Они оказывали ему наружное почтение, при народе ходили за ним без шапок и били ему челом: но наедине обходились с ним как с товарищем, и вместе пьянствовали,

сидя при нем в шапках и в одних рубахах, и распевая бурлацкие песни. Пугачев скучал их опекою. *Улица моя тесна,* говорил он Денису Пьянову, пируя на свадьбе младшего его сына.[14] Не терпя постороннего влияния на царя, ими созданного, они не допускали самозванца иметь иных любимцев и поверенных. Пугачев, в начале своего бунта, взял к себе в писаря сержанта Кармицкого, простив его под самой виселицей. Кармицкий сделался вскоре его любимцем. Яицкие казаки, при взятии Татищевой, удавили его и бросили с камнем на шее в воду. Пугачев о нем осведомился. *Он пошел,* отвечали ему, *к своей матушке вниз по Яику.* Пугачев, молча, махнул рукой. Молодая Харлова имела несчастие привязать к себе самозванца. Он держал ее в своем лагере под Оренбургом. Она одна имела право во всякое время входить в его кибитку; по ее просьбе прислал он в Озерную приказ — похоронить тела им повешенных при взятии крепости. Она встревожила подозрения ревнивых злодеев, и Пугачев, уступив их требованию, предал им свою наложницу. Харлова и семилетний брат ее были расстреляны. Раненые, они сползлись друг с другом и обнялись. Тела их, брошенные в кусты, оставались долго в том же положении.

В числе главных мятежников отличался Зарубин (он же и Чика), с самого начала бунта сподвижник и пестун Пугачева. Он именовался фельдмаршалом и был первый по самозванце. Овчинников, Шигаев, Лысов и Чумаков предводительствовали войском. Все они назывались именами вельмож, окружавших в то время престол Екатерины: Чика графом Чернышевым, Шигаев графом Воронцовым, Овчинников графом Паниным, Чумаков графом Орловым.[15] Отставной артиллерийской капрал Белобородов пользовался полною доверенностию самозванца. Он вместе с Падуровым заведывал письменными делами у безграмотного Пугачева, и ввел строгой порядок и повиновение в шайках бунтовщиков. Перфильев, при начале бунта находившийся в Петербурге по делам Яицкого войска, обещался правительству привести казаков в повинование и выдать самого Пугачева в руки правосудия: но, приехав в Берду, оказался одним из самых ожесточенных бунтовщиков, и соединил судьбу свою с судьбою самозванца. Разбойник Хлопуша из-под кнута, клейменный рукою палача, с ноздрями, вырванными до хрящей, был один из любимцев Пугачева. Стыдясь своего безобразия, он носил на лице сетку, или закрывался рукавом, как будто защищаясь от мороза.[16] Вот какие люди колебали государством!

Кар, между тем, прибыл на границу Оренбургской губернии. Казанский губернатор, еще до приезда его, успел собрать несколько сот гарнизонных, отставных и поселенных солдат, и расположить их частию

около Кичуевского фельдшанца, частию по реке Черемшану, на половине дороги от Кичуева до Ставрополя. На Волге находились человек тридцать рядовых при одном офицере, для поимки разбойников: им велено было примечать за движениями бунтовщиков. Брант писал в Москву, к генерал-аншефу князю Волконскому, требуя от него войска. Но Московский гарнизон был весь отряжен для отвода рекрут, а Томский полк, находившийся в Москве, содержал караулы на заставах, учрежденных в 1771 году во время свирепствовавшей чумы. Князь Волконский мог отрядить только триста рядовых при одной пушке, и тотчас послал их на подводах в Казань.

Кар предписал симбирскому коменданту полковнику Чернышеву, идущему по Самарской линии к Оренбургу, занять как можно скорее Татищеву. Он был намерен, тотчас по прибытии генерал-маиора Фреймана, находившегося в Калуге для приема рекрут, послать его на подкрепление Чернышеву. Кар не сомневался в успехе. „Опасаюсь только, писал он графу З. Г. Чернышеву, чтобы сии разбойники, сведав о приближении команд, не обратились бы в бег, не допустя до себя оных, по тем же самым местам, отколь они появились“. Он предвидел затруднения только в преследовании Пугачева, по причине зимы и недостатка в коннице.

В начале ноября, не дождавшись ни артиллерии, ни ста семидесяти гренадер, посланных к нему из Симбирска, ни высланных к нему из Уфы вооруженных башкирцев и мещеряков, он стал подаваться вперед. На дороге, во ста верстах от Оренбурга, он узнал, что отряженный от Пугачева ссыльный разбойник Хлопуша, вылив пушки на Овзяно-Петровском[17] заводе и возмутив приписных крестьян и окрестных башкирцев, возвращается под Оренбург. Кар поспешил пресечь ему дорогу, и 7 ноября послал секунд-маиора Шишкина с четырьмястами рядовых и двумя пушками в деревню Юзееву,[18] а сам с генералом Фрейманом и премиер-маиором Ф. Варнстедом, только что подоспевшими из Калуги, выступил из Сарманаевой. Шишкин был встречен под самой Юзеевой шестьюстами мятежниками. Татары и вооруженные крестьяне, бывшие при нем, тотчас передались. Шишкин однако рассеял сию толпу несколькими выстрелами. Он занял деревню, куда Кар и Фрейман и прибыли в четвертом часу ночи. Войско было так утомлено, что невозможно было даже учредить конные разъезды. Генералы решились ожидать света, чтобы напасть на бунтовщиков, и на заре увидели перед собой ту же толпу. Мятежникам передали увещевательный манифест; они его приняли, но отъехали с бранью, говоря, что их манифесты правее, и начали стрелять из бывшей у них пушки. Их разогнали опять...

В это время Кар услышал у себя в тылу четыре дальних пушечных выстрела. Он испугался, и поспешно начал отступать, полагая себя отрезанным от Казани. Тут более двух тысяч мятежников наскакали со всех сторон и открыли огонь из девяти орудий. Пугачев сам ими предводительствовал. Хлопуша успел с ним соединиться. Рассыпавшись по полям на расстояние пушечного выстрела, они были вне всякой опасности. Конница Кара была утомлена и малочисленна. Мятежники, имея добрых лошадей, при наступлении пехоты, отдалялись, проворно перевозя свои пушки с одной горы на другую, и таким образом семнадцать верст сопровождали отступающего Кара. Он целых восемь часов отстреливался из своих пяти пушек, бросил свой обоз и потерял (если верить его донесению) не более ста двадцати человек убитыми, ранеными и бежавшими. Башкирцы, ожидаемые из Уфы, не бывали; находившиеся в недальнем расстоянии, под начальством князя Уракова, бежали, заслыша пальбу. Солдаты, по большей части престарелые или рекруты, громко роптали и готовы были сдаться; молодые офицеры, не бывавшие в огне, не умели их ободрить. Гренадеры, отправленные на подводах из Симбирска, при поручике Карташове, ехали с такой оплошностию, что даже ружья не были у них заряжены, и каждый спал в своих санях. Они сдались с четырех первых выстрелов, услышанных Каром по утру из деревни Юзеевой.

Кар потерял вдруг свою самонадеянность. С донесением о своем уроне он представил военной коллегии, что для поражения Пугачева нужны не слабые отряды, а целые полки, надежная конница и сильная артиллерия. Он немедленно послал повеление полковнику Чернышеву не выступать из Переволоцкой, и стараться в ней укрепиться в ожидании дальнейших распоряжений. Но посланный к Чернышеву не мог уже его догнать.

11 ноября Чернышев выступил из Переволоцкой и 13-го в ночь прибыл в Чернореченскую. Тут он получил от двух илецких казаков, приведенных сакмарским атаманом, известие о разбитии Кара и о взятии ста семидесяти гренадер. В истине последнего показания Чернышев не мог усомниться: гренадеры были отправлены им самим из Симбирска, где они находились при отводе рекрут. Он не знал, на что решиться: отступить ли к Переволоцкой, или спешить к Оренбургу, куда накануне отправил он донесение о своем приближении. В сие время явились к нему пять казаков и один солдат, которые, как уверяли, бежали из Пугачевского стана. Между ними находился казацкий сотник и депутат[19] Падуров. Он уверил Чернышева в своем усердии, представя в доказательство свою депутатскую медаль, и советовал немедленно

идти к Оренбургу, вызываясь провести его безопасными местами. Чернышев ему поверил, и в тот же час, без барабанного бою, выступил из Чернореченской. Падуров вел его горами, уверяя, что передовые караулы Пугачева далеки, и что если на рассвете они его и увидят, то опасность уже минуется, и он беспрепятственно успеет вступить в Оренбург. Утром Чернышев пришел к Сакмаре, и при урочище Маяке, в пяти верстах от Оренбурга, начал переправляться по льду. С ним было тысяча пятьсот солдат и казаков, пятьсот калмыков и двенадцать пушек. Капитан Ружевский переправился первый с артиллерией и легким войском; он тотчас, взяв с собой трех казаков, отправился в Оренбург и явился к губернатору с известием о прибытии Чернышева. — В самое сие время в Оренбурге услышали пушечную пальбу, которая через четверть часа и умолкла... Несколько времени спустя Рейнсдорп получил известие, что весь отряд Чернышева взят и ведется в лагерь Пугачева.

Чернышев был обманут Падуровым, который привел его прямо к Пугачеву. Мятежники вдруг на него бросились и овладели артиллерией. Казаки и калмыки изменили. Пехота, утомленная стужею, голодом и ночным переходом, не могла сопротивляться. Всё было захвачено. Пугачев повесил Чернышева, тридцать шесть офицеров, одну прапорщицу и калмыцкого полковника,[20] оставшегося верным своему несчастному начальнику.

В то же самое время бригадир Корф вступал в Оренбург с двумя тысячами четырьмястами человек войска и с двадцатью орудиями. Пугачев напал и на него: но был отражен городскими казаками.

Оренбургское начальство казалось обезумленным от ужаса. 14 ноября Рейнсдорп, не подав накануне никакой помощи отряду несчастного Чернышева, вздумал сделать сильную вылазку. Всё войско, бывшее в городе (включая тут же и вновь прибывший отряд), было выведено в поле, под предводительством обер-коменданта. Бунтовщики, верные своей системе, сражались издали и врассыпную, производя беспрестанный огонь из многочисленных своих орудий. Изнуренная городская конница не могла иметь и надежды на успех. Валленштерн принужден был составить карре и отступить, потеряв тридцать два человека.[21] В тот же день маиор Варнстед, отряженный Каром на Ново-Московскую дорогу, встречен был сильным отрядом Пугачева и поспешно отступил, потеряв до двухсот человек убитыми.

Получив известие о взятии Чернышева, Кар совершенно упал духом, и думал уже не о победе над презренным бунтовщиком, но о собственной безопасности. Он донес обо всем военной коллегии, самовольно отказался от начальства, под предлогом болезни, дал несколько

умных советов на счет образа действий противу Пугачева и, оставя свое войско на попечение Фрейману, уехал в Москву, где появление его произвело общий ропот. Императрица, строгим указом, повелела его исключить из службы.[22] С того времени жил он в своей деревне, где и умер в начале царствования императора Александра.

Императрица видела необходимость взять сильные меры против возрастающего зла. Она искала надежного военачальника и выбрала генерал-аншефа Бибикова. — Александр Ильич Бибиков принадлежит к числу замечательнейших лиц екатерининских времен, столь богатых людьми знаменитыми. В молодых еще летах он успел уже отличиться на поприще войны и гражданственности. Он служил с честию в семилетнюю войну, и обратил на себя внимание Фридриха Великого. Важные препоручения были на него возлагаемы: в 1763 году послан он был в Казань для усмирения взбунтовавшихся заводских крестьян. Твердостию и благоразумною кротостию вскоре восстановил он порядок. В 1766 году, когда составлялась комиссия нового уложения, он председательствовал в Костроме на выборах; сам был избран депутатом и потом назначен в предводители всего собрания. В 1771 году он назначен был на место генерал-поручика Веймарна главнокомандующим в Польшу, где в скором времени успел не только устроить упущенные дела, но и приобрести любовь и доверенность побежденных.

В эпоху, нами описываемую, находился он в Петербурге. Сдав недавно главное начальство над завоеванною Польшею генерал-поручику Романиусу, он готовился ехать в Турцию служить при графе Румянцове. Бибиков был холодно принят императрицею, дотоле всегда к нему благосклонною. Может быть, она была недовольна нескромными словами, вынужденными у него досадою; ибо усердный на деле и душею преданный государыне, Бибиков был брюзглив и смел в своих суждениях. Но Екатерина умела властвовать над своими предубеждениями. Она подошла к нему, на придворном бале, с прежнею ласковой улыбкой и, милостиво с ним разговаривая, объявила ему новое его назначение. Бибиков отвечал, что он посвятил себя на службу отечеству, и тут же привел слова простонародной песни, применив их к своему положению:

Сарафан ли мой, дорогой сарафан!
Везде ты, сарафан, пригожаешься;
А не надо, сарафан, и под лавкой лежишь.

Он безотговорочно принял на себя многотрудную должность, и 9 декабря отправился из Петербурга.

Приехав в Москву, Бибиков нашел старую столицу в страхе и унынии. Жители, недавние свидетели бунта и чумы, трепетали в

ожидании нового бедствия. Множество дворян бежало в Москву из губерний, уже разоряемых Пугачевым, или угрожаемых возмущением. Холопья, ими навезенные, распускали по площадям вести о вольности и об истреблении господ. Многочисленная московская чернь, пьянствуя и шатаясь по улицам, с явным нетерпением ожидала Пугачева. Жители приняли Бибикова с восторгом, доказывавшим, в какой опасности полагали себя. Он оставил Москву, спеша оправдать ее надежды.

Глава четвертая

Действия мятежников. — Маиор Заев. — Взятие Ильинской крепости. — Смерть Камешкова и Воронова. — Состояние Оренбурга. — Осада Яицкого городка. — Сражение под Бердою. — Бибиков в Казани. — Екатерина II, помещица казанская. — Мнение Европы. — Вольтер. — Указ о доме и семействе Пугачева.

Разбитие Кара и Фреймана, погибель Чернышева и неудачные вылазки Валленштерна и Корфа увеличили в мятежниках дерзость и самонадеянность. Они кинулись во все стороны, разоряя селения, города, возмущая народ, и нигде не находили сопротивления. Торнов с шестьюстами человек взбунтовал и ограбил всю Нагайбацкую область. Чика, между тем, подступил под Уфу с десятитысячным отрядом и осадил ее в конце ноября. Город не имел укреплений подобных оренбургским; однако ж комендант Мясоедов и дворяне, искавшие в нем убежища, решились обороняться. Чика, не отваживаясь на сильные нападения, остановился в селе Чесноковке, в десяти верстах от Уфы, взбунтовал окрестные деревни, большею частию башкирские, и отрезал город от всякого сообщения. Ульянов, Давыдов и Белобородов действовали между Уфою и Казанью. Между тем Пугачев послал Хлопушу с пятьюстами человек и шестью пушками взять крепости Ильинскую и Верхне-Озерную, к востоку от Оренбурга. Для защиты сей стороны отряжен был сибирским губернатором Чичериным генерал-поручик Декалонг и генерал-маиор Станиславский.[1] Первый прикрывал границы сибирские; последний находился в Орской[2] крепости, действуя нерешительно, теряя бодрость при малейшей опасности, и под различными предлогами отказываясь от исполнения своего долга.

Хлопуша взял Ильинскую, на приступе заколов коменданта, поручика Лопатина; но пощадил офицеров и не разорил даже крепости. Он пошел на Верхне-Озерную. Комендант, подполковник Демарин, отразил его нападение. Узнав о том, Пугачев сам поспешил на помощь Хлопуши и, соединясь с ним 26 ноября утром, подступил тот же час к крепости. Целый день пальба не умолкала. Несколько раз мятежники, спешась,

Пугачев. С гравюры, приложенной к первому изданию „История Пугачевского бунта“

ударяли в копья, но всегда были опрокинуты. Вечером Пугачев отступил в башкирскую деревню, за двенадцать верст от Верхне-Озерной. Тут узнал он, что с сибирской линии идут к Ильинской три роты, отряженные генерал-маиором Станиславским. Он пошел пересечь им дорогу.

Маиор Заев, начальствовавший сим отрядом, успел однако занять Ильинскую (27 ноября). Крепость, оставленная Хлопушею, не была им выжжена. Жители не были выведены. Между ними находилось несколько пленных конфедератов. Стены и некоторые избы были повреждены. Войско всё было взято, кроме одного сержанта и раненого офицера. Анбар был отворен. Несколько четвертей муки и сухарей валялись на дворе. Одна пушка брошена была в воротах. Заев наскоро сделал некоторые распоряжения, расставил по трем бастионам три пушки, бывшие в его отряде (на четвертый не достало); также учредил караулы и разъезды, и стал ожидать неприятеля.

На другой день в сумерки Пугачев явился перед крепостью. Мятежники приблизились и, разъезжая около нее, кричали часовым: „не стреляйте и выходите вон: здесь государь“. По них выстрелили из пушки. Убило ядром одну лошадь. Мятежники скрылись и через час показались из-за горы, скача врассыпную под предводительством самого Пугачева. Их отогнали пушками. Солдаты и пленные поляки (особливо последние) с жаром просились на вылазку: но Заев не согласился, опасаясь от них измены. „Оставайтесь здесь и защищайтесь“ — сказал он им — „а я от генерала выходить на вылазку повеления не имею“.

29-го Пугачев подступил опять, везя две пушки на санях и перед ними подвигая несколько возов сена. Он кинулся к бастиону, на котором не было пушки. Заев поспешил поставить там две; но прежде, нежели успели их перетащить, мятежники разбили ядрами деревянный бастион, спешась, бросились и доломали его, и с обычным воплем ворвались в крепость. Солдаты расстроились и побежали. Заев, почти все офицеры и двести рядовых были убиты. Остальных погнали в ближнюю татарскую деревню. Пленные солдаты приведены были против заряженной пушки. Пугачев, в красном казацком платье, приехал верхом в сопровождении Хлопуши. При его появлении солдаты поставлены были на колена. Он сказал им: *прощает вас бог и я, ваш государь Петр III, император. Вставайте!* Потом велел оборотить пушку и выпалить в степь. Ему представили капитана Камешкова и прапорщика Воронова. История должна сохранить сии смиренные имена. — *Зачем вы шли на меня, на вашего государя?* спросил победитель. — „Ты нам не государь“, отвечали пленники: „у нас в Рос-

сии государыня императрица Екатерина Алексеевна и государь цесаревич Павел Петрович, а ты вор и самозванец". Они тут же были повешены. — Потом привели капитана Башарина: Пугачев, не сказав уже ему ни слова, велел было вешать и его. Но взятые в плен солдаты стали за него просить. *Коли он был до вас добр*, сказал самозванец, *то я его прощаю*. И велел его так же, как и солдат, остричь по-казацки, а раненых отвезти в крепость. Казаки, бывшие в отряде, были приняты мятежниками, как товарищи. На вопрос, зачем они тотчас не присоединились к осаждающим, они отвечали, что боялись солдат.

От Ильинской Пугачев опять обратился к Верхне-Озерной. Ему непременно хотелось ее взять, тем более, что в ней находилась жена бригадира Корфа. Он грозился ее повесить, злобясь на ее мужа, который думал обмануть его лживыми переговорами.[3]

30 ноября он снова окружил крепость, и целый день стрелял по ней из пушек, покушаясь на приступ, то с той, то с другой стороны. Демарин, для ободрения своих, целый день стоял на валу, сам заряжая пушку. Пугачев отступил, и хотел идти противу Станиславского, но, перехватив оренбургскую почту, раздумал и возвратился в Бердскую слободу.

Во время его отсутствия, Рейнсдорп хотел сделать вылазку, и 30-го, ночью, войско выступило было из города; но лошади, изнуренные бескормицей, падали и дохли под тяжестью артиллерии, а несколько казаков бежало. Валленштерн принужден был возвратиться.

В Оренбурге начинал оказываться недостаток в съестных припасах. Рейнсдорп требовал оных от Декалонга и Станиславского. Оба отговаривались. Он ежечасно ожидал прибытия нового войска, и не получил о нем никакого известия, будучи отрезан отвсюду, кроме Сибири и киргиз-кайсацких степей. Для поимки языка высылал он иногда до тысячи человек, и то нередко без успеха. Вздумал он, по совету Тимашева, расставить капканы около вала, и как волков ловить мятежников, разъезжающих ночью близ города. Сами осажденные смеялись над сею военной хитростию, хотя им было не до смеха; а Падуров, в одном из своих писем, язвительно упрекал губернатора его неудачной выдумкой предрекая ему гибель и насмешливо советуя покориться самозванцу.[4]

Яицкой городок, сие первое гнездо бунта, долго не выходил из повиновения, устрашенный войском Симонова. Наконец частые пересылки с бунтовщиками и ложные слухи о взятии Оренбурга ободрили приверженцев Пугачева. Казаки, отряжаемые Симоновым из города для содержания караулов, или для поимки возмутителей, подсылаемых из Бердской слободы, начали явно оказывать неповиновение, освобождать

схваченных бунтовщиков, вязать верных старшин и перебегать в лагерь к самозванцу. Разнесся слух о приближении мятежнического отряда. В ночь с 29 на 30 декабря старшина Мостовщиков выступил противу него. Чрез несколько часов трое из бывших с ним казаков прискакали в крепость и объявили, что Мостовщиков в семи верстах от города был окружен и захвачен многочисленными толпами бунтовщиков. Смятение в городе было велико. Симонов оробел; к счастию, в крепости находился капитан Крылов, человек решительный и благоразумный. Он в первую минуту беспорядка принял начальство над гарнизоном и сделал нужные распоряжения. 31 декабря отряд мятежников, под предводительством Толкачева, вошел в город. Жители приняли его с восторгом и, тут же вооружась чем ни попало, с ним соединились, бросились к крепости изо всех переулков, засели в высокие избы и начали стрелять из окошек. Выстрелы, говорит один свидетель, сыпались подобно дроби, битой десятью барабанщиками. В крепости падали нетолько люди стоявшие на виду, но и те, которые на минуту приподымались из-за заплотов. — Мятежники, безопасные в десяти саженях от крепости, и большею частию *гулебщики* (охотники) попадали даже в щели, из которых стреляли осажденные. Симонов и Крылов хотели зажечь ближайшие дома. Но бомбы падали в снег и угасали, или тотчас были заливаемы. Ни одна изба не загоралась. Наконец трое рядовых вызвались зажечь ближайший двор, что им и удалось. Пожар быстро распространился. Мятежники выбежали; из крепости начали по них стрелять из пушек; они удалились, унося убитых и раненых, к вечеру ободренный гарнизон сделал вылазку, и успел зажечь еще несколько домов.

В крепости находилось до тысячи гарнизонных солдат и послушных; довольное количество пороху, но мало съестных припасов. Мятежники осадили крепость, завалили бревнами обгорелую площадь и ведущие к ней улицы и переулки; за строениями взвели до шестнадцати батарей; в избах, подверженных выстрелам, поделали двойные стены, засыпав промежуток землею, и начали вести подкопы. Осажденные старались только отдалить неприятеля, очищая площадь и нападая на укрепленные избы. Сии опасные вылазки производились ежедневно, иногда два раза в день и всегда с успехом: солдаты были остервенены, а послушные не могли ожидать пощады от мятежников.

Положение Оренбурга становилось ужасным. У жителей отобрали муку и крупу, и стали им производить ежедневную раздачу. Лошадей давно уже кормили хворостом. Большая часть их пала и употреблена была в пищу. Голод увеличивался. Куль муки продавался (и то самым

тайным образом) за двадцать пять рублей. По предложению Рычкова (академика, находившегося в то время в Оренбурге) стали жарить бычачьи и лошадиные кожи и, мелко изрубив, мешать в хлебы. Произошли болезни. Ропот становился громче. Опасались мятежа.

В сей крайности Рейнсдорп решился еще раз попробовать счастия оружия, и 13 января все войска, находившиеся в Оренбурге, выступили из города тремя колоннами, под предводительством Валленштерна, Корфа и Наумова. Но темнота зимнего утра, глубина снега и изнурение лошадей препятствовали дружному содействию войск. Наумов первый прибыл к назначенному месту. Мятежники увидели его и успели сделать свои распоряжения. Валленштерн, долженствовавший занять высоты у дороги из Берды к Каргале, был предупрежден. Корф был встречен сильным пушечным огнем; толпы мятежников начали заезжать в тыл обеим колоннам. Казаки, оставленные в резерве, бежали от них и, прискакав к колонне Валленштерна, произвели общий беспорядок. Он очутился между трех огней; [солдаты его бежали]; Валленштерн отступил; Корф ему последовал; Наумов, сначала действовавший довольно удачно, страшась быть отрезанным, кинулся за ними. Всё войско бежало в беспорядке до самого Оренбурга, потеряв до четырехсот убитыми и ранеными и оставя пятнадцать орудий в руках разбойников. После сей неудачи, Рейнсдорп уже не осмеливался действовать наступательно, и под защитою стен и пушек стал ожидать своего освобождения.

Бибиков прибыл в Казань 25 декабря. В городе не нашел он ни губернатора, ни главных чиновников. Большая часть дворян и купцов бежала в губернии еще безопасные. Брант был в Козмодемьянске. Приезд Бибикова оживил унывший город; выехавшие жители стали возвращаться. 1 января 1774 года, после молебствия и слова, говоренного казанским архиереем Вениамином, Бибиков собрал у себя дворянство и произнес умную и сильную речь, в которой, изобразив настоящее бедствие и попечения правительства о пресечении оного, обратился к сословию, которое вместе с правительством обречено было на гибель крамолою, и требовал содействия от его усердия к отечеству и верности к престолу. Речь сия произвела глубокое впечатление. Собрание тут же положило на свой счет составить и вооружить конное войско, поставя с двухсот душ одного рекрута. Генерал-маиор Ларионов, родственник Бибикова, был избран в начальники легиона. Дворянство симбирское, свияжское и пензенское последовало сему примеру: были составлены еще два конных отряда и поручены начальству маиоров Гладкова и Чемесова и капитана Матюнина. Казанский магистрат также вооружил на свое иждивение один эскадрон гусар.

Императрица изъявила казанскому дворянству монаршее благоволение, милость и покровительство, и в особом письме к Бибикову, именуя себя казанскою помещицею, вызывалась принять участие в мерах, предпринимаемых общими силами. Дворянский предводитель Макаров отвечал императрице речью, сочиненною гвардии подпоручиком Державиным, находившимся тогда при главнокомандующем.[5]

Бибиков, стараясь ободрить окружавших его жителей и подчиненных, казался равнодушным и веселым; но беспокойство, досада и нетерпение терзали его. В письмах к графу Чернышеву, фон-Визину и своим родственникам он живо изображает затруднительность своего положения. 30 декабря писал он своей жене: „Наведавшись о всех обстоятельствах, дела здесь нашел прескверны, так что и описать, буде б хотел, не могу; вдруг себя увидел гораздо в худших обстоятельствах и заботе, нежели как сначала в Польше со мною было. Пишу день и ночь, пера из рук не выпуская: делаю всё возможное, и прошу господа о помощи. Он един исправить может своею милостию. Правда, позд-ненько хватились. Войска мои прибывать начали вчера; баталион гренадер и два эскадрона гусар, что я велел везти на почте, прибыли. Но к утушению заразы сего очень мало, а зло таково, что похоже (помнишь) на петербургской пожар, как в разных местах вдруг горело, и как было поспевать всюду трудно. Со всем тем, с надеждою на бога, буду делать что только в моей возможности будет. Бедный старик губернатор, Брант, так замучен, что насилу уже таскается. Отдаст богу ответ в пролитой крови и погибели множества людей невинных, кто скоростию перепакостил здешние дела и обнажил от войск. Впрочем я здоров, только пить ни есть не хочется, и сахарные яства на ум нейдут. Зло велико, преужасно. Батюшку, милостивого государя, прошу о родительских молитвах, а праведную[6] Евпраксию нередко поминаю. Ух! дурно“.

В самом деле, положение дел было ужасно. Общее возмущение башкирцев, калмыков и других народов, рассеянных по тамошнему краю, отвсюду пресекало сообщение. Войско было малочисленное и ненадежно. Начальники оставляли свои места и бежали, завидя башкирца с сайдаком или заводского мужика с дубиной.[7] Зима усугубляла затруднения. Степи покрыты были глубоким снегом.[8] Невозможно было двинуться вперед, не запасшись не только хлебом, но и дровами.[9] Селения были пусты, главные города в осаде, другие заняты шайками бунтовщиков, заводы разграблены и выжжены, чернь везде волновалась и злодействовала. Войска, посланные изо всех концов государства, подвигались медленно. Зло, ничем не прегражденное, разливалось быстро и широко. От Илецкого городка до Гурьева яицкие казаки бунтовали. Губернии

Казанская, Нижегородская и Астраханская[10] были наполнены шайками разбойников; пламя могло ворваться в самую Сибирь; в Перми начинались беспокойства; Екатеринбург был в опасности. Киргиз-кайсаки, пользуясь отсутствием войск, начали переходить через открытую границу, грабить хутора, отгонять скот, захватывать жителей.[11] Закубанские народы шевелились, возбуждаемые Турциею; даже некоторые из европейских держав думали воспользоваться затруднительным положением, в коем находилась тогда Россия.[12]

Виновник сего ужасного смятения привлекал общее внимание. В Европе принимали Пугачева за орудие турецкой политики. Вольтер, тогдашний представитель господствующих мнений, писал Екатерине: C'est aparemment le Chevalier de Tott qui a fait jouer cette farce, mais nous ne sommes plus au temps de Demetrius, et telle pièce de thèâtre qui réussissait il y a deux cents ans est sifflée aujourd'hui.*

Императрица, досадуя на сплетни европейские, отвечала Вольтеру с некоторым нетерпением: Monsieur, les gazettes seules font beaucoup de bruit du brigand Pougatschef, lequel n'est en relation directe, ni indirecte avec Mr. de Tott. Je fais autant de cas des canons fondus par l'un, que des entreprises de l'autre. Mr. de Pougatschef et Mr. de Tott ont cependant cela de commun, que le premier file tous les jours sa corde de chanvre et que le second s'expose à chaque instant au cordon de soie. [13]**

Несмотря на свое презрение к разбойнику, императрица не упускала ни одного средства образумить ослепленную чернь. Разосланы были всюду увещевательные манифесты; обещано десять тысяч рублей за поимку самозванца. Особенно опасались сношений Яика с Доном. Атаман Ефремов был сменен, а на его место избран Семен Сулин. Послано в Черкаск повеление сжечь дом и имущество Пугачева, а семейство его, *безо всякого оскорбления*, отправить в Казань, для уличения самозванца в случае поимки его. Донское начальство в точности исполнило слова высочайшего указа: дом Пугачева, находившийся в Зимовейской станице, был за год пред сим продан его женою, пришедшею в крайнюю бедность, и уже сломан и перенесен на чужой двор. Его перевезли

---

* ⟨Повидимому, это кавалер де Тотт устроил этот фарс, но мы живем уже не во времена Димитрия, и пьеса, которая имела успех двести лет тому назад, ныне освистывается публикой.⟩

** ⟨Сударь, только газеты поднимают много шуму по поводу разбойника Пугачева, который не имеет ни прямого, ни косвенного отношения к г. де Тотт. Я столько же придаю значения пушкам одного, сколько предприятиям другого. Однако г. де Пугачев и г. де Тотт имеют то общее, что первый прядет каждый день свою веревку из конопли, а второй каждую минуту приближается к шелковому шнурку.⟩

на прежнее место, и в присутствии духовенства и всей станицы сожгли. Палачи развеяли пепел на ветер, двор окопали и огородили, оставя на веки в запустение, как место проклятое. Начальство, от имени всех зимовейских казаков, просило дозволения перенести их станицу на другое место, *хотя бы и менее выгодное*. Государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердия, и только переименовала Зимовейскую станицу в Потемкинскую, покрыв мрачные воспоминания о мятежнике славой имени нового, уже любезного ей и отечеству. Жена Пугачева, сын и две дочери (все трое малолетные) были отосланы в Казань, куда отправлен и родной его брат, служивший казаком во второй армии. Между тем отобраны следующие подробные сведения о злодее, колебавшем государство.[14]

Емельян Пугачев, Зимовейской станицы служилый казак, был сын Ивана Михайлова, умершего в давних годах. Он был сорока лет от роду, росту среднего, смугл и худощав; волосы имел темнорусые, бороду черную, небольшую и клином. Верхний зуб был вышибен еще в ребячестве, в кулачном бою. На левом виску имел он белое пятно, а на обеих грудях знаки, оставшиеся после болезни, называемой черною немочью.[15] Он не знал грамоте и крестился по-раскольничьи. Лет тому десять женился он на казачке Софье Недюжиной, от которой имел пятеро детей. В 1770 году был он на службе во второй армии, находился при взятии Бендер и через год отпущен на Дон, по причине болезни. Он ездил для излечения в Черкаск. По его возвращении на родину, зимовейской атаман спрашивал его на станичном сборе, откуда взял он карюю лошадь, на которой приехал домой? Пугачев отвечал, что купил ее в Таганроге; но казаки, зная его беспутную жизнь, не поверили и послали его взять тому письменное свидетельство. Пугачев уехал. Между тем узнали, что он подговаривал некоторых казаков, поселенных под Таганрогом, бежать за Кубань. Положено было отдать Пугачева в руки правительству. Возвратясь в декабре месяце, он скрывался на своем хуторе, где и был пойман, но успел убежать; скитался месяца три неведомо где; наконец, в великом посту, однажды вечером пришел тайно к своему дому и постучался в окошко. Жена впустила его и дала знать о нем казакам. Пугачев был снова пойман, и отправлен под караулом к сыщику, старшине Макарову, в Нижнюю Чирскую станицу, а оттуда в Черкаск. С дороги он бежал опять и с тех пор уже на Дону не являлся. Из показаний самого Пугачева, в конце 1772 года приведенного в канцелярию дворцовых дел, известно уже было, что после своего побега скрывался он за польской границей, в раскольничьей слободе Ветке; потом взял паспорт с Добрянского форпоста, сказавшись выходцем из

Польши, и пробрался на Яик, питаясь милостыней. — Все сии известия были обнародованы; между тем правительство запретило народу толковать о Пугачеве, коего имя волновало чернь. Сия временная полицейская мера имела силу закона до самого восшествия на престол покойного государя императора Александра, когда разрешено было писать и печатать о Пугачеве.[16] Доныне престарелые свидетели тогдашнего смятения неохотно отвечают на вопросы любопытных.

Глава пятая

Распоряжения Бибикова. — Первые успехи. — Взятие Самары и Заинска. — Державин.— Михельсон.— Продолжение осады Яицкого городка. — Свадьба Пугачева. – Разорение Илецкой Защиты. — Смерть Лысова. — Сражение под Татищевой. — Бегство Пугачева.— Казнь Хлопуши. — Освобождение Оренбурга. — Пугачев разбит вторично. — Сражение при Чесноковке. — Освобождение Уфы и Яицкого городка. — Смерть Бибикова.

Наконец войска, отовсюду посланные противу Пугачева, стали приближаться к месту своего назначения, Бибиков устремил их к Оренбургу. Генерал-маиор князь Голицын, с своим корпусом, должен был заградить московскую дорогу, действуя от Казани до Оренбурга. Генерал-маиору Мансурову вверено было правое крыло для прикрытия самарской линии, куда со своими отрядами следовал маиор Муфель и подполковник Гринев. Генерал-маиор Ларионов послан был к Уфе и к Екатеринбургу. Декалонг охранял Сибирь, и должен был отрядить маиора Гагрина с одною полевою командою для защиты Кунгура. В Малыковку послан был гвардии поручик Державин для прикрытия Волги со стороны Пензы и Саратова. Успех оправдал сии распоряжения. Бибиков сначала сомневался в духе своего войска. В одном из полков (во Владимирском) оказались было приверженцы Пугачева. Начальникам городов, через которые полк проходил, велено было разослать по кабакам переодетых чиновников. Таким образом возмутители были открыты и захвачены. Впоследствии Бибиков был доволен своими полками. „Дела мои, богу благодарение! (писал он в феврале) идут час-от-часу лучше; войски подвигаются к гнезду злодеев. Что мною довольны (в Петербурге), то я изо всех писем вижу, только спросили бы у гуся: не зябнут ли ноги?“

Маиор Муфель, с одною полевою командою, 29 декабря приблизился к Самаре, занятой накануне шайкою бунтовщиков, и встреченный ими, разбил и гнал их до самого города. Тут они под прикрытием городских пушек думали сопротивляться. Но драгуны ударили в палаши и въехали в город, рубя и попирая бегущих. В самое сие время, в

двух верстах от Самары, показались ставропольские калмыки,[1] идущие на помощь бунтовщикам. Они побежали, увидя высланную противу них конницу. Город был очищен. Шесть пушек и двести пленных достались победителю. Вслед за Муфелем вступили в Самару подполковник Гринев и генерал-маиор Мансуров. Последний немедленно послал отряд к Ставрополю, для усмирения калмыков; но они разбежались, и отряд, не видав их, возвратился в Самару.

Полковник Бибиков, отряженный из Казани с четырьмя гренадерскими ротами и одним эскадроном гусар на подкрепление генерал-маиора Фреймана, стоявшего в Бугульме безо всякого действия, пошел на Заинск, коего семидесятилетний комендант, капитан Мертвецов, принял с честью шайку разбойников, сдав им начальство над городом. Бунтовщики укрепились как умели; в пяти верстах от города Бибиков услышал уже их пушечную пальбу. Рогатки их были сломаны, батареи взяты, предместия заняты; всё бежало. Двадцать пять бунтовавших деревень пришли в повиновение. К Бибикову являлось в день до четырех тысяч раскаявшихся крестьян; им выдавали билеты и всех распускали по домам.

Державин, начальствуя тремя фузелерными ротами, привел в повиновение раскольничьи селения, находящиеся на берегах Иргиза, и орды племен, кочующих между Яиком и Волгою.[2] Узнав однажды, что множество народу собралось в одной деревне, с намерением идти служить у Пугачева, он приехал с двумя казаками прямо к сборному месту, и потребовал от народа объяснения. Двое из зачинщиков выступили из толпы, объявили ему свое намерение, и начали к нему приступать с укорами и угрозами. Народ уже готов был остервениться. Но Державин строго на них прикрикнул и велел своим казакам вешать обоих зачинщиков. Приказ его был тотчас исполнен, и сборище разбежалось.

Генерал-маиор Ларионов, начальник дворянского легиона, отряженный для освобождения Уфы, не оправдал общей доверенности. „За грехи мои (писал Бибиков) навязался мне братец мой А. Л., который сам вызвался сперва командовать особливым деташментом, а теперь с места сдвинуть не могу“. Ларионов оставался в Бакалах без всякого действия. Его неспособность заставила главнокомандующего послать на его место, некогда раненого при его глазах и уже отличившегося в войне противу конфедератов, офицера, подполковника Михельсона.

Князь Голицын принял начальство над войсками Фреймана. 22 января перешел он чрез Каму. 6 февраля соединился с ним полковник Бибиков; Мансуров — 10-го. Войско двинулось к Оренбургу.

Пугачев знал о приближении войск, и мало о том заботился. Он надеялся на измену рядовых и на оплошность начальников. *Попадутся сами нам в руки,* отвечал он своим сообщникам, когда настойчиво звали они его навстречу приближающихся отрядов. В случае ж поражения намеревался он бежать, оставя свою сволочь на произвол судьбы. Для того держал он на лучшем корму тридцать лошадей, выбранных им на скачке. Башкирцы подозревали его намерение и роптали. „Ты взбунтовал нас, говорили они, и хочешь нас оставить, а там нас будут усмирять, как усмиряли отцов наших". (Казни 1740 года были у них в свежей памяти.[3]) Яицкие же казаки в случае неудачи думали предать Пугачева в руки правительства, и тем заслужить себе помилование. Они стерегли его, как заложника. Бибиков понимал их и Пугачева, когда писал фон-Визину следующие замечательные строки: „Пугачев не что иное, как чучело, которым играют воры, яицкие казаки: не Пугачев важен; важно общее негодование".[4]

Пугачев из-под Оренбурга отлучился к Яицкому городку. Его прибытие оживило деятельность мятежников. 20 января он сам предводительствовал достопамятным приступом. Ночью взорвана была часть вала под батареею, устроенною при *Старице* (прежнем русле Яика). Мятежники, под дымом и пылью, с криком бросились к крепости, заняли ров и, ставя лестницы, силились взойти на вал; но были опрокинуты и отражены. Все жители, даже женщины и дети, подкрепляли их. Пугачев стоял во рву с копьем в руке, сначала стараясь лаской возбудить ревность приступающих, наконец сам коля бегущих. Приступ длился девять часов сряду, при неумолкной пальбе и перестрелке. Наконец подпоручик Толстовалов с пятидесятью охотниками сделал вылазку, очистил ров и прогнал бунтовщиков, убив до четырехсот человек и потеряв не более пятнадцати. Пугачев скрежетал. Он поклялся повесить не только Симонова и Крылова, но и всё семейство последнего, находившееся в то время в Оренбурге. Таким образом, обречен был смерти и четырехлетний ребенок, впоследствии славный Крылов.

Пугачев в Яицком городке увидел молодую казачку, Устинью Кузнецову, и влюбился в нее. Он стал ее сватать. Отец и мать изумились и отвечали ему: „помилуй, государь! Дочь наша не княжна, не королевна; как ей быть за тобою? Да и как тебе жениться, когда матушка государыня еще здравствует?" Пугачев, однако, в начале февраля, женился на Устиньи, наименовал ее императрицей, назначил ей штатс-дам и фрейлин из яицких казачек и хотел, чтоб на ектении поминали после государя Петра Федоровича супругу его государыню Устинью Петровну. Попы его не согласились, сказывая, что не полу-

чали на то разрешения от синода. Отказ их огорчил Пугачева; но он не настаивал в своем требовании. Жена его оставалась в Яицком городке, и он ездил к ней каждую неделю. Его присутствие ознаменовано было всегда новыми покушениями на крепость. Осажденные, с своей стороны, не теряли бодрости. Их пальба не умолкала, вылазки не прекращались.

19 февраля ночью прибежал из города в крепость *малолеток*[5] и объявил, что с прошедшего дня подведен под колокольню подкоп, куда и положено двадцать пуд пороху, и что Пугачев назначил того же числа напасть на крепость. Извет показался невероятным. Симонов полагал, что малолеток был подослан нарочно для посеяния пустого страха. Осажденные вели контрмину и не слыхали никакой земляной работы: двадцатью пудами пороху мудрено взорвать было шестиярусную, высокую колокольню. Однако же как под нею в подвале сохранялся весь пороховой запас (что могли знать и мятежники), то и поспешили оный убрать, разобрали кирпичный пол и начали вести контрмину. Гарнизон приготовился; ожидали взрыва и приступа. Не прошло и двух часов, как вдруг подкоп был приведен в действо; колокольня тихо зашаталась. Нижняя палата развалилась и верхние шесть ярусов осели, подавив нескольких людей, находившихся близ колокольни. Камни, не быв разметаны, свалились в груду. Бывшие же в самом верхнем ярусе шесть часовых при пушке свалились оттоле живы; а один из них, в то время спавший, опустился не только без всякого вреда, но даже не проснувшись.

Еще колокольня валилась, как уже из крепости загремели пушки; гарнизон, стоявший в ружье, тотчас занял развалины колокольни, и поставил там батарею. Мятежники, не ожидавшие таковой встречи, остановились в недоумении; чрез несколько минут они подняли свой обычный визг; но никто не шел вперед. Напрасно предводители кричали: на слом, на слом, атаманы молодцы! Приступу не было; визг продолжался до зари, и бунтовщики разошлись, ропща на Пугачева, обещавшего им, что при взрыве колокольни на крепость упадет каменный град и передавит весь гарнизон.

На другой день Пугачев получил из-под Оренбурга известие о приближении князя Голицына и поспешно уехал в Берду, взяв с собою пятьсот человек конницы и до полуторы тысячи подвод. Сия весть дошла и до осажденных. Они предались радости, рассчитывая, что помощь приспеет к ним чрез две недели. Но минута их освобождения была еще далека.

Во время частых отлучек Пугачева, Шигаев, Падуров и Хлопуша управляли осадой Оренбурга. Хлопуша, пользуясь его отсутствием,

вздумал овладеть Илецкою Защитой[6] (где добывается каменная соль) и в конце февраля, взяв с собой четыреста человек, напал на оную. Защита была взята при помощи тамошних ссыльных работников, между коими находилось и семейство Хлопуши. Казенное имущество было разграблено; офицеры перебиты, кроме одного, пощаженного по просьбе работников; колодники присоединены к шайке мятежников. Пугачев, возвратясь в Берду, негодовал на своеволие смелого каторжника, и укорял его за разорение Защиты, как за ущерб государственной казне. Пугачев выступил против князя Голицына с десятью тысячами отборного войска, оставя под Оренбургом Шигаева с двумя тысячами. Накануне велел он тайно задавить одного из верных своих сообщников, Дмитрия Лысова. Несколько дней пред тем, они ехали вместе из Каргале в Берду, будучи оба пьяны, и дорогою поссорились. Лысов наскакал сзади на Пугачева и ударил его копьем. Пугачев упал с лошади; но панцырь, который всегда носил он под платьем, спас его жизнь. Их помирили товарищи, и Пугачев пил еще с Лысовым за несколько часов до его смерти.

Пугачев занял крепости Тоцкую и Сарочинскую[7] и с обыкновенною дерзостию ночью, в сильный буран, напал на передовые отряды Голицына; но был отражен маиорами Пушкиным и Елагиным. В сем сражении убит храбрый Елагин. В самое сие время Мансуров соединился с князем Голицыным. Пугачев отступил к Новосергиевской,[8] не успев сжечь крепостей, им оставленных. Голицын, оставя в Сарочинской свои запасы под прикрытием четырехсот человек при осьми пушках, через два дня пошел далее. Пугачев сделал движение на Илецкий городок и, вдруг поворотя к Татищевой, в ней засел, и стал там укрепляться. Голицын послал было к Илецкому городку подполковника Бедрягу с тремя эскадронами конницы, подкрепляемой пехотою и пушками, а сам пошел прямо на Переволоцкую[9] (куда возвратился и Бедряга); оттуда, оставя обоз под прикрытием одного баталиона при подполковнике Гриневе, 22 марта подступил под Татищеву.

Крепость, в прошедшем году взятая и выжженная Пугачевым, была уже им исправлена. Сгоревшие деревянные укрепления были заменены снеговыми. Распоряжения Пугачева удивили князя Голицына, не ожидавшего от него таких сведений в военном искусстве. Голицын сначала отрядил триста человек для высмотра неприятеля.[10] Мятежники, притаясь, подпустили их к самой крепости, и вдруг сделали сильную вылазку: но были удержаны двумя эскадронами, подкреплявшими первых. Полковник Бибиков тот же час послал егерей, которые, бегая на лыжах по глубокому снегу, заняли все выгодные высоты. Голицын раз-

делил войска на две колонны, стал приближаться и открыл огонь, на который из крепости отвечали столь же сильно. Пальба продолжалась три часа. Голицын увидел, что одними пушками одолеть было невозможно, и велел генералу Фрейману с левою колонною идти на приступ. Пугачев выставил против него семь пушек. Фрейман их отнял и бросился на оледенелый вал. Мятежники защищались отчаянно, но принуждены были уступить силе правильного оружия — и бежали во все стороны. Конница, дотоле недействовавшая, преследовала их по всем дорогам. Кровопролитие было ужасно. В одной крепости пало до тысячи трехсот мятежников. На пространстве двадцати верст кругом, около Татищевой, лежали их тела. Голицын потерял до четырехсот убитыми и ранеными, в том числе более двадцати офицеров.[11] Победа была решительная. Тридцать шесть пушек и более трех тысяч пленных достались победителю. Пугачев с шестьюдесятьми казаками пробился сквозь неприятельское войско, и прискакал сам-пять в Бердскую слободу с известием о своем поражении. Бунтовщики начали выбираться из Берды, кто верхом, кто на санях. На воза громоздили заграбленное имущество. Женщины и дети шли пешие. Пугачев велел разбить бочки вина, стоявшие у его избы, опасаясь пьянства и смятения. Вино хлынуло по улице. Между тем Шигаев, видя, что всё пропало, думал заслужить себе прощение и, задержав Пугачева и Хлопушу,[12] послал от себя к оренбургскому губернатору с предложением о выдаче ему самозванца, и прося дать ему сигнал двумя пушечными выстрелами. Сотник Логинов, сопровождавший бегство Пугачева, явился к Рейнсдорпу с сим известием. Бедный Рейнсдорп не смел поверить своему счастию и целых два часа не мог решиться дать требуемый сигнал! Пугачев и Хлопуша были между тем освобождены ссылочными, находившимися в Берде. Пугачев бежал с десятью пушками, с заграбленною добычею и с двумя тысячами остальной сволочи. Хлопуша прискакал к Каргале, с намерением спасти жену и сына. Татары связали его, и послали уведомить о том губернатора. Славный каторжник был привезен в Оренбург, где наконец отсекли ему голову, в июне 1774 года.

Оренбургские жители, услышав о своем освобождении, толпами бросились из города вслед за шестьюстами человек пехоты, высланных Рейнсдорпом к оставленной слободе, и овладели жизненными запасами. В Берде найдено осьмнадцать пушек, семнадцать бочек медных денег[13] и множество хлеба. В Оренбурге спешили принести богу благодарение за нечаянное избавление. Благословляли Голицына. Рейнсдорп писал ему, поздравляя его с победою и называя спасителем Оренбурга.[14] Отсюду начали в город навозить запасы. Настало изобилие, и бед-

ственная шестимесячная осада была забыта в одно радостное мгновение. 26 марта Голицын приехал в Оренбург, жители приняли его с восторгом неописанным.

Бибиков с нетерпением ожидал сего перелома. Для ускорения военных действий выехал он из Казани и был встречен в Бугульме известием о совершенном поражении Пугачева. Он обрадовался несказанно. „То-то жернов с сердца свалился (писал он от 26 марта жене своей). Сегодня войдут мои в Оренбург; немедленно и я туда поспешу добраться, чтобы еще ловчее было поворачивать своими; а сколько седых волос прибавилось в бороде, то бог видит; а на голове плешь еще более стала: однако я по морозу хожу без парика".

Между тем Пугачев, миновав разосланные разъезды, прибыл утром 24-го в Сеитовскую[15] слободу, зажег ее и пошел к Сакмарскому городку, забирая дорогою новую сволочь. Он полагал наверное, что из Татищевой Голицын со всеми своими силами должен был обратиться к Яицкому городку, и вдруг пошел занять снова Бердскую слободу, надеясь нечаянно овладеть Оренбургом. Голицын, узнав о таковой дерзости чрез полковника Хорвата, преследовавшего Пугачева от самой Татищевой, усилил свое войско бывшими в Оренбурге пехотными отрядами и казаками; взяв для них последних лошадей у своих офицеров, немедленно пошел навстречу самозванцу и встретил его в Каргале. Пугачев, увидя свою ошибку, стал отступать, искусно пользуясь местоположением. На узкой дороге, против полковников Бибикова и Аршеневского, выставил он семь пушек и под их прикрытием проворно устремился к реке Сакмаре. Но тут к Бибикову подоспели пушки; он, заняв гору, выстроил батарею; Хорват, в последней теснине, бросясь на мятежников, отбил орудия и, обратя в бегство, восемь верст преследовал их толпы и вместе с ними въехал в Сакмарской городок. Пугачев потерял последние пушки, четыреста человек убитыми и три тысячи пятьсот взятыми в плен. В числе последних находились и главные его сообщники: Шигаев, Почиталин, Падуров и другие. Пугачев с четырьмя заводскими мужиками бежал к Пречистенской и оттоле на уральские заводы. Усталая конница не могла его достичь. После сей решительной победы Голицын возвратился в Оренбург, отрядив Фреймана — для усмирения Башкирии, Аршеневского — для очищения Новомосковской дороги, а Мансурова — к Илецкому городку, дабы, очистя всю ту сторону, шел он на освобождение Симонова.

Михельсон с своей стороны действовал не менее удачно. Приняв 18 марта начальство над своим отрядом, он тотчас двинулся к Уфе. Против него, для преграждения пути, выслано было Чикою дзе тысячи

человек с четырьмя пушками, которые и ожидали его в деревне Жукове. Михельсон, оставя их у себя в тылу, пошел прямо на Чесноковку, где стоял Чика с десятью тысячами мятежников, и, рассея дорогою несколько мелких отрядов, 25-го на рассвете пришел в деревню Требикову (в пяти верстах от Чесноковки). Тут он был встречен толпою бунтовщиков с двумя пушками. Маиор Харин разбил их и рассеял; егери отняли пушки, и Михельсон двинулся вперед. Обоз его шел под прикрытием ста человек и одной пушки. Они прикрывали и тыл Михельсона, в случае нападения. 26-го, на рассвете, у деревни Зубовки, встретил он мятежников. Часть их выбежала на лыжах и верхами и, растянувшись по обеим сторонам дороги, старалась окружить его. Три тысячи, подкрепленные десятью пушками, пошли прямо ему навстречу. Между тем открыли огонь из батареи, поставленной в деревне. Сражение продолжалось четыре часа. Бунтовщики дрались храбро. Наконец Михельсон, увидя конницу, идущую к ним на подкрепление, устремил все свои силы на главную толпу и велел своей коннице, спешившейся в начале сражения, садиться на-конь и ударить в палаши. Передовые толпы бежали, брося пушки. Харин, рубя их, вместе с ними вступил в Чесноковку. Между тем конница, шедшая к ним на помощь в Зубовку, была отражена, и бежала к Чесноковке же, где Харин встретил ее и всю захватил. Лыжники, успевшие зайти в тыл Михельсону и отрезать от него обоз, в то же время были разбиты двумя ротами гренадер. Они разбежались по лесам. Взято в плен три тысячи бунтовщиков. Заводские и экономические крестьяне распущены были по деревням. Захвачено двадцать пять пушек и множество запасов. Михельсон повесил двух главных бунтовщиков: башкирского старшину и выборного села Чесноковки. Уфа была освобождена. Михельсон, нигде не останавливаясь, пошел на Табинск, куда, после Чесноковского дела, прискакали Ульянов и Чика. Там они были схвачены[16] казаками и выданы победителю, который отослал их скованных в Уфу. После того Михельсон учредил разъезды во все стороны, и успел восстановить спокойствие в большей части бунтовавших деревень.

Илецкий городок и крепости Озерная и Рассыпная, свидетели первых успехов Пугачева, были уже оставлены мятежниками. Начальники их, Чулошников и Кизилбашин, бежали в Яицкой городок. Весть о поражении самозванца под Татищевой в тот же день до них достигла. Беглецы, преследуемые гусарами Хорвата, проскакали через крепости, крича: спасайтесь, детушки! всё пропало! — Они наскоро перевязывали свои раны, и спешили к Яицкому городку. Вскоре настала весенняя оттепель; реки вскрылись, и тела убитых под Татищевой поплыли мимо

крепостей.[17] Жены и матери стояли у берега, стараясь узнать между ними своих мужьев и сыновей.

Мансуров 6 и 7 апреля занял оставленные крепости и Илецкой городок, нашед в последнем четырнадцать пушек. 15-го, при опасной переправе чрез разлившуюся речку Быковку, на него напали Овчинников, Перфильев и Дегтерев. Мятежники были разбиты и рассеяны; Бедряга и Бородин их преследовали; но распутица спасла предводителей. Мансуров немедленно пошел к Яицкому городку.

Крепость находилась в осаде с самого начала года.[18] Отсутствие Пугачева не охлаждало мятежников. В кузницах приготовлялись ломы и лопаты; возвышались новые батареи. Мятежники деятельно продолжали свои земляные работы, то обрывая берег Чечоры и тем уничтожая сообщение одной части города с другою, то копая траншеи, дабы препятствовать вылазкам. Они намерены были вести подкопы по яру Старицы, кругом всей крепости, под соборную церковь, под батареи, и под комендантские палаты. Осажденные находились в вечной опасности, и с своей стороны принуждены были отовсюду вести контрмины, с трудом прорубая землю, промерзшую на целый аршин; перегораживали крепость новою стеною и кулями, наполненными кирпичом взорванной колокольни.

9 марта, на рассвете, двести пятьдесят рядовых вышли из крепости; целью вылазки было уничтожение новой батареи, сильно беспокоившей осажденных. Солдаты дошли до завалов, но были встречены сильным огнем. Они смешались. Мятежники хватали их в тесных проходах между завалами и избами, которые хотели они зажечь; кололи раненых и падающих и топорами отсекали им головы. Солдаты бежали. Убито их было до тридцати человек, ранено до осьмидесяти. Никогда с таким уроном гарнизон с вылазки не возвращался. Удалось сжечь одну батарею, не главную, да несколько изб. Показание трех захваченных бунтовщиков увеличило уныние осажденных: они объявили о подкопах, веденных под крепость, и о скором прибытии Пугачева. Устрашенный Симонов велел всюду производить новые работы; около его дома беспрестанно пробовали землю буравами; стали копать новый ров. Люди, изнуренные тяжкою работою, почти не спали; ночью половина гарнизона всегда стояла в ружье; другой позволено было только сидя дремать. Лазарет наполнился больными; съестных запасов оставалось не более как дней на десять. Солдатам начали выдавать в сутки только по четверть фунта муки, то есть десятую часть меры обыкновенной. Не было уже ни круп, ни соли. Вскипятив артельный котел воды и забелив ее мукою, каждый выпивал чашку свою, что и составляло их насуточную пищу. Женщины

Пугачев. С портрета маслом, писанного по портрету Екатерины II (Госуд. Исторический Музей)

не могли более вытерпливать голода: они стали проситься вон из крепости, что и было им позволено; несколько слабых и больных солдат вышли за ними; но бунтовщики их не приняли, а женщин, продержав одну ночь под караулом, прогнали обратно в крепость, требуя выдачи своих сообщников и обещаясь за то принять и прокормить высланных. Симонов на то не согласился, опасаясь умножить число врагов. Голод час-от-часу становился ужаснее. Лошадиного мяса, раздававшегося на вес, уже не было. Стали есть кошек и собак. В начале осады, месяца за три до сего, брошены были на лед убитые лошади; о них вспомнили, и люди с жадностию грызли кости, объеденные собаками. Наконец и сей запас истощился. Стали изобретать новые способы к пропитанию. Нашли род глины, отменно мягкой и без примеси песку. Попробовали ее сварить и, составя из нее какой-то кисель, стали употреблять в пищу. Солдаты совсем обессилели. Некоторые не могли ходить. Дети больных матерей чахли и умирали. Женщины несколько раз покушались тронуть мятежников и, валяясь в их ногах, умоляли о позволении остаться в городе. Их отгоняли с прежними требованиями. Одни казачки были приняты. Ожидаемой помощи не приходило. Осажденные отлагали свою надежду со дня на день, с недели на другую. Бунтовщики кричали гарнизону, что войска правительства разбиты, что Оренбург, Уфа и Казань уже преклонились самозванцу, что он скоро придет к Яицкому городку и что тогда уж пощады не будет. В случае ж покорности, обещали они от его имени не только помилование, но и награды. То же старались они внушить и бедным женщинам, которые просились из крепости в город. Начальникам невозможно было обнадеживать осажденных скорым прибытием помощи; ибо никто не мог уж и слышать о том без негодования: так ожесточены были сердца долгим напрасным ожиданием! Старались удержать гарнизон в верности и повиновении, повторяя, что позорною изменою никто не спасется от гибели, что бунтовщики, озлобленные долговременным сопротивлением, не пощадят и клятвопреступников. Старались возбудить в душе несчастных надежду на бога всемогущего и всевидящего, и ободренные страдальцы повторяли, что лучше предать себя воле его, нежели служить разбойнику, и во всё время бедственной осады, кроме двух или трех человек, из крепости беглых не было.

Наступила страстная неделя. Осажденные питались одною глиною уже пятнадцатый день. Никто не хотел умереть голодною смертью. Решились все до одного (кроме совершенно изнеможенных) идти на последнюю вылазку. Не надеялись победить (бунтовщики так укрепились, что уже ни с какой стороны к ним из крепости приступу не было), хотели только умереть честною смертию воинов.

Во вторник, в день, назначенный к вылазке, часовые, поставленные на кровле соборной церкви, приметили, что бунтовщики в смятении бегали по городу, прощаясь между собою, соединялись и толпами выезжали в степь. Казачки провожали их. Осажденные догадывались о чем-то необыкновенном и предались опять надежде. „Всё это нас так ободрило“—говорит свидетель осады, претерпевший весь ее ужас,—„как будто мы съели по куску хлеба“. Мало-по-малу смятение утихло; всё, казалось, вошло в обыкновенный порядок. Уныние овладело осажденными пуще прежнего. Они молча глядели в степь, отколе ожидали еще недавно избавителей... Вдруг, в пятом часу по полудни, вдали показалась пыль, и они увидели толпы, без порядка скачущие из-за рощи одна за другою. Бунтовщики въезжали в разные ворота, каждый в те, близ коих находился его дом. Осажденные понимали, что мятежники разбиты и бегут; но еще не смели радоваться; опасались отчаянного приступа. Жители бегали взад и вперед по улицам, как на пожаре. К вечеру ударили в соборной колокол, собрали круг, потом кучею пошли к крепости. Осажденные готовились их отразить; но увидели, что они ведут связанных своих предводителей, атаманов Каргина и Толкачева. Бунтовщики приближались, громко моля о помиловании. Симонов принял их, сам не веря своему избавлению. Гарнизон бросился на ковриги хлеба, нанесенные жителями. До светлого воскресения, пишет очевидец сих происшествий, оставалось еще четыре дня, но для нас уже сей день был светлым праздником. Самые те, которые от слабости и болезни не подымались с постели, мгновенно были исцелены. Всё в крепости было в движении, благодарили бога, поздравляли друг друга; во всю ночь никто не спал. Жители уведомили осажденных об освобождении Оренбурга и о скором прибытии Мансурова. 17 апреля прибыл Мансуров. Ворота крепости, запертые и заваленные с самого 30 декабря, отворились. Мансуров принял начальство над городом. Начальники бунта, Каргин, Толкачев и Горшков, и незаконная жена самозванца, Устинья Кузнецова, были под стражею отправлены в Оренбург.

Таков был успех распоряжений искусного, умного военачальника. Но Бибиков не успел довершить начатого им: измученный трудами, беспокойством и досадами, мало заботясь о своем уже расстроенном здоровье, он занемог в Бугульме горячкою и, чувствуя приближающуюся кончину, сделал еще несколько распоряжений. Он запечатал все свои тайные бумаги, приказав доставить их императрице, и сдал начальство генерал-поручику Щербатову, старшему по нем. Узнав по слухам об освобождении Уфы, он успел еще донести о том императрице и скончался 9 апреля, в 11 часов утра, на сорок четвертом году от рождения.

Тело его несколько дней стояло на берегу Камы, чрез которую в то время не было возможности переправиться. Казань желала погребсти его в своем соборе и соорудить памятник своему избавителю; но, по требованию его семейства, тело Бибикова отвезено было в его деревню. Андреевская лента, звание сенатора и чин полковника гвардии не застали его в живых. Умирая, говорил он: „Не жалею о детях и жене; государыня призрит их: жалею об отечестве“. [19] — Молва приписала смерть его действию яда, будто бы данного ему одним из конфедератов. Державин воспел кончину Бибикова. Екатерина оплакала его и осыпала его семейство своими щедротами. [20] Петербург и Москва поражены были ужасом. Вскоре и вся Россия почувствовала невозвратную потерю. [21]

Глава шестая

Новые успехи Пугачева.— Башкирец Салават. —Взятие сибирских крепостей.— Сражение под Троицкою.— Отступление Пугачева.— Первая встреча его с Михельсоном.— Преследование Пугачева.— Бездействие войск. — Взятие Осы.— Пугачев под Казанью.

Пугачев, коего положение казалось отчаянным, явился на Авзяно-Петровских заводах. Овчинников и Перфильев, преследуемые маиором Шевичем, проскакали через Сакмарскую линию с тремястами яицких казаков, и успели с ним соединиться. Ставропольские и оренбургские калмыки хотели им последовать, и в числе шестисот кибиток двинулись было к Сорочинской крепости. В ней находился при провианте и фураже отставной подполковник Мелькович, человек умный и решительный. Он принял начальство над гарнизоном и, на них напав, принудил их возвратиться на прежние жилища.

Пугачев быстро переходил с одного места на другое. Чернь попрежнему стала стекаться около него; башкирцы, уже почти усмиренные, снова взволновались. Комендант Верхо-Яицкой крепости, полковник Ступишин, вошел в Башкирию, сжег несколько пустых селений и, захватив одного из бунтовщиков, отрезал ему уши, нос, пальцы правой руки, и отпустил его, грозясь поступить таким же образом со всеми бунтовщиками. Башкирцы не унялись. Старый их мятежник Юлай, скрывшийся во время казней 1741 года, [1] явился между ними с сыном своим Салаватом. Вся Башкирия восстала, и бедствие разгорелось с вящшей силою. Фрейман должен был преследовать Пугачева; Михельсон силился пресечь ему дорогу; но распутица его спасала. Дороги были непроходимы, люди вязли в бездонной грязи; реки разливались на несколько верст; ручьи становились реками. Фрейман остановился в Стерлитамацке. Михельсон, успевший еще переправиться через Вятку по льду,

а через Уфу на осьми лодках, продолжал путь, несмотря на всевозможные препятствия, и 5 мая у Симского завода настиг толпу башкирцев, предводительствуемых свирепым Салаватом. Михельсон прогнал их, завод освободил, и через день пошел далее. Салават остановился в осьмнадцати верстах от завода, ожидая Белобородова. Они соединились и выступили навстречу Михельсону с двумя тысячами бунтовщиков и с восемью пушками. Михельсон разбил их снова, отнял у них пушки, положил на месте до трехсот человек, рассеял остальных, и спешил к Уйскому заводу, надеясь настигнуть самого Пугачева, но вскоре узнал, что самозванец находился уже на Белорецких заводах.

За рекою Юрзенем Михельсон успел разбить еще толпу мятежников и преследовал их до Саткинского завода. Тут узнал он, что Пугачев, набрав до шести тысяч башкирцев и крестьян, пошел на крепость Магнитную. Михельсон решился углубиться в Уральские горы, надеясь соединиться с Фрейманом около вершины Яика.

Пугачев, зажегши ограбленные им Белорецкие заводы, быстро перешел через Уральские горы, и 5 мая приступил к Магнитной, не имея при себе ни одной пушки. Капитан Тихановский оборонялся храбро. Пугачев сам был ранен картечью в руку, и отступил, претерпев значительный урон. Крепость казалась спасена; но в ней открылась измена: пороховые ящики ночью были взорваны. Мятежники бросились, разобрали заплоты и ворвались. Тихановский с женою были повешены; крепость разграблена и выжжена. В тот же день пришел к Пугачеву Белобородов с четырьмя тысячами бунтующей сволочи.

Генерал-поручик Декалонг из Челябинска, недавно освобожденного от бунтовщиков, двинулся к Верхо-Яицкой крепости, надеясь настигнуть Пугачева еще на Белорецких заводах; но, вышед на линию, получил от Верхо-Яицкого коменданта, полковника Ступишина, донесение, что Пугачев идет вверх по линии от одной крепости на другую, как в начале своего грозного появления. Декалонг спешил к Верхо-Яицкой. Тут узнал он о взятии Магнитной. Он двинулся к Кизильской. Но, прошед уже пятнадцать верст, узнал от пойманного башкирца, что Пугачев, услыша о приближении войска, шел уже не к Кизильской, а прямо Уральскими горами, на Карагайскую. Декалонг пошел назад. Приближаясь к Карагайской, он увидел одни дымящиеся развалины; Пугачев покинул ее накануне. Декалонг надеялся догнать его в Петрозаводской; но и тут уже его не застал. Крепость была разорена и выжжена, церковь разграблена, жители уведены.

Декалонг, оставя линию, пошел внутреннею дорогою прямо на Уйскую крепость. У него оставалось овса только на одни сутки. Он

думал настигнуть Пугачева хотя в Степной крепости; но, узнав, что и Степная уже взята, пустился к Троицкой. На дороге, в Сенарской нашел он множество народа из окрестных разоренных крепостей. Офицерские жены и дети, босые, оборванные, рыдали, не зная, где искать убежища. Декалонг принял их под свое покровительство, и отдал на попечение своим офицерам. 21 мая утром приближился он к Троицкой, прошед шестьдесят верст усиленным переходом, и наконец увидел Пугачева, расположившегося лагерем под крепостию, взятою им накануне. Декалонг тотчас на него напал. У Пугачева было более десяти тысяч войска и до тридцати пушек. Сражение продолжалось целых четыре часа. Во всё время Пугачев лежал в своей палатке, жестоко страдая от раны, полученной им под Магнитною. Действиями распоряжал Белобородов. Наконец мятежники расстроились. Пугачев сел на лошадь и с подвязанною рукою бросался всюду, стараясь восстановить порядок; но всё рассеялось и бежало. Пугачев ушел с одною пушкою по Челябинской дороге. Преследовать было невозможно. Конница была слишком изнурена. В лагере найдено до трех тысяч людей всякого звания, пола и возраста, захваченных самозванцем и обреченных погибели. Крепость была спасена от пожара и грабежа. Но комендант, бригадир Фейервар, был убит накануне, во время приступа, а офицеры его повешены.

Пугачев и Белобородов, ведая, что усталость войска и изнурение лошадей не позволят Декалонгу воспользоваться своею победою, привели в устройство свои рассеянные толпы, и стали в порядке отступать, забирая крепости и быстро усиливаясь. Маиоры Гагрин и Жолобов, отряженные Декалонгом на другой день после сражения, преследовали их, но не могли достигнуть.

Михельсон, между тем, шел Уральскими горами, по дорогам мало известным. Деревни башкирские были пусты. Не было возможности достать нужные припасы. Отряд его был в ежечасной опасности. Многочисленные шайки бунтовщиков кружились около него. 13 мая башкирцы, под предводительством мятежного старшины, на него напали и сразились отчаянно; загнанные в болото, они не сдавались. Все, кроме одного, насильно пощаженного, были изрублены вместе с своим начальником. Михельсон потерял одного офицера и шестьдесят рядовых убитыми и ранеными.

Пленный башкирец, обласканный Михельсоном, объявил ему о взятии Магнитной и о движении Декалонга. Михельсон, нашед сии известия сообразными с своими предположениями, вышел из гор и пошел на Троицкую, в надежде освободить сию крепость, или встретить Пугачева

в случае его отступления. Вскоре услышал он о победе Декалонга и пошел на Варламово, с намерением пресечь дорогу Пугачеву. В самом деле, 22 мая утром, приближаясь к Варламову, он встретил передовые отряды Пугачева. Увидя стройное войско, Михельсон не мог сначала вообразить, чтоб это был остаток сволочи, разбитой накануне, и принял его (говорит он насмешливо в своем донесении) за корпус генерал-поручика и кавалера Декалонга; но вскоре удостоверился в истине. Он остановился, удерживая выгодное свое положение у леса, прикрывавшего его тыл. Пугачев двинулся противу него, и вдруг поворотил на Чербакульскую крепость. Михельсон пошел через лес, и перерезал ему дорогу. Пугачев в первый раз увидел перед собою того, кто должен был нанести ему столько ударов и положить предел кровавому его поприщу. Пугачев тотчас напал на его левое крыло, привел оное в расстройство и отнял две пушки. Но Михельсон ударил на мятежников со всею своею конницею, рассеял их в одно мгновение, взял назад свои пушки, а с ними и последнюю, оставшуюся у Пугачева после его разбития под Троицкой, положил на месте до шестисот человек, в плен взял до пятисот, и гнал остальных несколько верст. Ночь прекратила преследование. Михельсон ночевал на поле сражения. — На другой день отдал он в приказе строгой выговор роте, потерявшей свои пушки, и отнял у ней пуговицы и обшлага, до выслуги. Рота не замедлила загладить свое бесчестие. [2]

23-го Михельсон пошел на Чербакульскую крепость. Казаки, в ней находившиеся, бунтовали. Михельсон привел их к присяге, присоединив к своему отряду, и впоследствии был всегда ими доволен.

Жолобов и Гагрин действовали медленно и нерешительно. Жолобов, уведомив Михельсона, что Пугачев собрал остаток рассеянной толпы и набирает новую, отказался идти против него, под предлогом разлития рек и дурных дорог. Михельсон жаловался Декалонгу; а Декалонг, сам обещаясь выступить для истребления последних сил самозванца, остался в Челябе, и еще отозвал к себе Жолобова и Гагрина.

Таким образом преследование Пугачева предоставлено было одному Михельсону. Он пошел к Златоустовскому заводу, услыша, что там находилось несколько яицких бунтовщиков; но они бежали, узнав о его приближении. След их, чем далее шел, тем более рассыпался, а наконец совсем пропал.

27 мая Михельсон прибыл на Саткинский завод. [3] Салават, с новою шайкою, злодействовал в окрестностях. Уже Симской завод был им разграблен и сожжен. Услыша о Михельсоне, он перешел реку Ай, и остановился в горах, где Пугачев, избавясь от погони Гагрина и Жолобова, и собрав уже до двух тысяч всякой сволочи, с ним успел соединиться.

Михельсон на Саткинском заводе, спасенном его быстротою, сделал первый свой роздых по выступлении из-под Уфы. Чрез два дня пошел он против Пугачева и Салавата, и прибыл на берег Ая. Мосты были сняты. Мятежники на противном берегу, видя малочисленность его отряда, полагали себя в безопасности.

Но 30-го, утром, Михельсон приказал пятидесяти казакам переправиться вплавь, взяв с собою по одному егерю. Мятежники бросились было на них, но были рассеяны пушечными выстрелами с противного берега. Егери и казаки удержались кое-как, а Михельсон между тем переправился с остальным отрядом; порох перевезла конница, пушки потопили и перетащили по дну реки на канатах. Михельсон быстро напал на неприятеля, смял и преследовал его более двадцати верст, убив до четырехсот и взяв множество в плен. Пугачев, Белобородов и раненый Салават едва успели спастись.

Окрестности были пусты. Михельсон ни от кого не мог узнать о стремлении неприятеля. Он пошел на-удачу, и 2 июня отряженный им капитан Карташевский ночью был окружен шайкою Салавата. К утру Михельсон подоспел к нему на помощь. Мятежники рассыпались и бежали. Михельсон преследовал их с крайнею осторожностию. Пехота прикрывала его обоз. Сам он шел немного впереди, с частию своей конницы. Сии распоряжения спасли его. Многочисленная толпа мятежников неожиданно окружила его обоз и напала на пехоту. Сам Пугачев ими предводительствовал, успев в течение шести дней близ Саткинского завода набрать около пяти тысяч бунтовщиков. Михельсон прискакал на помощь; он послал Харина соединить всю свою конницу, а сам с пехотой остался у обоза. Мятежники были разбиты и снова бежали. Тут Михельсон узнал от пленных, что Пугачев имел намерение идти на Уфу. Он поспешил пресечь ему дорогу и 5 июня встретил его снова. Сражение было неизбежимо. Михельсон быстро напал на него, и снова разбил, и прогнал.

При всех своих успехах, Михельсон увидел необходимость прекратить на время свое преследование. У него уже не было ни запасов, ни зарядов. Оставалось только по два патрона на человека. Михельсон пошел в Уфу, дабы там запастися всем для него нужным.

Пока Михельсон, бросаясь во все стороны, везде поражал мятежников, прочие начальники оставались неподвижны. Декалонг стоял в Челябе и, завидуя Михельсону, нарочно не хотел ему содействовать. Фрейман, лично храбрый, но предводитель робкий и нерешительный, стоял в Кизильской крепости, досадуя на Тимашева, ушедшего в Зелаирскую[4] крепость с лучшею его конницею. — Станиславский, узнав, что Пугачев

близ Верхо-Яицкой крепости собрал значительную толпу, отказался от службы и скрылся в любимую свою Орскую крепость. Полковники Якубович и Обернибесов и маиор Дуве находились около Уфы. Вокруг их спокойно собирались бунтующие башкирцы. Бирск сожжен был почти в их виду, а они переходили с одного места на другое, избегая малейшей опасности и не думая о дружном содействии. По распоряжению князя Щербатова, войско Голицына оставалось без всякой пользы около Оренбурга и Яицкого городка, в местах уже безопасных; а край, где снова разгорался пожар, оставался почти беззащитен. [5]

Пугачев, отраженный от Кунгура маиором Поповым, двинулся было к Екатеринбургу; но, узнав о войсках, там находящихся, обратился к Красно-Уфимску.

Кама была открыта, и Казань в опасности. Брант наскоро послал в пригород Осу маиора Скрыпицына с гарнизонным отрядом и с вооруженными крестьянами, а сам писал князю Щербатову, требуя немедленной помощи. Щербатов понадеялся на Обернибесова и Дуве, которые должны были помочь маиору Скрыпицыну в случае опасности, и не сделал никаких новых распоряжений.

18 июня Пугачев явился перед Осою. Скрыпицын выступил против него, но, потеряв три пушки в самом начале сражения, поспешно возвратился в крепость. Пугачев велел своим спешиться и идти на приступ. Мятежники вошли в город, выжгли его, но от крепости отражены были пушками.

На другой день Пугачев со своими старшинами ездил по берегу Камы, высматривая места, удобные для переправы. По его приказанию поправляли дорогу и мостили топкие места. 20-го снова приступил он к крепости, и снова был отражен. Тогда Белобородов присоветовал ему окружить крепость возами сена, соломы и бересты, и зажечь таким образом деревянные стены. Пятнадцать возов были подвезены на лошадях в близкое расстояние от крепости, а потом подвигаемы вперед людьми, безопасными под их прикрытием. Скрыпицын, уже колебавшийся, потребовал сроку на одни сутки и сдался на другой день, приняв Пугачева на коленах, с иконами и хлебом-солью. Самозванец обласкал его и оставил при нем его шпагу. Несчастный, думая со временем оправдаться, написал, обще с капитаном Смирновым и подпоручиком Минеевым письмо к казанскому губернатору и носил при себе в ожидании удобного случая тайно его отослать. Минеев донес о том Пугачеву. Письмо было схвачено, Скрыпицын и Смирнов повешены, а доносчик произведен в полковники.

23 июня Пугачев переправился через Каму и пошел на винокуренные заводы Ижевский и Воткинский. Венцель, начальник оных, был

мучительски умерщвлен, заводы разграблены, и все работники забраны в злодейскую толпу. Минеев, изменою своею заслуживший доверенность Пугачева, советовал ему идти прямо на Казань. Распоряжения губернатора были ему известны. Он вызвался вести Пугачева, и ручался за успех. Пугачев недолго колебался, и пошел на Казань.

Щербатов, получив известие о взятии Осы, испугался. Он послал Обернибесову повеление занять Шумской перевоз, а маиора Меллина отправил к Шурманскому; Голицыну приказал скорее следовать в Уфу, дабы оттуда действовать по своему благоусмотрению, а сам с одним эскадроном гусар и ротою гренадер отправился в Бугульму.

В Казани находилось только полторы тысячи войска, но шесть тысяч жителей были наскоро вооружены. Брант и комендант Баннер приготовились к обороне. Генерал-маиор Потемкин, начальник тайной комиссии, учрежденной по делу Пугачева, усердно им содействовал. Генерал-маиор Ларионов не дождался Пугачева. Он с своими людьми переправился чрез Волгу и уехал в Нижний-Новгород.

Полковник Толстой, начальник казанского конного легиона, выступил против Пугачева и 10 июля встретил его в двенадцати верстах от города. Произошло сражение. Храбрый Толстой был убит, [6] а отряд его рассеян. На другой день Пугачев показался на левом берегу Казанки и расположился лагерем у Троицкой мельницы. Вечером, в виду всех казанских жителей, он сам ездил высматривать город и возвратился в лагерь, отложа приступ до следующего утра.

Глава седьмая

Пугачев в Казани. — Бедствие города. — Появление Михельсона. — Три сражения. — Освобождение Казани. — Свидание Пугачева с его семейством. — Опровержение клеветы. — Распоряжение Михельсона.

12 июля, на заре, мятежники, под предводительством Пугачева, потянулись от села Царицына по Арскому полю, двигая перед собою возы сена и соломы, между коими везли пушки. Они быстро заняли находившиеся близ предместья кирпичные сараи, рощу и загородный дом Кудрявцова, устроили там свои батареи и сбили слабый отряд, охранявший дорогу. Он отступил, выстроясь в карре и оградясь рогатками.

Прямо против Арского поля находилась главная городская батарея. Пугачев на нее не пошел, а с правого своего крыла отрядил к предместию толпу заводских крестьян под предводительством измен-

ника Минеева. Эта сволочь, большею частию безоружная, подгоняемая казацкими нагайками, проворно перебегала из буерака в буерак, из лощины в лощину, перепалзывала через высоты, подверженные пушечным выстрелам, и таким образом забралася в овраги, находящиеся на краю самого предместия. Опасное сие место защищали гимназисты с одною пушкою. Но, несмотря на их выстрелы, бунтовщики в точности исполнили приказание Пугачева: влезли на высоту, прогнали гимназистов голыми кулаками, пушку отбили, заняли летний губернаторский дом, соединенный с предместиями; пушку поставили в ворота, стали стрелять вдоль улиц и кучами ворвались в предместия. С другой стороны, левое крыло Пугачева бросилось к Суконной слободе. Суконщики (люди разного звания и большею частию кулачные бойцы), ободряемые преосвященным Вениамином, вооружились чем ни попало, поставили пушку у Горлова кабака и приготовились к обороне. [1] Башкирцы, с Шарной горы, пустили в них свои стрелы и бросились в улицы. Суконщики приняли было их в рычаги, в копья и сабли; но их пушку разорвало с первого выстрела и убило канонера. В это время Пугачев на Шарной горе поставил свои пушки и пустил картечью по своим и по чужим. Слобода загорелась. Суконщики бежали. Мятежники сбили караулы и рогатки, и устремились по городским улицам. Увидя пламя, жители и городское войско, оставя пушки, бросились к крепости, как к последнему убежищу. Потемкин вошел вместе с ними. Город стал добычею мятежников. Они бросились грабить домы и купеческие лавки; вбегали в церкви и монастыри, обдирали иконостасы; резали всех, которые попадались им в немецком платье. Пугачев, поставя свои батареи в трактире гостиного двора, за церквами, у триумфальных ворот, стрелял по крепости, особенно по Спасскому монастырю, занимающему ее правый угол и коего ветхие стены едва держались. С другой стороны, Минеев, втащив одну пушку на врата Казанского монастыря, а другую поставя на церковной паперти, стрелял по крепости, в самое опасное место. Прилетевшее оттоле ядро разбило одну из его пушек. Разбойники, надев на себя женские платья, поповские стихари, с криком бегали по улицам, грабя и зажигая домы. Осаждавшие крепость им завидовали, боясь остаться без добычи... Вдруг Пугачев приказал им отступить и, зажегши еще несколько домов, возвратился в свой лагерь. Настала буря. Огненное море разлилось по всему городу. Искры и головни летели в крепость и зажгли несколько деревянных кровель. В сию минуту часть одной стены с громом обрушилась и подавила несколько человек. Осажденные, стеснившиеся в крепости, подняли вопль, думая, что злодей вломился и что последний их час уже настал.

Из города погнали пленных и повезли добычу. Башкирцы, несмотря на строгие запрещения Пугачева, били нагайками народ, и кололи копьями отстающих женщин и детей. Множество потонуло, переправляясь вброд через Казанку. Народ, пригнанный в лагерь, поставлен был на колена перед пушками. Женщины подняли вой. Им объявили прощение. Все закричали: ура! и кинулись к ставке Пугачева. Пугачев сидел в креслах, принимая дары казанских татар, приехавших к нему с поклоном. Потом спрашивали: кто желает служить государю Петру Федоровичу? — Охотников нашлось множество.

Преосвященный Вениамин[2] во всё время приступа находился в крепости, в Благовещенском соборе, и на коленах со всем народом молил бога о спасении христиан. Едва умолкла пальба, он поднял чудотворные иконы, и несмотря на нестерпимый зной пожара и на падающие бревна, со всем бывшим при нем духовенством, сопровождаемый народом, обошел снутри крепость при молебном пении. — К вечеру буря утихла, и ветер оборотился в противную сторону. Настала ночь, ужасная для жителей! Казань, обращенная в груды горящих углей, дымилась и рдела во мраке. Никто не спал. С рассветом жители спешили взойти на крепостные стены, и устремили взоры в ту сторону, откуда ожидали нового приступа. Но, вместо Пугачевских полчищ, с изумлением увидели гусаров Михельсона, скачущих в город с офицером, посланным от него к губернатору.

Никто не знал, что уже накануне Михельсон, в семи верстах от города, имел жаркое дело с Пугачевым и что мятежники отступили в беспорядке.

Мы оставили Михельсона, неутомимо преследующим опрометчивое стремление Пугачева. В Уфе оставил он своих больных и раненых, взял с собою маиора Дуве, и 21 июня находился в Бурнове, в нескольких верстах от Бирска. Мост, сожженный Якубовичем, был опять наведен мятежниками. Около трех тысяч вышли навстречу Михельсону. Он их разбил, и отрядил Дуве противу шайки башкирцев, находившихся не в дальнем расстоянии. Дуве их рассеял. Михельсон пошел на Осу, и 27 июня, разбив на дороге толпу башкирцев и татар, узнал от них о взятии Осы и о переправе Пугачева через Каму. Михельсон пошел по его следам. На Каме не было ни мостов, ни лодок. Конница переправилась вплавь, пехота на плотах. Михельсон, оставя Пугачева вправе, пошел прямо на Казань, и 11 июля вечером был уже в пятидесяти верстах от нее.

Ночью отряд его тронулся с места. Поутру, в сорока пяти верстах от Казани, услышал пушечную пальбу. К полудню густой багровый дым возвестил ему о жребии города.

Полдневный жар и усталость отряда заставили Михельсона остановиться на один час. Между тем узнал он, что недалеко находилась толпа мятежников. Михельсон на них напал и взял четыреста в плен; остальные бежали к Казани и известили Пугачева о приближении неприятеля. Тогда-то Пугачев, опасаясь нечаянного нападения, отступил от крепости и приказал своим скорее выбираться из города, а сам, заняв выгодное местоположение, выстроился близ Царицына, в семи верстах от Казани.

Михельсон, получив о том донесение, пустился чрез лес одною колонною и, вышед в поле, увидел перед собою мятежников, стоящих в боевом порядке.

Михельсон отрядил Харина противу их левого крыла, Дуве противу правого, а сам пошел прямо на главную неприятельскую батарею. Пугачев, ободренный победою и усилясь захваченными пушками, встретил нападение сильным огнем. Перед батареей простиралось болото, чрез которое Михельсон должен был перейти, между тем, как Харин и Дуве старались обойти неприятеля. Михельсон взял батарею; Дуве на правом фланге отбил также две пушки. Мятежники, разделясь на две кучи, пошли — одни навстречу Харину и, остановясь в теснине за рвом, поставили батареи и открыли огонь; другие старались заехать в тыл отряду. Михельсон, оставя Дуве, пошел на подкрепление Харина, проходившего чрез овраг под неприятельскими ядрами. Наконец, после пяти часов упорного сражения, Пугачев был разбит и бежал, потеряв восемьсот человек убитыми и сто восемьдесят взятыми в плен. Потеря Михельсона была незначительна. Темнота ночи и усталость отряда не позволили Михельсону преследовать Пугачева.

Переночевав на месте сражения, перед светом Михельсон пошел к Казани. Навстречу ему поминутно попадались кучи грабителей, пьянствовавших целую ночь на развалинах сгоревшего города. Их рубили и брали в плен. Прибыв к Арскому полю, Михельсон увидел приближающегося неприятеля: Пугачев, узнав о малочисленности его отряда, спешил предупредить его соединение с городским войском. Михельсон, послав уведомить о том губернатора, встретил пушечными выстрелами толпу, кинувшуюся на него с воплем и визгом, и принудил ее отступить. Потемкин подоспел из города с гарнизоном. Пугачев перешел через Казанку и удалился за пятнадцать верст от города в село Сухую Реку. Преследовать его было невозможно: у Михельсона не было и тридцати годных лошадей.

Казань была освобождена. Жители теснились на стене крепости, дабы издали взглянуть на лагерь своего избавителя. Михельсон не

трогался с места, ожидая нового нападения. В самом деле Пугачев, негодуя на свои неудачи, не терял однако же надежды одолеть наконец Михельсона. Он отвсюду набирал новую сволочь, соединяясь с отдельными своими отрядами, и 15 июля утром, приказав прочесть перед своими толпами манифест, в котором объявлял о своем намерении идти на Москву, устремился в третий раз на Михельсона. Войско его состояло из двадцати пяти тысяч всякого сброду. Многочисленные толпы двинулись тою же дорогою, по которой уже два раза бежали. Облака пыли, дикие вопли, шум и грохот возвестили их приближение. Михельсон выступил противу их с осьмьюстами карабинер, гусар и чугуевских казаков. Он занял место прежнего сражения близ Царицына, и разделил войско свое на три отряда, в близком расстоянии один от другого. Бунтовщики на него бросились. Яицкие казаки стояли в тылу, и по приказанию Пугачева должны были колоть своих беглецов. Но Михельсон и Харин с двух сторон на них ударили, опрокинули и погнали. Всё было кончено в одно мгновение. Напрасно Пугачев старался удержать рассыпавшиеся толпы, сперва доскакав до первого своего лагеря, а потом и до второго. Харин живо его преследовал, не давая ему времени нигде остановиться. В сих лагерях находилось до десяти тысяч казанских жителей всякого пола и звания. Они были освобождены. Казанка была запружена мертвыми телами; пять тысяч пленных и девять пушек остались в руках у победителя. Убито в сражении до двух тысяч, большею частию татар и башкирцев. Михельсон потерял до ста человек убитыми и ранеными. Он вошел в город при кликах восхищенных жителей, свидетелей его победы. Губернатор, измученный болезнию, от которой он и умер через две недели, встретил победителя за воротами крепости, в сопровождении дворянства и духовенства. Михельсон отправился прямо в собор, где преосвященный Вениамин отслужил благодарственный молебен.

Состояние Казани было ужасно: из двух тысяч осьмисот шестидесяти семи домов, в ней находившихся, две тысячи пятьдесят семь сгорело. Двадцать пять церквей и три монастыря также сгорели. Гостиный двор и остальные домы, церкви и монастыри были разграблены. Найдено до трехсот убитых и раненых обывателей; около пятисот пропали без вести. В числе убитых находился директор гимназии, Каниц, несколько учителей и учеников и полковник Родионов. Генерал-маиор Кудрявцев,[3] старик стодесятилетний, не хотел скрыться в крепость, несмотря на всевозможные увещания. Он на коленах молился в Казанском девичьем монастыре. Вбежало несколько грабителей. Он стал их увещевать. Злодеи умертвили его на церковной паперти.

Так бедный колодник, за год тому бежавший из Казани, отпраздновал свое возвращение! Тюремный двор, где ожидал он плетей и каторги, был им сожжен, а невольники, его недавние товарищи, выпущены. В казармах содержалась уже несколько месяцев казачка Софья Пугачева с тремя своими детьми. Самозванец, увидя их, сказывают, заплакал, но не изменил самому себе. Он велел их отвести в лагерь, сказав, как уверяют: *я ее знаю; муж ее оказал мне великую услугу.*[4] Изменник Минеев, главный виновник бедствия Казани, при первом разбитии Пугачева попался в плен и, по приговору военного суда, загнат был сквозь строй до смерти.

Казанское начальство стало пещись о размещении жителей по уцелевшим домам. Они были приглашены в лагерь, для разбора добычи, отнятой у Пугачева, и для обратного получения своей собственности. Спешили разделиться кое-как. Люди зажиточные стали нищими; кто был скуден, очутился богат!

История должна опровергнуть клевету, легкомысленно повторенную светом: утверждали, что Михельсон мог предупредить взятие Казани, но что он нарочно дал мятежникам время ограбить город, дабы в свою очередь поживиться богатою добычею, предпочитая какую бы то ни было прибыль славе, почестям и царским наградам, ожидавшим спасителя Казани и усмирителя бунта! Читатели видели, как быстро и как неутомимо Михельсон преследовал Пугачева. Если Потемкин и Брант сделали бы свое дело и успели удержаться хоть несколько часов, то Казань была бы спасена. Солдаты Михельсона конечно обогатились; но стыдно было бы нам обвинять, без доказательства, старого заслуженного воина, проведшего всю жизнь на поле чести, и умершего главнокомандующим русскими войсками.[5]

14 июля прибыл в Казань подполковник граф Меллин и был отряжен Михельсоном для преследования Пугачева. Сам Михельсон остался в городе для возобновления своей конницы и для заготовления припасов. Прочие начальники наскоро сделали некоторые военные распоряжения, ибо, несмотря на разбитие Пугачева, знали уже, сколь был опасен сей предприимчивый и деятельный мятежник. Его движения были столь быстры и непредвидимы, что не было средства его преследовать; к тому же конница была слишком изнурена. Старались перехватить ему дорогу; но войска, рассеянные на великом пространстве, не могли всюду поспевать и делать скорые обороты. Должно сказать и то, что редкий из тогдашних начальников был в состоянии управиться с Пугачевым или с менее известными его сообщниками.

Глава осьмая

Пугачев за Волгою.—Общее смятение. — Письмо генерала Ступишина.—Намерение Екатерины. — Граф П. Ив. Панин. — Движение войск. — Взятие Пензы. — Смерть Всеволожского. — Споры Державина с Бошняком. — Взятие Саратова. — Пугачев под Царицыным. — Смерть астронома Ловица. — Поражение Пугачева. — Суворов. — Пугачев выдан правительству. — Разговор его с графом Паниным. — Суд над Пугачевым и над его сообщниками. — Казнь бунтовщиков.

Пугачев бежал по Кокшайской дороге на переменных лошадях, с тремястами яицких и илецких казаков, и наконец ударился в лес. Харин, преследовавший его целые тридцать верст, принужден был остановиться. Пугачев ночевал в лесу. Его семейство было при нем. Между его товарищами находились два новые лица: один из них был молодой Пулавский, родной брат славного конфедерата.[1] Он находился в Казани военнопленным и, из ненависти к России, присоединился к шайке Пугачева. Другой был пастор реформатского исповедания. Во время казанского пожара он был приведен к Пугачеву, самозванец узнал его: некогда, ходя в цепях по городским улицам, Пугачев получал от него милостыню. Бедный пастор ожидал смерти. Пугачев принял его ласково, и пожаловал в полковники. Пастор-полковник посажен был верхом на башкирскую лошадь. Он сопровождал бегство Пугачева и, несколько дней уже спустя, отстал от него и возвратился в Казань.[2]

Пугачев два дня бродил то в одну, то в другую сторону, обманывая тем высланную погоню. Сволочь его, рассыпавшись, производила обычные грабежи. Белобородов пойман был в окрестностях Казани, высечен кнутом, потом отвезен в Москву и казнен смертию. Несколько сотен беглецов присоединились к Пугачеву. 18 июля он вдруг устремился к Волге, на Кокшайский перевоз, и в числе пятисот человек лучшего своего войска переправился на другую сторону.

Переправа Пугачева произвела общее смятение. Вся западная сторона Волги восстала и передалась самозванцу. Господские крестьяне взбунтовались; иноверцы и новокрещеные стали убивать русских священников. Воеводы бежали из городов, дворяне из поместий; чернь ловила тех и других и отвсюду приводила к Пугачеву. Пугачев объявил народу вольность, истребление дворянского рода, отпущение повинностей и безденежную раздачу соли.[3] Он пошел на Цывильск, ограбил город, повесил воеводу и, разделив шайку свою на две части, послал одну по нижегородской дороге, а другую по алатырской, и пресек таким образом сообщение Нижнего с Казанью. Нижегородский губернатор, генерал-поручик Ступишин, писал к князю Волконскому, что участь Казани ожидает и Нижний, и что он не отвечает и за Москву. Все от-

ряды, находившиеся в губерниях Казанской и Оренбургской, пришли в движение и устремлены были против Пугачева. Щербатов из Бугульмы, а князь Голицын из Мензелинска поспешили в Казань; Меллин переправился через Волгу и 19 июля выступил из Свияжска; Мансуров из Яицкого городка двинулся к Сызрани; Муфель пошел к Симбирску; Михельсон из Чебоксаров устремился к Арзамасу, дабы пресечь Пугачеву дорогу к Москве...

Но Пугачев не имел уже намерения идти на старую столицу. Окруженный отвсюду войсками правительства, не доверяя своим сообщникам, он уже думал о своем спасении; цель его была: пробраться за Кубань или в Персию. Главные бунтовщики предвидели конец затеянному ими делу, и уже торговались о голове своего предводителя! Перфильев, от имени всех виновных казаков, послал тайно в Петербург одного поверенного с предложением о выдаче самозванца. Правительство, однажды им обманутое, худо верило ему: однако вошло с ним в сношение.[4] Пугачев бежал; но бегство его казалось нашествием. Никогда успехи его не были ужаснее, никогда мятеж не свирепствовал с такою силою. Возмущение переходило от одной деревни к другой; от провинции к провинции. Довольно было появления двух или трех злодеев, чтоб взбунтовать целые области. Составлялись отдельные шайки грабителей и бунтовщиков: и каждая имела у себя своего Пугачева...

Сии горестные известия сделали в Петербурге глубокое впечатление и омрачили радость, произведенную окончанием Турецкой войны и заключением славного Кучук-Кайнарджиского мира. Императрица, недовольная медлительностью князя Щербатова, еще в начале июля решилась отозвать его и поручить главное начальство над войском князю Голицыну. Курьер, ехавший с сим указом, остановлен был в Нижнем-Новегороде, по причине небезопасности дороги. Когда же государыня узнала о взятии Казани и о перенесении бунта за Волгу, тогда она уже думала сама ехать в край, где усиливалось бедствие и опасность, и лично предводительствовать войском. Граф Никита Иванович Панин успел уговорить ее оставить сие намерение. Императрица не знала, кому предоставить спасение отечества. В сие время вельможа, удаленный от двора и, подобно Бибикову, бывший в немилости, граф Петр Иванович Панин,[5] сам вызвался принять на себя подвиг, не довершенный его предшественником. Екатерина с признательностию увидела усердие благородного своего подданного, и граф Панин, в то время, как, вооружив своих крестьян и дворовых, готовился идти навстречу Пугачеву, получил, в своей деревне, повеление принять главное начальство над губерниями, где свирепствовал мятеж, и над войсками, туда посланными.

Привоз Пугачева в Уральск в 1775 г. С офорта Гейзера по рис. *Шуберта* (Госуд. Исторический Музей)

Таким образом покоритель Бендер пошел войною противу простого казака, четыре года тому назад безвестно служившего в рядах войска, вверенного его начальству.

20 июля Пугачев под Курмышем переправился вплавь через Суру. Дворяне и чиновники бежали. Чернь встретила его на берегу с образами и хлебом. Ей прочтен возмутительный манифест. Инвалидная команда приведена была к Пугачеву. Маиор Юрлов, начальник оной, и унтер-офицер, коего имя, к сожалению, не сохранилось, одни не захотели присягнуть и в глаза обличали самозванца. Их повесили, и мертвых били нагайками. Вдова Юрлова спасена была ее дворовыми людьми. Пугачев велел раздать чувашам казенное вино; повесил несколько дворян, приведенных к нему крестьянами их, и пошел к Ядринску, оставя город под начальством четырех яицких казаков и дав им в распоряжение шестьдесят приставших к нему холопьев. Он оставил за собою малую шайку, для задержания графа Меллина. Михельсон, шедший к Арзамасу, отрядил Харина к Ядринску, куда спешил и граф Меллин. Пугачев, узнав о том, обратился к Алатырю; но, прикрывая свое движение, послал к Ядринску шайку, которая и была отбита воеводою и жителями, а после сего встречена графом Меллиным, и совсем рассеяна. Меллин поспешил к Алатырю; мимоходом освободил Курмыш, где повесил нескольких мятежников, а казака, назвавшегося воеводою, взял с собою, как языка. Офицеры инвалидной команды, присягнувшие самозванцу, оправдывались тем, что присяга дана была ими *не от искреннего сердца, но для наблюдения интереса ее императорского величества*. „А что мы, писали они Ступишину, перед богом и всемилостивейшею государынею нашей нарушили присягу, и тому злодею присягали, в том приносим наше христианское покаяние и слезно просим отпущения сего нашего невольного греха; ибо не иное нас к сему привело, как смертный страх". Двадцать человек подписали сие постыдное извинение.

Пугачев стремился с необыкновенною быстротою, отряжая во все стороны свои шайки. Не знали, в которой находился он сам. Настичь его было невозможно: он скакал проселочными дорогами, забирая свежих лошадей, и оставлял за собою возмутителей, которые в числе двух, трех и не более пяти разъезжали безопасно по селениям и городам, набирая всюду новые шайки. Трое из них явились в окрестностях Нижнего-Новгорода; крестьяне Демидова связали их и представили Ступишину. Он велел их повесить на барках и пустить вниз по Волге, мимо бунтующих берегов.

27 июля Пугачев вошел в Саранск. Он был встречен не только черным народом, но духовенством и купечеством... Триста человек дворян,

всякого пола и возраста, были им тут повешены; крестьяне и дворовые люди стекались к нему толпами. Он выступил из города 30-го. На другой день Меллин вошел в Саранск, взял под караул прапорщика Шахмаметева, посаженного в воеводы от самозванца, также и других важных изменников духовного и дворянского звания, а черных людей велел высечь плетьми под виселицею.

Михельсон из Арзамаса устремился за Пугачевым. Муфель из Симбирска спешил ему же навстречу. Меллин шел по его пятам. Таким образом три отряда окружали Пугачева. Князь Щербатов с нетерпением ожидал прибытия войск из Башкирии, дабы отправить подкрепление действующим отрядам, и сам хотел спешить за ними; но, получа указ от 8 июля, сдал начальство князю Голицыну и отправился в Петербург.

Между тем Пугачев приближился к Пензе. Воевода Всеволожский несколько времени держал чернь в повиновении, и дал время дворянам спастись. Пугачев явился перед городом. Жители вышли к нему навстречу с иконами и хлебом, и пали пред ним на колена. Пугачев въехал в Пензу. Всеволожский, оставленный городским войском, заперся в своем доме с двенадцатью дворянами и решился защищаться. Дом был зажжен; храбрый Всеволожский погиб со своими товарищами; казенные и дворянские домы были ограблены. Пугачев посадил в воеводы господского мужика, и пошел к Саратову.

Узнав о взятии Пензы, саратовское начальство стало делать свои распоряжения.

В Саратове находился тогда Державин. Он отряжен был (как мы уже видели) в село Малыковку, дабы оттуда пресечь дорогу Пугачеву в случае побега его на Иргиз. Державин, известясь о сношениях Пугачева с киргиз-кайсаками, успел отрезать их от кочующих орд по рекам Узеням, и намеревался идти на освобождение Яицкого городка; но был предупрежден генералом Мансуровым. В конце июля прибыл он в Саратов, где чин гвардии поручика, резкий ум и пылкий характер доставили ему важное влияние на общее мнение.

1 августа Державин, обще с главным судиею конторы опекунства колонистов, Лодыжинским, потребовал саратовского коменданта Бошняка для совещания о мерах, кои должно было предпринять в настоящих обстоятельствах. Державин утверждал, что около конторских магазинов, внутри города, должно было сделать укрепления, перевезти туда казну, лодки на Волге сжечь, по берегу расставить батареи и идти навстречу Пугачеву. Бошняк не соглашался оставить свою крепость и хотел держаться за городом. Спорили, горячились — и Державин, вышед из себя, предлагал арестовать коменданта. Бошняк остался

неколебим, повторяя, что он вверенной ему крепости и божиих церквей покинуть на расхищение не хочет. Державин, оставя его, приехал в магистрат; предложил, чтобы все обыватели поголовно явились на земляную работу к месту, назначенному Лодыжинским. Бошняк жаловался, но никто его не слушал. Памятником сих споров осталось язвительное письмо Державина к упрямому коменданту.[6]

4 августа узнали в Саратове, что Пугачев выступил из Пензы и приближается к Петровску. Державин потребовал отряд донских казаков и пустился с ними в Петровск, дабы вывезти оттуда казну, порох и пушки. Но, подъезжая к городу, услышал он колокольный звон и увидел передовые толпы мятежников, вступающие в город, и духовенство, вышедшее к ним навстречу с образами и хлебом. Он поехал вперед с есаулом и двумя казаками и, видя, что более делать было нечего, пустился с ними обратно к Саратову. Отряд его остался на дороге, ожидая Пугачева. Самозванец к ним подъехал в сопровождении своих сообщников. Они приняли его, стоя на коленах. Услыша от них о гвардейском офицере, Пугачев тут же переменил лошадь и, взяв в руки дротик, сам с четырьмя казаками поскакал за ним в погоню. Один из казаков, сопровождавших Державина, был заколот Пугачевым. Державин успел добраться до Саратова, откуда на другой день выехал вместе с Лодыжинским, оставя защиту города на попечение осмеянного им Бошняка.[7]

5 августа Пугачев пошел к Саратову. Войско его состояло из трехсот яицких казаков и стапятидесяти донских, приставших к нему накануне, и тысяч до десяти калмыков, башкирцев, ясачных татар, господских крестьян, холопьев и всякой сволочи. Тысяч до двух были кое-как вооружены, остальные шли с топорами, вилами и дубинами. Пушек было у него тринадцать.

6-го Пугачев пришел к Саратову, и остановился в трех верстах от города.

Бошняк отрядил саратовских казаков для поимки языка; но они передались Пугачеву. Между тем обыватели тайно подослали к самозванцу купца Кобякова с изменническими предложениями. Бунтовщики подъехали к самой крепости, разговаривая с солдатами. Бошняк велел стрелять. Тогда жители, предводительствуемые городским головою Протопоповым, явно возмутились и приступили к Бошняку, требуя, чтоб он не начинал сражения и ожидал возвращения Кобякова. Бошняк спросил: как осмелились они, без его ведома, вступить в переговоры с самозванцем? Они продолжали шуметь. Между тем Кобяков возвратился с возмутительным письмом. Бошняк, выхватив его из рук изменника,

разорвал и растоптал, а Кобякова велел взять под караул. Купцы пристали к нему с просьбами и угрозами, и Бошняк принужден был им уступить и освободить Кобякова. Он однако приготовился к обороне. В это время Пугачев занял Соколову гору, господствующую над Саратовом, поставил батарею и начал по городу стрелять. По первому выстрелу крепостные казаки и обыватели разбежались. Бошняк велел выпалить из мортиры; но бомба упала в пятидесяти саженях. Он обошел свое войско и всюду увидел уныние: однако не терял своей бодрости. Мятежники напали на крепость. Он открыл огонь, и уже успел их отразить, как вдруг триста артиллеристов, выхватя из-под пушек клинья и фитили, выбежали из крепости и передались. В это время сам Пугачев кинулся с горы на крепость. Тогда Бошняк, с одним саратовским баталионом, решился продраться сквозь толпы мятежников. Он приказал маиору Салманову выступить с первою половиной баталиона; но, заметя в нем робость или готовность изменить, отрешил его от начальства. Маиор Бутырин заступился за него, и Бошняк вторично оказал слабость: он оставил Салманова при его месте и, обратясь ко второй половине баталиона, приказал распускать знамена и выходить из укреплений. В сию минуту Салманов передался, и Бошняк остался с шестидесятью человеками офицеров и солдат. Храбрый Бошняк с этою горстью людей выступил из крепости и целые шесть часов сряду шел — пробиваясь сквозь бесчисленные толпы разбойников. Ночь прекратила сражение. Бошняк достиг берегов Волги. Казну и канцелярские дела отправил рекою в Астрахань, а сам 11 августа благополучно прибыл в Царицын.

Мятежники, овладев Саратовом, выпустили колодников, отворили хлебные и соляные анбары, разбили кабаки и разграбили дома. Пугачев повесил всех дворян, попавшихся в его руки, и запретил хоронить тела; назначил в коменданты города казацкого пятидесятника Уфимцева, и 9 августа в полдень выступил из города. — 11-го в разоренный Саратов прибыл Муфель, а 14-го Михельсон. Оба, соединясь, поспешили вслед за Пугачевым.

Пугачев следовал по течению Волги. Иностранцы, тут поселенные, большею частию бродяги и негодяи, все к нему присоединились, возмущенные польским конфедератом (неизвестно кем по имени, только не Пулавским; последний уже тогда отстал от Пугачева, негодуя на его зверскую свирепость). Пугачев составил из них гусарский полк. Волжские казаки перешли также на его сторону.

Таким образом Пугачев со дня на день усиливался. Войско его состояло уже из двадцати тысяч. Шайки его наполняли губернии Ни-

жегородскую, Воронежскую и Астраханскую. Беглый холоп Евсигнеев, назвавшись также Петром III, взял Инсару, Троицк, Наровчат и Керенск, повесил воевод и дворян, и везде учредил свое правление. Разбойник Фирска подступил под Симбирск, убив в сражении полковника Рычкова, заступившего место Чернышева, погибшего под Оренбургом при начале бунта; гарнизон изменил ему. Симбирск был спасен однако ж прибытием полковника Обернибесова. Фирска наполнил окрестности убийствами и грабежами. Верхний и Нижний Ломов были ограблены и сожжены другими злодеями. Состояние сего обширного края было ужасно. Дворянство обречено было погибели. Во всех селениях, на воротах барских дворов, висели помещики или их управители.[8] Мятежники и отряды, их преследующие, отнимали у крестьян лошадей, запасы и последнее имущество. Правление было повсюду пресечено. Народ не знал, кому повиноваться. На вопрос: кому вы веруете? *Петру Федоровичу или Екатерине Алексеевне?* мирные люди не смели отвечать, не зная какой стороне принадлежали вопрошатели.

13 августа Пугачев приблизился к Дмитриевску (Камышенке). Его встретил маиор Диц с пятьюстами гарнизонных солдат, тысячью донских казаков и пятьюстами калмыков, предводительствуемых князьями Дундуковым и Дербетевым. Сражение завязалось. Калмыки разбежались при первом пушечном выстреле. Казаки дрались храбро и доходили до самых пушек, но были отрезаны и передались. Диц был убит. Гарнизонные солдаты со всеми пушками были взяты. Пугачев ночевал на месте сражения; на другой день занял Дубовку и двинулся к Царицыну.

В сем городе, хорошо укрепленном, начальствовал полковник Цыплетев. С ним находился храбрый Бошняк. 21 августа Пугачев подступил с обыкновенною дерзостию. Отбитый с уроном, он удалился за восемь верст от крепости. Против него выслали полторы тысячи донских казаков; но только четыреста возвратились; остальные передались.

На другой день Пугачев подступил к городу со стороны Волги и был опять отбит Бошняком. Между тем услышал он о приближении отрядов, и поспешно стал удаляться к Сарепте.

Михельсон, Муфель и Меллин прибыли 20-го в Дубовку, а 22-го вступили в Царицын.

Пугачев бежал по берегу Волги. Тут он встретил астронома Ловица и спросил, что он за человек. Услыша, что Ловиц наблюдал течение светил небесных, он велел его повесить *поближе к звездам*. Адъюнкт Иноходцев, бывший тут же, успел убежать.

Пугачев отдыхал в Сарепте целые сутки, скрываясь в своем шатре с двумя наложницами.[9] Семейство его находилось тут же. Он пустился

вниз к Черному Яру. Михельсон шел по его пятам. Наконец, 25-го, на рассвете он настигнул Пугачева в ста пяти верстах от Царицына.

Пугачев стоял на высоте, между двумя дорогами. Михельсон ночью обошел его, и стал противу мятежников. Утром Пугачев опять увидел перед собою своего грозного гонителя; но не смутился, а смело пошел на Михельсона, отрядив свою пешую сволочь противу донских и чугуевских казаков, стоящих по обоим крылам отряда. Сражение продолжалось недолго. Несколько пушечных выстрелов расстроили мятежников. Михельсон на них ударил. Они бежали, бросся пушки и весь обоз. Пугачев, переправясь через мост, напрасно старался их удержать; он бежал вместе с ними. Их били и преследовали сорок верст. Пугачев потерял до четырех тысяч убитыми и до семи тысяч взятыми в плен. Остальные рассеялись. Пугачев, в семидесяти верстах от места сражения, переплыл Волгу, выше Черноярска, на четырех лодках, и ушел на луговую сторону, не более как с тридцатью казаками. Преследовавшая его конница опоздала четвертью часа. Беглецы, не успевшие переправиться на лодках, бросились вплавь и перетонули.

Сие поражение было последним и решительным. Граф Панин, прибывший в то время в Керенск, послал в Петербург радостное известие, отдав в донесении своем полную справедливость быстроте, искусству и храбрости Михельсона. Между тем новое, важное лицо является на сцене действия: Суворов прибыл в Царицын.

Еще при жизни Бибикова, государственная коллегия, видя важность возмущения, вызывала Суворова, который в то время находился под стенами Силистрии; но граф Румянцев не пустил его, дабы не подать Европе слишком великого понятия о внутренних беспокойствах государства. Такова была слава Суворова! По окончании же войны Суворов получил повеление немедленно ехать в Москву, к князю Волконскому, для принятия дальнейших препоручений. Он свиделся с графом Паниным в его деревне, и явился в отряде Михельсона несколько дней после последней победы. Суворов имел от графа Панина предписание начальникам войск и губернаторам — исполнять все его приказания. Он принял начальство над Михельсоновым отрядом, посадил пехоту на лошадей, отбитых у Пугачева, и в Царицыне переправился через Волгу. В одной из бунтовавших деревень он взял, под видом наказания, пятьдесят пар волов, и с сим запасом углубился в пространную степь, где нет ни леса, ни воды, и где днем должно было ему направлять путь свой по солнцу, а ночью по звездам.

Пугачев скитался по той же степи. Войска отовсюду окружали его; Меллин и Муфель, также перешедшие через Волгу, отрезывали ему

дорогу к северу; легкий полевой отряд шел ему навстречу из Астрахани; князь Голицын и Мансуров преграждали его от Яика; Дундуков с своими калмыками рыскал по степи; разъезды учреждены были от Гурьева до Саратова, и от Черного до Красного Яра. Пугачев не имел средств выбраться из сетей, его стесняющих. Его сообщники, с одной стороны видя неминуемую гибель, а с другой — надежду на прощение, стали сговариваться и решились выдать его правительству.

Пугачев хотел идти к Каспийскому морю, надеясь как-нибудь пробраться в киргиз-кайсацкие степи. Казаки на то притворно согласились: но сказав, что хотят взять с собою жен и детей, повезли его на Узени, обыкновенное убежище тамошних преступников и беглецов. 14 сентября они прибыли в селения тамошних староверов. Тут произошло последнее совещание. Казаки, не согласившиеся отдаться в руки правительства, рассеялись. Прочие пошли к ставке Пугачева.

Пугачев сидел один в задумчивости. Оружие его висело в стороне. Услыша вошедших казаков, он поднял голову и спросил, чего им надобно? Они стали говорить о своем отчаянном положении и, между тем, тихо подвигаясь, старались загородить его от висевшего оружия. Пугачев начал опять их уговаривать идти к Гурьеву городку. Казаки отвечали, что они долго ездили за ним и что уже ему пора ехать за ними. Что же? сказал Пугачев, вы хотите изменить своему государю? — Что делать! отвечали казаки и вдруг на него кинулись. Пугачев успел от них отбиться. Они отступили на несколько шагов. *Я давно видел вашу измену*, сказал Пугачев и, подозвав своего любимца, илецкого казака Творогова, протянул ему свои руки и сказал: *вяжи!* Творогов хотел ему скрутить локти назад. Пугачев не дался. *Разве я разбойник?* говорил он гневно. Казаки посадили его верхом, и повезли к Яицкому городку. Во всю дорогу Пугачев им угрожал местью великого князя. Однажды нашел он способ высвободить руки, выхватил саблю и пистолет, ранил выстрелом одного из казаков и закричал, чтоб вязали изменников. Но никто уже его не слушал. Казаки, подъехав к Яицкому городку, послали уведомить о том коменданта. Казак Харчев и сержант Бардовский высланы были к ним навстречу, приняли Пугачева, посадили его в колодку и привезли в город, прямо к гвардии капитан-поручику Маврину, члену следственной комиссии.[10]

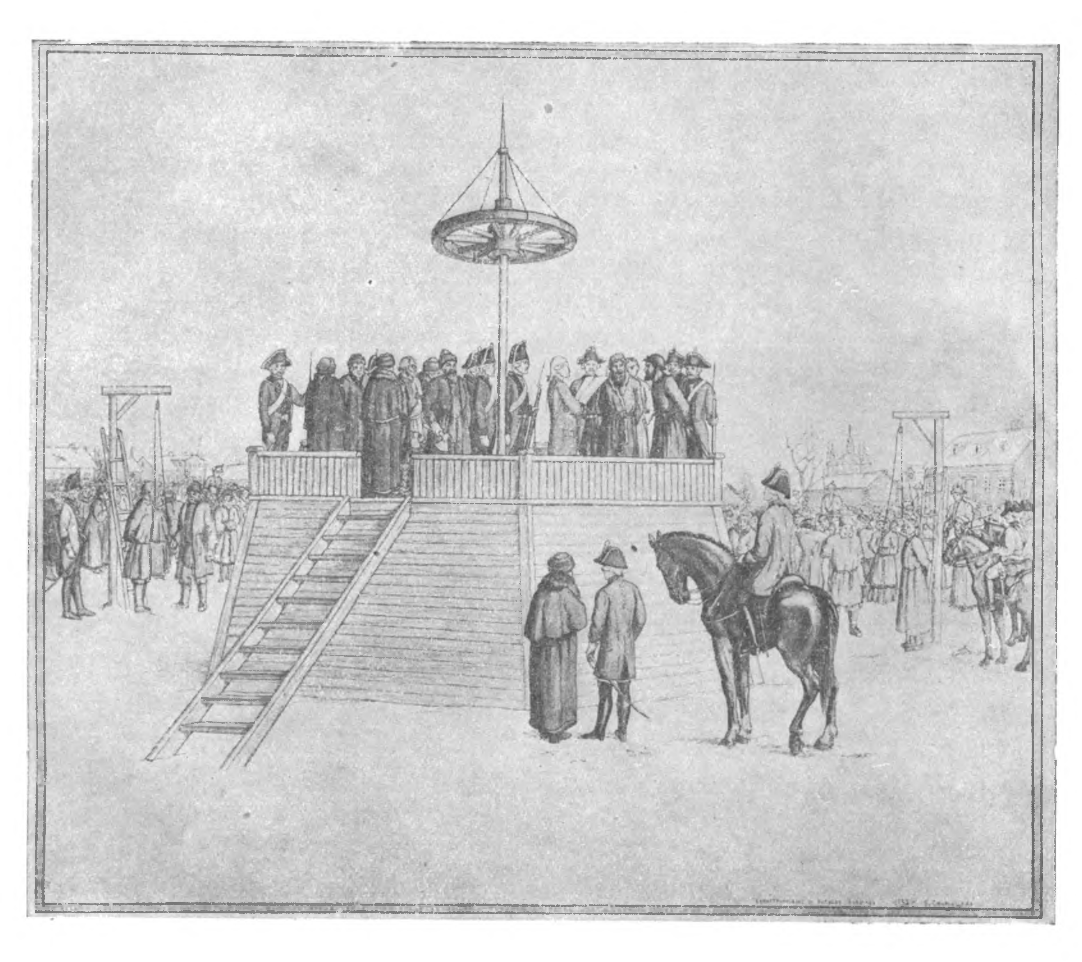
Маврин допросил самозванца. Пугачев с первого слова открылся ему. *Богу было угодно*, сказал он, *наказать Россию через мое окаянство.* — Велено было жителям собраться на городскую площадь; туда приведены были и бунтовщики, содержащиеся в оковах. Маврин вывел Пугачева и показал его народу. Все узнали его; бунтовщики потупили голову.

Пугачев громко стал их уличать, и сказал: *вы погубили меня; вы несколько дней сряду меня упрашивали принять на себя имя покойного великого государя; я долго отрицался, а когда и согласился, то всё, что ни делал, было с вашей воли и согласия: вы же поступали часто без ведома моего и даже вопреки моей воле.* Бунтовщики не отвечали ни слова.

Суворов между тем прибыл на Узени и узнал от пустынников, что Пугачев был связан его сообщниками, и что они повезли его к Яицкому городку. Суворов поспешил туда же. Ночью сбился он с дороги, и нашел на огни, раскладенные в степи ворующими киргизами. Суворов на них напал и прогнал, потеряв несколько человек, и между ними своего адъютанта Максимовича. Через несколько дней прибыл он в Яицкой городок. Симонов сдал ему Пугачева. Суворов с любопытством расспрашивал пленного мятежника о его военных действиях и намерениях и повез его в Симбирск, куда должен был приехать и граф Панин.

Пугачев сидел в деревянной клетке на двуколесной телеге. Сильный отряд, при двух пушках, окружал его. Суворов от него не отлучался. В деревне Мостах (во ста сорока верстах от Самары) случился пожар близ избы, где ночевал Пугачев. Его высадили из клетки, привязали к телеге вместе с его сыном, резвым и смелым мальчиком, и во всю ночь Суворов сам их караулил. В Коспорье, против Самары, ночью, в волновую погоду, Суворов переправился через Волгу, и пришел в Симбирск в начале октября.

Пугачева привезли прямо на двор к графу Панину, который встретил его на крыльце, окруженный своим штабом. — Кто ты таков? спросил он у самозванца. — *Емельян Иванов Пугачев* отвечал тот. — Как же смел ты, вор, назваться государем? продолжал Панин. — *Я не ворон* (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), *я вороненок, а ворон-то еще летает.* — Надобно знать, что яицкие бунтовщики, в опровержение общей молвы, распустили слух, что между ними действительно находился некто Пугачев, но что он с государем Петром III, ими предводительствующим, ничего общего не имеет. Панин, заметя, что дерзость Пугачева поразила народ, столпившийся около двора, ударил самозванца по лицу до крови и вырвал у него клок бороды. Пугачев стал на колена и просил помилования. Он посажен был под крепкий караул, скованный по рукам и по ногам, с железным обручем около поясницы, на цепи, привинченной к стене. Академик Рычков, отец убитого симбирского коменданта, видел его тут и описал свое свидание. [Пугачев ел уху на деревянном блюде. Увидя Рычкова, он сказал ему: „добро пожаловать“ и пригласил его с ним



Казнь Пугачева. С перерисовки неизвестного художника, сделанной им с утраченного рисунка очевидца *А. Т. Болотова.* (Госуд. Исторический музей)

отобедать. *Из чего,* пишет академик, *я познал его подлый дух.*] Рычков спросил его, как мог он отважиться на такие великие злодеяния? — Пугачев отвечал: *виноват пред богом и государыней, но буду стараться заслужить все мои вины.* Говоря о своем сыне, Рычков не мог удержаться от слез; Пугачев, глядя на него, сам заплакал.

Наконец Пугачева отправили в Москву, где участь его должна была решиться.[11] Его везли в зимней кибитке, на переменных обывательских лошадях; гвардии капитан Галахов и капитан Повало-Швейковский, несколько месяцев пред сим бывший в плену у самозванца, сопровождали его. Он был в оковах. Солдаты кормили его из своих рук и говорили детям, которые теснились около его клетки: помните, дети, что вы видели Пугачева. Старые люди еще рассказывают о его смелых ответах на вопросы проезжих господ. Во всю дорогу он был весел и спокоен. В Москве встречен он был многочисленным народом, недавно ожидавшим его с нетерпением и едва усмиренным поимкою грозного злодея. Он был посажен на Монетный двор, где с утра до ночи, в течение двух месяцев, любопытные могли видеть его прикованного к стене, и еще страшного в самом бессилии. Рассказывают, что многие женщины падали в обморок от его огненного взора и грозного голоса. Перед судом он оказал неожиданную слабость духа.[12] Принуждены были постепенно приготовить его к услышанию смертного приговора. Пугачев и Перфильев приговорены были к четвертованию; Чика — к отсечению головы; Шигаев, Падуров и Торнов — к виселице; осьмнадцать человек — к наказанию кнутом и к ссылке на каторжную работу. — Казнь Пугачева и его сообщников совершилась в Москве, 10 января 1775 года. С утра бесчисленное множество народа столпилось на Болоте, где воздвигнут был высокий намост. На нем сидели палачи и пили вино в ожидании жертв. Около намоста стояли три виселицы. Кругом выстроены были пехотные полки. Офицеры были в шубах, по причине жестокого мороза. Кровли домов и лавок усеяны были людьми; низкая площадь и ближние улицы заставлены каретами и колясками. Вдруг всё заколебалось и зашумело; закричали: везут, везут! Вслед за отрядом кирасир ехали сани с высоким амвоном. На нем, с открытою головою, сидел Пугачев, насупротив его духовник. Тут же находился чиновник тайной экспедиции. Пугачев, пока его везли, кланялся на обе стороны. За санями следовала еще конница и шла толпа прочих осужденных. Очевидец (в то время едва вышедший из отрочества, ныне старец, увенчанный славою поэта и государственного мужа) описывает следующим образом кровавое позорище:

„Сани остановились против крыльца лобного места. Пугачев и любимец его Перфильев, в препровождении духовника и двух чиновников, едва взошли на эшафот, раздалось повелительное слово: *на караул*, и один из чиновников начал читать манифест. Почти каждое слово до меня доходило.

При произнесении чтецом имени и прозвища главного злодея, также и станицы, где он родился, обер-полицеймейстер спрашивал его громко: ты ли донский казак, Емелька Пугачев? Он столь же громко ответствовал: так, государь, я донской казак Зимовейской станицы Емелька Пугачев. Потом, во всё продолжение чтения манифеста, он, глядя на собор, часто крестился, между тем, как сподвижник его, Перфильев, немалого роста, сутулый, рябой и свиреповидный, стоял неподвижно, потупя глаза в землю. По прочтении манифеста, духовник сказал им несколько слов, благословил их и пошел с эшафота. Читавший манифест последовал за ним. Тогда Пугачев, сделав с крестным знамением несколько земных поклонов, обратился к соборам, потом с уторопленным видом стал прощаться с народом; кланялся на все стороны, говоря прерывающимся голосом: *прости, народ православный; отпусти в чем я согрубил пред тобою... прости, народ православный!* При сем слове экзекутор дал знак: палачи бросились раздевать его; сорвали белый бараний тулуп; стали раздирать рукава шелкового малинового полукафтанья. Тогда он сплеснул руками, повалился навзничь, и в миг окровавленная голова уже висела в воздухе...“[13]

Палач имел тайное повеление сократить мучения преступников. У трупа отрезали руки и ноги, палачи разнесли их по четырем углам эшафота, голову показали уже потом и воткнули на высокой кол. Перфильев, перекрестясь, простерся ниц и остался недвижим. Палачи его подняли, и казнили так же, как и Пугачева. Между тем, Шигаев, Падуро́в и Торнов уже висели в последних содроганиях... В сие время зазвенел колокольчик; Чику повезли в Уфу, где казнь его должна была совершиться. Тогда начались торговые казни; народ разошелся; осталась малая кучка любопытных около столба, к которому, один после другого, привязывались преступники, присужденные к кнуту. Отрубленные члены четвертованных мятежников были разнесены по московским заставам и, несколько дней после, сожжены вместе с телами. Палачи развеяли пепел. Помилованные мятежники были, на другой день казней, приведены пред Грановитую палату. Им объявили прощение, и при всем народе сняли с них оковы.

Так кончился мятеж, начатый горстию непослушных казаков, усилившийся по непростительному нерадению начальства, и поколебавший

государство от Сибири до Москвы, и от Кубани до Муромских лесов. Совершенное спокойствие долго еще не водворялось. Панин и Суворов целый год оставались в усмиренных губерниях, утверждая в них ослабленное правление, возобновляя города и крепости, и искореняя последние отрасли пресеченного бунта. В конце 1775 года обнародовано было общее прощение, и повелено всё дело предать вечному забвению. Екатерина, желая истребить воспоминание об ужасной эпохе, уничтожила древнее название реки, коей берега были первыми свидетелями возмущения. Яицкие казаки переименованы были в уральские, а городок их назвался сим же именем. Но следы страшного бунтовщика сохранились еще в краях, где он свирепствовал. Народ живо еще помнит кровавую пору, которую — так выразительно — прозвал он *пугачевщиною*.

Примечания к главе первой

[1] Некоторые из ученых яицких казаков почитают себя потомками стрельцов. Мнение сие не без основания, как увидим ниже. Самые удовлетворительные исследования о первоначальном поселении яицких казаков находим мы в *Историческом и статистическом обозрении уральских казаков*, сочинении А. И. Левшина, отличающемся, как и прочие произведения автора, истинною ученостию и здравой критикою.

„Время и образ казачьей жизни (говорит автор) лишили нас точных и несомненных сведений о происхождении уральских казаков. Все исторические об них известия, теперь существующие, основаны только на преданиях, довольно поздних, не совсем определительных и никем критически не разобранных.

„Древнейшее, впрочем самое краткое, описание сих преданий находим в доношении станичного атамана яикского, Федора Рукавишникова, государственной коллегии иностранных дел, 1720 года.*

„Дополнением и продолжением оного служат: 1. Донесение оренбургского губернатора Неплюева военной коллегии от 22 ноября 1748 года.** 2. Оренбургская история Рычкова. 3. Его же Оренбургская топография. 4. Довольно любопытный рукописный журнал бывшего войскового атамана яикского, Ивана Акутина.*** 5. Некоторые новейшие акты, хранящиеся в архивах уральской войсковой канцелярии и оренбургской пограничной комиссии.

„Вот лучшие и почти единственные источники для истории уральских казаков.

„То, что писали об них иностранцы, не может быть сюда причислено; ибо большая часть таковых сочинений основана на догадках, ничем не доказанных, часто противоречащих истине и нелепых. Так, например, сочинитель примечаний на Родословную историю татар Абулгази-Баядур-Хана утверждает, что казаки уральские произошли от древних кипчаков; что они пришли в подданство России вслед за покорением Астрахани; что они имеют особливый смешанный язык, которым говорят со всеми соседними татарами; что они могут выставить 30 000 вооруженных воинов; что город Уральск стоит в 40 верстах от устья Урала, текущего в Каспийское море и пр.**** Все сии нелепости, которые не заслуживают опровержения для русских, приняты однако ж в прочих частях

* Сие доношение, в копии мною найденное в делах архива оренбургской пограничной комиссии, есть то самое, о котором говорит Рычков в своей Топографии; но он Рукавишникова называет Крашенинниковым. Некоторые, достойные вероятия, жители уральские сказывали мне, что атаман сей носил обе фамилии. Л<евшин>.

** Отпуск сего донесения нашел я также в архиве оренбургской пограничной комиссии. Л<евшин>.

*** За список с сего журнала, равно как и за другие сведения, на которых основана часть сего описания, обязан я благодарностию некоторым чиновникам уральского войска. Л<евшин>.

**** Родословной истории о татарах часть 2-я, глава 2-я, также часть 9-я, глава 9. Л<евшин>.

Европы за справедливые. Знаменитый Пуффендорф и Дегинь внесли их, к сожалению, в свои сочинения.*

„Возвращаясь к вышеупомянутым пяти источникам нашим и сравнивая их между собою, во всех видим ту главную истину, что яикские или уральские ** казаки произошли от донских, но о времени поселения их на занимаемых теперь местах не находим положительного и единогласного известия.

„Рукавишников, писавший, как сказали мы, в 1720 году, полагал, что предки его пришли на Яик, *может быть, назад около двух сот лет,* т. е. в первой половине XVI столетия.

„Неплюев повторяет слова Рукавишникова.

„Рычков в Оренбургской истории пишет: *начало сего яикского войска, по известиям от яикских старшин, произошло около 1584 года.**** В Топографии же, сочиненной после Истории, он говорит, что первое поселение казаков на Яике случилось в XIV столетии.****

„Сие последнее известие основано им на предании, полученном в 1748 году от яикского войскового атамана, Ильи Меркульева, которого отец, Григорий, был также войсковым атаманом, жил сто лет, умер в 1741 году, и слышал в молодости от столетней же бабки своей, что она, будучи лет двадцати от роду, знала очень старую татарку, по имени *Гугниху,* рассказывавшую ей следующее: „Во время Тамерлана один донской казак, по имени Василий Гугна, с 30 человеками товарищей из казаков же и одним татарином, удалился с Дона для грабежей на восток, сделал лодки, пустился на оных в Каспийское море, дошел до устья Урала и, найдя окрестности оного необитаемыми, поселился в них. По прошествии нескольких лет, шайка сия напала на скрывшихся близ ее жилища в лесах трех братьев татар, из которых младший был женат на ней, Гугнихе (повествовательнице), и которые отделились от Золотой Орды, также рассеявшейся потому, что Тамерлан, возвращаясь из России, намеревался напасть на оную. Трех братьев сих казаки побили, а ее, Гугниху, взяли в плен и подарили своему атаману“. Далее, после нескольких пустых подробностей, также повествовательница рассказывала — „что муж ее еще в детстве слыхал о российском городе Астрахани; что с казаками, ее пленившими, при ней соединилось много татар Золотой Орды и русских, что они убивали детей своих и пр.“

„Продолжение ее рассказов сходно с тем, что мы будем описывать за истинное; но изложенное сейчас начало, не взирая на известную ученость, полезные труды и обширные сведения Рычкова о Средней Азии и Оренбургском крае, хронологически невозможно и противно многим несомненным историческим известиям. Поелику же сия повесть принята за единственный и правдоподобнейший источник для истории уральских казаков, и поелику она неоднократно повторена в новейших русских и иностранных сочинениях,***** то мы обязанностию почитаем войти в некоторые даже, скучные, подробности, для опровержения оной:

„1. Если атаман Григорий Меркульев, живший около ста лет, умер в 1741, то он родился в 1641, или близ того времени. Столетняя бабка его, рассказывавшая ему такую подробную и важную для всякого казака историю, и следовательно умершая не прежде,

* Histoire des Huns et des Tat. liv. 19. chap. 2. Л<евшин>.

** Далее увидим, когда река Яик получила название Урала. Л<евшин>.

*** Известия об уральском войске, помещенные в Оренбургской истории Рычкова, собраны им, по собственным словам его, в 1744 году, а те, которые поместил он в Топографии своей, получены им в 1748 году. Л<евшин>.

**** См. Сочинения и переводы ежемесячные 1762 года, месяц август. Л<евшин>.

***** Напр., в хозяйственном описании Астраханской губернии 1809 года; в 29 книжке „Сына Отечества“ на 1821 год, и пр. Л<евшин>.

как когда ему было лет 15, то есть около 1656 года, должна была родиться в 1556 году, или хотя в 1550; Гугниху же узнала она на 20 году своего возраста, т. е. около 1570 года. Положив теперь, что Гугнихе было тогда лет 90, выйдет, что она родилась в 1480 году, или, короче сказать, в конце XV столетия. Как же она могла помнить такие происшествия, которые были в XIV столетии, т. е. почти за сто лет до ее рождения: ибо Тамерлан приходил в Россию в 1395 году?*

„2. Муж Гугнихи в *малых летах слыхал от стариков, что от реки Яика не очень далеко есть российские города Астрахань и другие.*** Известно, что Астрахань взята в 1554 году,*** и так не должно ли здесь предполагать, что сама Гугниха и муж ее жили в XVI столетии? Таковое предположение ближе к истине и, как увидим сейчас, согласно с прочими известиями о начале уральских казаков.

„3. И Гугниха, и Рукавишников, и Рычков в Истории Оренбургской, и предания, мною самим слышанные в Уральске и Гурьеве, единогласно говорят, что уральские казаки происходят от донских. Но во времена Тамерлана донские казаки еще не существовали, и история нигде нам не говорит об них прежде XVI столетия. Даже если принять, что они составляют один и тот же народ с азовскими казаками, то и о сих последних, как пишет г. Карамзин, **** летописи в первый раз упоминают уже в 1499 году, т. е. слишком чрез сто лет после нашествия Тамерлана.

„4. В XIV столетии Россия еще не свергла ига татарского; границы ее тогда были отдалены от Каспийского моря более нежели на тысячу верст, и обширная степь, от Дона чрез Волгу до Яика простирающаяся, была покрыта племенами монголо-татарскими. Как же могла горсть буйных казаков не только пробраться чрез такое большое расстояние и чрез тысячи неприятелей, но даже поселиться между ними и грабить их? Миллер, известный своими изысканиями и сведениями в истории нашей, говорит:***** *пока татары южными российского государства странами владели, о российских казаках ничего не слышно было.*

„Показав несправедливость повести, помещенной Рычковым в Оренбургской топографии, примем первые его об уральском казачьем войске известия, напечатанные в Оренбургской истории; дополним оные сведениями, заключающимися в помянутых доношениях Рукавишникова, Неплюева, и преданиями, мною самим собранными на Урале; сообразим их с сочинениями знаменитейших писателей и предложим читателям следующее историческое обозрение уральских казаков“.

[2] О Гугнихе смотри подробное баснословие Рычкова в его Оренбургской истории.

[3] Грамота сия не сохранилась. Старые казаки говорили Рычкову, что оная сгорела во время бывшего пожара. „Не только сия грамота, говорит г. Левшин, без которой нельзя точно определить начало подданства уральских казаков России, но и многие другие, данные им царями Михаилом Феодоровичем, Алексеем Михайловичем и Феодором Алексеевичем, сгорели. Древнейший и единственный акт, найденный Неплюевым в Яицкой войсковой избе, была грамота царей Петра и Иоанна Алексеевичей, 1684 года, где упоминается о прежних службах войска со времен Михаила“.

С 1655, то есть с первой службы уральских казаков против поляков и шведов, до 1681 года нет известий о походах их. В 1681 и 1682 годах служили триста казаков под

---

* История Российская, г. Карамзина, том 5, стр. 144. Л<евшин>.

** Подлинные слова Рычкова в той же 2 главе Топографии. Л<евшин>.

*** Той же Истории г. Карамзина, том 8, стр. 222. Л<евшин>.

**** См. Истор. Рос. Государства, том 6, примеч. 495. Л<евшин>.

***** В статье *О начале и происхождении казаков*. Сочин. и перев. 1760 года. Л<евшин>.

Чигирином. В 1683 послано было из них 500 человек к Мензелинску для усмирения бунтовавших башкирцев, за что, сверх жалованья, деньгами и сукном, повелено было снабжать их артиллерийскими снарядами.* Со времен Петра Великого они были употребляемы в большой части главных военных действий России, как то: в 1696 под Азовом; в 1701, 1703, 1704 и 1707 против шведов; в 1703 году 1225 казаков были опять посланы для усмирения башкирцев; в 1711 году 1500 человек на Кубань; в 1717 году 1500 казаков пошли с князем Бековичем-Черкасским в Хиву; и так далее. *(Г. Левшин).*

[4] Г. Левшин справедливо замечает, что царские стрельцы вероятно помешали яицким казакам принять участие в возмущении Разина. Как бы то ни было, нынешние уральские казаки не терпят имени его, и слова *Разина порода* почитаются у них за жесточайшую брань.

[5] В те ж времена из казаков яицкого войска некто, по прозванию Нечай, собрав себе в компанию 500 человек, взял намерение идти в Хиву, уповая быть там великому богатству, и получить себе знатную добычу. С оными отправился он по Яику реке вверх и будучи у гор, называемых ныне *Дьяковыми,* от нынешнего городка вверх Яика 30 верст, остановился, и по казачьему обыкновению учинил совет, или круг, для рассуждения о том своем предприятии, и чтоб избрать человека, для показания прямого и удобнейшего туда тракту. Когда в кругу учинен был о том доклад, тогда дьяк его, или писарь, выступя, стал представлять, коль отважно и не сходно оное их предприятие изъясняя, что путь будет степной, незнакомый, провианта с ними не довольно, да и самих их на такое великое дело малолюдно. Помянутый Нечай от сего дьякова представления так много рассердился, и в такую запальчивость пришел, что, не выходя из того круга, приказал его повесить: почему он тогда ж и повешен, а оные горы прозваны, и поныне именуются *Дьяковыми.*

Отправясь, он, Нечай, в путь свой с теми казаками, до Хивы способно дошел, и подступя под нее в такое время, когда хивинской хан со всем своим войском был на войне в других тамошних сторонах, а в городе Хиве, кроме ма́лых и престарелых, никого почти не было, без всякого труда и препятствия городом и всем тамошним богатством завладел, а ханских жен в полон побрал, из которых одну он, Нечай, сам себе взял и при себе ее содержал. По таковом счастливом завладении, он, Нечай, и бывшие с ним казаки несколько времени жили в Хиве во всяких забавах и об опасности весьма мало думали; но та ханская жена, знатно полюбя его, Нечая, советовала ему: ежели он хочет живот свой спасти, то б он со всеми своими людьми заблаговременно из города убирался, дабы хан с войском своим тут его не застал; и хотя он, Нечай, той ханской жены наконец и послушал, однако не весьма скоро из Хивы выступил и в пути, будучи отягощен многою и богатою добычею, скоро следовать не мог; а хан, вскоре потом возвратясь из своего походу, и видя, что город его, Хива, разграблен, ни мало не мешкав, со всем своим войском в погоню за ним, Нечаем, отправился, и чрез три дни его настиг на реке, именуемой *Сыр-Дарья,* где казаки чрез горловину ее переправились, и напал на них с таким устремлением, что Нечай с казаками своими хотя и храбро оборонялся, и многих хивинцев побил, но напоследок со всеми имевшимися при нем людьми побит, кроме трех или четырех человек, кои, ушед от того побоища, в войско яицкое возвратились и о его погибели рассказали. В оном войсковых атаманов объявлении показано и сие, яко бы хивинцы с того времени оную горловину, которая из Аральского моря в Каспийское впала, на устье ее от Каспийского моря завалили, в таком рассуждении, дабы в предбудущие времена из моря в море судами ходу не было; но я последнее сие обстоятель-

* Доношение Неплюева и журнал Акутина.

ство, за неимением достовернейших известий, не утверждаю, а представляю оное так, как мне от помянутых войсковых атаманов сказано.

Несколько лет после того яицкие казаки селением своим перешли к устью реки *Чагана*, на то третие место, где ныне Яицкой казачий город находится. Утвердившись же тут селением, и еще в людстве гораздо умножась, один из них, по прозванию *Шамай*, прибрав себе в товарищество человек до 300, взял такое ж намерение, как и Нечай, а именно, чтоб еще опыт учинить походом на Хиву для наживы тамошними богатствами. И так, согласясь, пошли вверх по Яику до Илека реки, по которой вверх несколько дней отошед, зазимовали, а весною далее отправились. Будучи около реки Сыр-Дарьи, на степи усмотрели двух калмыцких ребят, которые ходили для звероловства, и разрывали ямы звериные; ибо тогда около оной реки Сыр-Дарьи кочевали еще калмыки. Захватя сих калмыцких ребят, употребляли они их на той степи за вожей, ради показания дорог. И хотя калмыки оных своих ребят у них казаков к себе требовали, но они им в том отказали. За сие калмыки, озлобясь, употребили противу их такое лукавство, что, собравшись многолюдно, скрылись в потаенное низменное место, а вперед себя послали на высокое место двух калмык, и приказали, усмотря яицких казаков, рыть землю и, бросая оную вверх, делать такой вид, якобы они роют звериные ж ямы. Передовые казаки, увидевши их, подумали, что то еще калмыцкие гулебщики роют ямы, и сказали о том Шаме, своему атаману, и потом все из обозу поскакали за ними. Калмыки от казаков во всю силу побежали на те самые места, где было скрытное калмыцкое войско, и так их навели на калмык, которые все вдруг на них, казаков, ударили и, помянутого атамана с несколькими казаками захватя, удержали у себя одного атамана, для сего токмо, дабы тем удержанием прежде захваченных ими калмык высвободить; ибо прочих отпустя требовали оных своих калмычат к себе обратно; но наказной атаман ответствовал, что у них атаманов много, а без вожей им пробыть нельзя, и с тем далее в путь свой отправились; токмо на то место, где прежде с атаманом Нечаем казаки чрез горловину Сыр-Дарьи переправлялись, не потрафили, но прошибшись выше угодили к Аральскому морю, где у них провианта не стало. К тому ж наступило зимнее время; чего ради принуждены они были на том Аральском море зимовать, и в такой великой глад пришли, что друг друга умерщвляя ели, а другие с голоду помирали. Оставшие ж посылали к хивинцам с прошением, чтоб их к себе взяли и спасли б их тем от смерти; почему приехав к ним хивинцы всех их к себе и забрали. И так все оные яицкие казаки 300 человек там пропали. Означенный же атаман Шамай, спустя несколько лет, калмыками привезен и отдан в яицкое войско. *(Топография Оренбургская.)*

6 Смотри статью г-на С⟨ухорукова⟩. *О внутреннем состоянии донских казаков в конце XVI столетия*, напечатанную в *Соревнователе Просвещения* 1824 года. Вот что пишет Левшин о казацких кругах: „коль скоро, бывало, получится какой-нибудь указ или случится какое-нибудь общее войсковое дело, то на колокольне соборной церкви бьют *сполох*, или повестку, дабы все казаки сходились на сборное место к войсковой избе, или приказу (что ныне канцелярия войсковая), где ожидает их войсковый атаман. Когда соберется довольно много народа, то атаман выходит к оному из избы на крыльцо, с серебряною позолоченною булавою; за ним с жезлами в руках есаулы, которые тотчас идут в средину собрания, кладут жезлы и шапки на землю, читают молитву и кланяются сперва атаману, а потом на все стороны окружающим их казакам. После того берут они жезлы и шапки опять в руки, подходят к атаману, принимая от него приказания, возвращаются к народу и громко приветствуют оный сими словами: *Помолчите, атаманы молодцы и всё великое войско яицкое!* А наконец, объявив дело, для которого созвано собрание, вопрошают: *Любо ль, атаманы молодцы?* Тогда со всех сторон или кричат:

любо, или подымаются ропот и крики: *не любо.* В последнем случае атаман сам начинал увещевать несогласных, объясняя дело и исчисляя пользы оного. Если казаки были им довольны, то убеждения его часто действовали; в противном случае никто не внимал ему, и воля народа исполнялась". *(Историч. и статист. обозрение уральских казаков.)*

[7] Уральское казачье войско так же, как и все казаки, не платят государству податей; но оно несет службу и обязано во всякое время по первому требованию выставлять на свой счет определенное число одетых и вооруженных конных воинов; а в случае нужды, все, считающиеся на службе, должны выступить в поход. Теперь служащих казаков в уральском войске 12 полков. Из них один в Илецкой и один в Сакмарской станицах. Сии оба полка, как не участвующие в богатых рыбных промыслах уральских, не участвуют и в наряде казаков в армию; но отправляют только линейную службу, т. е. оберегают границу от киргизов. Остальные 10 полков, считающиеся на службе, но действительно не служащие, выставляют на свой счет полки в армию и стражу на линию, по всему пространству земель своих до Каспийского моря. Как первая, так и вторая служба несутся не по очереди, но по найму, за деньги. При первом повелении правительства о наряде одного или нескольких полков, делается раскладка: на сколько человек, считающихся в службе, приходит поставить одного вооруженного, и потом каждый таковый участок общими силами нанимает одного казака с тем, чтобы он сам себя и обмундировал и вооружил. Плата ему простирается рублей до 1000, до 1500 и более; а за 10-месячный поход в Бухарию, для сопровождения бывшей там миссии нашей, по неизвестности земель, платили по 2000 и даже до 3000 руб. каждому казаку. Тот, который, в случае раскладки, не может за себя заплатить, сам нанимается в поход. Иные, нанявшись, сдают свою обязанность другим, иногда с барышем для себя. — Плата тем, кои нанимаются в линейную стражу, самая малая: потому что они, имея в форпостах и крепостях свои собственные домы, скотоводство, мену и всё имущество, невольно идут оберегать границу, хотя впрочем необходимость сия лишает их права участвовать в общих рыбных промыслах.

Обыкновение служить по найму, с одной стороны, повидимому несправедливое, потому, что богатый всегда от службы избавлен, а бедный всегда несет ее, с другой стороны полезно: ибо — 1-е, теперь всякой казак, выступающий в поход, имеет возможность хорошо одеться и вооружиться, 2-е, он, оставляя семейство свое, может уделить оному довольно денег на содержание во время своей отлучки; 3-е, человек, занимающийся промыслом каким-нибудь или работою, полезен для него и для других, не принужден бросать занятий своих и невольно идти на службу, которую бы отправлял очень неисправно. Отставные казаки уже ни в каких службах не участвуют; а потому и на рыбные ловли без платы ездить не могут. *(Историч. и статист. обозрение уральских казаков.)*

Выписываем из той же книги живое и любопытное изображение рыбной ловли на Урале:

„Теперь обратим внимание на рыболовство уральского войска, и рассмотрим оное подробнее как потому, что оно составляет главнейший и почти единственный источник богатства здешних жителей, так и потому, что различные образы производства оного очень любопытны. Прежде же всего заметим, что против города Уральска ежегодно после весеннего половодья делают из толстых бревен чрез Урал загороду или решетку, называемую *учуг,* который останавливает и не пускает далее в верх рыбу, идущую из моря.*

* По словам стариков, прежде так бывало много в Урале рыбы, что от напору оной учуг ломался, и ее прогоняли назад пушечными выстрелами с берега.

„Главнейшие рыбные ловли, из которых ни одной нельзя начать прежде дня, определяемого войсковою канцеляриею, суть:

„1-я, багренье, разделяющееся на *малое* и *большое*. Первое начинается около 20 или 18 числа декабря, и не продолжается долее 25-го; второе начинают около 6 января и оканчивают в том же месяце. Багрят рыбу только от Уральска верст на 200 вниз; далее не продолжают, потому что там производится осенняя ловля.

„Образ багренья таков: в назначенный день и час являются на Урал атаман багренья (всякой раз назначаемый канцеляриею из штаб-офицеров), и все имеющие право багрить казаки, всякой в маленьких одиночных санках в одну лошадь, с пешнею, лопатою и несколькими баграми, коих железные острия лежат на гужах хомута у оглобли, а деревянные составные шесты, длиною в 3, 4, иногда в 12 сажень, тащатся по снегу. Прибыв на сборное место, становятся впереди атаман и около его несколько конных казаков, для соблюдения порядка; а за ним рядами все выехавшие багрить. Число сих последних простирается всегда до нескольких тысяч; ежели кто из них осмелится поскакать с места один, то передовые блюстители порядка рубят у него багры и збрую.

„Строгая и справедливая мера сия невольно удерживает на месте казаков, из коих почти у каждого на лице написано нетерпеливое желание скорее пуститься вперед. Этого мало: даже у лошадей их, приученных к сему промыслу, в глазах видно нетерпение скакать, Атаман, на которого все взоры устремлены, ходя около саней своих и приближаясь к ним как будто для того, чтоб садиться, и опять отходя, не раз заставляет их ошибаться в сигнале; наконец он действительно бросается в санки, дает знак, пускает во всю прыть лошадь свою, и за ним скачет всё собравшееся войско. Тут уже нет, никакого порядка и никому пощады. Всякой старается опередить другого, и горе тому, кто по несчастию вывалится из саней. Если он не будет раздавлен, чему примеров мало помнят, то легко может быть изуродован.

„Прискакав к назначенному для ловли месту,* все сани останавливаются; всякой выскакивает из них с наивозможною поспешностию, пробивает во льду небольшой проруб, и тотчас опускает в него багор свой. Картина, представляющаяся в сию минуту для зрителей с берегов Урала, обворожительна! Скорость, с каковою все казаки друг друга обгоняют, всеобщее движение, в которое всё приходит тотчас по приезде на место ловли, и в несколько минут возрастающий на льду лес багров, поражают глаза необыкновенным образом. Лишь только багры опущены, рыба, встревоженная шумом скачущих лошадей, поднимается с места, суетится и напирается на багры, опускаемые так, чтобы они на несколько вершков не доходили до дна. В изобильном месте, иногда, еще не пройдет четверти часа от начала багренья, как уже везде на льду видны трепещущие осетры, белуги, севрюги и пр. Если рыба, попавшаяся на багор, столь велика, что один не может ее вытащить, то он тотчас просит помощи, и товарищи его или соседы *подбагривают* ему. На каждый день багренья назначается рубеж, далее которого никто не должен ехать.

„После малого багренья ежегодно отправляют от лица войска некоторое количество наилучшей икры и рыбы ко двору. Приношение сие, как знак верноподданства, издавна существующее, называется *презентом*, или первым кусом. Для ловли таковаго презента обыкновенно назначается лучшее место или *етов*: и если в оной набагрят мало, то недостающее количество рыбы покупают на сумму войсковой канцелярии. Если же во время багренья для двора поймают рыбы более, нежели нужно, то остальную запрещается несколько времени продавать, дабы ее не привезли в Петербург прежде посланной от

* Места сии называются здесь *етовы*, и замечаются осенью по множеству рыбы, которая, расположившись в них зимовать, при восхождении и захождении солнечном на поверхности воды показывается.

войска. Офицеры, с презентом отправляемые, получают денежные награды от двора на путевые издержки, на ковш и саблю.

„2-я рыбная ловля есть *весенняя плавня* или *севрюжное* рыболовство, так называемое потому, что в сие время попадаются почти только одни севрюги. Начинается она в апреле, тотчас по вскрытии льда под Уральском, и продолжается около двух месяцев по всему пространству Урала до моря. Для нее, так как и для всех прочих промыслов, назначается день, избирается атаман, и дается ему пушка, по выстрелу из которой все собравшиеся на промысел казаки пускаются с места в маленьких бударах, не помещающих в себе более одного человека, и каждый начинает выкидывать определенной длины сеть свою. Употребляемые в сие время сети состоят из двух полотен, одного редкого, а другого частого, дабы между ними запутывалась рыба, которая весною обыкновенно подымается из моря вверх по Уралу. Один конец таковой сети привязан к плавающему по воде боченку или куску дерева; а другой держит казак за две веревки. Для привала назначается рубеж, и против него на берегу ставка атаманская, близ которой все должны оканчивать ловлю. Окончание возвещается вечером опять пушечным выстрелом. Осетров и белуг, кои в сие время попадаются, по положению должно бросать назад в воду; ибо, во-первых, они тогда еще малы, во-вторых, слишком дешевы. Преступающих сие положение наказывают, и отнимают у них всю наловленную рыбу.

„3-я, *осенняя плавня*, начинающаяся 1 октября, оканчивается в ноябре; имеет то отличие от весенней, что, во-первых, в оной употребляются сети совсем другого рода, т. е. сплетенные на подобие мешка, которым рыбу как бы черпают,* во-вторых, при каждой из сетей сих, *ярыгами* называемых, находятся два человека в двух бударках по обеим сторонам. Начинают осенний промысел так же, как и прочие, под начальством особого атамана, из назначенного рубежа. Дабы один большою сетью или ярыгою не захватил более пространства и следовательно более рыбы, нежели другой, у коего сеть меньше, то определена однажды навсегда длина всех сетей. Когда на одном месте выловят всю рыбу, то опять собираются туда, где атаман, и едут далее до следующего рубежа, или, говоря языком казаков, делают другой *удар*.

„Осенняя плавня производится только с того места, где оканчивается багренье т. е. верстах в 200 от Уральска и до моря.**

„4-я, неводами; начинают ловить зимою, также по назначению канцелярии; но не собранием, а по одиночке, кто где желает. Невод пропускается под льдом на шесте, который направляют, куда хотят, посредством прорубов.

„5-я, рыболовство *аханное* или *аханами*, т. е. особого рода сетями; производится около половины декабря и только в море, т. е. недалеко от Гурьева. В день, назначенный для начала сего промысла, начальник оного раздает всем желающим и имеющим право ловить участки по жребию. Участки все равны, т. е. каждому казаку отводится равное пространство на определенное число аханов определенной же меры. Чиновники получают по чинам своим по два, по три и более участков.

„Ахан, опущенный в море под лед, вешается в перпендикулярном к поверхности положении и придерживается на обоих краях и на средине тремя веревками или петлями, для коих делаются три проруба, и в кои вдевают палки или шестики на льду над прорубами лежащие.

„Установленные таким образом аханы требуют только того, чтоб промышленник от времени до времени подходил к ним, за средину подымал каждый из среднего про-

---

* Это потому, что рыба в сие время избрала место на зимовку.

** Каждый казак имеет при сем лове у себя работника. За полутора или двумесячные труды должен он ему заплатить от 70 до 100 рублей.

руба, или, как здесь говорят, *наслушивал*, и если по тяжести почувствует, что в нем уже запуталась какая-нибудь рыба, то вытаскивал бы его, снимал добычу и потом опять попрежнему устанавливал. Сей способ ловли чрезвычайно выгоден для тех, которые занимаются оным; но, не допуская рыбы вверх Урала, он делает подрыв багренным промышленникам.

„6-я, *Курхайской* лов бывает обыкновенно весною и только в море, или, лучше сказать, на взморье. Он производится посредством сетей, которые в перпендикулярном к поверхности воды положении привязываются на концах и средине к трем шестам, вбитым в дно морское. Рыбу, идущую из моря и запутывающуюся в сии сети, снимают в лодки, на коих разъезжает промышленник около своих снастей.

„7-я, лов крючками, навешенными на веревку, которая также тремя петлями удерживаема бывает под льдом, менее всех сказанных значителен.

„О ловле удочками и пр., по маловажности, нечего и говорить".

С нынешнего 1821 года, по дозволению высшего начальства, в первый раз начали казаки рыбную ловлю в Чалкажском озере или по здешнему морце, за 80 верст от Уральска в Киргизской степи находящемся.

Рыбы, попадающиеся в Урале в наибольшем количестве, суть: осетр, белуга, шип, севрюга, белая рыбица, судак, лещ, щука, берш, саван, сом, головли. Осетры ловятся иногда пудов в 7, 8 и даже до 9. Белуги пудов в 20, 30, а редко и в 40; первые, чем больше, тем лучше и дороже; вторые, чем больше, тем хуже и дешевле. Но вообще вся рыба теперь стала мельче прежнего от уменьшения вод в море и Урале. Цены икре и рыбе в багренье не имеют сравнения с ценами в весенний лов; в продолжение сего последнего они вчетверо ниже: ибо время года не позволяет сберегать рыбу иначе, как посолив ее.

Соль казаки уральские получают или из Индерского и Грязного соленых озер, находящихся недалеко от границы в степи киргизской, или из озер, по берегам Эмбы лежащих. Есть также и около Узеней небольшие соленые озера.

8 Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с востоком. С благодарностию помещаем здесь сообщенный им отрывок из не изданной еще его книги о калмыках:

Нет сомнения в том, что *Убаши* и *Сэрын* предприняли возвратиться на родину по предварительному сношению с алтайскими своими единоплеменниками, исполненными ненависти к Китаю. Они, вероятно, думали и то, что сия держава, по покорении Чжуньгарии, вызывала оттуда свои войска обратно, а в Или и Тарбагтае оставила слабые гарнизоны, которые соединенными силами легко будет вытеснить; в переходе же чрез земли киргиз-казаков тем менее предполагали опасности, что сии хищники, отважные пред купеческими караванами, всегда трепетали при одном взгляде на калмыцкое вооружение. Одним словом, калмыки в мыслях своих представляли, что сей путь будет для них, как прежде всегда было, приятною прогулкою от песчаных равнин Волги и Урала до гористых вершин Иртыша. Но случилось совсем противное: ибо встретились такие обстоятельства, которые были вне всех предположений.

Чжуньгарское ойратство на востоке, некогда страшное для Северной Азии, уже не существовало: и *волжские калмыки* долго бывшие под российским владением, по выходе за границу, считались беглецами, коих российское правительство, преследуя оружием своим, предписало и киргиз-казакам на каждом, так сказать, шагу остановлять их вооруженною рукою. Китайское пограничное начальство, по первому слуху о походе

торготов на восток, приняло с своей стороны все меры осторожности, * и также предписало казакам и кэргызцам не допускать их проходить пастбищными местами; в случае же их упорства отражать силу силою. Мог ли хотя один кэргызец и казак остаться равнодушным при столь неожиданном для них случае безнаказанно грабить?

Российские отряды, назначенные для преследования беглецов, по разным причинам, зависевшим более от времени и местности, не могли догнать их. Бывшие яицкие казаки в сие самое время начали уже волноваться и отказались от повиновения. Оренбургские казаки хотя выступили в поход и в половине февраля соединились с Нурали, ханом Меньшой казачьей орды: но, за недостатком подножного корма, вскоре принуждены были возвратиться на границу. После обыкновенных переписок, требовавших довольного времени, уже 12 апреля выступил из Орской крепости отряд регулярных войск и успел соединиться с ханом Нурали: но калмыки между тем, подавшись более на юг, столько удалились, что сей отряд мог только несколько времени, и то издали, тревожить тыл их; а около Улу-тага, когда и солдаты и лошади от голода и жажды не в состоянии были идти далее, начальник отряда Траубенберг принужден был поворотить на север и чрез Уйскую крепость возвратиться на линию. **

Но киргиз-казаки, несмотря на то, вооружились с величайшею ревностию. Их ханы: Нурали в Меньшой, Аблай в Средней и Эрали в Большой орде, один за другим нападали на калмыков со всех сторон; и сии беглецы целый год должны были на пути своем беспрерывно сражаться, защищая свои семейства от плена и стада от расхищения. Весною следующего (1772) года кэргызцы (буруты) довершили несчастие калмыков, загнав в обширную песчаную степь по северную сторону озера Балхати, где голод и жажда погубили у них множество и людей и скота.

По перенесении неимоверных трудностей, по претерпении бесчисленных бедствий наконец калмыки приближились к вожделенным пределам древней их отчизны; но здесь новое несчастие представилось очам их. Пограничная цепь китайских караулов грозно преградила им вход в прежнее отечество, и калмыки не иначе могли проникнуть в оное, как с потерею своей независимости. Крайнее изнеможение народа принудило Убаши с прочими князьями поддаться китайской державе безусловно. Он вышел из России с 33 000 кибиток, в коих считалось около 169 000 душ обоего пола. При вступлении в Или из помянутого числа осталось не более 70 000 душ.*** Калмыки в течение одного года потеряли 100 000 человек, кои пали жертвою меча или болезней, и остались в пустынях Азии в пищу зверям, или уведены в плен и распроданы по отдаленным странам в рабство.

Китайский император предписал принять сих несчастных странников и новых своих подданных с примерным человеколюбием. Немедленно доставленно было калмыкам вспоможение юртами, скотом, одеждою и хлебом. Когда же разместили их по кочевьям, тогда для обзаведения еще было выдано им: лошадей, рогатого скота и овец 1 125 000 гол.;

---

* Китай содержит в *Чжуньгарии* охранных войск не более 35 000, которые растянуты по трем дорогам: от Кашгара до Халми, от Или до Баркюля и от Чугучака до Улясутая, на пространстве не менее 7000 верст; почему пограничное китайское начальство в Чжуньгарии не могло спокойно смотреть на приближение волжских калмыков.

** См. опис. Кирг.-Кайс. орд и степей г. Левшина, ч. II, стр. 256.

*** Так показал китайскому правительству *Убаши* с прочими князьями. В книжке: *Си-юй-Вынь-цзянь-лу* число бежавших из России калмыков увеличено. Ошибка сия произошла от того, что сочинитель помянутой книжки писал свои записки по сказаниям простых калмыков. См. опис. Чжуньг. и В. Туркест., стр. 186 и след.

кирпичного чаю 20 000 мес.,* пшеницы и проса 20 000 чет.; овчин 51 000; бязей** 51 000; хлопчатой бумаги 1 500 пуд.; юрт 400; серебра около 400 пуд.

Осенью того же года *Убаши* и князья *Цебок-Дорцзи, Сэрын, Гунгэ, Момыньту, Шара-Кэукынь и Цилэ-Мупир* препровождены были к китайскому двору, находившемуся в Жэхэ. Сии князья, кроме *Сэрына,* были ближайшие родственники хана *Убаши*, потомки *Чакдор Чжаба,* старшего сына хана *Аюки.* Один только *Цебок-Дорцзи* был правнук Гуньчжаба, младшего сына хана *Аюки. Убаши* получил титул Чжорикту Хана; а прочим князьям, в том числе и остававшимся в Или, даны разные другие княжеские титулы. Сии владельцы при отъезде из Жэхэ осыпаны были наградами; по возвращении же их в Или три дивизии из торготов размещены в Тарбагатае, или в Хурь-хара-усу, а *Убаши* с четырьмя дивизиями *торготов* и *Гунгэ с хошотами* поселены в Харашаре по берегам Большого и Малого Юлдуса,*** где часть людей их обязана заниматься хлебопашеством под надзором китайских чиновников.**** Калмыки, ушедшие в китайскую сторону, разделены на 13 дивизий.

Российское правительство отнеслось к китайским министрам, чтоб, по силе заключенного между Россиею и Китаем договора, обратно выдали бежавших с Волги калмыков; но получило в ответ, что китайский двор не может удовлетворить оной просьбы по тем же самым причинам, по которым и российский двор отказал в выдаче *Сэрына,* ушедшего из Чжуньгарии на Волгу, для спасения себя от преследования законов.

Впрочем волжские калмыки, повидимому, вскоре и сами раскаялись в своем опрометчивом предприятии. В 1791 году получены с китайской стороны разные известия, что калмыки намереваются возвратиться из китайских владений, и попрежнему отдаться в российское подданство. Вследствие оных известий уже предписано было сибирскому начальству дать им убежище в России и поселить их на первый случай в Колыванской губернии.*****

Но кажется, что калмыки, быв окружены китайскими караулами и лазутчиками, и разделены между собою значительным пространством, не имели никакой возможности к исполнению своего намерения.

[9] Полевые команды состояли из 500 человек пехоты, конницы и артиллерийских служителей. В 1775 году они заменены были губернскими баталионами.

[10] Умет — постоялый двор.

Примечания к главе второй

[1] Пугачев на хуторе Шелудякова косил сено. В Уральске жива еще старая казачка, носившая черевики его работы. Однажды, нанявшись накопать гряды в огороде, вырыл он четыре могилы. Сие обстоятельство истолковано было после как предзнаменование его участи.

[2] Малыковских управительских дел земский Трофим Герасимов и Мечетной слободы смотритель Федот Фадеев, и сотник Сергей Протопопов, в бытность его в Мечетной

* Место или ящик содержит в себе 36 кирпичей или плиток чая, из коих каждая весит около $3^1/_2$ ф.

** *Бязью* в Туркестане называется белая бумажная ткань, которая бывает неодинаковой меры.

*** В Вост. Туркестане от Или на юго-восток.

**** Возвращение *торготов* из России в Чжуньгарию описано в *Синь-цзянь-чжи-лао*: начальной тетради на лист. 51 — 56.

***** См. Полн. собр. росс. зак. т. XXIII, № 16937.

слободе, письменно объявили: Мечетной слободы крестьянин Семен Филиппов был в Яицке за покупкою хлеба, а ехал оттуда с раскольником Емельяном Ивановым. Сей в городке Яицке подговаривал казаков бежать на *реку Лобу*, к турецкому султану, обещая по 12 рублей жалованья на человека, объявляя, что у него на границе оставлено до 200 тысяч рублей, да товару на 70 тыс., а по приходе их паша-де даст им до 5 миллионов. Некоторые казаки хотели было его связать и отвести в комендантскую канцелярию, но он-де скрылся и находится вероятно в селе Малыковке.

Вследствие сего вышедший из-за польской границы с данным с Добрянского форпосту пашпортом для определения на жительство по реке Иргизу, раскольник Емельян Иванов был найден и приведен ко управительским делам выборным Митрофаном Федоровым, и Филаретова раскольничьего скита иноком Филаретом, и крестьянином Мечетной слободы Степаном Васильевым с товарищи, — оказался *подозрителен, бит кнутом*; а в допросе показал: что он Зимовейской служилый казак Емельян Иванов Пугачев, от роду 40 лет; с той станицы бежал великим постом сего 72 года в слободу Ветку за границу, жил там недель 15, явился на Добрянском форпосте, где сказался вышедшим из Польши; и в августе месяце, высидев тут 6 недель в карантине, пришел в Яицк и стоял с неделю у казака Дениса Степанова Пьянова. А всё-де говорил он пьяный, а об подданстве султану, и встрече пашею и 5 мил. не говаривал, — а имел-де он намерение в *Симбирскую провинциальную* канцелярию явиться, для определения к жительству на реке Иргизе. По резолюции дворцовых дел был он отправлен под караулом с мужиками малыковскими, а сообщено сие в коменд. канцелярию, учрежденную в городе Яицке 19 декабря 1772. *(Промемория от дворцовых малыковских дел в комендантскую канцелярию, учрежденную в городе Яицке, декабря 18, 1772 года, поданная смотрителем Иваном Расторгуевым.)*

Крестьянин Семен Филиппов содержался под караулом до самого 1775 года. По окончании следствия над Пугачевым и его сообщниками, велено было его освободить и сверх того, о награждении его, Филиппова, яко доносителя в Малыковке о начальном прельщении злодея Пугачева, представить на рассмотрение правительствующему сенату. *(См. сентенцию 10 января 1775 года.)*

[3] „Оному Пугачеву, за побег его заграницу в Польшу и за утайку по выходе его оттуда в Россию о своем названии, а тем больше за говорение возмутительных и вредных слов, касающихся до побега всех яицких казаков в Турецкую область, учинить наказание плетьми и послать, так как бродягу и привыкшего к праздной и продерзкой жизни, в город Пелым, где употреблять его в казенную работу. 6 мая 1773". *(Записки о жизни и службе А. И. Бибикова.)*

[4] Форпост Будоринский в 79 верстах от Яицкого городка.

[5] Илецкий городок в 145 верстах от Яицкого городка и в 124 от Оренбурга. В нем находилось до 300 казаков, илецкие казаки были тут поселены статским советником Кирилловым, образователем Оренбургской губернии.

[6] Крепость Рассыпная, выстроенная при том месте, где обыкновенно перебирались киргизцы в брод через Яик. Она находится в 25 верстах от Илецкого городка, а в 101 от Оренбурга.

[7] В 1773 году Оренбургская губерния разделялась на четыре *провинции*: Оренбургскую, Исетскую, Уфимскую и Ставропольскую. К первой принадлежали дистрикт (уезд) Оренбургский, и Яицкой городок со всеми форпостами и станицами, до самого Гурьева, также и Бугульминская земская контора. Исетская провинция заключала в себе Зауральскую Башкирию и уезды Исетский, Шадринский и Окуневский; Уфимская провинция — уезды Осинский, Бирский и Мензелинский. Ставропольскую провинцию состав-

лял один обширный уезд. Сверх сего, Оренбургская губерния разделялась еще на восемь *линейных дистанций* (ряд крепостей, выстроенных по рекам Волге, Самаре, Яику, Сакмаре и Ую); сии дистанции находились под ведомством военных начальников, пользовавшихся правами провинциальных воевод. *(См. Бишинга и Рычкова.)*

8 Ставропольская канцелярия ведала дела крещеных калмыков, поселенных в Оренбургской губернии.

9 Нижне-Озерная находится в 19 верстах от Рассыпной и в 82 от Оренбурга. Она выстроена на высоком берегу Яика. — Память капитана Сурина сохранилась в солдатской песне:

Из крепости из Зерной,
На подмогу Рассыпной,
Вышел капитан Сурин
Со командою один, и проч.

10 Неизвестный автор краткой исторической записки: Histoire de la révolte de Pougatschef, * рассказывает смерть Харлова следующим образом:

Le major Charlof avait épousé, depuis quelques semaines, la fille du colonel Jélagin, jeune personne très aimable. Il avoit été dangereusement blessé en défendant la place et on l'avoit rapporté chez lui. Lorsque la forteresse fut prise, Pougatschef envoya chez lui, le fit arracher de son lit et emmener devant lui. La jeune épouse, au désespoir, le suivit, se jeta aux pieds du vainqueur, et lui demanda la grâce de son mari. — Je vais le faire pendre en ta présence, — répondit le barbare. A ces mots la jeune femme verse un torrent de larmes, embrassa de nouveau les pieds de Pougatschef et implore sa pitié; tout fut inutile et Charlof fut pendu à l'instant même en présence de son épouse. A peine eut-il expiré que les cosaques se saisirent de la femme et la forcèrent d'assouvir la passion brutale de Pougatschef. — Автор находит тут невероятности и пускается в рассуждения. Les peuples les plus barbares respèctent les moeurs jusqu'à un certain point, et Pougatschef avoit trop de bon sens pour commettre devant ses soldats etc. ** Болтовня; но вообще вся записка замечательна, и вероятно, составлена дипломатическим агентом, находившимся в то время в Петербурге.

11 Крепость Татищева, при устье реки Камыш-Самары, основана Кирилловым, образователем Оренбургской губернии, и названа от него Камыш-Самарою. Татищев, заступивший место Кириллова, назвал ее своим именем: *Татищева пристань.* Находится в 28 верстах от Нижне-Озерной и в 54 (прямой дорогою) от Оренбурга.

12 Чернореченская в 36 верстах от Татищевой и в 18 от Оренбурга.

13 Сакмарской город, основанный при реке Сакмаре, находится в 29 в. от Оренбурга. В нем было до 300 казаков.

14 Показание крестьянина Алексея Кириллова от 6 октября 1773 года. *(Из Оренбургского архива.)*

* <История восстания Пугачева.>

** <Майор Харлов несколько недель тому назад женился на дочери полковника Елагина, очень милой молодой особе. Он был опасно ранен, защищая крепость, и его отнесли домой. Когда крепость была взята, Пугачев послал к нему, велел стащить его с кровати и привести к себе. Молодая жена, в отчаянии, последовала за ним, бросилась к ногам победителя и просила о помиловании мужа. — Я его повешу на твоих глазах, — ответил варвар. При этих словах молодая женщина, проливая потоки слез, снова обняла ноги Пугачева, умоляя о милосердии; всё было напрасно, и Харлов был тут же повешен на глазах у жены. Едва он испустил дух, как казаки бросились на его жену и принудили ее удовлетворить грубую страсть Пугачева... Даже самые варварские народы считаются до известной степени с требованиями нравственности и у Пугачева было слишком много здравого смысла, чтобы он мог совершить в присутствии своих солдат и т. д.>

[15] Повешены два курьера, ехавшие в Оренбург, один из Сибири, другой из Уфы, гарнизонный капрал, толмач-татарин, старый садовник, некогда бывший в Петербурге и знавший государя Петра III, да приказчик с рудников Твердышевских.

Примечания к главе третьей

[1] См. Приложения, I.

[2] Журнал осаде, веденный в губернаторской канцелярии, помещен в любопытной рукописи академика Рычкова. Читатель найдет ее в Приложении. Я имел в руках три списка, доставленные мне гг. Спасским, Языковым и Лажечниковым.

[3] Билов выступил из Оренбурга 24 сентября. В этот день губернатор давал у себя бал. Весть о Пугачеве разошлась на бале.

[4] Сержант сей назывался Иван Костицын. Участь его неизвестна. Его допрашивал подполковник В. Могутов.

[5] См. Приложения, III.

[6] В донесении малыковской земской конторы сказано о Пугачеве: *оказался подозрителен, бит кнутом.* См. в Примечаниях на II главу, примечание 2.

[7] Падуров, в последствии времени повешенный, писал Мартемьяну Бородину, увещевая его покориться Пугачеву: „А ныне вы называете его (самозванца) донским казаком Емельяном Пугачевым и яко бы у него ноздри рваные и клейменой. А по усмотрению моему, у него тех признаков не имеется“.

[8] По совету одного из чиновников (говорит Рычков).

[9] Меновый двор, на котором с азиатскими народами, чрез всё лето до самой осени, торг и мена производятся, построен на степной стороне реки Яика, в виду из города, расстоянием от берега версты с две; ближе строить его было невозможно, потому что прилегло всё место низменное и водопоемное. В нем находится пограничная таможня; лавок вокруг всего двора 246, да анбаров 140. Внутри же построен особый двор для азиатских купцов с 98 лавками и 8 анбарами. В 1762 году полавочных денег взималось 4854 рубля. Меновый двор укреплен батареями. *(Топография Оренбургской губернии.)*

[10] Der kläglichste Zustand des Orenburgischen Gouvernements ist weit kritischer als ich ihn beschreiben kann, eine reguläre feindliche Armee von zehntausend Mann würde mir nicht in Schrecken setzen, allein ein Verräther mit 3000* Rebellen macht ganz Orenburg zittern ——— Meine aus 1200 Mann bestehende Garnison ist noch das einzige Komando worauf ich mich verlasse, durch die Gnade des Höchsten haben wir 12 Spions aufgefangen etc.** *(Письмо Рейнсдорпа к гр. Чернышеву от 9 октября 1773.)*

[11] *Бердская казачья слобода,* при реке Сакмаре. Она обнесена была оплотом и рогатками. По углам были батареи. Дворов в ней было до двухсот. Жалованных казаков считалось до ста. Они имели своего атамана и особых старшин.

[12] В городе убито 7 человек, в том числе одна баба, шедшая за водой.

[13] В другой раз Пугачев, пьяный, лежа в кибитке, во время бури сбился с дороги и въехал в оренбургские ворота. Часовые его окликали. Казак Федулев, правивший

---

* Рейнсдорп в сем числе не считает башкирцев.

** <Плачевное положение Оренбургской губернии еще ужаснее, чем я могу описать; меня бы не испугала регулярная вражеская армия в 10 тысяч человек, а между тем один предатель с тремя тысячами мятежников держит в трепете весь Оренбург ——— Мой гарнизон, состоящий из 1200 человек — единственная военная сила, на которую я могу положиться. По милости всевышнего, мы поймали 12 шпионов и т. д.>

лошадьми, молча поворотил и успел ускакать. Федулев, недавно умерший, был один из казаков, предавших самозванца в руки правительства.

14 Слышано мною от самого Дмитрия Денисовича Пьянова, доныне здравствующего в Уральске.

15 Кажется, Пугачев и его сообщники не полагали важности в этой пародии. Они в шутку называли также Бердскую слободу — Москвою, деревню Каргале — Петербургом, а Сакмарской городок — Киевом.

16 Так пишет Кар в письме к графу Чернышеву от 11 ноября 1773.

17 Оввяно-Петровский завод принадлежал купцу Твердышеву, человеку предприимчивому и смышленому. Твердышев нажил свое огромное имение в течение семи лет. Потомки его наследников суть доныне одни из богатейших людей в России.

18 Деревня Ювеева во 120 верстах от Оренбурга.

19 То есть, депутат в Комиссии составления нового уложения. Депутатов было 652 человека. Им розданы были, для ношения в петлице, на золотой цепочке золотые овальные медали, с изображением на одной стороне вензелевого е. и. в. имени, а на другой пирамиды, увенчанной императорскою короною, с надписью: *Блаженство каждого и всех;* а внизу: *1766 год, декабря 14 день.*

20 Из сего калмыцкого полковника сделали капитана Калмыкова.

21 При сем сражении пойман был один из первых зачинщиков бунта, Данила Шелудяков. Старый наездник принял оренбургских казаков за своих, и подскакал к ним с повелениями. Казак схватил его за ворот; Пугачев, некогда живший у него в работниках, любил его и звал своим отцом. На другой день, не нашед его между убитыми, многие подъезжали к городу и требовали его выдачи. Дня через два, перед светом, три человека подъехали к городскому валу и требовали опять Шелудякова. Им отвечали: приведите к нам и сына его (Пугачева), и обещали за то 500 рублей награждения. Они отъехали молча. Шелудяков был пытан, и умер дней через пять.

Примечания к главе четвертой

1 У Декалонга со Станиславским было до 5000 войска. Но все они были растянуты на великом пространстве от крепости Верхояицкой до Орской. Декалонг их не сосредоточил, боясь оставить линейные крепости без обороны.

2 Орская крепость на степной стороне реки Яика, в двух верстах от реки Ори, выстроена в 1735 году под названием Оренбурга. Она имела изрядные земляные укрепления. В ней всегда находился командир Орской дистанции и двойное число гарнизона, по причине близ-кочующих орд.

3 Корф, после сражения 14 ноября, подсылал к Пугачеву казака с предложениями о сдаче Оренбурга и с обещанием выдти к нему навстречу. Пугачев осторожно подъезжал к Оренбургу и, усомнясь в искренности предложений, скоро возвратился в Берду.

4 Рейнсдорп, потеряв надежду победить Пугачева силой оружия, пустился в полемику не весьма приличную. В ответ на дерзкие увещания самозванца он послал ему письмо, с следующею надписью: *Пресущему злодею и от бога отступившему человеку, сатанину внуку, Емельке Пугачеву.* Секретари Пугачева не остались в долгу. Помещаем здесь письмо Падурова, как образец канцелярского его слога. „Оренбургскому губернатору, сатанину внуку, дьвольскому сыну. Прескверное ваше увещевание здесь получено, за что вас, яко всескверного общему покою ненавистника, благодарим.

Да и сколько ты себя, по действу сатанину, ни ухищрял, однако власть божию не перемудришь. Ведай, мошенник: известно (да и по всему тебе, бестии, знать должно), сколько ты ни пробовал своего всескверного щастия, однако щастие ваше служит единому твоему отцу, сатане. Разумей, бестия, хотя ты по действу сатанину во многих местах капканы и расставил, однако ваши труды остаются вотще, а на тебя здесь хотя веревочных не станет петель, а мы у Мордвина, хоть гривну дадим, мочальных (возьмем), да на тебя веревку свить можем; не сумневайся, мошенник, из б... сделан. Наш всемилостивейший монарх, аки орел поднебесный, во всех армиях на один день бывает; а с нами всегда присутствует. Да и — б мы вам советовали, оставя свое невредие, придти к нашему чадолюбивому отцу и всемилостивейшему монарху; егда придешь в покорение, сколько твоих озлоблений ни было, не только во всех *извинениях* всемилостивейше прощает, да и сверх того вас прежнего достоинства не лишит; а здесь не безъизвестно, что вы и мертвечину в честь кушаете, и тако объявя вам сие, да и пребудем по склонности вашей ко услугам готовы. Февраля 23 дня 1774 года".

[5] Я не имел случая читать эту речь. Помещаем письмо, сочиненное также Державиным по тому же поводу.

„Всеавгустейшая государыня, премудрая и непобедимая императрица!

„Дражайшее нам и потомкам нашим неоцененное слово, сей приятный и для позднейшего рода казанского дворянства фимиам, сей глас радости, вечной славы нашей и вечного нашего веселия, в высочайшем вашего императорского величества к нам благоволении слыша, кто бы не получил из нас восторга в душу свою, чье бы не возъиграло сердце о толиком благополучии своем? Облиста нас в скорби нашей и печали свет милосердия твоего! А потому, если бы кто теперь из нас не радовался, тот бы по истине еще худо изъявил усердие свое отечеству и вашему императорскому величеству, даянием некоторой части имения своего на составление корпуса нашего. И бысть угодна наша жертва пред тобою; се счастие наше, се восхищение душ наших!

„Но, всемилостивейшая государыня, ваше императорское величество обыкнуть соизволили взирать на малые знаки усердия, как на великие; изливая окрест престола щедроты благоутробия своего, изливаете оные и в страны отдаленные; осиявая лучами милости своея всех купно и всех везде своим человеколюбием милуете; а потому конечно и посильное даяние долга нашего, собственно самим же нам нужное, ваше императорское величество, толь милостиво и благоугодно от нас приять соизволили.

„*Сей есть прямо образ мыслей благородных,* ваше императорское величество в честь нам сказать изволили. Что ж мы из сего высочайшего нам признания заключить должны? Не сущее ли одно токмо матернее побуждение к исполнению долга нашего? не милосердие ли одно? За то мы похвалу получаем, что истинное дело наше! Но кроме особливыя и заслугу превышающия почести, хвалится ли за то священнослужитель, что он всенародно бога молит? Кроме неописанныя вашего императорского величества к нам милости достойны ли и дворяне за то похвалы особливой, что они хотят защищать свое отечество? Они суть щит его, они подпора престола царского. Пепел предков наших вопиет к нам и зовет нас на поражение самозванца. Глас потомства уже укоряет нас, что в век преславной, великой Екатерины могло возникнуть зло сие; кровь братий нашних, еще дымящаяся, устремляет нас на истребление злодея. Что ж мы медлили? Чего давно не доставало нам, дабы совокупно поставить грудь свою противу хищника? Ежели душа у дворянина есть, то всё у него есть ко ополчению. Чего же не доставало? не усердия ли нашего? Нет! мы давно горели им, мы давно собиралися и хотели пренебречь жизнь свою; а теперь, по милости вашего императорского величества, есть у нас и согласитель мыслей наших. Руководством его составился у нас

корпус. Избранный в нем начальник трудится, товарищи его усердствуют, всё в порядке. Имение наше готово на пожертвование, кровь наша на излияние, души наши на положение; умрем, — кто не имеет мыслей сих, тот не дворянин.

„Но сколь ни велик восторг должности нашей, сколь ни жарко рвение сердец наших, однако слабы бы были силы наши на истребление гнусного врага нашего, если б ваше императорское величество не ускорили войсками своими в защищение наше, а паче всего присылкою к нам его превосходительства Александра Ильича Бибикова. Может быть, мы бы были и по сю пору в нерешимости составить корпус наш, ежели б не он подал нам свои благоразумные советы. Он приездом своим рассыпал туман уныния, носящегося над градом здешним. Он ободрил души наши. Он укрепил сердца, колеблющиеся в верности богу, отечеству и тебе, всемилостивейшая государыня; словом сказать, он оживотворил страну, почти умирающую. Величие монарха паче познается в том, что он умеет разбирать людей и употреблять их во благовремении; то и в сем не оскудевает вашего императорского величества тончайшее проницание; на сей случай здесь надобен министр, воин, судия, чтитель святыя веры. По прозорливому вашего императорского величества изволению, мы всё сие в Александре Ильиче Бибикове видим; за всё сие из глубины сердец наших любомудрой душе твоей восписуем благодарение.

„Но едва успеваем сказать здесь, всемилостивейшая государыня, вашему императорскому величеству крайние чуствия искренности нашей за милости твои; едва успеваем воскурить пред образом твоим, великая императрица, нам священным и нам любезным, кадило сердец наших за благоволения твои; уже мы слышим новый глас, новые от тебя радости нового нам твоего великодушия и снисхождения. Что ты с нами делаешь? в трех частях света владычество имеющая, славимая в концах земных, честь царей, украшение корон, из боголепия величества своего, из сияния славы своея, снисходишь и именуешься нашею *казанскою помещицею!* О радости для нас неизглаголанной, о счастия для нас неоконачаемого! се прямо путь к сердцам нашим! се преславное превозношение праху нашего и потомков наших. Та, которая дает законы полвселенной, подчиняет себя нашему постановлению! та, которая владычествует нами, подражает нашему примеру! тем ты более, тем ты величественнее.

„И так, исполнением долга нашего хотя мы не заслуживаем особливого вашего императорского величества нам признания, любезного и нам дражайшего товарищества твоего; однако высочайшую волю твою разверстым принимаем сердцем и почитаем благополучием, начертаваем неоцененные слова благоволения твоего с благоговением в память нашу. Признаем тебя своею помещицею, принимаем тебя в свое сотоварищество. Когда угодно тебе, равняем тебя с собою. Но за сие ходатайствуй и ты за нас у престола величества твоего. Ежели где силы наши слабы совершить усердие наше, помогай нам и заступай нас у тебя. Мы более на тебя, нежели на себя, надеемся.

„Великая императрица! чем же воздадим мы тебе за твою матернюю любовь к нам, за сии твои несказанные нам благодеяния? Наполняем сердца наши токмо вящшим воспламенением искоренить из света злобу, царства твоего недостойную. Просим царя царей, да подаст он нам в том свою помощь, а вашему императорскому величеству, истинной матери отечества, с любезным вашего императорского величества сыном, с сею бесценною надеждой нашею, и с дражайшею его супругою, в безмятежном царстве, многие лета благоденствия".

[6] Монахиня Евпраксия Кирилловна, бабка Александра Ильича. Он ею был воспитан; в семействе своем почиталась она праведною.

[7] См. в Приложении письмо Бибикова к графу Чернышеву от 24 января 1774 года.— 5 января того же года писал он к Философову: „Терпение мое час от часу становится

короче, в ожидании полков, ибо ежечасно получаю страшные известия; с другой же стороны, что башкирцы с всякою сволочью партиями разъезжают, заводы и селения грабят и делают убийства. Воеводы и начальники отовсюду бегут с устрашением, и глупая чернь охотно на обольщение злодейское бежит навстречу к ним же. Не могу тебе, мой друг, подробно описать бедствие и разорение здешнего края, следовательно, суди и о моем по тому положении. Скареды и срамцы здешние гарнизоны всего боятся, никуда носа не смеют показать, сидят по местам, как сурки, и только что рапорты страшные присылают. Пугачевские дерзости и его сообщников из всех пределов вышли; всюду посылают манифесты, указы. День и ночь работаю как каторжный, рвусь, надседаюсь и горю как в огне адском; но варварству предательств и злодейству не вижу еще перемены, не устает злость и свирепство, а можно ли от домашнего врага довольно охраниться, всё к измене, злодейству и к бунту на скопищах. Бог один всемогущ, обратит всё сие в лучшее. Я при моих заботах непрестанно его прошу, и проч.“

8 Снег в Оренбургской губернии выпадает иногда на три аршина.

9 См. в приложении письмо Бибикова к графу Чернышеву.

10 Не должно терять из виду тогдашнее разделение государства на губернии и провинции.

11 В 1774 году уведено в плен киргизцами до 1380 человек.

12 См. в Записках Храповицкого (в 1791 году) весьма любопытный разговор государыни о Густаве III.

13 См. Переписку Вольтера с императрицею.

14 Помещаем здесь показания жены Пугачева, Софьи Дмитриевой, в том виде, как они были представлены в Военную коллегию.

Описание известному злодею и самозванцу какого он есть свойства и примет, учиненное по объявлению жены его Софьи Дмитриевой.

1. Мужа ее, войска Донского, Зимовейской станицы служилого казака, зовут Емельян Иванов сын, прозывается Пугачевым.

2. Отец его родной был той же Зимовейской станицы служилой казак, Иван Михайлов сын Пугачев же, который в давних годах умре.

3. Тому мужу ее ныне от роду будет лет сорок, лицом сухощав, во рту верхнего спереди зуба нет, который он выбил саласками,* еще в малолетстве в игре, а от того времени и до ныне не вырастает. На левом виску от болезни круглый белый признак, от лица совсем отменный, величиною с двукопеечник; на обеих грудях, назад тому третий год, были провалы, отчего и мнит она, что быть надобно признакам же. На лице имеет желтые конопатины; сам собою смугловат, волосы на голове темнорусые по-казацки подстригал, росту среднего, борода была клином, черная, небольшая.

4. Веру содержал истинно православную; в церковь божию ходил, исповедовался и святых таин приобщался, на что и имел отца духовного, Зимовейской же станицы священника Федора Тихонова; а крест ко изображению совокуплял большой с двумя последними пальцами.

5. Женился тот муж ее на ней, и она шла, оба первобрачные, назад тому лет с 10 и с которым и прижили детей пятерых, из коих двое померли, а трое и теперь в живых. Первый сын Трофим десяти лет, да дочери вторая Аграфена по седьмому году, а третья Христина по четвертому году.

6. Оный же муж ее, назад тому три года, послан на службу во вторую армию, где и был два года, и оттуда, ныне другой год, за грудною болезнию, о которой выше

---

* Технический термин у кулачных бойцов, значит удар по челюстям.

значит, по весне отпущен, а посему и был в доме одно лето, в которую бытность и нанял вместо себя в службу в Бахмуте на Донце казака, а как его звать и прозвания, да и где теперь находится, не знает; — а после сего

7. В октябре месяце 772 года он, оставивши ее с детьми, неведомо куда бежал и где был, и какие от него происходили дела, об оном, как он ничего не сказывал, так, и сама не знала; а

8. 773 года, в великом посту, тот муж ее тайным образом пришел к хуторскому их дому вечером под окошко, которого она и пустила; но того ж самого часа объявила казакам, а они, взявши его, повели к станичному атаману, а он-де отправил в Верхнюю Чирскую станицу, к старшине, но о имени его не упомнит, а оттуда в Черкасской; но не довезя однако ж до оного, в Цымлянской станице бежал и потому, где теперь находится, не ведает.

9. Во время ж той мужа ее поимки, сказывал он атаману и на сборе всем казакам, что был в Моздоке, но что делал, потому ж не знает.

10. Писем он к ней, как с службы из армии, так и из бегов своих никогда не присылывал; да и чтоб в станицу их или к кому другому писал, об оном не знает; он же вовсе и грамоте не умеет.

11. Что же муж ее точно есть упоминаемый Емельян Пугачев, то сверх ее самоличного с детьми сознатия и уличения, могут в справедливость доказать и родной его брат Зимовейской же станицы казак Дементий Иванов сын Пугачев (который ныне находится в службе в 1-й армии), да родные ж сестры, из коих первая Ульяна Иванова, коя ныне находится в замужестве той же станицы за казаком Федором Григорьевым, по прозванию Брыкалиным, а вторая Федосья Иванова, которая также замужем за казаком из Прусак Симоном Никитиным, а прозвания не знает, кой ныне жительство имеет в Азове, которые все мужа ее также знают довольно.

12. Речь и разговоры муж ее имел по обыкновению казацкому, а иностранного языка никакого не знал.

13. Домом они жили в Зимовейской станице своим собственным, который по побеге мужа (что дневного пропитания с детьми иметь стало не от чего) продала за 24 руб. за 50 коп. Есауловской станицы казаку Ереме Евсееву на слом, который его в ту Есауловскую станицу по сломке и перевез; а ныне особою командою паки в Зимовейскую станицу перевезен и на том же месте, где он стоял и они жили, сожжен; а хутор их, состоящий так же неподалеку Зимовейской станицы, сожжен же.

14. Сама же та Пугачева жена, казачья дочь, и отец ее был Есауловской станицы служилый казак, Дмитрий, по прозванию Недюжин, а отчества не припомнит, потому что она после него осталась в малолетстве, и после ж которого остались и теперь вживе находятся, дочери его, а ей сестры родные, первая Анна Дмитриева, в замужестве Есауловской станицы за казаком Фомою Андреевым, по прозванию Пилюгиным, который и находится в службе тому ныне 8-й год, а в которой армии, не знает. Вторая Василиса Дмитриева, в замужестве также Есауловской станицы за казаком Григорием Федоровым по прозванию Махичевым; да третий сын отца ее, а ей брат родной Иван Дмитриев, по прозванию Недюжин, живет в Есауловской же станице служилым казаком, и по отъезде ее в здешнее место, был при доме своем и к наряду в службу в готовности.

Прилагаю не менее любопытное извлечение из показания бывшего в 1771 году Зимовейской станицы атаманом отставного казака Трофима Фомина:

„В 1771 году, в феврале месяце, Емельян Пугачев отбыл в город Черкаск для излечения болезни, со взятым у меня станичным билетом, и через месяц возвратился на карей лошади. На допрос мой, где он ее достал, отвечал он: на станичном сборе, что

купил в Таганрожской крепости конного казацкого полку у казака Василья Кусачкина. Но казаки, не поверя ему, послали его взять письменный вид от ротного командира. Пугачев и поехал, но пред его возвращением зять его, Прусак, бывший Зимовейской станицы казак, а ныне состоящий в Таганрогском казацком полку, явился у нас, и на станичном сборе показал, что он с женою и Василий Кусачкин, да еще третий, по уговору Пугачева, бегали за Кубань на Куму реку, где он (Прусак), побыв малое время, оставил их и возвратился на Дон. Почему и отправил я при станичном рапорте в Черкаск Прусака с *женою* и родною *ее* матерью, по причине их побега. В декабре того же года Пугачев был пойман в его хуторе, и содержался под караулом. Намерен был я его, как праздношатающегося, выдать находящемуся тогда в сыске и высылке беглых всякого звания людей, старшине Михайле Макарову. Но Пугачев со станичной избы из-под караула бежал, и уже чрез три месяца на том же хуторе пойман, и показал на станичном сборе, что был в Моздоке, почему при рапорте и послан мною к старшине Макарову в нижнюю Черкаскую станицу, а сей чрез нашу станицу послал уже его при рапорте в Черкаск. Когда его провели, увидя по подорожной, что послан он был в колодке, которой на нем уже не было, приказал я ему набить другую, и отослал его в верхнюю Курмоярскую станицу, от которой в принятии оного Пугачева расписку получил. Через две недели спустя, от старшины Макарова по всем станицам прислано было объявление, что оный Пугачев бежал с дороги, и не иначе ежели явится где, изловить; а как он бежал, не знаю".

За неумением грамоте, Василий Ермолаев руку приложил.

15 Г. Левшин пишет, что самозванец показывал сии пятна легковерным своим сообщникам, и выдавал их за какие-то царские знаки. Оно не совсем так: самозванец, хвастая, показывал их, как знаки ран, им полученных.

16 Многие и воспользовались сим разрешением; несмотря на то, история Пугачевского возмущения мало известна. В Записках о жизни и службе А. И. Бибикова мы находим самое подробное известие об оном, но сочинитель довел свой рассказ только до смерти Бибикова. Книжка, изданная под заглавием: *Михельсон в Казани*, есть не что иное, как весьма любопытное письмо архимандрита Платона Любарского, напечатанное почти без всякой перемены, с приобщением незначущих показаний. Г. Левшин в своем Историческом и статистическом обозрении уральских казаков слегка коснулся Пугачева. Сей кровавый и любопытный эпизод царствования Екатерины мало еще известен.

Примечания к главе пятой

1 Крещеные калмыки, поселенные в Оренбургской губернии, разделялись на оренбургских и ставропольских. См. в Рычкове (в его Оренбургской Топографии) подробное о них известие.

2 Державин, в объяснениях на свои сочинения, говорит, что он имел счастие освободить около полуторы тысячи пленных колонистов от киргизов. Державин написал свои Записки, к сожалению, еще неизданные.

3 Бунтовавшие башкирцы жестоко усмирены были генерал-лейтенантом князем Урусовым, прозванным, как Силла, счастливым, ибо всё ему удавалось.

4 См. в Приложении письмо Бибикова к фон-Визину. Письмо сие, вместе с другими драгоценными бумагами, доставлено было родственниками и наследниками фон-

Визина князю Вяземскому, занимавшемуся биографией автора Недоросля. Надеемся в непродолжительном времени издать в свет сие замечательное по всем отношениям сочинение.

[5] Малолеток, не достигший 14-тилетнего возраста.

[6] Илецкая Защита находится от Оренбурга в 62 верстах, в степи, за рекою Уралом, на самом том месте, где добывается славная илецкая соль. „Добывание оной соли“, пишет Рычков, „уже издавна на том месте, сперва от башкирцев, а потом и от крепостных обывателей, чинилось, но о построении сей крепости определение учинено уже в прошлом 1753 году октября 26 числа, по состоявшемуся в правительствующем сенате того ж 1753 года мая 24 числа указу, коим в Оренбурге и в принадлежащих к оному новых крепостях и селениях учредить казенные соляные магазины и продажу илецкой и эбелейской соли чинить по тогдашней указной цене по 35 коп. пуд; для чего тогда ж и Соляное правление в городе Оренбурге учреждено. Явившийся тогда подрядчик, оренбургских казаков сотник Алексей Углицкой, обязался той соли заготовлять и ставить в оренбургской магазин четыре года, на каждый год по пятидесяти тысяч пуд, а буде вознадобится то и более, ценою по 6 коп. за пуд, своим коштом, а сверх того в будущий 1754 год, летом построить там своим же коштом, по указанию от Инженерной команды, небольшую защиту оплотом с батареями для пушек, тут же сделать несколько покоев и казарм для гарнизону и провиантской магазин, и на все жилые покои в осеннее и зимнее время ставить дрова, а провиант, сколько б там войсковой команды ни случилось, возить туда из Оренбурга на своих подводах, что всё и учинено, и гарнизоном определена туда из Алексеевского пехотного полка одна рота в полном комплекте; а иногда по случаям и более военных людей командируемо бывает, для которых, яко же и для работающих в добывании той соли людей (коих человек ста по два и более бывает), имеется там церковь и священник с церковными служителями. *(Топография Оренбургская.)*

[7] Тоцкая крепость, при устье реки Сороки, в 206 верстах от Оренбурга. Выстроена при Кириллове, в 1736 году. — Сорочинская крепость, главная на самарской дистанции, в 176 верстах от Оренбурга и в 30 от Тоцкой.

[8] Крепость Новосергиевская от Сорочинской в 40, а от Оренбурга в 136 верстах. Выстроена при тайном советнике Татищеве, под именем *Тевкелева Брода*, и переименована при Неплюеве в Новосергиевскую.

[9] Переволоцкая, большою дорогою в 78 верстах от Оренбурга, а прямо степью в 60. Выстроена в верховье реки Самары.

[10] Les rebelles restèrent si tranquilles à Tatitscheva, que le Prince lui-même doutoit qu'ils fussent dans cette place. Pour en apprendre des nouvelles, il envoya trois cosaques qui s'approchèrent de la forteresse, sans rien apercevoir. Les rebelles leur envoyèrent une femme, qui leur présenta du pain et du sel, selon l'usage des Russes, et qui, interrogée par les cosaques, les assura que les rebelles après avoir été dans la place, en étoient tous sortis. Lorsque Pougatchef crut avoir trompé les cosaques par cette ruse, il fit sortir de la forteresse quelques centaines d'hommes pour s'emparer d'eux. L'un des trois fut tué et le second pris; mais le troisième s'échappa et vint rendre compte à Galitzin de ce qu'il venoit de voir. Aussitôt le Prince résolut de marcher sur la place dans le jour même et d'attaquer l'ennemi dans ses retranchements. *(Histoire de la révolte de Pougatschef.)* *

---

* <Мятежники вели себя так тихо в Татищевой, что сам князь начал сомневаться, действительно ли они там. Чтобы разузнать это, он послал трех казаков, которые приблизились к крепости, ничего не заметив. Мятежники выслали к ним женщину, которая поднесла им хлеб-соль по русскому обычаю и на вопросы ка-

11 Бибиков в письме от 26 марта:

„Мы потеряли 9 офицеров и 150 рядовых; убито 12 офицеров, <?> ранено и 150 рядовых. Вот какая была пирушка! А бедный мой Кошелев* тяжело в ногу ранен; боюсь, чтоб не умер, хотя Голицын и пишет, что не опасно".

12 Рычков пишет, что Шигаев велел связать Пугачева и Хлопушу. Показание невероятное. Увидим, что Пугачев и Шигаев действовали заодно несколько времени после бегства их из-под Оренбурга.

13 Пугачев, вопреки общему мнению, никогда не бил монету с изображением государя Петра III, и с надписью Redivivus et ultor ** (как уверяют иностранные писатели). Безграмотные и полуграмотные бунтовщики не могли вымышлять замысловатые латинские надписи, и довольствовались уже готовыми деньгами.

14 La victoire que Votre Altesse vient de remporter sur les rebelles rend la vie aux habitants d'Orenbourg. Cette ville bloquée depuis six mois et réduite à une famine affreuse retentit d'allégresse et les habitants font des voeux, pour la prospérité de leur illustre libérateur. Un poude de farine coutoit déjà 16 roubles et maintenant l'abondance succède à la misère. J'ai tiré un transport de 500 четверть de Kargallé et j'attends un autre de 1000 d'Orsk. Si le détachement de Votre Altesse réussit de captiver Pougatschef, nous serons au comble de nos souhaits et les Baschkirs ne manqueront pas de chercher grâce. *(Письмо Рейнсдорпа к кн. Голицыну от 24 марта 1774.)* ***

15 Слобода Сеитовская (она же и Каргалинская), часто упоминаемая в сей истории, находится в 20 верстах от Берды, а от Оренбурга в 18-ти. Названа по имени казанского татарина Сеита-Хаялина, первого, явившегося в оренбургскую канцелярию с просьбою об отводе земель под поселение. В Сеитовской слободе числилось до 1200 душ, состоящих на особых правах.

16 По своем разбитии, Чика с Ульяновым остановились ночевать в Богоявленском медеплавиленном заводе. Приказчик угостил их и, напоив допьяна, ночью связал и представил в Табинск. Михельсон подарил 500 рублей приказчиковой жене, подавшей совет напоить беглецов.

17 В Озерной старая казачка каждый день бродила над Яиком, клюкою пригребая к берегу плывущие трупы и приговаривая: „Не ты ли, мое детище? Не ты ли, мой Степушка? Не твои ли черны кудри свежа вода моет?" И, видя лицо незнакомое, тихо отталкивала труп.

18 Следующие любопытные подробности взяты мною из весьма замечательной статьи *(Оборона Яицкой крепости от партии мятежников)*, напечатанной в *Отечественных записках* П. П. Свиньина. В некоторых показаниях следовал я журналу Симонова, предполагая более достоверности в официальном документе, нежели в воспо-

---

заков уверила их, что мятежники, побывав в станице, все ушли оттуда. Пугачев, полагая, что он обманул казаков этой хитростью, выслал из крепости несколько сот человек, чтобы захватить их. Один из трех казаков был убит, другой захвачен, но третий убежал и доложил Голицыну обо всем, что видел. Князь тотчас же решил выступить в Татищеву в тот же день и атаковать врага в его укреплениях. *(История восстания Пугачева.)*>

* Р. А. Кошелев, впоследствии обергофмейстер.

** <Воскресший мститель.>

*** <Победа, одержанная вашей светлостью над мятежниками, возвращает жизнь жителям Оренбурга. Этот город, подвергшийся шестимесячной осаде и истерзанный голодом, теперь шумно ликует, и жители его возносят молитвы за благополучие своего славного освободителя. Пуд муки стоил уже 16 рублей, а теперь нищета сменяется изобилием. Я получил транспорт с 500 четвертей из Каргалы и ожидаю другой с 1000 четвертей из Орска. Если отряду вашей светлости удастся захватить Пугачева, все наши желания исполнятся, и башкирцы не замедлят просить помилования.>

минаниях старика. Но вообще статья неизвестного очевидца носит драгоценную печать истины, неукрашенной и простодушной.

[19] Слова сии сохранены Державиным в оде его на смерть Бибикова. — Последняя строфа должна была быть вырезана на его гробе:

Он был искусный вождь во брани,
Совета муж, любитель муз,
Отечества подпора тверда,
Блюститель веры, правды друг;
Екатериной чтим за службу,
За здравый ум, за добродетель,
За искренность души его.
Он умер, трон обороняя.
Стой, путник! стой благоговейно.
Здесь Бибикова прах сокрыт.

[20] Императрица велела спросить у вдовы покойного, чего она собственно для себя желала; супруга Бибикова просила обеспечить судьбу одного из родственников ее мужа, служившего под его начальством.

[21] Державин, до конца своей жизни чтивший память первого своего покровителя, узнав, что сын А. И. Бибикова намерен был издать записки о жизни и службе отца, написал о нем следующие строки:

„Посвятив краткую, но наполненную славными деяниями жизнь свою на службу отечеству, Александр Ильич Бибиков по всей справедливости заслужил уважение и признательность соотечественников; они не престанут воспоминать с почтением полезные обществу дела сего знаменитого мужа и благословлять его память.

„Читая о службе и переменах в оной сего примерного государственного человека, всякой легко усмотрит необыкновенные его способности, мужество, предусмотрение, предприимчивость и расторопность, так, что он во всех родах налагаемых на него должностей с отличием и достоверностию был употребляем; везде показал искусство свое и ревность, не токмо прежде, в царствование императрицы Елисаветы, но и во многих поручениях от Екатерины Великой, ознаменованные успехами. Он был хороший генерал, муж в гражданских делах проницательный, справедливый и честный; тонкий политик, одаренный умом просвещенным, всеобщим, гибким, но всегда благородным. Сердце доброе его готово было к услугам и к помощи друзьям своим, даже и с пожертвованием собственных своих польз, твердый нрав, верою и благочестием подкрепленный, доставлял ему от всех доверенность, в которой он был неколебим; любил словесность, и сам весьма хорошо писал на природном языке; знал немецкий и французский язык, и незадолго пред смертию выучил и английский; умел выбирать людей, был доступен и благоприветлив всякому; но знал однако важною своею поступью, соединенною с приятностию, держать подчиненных своих в должном подобострастии. Важность не умаляла в нем веселия, а простота не унижала важности. Всякий нижний и высший чиновник его любил и боялся. Последний подвиг к защите престола и к спасению отечества соверша, кончиною свою увенчал добродетельную жизнь, к сожалению всей империи, тогда пресекшуюся“.

Примечания к главе шестой

[1] См. Рычкова Историю Оренбургскую.

[2] Histoire de la révolte de Pougatschef.

[3] Троицко-Саткинской завод, один из важнейших в Оренбургской губернии, на речке Сатке, в 254 верстах от Уфы.

[4] Зелаирская крепость находится в самом центре Башкирии, в 229 верстах от Оренбурга. Она выстроена в 1755 году после последнего башкирского бунта (перед Пугачевским).

[5] Державин в примечаниях к своим сочинениям говорит, что князь Щербатов, князь Голицын и Брант перессорились, друг к другу не пошли в команду, дали скопиться новым злодейским силам, и расстроили начало побед.

[6] ⟨Примечания в издании Пушкина нет.⟩

Примечания к главе седьмой

[1] В сентенции сказано было, что Пугачев ворвался в город изменою суконщиков. Следствие доказало, что суконщики не изменили; напротив, они последние бросили оружие и уступили превосходной силе.

[2] Впоследствии Вениамин был оклеветан одним из мятежников (Аристовым) и несколько времени находился в немилости. Императрица, убедясь в его невинности, вознаградила его саном митрополитским, и прислала ему белый клобук при следующем письме:

„Преосвященнейший митрополит,

Вениамин казанский!

По приезде моем, первым попечением было для меня рассматривать дела бездельника Аристова; и узнала я, к крайнему удовольствию моему, что невинность вашего преосвященства совершенно открылась. Покройте почтенную главу вашу сим отличным знаком чести; да будет оный для всякого всегдашним напоминанием торжествующей добродетели вашей; позабудьте прискорбие и печаль, кои вас уязвляли; припишите сие судьбе божией, благоволившей вас прославить по несчастных и смутных обстоятельствах тамошнего края; принесите молитвы господу богу; а я с отменным доброжелательством есмь.

Екатерина“.

Ответ Вениамина, митрополита казанского.

„Всемилостивейшая Государыня!

„Милость и суд беспримерные вашего императорского величества, кои на мне соизволили удивить пред целым светом, воскресили меня от гроба, возвратили жизнь, которую я от младых ногтей посвятил на службу по бозе в непоколебимой верности вашему монаршему престолу и отечественной пользе, сколько от меня зависит; а продолжалась она пятьдесят три года; но которую клевета, наглость и злоба против совести и человечества исторгнуть покушались. Неоцененным монарших ваших щедрот залогом, который с несказанным чувствованием моего сердца сподобихся прияти на главу мою, покрыся, и отъяся поношение мое, поношение мое в человецех. Что ж воздам тебе, правосуднейшая в свете монархиня, толико попечительному о спасении моем господеви? Истощение всей дарованной мне вашим высокомонаршим великодушием жизни в возблагодарение не довлеет; разве до последнего моего издыхания вышнего молить не престану день и нощь, да сохранит дражайшую жизнь вашу за толь сердобольное сохранение моей до позднейших человеку возможных лет; да ниспошлет с высоты свя-

тые своея на венценосную главу вашу вся благословения, коими древле благословен был Соломон. Крепкая десница господа сил да отвращает во вся дни живота от превожделенного здравия вашего недуги, от неусыпных трудов утомление, от возрастающей и процветающей славы зависть и злобу; да будет дом, держава и престол ваш яко дние неба. С таковым моим усердствованием и всеподданническою верностию, пока дух во мне пребудет, есмь

Вашего императорского величества

всеподданнейший раб и богомолец,

смиренный Вениамин, митрополит казанский".

[3] Генерал-маиор Нефед Никитич Кудрявцев, сын Никиты Алферьевича, пользовавшегося доверенностию Петра Великого, в чине поручика гвардии Преображенского полка, участвовал в первом Персидском походе; в царствование Анны Иоанновны сражался противу турков и татар, а при императрице Елисавете противу пруссаков; вышел в отставку при императрице Екатерине II. Тело его погребено в той церкви, где он был убит. *(Извлечено из неизданного Исторического словаря, составленного Д. Н. Бантыш-Каменским).*

[4] Так говорит автор исторической записки „Histoire de la révolte de Pougatschef"; в официальных документах, бывших у меня в руках, я ничего о том не отыскал. Достоверно однако ж то, что семейство Пугачева находилось при нем до 24 августа 1774 года.

[5] Иван Иванович Михельсон, генерал от кавалерии и главнокомандующий Молдавскою армиею, родился около 1735 года, умер в 1809. Под его начальством находился в начале славной службы своей князь Варшавский. Михельсон в глубокой старости сохранял юношескую живость, любил воинские опасности, и еще посещал передовые перестрелки.

Примечания к главе осьмой

[1] Их было три брата. Старший, известный дерзким покушением на особу короля Станислава Понятовского; меньшой с 1772 года находился в плену, и жил в доме губернатора, которым был он принят, как родной.

[2] Слышано мною от К. Ф. Фукса, доктора и профессора медицины при Казанском университете, человека столь же ученого, как и любезного и снисходительного. Ему обязан я многими любопытными известиями касательно эпохи и стороны, здесь описанных.

[3] Пред сим цена соли, установленная Пугачевым, была по 5 коп. за пуд; подушный оклад по 3 коп. с души; жалованье военным чинам обещал он утроить, а рекрутский набор производить через каждые 5 лет.

[4] За сообщение бумаг, обнаруживающих сношения Перфильева с правительством (обстоятельство вовсе неизвестное), обязаны мы благодарностию А. П. Галахову, внуку капитана гвардии, на коего правительством возложены были в то время важные поручения.

[5] Граф Петр Иванович Панин, генерал-аншеф, орденов св. Андрея и св. Георгия первой степени кавалер, и проч., сын генерал-поручика Ивана Васильевича, родился в

1721 году. Начал службу свою под начальством фельдмаршала графа Миниха; в 1736 году находился при взятии Перекопа и Бахчисарая. Во время семилетней войны служил генерал-маиором, и был главным виновником успеха франкфуртского сражения. 1762 года пожалован он в сенаторы. 1769 назначен он был главнокомандующим второй армии. 1770 взяты им Бендеры; в том же году вышел он в отставку. Возмущение Пугачева вызвало снова Панина из уединения на поприще трудов политических. Он скончался в Москве в 1789 году, на 69 году от рождения.

[6] См. Приложения, II.

[7] Показания казаков Фомина и Лепелина. Они не знают имени гвардейского офицера, с ними отряженного к Петровску; но Бошняк в своем донесении именует Державина.

[8] В то время издан был список (еще не весьма полный) жертвам Пугачева и его товарищей; помещаем его здесь:

Описание, собранное поныне из ведомостей разных городов, сколько самозванцем и бунтовщиком Емелькою Пугачевым и его злодейскими сообщниками осквернено и разграблено божиих храмов, также побито дворянства, духовенства, мещанства и прочих званий людей, с показанием, кто именно и в которых местах.

В городе Казани: Ворвавшись они в город, и входя во храмы божии в шапках, с оружием, грабили и выгоняли укрывающихся там людей, а именно: в Казанском богородицком соборе, во Владимирском соборе, в церкви Московских чудотворцев, в церкви Николая чудотворца, именуемого Тольского, в церкви Николая чудотворца, именуемого Низкого, в церкви Живоначальныя троицы, в церкви Воскресения Христова, в церкви Варламия Хутынского, в церкви Пресвятые богородицы грузинския, в церкви Вознесения господня, в церкви Тихвинския пресвятыя богородицы, в церкви четырех евангелистов, в церкви Алексея человека божия, в Троицком Федоровском монастыре, в церкви Рождества пресвятыя богородицы, в Петропавловском соборе, не могши отбить дверей, стреляли с паперти в окошки.

В городе Цывильске, в церкви Казанския богородицы.

В Чебоксарском уезде, в приходских церквах: в селе Сретенском, в селе Богоявленском, в селе Успенском, в селе Введенском.

В оных церквах злодеи не только грабили и убивали, но и святые иконы кололи и утварь церковную раздирали.

То ж самое делали Пензенской провинции: в городе Петровске, в церкви Казанския богородицы, в селе Чардыме, в приходской церкви.

Нижегородской губернии, в Арзамасском уезде: в селе Черковском, в приходской церкви.

Алатырского уезда: в селе Сутяжном, в приходской церкви, в селе Семеновском, в приходской церкви, в городе Курмыше, в соборной церкви Николаевской и Троицкой.

Курмышского уезда, в приходских церквах: в селе Шуматове, в селе Шумшевашах, в селе Больших Туванах, в селе Алменеве, в селе Усе.

Воронежской губернии, в Нижнем Ломове: в Богородском казанском монастыре.

Оренбургской губернии: в Оренбургском предместии, в церкви Георгиевской, на Меновом дворе, в церкви Захария и Елисаветы, святые иконы вынуты из мест своих и повержены на землю, и некоторые расколоты.

В загородном губернаторском доме, в церкви святого Иоанна Предтечи то ж учинено.

В Сакмарском городке „ Татищевой крепости „ Рассыпной „ „ Сорочинской „ „ Тоцкой „ „ Магнитной „ „ Карагайской „	В приходских сих крепостей церквах, входя, злодеи оклады с икон и всю утварь церковную грабили.

Бугульминского ведомства, в селе Спасском, в приходскую церковь въезжали на лошадях, и грабили церковную утварь.

В селе Борисоглебском, и в Канжинской слободе, в приходских церквах то ж делали.

Пермской провинции: в разных церквах делали грабежи, а в некоторых и в царские двери входили, как то: на Юговском Осокина заводе, в селе Крестовоздвиженском, в селе Дубенском, на Ижевском казенном заводе, в селе Березовке, в селе Троицком, Олшина тож, Осинского уезда в селе Крылове, на Юго-Камском заводе, в селе Николаевском, в Троицкой крепости.

Да сожжены церкви: на Саткинском заводе, в пригороде Осе, на Петропавловском и Воткинском заводах, в Икосове винокуренном заводе, Златоустовском и Сатковском заводах, Авзяно-Петровском заводе.

Сверх того, по Оренбургской линии злодеи, шед даже до Троицкой крепости, церкви божии сожигали, и образа находили после разбросаны, а иные и расколоты.

В городе Казани убиты до смерти: генерал-маиор Нефед Кудрявцов, полковник Иван Родионов, сын его артиллерии отставный капитан Александр Родионов, коллежский советник Казимир Гурской, коллежские асессоры: Петр Брюховской, Федор Попов с женою, премьер-маиор Данила Хвостов, капитаны: Василий Онучин, Лука Ефимов, поручик Александр Маслов. Подпоручики: Иван Богданов, Иван Носов, Гаврила Нармоцкой. Прапорщики: Павел Лелин, Андрей Герздорф, Алексей Тарбеев. Комиссары: Лука Ефимов, Иван Пономарев, лекарский ученик Иван Михайлов. При гимназии информаторы: немецкого класса: Аарон Тих, рисовального: Иван Кавелин, ученик Иван Петров, часовой мастер Шильд, отставный секретарь Александр Голдобин. Регистраторы: Иван Ворохов, Григорий Овсяников. Канцеляристы: Иван Карпов, Александр Акишев, Герасим Андроников, подканцелярист Степан Попов. Унтер-офицеры: сержант Иван Белобородов, вахмистр Онисим Нармоцкой. Подпрапорщики: Степан Реутов, Иван Неудашнов, каптенармус Дмитрий Стрелков. Солдаты: Степан Печищев, Леонтий Чекалин. Счетчики: Онисим Колотов, Никита Спиридонов, Федор Калашников. Инвалидные: Денис Ерофеев, Гаврила Юдин, слесарь Фризиус, седельник Гросман, конюх Иван Красногоров. Купцы: Максим Васильев, Иван Наварьев, сын его: Гаврила Наварьев, Кирила Ларионов, Иван Котельников, Козма Игнатьев, Григорий Мордвинов, Борис Ростовцев, Иван Пирожников, Михайла Естифеев, Федор Тюленев, Яков Нижегородов, Роман Федоров, Михайла Сухоруков, Василий Рыбников, Филип Кашкин. Цеховые: Иван Коренев, Петр Ильин, Михайла Расторгуев, Иван Фролов, Петр Белоусов, Петр Кочанов, Илья Петров, Григорий Смирнов, Алексей Андреев, Иван Сапожников, Василий Киселев, Василий Федосеев, Федор Востряков. Дворовые люди: управителя Петра Кондратьева Прокофий Алексеев, капитана Аристова Федор Вербовской, архитектора Кафтырева Гаврила Васильев, секретаря Аристова Козма Яковлев, маиора Хвостова Петр Степанов, маиорши Ивановой Данила Ильин, капитана Левашева: Алексей Никифоров,

Никифор Федоров, Петр Григорьев, Антип Андреев, Данила Власов, Денис Григорьев, Петр Афанасьев; купца Каменева Михайла Иванов; бригадира Люткина Прокофий Шелудяков. Экономические крестьяне: Иван Данилов, Иван Прокофьев, Иван Кондратьев. Казанской суконной фабрики мастеровые и работники: Степан Шумихин, Давыд Пономарев, Яков Герасимов, Кондратий Петров, Петр Самойлов.

Да сгорели в Казанском магистрате: ратман Афанасий Шапошников, копиист Федор Копылов.

В Свияжском уезде убиты до смерти: инвалидной команды полковой обозный Палкин, копиист Федоров.

В Цывильске убиты до смерти в городе: воевода, коллежский асессор Петр Копьев, штатной команды прапорщик Алексей Абаринов, секретарь Попов и его жена Татьяна Степанова, дворовых людей мужеского пола шесть, женского два, канцелярист один, купец один.

В уезде: священников четыре, дьячок один, пономарь один, матросов три, новокрещенных два.

В Чебоксарском уезде убиты до смерти: Чебоксарской морской инвалидной команды: капитан с сыном, прапорщиков два, подпрапорщик один, штатной команды солдат один, прапорщик Иван Тихомиров с женою его, экономического правления копиист один, престарелых матросов четыре, да молодой один, священников двенадцать, дьяконов пять, дьячков два, купец один.

В Царевококшайском уезде убиты до смерти: Свияжской провинции отставной канцелярист Андрей Дмитриев, священник один, полковой обозный один, подьячий один, малолетный один.

В городе Пензе убиты до смерти: воевода Андрей Всеволожский, товарищ Петр Гуляев. Подпоручики: Михайла Суровцов, Федор Слепцов. Секретари: Степан Дудкин, жена его, да сын, подпоручик Игнатий Дудкин, Сергей Григорьев с женою, с сыном и с двумя дочерьми. Приказные служители: Андрей Петров, Гаврила Елисеевской, Федор Иконников, Василий Терехов с женою, Иван Дмитриев, Семен Терехов, Иван Аврамов. В уезде: генерал-маиор Алексей Пахомов с женою, секунд-маиор Иван Веревкин с женою, поручик Флор Слепцов. Капитаны: Алексей Тутаев, Гаврила Юматов, помещик Скуратов, маиорша Дарья Селивачева, поручик Петр Иванов, подпоручик Борис Яковлев и дети Романовы, сержант Петр Неклюдов с женою и с сыном, секунд-маиор Иван Стяшкин, жена его Татьяна Степанова, маиорша Федосья Назарьева с сестрою Марьею Даниловою, с двумя дочерьми, с племянницею Федосьею Шемяковою, поручик Иван Пилюгин с женою и с дочерью девицею Ольгою, отставной драгун князь Михайла Звенигородской, квартирмистр Ермолай Стяшкин с женою и с сыном Иваном, маиор Егор Мартынов с женою Афимьею Яковлевою, с сыном Сергеем и с женою его, полковник Никифор Хомяков, маиор Иван Стяшкин, жена его Татьяна Степанова, поручик Степан Башен, прапорщик Евдоким Степанов, прапорщика Александра Стромилова дети, сыновья: Михайла, Николай, дочь Авдотья, да брат родной Сергей, прапорщик Фаддей Зеленской с женою, прапорщик Сергей Грязев с женою, вдова маиорша Анисья Безобразова, капитанша Елена Романова, капитан Григорий Раков, маиор Василий Кологривов с женою, прапорщик Козма Бартенев, маиора Михайла Мартынова дети: Николай, Савва, надворная советница Грабова, помещица Анна Репьева, регистратор Алексей Дертев, прапорщик Кадышев, надворная советница Прасковья Ермолаева с сыном, помещица Дарья Халабурдина, поручик Иван Лунин, поручика князя Павла Барятинского жена Прасковья Гаврилова с малолетною дочерью, прапорщик Андрей из

дворян, да однодворец Михайла Слепцовы, секретарь Сергей Сверчков с женою его Настасьею Ивановою, вахмистр Яков Жмакин с дочерью его, девкою Мариною, прапорщик Николай Агафонников с женою и с матерью, секунд-маиор Лев Дубенской с женою, подьячий из дворян Василий Агафонников с женою, капитанши Марфы Киреевой дочь, девица Анна, маиор Иван Веревкин с женою, сержант Тимофей Авксентьев, поручик Максим Дмитриев, капитан Михайла Киреев с дочерью, поручик Андрей Пансырев, капитан Иван Дмитриев, прапорщик Иван Тутаев, поручик Егор Морев с женою Анною Петровою, граф Гаврила Головин, маиорша Елена Варыпаева, подпоручик Александр Гладков, дворянская жена Прасковья Проскуровская, архитектор, смоленский шляхтич Федор Яковлев, поручик Жмакин, капитан Иван Именников, вдова Елена Юрасова, дворянская жена Наталья Бекетова, вдова Пелагея Шахмаметева и дочь ее, девица, однодворец Иван Юрасов. Прапорщики: Иван Буланин, Иван Нетесев, Степан Романов, подпоручик Лев Ергаков с женою, капитан Алексей Козлов, секунд-маиор Ивашев, подпоручик Николай, да гвардии капрал Василий Киселевы, поручик Гаврила Алферьев, маиор Никита Костяевской с женою, капитан Тутаев с женою, подпоручика Василья Митькова дочери: Наталья, Марья; сыновья: Алексей и Михайла, да своячина его девица Пелагея Квашнина. Саранский воевода Василий Протасьев с женою и с сыном, поручик Федор Левин с женою и с сыном Алексеем, экономической казначей, секунд-маиор Федор Григоров с женою, маиорша Авдотья Возницына с дочерью, вдовы дворянки: Анна и Прасковья Проскуровские, помещик Семен Литомгин с женою, поручик Иван, да подпоручик Максим Тоуваковы, вдова подполковница Марфа Агарева, однодворческая жена Пелагея Метлина, маиор Григорий Зубарев с женою и с детьми, двумя сыновьями, с дочерью девицею, поручик Федор Бекетов с женою Марьею Егоровою, маиорша Катерина Конабеева, дворянская жена Варвара Тургенева, княгиня Анна Мустафина, подпоручика Гаврилы Левина жена с детьми, сыновьями: Дмитрием, Николаем, да с дочерью, гвардии капральша Федосья Ермолаева с дочерью вдовою, прапорщицею Авдотьею Юрьевою, подпрапорщик Степан Пересекин с женою, сыном Гаврилом, дочерьми: Катериною, Аграфеною, Анною, Авдотьею; маиор Федор Кашкаров, жена его с дочерьми, малолетными детьми, и одна француженка, протоколист Петр Иванов с женою Татьяною Дмитриевою и с детьми, премьер-маиором Семеном Ивановым, с женою Елисаветою Михайловою и с сыном Петром, недоросль Дмитрий Иванов, маиорша Лукерья Ивина с сыном Алексеем, с дочерью Пелагеею, вахмистр Михайла Брюхов с женою, прокурорша Марфа Агарева, секунд-маиор Николай Степанов с женою, дворянская жена Пелагея Ховрина, поручик Алексей Зубецкой с женою, помещица Авдотья Жедринская, вахмистр Никита Никифоров, помещик Никита Подгорнов, титулярный советник Иван Ползамасов с сыном Сергеем, подпоручика Василья Золотарева жена, камер-лакей Яков Выдрин с женою, подпоручик Алексей Слепцов с женою Аграфеною Сергеевою, подпоручица Катерина Платцова, прапорщица Анна Чуфарова, легкой полевой команды подпоручик Иван Обухов, вахмистр Яков Жмакин с дочерью Мариною, сержант Иван Кашкаров с зятем, асессором Никитою Иевлевым, с женою его Матреною Михайловою и с их дочерью Марьею, титулярный советник Иван Алферьев с женою, однодворческая жена Дарья Чарыкова, однодворцы: Семен Федорчуков, Петр Митюрин, легкой полевой команды солдат один, штатной команды два солдата, вахмистр Иван Симонов, однодворцев четыре, пахотных солдат три, четыре священника, и один из них с женою, понамарь один, прапорщика Ивана Буланина приказчик, капитана Ивана Осоргина приказчик, графа Гаврила Головкина приказчик, вахмистра Якова Якушкина приказчик, лейб-гвардии капитана князя Михайла Долгорукова приказчик, полковника Петра Волконского приказчик, капитана Николая Загоскина приказчик, вдовы Анны Смагиной

два старосты, вдовы Пелагеи Грецовой приказчик с женою и дочерью, княжны Марьи Долгоруковой приказчик с женою, кадета Петра Загряжского приказчик, капитана Василья Новикова приказчик, подпоручика Николая Зыбина приказчик, сержанта Сергея Мартынова дворовой человек, бригадирши Аграфены Киселевой приказчик, архитектора, смоленского шляхтича Яковлева дворовых два человека, поручика Сергея Тухачевского приказчик, прапорщика Ивана Буланина дворовой человек, прапорщика Афанасья Сумарокова дворовой человек, графа Андрея Шувалова староста один, выборных два, статского советника Афанасья Зубова дворовой человек, маиора Нилы Акинфиева два приказчика и один кучер, коллежской асессорши Катерины Бахметевой дворовой человек, штык-юнкера Аблязова управитель, полковника Степана Ермолаева приказчик капитана Николая Владимирова дворовой человек, статского советника Ивана Ермолаева приказчик, секунд-маиора Александра Соловцова дворовой человек, иноземец Иван Миллер, архитектора Василья Баженова земской, генеральши Екатерины Левашевой приказчик, сержантов Андрея и Ивана Левиных приказчик с женою, девиц Анны и Марьи Языковых приказчикова жена, новокрещенных два, надворной советницы Прасковьи Ермолаевой крестьянин, коллежского асессора Петра Хлебникова крестьянин, капитана Василья Новикова крестьянин, подполковника Степана Ермолаева крестьянин один, женки две, статского советника Афанасья Зубова крестьянин, девицы Ольги Назарьевой крестьянин.

В Симбирском уезде убиты до смерти: полковница, вдова Марья Теплова, помещица вдова Домна Поспелова, сестра ее, милитинского дворянина Якова Агненова жена Ульяна Александрова, подпоручик Иван Манахтин, маиор Василий Аристов с дочерью, девицею, помещицы, вдовы Прасковья и Анна, Петровы дочери, Насакины, симбирского баталиона полковник и комендант Андрей Рычков, экономический казначей, поручик Тишин с женою и два малолетных сына, экономический крестьянин Александр Васильев, подполковник Василий Языков, маиор Александр Родионов, подполковника Никиты Философова приказчик Василий Ерофеев, подполковника Петра Зимнинского приказчик Тимофей Михайлов, фабриканта Воронцова формовальщик Алексей Адрианов.

В городе Петровске убиты до смерти: воеводской товарищ, секунд-маиор Буткевич, теща его Марья Иванова, секретарь Лука Яковлев с женою Марьею Михайловою и с сыном Петром, штатной команды барабанщик Иван Хомутинников, пахотный солдат Игнатий Ношкин, солдата Хрулева жена Авдотья Васильева.

В уезде: подполковница, вдова Ирина Никитина, дочь Дурасова, капитана Николая Коптева сын, младенец Лев, корнет Михайла Шильников с женою Прасковьею Макаровою и малолетный сын Григорий, сержанта Самсона Каракозова жена Екатерина, маиорша, вдова Анисья Безобразова, помещики: Николай да Василий Киселевы, приказчик их Афанасий Семенов, помещиков Григория и Игнатия Киселевых приказчик Степан Матвеев, прапорщик Иван Яковлев, прапорщик Гаврила Власьев, прапорщик Николай Чемодуров, подпоручик Федот Бекетов с женою Марьею, капитан-поручика Федора Меиса жена Софья, поручика Николая Бахметева крестьянин Иван Иванов, пахотный солдат Фаддей Скапинцов, малороссиянин Иван Озерецкой.

В Козмодемьянском уезде убиты до смерти: священников два, дьяконов два, дьячок один, семинарист один.

В Пермском уезде убиты до смерти: Екатеринбургского ведомства: капитан Воинов, подпоручик Посохов, солдат один; Юговских заводов управитель, шихтмейстер Яковлев, унтер-шихтмейстер Бахман, князь Михайла Михайловича Голицына приказчик Михайла Ключников, подьячий Василий Клестов, питейной продажи целоваль-

ник один, графа Романа Ларионовича Воронцова Ягошихинского завода унтер-шихтмейстер Манаков. Священники: Василий Козмин, Аникий Борисов, Родион Леонтьев; дьячок Иван Попов, дьячок Илья Петров, экономических дел копиист Петр Курбатов, атаман Колесников, отставной капрал Лукиан Омельянов, Юговских заводов плавильщик Козма Орлов. Пушкари: Демид Сочин и Никифор Совин, экономической крестьянин Алимпий Карманов, крестьянин Гаврила Трегубов, князя Голицына крестьян четырнадцать человек, графа Строганова крестьян три человека. Государственных: крестьянин Егор Зуев, и еще семь человек, сотник Яков и крестьянин Михайла Поповы, крестьянин Софронов, Ермолай Медеников, Федор Бурков, Иван Осетров, крестьянин Ермаков, и еще два человека, крестьянская девка.

В городе Ставрополе убиты до смерти: Бригадир и ставропольский комендант Иван фон-Фегевак, воеводской товарищ, надворный советник Сергей Милкович, секретарь Семен Микляев. Ставропольского баталиона секунд-маиоры: Павел Алашеев, Алексей Карачев, Никита Семенов. Капитаны: Григорий Калмыков, Петр Лабухин. Поручики: Афанасий Семенов, Дмитрий Новокрещенов. Прапорщики: Яков Дворянинов, Василий Трофимов, Федор Попков, Василий Плешивцов; лекарь Иван Финк.

В уезде отставные: секунд-маиор Артемий Бережнев. Прапорщики: Филат Струйской, Петр Поляков; подпрапорщик Петр Тургенев с сыном Иваном, сержант Михайла Кулыгин. Ставропольского баталиона сержанты: Иван Свешников, Василий Гущин, Яков Петров, Михайла Савушкин, Семен Львов; подпрапорщик Иван Фомин, капрал Лука Матвеев. Солдаты: Игнатий Буторин, Фрол Бердняков, Петр Вагин, Митрофан Мухановский, Никита Козлов, Василий Григорьев, Григорий Колесников, Афанасий Кондуков, Гурий Ульянов, денщик Максим Андреев, Ставропольского духовного правления копиист Василий Татлин. Дворовые люди: прапорщика Филата Струйского Елизар Семенов, помещицы Аграфены Стрекаловой: Егор Горох Осип Александров, помещицы Прасковьи Чемесовой Иван Михайлов, ясачной крестьянин Осип Звонарев, разночинец Михайла Васильев. Ставропольского калмыцкого корпуса: ротмистр Никанор Буратов, солдат Иван Шонбо.

Нижегородской губернии, в Нижегородском уезде убиты до смерти: графа Николая Головина приказчик Алексей Тетеев с женою Настасьею, брат его Иван Тетеев с сыном Васильем. Выборные: Андрей Киреев, Иван Фадеев, крестьянин Павел Кордюков, немец один, француз один, артиллерии капитана, князь Петра Дадияна, приказчик Петр Кучин с женою Дарьею.

В городе Алатыре убиты до смерти: премьер-маиор Роман Грабов с женою Катериною, коллежский асессор Галактион Кляпиков, землемер, подпоручик Федор Вишняков с женою Анною и братом его двоюродным, Федором Прокофьевым; секретарь Василий Попов с женою Авдотьею Ивановою, с детьми, дочерьми: Варварою, Глафирою, с сыном Алексеем и матерью Матреною Васильевою, протоколист Матвей Леонтьев с женою Марьею, с детьми, сыном Николаем, дочерьми: Анною и Александрою, капитан Иван Недоростков с женою. Штатной команды солдаты: Алексей Зенкин, Тимофей Запылихин.

В уезде: прокурор Василий Кривской, капитан Николай Лихутин с женою Анною Ивановою, сержант Иван Любовцов, маиорша Федосья Назарьева, капитан Петр Зубатов, из дворян капрал Александр Зиновьев, маиор Семен Марков, из дворян каптенармус Афанасий Ананьин, прапорщик Василий Мещеринов, помещица Прасковья Телегина, помещица, вдова Авдотья Тимашева, полковника Федора Волкова свояченица Татьяна Иванова, прапорщик Василий Мертваго с женою Пелагеею Ивановою, маиор

Борис Мертваго, вахмистр Андрей Назарьев, капитан Алексей Матцынев с женою Мариною Алексеевою, коллежского асессора Ивана Мачавариянова свояченица Нина Егорова, экономического казначея князь Василья Туркистанова жена Ирина Борисова.

При экономическом винокуренном заводе: Прапорщики: Алексей Гедеев с женою Еленою Романовою, Василий Дуров с женою Авдотьею Васильевою, помощник Сергей Бедауров с женою Александрою Петровою. Поручика Саввы Остренева жена Анна Егорова, асессора Мачавариянова дочь, девица Файна Иванова, племянник его Николай Гаврилов, инвалидного секунд-маиора Чеботарева жена Анна Иванова, мать ее Авдотья Гедеева, племянница ее, девица Марья Туркманова, арлатовской дворцовой волости управитель, секунд-маиор Михайла Нелидов, поручик Иван Смолков с женою Афимьею Ивановою, мать его, маиорша Дарья Никитина, прапорщика Дмитрия Жмакина жена Анисья Андреева, маиора Растригина жена Авдотья Козмина, мать его Прасковья Михайлова; дети его, дочери: Ирина, Федосья, Фекла, поручик Андрей Саврасов с женою Афимьею Матвеевою, теща его Анна Кириллова, дворянин Егор Пазухин с женою Марьею Алексеевою; дети его, сын Алексей, дочери: Анна, Елизавета, дворянина Федота Захарина дочь, девица Татьяна, помещика Ивана Салманова теща Авдотья Афанасьева, жена Акулина Лукианова, сын его Николай, дворянин Афанасий Яхонтов с женою Домною Никитиною; дети их, сын Степан, дочери: Пелагея, Дарья; дворянин Феопемпт Яхонтов с женою Екатериною Семеновою; дети их, сыновья: Дмитрий, Павел, дочери: Авдотья, Акулина; теща Авдотья Антонова; капрал Иван Салманов, капитанша, вдова Анна Брюхова, дворянская жена Прасковья Телегина, поручик Иван Алабин, солдат Василий Шебалин, прапорщик Григорий Куроедов с женою Анною Ивановою, дворянка Прасковья Апраксина, капитанша, вдова Ирина Аленина, помещица Варвара Василисова, капитан Николай Страхов, мать его, вдова поручица Домна Данилова, помещик Василий Апраксин с женою Анисьею Дмитриевою, сын его, прапорщик Алексей, прапорщик Иван Ашанин с женою Авдотьею Семеновою, вдова помещица Агафья Тахтарова, капитан Иван Ляхов, капитана Ивана Полумордвинова сын Михайла, прапорщик Иван Анцыфоров с женою Анною Романовою, девка Вера Данилова, вдова Марья Данилова, подполковница вдова Прасковья Кишенская, сын ее, маиор Николай, малолетный Аврам, дворянская жена вдова Анисья Неронова, сын ее, поручик Иван с женою Прасковьею Андреевою, гвардии прапорщик Иван Стечкин с женою Василисою Петровою, помещик Ефим Неронов; дети его: сын Алексей, дочери: Наталия, Анна, Мавра; помещица Федосья Лаптева, прапорщик Григорий Неверов, прапорщик Григорий Нагаткин с женою Феклою Васильевою; дети: сын Петр, дочь, девица Акулина; прапорщик Андрей Теренин, помещица Авдотья Варыпаева, прапорщик Василий Теренин, сержант Козма Теренин, дворянка Прасковья Григорьева, дворянка Прасковья Иванова, солдатская жена Анна Осипова, помещик князь Артамон Чегодаев с женою Натальею Ивановою.

Прапорщики: Федор ⟨и⟩ Борис Брюховы, поручица вдова Прасковья Брюхова, сержант Сергей Ананьин с женою Марьею Васильевой, дочь его Надежда; канцелярист Федор Крюковской, прапорщик Александр Грязнов, дворянин Зураб Давыдов, служитель его Яков Андреев, прапорщик из грузин Евсевий Семенов, канцелярист Михайла Соколовской, писарь Никита Верин, прапорщик Василий Тимашев с женою Катериною Антоновою, дочь его девица Елисавета, помещица Марья Пучкова, капитан Яков Бурцов, подпоручик Василий Шалимов с женою Акулиною Ильиною, приемыш девка Анна, университетского учителя Грачевского дочь Вера, дворянин Дмитрий Пасмуров с женою Ириною Федоровою, капитан Михайла Ашанин, капитанша Прасковья Павлова, сын ее, капитан Василий, его сын, сержант Федор, прапорщик Василий Шишкин, фурьер Василий Бабуш-

кин с женою Марфою Ивановою, и дочь его Елисавета, поручик Александр Зимнинской с женою Авдотьею Григорьевою, прапорщик Василий Кошкин, прапорщик Василий Зимнинской с женою Мариамою Васильевою, маиор Никифор Юрасов, прапорщик Семен Юрасов с женою Татьяною Моисеевою, дворян два человека: один мужеского, а другой женского пола, князь Борис Дивеев, подпрапорщик Ефим Шукин, протоколиста Матвея Леонтьева мать Ирина, Данилы Куткина жена Анна Федорова, староста Тимофей Федотов, секунд-маиора Андрея Кикина староста Федор Гаврилов, десятской Федор Агафонов, помещика Алексея Сеченова приказчик Захар Андреев, маиора Ивана Протасьева приказчик Петр Васильев, помещика Петра Пазухина староста Андрей Алексеев, помещика Ивана Ананьина староста Федор Иванов. Крестьяне: Макар Федоров, Андрей Николаев, помещицы Варвары Языковой дворовой человек Евдоким Фирсов, помещика Нилы Панова крестьянин Авдей Федоров, секунд-маиора Афанасья Давыдова дворовые люди: Прокофий Прохоров, Степан Данилов, арзамасская купецкая жена Марья Федорова, полковника Федора Волкова приказчик Иван Козмин, сын его Евграф; помещика Алексея Бахметева приказчик Иван Петров с женою Федосьею Романовою, генерал-маиора и кавалера Михайлы Кречетникова дворовый человек Максим Леонтьев, староста Карп Иванов, артиллерии подполковника Льва Пушкина дворовой человек Семен Иванов, генерал-поручика Ивана Левашева приказчик Федор Логинов с женою Татьяною Федоровою и с дочерью Елисаветою, Ефим Иванов, Аверьян Борисов, подполковника Григорья Бахметева выборный Алексей Игнатьев, гвардии капрала Егора Кроткого человек Михайла Егоров, капитана Алексея Матцынева приказчик Дементий Дмитриев, секунд-маиора Петра Акинфиева приказчик Александр Васильев. Экономического ведомства крестьяне: Прокофий Афанасьев, Иван Володимиров, Михей Яковлев; полковника князь Александра Одоевского приказчик Григорий Лебедев, помещика Александра Зимнинского приказчик Никита Моисеев с женою Прасковьею Андреевою, бригадира Иевлева приказчик Степан Семенов, солдатская жена Фекла Семенова. Графа Ивана Петровича Салтыкова: штуцмейстер Иван Штепсин, приказчик Антон Дроздов, староста Анкудин Феклистов, приказчик Никита Алымов с женою и с дочерью, приказчик Алексей Головлев, земской Иван Вернеев, крестьянин Иван Трофимов, приказчик Петр Протопопов, крестьянин Федор Вайцов. Графа Андрея Петровича Шувалова: приказчик Тимофей Щепотев с женою Настасьею Ивановою, земской Филипп Петров, экономической крестьянин Михей Яковлев, приказчик Михайла Савельев с женою Авдотьею Федоровою, приказчик Борис Турченинов, приказчик Кондратий Филиппов. Священники: Яков Федоров, Василий Алексеев, Афанасий Иванов, Иван Прохоров, Антип Борисов, Иван Борисов, диакон Федор Михайлов.

В Арзамасском уезде убиты до смерти: гвардии конного полка секунд-ротмистр Иван Исупов с женою Ириною Петровою и с дочерьми Еленою и вдовою Настасьею, титулярного советника Ивана Бахметева дочь, священник Василий Алексеев, поручика Николая Языкова служитель Сергей Борисов, капитана Петра Ермолова дворовой человек Егор Васильев, приказчик Парфен, секунд-маиора князь Ивана Кольцова-Масальского земской Семен Алексеев, прапорщика Алексея Дубенского приказчик Кондратий Андреев, служитель Иван Гуняев.

В городе Курмыше убиты до смерти: секунд-маиоры: Василий Юрлов, Дмитрий Маковнев, вдова Наталья Ульянина. Курмышской канцелярии: квартирмистр Александр Филиппов, канцелярист Михайла Еремеев.

В уезде священники: Афанасий Дмитриев, Алексей Семенов, Василий Антонов, Гаврила Евтропов, Гаврила Михайлов, Андрей Степанов, Михайла Дмитриев, Петр Иванов, Андрей Алексеев, Григорий Матвеев, Михайла Васильев, Федор Алексеев. Диа-

кони: Андрей Федоров, Василий Гаврилов, Григорий Гаврилов, Константин Васильев, Иван Михайлов, Иван Никифоров, Иван Андреев, Михайла Иванов, Алексей Андреев, Иван Андреянов. Дьячки: Петр Иванов, Иван Григорьев, Корнил Васильев, Иван Васильев, Василий Никитин, Петр Афанасьев, Василий Иванов, Сергей Григорьев. Понамари: Петр Иванов, Матвей Иванов, Василий Тимофеев, Егор Антонов, Петр и Агафон Федоровы, Дмитрий Федоров, Илья Михайлов, Семен Кузьмин, статского советника Ивана Ермолаева приказчик Яков Реутов. Курмышской инвалидной команды: поручик Тимофей Муромцов, солдат Дмитрий Гусев, подпоручик Иван Мантуров с детьми Кириллом и Николаем, помещика Лариона Любятинского староста Афанасий Васильев; коллежской советницы Прасковьи Стражиной человек Федор Тимофеев; прапорщик Андрей Крашев, Цывильской канцелярии секретарь Никита Попов, и жена его Татьяна Степанова. Дворовых людей: мужеского пола четыре, женского два, малолетных два, матрос Абрам Васильев, духовных дел копииста Павла Попова сын Василий, матрос Иван Львов, священника Семена Иванова жена Прасковья Степанова, сотник Иван Илдеряков. Крестьяне: Дмитрий Перфильев, Петр Никитин.

Города Ядринска в разных местах убиты до смерти: священников и причетников с их женами тридцать восемь.

Города Оренбурга в крепостях убиты до смерти:

В Чернореченской крепости: капитан Нечаев.

В Татищевой: комендант полковник Елагин с женою.

В Рассыпной: комендант, секунд-маиор Веловской с женою, капитан Савинич, поручик Кирпичев, прапорщик Осипов, священник один, воинских нижних чинов, регулярных и нерегулярных, двенадцать.

В Сорочинской: регулярных шесть, разночинцев пять.

В Бузулукской: маиора Племянникова приказчик и староста, регистратора Арапова работник.

В Борской: отставной капитан Петр Рогов, помещичьих крестьян два человека.

В Пречистенской: отставных двенадцать человек.

В Зелаирской: адъютанта Бурунова жена Матрена Иванова с прочими отставных с женами ж в числе четырех человек, с пятью обоих полов младенцами.

В Магнитной: священник один, капитан Сергей Тихановской с женою, отставных солдат двое.

В Нижне-Озерной: комендант, секунд-маиор Харлов с женою и братом ее.

В стоящей на Самарской дистанции деревне Милоховой: отставной капитан Трофим Милохов.

В городе Троицке убиты до смерти: воевода, секунд-маиор Варфоломей Сталповской, товарищ, капитан князь Алексей Чегодаев, с приписью Михайла Скорнякова, Троицких дворцовых управительских дел управитель гоф-фурьер Андрей Половинкин. В уезде оного: Троицкой штатной команды солдаты: Савелий Волов, Степан Федоров, Петр Горбунов, разночинец Трофим Образцов, дворцовой крестьянин Григорий Павлов, канцеляриста Ивана Григорьева дворовой человек Антон Яковлев.

В городе Краснослободске убиты до смерти: воевода, секунд-маиор Иван Селунской, секретарь Василий Тютрюмов, помещик, капитан Данила Сталыпин. В уезде оного: поп Иван Яковлев, казенного дворцового Троицко-Острожского винокуренного завода сержант Никита Голов.

Дворцовых управительских дел: в должности стряпчего канцелярист Степан Снежницкой, канцелярист Семен Дубровской, дворянин Никита Степанов, дворянин Юдин.

В городе Наровчате убиты до смерти: воевода Афанасий Ценин, в должности секретаря регистратор Семен Корольков, капрал Степан Кашин, священник Иван Иванов, города Инсары воеводского товарища Юматова дворовый человек Савелий Иванов, проезжавший человек один. Наровчатской канцелярии отставной копиист Александр Соколов, помещика Арапова дворовой человек Василий Аникеев, дворцовой крестьянин Иван Сорокин.

В городе Инсаре убиты до смерти: священники: Козма Семионов, Андрей Миронов. Инсарской инвалидной команды секунд-маиоры: Василий Денисьев и жена его Наталья Петрова, Андрей Кузмин и жена его Фекла Емельянова. Капитаны: Дмитрий Куприн, жена его Татьяна Григорьева; Иван Щербаков, жена его Марфа Иванова; Петр Кресников. Поручик: Михайла Юрлов, жена его Прасковья Юдина. Подпоручики: Алексей Пьянкин, жена его Меланья Евсевьева, сестра его Меланья Тимофеева, Алексей Корнилов, Нефед Онуфриев, Андрей Каряпин, жена его Ирина Иванова, подпоручика Андрея Турмышева жена Пелагея Петрова. Прапорщики: Прокофий Соколов, жена его Настасья Тимофеева, Николай Козлов, Савва Агафонов, жена его Степанида Степанова, ротной квартирмистр Иона Ступетов, сержант Гаврила Маклаков, каптенармуса Прокофья Страхова жена Аксинья Васильева. Капралы: Иван Васильев, Игнатий Салынин, жена его Февронья Филиппова, Михайла Матвеев, жена его Авдотья Федорова, Василий Теплов, жена его Прасковья Игнатьева, Павел Филимонов. Солдаты: Агап Голубчиков, Захар Крылов, Данила Прокофьев, Авдей Мелехов, Иван Юдин, Никита Бельянинов, Василий Ногин, Владимир Иванцов, Федор Трофимов, Степан Евсигнеев, Алексей Пирожков, Иван Вилкин, Александр Караулов, Козма Паршин, Михайла Бакаев, Федор Назаров, Иван Букаев, Тит Хомов, Осип Леонтьевской, Петр Шадрин, Яков Мадрыгин, Федот Федоров, жена его Агафья Григорьева, Гаврила Лосев, жена его Прасковья Васильева, Василий Петин, жена его Устинья Артемьева, Елисей Чеканов, жена его Настасья Иванова, солдата Герасима Киселева жена Ненила Титова, солдата Григорья Иконникова жена Федосья Степанова, канцелярист Иван Андреев. Инсарской штатной команды: Солдаты: Борис Шульгин, Антон Камшилин, сторож Перфил Герасимов, купец Филипп Соснин. Подпоручики: Алексей Голосеин, Федор Голосеин, сестра его Анна Иванова, корнет Дмитрий Голосеин, жена его Матрена Никитина, московского купца Рюмина приказчик Максим Евстратов.

Пензенского уезда: из дворян отставной драгун Егор Ульянин, жена его Настасья Михайлова, сестра ее Катерина Михайлова ж.

Алатырского уезда: поручик Прокофий Лукин, жена его Пелагея Никифорова.

Наровчатского уезда: прапорщик Николай Ермолов.

Темниковского уезда: татар шестнадцать человек, помещика Платона Орлова приказчик, а как его звали неизвестно.

В Инсарском уезде: поручика Василья Губарева крестьянин Тимофей Гаврилов, секунд-маиор Василий Ягодинской, жена его Татьяна Иванова, недоросль князь Онисим Чюрмантеев, жена его Авдотья Данилова, артиллерии маиор Николай Нечаев. Инсарской инвалидной команды секунд-маиоры: Гаврила Помелов, Кирила Муратов, поручик Петр Долгов, частной смотритель, капитан князь Максим Чюрмантеев; помещицы Елисаветы Шепелевой приказчик Андрей Карпов, коллежской асессор Иван Кожин, жена его Татьяна Сергеева, дочери их, девицы: Аграфена, Авдотья, Варвара, мать его Кожина, Авдотья Николаева; премьер-маиор Семен Мерзлятьев, жена его Анна Петрова; управитель, прапорщик Перфилий Унковской, подполковника Дмит-

рия Чуфаровского приказчик Яков Никифоров, жена его Афимья Матвеева, поручика Андрея Мневского жена Катерина Михайлова, отставной солдат Павел Енолеев, поручик Ермолаев, дворянин Веденяпин, помещица Мещеринова.

В Шацком уезде убиты до смерти: поп Осип, диакон Василий, дьячок, понамарь Михайла, прапорщица Анна Мальцова, помещица Александра Ханыкова, приказчик Фома Никифоров, питейных сборов служитель, однодворец Игнат Белозерцов, поручик Яков Огалин с сыном Львом, помещицы княгини Дашковой приказчик Тимофей Федоров, питейных сборов служитель, кунгурской купец Яков Носков, однодворческие дети: Степан и Петр Подъяпольские, генерал-маиора Никиты Смирнова приказчик Иван Петров, жена его Улита Иванова, титулярной советницы Анны Посниковой приказчик Андрей Родионов, целовальник один, помещика Николая Колычева приказчик Михайла Андреев с женою, помещица вдова Татьяна Пятова, помещица Агафья Якутина, корнет Евстрат Евсюков, писчики: Иван Кучуров, Степан Дивеев, помещика Кольцова-Масальского приказчик Восков, подполковник Осип Кузмищев, однодворец Матвей Тверитинов, поручики: Филипп Тенишев, Николай Реткин, вахмистр Козма Марков, помещика Александра Васильчикова приказчик, полковника Василья Измайлова приказчик Семен Мартынов, полковника князь Александра Большого-Черкасского сотской Степан Федоров.

В городе Темникове убиты до смерти: питейных сборов поверенный Яков Кленов, поручица вдова Прасковья Ребинина, капитан Дмитрий Кочеев, подпоручик князь Михайла Мансырев, прапорщик Николай Ермолов, гвардии капрал, князь Илья Еникеев, жена его Матрена Давыдова, гвардии капрал, князь Василий Девлеткильдеев, капитана Александра Мошкова приказчик Терентий Иванов, татарин Аися Халеев.

В Тамбовском уезде убиты до смерти: поручика Афанасья Сатина приказчик, из дворян отставной ротный квартирмистр Максим Дасекин, из однодворцев отставной капрал Василий Мишин, надворного советника Ивана Мосолова крестьянин Семен Бирюков.

В городе Нижнем-Ломове убиты до смерти: священник Иван Иванов, поручик Петр Анучин, секунд-маиор Степан Евсюков, капитан Яков Калмыков, поручик Иван Симаков, прапорщик Тихон Маслов, прапорщик Василий Клишов, маиор Иван Соколов.

В уезде: секретарь Никита Григорьев сын Подгорнов, жена его Ирина Степанова, сноха его Авдотья Петрова, прапорщик Иван Слепцов, жена его Акулина Алексеева, подпоручик Алексей Слепцов, жена его Аграфена Сергеева, капитан Лаврентий Слепцов, каптенармус Федор Слепцов, жена его Марья Степанова, прапорщик Василий Лепунов, сержант Александр Микешин, жена его Анна Андреева, князь Михайла Мансырев, прапорщик Петр Скорятин, капитан князь Семен Мамлеев, прапорщик князь Спиридон Мамлеев, поручик князь Михайла Ишеев, прапорщика Василья Гедеева жена Анна Филатьева, поручица Авдотья Малахова, поручица Евгения Исаева, подпрапорщик Иван Малахов, жена его Марья Михайлова, дочь девица Агафья, князь Василий Петров сын Кугушев, маиор Федор Никифоров, надворный советник Василий Иванчин, жена его Авдотья Родионова, сын их поручик Аким Иванчин, жена его Ирина Федорова, протоколист Михайла Дедекин.

В городе Верхнем-Ломове убиты до смерти: премьер-маиор Иван Болоцкой, капитаны: Иван Степанов, Иван Дьяконов, подпоручик Никита Суколенов, поручик Нефед Евлахов, солдат Федор Лепилин, из дворян канцелярист Михайла Смирнов, жена его Афимья Иванова, воеводского товарища Нетецкого дворовой человек Дмитрий Никитин, воеводской товарищ титулярный советник Петр Нетецкой, дворянская жена вдова Ульяна Сурина, надворный советник Никифор Хомяков, подпоручик Капитон

Вышеславцов, помещика Василья Титова приказчикова жена Ульяна Козмина, надворный советник Иван Богданов, жена его Наталья Иванова, прапорщик Ефим Юматов, жена его Ирина Леонтьева, дочь их малолетная Марья, прапорщик Пантелей Трунин, жена его Прасковья Ефимова, поручик Федор Мосолов, фурьер Иван Мещеринов, канцелярист Никифор Смирнов, секунд-маиора Ивана Вышеславцова жена Лукерья Иванова, вахмистр Максим Хомяков, дворянин Петр Веденяпин, сын его поручик Кондратий, помещика Матвея Дубасова крестьянин Спиридон Анофриев, капитанша Анна Болкошина, инвалидной солдат Лукиан Курочкин, корнет Иван Мещеринов, прапорщик Артамон Шмаков, поручика Константина Веденяпина жена Пелагея Леонтьева, подпоручика Михайла Веденяпина жена Марья Алексеева, маиор Иван Григоров, племянница его Авдотья Иванова, экономической казначей, поручик Андрей Молчанов, подпоручика Алексея Вышеславцова жена Матрена Иванова, прапорщик Григорий Евсюков, прапорщика Пантелея Трунина крестьянин, а как зовут, неизвестно, помещика Языкова приказчик Егор Григорьев, вдова поручица Татьяна Врацкая, татарин Бикмай Дубин, незнаемой офицер, помещица Авдотья Волженская, подпоручик Василий Вышеславцов, поручика Фоки Исаева жена Евгения Андреева, генерал-поручика и кавалера Амплея Шепелева служитель Иван Уланов.

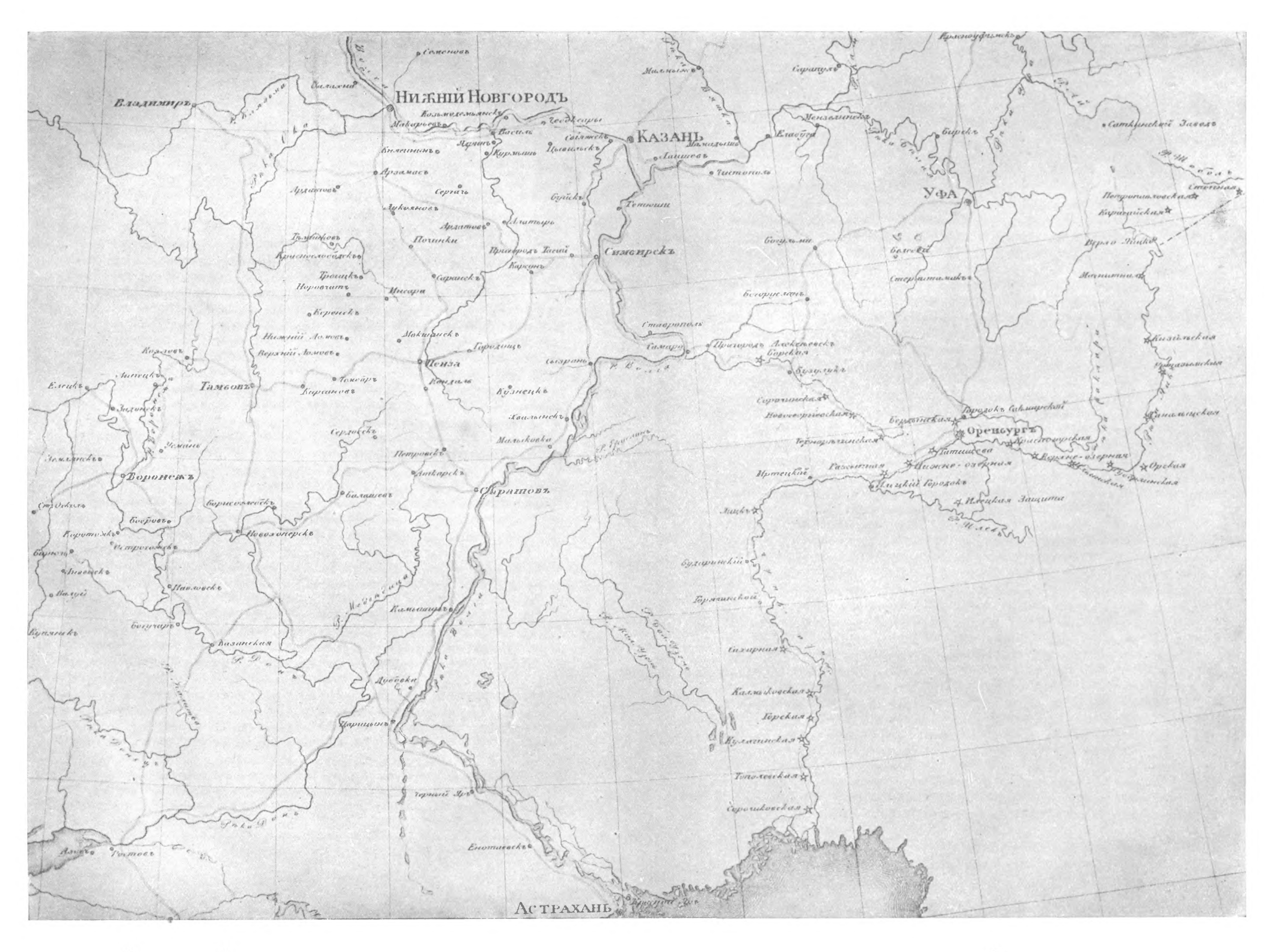
Самарской дистанции, в Борской крепости, убиты до смерти: переводчик Арапов, отставной капитан Петр Рогов, Хилковских крестьян два человека, отставных конной гвардии два, тайного советника Обухова крестьян два.

В городе Саратове убиты до смерти: отставной прапорщик Артамон Шахматов, полевой артиллерии сержант Павел Шахматов, отставной прапорщик Ковма Рахманинов, поручика Матвея Селезнева жена, вдова Марья Иванова, отставной прапорщик Алексей Протопопов, отставной прапорщик Афанасий Толпыгин, из дворян коллежский регистратор Иван Аврамов, жена его Ирина Иванова, бывшего саратовского коменданта Томаса Юнгера жена, вдова Шарлотта Крестьянова, корнет Гаврила Болотин, жена его Фекла Алексеева, дети: Федор, Григорий, дочь Степанида, теща того Болотина, Марфа Ильина, дворянина Алексея Болотина жена Авдотья Степанова, дети: сын Никифор, дочери: Меланья, Марфа; дворянин Степан Родионов, отставной прапорщик Михайла Ахматов, дворянин Яков Болотин, отставной прапорщик Григорий Автамонов сын Быков. Саратовского баталиона секунд-маиоры: Петр Астафьев, Иван Мосолов. Капитаны: Семен Агишев, Василий Портнов, Андрей Маматов, Алексей Тагаев. Поручики: Иван Пирогов, Михайла Меренков. Прапорщики: Иван Уланов, Евдоким Портнов, лекарь Иоган Рамелов, бывший в городе Петровске смотритель над межевщиками коллежской асессор Борис Наикул, команды его: подпоручик Федор Спижарнов, прапорщик Петр Скуратов, корнет Петр Калмыков. Ведомства конторы опекунства иностранных: поручики: Михайла Ермолаев с женою, Иван Широков с женою, прапорщик Иван Ушаков, протоколист Иван Образцов, регистратор Иван Винш, аптекарь Иван Аменде. Артиллерийского первого фузелерного полку: капитан князь Андрей Баратаев, поручик Михайла Буданов, подпоручик Василий Хотяинцов, штык-юнкер Адриан Федоров, лекарь Семен Рудзевич.

В городе Дмитриевске, что на Камышенке, убиты до смерти: полковник и Дмитриевской комендант Каспар Меллин, капитан Семен Агишев, городовой лекарь Степан Беляев, жена его Катерина Федорова, дочь девица Матрена.

Бывшие в Николаевской слободе при соляном комиссарстве: присутствующий, титулярной советник Илья Башилов, поручик Сергей Богатырев.

В городе Царицыне убиты до смерти: легкой полевой команды командир секунд-маиор барон фон-Диц. Капитаны: Дмитрий Шеншин, Иван Шилов. По-



Карта губерний Оренбургской, Казанской, Нижегородской и Астраханской до 1775 г., приложенная к первому изданию „Истории Пугачевского бунта“

ручики: Дмитрий Денисьев, Александр Рокотов, адъютант Семен Романов. Прапорщики: Александр Палчевский, Илья Булашев, Иван Буткевич, лекарь Даниель Амбразнус. Царицынских баталионов, первого: поручик Иван Климов. Второго: подпоручик Алексей Книгин.

В Волском войске убиты до смерти: войсковой старшина Григорий Поляков, депутат Андрей Дьячонков, Московского легиона казачьей команды отставной прапорщик Иван Хуторсков. Казаки: Петр Зайченков, Петр Греков, Яков Греков.

В Новохоперском уезде: частный смотритель Новохоперского баталиона подпоручик Павел Еглевской, подпоручик Филипп Тенишев, однодворец Матвей Тверитинов, господ Нарышкиных приказчик Лука Невзоров, малороссиянин Николай Ракитинов; означенных же господ Нарышкиных приказчик Иван Евреинов, жена его Наталья, теща его Татьяна Григорьева.

9 См. Benjamin Bergmann's nomadische Streiferein u. s. w.

10 Маврин с 1773 года находился при Бибикове; он отряжен был от Секретной комиссии в Яицкой городок, где и производил следствие. Маврин отличился умеренностию и благоразумием.

11 Императрица 22 октября 1774 года писала Вольтеру: Volontiers, monsieur, je satisferai votre curiosité sur le compte de Pougatschef: ce me sera d'autant plus aisé, qu'il y a un mois qu'il est pris, ou pour parler plus exactement qu'il a été lié et garotté par ses propres gens dans la pleine inhabitée entre le Volga et le Jaïck, où il avoit été chassé par les troupes envoyées contre eux de toutes parts. Privés de nourriture et de moyens pour se ravitailler, ses compagnons excédés d'ailleurs des cruautés qu'ils commettoient et espérant obtenir leur pardon, le livrèrent au commandant de la forteresse du Jaïck qui l'envoya à Simbirsk au général comte Panine. Il est présentement en chemin pour être conduit à Moscou. Amené devant le comte Panine, il avoua naïvement dans son interrogatoire qu'il étoit cosaque du Don, nomma l'endroit de sa naissance, dit qu'il étoit marié à la fille d'un cosaque du Don, qu'il avoit trois enfants, que dans ces troubles il avoit épousé une autre femme, que ses frêres et ses neveux servoient dans la première armée, que lui-même avoit servi, le deux premières campagnes, contre la Porte, etc. etc.

Comme le général Panine a beaucoup de cosaques du Don avec lui, et que les troupes de cette nation n'ont jamais mordu à l'hameçon de ce brigand, tout ceci fut bientôt vérifié par les compatriotes de Pougatschef. Il ne sait ni lire, ni écrire, mais c'est un homme extrêmement hardi et déterminé. Jusqu'ici il n'y a pas la moindre trace qu'il ait été l'instrument de quelque puissance, ni qu'il ait suivi l'inspiration de qui que ce soit. Il est à supposer que M-r Pougatschef est maître brigand, et non valet d'âme qui vive.

Je crois qu'après Tamerlan il n'y en a guère un qui ait plus détruit l'espèce humaine. D'abord il faisoit pendre sans rémission, ni autre forme de procès toutes les races nobles, hommes, femmes, et enfants, tous les officiers, tous les soldats qu'il pouvoit attraper; nul endroit où il a passé n'a été épargné, il pilloit et saccageoit ceux même, qui pour éviter ses cruautés, cherchoient à se le rendre favorable par une bonne réception: personne n'étoit devant lui à l'abri du pillage, de la violence et du meurtre.

Mais ce qui montre bien jusqu'où l'homme se flatte, c'est qu'il ose concevoir quelque espérance. Il s'imagine, qu' à cause de son courage, je pourrai lui faire grâce, et qu'il feroit oublier ses crimes passés par ses services futurs. S'il n'avait offensé que moi, son raisonnement pourrait être juste et je lui pardonnerois. Mais cette cause est celle de l'empire qui a ses loix.*

* <Я охотно удовлетворю, сударь, ваше желание узнать правду о Пугачеве: мне это тем легче сделать, что месяц тому назад он был захвачен, точнее говоря, связан и закован своими собственными людьми

[12] Le marquis de Pougatschef dont vous me parlez encore dans votre lettre du 16 décembre, a vécu en scélerat et va finir en lâche. Il a paru si timide et si faible en sa prison qu'on a été obligé de le préparer à sa sentence avec précaution, crainte qu'il ne mourût de peur sur le champ. *

(Письмо императрицы к Вольтеру, от 29 декабря 1774 года.)

[13] „В скором времени по прибытии нашем в Москву, я увидел позорище для всех чрезвычайное, для меня же и новое: смертную казнь; жребий Пугачева решился. Он осужден на четвертование. Место казни было на так называемом *болоте.*

„В целом городе, на улицах, в домах, только и было речей об ожидаемом позорище. Я и брат нетерпеливо желали быть в числе зрителей; но мать моя долго на то не соглашалась. Наконец, по убеждению одного из наших родственников, она вверила нас ему под строгим наказом, чтоб мы ни на шаг от него не отходили.

„Это происшествие так врезалось в память мою, что я надеюсь и теперь с возможною верностию описать его, по крайней мере, как оно мне тогда представлялось.

„В десятый день января тысяча семьсот семьдесят пятого года, в восемь или девять часов по полуночи, приехали мы на болото; на середине его воздвигнут был эшафот, или лобное место, вкруг коего построены были пехотные полки. Начальники и офицеры имели знаки и шарфы сверх шуб, по причине жестокого мороза. Тут же находился и обер-полицеймейстер Архаров, окруженный своими чиновниками и ординарцами. На высоте или помосте лобного места увидел я с отвращением в первый раз исполнителей казни. Позади фрунта всё пространство болота, или, лучше сказать, низкой лощины, все кровли домов и лавок, на высотах с обеих сторон ее, усеяны были людьми обоего пола и различного состояния. Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки карет и колясок. Вдруг всё восколебалось, и с шумом заговорило: *везут, везут!* Вскоре появился отряд кирасир, за ним необыкновенной высоты сани, и в них

на необитаемой равнине между Волгою и Яиком, куда он был загнан войсками, посланными против него со всех сторон. Лишенные провианта и возможности добыть его, товарищи Пугачева, пресытившись к тому же жестокостями, которые они совершали, и надеясь добиться прощения, доставили его к коменданту Яицкой крепости, который отправил его в Симбирск к генералу графу Панину. В настоящее время он находится по пути в Москву. Приведенный к графу Панину, он чистосердечно признался на допросе, что он донской казак, назвал место своего рождения, сказал, что он был женат на дочери одного донского казака, что имел троих детей, что во время смуты он женился на другой женщине, что его братья и племянники служили в первой армии, что он сам служил, участвовал в двух первых кампаниях против Порты, и т. д. и т. д.

Так как в войске генерала Панина много донских казаков и так как войска этой народности никогда не попадались на удочку этого разбойника, то всё это было вскоре проверено при помощи земляков Пугачева. Он не умеет читать и писать, но это человек чрезвычайно смелый и решительный. До сих пор не найдено никаких указаний на то, чтобы он являлся орудием какой-либо державы или был кем-либо подстрекаем. Надо полагать, что г. Пугачев просто заправский разбойник, а не чей-либо слуга.

Мне кажется, что после Тамерлана не было человека, который бы истребил столько людей. Начну с того, что он беспощадно, без всякого суда, вешал всех лиц дворянского происхождения, мужчин, женщин и детей, всех офицеров, всех солдат, которых ему удавалось захватить; ни одно место, где он побывал, не было пощажено: он грабил и разорял даже тех, кто, желая спастись от его жестокости, пытались расположить его к себе, миролюбиво его встречая; никто не был защищен от грабежа, насилия и убийств с его стороны.

Но до чего человек способен заблуждаться — показывает то, что он осмеливается питать какую-то надежду. Он воображает, что, во внимание к его храбрости, я могу помиловать его и что своими будущими заслугами он заставит забыть свое преступное прошлое. Если бы он оскорбил только меня, его расчет мог бы оказаться правильным, и я простила бы его. Но здесь затронуты интересы империи, которая имеет свои законы.>

* <Маркиз Пугачев, о котором вы меня снова спрашиваете в письме от 16 декабря, жил как злодей и кончит жизнь как трус. Он оказался таким робким и слабым в своей тюрьме, что пришлось осторожно подготовить его к приговору, из боязни, чтобы он сразу не умер от страха.>

сидел Пугачев: насупротив духовник его, и еще какой-то чиновник, вероятно секретарь Тайной экспедиции, за санями следовал еще отряд конницы.

„Пугачев с непокрытою головою, кланялся на обе стороны, пока везли его. Я не заметил в чертах лица его ничего свирепого. На взгляд он был сорока лет; роста среднего, лицом смугл и бледен; глаза его сверкали; нос имел кругловатый; волосы, помнится, черные и небольшую бороду клином.

„Сани остановились против крыльца лобного места. Пугачев и любимец его Перфильев, в препровождении духовника и двух чиновников едва взошли на эшафот, раздалось повелительное слово: *на караул*; и один из чиновников начал читать манифест. Почти каждое слово до меня доходило.

„При произнесении чтецом имени и прозвища главного злодея, также и станицы, где он родился, обер-полицеймейстер спрашивал его громко: „Ты ли донской казак Емелька Пугачев?“ Он столь же громко ответствовал: „так, государь, я донской казак, Зимовейской станицы, Емелька Пугачев“. Потом, во всё продолжение чтения манифеста он, глядя на собор, часто крестился, между тем, как сподвижник его Перфильев, немалого роста, сутулый, рябой и свиреповидный, стоял неподвижно, потупя глаза в землю.* По прочтении манифеста, духовник сказал им несколько слов, благословил их и пошел с эшафота. Читавший манифест последовал за ним. Тогда Пугачев сделал с крестным знамением несколько земных поклонов, обратясь к соборам; потом с уторопленным видом стал прощаться с народом; кланялся на все стороны, говоря прерывающимся голосом: „прости, народ православный; отпусти мне, в чем я согрубил пред тобою; прости, народ православный!“ — При сем слове экзекутор дал знак: палачи бросились раздевать его; сорвали белый бараний тулуп, стали раздирать рукава шелкового малинового полукафтанья. Тогда он сплеснул руками, опрокинулся навзничь, и вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе: палач взмахнул ее за волосы. С Перфильевым последовало то же“. *(Из неизданных записок И. И. Дмитриева.)*

[14] Подробности сей казни разительно напоминают казнь другого донского казака, свирепствовавшего за сто лет перед Пугачевым, почти в тех же местах и с такими же ужасными успехами. См. Relation des particularités de la rebellion de Stenko-Razin contre le grand Duc de Moscovie. La naissance, le progrès et la fin de cette rebellion avec la manière dont fut pris ce rebelle, sa sentence de mort et son exécution, traduit de l'Anglois par C. Desmares. MDCLXXXII.** — Книга сия весьма редка; я видел один экземпляр оной в библиотеке А. С. Норова, ныне принадлежащей князю Н. И. Трубецкому.

[15] См. Приложения, I.

---

* По словам других свидетелей, Перфильев на эшафоте одурел от ужаса; можно было принять его бесчувствие за равнодушие.

** <Подробный отчет о восстании Стеньки Разина против великого князя московского. Начало, развитие и конец этого восстания с описанием того, как был захвачен этот мятежник, его смертного приговора и казни. Перевел с английского С. Демар. 1682.>

Часть вторая

I. Манифесты и указы, относящиеся к Пугачевскому бунту

1) Собственноручный указ императрицы Екатерины II, данный 14 октября 1773 года генерал-маиору Кару.

Из представленных нам рапортов от оренбургского и казанского губернаторов, и письма к президенту Военной коллегии от генерала-аншефа князя Волконского, усмотрели мы, что бежавший из-под караула, содержавшийся в Казани бездельник, донской казак Емельян Пугачев, он же и раскольник, учиня непростительную дерзость принятием на себя имени императора Петра III, и обольстя в жилищах Яицкого войска тамошний народ, всякими лживыми обещаниями, не только сделал, как пишут, великое возмущение, но причиняет смертные убийства, разорение селений и самых крепостей; и хотя губернаторами, как оренбургским, так и казанским, и помянутым генералом-аншефом, приняты к захвачению его и пресечению всего зла возможнейшие меры, о коих усмотрите вы из копий, которые мы сообщить вам повелели; но дабы всё оное произведено было с лучшим успехом и скоростию, то повелеваем вам, как наискорее, туда отправиться, и приняв в свою команду, как тамо находящиеся войска, так и отправленных из Москвы 300 человек рядовых, при генерал-маиоре Фреймане, да из Новагорода гренадерскую роту, разномерно ж, если в том нужду усмотрите, башкирцев и поселенных в Казанской губернии отставных столько, сколько надобность потребует, учинить над оным злодеем поиск, и стараться, как самого его, так и злодейскую его шайку переловить, и тем все злоумышления прекратить. О споспешествовании вам во всем, в чем только будет нужно, дали мы повеление нашей Военной коллегии, и присем прилагаем к казанскому и оренбургскому губернаторам отверстые наши повеления. В других местах, где почтете вы за надобное чего-либо требовать, можете учинить то именем нашим; а башкирцам и поселенным объявить, в случае, когда их употребите, что ревностным исполнением по вашим распоряжениям помянутого поиска, окажут они нам новый опыт своего усердия и приобретут себе особливое монаршее наше благоволение. Вслед же за вами, мы немедленно отправим увещательный манифест, который вы сами, или же обще с губернаторами, имеете там на месте по усмотрению публиковать.

2) Именные указы казанскому и оренбургскому губернаторам.

„Г. казанский губернатор Брант! По случившемуся в Оренбургской губернии от бежавшего у вас из-под караула бездельника, казака Пугачева мятежу, заблагорассудили мы отправить туда г. генерал-маиора Кара, которому вы имеете всевозможное делать вспоможение“.

— „Г. оренбургский губернатор Рейнсдорп! По случаю мятежа у вас в губернии от бездельника, казака Пугачева, заблагорассудили мы послать на место г. генерал-

маиора Кара, которому вы всякое вспоможение не оставите показать при всяком случае".

3) Манифест 15 октября 1773 года, об отправлении на Яик генерал-маиора Кара, для усмирения мятежников.

Объявляем всем, до кого сие принадлежит. Из полученных от губернаторов казанского и оренбургского рапортов с сожалением мы усмотрели, что беглый казак Емельян Иванов сын Пугачев бежал в Польшу в раскольнические скиты, и возвратясь из оной под именем выходца, был в Казани, а оттуда ушел вторично, собрав шайку подобных себе воров и бродяг из яицких селений, дерзнул принять имя покойного императора Петра III, произвел грабежи и разорения в некоторых крепостцах по реке Яику к стороне Оренбурга, и сим названием малосмысленных людей приводит в разврат и совершенную пагубу. Мы о таковых матерински сожалея, чрез сие их милосердно увещеваем, а непослушным наистрожайше повелеваем немедленно от сего безумия отстать, ибо мы таковую продерзость по сие время не самим в простоте и в неведении живущим нижнего состояния людям приписываем, но единому их невежеству и коварному упомянутого злодея и вора уловлению. Но ежели кто за сим нашим милостивым увещанием и императорским повелением отважится остаться в его шайке, и тотчас не придет в настоящее раскаяние и рабское свое повиновение, тот сам уже от нас за бунтовщика и возмутителя противу воли нашей императорской признан будет, и никаким образом, яко сущий нарушитель своей присяги и общего спокойства, законного нашего гнева и тяжчайшего по оному наказания не избежит. Мы, для восстановления порядка и тишины в тех пределах, отправили от нас нарочно нашего генерал-маиора Кара, которому и сей манифест публиковать повелели, повелевая и надеясь, что каждый, впадший в сие заблуждение, сам узнает тягость своего преступления, возвратится к законному повиновению, и обще со всеми нашими верноподданными стараться и споспешествовать будет по мере сил своих и по своему званию так, как каждый присягою верности обязан к прекращению сего безбожного между народом смятения, и к доставлению скорейшего способа тому нашему генерал-маиору к истреблению упорственных и к доставлению в его руки самого того главного вора, возмутителя и самозванца.

4) Указ Военной коллегии, об увольнении генерал-маиора Кара от службы.

Минувшего 30 ноября ее императорское величество, усмотрев из рапортов отправленного отсюда для некоторой порученной от ее императорского величества экспедиции генерал-маиора Кара, что в самое то время, когда предстал подвиг должному его к службе усердию и мужеству, и когда не насилие только некоторое здоровью своему сделать обязывали его долг и присяга, но в случае неизбежности не щадить и живота своего, он о болезненном себя сказавши припадке, оставил известной ему важности пост, сдал тотчас порученную ему команду и самовольно от оной удалился; то, по таковой слабости духа в персоне звания его, примером для подчиненных своих быть долженствующей, не находит ее императорское величество прочности в нем к ее службе, и высочайше указать соизволила Военной коллегии, от оной его уволить и дать абшид, почему он из воинского стата и списка и выключен.

5) Сенатский указ 13 декабря 1773, о предосторожностях противу разбойнической шайки Пугачева.

Объявляется всенародно. Дошло до Правительствующего Сената от оренбургского губернатора уведомление, что в оной губернии оказалась сильная разбойническая шайка, которая не только грабит, разоряет и мучит противящихся ей поселян, но и устрашенных кровопролитием, ласкательствами к себе в сообщество привлекает; между же сею разбойническою шайкой один беглый с Дону казак Емельян Пугачев, скитавшийся пред сим в Польше, наконец отважился даже без всякого подобия и вероятности взять на себя имя императора Петра III, под которым

производит там наижесточайшее тиранство. А как сие зло может распространиться и в смежных с оною губерниях, то хотя к искоренению и конечному истреблению сих злодеев и посланы воинские команды, но в предупреждение, чтоб избегая они от заслуженной ими казни, не рассыпались по смежным с тою губерниею селениям, и тем, укрываясь от посланных за ними воинских команд, не произвели б паче чаяния нового в оных кровопролития и разорения, Правительствующий Сенат за долг себе почел, объявя о сем, напомянуть и возобновить те осторожности, которые, по причине бывшей моровой язвы, к исполнению всем селениям предписаны были: ибо и сие зло в слабых и неосторожных людях подобный моровой язве вред произвести может, чего ради наистрожайше повелеваем следующее: 1) указами Правительствующего Сената во время заразительной болезни учреждены во всех уездах из дворян частные смотрители, сохраняющие тишину и добрый порядок во вверенных каждого смотрению жительствах: почему и ныне их же попечению поручается осмотреть, все ли в каждом селении дороги, кроме одной, которою въезжают в селение и из оного выезжают, перекопаны, на проезжей же дороге сделаны ли рогатки или ворота, да и все селения окопаны ли рвами так, как предписано? Если же где того не сделано, то хотя по неудобному к земляной работе времени обывателей к копанию рвов не принуждать, однако ж велеть и крайне того наблюдать, чтоб кроме въезжей и выезжей зимней дороги из каждого жительства другой никакой не было, а прочие как на месте удобнее найдется сделать к проезду невозможными, содержа по прежнему предписанию на оставленных дорогах днем и ночью караулы из тех же обывателей. 2) В каждом селении, где никакого начальника не состоит, выбрать и определить частным смотрителям по одному из людей лучших, который бы во всем, за целость от воров и разбойников, також и за доброй порядок того селения ответствовал, почему и не назнача другого на свое место начальника, из того селения никуда не отлучался. 3) Караул, в селениях учрежденный, должен того накрепко наблюдать, чтоб всякого звания бродяги, а иногда и самые воры, в селение впущены не были; ибо ослабев и разбойнические шайки могут в нищенском одеянии и под разными видами входить, и зло, как разглашением вестей несбыточных, так и действием коварным производить; для чего при приходе таковых к селению останавливать, и не впуская в оное, немедленно сказывать начальнику, который должен расспрашивать, есть ли у них пашпорты, и неподозрительных велеть впускать в селение и давать ночлеги; подозрительных же, кои надлежащих пашпортов иметь не будут, яко же и разглашателей о каких-либо новостях, вредных обществу верноподданных ее императорского величества, благосостоянию и покою, брав под караул, представлять в то же время к частному смотрителю, а он с письменным уже о том уведомлением, в чем кто подозрительным оказался, представить должен немедленно в Городовую канцелярию, за караулом, по мере важности подозрения. 4) Если же бы таковые воры и бродяги стали усиливаться пройти в селение, таковым караулу делать возможное сопротивление, созывать всех жителей к оному, и стараться всеми мерами таковых злодеев, переловя, представлять частному же смотрителю, который и имеет поступать по преждеупомянутому; ибо Правительствующему Сенату известно из дел, что и самое малое число злодеев, вошед в знатные селения, по оплошности обывателей, делали грабительства и смертные убийства, предавая все те селения огню. И для того подтверждается чрез сие всем и каждому, чтоб в случае таковых разбойнических нашествий, все без изъятия силы свои употребляли на истребление или на поимку таковых злодеев, тем более, что целость их имущества и спасение домов от сожжения с презрением и самой жизни того требуют. 5) Если где покажется сильная воровская шайка, о таковой немедленно объявлять частному смотрителю, а ему, по долгу своему донося в Городовую канцелярию, давать знать и случающимся иногда в близости

воинских команд начальникам, а сверх того, самому собирая возможные силы и употребляя удобные средства, сих злодеев стараться истребить, или же переловить. Между же тем с самими теми злодеями никому ни под каким предлогом никакого сообщества не только не иметь, но и ничего о посланных для поимки их воинских командах не сказывать, и никакого пропитания и пристанища не давать. А как долг звания дворянского обязывает оных более пещись о спасении невинных крестьян своих от угрожаемого от таковых злодеев разврата, мучительств и разорения, и о скорейшем и совершенном истреблении сих бесчеловечных злодеев; то и не можно усумниться, чтоб всякий из них употребил своего рачения, сил и возможности, дабы вспомоществовать воинским командам так, как и частным смотрителям, в вышепредписанном искоренении и поимке злодеев, чем они точно докажут прямую верность к ее императорскому величеству, прямую любовь к отечеству, и явятся достойными того именитого звания, которое достохвальные предки их верностию, ревностию, любовию и усердием к государям и отечеству получили. Причем Правительствующий Сенат надеется, что к сему паче всех каждый дворянский предводитель не преминет поощрять дворянство, и по своей возможности общественной пользе вспомоществовать будет. 6) А как сверх городовых торгов отправляются таковые же и в разных селениях, по уездам лежащих, то чтобы не только не сделать в том остановки, но и не причинить ни малейшего затруднения в беспрепятственном их отправлении, хотя и не воспрещается свободного на таковые торги приезда, тем более, что туда приезжают большею частию из окольных мест из известных в оных селений, однако ж частным смотрителям повелевается чрез сие сделать всякому из них в своей части таковое распоряжение, чтоб в каждом селении, где торги производятся, если в торговое время самому быть не случится, непременно были определяемы сотские и десятники, кои бы обще с начальником того селения смотрели, чтоб какого беспорядка и подговорщиков в разбойнические шайки не было; если же таковые найдены будут, то немедленно брав под караул, доставлять оных к частным смотрителям, а им рассматривая, важных и общее спокойство верноподданных ее императорского величества поселян разрушающих, тако ж и без пашпортов шатающихся отсылать немедленно в городовые канцелярии за караулом, маловажных же, в ближних селениях жительствующих, отдавать в те селения, с подтверждением, чтоб впредь от подобного вранья были воздержны. 7) Проезжающим чрез селения дворянам, купцам, идущим обозам и крестьянам, едущим с запасом или за собственными нуждами из одного места в другое, при учрежденных в селениях караулах никакой остановки не делать, но свободно пропускать, и давать ночлеги всем порядочным людям; а вышеписанный невпуск в селения и осмотр начальника касается единственно до скитающихся бродяг и тунеядцев из воровских и разбойнических, и за сими-то наистрожайше смотреть и все вышеписанные предосторожности принимать потребно; ибо от таковых шатающихся бродяг и беспашпортных более всего умножаются означенные воровские шайки и происходят вредные разглашения.

б) Манифесты 23 декабря 1773, о бунте казака Пугачева, и о мерах, принятых к искоренению сего злодея.

А. — Объявляем всем, до кого сие принадлежит. Нет, да и не может быть в свете общества, кое не почитало бы первым своим блаженством учреждение и сохранение между разными и всеми частьми и степенями граждан внутреннего благоустройства, покоя и тишины, равно как нет же и бедственнейшего пути к разрушению и пагубе обществ, как внутренние в них раздоры и междоусобия. Чрез одиннадцатилетнее время вверенного нам от промысла божия, и оным доныне благословенного царствования нашего, не выпускали мы никогда из мыслей наших сей первоначальной цели человеческого общежития: но паче считая себя пред царем царей, пред светом и пред империею нашею обязанными в том верховным и священней-

шим долгом, неусыпно и всеми силами старались наилучше поспешествуя оной, искоренить в конец поносное наименование варваров, под которым прочие в Европе христианские народы продолжали еще по деяниям прошлого века познавать и почитать россиян, подобно туркам и другим нечестивым народам. К неизреченному порадованию нашего к верным нашим подданным истинною, прямо матернею и никогда неугасаемою любовию прилепленного сердца, имели уже мы удовольствие видеть и ощущать, что труды наши в сем великом подвиге начинали, по благости всевышнего, приносить действительные плоды, превращая презрение и отчуждение других христианских народов к имени россиян в прямое и многих из окрестных народов завидное уже почтение. Кто не утоплен в невежестве, и у кого не окаменело совсем сердце к отечеству, тот не может не познать сей для славы и величества империи толь важной и полезной перемены.

Но чем более по времени и по продолжительным нашим неутомленным стараниям, в коих обыкли мы ни мало не щадить собственного нашего покоя в угодную жертву всевышнему подателю всех благ, приближалось то время, когда просвещение, человеколюбие и милосердие, насажденные и еще насаждаемые нами во нравах и в законах, предвещали, и готовили на будущее время нам самим и потомству нашему богатую жатву сих сладчайших плодов: с тем вящшим оскорблением и поражением матернего нашего сердца принуждены мы ныне слышать, что беглый с Дону казак Емельян Пугачев, скитавшийся пред сим в Польше, по примеру прежнего государственного злодея и предателя Гришки Расстриги, отважившись, даже без всякого подобия и вероятности, взять на себя имя покойного императора Петра III, тем не меньше предуспел в своем изменническом и злодейском умысле сначала присоединить к себе толпу бродяг и подобных ему злодеев, а потом с помощию оных обольстить и принудить в сообщение себе и некоторую часть жителей Оренбургской губернии. Всякий благоразумный человек может без ошибки рассудить, что ослепление и приведение в разврат людей толь грубым и всесветным обманом, не могли бы иметь толь бедственного и печального действия, если б не воспособствовало оному глубокое невежество, в коем тамошний край по удалению своему более других погружен еще был. Не для чего теперь изображать здесь тех пагубных следствий, кои по сю пору родились уже от вожженного Емельяном Пугачевым огня внутреннего междоусобия. Невинно пролитая кровь верных наших подданных и истинных сынов отечества сама о себе вопиет на небо о праведном мщении над сим извергом рода человеческого и скаредными его сообщниками, да и правосудие божие не попустит, конечно, чтоб измена и злодейство их, на толь грубом и всесветном обмане основанные, возмогли долго устоять: ибо мы не перестаем еще надеяться, что прилепившиеся к Емельяну Пугачеву не от злости сердец своих, но из единого обольщения, скоро познают заблуждение свое, и не захотят до конца и истребления своего пребыть орудиями скареднейшего и злейшего врага государственного.

Содрогает дух наш от воспоминания времен, посетивших Россию бедствиями гражданского междоусобия, и не истинный тот россиянин, кто без ужаса и трепета может мыслить о сих плачевных, от одного невежества происшедших, и почти до сего еще времени названия варварского народа пред светом России оставивших временах, когда от явления многих самозванцев, обманщиков и предателей, города и села огнем и мечем истребляемы, кровь россиян от россиян же потоками проливаема, все союзы, целость государственную составляющие, собственными же руками россиян в конец разрушаемы были: когда окрестные народы, умножая внутреннюю нашу напасть неприязненными своими нашествиями, коим в междоусобном раздоре никто и противиться не помышлял, терзали страждущее отечество во всех его частях, и раздробляли владения оного по себе: и когда напоследок самый

престольный град Москва, без брани и сопротивления иноплеменниками завоеванный, в руках и под властию их чрез долгое время в таком порабощении оставался, что там имя россиянина становилось уже поносно, что святые наши церкви отчасти в римские костелы, а отчасти, о горестное и плачевное воспоминание! в самые конюшни превращены и осквернены были, и что основание уже положено было сделать Россию Польше подвластною, следовательно же и святую нашу восточную греко-кафолическую веру в конец попрать и подвергнуть римскому стулу, вместо того, чтоб православная наша церковь, в самой Греции под игом злочестия Магометова стенящая, в одной только России, как ныне, благословенно процветает, и тогда уже беспечное себе пристанище имела, к прославлению имени Христа спасителя нашего, коего искупление рода человеческого излиянная кровь была и в оной злосчастное для отечества нашего время единым его невидимым покровом и последовавшим за тем счастливым сохранением и превозможением над супостаты. О! удали от нас, боже, возобновление подобных плачевных позорищ, и не допусти в благости своей к православному своему народу, чтоб вожженная ныне дерзким врагом отечества и нарушителем его благоденствия, подобным, каковы прежние были, самозванцем Емельяном Пугачевым, беглым с Дону и в Польше, как они, бывшим казаком, — искра гражданского междоусобия в Оренбургской губернии могла, при остервенившемся невежестве ослепленных его сообщников, распространиться в другие стороны, и вложить в руки оружие брату на брата. Да и в самое то время, когда уже империя наша от нечестивого и непримиримого врага святого имени твоего, вероломною с его стороны войною упражнена: но паче щадя и милуя заблуждающих от пагубного обольщения овец паствы твоея, обрати праведный твой гнев на развращающем оное, хищном волке Емельяне Пугачеве, яко едином виновнике их разврата и осквернителе той верности, которою нам от промысла твоего избранной миропомазаннице клялись любезные наши подданные пред самым лицем твоим и во святых твоих храмах.

Что до нас принадлежит, сожалея матерински и по долгу монаршего нашего звания, и по сродному нам человеколюбию, которое всегда способы кротости предпочитать обыкло, где только оные действовать могут, и страшась наконец, дабы не исчерпать втуне благости пекущегося о России промысла божия, в месть за те зверские и лютые беззакония, которые ныне противу воли и предела вседержителя творца толь нагло вобновляются от подлых и в гнусном невежестве утопающих людей, восхотели мы еще при употреблении ныне вверенных нам от десницы всевышнего вместе с скипетром империи сил; следовательно же и праведной строгости противу возмутителей общего покоя в Оренбургской губернии, испытать оные способы кротости в пользу тех, кои еще не вовсе отреклись от всякого человеческого понятия и чувствия: и для того отправляя туда с полною властию и доверенностию нашею, также и с достаточными войсками на конечное поражение сущих государственных врагов и злодеев, нашего генерала-аншефа, лейб-гвардии маиора и кавалера Александра Бибикова, поручили мы ему обнародовать сей наш указ, обещая здесь в последний уже раз императорским нашим словом, всемилостивейше простить и упустить мимошедшее без всякого взыскания всем тем, кои пристали к самозванцу Емельяну Пугачеву, и ныне в заблуждении своем и в пренебрежении должной нам и отечеству присяги верности раскаявшись чистосердечно, сами собою удалятся от его злодейства, и явятся к помянутому нашему, на искоренение его Емельяна Пугачева и сообщников его именно уполномоченному генералу-аншефу Бибикову, или к кому из других наших, военных или гражданских, ему подчиненных, начальников, как кому где способнее быть может, для безвредного спасения себя от толпы злодеев и изменщиков, да и новою клятвою подтвердят прежнюю свою присягу верности.

Если же кто из сих на истинный путь благовременным раскаянием и познанием пагубного обмана возвращающихся сынов отечества, и в вящшее заглаждение важного своего проступка, добровольно употребит себя в мужественном ополчении и действительной службе при наших верных и храбрых войсках: таковые будут уже иметь право сверх полученного единожды в мимошедшем всемилостивейшего прощения, ожидать и особливого воззрения на их услуги, по мере их важности, чем мы наперед всех и каждого порознь чрез сие и обнадеживаем.

Без чувствительнейшего оскорбления матернего нашего сердца, не можем мы подумать, чтоб настоящие в Оренбургской губернии злоключительные неустройства с опустошением толь многих селений, с истреблением полезных государству заводов, и с толикими убийствами, а наипаче выше сего изображенное живое начертание прежних отечества нашего бед, напастей и стыда от подобных сему самозванцев, кои Россию ставили уже на самом краю пропасти и конечного разрушения ее и всего благочестия нашего, не подвигли на раскаяние и на отверстый путь исправления всех тех из жителей ее и других наших подданных, кои по одной их простоте самозванцем обольщены, и допустили себя уловить в согласие его: почему и не хотим сумневаться, что сии последние, коль скоро увидят для себя растворенные им ныне двери монаршего нашего милосердия, помилования и совершенного прощения, не укоснят тем, как можно скорее, воспользоваться, дабы инако после в числе сущих изменников не быть от войск наших без всякой пощады преследуемым, а напоследок и преданным праведному, но строгому уже суду попранных ими законов, где всякое раскаяние поздно и тщетно было бы; ибо все те, кои в неблагодарности своей к нам за все наши к общему отечеству благотворения, за наше во всё время царствования нашего оказыванное примерное милосердие, за нашу кротость, за наше человеколюбие, за наше правосудие, за наше неусыпное попечение о пользе, славе и приращении империи, за наше особенное призрение и покровительство и самых иноверцев наших верноподданных, за наше не меньше ревностное старание о истреблении в обществе мглы пагубного невежества, и за нашу ко всем без различия верным подданным прямо матернюю любовь, пребудут злостно и упорно при изменнике Емельяне Пугачеве, и оставаясь участниками в измене его, как злодеи и враги отечества, ныне ли с оружием в руках, или же после где-либо взяты или пойманы будут, отнюдь и ни под каким видом не могут и не должны ожидать себе помилования: но паче, как в сей жизни, самой строжайшей и неизбежной казни, так и в будущем веце бесконечной, но праведной и достойной муки от страшного судии всего рода человеческого, яко изверги оного и разрушители священнейших союзов гражданского общежития, следовательно же и оскорбители самых божественных законов и самой церкви христовой.

Б. — Объявляем чрез сие всем нашим верным подданным. К крайнему оскорблению и сожалению нашему, уведомились мы, что по реке Иргисе, в Оренбургской губернии, пред недавним временем, некто беглый с Дону и в Польше скитавшийся казак Емельян Пугачев, набрав толпу подобных себе бродяг, делает в тамошнем краю ужасные разбои, бесчеловечно отъемля с жизнию имение тамошних жителей; а чтоб злодейскую свою толпу умножать от-часу более, не токмо всеми встречающимися себе злодеями, но и теми несчастными людьми, коих чает он найти погруженными еще во тьме крайнего невежества, дерзнул сей злодей принять на себя имя покойного императора Петра III. Излишне было бы обличать и доказывать здесь нелепость и безумие такого обмана, который ни малейшей вероподобности не может представить человеку, имеющему только общий смысл человеческий. Богу благодарение! протекло уже то для России страшное невежества время, в кото-

рое сим самым гнусным и ненавистным обманом могли влагать меч в руки брату на брата такие отечества предатели, каков был Гришка Отрепьев и его последователи. Уже все истинные сыны отечества познали и долговременно выкупали потом плоды внутреннего спокойствия в такой степени, что ныне приводит каждого в содрогание и единое тех плачевных времен воспоминание. Словом, нет и не может ныне быть ни одного из носящих достойно имя россиянина, который бы не возгнушался толь безумным обманом, каким разбойник Пугачев мечтает себе найти и обольщать невежд, унижающих человечество своею крайнею простотою, обещая вывести их из всякой властям подчиненности. Как будто бы не сам творец всея твари основал и учредил человеческое общество таковым, что оно, без посредственных между государя и народа властей существовать не может. Но как дерзновение сего изверга имеет вредные для тамошнего края следствия, так что и слух о производимых тамо от него лютейших варварствах может устрашить людей, обыкших представлять себе несчастие других, далече отстоящих, приближением опасности для себя самих. То мы, прилагая всегда неусыпное попечение о внутреннем душевном спокойствии каждого из наших верноподданных, чрез сие всемилостивейше объявляем, что к конечному истреблению сего злодея, приняли мы немедленно все достаточные меры, и с числом войск, довольным к искоренению толпы разбойников, которые отважились уже нападать на бывшие в той стороне малые военные команды и умерщвлять варварским образом попадавшихся в их руки офицеров, отправили туда нашего генерал-аншефа, лейб-гвардии маиора и кавалера Александра Бибикова, не сомневаясь об успехе сих предпринятых нами мер к восстановлению спокойства и к разгнанию свирепствующих злодеев в части Оренбургской губернии, пребываем мы в том внутреннем удостоверении, что все наши любезные верноподданные, гнушаясь дерзновеннейшим и ниже тени вероятности имеющим обманом разбойника Пугачева, никогда не допустят себя уловить и никакими ухищрениями людей злоковарных, ищущих своей корысти в слабомыслящих людях и не могущих насытить алчности своей иначе, как опустошениями и пролитием невинной крови. Впрочем надеемся мы несомненно, что, внимая долгу своему, каждый из истинных сынов отечества восспособствует сохранению тишины и порядка ограждением себя от уловления злонамеренных и должным начальству повиновением. Тако да поживут любезные подданные наши, ради собственного блаженства своего, к чему обращаем мы всё попечение наше, и в чем всю славу нашу полагаем и всегда полагати будем.

7) Именный указ 1 мая 1774 года, данный оренбургскому губернатору Рейнсдорпу, военным и гражданским чиновникам и всем вообще жителям оного города, — об изъявлении высочайшего благоволения жителям города Оренбурга за оказанную верность при осаде оного бунтовщиками.

Выдержание городом Оренбургом 6-месячной осады, с голодом и всеми другими в таковых случаях нераздельно бываемыми нуждами, от клятвопреступников, воров и разбойников, пребудет навсегда в деяниях любезного нашего отечества славным и неувядаемым знамением верности, истинного усердия к общему благу, и непоколебимой твердости, пред нами же истинною и никогда незабвенною услугою, как жителей оного, так и всех тех наипаче, кои, по долгу звания своего, в службе нашей там находились, и возложенную на них, по состоянию каждого, монаршую доверенность нашу совершенно оправдали; объявляя сие наше матернее благоволение верному нашему городу Оренбургу, справедливо разумеем мы тут первым оного членом вас, генерал-поручика и губернатора, яко мужественным вашим духом и неусыпными трудами достохвальный пример бодрствования всему обществу подавшего; и для того обнадеживаем вас отличною нашею императорскою милостию, повелевая вам в то же

время возвестить, от собственного нашего имени и лица, и всем в защите и обороне города Оренбурга под вашею командою соучаствовавшим, по мере каждого трудов и подвигов, всемилостивейшее наше воззрение; самим же жителям городским действительное на два года увольнение их от подушного сбора, а при том и пожалование на их общество в нынешний год всего прибыльного чрез откуп сбора с питейных домов их города. Впрочем пребываем вам императорскою нашею милостию благосклонны.

8) Именный указ, данный 29 июля 1774 года Военной коллегии, — о назначении генерала графа Панина командующим войсками, расположенными в губерниях Оренбургской, Казанской и Нижегородской.

Узнав желание нашего генерала графа Петра Ивановича Панина служить нам в пресечении бунта и восстановлении внутреннего порядка в губерниях Оренбургской, Казанской и Нижегородской, повелеваем Военной коллегии доставить к нему немедленно надлежащее сведение о всех тех войсках, которые ныне в тамошнем краю находятся, с повелением от себя, к тем войскам, состоять отныне под его главною командою.

9) Наставление, данное за собственноручным ее величества подписанием, 8 августа 1774 года, гвардии Преображенского полка капитану Галахову.

1. Из письма яицкого казака Перфильева с товарищи всего триста двадцати четырех человек, к князю Григорию Григорьевичу Орлову писанного, усмотрите вы, что они представляют свою готовность, связав, привесть сюда известного вора самозванца Емельку Пугачева. С сим письмом прислан сюда от переправы их чрез Волгу яицкий же казак Астафий Трифонов, который нам от князя Орлова представлен был. Мы повелели князю Орлову, его отправить обратно с таковым ответом к Перфильеву с товарищи, чтоб доставили злодея самозванца в Муром до ваших рук. Для свободного везде им пропуска, указали дать пашпорт, с которого при сем для сведения вам прилагается копия.

2. Для сего ехать вам, г-н капитан, к Москве и явиться к нашим генерал-аншефам графу Петру Ивановичу Панину и князю Михайлу Никитичу Волконскому: первой снабдит вас, по нашему повелению, ордером к генерал-маиору Чорбе, дабы сей снабдил вас достаточною командою для принятия в Муром злодея и самозванца с прочими колодниками, коих казаки к вам представят; а князю Волконскому от нас приказано — вам дать подводы, денег и кормовых, дабы как вы, так и при вас находящиеся, на пути всем изобильно удовольствованы были. Получа же всё от них нужное, ехать вам до генерал-маиора Чорбы и далее до Мурома, где вам и дожидаться исполнения казацкого обещания.

3. Если заподлинно Перфильев с товарищи злодея к вам привезут, то, во-первых, сделав им желаемое награждение по сту рублев на человека, старайтесь их добрым манером распустить по домам; если ж их на сие уговаривать покажется трудно, то по крайней мере чтоб убавили число, а с остальными привезите злодея к Москве, где вы его вручите князю Михайлу Никитичу Волконскому и от него уже будете ожидать вашего дальнего отправления.

4. Деньги на заплату казакам примите у князя Вяземского, также на прогоны вам и с командою отсюда до Москвы.

10) Манифест 19 декабря 1774 года,— о преступлениях казака Пугачева.

Объявляем во всенародное известие. Всему свету ведомо есть и многими опытами дел наших повсюду доказано, что мы, приняв от промысла божия самодержавную власть Всероссийской империи, главнейшим правилом в царствование наше положили пещись о благосостоянии вверенных нам от всевышнего верноподданных, по намерениям и в угодность подателя всякого блага, творца, не смотря ни на какой род препятствия. Мы жизнь нашу посвятили к тому, чтоб доставить в империи нашей живущим всякого состояния людям мирное и безмятеж-

ное житие. Для того мы беспрерывный труд прилагаем к утверждению христианского благочестия, к поправлению законов гражданских, к воспитанию юношества, к пресечению несправедливости и пороков, к искоренению притеснений, лихомании и взятков, к умалению праздности и нерадения к должностям. Неутомимое наше рвение о благе общем наивящше ознаменилось в сии последние и прешедшие годы, когда защищая империю бодрым духом от нападения сильного неприятеля разными нашими предприятиями не токмо оный, божиим благословением, праведным нашим орудием и храбростию победоносных наших войск недопущен до пределов российских, но повсюду далеко отведен был от своего нападающего намерения. Чем наконец, по многим трудностям достигли мы до заключения с Оттоманскою Портою, без посредственников, желаемого и похвального мира, утверждающего внешнею безопастностию империи и доставляющего верноподданным нашим время наслаждаться, благодарными сердцами хваля бога, покоем и тишиною, во время таковое; и видя единственное стремление ума нашего довести империю делами подобными до вышней степени благосостояния, кто не будет иметь праведного омерзения к тем внутренним врагам отечественного покоя, которые, выступя из послушания всякого рода, дерзали, во-первых, поднять оружие противу законной власти, пристали к известному бунтовщику и самозванцу, донскому казаку Зимовейской станицы Емельке Пугачеву, а потом обще с ним чрез целый год производили лютейшие варварства в губерниях Оренбургской, Казанской, Нижегородской и Астраханской, истребляя огнем церкви божии, грады и селения, грабя святых мест и всякого рода имущества, и поражая мечем и разными ими вымышленными мучениями и убивством священно-служителей и состояния вышнего и нижнего обоего пола людей, даже и до невинных младенцев.

Дело сие такого существа, что без ужаса на оное воззреть не можно! Оно доказывает, что человек, погруженный в невежество, забыв долг и присягу, данную пред богом верховной монаршей власти, и не опасаясь за то ни вечные, ни временные казни, выступя из послушания законов, преступает тем самым все пределы обязательства пред родом человеческим; вообще преступления главного злодея и его способников столь многочисленны и разнообразны суть, как по следствию оказалось и собственным добровольным признанием некоторых из них открылась таковая редкость, что чиня преступления всякого рода, сами они не упомнят числа содеянного зла. Несчастному же происшествию сего Пугачевского бунта описание прилагается на особливом листе.

Помянутое следствие злодейских дел, касающихся до сего бунта, от самого начала производили, по повелению нашему, генерал-аншеф князь Михайло Волконский и генерал-маиор Павел Потемкин в царствующем граде Москве, которое окончав, ныне в наш Сенат отсылаем, повелевая ему купно с синодскими членами, в Москве находящимися, призвав первых трех классов персон с президентами всех коллегий, выслушать оное от помянутых присутствующих в Тайной экспедиции, яко производителей сего следствия, и учинить в силу государственных законов определение и решительную сентенцию по всем ими содеянным преступлениям противу империи, к безопасности личные человеческого рода и имущества.

Касающееся же до оскорблений нашего величества, мы, презирая, предаем оные вечному забвению: ибо сии вины суть единственно те, в коих при сем случае милосердие и человеколюбие наше обыкновенное место иметь может. Мы всеусердно бога молим и просим, да отвратит впредь меч гнева своего от врученной нам его же премудрым промыслом империи, да восстановит паки повсюду мирное и безмятежное житие, и да укрепит всех, в оной живущих, наших верноподданных и нас самих во всех ему творцу угодных христианских добродетелях.

Описание происхождения дел и сокрушения злодея, бунтовщика и самозванца Емельки Пугачева.

Емелька Пугачев родился на Дону, как и сам показал, в Зимовейской станице. Дед и отец его были той же станицы казаки, и жена его — дочь казака Дмитрия Никифорова, Софья. Он служил во время Прусской войны и нынешней Турецкой простым казаком. Был во второй армии при взятьи Бендер. Оттуда отлучась, просил отставки; но в сем ему отказано. В то время зять его послан был на поселение под город Таганрог, и не желая тамо жить, подговаривал Емельку и других бежать; а как сие открылось в Черкаске, и велено было их туда выслать, он, запершись в подговоре зятя своего, бежал в Польшу в раскольнические скиты, укрывался у раскольников, и ознакомившись с беглым гренадером Алексеем Семеновым, кормились в Добрянске от подаяния. Потом и оттуда перешел в малороссийские селения, и быв у раскольников, опасаясь, чтоб его не поймали, положил бежать на Яик и подговаривать тамошних казаков к побегу на Кубань. Там-то назвал он себя бывшим императором Петром III.

На Яике нашел он прибежище у некоторых из того войска преступников, кои по делам внутреннего Яицкого войска тогдашнего несогласия и неустройства, опасаясь праведного приговоренного наказания, сами тогда в бегах находились. Сии казаки не токмо пристали к Емельке, но и старались повсюду разносить о нем слух. Когда сие дошло до сведения коменданта Яицкого городка, выслал он к поимке их команду. Но Емелька с шайкою своей скрылись, и отъезжая от городка далее, старался о умножении сволочи своей. В чем предуспев, возвратились к Яицкому городку. Но не могли оному причинить вреда, пошли далее по Оренбургской линии, брав крепостцы частию от оплошности в них находящихся командиров, а частию от слабости сил живущих в оных престарелых гарнизонных команд. Умножая дерзости по мере успехов, разбойник Емелька со сволочью своей, из коих главные были вооруженные яицкие казаки, состоящие от 200 до 300 человек, кои до конца безотлучно почти при нем находились и из воли его, а он из их, не выходили. Таким образом простирая злодейства и истребляя по дороге селения, а противоборющихся всячески умерщвляя, приступили они к Оренбургу прежде, нежели мог сюда дойти слух о толь дерзостном, сколь и неожиданном злодейственном предприятии. Сколь же скоро повсюду известно сделалось о сих бунтовщичьих неистовствах, наряжаемы были разные воинские командиры с достаточными командами верных ее императорского величества войск, и последние были умножаемы по мере нужды. А потом в декабре месяце 1773 года послан был генерал-аншеф Бибиков с полною властию и наставлением для пресечения сих от-часу умножающихся беспорядков и своевольств. Успехи соответствовали благоразумным сего генерала распоряжениям. Отряженный от него храбрый и ревностный генерал-маиор князь Петр Голицын разбил под Татищевою крепостью злодейское скопище, в великом числе состоящее при помянутых яицких казаках из башкирцев и других беглых русских людей и заводских крестьян. К сожалению общему, рановременная кончина покойного генерала Бибикова не дозволила сему достойному мужу окончать дело, на него возложенное. Между тем изменник Емелька был паки разбит сказанным генерал-маиором князем Голицыным под Сакмарою, кинулся на рудокопные заводы Оренбургской губернии, где, умножив вновь толпы и вылив пушки, наивящше начал делать истребления селениям и заводам, грабительства имуществам и убивства людям. И хотя не единожды был достигнут и потом разбит храбрым полковником Михельсоном; но находя всякий раз способы уйти, вновь собирал толпы. Наконец, взяв пригородок Осу, перешел Каму и пришел к Казани. Тут нашел он отпор храбрым и мужественным поведением генерал-маиора Павла Потемкина, за два дни перед тем в Казань приехавшего, по повелению ее императорского величества.

Сей генерал, собрав сколько тамо случилось войск, пошел злодею на встречу; но злодеи, видя свою в поле неудачу противу верных ее императорского величества войск, нашли способ сквозь линии суконщиков, изменою их, прорваться в предместие с Арского поля, и жительство зажечь. Генерал-маиору Потемкину не оставалось в таковых обстоятельствах иного предприять, как единственно спасти от злодейских рук казанский кремль. Что он и учинил, и вошед в оный, до тех пор оборонялся, пока приспел в помощь к городу неутомимый полковник Михельсон с деташементом. Злодеи, узнав о приходе войск, побежали из города в поле, где по трикратном сражении в три разные дни разбойники наголову были разбиты. Часть их с воровским атаманом Емелькою бросилась к реке Волге, которую переплыв, устремлялась к разорению всего: зажигая церкви, селения и города Цывильск и Курмыш, и делая повсюду неслыханные варварства и бесчеловечия, побежала стремглав к Алатырю.

В таковых обстоятельствах писал к ее императорскому величеству тогда побуждаемый ревностию, в отставке находящийся, генерал граф Петр Панин, прося о поручении ему команды для истребления государственного врага и самозванца. Ее императорское величество, воззря на таковое усердие к службе ее и отечеству, не мешкав ни мало, соизволила послать к сему генералу повеления и наставления к искоренению бунта, нарядя при том в прибавок войск, тамо находящихся, три полка отселе. Сего верно усердного генерала предводительство бог благословил окончанием бунта и поимкою главного изменника. Между тем изменники, умножив свою сволочь, побежали к Саранску и Пензе, быв преследуемы по пятам корпусом усердного полковника Михельсона, и прошед оные, стремились далее чрез Петровск к Саратову, и овладели оным, где однако ж комендант, полковник Бошняк, обороняясь храбро, наконец с пятьюдесятьми человеками офицеров и солдат сквозь толпу пробился и приплыл в Царицын.

Злодеи, ограбя Саратов и убивая всех, кто по взгляду их не показался, пришли к Царицыну. Сия крепость учинила им сопротивление сильнее многих городов, принудила их отступить и бежать вперед; но проходя к Черноярску, в сорока верстах за Царицыным, по Астраханской дороге достигнуты злодеи были паки корпусом полковника Михельсона, все трудности и препятствия беспрерывно преодолевающего. К сему полковнику подоспели тогда донские казаки, с помощию которых в последний раз Емелька со всею толпою бесповоротно разбит был: но сам злодей ушел, переплыв реку Волгу с малым числом яицких казаков на луговую сторону, и пробирался к Узеням на степи, между реками Волгою и Яиком находящимся. В сем месте судьбы всевышнего предали сего злодея рода человеческого и империи в руки правосудия, и сами сообщники и любимцы его, казаки: илецкий Творогов, да яицкие, Чумаков и Федулев, раскаяся в содеянном ими злодействе, и узнав о обещанном манифестами ее императорского величества прощении тем, кои явятся с чистым покаянием, условились между собою Емельку Пугачева связать и привести в Яицкий городок, на что уговоря других казаков числом до 25 человек, сие они самым делом исполнили. Генерал-поручик Суворов, приехавши из армии, поспешал к передовым корпусам на поражение злодеев: и хотя разрушение оных последовало прежде, не оставил он подоспеть с некоторым числом войск на Яик, для обнадеживания стражи над государственным врагом, и приняв Пугачева в Яицком городке, привез его в Симбирск, откуда усердный генерал граф Панин сего злодея, с главными его сообщниками, прислал под крепкою стражею в царствующий град Москву, где и примут должную месть.

Сентенция, 1775 года января 10. О наказании смертною казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников. — С присоединением объявления прощаемым преступникам.

Объявляется во всенародное известие. Какова, во исполнение обнародованного ее императорского величества декабря 19 дня

1774 года манифеста, в Правительствующем Сенате, обще с членами Святейшего Синода, первых трех классов персонами и президентами коллегий, о бунтовщике, самозванце и государственном злодее Емельке Пугачеве и его сообщниках, по данной от ее императорского величества полной власти, сентенция заключена, и по оной сего января 10 дня 1775 года экзекуция последовала, такова слово от слова во всенародное известие при сем публикуется:

1774 года декабря 30 и 31 числ, в полном собрании Правительствующий Сенат, святейшего Правительствующего Синода члены, первых трех классов особы и президенты коллегий, находящиеся в первопрестольном граде Москве, приняв от действительного тайного советника, генерала-прокурора и кавалера князя Александра Алексеевича Вяземского, состоявшийся 19 числа того ж месяца, за подписанием собственные ее императорского величества руки, манифест, и при оном присланное в Сенат следствие о известном бунтовщике, самозванце и государственном злодее Емельке Пугачеве и его сообщниках, слушали. И понеже ее императорскому величеству благоугодно было означенное следствие отослать в Сенат, и высочайше повелеть, купно с синодскими членами, в Москве находящимися, призвав первых трех классов особ и президентов коллегий, выслушать оное от генерала-аншефа, сенатора и кавалера князя Михайла Никитича Волконского и генерала-маиора Павла Сергеевича Потемкина, яко производителей сего следствия, и учинить в силу государственных законов определение и решительную сентенцию по всем ими содеянным преступлениям противу империи, к безопасности личные человеческого рода и имущества: то хотя важность вины, лютость и варварство сего бунтовщика, самозванца и мучителя Емельки Пугачева довольно уже всем известны, и впечатление на сердце каждого верного ее императорского величества подданного и сына отечества возбуждает произведенное мщение и вопиет противу дел сего изверга рода человеческого, почему и положение сентенции самою лютейшею казнию без всякого рассмотрения последовать могло бы; но установленное и уполномоченное от ее императорского величества к суду над сим извергом верноподданное собрание, слушав помянутое следствие и чинимые производителями объяснения, нашло хотя всё уже и всем известное, но с возобновлением крайнего ужаса и содрогания, что сей злодей, бунтовщик и губитель, в присутствии Тайной Московской экспедиции допрашиван, и сам показал: что он подлинно донской казак Зимовейской станицы, Емелька Иванов сын Пугачев, что дед и отец его были той же станицы казаки, и первая жена его, дочь донского ж казака Дмитрия Никифорова, Софья, с которою прижил он трех детей, а именно: одного сына и двух дочерей, о чем в описании при манифесте, изданном 19 декабря, означено: что производя Оренбургу осаду, иногда проезжал он к Яицкому городку, окруженному тогда злодейским его скопищем, женился вторично на дочери яицкого казака Петра Кузнецова, Устинье. О начале ж злейшего предприятия, о произведенном им бунте, по многим увещаниям, с клятвою объявил, что изменническое и бедственное его дерзновение возмутить яицких казаков, возмечтал он начать отнюдь не в том страшном замысле, чтоб завладеть отечеством, и похитить монаршую власть. Сие страшное и невозможное предприятие в таковый просвещенный век и в такой стране, где премудрая Екатерина царствуя, высокими предприятиями, все угрожающие намерения и самых сильных врагов отвела, удалила и разрушила, не входило сначала в оскверненную возмущением мысль его; но возмечтал он объявить себя в имени покойного государя Петра III, воспользуясь обстоятельствами: узнав несогласие между яицких казаков, а попущением разных случаев увеличивая злые намерения свои, простирал мерзкое стремление, о коем будет означено, единственно стремясь к побегу; поелику должен был он искать убежища, укрывшись от команды. Будучи в Яицком

городе прошлого 1772 года, начинал он дерзкое и пагубное намерение свое к возмущению таким образом, что старался Яицкое войско, находившееся тогда в междоусобной, по делам до них касающимся, вражде, уговорить к побегу на Кубань. Хищное сердце злодея Пугачева, рассмотря вражду помянутых казаков, возбудило сего богомерзкого предателя вожжечь и разлить в смущенных умах пламень бунта, поелику расположение сердец сих кроющихся от правосудного наказания казаков сходственно было с злым намерением бунтовщика и злодея Пугачева. Положив первую искру пожара, начинал он ненавистное намерение свое тем прельщением, что обещал им дать большие деньги, если они к побегу согласятся; а в самом деле всемерно верил, что когда отважнейшие на побег только согласны будут, то неминуемо его предводителем своим, или атаманом выберут, а выбрав, и в повиновении его останутся: следовательно он с готовою и отборною шайкою разбойничать и от казни за свои преступления по крайней мере несколько времени укрываться может. Но как усмотренная им в одних мерзостная склонность ко всякому злодеянию, а в других простота далеко превзошли самое его ожидание и расположение, то и отважился он объявить себя под высоким уже названием в бозе почивающего государя императора Петра III, дабы. пользуясь простотою, умножать свою сволочь, нужную ему к разбойническим намерениям. Но первое покушение сего адского предприятия рушено было поимкою злодея Пугачева в Дворцовой волости, в селе Малыковке, не под названием еще покойного государя Петра III, ибо сие сведение до начальства тогда не дошло, а единственно в возмутительных словах; оттуда привезен он был в Симбирск, и потом в Казань. Не прекратилось тем зверское ухищрение сего злодея; душа его, расположенная к злости и измене, не ощущала страха божия, должного благоговения к законной монаршей власти, и доброжелательства к возлюбленному отечеству; и как самое первое свое преступление начал он укрывать побегом с Дона, а потом разными ухищрениями и злодеяниями, так и здесь не о раскаянии, но о том только помышлял, как бы из темницы уйти и наказания избегнуть; посему, подговоря караульного солдата, с помощию его бежал он из тюрьмы, и явился паки на Яике в половине августа прошлого 1773 года, будучи укрываем на хуторах сказанных кроющихся от наказания яицких казаков; и чем больше опасался сыска и казни, тем скорее уже спешил объявить себя государем, и умножить число своих сообщников, и тем свирепее пускался в такие предприятия, успехом коих чаял сообщников своих, к злодеянию склонных, ободрить, а простаков самою дерзостию еще более привесть в ослепление. Таким образом, предуспев собрать некоторое число содейственников богоненавистному предприятию своему, дерзнул обще с ними поднять оружие противу отечества. Первое стремление его было схватить и разорить Яицкой город, поелику мщение сообщников его на гибель собратий своих по причине вражды побуждало; а дабы высоким званием государя удобнее было обезоружить сердца, благоговением к священной власти наполненные, сей преступник богу и монархине и враг отечества, называя себя покойным государем Петром III, приступил к городу, и послал лже-составный манифест к коменданту, в оном находящемуся; но увидя, что предприятие его не имело удачи, миновав Яицкой город, пошел по линии к Оренбургу: высланная команда из города в погоню за бунтовщиками, была предательством некоторых из числа посланных злодеями захвачена. Варвар Пугачев над сими несчастными явил первый опыт своей лютости и тиранства, и предал мучительной казни вдруг 12 старшин Яицкого войска, непоколебимо пребывающих в верности ее императорскому величеству и отечеству даже до самой смерти. Приняв пищу злой душе своей сим убийством, начал простирать сей изверг и губитель Пугачев далее свои злодеяния. Не трудно было ему в обнаженных местах от войска по причине славно-оконченной ныне Турец-

кой войны, умножать сонмище свое, и простирать успехи злых дел своих, которые, внушая мерзкой душе его отчасу дерзновеннейшие замыслы, попустили наконец его и на все покушения. Привлекая разными ухищрениями жителей в толпы свои, обольщал он слабомысленных людей несовместными обещаниями, а лютейшими варварствами приводил в страх и ужас тех, коих благоразумие обольщениям его верить не допускало: доказывает то, что посреди сих мест, в коих жителей он, толь хищно обольщая, развращал, ни о чем более не мыслил он, как о разорении и бедствии сих несчастных людей. Повсюду, где только сей предатель и злодей коснулся, следы варварства его остались. Опустошение многих жилищ каждое благое сердце приводит в содрогание, и кровь, багрившая землю и пролитая его мучительною рукою, дымится и вопиет на небеса об отмщении. Многочисленным злодействам сего изменника, врага и тирана означения вместить здесь невозможно; но, по собранным ведомостям, издано будет особливое описание. Ко изъявлению ж вообще мерзких действ его должно объявить, что по следствию дела, о нем произведенного, и самым признанием сего злодея оказалась толь неслыханная в человеческом роде лютость, что нет единого зла и такого ужасного варварства, которого бы гнусная душа его не произвела в действо, ибо, забыв закон всемогущего господа и творца, явился он преступником пред самим богом; презрев присягу монаршей власти, сделался не только изменником, но, похитив имя монарха, стал возмутителем народа, и учинил себя виновником бедствия и губителем многих невинных людей; наруша обязательства пред отечеством, сделался врагом ему и злодеем; а разрушив все права естественные пред человеческим родом, явил себя врагом всему человеческому роду; словом, разорял он храмы божии, разрушал святые алтари и жертвенники, расхищал сосуды и все утвари церковные, и поругал святые иконы, не ощущая в душе своей ни мало не токмо священного благоговения к таковым вещам, где жертва приносится всевышнему создателю, искупившему спасение наше кровию спасителя Христа, но ниже содрогания; однако не столь странно, что злодей, сперва от страха казни в большие злодеяния пустившийся, а потом во оных человечество забывший и в лютого зверя превратившийся, не содрогался о своих деяниях, кои почитал к сохранению своему нужными, как то непостижимо, что единожды прельщенные им безумцы и простаки не могли в прилепившейся и к ним возмутительной заразе видеть, что злодей не ищет более как токмо время ожидающей его казни продлить; ибо где он ни проходил, там не оставил иных следов, как токмо бесчеловечия, и сколько раз ни отваживался стать на сражение с верными ее императорского величества войсками, всегда следующую за ним ослепленную чернь отдав на поражение, сам с малым числом единомышленников тотчас убегал искать себе спасения и новых простаков на таковую же жертву; грады, заводы и селения для того только и брал, чтоб предавать огню и грабительству; всех вышней степени людей истреблял, не разбирая ни пола, ни возраста, не для того, чтоб та жертва была ему милее, но для того, что опасался, дабы просвещеннейшие люди следующих за ним в пагубу слепцов не просветили. Ныне, лишась всех способов и надежды к побегу и новым злодеяниям, признался во всем том с истинным, буде токмо может в его душе быть, раскаянием, как пред Следственною комиссиею, так и в полном Собрании Правительствующего Сената, членов Святейшего Синода и приглашенных особ. То же самое учинили и все сообщники его как пред Комиссиею, так и пред отряженными для того от всего Собрания членами. Сей злодей пред полным Собранием объявил, что он подлинно донской казак Зимовейской станицы Емельян Иванов сын Пугачев, и каялся во всех сказанных важных винах своих и во всех преступлениях и злодействах, заклинаясь, что открыл он всё то, чем гнусное сердце его было заражено, и ныне очищает душу свою

совершенным покаянием пред богом, и ее императорским величеством и пред всем родом человеческим во всех содеянных им беззакониях. К сообщникам же сего изверга и бунтовщика, о коих в следствии означено, отряжена была из Собрания депутация, а именно: Святейшего Синода член Иоанн, архимандрит новоспасский, тайный советник и сенатор Маслов, генерал-поручик Мартынов, и сенатский обер-прокурор князь Волконский, дабы, увещевая сих преступников и злодеев, равно вопросили, не имеют ли они еще чего показать и чистое ль покаяние принося объявили все свои злодеяния? Исполнив порученное дело, сказанная депутация Собранию донесла, что все преступники и способники злодейские признавались во всем, что по делу в следствии означено и утвердились на прежних показаниях. Всё сие соверша, уполномоченное Собрание, приступив к положению сентенции, слушало в начале выбранные из священного писания приличные к тому законы и потом гражданских законов положения; а именно: в книге премудрости Соломона написано, гл. 6, ст. 1 и 3: Царем держава дана есть от господа и сила от вышнего; в евангелии от Матфея, гл. 22, ст. 21, и Марка, гл. 12, ст. 17: Воздадите убо кесарева кесареви и божия богови; в 1 послании первоверховного апостола Петра, гл. I, ст. 18 и 19: Бога бойтеся, царя чтите, рабы повинуйтеся во всяком страсе владыкам не токмо благим и кротким, но и строптивым; также к Римляном, гл. 13: Всяка душа властем предержащим да повинуется, несть бо власть, аще не от бога; сущие же власти от бога учинены суть, тем же противляйся власти, божию повелению противляется, противляющий же себе грех приемлет; книги 4 Моисеевой Числ, гл. 16: По соизволению божию восставших и бунтующих противу возлюбленных богом Моисея и Аарона сонм израильтян пожре земля; — евангелия от Иоанна, гл. 19, ст. 12: Всяк, иже себе царя творяй, противится богу; — в законе, богом данном Моисею от 2 закона число 5: Да не умрут отцы за сыны, ни сынове Да не умрут за отцы, но каждый за свой грех да умрет; 4 книги Моисеевой Числ, гл. 17, ст. 13: Всяк прикасаяся к скинии свидения господней умирает. — В законах гражданских: в Уложении, гл. 2, в статьях: 1-й: Будет кто каким умышлением учнет мыслить на государское здоровье злое дело, и про то его злое умышленье кто известит, и по тому извету про то его злое умышленье сыщется до-пряма, что он на царское величество злое дело мыслил и делать хотел, и такого по сыску казнить смертию. Во 2-й: Также будет кто при державе царского величества, хотя Московским Государством завладеть и государем быть, и для того своего злого умышления начнет рать сбирать, или Кто царского величества с недруги учнет дружиться и советными грамотами ссылаться и помощь им всячески чинить, чтобы тем государевым недругам по его ссылке Московским Государством завладеть, или какое дурно учинить, и про то на него кто известит, и по тому извету сыщется про тое его измену допряма: и такого изменника по тому же казнить смертию. В 18-й: Кто Московского государства всяких чинов люди сведают, или услышат на царское величество в каких людех скоп и заговор, или иный какий злой умысл: и им про то извещати государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея России, или его государевым боярам и ближним людям, или в городах воеводам и приказным людям. В 21-й: А кто учнет к царскому величеству или на его государевых бояр и окольничих и думных людей, и в городах и в полках на воевод и приказных людей, или на кого-нибудь приходити скопом и заговором, и учнут кого грабити или побивати: и тех людей, кто так учинит, за то по тому же казнить смертию без всякие пощады. Гл. 21-й, в статьях: в 14-й: Церковных татей казнить смертию без всякого милосердия, а животы их отдавать в церковные татьбы; — в 18-й и 21-й: Разбойников. которые пожгли дворы или хлеб, казнить смертию. В Воинском артикуле, гл. 3, артик. 19-м: Если кто подданный войско вооружит, или оружие предприимет противу его ве-

личества, или умышлять будет помянутое величество полонить, или убить, или учинить ему какое насильство, тогда имеют тот и все оные, которые в том вспомогали, или совет свой подавали, яко оскорбители величества, четвертованы быть и их пожитки забраны; — 101 артикула в толковании: Коль более чина и состояния преступитель есть, толь жесточае оный и накажется; ибо оный долженствует другим добрый приклад подавать и собою оказать, что оные чинить имеют. — Гл. 17, арт. 137-й: Всякий бунт, возмущение и упрямство без всякой милости имеет быть виселицею наказано. Арт. 178: Кто город, село и деревню, или церкви, школы, шпитали и мельницы зажжет, печи или некоторые дворы сломает, також крестьянскую рухлядь или прочее что потратит: оный купно с теми, которые помогали, яко зажигатель и преступитель Уложения, смертию имеет быть казнен и сожжен. В Морском Уставе, книга 5, гл. I, арт. 1: Если кто против персоны его величества какое зло умышлять будет, тот и все оные которые в том вспомогали или совет свой подавали, или ведая не известили, яко изменники четвертованы будут, и их пожитки движимые и недвижимые взяты будут. Гл. 7, арт. 124: Кто церкви или иные святые места покрадет, или у оных что насильно отоймет: оный имеет быть лишен живота, и тело его на колесо положено. Гл. 12, арт. 85: Кто уведает, что един или многие нечто вредительное учинить намерены, или имеет ведомость о шпионах или иных подозрительных людях, во флоте обретающихся, и о том в удобное время не объявит: тот имеет быть живота лишен. Гл. 13, арт. 92: Ни кто б ниже словом или делом, или письмами, сам собою, или чрез других к бунту и возмущению, или иное что учинить причины не дал, из чего бы мог бунт или измена произойти; ежели кто против сего поступит, тот живота лишится. Гл. 18, арт. 132: Кто лживую присягу учинит, и в том явственным свидетельством обличен будет: оный с наказанием, вырезав ноздри, послан будет на галеру вечно.

По выслушании всего вышеозначенного, когда воображается в уме всё происхождение и сплетение сего богомерзкого дела, то колико представляется предметов и человечество оскорбляющих, и в то же время самого важного и зрелого размышления требующих: во-первых, поражается сердце ужасом, как человек, в одно преступление впадший и наказания избегнуть ищущий, зло злом закрывая, мог наконец до толиких злодеяний и толикия дерзости дойти, что похитить священное имя монарха и дать оное даже и гнусной его наложнице. Крайнее потом предлежит сетование и соболезнование, видя, что едва злодей несколькими казаками, также как и он, от наказания укрывающимися, признан под именем покойного государя императора Петра III, великое число безумцев и простяков следует оным слепо, яко овцы заколения. Разрушенные храмы божии требуют возобновления; разоренные или в пепел обращенные грады и селения взыскуют человеколюбивой помощи; опечаленные старики и сирые младенцы утешения и призрения, а безумцы и суеверы просвещения. Наконец не меньше всего праведно-огорченные дворяне за многие предательства на своих крестьян взыскуют достаточного им усмирения; а сии слепцы и Пугачевым и своим расстроением в разорение и нищету приведенные, и то страхом, то бедностию терзаемые, впадают в отчаяние: почему и надлежало бы, во-первых, злодеев предать лютейшим мукам и казням; но сверх того, что главное преступление, а именно: оскорбление величества, оставляет ее императорское величество, яко суще человеколюбивая монархиня и матерью отечества своего и подданных никогда быть не престающая,— нет ни мук, ни казней, как бы их ни увеличить, чтобы могли соразмерны быть толиким злодеяниям. Да большая часть из лютейших злодеев и приняли уже свое воздаяние, то на сражениях, то правосудием, на самых тех местах в действо произведенным. Надлежало бы тотчас стараться и о разогнании толь бедственной слепоты и невежества; но верить надобно, что постигнув-

шее их зло не токмо разженет много слепоты, да и самых буйственных в чувство и раскаяние приведет. Представляя всё сие к общему всех верноподданных утешению, видим, что стараниями премудрые монархини о воспитании, невежество уже повсеместно исчезает, а благонравие процветать будет. Надлежало бы обратить благоговейное попечение к восстроению разоренных храмов божиих: но христолюбивая монархиня где не подает примеров ее благочестия? В пепел обращенные грады и селения ободрены примером уже многих других в лепоту облеченных градов: утешены и призрены не старики токмо и младенцы, но питаются теперь целые провинции на монаршем ее иждивении. Наконец уверено всё Собрание, что и погрешившие крестьяне сами чистосердечно раскаиваются, а просвещенные и благонравные люди ищут паче помощь подать бедности, нежели обременять оную. Сего ради Собрание, находя дело в таких обстоятельствах, сообразуяся беспримерному ее императорского величества милосердию, зная ее сострадательное и человеколюбивое сердце, и наконец рассуждая, что закон и долг требуют правосудия, а не мщения, нигде по христианскому закону несовместного, единодушно приговорили и определили: за все учиненные злодеяния, бунтовщику и самозванцу Емельке Пугачеву, в силу прописанных божеских и гражданских законов, учинить смертную казнь, а именно: четвертовать, голову взоткнуть на кол, части тела разнести по четырем частям города и положить на колеса, а после на тех же местах сжечь. Главнейших его сообщников, способствующих в его злодеяниях: 1) яицкого казака Афанасья Перфильева, яко главнейшего любимца и содейственника во всех злых намерениях, предприятии и деле изверга и самозванца Пугачева, паче всех злостью и предательством своим достойного лютейшие казни, и которого дела во ужас каждого сердце привести могут, что сей злодей, будучи в Петербурге в то самое время, когда изверг и самозванец обнаружился под Оренбургом, сам добровольно предъявил себя начальству с таковым предложением, яко бы он, будучи побуждаем верностию к общей пользе и спокойствию, желал уговорить главнейших сообщников злодейских, яицких казаков, к покорению законной власти, и привести злодея обще с ними с повинною. По сему точно удостоверению и клятве отправлен он был к Оренбургу; но сожженная совесть сего злодея под покровом благонамерения алкала злобою: он, приехав в сонм злодеев, представился к главному бунтовщику и самозванцу, в Берде тогда бывшему, и не только удержался от исполнения той услуги, которую исполнить он обещал и заклинался, но, чтоб уверить самозванца в верности, объявил ему откровенно всё намерение свое, и соединясь предательскою совестию своею с мерзкою душею самого изверга, пребыл с того времени до самого конца непоколебим в усердии ко врагу отечества, был главнейшим соучастником зверских дел его, производил все мучительнейшие казни над теми несчастными людьми, которых бедственный жребий осуждал попасться в кровожаждущие руки злодеев, и наконец, когда злодейское скопище разрушено в последние под Черным Яром, и самые любимцы изверга Пугачева кинулись на яицкую степь, и искав спасения, разбились на разные шайки, то казак Пустобаев увещевал товарищей своих явиться в Яицком городке с повинною; на что другие и согласились; но сей ненавистный предатель сказал, что он лучше желает живым быть зарыту в землю, нежели отдаться в руки ее императорского величества определенным начальствам; однако ж высланною командою пойман; в чем сам он предатель Перфильев пред судом обличен и винился; — четвертовать в Москве.

2) Яицкому казаку Ивану Чике, он же и Зарубин, самоназвавшемуся графом Чернышевым, присному любимцу злодея Пугачева, и который при самом начале бунта злодея паче всех в самозванстве утвердил, многим другим соблазнительный пример подал и с крайним рачением укрыл его от поимки, когда за самозванцем выслана была

из города сыскная команда, и потом по обнаружении злодея и самозванца Пугачева, был из главнейших его содейственников, начальствовал отдельною толпою, осаждал город Уфу, который храбро и достохвально едиными гражданами, усердствующими прямо в верности ее императорскому величеству, защищался; разорял многие в той провинции заводы и селения, похищал всякого рода имущества, и чинил многие смертоубийства верным рабам ее императорского величества. За нарушение данной пред всемогущим богом клятвы в верности ее императорскому величеству, за прилепление к бунтовщику и самозванцу, за исполнение мерзких дел его, за все разорения, похищения и убийства — отсечь голову и взоткнуть ее на кол для всенародного зрелища, а труп его сжечь со эшафотом купно. И сию казнь совершить в Уфе, яко в главном из тех мест, где все его богомерзкие дела производимы были.

3) Яицкого казака Максима Шигаева, оренбургского казачьего сотника Подурова и оренбургского неслужащего казака Василья Торнова, из которых первого, Шигаева, за то, что он, по слуху о самозванце, добровольно ездил к нему на умет, или постоялый двор, к Степану Оболяеву, отстоящему неподалеку от Яицкого города, совещевал в пользу обнаружения злодея и самозванца Пугачева, разглашал об нем в городе, и поелику смысл его привлекал вероятие простых людей, то произвел тем во многих к бунтовщику и самозванцу привязанность; а потом, когда уже злодей явно похитив имя покойного государя Петра III, приступил к Яицкому городу, то был он при нем из первых содейственников его. При обложении ж Оренбурга, во всякое время, когда сам главный злодей оттуда отлучался к Яицкому городу, оставлял его начальником бунтовщичьей толпы своей. А в сие ненавистное начальство производил он Шигаев многие злости: повесил посланного в Оренбург от генерала-маиора и кавалера князя Голицына лейб-гвардии конного полку рейтара с известием о его приближении, единственно за сохраненную сказанным рейтаром истинную верность к ее императорскому величеству, законной своей государыне.— Второго, Подурова, яко сущего изменника, который не только предался сам злодею и самозванцу, но и писал многие развратительные в народе письма, увещевал верных ее императорскому величеству яицких казаков предаться к злодею и бунтовщику, называя его и уверяя других, яко бы он был истинный государь, и наконец писал угрозительные письма к оренбургскому губернатору, генерал-поручику и кавалеру Рейнсдорпу, к оренбургскому атаману Могутову и к верному старшине Яицкого войска Мартемьяну Бородину, которыми письмами сей изменник убежден и признался.— Третьего, Торнова, яко сущего злодея и губителя душ человеческих, разорившего Нагайбацкую крепость и некоторые жительства, и потом вторично прилепившегося к самозванцу: повесить в Москве всех их троих.

4) Яицких казаков: Василья Плотникова, Дениса Караваева, Григорья Закладнова, мещерякского сотника Казнафера Усаева, и ржевского купца Долгополова, за то, что оные злодейские сообщники, Плотников и Караваев, при самом начале злодейского умысла, приезжали к пахатному солдату Абаляеву, где самозванец тогда находился, и условясь с ним о возмущении яицких казаков, делали первые разглашения в народ, и Караваев рассказывал, яко бы видели на злодее царские знаки, так называя пятна, оставшиеся на теле злодея после болезни его под Бендерами. Приводя таким образом в соблазн простых людей, оные Караваев и Плотников, по слуху о самозванце, будучи взяты под караул, о нем не объявили. Закладнов был подобно первым из начальных разглашателей о злодее, и самый первый, пред кем злодей дерзнул назвать себя государем; Казнафер Усаев был двоекратно в толпе злодейской, в разные ездил места, для возмущения башкирцев, и находился при злодеях Белобородове и Чике, разные тиранства производивших. Он в первый раз захвачен верными войсками под

предводительством полковника Михельсона, при разбитии злодейской шайки под городом Уфою, и отпущен с билетом на прежнее жительство; но не чувствуя оказанного ему милосердия, опять обратился к самозванцу, и привез к нему купца Долгополова. Ржевский же купец Долгополов, разными лжесоставленными вымыслами приводил простых и легкомысленных людей в вящшее ослепление, так, что и Казнафер Усаев, утвердясь больше на его уверениях, прилепился вторично к злодею. Всех пятерых высечь кнутом, поставить знаки и, вырвав ноздри, сослать на каторгу, и из них Долгополова, сверх того, содержать в оковах.

5) Яицкого казака Ивана Почиталина, илецкого Максима Горшкова и яицкого же Илью Ульянова, за то, что Почиталин и Горшков были производителями письменных дел при самозванце, составляли и подписывали его скверные листы, называя государевыми манифестами и указами, чрез что умножая разврат в простых людях, были виною их несчастия и пагубы. Ульянова, яко бывшего с ними всегда в злодейских шайках и производившего, равно как и они, убийства: всех троих высечь кнутом и, вырвав ноздри, сослать на каторгу.

6) Яицких казаков: Тимофея Мясникова, Михайлу Кожевникова, Петра Кочурова, Петра Толкачева, Ивана Харчова, Тимофея Скачкова, Петра Горшенина, Панкрата Ягунова, пахатного солдата Степана Оболяева, и ссыльного крестьянина Афанасья Чулкова, яко бывших при самозванце, и способствовавших ему в лживых разглашениях и в составлении злодейских шаек, высечь кнутом и, вырвав ноздри, послать на поселение.

7) Отставного гвардии фурьера Михайла Голева, саратовского купца Федора Кобякова и раскольника Пахомия, первых за прилепление к злодею и происходимые соблазны от их разглашений, а последнего за ложные показания, высечь кнутом, Голева и Пахомия в Москве, а Кобякова в Саратове; да саратовского ж купца Протопопова, за несохранение в нужном случае должной верности, высечь плетьми.

8) Подпоручика Михайла Швановича, за учиненное им преступление, что он, будучи в толпе злодейской, забыв долг присяги, слепо повиновался самозванцовым приказам, предпочитая гнусную жизнь честной смерти, лишив чинов и дворянства, ошельмовать, переломя над ним шпагу. — Инвалидной команды прапорщика Ивана Юматова, за гнусную по чину офицерскому робость, при разорении города Петровска, хотя строжайшего достоин он наказания, но за старостию лет уменьшая оное, лишить его чинов. — Астраханского конного полку сотника и депутата Василья Горского, за легкомысленное прилепление к толпе злодейской, лишить депутатского достоинства и названия.

9) Илецкого казака Ивана Творогова, да яицких Федора Чумакова, Василья Коновалова, Ивана Бурнова, Ивана Федулова, Петра Пустобаева, Козьму Кочурова, Якова Почиталина и Семена Шелудякова, в силу высочайшего ее императорского величества милостивого манифеста, от всякого наказания освободить: первых пять человек потому, что, вняв гласу и угрызению совести, и восчувствуя тяжесть беззаконий своих, не только пришли сами с повинною, но и виновника пагубы их, Пугачева, связав, предали себя и самого злодея и самозванца законной власти и правосудию; Пустобаева за то, что он отделившуюся шайку от самого злодея Пугачева склонил притти с повиновением, равномерно и Кочурова, еще прежде того времени явившегося с повинною; а последних двух за оказанные ими знаки верности, когда они были захвачены в толпу злодейскую и были подсылаемы от злодеев в Яицкий город, то они, приходя туда, хотя отстать от толпы, опасались, однако возвещали всегда о злодейских обстоятельствах и о приближении к крепости верных войск, и потом когда разрушена была злодейская толпа под Яицким городом, то сами они к военачальнику явились. И о сем высочайшем милосердии ее императорского величества и помиловании сделать им особое объявление чрез отряженного из Собрания члена сего января 11 дня, при всенародном зрелище

пред Грановитою Палатою, где и снять с них оковы.

10) Отставного подпоручика Гринева, царицынского купца Василья Качалова, да брянского купца Петра Кожевникова, малороссиянина Осипа Коровку, донских казаков Лукьяна Худякова, Андрея Кузнецова, яицкого казака Ивана Пономарева, он же и Самодуров; раскольников Василья Щолокова, Ивана Седухина, крестьянина Василья Попова и Семена Филиппова, которые находились под караулом, будучи сначала подозреваемы в сообщении с злодеями, но по следствию оказались невинными, для чего их и освободить, и сверх того о награждении крестьянина Филиппова, яко доносителя в Малыковке о начальном прельщении злодея Пугачева, представить на рассмотрение Правительствующего Сената. А понеже ни в каких преступлениях не участвовали обе жены самозванцевы, первая Софья, дочь донского казака Дмитрия Никифорова, вторая Устинья, дочь яицкого казака Петра Кузнецова, и малолетные от первой жены сын и две дочери, то без наказания отдалить их, куда благоволит Правительствующий Сенат; равномерно же предоставляется к тому же рассмотрению назначение места и содержания осужденных на каторгу и на поселение.

11) Как же не безызвестно вышеозначенному Собранию, что по определению Святейшего Синода, не токмо бунтовщик и самозванец Емелька Пугачев, но и все его злодейские сообщники преданы вечному проклятию; то дабы осужденным сею сентенциею на смертную казнь, которые за клятвопреступление, ужасное варварство и злые дела свои подверглись душевне осужденному в тартаре мучению, не лишились при последнем конце своем законного покаяния во всех содеянных ими злодеяниях, предоставить преосвященному Самуилу, епископу Крутицкому, поступить в том по данному ему на сей случай наставлению от Святейшего Синода.

12) Определенную злодеям смертную казнь в Москве учинить на болоте, сего января 10 дня. К чему привесть и злодея Чику, назначенного на казнь в городе Уфе, и после здешней экзекуции того же часа отправить на казнь в назначенное ему место. И для того, как о публиковании сей сентенции, так и о оказуемом милосердии прощаемым и о надлежащих к тому приуготовлениях и нарядах послать из Сената, куда надлежит, указы. Заключена января 9 дня 1775 года.

Учрежденному Собранию Святейшего Синода члены письменно объявили, что, слушав в Собрании следствие злодейских дел Емельки Пугачева и его сообщников, и видя собственное их во всем признание, согласуемся, что Пугачев с своими злодейскими сообщниками достойны жесточайшей казни; а следовательно, какая заключена будет сентенция, от оной не отрицаемся; но поелику мы духовного чина, то к подписанию сентенции приступить не можем.

Под тем подписано тако:

Самуил, епископ Крутицкий.
Геннадий, епископ Суздальский.
Иоанн, архимандрит Новоспаский.
Андрей, протопоп гвардии Преображенской.

Под сентенциею подписано тако:

Князь Михайло Волконской.
Михайло Измайлов.
Иван Козлов.
Лукьян Камынин.
Всеволод Всеволожской.
Петр Вырубов.
Алексей Мельгунов.
Князь Иван Вяземской.
Дмитрий Волков.
Михайло Маслов.
Григорий Протасов.
Александр Глебов.
Граф Федор Остерман.
Яков Протасов.
Граф Валентин Мусин-Пушкин.
Михайло Каменской.
Иван Мелиссино.
Павел Потемкин.
Александр Самойлов.
Матвей Мартынов.
Александр Херасков.
Иван Давыдов.

Аким Апухтин.
Михайло Лунин.
Михайло Салтыков.
Алексей Яковлев.
Обер-секретарь Андреян Васильев.
Секретарь Александр Храповицкой.

Объявление прощаемым преступникам.

По высочайшему ее императорского величества повелению, в полном собрании Правительствующего Сената, обще с членами Святейшего Синода, первых трех классов персонами и президентами коллегий, слушано произведенное следствие о бунтовщике, самозванце и государственном злодее Емельке Пугачеве и его сообщниках, и по силе священного писания и гражданских законов заключена сентенция, которая вчерашнего числа исполнена и осужденные злодеи иные должную казнь, а другие наказание получили. В числе сих преступников и соучастников в злодеяниях были и вы, здесь предстоящие, илецкий казак Иван Творогов, да яицкие Федор Чумаков, Василий Коновалов, Иван Бурнов, Иван Федулов, Петр Пустобаев, Козьма Кочуров, Яков Почиталин и Семен Шелудяков: воображая сие не должны ли вы содрогаться от ужаса, и проклинать прошедшее свое заблуждение, влекущее вас в пагубу? Наистрожайшая смертная казнь предписывалась вам божественными и гражданскими законами и вечная мука по священному писанию. Но должны вы благодарить создателя и считать себя счастливыми, что, находясь на краю пропасти, всевышняя десница отвратила от глаз ваших мрак ослепления, и вы, вняв гласу и угрызению совести и восчувствуя тяжесть беззаконий своих, пришли в раскаяние и сами явились с повинною; а Иван Творогов, Федор Чумаков, Василий Коновалов, Иван Бурнов и Иван Федулов, не токмо себя самих, но и самого злодея Емельку Пугачева предали законной власти и правосудию. Таковое обращение к предписанной законами должности не могло бы уменьшить заслуженного вами наказания; ибо злодеяния ваши не токмо были совершены, но и превзошли меры доныне в свете известных. Нарушенное силою и пособием вашим законным властям повиновение требовало казни преступников. Обманом вашим приведенные в пагубу несчастные поселяне, страдая за вас, свидетельствовали о ваших злодеяниях. Разоренные и злобою вашею воспаленному огню преданные селения, города и святые храмы угрожали вас наижесточайшим истязанием; и среди сих ужасных развалин и опустошения, кровь неповинных, коею в варварстве своем вы обагрялись, возопияла на небо и молила отмщения. Могло ли после сих неистовств раскаяние ваше принято быть во уважение, да еще и в такое время, когда всё ваше злодейское скопище, купно с вознесенным вами идолом верными ее императорского величества войсками было стеснено, разбито и яко прах рассеяно? Представьте сами себе, беспристрастно размышляя, можно ли отвсюду окруженных и лишенных способов к защищению, почесть по справедливости в раскаяние пришедшими, и добровольно себя предавшими? Конечно нет: а посему всё вышесказанное свидетельствует неизобразуемое неистовство ваше, и куда ни обратишься, везде вам казнь предписывается. Во всем свете наказуется не токмо злодей и его сообщник, но и предприявший злой умысел, хотя и в действо оного не произвел; а о вас свидетельствуют пространные губернии, что вы не мыслию единою погрешили, но исполненным вами беззакониям нет числа. Исчислите сами всё, вами содеянное, и сообразуяся оному, восчувствуйте, сколь велико, беспримерно, неслыханно и неизреченно милосердие всеавгустейшей самодержицы нашей, превосходящей всех смертных, и единому богу в излиянии щедрот своих уподобляющейся! Всемилостивейшая государыня прощает вас! и ею уполномоченное Собрание, чрез меня, своего сочлена, повелевает вам объявить, что вы, по силе высочайшего манифеста, изданного 29 ноября 1773 года, освобождаетесь не токмо от смертные казни,

но и от всякого наказания. Да снимутся с вас оковы! Приобщитесь к верноподданным, впечатлейте сие милосердие в сердца ваши, внедрите потомкам своим, и пад пред всевышним господом богом, воссылайте моление за спасающую вас, его помазанницу. Благодарите искренно, и дарованною вам жизнию жертвуйте ей и отечеству, дабы достойно восприять имя ее верноподданных и истинных сынов отечества. Читано в престольном граде Москве, при всенародном зрелище, на Красном Крыльце, января 11 дня 1775 года.

11) Сенатский указ, 6. ч. февраля 1775. О присылании из городовых канцелярий рапортов в Сенат о людях, прикосновенных к бунту Пугачева, с обыкновенною почтою, а не чрез нарочных гонцов.

Правительствующему Сенату, действительный тайный советник, генерал-прокурор и кавалер князь Александр Алексеевич Вяземский предлагал, что определением находившегося здесь 5-го Сената департамента назначено было всем Московской губернии городам, в случае, ежели где от злодея Пугачева явятся какие подозрительные люди, оных тотчас брать к рассмотрению в канцелярию, и в Сенат с нарочными рапортовать. А как теперь злодейская толпа уже истреблена, и следовательно в присылке с нарочными помянутых рапортов надобности уже нет, то в рассуждении напрасной для таких отправлений на прогоны издержки, не благоволит ли Правительствующий Сенат городовым канцеляриям дать знать, чтоб они сии рапорты отправляли так, как и все другие представления сюда обыкновенно отправляются. Правительствующий Сенат приказали: всем тем городовым канцеляриям, от которых находившимся здесь 5-м Сената департаментом требовалось присылки с нарочными рапортов о являющихся толпы злодея Пугачева подозрительных людях, предписать, что уже теперь по истреблении злодейских скопищев, и по приведении всех в должное повиновение, не настоит надобности отправлять сюда с показанными рапортами нарочных; и следовательно, если иногда бывшей злодейской толпы подозрительные люди и явятся, то могут канцелярии присылать об них в Правительствующий Сенат уведомление чрез почту, или при оказиях так, как обыкновенно все другие представления отправляются.

12) Высочайший рескрипт, данный на имя генерала графа Панина, от 9 августа 1775 года, из села Царицына.

Граф Петр Иванович! В настоящее время, когда уже исчезли все беспокойства внутренние, когда повсюду тишина восстановлена в полной мере, да и когда прощение обнародовано, я уверена, что вы чувствуете в себе душевное удовольствие, видя с сим купно окончание и той комиссии, в которой ваш самопроизвольный подвиг прославил вечно усердие ваше к отечеству, и о коем оказанную вам мою отличную признательность видела уже публика. Я сие вновь вам подтверждаю засвидетельствованием моего благодарения за ваши полезные труды, и увольняя вас ныне от комиссии успокоения внутренних возмущений, которые, богу благодарение! более не существуют, следственно и дела об оных прекращены; после чего остается вам теперь упомянутые дела отдать губернаторам, или которые куда надлежат, и быть впрочем благонадежным, что заслуги ваши не будут никогда забвенны, как и я не престану быть вам благосклонна.

II. Рапорт графа Румянцева в Военную коллегию, и письма Нурали-Хана, Бибикова, графа Панина и Державина

1) Рапорт графа Румянцева о генерал-поручике Суворове, отправленный в Военную коллегию, от 15 апреля 1774 года.

В государственную Военную коллегию рапорт.

Г. генерал-поручику и кавалеру Суворову по указу из Военной коллегии от 25 марта под № 187 пущенному, а мною 13 сего месяца полученному, к вновь назначенной команде немедленно бы ехать я приказал, ежели бы он в пути, а хотя и на месте, но не на посту в лице неприятеля противу Силистрии находился, к которому он еще до получения о генералах производжения мною определен и со вверенным ему корпусом как на сей город по усмотрению удобности поиск сделать, так и Гирсов оберегать поручено. В сем случае я не мог на оное поступить из уважения, что сия его отлучка подала б неприятелю подтвержения по делам оренбургским, кои они воображают себе быть для нас крайне опасными, нежели они суть, и может быть, как я вижу из публичных Ведомостей, вовсе исчезшие: а вместо его, к корпусу Оренбургскому, другого генерал-поручика из находящихся в России, к армии мне вверенной определенных, не соблаговолено ли будет отправить приказать?

2) Перевод с татарского письма от киргиз-кайсакского Нурали-Хана, с человеком его Якишбаем присланного в Оренбург; 24 сентября 1773 года полученного.

Высокоместному и высокопочтенному господину генерал-поручику, оренбургскому губернатору и кавалеру Ивану Андреевичу Рейнсдорпу.

Объявляю на сих временах, что проявился здесь ее императорскому величеству изменник, и приговаривает заблудящие речи, что он якобы великий император Петр Феодорович, и чтоб ему покорились, о чем ко мне двоекратно писал, из коих одно у коменданта в руках; токмо как не безызвестно, реченному вору и изменнику несведующие прав и законов из яикских казаков заблудящие поверя, ему сообщась, с ним вместе и окружа Яикской городок ездят; а я, услыша о том, по повелению тамошнего войска старшины Мартемьяна Бородина и подполковника Симонова приехать против Яикского городка к мосту, переговоря, сказал, что я искренне усердствую ее императорскому величеству, не приобщаясь к таким изменным речам, чтоб находящегося в Яикском городке главным повелителем реченного подполковника сообщась войском с означенными заблудящими сопротивляясь и учиня драку, кто употребляет такие речи, того поймать, общие старания прилагать, если они сами своею командою с ними управиться могут, то б оных разбойников поймали сами, а когда сил их к тому доставать не будет, то б повелели мне, чтоб я с своим народом вышед, учиня поиск, тех разбойников поймал; токмо когда реченные разбойники вскоре прижать их и изнурять не могут, в таком случае без позволения оренбургского губернатора за реку Яик переехать я не в состоянии, и ежели те плуты будут усиливаться, то по неволе, не дожидаясь из Оренбурга известия, принужден буду переехать. На что они подполковник и старшина сказали, что их сила, не заимствуя нашей, достижет; а что-де вы, приехав сюда, прожили на совете два дни и тем довольны. Почему я сие письмо при письме оного подполковника, с человеком его, к вам отправил; и так я, ожидая от вас известия, нахожусь, а при том советую, что мы, на степи находящиеся люди, не знаем, сей ездящий вор ли? или реченный государь сам? А для того, что он называется государем, послан был от меня под одним претекстом нарочный, который возвратясь объявил мне, что какой он человек, не знает и не опознал, такмо-де борода у него русая: однако из-за сего думал я, каким ни есть случаем поймать, только без вашего известия на то не поступил.

Между тем еще объявляю, хотя я в нынешнем году с вами повидаясь, переговорить и был намерен, точию с за вышеписанными обстоятельствами, то мое желание не исполнилось; однако вашего высокопревосходительства по дружбе прошу, чтоб пребывающих здесь на степи легкомысленных киргизцев стараться в спокойствии содержать, ибо при приумножении таковых поступков может меня в чести и славе оставить для того, что Ягалбайлинского рода у Ишенбая в прошедшей зиме отогнанных башкирцами тысяч пятидесяти лошадей возвратить соизволите, а особливо в нашем народе именитый Джагалбайлец Шагыр Батырев, меньшой брат именуемый Иштекбай Батырь находится там у вас, коего позвольте для меня удовольствовав, обратно отпустить, а при том того ж рода из ишантских лошадей отдав ему Ишасбаю половину, а другую реченному Иштекбаю, чтоб он их продал на деньги, ему ж Иштекбаю прикажите. выбегших из орды нашей двух Кизылбаш препоручить для того, что когда оные Еганбайлицы удовольствованы будут, весь народ наш благодарными останутся. Весьма б изрядно было, когда б оный Шагыр Батырь удовольствован был, за чтоб и я довольным себя препочел; хотя ж оный Шагыр по отдаленности меня кочует, только его отчуженным от меня не признавайте, коего благоволите для меня в чести содержать.

Впрочем наивсегдашний доброжелатель ваш Нурали-Хан своеручно печать мою приложил (которая под оным чернильная и приложена).

3) Письма А. И. Бибикова.

А. — К графу З. Г. Чернышеву, от 30 декабря 1773 года.

Милостивый государь, граф Захар Григорьевич! Из донесения моего ее императорскому величеству, в. с. сведать изволите о всех здешних обстоятельствах, каковые мне при первом случае открылись: они столько дурны, что я довольно того описать не могу; умолчав многие мелочные известия, которые до меня дошли, из донесенных уже усмотрите, какою опасностию грозит всеобщее возмущение башкир, калмык и разных народов, обитающих в здешнем краю, а паче если и приписанные к заводам крестьяне к ним прилепятся, к чему уже в Пермской провинции и есть начало. — Коммуникация с Сибирью от опасности на волоску, да и самая Сибирь тому ж подвержена. Всего же более прилепление черни к самозванцу и его злодейской толпе. Одна надежда на войска, которых, по умножающемуся злодейскому многолюдству, видится быть недостаточно, а паче в рассуждении обширности и расстояния сего краю мест.

Толпу Пугачева я разбить не отчаяваюсь и с теми, кои теперь мне назначены, когда соберутся; но тушить везде пожар и останавливать злодейское стремление конечно конные войска в прибавок необходимы.

В проезд мой чрез Москву генерал Берх меня уверял, что от 2-й армии 3 или 4 полка конницы отделить можно без всякой для тамошней стороны опасности, за что он отвечает; но откуда б то ни было, а умножить необходимо надлежит. Войдите в сие дело, в. с. Вы увидите, что я говорю вам истину.

На здешние гарнизоны и другие команды никакого счету делать не извольте: они, с их офицерами, так скаредны, что и башкирцам сопротивляться не могут. Печальные опыты с Чернышевым и маиором Заевым, вам доказывают, что и здесь уже по всем рапортам я увидел, что они, расставленные от Фреймана и от губернатора по постам, бегают с одного места в другое при малейшей тревоге.

Благодарю всепокорнейше в. с. за почтеннейшее письмо от 21 декабря и за преподанный мне совет к доставлению Оренбургу и Яицкому городку провианту от Симбирска и Самары посредством команды генерал-маиора Мансурова. Первая моя теперь о том настоит и забота, чтоб доставить сим утесненным и крайнему бедствию от недостатка пропитания подверженным местам. Но как еще и легкие команды только две, а

именно 22 и 24 прибыли, а о других двух, где находятся, и слуху нет, тож и о генерал-маиоре Мансурове ничего не знаю, да хоть бы они и все соединены были, опасаюсь я отважить сей конвой, под прикрытием сих одних полевых команд, дабы паки не были они жертвою злодейскою. Но сие с надежною силою исполнить должно, что я при первом случае и предприму и первым своим попечением конечно поставляю. А между тем провиант в Симбирске заготовлять велел; прибывшие же две легкие команды послал я на выгнание злодеев из города Самары, которую они злодеи 24-го заняли; а теперь ожидаю рапорта.

Прежде доставленных сюда для вооружения здешних команд и поселян 2 000 ружей недостаточно: для того в. с. покорнейше прошу, как скоро возможно, дать повеление о отправлении сюда на всякой случай 2 000 ружей, 1 000 карабин и 1 000 пар пистолетов. — Кажется неминуемо здешних поселян вооружить, обнадежась прежде в их твердости.

О сем писал я к е. с. князю Михайлу Никитичу *с прибавлением о саблях, седлах и уздах, ибо в коннице большая нужда* (своеручно).

Сволочь Пугачева злодейской толпы конечно порядочного вооружения, ниже строю иметь не может, кроме свойственных таковым бродягам буйности и колобродства; но их более шести тысяч по всем известиям считать должно, а считая ныне воров башкирцев, число крайне быть должно велико. — Не считаю я трудности, м. г., разбить сию кучу; но собрать войска, запастись не только провиантом и фуражем, но и дровами, проходить в настоящее время степные и пустые места с корпусом, суть наиглавнейшие трудности; а между тем отражать во всех концах убивства и разорения и удерживать от заразы преклонных от страху и прельщения простых обывателей.

Со всем тем отвечаю вам за себя, что я всё исполню, что только в моей будет возможности, и остаюсь навсегда с особым высокопочитанием и проч.

P. S. (*Собственноручно.*) Сейчас получил рапорт от генерал-маиора Мансурова, что, по приключившейся ему горячке, пролежал он без памяти 7 дней. Теперь он здоров; настиг 23 и 25 полевые команды, и с ними соединясь, следует к Симбирску, но только от него еще в 400 верстах, в деревне Миндани.

Б. — К нему же, из Казани, от 17 января 1774.

Милостивый государь, граф Захар Григорьевич! Сославшись на донесения ее императорскому величеству, за излишнее почитаю повторить вашему сиятельству описание о здешнем дурне, да только то промолвить осмеливаюсь, что если Оренбург имеет пропитание, то надеюсь его спасти, а сим уповаю и главную всему злу преломлю преграду; но маршем поспешить великие настоят трудности, потому что число подвод для подвозу пропитания на корпус и для способствования городу выходит большое по дальному и степному положению, — а притом рассеявшуюся сволочь сперва прогнать и землю очистить надобно, ибо сей саранчи столь много, что около постов Фреймановских проходу нет, и на нас лезут; — конвоирование великова подвозу требует по степным местам людей; без прикрытия ж и саму Казань со стороны Башкирии оставить нельзя. Время час-от-часу становится драгоценно; а полк карабинерный только сегодня сюда вступил, и лошади в дурном состоянии. На гарнизонные команды ничего считать нельзя, что уже я и испытанием знаю. Сия негодница довольна, что их не трогают, и до первой деревни дошедши, остановясь, присылает рапорты, что окружены, и далее идти нельзя. Нужно было несколько раз посылать им на выручку. Они ободрили и злодеев, что осмелились в самые им лезть глаза.

Вот, м. г., положение, в котором я себя вижу. Не можно более претерпевать прискорбия от досады, сожаления и получаемых ежедневно слухов. Один всевышний может обратить всё в лучшее и помочь мне в

сих крайностях. Сказав сие, с истинным высокопочитанием всегда останусь и проч.

P. S. (*Собственноручно.*) При сем отправленный курьер привез ко мне высочайший ее императорского величества рескрипт от 10 числа января, препровождаемый с письмом в. с. Я предоставя впредь о том с первым отправлением доносить, теперь только о получении его уведомляю.

Сейчас получил рапорт от генерал-маиора Фреймана, что высланный для поиску над злодеями Томского полка капитан Фатеев при деревне Кувицкой и... разбил многочисленную сволочь, побив на месте и в преследовании великое число, способом посаженных на обывательских лошадей гренадер и бегающих на лыжах солдат, отбив 4 пушки, 20 человек взял в полон.

В. — К нему же, из Казани, от 24 января 1774.

Милостивый государь, граф Захар Григорьевич! Из донесения моего к ее императорскому величеству увидеть изволите, что войска, прибывшие сюда, действовать начали, и полковник Бибиков с деташементом своим, состоящим в четырех ротах пехоты и трех рот гусар, разбил злодейскую сволочь, не потеряв ни одного человека, город Заинск освободил от злодеев. Надеюсь очистить сей угол; но прискорбные вести получаю со стороны Сибирской: господин Калонг, не находя средства не только сделать транспорт провианту и фуражу в Оренбург, но и сам идти опасается, написав премножество затруднений. Советует он мне сей транспорт сделать. Я и без того все способы к тому употребляю, да время проходит, а оно драгоценно. Я писал к нему, чтоб он по крайней мере хотя в Башкирию сделал диверсию в то время, как я к Оренбургу подвинусь в исходе нынешнего месяца или в начале февраля.

Екатеринбург в опасности от внутренних предательств и измены. О Кунгуре слуху после 10 числа нет. Зло распространяется весьма далеко. Позвольте и теперь мне в. с. повторить: не неприятель опасен, какое бы множество его ни было, но народное колебание, дух бунта и смятение. Тушить оное, кроме войск, в скорости не видно еще теперь способов, а могут ли на такой обширности войски поспевать и делиться, без моего объяснения представить можете. Спешу и все силы употребляю запасать провиант и фураж, тож и подводы к подвозу за войсками. Но сами представить легко можете, коликим затруднениям по нынешнему времени всё сие подвержено, и тем паче, что внутрь и вне злодейство, предательство и непослушание от жителей. Не очистя саранчу злую, вперед шагу подасться нельзя. В том теперь и упражняюсь, а войски подаются вперед. Жду с нетерпением Чугуевского казачьего полку, о котором слышу, что уже в Москву пришел. Вот, м. г., всё то, что я теперь донесть вам могу; а заключу истинным моим высокопочитанием, и проч. (*Собственноручно*). P. S. Приложенную резолюцию покорнейше прошу ее величеству поднесть.

Г. — К Д. И. фон-Визину, из Казани, от 29 января 1774 года.

Благодарю тебя, мой любезный Денис Иванович, за дружеское и приятнейшее письмо от 16 января и за все сделанные вами уведомления. Лестно слышать полагаемую от всех на меня надежду в успехе моего нынешнего дела. Отвечаю за себя, что употреблю все способы, и забочусь ежечасно, чтоб истребить на толиком пространстве разлившийся дух мятежа и бунта. Бить мы везде начали злодеев, да только сей саранчи умножилось до невероятного числа. Побить их не отчаяваюсь, да успокоить почти всеобщего черни волнения великие предстоят трудности. Более ж всего неудобным делает то великая обширность сего зла. Но буди воля господня! делаю и буду делать что могу. Неужели-то проклятая сволочь не образумится? Ведь не Пугачев важен, да важно всеобщее негодование. А Пугачев чучела, которою воры яицкие казаки играют. Уведомляй, мой друг, сколь можно чаще о делах внешних. Неужели и теперь о мире не думаете? Эй пора, право, пора! Газеты я полу-

чил; надеюсь, что по твоей дружбе и впредь получать буду. J'avois diaboliquement peur de mes soldats, qu'ils ne fassent pas comme ceux de garnison de mettre les armes bas vis-à-vis des rebelles. Mais non, ils les battent comme il faut, et les traitent en rebelles. Ceci me donne du courage. Да то беда, как нарочно всё противу нас: и снега, и мятели, и бездорожица. Но всё однако же одолевать будем. Прости, мой друг; будь уверен, что я тебя сердцем и душею люблю.

Напомни, мой друг, графу Никите Ивановичу о бароне Аше. Он обещался ему по крайней мере хотя для сейма что ни есть исходатайствовать. Ты меня очень одолжишь, ежели сему честному человеку поможешь.

4) Письма графа П. И. Панина.

А. — Гвардии капитану А. П. Галахову, из Пензы от 14 сентября 1774.

Высокоблагородный и высокопочтенный, лейб-гвардии капитан!

Государь мой! На рапорт от вашего высокоблагородия, с сим вручителем ко удовольствию моему полученный, нахожу вам ответствовать:

К принятым вами мерам и к сделанному распоряжению я ничего присовокупить не имею, как оные и мне собственно, по соображению всех обстоятельств, за удобнейшие представляются, потому особливо, что порученного вам дела, без отваги ничего произвести с успехом никак нельзя, а тут не отважено ничего иного, кроме такого числа денег, которые по общему делу иным не может поставлено быть, как безделицею; впрочем же противу дальнейшего требуется одной предосторожности, коей мы постараемся и не упустить. В том намерении приказал я уже сегодня отсель выступя, идти под точное ваше начальство в Сызрань, одному эскадрону драгун, да и я, выступя отсель не помешкав, возьму свою позицию по берегу реки Волги, примкнув к Сызрани; одно только мне остается приметить, и лежит на моем сердце, чтоб не сделал утечки (ежели полагаемая нами на известного человека верность нас обманет) открывшийся вам житель царицынской. Не лучше ли и не можно ли вам кого-нибудь из своих подчиненных верного, спрепровадить туда под некоторым предлогом, делать скрытное над оным надзирание? Что вы по сему предпримете, а и впрочем какие происхождения у вас изъявляться будут, стану я ожидать от вашего высокоблагородия себе уведомления, прибыв скоро к берегу реки Волги, на предприемлемую мною позицию; а везде и всегда останусь с почтением и усердием

вашего высокоблагородия и проч.

Б. — К нему же, из Пензы, от 19 сентября 1774.

Государь мой, Александр Павлыч! Вручитель сего, господин маиор Рунич, приехал ко мне с словесными от вас представлениями, на которые я иного и лучшего вам, государь мой, сказать и присоветовать не могу, как во-первых похваляю, что по сведении вашем о поимке государственного злодея, послали вы тотчас отыскивать отправившегося от вас, с тем намерением известного комиссионера. Новое счастие будет, если возвратим еще и употребленные с оным казенные деньги; да чего уже ожидать не возможно от благословляющей так ощутительно десницы вышней все деяния во благое нашей всемилостивейшей государыни?

Мне мнится, что вам, государь мой, в теперешнем случае лучше всего перенестись к свиданию со мною в Симбирск, куда уже я дни чрез два отсель прямо следовать буду.

Касательно до царицынского жителя, вам известного сообщника бунтовщику, — то я, сколь скоро получил известие о поимке злодея, тотчас послал туда повеление, оного сообщника, взяв под крепкий караул, прислать ко мне, да и эскадрону драгунскому, отправленному к вам в Сызрань, а остановленному на дороге сим господином маиором, дал повеление с ним же маршировать в другое место, где, по теперешнему положению земли, удобнее и безубыточнее было прокормить войски.

Впрочем, я есмь всегда с почтением и проч.

Рукою Гр. Панина приписано:

P. S. Рекомендую, имеющуюся при вас денежную наличную сумму привезти ко мне в Симбирск.

5) Письма лейб-гвардии поручика Державина полковнику Бошняку.

А. — Из Саратова, от 30 июля 1774 года.

Высокоблагородному и высокопочтенному г. города Саратова коменданту и правящему в оном городе воеводскую должность.

Милостивый государь мой! Когда вам его превосходительство Г. астраханский губернатор П. Н. Кречетников, отъезжая отсюда, не дал знать, с чем я прислан в страну сию, то через сие имею честь вашему высокоблагородию сказать, что я прислан сюда от его высокопревосходительства покойного г. генерал-аншефа и кавалера А. И. Бибикова, в следствие именного ее императорского величества высочайшего повеления по секретной комиссии, и предписано по моим требованиям исполнять всё; а как по обстоятельствам известного бунтовщика Пугачева, сего месяца 16 числа приехал я в Саратов, и требовал, чтоб в сем городе была от оного злодея взята предосторожность, вследствие чего 24 числа, при общем собрании нашем в Конторе опекунства иностранных и сделано определение, по которому все, согласясь, и подписались, чтоб около магазинов и в месте найденном за способное его высокородием г. статским советником М. М. Лодыженским, яко служащим штаб-офицером в Инженерном корпусе, сделать для защищения людей и казенного имущества полевое укрепление и прочие готовности, что в том определении именно значит, которое определение при рапорте моем послано уже главнокомандующим куда надлежит, да и чаять должно было, что всё в вышеупомянутом определении написанное уже исполнено. А как сего 30 числа прибыв я паки в Саратов, не только по тому определению какую готовность нашел, но ниже какой не принято предосторожности; а как из рапорта вашего Конторе опекунства иностранных 29 числа вижу я, что вы от своего определения отступились, и ретраншамента, прожектированного его высокородием статским советником М. М. Лодыженским, делать не хотите, но желаете, пропустя столь долгое время, не зная совсем правил военной архитектуры, делать около почтового жительства города Саратова вал, не рассудя ниже места способности лежащего под высокою горою, отрезанного от воды и столь обширного, что ниже 3000 регулярного войска и великою артиллерией защищать невозможно, приемля только в непреклонное себе правило, что вы, яко комендант города, и в нем церквей божиих покинуть не можете: то на сие, окроме всех гг. штаб- и обер-офицеров, находящихся здесь, согласных со мною, объяснить вам имею, что комендант вверенной себе крепости никак до конца жизни своей покинуть не должен, тогда, когда уже он имеет ее укрепленною и довольною людьми и потребностьми к защищению оной; а ежели всего оного не имеет, так как теперь и сожженный город Саратов, имеющий единственное наименование города, то должен находить способы, чтоб укрепиться в пристойном по правилам военной архитектуры месте, и в нем иметь от неприятеля оборону. Мы же, как в вышеупомянутом определении согласились, чтоб малое число оставить для защищения в ретраншаменте, а с прочими силами идти на-встречу злодею, то чем вы свой обширный вал, выходя на-встречу злодею, защищать будете? Это никому непонятно. Да и какое вы, не зная инженерного искусства, лучше укрепление сделать хотите, то также всем благоразумным неизвестно. Церкви же божии защитить конечно должно; но как церковь не что иное есть, как собрание людей правоверных, следовательно, ежели вы благоразумно защитите оных, то в них защитите и церковь, а утвари оных церквей в том ретраншаменте поместить можете. На сие на всё прошу ваше высокоблагородие скорейше мне дать ответ, для донесения его превосходительству,

г. генерал-маиору и кавалеру П. С. Потемкину, яко непосредственному начальнику высочайшей ее величества власти, присланному ныне по комиссии бунтовщика Пугачева именным ее императорского величества высочайшим повелением. Мы же, находящиеся здесь штаб- и обер-офицеры, приемлем всю тягость законов на себя, что вы оставите свой пустой, обширный и укреплению неспособный лоскут земли, именуемой вами крепостию Саратовской, и за лучшее почтете едиными силами и нераздельно сделать нам вышеозначенный ретраншамент, так и поражать злодеев, приказав ныне же всему вами собранному народу делать прожектированное г. статским советником Лодыженским укрепление, в чем во всем при вас же и купцы здешнего города давно уже согласились.

Б. — Из Саратова, от 3 августа 1774 года.

Г. полковнику и саратовскому коменданту, лейб-гвардии от поручика и комиссионера Державина.

Сообщение.

Сего августа 3-го сообщение ваше получил и при нем с ордеру его превосходительства П. Н. Кречетникова к вам копию. На сие вашему высокоблагородию сказать имею, что его превосходительство г. генерал-маиор и кавалер то преминовать изволил, что ему его высокопревосходительство покойный г. генерал-аншеф и кавалер А. И. Бибиков обо мне сообщить изволил. Ему написано было, что вследствие именного ее императорского величества повеления, я послан в сию область, и предписано ему было во всех моих просьбах вспомоществовать. Но как его превосходительству о существе всей моей комиссии и ее потребностях знать не дано, но река Иргиз не есть единственный мой пост, и что не по пустому требовал я в бытность его превосходительства в Саратове от Конторы опекунства иностранных команду, то апробовано от высших моих начальников, мне с похвалою. Сей мой отзыв, в самом его оригинале, его превосходительству поднесть можете.

III. Сказания современников

1) Осада Оренбурга (Летопись Рычкова)

Часть I. — *В которой краткое известие о начале яицких казаков, о их умножении, раздорах и смятениях, между коих вкрался и пристал к ним самозванец Пугачев, произвел бунт и все свои злодейства.*

1) Что войско Яицкое начало свое имеет от небольшой артели беглых донских казаков, устремившихся к Каспийскому морю единственно для разбоев и грабежей, тогда как еще около сих мест кочевали татары так называемой Золотой Орды (то есть в конце XIV, или в начале XV столетия) и что оная разбойничья артель умножилась оттуда ж и из великороссийских мест беглыми людьми, об оном показано уже в описании Оренбургской губернии.*

2) Течение реки Яика, впадающей в Каспийское море, отдельное от внутренних российских городов не малым степным и пустым расстоянием; лесные места, по Яику тогда бывшие, и положение их казачьих разных станиц и усадьб после того, как они помянутую Орду из сих мест вытеснили к таковым беглых людей сборищам к промыслам, особливо ж к укрывательству от бывших над ними поисков и поимки их всегда и столь было им способно, что в последующие времена скопище сих беглецов до такого усильства и своевольства дошло, что наконец уменьшению и понижению их причиною было не что больше, как их же собственные раздоры и междоусобия, о чем ниже сего значится.

3) История народов многие примеры представляет и дает нам знать, что от сла-

* В Топографии Оренбургской, часть 2, страница 62 и следующие.

бостей и невежества начальников происходят часто неустройства, смятения и гибель не только таких малых обществ, каково было и ныне еще есть Яицкое, но и больших городов, а иногда и целых областей; слабости, раздоры и междоусобия старшин, сколько известно мне по их прежним делам, издавна уже были, и я довольно еще помню приезд в город Самару яицкого войскового атамана Григорья Меркурьева и тамошнего ж войскового старшины Ивана Логинова, бывший при самом начале оренбургской экспедиции. Сии оба, имея так как врожденную и непримиримую злобу, во всю свою жизнь один на другого в доносительствах упражнялись: а от того и в войске Яицком произошли две сильные партии, да и назывались одна Атаманскою, а другая Логиновою. Я довольно еще помню, как жизнь и дела, так и кончину обоих помянутых старшин; но в подробности входить здесь нет потребности: довольно сего, когда сказано будет, что сии партии или раздоры, а особливо сторона Логинова, время от времени умножаясь, оренбургским главным командирам доносами своими, а между тем часто и ослушностями в их нарядах и распорядках причиняли великие затруднения, от чего и принуждены они были разные представления посылать Государственной Военной коллегии; но по справедливости надлежит здесь сказать, что Атаманская сторона всегда была послушнее и справедливее.

4) По прошествии нескольких лет, по доносам с Логиновой стороны на войскового ж атамана Андрея Бородина, в разных с народу учиненных сборах и в удержании якобы за собой многих войсковых денег, а притом и в причинении обид, указом вышереченной коллегии велено в самом их городе (называемом Яицкий городок) быть следственной комиссии, к которой определены были сначала штаб-офицеры, а потом уже и генерал-маиоры: Потапов, Черепов, Брахфельд и Давыдов, из-за чего к лучшему успокоению обеих оных сторон, атаман Бородин по просьбе его хотя и отставлен, на его ж место в бытность тут гвардии капитана Чебышева всем войском выбран и высочайшим указом конфирмован был из тамошних же старшин Петр Тамбовцев; но и тем беспокойства и своевольства их еще не прекратились.

5) 1772 года января 12 дня, собравшись они большим скопом, в такое пришли остервенение, что находившегося тогда в городе их, для докончания вышеозначенных следственных дел, генерал-маиора Траубенберга и с ним помянутого и своего их атамана Тамбовцева, войскового дьяка и старшину Матфея Суетина и нескольких обер-офицеров и солдат убили до смерти, а гвардии капитана Дурова, у того ж следствия обще с генерал-маиором Траубенбергом бывшего, тяжко изранили; неприставаших же к совещаниям их старшин, посадя под крепкие караулы, содержали; а для управления народов сами собой учредили свое правление, выбрав к тому, под именем поверенных, таких людей, которые принуждены были всё то делать, что начальникам оных злодейств было надобно, причем больше других предводительствовал яицкий же казак Кирпишников.

6) По первым рапортам о сем их злодействе, в том же 1772 году в марте месяце отправлен был из Москвы, для усмирения их, г. генерал-маиор Фрейман, на почте, Великолуцкого пехотного полка с одною гренадерскою ротою, а за ним отправлена была довольная артиллерия с принадлежащими к ней артиллерийскими служителями. Сей искусный и попечительный генерал, с придачею ему в Оренбурге двух легких команд и еще нескольких регулярных и нерегулярных войск, по слитии вод, отправлен был сперва к Илецкому городку, где он, остановясь на несколько времени, всё распорядил так, как бы ему лучше и безопаснее к Яицкому городку подступить и оным овладеть, ежели б злодеи отважились ему воспротивиться; но они, не допустя его туда верст за семьдесят, сами и с пушками выехали ему навстречу тысячах в трех людства, а тем и открыли уже они явно намерение свое к бунту.

7) Июля 3 и 4 дня покушались они нападениями своими остановить корпус сего

генерала и не допущать к своему городу; но он, не взирая на их набеги и пушечную пальбу, вскоре их отдалил, и своими пушками очистил себе путь так, что по следам их пришел к городу. Они, ворвавшись в него, наперед умыслили было с женами и детьми выбираться из него вон: да и перебрались было уже почти все через реку Чаган, в намерении, чтоб пробраться им к Каспийскому морю, и овладев в тамошней стороне известным персидским городом Астрабатом, засесть и обселиться в нем но г. Фрейман, благоразумными своими распоряжениями и увещаниями остановя их всех за рекою Чаганом, паки в город обратил; а за ушедшими злодеями послал партии, от которых хотя и не мало их переловлено, и по следствию, для чего в Оренбурге была особая комиссия (в коей председание имел г. полковник Неронов), зачинщикам и главным злодеям учинено в Яицком их городке публичное наказание кнутом, и постановление злодейских знаков; а другим, не столь тяжко винным, плетьми, из коих первые посланы в отдаленные сибирские города, а последние для определения в солдаты отправлены во вторую армию. Но со всем тем осталось еще тогда ж из оных злодеев несколько непереловленных и укрывавшихся в разных местах; да из тех, кои посланы в армию, как слышно было, некоторые бежали с дороги. Я не внес здесь многих околичностей и случаев, с которыми сопряжены были своевольства и беспутства оных злодеев, да и сие краткое об оных яицких замешательствах вместил здесь для того токмо, что отсюда, как из жерла или горловины, произошли скоро такие великие злодейства, которые не только город Оренбург не мало колебали, но и далее оного произвели великие бедствия, как то ниже сего означится.

8) Известно уже, что по кончине государя императора Петра III, случившейся июля 6 дня 1762 года,* в разных местах Российской империи под его именем самозванцы находились, из которых пойманным с их сообщниками по законам достойное наказание учинено. Из таковых возмутителей один, под именем раскольника, содержавшийся в Казани беглый донской казак, Емельян Иванов сын Пугачев,* нашел способ к уходу своему из-под караула и с имевшимся при нем караульным солдатом, да и удалось ему пробраться к реке Иргизу, которая впадает против села Малыковки в Волгу, вершины ж свои имеет она в пределах яицких казаков. Сия река издавна уже славится уходом и укрывательством по ней беглых людей, а особливо раскольников, да и поселено уже по ней несколько слобод вышедших из Польши раскольников, по состоявшемуся в 1762 году указу.

9) Слышно было, что казанский губернатор, г. генерал-аншеф и кавалер Яков Ларионович Брант, о побеге означенного немаловажного колодника Пугачева, куда надлежало писал, да и поиск с своей стороны производил; но чтоб о сем сообщено от него было к г. оренбургскому губернатору, того здешней стороне в экстракте ** из дел об оном Пугачеве, происходивших в Оренбурге, не значится; а начинается он тем, что в сентябре месяце указом ее императорского величества из Государственной Военной коллегии, от 14 августа 1772 года, повелено ему г. губернатору оного

* О сей кончине императора Петра III печатанный и всенародно публикованный манифест 7 числа июля 1762 года.

* О родине и о разных приключениях сего бродяги, сколько возможно было собрать, сочиняется особое известие.

** К сочинению сего описания употреблены мною три следующие: 1) помянутый экстракт, при канцелярии г. губернатора содержанный, с коего по дозволению его превосходительства списал я себе копию; а как оный веден по числам, то я в последовании сего и буду называть его журналом Губернаторской канцелярии. 2) Записки, во время злодейской осады содержанные, к чему служили очевидные примечания, городские обстоятельства и разные приватные известия. 3) Походный журнал г-на генерал-маиора и кавалера князя Петра Михайловича Голицына, с которого имею я у себя копию ж; но сей по порядку его вмещаем быть имеет под чертою в конце сего года и в будущем 1774 году. Я, как самовидец и слышатель многого, оные три источника в последствии сего описания буду, по приличности случаев. соединять и, сколько возможно будет, приводить их в одно течение, дабы чрез то сделать его полнейшим и обстоятельным.

Пугачева, бежавшего из-под караула в Казани, обще с бывшим при нем на часах солдатом, в селениях Оренбургской губернии, а особливо в жилищах войска Яицкого, чрез надежных людей разным секретным образом сыскивать, и как скоро они сысканы и пойманы будут, то, заковав их в крепкие кандалы, за особливым конвоем отправить в Казань, к помянутому г. тамошнему губернатору; но в самое-де почти то время, как о сыске его Пугачева, куда надлежало, публикация учинена, то есть, 15 числа сентября 1773 года находящийся на Яике в комендантской должности подполковник Симонов уведомлен тамошних казаков от отставного сотника Липилина, и рапортовал, что помянутый самозванец Пугачев шатается по степи на дороге, лежащей от Яицкого городка к Сызрани, от Яицкого городка верстах во сте, к которому-де он Липилин назад тому недели с две при умете, называемом Таловские Вильни, съехавшись, разговаривал и, по возвращении в городок, многим людям сказывал, а чрез то в жителях Яицкого городка и навел он сомнение.*

10) По разным приватным известиям, якобы он Пугачев еще в то самое время, когда по высочайшей конфирмации, за убийство генерал-маиора Траубенберга и за предписанные злодейства, зачинщикам чинено наказание, был на Яике и шатался между дворов в крайней бедности, а наконец жил он в работниках на хуторах тамошнего казака Данилы Шолудякова, чрез которого, приобщая к намерению своему зломысленных казаков, начал с ними советовать о новом возмущении; вначале с казацкой стороны, как сказывали, представлено было первое их намерение о побеге к Каспийскому морю, чтобы там им угнездиться и сделать себя независящими; но Пугачев весьма хитро и коварно внушал им о себе, что он есть император Петр III, спасся от погибели своей уходом, и был между тем в разных государствах, склоняя, чтоб они, признав его за законного своего государя, к доступлению на престол ему помогали; а он будет их предводителем и в свое время наградит их многими милостями, и проч., в чем их на том же Шолудякова хуторе в августе месяце и утвердил, да и набрал он там во время сенокосное в сообщество свое яицких казаков и разного сброду до трех-сот человек, с которыми начал приближаться к Яицкому городку.

11) В помянутом городке от самого того времени, как отлучился оттоль в Москву вышеозначенный генерал-маиор Фрейман, находился командиром подполковник Симонов с двумя легкими полевыми командами, при нем же было несколько и оренбургских казаков, и войско Яицкое управляемо было от него Симонова под именем Яицкой комендантской канцелярии, в которой и из войсковых старшин обще с ним Симоновым присутствовали войсковой старшина Мартемьян Бородин, да простой тамошний же старшина Мостовщиков.

12) В экстракте г. оренбургского губернатора кратко ж означено, что по предписанию его для сыска оного Пугачева отправлены были от подполковника Симонова в разные места пристойные команды, только ими нигде оный Пугачев не найден; а чрез некоторое-де время, то есть, 18 сентября, оказался он Пугачев с приставшими к нему из беглых мятежников и с набранными на хуторах и на ближних форпостах людьми, более нежели в трех стах человеках, в близости Яицкого городка, которого усмотря тутошние казаки мятежнической стороны, все почти пришли в колебание и начали в толпу его злодейскую партиями приставать, потому наипаче, что он отважился назвать себя ложно покойным государем императором Петром III; однако-де он Пугачев с воровскою его партиею добрым распоряже-

* Г. подполковник и бывший яицкий войсковой атаман Бородин находился во время осады в Оренбурге, словесно объявлял, что от попользновенных яицких казаков на первый случай послан был к нему из тамошних же казаков, по прозванию именовавшийся (о коем ниже означится, что называли его наконец графом Чернышевым) в семи человеках, который-де нашед его, Пугачева на Иргизе, провел на хутор казака Шолудякова, а от Яицкого городка на низ, по реке верстах в 80, где и начались у них злодейские совещания к бунту.

нием Симонова не только в городок не допущен, но и прогнан; а рассыпавшись-де по степи, пошел он далее по верхним яицким форпостам, и запирал в оных людей и пушки, причем-де из неприставших к нему верных старшин и казаков переловлено и повешено от него 12 человек; а между тем отправил он Пугачев от себя лист и к киргиз-кайсацкому Нурали-Хану, объявя ему себя императором Петром III, и требуя от него, чтоб он прислал к нему своего сына и сто киргизов; но тот его Пугачева возмутительный лист перехвачен на форпостах, а к хану-де писано с довольным уверением, что он Пугачев беглый донской казак и злодей, и чтоб ему Пугачеву ни в чем не верить; ко учинению же де за ним Пугачевым поиска состоящими там воинскими командами, помянутый подполковник Симонов признал неудобность, потому-де, что принуждено оными командами оказавшихся в колебании казаков удерживать, да и, сверх того, для защищения Яицкого городка требовано из Ставрополя крещеных калмыков до пяти сот человек, о чем-де, по рапорту его Симонова, и от г. губернатора туда подтверждено: которые хотя туда и командированы были, но из них-де 316 человек с дороги в домы свои убежали. А от 22 числа и получен был рапорт Нижней Яицкой дистанции от коменданта, полковника Елагина, по рапорту Рассыпной крепости от коменданта ж маиора Веловского, что оный злодей, умножа свою партию до тысячи человек, приступил к Илецкому городку, * и разными угрозами требовал сдачи, чрез что возмутя тамошних казаков, преклонил их к себе, которые атамана своего Портнова связав ему отдали, и он его тут же повесил, а сам, усилясь с казаками, от сего места вознамерился идти к Оренбургу.

13) Вышеписанные в экстракте г. губернатора вмещенные обстоятельства объясняются несколько записками моими, учиненными с словесного объявления шестой легкой полевой команды г. подполковника Наумова, в то ж самое время в Яицком городке при команде бывшего. По его сказанию, подполковник Симонов, уведомясь о сборищах Пугачева, в те места, где он находился, хотя и посылал не один раз команды, но согласники его, находившиеся в Яицком городке, узнавая о том всегда наперед, уведомляли его о тех посылках, а потому он к уходу с оных мест и к укрывательству своему и находил время и способы; а как он с толпою своею, в трех стах человеках состоящею, 18 числа сентября приблизился к Яицкому городку, то подполковник Симонов, для разбития и поимки его, командировал помянутого Наумова, бывшего тогда премиер-маиором, с тремя ротами из легкой полевой команды, придав еще несколько яицких и оренбургских казаков. Наумов как скоро приблизился к толпе самозванцовой, то выехало из оной несколько человек под видом переговора, из коих один на голове своей держал бумагу, сказывая, якобы то грамота от государя Петра Федоровича, которую-де велено ему отдать Яицкого войска старшине Акутину; но подполковник Наумов, отняв ту бумагу, удержал у себя; а потом от Симонова отправлена она при рапорте и к губернатору.

14) После сего оные от злодея Пугачева наперед высланные требовали для переговору с ними хороших людей, и как несколько человек было к ним выслано, и вступили они в разговор, то между ними бывшие зломысленные казаки у тех, кто им был надобен, подхватя за узды лошадей, погнали их к самозванцу, а он приказал всех их на другой день, то есть 19 числа сентября, перевешать;* а за тем с воров-

* Илецкий казачий городок и станица (а не Защита Илецкая, где соль добывают) расстоянием от Яицкого казачьего городка 145, а от Оренбурга 124 версты; казаков в тамошней станице считалось более 400 человек. Они все при начале оренбургской экспедиции набраны и в казаки определены из разных людей, а потом, в бытность командиром г. тайного советника Татищева приобщены они к корпусу Яицкого войска.

* Сии несчастливые и от злодея Пугачева прежде других повешенные люди были из сотников: Яков

ским своим собранием подошед к городу, остановился он между реками Яиком и Чаганом. Симонов, подступя со всею своею командою (кои сборища Пугачева людством регулярных и нерегулярных людей весьма превосходили), хотя и учинил в тот злодейский скоп несколько пушечных выстрелов, но никакого вреда учинить не мог, якобы потому, что все они ездили врознь, приближаясь к рекам, иногда к Яику, а иногда к Чагану, ибо-де конных людей у него Симонова не было, а яицких казаков, по тогдашней на них безнадежности, к разбитию оных злодеев употребить было сомнительно, тем наипаче, что намерение злодейское в том более и состояло, дабы, ворвавшись в город, всё войско Яицкое возмутить и, преклоня их в свое согласие, оным усилиться.

15) Пугачев, усмотря, что ему в Яицкий городок ворваться и при находящейся тут воинской команде многого числа из тамошних казаков склонить не можно, на другой день, то есть 19 числа, повеся вышеозначенных захваченных к нему людей, пошел по прямой дороге к Илецкому городку, и идучи туда, забирал с собою находившихся по форпостам яицких казаков, да и пушки с снарядами, где их находил, с собою ж брал; а как приближился он к Илецкому городку, то тамошние старшины и казаки сделали ему встречу и отдались в его власть без всякого сопротивления; вступя в городок, спрашивал их: довольны ли они своим атаманом и нет ли от него обид; а как он был человек хороший и порядочный и не делал им в худых делах потачки, то приносили они на него разные жалобы, почему он и приказал его тут же повесить;* а чрез то угодя им и приведши их всех в свое согласие, велел им себе, так как государю, присягать, и тем он усилил себя здесь сот до семи человек, или и более, тут же и пушек с потребными к ним зарядами и порохом прибавил себе не мало. — Теперь внесу я здесь несколько из экстракта или журнала, содержанного при канцелярии г. губернатора из происходивших в той канцелярии письменных дел; а потом вмещу и приватные известия, в те ж самые числа в Оренбурге бывшие, и так одно другому будет служить дополнением и изъяснением.

16) Как скоро в вышеозначенном приключении г. генерал-поручик, губернатор и кавалер известился, тотчас не преминул он отправить из Оренбурга к Яицкому городку с бригадиром бароном Биловым корпус военных людей, состоящий в числе 410 человек регулярных и нерегулярных людей и 6 орудий артиллерии, дав ему Билову открытый от себя ордер, чтоб он, идучи, туда в подкрепление оной команды, в каждой крепости от комендантов требовал и забирал с собою людей, сколько он заблагорассудит. Ему предписано было, чтоб он старался ту злодейскую толпу всемерно догнать, разбить и злодеев переловить, а особливо упомянутого Пугачева, обещая в награждение, кто его живого поймает, от казны 500, а за мертвого 250 руб. Подполковнику Симонову предложено было, дабы он из находящейся в Яицком городке командировал легкой полевой команды маиора Наумова с пристойным числом из обеих тамошних легких команд и из оренбургских казаков, для преследования помянутого Пугачева к Илецкому городку с равномерным предписанием, каковое бригадиру было ж дано; а сверх того, он же губернатор к тому ж командировал и употребить рассудил из Ставрополя при 500 человеках калмыков из ближайших жилищ, башкирцев столько ж, да из сеитовских татар 300 чел.

17) 25-го числа Нижне-Озерной крепости комендант, маиор Харлов к бригадиру Билову рапортовал, что Рассыпная крепость, в коей была одна только гарнизонная рота

Витошнов, Петр Черторогов, Федор Равнев, Иван Коновалов, да из пятидесятников: Иван Руженников, Яков Толстов, Козма Подъячев, Иван Колпаков, рядовые казаки: Василий Сидоровкин, Иван Ларзянов, Петр Чукалин; сверх сих, будучи уже оный злодей ниже Яицкого городка, в хуторах Сластиновых повесил казака Андрея Скворкина.

* Сказывали, что он Пугачев, повеся сего атамана, самое лучшее его платье взял себе и стал в него одеваться. А прежде никакой хорошей одежды у него не было.

и 50 человек казаков, оным злодеем Пугачевым взята, и тамошний комендант, маиор Веловский, с женою его, повешены; а при том и посланная к нему Веловскому от Харлова пехота и сто человек казаков в ту злодейскую толпу захвачены. А бригадир Билов от 26 числа рапортовал, что он, следуя с тем вверенным ему корпусом из Татищевой, в Нижнюю Озерную крепость, был в 18-ти верстах от Татищевой, и известился, якобы помянутый злодей следует к Нижне-Озерной крепости уже в трех тысячах; зачем и нашел он себя принужденным возвратиться паки в Татищеву крепость; к нему от г. губернатора того ж числа предложено, чтоб он неотменно и немедленно следовал к Озерной крепости и над злодеями чинил поиск, а между тем вскоре и с тою Озерною крепостью, с комендантом Харловым и с тамошними офицерами злодеи равным образом поступили, как и в предупомянутой Рассыпной крепости; по сим обстоятельствам послан был указ Уфимского уезда Нагайской дороги в ближайшие к Оренбургу башкирские волости, чтоб для поиску над показанным злодеем Пугачевым, наряжено было башкирцев с их старшинами, с исправными ружьями и на добрых конях, до тысячи человек, и отправить бы их с нарочно посланным из Оренбурга старшиною и почт-комиссаром Мендеем Тулеевым прямейшим трактом к Илецкому городку, за что обещано им башкирцам награждение. А между тем того ж 26 числа отправлено было к реченному бригадиру Билову в прибавок его корпуса сеитовских татар с их старшиною 300 человек.*

18) Между тем рекомендовано было от г. губернатора г-ну обер-коменданту, генерал-маиору Валленштерну по городу Оренбургу принять и продолжать крепкую предосторожность, а на непредвидимый случай сделать распоряжение, которому баталиону в нужном случае по учиненному сигналу собираться, а при том совсем опущенную доселе Оренбургскую крепость стараться чрез инженерную команду гарнизонными служителями привесть в надлежащее оборонительное состояние; а о принятии таковой же предосторожности и по всей здешней губернии публиковано; а к губернаторам казанскому, симбирскому и астраханскому сообщено; в оренбургское ж Горное начальство о таковой же осторожности после предложено, сперва от 19 октября, а потом 16 ноября. Сверх всего того, по малоимению в Оренбурге, за разными отлучками, гарнизона, послан ордер Верхней Озерной дистанции к коменданту, бригадиру Корфу, чтоб он командировал дистанции своей с пяти крепостей по 20, и того 100 человек; а обер-коменданту подтверждено, чтоб из ближних отлучек всех солдат немедленно собрал в город.

19) 27 числа сентября Чернореченской крепости комендант, маиор Краузе, рапортовал, по полученному из Татищевой крепости известию, что оная крепость злодеями атакована и происходит-де там сражение, а дабы и та Чернореченская крепость несчастливому жребию подвержена не была, то посланным от г. губернатора к нему Краузу ордером велено, дабы он в рассуждении мало-имения воинских людей и артиллерии, если предусмотрит неминуемую опасность, со всеми тамошними служащими и неслужащими людьми перешел по-близости под защищение оренбургской артиллерии; что им Краузом и учинено.* А 28 числа получено известие, что и Татищева крепость злодейскою толпою взята, и половина ее выжжена, а имевшийся в оной комендант, полковник Елагин, с женою и другие офицеры, также и бригадир Билов с его офицерами, по причине учиненной некоторыми регулярными и нерегулярными людьми измены, по разбитии караула перевешаны; а солдаты, по острижении у них волосов, в ту злодейскую толпу захвачены и в казацкую службу поверстаны, а также и с казаками и с калмыками поступлено, сеитовские ж татары (о коих выше

* Из всех вышеозначенных в прибавок бригадира Билова команды, к корпусу его Билова никто не дошел

* Чернореченская крепость от Оренбурга расстоянием по прямой дороге только 18 верст, а Татищевская по той же самой дороге 64 версты.

сего в п. 16 означено), не доходя еще до бригадира Билова, услышав о разбитии корпуса его, принуждены возвратиться и прибыть сюда в город, а башкирцы ни туда ни сюда не бывали.

20) Вышеозначенные 16, 17, 18 и 19 пункты внес я почти точно так, как они в экстракте, сочиняемом из дел, происходивших по губернаторской канцелярии, находятся, а за тем в оном же экстракте следует, как скоро уведомленось, что злодей Пугачев с толпою его сюда приближается, то по сей причине собранным генералитетом и штаб-офицерами учинен общий совет, на коем положено: 1) Имеющихся в Оренбурге польских конфедератов, примечая в них колеблемость и знаки злодейства, отобрав у них ружья и всю аммуницию, отправить за конвоем от места до места по линии даже до Троицкой крепости. 2) Все мосты чрез Сакмару реку, разломав, сжечь. 3) Здешним разночинцам расположиться, имеющим ружье, около города по валу, а неимеющих оного, для потушения внезапного пожара, внутри города в назначенных местах, под предводительством приставленных к ним разных присутственных мест чинов. 4) Артиллерию, к приведению ее в исправное состояние, поручить в полную диспозицию губернаторскому товарищу, г. действительному статскому советнику Старову-Милюкову. 5) Сеитовских татар всех взять сюда в город под защищение. — На сие положение Совета в вышеозначенном журнале учинены примечания, а именно: на 3-й пункт, в следствие-де сего общего Совета, вокруг города по валу расположено регулярных Алексеевского полка 134; гарнизонных с чинами 848, при орудиях артиллерийских служителей 69, инженерных 13, гарнизонных служителей 466, к ним по неспособности принуждено было присовокупить отставных 41, неприверстных рекрут 105, казаков 28; да по валу ж прибывших из Архангелогородской губернии с колодниками регулярных 40, казаков 439 сеитовских татар 350, отставных солдат, купцов и других разночинцов 455, и того всех 2988 человек. — На 4-й: по сему пункту вкруг города по валу расставлено в десяти бастионах и в двух полу-бастионах, да во рву под стеной и в яру против губернаторского дома артиллерии: пушек разных калибров 68, мортира 1, гаубица 1, а всего 70 орудий. — На 5-й: из оных-де сеитовских татар со всеми их семействами приехало в город небольшое количество; а прочие-де, большею частию не исполня сие повеление, остались в своем жительстве.

21) 30 числа, по известию, что в городе Оренбурге в регулярных и нерегулярных людях и между обывателями носится ложный слух, якобы злодей Пугачев другого состояния, как он есть, то, сверх прежнего публикования, всем воинским служителям чрез обер-коменданта велено объявить, что он Пугачев в самом деле есть беглой донской казак и раскольник, и при том подтвердить, дабы каждый во время наступления его злодейской толпы старался присяжную свою должность доказать и с места своего до последней капли крови не отступал, с обещанием, ежели кто в том храбростию себя отличит, высочайшей ее императорского величества милости, о чем и здешним обывателям от Губернаторской канцелярии публиковано ж. Сего ж 30 числа по присланному Озерной дистанции от коменданта, бригадира Корфа, рапорту о замешательстве состоящих в его дистанции на форпостах калмыков и с оной о самовольной их отлучке, посланным к нему Корфу ордером предложено, со всех форпостов людей и артиллерию взять в крепость под таким претекстом, якобы они потребны для защищения оных от киргиз-кайсаков; однако ж обыкновенные разъезды производить; а имеющимся там конфедератам велено толковать, если они против неприятеля с ревностью поступать будут и докажут свое усердие к верности, то об отпуске их в отечество от генерал-поручика, губернатора и кавалера всеподданнейше представлено будет ее императорскому величеству; имеющейся же в Пречистенской крепости всей оставшейся команде определено быть в Оренбург, с таким предписанием, если чего из

казенных припасов по тяжелости с собою взять будет не можно, в таком случае оные скрыть в земле, или где за-способно признается; а сакмарские казаки все высланы по-близости на Озерную дистанцию, вместо ж их взяты сюда бывшие на ординарной службе калмыки.

22) Из приватных записок и известий, в прибавление к последним шести пунктам, не излишнее будет внесть сие, что о вышеписанных происшествиях между городскими жителями ничего почти не было известно, но всё оное содержано было скрытно; а пронесся слух 22 числа сентября, то есть, в день ее императорского величества рождения, в то самое время, когда у г. губернатора, по причине сего высокоторжественного дня, был бал и многочисленное обоего пола знатных людей собрание: ибо тот самый вечер приехал нарочный с известием о завладении часто упомянутым злодеем Илецким городком и о преклонении к нему тамошних казаков; между тем не только по сие число, но и после того несколько дней, как приезд в город с хлебом и со всяким харчем, так и везде из оного был еще свободен и безопасен, да и цена на всё была обыкновенная, которая с того времени начала подниматься, как злодеи город уже осадили, проезды и выезды в него заперли; но известнее стало о том становиться от выступления из города с командою бригадира Билова; но сие в городских жителях за неизвестием не малое время сопряжено было с надеждою о разбитии оных злодеев, а потому в сие свободное время разве немногие, и то очень мало, позапаслись нужнейшим к их содержанию.

23) Злодеи, прибыв к Татищевой крепости, на другой день устремились напасть на оную; им сделан был такой отпор, что не возмогши оною овладеть, отступили было назад; но усмотря между тем, что подле самого крепостного оплота навожено и лежало много старого и нового сена, подкравшись в ночное время, зажгли оное, а через то сделав пожар, и во время народной тревоги ворвались в крепость, учинили тут ужасное кровопролитие, между которым умертвили они помянутого бригадира Билова и полковника Елагина с женою его; а дочь оного полковника, которая в нынешнем году выдана была за вышеозначенного маиора Харлова и для спасения своего, оставя мужа своего в Рассыпной крепости, приехала к отцу своему, в Татищеву крепость, самозванец Пугачев взял к себе и с братом ее, сыном полковника Елагина, коему от роду считали не более 10 лет... * Команду ж, бывшую там вместо гарнизона, и всю ту, которая находилась при бригадире Билове, захватя, принудил он злодей присягать себе; а казаки и жители тамошние все поддавались ему охотно. Здесь получил он Пугачев в добычу свою немалое число полковой, кабацких и соляных сборов денежной казны, многое число военной аммуниции, провианта, соли и вина, да и самую лучшую артиллерию с ее припасами и служителями; сим столько уже усилился, что одних военных людей регулярных и нерегулярных считалось у него около 3000 человек.

24) После того погрому продолжался он злодей с сообщниками своими в оной крепости дня с четыре, пьянствуя и деля между сообщников своих полученное им тут в добычу, а потом со всею силою и с артиллериею поднялись они к Оренбургу; будучи на половине пути от Татищевой и Чернореченской крепости, остановились они для обеда на хуторе статского советника Рычкова, где всю его и крестьянскую скотину и живность перерезали, а лошадей и людей с собой забрали, а потом и строение всё выжгли. В Черноречье** комендант находился

* Сию несчастливую молодую и, как слышно было, хорошего вида женщину и с братом ее захватя, держал он злодей при себе и ночевал с нею всегда в одной кибитке; а потом осердясь на нее по наветам его любимцев, отослал от себя в Бердскую слободу, где наконец приказал ее убить и с братом ее. Сказывали, что некоторые тело ее видели в кустарнике брошенное в таком положении, что малолетный ее брат лежал у нее на руке.

** Сия крепость от Оренбурга прямо по луговой дороге только 18 верст. В ней было наличного провианта, по сказке помянутого маиора: муки более 90, а

премьер-маиор Краузе, человек престарелый, а регулярной команды, за взятием с собой бригадиром Биловым, не было при нем и 130 человек, в том числе находились больные и к службе неспособные. А крепость в таком худом состоянии, что в некоторых местах и оплоту не было; сему коменданту от губернатора дан был ордер, чтоб он оттоль со всеми служивыми людьми из оной крепости в Оренбург вышел, оставя в ней одних престарелых и невозможных, что он в самый тот день, как злодеи сюда пришли, учинил; но из казаков весьма немногие выдти с ним согласились: большая часть осталась их там, и злодею подчинилась. Здесь, будучи один или два дня, приказал он злодей повесить капитана Нечаева, захваченного им из оставшейся после бригадира Билова команды, за то, якобы он намеревался к побегу в Оренбург, а другие сказывали, что жаловалась на него дворовая его девка, в жестоком ее содержании. Признавали, что он отсюда пойдет прямо к Оренбургу ближайшею дорогою; но он вознамерился пресечь наперед отвсюду с сим городом коммуникацию; вышед из Черноречья и оставя Оренбург вправе, поворотил в левую сторону. Разграбил имевшиеся тут хуторы, в том числе и губернаторский,* прошел в Сеитову Татарскую слободу,** которая называется и Каргалинскою, и имеющимся в ней дворовым числом равняется с Оренбургом. Татары тутошние, опасаясь от него разорения и погибели своей, все ему подвергнулись. Оттоль прошел он в Сакмарский городок,* который принадлежит к корпусу Яицкого войска; здешний атаман Данила Дмитриев сын Донской, еще до приходу туда оных злодеев, с домашними своими и с многими из тамошних казаков, выехал в Оренбург; оставшиеся ж там казаки все приняли его злодейскую сторону, и таким образом окружа он Оренбург, почти отвсюду пресек коммуникацию, кроме одной Киргиз-Кайсацкой степи, чрез которую и курьеров посылать было принуждено, да и то с великою опасностию.**

25) При сих обстоятельствах, 28 числа сентября, был консилиум в доме генерал-маиора и обер-коменданта Валленштерна; и о том одном, каким образом внутрь города при случае злодейского нападения и во время пожарного случая осторожность и отпор чинить. Над артиллериею ж команду иметь действительному статскому советнику Старову-Милюкову, потому что он прежде был полковником артиллерии. Но об укреплении города и о внешних за оным распоряжениях ничего еще рассуждаемо тогда не было.***

овса до 500 четвертей. Сожалительно, что оный хлеб и овес не перевезен в Оренбург тогда, как злодеи еще в Татищевой крепости находились, но всё оное досталось в руки и пользу злодеев.

* Сей хутор от Оренбурга 12 верст, имел изрядно выстроенный дом, а притом и церковь с хорошим украшением. Злодеи не только все внутренние сего дома уборы изломали, но и церковь божию разорили, так что после у пойманных видны были образа, писанные на холсте, под седлами на потниках, а у распятия господня, которое над царскими дверьми стояло, усмотрен гвоздь в уста пробитый.

** До сей слободы от Оренбурга считается 18 верст; из нее для службы при сих обстоятельствах самовольно выехало татар до 300 человек; прочие все остались в ней, и принуждены были тому злодею покориться, и исполнять все по его воле.

* Сакмарский городок от Оренбурга по большой Московской дороге в 29 верстах; казаков в нем считается принадлежащих к войску Яицкому до 250 человек.

** Главное намерение злодея, при сем с прямой дороги отступлении, как видно, было то, чтоб, окруживши Оренбург, таким образом не пропускать ему в город никакой ожидаемой туда помощи, а притом пресечь и привоз хлебный и харчевой, в чем и успех они имели: ибо следовавших в Оренбург из ближних жительств башкирцев, более 400 человек перехватя у Сакмарского городка, к себе идти принудили, и обольстя их у себя, на вред городу употребляли, а прочих приготовившихся следовать в Оренбург так поколебали, что они, оставя тот свой поход, разъехались по домам. Равномерно учинили они и с ставропольскими крещеными калмыками, посылав к ним от себя нарочных; но ежели б оный злодей, не мешкав в Татищевой и Чернореченской крепостях, прямо на Оренбург устремился, то б ему ворваться в город никакой трудности не было; ибо городские валы и рвы в таком состоянии были, что во многих местах без всякого затруднения на лошадях верхом выезжать было можно.

*** От сего самого числа по всему городскому валу расставлены были находящиеся в городе гарнизонные и другие служилые люди, а к ним в прибавок употреблены еще и разночинцы, из купцов и других чинов и слуг, коим ружья, порох и свинец розданы; а

А как об оном злодее между некоторых городских жителей примечены были пустые толки и размышления, то по сей причине 30 числа сентября в соборной церкви после литургии читана была от имени Губернской канцелярии публикация, а такая ж, как выше означено, и в городе по командам публикована; нерассмотрительно вмещено было в оную, яко бы самозванец Пугачев, по наказании кнутом, наказан еще и на лице поставлением злодейских знаков; он, по уверению многих, видевших его, тех знаков на лице своем не имел: и так он, узнав оные публикации и получа их в свои руки, имел случай сообщникам своим, показывая лицо свое, толковать, сколь злобно и напрасно на него затевают и клевещут, а чрез то уверяя о себе многих, и мог он еще больше усиливать свою партию.*

26) Злодеи, перешед Сакмару реку чрез мост, имевшийся под Сакмарским городком, всем своим людством с артиллериею и со всем обозом октября с 1-го числа начали показываться на сей стороне помянутой реки около Бердской слободы и в других местах.* Между тем 4 числа прибыла в Оренбург из Яицкого городка часть шестой легкой полевой команды под предводительством вышеозначенного премьер-маиора Наумова и с ним тамошних доброжелательных старшин и казаков 420 человек, у коих начальником был войсковой их старшина Мартемьян Бородин, присутствовавший в тамошней Канцелярии обще с подполковником Симоновым. Сего ж числа посланы в злодейской лагерь к находящимся там яицким и илецким казакам, за подписанием генералитета и знатнейших штаб-офицеров, увещевательные письма, с подтверждением, чтоб они, не вдавая себя более в обман и не ввергаясь в вящшую свою погибель, от оного злодея отстали, и проч.**

городские ворота не только запирать, но и навозом заваливать стали: для чего у каждых ворот нарочно навоз был заготовлен; но сие заваливание чрез несколько времени отменено: ибо признано ненужным и затруднительным.

* Для сведения в точном содержании оной публикации прилагается с нее сия следующая копия:

По указу ее императорского величества, из Оренбургской Губернской канцелярии публикация.

Известно учинилось, что о злодействующем с яицкой стороны в здешних обывателях, по легкомыслию некоторых разгласителей, носится слух, якобы он другого состояния, нежели как есть: но он злодействующий в самом деле беглый донской казак Емельян Пугачев, который за его злодейства наказан кнутом с постановлением на лице его знаков; но чтоб он в том познан не был, для того пред предводительствуемыми им никогда шапки не снимает, чему некоторые из здешних бывших у него в руках самовидцы, из которых один солдат Демид Куликов, вчера выбежавший, точно засвидетельствовать может; а как он Пугачев с изменническою его толпою, по учинении некоторым крепостям вреда, сюда идет, то по причине того ложного разглашения, всем здешним обывателям объявляется, что всяк сам из поступков его может понять, что он Пугачев злодей и как изверженный от честного общества, старается верноподданных ее императорского величества честных рабов поколебать и ввергнуть в бездну погибели, а притом имением их обогатиться, как то он в разоренных местах и делает. В предварение чего, всякий увещевается, во время наступления его с изменническою толпою, стараться, для сохранения общества, дому и имения своего, стоять против толпы его до последней капли крови своея, так как верноподданным ее императорского величества рабам надлежит и присяжная каждого должность обязует, и отнюдь никаким ложным разглашениям не верить. Сентября 30 дня 1773 года.

* Ниже сего Сакмарского моста чрез Сакмару реку еще два моста были: один около Бердской слободы по дороге на губернаторский хутор и в город Самару, а другой под Маячною горою, но прежде прихода злодейского разобраны.

** Между тем великая ошибка учинена, что по совету некоторых особ для отвоза и раздачи оных писем помянутым в злодейском сообществе находящимся казакам избран ссыльный, прозванием Хлопуша, превеликий злодей и враг, который около 20 лет по Оренбургской губернии воровал и разбойничал, и все места, где что есть, совершенно знал, да и в Сибирь трижды был посылан; и оттоль бегал и содержался наконец, по рукам и по ногам скован, в оренбургском остроге. Сей плут (которому наконец, по поимке его, как ниже означится, отсечена голова), получа себе свободу, вместо того, чтоб оные публикации скрытно тем казакам роздать, приехав в злодейский лагерь, явился прямо к самозванцу, и оные публикации отдал ему самому, а чрез то и сделался ему любимцем, орудием и предводителем к разорению многих мест и к его усилованию, как то ниже означится; по поимке казнен он при Оренбурге, отсечением головы в июне месяце 1774 года.

Приближившись к Оренбургу, самозванец Пугачев переслал в город письма, названные указами, из коих одно следовало к губернатору, а другое к Оренбург-

Часть II. — *Начало и продолжение Оренбургской осады, бывшие на злодеев из города вылазки, приступы самозванца Пугачева к Оренбургу, усилование его и другие приключения октября с 3, ноября по 1 число 1773 года.*

27) О начальных злодействах яицких казаков и самозванца Пугачева выше сего в первой части показано. Здесь следует описание оренбургской осады начавшейся октября 5 числа 1773 года и продолжавшейся (как ниже в седьмой части показано будет) по 23 число марта 1774 года.*

Предозначенного, то есть 5 числа октября, пополуночи в 11 часу (день сей был субботний), злодей Пугачев со всем своим бунтовщичьим скопищем поднялся от Бердовской слободы и от реки Сакмары, и перешед в виду из города к реке Сакмаре на казачьи луга, расположился он подле имеющегося тут озера лагерем (расстоянием от города в 5 верстах или и меньше). Довольно приметно было, что намерение злодеево стремилось завладеть имевшеюся за городом Егорьевскою казачьею слободою, которой жило подошло с правой стороны на выезд из города почти к самому городскому валу и к главной соборной церкви, что было 6 к великой опасности города; но в рассуждении того, жителям оной слободы до прихода еще злодейского, приказано со всеми их пожитками перебраться в город, а в приближение злодеев, чтоб они в сих пустых домах засесться и укрепиться не могли, по совету лучших городских жителей, всё оное жило выжжено, а чрез то и сделана с сей стороны свободная оборона пушками; а дабы злодеи в близость города не шли, для того выпалено в них с городского отсель вала из пушек ядрами и картечами 88 зарядов, и брошены три бомбы тридцати-фунтовые, из-за чего они переходом своим чрез Сырть и стали от города несколько отдаляться, да и спустились ущельями на луга, о коих выше сего означено.*

28) В воскресенье, то есть 6 числа, пополуночи в 12 часу, в рассуждении того, что самозванец Пугачев начал заготовленные около города Оренбурга к наступающей зиме сена жечь, выслан был, к отвращению того, для атаки его Пугачева корпус, состоящий в 1500 человеках регулярных и нерегулярных людей с пристойным числом артиллерии, под предводительством легкой полевой команды премьер-маиора Наумова, который, будучи в виду у неприятеля, перестреливался часа с два, а напоследок, якобы увидя он Наумов в подчиненных своих робость и страх, принужден ретироваться в город без всякого урона. С городской стены выпалено против злодеев ядрами и картечами 15, да в поле на сражении (которое происходило в виду с городского вала) 43, итого 58 зарядов; тридцати-фунтовых бомб брошено 5. При чем из злодейской толпы убит выстрелом один вахмистр. 7 числа, в 11 и 12 часах пополудни, злодейскою Пугачева толпою город, а днем сего ж числа, посланные из города за фуражем команды были атакованы; однако та толпа возвратилась в лагерь свой с неудачею. Выпалено было по ней с городовой стены 234 заряда.

скому атаману, подполковнику Могутову. Содержание их состояло в том, чтоб город Оренбург ему злодею сдать, ожидая от него милости, а в противном случае его гнева; но оба оные письма сочинены были в самых глупейших выражениях, писаны и подписаны письмом самым худым и ребячьим, а особливо в надлежащем к Могутову смеха достойное было обнадеживание тем, что он за верность и службу награждать будет кафтанами, реками и озерами и морями, бородами и крестами.

* Можно оную осаду города считать и по 29 число марта: ибо злодей Пугачев, по разбитии его в Татищевой крепости, не возмогши продраться к Яицку, возвратился назад в Каргалинскую слободу, и 28 числа быв еще в Берде, причинил некоторые злодейства, о чем в свое время будет означено.

* Коварное намерение Пугачева при занятии здесь лагеря, видно было то, чтоб завладев имеющимися по Яику крепостьми и по Сакмаре реке ближними жилами, ежели не возможет он чрез приступы свои завладеть городом, облежать или в блокаде содержать оный, и пресекши всякой проезд и провоз в него, чрез голод принудить его к сдаче, в чем ему едва не удалось; ибо всякую коммуникацию так тем пресек, что чрез долгое время никакого проезда быть не могло. Самых курьеров принуждено было чрез Киргизскую степь посылать и то с великою трудностию и опасностию.

Сего ж 7 числа, в рассуждении неприятельских действий, находящимся в Киргиз-Кайсацкой степи по тракту из Оренбурга к Илецкой Защите на Донгузском и Элшанском уметах командирам предложено, чтоб они со всею их командою и артиллериею переехали в ту Защиту, а к киргиз-кайсацкому Айчувак-Салтану, который находился от Оренбурга в близости, писано, чтоб он, по обещанию своему, людьми своими учинил помощь; но он не только не исполнил, но и ответу не дал.

29) На 8 число ночью, в 11 часу после полудня, был от злодейской толпы к городу приступ, но возвратились они назад с неудачею. Выпалено в них с городских валов ядрами и картечами 30 зарядов; а ночью атакованы были посланные за фуражем команды, но без удачи ж. Сего ж числа поутру посланною из города командою, состоящею из полевых драгунов, здешних и яицких казаков в числе 300 человек, поймано на той стороне Яика около Менового двора и в нем самом из показанной злодейской толпы разъезжавших там для грабежа оставших на Меновом дворе купеческих вещей, от яицких и илецких казаков сущих злодеев 7 человек, взятых в Татищевой крепости по разбитии оной и имевшегося там воинского корпуса гарнизонных солдат 41, здешних и крепостных казаков и после захваченных в разных местах разночинцев 68, итого 116 человек. На 9-е число в ночи было спокойно, а поутру подъезжали из изменнической толпы по той стороне Яика реки к мосту; а после половины дня с той стороны, где форштат (то есть, вышеозначенная казацкая слобода), было из оной толпы немалое людство, подъезжало к городу, но ни с чем отъехало. Выпалено в них с городской стены из пушек ядрами и картечами 53 заряда; хотя сего 9 числа, по причине усмотренного во время бывшей 8 числа выключки авантажа и точно открывшегося намерения Пугачева, и рассуждено было сей день, предписанный корпусу для атаки злодеев, выехать; но, к крайнему-де сожалению, от обер-коменданта г. губернатору рапортовано: якобы всех командированных в том корпусе регулярных и нерегулярных команд командиры, пришед к нему, представили; будто бы они в подчиненных своих слышат роптание и великую робость и страх, и к выходу-де против изменнической толпы отзыв невозможностию, зачем-де и принуждено было в рассуждении могущих произойти вредных следствий остановиться в городе в одном оборонительном состоянии, — и того ж 9 числа, чрез нарочного курьера, Государственной Военной коллегии донесть, с испрошением, как возможно скорее, о присылке войска и хороших командиров в предварение дальнейшего вреда и государственного предосуждения.

30) На 10-е число в ночи сперва в исходе 8-го, а потом в 12 часу пополудни, город со всех сторон злодейскою толпою был окружен; но как в той толпе люди были большею частию из разных народов и в таком количестве, что здешний корпус людством хотя и меньше, но качеством военных людей превосходил, то, не упуская возможных способов, командиры предписанного корпуса довольно были увещаемы, дабы они постарались ту толпу атаковать и разбить, по которому увещеванию, якобы одумавшись, они и представили себя готовыми к той атаке; а каким образом оную учинить, о том предводителю сего корпуса, маиору Наумову, предписание учинено, с тем, чтоб по оному поступить. 12 числа поутру между тем же Озерной дистанции коменданту, бригадиру Корфу, предложено, дабы он, собрав всех на его дистанции находящихся регулярных и нерегулярных людей, артиллерию с ее припасами и денежную казну в одну Озерную крепость, а прочую тягость оставя в крепостях под смотрением некоторого числа верных людей, сам с собранным им до того корпусом, взяв с собою артиллерию с ее припасами надлежащее число, в самоскорейшем времени шел для поисков сюда.

31) Вышеозначенные 5, 6, 7, 8, 9 и 10 число внесены к журналу г. губернатора, не переменяя нигде существа оного; но они

могут еще несколько изъяснены и пополнены быть приватными по очевидному примечанию и по вероятным известиям учиненным, и был журнал его превосходительства, как то и в нем самом значится, учинен по одним происходившим в канцелярии его письменным делам, в которые многих нужных примечаний не вошло, употребляя оный журнал основанием каждое число, или как к лучшему признается, намерен и впредь приличное из оных записок вносить, дабы через то описание сие для будущих времен сделать полнее.

Вышепоказанную загородную казачью слободу еще до прихода самозванца Пугачева упразднить рассуждено и строение оной со всеми тамошних жителей пожитками в город перевозить велено, и хотя несколько дворов было уже сломано, но обыватели бывшие тут пожитки свои все вывезли сами и в городе уже жили. Но сломка дворов неведомо за каким обстоятельством была остановлена. А как 5 числа злодей Пугачев с толпою своею показался против города и стремился к сему валу, откуда, ежели б он или часть его сообщничеств тут засели, опасно было великого вреда, ибо оная слобода, с выезда из города к Самарскому городу на правой стороне имевшаяся, была почти подле самого городского вала: того ради, по многом представлении г. губернатору, она зажжена, и часа через три, кроме немногих дворов, вся в пепел обращена, осталось малое число изб, но и те, кроме одного двора (против самой Егорьевской церкви), выжжены, чрез что с сей стороны и сделана свободная оборона городу; с того ж самого времени и весь уже вал с наружной стороны рва начали обносить рогатками, коих прежде не было, и ров, вкруг города имевшийся, начали вычищать, ибо оный так завален был песком и глиною, что кроме тех мест, где каменная стена, везде на верховых лошадях в самый город въезжать было можно; расположась же оный злодей в том своем лагере, каждый день, вместо утренней и вечерней такты, делал по одному пушечному выстрелу.

32) 6 числа высланная с маиором Наумовым команда артиллерии имела при себе только две или три легкие и небольшие пушки. Злодеи, усмотря на них высылку, все начали из лагеря своего выезжать против оной команды, оставя в лагере пленных и безоруженных людей за небольшим присмотром. Вывезли они с собою 8 пушек, в том числе, по примечанию, были у них два единорога, из коих 4 орудия поставили они на Сырту близ одной лощины, которая служила к защищению бывших у пушек людей, а остальные имели они в долу под Сыртом, где был у них фронт; казалось, что всех во фронте стоявших и разъезжавших по степи было около 2000 человек. Они в исходе предполудня 11 часа наперед начали пушечную свою пальбу гранатами из единорогов, а из пушек ядрами и картечами, которая продолжалась с час. Всех их выстрелов сочтено (ибо то происходило в виду с городского вала) 185. От команды, высланной из города в те места, где злодейские пушки и толпы были, происходила частая ж пальба из имевшихся при ней пушек; но видя, что злодеи имели при себе больше пушек, а при команде заряды все стали быть расстрелены; то, не вступая вдаль к их лагерю, по приказу губернаторскому вся оная команда возвращена в город. Убит при сем случае, как выше значится, легкой полевой команды сержант Шкапский выстреленною из единорога гранатою, да ранено один солдат и несколько казаков. Выходцы от злодеев сказывали: ежели бы-де от высланной команды еще несколько продолжена была пушечная пальба, то б они, оставя пушки свои на месте, побежали в лагерь, ибо-де зарядов, а особливо ядер, у них оставалось уже малое число. Сего ж числа пополудни в исходе 11 часа, когда была великая ночная темнота, подтаща они в близость города одну или две пушки, сделали несколько выстрелов, так, что ядра их по средине города ложились. А между тем отважнейшие, подъезжая близко к городским валам, палили из ружьев, и причинили тревогу; но как с городских валов стали пушечную и ружейную пальбу производить, то

в исходе 12 часа перестали они из пушек своих стрелять и отдалились от города, не сделав никакого вреда, кроме беспокойства тревогою.

Выбежавшие от них сказывали, яко бы чаяние их было во время тревоги быть в городе пожару, а между тем бы врываться им на вал и в городе; но сего по их желанию не сделалось.

33) В журнале губернатора показано, что 7 числа сего созваны были к нему в дом находящиеся в Оренбурге генералитетские чины, и некоторые штаб-офицеры для совета (между коих и я находился). Г. губернатор от каждого требовал мнения и особой подписки: атаковать ли еще злодея, или только оборонительно поступать, пока воинские команды будут умножены все (кроме одного губернаторского товарища, г. действительного статского советника Старого-Милюкова)? Рассуждая, усмотренное у злодеев людство, имеющуюся у него сильную артиллерию и дабы впредь могущею быть неудачею и утратою не привесть городских жителей в уныние и колебание, дали и подписали такое мнение, что до собрания команд и пока город по наружности его приведен будет в надлежащую безопасность, поступать оборонительно, чему тогда и сам губернатор согласовался. После полудня в 5 часу была с города пушечная пальба, по той причине, что некоторые злодейские партии устремились было на поехавших за сеном в числе 1108 подвод: при них была регулярная и нерегулярная команда с одною пушкою, из-за чего все без урона и возвратились в город. В ночи ж около 11 и 12 часов подбегали злодеи к Яицким воротам, отчего еще была тревога и пальба из пушек и из мелких орудий. Между тем во весь сей день и в ночи шел дождь. 8 числа в ночи около 11 и 12 часов небольшое число злодеев прокрадывалось к валу близ теплой соборной церкви, для чего и была перестрелка оружейная, а под горой, подле самой реки Яика, где во время злодейского уже прихода сделана батарея с четырьмя пушками, выпалено было из двух пушек.

34) Поутру 9 числа высланы были чрез мост за реку Яик фуражиры, из коих на поехавших вперед закравшиеся ночью на Меновом дворе злодеи напав, отхватили три или четыре телеги с людьми, между которыми увезен был Соляного правления писарь Полуворотов, который и находился в злодейском лагере октября по 21 число. А того числа, как ниже означено будет, спасся он уходом оттоль в город. Выше сего хотя и означено, что по содержанному в доме губернаторском 7 числа консилиуму, положено: дабы для показанных тут резонов поступать оборонительно, что и из журнала губернатора под сим числом (п. 33) усмотреть можно, но слышно было, что был от него губернатора еще вчера наряд к выступлению для атакования злодеев в числе регулярных и нерегулярных людей 2000 человек; но поутру сей наряд неведомо для чего отменен, а учинен он следующего 12 числа, как о том под сим числом означено быть имеет. Того ж 9 числа, после полудня, по ложному разглашению, якобы за рекою Яиком идет из Красногорской крепости* с командою бригадир Корф, или следуют наряженные в Оренбург башкирцы, и будто остановя на дороге, атаковали их злодеи. Наряжено и выслано было под видом встречи несколько яицких и оренбургских казаков с каргалинскими татарами; но узнав, что оное разглашение несправедливо, приказано было оной команде напасть на одну толпу злодеев, усмотренную против Егорьевской церкви; но как при всей той из города высланной команде ни одной пушки отправлено не было, а злодеи, скопясь, великим и едва не всем своим людством, вступили было с нею в сражение, имея при себе и пушки; а хотя по требованию из оной партии и посланы

* Сия крепость от Оренбурга вверх по Яику 75 верст. Между ею и Оренбургом два редута: Нежинский и Вязовский. Сими местами злодей и самозванец Пугачев, по приходе его в Оренбург, скоро завладел. Достойно сожаления, что имевшийся в помянутой крепости провиант, так как и бывший в Чернореченской и Пречистенской крепостях, заранее был не вывезен в город; но весь оный достался во власть самозванцу.

были туда две пушки, но так медлительно, что она принуждена была, не дождавшись пушек, отступить к городу, да и злодеи между тем разъехались к своему лагерю. При сем случае отхвачено от злодеев 5 человек, да столько ж убито на месте. С нашей стороны из каргалинских татар отхвачено 3 человека и немногие были ранены. На 10-е число после полудня в 8 часу, в самую темноту, подбегали некоторые из злодеев к валу, и подтаща пушку к Егорьевской церкви, сделали из нее выстрел, отчего с валу пушечная и ружейная пальба началась и продолжалась с четверть часа; хотя и позатихло, но в полночь еще, по причине небольшого побега к валу, у теплой соборной церкви из двух пушек выпалено и несколько ружейных выстрелов учинено, а во всю сию ночь из пушек было 85 выстрелов. Еще вчера от губернатора дан был ордер, чтоб к 5 часу сего утра приготовить легкую полевую команду, прикомандировав к ней из гарнизонных солдат, дабы всех регулярных было до семисот, а с нерегулярными до двух тысяч человек и девять орудий артиллерии, в том числе два единорога и одна мортира, что всё около 10 часа и было к выступлению в совершенной готовности; но вся та команда, простояв в параде на сборном месте до 3 часа пополудни, паки распущена с приказом: завтра, то есть 11 числа, к выступлению быть в готовности; но и сего числа никакой высылки не было. В ночи хотя и было спокойно, однако ж сожжено злодеями несколько кирпичных сараев, казенных и партикулярных, между городом и Маячною горою, от города в 2-х или 3 верстах; имевшихся в лагере злодейском примечено против прежнего меньше людства, а потому и догадывались, что разосланы от них куда нибудь для добычи разные партии.*

35) 12-го числа, вследствие учиненного маиору Наумову 10 числа предписания, поутру, вверенный ему корпус с принадлежащим числом артиллерии выслан был и продолжался в поле при произведении с обеих сторон канонады до половины дня, то есть более четырех часов, но по причине той, что нерегулярные, находя себя в робости против артиллерии злодейской толпы, почти ничего не действовали, а стояли больше под защитою здешних пушек, и что та толпа, рассеявшись по степи кучами, весь тот корпус окружила было, сделав из регулярных карре, возвратился в город.

В отметке на сие число показано, что при сей атаке с городовой стены выпалено из пушек ядрами и картечами 134, на полевом сражении 499, итого 633 заряда, да бомб брошено 5; а из злодейской толпы рассеявшихся в разных местах пушечных выстрелов не только не меньше, но гораздо еще больше было, причем каков со здешней стороны урон приключился, о том приложен в конце журнала реестр (напротив-де того, и в изменнической толпе выходцы из оной здешние люди и пленники гораздо больше, нежели здешний урон, свидетельствует NN). По оному реестру показано: побитых регулярных и нерегулярных 22, ранено 31, злодеями захвачено 6, безъизвестно пропало 64.

К дополнению сего числа, из приватных записок и известий может вмещено быть следующее:

---

* Вышеозначенный с публикациями в злодейский лагерь посланный ссыльный Хлопуша, как великий злодей, плут и прошлец, сделавшись самозванцевым любимцем, рассказал ему и сообщникам его все места и способы, откуда что получить им можно; а потому и послан был от него с немалолюдными партиями сперва в Тимошенские села, в Никольское и Ташлу, и в жительства по реке Сакмаре, на соляные пристани Богульчинскую и Стерлитамацкую, на Твердышевские и другие заводы, где оный Хлопуша, с приданными ему людьми быв, причинял великие грабительства и разорения; важнее ж всего переслал он к нему не малое число имевшихся на заводах пушек, ядер и пороху, да и людей, годных к употреблению с лопатками, кирками и другими горными инструментами, к великому того злодея усилованию. Примечания достойно и сие, что в селе Никольском у советника тамошнего находился садовник, из людей генерал-фельдмаршала и кавалера графа Александра Ивановича Шувалова, который сказал о себе злодею, что он покойного императора Петра III довольно знал и ныне узнать, подлинно ли называющийся его именем царь их есть, он уверить их может. Они, будто бы для того, взяли его с собою; но отвезши, недалеко от села Никольского повесили.

Вышеозначенная команда, выступя из города поутру в 9 часу, в 10-м заняла она против города те высоты, кои к способнейшему действию заступить ей надлежало. Но злодеи, как из приготовлений и расположения их примечено, о сей из города высылке заранее были уведомлены; ибо имели уже людей своих в некоторых буераках и долинах, так, что городской команде усмотреть их было не можно. Пушечная пальба с нашей стороны в том же 10 часу началась с хорошим успехом, ибо злодеи принуждены были занять себе место внизу под валом; но между тем низкими лощинами втащили они несколько пушек и на Сырть, сверх того завезено у них было несколько их и к стороне Бердской слободы, чего в городе прежде не знали, с намерением, дабы пушечную пальбу спереди и с тылу производить, но сии остановлены и не допущены были в близость высланной из города команды пушечными выстрелами с городских валов. С нашей стороны в коротком времени около 500 пушечных выстрелов учинено, и готовые при той команде отпущенные заряды все были употреблены, а затем в пальбе из пушек и сделалась перемежка. По докладу о том губернатору хотя и отпущено было из города еще потребное число зарядов; * но как между тем сделалась дождливая с снегом погода, и затем пехотной команде и злодейскому лагерю подвигаться было неудобно, чего ради и послан от губернатора приказ возвращаться всем в город. В руки злодейские досталась одна телега, в которой лежало 17 заряженных бомб, по тому якобы случаю, что во время отступления к городу под оною телегою замялись лошади.

* Выбежавший из злодейского лагеря Соляного правления писарь, о коем выше сего под 9, а ниже 21 числом упомянуто, сказывал, что он, будучи в злодейском лагере, от тамошних канониров слышал, якобы после сего действия у злодеев не оставалось более 30 ядер, и ежели б-де еще немного времени продолжалась от городской команды пушечная пальба, то б они, оставя пушки и лагерь свой, все разбежались врознь. Но потом скоро вышеозначенный ссыльный Хлопуша переслал с заводов как ядер, так и всяких снарядов множество.

36) На 13 число в ночи и день сей было спокойно; на 14-е ночью было спокойно ж; а днем в виду из города разъезжало из злодейской толпы только 4 человека, из коих один ядром с валу убит. 15-го и 16 числа было спокойно. Но как злодейскою толпою заготовленные около Оренбурга сена почти все уже без остатка были пожжены, то имеющиеся здесь у воинских регулярных и нерегулярных служителей и у прочих обывателей худые и впредь к работе ненадежные лошади, для прокормления их, некоторые в Уфимской уезд, а другие на верхнюю Яицкую дистанцию и в Илецкую Защиту за надлежащим препровождением отправлены.* А о рогатом и мелком скоте обывателям отдано на волю, держать ли его, или употреблять в пищу. 17 числа после полудня разъезжали злодеи около города кучами, и за посыланными из города фуражирами гонялись. В них выстрелено с городовой стены с ядрами 12 зарядов.

К дополнению их приватных записок и известий не принадлежит здесь более, как только сие, что 13 числа посыланные фуражиры в числе 2000 подвод все возвратились с сеном. 14 числа у Сакмарских ворот, по причине в малом людстве появившихся злодеев, учинен был пушечный выстрел, и видно было, что один из них убит, а бывшую под ним лошадь подхватя, товарищи его ускакали. 15-го посланы были команды за лесом и за лубками, чтоб землянки, подле самого вала для военных людей на валу расположенных и всегда тут находящихся, сделать прикрытие; ибо как сей, так и вчерашний день, были нарочитые уже морозы и на реке Яике появились ледяные закраины. На 16 число с вечера пошел снег, а к утру нанесло его столько, что начали на санях ездить. Сего ж числа выбежали из злодейского лагеря 4 человека из захваченных ка-

* Все оные партикулярные лошади в показанные места посланные (кроме отправленных в Илецкую Защиту), злодеями перехвачены и остались в их руках; а посланные в Илецкую Защиту, хотя немалое время находились там на корму, но тогда, как и сие место завладели злодеи, достались они в их же руки.

заков, и одна канонерская жена оставила там малолетнего своего сына. Казаки объявили, что злодеи намерены стоять под городом до того времени, как будет в нем оскудение в хлебе и в пропитании, и тем принудить жителей к сдаче оного. * 17-го, злодеи отважились было нападать на бывший в прикрытии фуражиров конвой; но как при оном были две пушки, то по нескольких выстрелах, из оных городских валов отвалили они прочь и остановились против города на Маячной горе. Захвачено ими при сем случае из городских людей 4 человека, в том числе, как сказывали, 1 из лучших канонеров. С городового вала против злодеев выстрелено ядрами 12 зарядов.

37) 18 числа, вся злодейская толпа со всеми тягостями от реки Яика переследовала чрез Сырть к реке Сакмаре, и расположилась под Бердскою слободою близ летней Сакмарской дороги, и при самом том переследовании лагерь свой сожгла, а притом же и к городу не малыми кучами подбег чинили; но как под городом ничего сделать им не удалось, то, обежав они город, перекинулись на ту сторону реки Яика, и там напали на поехавших из города для фуражирования разного звания людей, из которых в город не явилось, видно что по причине оплошности конвойного офицера; злодеями убито и захвачено разночинцев некоторое число, да бывших в конвое ставропольских калмыков 120 человек, о коей оплошности над конвойным офицером определено исследовать и суд учинить. Против оной злодейской толпы выстрелено с городских валов ядрами и картечами 46 зарядов, да 4 бомбы кинуто.

Сие число по приватным запискам и известиям может еще дополнено быть следующим примечанием:

Поутру послано было за реку Яик фуражиров более тысячи подвод под прикрытием регулярной и нерегулярной команды с пушкою, которая команда расположена была против Менового двора, близ реки Яика, в виду с городского вала, в том месте, где прежде форпост стоял, а в 10-м часу пред полуднем выслана была из города казачья команда до 300 человек с пушками и с одною гаубицею, с тем только намерением, чтоб злодеев потревожить, от которой против их лагеря и против отводных их караулов учинено было несколько пушечных выстрелов, из-за чего все они и начали из лагеря своего выбираться, а между тем зажгли его в разных местах. И как тут навожено было ими сена не мало, и имевшиеся у них шалаши и балаганы для тепла покрыты были сеном же, то в самом скором времени великий пожар и дым тут сделался. Между тем обозы свои и артиллерию начали они переправлять чрез Сырть, отдаляясь от города к Каргалинской слободе; но поднявшись на Сырть в такой дистанции, чтоб городские пушки доставать их не могли, потянулись они прямо к Бердской слободе, да и расположились они вновь лагерем между тою слободою и Маячною горою под Сыртом, расстоянием от города пять или шесть верст; но так, что за горкою имеющийся тут лагерь их из города стал быть невиден. Видя сию в положении их злодейском перемену, надлежало было и отправленной для прикрытия фуражиров команде занятое против прежнего положения место переменить и податься вперед, так, чтоб фуражиров закрыть и защищать было можно; но сего не сделано. А злодеи, перебираясь в оный свой лагерь и усмотря посланных за сеном, и что находящиеся впереди люди не имеют прикрытия, отрядили многих, для захвачивания их, которые, перелезши чрез Яик за Маячною горою бродом, многим пересекли дорогу. Некоторые, впереди находившиеся, увидя, что нет способа возвращаться им в город, миновать тех злодеев, выпрягши лошадей и оставя с сеном телеги, поскакали верхами от города вдаль к Чернореченской крепости, и быв уже

* Сего числа, от некоторых недоброжелательных людей пропущено было в городе, якобы в казенных магазинах нет соли, и народ претерпевает уже в ней нужду. Губернатор, услышав о том, присылал нарочного к главному правителю их дел осведомиться, сколько ее в наличности; но как ему донесено было, что наличной соли против прежних расходов будет еще на год и больше, тем оное пустое разглашение и опровергнуто.

против оной, поворотили в Киргизскую степь, и оною заехав вдаль, под утро уже возвратились в город; другие, сделав из телег, навьюченных сеном, городок, хотели было тут отстреляться; но злодеи, притаща пушку, начали по них стрелять, и многих, кои не хотели им сдаться, на сем месте умертвили, а многих, захватя, увезли в свой злодейский лагерь. А всех на-все убитых и увезенных в злодейский лагерь и безъизвестно пропавших считали близ трехсот человек. Из злодеев поймано при сем случае 3 человека, в том числе один яицкий казак, из самых главных злодеев, который был весьма пьян: прозванье его Изюмнин. Об нем сказывали, что во время переезда злодейского вновь в лагерь, подъезжал он ближе других к городу тихою ездою, а потому и признаваем был за выбегавшего из рук злодейских. Подъехав же за полверсты и подняв свою шапку на копийное древко, стал кричать: „Господа яицкие казаки! пора вам одуматься и служить государю Петру Федоровичу", и сие прокричав, опасаясь, чтоб его из пушки не убили, стал скакать к рогатке, и так отдалился он тогда к своим сообщникам.

38) На 19-е в ночи и сего числа было спокойно; 20 числа поутру, около города между Орских и Чернореченских ворот и по степи, рассеявшись, разъезжали злодеи кучами. С городового вала выпалено по ним ядрами 7 зарядов. На 21-е число ночью и сей день было спокойно.

На 22-е в ночи было спокойно; а днем с начала 12 часа пополуночи вся злодейская толпа усиленным образом к городу, сперва между ворот Чернореченских и Сакмарских свади и поделав батареи, с оных беспрерывно производила канонаду, и как с того места имеющимися здесь на городовой стене пушками и бросанием бомб сбито, то зашед уже с другой стороны и расположилась между Сакмарских и Орских ворот, и сделав под валом батареи, производили беспрерывно ж канонаду, причем и с третьей стороны, то есть между Орских ворот и соборной церкви, немалыми кучами забегая, из пушек же в город стреляли, но и с оных сторон имеющеюся на городовой стене артиллериею и хорошим артиллерийских служителей старанием с большим уроном опрокинуты. Против оной злодейской толпы с городской стены из пушек с ядрами и картечами выстрелено 580 зарядов, да бомб брошено пудовых 4, тридцати-фунтовых 24, и оная канонада продолжалась без мала 5 часов; а от того злодея, по примечанию, пушечных выстрелов было около тысячи, коими убитых оказалось на городовой стене татарин 1, да ранен солдат 1; а сверх того от многих выстрелов у 12-фунтовой пушки казенную часть разорвало и лафет расшибло, отчего у бывшего при оной артиллерии подпоручика Сысоева и канонера Прокофья Иванова левые ноги пополам перешибло, а канонера Плотникова до смерти убило.

39) К вышеписанным 18, 19, 20, 21 и 22-му числам из приватных записок более не служит, как следующее:

19 числа поутру из атакованных злодеями фуражиров, коих считали уже пропавшими, вышло близ 50 человек. Слышно было, что самозванец Пугачев, расположась около Бердской слободы, сообщникам своим для зимованья приказал делать землянки. Слышна была в злодейском лагере пушечная пальба, выстрелов до ста, а между тем была и ружейная; но для чего, о том известия не получено: ибо посыланные за ним, за расставленными около злодейского лагеря форпостами, близко и подъехать не могли. — 20-го числа поутру прежде обеден начали было злодеи из-под Маячной горы выезжать партиями в немалом людстве, и приближались к городу; но как сделано с вала выстрелов до 6 из пушек, то все они разбились врознь. Некоторые отважнейшие из них, скача на лошадях и подъезжая ближе к городу, кричали с визгом, чтоб выдан им был Мартюшка, то есть яицкий старшина Мартемьян Бородин; другие, но все будучи мертвецки пьяны, кричали, чтоб находящиеся в городе Яицкие казаки ехали к ним вина пить, сказывая при том: „у нашего-де царя вина много"; напротив того, городские ка-

заки кричали им, приманивая их ближе к пушкам, чтоб они и с царем своим приезжали в город обедать, а вина-де в городе больше. Однако пред полуднем в 11 часу перестали они разъезжать и кричать, а потом отъехали к своему лагерю. По примеченному в них сегоднишнему пьянству, догадывались в городе, что вчерашняя пушечная и ружейная пальба не для чего другого, как только в пьянстве и сумасбродстве была, что после и выбежавшие пленники подтвердили.

На 21 число перед утром выбежали из злодейского лагеря Соляного правления писарь Полуворотов, захваченный туда 9 числа (о коем выше сего упомянуто); и таможенный копиист Петр Каданцов, захваченный с прочими 19 числа; из коих писарь Полуворотов объявил следующее: будучи он в злодейском лагере, от находящихся в оном канонеров заверно слышал,* что в бывшее 12 числа сражение у злодеев осталось не более 30 пушечных ядер, и ежели б-де от высланной партии еще хотя немного продолжена была пальба из пушек, то б они принуждены были не только пальбу, но и вывезенные пушки покинуть; с ядрами-де стреляли они только с боку от урочища, называемого Красная Глина, а из поставленных в долу пушек палили уже они холостыми зарядами для одного вида. Из башкирцев-де при нем злодее находится ста три или четыре, а человек с тридцать лучших отпустил он в Башкирию, якобы для уговора и привода еще башкирцев; и хотя-де он накрепко подтверждал, чтоб они как можно скорее к нему были, но они представляли ему невозможность, сказывая, что башкирцы их живут в разноте и скоро собрать им их не можно. А калмыков при нем небольшое число; действуют и озорничают у него больше яицкие и илецкие казаки. А есть-де несколько и из оренбургских таких, кои почитают его за царя и ему с охотою служат. Все же навсе дельных и оружейных людей, признает он, было до 2000 человек; а если считать безоружейных и невольно у него находящихся, то наберется около 4000 или и более. Способствующих ему во всех его советах двое, из яицких казаков, из коих-де одному яицкое прозванье Чика, а другому имени он не знает. Третий был яицкий же казак Изюмкин; но тот, как выше значит, пойман и находится здесь в Оренбурге под караулом.* Недавно-де вздумал он набирать себе, под именем гвардии, отборных людей из яицких казаков, чтоб их было до 100 человек, и намерен-де всем им сделать зеленые по казачью покрою кафтаны; не весьма давно собрав он самых лучших людей и лошадей велел им скакать взапуски, и кои лошади выпередили других, из тех самых лучших и резвых выбрал он 30 лошадей, и неведомо-де для чего, всегда содержит их на хорошем корму у себя. Некоторые-де из его сообщников разглашают, якобы цесаревич Павел Петрович для его встречи едет к нему и будто б уже в Казань с военными людьми (считая их 2000) сам он прибыл. А потому и проговаривает иногда оный самозванец, чтоб ему наскоро для встречи цесаревича съездить; провиант-де на всё его собрание подвозят к нему из тех мест, коими он завладел, да и продавать в лагере у себя не запрещает; скотины ж отогнанной из разных мест весьма у него много, которая-де вся содержится в Бердской слободе. Дважды представлен был он Полуворотов оному самозванцу; при первом случае спрашивал он его: какое укрепление имеет город, много ли пороху и снарядов? — Он ему ответствовал: что город весьма ныне укреплен, пушек и снарядов, также и военных людей тут много. Что-де выслушав, сказал он ему сии слова: поди, бог и государь тебя прощает. И приказал ему остричь волосы по казачьи, почему и обрезали их ему тот же час ножем. И так он отдан был в десяток находящемуся у него уряднику Колесову, который прежде бывал

* Яицкий казак из татар по прозванью Мустаев (сын тамошнего богатого татарина Мустая-Муллы), сказывал, что у вышеозначенного злодея чиновными людьми имеются яицкие казаки: Овчинников атаманом, Лысов полковником; помянутый Чика прозван у него Чернышевым, некто Чумаков назван Орловым, Максим Шигаев от злодея прозван Воронцовым.

губернским подьячим, а за продерзость написан в солдаты, и ему Полуворотову был знаком, почему он и содержал его против других захваченных людей повыгоднее; да и сам с ним к уходу соглашался. Для ночлега имеет он злодей палатку и кибитку, с хутора советника Мясоедова увезенную, в которую-де никто к нему не входит, кроме вышеозначенных первенствующих у него двух человек, да жены покойного маиора Харлова, которую он, захватя в Татищевой крепости, при себе держит. Когда выходит из кибитки, то выносят ему из оной кресла, взятые из губернаторского хутора, на которые он садится, выслушивает и распоряжает всякие дела. Приходящие к нему кланялись ему в землю, целовали у него руку и называли его иногда ваше величество, а просто батюшко, заочно ж отцем. Рост его небольшой, лицо имеет смуглое и сухощавое, нос с горбом; а знаков он Полуворотов на лице его не приметил, кроме сего, что левый глаз щурит и часто им мигает. Волосы на голове черные, борода черная ж, но с небольшою сединою. Платье имеет: шубу плисовую малиновую, да и шаровары такие ж; шапку казачью. Речь его самая простая и наречия донских казаков; грамоте или очень мало, или ничего не знает. Пушечная-де и ружейная пальба, третьего дня происходившая, была по причине молебна, при великом пьянстве. Поповскую ж должность отправляет у него неведомо какой дьякон, взятый с заводов; но сам-де он в церковь никогда не ходит.

40) На 22 число в ночи, после полудни во 2-м часу, в Никольском приходе сделался было пожар, но в скорости утушен разломанием загоревшейся бани. С вечера ж выпущено из города окольными дорогами несколько уездных жителей, кои за скоростию ни к чему употреблены быть не могли, и с ними, за недостатком сена, отпущено до 1000 лошадей, коим сперва велено пробираться к русским жительствам по за-Яицкой степи.* Около полудня, в начале 12 часа, во время бывшего в сей день великого тумана, подвезено было от злодеев к кирпичным сараям несколько пушек, и начали они с сей стороны пальбу делать, которую они непрестанно почти производили отселе до 3-го часа пополудни; а между тем стреляли они и против Орских ворот, так, что одна граната, брошенная от них из единорога, пала посредине Артиллерийского двора, но без действа, ибо заметана была землею и до разрыва не допущена. С городских валов встречали их также частыми выстрелами; а как они у кирпичных сараев (из коих не все еще были сломаны) начали скопляться кучами и усиливаться, то в те места, где они и пушки их стояли, кинули 3 или 4 бомбы, от которых с некоторым уроном все они разбежались врознь, оставя тут пушки, так что с полчаса никого людей при них не было; потом подъехав несколько с телегами и веревками, стащили оные пушки под вал и увезли. А затем никого уже у тех кирпичных сараев их не осталось; оставя ж оное место, со всеми пушками начали подвигаться к Сакмарским воротам, производя непрестанную пальбу так, что несколько ядер посреди города и далее по дворам и улицам ложилось (из коих одно 3-х-фунтовое и у меня посреди двора поднято), а у Петропавловской церкви близ оных ворот имеющиеся в углах не в одном месте кирпичи были выбиты; не меньше того палили и по них с крепости. Причем убитых у них людей и убегающих порожних лошадей не мало было примечено. Наконец, в исходе 4-го часа пополудни, подвинулись они к Егорьевской церкви и тут еще начали сильную пальбу из пушек своих производить, куда, для разогнания их куч и скопов, из города из пушек стреляли; а как кинули туда три бомбы, то оставя они и сие место, все разъехались врознь. Приметно было, что тут под двумя их пушками разбиты были лафеты, а после сведано было, что и один пороховой их ящик разбит, отчего все они отвалили в Берду. Сие их устремление продолжалось к городу близ пяти часов, но всё в отдалении, так чтоб ядра горизонтально из города

* Все оные лошади, так как и прежде высланные, достались в руки и в пользу злодеям.

пущаемые доставать их не могли, и они все свои выстрелы с низких мест делали вверх, почему они столь далеко, как выше значит, и падали. При последних своих выстрелах оставлены злодеями тела двух канонеров, кои потом посыланными из города подняты и погребены. Сказывали, что были они у них под неволею из захваченных ими людей; но сии тела от городских пушечных выстрелов найдены без голов, а признаны за канонеров потому, что они были в артиллерийских мундирах. По многочисленной стрельбе пушечной и по людству бывших при том злодеев, рассуждаемо было, что сие самозванцево на город устремление было так велико, каково он со всею силою сделать мог.*

41) 22-го, после половины дня, около вечера, из злодейской толпы немалое число проехало злодеев близ города против бывшего форштата на то место, где старый лагерь был. Выпалено по них с городского вала 2 заряда. 24, 25 и 26-го, кроме происходивших между разъездными стычек, как в ночное, так и в денное время было спокойно. 27-го поутру, выехав из оной изменнической толпы великое число конницы и рассыпавшись по степи с той стороны, где кирпичные сараи и кладбища имеются, подбегали к городу и с высланными из города казаками перестреливались с городового вала. Выпалено в них из пушек с ядрами 15 зарядов. 28 числа, после половины дня, усмотря те злодеи на той стороне выехавших из города фуражиров, прошли мимо города с той стороны, на которой форштат был, на старый свой лагерь и за реку Яик, откуда скоро возвратились с неудачею. С городовой стены выпалено в них с ядрами и картечами 34 заряда. На 29-е в ночи и день сей было спокойно. 30-го, поутру около обеда из злодейской толпы многие партии разъезжали близ города по той же стороне, где форштат был.— 31 числа было спокойно.

42) К дополнению вышеозначенных по журналу Губернаторской канцелярии описанных девяти чисел, то есть от 23 октября по 1-е число ноября из приватных записок может вмещено быть следующее:

23 числа перед утром выбежал из злодейского лагеря захваченный туда в последнем фуражировании соборный староста; перед вечером же слышна была в лагере ружейная стрельба. На 24 число ночью небольшое число злодеев подкрадывались к сделанному чрез реку Яик мосту, в намерении, чтоб оный разорвать, и два якоря, коими будары прикреплены, действительно отрубили, да и досок несколько разбросали но, совершенного успеха не получа, как стали окликать, скрылись. Пред полуднем разъездными из города казаками пойман бывший в обществе с злодеями чернореченский казак, который между прочего объявил, что положено у них завтрашний день еще покушение сделать на город. Пред вечером же оказалось: было оных злодеев немалое число, скопляющихся около Маячной горы, а потому и признавали намерение их в ночную темноту приблизиться к городу; но съехавшись они в одну кучу и постояв немного, неведомо зачем, все разъехались они опять к своему лагерю, оставя по высоким местам обыкновенные свои караулы. На 25 число в ночи хотя и чаятельно было подбегу их на город, однако ж оного не было.— 26 числа поутру начали было злодеи еще приближаться к городу великим людством и с пушками, в том намерении, по сказке выбежавших, чтоб всеми силами до-

* Выше сего сказано, что злодеи в ядрах имели уже крайний недостаток, и более 30-ти у них не оставалось, а сей день расстреляли они более тысячи, да и поднято их внутри города и за городом больше 300. Сказывали, что посланные на Твердышевский завод без всякого там сопротивления получили и прислали к нему злодею более 3000 зарядов с ядрами, и заряды де были всё из самого лучшего пороха, и немалое число ружей. Тут же взяли они к себе из заводских многих служителей, в том числе несколько довольно обученных пушечной пальбе, о коих сказывали: якобы они добровольно склонились. Но можно ли таким партикулярным людям дозволять артиллерию и снаряды, и не могут ли не только государственные злодеи, но и прочие разбойники, отнимая их на заводах, усиливаться и причинять такие великие вредности, кои с заводами и с заводчиками по многим обстоятельствам никакого сравнения иметь не могут: сие зависит от рассмотрения высших правительств.

могаться взять город и идти бы прямо к валу, имея впереди себя захваченных ими людей пешими, и хотя они нарочито уже близко к городу подошли, но не видя никакой пальбы из города (коей в том намерении не производили, чтоб подпустить их ближе к пушкам) и постояв в одной куче с четверть часа, поворотили все назад.— 27 числа, поутру в 9-м часу, вышли они из своего лагеря, пробираясь к кирпичным сараям в немалом людстве, но без пушек, да и начали было делать стремительство свое к городу; но как выпалили по них из пушек до 10-ти раз, отчего несколько упало их с лошадей, то в 10-м часу пред полуднем опять отошли они в свой лагерь. Между тем пойман приставший к ним в Нижней Озерной крепости из поляков весьма пьяный солдат, который между прочего сказывал, будто бы они в предбудущую ночь намерены сделать к городу нападение всеми своими силами, а для того и приготовили-де они три воза лопат и незнаемо какие щиты. Сего числа приехали из Озерной крепости от бригадира Корфа 10 человек тамошних казаков да один башкирец с тем известием, что он Корф сегодня, а конечно завтра, с командою своею оттуда выступит.*

43) Хотя по объявлению вышеозначенного солдата в ночи на 28-е число и ожидали от злодеев сильного на город приступа, к чему якобы готовили они у себя и туры на подобие щитов, из-за коих бы им безопаснее стрелять, и имели у себя до 300 железных лопаток, кои достали они с Твердышева завода; однако ж оного не было; может быть была тому причиною великая в сию ночь темнота, а с вечера небольшой был и дождик. После ж полудня, часу во 2-м усмотря они, злодеи, что пропущено было из города несколько служивых людей и слуг для фуражирования, бросились туда чрез брод позадь прежнего их лагеря, и начали туда скопляться, так что наконец перебежало их туда к Меновому двору до 700 человек, в намерении, чтоб из тех фуражиров сколько-нибудь отхватить, да и гнались за ними многолюдно; но как зачали в толпу их палить из пушек и убили из них ядрами двух человек, да лошадь ранили, то стали они отдаляться; а потом в исходе 5-го часа, на том же броду, перешед Яик, отошли к своему лагерю, следуя в виду из города, но так далеко, что пушечные выстрелы доставать их не могли. Сказывали, что из каргалинских татар при сем случае отлучилось к злодею 44 человека. Бывшие для сена и травы за рекою Яиком объявляли, якобы некоторые из злодеев, подбегая ближе к городским людям, кричали: долго ли вам воевать и не сдаваться? Завтра-де будет к нам Павел Петрович, а батюшко-де (то есть самозванец их) ныне болен.— 29 числа после полудня человек с 300, вышед из своего лагеря, перешли выше города чрез реку Яик вчерашним же бродом, и за речкою степною стороною пошли на Сырть, а куда и для чего, неизвестно; только догадывались, что намерение их стремилось напасть на киргизские коши, потому что вчера захватили они 6 или 8 человек киргизцев, ехавших в город для мены, коих может быть принудили они указать оставших позади их со скотом киргизцев. Перед вечером же человек до 100 выезжало их из лагеря к кирпичным сараям, откуда несколько отважнейших, но весьма пьяных, отделясь, подъезжали ближе к городу, и имели они с немногими казаками, высланными из города, небольшую перестрелку, но без всякого вреда. Между оными выезжал за город один курский купец по прозванию Полуехтов, который, надеясь на свою весьма резвую лошадь и желая оных злодеев в большем числе приманить к городу, в самом близком расстоянии подъезжал к ним и снова отдалялся к городу, в виду многих зрителей, на валу стоявших; однако ж оные злодеи предостереглись, а потому и оный купец за наступившим вечером с казаками возвра-

* Сего числа ввечеру впущен в город хивинский караван, состоящий в 30 верблюдах. (Еще 6 верблюдов, по сказке хивинцев, близ Илецкой Защиты отбили у них киргизцы.) Тут же вывезен хивинцами и один солдат, с три года назад захваченный киргизцами с Сибирской линии и запродан от них был в Хиву.

тился в город.— 30 числа в ночи было спокойно; только с вечера и под утро слышны были в злодейском лагере два пушечные выстрела; а поутру в начале 9 часа была из города пушечная пальба выстрелов до 10-ти, по той причине, что немалым людством пошли они еще, в виду и в недальнем расстоянии от города, к старому своему лагерю, на тот брод, о коем выше сего упомянуто, и тут перешли Яик, некоторые ходили по степи. А около полудня пришли они назад в виду из города, и гнали с собою баранов, повидимому от 4-х до 5000. Итак вчерашняя догадка была справедлива, что они ездили разбивать киргизцев, ехавших в город для мены баранов, что они, по словам захваченных ими киргизцев, и учинили. Между тем сожгли они несколько стогов сена, кои было от прежних их пожетов уцелели.— 31 числа ничего не происходило.

Часть III. — *Продолжение Оренбургской осады, бывшие на злодеев из города вылазки, приступы самозванца Пугачева к Оренбургу, усилование его и другие приключения ноября с 1, декабря по 1 число 1773 года.*

44) 1 число ноября, как в денное, так и в ночное время, было спокойно; на 2-е в ночи было спокойно ж; а днем с начала 8 часа пополуночи предписанный злодей Пугачев, со всею его злодейскою толпою вышед из лагеря и построя вкруг всего здешнего города батареи, производил беспрерывно до самой ночи сильную канонаду, и около половины дня из толпы его до 1000 человек пеших, под пушечными выстрелами закравшись с берега реки Яика в имеющиеся в форштате погреба, почти к самому валу и рогаткам стреляли из ружей и из сайдаков. Но напоследок высланными из города за Яик реку шестой легкой полевой команды егерями не только из тех мест ружейными выстрелами выгнаты, но притом много из них побито, а 4 человека живых захвачено. Против оных злодеев с городовой стены вокруг города выпалено из пушек ядрами 1643, картечами 71 заряд, да бомб брошено пудовых 40, 30-ти-фунтовых 34, причем 12-фунтовую пушку в казенной части разорвало и отрывками из имеющихся при ней служителей из баталионных солдат ранило 2, у медной 6-фунтовой запал вырвало, почему и к действию стала неспособна. Да с неприятельской стороны пушечными ядрами ранило солдата одного, рекрута одного, да внутри города у здешнего купца Кочнева руку оторвало, от чего он вскоре и умер.

45) Сие 2-е число из приватных записок и известий может еще дополнено быть следующим:

Как ни сильно было означенное по 22 число октября злодейское устремление к городу, но сего 2 числа ноября произведенное ими несравненно было сильнее и отважнее.

Еще прежде дневного рассвета подтащили они к городу имевшуюся у них артиллерию, и как стоящие на валу караулы на рассвете дня стали окликать: что тут за люди? они вместо отзыва в трех местах выпалили из своих пушек, а потому, в исходе 7 часа поутру, как из города, так и от них началась сильная и весьма частая пушечная пальба: сперва произведена она была злодеями у кирпичных сараев и против Бердских ворот, где они имели свои пушки. А как городскими выстрелами оттуда сбивать их начали, то оставя они сии места, начали подвигаться к Орским воротам, и подавались к мишени,* которая от города в версте или немного больше сделана была из дерну нарочитой вышины и толщины, для обучения артиллерийских служителей и стрелянию в цель, к которой мишени злодеи во вчерашнее ночное время приделав с обеих сторон небольшие валы, оставя тут для пушек малые проме-

* О сей мишени, которая не малое помешательство делала пушечной пальбе из города по злодеям, хотя и неоднократно говорено было, чтоб ее как вредную разломать, а около Георгиевской церкви для недопущения злодеев в близость к городу, в пристойных местах сделать батареи и поставить на них пушки, но сие не учинено, да и в казачьей бывшей слободе против самой соборной церкви от пожара одна оставшаяся изба не сломана и не сожжена, что, как ниже значится, злодеям служило к немалому их пособию и закрытию оными.

жутки, начали частую и сильную пушечную пальбу производить по городу. Сверх того позадь часовни, где убогий дом, сделали в ту ж ночь батареи, и поставя на них пушки, непрестанно стреляли в город, не взирая на то, что с городских валов равномерно в те места стреляли ж, и как оные их злодейские места к городу гораздо уже стали быть ближе прежних, то все их ядра внутри города падали, к немалой опасности городских служителей; * одно такое ядро, пущенное злодеями от вышеозначенной мишени, трафило в окно первенствующего и капитального оренбургского купца Ильи Лукьянова сына Кочнева (который от оренбургского купечества был и депутат), в то самое время, когда во время обеденное священник служил у него молебен, а сам он Кочнев стоял у окна, имея правую руку прижату к левой; ядро, пробив стекло, трафило его наперед в правую руку и оторвало у сей руки средний перст, а потом разбило кость у левой руки выше локтя так сильно, что рука осталась на одной только мясной части: для чего, по рассуждению доктора и лекарей, принуждено было тогда ж делать над ним операцию, и руку его прочь отнять; итак он Кочнев сей же день к вечеру скончался. Сим не удовольствуясь еще оные злодеи завезли несколько пушек своих к самой Егорьевской церкви (которая от городского вала не далее двухсот сажень). Из имевшегося тут под горою тесаного плитного камня, на обеих сторонах сей церкви очень скоро сделали они тут для себя защиту, оставя в ней узкие промежутки, чтоб им пушками своими от городских выстрелов безопасно было действовать, и начали отсель беспрестанно стрелять в город мимо летней соборной церкви; а несколько сот, спешившись у той же Егорьевской церкви под горою, пошли по подгорью и подле реки Яика, с тем намерением, чтоб им, приближась к городу и взошед на гору одною имеющеюся тут лощиною, ворваться в город, несмотря на пушечную пальбу. Тут поднявшись они кверху и не входя еще наверх, зачали палить из ружей, а бывшие с ними в сообществе башкирцы метать стрелы. На валу бывшие люди тот же час начали стрелять по них из ружей; но как их, тут лежащих за горою, ружейною пальбою вредить было не способно, то несколько егерей легкой полевой команды отважились реку Яик перейти по льду, а некоторые, пробив лед, переехали реку, и будучи на той стороне, начали по лежавшим на горе злодеям палить из ружей, и тем принудили их спущаться в великой робости опять под гору, что узнав, бывшие на валу солдаты кинулись чрез ров и чрез рогатки, и пресекши некоторым способ к побегу, порубили и покололи из них человек до 30; многие хотели было, перешед Яик, укрыться на той стороне, но за тонкостию льда, проломившись, утонули. Однако ж четыре человека живые пойманы; из-за сего оные злодеи вблизость городского вала пешие стремиться уже и перестали, а отдалились к Егорьевской церкви и к своим пушкам; но большая их часть была у той церкви под горою. Пушечная пальба и всё вышеозначенное нынешнее действие продолжалось, как выше значит, от самого утра до 6 часа пополудни, но и в ночь до 12 часа изредка с обеих сторон пушечная пальба была ж. Оставшие ж подле Егорьевской церкви злодеи в то ночное время, как на соборной церкви били часы, на каждый час делали по выстрелу из пушки; напротив чего из города от соборной батареи то ж чинено. С нашей стороны при сем случае считали убитых, кроме вышеозначенного купца Кочнева, 6 человек, в том числе один хивинец и татарин, да одна баба, которая, ходя по воду, смотрела; раненых начли 7 человек.

46) На 3-е число в ночи и днем из сделанной ими злодеями, в имеющейся на

* Оными ядрами, кроме купца Кочнева, побито до смерти 5 или 6 человек и 7 человек ранено; 2 ядра трафили внутрь губернаторских покоев, одно 6 или 8-фунтовое пало в двери палатки, где Соляного Правления денежная казна хранится, и часть двери выломало; другое ударило в стену сего Правления, где Судейская камора, и отскоча от стены, отлетело вдаль; а еще одно трафило передней каморы оного ж Правления в окно, и ударив в дверной Архивный косяк, в том косяке и осталось; еще одно поднято на моем дворе, от коего едва спасся идущий ко мне того ж Правления протоколист Ершов.

том месте, где форштат был и около каменной Георгиевской церкви, также и днем того 3 числа производилась и из-под горы с батареи сильная канонада. Однако отселе соответствующею пальбою отбиты, в свой лагерь возвратиться. С городовой стены выпалено из пушек с ядрами и картечами 126 зарядов, да бомб брошено пудовых 5, 30-ти-фунтовых 3. — 4-го числа помянутые злодеи разъезжали партиями вокруг города; в них с городовой стены выпалено из пушек с ядрами два заряда.

К сим 3 и 4 числам в дополнение из приватных записок вносится, что выше сего означено уже, что на 3 число до полуночи изредка с обеих сторон пушечная пальба происходила; но от злодейской никакого вреда не было: по утру началась, но в 8 часу однако ж не так была многочисленна, как во вчерашний день; но к вечеру произведена была гораздо чаще. Злодеи во 2 часу после полудня хотя и покусились было еще в том самом месте, где они вчера пешие к валу приближась ружейную пальбу производили, и сегодня до того дошли, что с стоящими на валу перестрелку из ружей начали по них стрелять; но как из поставленных на той стороне Яика двух уже пушек (другая сей день туда перевезена) выстрела четыре по них сделали, то все они покидались вниз горы к берегу и убрались опять к Егорьевской церкви, в которую втащили они две пушки, где, заряжая, вытаскивали их в двери и под колокольню на паперть, сперва из обеих, а потом уже из одной начали отсель стрелять в город; а некоторые, взошед на колокольню, стреляли в город свинцовыми жеребьями и пулями, и как в сей день была сильная вьюга и стужа, то оные злодеи в самой церкви расклали великий огонь и тут грелись, и таким образом из храма божия и святилища его сделали они теперь батарею и вертеп свой разбойничий; другие, натопя оставшуюся от пожара против самой той церкви избу (о коей выше упомянуто), грелись и в той избе; и хотя ввечеру все меры употребляемы были к тому, чтоб сию избу, злодеям для убежища и согревания служащую, пушечными ядрами разбить, однако сего намерения сегодня одержать было не можно. От злодейских же сегодняшних выстрелов, как слышно было, ранен в ногу из находившихся на валу один только солдат. На 4-е число в ночи никакой тревоги не было, может быть по причине случившегося сильного мороза; между тем выбежало из лагеря 5 человек из захваченных ими, которые между прочего показали, что в последние два приступа к городу расстреляли они ядер столько, что осталось у них уже малое число, а потому и заготовили-де они три телеги чугунного черепья, употребя на то имевшиеся у них и увезенные с Менового двора котлы; а в третьегодняшний-де приступ у пеших людей, кои отважились подходить к валу, предводителем был вышеупомянутый самозванец сам, и как-де вылазка сделана из города, то едва спасся он под горою от поимки; намерение ж он имеет, прежде нежели сберутся команды, завладеть городом и к тому употребить все свои силы, да и обещал-де находящимся при нем людям, сверх того, что они грабежем могут получить, по 10 руб. на человека деньгами и по хорошему кафтану, а потом отпустить их на волю куда кто желает. Поутру, не видя оных злодеев около Егорьевской церкви и батареи их, послано было несколько егерей и казаков осмотреть оную церковь: есть ли тут и около ее злодеи, или нет — рапортовали, что никого их там и при батареях нет, да и пушки-де отвезены в лагерь; а внутри церкви усмотрены в разных местах кровь (может быть от раненых людей), а напрестольное одеяние всё изорвано в лоскутья, и оклады с образов ободраны. Узнав уже по самым действиям, сколь вышеозначенная мишень пушечным из города выстрелам делала много помешательства, а злодеям прикрытие и способность, несмотря на сильный сегодняшний мороз, под прикрытием казаков послано было несколько ссыльных, чтоб оную мишень и приделанные к ней и другие в близости города устроенные злодеями батареи испортить, а оставшуюся на пожарище избу (где вчера злодеи убежище и согреванье имели), разломать, —

что и учинено (кроме мишени, которую, за ее вышиною и толщиною, и что земля весьма уже промерзла, с великою нуждою после чрез несколько дней разбросали). Злодеи, усмотря оную высылку, хотя и пошли было из лагеря своего многолюдством и с пушками, чтоб оной работе воспрепятствовать, а может быть и к городу еще приступ сделать; но как с крепостного вала сделано в них выстрелов до 50, и одна граната из единорога, брошенная над толпою их, разорвалась, то сия толпа, сделав немалый визг и крик, рассыпалась врознь, а потом, не подходя уже к городу, оборотилась назад к своему лагерю, и во весь день тех злодеев было не видно.

47) 5 и 6 чисел было спокойно. Между тем злодей Пугачев, возвратя 4-х казачьих женок, захваченных 18 числа октября с фуражирами, прислал к губернатору лист, дав сроку на 4 дни с тем, чтоб выйти из города вон, вынести знамена и оружие и приклонить бы им злодеям, титулуя себя великим государем, с прещением, ежели того исполнено не будет, его гнева; которые листы, также и к яицкому верному старшине Мартемьяну Бородину присланные, отправлены при рапорте в государственную Военную коллегию. На 7-е число в ночи было спокойно, а днем поутру в 8 часов из означенной злодейской толпы человек со 150, переехав выше Оренбурга верстах в 4-х чрез реку Яик (по объявлению пленных, для осмотра следов, не идут ли откуда команды), приблизились к Меновому двору, где высланною из города нерегулярною командою разбиты; из коих поймано злодеев: из яицких казаков 7, в том числе хорунжих 2, из илецких 12, башкирцев 3, из разных крепостей захваченных ими злодеями казаков, заводских крестьян и сеитовских татар 38, итого 57, да на месте побито до 70 человек, прочие ж спаслись бегством, а из высланных отсель никому вреда не сделалось.

По приватной записке, 5-го числа, поутру в 10 часу, выше города перешло злодеев чрез реку Яик вышеозначенным же бродом человек до 300, и стали к Меновому двору прямо, где позади оного двора постояв немного, пошли тихою ездою вниз по реке Яику степною стороною; а после полудня еще такая ж партия, вышед из лагеря, пошла здешнею стороною, ниже Яика, а зачем, того узнать было не можно. Между тем поутру примечен был в злодейском лагере великий дым наподобие пожара: сказывали, якобы он, оставя лагерь по причине бывшего жестокого мороза, со всеми своими людьми перебрался в самую Бердскую слободу, и приказал подле ее и на дворах делать землянки; а в оставшем от пожара лагере позволил он быть башкирцам и калмыкам. На 6-е число в ночи не было никакой тревоги, а в день прежде полудня переехало еще несколько злодеев на ту сторону Яика, и подъезжали они к Меновому двору; но, не ездя оттуда вниз по Яику, возвратились после полудня в свой лагерь, да и число их было не столь людно, как вчера. — 7-го числа поутру, в том чаянии, что злодеи на Меновой двор придут по вчерашнему, еще до света выслано было из яицких казаков 270 человек, с тем приказом, дабы они расположились против города под закрытием имевшегося тут за рекою Яиком леса; а еще несколько из них же приготовлено было на такой случай: когда вышеозначенные казаки с злодеями вступят в сражение, то б их сими усилить, в чем и ошибки не было. Злодеи еще ранее обыкновенного оказались на Сырту против Егорьевской церкви, и хотя не столь уже людно, как вчера, однако ж по примеру было их около 100 человек. Шли они по Сырту и к старому своему лагерю, оттуда на брод к Яику реке неспешно, прежде чрез Яик прежнею своею тропою потянулись на Меновый двор; как скоро приблизились они к нему, и заехали позадь оного, то бывшие в осаде казаки пустились на них во весь опор, а между тем и приготовленные в городе для сикурсу, туда ж наскакали и скоро начали перестрелку. Злодеи, видя, что путь им к лагерю их с обеих сторон пресечен, и надеясь на резвость своих лошадей, по недолгом сопротивлении, по-

скакали было все прямо в степь, удалясь в левую сторону от Менового двора; но сколь ни слабы были у городских казаков от бескормицы лошади, однако могли они и там их догонять, многих перекололи они тут сражающихся с ними, а других перестреляли из ружей; но не меньше перехватав, переслали в город, о чем выше сего по журналу Губернаторской канцелярии явствует.

48) 8-е и 9 числа были спокойны. 10-го числа в виду из города разъезжала злодейская партия, и из нее некоторое число подбегало к городовой стене. В них с вала выпалено из пушек 4 заряда. — 11-го числа днем и ночью было спокойно. 12-го числа из злодейской толпы против партии чинена была из города вылазка, составляющая нерегулярных команд 300, да пехоты 100 человек, которыми из той партии переловлено разного звания захваченных людей 13 человек, да убито и ранено до 20 человек, в том числе один злодейский полковник, а прочие все возвратились в свой лагерь. На полевом сражении выпалено из пушек ядрами 17, да с городской стены 1, итого 18 зарядов.

Из приватных записок могут оные пять чисел дополнены быть следующим. На 8 число в ночи было спокойно, а поутру, как третьего дня и вчера, так и сегодня посыланы были за город ссылочные под прикрытием военных людей, вышеозначенную мишень, несмотря на то, что земля крепко уже замерзла, срыть до основания; но как сие злодеи усмотрели из лагеря своего немалое людство, а потому и рассуждено было оных людей всех возвратить в город; однако после полудня еще была туда высылка, и оную мишень уже без препятствия от злодеев разрывали; но и сегодня, за великим морозом и что к тому употреблены были каргалинские татары, кои мало к такой работе привыкши, и на одну четверть ее не разрыв, ввечеру принуждены были сию работу покинуть. — 9 числа как в ночи, так и днем, от злодеев ничего не видно было; только около полудня слышны были в лагере их три выстрела пушечных, а для чего — неизвестно. Ввечеру приказ дан полиции, за подписанием губернаторским, чтоб, по случаю недостатка в сене,* каждый житель объявил, сколько имеет у себя на дворе сена, и оное б без всякой утайки отдавал на команду яицких казаков, для защищения города находящихся.

На 10-е число в ночи пойман на реке Яике крещеный калмык, у него найдено 7 или 8 фунтов пороха и фитиль; который в допросе между прочего показал, что он от злодеев с тем и послан в город, дабы в тех самых местах, где больше и чаще строенье, зажечь и причинить пожар, а в то-де время злодеи хотели приступ сделать к городу. Поутру хотя и учинена была за городом высылка, чтоб схватить некоторые злодейские разъезды; но за великим морозом и ветром, возвращена была в город. А после полудня еще была высылка, в которую командировано было яицких казаков до 300 человек; злодеи, усмотря оную команду, начали против ее выезжать из своего лагеря, и выехало их тысячи с полторы человек, причем имели они у себя пушки, на дровнях укрепленные, из коих сделав 4 выстрела, принудили означенной небольшой команде, не имевшей при себе ни одной пушки, возвратиться в город; а как по оным злодеям выпалено из города из трех пушек, то они отдалясь, возвратились в свой лагерь. Яицкие казаки сказывали, что при первом на злодеев нападении, пока они еще не умножились, закололи у них одного человека, на котором-де был красный кафтан с золотыми широкими галунами, и через с деньгами (сказывали, что он был из яицких казаков, по прозванию Сереберцов, и за его наездничество от злодея сделан старшиною), да одному яицкому казаку отрубили руку, а более-де за великим их люд-

* Ежели б о часто-помянутом злодее городским жителям заблаговременно дано было знать и к перевозке заготовленных сенов сделана была повестка заранее, то б сего недостатка совсем не было: ибо у каждого жителя и во всякой команде сена заготовлено было весьма довольно; но злодеи, скоропостижно приближась к городу, не только все ближние сена потравили и пожгли, но и путь к оным так пресекли, что с великою опасностию и потерянием немалого числа людей и лошадей за ними ездили, а наконец и совсем уже их не стало.

ством действовать им было не можно. С нашей стороны ранен один яицкий казак вскользь в руку.

49) 11-го числа поутру хотя и наряжаема была команда к лагерю злодейскому и к Бердинской слободе, но прежде нежели она выступила, оказалось тысячи с полторы или с две злодеев, ехавших чрез Маячную гору за реку Яик, а для чего, того познать было не можно; кажется, с тем намерением, чтоб чрез то выманить из города высылку и окружить бы оную команду со всех сторон. Переехавши многие за реку Яик (а другие, как видно, стояли под горой в засаде) и постояв там немного, в исходе 12 часа все опять возвратились в Бердинскую слободу, пред которой и на степи по увалу во весь день никого уже было их не видно.—12-го числа поутру были приезжие от бригадира Корфа с рапортами, в коих он доносил, что он с командою своею прибыл уже в Красногорск; 2-е, медленность в выступлении его из Озерной крепости происходила оттого, что он делал приготовление к зимнему походу для безодежных людей, и что бывшие в команде его башкирцы, поколебавшись в верности своей, все бежали, а потому-де и выступать ему не осмотрясь было не можно; 3-е, из Верхояицкой крепости от подполковника Ступишина за конвоем присланы к нему Кабинетской и Военной коллегии курьеры, коих, за опасностию от злодеев, с имевшимися при них указами, удержал у себя, а полковник-де Колыванов находится при нем. Поутру, чтоб злодеев, находящихся как выше явствует в Бердинской слободе, потревожить, а чрез то б и о людстве их узнать, выслана была за город команда, состоящая в числе, регулярных и нерегулярных, 450 человек с 2-мя пушками, коею предводительствовал сам г. генерал-маиор и обер-комендант; немногие из яицких и оренбургских казаков подъезжали почти к самой Бердинской слободе, выманивая оттуда злодеев, но они, неизвестно с каким намерением, долго не являлись; а потом хотя и начали показываться, но малолюдно: человек по 10 и по 20, знатно они были в разброде, наконец же стали являться на Сырту многолюднее, а некоторые партии прибежали к ним из Каргалинской слободы и из Черноречья (к чему-де, как сказывали, сделан им знак зажжением нарочно приготовленных у них маяков). И так скопившись сот до пяти и имея при себе 3 или 4 пушки за Сыртом, вступили было с казаками в сражение, причем и из пушек с обеих сторон сделано было несколько выстрелов, притом поймано из сообщников их 18 человек, по большей части заводские крестьяне и работники, да один конторщик Каноникольского завода* и башкирский сотник, да выбежал от злодеев при сем случае яицкого доброжелательного казака Копеечкина** сын. Яицкие старшины, бывшие в той партии, уверяли, что при сем случае едва самый тот главный злодей и самозванец не попался им в руки; но увернулся и ускакал он от них, имея под собою самую резвую лошадь. А из любимцев-де его ранен двумя ранами вышеозначенный полковник Лысов; убитых же ими осталось на месте сражения около 40 человек, после которых и лошадей казаки в город с собою привели. С нашей стороны ранено пулями 3 человека и несколько лошадей, но не смертельно. По допросам пойманных в сей день злодеев, известно стало, что вышеозначенный ссыльный Хлопушка, о коем был слух,

---

* Конторщик показывал, что от самозванца прислан был на завод их указ, дабы они признавали его за государя и служили б ему верно, с таким выражением, что он будет жаловать их бородами и крестами, то есть позволением носить бороду и креститься как они обыкли, а сих он в указах своих к войску яицкому выключал (зная их склонность к расколу) порохом и свинцом и увольнением от подушных податей и от рекрут.

** Оный Копеечкин, как верный и к службе усердный человек, отправлен был в Оренбург из Яицкого городка с рапортами, и по несчастию попался в руки злодеям. Они, приведши его пред своего начальника и самозванца, вообще все жаловались на него, что он всегда им был злодеем, и просили, дабы его, как неверного им человека, приказал пятерить, что он учинить с ним и велел. Сказывают, что сей несчастный и верный человек при отсечении рук и ног, кричал, называя вором самозванца, бунтовщиком, государственным злодеем и тираном, и продолжал сие по самое то время, как ему отсечена была голова.

якобы он пойман и убит, дня с три назад возвратился в злодейский лагерь, и привел с собою башкирцев сот до пяти и столько ж заводских крестьян, склоня их на сторону злодеев; привез несколько денег и других вещей; чрез тех же захваченных в сей день пронесся слух, якобы посланная от злодея на большую Московскую дорогу в осьми стах партия захватила и в злодейский лагерь привела одного или двух офицеров и 170 человек рядовых, кои будто б вперед отправлены были для заготовления фуража.

50) 13-го числа от шедшего в Оренбург по ордеру г. генерал-аншефа и казанского губернатора фон-Бранта с корпусом полковника и симбирского коменданта Чернышева пополуночи в 3 часу получен рапорт от Рычковского хутора, не доехав Оренбурга 35 верст, с предъявлением, что он Чернышев намерен оттуда вступить пополудни в 7 часу, к коему от реченного генерал-поручика и кавалера Рейнсдорпа того ж часа предложено, чтоб он к Оренбургу следовал, как ему заблагорассудится, то есть, за яицкою ль стороною или внутреннею, и слушал бы пушечную пальбу; а когда оную услышит, тогда б маршем своим ускорял, ибо-де и бригадир Корф с собранным им с верхних яицких крепостей корпусом,* состоящим из регулярных 1418, нерегулярных 1077, итого 2495 человек и при 22 орудиях артиллерии прибыть сюда намерен был, только затем вскоре и прежде нежели то предложение до него Чернышева дойти могло, в 8 часу пополуночи услышан был здесь с той стороны, с которой он Чернышев шел, пушечной и ружейной стрельбы гул, который не более продолжался, как четверть часа и тотчас пресекся. Он генерал-поручик и кавалер хотя и старался с своей стороны учинить ему Чернышеву назначенными к высылке командами сикурс, только получа сожалетельный о судьбине его рапорт, что он Чернышев со всем корпусом без всякого сопротивления ведется в лагерь злодейской, принужден был те здешние команды, не предав равномерному жребию, возвратить в крепость. А как того ж 13 числа, пополудни в 4 часу, реченный бригадир Корф с корпусом его сюда прибыл, так не преминули они злодеи во многолюдстве и его встретить, с коими сей корпус с высланными отсель нерегулярными сделали им отражение. Причем из них злодеев побито человек до 5, а здешние команды в город введены без всякого урона. С городовой стены при сем случае выпалено из пушек ядрами 5 зарядов; между тем чрез пойманного Симбирского баталиона солдата получено точное известие, что он Чернышев с корпусом его обманут вожаком из казаков в команде его бывшим, который обещал провести его мимо толпы злодейской ночью, вместо того привел поутру увалом к самому сей злодейской толпы лагерю, в коем они злодеи уже против него приуготовились, и как скоро его Чернышева с корпусом усмотрели, так и встретили, не дав еще чрез Сакмару реку переправиться, и начали в него стрелять из пушек, и хотя он Чернышев соответствовать старался, только, по великому тех разбойников количеству, и что бывшие с ним казаки и калмыки при самом тех злодеев приступе изменя, передались. Регулярные ж, будучи от дальнего марша и от великой стужи утомлены, устоять не могли, и так все солдаты теми злодеями в толпу их захвачены, где он Чернышев и все штаб- и обер-офицеры и калмыцкий полковник, да ехавшая в том корпусе прапорщица, всего 35 человек повешены, а солдаты, по приводе к присяге и по обрезании волосов, в казаки поверстаны, да и под отправленную-де от вышепомянутого г. генерал-аншефа, губернатора и кавалера по новой Московской дороге, под предводительством маиора Вернстеда, команду не малую партию с артиллериею оный злодей послал и, как чрез выходцев слышно, человек около 200 солдат захватил, почему та команда, обороняясь, несколько назад отступила.

К дополнению сего 13-го числа из приватных записок и известий может здесь сие только прибавлено быть, что перед зарею

* В оном корпусе состояло гарнизонных 600, ставропольских калмыков 500, да крепостных казаков 100, итого 1200 человек.

сегодня приехал в город от помянутого несчастливого полковника Чернышева команды его капитан Ружевский с рапортом и с имеющеюся при нем командою под Маячную гору, к реке Сакмаре, что от Оренбурга в виду не далее 5 верст, прибыл и требовал, дабы при переходе его чрез оную гору, для опасности от злодеев, выслан был к нему из города сикурс, который, как слышно было, и собирать было уже стали, но в исходе 8 и в начале 9 часа позади той горы вдруг произошла скорострельная пушечная пальба, а между тем слышна была и ружейная, что продолжалось с полчаса, а потом и затихла. И об оном полковника Чернышева корпусе сей день в городе разно признавали: некоторые проговаривали, якобы весь он захвачен и увезен злодеями; а другие сказывали, что он от реки Сакмары ретировался и расположился лагерем около хутора прежде бывшего обер-коменданта, а после начал появляться от стороны Нежинского редута и корпус г. бригадира Корфа. В рассуждении оного выслана была команда еще за город, и находилась она там почти до самого вечера, то есть, до тех пор, пока оный бригадир со всею своею командою собрался в город; но часу в 5 пополудни, когда уже вся вышеозначенная Корфова команда вбиралась в город, оказалось злодеев со стороны Бердинской слободы сот до пяти или и более человек, и еще их к ним прибывало, может быть для того, чтоб оной команде на приходе к городу сделать помешательство, или отхватить несколько в луга за сеном и соломою поехавших казаков, а потому городские казаки и должны были против оных злодеев еще на степь выезжать, и так сделалась между ими ружейная перестрелка. Сказывали, что из злодеев 3 человека убито, двое яицких казаков, из коих один по прозванью Самодур, великий плут и наездник, а у самозванца в немалом люблении находившийся, да один башкирец. А как из города в кучи злодеев сделано было несколько пушечных выстрелов, то все они обратно и разбежались. Из городских казаков ранено при сем случае 3 человека.

Из Бугульмы находящийся там в правлении воеводской должности секунд-маиор Хирьяков доносил г. губернатору от 5 числа сего ноября, что С.-Петербургского легиона г. генерал-маиор и кавалер Кар к Оренбургу оттуда отправился, а того ж числа ожидал он Хирьяков в Бугульму и г. генерал-маиора фон-Фреймана.

51) На 14-е число ночью было спокойно, а днем в первом часу пополудни, как здесь собранный, так и с предписанным бригадиром Корфом прибывший корпус в числе 2400 человек с 22 орудиями, под предводительством здешнего обер-коменданта г. генерал-маиора Валленстерна, выслан был для поиска над тою злодейскою толпою к состоящему от города в Бердской слободе в 7 верстах сборищу, где, по выходе злодеев, и учинено с ними сильное сражение; но как сии злодеи, все будучи против здешних доброконными и обыкновенно разъезжают рассеянно, отдаляясь от картечного и ружейного выстрелов, производили единственно из многочисленных орудий пальбу, то совершенного успеха и одержать над ними было не можно, а принуждено, при наступлении ночи, сделав пехотою баталион-каре, в город возвратиться. На полевом сражении здешнего Оренбургского корпуса выпалено из пушек ядрами и картечами 271, да из прибывших с бригадиром Корфом 198, а сверх того с городовой стены 4, итого 473 выстрела. Причем со здешней стороны, по ведомости обер-коменданта, урону было: побитых регулярных и нерегулярных людей 32, да раненых 93 человека; а в злодейской толпе более нежели в четверо. 15-го с утра хотя вся злодейская толпа рассеваясь поодаль города в виду разъезжали, причем и артиллерия у них была, только вскоре возвратилась в свой лагерь. С городской стены из пушек выпалено в них ядрами 2 заряда. — 16, 17 и 18-го в ночное и денное время было спокойно.

52) Из приватных записок в прибавление к вышеозначенным последним числам следует, сие, что 14 числа поутру о симбирском коменданте Чернышеве еще но-

сился в городе слух, якобы он от злодеев ретировался и расположился, укрепясь около реки Сакмары; а другие говорили, что он стоит на хуторе бывшего обер-коменданта Ланода (который ныне за дворянином Сукиным); между тем же и пушечная пальба изредка была в тамошней стороне слышна. Пронесся уже о нем Чернышеве и о команде его слух, о коем выше сего показано.* Сего ж утра хотя и был приказ, чтоб как можно поранее собрать команды к выступлению на злодейский лагерь, но сие собрание и расположение продолжалось до 3-го часа пополудни, тогда выступила команда чрез Орские и Бердские ворота за город под предводительством генерал-маиора и обер-коменданта Валленстерна; и хотя уповательно было, что сия высылка составит людства по меньшей мере до четырех тысяч, но она с небольшим две тысячи человек составляла. Пред последнею высылкою, означенною под 22 числом октября, имела она только то преимущество, что регулярной пехоты было тысяча человек, прочее людство составляли нерегулярные ж люди, выбраны из прибывших с Корфом те, кои поспособнее и под собою имели получше лошадей. Артиллерии было отправлено с сею командою 26 орудий, в том числе 4 единорога; оная команда, пошед от города в хорошем порядке, без всякого от злодеев препятствия заняла те высокие места, где прежде злодеи имели всегда передовые свои караулы; а как стала она подвигаться на скат, склоняющийся к Бердской слободе, оставляя оную слободу в левой стороне, тогда начали они злодеи скопляться, подвозить и располагать свои пушки. Пальба начата с обеих сторон (но прежде с нашей), в половине 4-го и продолжалась до половины 6 часа непрестанно; но злодеи имели у себя пушек гораздо больше, да и людство их было превосходнее,* то по сей причине и что уже ночная пора стала находить, городская команда, сделав баталион-каре, начала с пушечною пальбою подаваться назад к городу. Всё сие в таком порядке происходило, что злодеи хотя и покушались было разорвать сей порядок, и отхватить сколько-нибудь от пехотной команды и других людей, однако дошла она к городу свободно; а как заступили место ее не в дальнем уже расстоянии от города яицкий старшина Мартемьян Бородин с своими казаками, то тут от стремившихся к городу злодеев и сделались с ними ружейная перестрелка и ручной бой копьями, чем они тех злодеев от города и отогнали. Во время сего сражения отхвачено и поймано: из злодейских сообщников 7 человек, в том числе один яицкий казак из первейших сообщников самозванца, прозваньем Шелудяков.** 15-го числа поутру в начале 10 часа показались злодеи великим своим людством, идущие к городу, а потому и сделана чрез барабанный бой повестка, чтоб все к определенным по валу

* Между офицерами умерщвленными от злодея Пугачева находился Ставропольского гарнизона капитан Калмыков, человек твердого духа, о коем сказывали, что якобы он пред кончиною своею предводителя злодеев публично, пред всем смотревшим на сию казнь народом, ругал, называя его злодеем, вором, тираном, изменником, и увещевая народ, чтоб ему не верили, но отстав от него, служили б законной своей государыне. Огорчась тем, велел его пятерить; однако ж он, при отсечении рук и ног, то жь всё кричал; а как из-за сего самозванец еще больше озлобился, и приказал прежде нежели голова ему отрублена, вспороть ему грудь, то он и между тем выговаривал, что он умирает как верный ее императорского величества раб.

* Однако ж по примечаниям сказывали, что их не было тут более 3000 человек.

** Оный яицкий казак есть тот самый, у которого самозванец Пугачев, как сказывали, напред сего в работниках был, и у коего потом на хуторах для бунта сборища и совещания происходили, да и условленось, как выше значит, чтоб его, назвав царем, под сим именем умножить бунтовщичью партию свою. Поимка его Шелудякова сопряжена была с удивительным случаем, ибо он, признав городскую партию за свою, прискакав, кричал, чтоб как можно скорее сделали они удар в правую сторону, но позади городской ехавший за ним казак, наскакав, ухватил его за ворот и закричал, чтоб его ловили или убили, сказывая, что он есть Шелудяков из самых главных злодеев, и так он и пойман. При допросе сперва хотя ни на что ответствовать он не хотел и ничего не говорил, но по долгом истязании, и сам в том признался, особливо когда войсковый старшина Бородин был к тому призван, стал его уличать, слагая всю вину на дьявола, что он его научил. Сей злодей наконец уже был в раскаянии и о всем подробно показывал, но после дней через пять сидя в тюрьме умер.

местам шли и там были б к отпору в готовности. Три человека, отважась ближе подъехать к Бердским воротам, долго ли не будут отворять им ворота и не станут впущать их в город, чернь бы никакого опасения не имела, из нее никому вреда сделано не будет, или б выслали на них высылку; напротив того, некоторые, на валу бывшие, кричали им в ответ, дабы они сами ближе подходили к городу и посмотрели б, чем их станут подчивать; но как сделали по оным злодеям два выстрела, то они ускакали к стоявшим на Сырте злодеям. Там бывшие люди сказывали, что вчера осмотря убитые тела, и некоторые привязав к лошадиным хвостам, утащили к себе в лагерь, а с других сняв одежду, нагими оставили; вероятно казалось, что они между убитыми смотрели и искали вышеозначенного вчера пойманного казака Шелудякова, начальнику злодеев столь надобного. Говорили еще, якобы некоторые, подъезжая ближе к городу, кричали, чтоб оный Шелудяков отдан был им; впрочем постояв оные злодеи на Сыртах против города и до первого часа пополудни не сделав ни одного выстрела из пушек своих, возвратились опять в свой лагерь. 16-го числа, как в ночи, так и днем, ничего особенного не произошло, только несколько подвод и верховых лошадей, посланных вверх по Яику за сеном, возвратилось оттуда с сеном. 17-го числа ночью ничего ж не было, а пред светом, как слышно было, подбегали к Бердским воротам три человека из злодеев и кричали, чтоб выдан был им вышеозначенный захваченный злодей Шелудяков. Случившиеся тут на валу яицкие казаки кричали ж, ответствуя, чтоб они привели в город сына его (то есть, предводителя своего), за что дано им будет награждения 500 руб.; что они злодеи, выслуша, ничего более не говоря, поехали назад. Поутру выбежало из злодейского лагеря трое оренбургских казаков, один захваченный из команды, бывшей при бригадире Корфе, а двое ездившие с солью по найму от Соляного Правления, кои, по отдаче там соли, возвращаясь назад с сакмарским попом, который от злодеев в Сакмаре определен был комендантом, а посланы были в злодейский лагерь. Из допросов их известно было, якобы некоторые злодеи за теснотою в Бердской слободе намерены перебраться в Сеитову Каргалинскую слободу. Начальник-де их с единомышленниками своими говорил, сожалея, что он на приступах своих к городу много уже потерял людей хороших, и сколько-де он городов ни прошел (сказывая, якобы он бывал в Иерусалиме, в Цареграде и в немецких городах), но столь крепкого города, каков есть Оренбург, не видал, и затем-де более приступов делать к городу не намерен, а хочет осадою до того довести, чтоб у жителей не стало пропитания, а тогда-де и город сдаться ему будет принужден. На 18-е число в ночное время и днем тревоги не было; поутру ж хотя и выслано было за город яицких казаков до 300 человек, чтоб злодеев потревожить и не удастся ль кого-нибудь от них схватить, которая команда и стояла долго за городом на Сыртах, но их, кроме небольшого обыкновенного на форпостах их людства, близ лагеря их имевшегося, никого было не видно, а после полудня посыланы были разных чинов люди за сеном вверх по Яику к Нежинскому редуту, откуда в ночи и возвратились они с сеном; но между тем, как слышно было, 5 или 6 человек из каргалинских татар обратно не приехали. Признавали, что они в злодейский лагерь или в Каргалинскую свою слободу ушли.

На 19-е число в ночи было спокойно, а днем по полуночи в 11 часу из злодейской толпы в многолюдственном числе (видно, что усмотря посланных из города фуражиров) проехало в ту сторону, где фуражирование было, немалое людство; однако, по учиненному из города из вестовой пушки сигналу, те фуражиры принуждены, бросив некоторые возы, возвратиться в город, а после того вскоре означенные по дороге фуражирами оставленные с сеном воза от злодеев пожжены, а потом они в лагерь свой проехали.

Примечание. Под сим числом в журнале Губернаторской канцелярии вмещены

разные его г. губернатора примечания и рассуждения; а понеже оные принадлежат и к прошедшему и к следующему впредь времени, того ради для полности и преимущества оного журнала, включаются они и здесь точно так, как они в нем написаны.

И так злодейство его Пугачева, что далее, то более умножается, коему споспешествует вышеизображенное коварное его себя священнейшим именем в бозе почивающего императора Петра III разглашение, с позволением при том башкирцам грабежа заводов и помещиков, коими многие уже заводы и пограблены, крестьянам боярским и заводским с обещанием наложения подушного оклада только по три копейки с души, прочим людям, как равно и всем, вольности, чему обитающий в Оренбургской губернии разных вер в невежестве погруженный подлый народ, не взирая на учиненные от генерал-поручика и кавалера неоднократные увещевания, без сомнения и верит, и чрез рассылаемых от него злодея с коварно-составленными ложными указами людей в толпу его собирается, а некоторые при собрании сюда силою захвачены. И так теперь, как по сказкам выходцев из захваченных злодеев, коих под крепким караулом содержится 182 человека, известно, сия его толпа состоит в тысячах около десяти в том числе яицких казаков с приехавшими вновь с 1000, илецких с 400, башкирцев с 5000, калмыков ставропольских с 700, солдат и здешних казаков, татар и заводских крестьян около 3000, из которых заводские крестьяне, по взбунтовании башкирцев, пришед в возмущение и побив приказчиков своих, в ту толпу пришли, да пушек, забранных им злодеем из разоренных крепостей и заводов, с 80. Но еще, как людей умножает, так чрез них тиранства и грабительства производит, посылая их во все здешней губернии места партиями, давая им вящшее поощрение из пограбленных в крепостях, казенных и партикулярных, а паче заводских денег довольное награждение и провиант, и чрез них отправляемых отсюда и из прочих мест курьерами и за разными делами людей ловит и тирански губит. Не оставил он злодей и к киргиз-кайсацкому Нурали-Хану чрез нарочных писать, обещая отдачею ему хану, если он требование его исполнит, яицких казацких жен и детей во владение; почему он хан, как то полковник Симонов от 9 числа сего рапортует,* детей своих Ишима и Пиралия Салтанов с киргизцами и наряжает; и хотя-де он хан к нему Симонову сообщил, якобы отправляет их сюда на помощь, однако-де коньюкторы в понятие приводят, что для содействия помянутому злодею, будучи побуждаем обещаемою корыстию, намерение он злодей имел, как все выходцы и пленники свидетельствуют, дотоле здесь под городом находиться, доколе оный возьмет; а как город регулярный и приведен в большую осторожность, то старается сделать внутреннее возмущение соблазном подлых людей и пожаром, для чего уже и подсылал неоднократно, из коих подсыльных некоторые с порохом и фитилями переловлены. Что же принадлежит до учинения над ним Пугачевым поиска, то одними вышеозначенными здешними и собранными с крепостей регулярными и нерегулярными командами, по превосходству изменнической толпы, учинить оного весьма не можно, потому наипаче, что большое количество из приведенных г-м бригадиром Корфом и здесь находящихся конных, за тем, что они в поле лето обращались, по линии на службе к употреблению в поле по разбирательству оказались неспособными; лошади ж регулярных команд, за пожжением злодеями всего здешнего сена, приведены в крайнее изнеможение, а напротив того, у них злодеев в добром качестве, которых они во всех местах нахватали, и содержа на добром корму, при высылках столь проворно обращаются, что от пеших их до конных достигать трудно, ибо они во время наступления от картечного и ружейного выстрелов

* Сей подполковника Симонова рапорт, за справедливость невозможно почесть, потому что помянутые ханские дети у Пугачева никогда не бывали, да и сам хан наклонным к стороне его никогда не оказывался.

отдаляются, а производя единственно из многочисленных орудий пальбу, рассыпаются так, что пехоте ни на картечный, ни на ружейный выстрелы сих ветренных злодеев достичь, следовательно поиска над ними никакого учинить не можно, как сообразным им конным войском, коего, за поколебанием башкирского и ставропольского калмыцкого народов и других людей, собрать нет средств. По последней мере хотя б и пехотою атаковать их разными колоннами, коих также по количеству сил здешних составить не из чего; а хотя по здешним сообщениям от г. генерал-поручика и кавалера Декалонга, с сибирских линий три легкие полевые команды и 400 тамошних казаков, под предводительством г. генерал-маиора Станиславского, да от симбирского губернатора г. генерал-поручика и кавалера Чичерина, одна рота гренадерская и две мушкетерские на здешние линии откомандированы, только по необходимости часто-реченный генерал-поручик и кавалер Рейнсдорп рассудил,* помянутому г. генерал-маиору Станиславскому с двумя легкими полевыми командами идти и расположиться в Зелаирской крепости, в центре всея Башкирии состоящей, с таким ему предписанием: 1-е, чтоб он Станиславский по сношению с Уфимскою Провинциальною канцеляриею, прочих внутренних башкирцев от худых их предприятий удерживал; 2-е, прилежащие к оной заводы предохранил; 3-е, ежели бы помянутый злодей обратился внутрь Башкирии, чтоб над ним учинил поиск, а между тем находящихся в толпе злодейской башкирцев, жен и детей в жилищах их тревожил, дабы, услыша о том, мужья их могли от злодейства их возвратиться; а третью б легкую полевую команду с казаками и симбирские роты приближил к Оренбургу, и до усмотрения будущих обстоятельств, расположил бы симбирские роты в ближайших от Орской крепостях, а легкую полевую команду с казаками в Озерной крепости, в 110 верстах от Оренбурга отстоящей, для предудержания его злодея от впадения на оные. И так теперь реченный генерал-поручик и кавалер во ожидании остался отправленных от Государственной Военной Коллегии, по высочайшему именному ее императорского величества указу, гг. генерал-маиоров Кара и Фреймана с войском, к коим по уведомлении о приближении их от 13 числа, настоящие здешние обстоятельства сообщены; но как оные до них гг. генерал-маиоров не дошли, ибо нарочно посыланные возвратясь объявили, что первый из них, по причине нападения злодейского, назад отступил, как чаятельно, для соединения с находящимися позади его следующими войсками: то по поводу полученного чрез выходцев из злодейской толпы известия, что они гг. генерал-маиоры опять сюда приближаются, от 17 числа сего и еще к ним вторичные посланы со изъявлением вышеписанного над корпусом полковника Чернышева сожаления достойного приключения и здешнего состояния, а напротив того о злодейской силе, с требованием при том от них уведомления, где они гг. генерал-маиоры и в каком количестве войска находятся, какое к поиску над злодеями предприятие приняли и расположение учинили, и в которое точно время сюда прибудут, дабы можно было, для содействия им со стороны его генерал-поручика и кавалера, приняв пристойные меры, предуготовиться, коего известия ежечасно и ожидаются; а как скоро о прибытии их известие получится, тотчас и отсюда корпус выслан быть имеет, который составлен быть может из регулярных и сколько наберется годных лошадей, то и конных регулярных же и нерегулярных из 2000 человек с 22 орудиями артиллерии.

54) 20-го числа видна была близ города из злодейской толпы во многом числе партия, которая рассыпавшись по степи разъезжала, с которою высланные отсюда яицкие казаки с 2 пушками производили перестрелку; и хотя на них злодеи по превосходству их делали сильное нападение,

* Сие г-на губернатора определение о следовании генерал-маиору Станиславскому к Зелаирской крепости им же самим отменено, как о том ниже сего будет означено.

однако ж пушечными выстрелами отражены. В них на полевом сражении сверх ружейных выстрелов выпалено из пушек ядрами 4 заряда, а при том найдено в преждебывших злодейских батареях пушечных зарядов 3-фунтовых с ядрами 3, с картечами 1, карпиярмус боченочный, обитый кожею 1, в нем пороху ручного 1 фун., ядер 6-фунтовых 3.— 21-го было фуражирование, а 22 и 23-го, кроме обыкновенных высылок и подзорных патрулей, было спокойно.

К вышеописанным последним пяти числам губернаторского журнала из приватных записок может еще служить к прибавлению сие:

На 19-е число с вечера потревожили было стоящие на валу часовые, усмотря якобы злодеев, но то была ошибка; впрочем, ночь хотя была и спокойна, но как некоторые из яицких казаков и городских жителей вчера приехавшие с сеном, сложа оное ввечеру и ночью, вторично поехали, а другие, не успев возвратиться, в лугах и заночевали; вышеозначенные ж отлучившиеся каргалинские татары о тех поездках злодеям дали знать, то в 10 часу утра начали они на Сырт выезжать и скопляться не малым людством, причем примечены были у них и пушки: тогда дан был сигнал из города выстрелом из двух пушек, чтоб оные фуражиры скорее возвращались в город; а потому многие поторопясь и приехали в город, привезши сена не мало; но злодеи, спустясь в луга во сте или двух стах человеках, нашли способ из бывших в отдалении захватить пять человек. Когда ж оные злодеи стояли на Сыртах, то выпалено от Орских ворот против их из трех или четырех пушек, да и они с своей стороны два выстрела сделали на город, но безвредно.— 20 числа от самого того времени, как злодеи окружили город, первые получены были рапорты из Илецкой Защиты от находящегося там при добывании соли капитана Ядринцова, в которых он объявил, что там благополучно, и от злодеев никакой подсылки туда не было; работы тамошние внутри крепости и добывание соли происходило с надлежащим успехом; соли готово в наличности там около 300.000 пуд.; только-де за крепость для леса и ни за чем для опасности от киргизцев выпуска не было, и один человек при них от кочевания увезен ими, а напротив того двое кундровских татар от них выбежало. Пред полуднем выслана была за город партия яицких казаков с двумя пушками, с тем намерением, чтоб злодеев потревожить и не возможно ль будет когонибудь от них оторвать; партия, долго стояв на Сырте, никого не видала; но во 2 часу начали они из лагеря своего небольшими стаями оказываться, да и скопилось было их не мало (при чем-де и сам их предводитель был), но к городу никакого устремления они не сделали. Между тем один из яицких казаков, захваченный злодеем с нижних яицких форпостов, войсковому старшине Мартемьяну Бородину родственник, нашел случай выбежать к бежавшим из города казакам, коим предводителем был помянутый Бородин; а перед вечером, когда оная высылка в город уже возвратилась, и другой такой же яицкий казак оному Бородину свойственник же выбежал. Из злодеев один или два, вблизость к нашим казакам подъехав, требовали, чтоб дан им был печатный манифест, ибо де на письменном, который прежде к ним послан, не утверждаются, могут-де такие манифесты и в городе сочиняемы быть; почему и послан был от г. губернатора в ту из города высланную партию печатный экземпляр, да два с него перевода: один на татарский, а другой на калмыцкий языки; вблизость съехавшиеся казаки у других требовали, чтоб вплоть съехаться и из рук в руки оный манифест принять; но как с злодейской стороны не хотели приехать к городским, а городские к тамошнему, то наконец согласились, чтоб выехавшему из города, положа на землю, отъехать прочь; и как он сие сделал и отъехал на небольшое расстояние, то из злодеев приехал и подняв оные листы копьем, возвратился туда; что из-за сего происходило у них, то было неизвестно; сие только было примечено, что они по приезде при-

ехавшего с теми листами съезжались в кучу, а потом и возвратились они в свой лагерь. Еще сказывали, якобы самозванец Пугачев отправил от себя 500 человек конных и столько ж пеших вверх по реке Сакмаре, а куда и зачем, не знают. А начальниками-де при сей команде сделал вышеозначенного подполковника и атамана Бородина крепостного человека атаманом, а предупомянутого ссылочного Хлопушу есаулом.

55) 21-го числа пред полуднем слышали в злодейском лагере несколько пушечных выстрелов; говорили, что причиною тому было привезенное из Татищевой крепости вино, от коего начальники злодеев были пьяны. После полудня хотя и выслана была из города небольшая партия, но из злодеев никто не оказывался; приметно было, что многие из них ездили за сеном, которое брали за Чернореченской уже крепостью и то на Заяицкой стороне, ибо-де по сю сторону оной крепости все бывшие сена ими злодеями потравлены. 22-го числа поутру высланы были за город яицкие казаки и шестой полевой команды драгуны, из коих яицкие казаки подъезжали близко злодейского лагеря; но оттуда большого людства было не видно, а выезжали только человека два, три, и с толиким же числом городских казаков имели они перекличку. Сказывают, что они кричали: не станем-де уже мы больше в близость города подъезжать и в обман вдаваться: когда в городе не станет хлеба, то поневоле сдадутся; мы-де готовы пять лет стоять здесь, а не взяв города, не отступим, а ежели надобен бой, то б городские люди подъезжали ближе к их лагерю. И так вся оная высылка в половине дня в город возвратилась.— 23 числа поутру была небольшая высылка из города; но злодеи, оказавшись в малом числе, на горе близ своего лагеря и постояв тут, далее не пошли.

56) 24-го, в день тезоименитства ее императорского величества, злодеи, как видно, для разведывания о сем, не сведены ли здешние военные служители, в рассуждении тогдашнего высочайшего торжества, со стены в обыкновенный церковный парад, в самой близости вокруг города кучами разъезжали. В них с городовой стены из пушек выпалено ядрами 3 заряда, а по окончании молебна около вала для торжества положенное число холостыми зарядами выпалено. Сего ж числа из Верхней Озерной крепости г. полковник Демарин рапортовал, что 23 числа перед светом часа за два, посланная из злодейской толпы партия, атаковав ту Озерную крепость вокруг, производила почти до самого вечера пушечную пальбу, и подъезжав-де из оной толпы злодеи кричали казакам, чтоб они не стреляли и на офицеров не смотрели, объявляя, что государь Петр Федорович идет; со всем-де тем, никакой удачи ими злодеями не получено; только со здешней стороны убит башкирец 1, ранен калмык 1, да несколько лошадей застрелено. Храбростию и неустрашимостию его г. полковника та толпа с уроном отражена. А того ж числа и от следующего, с Сибирских линий с командами г-на генерал-маиора Станиславского получен здесь рапорт, коим он Станиславский представляя безполезность к расположению в предписанном ему месте, то есть в Зелаирской крепости, и трудность к оной тракта, и что он находится уже с одною полевою командою и с казаками во ожидании при маиоре Заеве Тобольских рот в Орской крепости, намерение полагал впустить для сикурса полковника Демарина в Озерную; то к нему Станиславскому 25 числа от губернатора и предложено, когда он по предписанию его с легкими полевыми командами в Зелаирскую крепость идти не рассудил, то б благоволил с сибирскими ротами непродолжительно в помянутую Озерную крепость поспешить, и будучи в оной, или на дороге, старался во-первых ту злодейскую партию, которая крепость атаковала, всемерно разбить и злодеев переловить; а как известно было, что и к Зелаирской крепости отправлены от него злодея башкирские партии, чтоб для сикурсу тамошнему гарнизону доставил он туда хотя одну роту и несколько казаков, и рассевая чрез башкирцев в народе их состоящимися о злодее

самозванце манифестами, ежели способы найдутся, и он г-н генерал-маиор в состоянии будет башкирские партии разбивал, и до дальнейшего вреда не допускал, чего б ради и другую назади его оставшуюся легкую полевую команду к себе приближил.— 25-го числа днем и ночью было спокойно.

57) К последним двум числам, то есть к 24 и 25-му может приобщено быть, что на 24 число в ночи примечен был в старом злодейском лагере против Егорьевской церкви раскладенный огонь; догадывались, что злодеи имели тут своих людей; а в полночь слышны были в лагере их под Бердскою слободою пушечные выстрелы; поутру ж в начале 9 часа усмотрены они великими толпами и немалым людством выходящие из лагеря своего прямо к городу; наибольшая их часть останавливалась и разъезжала против города на Сырте к Сакмарской стороне, иные по лугам перебрались и разъезжали за рекой Яиком; а еще около трех или четырех сот человек, переехав реку Яик около Маячной горы и выехав на ту дорогу, по которой ездят в Илецкую Защиту, пошли было вдаль по сей дороге; все мнили, что они пойдут к той Защите, по причине вчерашнего туда отправления и для разорения оной Защиты; но в 1 часу после полудня со стороны Нежинского редута оказался на тамошних горах обоз; сперва думали, что следует в Оренбург какая-нибудь команда,— только открылось наконец, что то посыланные от злодея в ту сторону за сеном, возвращаются они, не спущаясь в дол, прошли, как чаятельно, опасаясь пушечных выстрелов, по горам; а как скоро сей их обоз (кой составлял около 1000 подвод) по Сырту миновал город, то и все злодеи начали убираться в свой лагерь, в том числе и те, кои переехав, пошли было по Илецкой дороге; но последние все ль возвратились и не устремились ли некоторые из них для злодейств в помянутую Защиту, сего познать было не можно; явно из того, что все они выезжали для прикрытия своих фуражиров, опасаясь городского на них нападения. При сем случае поймано высланною из города небольшою яицких казаков командою два башкирца, да один башкирец же исколот копьями; еще один злодей, который против Орских ворот ближе других отважился к городу подъезжать, убит ядром, выстреленным от трех ворот; с нашей стороны удалось оным злодеям отхватить бывших на рыбной ловле двух человек.— На 25 число пред утром получено было известие из Верхней Озерной крепости (в коей командиром оставлен полковник Демарин), что злодеи, пришед в оную крепость в числе около тысячи человек, имея при себе от 8 до 10, делали приступ, и пальба-де продолжалась с обеих сторон 8 часов, а из злодеев-де многие побиты; и они принуждены были отдалиться в Кундровскую слободу, от Озерной в 12 верстах на реке Сакмаре имеющуюся. Сего ж числа отправлен чрез Яицкий городок присланный от Государственной Военной коллегии курьер в С. Петербург.

58) 26-го числа, по причине полученного от полковника Демарина рапорта и открывшегося чрез выходцев из злодейской толпы известия, что реченный самозванец Пугачев с сообщниками своими сам пошел для атаки и взятия Озерной крепости в полутора тысячах человеках, а сверх того из той толпы во многом числе поехали и за сеном, имеющимся около Нежинского редута, состоящего выше Оренбурга по реке Яике расстоянием в 18 верстах; к перехвачению сего сена, а паче к удержанию злодея от предприятий его, выслан был отсюда корпус из регулярных и нерегулярных около 1000 человек, который хотя неприятеля и отражал, но в рассуждении превосходства злодейских сил, по учинении довольной перестрелки, возвратился в город без всякого урона. На оном полевом сражении выпалено из пушек с ядрами 51, да с картечами 3, итого 54 заряда; причем ранено из высланных отсель из города казаков 8, а злодеев действительно застрелено и заколото 10 человек, в том числе один находившийся в злодейской толпе провиантмейстером.— 27-го и 28 чисел, как в денное, так и в ночное время было спокойно, а 29-го было фуражирование.— 30-го, не получа ожи-

даемых сюда ни с которой стороны в сикурс команд, а уведомленость между тем от каргалинского татарина о рассылке злодеев в разные места людей; сверх того г. губернатор, примечая при неоднократных сражениях, что в рассуждении превосходной злодейской команды, а напротив того изнурения здешних казачьих лошадей, и что от лагеря злодейского до самого города простирается степь, совершенного успеха одержать без сикурса надежды не предвиделось, с гг. обер-комендантом генерал-маиором Валленстерном, штаб и обер-офицерами имел общий совет, и сделана им губернатором такая секретная диспозиция, чтоб собрав тот корпус до рассвета, идти в тот злодейский лагерь ночью, и нечаянным образом сильно его атаковать, в надежде того, не получено ль будет при том такого успеха, чтоб приведя его злодея со всеми в том лагере в страх и конфузию, захваченных и у него злодея в неволе содержащихся солдат и прочих выручить и всю его злодейскую шайку разрушить; по коей диспозиции, хотя тот корпус и собрался и за город вышел было, только к несчастию по справке оказалось, что назначенных под артиллерию кавалерийских лошадей 30 в ту ночь от бескормицы пало, а у обывателей в скорости собрать время не доставало, а между тем и рассветало, и дабы на рассвете от оной злодейской толпы по предводительству ее здешняя команда ко вреду подвержена не была, и что при том случились и дезертиры, того ради принуждено оный корпус возвратить, отложа то намерение до удобного времени.

К вышеозначенным последним сего месяца числам по приватным запискам может еще в дополнение служить сие, что на 26 число в ночи пойман за рекою Яиком около Менового двора один мулла из нагайцев, живущих в Кундровской слободе, чрез которого уведомленось, что предводитель злодеев сам с тысячью человеками отлучился к предупомянутой Озерной крепости, в помощь туда от него посланному ссыльному Хлопуше, и якобы он помышляет итди отсюда для зимованья в Яицкий казачий городок. Поутру в 9 часу усмотрены злодеи, в великом людстве поднявшиеся из своего лагеря и едущие по Сыртам к стороне Нежинского редута. Признавали, что они шли за сеном, к тем же местам, откуда они 24 числа провезли сено; а другие мнили, что все они, или некоторые из них, идут к вышеозначенной Озерной крепости для усилования подшедшим туда прежде. Признавая, что за таким не малым выездом в злодейском лагере осталось людство не большое и сделать бы оборот туда поехавшим, учинена к городу высылка в числе около тысячи человек регулярных и нерегулярных людей, коею предводительствовал г-н обер-комендант, а при регулярных был осьмой легкой команды секунд-маиор Зубов. При сей команде отправлено было 8 артиллерийских орудий, в том числе 3 единорога. Отошед она от города версты с 2 или с 3, остановилась на высоких местах, подвигаясь то в правую, то в левую стороны, а более склоняясь в левую, подавая вид, якобы к наступлению на злодейский лагерь. Между тем из пушек выпалено было разов до пятидесяти, и от злодеев столько ж, а казаки с показавшимися злодеями имели и перестрелку; когда ж дошла о том ведомость до отъехавших уже за Нежинский редут злодеев, то все они, оставя предприятое свое намерение, поворотили назад к лагерю, причем и сена при них было не видно. Городская ж команда против злодейского людства будучи гораздо меньше, не вступая уже с ними ни в какое дело, возвратилась вся в город. Сего числа выбежал из злодейского лагеря один алексеевский казак, захваченный в команде полковника Чернышева,* да по объявлению яицких казаков на перестрелке убит один злодей; с нашей стороны ранено два казака и один татарин, да бежали к злодеям один калмык и один каргопольский татарин.

---

* Сей казак выбежал еще прежде выступления команды за город и объявлял, что самого злодея в лагере нет, и за выездом многих, весьма там малолюдно, а потому и был самый способнейший случай приступить к оному лагерю, ежели б команда выслана была не меньше учиненной сего месяца 14 числа высылки.

59) На 27-е число в ночи злодейских подбегов не бывало, а в день хотя и говорили, что будет высылка к злодейскому лагерю, но оной не учинено, может быть затем, что поутру казалось несколько туманно и сыроватая погода; однако около половины дня разведрило; из злодейского ж лагеря и сегодня примечена была не малолюдная посылка к Нежинскому редуту за сеном, откуда многие из них с сеном и возвратились. С вечера ж на 28 число, хотя и сказано было, чтоб сей день быть большой высылки с сильною артиллериею прямо к Бердской слободе, только, неизвестно, зачем, оной высылки не было; а ввечеру сего ж числа была высылка за реку Яик, по причине, якобы злодеи напали на поехавших туда за сеном, но узнав наконец, что то произошло по выстрелу из ружья, ненарочно одним драгуном учиненному, возвратились все в город. — 29 числа до рассвета выслано было яицких казаков человек до 50 к Маячной горе, с тем, не удастся ль схватить из когонибудь с обыкновенного тут злодейского караула; но они никакого караула там не изведали, захватили только одного отставного солдата, для злодеев на реке Сакмаре ловившего рыбу; на рассвете ж высланы были и все яицкие казаки, коих усмотря злодеи начали было выезжать из своего лагеря, и скопясь сот до пяти и более, стояли о трех кучах неподвижно, а разъезжали немногие; но как у высланных из города ни одной пушки не было, и пока по требованию их оные сбирали и отправляли при драгунской команде, между тем все они поехали в свой лагерь, а городские возвратились назад; и слышно было, якобы предводитель злодеев из-под Озерной крепости вчера ввечеру с немногими людьми возвратился, и как-де сообщники его спрашивали про поехавших с ним людей, ответствовал, что все они отправлены от него в другое место; впрочем примечено было, что из-за Нежинского редута по самой поверхности Сыртов везено было злодеями множество сена, которое прикрывали до самого вечера расставленные от них в немалом числе форпосты. На 30-е число в ночи пред утром подъезжал к городскому валу один из злодеев, с тем, чтоб для переговора с ним выслан был кто-нибудь из города, а поутру выбежал из злодейского лагеря один каргалинский татарин, захваченный злодеями еще при первом их приближении к городу. Поутру выслано было из города оренбургских казаков человек до 50, да 20 яицких, с тем намерением, не удастся ль кого отхватить из поехавших за сеном злодеев; как они, в близость к ним подъехав, стали требовать, чтоб они по утрешнему своему требованию для переговора, кого хотят, выслали, а потому о их надобности и губернатору будет доложено, то вместо ответа сделали они выстрел из ружья: чего ради и началась между ними перестрелка; но как при городских не было ни одной пушки, а злодеи имели их у себя три, то по требованию пушек и помоги, высланы были за город все яицкие и оренбургские казаки, и находящиеся в городе калмыки, также и драгуны легких команд и при них 5 пушек. Пальба пушечная началась с обеих сторон в исходе 2-го часа пополудни (но злодеи, имея у себя только три пушки, палили из них реже), а между тем у нерегулярных ручной бой происходил, что всё продолжалось до 5-го часа пополудни. Злодеи, не видя себе усилования из лагеря, принуждены были отдалиться к Сыртам, где у них сенные возы находились, а из-за сего уже и городская высылка возвратилась вся назад. С нашей стороны ранено 3 казака и до 10 лошадей, а на злодейской стороне счисляли убитых человек до 20, в том числе один со значкою, которую и привезли в город да одного илецкого казака поймали и привезли в город. Особливое примечание было сего числа то, что между всеми злодеями, на сражение выезжавшими, яицких казаков было весьма мало, а наибольшая-де часть состояла из башкирцев, да и раненые из городской высылки люди и лошади ранены были стрелами, которых, кроме башкирцев, у злодеев никто не имеет.

Часть IV.— *Продолжение Оренбургской осады, бывшие на злодеев из города вылазки, приступы самозванца Пугачева к Оренбургу, усилование его и другие приключения декабря с 1-го января по 1-е число 1774 года.*

---

60) Декабря 1 числа, чрез нарочно-присланных получен рапорт от находящегося в Яицком городке в комендантской должности подполковника Симонова от 25 числа октября, коим он, по объявлению посыланного от него по ордеру губернаторскому в команде сотника Петра Копеечкина, в числе ста человек послушной и непослушной стороны казаков для поимки находящихся при урочище Ранних Хуторах, посланных из злодейской толпы с возмутительными к яицким казакам письмами, казаков же Дмитрия Сломихина с товарищи послушной стороны казака Бориса Чеботарева, доносил, что по приезде в те хутора означенной команды от находящихся тут вятских казаков пяти человек означенной сотник Копеечкин согласной стороны с казаками несогласными пойманы и в злодейскую толпу увезены. И Копеечкин, как от него Симонова от 29 ноября по объявлению вышедших из той толпы из калмыков казаков рапортовано, пятерен; а он-де Чеботарев спасся от них бегом. Того ж 1 числа из Верхней Озерной крепости от г. полковника Демарина рапортовано, что злодейская партия, по разбитии и разорении Ильинской крепости и по взятии расположенных г. генерал-маиором Станиславским трех Сибирских рот, вторительно, то есть 26 ч. ноября, оную крепость атаковала вокруг и производила немолкную пушечную пальбу. Пополуночи с 9-го часа, а с обеда спешась, сперва с одной стороны в овраге намерены были штурмовать, но по неудаче, зайдя в другой глубокий овраг от гумен человек до 400, с коими были и все отправленные отсель в домы за худобою лошадей и злодеями на дороге перехваченные, и с яицкими казаками продолжали неугасимый оружейный при пушечных выстрелах огонь, также и из сайдаков стреляли и неоднократно взвизгивали, намереваясь ударить копьями, крича казакам и прочим нерегулярным, чтоб они, не смотря на бояр, вышли из крепости в толпу их, который-де огонь с тех полуден продолжался беспрерывно до 10 часа ночи; однако ж благоразумным распоряжением и неустрашимостию его Демарина они злодеи с уроном отбиты. Причем он Демарин, для подачи примера подчиненным своим, из коих было регулярных гарнизонных с чинами только 369 человек, к неустрашимости, принужденным нашелся сам стрелять из пушек, а они, ободрясь сим, должный отпор чинили храбро и неустрашимо; особливо ж похвалял он Демарин отменную прилежность и мужество прапорщиков Лопатина и Епанечникова, сержанта Полякова и провиантмейстера Кокурина, прося, чтоб они за то без награждения оставлены не были, и объявляя, что при том сражении со злодейской стороны, по видимой крови, убито немалое число, коих-де они, кроме оставшихся трех мертвых, видно из предводителей их, тех с собою увезли; а с нашей стороны убито: солдат 5, денщик 1, неприверстанный в службу солдатский сын 1, башкирцев 2; ранено: капрал 1, солдат 2, отставный солдат 1, казак 1; убито ж лошадей 8. По причине сего, от 2-го числа к г. генерал-маиору Станиславскому, в чаянии том, что он на сикурс в Озерскую крепость уже прибыл, прежнее губернаторское от 25 числа ноября предписание подтверждено, с тем, чтоб как от злодея не редко в окольные жительства рассылаются партии для злодейства в небольшом количестве, а именно: стах в двух, и трех, благоволил бы старание прилагать, об оных делах разведание, и чрез высылку из корпуса его пристойного количества людей, оные разбивать, а при том и в ближайших башкирских жительствах, из коих башкирцы в той злодейской толпе находятся, ежели возможно будет, делать шкоду, дозволяя имущество их разбирать, а жен и детей тревожить; но дабы по причине сей не был он г. генерал-маиор от них башкирцев или от известного злодея подвержен опасности, то б и находящуюся в Верхо-Яицкой крепости легкую полевую команду к себе приблизил, а

третью в Верхо-Яицкую взял, и от него злодея имел бы всю крайнюю предосторожность, чтоб он коварными его поступками не мог причинить ему нечаянного беспокойства; а дабы он г. генерал-маиор сие предписание с точностию исполнил, то о учинении ему подтверждения, того ж числа и к г. генерал-поручику и кавалеру Декалонгу сообщено; Исетской же провинции к воеводе г. статскому советнику Веревкину, по поводу попавшихся к злодею тамошних казаков, и полученного известия, якобы из тамошней провинции башкирцев человек до 600 в злодейскую толпу пришло, и дабы по последней мере, прочие от того предварены были, предложено неусыпно стараться, дабы находящиеся в домах казаки, а особливо башкирцы, в верности их колебаться и в вящшее себе предосуждение на злодейство подвизаться не могли, внушая им о состоянии помянутого злодея состоявшимися о том манифестами, а ежели паче чаяния сие средство успехом быть может, то стараться чрез верных делать тем колеблющимся, а особливо в толпе его злодейской находящимся башкирцам шкоду, позволяя имущество их в добычу, а при том и жен и их детей разбирать по себе; а как здесь, по многолюдству и за непропуском злодеям из внутренних жилищ съестных припасов и хлеба, в провианте наступает большая нужда, то ему Веревкину рекомендовано в предварение той службы приложить старание из собираемого с крестьян в казну хлеба, муки и круп обоего рода до 10,000, да овса до 500 четвертей в близость к Оренбургу, а именно, ежели далее не можно, то хотя до Орской крепости по линии доставить на крестьянских подводах, или подрядом, наблюдая высокой интерес. Ежели оного вдруг доставить не можно, то по такому числу, по какому заблагорассудит.*

61) Декабря на 1-е число был приказ, чтоб всем командам приготовиться к выступлению до рассвета дня на злодейской лагерь под Бердскую слободу, да и выведены они были за город в 4 часу пополуночи, притом готовы ж были 28 артиллерийских орудий, чтоб с трех сторон тот злодейский лагерь атаковать. Все команды с радостию того желали, а особливо военные люди к наступлению на злодеев показывали великую охотность; да присем и погода была самая умеренная — светлая и тихая; но таким порядком за город уже выведенная команда, построясь там часа три, в начале 8 часа опять возвращена в город; причина того была неизвестна, а после сказывали, что из стоявших на валу часовых двое бежали к злодеям, из коих один пойман разъездными казаками, а другой туда ушел, почему якобы и рассуждено оной вылазке и атаке сей день быть не сходно; но существительная причина после открылась та, что под приготовленную артиллерию не достало немалого числа лошадей, о чем прежде было известно. Во время обеденного благовеста слышна была в злодейском лагере пушечная пальба раз до 15, а потом и еще она была и продолжалась едва не до самого вечера.— 2, 3, 4, 5 и 6 чисел, как в денное, так и в ночное время, было спокойно.

62) Предозначенные последние числа могут дополнены быть из приватных записок следующим. На 2-е число в ночи вышел из злодейского лагеря один захваченный, туда недавно определенный из рекрут, солдат, да и пронесся слух, якобы вчерашняя у злодеев пальба была по причине междоусобия их с башкирцами, которых будто 6 не малое число отошло в свои жилища, для того, что самозванец приказал, неведомо за что, повесить одного их старшину. Во время первого приступа злодейского к Озерной крепости смертельно ранен был бывший тут предводитель злодеев, воспитанник подполковника и атамана Бородина, коего называли Бородиным же. Он по привозе в крепость о средине его допроса и умер; удалось только оным злодеям разграбить бухарский караван, находившийся в Ильинской крепости. А генерал-де маиор Станиславский в Озерную крепость при отправлении тех рапортов

* Провианта с сей стороны в Оренбург не только в текущем году, но и по самой от Оренбурга злодейской побег ничего в привозе не было.

еще не бывал, а стоял в Орске. С вечера хотя и был приказ, чтоб всем командам в 5 часу пополуночи быть готовым к выступлению на злодеев, но поутру всё то отменено; а потом пред полуднем в 10 часу рассуждено было опять сбираться и готовить для того ж команды с артиллериею, что всё продолжалось до половины первого часа; а потом вся оная команда (из коей часть из города уже была выведена с частию артиллерии), неизвестно для чего, распущена по квартирам.* На 3-е число с вечера у злодея, против обыкновения его, вместо одного, сделаны были три выстрела пушечных, а для чего, неизвестно; после литургии в соборной церкви читано было чрез протопопа присланное от преосвященного Вениамина, архиепископа казанского, генеральное для всех увещание, по причине оказавшегося самозванца, в преизрядных изъяснениях и доказательствах состоящее. После ж того был благодарный молебен для бракосочетания его императорского высочества. Яицких казаков небольшое число выслано было за город к Маячной горе, а прочие заведены были в низкие места, на такой случай, ежели появится злодей и способность окажется, сделать на них удар и кого бы нибудь отхватить из них; но кроме самого малого числа, никто от них не выезжал; и так все оные казаки около полудни возвратились в город. — 4 числа ничего особливого не было; токмо после полудни пронесся слух, якобы из находящихся в городе яицких казаков, поехав за сеном назад, один не возвратился. Ввечеру отправлены письма чрез Киргизскую степь в Яицкий городок, а оттуда велено их отправить подполковнику Симонову с нарочным до Казани. На 5-е число, как ввечеру, так и поутру обыкновенных в злодейском лагере пушечных выстрелов было не слышно. В 11 часу утра хотя и собраны были военные регулярные и нерегулярные люди, а потому и надеялись из города быть вылазке, однако ж ее не было, и те люди распущены были опять по квартирам. Между тем сказывали, что около полудни слышна была в злодейском лагере ружейная пальба и два выстрела из пушек, а по какой причине, неизвестно. Несколько яицких казаков высылано было за город; за бывшим туманом никого они злодеев не видали, а привели только двух лошадей с уздами, отлучившихся из злодейского лагеря. После полудни многие ездили к Нежинскому редуту за сеном и привезли оного довольно,— 6-го числа ничего особливого примечено и слышно не было, кроме того, что около полудни была в злодейском лагере еще ружейная пальба, а между тем из пушек пять раз выпалено, вероятно, что то было у них по причине пьянства, как то и прежде случалось.

63) 7-го числа для поимки из злодейской толпы языка выслано было из города оренбургских и яицких казаков с прикомандированными к ним двумя пушками всего с 500 человек, которыми хотя с выехавшими злодеями при пушечных выстрелах и производилась перестрелка, токмо языка, за превосходством злодейских сил, поймать не удалось; на оном полевом сражении из пушек выпалено было с ядрами 24 заряда.— 8-го было спокойно. — 9 числа оказались и разъезжали злодейской толпы во многом числе партии не только в виду, но и в самой близости города, с той стороны, где форштат был, против которых рассуждено легкими войсками каждодневно производить шермиции; но дабы оные, будучи подкреплены регулярными, случившимся успехом старались вредить и ловить неприятеля, для того г. обер-коменданту дан ордер, чтоб состоящие в резерве команды расчислить на три части, поруча каждую надежному штаб-офицеру с потребным числом обер- и унтер-офицеров, и приказать каждой части состоять в ежечастной готовности, из которых по одной при каждой высылке и выходить по очереди за город при шести орудиях, располагая оную по высотам за бывшими злодейскими батареями, с таким при том учреждением, чтоб они,

* На сих днях была еще самая умеренная осенняя погода, снег был еще весьма мелкий, а потому к наступлению на злодеев еще удобное и способное время.

как легким войскам в подкрепление служили, так злодеям, усматривая способы, вредили. С городовой стены из пушек выпалено с ядрами 6 зарядов; того ж числа от генерал-поручика и кавалера Декалонга и генерал маиора Станиславского получены, от первого сообщение от 24 ноября, а от второго рапорт от 4 декабря, пущенные с ними. Декалонг, по поводу полученного им отсюда от уфимского воеводы известия о последовавшем от злодея над подполковником симбирским комендантом Чернышевым приключении, и о захвате из следовавшей из Казани в команде маиора Варнипеда команды солдат, и что г. генерал-маиор Кар с корпусом, по причине злодейского нападения, отступил по новой Московской дороге назад, да и Озерная крепость атакована, советовал, чтоб сибирские войска раздробленно не посылать, а соединя, пробраться б им к Оренбургу, и тут приобща к ним находящиеся в оном, совокупными силами ударить на толпу злодейскую и стараться оную истребить; а с другой стороны попечительно наблюдать и то, чтоб те злодеи не прорвались во внутренние Оренбургской губернии башкирские и заводские селения, чрез что и не причинили б наивящшего интересу убытка, а обитателям разорения. Станиславской рапортовал, что Ильинская крепость 29 числа ноября поутру злодеям по сильном, бывшего в оной, следовавшего от него впереди к Озерной крепости, маиора Заева с тобольскими губернскою, гренадерскою и другими мушкетерскими ротами и девяносто двумя человеками казаков, сопротивлении, взята, некоторые солдаты и казаки порублены и поколоты, да и с маиором Заевым и с офицерами то ж учинено, а двое офицеров, капитан и прапорщик, повешены, прочие ж солдаты и казаки злодеем захвачены; в крепости ж, как денежная казна, так равно и обывательское имение всё без остатку поразграблено, а церковь и двор зажжены; в рассуждении чего, и дабы ему Станиславскому последней малой команды не потерять и не открыть бы тем всей линии злодеям на похищение, возвратился он в крепость Орскую, для ожидания из крепости Верхо-Яицкой 10-й легкой команды и гарнизонной роты. По получении сего, сожаления достойного известия и что отправленных от Государственной Военной коллегии гг. генерал-маиоров Кара и Фреймана поныне сюда дождаться, и, по неоднократным от губернатора чрез нарочных предложениям, уведомления получить от них не можно, где они, и в каком состоянии находятся, и какие свои предприятия делают, и что г-н же генерал-маиор Станиславский, будучи поручен в полную губернатора команду, двух его предложений, о следовании с командами в Зелаир, и по отзыву его, что ему туда идти невозможно, то б по случаю атаки Озерной крепости, в оную поспешать не исполнял, находя он губернатор с мнением г. генерал-поручика и кавалера Декалонга согласным, от 10 числа сообщил к нему, чтоб он для содействия здешним войскам корпус с его превосходительством помянутого г. генерал-маиора Станиславского, или другого, кого рассудить изволит, отправил сюда весь совокупно, ибо отправление раздробленное подвергается крайнему предосуждению, как то с вышеписанными сибирскими командами и приключилось; но как по линии, за немалом проездом команд и за пожжением злодеем сен, в фураже великой недостаток находится, то б велел он ему г. генерал-маиору всеми командами, отколе прямее, взяв с линии хороших и надежных вожатых, следовать сюда, минуя Зелаирскую крепость, около Петровского завода, или как ближе и способнее признается. А при том он г. генерал-поручик и кавалер постарался в рассуждении недостатка здесь провианта и что его не более стать может, как на месяц, и оного поблизости из Исетской провинции отправить сюда достаточное количество подрядом, или на крестьянских подводах; о чем к нему г. генерал-поручику и кавалеру от 18 числа сего и еще повторено.

К вышеозначенным числам в дополнение сообщается еще, что 7 числа поутру в 9 часу оказались злодеи, немалыми толпами

выходящие из своего лагеря, из коих человек сто спустились в дол, где их прежний лагерь был, и перебрались на степную сторону реки Яика, может быть в чаянии, дабы отхватить кого-нибудь из поехавших за сеном; в предосторожность их, выпалено было у соборной церкви из двух пушек, почему и вобрались все бывшие там для сена в город. Прочие злодеи разъезжали по Сырту около убогого дома и на тамошних высотах. По сей причине высланы были из города яицкие и оренбургские казаки и калмыки с двумя пушками. Они, подъехав к злодеям на пушечный выстрел, начали палить из пушек и перестреливаться из ружей; напротив чего, злодеи начали свою пушечную пальбу, а наконец, выпаля одним разом из пяти пушек, стали отдаляться, и хотя городская высылка, напирая на них за самые Сырты, следовала за ним, но злодеи, нигде не останавливаясь, отдалялись к своему лагерю. Вчерашнее их пьянство подтверждалось и тем, что и сегодня многие из них безобразно скакали на своих лошадях, искривляясь то в ту, то в другую сторону; наездники, подъезжая по малому числу врознь, кричали и звали к себе в гости; равномерно ответствовали им и городские; между того из злодеев некоторые сказывали, якобы завтрашний день будет к ним из Москвы великий князь Павел Петрович с тридцатью тысячами войск и с тремя генералами, а в понедельник-де сделают они в городу такой приступ, что всему уже городу жарко будет; а потом убрались они в свой злодейский лагерь; но обыкновенного у них вечернего выстрела из пушки сей день слышно не было. На 8 число в ночи и в день ничего особливого не происходило. Заночевало было несколько каргалинских татар, поехавших за сеном, а потому и думали, что отлучились к злодеям; но поутру все они возвратились в город с сеном. — 9 числа, поутру часу в 9-м злодеи начали показываться из своего лагеря немалыми толпами, следуя к тем самым высотам, которые прежде городская команда занимала. Людство их казалось хотя и не весьма велико, однако необыкновенно умножено было значками; посему выслано было за город несколько яицких казаков; некоторые из них имели с злодеями перестрелку; но, кроме пустых слов и угроз, ничего от злодеев не было. Между прочих показывался тут и бежавший под 4 числом яицкий казак, объявляя на себе красный кафтан, и выговаривая, что он ему от царя пожалован, склоняя, дабы и другие, смотря на то, к нему в службу приезжали; но как от городских ворот в одну скопившуюся на Сырту кучу сделан был пушечный выстрел, то все перевалили они за Сырт, а потом и в лагерь своей отошли, из-за чего и городские возвратились назад, между тем злодеи не малое число подвод отправили по Сыртам за Нежинский редут для сена, да и привезли оного в лагерь свой весьма много.

64) 10-го числа, за бывшим ненастьем высылки на злодеев не было и от них было спокойно; а 11 числа, вследствие вышеписанного 9 числа учиненного предписания, для поражения предписанных злодеев и поимки из них языка, сперва Яицких и здешних казаков с первою частию регулярных, под предводительством премьер-маиора Наумова, вышло около девятисот, у которых с злодеями перестрелка была; но как злодейская толпа умножилась, то принуждено было против их и вторую часть регулярных с другой стороны, под предводительством легкой осьмой полевой команды командира маиора Зубова, со всем назначенным к выходу числом артиллерии, выслать; однако злодеи, усмотря оную, тотчас ретировались в свои ямы, причем из них двое захвачены. На оном полевом сражении из пушек выпалено с ядрами 137 зарядов. — 12, 13 и 14-го, за бывшим великим ненастьем, высылки из города не было, и от злодея было спокойно. На 15 число в рассуждении того упомянутого злодея примечалось в артиллерийских припасах недостаток. Г. обер-коменданту рекомендовано, что 16 числа так скоро, как рассветает, яицким и оренбургским казакам со всеми их старшинами, а за ними резервным второй и третьей частям, каждой при шести

орудиях, выступя, по прежде учиненному предписанию, за город, злодеев тревожить и чрез то вызывать их к ближайшему над ними поступлению. Почему означенные яицкие и оренбургские казаки, а за ними и резервные две части под предводительством г. бригадира Корфа и выходили, и по учинении передовыми казаками одних перестрелок, за появившимся вдруг великим туманом, под умножением которого злодеи назад отступили, возвратились в город. — 17 числа злодеи вдали и близ города разъезжали, только по причине наставшего холода высылки не было; в них с городовой стены выпалено из пушек ядрами два заряда.

В дополнение к последним, то есть от 13 по 18 число, из приватных записок может прибавлено быть сие, что 10 числа ввечеру из поехавших за сеном не явилось из бывших в городе двух бердских казаков; знатно ушли они в свою слободу.—11 числа до рассвета приехали из Илецкой Защиты с сеном и с рапортами, что там обстоит благополучно. Под утро выезжал от злодеев о двух конях оренбургский казак, а в 8 часу учинена высылка под командою шестой легкой команды премьер-маиора Наумова, причем и все нерегулярные находились, и было 6 артиллерийских орудий. Злодеи, усмотря ее, всем своим людством конные и пешие начали выбираться из своего лагеря, и вышло их по примеру около трех тысяч человек; конные разъезжали на переди, а пешие поставлены были у них на самых дальних Сыртах (приметно было, что они никакого оружия, кроме палок, не имели, и составляли большое людство, по признанию ж были пленники). В 9 часу началась с обеих сторон пушечная пальба, и продолжалась частыми выстрелами часа с полтора; но как городских людей число было невелико, то и рассуждено, в подкрепление их вывесть за город осьмую легкую команду и умножить артиллерию, из-за чего злодеи, не чиня никакого приближения и устремления к городу, стояли на Сыртах, подаваясь то в правую, то в левую сторону, а некоторые из яицких казаков и из злодеев между тем вступали в ручное сражение, причем городскими поймано с злодейской стороны три, а убито до десяти человек. Один яицкий казак сказывал, что не зная в лицо предводителя злодеев ненарочным случаем очень близко к нему самому подъехал прежде; хотя все у него находящиеся яицкие казаки, войскового старшину Мартемьяна Бородина обыкновенно Мартюшкой называли; но тот главный их предводитель кричал ему: скажите, чтоб Мартемьян Михайлович Бородин выехал один с ним для переговора; а сие выговоря и поскакал он назад.* И хотя сей старшина скоро после того выезжал и искал случая, чтоб ему с тем злодеем говорить, и расставя людей своих в отдалении, требовал его злодеева выезда, но его-де уже тут не было из-за чего все и разъехались злодеи. С нашей стороны убитых и раненых не было: три только лошади ранены. С нашей стороны было до 170, а от злодеев до 150 выстрелов; но злодеи били больше картечными зарядами.

65) 12-го числа поутру хотя и назначено быть еще высылке но, за случившимся великим мокрым снегом, оная отменена; более особливого ничего не было, кроме сего: что примечено на Сыртах не малое число злодеев, едущих из-за Нежинского редута с сеном. После полудня в 7 часу отправлен в Илецкую Защиту с указами сержант Теленков и несколько казаков и лошадей, приезжавших с сеном; на 13 число, с вечера, также назначено было быть высылке под предводительством бригадира Корфа; но, за бывшим ночью и в день сей сильным дождем, оная высылка отменена. На 14 число

* Говорили, якобы сей день к поимке самого означенного злодея был весьма хороший случай: и ежели б яицкий войсковый старшина Мартемьян Бородин с бывшею при нем командою наперед не возвратился в город, донесши стоявшему тогда на валу г. губернатору, что то принужден он учинить за усталью лошадей, от углубившегося снегу, и так оставалась тогда на поле одна регулярная команда с артиллериею. Немного побыв в городе, хотя он Бородин со всею своею командою и еще туда выезжал, но злодеи тогда стали уже разъезжаться в свой лагерь, а потому вторичной его Бородина выезд и был уже бесплоден. Погода была тогда теплая и тихая.

с вечера повещено было командам в первом часу пополуночи быть готовым к выступлению на злодеев, к чему они с охотою и готовились; но в 4 часу после полуночи оное паки отменено, по той причине, будто б для артиллерии подъемные лошади не все были подкованы, а дорога, по причине вчера бывшего дождя, сделалась ледовита и скользка; сегодня ж пронесся слух, якобы начальник злодеев послал от себя к городу Уфе и в тамошний уезд воровскую свою партию, а в каком числе, то неизвестно. В ночи и поутру 15 числа возвратились несколько из-за Нежинского редута, ездившие туда за сеном, и привезли оного больше ста возов; но пяти или шести человек из слуг не явилось, знать захвачены злодеями; ибо пред вечером примечено было, что и они по Сыртам близ ста возов привезли к себе сена оттуда ж. На 16 число с вечера был приказ воинским командам, готовиться к выступлению на злодеев прежде утренней зори. Сия высылка была под предводительством бригадира Корфа, и в числе регулярных и нерегулярных превосходила прежние. Артиллерийских орудий было при ней 24, в том числе 6 единорогов. Вся оная команда разделена была на три части: одною командовал г. Корф, другою шестой легкой полевой команды премьер-маиор Наумов, а третьею баталионный командир премьер-маиор Панов. Из города выступили они в исходе 9 часа поутру, и заняли на Сыртах способное положение, от города расстоянием версты с полторы. Яицкие и другие нерегулярные люди (при коих особых пушек сей день не было), были у них впереди на такое ж расстояние. Все мнили, что оные три команды поведены будут прямо к Бердской слободе, чтоб, сбив злодеев, овладеть их лагерем. Злодеи долго не оказывались против сей высылки, и уж в 11 часу начали они появляться на самых задних Сыртах, и выехав их немалое число, стояли там почти неподвижно, а наконец сделав пушечных выстрелов до пятидесяти (сказывали, якобы все те выстрелы были пустые без ядер), поворотили назад в свой лагерь. Городская регулярная команда, постояв на занятых ею местах с полчаса, обратилась также назад и вошла в город в исходе 12 часа, не сделав с своей стороны ни одного выстрела.* Между тем передовые яицкие казаки имели с злодеями перекличку, но в пустых словах состоящую: городские вызывали злодеев на сражение к городу, а злодеи кричали, что они того не сделают, а подъезжали б все городские к их лагерю. При сем случае отхвачен злодеями бывший в числе яицких казаков калмык, именем Дуртя, который был сотником и почитаем был за хорошего наездника; напротив того, городскими яицкими казаками убит один злодей, а другой яицкий же казак пойман и прислан в город; другие мнили, что помянутый калмык в злодейскую толпу самовольно забежал, и будто б он прежде проговаривал, что ему хочется самому у злодеев побывать и оттуда опять в город возвратиться не с пустыми руками.**

66) 17-го числа поутру в 10 часу появилось злодеев немалое число, едущих из лагеря своего прямо к городу; три толпы, выехав от Бердской слободы, остановились на Сыртах, в отдалении от города, а человек до пятидесяти подъезжало из них к тому самому месту, где обыкновенно из городских конюшен навоз вывозят и бросают. Предводителем у них примечен один, в красном кафтане разъезжавший; из сих передовых некоторые гораздо ближе подъезжали к городу, меж которыми бывший оренбургский казак Каринцов требовал, чтоб для переговора с ним выслали брата его, в го-

---

* Сегодняшнее на три части разделение команды многие признавали за способное и пред прежними за лучшее, а потому и надеялись, что злодеев из Бердской слободы выгонят и имеющуюся у них артиллерию отнимут. Что ж до возвращения оной команды назад принадлежит, то говорили, якобы то учинено с приказу губернаторского, по причине оказавшегося пред полуднем великого тумана; но после вскоре воздух прочистился и погода была тихая и нарочито ясная.

** Что оный калмыцкий сотник прямое намерение имел к истреблению злодеев, сие после разными известиями подтверждаемо было, а наипаче все уверились тем, что он Дуртя, по доносу Пугачевых сообщников, в том, что он ищет случая его умертвить, и повешен от него в ночное время.

роде находящегося, и показали б им тех оренбургских казаков, кои от них в город ушли; но их в скорости найти было не можно; ибо тут на валу, кроме одних часовых, никого не было;* другие кричали, для чего не сдается город, и божились что начальник их есть прямой царь; в исходе ж 11 часа пополудни как сии передовые, так и назади в кучах стоявшие, все опять в свой лагерь уехали. При начале, когда оные передовые около города появляться стали, выпалено было с валу против артиллерийского двора из двух пушек. После полудня выслано было из города яицких казаков человек до 30, для присмотра. Со злодейской стороны выезжали человек до 30 ж, в том числе якобы был и ушедший вчерашнего числа калмык Дуртя, имея на себе красный кафтан. На переговоре злодеи кричали, чтоб все яицкие казаки из города приезжали к ним, а означенный Дуртя дважды примеривался палить из своей турки, однако ж-де выстрелов не сделал, а из-за того все они и разъехались.

67) 18-го числа было спокойно; только от находящегося в Яицком городке подполковника Симонова получены неприятные рапорты: 1-е, доносил он, что из яицких казаков, сколько за ними ни наблюдается, в злодейскую толпу от разных мест с караулов бежало человек слишком с 30. — 2-е, киргиз-кайсаки-де меньшой Орды владения Нурали-Хана и братьев его Айчуван и Дусали Салтанов, разъезжая около нижних яицких крепостей по обе стороны, чинят великие злодейства, то есть скот весь отгоняют, людей убивают, и захватывая, увозят, форпосты жгут, и к крепостям делают приступы, и намерение-де имеют, как чрез доброжелательных секретно уведомился,** оставя здешнее кочевье, идти в подданство турецкое в Крымскую землю, к чему-де и Облай Салтан с его Ордою согласен, и как-де слышно, с места своего поднялся, и хан-де крепости и форпосты чрез подчиненных своих разбивать намерен, как-де то и под оставших волгских калмыков и нагайцев, под предводительством нескольких старшин, довольное число их отправилось; однако ж-де от него Симонова в Астраханскую губернскую канцелярию рапортовано и, в подкрепление сих крепостей от такого киргиз-кайсацкого предприятия, велено с форпостов казаков снять в те крепости, а притом-де для того ж командирован из города с двусотною командою яицких казаков сотник Дмитрий Логинов, коим ездивших для злодейства на внутренней стороне киргизцов человек до ста уже прогнано, да еще, сверх той двусотной, из них же яицких казаков пристойную команду отправить рассуждено; причем представлены полученные чрез подарки с посланных от него хана и Дусали Салтана к самозванцу листов на татарском диалекте копии. На сие ему Симонову от г. губернатора предложено, что учиненные им, в отвращение киргиз-кайсацких беспокойств и шалостей, распоряжения апробуются и впредь совершенную предосторожность продолжать рекомендовано; а дабы они киргиз-кайсаки от того воздержаны были, о том бы к владельцам их почасту было напоминаемо; о чем однако ж и от губернатора к хану Айчуван и Дусали Салтанам писано, с тем, чтоб они,

* Хотя с самого начала злодейской осады во время высылок никому не возбранено было всходить на вал и смотреть на сражения, чрез что в сих случаях на городских валах представлялось всегда великое людство; но 10 числа отдан от г-на губернатора приказ, чтоб при таких случаях на городской вал смотрителей никого не впущать.

** Сие уведомление не только достоверным, но и вероятным, г-ну подполковнику Симонову почитать было не можно. Киргиз-кайсацкому народу нималого сходства нет, чтоб желать турецкого подданства, а особливо переселяться им из нынешних степных и весьма привольных для них мест в Крымскую землю, которая и без них наполнена жителями, да и доказывается оное тем, что хан и все киргизские салтаны поныне на своих обыкновенных местах находятся; а что киргизцы в разных местах причиняют воровства и грабительства, то сие от них, по их к тому склонности, ежегодно случается; а бывает многажды, что яицкие казаки, задирая их разными образами, и сами их к тому привлекали, как то и в нынешних обстоятельствах было не безызвестно; а потому вышеозначенное о киргизском хане и салтанах известие вероятным образом можно почесть за клевету яицких казаков, которые по разным причинам часто на них и на весь сей народ затевают и клевещут.

имея в предмете учиненную ими в верности ее императорскому величеству присягу, старались продерзающих киргиз-кайсаков от тех их при яицких форпостах чинимых шалостей всемерно воздерживать и отвращать и в покое содержать. — 19 числа было спокойно; к чему из приватных записок приобщить более не находится, как разве сие, что 18 числа, за великим туманом, со стороны злодейской ничего примечено не было; а 19 числа ездившие к Нежинскому редуту за сеном подводы возвратились, навьюча возы из оставших от сенных стогов подонков.

68) 20 числа злодейские партии во многом числе не только в виду, но и в самой близости города, против Сакмарских ворот и пушечного двора разъезжали для шермиции, против коих сперва легкие войска, а потом из расчисленного войска первая часть, под предводительством гг. Валленстерна и бригадира Корфа, выступили и делали перестрелку; но как из злодейской толпы в количестве людей сделалось превосходство, то, для подкрепления здешних сил, и вторая часть выслана, коими с тою злодейскою толпою производимо было сражение; причем с здешней стороны убит яицкий казак 1, ранен 1; а с их злодейской стороны убитых тел найдено с 12; а пушечными выстрелами вдали убито ж, кои повидимому злодеями увезены, не малое число. При сем сражении и при переговоре здешних легких войск передано от злодея три соблазнительные листа, из коих первый на российском, другой на немецком диалекте, а третий, видно, самим им вором Пугачевым, для уверения находящихся в толпе его, намаранный и неизъявляющий никаких литер. — 21 числа помянутая злодейская толпа в большом количестве подходила к городу; по причине чего и что пред тем, при случае высылок частных команд, злодеи, не вступая в сражение, отдалялись в свои ямы, высланы были только одни казаки, а регулярные в городе предуготовлены, и как скоро к ним злодеям приближаться начали, то они, не делая бою, подкинули только два соблазнительных листа, первой к г. коллежскому советнику Тимашеву, а другой к яицкому верному старшине Мартемьяну Бородину, а сами тотчас возвратились без всего в их ямы. Сии последние два числа, то есть 19 и 20, могут еще приполнены быть из приватных записок следующим:

20 числа видно было злодейское намерение, всеми его силами приступить к городу и штурмовать. В начале 9 часа утра начали они выбираться из своего лагеря со всем своим людством. На средних Сыртах, от города пушечных выстрелов на два или и более, поставил предводитель их всех своих конных людей (коих по примеру казалось тысячи две), а пеших в таком же расстоянии поставил он фронтом на дальном Сырту (повидимому было их столько ж, сколько и конных, но все безоружные), а наездники человек до 50 разъезжали гораздо ближе к городским валам. Из города, не предполагая быть сего числа столь многочисленному приступу, поутру выслано было яицких казаков человек до 30; но злодеи усмотрены в столь немалом людстве, что в 10 часу начали сбирать и отправлять за город команды и артиллерию. Одна часть прямо шла против злодеев, и заняв ближние Сырты, начала там пушечную свою пальбу; но яицкие казаки, имея при себе две пушки и прежде с ними перестреливались.* Другая часть по собрании отправлена была в подкрепление первой, и шла от Орских ворот, подаваясь в правую сторону, так, что злодеям невозможно было ее усмотреть, и за-

* При первом и еще малочисленном приближении злодеев, немногие городские казаки имели с некоторыми наездниками их переговор, при котором передали они злодеевы три письма, из коих, как слышно было, одно на русском языке, указом к губернатору, но самым глупым стилем о сдаче города писанное; другое на немецком языке, но самой худой перевод из того указа; третие ничего не значущее, но в одних только черточках (наподобие того, как незнающие грамоте дети иногда пишут) состоящее, и такими ж пустыми чертами не в одном месте подписанное письмо, видно, самим злодеем, как незнающим грамоте, для обмана находящихся при нем простаков писанное, в том виде, якобы он знает грамоте и сам от себя партикулярно к губернатору писал.

няв под высотою способное для себя место, стали в прикрытии. Пальба пушечная как от первой команды, так и от злодеев, весьма усильно производима была; а как злодеи от Бердских ворот подались вправо, то и вторая в прикрытии бывшая команда начала по них пушечную пальбу производить. При сей команде находились четырех- и пятифунтовые пушки, из коих, также и из единорогов, частыми выстрелами принуждены были злодеи стремительность свою удержать, и остановясь на несколько времени, начали подаваться назад. Бригадир Корф, имевший тут команду, присылал к г. губернатору, стоявшему тогда на городском валу, с уведомлением, что злодеи начали отступать, и ежели повелит он за ними следовать далее, то требовал к единорогам еще зарядов, коих-де осталось у него уже немного. Губернатор приказал ему, подождав на занятых местах, пока злодеи гораздо далее отойдут, возвращаться в город, а под лагерь их к Берде не ходить; а потому и не приказал он третьей такой же еще приготовленной команде (коя и с артиллериею к самым уже Бердским воротам приведена была) выходить за город. И так в начале второго часа все команды возвратились в город. При сем злодейском наступлении убитых у него пушечными выстрелами считали гораздо более ста человек, а до десяти на месте поколото яицкими казаками, да один русской работник отхвачен. С нашей стороны убит двумя пулями один яицкий казак, а другой ранен копьем в спину, да одна лошадь ранена стрелою. Некоторые из яицких казаков, как слышно было, имели с самим злодеем переговор; он, запрещая бывшим при нем стрелять и приказывая им отдалиться, говорил им, что он для спасения их пролил уже много человеческой крови, и для того пора уже им одуматься и перестать против его воевать. Но те бывшие в переговоре с ним яицкие казаки, выбраня и называя его самого изменником, прочь от него уехали, а другие из сообщников его, будучи весьма пьяны, кричали, чтоб не ожидали в город помощи и войск, немногие-де дни оставалось вам жить после праздника, сказывая притом, что к нам скоро будет с полками генерал-маиор Фрейман, а ваш-де генерал-маиор Кар и теперь лежит у нас под горой. — 21 числа поутру в 9 часу вышли злодеи из лагеря своего так же, как и вчерась, всем людством, но расположились уже они иначе, сделав на Сыртах несколько небольших партий и показывая ими тот вид, якобы каждая из оных составляет батарею с пушками; таким положением от самой почти Маячной горы в правую сторону занимали они немалое пространство, и стояли неподвижно от городских валов на два или больше пушечных выстрела. Против их хотя и стали было в городе наряжать команды и артиллерию, и некоторые к выступлению за город у самых уже ворот находились; да и сам г-н губернатор, обер-комендант и другие чиновные люди и великое множество смотрителей на городских валах находились;* но злодеи, в вышеозначенном порядке постояв до 11 часу, со всем своим людством отвалили назад, а потому и из города высылки и с городских валов ни одного пушечного выстрела не было. Из вышеозначенных же злодейских партий одна под самую Маячную гору, в числе около ста человек бывшая,

* 10 числа сего месяца хотя и отдан был приказ, за рукою губернаторскою, чтоб впредь во время будущих из города высылок команд и сражения оных с злодеями, никому ни под каким видом праздношатающимся подлым людям, а наипаче женскому полу, не только на валу, ниже близко оного не быть, а единственно оставаться каждому, буде кто определен в какую-либо службу, то при оной; прочим же при своих домах безотлучно; а ежели кто за сим подтверждением праздношатающийся будет на вал приходить, а особливо женский пол, таковых за первый раз штрафовать, мужеский пол употреблением во время стрельбы из пушек в помощь канонерам, а когда стрельбы не случится, то держать оных при пушках же под караулом, который штраф за второй и третий раз удвоивать; и то для исполнения по воинской команде подтверждено г-ну обер-коменданту, а обывателям повелено объявить с подпискою чрез плац-маиорские дела; почему несколько времени и наблюдаемо было; но вчера и сегодня во время бывших посылок во всех местах на валах всякого звания смотрителей, в присутствии самого г-на губернатора, как выше значит, было великое множество. Видно, что тот прежний приказ по каким-нибудь другим резонам ныне отменить рассуждено.

еще тогда, когда прочие в виду из города на Сыртах стояли, спустившись под тою горою на низ пошли, лугами за реку Яик, но куда, того, за случившимся туманом, рассмотреть было не можно; а потому после полудня и выслано было туда яицких казаков с войсковым их старшиною Мартемьяном Бородиным 250 человек, с тем, чтоб шляхи они злодейской партии рассмотрели, и ежели они устремились к Илецкой Защите для овладения оною, или для разбития ожидаемого оттуда обоза, в том бы им воспрепятствовать. Они, отдаляясь от города по лежащей в Илецкую Защиту дороге верст на десять до самых дальних Сыртов, усмотрели, что оные злодеи, не нашед туда лежащих шляхов, поворотили в правую сторону к реке Дангузу, а по ней назад к реке Яику, почему и те городские яицкие казаки возвратились; между оных примечено было, что злодеи, для доставления и привоза сена, немалое число подвод послали за Нежинский редут, которые все ехали по дальным Сыртам, для опасности от пушечных выстрелов из города.

69) 22-го числа злодейская толпа в большом количестве, вышед из ям своих, при Бердской слободе имеющихся, и показалась против городских Сакмарских ворот, вблизости потянулась ниже города к Маячной горе, а с оной одна партия, перешед лугами за реку Яик, там разъезжала, а напоследок все возвратились обратно в помянутые свои ямы. В них с городовой стены выпалено из пушек с ядрами 4 заряда. — 23 и 24 числ хотя из них злодеев небольшие партии в виду города и разъезжали, только никакого действия от них не было. — На 25 число в ночь из выехавших из города вверх по Яику реке к Нежинскому редуту фуражиров сеитовских и прочих татар не явилось в город 69 человек, о коих от выбежавших из них же татар объявлено, якобы они захвачены злодеями, и в толпу их увезены.

К оным числам в дополнение принадлежит еще сие, что на 22 число в ночи возвратились из Илецкой Защиты посыланные туда для привоза хлеба, коего несколько четвертей оттуда и привезено. До полудня со стороны злодеев ничего было не видно и не слышно, а после половины дня послано было от легких полевых команд с подводами и верхами для привоза тальника и куги (что значит здесь траву, осокой называемую), на фуражирование по нужде драгунских лошадей, злодейский караул, на Маячной горе имевшийся, усмотря их, дал знать в лагерь, а потому и начали они выбираться из оного в немалом людстве. Вся оная гора скоро наполнена была злодеями, а другие почти до самого их лагеря взад и вперед разъезжали. Часть немалая, спустившись под ту гору, разъезжала по имеющемуся на сей и на той стороне кустарнику, а немало выходило их и на степь на заречной стороне, видно, что в том намерении, дабы кого-нибудь из городских людей отхватить; немногие, человека по три и по четыре, стали было подъезжать ближе к городу: но как выпалено было в них из трех пушек, и выстреленные ядра хотя их не трафили, но очень близко подле их пролетели, то они поскакали прочь, а потом скоро, за наступившею темнотою, и все они злодеи возвратились в лагерь свой. Слышно было, что при сем случае удалось им отхватить осьмой полевой команды одного погонщика и трех лошадей, а прочие все в город приехали. — 23 числа ездившие вверх Яика яицкие казаки за сенными подонками и за соломою, возвратились оттуда, не видав от злодеев помешательства. Впрочем с стороны злодеев сей день ничего <не было>; ввечеру сверх их обыкновения, вместо одной, выпалено было у них из трех пушек.—24 числа с стороны злодейской, кроме обыкновенного у них форпоста и небольшого на Сырт выезжавшего людства, ничего было не видно ж. Перед вечером же выпущено за город каргалинских татар, состоящих в ведомстве коллежского советника Тимашева, человек до 80, и с ними несколько слуг и рабочих людей для привозу сена из-за Вязовского редута (что от Оренбурга считается до 30 верст): знать, что все они посланы были без предводителя и начальника, да неиз-

вестно, было ль им дано какое-нибудь наставление для предосторожности; а злодеи, как чаятельно, у находящихся там сен для присмотра имели своих сообщников, и так едва не все те поехавшие за сеном, всего по сказкам около ста человек, отхвачены и отведены в их злодейский лагерь; другие признавали, что и статься могло, якобы, оные колеблющиеся каргалинские татары, по примеру прежних тамошних же татар, и сами передались к тем злодеям. — 25 числа, то есть в день рождества Христова, с стороны злодеев ничего примечено не было; только во время заутрени слышны были у них в лагере три выстрела пушечных, а четвертый обыкновенный на утренней заре; перед обеднею ж на форпосты, перед Бердскою слободою имеющиеся, хотя и начали было выезжать прибавочные люди, но, постояв тут немного на Сырту, опять спустились на низ к своему лагерю.

70) 26 числа было спокойно, а 27-го получен от г. генерал-маиора Станиславского рапорт, с приложением копии с присланного к нему на немецком языке от г-на генерал-поручика и кавалера Декалонга ордера, коим г. генерал-поручик и ему Станиславскому на рапорт его, коим представлял он, что ему Станиславскому одною находящеюся при нем легкою полевою командою, при настоящих обстоятельствах, Орскую, Таналицкую, Урдавымскую, Кизильскую и Магнитную крепости прикрывать не можно, предписал, как-де башкирский народ весь генерально взбунтовался, и бунтуя, явным образом чинят на крепости нападения, то б он Станиславский учинил следующее: 1-е, забрав с собою из всех тех крепостей гарнизон и тех обывателей, кои идти пожелают, ретировался к Верхо-Яицкой крепости, а прочих бы, кои пожелают, с надлежащим казенным снабжением оставил бы тамо в крепостях; 2-е, денежную б казну и аммуницию всю, также и легкую артиллерию взял бы с собою, а тяжелую, кою везти будет неможно, загвоздил и уничтожил, или б в воду побросал, и проч. По причине чего от губернатора к нему г. генерал-поручику и кавалеру от 29 числа сообщено; что касается до Башкирии, то здесь известно, что из оной некоторая только часть, прилежащая по Яику реке, поколебалась и к злодейству уклонилась, а прочие находятся в непременном состоянии; на крепости ж хотя б они напасть и покушались, - только как башкирцы ни больших орудий, ниже ружей, кроме стрел не имеют, следовательно крепостному гарнизону, исправно вооруженному и артиллериею снабженному, ничего учинить не могут, как то они напред сего и при генеральном их бунте крепостям никакого вреда делать были не в состоянии; да и сам известный государственный злодей Пугачев, отлучась отсель в некоторой партии под Озерною крепостью, и с пушками по двоекратной атаке ничего сделать не мог, ибо-де от оной хорошим распоряжением и достохвальною храбростию г. полковника Демарина сильно отражен; а хотя состоящую за нею Ильинскую крепость взять ему злодею и удалось, и то по причине неисполнения г. генерал-маиором Станиславским предписания губернаторского, однако по известию о приближении сюда г. генерал-маиора Фреймана с полками, паки отлучиться он злодей уже не может. И так он губернатор, находя себя с предписанием его г. генерал-поручика и кавалера несогласным, и дабы вместо ожидаемого здесь с сибирских линий сикурса, высочайший ее императорского величества интерес не претерпел и линия не подвержена б была разорению, требовал от него г. генерал-поручика и кавалера, чтоб он предмета сего, предъявленного в содействие здешним войскам, держался и навещал, а по последней бы мере реченному Станиславскому приказал быть в Орской крепости неотлучно; ибо как оная крепость земляная и против прочих лучшая, то ему быть там весьма не опасно; а буде по каким-либо важным обстоятельствам неотменно взять его рассудит, то б по крайней мере приказал находящуюся при нем гарнизонную роту в прибавок тамошней оставить, да и из прочих вышеупомянутых крепостей гарнизонных

служителей без крайней нужды не выводить, а особливо с оставлением отставных, которые наипаче под их защищением тамо и определены, а буде б большая опасность предусмотрена была, то можно из одной или из двух крепостей соединить в одну хорошую, переведя со всеми обывателями. К тому ж г. генерал-маиору Станиславскому предложено, чтоб он, до получения от него г. генерал-поручика и кавалера Декалонга вновь ордера, из Орской крепости с имеющеюся при нем командою не выезжал; а при том бы по прежнему предложению к г. полковнику Демарину, для гарнизона его, который при атаке злодеями храбро и неустрашимо поступал, о доставлении провианта из Ильинской крепости все те средства употребил, к которым он в состоянии себя найдет, а к реченному полковнику Демарину послан ордер, что оказанная от него при двоекратной от известного государственного злодея Озерной крепости атаке достохвальная храбрость и неустрашимость, куда надлежит, от губернатора засвидетельствована; того б ради он Демарин без крайней нужды Озерной крепости не оставлял; а что принадлежит до потребного для удовольствия находящихся у него гарнизонных солдат и прочих служителей провианта, то, ссылаясь губернатор на первый его от 19 числа сего ж декабря отправленный ордер, которым рекомендовал ему, превозмогая все препятствия, стараться как возможно достать оного из ближайших крепостей чрез казаков и тамошних обывателей, которые, по причине мнимой от башкирцев опасности, могут туда за ним съехать ночью, а и оттоль с провиантом выехать и в крепость приехать по стене ночью ж, к чему они толь охотнее взяться не оставят, когда им за то обещана будет довольная из казны плата, которую им и дать полную; ежели ж сим средством достать его будет не можно, то б, как известно, что у тамошних обывателей собственного хлеба есть довольно, стараться для солдат оного у них искупить, и давать по четверику на месяц, да мяса надлежащую пропорцию, отбирая лишний скот у обывателей и давая за оный надлежащую ж плату, как то и здесь по нужде производится; но буде ни то, ни другое средство не поможет, то по крайней уже необходимости, забрав всё возможное, купно со всеми обывателями, с надлежащею осторожностию, ретироваться в Орскую крепость, а далее оной ни под каким видом не проходить под опасением ответа. — 28 числа было спокойно.

К сим двум последним числам из приватных записок в прибавление ничего не находится, как только сие, что 26 числа поутру слышна была в злодейском лагере ружейная стрельба раза два залпами, да пронесся слух, будто б предводитель злодеев, оставя лагерь, выехал к Сакмарску. — 27 числа,* пред утром, приехали из Верхней Озерной крепости три человека казаков с рапортами, и слышно было после, что в той крепости благополучно, кроме сего, что сообщники злодеям башкирцы, напав на выехавших из оной крепости на поле, для осмотра хлебов и сенных стогов, десять человек тамошних казаков покололи; впрочем со стороны злодейского лагеря почти во весь день, кроме одного их форпоста, и то в малом людстве состоящего, разъезжающих по Сыртам никого было не видно, что и служило многим в подтверждение об отлучке из того лагеря предводителя злодеев. — 28 числа ничего не было, и злодеев не видали не только со стороны их лагеря и на тамошних Сыртах, но и на форпостах никого было не видно; однако ж был слух, якобы их предводитель из отлучки своей возвратился.

71) 29 числа, по причине выезда здешних оренбургских казаков за город для собрания к кормлению лошадей, прежде вывоженные назад, увидя злодеи, в некотором числе из ям своих в близость к ним подбе-

* Сего числа прибыл в Казань его высокопревосходительство генерал-аншеф, лейб-гвардии премьер-маиор и разных орденов кавалер Александр Ильич Бибиков со всем для усмирения оных злодеев командированным войском главным командиром, с какою полною властию, о том явствует ее императорского величества всемилостивейший и увещательный манифест, состоявшийся ноября 29 дня 1733 года.

гали, однако ж напоследок, по принятой казаками осторожности, не делая сражения, возвратились, и как от выбегших из той злодейской толпы яицких казаков неволею при сотнике Копеечкине захваченных уведомленось, что они злодеи и на город с пушками в ночь на 28 число приступ сделать покушались, и для того в близость кирпичных сараев подъезжали, только, по причине бывшей в ту ночь с немалым ветром непогоди, ничего сделать не могли, то, по поводу сего, здесь по всему валу приказано было продолжать осторожность; со всем тем они злодеи на 30 число в ночь же, прокравшись с пушками к помянутым кирпичным сараям, начали из оных стрелять; однако ж вскоре здешнею артиллериею отражены, и паки в ямы свои возвратились. — 30-го, в рассуждении происходимых от злодея таковых же подбегов, а особливо для усмотрения, нет ли у него в военном припасе, по слабым его покушениям, недостатка, приказано от губернатора выступить для шармации из города, сперва казакам, а потом регулярным первой и второй частям, и хотя казаки по выступлении выезжали за самые бывшие у него злодея батареи, да и те злодеи к ним приближались, только, не вступая в бой, возвратились в их ямы. Почему, а особливо по бывшей тогда великой стуже, тот поход и оставлен. —31 числа, как днем, так и ночью, было спокойно.

В дополнение сих последних чисел, из приватных записок и известий, может еще вмещено быть, что 29 числа поутру вышли из злодейского лагеря 4 человека яицких казаков, кои показали, якобы они захвачены были предводителем злодеев, обще с ехавшим с рапортами из Яицкого городка казаком Копеечкиным (о коем выше упомянуто), и были они с того самого времени у него, не находя по нынешнее время способа к уходу, а вчера-де, поехав за сеном с прочими во многом числе подвод, нашли способ отлучиться от них, и выдти к городу по за-яицкой стороне. От них уведомленось, что на другой день праздника, то есть 26 числа, ночью, во время бывшего тогда сильного бурана (снежной бури и непогоди) предводитель злодеев, со всеми его силами и не малою артиллериею подходил к кузницам (от города не далее 300 сажен) с тем намерением, дабы ему с сообщниками его во время ночной темноты как-нибудь ворваться в город и овладеть оным, за что всем бывшим с ним обещал великое награждение, и хотя сие его покушение толь ухищрено и тихо было им произведено, что стоящие на валу часовые никто оного усмотреть и услышать не мог; но сам он, подошед в такую близость к городу, узнал, что при толь великой бывшей непогоди ничего знатного в действо произвесть ему будет не можно, засходнее рассудил отойти прочь, и отошел так тихо, что из города никто оного приметить не мог, а пушки-де, бывшие с ним, уже пред светом назад оттаскивали. Впрочем слышно было, что сей день из содержавшихся при Оренбургской губернской канцелярии под караулом крепостных казаков, три человека ночью бежали к злодеям, подговоря с собою с валу двух часовых. Пред вечером, при самом уже захождении солнца, оказались злодеи, идущие великим людством к городу, имея при себе и пушки и пехоту; почему и начали городские команды сбираться все к Бердским воротам, в чаянии, что отважатся они атаковать город. Передовые их приближились было на пушечный уже выстрел к городскому валу; но как от деревянных магазейнов сделали с валу два пушечные выстрела, из коих одно ядро трафило в средину их толпы не без урона злодеев, то все они разбежались врознь, а потом отворотили назад и убрались было в свой лагерь. Но сим не удовольствуясь, в 7 часов вечера, во время ночной темноты, отведывали они злодеи еще на город устремиться, и из имевшихся у них пушек (которые, как видно, покинуты у них были у кирпичных сараев) сделали на город выстрелов до десяти, из коих несколько гранат разорвало на воздухе над самым городом и внутри оного с валу от магазейнов до толикого ж числа выстрелов в то место, откуда они палили, произведено, да и команды к защищению города

были приготовлены; но оные злодеи, не делая больше приближения к городу, отошли опять назад, и во всю уже ночь ничего от них не происходило. —30 числа поутру сказано во все команды, чтоб быть готовым к высылке на злодеев, и все собраны были к выступлению за город, с немалым числом артиллерии, но по причине бывшего в сей день мороза все возвращены назад в город; злодеев же во весь сей день, кроме небольшого числа на их форпосте и на Сыртах, было не видно. Пред вечером был от губернатора по дворам приказ, дабы те хозяева, кои дают лошадей своих под артиллерию, имели их у себя на дворах готовыми, на такой случай, ежели они еще под артиллерию понадобятся; однако ж требованы они были 31 числа; хотя и назначена была высылка, но не было, да и погода к тому сей день за ветром и снегом была неспособная. Впрочем при окончании сего месяца и 1773 года, не излишнее будет объявить здесь и сие, что до прихода злодеев к Оренбургу, хлебные цены состояли: муки ржаной от 12 до 15 копеек; пшеничной, самой лучшей, от 25 до 30 копеек пуд; мяса всякого не свыше одной копейки фунт. Прочие съестные припасы продавались в пропорцию оного. Но как в народе о приближении злодейском долгое время было неизвестно, корыстолюбные ж люди, чрез свои пронырства узнав про оное, весь привозимый на базар хлеб и харч наперерыв скупали, а потом, как воспоследовала осада городу, по своей цене на всё оное поднимать начали, а наконец и довели до того, что, по недостатку хлебному в народе, принуждены были городские жители покупать у них ржаной муки четверть от 12 до 15, а пшеничной от 15 до 20 рублей, прочее ж всё вздорожало в пропорцию оного.

Напротив того, в злодейском лагере, как от выходящих слышно было, ржаной муки, привозимой из уезда и из Каргалинской слободы, свыше 25 копеек пуд продавать было не велено, и якобы свыше сей цены никогда она не продавалась.

Часть V. — *Продолжение Оренбургской осады; бывшие на злодеев из города вылазки; приступы самозванца Пугачева и сообщников его к Оренбургу; усилование его и другие приключения, января с 1-го февраля по 1-е число 1774 года.*

72) Января 1 числа было спокойно; между тем же от полковника Симонова, в Яицком городке находящегося, получены рапорты, коими он доносил: первым, от 23 декабря, по объявлению приехавшего с Мергеневского форпоста, отстоящего вниз по реке Яику от Яицкого городка во 144 верстах, есаула Кочемасова, что 16-го поймал было он следующих из злодейской толпы к киргиз-кайсацким Нурали-Хану и Дусали Салтану с письмами* яицкого татарина Аптуша Тангаева и одного киргизца, и намерен был вести их под караулом в городок, но только де команды его Кочемасова казаками 23 человеками, поколебавшимися от возмущения того татарина, не допущены, который-де им сказывал, якобы Оренбург злодеями взят и следуют они в Яицкий городок, а он-де с киргизцем из толпы их послан степною стороною в числе двух тысяч человек, под предводительством казака, называемого ими атаманом, Толкачева, на нижние яицкие форпосты, для забрания с них тутошних казаков же и находящихся на оных походных казачьих атамана Бородина и подполковника Приказчикова и других, а кои в том будут препятствовать, переказнить. Почему де они казаки его отняли и далее отправили, да и из посланных де от него Симонова, по поводу сего, для уговаривания их, из верных казаков, трех человек утопили, и с другими то ж сделать намеревались, а сверх того и находящихся в Калмыковой крепости реченного полковника Приказчикова и священника Давыда Иванова, как известно, прибрали к месту ж, то есть потеряли, коих-де собралось с форпостов при урочище

* Что сия посылка к киргиз-кайсацкому Нурали-Хану не что другое, как выдумка, утверждается и последующим о взятии Оренбурга и о прочем ложным оного татарина сказанием и разглашением.

Учужного Яру близ двух сот человек, и хотели быть на Сундовский форпост и стоять тут до приезда яко бы с нижних яицких форпостов проехавшего туда степною дорогою из самозванцевой толпы казака Толкачева, и при том учредить заставу к непропуску в Яицкий городок никого, чтоб о том было неизвестно; а как-де тот казак Толкачев возвратится, тогда-де пошлют к самозванцу для испрошения от него к подступлению под Яицкий городок помощи. Вторым, от 24-го, доносит он Симонов, по сказкам посыланных от него на помянутые нижние Яицкие форпосты войска Яицкого казаков Алексея Старцова с товарищи, что они ездили до Карташевских хуторов, близ Бударинского форпоста (который от Яицкого городка в 76 верстах) состоящих, для получения от находящегося в оных хуторах знакомого им казака Козьмы Меркулова достоверного о поколебавшихся казаках известия; но вместо-де того, оказались тут трое неведомые им Сахарной крепости казаки, кои-де на вопрос их Старцова с товарищи, под видом оказуемой якобы к самозванцу склонности, объявили им, что Оренбург тем самозванцем взят и на тамошние форпосты прислано от него степною стороною, под предводительством казаков Степана Толкачева и Емельяна Судонихина, яицких казаков, башкирцев и калмыков 2000, из коих-де половинное число поехали на низ за тамошними форпостными командами, за старшиною и походным атаманом Никитою Бородиным, а другие-де 1000 стоят по ту сторону Кажехаровского форпоста, куда-де и командированный из Яицкого городка с двухсотною командою сотник Логинов возвращен; а они-де казаки в числе пятидесяти человек приехали в те и в прочие хутора для забрания послушной стороны казачьего скота; из них же де и у Бударинского городища застава в числе 60 человек стоит; а как-де посланная на низ тысячная команда возвратится, то-де после праздника рождества Христова, совокупясь, пойдут для подступления к Яицкому городку; на что к нему Симонову от 4-го числа января от г. губернатора предложено: что касается до происходящего по яицким форпостам чрез отправленных от известного злодея Пугачева замешательства, то в рассуждении настоящего его Симонова состояния, иного делать не остается, как только всемерно стараться то замешательство уничтожить и покой восстановить, таким образом: 1) беспокойствующих казаков чрез верных и надежных их старшин, сперва ласкательством с напоминанием второго манифеста, а потом и страхом увещевать, чтоб они от того злого предприятия всемерно отстали и находились в покое, внушая, ежели они того не исполнят, то могут себя с женами и детьми их невозвратному разорению и погибели подвергнуть; ибо по высочайшему ее императорского величества изволению, отправленные сюда под предводительством гг. генералов многочисленные войски на сих днях уже ожидаются, и что они казаки сами довольно знают, да и из манифестов уведомлены, яко помянутый злодей Пугачев такого состояния, что он, будучи из честного общества извержен, старается сочинить разврат и сделать многих себе подобными, и тем честное общество поколебать и привести в беспокойство; следовательно б они прежде, нежели те войски приближатся и в действо вступят, признались и конечно от того замешательства отстали и попрежнему в должной по званию своему службе находились, доставляя женам своим и малолетным детям покой и благоденствие, а инаково-де имеющее последовать им разорение и погибель могут они приписать своему упрямству и неповиновению. 2) Для лучшего ж спопешествования и сего зла прекращения, старался б он Симонов из верных собрать сколько можно большую партию, которую, как по обстоятельствам за лучшее рассудит, степною или внутреннею стороною, отправя на форпосты, предписать начальнику оной всех форпостных по вышеписанному увещевать и в покое утверждать, а развратников совокупными силами ловить и искоренять. 3) Как в Гурьеве городке имеется артиллерии с снарядами очень не малое число, то б

предварил, дабы она в злодейские руки не попала, чего б ради по способности писал и требовал скорой помощи от г. астраханского губернатора; к казанскому ж губернатору, г. генерал-аншефу и кавалеру фон-Бранту, того ж числа чрез него Симонова сообщено, что хотя с известным злодеем и государственным вредителем Пугачевым, почти каждодневно у здешних команд шермиции и драки происходят, однако по благости божией здешнее общество в городе находится благополучно, только крайне беспокоит бедственное страдание граждан о хлебе, который давно у всякого изошел, и затем принуждено их, кроме служивых, тысяч до четырех душ из казенного довольствовать; но ежели б оного было достаточно, то б обойтись было можно, а то и казенный весь без остатка в расход вышел, следовательно неминуемый наступает голод. В сих крайних обстоятельствах будучи губернатор беспокойствуем, принужден вследствие прежнего его от 28 числа декабря, прилежно просить, дабы он благоволил, приняв во уважение настоящую здешнюю нужду и страдание, приложить особливое попечение, чтоб сия нужда конечно предварена была доставлением сюда, покупкою или подрядом, провианта и на пищу скота, а паче б к г. генерал-маиору Фрейману, в след его чрез нарочную надежную персону предложил, дабы он с определенными для поиска над тем злодеем войсками, как возможно наискорее сюда поспешал, взяв в рассуждение, что гражданство принуждено от него злодея четвертый уже месяц всю тягость нести, а инаково крайне опасно худых следствий и внутреннего замешательства; а при таковых обстоятельствах от помянутого злодея могут, кроме здешней, Казанская, Симбирская и Астраханская губернии большому разорению подвержены быть. И так губернатор с крайнею его нетерпеливостию в ожидании остался обстоятельного на сие его прошение для принятия пристойных мер уведомления. К тому из приватных записок и известий принадлежит, якобы оное на Яике возмущение хотя и пресечено, но в Гурьеве-де городке и на нижних яицких форпостах бывшие казаки, преклонясь к помянутому злодею, пришли в смятение, и тамошнего казачьего полковника и несколько других начальников, да одного священника утопили в реке Яике. Во время обеда выбежал из злодейского лагеря, захваченный в прошедшую неделю, с каргалинскими татарами, тульского купца Лугинина лавочный толмач, из казанских татар, который между прочего г. губернатору объявил, что сего числа поутру (несмотря на великий бывший буран) помянутый начальник злодеев, по зву Каргалинских Татар, для чегоде нарочно пять человек приезжали к нему с гостинцами, поехал к ним в гости на санях (и привязал-де к дуге колокольчик, так как курьеры ездят).

73) 2 числа злодеи, усмотря людей, выезжавших из города ниже оного в луга для рубления хвороста на кормление, за неимением сена, лошадей, ради захвата оных, с великим стремлением в большом количестве бросились, однако ж ничего им сделать не удалось; ибо, по учинении с ними выехавшими против них казаками довольной из пушек и ружей перестрелки, напоследок учиненными с городовой стены из пушек же выстрелами, все рассыпаны и прогнаты в ямы их с уроном. В них с городовой стены из пушек выпалено с ядрами 5, да на вылазке казаками с ядрами ж 8, и того 13 зарядов.

Из приватных записок и известий к дополнению сего числа может прибавлено быть, что после полудня в 3 часу, усмотря злодеи небольшое число городских людей, выехавших в ту сторону, где были кирпичные сараи, для корма лошадей за тальником и за осокою, устремились было для захвата их человек до трехсот, в защищение которых высланы были за город все конные казаки; но как все они вдруг и скоро не могли выехать, а при выехавших наперед ни одной пушки не было, и в скором времени отправить их не могли, то, сделав с злодеями у кирпичных сараев ружейную перестрелку, отогнали их от тех сараев. После сего, хотя людство их и стало было умножаться, и

скопилось их сот до семи, но как с валу в толпы их выстрелили два раза из пушки, а между тем и к казакам вывезли из города две пушки, и выпалили в них ядрами четыре раза, то все они отвалили назад, и постояв несколько у своего форпоста, спустились в свой лагерь; а ежели б яицкая команда, при первой бывшей с злодеями перестрелке, имела при себе хотя одну пушку, или б оные не столь продолжительно были вывезены, то б можно было при сем случае немалое число их отхватить, или побить, ибо при них не было ни одной пушки. Сколько ж их побито, сего усмотреть было невозможно; только известно, что двое на месте убиты, в том числе один знатный наездник; а с нашей стороны ранен один казак, тот самый, который вышеозначенного наездника убил и его лошадью с хорошим прибором завладел, да одна лошадь ранена. Впрочем еще поутру в 8 часу видно было, что злодеи не малое число подвод посылали сегодня для сена за Нежинский редут. Еще особливому примечанию подлежало и то, что уже три или четыре дня прошло без обыкновенных у них по зарям выстрелов.

74) С 3 по 9 число* хотя они злодеи выбирались из ям и разъезжали, только от города в дальнем расстоянии; чего ради против них, особливо за худобою и недостатком лошадей, высылок не было, и было спокойно; а между тем от гг. генерал-поручика и кавалера Декалонга и генерал-маиора Станиславского, да от полковника Демарина получены, от первого сообщение, а от последних рапорты, коими они между прочим объявили: Декалонг, от 23 декабря, что обеих, то есть Уфимской и Исетской провинций, башкирский народ генерально бунтуют, и недовольно-де, что многих русских людей по линии побили, крепости и форпосты жгут, но и в самой Исетской провинции некоторые внутренние жительства разорили, а потом не оставили напасть и на следующую с симбирских линий 11-ю легкую полевую команду, в которой-де несколько и урону причинили; почему-де все тамошние внутренние и селенные жительства подвержены великой опасности, а ему-де генерал-поручику и кавалеру с небольшим его войском всех обнять и от опасности освободить ни коим-образом, равно и требуемого губернатором провианта не только из Исетской провинции, но и из Орской крепости доставить, по малости сил и по неимению в крепостях подвод, невозможно: а если-де состоящим в Каргалинской и Верхо-Яицкой крепостях двум симбирским легким полевым командам следовать к Озерной крепости, то-де уже весь тамошний край со внутреннею Исетскою провинциею и Екатеринбургскими и прочими заводами останется от башкирских злодеяний без всякого защищения и обороны; чего-де ради, не находя он к охранению высочайшего ее императорского величества интереса другого и легчайшего способа, к г. генерал-маиору Станиславскому предложил, чтоб он состоящую при нем легкую полевую команду и с казаками, начиная с самой Озерной крепости, из оной и из прочих вверх по Яику лежащих крепостей гарнизон, денежную казну и сколько возможно артиллерию, а невозможную загвоздя и сделав к действию неспособною, скрыть в воде или земле, порох же и свинец весь без остатку, равно и жителей, которые сами пожелают, забирать с собою и следовать до крепости Верхо-Яицкой к соединению с войсками, елико возможно, с крайним поспешением во всем воинском ополчении, имея всенаистрожайшую

* А по журналу его сиятельства князя Петра Михайловича Голицына, 7 числа января прибыли в Казань остальные гусарские гарнизоны (а 3 эскадрона гусар и баталион гренадер вступили туда еще 29 декабря 1773 года). — 9 числа вступил еще гренадерский баталион, прочие ж команды за сими во всевозможной скорости сбирались, и оные полки командированы были из Санктпетербурга вторый гренадерский и Володимирский пехотные полки, да гусарский Изюмский, из Кексгольма карабинерный Архангелогородский, из Польши Санктпетербургский карабинерный и Чугуевский казачий полки. Весь сей корпус главнокомандующий генерал-аншеф за потребно рассудил поручить в командование его сиятельству, в том числе и отделенных гг. генерал-маиоров Фреймана и Мансурова, исключая те только войска, кои нужны были для прикрытия города Казани.

от злодейского нападения предосторожность, а состоящий в тех крепостях казенный провиант и фураж, дабы им злодей не воспользовался, сколько за удовольствием оставших в тех крепостях обывателей останется, ежели везти будет не на чем, весь сжечь без остатка. Станиславский, прописывая реченного генерал-поручика и кавалера предложения, доносил, что к доставлению в крепость Озерную из Ильинской провианта никакого способа не находит, ибо-де к оному надлежит как подвод, так и в конвой легких войск немалое число, и в команде его и в крепости Орской оных состоит недостаточно, а с малым-де числом конвоя посылать, в рассуждении нечаянного злодейского нападения, опасно; а Демарин, представляя крайний в провианте недостаток, и что оного в Озерную из Ильинской никаким способом достать ему не можно, просил о том предложения к помянутому г. генерал-маиору Станиславскому. На что к ним от губернатора от 10 января и писано к г. генерал-поручику Декалонгу, ссылаясь на прежде отправленное от 29 декабря, чтоб он для охранения здешней линии и высочайшего ее императорского величества интереса, по последней мере г. генерал-маиору Станиславскому приказал, с имеющеюся при нем командою быть в Орской крепости неотлучну, а буде неотменно взять его к себе рассудит, то по крайней мере не согласится ли приказать находящуюся при нем Станиславском гарнизонную роту оставить, а тамошних да и прочих крепостей гарнизонных забирать не велеть, которые, купно с составленными да и прочими крепостными жителями должны остаться по прежнему: разве для большой опасности приказать соединиться из двух крепостей в одну крепкую, так как и от помянутого генерал-маиора Станиславского представлено, которые от наступающих башкирцев и могут всемерно обороняться; а как они башкирцы ни больших орудий, ниже ружей, кроме стрел не имеют, следовательно крепостному гарнизону ничего учинить не могут, о чем и к реченному г. генерал-маиору Станиславскому в равной силе с подтверждением прежнего ордера предложено, да и полковнику Демарину вследствие прежних от 19 и от 29 числ декабря предписаний, о доставлении провианта, превозмогая все препятствия из Ильинской и о неоставлении Озерной крепости, подтверждено.

75) К вышеписанным числам с 3 по 9 января в дополнение может еще приобщено быть следующее: 3 числа января пред утром привезено из Илецкой Защиты несколько четвертей ржаного хлеба и овса, заготовленного там от главного правления Оренбургских Соляных дел; притом получены рапорты, что там обстоит благополучно и добывание соли происходит с успехом. Сего ж числа, по недавно полученным чрез Яик от казанского губернатора известиям, в одержанной над турецкими войсками чрез генерал-поручика фон-Унгерна за рекою Дунаем победе, о взятии в плен трех-бунчужного паши со многими турками, и турецких городов Базарчика и Варны, рассуждено в ободрение народа учинить, и был, в соборной церкви благодарственный молебен, а чтоб находящихся под Бердинскою слободою злодеев привесть в размышление, то выпалено с валу от Бердинских и Орских ворот из 31 пушки. — 4 числа злодеи не выказывались; сие только слышно было, якобы предводитель злодеев, Пугачев, подсылал трех человек к городу, осведомиться: по какой причине вчерашнего числа произведена была пушечная пальба из города. — 5 числа для присмотра злодеев выслано было за город казаков до 25 человек; они, усмотря их, хотя и начали было выходить на Сырт, но вышло их людством не более 500 человек, которые постояв на переднем их Сырту и увидя, что из города начали еще выбираться с пушками, не приближаясь к городу, возвратились все в свой злодейский лагерь, из-за чего и городские назад же в город приехали, и вышеозначенные вперед посланные казаки все сей день подвержены были немалой опасности, тем, что будучи с злодеями на переговоре и не надеясь от них нападения нечаянно, при-

нуждены были оное выдержать, а между тем бывшие в потаенном месте человек до 70, вышед из засады, на них поскакали, и так едва они могли убраться к городу, причем одного хорошего наездника, яицкого казака Солодовникова, оные злодеи ранили пулею на пролет в руку. Впрочем, хотя и была между многими догадка об отлучке предводителя злодеев, по той причине, что все их последние выезды казались немноголюдны и без пушек, не видно было тут башкирцев, и что несколько уже дней прошло, в коих по обыкновению их ни вечерних, ни утренних пушечных выстрелов было не слышно; однако вышеозначенные в сражении бывшие казаки уверяли, что он сам тут был, но весьма пьяный и без шапки, скача на своей лошади, безобразно шатался, и якобы некоторые из его сообщников, окружа его, взяли за узду лошадь его, и отвели его от той опасности, в которую он сам себя при том случае попущал. — 6 числа пред утром приехали из Верхней Озерной крепости с рапортами от полковника Демарина, которыми г. губернатору объявлял, что генерал-маиор Станиславский находится еще в Орске, а генерал-поручик Декалонг в Верхо-Яицкой крепости, и оба они начали уже действовать оружием в жилищах приставших к злодеям башкирцев, и что по нынешним здешним замешательствам, ко всем в Оренбургскую губернию отправленным и собирающимся войскам главным командиром определен его высокопревосходительство г. генерал-аншеф и лейб-гвардии подполковник Александр Ильич Бибиков и еще три генерала;* а генерал-маиор Фрейман писал из Бугульмы от 8 ноября, что находится он там в ожидании следующих к нему военных людей.

Для сегодняшнего праздника богоявления господня выведены были на реку Яик военные регулярные и нерегулярные люди и собрались туда множество обоего пола людей, где, по отправлении божией службы и водоосвящении, учинена была троекратная ружейная пальба, а сказывали, что и у предводителя злодеев* в Бердинской слободе слышно было во время обедни несколько пушечных выстрелов. Впрочем сей день никакой тревоги от них не было и препровожден спокойно. — 7 числа во весь день ничего не происходило, и на Сыртах из злодеев ни одного человека было не видно; только перед вечером слышна была в Бердинской слободе пушечная пальба выстрелов до 10 и несколько ружейной, знать по причине великого их пьянства, которое обыкновенно у яицких казаков в крещение и после того дня два случается, а у злодеев уже и давно оное продолжается. — 8 числа до полудня часу в третьем вышел от злодеев оренбургского гарнизона третьего баталиона солдат (у которого жена и дети в городе), бывший по увольнению от команды для делания печей в деревне лекаря Фалка, по реке Сакмаре, между Пречистенской и Воздвиженской крепостей имеющейся, откуда захвачен злодеями и находился у них в Бердинской слободе с неделю. Из-за сего примечалось в городе известие, что предводитель злодеев, взяв с собою до 500 человек отборных людей из яицких казаков и 12 артиллерийских орудий, из той слободы отлучился, а признают-де, что он пошел в Яицкий городок для завладения оным, сказав оставшимся в Берде, что он чрез месяц паки сюда возвратится, а тогда-де ему, по недостатку хлебному в Оренбурге, овладеть сим городом труда и урону в людях не будет. В Берде при лагере своем начальником оставил он часто упоминаемого ссыльного

* Выше сего из журнала его сиятельства князя Петра Михайловича Голицына объявлено, что его высокопревосходительство в Казань прибыл декабря 27 дня 1773 года, а его сиятельство туда ж прибыл сего января 8 числа.

* Пронесся слух, что оный злодей, для облегчения своего, учредил недавно письменных дел правление, и назвал его Военною коллегиею, и тут-де присутствуют у него главными яицкий казак Овчинников, коего называют войсковым полковником, да ссылочный Хлопуша, посланный туда, как выше значит, из Оренбурга с публикациями для народа, чтоб оному самозванцу не верили, и он сделался ему великим любимцем и помощником, а Бердинскую слободу, не более 50 дворов имеющую, велел он называть Москвою

Хлопушу, да имеющегося у него Оренбургского казачьего сотника Подурова; а вчерашний-де день пушечная пальба была там по сей причине, что оный Хлопуша, будучи пьян, вздумал обучать канонеров стрелянием из пушек в цель.

76) 9 числа, по полученному, чрез выбежавшего из злодейской толпы здешнего гарнизона третьего баталиона солдата Носова, известию, что государственный вредитель и вор Пугачев с немалою частию из помянутой толпы и с 4 орудиями артиллерии пошел для взятья Яицкого городка, и что оставленные от него в той толпе начальниками из яицких казаков атаман Лысов, да из здешних казаков сотник Подуров, и ссыльный называемый Хлопуша, намереваются в ночное время напасть на город, то г. губернатор, по причине той его злодейской отлучки и в отвращение их предприятия, приказал из города, для примечания их злодейского состояния и уверения об отлучке злодея Пугачева, выступить одной части здешних команд с казаками; но как злодеи, усмотря сие, из ям их от Бердинской слободы вышли в большом количестве и со многими пушками, то от губернатора и другим двум частям с довольною артиллериею выступить приказано, которые, по выступлении, с злодеями производили при немалых пушечных выстрелах, с 11 часа пополуночи, даже до самого почти вечера, сильное сражение так, что злодеи от выстрелов из пушек их, остались в молчании и претерпя немалый урон, с великою тороплivостию в ямы их отошли, а здешние войска за наступившим вечером в город возвратились. С городской стены выпалено сего числа из пушек с ядрами 15, да на вылазке с ядрами ж 461, гранат чиненых из единорогов 201, и того 677 зарядов. — 10 и 11 числа было спокойно.

К дополнению сих чисел, из приватных записок и известий может еще прибавлено быть, что 9 числа поутру возвратились посланные от г. губернатора до Яицкого городка тамошние казаки для отвоза писем к находящемуся там полковнику Симонову и с рапортами в разные места (кои Симонову с Яика чрез Самару отправить было велено). Они, приехав на последний к помянутому городку форпост (от городка в 20 только верстах), узнав тут, якобы помянутый Симонов, для безопасности своей от злодеев, оный городок выжег, и проезд к нему опасен, принуждены нашлись, не ездя туда, возвращаться в Оренбург назад со всеми данными им от г. губернатора депешами, и ехали они сюда чрез Илецкую Защиту, чтоб увериться, подлинно ли предводитель злодеев из Берды на Яик ушел; еще вчера ввечеру назначено быть высылке, — первые две команды, одна гарнизонная, предводительствуемая премиер-маиором Пановым, другая легкая полевая секунд-маиором Зубовым; яицкие и другие нерегулярные люди выступили из города поутру часу в 10, и заняв надобные места, начали делать стрельбу из пушек в начале 12 часа, а между тем у казаков и у регулярных было несколько и ружейной пальбы; но как злодеи начали было отделяться к Маячной горе, в намерении отхватить команду маиора Панова, то во 2 часу после полудня выведена была еще легкая полевая команда под предводительством премиер-маиора Наумова, из-за чего, а при том по нескольким пушечным выстрелам, с валу от Бердинских ворот, и начали они злодеи подаваться назад. Вывезено было артиллерии при оных трех командах до 30 разных орудий, из всех учинено было по злодеям немалое число выстрелов, а между тем же, как выше значит, несколько было и ружейной перестрелки. Злодеи по примечаниям имели при себе в разных местах пушек около двадцати, но пальбы из них против городских команд и половины не было, а при том уверяли, что некоторые выстрелы их были и без ядер. Впрочем людство их казалось хотя и немало, однако весьма уже не столь велико, как прежде; а потому и вероятно стало, что оный предводитель их ушел с немногими людьми. О побитых по примечаниям говорили, что на злодейской стороне весьма было их много. Яицким казакам удалось с убитых башкирцев и каргалинских татар (из коих последние

ныне, как сущие уже злодеи, весьма отважно напущали, убиты были на месте сражения) несколько хорошей одежды снять. С нашей стороны раненых, сказывали, человек до шести, а убитых никого; и злодеев ранено три или четыре; хотя и всем бывшим смотрителям на валу очевидно было, что сначала на стороне злодейской был редкий, однако ж длинный фронт, из разных людей состоящий: но пред вечером, от городских пушек, все уже они находились в расстройке и по Сыртам рассеяны, а наконец и принуждены они были уходить в Бердинскую слободу, куда за ними гнаться за наступившею темнотою было уже не можно. Итак все высланные команды возвратились в город. Сия высылка была другая, от которой злодеи были прогнаты, а первая потому, что у осьмой легкой команды, которая занимала правое крыло для защищения яицких казаков от устремившихся на них злодеев, и ружейная пальба была с немалым уроном злодеев, чрез что они и отбиты. — 10 числа ничего особливого не было: один только татарин казанского уезда, бывший в работниках у бухарцев, отважился было бежать из города к злодеям; но будучи усмотрен поднимающимся от реки Яика к Егорьевской церкви, с намерением туда пробраться, пойман казаками, и по приводе в город отдан под караул. На 11 число с вечера, хотя и назначено быть высылке, но якобы за некоторыми неисправностями по артиллерии, оная отменена. Поутру вышло 8 человек из отставных солдат, о коих сказывали, якобы они еще с начала злодейского прибытия к Оренбургу, находились вверху Яика реки за Вязовским редутом, и жили там в землянках, производя рыболовство для злодеев, к которым условленную ими рыбу отсылали, а иногда и сами к ним отвозили, а как-де они ныне спрошены были в злодейский лагерь, и там узнав об уходе предводителя их на Яик, рассудили за лучшее ехать и явиться в город. Сего ж числа пред утром вышел от злодеев Симбирского гарнизона подпрапорщик, захваченный туда с полковником Чернышевым: по его объявлению подтвердились прежние известия, что главный злодей Пугачев подлинно ушел к Яицкому городку, взяв с собою надежных ему людей только 170 человек,* и забрав лучшие свои пожитки и кормных лошадей, а из пушек-де взято им три или четыре орудия, которые он сам видел, а больше взято ль, не знает. В последнюю-де высылку, ежели бы городские команды хотя немного вперед подвинулись, то б все злодеи пошли на побег, к чему-де они уже и готовились, а пленные-де, содержащиеся у них, все хотели отдаться оным командам. Пороху-де, пушечных и ружейных снарядов осталось у них очень немного, а затем-де и палили они из пушек своих редко, да и то по большой части без ядер, для одного только виду.

77) 12 числа г. генерал-поручик, губернатор и кавалер Рейнсдорп в рассуждении вышеписанных известий, полученных чрез вышедших из злодейской толпы, что государственный злодей Пугачев с некоторою частию из толпы своей отлучился к Яицкому городку, оставя оную хотя и в малолюдстве, однако ж для орудий в малом числе зарядов, как то при выступлении 9 числа и видимо было, то сколько для того, чтоб до возвращения его Пугачева из помянутого городка, а не менее и в рассуждении недостатка здесь в провианте, и что наряженных в сикурс команд в близости еще нет, по неотступной просьбе всего здешнего общества, весьма страждущего в пропитании, с общего с г. генерал-маиором и обер-комендантом Валленстерном и бригадиром Корфом совета рассудил, собрав все силы, сделать на ту злодейскую толпу высылку. Вследствие сего, 13 числа поутру в 5 часу все здешние команды из города и выступили, а именно в Орские

* Сказывали, что злодей Пугачев, будучи в Яицком городке, делал разные покушения к овладению той крепости, в которой находится полковник Симонов; между прочего велел он сделать два подкопа, в том намерении, чтоб оную крепостцу подорвать. Первый так был неудачен, что от оного немалое число злодеев убито, а другим, в котором большое число пороху было положено, хотя и повалило внутрь той крепостцы находившуюся каменную колокольню, но от того в осаде бывшей команде большого вреда не было.

ворота наперед яицкие казаки с 4 пушками и в подкрепление их егерьская команда, за ними вторая часть под предводительством г. генерал-маиора и обер-коменданта, в числе регулярных 700 человек с 10 орудиями, которой определено следовать по высотам в Бердской слободе, стараясь занимать самую ту гору, по которой обыкновенно из той слободы тракт в Каргалу лежит в Сакмарские ворота; вторая и третья части, из которых третьей части под командою г. бригадира Корфа, в числе 600 человек пехоты с 9-ю орудиями, предписано следовать прямо на те высоты, где 14 числа ноября сражение было, и стараться занять все проходы злодейского движения; а первой части под командою премьер-маиора Наумова с 400 человеками пехоты, с присовокуплением оренбургских конных казаков, сколько набраться могло, приказано маршировать, приняв влево от средней колонны и занять высоту, по которой стоящие по ту сторону Сакмары в числе злодейской толпы башкирцы и калмыки из оврага выбираются; а дабы неприятель не имел способа, прорвавшись иногда сквозь помянутых частей, оным сделать конфузии, то позади их по высотам же, подле самых бывших неприятельских батарей, выведено из города и поставлено пеших оренбургских казаков, калмыков и разночинцев, под командою подполковника Могутова, с 2 пушками до 400 человек. Какое же при сей высылке действие произошло, о том явствует в приобщенных при сем копиях с рапортов помянутого г. генерал-маиора и обер-коменданта Валленштерна. На полевом сражении выпалено из единорогов и пушек гранат чиненых 254, зарядов с ядрами 1769, с картечами 172, итого 2195. За убитием лошадей оставлено на месте сражения артиллерии: пушек 3-фунтовых 2, чугунных 5, 2-фунтовых медных 2, единорогов полевых команд 6-фунтовых 1, 8-фунтовых 3. итого 13 орудий; утрачено ящиков от единорогов 2, сожжено 2; в них зарядов было с гранатами 60, с картечами 14, сожжено с гранатами 30, с картечами 10, пушечных утрачено с ядрами 80, с картечами 10; а сколько убито и ранено людей, о том в журнал не включено; согласно с приложенною при сем ведомостью, по которой значит убитых капитанов и поручиков 5, прапорщик 1, да кондуктор прапорщичья чина, итого 7 человек, а всех на-все убитых и раненых 404 человека.

78) К вышеозначенным обоим числам из приватных записок приобщается здесь следующее: на 12 число еще с вечера говорено, что будет генеральная высылка, прямо на Бердскую слободу, и для того во все команды отдан был приказ, чтоб к выступлению быть во всякой исправности готовым, чего все весьма желали; но поутру, неведомо для чего, и сия высылка отменена.* Пред полуднем хотя и еще об ней сказывали, однако ж ее не было. Поутру приехали из Яицкого городка 5 человек казаков с рапортами от подполковника Симонова, по которым известно стало, что яицкие казаки, находившиеся на их форпостах, до самого Гурьева городка, приложась все к злодейской партии, отважились было оного Симонова атаковать, и вошед в жило яицких казаков, всех тех, которые наклонны были к возмущению, приобщили к себе, и так начали с дворов и из изб пальбу производить, в построенную Симоновым внутри жила их крепостцу, чрез что несколько из команды его Симонова побили и ранили, а тем и принудили его, по силе прежде данного ему ордера, для лучшей обороны и безопасности, бывшее близ той новой крепостцы жило (собрав наперед в оную всех доброжелательных с их женами и детьми и с пожитками) зажечь, в котором-де пожаре злодеев побито и погорело весьма много, а тем средством он Симонов от помянутых злодеев с командою своею спаслись, и оную крепостцу сделал свободною против злодеев обороною, а предводитель-де при оном случае там еще не был. О находящихся в Бердской слободе злодеях пронесся слух, якобы оставшиеся при них начальники пожитки

* Слух носился, якобы яицкие старшины представляли, что по их обыкновению, или по примечаниям их, после праздника богоявления господня в первое воскресенье в кровопролитие вступать не надлежит.

свои убирали в запас, на такой случай, ежели невозможно им будет обороняться, то б в таком случае возможно было скорее идти на побег. Ввечеру отданы были приказы во все команды, чтоб в ночь готовы были к выступлению на злодеев — 13 числа назначенные к выступлению команды начали сбираться вскоре после полуночи, да и выступили они за город в 5 часу, разделясь на три части,— первою, которая составляла правое крыло и занимала места прямо против Орских ворот, командовал г. генерал-маиор и обер-комендант Валленстерн: была она в числе одних регулярных 700 человек, при ней же находились и все яицкие казаки и 14 артиллерийских орудий; среднею командовали бригадир Корф и премьер-маиор Панов: регулярных считали тут до 600 человек и 9 орудий; третья команда обведена была около кирпичных сараев и Маячной горы, а оттуда шла она по Сырту прямо к Бердской слободе, и состояла в числе обер- и унтер-офицеров и рядовых 400 человек: при ней же находилось конных оренбургских казаков до 60 человек; командир у ней был шестой полевой команды премьер-маиор Наумов. Сверх оных команд в запас еще выведены были за город безлошадные оренбургские казаки, и поставлены они были на Сырту позади убогого дома, под командою подполковника и атамана Могутова с одною пушкою.* Все оные три команды заняли не только самые Сырты, откуда скат делается к Бердской слободе, да и приблизились к ней на рассвете дня так хорошо, что злодеи почти приметить их не могли; а особливо маиор Наумов упредил других, и подошед к ней ближе полуверсты, занял тут самое выгодное место, да и начал по ней палить из единорогов гранатами, которые все ложились и разрывало их в самом жиле, отчего некоторые в ней места и загорелись. Злодеи, бывшие тут, хотя также палили против его Наумова команды из своих пушек, но положение его было прикрыто буераком, так, что ядра никого не вредили, да и легко б было всею оною слободою отсюда завладеть, ежли б прочие команды к нему Наумову могли подвинуться, и соединя всю артиллерию, отсюда стали действовать; но вместо того прислал бригадир Корф, что он опасался, дабы злодеи его Наумова не отрезали, шел бы он немедленно к нему в соединение; а между тем, как он Корф, так и предупомянутый обер-комендант приказали командам своим поворотить к городу, чрез что все люди приведены были в расстройку и замешательство; злодеи ж, усмотря оное и стали сбираться на самые те уже отворенные места, где оные команды стояли, производя им в тыл наисильнейшую пушечную и ружейную пальбу, а другие в великой отважности с копьями набегали, и притом почти без всякого уже порядка и без предводителей ⟨при?⟩ отступлении, удалось им злодеям многих побить и ранить, и отхватить, за усталью лошадей, остановившиеся в глубоком снегу три единорога да 9 пушек без снарядов, (которые при том захвате сожжены). Убили они тут Алексеевского пехотного полка капитана Переволодского, да из гарнизонных капитанов же, Буйнакова и Пушкарева, да поручика Федора Ракова, прапорщиков Мешкова и Семенова, да кондуктора первого класса Замошникова, который в команде у Наумова употреблен был при артиллерии. Ранили осьмой легкой команды капитана Унгера тяжелою раною, пушечным ядром (от которой он на другой день и умер), шестой полевой же команды поручика Спыткова, да баталионного лекаря, бывшего при сей высылке, Щегловского, унтер-офицеров, рядовых и разночинцев до 80 человек, а всех убитых и захваченных злодеями считалось более 400 человек. И так все оные команды, имев трудного по глубокому снегу ходу около 20 верст без всякого отдыха, с немалым изнурением близ полудня возвратились в город, оставя всех убитых на месте.* Напро-

* Слышно было, что для сей высылки в доме у г. губернатора нарочный был совет и учинена к тому особливая диспозиция письменно, кому с которой стороны и как действовать.

* Сия неудачная на злодеев высылка, пред всеми прежними была люднейшая, в надежде освобождения

тив того, уверяли и о сем, якобы у злодеев побито и ранено многим больше оного числа; между унтер-офицерами заколот злодеем шестой полевой команды артиллерийский сержант Сахаров (бывший прежде и офицером), который по искусству его в артиллерийской науке во время нынешней осады городу немало услуги, а злодеям вреда делал. Впрочем примечено было при сей высылке, якобы людство злодеев несколько казалось умноженнее; оказывались-де тут невиданные прежде яицкие казаки, из коих некоторые, подъезжая ближе других, кричали городским: не умели-де вы нас прежде взять, когда у нас хозяина не было, а теперь-де батюшка наш опять к нам приехал, и вам уж нас взять не можно; долго ли-де вам, дуракам, служить женщине, пора одуматься и служить государю.*

От 14 по 21 число,** от злодеев беспокойства не было; между тем от 15 числа с нарочно-выпущенным отсюда из города, Оренбургского уезда деревни Яланкуль, татарином Абдусаляном Бакиревым, сообщено от г. губернатора к г. генерал-маиору Фрейману, что он губернатор не оставил к известным государственным злодеям, здесь под городом с собранною ими изменническою толпою продолжающимся, делать раз до десяти высылки, и хотя при оных почти всегда здешние с удачею возвращались, однако ж совершенно его злодея, по недостатку команды от превосходства злодейской силы, и что к нему непрестанно на свежих лошадях прибывают, отразить он губернатор не возмог; а 13 числа настоящего во удовольствие просьбы здешних жителей, претерпевающих в пропитании своем немалую скудность, принужден он губернатор сделать еще сильную атаку, при которой хотя на стороне его злодея человек до 500 урона причинено, только напротив того и здешний корпус без вреда не остался; причиною ж тому вышеписанное, то есть малость здешней конницы, а умножение злодеев; со всем тем не в состоянии будучи настоящего получить успеха, убежденным оный корпус нашелся ретироваться в город. И так губернатор без особливой помощи, за умалением при вышеписанных высадках людей против него злодея из города, высылки делать уже нашелся не в состоянии, а по причине оскудения здешнего немалолюдного общества и страдания в пропитании, будучи он в крайности, и что о приближении на сикурс войск, нималого уведомления нет, прилежно просил его г. генералмаиора, чтоб он в сохранение общества от колебания и от того последовать могущего высочайшим ее императорского величества интересам предосуждения, а дабы и отправленным по высочайшему ее императорского величества соизволению сюда на сикурс войскам вреда не последовало, благоволил, для истребления сего вредного злодея и избавления немаловременно страждущего здешнего общества, с определенными на сикурс войсками, как возможно наискорее прибытием сюда поспешить, и тем здешнюю крайность отворением дорог предварить и общую опасность прекратить; а в каком он г. генерал-маиор предприятии найдется, о том бы губернатора всевозможно уведо-

города; а потому, не только на городском валу, но и на кровлях и на всех высоких местах, обоего пола великое множество было смотрителей, в том числе и знатные дамы находились, ибо всё оное действие происходило в виду из города. Не была бы сия высылка столь несчастлива, ежели б городская артиллерия поставлена была на зимний ход, так как оная учреждена была при корпусе его сиятельства князя Петра Михайловича Голицына, и употреблена была во всех оборотах весьма поспешно. Лошади под нее браты были из господских домов, по большой части кормные и хорошие.

* Хотя и говорили, якобы самозванец Пугачев вчера около полуночи возвратился с Яика, но в самом деле он не был, а прибыл спустя несколько дней.

** Здесь ко внесению из журнала его сиятельства князя Петра Михайловича принадлежит то, что из порученного ему корпуса 14 числа командированы ва появившихся около Вятки реки злодеев два деташемента, первый под командою г. полковника и кавалера Хорвата, а другой под командою г. подполковника и кавалера Филисова; а 16 числа командирован и третий деташемент к пригородку Билярску, под командою Володимирского полка премьер-маиора Елагина; а 18 числа и сам его сиятельство со всеми войсками и с казаками выступил и на короткое время остался в селе Шуранске на самой реке Каме, и был он здесь по 25 число января, делая к дальнейшим движениям и к поискам над злодеями разные распоряжения.

мил, дабы он из того видеть мог, какие с своей стороны принять меры; о чем к нему г. генерал-маиору и к отправленному с войсками главнокомандующему генералу от 23-го с нарочными другою дорогою подтверждено, да и г. казанскому губернатору чрез г. генерал-поручика и кавалера Декалонга от 24-го сего ж января сообщено; а в Государственную Военную коллегию от 25-го ж в пристойных терминах донесено, и прошено о скорейшем прибытии сюда войск к командующим оными подтверждения.

79) Из приватных записок к дополнению сих чисел приобщено может быть то, что 14 числа поутру примечено было небольшое число злодеев на Сырте. Догадывались, что сие делали они для осмотра оставленных там убитых людей и для снимания с них одежды; а после полудня, часу во втором, подъезжали к валу два человека, и привязав к копьям, оставили два письма, из коих об одном сказывали, что от находящегося у злодеев сотника Подурова к жене его, а другое, от кого и к кому писано, то было неизвестно. Ввечеру ж потревожились было в городе, по той причине, что на степи со стороны Бердской слободы, верстах в двух от города, оказалось небольшое число злодеев, из коих некоторые, как слышно было, кричали: здесь, держи, лови, коли, словно какие-нибудь были от них уходцы; между тем же и слышна была в помянутой слободе и пушечная пальба выстрелов до пятидесяти; но к городу от оных злодеев никакого устремления не было. — 15-го числа ничего особливого не было, и злодеев по Сыртам, кроме одного их форпоста, людством несколько умноженного, было не видно. — 16-го ж ничего видно не было, а к вечеру сделалася пресильная буря, которая продолжалася до полуночи.—17-го числа из поехавших вчера ввечеру за сеном возвратились, несколько привезши оного, кроме двух яицких казаков, о коих некоторые говорили, якобы они попались в злодейские руки, а другие мнили, что они самовольно ушли к злодеям. До полудня видны они были разъезжающие по Сыртам но все порознь — человека по три, четыре; а перед вечером выехало их ста два и больше, между которыми ж был оренбургский сотник Подуров, сообщником злодеям учинившийся; но все они находились весьма пьяные; напротив того, выезжало из города яицких казаков около ста человек и имели с ними небольшую ружейную перестрелку. По правую сторону Бердских ворот, от города верстах в двух с небольшим, на переговорах злодеи призывали городских, дабы они еще ближе к слободе их подъезжали, коим ответствовали, чтоб они подъезжали ближе к городу; на то говорили злодеи: не для чего-де нам к вам подходить, когда у вас не станет хлеба, то все вы наши будете; — между тем про одного сакмарского казака, который родной брат находящемуся в городе сакмарскому атаману Донскому, сказывали, якобы он, отдалясь от других, говорил: не смотрите-де вы на наших пьяниц, и не тратьте-де своих людей понапрасну, ожидайте помощи от бога: без ваших-де вылазок с этими пьяницами управятся идущие на помощь вам войска, о чем-де у нас есть верные известия. — На 18-е число в ночи, для сбережения хлебного, выпущено из города по желаниям несколько и праздно находящихся иностранцев, с тем, чтоб они, как могут, пробирались в свои жительства; а поутру пришел небольшой обоз из Илецкой Защиты с хлебом (привезено оттуда ржаной муки четвертей до 100, а круп до 10 четвертей), в том числе половина взятого из заготовленного по Соляному Правлению, и притом получены рапорты, что там обстоит всё благополучно, и работы безостановочно происходят. С злодейской стороны сей день ничего примечено не было. — 19-го числа поутру человек до пятидесяти злодеев показывались за рекою Яиком, ехавшие к Меновому двору, видно для осмотра шляхов, а после обеда столько ж примечено их было с стороны Бердской слободы, ездивших по Сырту, а больше ничего не было усмотрено, да и форпост их, против той слободы обыкновенно содержанный, казался сегодня очень малолюден. — 20-го ничего ж не было,

кроме сего, что после полудня человек до 50 показывалось на Сырту, от города верстах в четырех, которые, поездив тут немного, возратились назад к Берду. Ввечеру сего ж числа отпущены в Илецкую Защиту прибывшие оттуда с хлебом подводы и люди. — 21-го числа ничего не происходило; сказывали только находящиеся на валу в караулах, что у злодеев, как вчера, так и сегодня, слышно было по два пушечных выстрела.

80) 22-го числа из злодейской толпы, немалое число выбравшись конницы, подъезжали близ города, только без всякой удачи, но и с уроном, причиненным им с городовой стороны из пушек выстрелами, возвратились в свой стан. В них из пушек с ядрами и картечами выпалено 31 заряд. Того числа от находящихся в Верхней Озерной и Орской крепостях гг. генерал-маиора Станиславского и полковника Демарина получены рапорты, коими они донесли: полковник Демарин, что Ильинская крепость злодеями вся выжжена, и <с> обыватели, как они злодеи поступили, неизвестно, и что он тогда, когда благополучно прибудет к нему из Орской крепости с провиантом команда, намерен, с помощию божиею, из подъезжающей ежедневно к Озерной крепости злодейской партии захватить, и по разведании о неопасности, сделать в ближних их жилищах отмщения; на что ему Демарину от г. губернатора и позволено, однако ж не иначе, как с крайним рассмотрением, чтоб, вместо пользы, не подвергнуть себя предосуждению. Г. генерал-маиор Станиславский, по ордеру г. генерал-поручика и кавалера Декалонга, доносит: что 26-го числа минувшего декабря башкирцы, собравшись в немалой толпе, показались близ Верхо-Яицкой крепости, и на спрос от него г. генерал-поручика и кавалера объявили, что они башкирцы и мещеряки более бунтовать не намерены, а желают-де остаться в прежнем повиновении, тишине и спокойствии, с чем-де и к нему г. генерал-поручику и кавалеру одного старшину с несколькими сотниками и башкирцами присылали, объявляя при том, что чрез недолгое время и когда всех волостей старшины к Баим-Тархану сберутся, то-де они, приехав к нему генерал-поручику и кавалеру, в верности своей дадут подписки и подтвердят их присягою; что-де, кажется, и сбудется, ибо-де из доходящих со всех сторон рапортов видится, что уже более от них башкирцев и мещеряков нигде и никаких злодейств не происходит; по каковым-де обстоятельствам и линийные крепости, до усмотрения будущих обстоятельств, впусте оставлять и гарнизон и жителей из оных выводить не для чего. На сие к нему г. генерал-маиору от 24 числа января от губернатора предложено, что благословением божиим, а старанием реченного г. генерал-поручика и кавалера Декалонга, исетские башкирцы и мещеряки приводятся в прежнее повиновение, то и не иначе, как с особливым удовольствием приемлется; и как чрез то в тамошнем краю путь уже имеет быть свободный, то по уведомлении о здешних обстоятельствах и к нему г. генерал-поручику и кавалеру сообщено, и требовано, дабы он благоволил постараться чрез Исетскую провинциальную канцелярию доставить сюда по линии, подрядом или на крестьянских подводах, провианта: муки до 10,000 четвертей, да круп по пропорции, ибо здесь в нем настоит крайность, яко имевшийся в казенных магазинах весь в расход изошел; и ежели оного ниоткуда чрез четыре недели получено не будет, то весьма опасно, дабы здешнее немалолюдное общество, по причине голода, не пришло в колебание, а от того и высочайшим ее императорского величества интересам не приключилось бы безвозвратного вреда; в предварение сего, и от помянутого г. генерал-маиора Станиславского требовано, дабы он между тем из имеющегося в орских магазинах провианта с тысячу четвертей, во что бы ни стало и какие б лучшие средства ни нашлись, всевозможно и непродолжительно постарался сюда доставить. — С 23 по 31 число хотя злодеи в близость города рассыпанно и подбегали, только на приступ покушения не делали, а были спокойны.

81) В дополнение вышеозначенных чисел, из приватных записок и известий сие принадлежит, что 22 числа поутру слышно было от злодеев выстрелов до 12-ти, а после полудня часу во 2-м и в 3-м показалось их ста два, подъезжавших к городу столь близко и отважно к городским валам, что прежде никогда они так не подбегали; но как против их выслано было человек со сто яицких казаков и сделано по них с валу выстрелов до пятидесяти пушечных, из коих под одним башкирцем подбита была лошадь, то все они и отдалились. Некоторые говорили, будто б предводитель их Пугачев сегодня опять между ними оказывался, и якобы здешние его в лицо подлинно видели. — 23-го числа до полудня ничего было не видно, а перед вечером усмотрено было злодеев человек со сто, разъезжавших порознь, от города верстах в трех, против Орских ворот, из коих несколько приехав на увал против бывшего их прежнего лагеря и постояв тут немного, возвратились назад в Берду: знатно примечали поехавших из города за сеном. — 24-го пополудни ничего ж примечено не было, а в полдень слышна была в злодейском лагере пушечная пальба выстрелов до 10, а несколько и ружейной. Еще сказывали, что за Сакмарою рекою около Сыртов видно было разъезжающих злодеев человек до 30, и якобы по Сакмарской дороге прошел в Берду неведомо какой обоз, может быть с печеным там хлебом, а ввечеру несколько злодеев, приехав ближе к городу, подбросили письма, сказав, чтоб их взяли они-де от нашего батюшки, то есть от самого самозванца и начальника их. — 25-го числа с злодейской стороны ничего не было, кроме сего, что поутру несколько проехало их по Сыртам от Нежинского редута с дровами и сеном, а после полудня человек до 30 из городских яицких казаков выпущены были за город, которые с злодеями по вчерашнему условию имели переговоры, да и пронесся после того слух, якобы оные их переговоры касались до некоторого оказывающегося между злодеями раскаяния. — На 26 число в ночи бежало к злодеям из находящихся на валу по дистанции секунд-маиора Демидова каргалинских татар десять человек, а по сей причине и выслано из города из тех же каргалинских праздно бывших в городе татар с женами и с детьми 61 человек, кои все и пошли прямо в злодейский лагерь.* После полудня выезжало из Бердской слободы злодеев человек до 50-ти; не подъезжая в близость города, возвратились назад, а перед вечером некоторые из них имели переговор с высланными из города яицкими казаками. От них слышно было, якобы у злодеев раскаяние умножается, и между прочего говорили-де они, не будут ли они за вины их все искоренены, и получат ли в винах своих прощение, в таком-де случае они и самозванца своего свяжут и отдадут руками. От них же слышно было, что на сих днях в Бердской слободе повешены у них три гусара, да один оренбургский казак: гусары за то, что они государю их не сделали надлежащей чести, а казак за сие, что он так скоро, как войска приблизятся, хотел учинить известие в город. Между тем некоторые уверяли еще, что того самозванца ныне не только в той слободе нет, но куда и девался, они не знают. — 27-го числа ничего нового было не видно и не слышно. — 28-го числа после полудня часу в 4-м выезжало злодеев человек до 60-ти, из коих немногие подъезжали близ города, делая знаки, чтоб высланы были к ним для переговора люди; но как, по особливому от губернатора приказу, на переговоры с ними, для некоторых примеченных сомнений, высылать часто не рассуждено, никто на сей случай за город выпущен не был, то оные злодеи, поездя кругами, и возвратились назад. — 29-го числа после полудня часу в 3-м еще показывалось их позади навозных куч человек до 30 с одною значкою, из коих человека два-три

* Ежели прежде с таковыми бесполезными и праздно находившимися в городе людьми сим образом поступлено было, то б чрез сие несколько сот четвертей хлеба убережено было на расход для нужнейших людей; но оных и после в городе не мало еще находилось к умножению хлебного недостатка.

ночью близко к городу подъезжали, а еще толпа их, но гораздо люднее, и также с одною значкою, стояла в отдалении; передовые злодеи кричали, чтоб высланы были к ним для переговора яицкие и оренбургские казаки; особливо требовали они яицкого войскового старшину Мартемьяна Бородина, или сакмарского атамана Донского, объявляя, что то в пользу государыни; но как им в том отказано, а ответствовали крича с валу, чтоб они сами ближе подъезжали к городу, то они, не склонясь на сие, и отъехали все прочь. Еще слышно было, что два яицкие казака из находившихся в городе, приехав к Яицким воротам на одной лошади, запряженной в дровни, из коих один сидел на лошади верхом, а другой стоял на дровнях у маленькой кадочки, покрытой рогожею, и требовали усильно пропуска за город, якобы за водою, с прочими; но как бывший тут офицер и караульные, по их скоропостижности и усильству, усумнились об них, и осмотря маленькую их кадочку, нашли, что она не имеет дна и поставлена только на рогожу для одного виду, то оные казаки, оборотя лошадь свою, поскакали назад, и поворотя в переулок уехали из виду; а потому и заключили, что намерение их было бежать к злодеям. Сего числа ездившие за сеном к Нежинскому редуту, возвратились, навьюча оного на воза довольно. * — 30-го числа в полдень выпущено за город праздно находившихся бердских и чернореченских жителей женска пола около 60 человек, да три старика из отставных, кои по выходе за город верстах в трех все приняты были злодеями и отведены в Бердскую слободу. — 31-го числа с стороны злодейской, за бывшим сего утра бураном, ничего было не видно, а после полудня, когда поведрило, примечены одни их яртаулы, не в большом людстве находившиеся; сказывали, якобы два человека отдалились от яртаула и воткнув шапки на копийные древки, давали знак, чтоб кто-нибудь выслан был к ним для переговора; но как они стояли от города в отдалении, то никто к ним выслан и не был, и никаким знаком не ответствовано. Еще известно было, что один солдат, находившийся в карауле на валу, украв два хлеба и две шубы у товарищей своих, ушел к кирпичным сараям, а оттуда пробрался к злодеям в Берду. Ездившие сего числа к Нежинскому редуту за сеном, навьюча оного без всякого от злодеев препятствия, возвратились с сеном.

Часть VI. — *Продолжение Оренбургской осады; бывшие на злодеев из города вылазки; приступы самозванца Пугачева и сообщников его к Оренбургу; усилование его и другие приключения февраля с 1-го марта по 1-е число 1774 года.*

82) 1-го, 2-го и 3-го числа февраля, как днем, так и ночью было спокойно; а между тем от 1-го числа к гг. полковнику Демарину и генерал-маиору Станиславскому, по причине бывшей в Оренбурге крайней нужды в пропитании воинских служителей и граждан, и дабы от них худых внутренних следствий и высочайшим ее императорского величества интересам невозвратного вреда не произошло, предложено, чтоб Станиславский с посредства Демарина из имеющегося в орских магазейнах провианта муки, хотя с восемьсот четвертей, да круп на то по пропорции, во что бы ни стало и какие б лучшие средства ни нашлись, всевозможно обще постарались в Оренбург доставить.— 4-го числа злодеи выбрався поутру из ям своих, в немалом количестве показались близ города против пушечного двора на прежней их батарее, и хотя против них, в рассуждении того, что они таковыми подъездами делали только один обман и в высылках затруднение, из города высылки не было; однако ж, в отвращение их, выпалено в толпу их из пушек один заряд. — 5-го, 6-го и 7-го чисел было спокойно; только последнего числа губернатор, желая побудить находя-

* Некоторые ездившие за сеном сказывали, якобы они с злодеями вместе из одних стогов сено брали, и будто б оные говорили: полно-де нам проливать человеческую кровь, батюшка-де наш (то есть самозванец) оное им воспретил; но другие заподлинно уверяли, что тот их самозванец, забрав свои пожитки, уехал, а куда и где он ныне находится, неизвестно.

щихся в злодейской толпе разного звания людей от заблуждения их к раскаянию, с истолкованием учиненного ими противу должного ее императорскому величеству рабского повиновения, заслуживаемого непрощаемой казни злодейства, послано в толпу и увещание, дабы они, рассмотря свою совесть, конечно пришли в раскаяние и возвратились в прежнее состояние, надеялись бы всемилостивейшего ее императорского величества по природному ее великодушию прощения; причем состоявшегося 15 числа октября прошлого года манифеста печатный экземпляр, и для башкирцев и прочих иноверцев и на татарском диалекте перевод приложен; но они злодеи не только на то увещевание не склонились, но с большим ругательством оное возвратили. К тому в дополнение из приватных записок следует сие, что февраля 1 числа пред полуднем слух пронесся, якобы еще во время бывшего поутру тумана за Черноречьем слышали пушечную пальбу выстрелов до 12-ти, а после полудня видели толпы ехавших верхами людей к Берде, а кто они были, в достоверность никто не мог сказать. Еще говорили, будто б с соборной колокольни видели злодеев ста два или более, ехавших из Берды в Каргалинскую слободу. — 2-го числа, кроме подтверждений вчерашних примечаний, ничего слышно и видно не было: только говорили еще, что один из оренбургских казаков, отправленный вчерашний день с товарищем от Озерной крепости с депешами к генерал-поручику Декалонгу и к генерал-маиору Станиславскому, возвратился назад, а о товарище своем объявил, якобы он, имея у себя все те депеши, поотстал от него для телесной нужды, и хотя он в ночное время старался его сыскивать, но не нашел, и куда он отлучился, того не знает. — 3-го числа была буря и великий снег до самого полудня, а затем ничего было не видно и не слышно. — 4-го числа выезжало из Берды злодеев человек около 20, кои все были: оренбургские, бердские и чернореченские казаки, а яицких ни одного тут не было. Они, подъехав ближе к городу, кричали, чтоб высланы были для переговора с ними люди; но понеже в словах их ни скромности, ни умеренности не было, а слышны были одни только угрозы, они ж и ближе к городу подъезжать не хотели, а потому и выстрелено по них из одной пушки от Бердских ворот, отчего они и уехали назад. После полудня, для сбережения хлеба в городе, выпущено бердских и чернореченских казаков, жен и детей, 46 душ, которые все и пришли прямо в Бердскую слободу по проложенной злодеями дороге. — 5-го числа ничего примечания достойного было не видно и не слышно, только ездившие для сена за Нежинский редут, хотя и с великим трудом от бездорожицы, однако ж все навьюча оного, возвратились из злодейских шляхов, нигде там не видимы. — 6-го числа поутру, около 9 часа, по причине многочисленной пушечной пальбы, бывшей в Бердской слободе и около оной, весь город был встревожен. Сия пальба происходила залпами из 3, 4 и 5 пушек* разом, а иногда и порознь, так что всех выстрелов считали более 50. Многие признавали, что то произошло у злодеев от прихода к оной слободе ожидаемых для освобождения города от осады войск, а потому множество народа на высоких местах и на городских валах сделались зрителями, ожидая с великою радостию своего избавления, да и сам г. губернатор со всеми чиновными людьми, стоя на валу у Бердских ворот, тож смотрели, но, быв тут до 12-го часа, разъехались. После полудня, часу в 1-м и 3-м, слышан был на Берде частый звон в один колокол на подобие набата, и догадывались, что то делали злодеи по казачьему обыкновению для сбора людей; а потом выезжало оттуда человек до 15-ти, и давали знак шапками, чтоб высланы были из города люди для переговора, и хотя сей день рассуждено для такого переговора выслать небольшое число людей, и назначены

* После чего был слух, якобы злодей Пугачев, быв в Яицком городке, женился на одной казачьей девке, о чем сообщники его, получа от него известие, праздновали, стреляли из пушек, и весьма много пьянствовали, что наконец и заподлинно подтверждено.

были к тому: сакмарский атаман Донской и таможенный инспектор (прапорщичьего чина), новокрещеный, да казаков человек до 10 (а еще в запас до 20 человек было приготовлено у ворот); но понеже все они не скоро собрались и за город выехали, от злодея между тем отдались к Берде, а после хотя человека два и в даль за ними ездили, только они съехаться с ними не отважились.

83) С 7-го по 22-е число было спокойно. — 22-го злодеи во многолюдстве, выбрався из ям своих под предводительством самого вора Пугачева и перешед вниз по Сакмаре лежащую дорогу, где маяк ниже Оренбурга, подъезжали в близость города, для чинения с коими перестрелки выпущены были с двумя пушками верные яицкие и здешние казаки, кои с ним злодеем ружейный огонь и производили, по причине чего оные злодеи и убеждены, с уроном от учиненных с городовой стены пушечных выстрелов, возвратиться в свои ямы. По приближении их, выпалено с городового вала из пушек с ядрами 16 зарядов.

Оные числа с 7-го по 22-е дополняются из приватных записок и известий нижеследующим: 7-го числа было спокойно; на 8-е число в ночи прибыл из Илецкой Защиты посыланный туда сержант Туленков, с ним из тамошних по Соляному Правлению и по градской команде магазейнов провезено провианта около 90 четвертей, в том числе заготовленного помянутым Правлением 60 четвертей, да в подспорье хлеба покупной там по Соляному Правлению рыбы 16 пуд. Сей привезенный хлеб многих чрезвычайно обрадовал: ибо до привоза оного, по крайней нужде, убогие и маложалованные люди покупали уже по 6 и по 7 руб. один пуд, да и по той малослыханной цене с великою трудностию находили. После полудня часу в 4-м оказалось злодеев на степи до 150 человек, из коих большое людство разъезжало в трех, человек до 30-ти в одной верстах, 3 человека, самые отважнейшие, подъезжали к городу сажен на сто, но все, по примечаниям, в пребезмерном были пьянстве, а особливо последние, столь близко и отважно подъезжавшие, скача на лошадях своих и кривляясь на обе стороны, кричали, чтоб выслан к ним был для переговора яицкий старшина Бородин, объявляя при том, якобы они Яицким городом уже завладели, и долго ли-де вам, яицким казакам, в городе помирать голодом; мы-де хотя взять его и не можем, но скоро голод принудит вас к сдаче. Кому-де вы служите, губернатору или Тимашеву, браня их обоих скверною бранью. — 9-го числа ничего было не видно, а хотя малое число злодеев и появилось было на Сыртах, но не подъезжая к городу, постояв там немного, возвратились опять в Берду. — 10-го числа выпущено за город 78 человек каргалинских татар, а после полудня выезжал из Берды сообщившийся с злодеями оренбургских казаков сотник Подуров, имея при себе злодеев человек до 30, из коих отважнейшие, выскакивая наперед, кричали: долго ли-де вам городским есть кобылятину, пора уж город сдавать; у нас хлеба довольно, — выговаривая при том и другие, но всё сумасбродные и пьяные речи.—11-го числа выпущено за город, для сбережения хлеба, из своекоштных престарелых и праздно находящихся людей человек до 30-ти да женского пола человек до 10-ти, кои все пошли чрез Берду, то есть, чрез жилище злодейское, с намерением, не могут ли они пробраться во внутренние российские жилища.* После полудня подъезжало к городу из злодеев человек до 10-ти с такими ж речами, как выше означено. Сего ж числа отпущены были в Илецкую Защиту приезжавшие оттуда с хлебом. — 12-го, за бывшею в сию ночь великою бурею, возвратились назад в город поехавшие в Илецкую Защиту. С злодейской стороны ничего особливого примечено не

* Слышно было, якобы злодеи всех из города выпущенных, не держав у себя, распустили, куда они желали. Об одной женке сказывали, что она при выходе своем из города, купила небольшой печеный хлеб, за который дала 40 копеек (кои побольше, те продавали по рублю и свыше), одну ковригу весом фунтов в 9. О сем предводители злодеев, узнав от нее, публиковали о том всему народу и тот хлеб показывали с растолкованием, до какой уже крайности приведен ими город.

было.* За город хотя и выслано было из яицких казаков человек до 20, в намерении, не удастся ли кого-нибудь захватить из злодеев, но из них никто не выезжал. На 13 число в ночи вышло из злодейского лагеря 5 человек, вахмистр и гренадер команды г. генерал-маиора Станиславского, захваченные злодеями около Губерлинской крепости, и солдат губернской роты, еще солдат, посыланный отсель к сибирскому губернатору, до прихода еще злодеев и на возврате оттуда давно уже ими захваченный: они, по увольнению злодейских начальников, отпущены были в Чернореченскую крепость для покупки хлеба, откуда, возвращаясь, вознамерились они по Заяицкой стороне идти в город, и пришли сюда на третий день, претерпев великую трудность в пути от бездорожицы и от худой погоды. Во время сильного бурана, чрез сих выходцев следующие известия произошли: 1) что главнокомандующий войсками г. генерал-аншеф Александр Ильич Бибиков находится уже в Казани; 2) вперед по Оренбургской оттуда дороге отправлен от него с корпусом военных людей г. генерал-маиор Мансуров, который-де, прошед Борскую крепость, встречен был злодеями и, имев с ними сражение, причинил им немало вреда, отбив у них 8 пушек, в том числе один единорог; 3) еще один таковой же корпус якобы находился на реке Соке в Красноярской крепости, с тем, чтоб, усмиря сбунтовавшихся там крещеных Калмыков, к Оренбургу ж следовал; 4) г. генерал-маиор Фрейман находился с таковою же командою в Бугульме, и следует оттуда к Оренбургу ж. Сей генерал также имел сражение со встречавшимися с ним злодеями, и отбил у них 3 или 4 пушки; 5) с бирской и башкирской сторон действует над злодеями и их сообщниками г. генерал-поручик Декалонг; а хотя-де они и покушались уже приступать к городу Уфе, но тут-де им удачи не было: отбиты они с немалым уроном, и потеряли 3 или 4 пушки. Всё оное те выходцы слышали во-первых от трех гусар, отхваченных злодеями от команды г. генерал-маиора Мансурова, коих-де они злодеи, за то, что они многих из них умертвили, повесили; и еще его ж Мансурова команды от солдат, кои отвозили в город Самару отбитую у злодеев артиллерию и оттуда обратно возвращаясь к команде своей в Борскую крепость, перехвачены калмыками и привезены в Берду, кои-де и ныне тут находятся, всех их 10 человек. Самого-де предводителя их и самозванца Пугачева ныне в Бердской слободе нет; а хотя-де после последней из города высылки, день или два спустя, и приехал он к своим сообщникам в Берду, но побыв тут одни или двое сутки, ночною порою неизвестно куда уехал, взяв с собою две бочки пороху; а другие-де думают, что он насыпал в них для лошадей своих овес. Догадываются, якобы он поехал по Сакмарской дороге или к Яицкому городку, куда-де по требованиям его и конные люди ежедневно к нему отъезжают. При Берде наличной артиллерии находится ныне до 70 орудий, которая вся около тамошней церкви расставлена; сколько для оной есть пороха и снаряда, то им неизвестно; но за великим расходом многому числу быть не чают. В небытность-де Пугачева начальствуют там из Яицких казаков вышеозначенные: Кожевников, Лыков и Шигаев, оренбургский сотник Подуров, да ссылочный Хлопуша, о коем прежде неоднократно упомянуто и у коего-де все заводские мужики в команде; между начальниками ж почитается один илецкий казак, коего имя они не знают, и из сих-де людей состоит у них ныне правление, которое называют Военною коллегией; Бердскую слободу именуют они Москвой, Каргалу Пе-

* По совету г. советника Тимашева, для поимки злодеев поставлено сего числа за городом в разных местах 27 капканов (машинки железные, коими в здешней стороне обыкновенно ловят волков, лисиц, бобров и других зверей), в том намерении, чтоб выехав за город яицким казакам заманить злодеев на сие место, и когда оным инструментом под кем из них уязвлена и подшибена будет лошадь, чтоб, наскакав, подхватить его было удобнее. Сия выдумка хотя и казалась некоторым нужною и полезною, однако не только никакой пользы и успеха от того не произошло, но и оные капканы, как после слышно было, кроме немногих, неведомыми людьми раскрадены, а злодеи, узнав, прямо делали разные о сей выдумке насмешки.

тербургом, Сакмару Киевом, а Чернореченскую крепость провинциею. — 6) В пропитании-де многие и между ими чувствуют нужду, и терпят недостаток: ибо-де запасного ничего нет, а что откуда привезут, тем и питаются; а хотя-де из съезда для продажи к ним иногда и привозят, но по великому-де их людству, оного не довольно, а затем-де и высылаемых из города людей отпущают они от себя куда кто хочет. Намерение-де их, как слышно, состоит более в том, чтоб еще единожды и со всеми уже силами сделать приступ к городу, и ежели сие последнее их покушение не удастся им, то всем расходиться им врознь; но большая-де часть намерена пробираться чрез Киргизскую степь к реке Яику, а тут, перешед реку ниже Яицкого городка, идти бы им за Волгу для овладения тамошними местами.

84) Впрочем хотя сей день и выслано было за город яицких казаков около 20 человек с тем, чтоб съехаться и говорить с злодеями, а буде возможно, то б их и отхватить: но из них никто не выезжал. На 14 число в ночи подъезжали к городу злодеи человек до 10-ти, и требовали, чтоб для переговора с ними высланы были к ним яицкие казаки; но сего не учинено; а после полудня выезжало их из Берды человек до 100, из коих отважнейшие, два или три человека, подъехав ближе к городу и привязав на кол мешечек, оставили по привозе его в город: оказались тут разные распечатанные письма из города и в город, из разных мест посыланные. Оное злодеи, как видно, в знак сего учинили, дабы дать знать, что отсель посланные и сюда ехавшие курьеры или перехвачены или самосвоевольно у них явились, да и слышно было, что для перехвата их за Вязовским редутом на рудниках поставлена у них застава, где для присмотра таких едущих с депешами содержится у них караул. Слышно было еще, что один оренбургский казак, приезжавший из Илецкой Защиты с провиантом, и вчера туда обратно с другими отправленный, бежал к злодеям, о коем известно было, что он с братьями своими по их поступкам признаваем был за весьма худого человека. Поутру примечено было несколько злодеев, ехавших из Берды толпами к Чернореченской крепости, а потом усмотрен по правую сторону Берды, близ Маячной горы, новый у них форпост, на коем во весь день стояло конных людей человек до 100, а на самой высоте той горы поставлен был караул человек до пяти; слышно было, что то сделали они для предосторожности и для какого-нибудь ожидания; иные говорили, якобы видели несколько шляхов их по дороге к Илецкой Защите, и поутру будто б слышна была в Бердской слободе пушечная и ружейная пальба. — 16 числа ничего особливого было не видно кроме того, что на вышеозначенном новом злодейском форпосте и сегодня находилось человек до 70. По свидетельству ж нарочно посланных за реку Яик яицких казаков найден злодейский след прямо к Илецкой Защите, по коему-де шло человек до 400, или и более, причем имели они и сани, а потому и дознавались, якобы везли они и пушки; но не поворотились ли они отошед за Сырт вправо к Илецкому городку, или устремились на Илецкую Защиту, — сие осталось в неизвестности. — 17 числа ничего невозможно было усмотреть за бывшею великою непогодью. — 18 числа ничего особливого, кроме двух злодейских форпостов, примечено не было. Из города выслано было за реку Яик казаков для осмотра воровских шляхов, которые, возвратясь, сказывали, что прежде усмотренный в Илецкую Защиту шлях назад еще не пришел. — 19 числа ничего примечено не было, кроме сего, что новоучрежденный злодейский на Маячной горе форпост сегодня казался не столько многолюден, как прежде. Один яицкий казак, вчера за сеном поехавший, не возвратился, а потому и узнали, что он ушел к злодеям в Берду. — 20 числа поутру оказалось злодеев немалое число ехавших на Маячной горе, под которую они и спустились. Людство всё их было, по примечанию, тысячи полторы; но к обеду все возвратились они в Берду. После полудня часу во 2-м и в 3-м еще они на ту ж гору пошли; но ка-

залось, что людство их было более, и многие из них, спустясь под гору, перешли чрез реку Яик и там остановились, будто бы в ожидании чего-нибудь, тремя толпами против Маячной горы. Между тем со стороны Илецкой Защиты показалась чернь следующих оттоль людей, кою признавали за людей, спущающихся с тамошних высот, но точно рассмотреть и узнать было не можно: сперва за дальностию, а потом за великим снегом и бураном. Злодеи в вышеозначенных толпах за рекою Яиком стояли до самой темной ночи; после сказывали, якобы часу в 8-м или 9-м вечера слышны были там на степи три или четыре выстрела из пушек; но из города по сим примеченным обстоятельствам никакой высылки и проведывания учинено не было. — 21 числа, за великим сего числа бывшим туманом, с злодейской стороны ничего усмотреть было не можно; только слух пронесся в городе, якобы вчера за Яик выезжавшие злодеи ездили для встречи посланных в Илецкую Защиту своих сообщников, и будто 6 оные, бывши там, тою Защитою подлинно овладели, а предводителем-де был у них вышеупомянутый ссылочный Хлопуша.

85) С 22-го по 27 число было спокойно, а того числа злодеи в немалой партии подбегали к городу, но не получа никакой удачи, пушечными с вала выстрелами отражены и возвратились в гнездо их. С городовой стены выпалено в них из пушек с ядрами I, да с картечами I заряд; а 28-го и 29-го было спокойно.

К тем с 22-го по 29 число из приватных записок в прибавление принадлежит сие, что 22 числа, поутру часу в 6-м, слышны были в Бердской слободе три выстрела пушечных, из-за чего и признавали: не будет ли в сей день от злодеев двоекратное устремление к городу, которое и было сперва поутру часу в 10; людства их было тут до 100; подъехав они к тому месту, где навоз вываливают, остановились, и человека два, три, поехав ближе к городу, повесили на палке мешечек с письмами: тут были партикулярные письма, все распечатанные, и несколько пустых распечатанных пакетов, подписанных рапортами и сообщениями, знать в том виде, дабы знали в городе, что они имеют способы всех отправленных отсюда и сюда курьеров перехватывать. Между оными найдено еще злодейское письмо, наполненное самых ругательных и пьяных выражений, с угрозами губернатору, ежели город в их руки не будет отдан. После полудня часу во 2-м еще оказались они злодеи, выезжающие из-за Маячной горы к кирпичным сараям: было их всех в разных небольших толпах от 70 до 80 человек, из коих человек до 10-ти выезжали ближе к городу, а потом для переговора с ними и выслано было из нерегулярных людей человек до 20-ти; но как в толпы их с вала от водяных ворот сделали выстрелов до 50-ти, и одно ядро легло под самой толпой, и снег сильно всбросило (некоторые сказывали, что убито им один или два, а другие сие отрицали), то все они и начали отдаляться, а потом немного постояв на одном месте, и отъехали в Берду. Выехавшие из города уверяли, что при сем случае предводитель злодеев Пугачев сам был, и якобы он вчерашнего числа с малым людством возвратился в Берду. Ввечеру и ночью разъезжавшие на той стороне реки Яика башкирцы и татары, сообщники злодеев, наехали на бывших там городских рыболовов, коих они хотели забрать и увести в Берду; рыбаки, для спасения своего, сказали им, что они сами давно желают там быть, и советовали, чтоб забрать еще неподалеку от них находящихся рыбаков же. И как злодеи за оными в ночную темноту поехали, а при сих оставили одного ясачного татарина, с тем, чтоб он гнал их в Берду, ибо те рыбаки старые и малолетные: то будучи они с тем татарином на дороге и усмотря, что он, слезши с лошади, за усталостию ее, шел пешком и был только один, то дав ему удар пешнею и связав его, привели в город с имеющеюся при нем лошадью и отдали под караул в Губернскую канцелярию. — 23-го чрез допрос вышеозначенного ясачного татарина уведомлено в городе, что предводитель злодеев Пугачев к нахо-

дящимся в Берде сообщникам его подлинно приехал, но в таком малолюдстве, что возвратилось с ним не более 10-ти человек; был-де он под Бузулуцкою крепостью, для воспрепятствования походу следующих к Оренбургу команд, от коих он при неоднократных сражениях разбит, и имевшаяся при нем артиллерия отнята да и сам он якобы едва спасся. Слух о завладении Илецкой Защиты ходившими тут злодеями, и что у них предводителем тут был часто упомянутый ссылочный Хлопуша, как оным татарином, так и от многих еще подтвержден: по завладении-де сею Защитою всем им злодеям тамошние ссылочные немало способствовали, оставили они злодеи свой там караул, офицеров-де тамошних они побили, кроме одного (коего имени татарин не знал показать), да и сего оставили они вживе по просьбе тамошних рабочих ссыльных. Из поехавших сего числа за сеном слуг несколько человек позади Нежинского редута злодеями захвачено и увезено.

86) На 24-е число в ночи бежал в злодейский лагерь один яицкий казак, а поутру выбежал от злодеев канонер, по прозванью Макаров, имевший в городе жену и детей. Он командирован был отсель с бригадиром Беловым, и по разбитии его Белова с командою захвачен злодеями, и находился у их всегда при пушках. Чрез допрос его известно стало, что злодей Пугачев возвратился в Берду в предварившую пятницу только в 10 человеках; ходил он с сообщниками своими тысячах в трех и более навстречу следующих в Оренбург команд, из коих с одною, идущею сюда под командою г. генерал-маиора Мансурова, имел он сражение между Бузулуцкою и Тоцкою крепостями. Сия-де команда, имея не малое число военных людей на лыжах, завела их низкими местами так, что они, зашед с тылу злодеев и прочих, так их притеснили, что едва не все они остались или побитыми или переловленными; сам-де он Пугачев спасся уходом, как выше значит, с малолюдством; о чем-де он Макаров известен от тех прибывших с ним людей; третьего же дня, то есть в суботу, выезжал он Пугачев с сообщниками своими сам для осмотра мест, где ему во время приступа к городу сделать свои батареи, и намерение-де полагал в сегодняшнюю или в завтрашнюю ночь, а конечно уже на сей неделе, всеми ныне при нем имеющимися силами приступать к городу; об Илецкой Защите подтвердил он Макаров почти все то ж, что вчера пойманный татарин в допросе своем показал. Провианта-де предводитель злодеев Хлопуша ничего с собою оттуда не привез, забрал-де только тех людей, коих они в своих злодействах употреблять могут, а прочих всех, также и стариков, оставил он Хлопуша там; но Пугачев якобы весьма злобился за то, для чего без ведома и без приказа его сие место разорили, к чему он никогда намерения не имел, почитая его нужным государственным делом. По имеющимся-де у злодеев известиям, генерал-маиор Фрейман якобы и поныне находится еще в Бугульме для прикрытия тамошней стороны, а вышеозначенная-де по Сакмаре реке следующая команда, у коей командиром генерал-маиор Мансуров, может сюда прибыть не прежде, как разве на первой неделе поста; сообщники-де его Пугачева более советуют ему, чтоб идти против оной команды еще, но он, не согласуясь, уверяет их, что она и без того в руки ему достанется. Провианта-де запасенного ничего у них нет, а довольствуются больше привозимым с новой Московской дороги из уезда, который высылают оттуда нарочно посланные туда злодеи, а для вольной продажи, по причине многих грабительств, весьма-де уже мало привозят. Пушек разных калибров за утратою поныне еще имеется у них в Берде до 70-ти, но в том числе не малая часть малых и неспособных, взятых с заводов; порох и ядра имеют они забранные с разных заводов, и в том он Макаров не признает еще быть оскудению. Способ к уходу своему нашел он чрез сие, что выпросился якобы для печения хлебов в Черноречье, а оттуда и пробрался он сюда, и будучи ночною порою, низменными местами, но с превеликим затруднением.

87) На 25 число в ночи хотя и ожидали злодейского приступа к городу, но оного не было, да и чрез весь день со стороны их ничего не примечено. Самый их главный ертаул или форпост столь малолюден казался, что не более трех или четырех человек при оном находилось. — 26 числа со стороны злодеев ничего ж было не видно и не слышно, а 27 числа по резолюции г. губернатора выпущены за город байрекинский торговый татарин Аит Усеев (провиантский и соляной подрядчик) с сыном его Абсаломом и с их семейством, да бывший переводчик Мансур, и еще разные татары, всех навсе до 40 человек, по их прошениям, чтоб им как-нибудь пробираться в их жительства чрез Бердскую слободу; они под оною слободою встречены были злодеями, коих примечено было человек до 30-ти, кои, окружа их, спустились с ними с той слободы; трое из оных злодеев, поехав ближе к городу, кричали, чтоб выслать к ним из города торговых людей больше: они-де нам надобны, угрожая приступом к городу, а притом ругаясь, кричали, что-де городских мы ваших капканов (о коих выше сего упомянуто) не боимся: они-де нам вредить не могут, сколько б их расставлено ни было. Часу в 9-м после полудня ушли с вала к злодеям один солдат, да татарин, почему и выпалено было с вала раза три из пушек, а чрез то в городе многие были потревожены; в 12 часу после полудня якобы примечены были позадь Черноречья ракеты, по догадкам признавали оные пущенными от следующих к Оренбургу команд, что якобы и вчерашнего числа ночью примечено. — 28 числа после полудня выезжало злодеев на степь человек до 20-ти, из коих двое, приближась несколько к городу, повесили на палке мешечек, в котором, сказывали, что положены были письма; они потом хотя и взяты были в город, но содержание их было неизвестно. А чтоб злодеи пустыми и возмущающими народ угрозами близко к городу не подъезжали, для того выпалено по них из двух пушек, почему все они назад и отворотили. После полудня выбежал от злодеев Оренбургский казак, Жмуркин, захваченный ими в Илецкой Защите, где соль добывают, который сего ж вечера в Губернаторской канцелярии и допрашиван. Часу в 10-м вечера позади Черноречья якобы еще примечено было пушечных ракет до 50-ти, а притом говорили еще, что злодеи, усмотря ракеты, пущенные сей ночи в городе, и у себя в Берде бросали головни, в том виде, чтоб оные почтены были за их ракеты.

Часть VII. — *Продолжение Оренбургской осады, бывшие на злодеев из города вылазки, приступы самозванца Пугачева и сообщников его к Оренбургу и другие приключения марта с 1 апреля по 7 число 1774 года.*

NB. Понеже экстракт или журнал Губернаторской канцелярии чрез весь сей март весьма уже кратко сочинен, и состоит только в трех листах, того ради рассудил я весь оный внесть здесь напереди, не разделяя показанных в нем чисел, внесением под оные дополнения из приватных записок и известий, как то выше сего чинено; а под тем внесены будут сряду и оные записки, продолженные по 6-е число апреля, которым Оренбургское осадное время кончилось.

88) 1 числа марта злодеи в близость города против пушечного двора в некотором количестве для переговорки подъезжали, но учиненными с городовой стены выстрелами из пушек прогнаны. Со 2-го по 7 число было спокойно; только между тем по полученному от г. полковника Демарина рапорту о медлительном доставлении в Озерную крепость г. генерал-маиором Станиславским для отправления в город Оренбург провианта, предложено к помянутому генерал-маиору и к нему Демарину: первому, чтоб он из того провианта достальной, как возможно, старался отправить и тем здешную крайность уменьшить; а Демарину, чтоб и он скорейшим того провианта доставлением содействовал; причем и к г. генерал-поручику и кавалеру Декалонгу, вследствие прежних неоднократных о доставлении сюда из Исетской провинции провианта ежели далее

не можно, то хотя до Орской крепости сообщено.*

С 7-го по 23 числа марта было спокойно, а последнего числа, чрез выбежавшего из злодейской толпы яицких казаков сотника Логинова уведомленось, что корпусом войск ее императорского величества, под предводительством г. генерал-маиора князя Голицына, на искоренение сей злодейской толпы следовавшим, сам злодей, тысячах в девяти, в Татищевой крепости засевший, разбит и только сам-пять с ним Логиновым нашел случай убежать в гнездо свое, в Бердскую слободу, стараясь притом, как сверх его Логинова, и выбежавшие уверяли, со всею своею кучею принять другие к укрывательству своему меры; однако ж чрез высланную от губернатора в Берду, за неимением конницы пехотную, человеках в 600 команду будучи приведен в крайнее замешательство, единственно с верными ему человеками в двух тысячах, забрав лучшее имущество и десять пушек, бежал чрез называемый Общий Сырт, и шатается в степи; а между тем объявленная здешняя команда, заняв Бердскую слободу, тотчас получила оставшихся от него разного сорта, в том числе и вновь на заводах им Пугачевым по своей моде налитых, с пятьдесят артиллерийских орудий с припасами, да несколько провианта, которым как и подвозным при корпусе гарнизон и гражданство возымели некоторое удовольствие, да и пленников разного звания людей, оставшихся от него злодея, к той здешней команде пришло и явилось до 1000 человек; а на 24 число и от г. генерал-маиора и кавалера князя Голицына получено сообщение, что он с вверенным ему корпусом достиг до Татищевой крепости и выше писанное злодейской толпе поражение учинил, в коей-де, по объявлению пленных, было менее девяти тысяч выбранных и отчаянных злодеев, причем-де их побито до двух тысяч, да в плен взято 3000 человек, и 36 орудий в добычу получено, только-де сам злодей Пугачев мог от того уйти, потому что кавалерия, за усталостию лошадей и от форсированного марша и глубоких снегов, как и продолжительного сражения, не могла сего беглеца достичь, хотя преследование было 20 верст. Получа сие уведомление, губернатор тотчас не оставил для сведения сообщить к гг. генерал-поручику и кавалеру Декалонгу и генерал-маиору Станиславскому, да к полковнику Демарину, равно и в другие места предложил, а притом, по требованию означенного г. генерал-маиора князя Голицына, для примечания и преграды пути его злодея, учреждены от Оренбурга до Рычковского хутора, близ Татищевой крепости имеющегося, и между Сеитовой слободы, Берды и Сакмарского городка, далее ж и по новой Московской дороге до деревни Беккуловой, из казаков и сеитовских татар разъезды; сверх того о поимке его злодея, с обещанием от его сиятельства г. генерал-фельдмаршала и кавалера графа Захара Григорьевича Чернышева, кто оное учинит, дачи в награждение 10,000 рублей, во всех местах публиковано, и хотя губернатор, к пресечению злодейских предприятий, вышеписанную преграду чрез разосланных, сколько собраться могло, конных нерегулярных с несколькими пушками учредил, но, к крайнему прискорбию, услышал чрез посланного от него к Сеитовой татарской слободе к привозу в город провианта нарочного татарского старшину, помянутый злодей со всею толпою, которая следовала, шедши во всю ночь целиком, миновав новоразосланные пикеты, пришла в ту Сеитову слободу, от которой виден был местах в трех пожар; следовательно и заключается, что более стремление его злодея клонилось внутрь Башкирии; а как, по неимению конных войск и по ослаблении от продолжавшихся блокады и голода пехоты, поимку учинить был отсюда не в состоянии, наипаче ж, что и внутри было не без опасности, то реченному г. генерал-маиору и кавалеру от 27 марта сообщено и прошено, дабы благоволил он к преследо-

* Не только во всё осадное время, но и чрез всё сего года летнее время с сей стороны и от помянутых генералов, равно ж и от полковника Демарина, провианта ничего в привозе не было.

ванию того злодея поспешествованием вверенных ему войск не оставить; между чем помянутый злодей, не находя к укрывательству своему прибежища и учиня в Сеитовой слободе татарам разного рода злодейства и набрав тотчас из окольных мест в толпу свою разного звания людей, то есть, башкирцев, заводских и помещичьих крестьян и прочих тысячи с четыре, засел было в Сакмарский казачий городок: однако в оном поспешившим по вышеписанному сообщению в команде реченного г. генерал-маиора и кавалера деташементом* атакован и совершенно разбит. И так вся его изменническая толпа сколько захватом живых, а не менее и побитием, совсем истреблена: только сам он злодей с малым числом сообщников его паки укрылся и бежал в Башкирию где однако ж отправленными за ним легкими войсками преследуется; а к тому и пришедшие в раскаяние старшины к поимке его общим увещанием побуждаются, и уповательно ими упущен не будет, а чрез то и прежнее народное спокойствие и тишина совершенно восстановиться может, в рассуждении которой губернатор по должности своей всевозможно упражняется. И так теперь город Оренбург, по одержанной под предводительством помянутого г. генерал-маиора и кавалера войском над злодеем совершенной победе, от угрожаемой опасности и тесноты получил свободу, и граждане тем вящше обрадованы, что от шестимесячного страдания в пропитании достигли вдруг старанием его г. генерал-маиора и кавалера хлебного, хотя не изобильно, но некоторого удовольствия, а гарнизон полного трактамента. Сие есть всё то, что в журнале Губернаторской канцелярии внесено; здесь в дополнение его вносятся беспрерывно уже приватные записки и известия, по самое окончание оных, следовательно и Оренбургской осады.

89) На 1 число марта с вечера слышны были в злодейском лагере три или четыре выстрела пушечных. Из допроса вышеозначенного казака Жмуркина слышно было следующее: злодеи в Илецкой Защите приступ сделали на рассвете дня; во время утрени подошли они с той стороны, где добывание соли происходит, овладев всеми дворами, в которых живут своекоштные, кои подошли почти к самому оплоту той Защиты, от которого они в Защиту из имевшихся при них пушек и ружей стрелять стали. Находившаяся там регулярная и нерегулярная команда хотя несколько и стала было обороняться, но превосходному злодеев людству долго противиться не могла, а особливо когда содержавшиеся в командах скованные ссылочные выводились, командовавший-де там капитан Вирачев скоро был ранен в ногу и отлучился в квартиру, а злодеи, сообщась с теми ссылочными и ворвавшись в Защиту, овладели всем; помянутого капитана Вирачева и бывшего в команде его подпоручика убили до смерти, а находившегося с стороны Соляного Правления при добывании соли капитана Ядринцова, хотя-де и намерены они были повесить, но тамошние своекоштные предводителя их ссылочного Хлопушу упросили, а особливо уговорили его к тому жена и сын оного Хлопуши, давно уже в той Защите жившие, оставить его живым, почему он и не умерщвлен, а потом остригши ему Ядринцову волосы по-казацки, велел-де он Хлопуша быть ему там атаманом или сотником. Хлеб, имевшийся в тамошних магазинах, роздали они весь ссылочным, а часть яко-бы взяли из него и с собою. Тамошнюю регулярную команду, коей было не более 70-ти да казаков около 120 человек, забрали они злодеи и привели в Берду, а из ссыльных взяли одних тех, кои моложе, крепче и намерениям их надобны, престарелых же и дряхлых всех оставили там; из пушек увезли три или четыре, да пороху около 20 пуд. Всех злодеев в приезде туда было от 6-ти до 7 сот человек. По допросу того ж казака Жмуркина, слышно было, якобы предводитель злодеев намерение свое при-

* Ниже сего из приватных записок и известий, обстоятельнее ж из прибавления к сему описанию, учиненного из журнала его сиятельства г. генерал-маиора и кавалера князя Петра Михайловича Голицына, явствует, что при сем последнем поражении злодея Пугачева был сам его сиятельство, также и г. генерал-маиор Фрейман, и проч.

ступить к городу отменил, а вместо того положил отправить из находящихся при нем людей разные партии против идущих к Оренбургу войск; да и примечено было, якобы две злодейские толпы пошли к Черноречью, каждая людством сот по пяти человек; впрочем неизвестно, по какому сумнительству или подозрению оный казак Жмуркин не освобожден и в дом его не отпущен, но удержан был при Губернской канцелярии под караулом.

90) 2-го числа вышли от злодеев один сержант Бирского баталиона, оставшийся после полковника и коменданта Чернышева, да двое гарнизонных солдат, в том числе один захваченный при последней из города высылке; от них слышно было, что предводитель злодеев отправил немалый обоз на низ с разными своими и сообщников своих пожитками, а куда, не знают, а вчера-де после полудня прибыло к ним из Яицкого городка тамошних казаков и калмыков с их женами и с детьми около тысячи человек, якобы для того больше, что, за непривозом туда хлеба, не стало у них провианта. Все они шли по за-Яицкой степи, и реку-де Яик перешли близ Черноречья. Еще сказывали они, якобы и в Бердскую слободу подвоза хлебного ныне нет. Часу во втором пополудни выезжало злодеев около ста человек на Маячную гору, где постояв они недолго, возвратились опять в Берду; сего ж числа после полудня выпущено за город для сбережения хлеба восемь человек касимовских и других татар; сказывали, что послано с ними к злодеям от г. губернатора увещательное письмо. Еще носился слух, будто б трое или четверо яицких казаков, ходя по валу, считали расставленные около города пушки: почему, как подозрительные, отданы они под караул. — 3-го числа ничего особливого примечено не было, и злодеев, кроме малого числа, на их ертауле было не видно: только уверяли заподлинно, что предводитель злодеев Пугачев, будучи в Яицком городке, женился на одной девке, дочери тамошнего казака и кузнеца, называемой Устиньей Петровой, которую знающие люди почитали за великую тамошнюю волокиту, * и для сего-де у всех его сообщников великая была там попойка с пушечною пальбою, а то ж делали и здешние злодеи по получении об оном ведомости. Еще говорили, якобы в прошедшую ночь слышно было в Бердской слободе несколько пушечных выстрелов, будто бы видны были за Чернореченскую крепость пушечные ракеты; в соответствование чего здесь в городе пущено было их 6 ракет.— 4 числа поутру видно было едущих к городу от Бердской слободы человек до пятидесяти; но они, не подъезжая близко к городу, постояв на степи немного, возвратились назад. Еще сказывали, якобы три злодейские толпы видели едущих одна к Черноречью, а другая к Губернаторскому хутору и на тамошние Сырты, а третья будто бы шла к Сакмарску чрез Сырт и пробиралась к Красногорской крепости; да и была молва в городе, что предводитель злодеев из Берды отлучился к Яицкому городку, или навстречу следующих к Оренбургу команд, а напереде себя отправил он свой багаж в помянутый городок. В 9-м часу вечера пущено было 4 ракеты, а потом во 2-м часу пополуночи якобы примечены были и позади Черноречья четыре ж ракеты.

91) 5 числа ничего особливого не примечено, кроме сего, что одна толпа злодеев, в двух или в трех стах человеках, во 2 часу пополудни, шла по той стороне Сакмары реки к Каргалинской слободе, — догадывались, не были ль то башкирцы, пошедшие от злодеев в свои домы; о предводителе злодеев подтверждали и сегодня, что он из Берды отлучился, да и ертаул тамошний поутру только в трех или в четырех человеках казался.—6 числа поутру выезжало злодеев на Маячную гору человек около ста; но все они, постояв тут немного, возвратились назад к Берде. — 7-го числа поутру и до полудня, за бывшею непогодью, ничего усмотрено не было; а после полудня в 4-м часу пришли

* Сия самозванца Пугачева женитьба из-за живой жены, на которой он женился еще до побега своего с Дону, которая поныне жива и находится с прижитым от него Пугачева сыном, для облегчения его, в Казани.

на лыжах из Верхней-Озерной крепости 4 казака; по приезде их уведомленось, к великому обрадованию городских жителей, что прибыло уже в ту крепость из Орской крепости два обоза, за провожанием легких команд, и еще обоз оттуда ожидается, и как придет и непогодь поватихнет, то станут оттуда отправлять провиант и в Оренбург.* — 8-го числа после полудня, по причине хлебного недостатка, выпущено за город татар и разных рабочих людей 151 человек, кои все пошли прямо к Берде; навстречу им выехало злодеев человек со 100, между ими ж находился один оренбургский казак, захваченный в Илецкой Защите. Сей, отделясь от злодеев, вознамерился бежать в город, за которым погнался было один злодей из яицких казаков, который почитался за наездника и был свойственный находящемуся в городе войсковому старшине Мартемьяну Бородину; но потому, что он был очень пьян, из города ж выпущены были, в числе вышеозначенных людей, два оренбургские казака, с тем чтоб им побывать у злодеев в Берде, а оттуда выдти в город с надобными об них известиями; которые, усмотря удобный случай в поимке оного злодея, и соединясь с тем бежавшим в город оренбургским казаком, его поймали и привезли в город; чрез сего выбежавшего и того пойманного злодея заподлинно уведомились, что начальника злодеев в Берде нет, а уехал-де он на низ. Но как оный яицкий казак безмерно был пьян, то за тем сего числа и не допрашиван. — 9-го числа поутру вышло из злодейского лагеря 5 человек, в том числе один Оренбургского гарнизона капрал Добрынин, бывший в команде бригадира Билова; чрез них и чрез допросы вышеозначенных слышно стало в городе, что начальник злодеев, взяв с собою отборных людей около 2000 человек и 10 лучших артиллерийских орудий, из Берды уехал, а куда, о том точно не знают; некоторые-де признают, что он пошел навстречу следующим к Оренбургу войскам; другие думают, что пошел в Илецкий городок, куда-де он все свои пожитки наперед послал; а иные еще мнили, якобы он совсем на утек пошел, а куда, неизвестно. Пред отбытием-де своим, в ночное время, приказал он задавить из главных и войсковых своих начальников полковника Лысова, который его злодей при разделе добычи, помянутый Лысов тот самый, который при нем и без него все воинские наряды и распоряжения делал, да и в войске Яицком был он не без знати, за темде днем и публично умертвить он его не отважился;* между всеми-де в Берде находящимися злодеями, якобы началось и происходит несогласие; часто случаются смертоубийства, а суда и расправы за то никакой нет. После полудня, часу в 3-м, выбежал еще от злодеев оренбургский казак, прозванием Пермяков; он послан был от г. губернатора в Верхнюю-Озерную крепость с письмами, и захвачен злодеями назад тому недель шесть, сказывал, что с ним сегодня после обеда бежало было еще пять человек, но оных, нагнав злодеи, возвратили назад, а он, имев под собою лошадь получше, уехал вперед и спасся от их поимки; более ничего невозможно было увидеть, потому что допросы выбегающих от злодеев, пойманных, со вчерашнего дня начали производить, и оных людей содержат в губернаторском доме, а не в Губернской канцелярии.** — 10-го числа,

* Но оттуда и ниоткуда с сей стороны, кроме одной Илецкой Защиты, с тем выше сего упомянуто, не только провиантских обозов, но и ни малого числа хлебного привоза не было.

* О сем Лысове сказывали еще, якобы он и Пугачев ехали из Каргалинской слободы пьяные сам-третей, и тут разбранясь, друг друга ругали, из-за чего Лысов, поотстав и наскакав, ударил Пугачева копьем в спину, и хотя-де он сшиб его с лошади, но поранить-де его не мог, за тем, что он был в панцыре; потом Пугачев притворно с ним помирился, вместе еще пили, а ночью якобы и приказал он его удавить.

** Был в сей день письменный приказ от г. губернатора, для публикования в городе, что корыстолюбные лихоимцы, имея у себя хлеб и не взирая на великую народную нужду, продают печеного хлеба один фунт по 30 и по 40 коп. (что четверть муки уже выше ста рублей сочиняется), с наикрепчайшими увещаниями и подтверждениями, дабы оные корыстолюбцы от столь бессовестных продаж воздержались, и продавали б хлеб ценою умеренною; при такой чрезвычайной дороговизне на хлеб в поспорье оного промышлен был спо-

кроме малолюдного злодейского ертаула, под Бердою ничего примечено не было; чрез вышеозначенных же выходцев и пойманного злодея, пронесся чудный слух, якобы в помянутой слободе, при которой в буераках находится великое множество мертвых тел, побитых и удавленных злодеем, оказываются частые привидения, и тревожат их обличением о своей невинности и о их варварствах, да и требуют погребения тел своих в землю; а за тем-де злодеи в ночное время и за водою на реку Сакмару, не только по одиночке, но и малолюдно уже не ходят, да и во снах-де оным злодеям с такими представлениями кажутся. Однажды, якобы, так они в ночное время чрез то встревожились, что возмечтав, будто наступают на них военные люди, стреляли из пушек. Ежели сие справедливо, то без сомнения происходило в них от воображения, в рассуждении многих их злодейств, чему движение их совести и всегдашнее пьянство наибольшею могло быть причиною. — 11-го числа до полудня ничего особливого не примечено; а после полудня несколько злодеев приехало в разных толпах от Чернореченской крепости в Бердскую слободу; но всех их признавали не более трех или четырех сот человек; притом сказывали, якобы еще и вчера такие ж толпы и оттуда ж едущие были видны; догадывались, не после ль сражения с идущими к городу командами оные толпы возвращались назад, или то были Башкирцы, возвращающиеся в домы свои.

92) 12-го числа ничего было не видно, кроме сего, что со стороны Чернореченской крепости и сегодня от 50-ти до 60 человек примечены едущие в Берду. — 13-го числа то только слышно было, что выезжало злодеев на Маячную гору от 10 до 15 человек, и, тут постояв немного, возвратились назад в Бердскую слободу. — 14-го числа, за бывшим снегом, видеть ничего было не можно. — На 15-е число в ночи вышли от злодеев один артиллерийский капрал да канонер, захваченные к ним в команде покойного бригадира Билова, да 4 человека из дворовых людей; чрез них слышно стало в городе, якобы предводитель злодеев имел двоекратное сражение с идущими к Оренбургу передовыми командами, разбит, и пошел было на утек к Илецкому городку, с намерением пробраться оттуда на Яик, но на переходе его отправлена одна команда из Ново-Сергиевской крепости прямою дорогою к тому городку, которая его в оном атаковала, и держит тут в осаде до прибытия другой команды, туда ж следующей из Яицкого городка, а передовые-де войска вступили якобы уже в Татищеву, в Нижнюю-Озерную и в Рассыпную крепости, и так оный злодей со всех сторон стал окружен; отсюда из Берды хотя-де он и требовал в подмогу артиллерии, но оная-де к нему не послана, затем, что дорога уже заперта и проехать не можно; в лагере-де злодейском, то есть в Берде, в пропитании все люди претерпевают крайнюю уже нужду, и подвозу хлебного ниоткуда нет. Пред полуднем видно было идущих из Бердской к Каргалинской слободе человек до 500; признавали их за башкирцев, пошедших в Башкирию, в свои домы. На Маячной горе появилось злодеев человек от 10-ти до 15-ти, с одною значкою, которые, немного постояв тут и выпаля несколько из ружей, уехали в Берду. Догадывались, что они выезжали для какого-нибудь присмотра; еще сказывали, что в Бердской слободе слышно было несколько пушечных выстрелов: признавали, что то чинено злодеями по причине великого имеющегося у них пьянства. — 16-го числа, перед утром, выехал из злодейских рук Московского легиона корнет Пустовалов; он и еще два офицера отпущены были из оного легиона, по их прошению, в домы их, и едучи из Симбирска к Кичуйскому фельдшанцу, близ оного перехвачены в Берду 1-го числа января; предводитель злодеев сперва велел было их умерт-

соб от одного находящегося в Оренбурге вольного экономического члена, как употреблять в пищу, то есть в печенье и варенье говяжьи и бараньи кожи, да и довел он до того, что на базарах сию новую пищу продавать стали против хлеба гораздо меньшею ценою; о котором способе здесь для того не распространяется, что он по представлению того члена напечатан уже в издании помянутого Общества.

вить, но отведен от того его сообщниками, и так-де он приказал их остричь, сказав, чтоб они служили ему верою и правдою; товарищи-де его находятся в Пречистенской крепости в ведомстве поручика Шванвича, который определен там от злодея атаманом, а он Пустовалов находился в Берде, и на сих днях послан был в Чернореченскую крепость для печения хлебов, которые испекши там, умыслил с имевшимися при нем двумя солдатами и одним слугою уехать в Оренбург, да и приехали к городу на двух лошадях с тем хлебом, который они, будучи в Берде, заготовили. Поутру вышли еще оттуда казачий капрал, захваченный злодеями в Илецкой Защите сам-третий; были они там для печения ж хлебов, которые с собою ж на салазках и привезли; чрез них подтвердилось вчерашнее о Пугачеве известие, что его в Берде подлинно нет, и что он, по разбитии его от следующих к Оренбургу команд, ушел к Илецкому городку и там атакован. В Бердской слободе главными имеются яицкий казак Шигаев, вышеупомянутый ссылочный Хлопуша, оренбургских казаков сотник Подуров, который у злодеев произведен полковником, да оренбургских же казаков недавно бежавший туда из последней в Илецкую Защиту посылки казак Семьянов, великий вор и конокрад; они, получа ведомость о приближении войск (которые-де сегодня или завтра заступят в Татищеву крепость), послали от себя в Чернореченскую крепость, чтоб тамошние их сообщники все приезжали к ним, да и видно было сего числа, что оттуда в Берду не малые обозы шли; вчерашняя-де пушечная пальба, слышанная в Берде, была у злодеев для пробы полученных ими с завода новых пушек и хотя-де у них пушек еще не мало, но пороху и снарядов не довольно; приближение войск слыша, хотя они и боятся и намерены сопротивляться до последней своей погибели, но между тем-де, имея у себя много вина, находятся они во всегдашнем и безмерном пьянстве. Сего ж числа на базаре начали продавать печеный хлеб в 25 коп. и в 20 коп. фунт, а прежде, как выше под 9-м числом сего месяца из приказа г. губернатора значит, продавали его от 30 до 40 коп. фунт. *

17-го числа, за великою непогодью, ничего видеть и слышать было неможно; а ввечеру выбежали от злодеев два человека оренбургских казаков, но что они показывали, того узнать было не можно; сие только слышно было, что они из тех четырех человек, которые посыланы были от г. губернатора для проведывания следующих к Оренбургу войск, и перехвачены были злодеями под Бузулуцкою крепостью, не дошедши до оных войск верст за 10.—18-го числа поутру вышло из злодейского лагеря три человека солдат, один губернской Тобольской роты, другой здешнего и третий Верхояицкого баталионов: от них и от вчерашних выходцев подтверждено, якобы передовые следующие сюда войска приближаются, или уже и вступили в Татищеву крепость. ** — 19-го числа поутру выезжало злодеев из Берды человек с 15, из коих один, подъехав ближе к городу и повеся на палочке мешечек, возвратился к своим товарищам, а потом и все они назад уехали. Признавали, что в оном мешечке положены были какие-нибудь письма, но о содержании ничего было не слыш-

* Сия сбавка цены на продажный хлеб не от чего иного произошла, как от сего, что торгующие им корыстолюбцы и лихоимцы заподлинно уже узнали приближение войск, и что при оных провианта везут довольно, и до того начали стараться, чтоб еще у них имеющийся запасный или паче утаенный хлеб как можно скорее и с лучшею для себя прибылью допродать, и что и нижеозначенными почти со дня на день уменьшавшимися ценами доказывается, и 24 числа сего марта в 3 коп. фунт уже продавали, хотя еще и никакого хлебного привоза в город не было.

** Сие подтверждал и вышеозначенный корнет Пустовалов; между прочего сказывал он: в Бердской слободе повседневно бывает заутреня, обедня и вечерня, и отправляют-де оную службу три находящиеся тут священника; на выносе и эктениях, вместо ее величества государыни императрицы, упоминают-де они имя покойного императора Петра III, а потом наследника его, государя цесаревича Павла Петровича; предводитель-де злодеев хотя и желал, дабы вышеозначенная жена его, Устинья Петрова дочь, упоминаема была, но священники-де отреклись, сказав ему, что они того без указа синодского исполнять не могут, а потому-де он их и не принуждал; сам он в церковь ни-

но.* После полудня часу в 3-м выбежали из Берды сержант Симбирской губернской роты, сержант Симбирского баталиона и один солдат; оных, не ведая их, ничего и ни с кем говорить, отвели прямо в губернаторский дом для допросов; однако ж пронесся слух в городе, якобы предводитель злодеев, по вторичном разбитии следующими в Оренбург командами, только в семи или осьми человеках вчера возвратился в Берду, и бывшая-де при оном артиллерия вся у него отбита, а оные-де команды все и со всех сторон приближаются к Оренбургу. 20-го числа поутру усмотрены были три ертаула злодейские, один обыкновенный при Бердской слободе на Сырту, другой на Маячной горе, а третий за Сакмарою рекою на Сыртах, и слышны якобы были в помянутой слободе три пушечные выстрела, а затем в 10-м часу поутру пошли великие толпы и обозы злодейские к Чернореченской и далее за оную крепость; догадывались, что предводитель злодеев с лучшими своими сообщниками пошел еще навстречу идущим к Оренбургу командам, или уже и вовсе на утек. — 21-го числа, для узнания о числе оставшихся в Берде злодеев, была из города высылка яицких и оренбургских казаков и калмыков: всех их было до 600 человек пеших, и при них семь пушек, которые везены были на санях пешими ж людьми. Сия высылка выступила из города часу в 10-м поутру, и отошед версты с полторы, остановилась; злодеи долго не оказывались, а наконец вышло их из Берды около 2000 человек, на то место, где у них обыкновенный ертаул; но как имевшиеся при городской команде лыжники, человек около 20-ти пошли к ним и пешие все понемногу туда ж стали подвигаться, то все злодеи спустились назад к Берде, а потому и городские возвратились назад. — 22-го числа ничего особливого не происходило; носился только слух, якобы вчерашнего числа после полудня бывшими на рыболовстве людьми слышна была около Татищевой крепости пушечная пальба и будто б около полуночи видели в той стороне пущенную ракету, чему в соответствование и в городе три ракеты пущены. Еще пронесся слух, якобы сего числа вышел от злодеев один казак: но подлинно про то узнать было не можно.

93) 23-го числа, сей воскресный день, из всех бывших во время злодейской осады знаменитее и благополучнее был следующим происшествием: поутру из Берды проехал находившийся меж злодеями бывшего Яицкого войска старшины сын, сотник Логинов, с 4 яицкими ж казаками, пребывающий всегда при г. губернаторе и употребляемый им при разных его распоряжениях оренбургский купец Гаврила Крестовников сказывал, что он Логинов прислан от находящегося у предводителя злодеев первым ныне начальником, старшины Шигаева, с тем уведомлением, что Пугачев, по разбитии его генералом князем Голицыным, вчера ввечеру только сам-четверт приехал в Берду, и сей день объявил еще поход, а потому и стали-де уже все сообщники его убираться на воза, а он Шигаев согласился уже с некоторыми людьми, чтоб, между тем, связав его Пугачева привести в город, и для того б так скоро, как он Логинов приедет в город, потом донесет, дать бы к ним в Берду сигнал тремя пушечными выстрелами, не мешкав; почему он к тому своему намерению и приступит; сей сигнал, по при-

когда не ходит; лицо имеет он смуглое, но чистое, глаза острые и взор страховитый; борода и волосы на голове черные; рост его средний или и меньше; в плечах хотя и широк, но в пояснице очень тонок; когда случается он в Берде, то все распоряжает сам и за всем смотрит не только днем, но и по ночам; с сообщниками своими, которых он любит, нередко вместе обедает и напивается до-пьяна, которые обще с ним сидят в шапках, а иногда-де и в рубахах и поют бурлацкие песни без всякого ему почтения; но когда-де выходит он на базар, тогда снимают шапки и ходят за ним без шапок, а он сам, когда публично ходит, то почти всегда бросает в народ медные деньги.

* Вчерашнего числа ввечеру был от г. губернатора письменный приказ, чтоб выбегающих от злодеев, кто б какого звания ни был, не только обстоятельно, но и об именах их не спрашивать, и тот самый час, как они выдут от воров скрытным образом, для надлежащих допросов прямо к нему отсылать, и проч.

езде оного Логинова в город, не прежде, как часа чрез два, и учинен, а с той поры и начался выход находившихся там людей великими толпами на лошадях верхами, на санях и на дровнях, с разным их имуществом, а многие везли с собою хлеб и сено, большая ж часть шла оттуда пешие, в том числе были женщины и ребята, всех навсе чрез весь день вышло оттуда до 800 человек для занятия оной слободы. После полудня командирован был туда осьмой легкой полевой команды командир секунд-маиор Зубов, с нескольким числом егерей, яицких и оренбургских казаков, которые в ту слободу без всякого сопротивления и вступили; он нынешний день выслал оттуда пушек разных калибров 18, с принадлежащими к ним пороховыми ящиками, в том числе один единорог и один дробовик, да денег, найденных в дворе Пугачева, семнадцать бочек медною монетою, на перечет по объявлению помянутого Зубова немного больше 1700 рублей; о предводителе ж злодеев носился слух, якобы он и ссылочный Хлопуша, которого он назвал у себя полковником, были связаны в том намерении, чтоб вести их в город, но сообщники-де его, яицкие казаки и заводские крестьяне, будто б усилясь, обоих их развязали, и он-де Пугачев, взяв с собою десять самых лучших артиллерийских орудий, пошел на утек, имея при себе людей около 2000 человек; намерение-де положил сперва идти на Общий Сырт, а потом горами пробраться б ему на Самару реку, а оттуда к Волге, или на Яик; однако ж-де бывшего атамана подполковника Бородина зять, находившийся в руках злодейских, сам-четверт поскакал о двух конях к находящимся в Татищевой крепости генералам, чтоб их об уходе его Пугачева из Берды уведомить; о часто помянутом же ссылочном Хлопуше сказывали, якобы он, вместо того, чтоб с предводителем злодеев неразлучно идти, поворотил с дороги в Каргалинскую слободу, где у него была жена и наворованные им в разных местах пожитки, но тамошние-де татары, поймав и связав его, посадили под крепкий караул в погреб, и что с ним учинить, о том требовали от г. губернатора повеления; а потому и посланы туда сегодня ж надежные люди, дабы его под крепчайшим караулом привезли в Оренбург.* Впрочем особливого примечания стоит и сие, что сей день поутру ржаный печеный хлеб продавали на базаре по 25 копеек фунт, ибо продавцы вышеозначенную цену от 30 до 40 копеек фунт понижать стали, узнав про идущие сюда команды, при коих, как говорили, очень довольно провианта; но видя оное благополучное происшествие, сей же день к вечеру в десять, в восемь и в семь копеек продавать начали.

94) 24-го числа привезен из Каргалинской слободы объявленный злодей ссылочный Хлопуша, и с ним сообщников из яицких казаков пять человек, да каргалинский татарин в помянутой слободе от злодея Пугачева главным учредителем; тут же приехало оттуда несколько из тамошних лучших татар, чтоб тем доказать ныне свою верность и усердие. Оттуда ж и из Сакмарска привезено было не малое число башкирцев и заводских крестьян, бывших в со-

* Оный великий злодей Хлопуша есть тот самый, о котором в записках прошлого 1773 года под 4-м числом октября упомянуто; воруя несколько лет под Оренбургом и быв в разных местах сей губернии, знал он все места и заводы, откуда что злодеям получать; без оного б одни яицкие казаки, а паче самозванец их Пугачев, не зная заводов и многих жительств, о дальнейших своих предприятиях никогда б может быть и не подумали; — словом: к усилению предводителя злодеев был он Хлопуша всегда главным орудием; ибо, ездя по заводам, привозил к ним пушки, ядра, порох и великое число денег, высылал хлеб и множество разных пожитков, а сверх того вылил и переслал к нему Пугачеву мортир и бомб и немалое число башкирцев, за что и дан ему был у него чин полковника; он же Хлопуша, до прихода Пугачева под Озерную крепость, командовал всею бывшею под ней злодейскою толпою, потом обще с Пугачевым разорил Исецкую крепость и захватил в Губерлинских горах команду, следовавшую от г. генерал-маиора Станиславского, а наконец, как выше значит, был он один предводителем, завладел и грабил Илецкую Защиту со всеми бывшими тут людьми. Вот сколь важны злодейства сего разбойника и сколь велика ошибка произошла от освобождения его и от посылки к оному предводителю злодеев!

обществе с Пугачевым, а из Берды посылано 20 артиллерийских орудий, в которую на сей день, якобы для наблюдения порядка, послан был с командою секунд-маиор Демидов, а бывшим там яицким казакам приказано переехать в Каргалинскую слободу. Между тем носился в городе слух, что в Берде городскими людьми учинены были великие грабительства и хищения, и якобы многие пожитки, в руках злодеев находившиеся, разными людьми вывезены в город. На базаре поутру продавали хлеб в 10, а ввечеру был уже и в 3 копейки фунт.* От командующего генерала князя Голицына приезжали сей день нарочные с известием, что он, по разбитии злодеев, вступил в Татищеву крепость с находящимися при нем военными людьми, а потом с тем, чтоб за бежавшим из Берды злодеем в погоню и для пересечения ему дороги отправлены от него разные команды. — 25-го числа поутру прислано к г. губернатору от его сиятельства генерала князя Голицына с нарочными казаками сообщение, и слышно было от тех казаков, что злодей Пугачев пробрался к вершинам реки Самары на хутор находящегося при нем злодея оренбургских казаков сотника Подурова, который от него называется полковником, и намерен-де он оттуда пробраться, оставя Переволоцкую крепость в левой стороне, на Ново-Сергиевскую крепость в чаянии пройти из оной в Илецкий городок, а степью пробираться на нижние яицкие форпосты в Кулагину крепость; людства ж при нем около 1000 человек; но лошади-де, от глубоких снегов и бездорожья, у всех уже приустали, для того и принуждены всю имеющуюся при них артиллерию бросить на дороге. За ним от помянутого г. генерала послан в погоню гусарский полковник с командою, который и вступил уже в Переволоцкую крепость, откуда по известиям далее будет следовать. Сей день, после литургии, был в соборной церкви благодарный молебен, для освобождения города от злодейской осады, при коем и г. губернатор находился. На базаре продавали печеный хлеб от пяти до трех копеек фунт.

95) 26-го числа получено было от его сиятельства сообщение, что, для преследования злодея и для поимки его, во все стороны отправлены уже от него команды; а дабы он, обратясь, не прокрался в Башкирию, то требовал, дабы с здешней стороны оное предостеречь; почему и командировано было несколько казаков и каргалинских татар на Губернаторский хутор (от города только 12 верст) для примечания на тамошних высоких местах. Сего ж дня отправлены от г. губернатора в разные места нарочные, в том числе по Московскому и Уфимскому трактам, с уведомлением, что предводитель злодеев разбит и пошел на утек, и чтоб почтовые станции по обоим оным трактам восстановить. Для осмотра положения Бердской слободы и для разных распоряжений, ездил в оную слободу г. генерал-маиор и обер-комендант Валленстерн с штаб- и обер-офицерами; из оной также и из Каргалинской слободы и из Сакмарского городка вышло сей день несколько ссыльных, своекоштных и рабочих людей 17 человек, которые из учрежденной для сих дел у г. губернатора на дворе особой комиссии и присланы при билете для содержания в главное правление оренбургских соляных дел. На 27-е число от командующего генерала князя Голицына приехало двое курьеров, один в ночи, а другой поутру; о содержании писем его то только слышно было, чтоб с здешней стороны, для пресечения злодею к уходу в Башкирию и далее прикрыть командами места от Чернореченской крепости к Сакмарску и дальше по большой Московской дороге. После по-

* Не явно ли здесь оных продавцов ненасытное корыстолюбие: они, имея у себя на руках потаенный хлеб, старались наконец всячески, чтоб сколь возможно подороже оный допродать прежде привоза с идущими сюда командами. Впредь для знания и памяти прилагается при сем особый реестр, почему в осадное время хлеб и некоторые харчевые припасы продавали, и как цена на всё то время от времени повышалась; явно из сего, какой великой трудности город Оренбург в сие бедственное время подвержен был.

лудня потревожены были в городе, а особливо поехавшие из города в Бердскую слободу тем, якобы предводитель злодеев Пугачев с хуторов Епанечкиных возвратился в Каргалинскую слободу, и учиня там лучшим людям убийство, три или четыре двора в оной слободе выжег; то ж якобы причинено им над некоторыми и в Сакмарском городке. Хлеб продавали на базаре мукою от 1 руб. и до 80 коп. пуд, а печеный продавали сперва по 3, а потом по 4 коп.; но к вечеру, по причине вышеозначенных известий, продавцы его еще вздорожали и продавали уже по 7 коп. фунт.

96) На 28-е число ночью, приехав из Сакмарского городка тамошний атаман Донский с имевшимися при нем казаками, коих послано было туда из города 50 человек; он отправлен был занять сие место и иметь там предосторожность, дабы предводитель злодеев не прокрался тамошнею стороною в Башкирию; по вышеозначенному его сиятельства сообщению, сей атаман сам сказывал, что посланные от него по большой Московской дороге до Мустафиной деревни, то есть к самому Уралу (со 150 верст от Оренбурга), никого из злодеев не видав, возвратились к нему; а вчерашнего-де числа послал он Донский в Каргалинскую слободу родного своего брата с одним казаком, для разведывания, что там делается, которые оба приехали туда в самое то время, как от злодеев передовые люди, человек до 80 или около 100, с четырьмя значками приехали в ту слободу (но тут ли был предводитель их Пугачев, оного они узнать не могли), и сделав в оной слободе тревогу, начали-де по всем улицам разъезжать, и из лучших-де тамошних богатых татар закололи копьями 4-х человек, и дворы их зажгли, имевшегося-де при брате его казака ранили копьем, а брат его Донского, повязав лицо себе платком, чтоб не узнали и притворясь, якобы он из той же злодейской толпы, начал с прочими скакать и кричать по улицам, а между тем и нашел случай спуститься на реку Сакмару, по которой прискакав в Сакмарский городок, подал ему атаману о всем том известие. Донский команду свою имел уже готову на оседланных лошадях, и укрывая оный случай, сказал тамошним казакам для вида, что он спешит для встречи идущего с войском генерала, к чему б и они все изготовились; выехав же из города, поскакал он не прямою дорогою к Оренбургу, а к Чернореченской крепости, а оттуда на Мосоловские рудники, и подъезжая к оным, усмотрел за собою злодейскую погоню, человек до 200; но как-де он спустился там на реку Яик, то-де оная злодейская толпа, постояв на рудниках недолго, далее за ними не погналась и возвратилась назад, может быть за усталью лошадей, а он Донский рекою Яиком безопасно уже приехал к Оренбургу. Еще сказывал он, что в селе советника Тимашева, называемом Ташлой, стоит тысячи полторы или две башкирцев, которые-де тут ожидают предводителя злодеев, или что с ним сделается; по его Донского признанию, злодейское намерение состоит в том, чтоб, перешед реку Белую, убраться на заводы, или, переправясь чрез Яик, идти в Киргизскую степь, куда, по нынешней распутице, а потом, за великим разлитием вод, воинским командам гнаться за ним будет не можно. После полудня все люди в городе были встревожены тем, что около Бердской слободы, для предосторожности и примечания, не явится ли где злодей, никаких караулов и разъездов учреждено не было, а потом из возвратившихся в Каргалинскую слободу злодеев, как сказывали, человек до 800 или до 1000 нечаянно ворвались и причинили там многим смертоубийство, а многих увезли с собою в помянутую Татарскую слободу; бывшая тут с капитаном небольшая регулярная и нерегулярная команда, хотя было и вышла к городу, но злодеи, перехватя оную на дороге, с собою ж угнали: спасся только уходом наперед начальник оной команды, капитан Сурин; при сем самом случае тут же были и ехавшие в Оренбург от его сиятельства для занятия квартир и для своих надобностей капитан и с ним 12 человек гусар, еще капитан же Григорий

Пыхачев из отставных от службы, взятый в команду г. генерал-маиора Мансурова, отставный же переводчик Матвей Арапов; злодеям удалось тут оного Арапова тяжко изранить, от чего он, по привозе в город, скоро и умер;* одного гусара закололи, а двое остались там в неизвестности; помянутые капитаны и 9 человек гусар в город приехали благополучно: сказывали, якобы сам предводитель злодеев Пугачев туда приезжал, да яицких-де казаков было немного, большое число состояло из каргалинских татар и башкирцев, да и сакмарские казаки и несколько калмыков; какое ж число побито тут людей и сколько злодеями увезено, то узнать было не можно. Ввечеру ж от губернатора отдан был именный приказ, что оный предводитель злодеев прокрался назад в Каргалинскую слободу, и там побил и разграбил лучших людей, а оттуда-де устремясь и в Бердскую слободу, подкрался оный к ней нечаянно во время тумана; могло статься, что в оной слободе был туман: но в городе во весь сей день никакого тумана не было.

97) 29-го числа, известясь, что злодеи еще вчера Бердскую слободу оставили пустую, забрав всех бывших там людей в Каргалу, командировано туда несколько военных людей с одною пушкою, а притом послано было несколько подвод для забрания оттуда сена и для привоза оставшегося там хлеба, что беспрепятственно и учинено; в оной же слободе найдены скрытно находившиеся яицкие казаки, с тем намеренеим, чтоб кого-нибудь из городских отхватить и увести к предводителю их, в Каргалу, из коих злодеев трое пойманы и в город привезены; о предводителе злодеев слышно было, якобы он из Каргалинской слободы поехал сей день в Сакмарск, но ночевать-де хотел быть в Каргалу; между тем многие заподлинно уверяли, что до полудня и после половины дня примечены за Чернореченскою крепостью идущие туда команды, из коих ввечеру несколько гусар и в Бердскую слободу вступило. Во вчерашний злодейский в помянутую слободу набег побитых и увезенных злодеями служивых людей считали до 60-ти человек.— 30-го числа передовая армейская команда с г. полковником Хорватом Бердскую слободу заняла, с тем, чтоб отсюда идти к Каргалинской слободе; помянутый полковник к г. губернатору присылал от себя маиора, для изъяснения потребных ему обстоятельств, а о следующих сюда генералитетах было известие, что они ночевать будут в Чернореченской крепости; передовые ж их войска в оную крепость и вступили. Оставшийся в Илецкой Защите капитан Ядринцев, уведомясь чрез выходцев, что предводитель злодеев Пугачев с сообщниками его в Татищевой крепости разбит, прислал от себя в Оренбург из находящихся в оной Защите на годовой службе двух казаков на лыжах, коими, как г. губернатору и в Соляное Правление о обстоятельствах, когда и как оная Защита попалась в злодейские руки, кратко рапортовал, чему в дополнение от оных казаков в помянутом Правлении взята сказка, и при рапорте статского советника Рычкова представлена г. губернатору, с требованием от него повеления о восстановлении тамошних соляных работ; с оными ж казаками прибывши оттуда священник словесно объявил, что к сопротивлению злодеев употребили себя из находящихся там служивых регулярных и нерегулярных людей только 15 человек, а прочие-де все, по приближении их к оной Защите, передались к злодеям, и так-де оную Защиту спасти, по великому числу злодеев, никакими мерами

* Сей переводчик имел офицерский чин, о котором тем больше сожалеть надлежит, что он с самого начала Оренбургской экспедиции употребляем был в самые нужнейшие посылки, как в киргиз-кайсацкие орды, так и в другие тамошние места, и всегда порученное ему дело старательно и с хорошим успехом отправлял; знал достаточно все здешние татарские диалекты и калмыцкий язык,— словом, такой великий знаток и прошлец он был в тех делах и местах, равно ж и в Башкирии, какого уже здесь не осталось, и скоро возыметь не можно; а потому, при восстановлении здешних порядков (к чему необходимо нужны знающие прежние здешние дела и прозводства) и мог бы он Арапов с немалою пользою к разным делам и осведомлениям употребляем быть.

было не можно.— 31-го числа его сиятельство, командующий генерал и кавалер, князь Петр Михайлович Голицын, обще с генерал-маиром Фрейманом, с полковниками князем Долгоруковым и Бибиковым, и еще с несколькими штаб- и обер-офицерами, к великому обрадованию всех городских жителей, приезжал в Оренбург налегке, и отобедав в назначенной ему квартире, в доме директора Твердышева, с г. губернатором, после стола, помешкав тут немного, отправился назад в Берду, с тем намерением, чтоб завтра, нимало не упущая времени, для преследования предводителя злодеев, Пугачева, следовать ему с командами своими к Каргалинской слободе и к Сакмарску, где оный злодей с сообщниками его находится.

Апреля 1-го числа выбежало из Сакмарского городка двое башкирцев, да один казак, чрез которых известно стало, что предводитель злодеев, Пугачев, с сообщниками своими засел в старом Сакмарском городке, а намерен-де, ежели не устоит против атакующих его войск, пробираться в Башкирию, куда-де от него и указы разосланы уже, чтоб башкирцы сбирались к нему, а в Каргалинской-де слободе оставлено от него небольшое людство. В Бердской слободе пойманы 3 человека башкирцев, ехавшие к злодеям из Илецкого городка. Около полудня и после полудня часу в первом слышна была со стороны Сакмарского городка сильная канонада, что признавали за происходившее там с злодеями сражение, а ввечеру и получено известие, что злодеи, как в Каргалинской слободе, так и в Сакмарском городке, совершенно разбиты, и пойманы-де тут главные Пугачева сообщники, называемые у него полковниками, из яицких казаков Шигаев, да оренбургский сотник Подуров, а сам-де он Пугачев в 40 человеках ушел на утек к Пречистенской крепости, на самых хороших и свежих лошадях; однако-де в погоню за ним послана от его сиятельства гусарская команда. — 2-го числа, чрез присланного от г. генерал-маиора Федора Юрьевича фон-Фреймана известие получено о следующем: предводитель злодеев, Пугачев, находясь в Сакмарске и будучи от общников своих уведомлен, что передовые команды идут уже в Каргалинскую слободу, нимало не мешкав, и всеми своими силами и с артиллериею пошел из Сакмарского городка к той слободе. Ему сказано было, что оные команды сочиняют небольшое только людство; но как он сам усмотрел, что те команды, собравшись, превосходное людство сочиняют, да и распоряжены уже в порядок, то, не входя он в слободу, засел было близ ее в одном крепком месте, и начал пушечную пальбу, куда подвезены были два единорога, то он и стал подвигаться вверх по Сакмаре реке, останавливаясь во всех узких местах и производя пушечную пальбу в тот вид, чтоб между тем дать время сообщникам его у пильной мельницы построиться к бою. Как подошли команды к той мельнице, то и найдено уже у него там во фронте немалое число его сообщников: но и тут, по недолгом сопротивлении, все они были сбиты, побежали далее; сам он, как сказывали, не заезжая уже в Сакмарск, побежал толпою с небольшими людьми вверх по Сакмаре реке, куда за ним в погоню тот же самый час отправлена была гусарская команда. Кроме немалого числа побитых его людей, взято при сем сражении в плен более двух тысяч человек, и многие его главные сообщники, в том числе названные от него полковники, яицкий казак Шигаев и оренбургский сотник Подуров, писарь и секретарь его Горшков и другие; но первый, как сказывали, при поимке ограблен и убит гусарами. Теперь осталось ожидать одной поимки помянутого злодея Пугачева. После полудня прислано в город из Черноречья русских людей и иноверцев тридцать человек, и все они были в злодейской толпе и находились в Нижней Озерной и в Рассыпной крепостях; ушед после сражения, бывшего в Татищевой крепости, перехвачены оные разъездом на реке Донгузе, и показывали, якобы пробирались в свои домы. — 3-го числа ничего особливого слышно не было; к вечеру только пронесся слух в городе, якобы главнейший сообщник

Пугачева, Чика, находившийся с сообщниками его под городом Уфою, разбит, и спасая себя от поимки, удавился. О предводителе их, часто помянутом Пугачеве, сказывали, якобы он засел в одной башкирской деревне, за Пречистенскою крепостью, и тут посланными за ним в погоню командами атакован.— 4-го числа, под конвоем легкой команды г. премьер-маиора Наумова, приведено в город из Сакмары отбитых при последнем разбитии злодеев две тысячи триста человек пленных людей, в том числе и вышеозначенный злодей, сотник Подуров, отставный солдат Жилкин, который у злодея назван полковником, и посылан был от него для взятия города Самары, из яицких казаков Горшков, коего Пугачев употреблял к письменным своим делам вместо секретаря, а о Шигаеве г. маиор Наумов сказывал, что при поимке его, заколот гусарами. — 5-го числа ничего особливого не было, кроме сего, что от его сиятельства князя Петра Михайловича Голицына прислано из Сакмарского городка вырученных им из злодейской толпы солдат и других людей до двухсот человек. Сей день отправлены из Соляного правления в Илецкую Защиту приехавшие оттуда казаки и священник с указом, по предложению г. губернатора, на представление оного правления о восстановлении тамошних соляных работ. Впрочем по Сакмарской дистанции привезен на сей неделе заготовленный там его сиятельством в Бузулуцкой и в Сорочинской крепостях провиант, до тысячи четвертей, чрез что и голод, который почти все городские жители не малое время терпели, старанием его ж сиятельства миновался. Чрез находящегося при его сиятельстве обер-квартирмейстера известно стало, что к городу Уфе деташирован от его сиятельства с командою г. генерал-маиор Фрейман, а по большой Московской дороге гусарский полковник Хорват, да полковник же..., а ввечеру и сам его сиятельство в Оренбург прибыть изволил. — 6-го числа прислано из Сакмарского городка отбитых у злодея киргизцев человек до тридцати; хотя они и показывали, что захвачены злодеями еще в осень, но правда ли, узнать было не можно. О предводителе злодеев слышно было, что из Тимашевского села Тагилы, ночевав там, побежал он на Каноникольский завод, а оттуда-де хотел пробраться на Демидовский Авзяно-Петровский завод, и башкирцы-де, бывшие в его сообществе, заглаживая свои вины, послали для поимки его своих людей. Еще носился слух, якобы предводитель злодеев, ежели б на двух последних сражениях совершенно разбит не был и получил бы тут новое усиление, то намеревался он под именем его высочества государя цесаревича Павла Петровича сообщникам своим представить неизвестного какого-то молодого человека, и называть его своим сыном, с тем, чтоб оным подкрепить еще у подлого народа все свои злодейские вымыслы.

Прибавление первое

к описанию шестимесячной Оренбургской осады от самозванца и государственного злодея Емельяна Пугачева, со времени поражения оного злодея под Татищевскою крепостью по то число, как помянутый злодей совершенно разбит под Каргалинскою слободою и под Сакмарским городком, и из того и освобождение города Оренбурга от вышеозначенной осады последовало.

22 числа марта (1774 года) пополуночи в 5-м часу корпус его сиятельства г. генерал-маиора князя Голицына выступил весь из Переволоцкой крепости, оставя обоз и подвижной магазейн с надлежащим прикрытием в той крепости (от Татищевой, где Пугачев засел с своими сообщниками, 18 верст).

К сему маршу учинены были нижеследующие распоряжения: с полуночи отправлены были подзорные малые партии, а авангард за час прежде корпуса отряжен был: оный состоял из баталионов гренадерского и егерьского, 200 человек лыжников, да 3 эскадрона под предводительством г. полковника Бибикова. За глубоким снегом, корпус от мест, то есть от первой колонны, не иначе мог следовать, как в одну колонну; марш откры-

вали два баталиона гренадер, потом кавалерия по частям своим смешана была с пехотою; к соединению авангарда учреждены были легкие конные партии, а вышины, по сторонам лежащие, охраняемы были лыжниками. Авангард, не дошед до Татищевой крепости верст за 8, послал от себя для точного примечания злодеев; они сию партию подпустили почти к самой крепости, а тут вдруг кинулось из них на нее 300 яицких казаков. Партия наша успела отступить, быв немедленно подкреплена двумя эскадронами драгун с пушками, чем бунтовщики были удержаны и не могли вдаль преследовать. Полковник Бибиков, как скоро узнал о том, то подошел к концу горы, с которой вся крепость открывалась в расстоянии 5-ти верст. Командующий корпусом г. генерал-маиор, будучи о сем уведомлен, приказал корпусу поспешать в марше; а между тем обозревал он местоположения, где б удобнее предпринять меры к атаке неприятеля, который, забравшись в крепость, не показывал ни малейшего вида в движениях своих. По довольному ж примечанию ситуации, его сиятельство приказал корпусу маршировать в две колонны: правая была под предводительством г. генерал-маиора Фреймана, передовой деташемент составлял особливости, и колонна подавалась к правой стороне Илецкой дороги; сим порядком войска подошли к атаке, егерями и лыжниками заняты горы к прикрытию всего марша; злодеи продолжали прежний еще вид, чтоб скрыть свое движение, не выслав из крепости никого. Между тем его сиятельство приказал занять удобные места для главных двух батарей, а г. полковник князь Одоевский отправлен был к своим баталионам на левую вышину, которой, если б не предупреждено было овладеть, то б злодеи могли причинять оттуда крайний вред; между тем формирован был из колонн фронт, пехота поставлена была в первую линию, имев резервы, а кавалерия составляла другую; но за глубоким снегом, почти невозможно было ей действовать. А как расстояние дозволило уже открыть батареи, то оное и решило терпение бунтовщиков, которые произвели сильную канонаду из 30 больших своих орудий. Жестокость сего огня продолжалась не менее 2-х часов.

Но как его сиятельство приметил, что отчаянных бунтовщиков и злодеев из гнезда их невозможно будет выгнать одною канонадою, то и решился наконец штурмовать крепость, у которой прежние укрепления хотя и разорены были, но самозванец поправил их сделанным из снега валом. Штурмование начато на правый ее фланг, куда г. генерал Фрейман подвел сперва баталион г. полковника князя Одоевского; командовал сим баталионом 2-го гренадерского полка подполковник и кавалер Филисов; а между тем корпус продолжал свой марш, делав косую линию, а тем и окрепились наряженные к атаке войска. Стремление злодеев весьма было на них усильно, да и вывезли они из крепости 7 пушек, поставя их на одном пригородке, который был противу баталиона атакующих; но с наших батарей оные были сбиты, и сие место занял г. генерал-маиор Фрейман. Его сиятельство хотя и отправил еще к помянутому г. генерал-маиору полковника и кавалера князя Долгорукого с баталионом, но приметя, что к совершенному поражению злодеев и сих отряженных войск будет не довольно, принужденным нашелся большую часть взять из бригады г. генерал-маиора и кавалера Мансурова, к подкреплению предреченного генерал-маиора. Командиры при том были: полковник Аршеневский и лейб-гвардии капитан-поручик Толстой, и батареи обращены были на атакуемые места. Г-ну генерал-маиору Фрейману приказал его сиятельство усилить свое стремление, а г. полковнику Бибикову с егерями и лыжниками велено было тревожить правое злодейское крыло. Г. генерал-маиор и кавалер Мансуров, устроя кавалерию, подвинул несколько эскадронов по дороге, лежащей к крепости, а две чугуевские роты с подкреплением двух эскадронов бахмутских гусаров обратил для занятия большой Оренбургской дороги. Во всё сие время канонада беспрерывно продолжалась; но чтоб при наступающем уже вечере дело как можно

скорее докончить, то сам его сиятельство своею особою предводительствовал, и побуждал пехоту к устремлению на крепость: почему три баталиона и спустились с пригорка; и хотя встречены они были большею высылкою из крепости, и происходило тут жестокое сражение, но злодеи с великим их уроном прогнаты были. Между тем, не взирая на то, что из крепости производили уже пушечную картечную пальбу, атакующие войска, под предводительством храброго генерал-маиора Фреймана, кинулись на вал; злодеи хотя и увидели тут неминуемую свою погибель, но еще, да и отчаяннее прежнего, оборонялись. Первые взошли на батарею 2-го гренадерского полка баталионы с своим полковником и кавалером князем Долгоруким, а с левой стороны баталион князя Одоевского. В то же самое время подоспели баталионы, составленные из 24-й полевой легкой команды с подполковником Аршеневским, равномерно и сочиненной из Вятского и Томского полков лейб-гвардии с капитаном Толстым. Г. полковник Бибиков с своей стороны не упустил также приближиться к левой крепостной батарее, и взошел на оную, а команды его лыжники притом имели сильный бой на Илецкой дороге. С преждеушедшими из крепости конными и пешими злодеями полковник Бибиков не оставил все способы употребить — разогнать оных злодеев, послав туда на подкрепление егерей, куда и кавалерия была подведена.

Когда вал и ворота заняты были, то кинулись в три выезда все, да и передние эскадроны туда ж въехали с подполковником и кавалером Бедрягою. Злодеи хотя и еще поудержались было, в улицах и в домах засевши и имея в своих еще руках пушки, но войска ее императорского величества с неописанною храбростию, будучи предводимы достойными и неустрашимыми командирами, поражали их везде, и одержали сей день совершенную и важную победу. К преследованию злодея отряжена была по всем дорогам кавалерия, под предводительством г. генерал-маиора и кавалера Мансурова. Злодейская толпа находилась здесь людством более 9000 человек, в том числе было не меньше 2000 выбранных самых отчаянных бунтовщиков из яицких и илецких казаков; исетских и оренбургских находилось до 3000 пехоты, из заводских мужиков 2000, в том числе были и ссылочные, взятые злодеями в Илецкой Защите, прочие все из татар, калмыков и башкирцев, а небольшая часть была и киргизцев. Пушек находилось при них 36; предводительствовал ими главный бунтовщик и самозванец Пугачев сам. Дерзость и депаратность была их столь велика, что сверх всякого чаяния в одной крепости нашлось убитых злодейских тел 1315, в преследовании на 15 версте найдено убитых же 830, в лесах и сугробах поколото лыжниками до 350 человек, в плен взято яицких и илецких казаков 290; прочих в плен же взятых число превосходит 3,000; пушек получено в добычу с снарядами 36. С нашей стороны убиты здесь: Томского полка капитан Фаддеев поручик Шмаков, 24-й легкой полевой команды адъютант Людвиг; тяжело ранены: 2-го гренадерского полка капитан Алсуфьев, который чрез несколько дней и умер, 24-й легкой полевой команды капитан Станкевич, 2-го гренадерского полка поручик князь Путятин, которые от тяжелых ран и умерли; поручик Александр Чириков, инженерный подпоручик Курчеев, 5-й легкой полевой команды подпоручик Николай Шипов, 25-й же легкой полевой команды прапорщик, да 2-го гренадерского полка прапорщик же Угланов; легкими ранами ранены: 2-го гренадерского полка подполковник и кавалер Филисов, лейб-гвардии адъютант Кошелев, капитан Василий Сумароков, Иван Карташев, Владимирского полка капитан Михайла Воронин, Томского полка капитан же Иван Винклер, поручики 25-й легкой полевой команды Антон Швейковский, 2-го гренадерского полка Дмитрий Голенищев, Алексей Филисов, подпоручик Николай Вердеревский, прапорщик Андрей Каров. Убито из нижних чинов: 2-го гренадерского полка гренадеров 51, Томского полка гренадеров 16, Владимирского 8, Вятского 19 человек, из легких полевых команд рядовых 27, чугуевский

казак 1; тяжелыми ранами ранено: 2-го гренадерского полка гренадеров 213; того ж полка легкими ранами ранено 26, из Томского полка тяжело раненых 16, легко 37 человек; Владимирского полка тяжело раненых 9, легко раненых 26; Вятского полка тяжело раненых 15, легко 27 человек; из легкой полевой команды тяжело раненых 54, легкими ранами 31 человек; из полевой артиллерии тяжело раненых 2, Архангелогородского полка тяжело раненый 1, легко раненых 7 человек; Изюмского полка тяжело раненый 1; а всего всех чинов убито 132, тяжело раненых 330, легко раненых 167 человек. Лошадей убито 35.

При сем важном и решительном сражении отличили себя, во-первых: г. генерал-маиор Фрейман, будучи предводителем главной атаки, с неописанною храбростию всегда и везде восстановлял порядок, и, несмотря на отчаянное сопротивление бунтовщиков, достиг до своего предмета, и овладев крепостным валом, способствовал к победе.

Г. полковник и кавалер князь Долгорукий, отряженный к приумножению и усилованию атакующих, с неустрашимою храбростию управлял свой баталион, и выдерживая от осажденных злодеев жесточайшую канонаду, ободряя своим примером подчиненных, и достигнув до своего намерения, взошел на вал.

Г. полковник князь Одоевский с подполковником и кавалером Филисовым, будучи наперед отряжены к атаке, не оставили употреблять все способы превозмочь и одолеть упорство оборонявшихся бунтовщиков, поощряя примерами своими, где г. подполковник Филисов и рану получил в шею. — Подполковник Аршеневский, по отряжению его, чтоб скорее доставить подкрепление к атаке генерал-маиору Фрейману, в то самое время, когда на оную жестокие нападения сделали злодеи (чему его сиятельство сам был свидетелем), по повелению его, кинулся наперед с баталионом, из легких полевых команд составленным; то ж учинил и лейб-гвардии капитан-поручик Толстой, следуя тому достохвальному примеру; и так оба они вошли на вал, доказав отменную храбрость. Г. полковник Бибиков, будучи на правом фланге, не упустил ничего с стороны своей к удержанию злодеев, посылая на них лыжников и егерей, тревожить их левый фланг: а потому не осмелились они всех своих сил обратить на атаку г. генерал-маиора Фреймана; после чего не упустил он от своей стороны взойти и на вал крепости.

Г. генерал-маиор и кавалер Мансуров, предводительствуя бригадою своею с правого фланга, в продолжение сражения со всеусердною к службе ее императорского величества ревностию, прилагал старание, и употреблял все способы приобресть славу; поставя свои батареи, сделал злодеям не малый урон, и в преследовании их учреждениями своими умножил поражение.—Подполковник и кавалер Бедряга, в самый тот момент, как пехота очистила вал, первый из кавалерии с двумя эскадронами изюмских гусаров вскакал в крепость, и причинил там злодеям сильное поражение и кровопролитие, да и вслед за ними продолжал погоню. — Полковник и кавалер Хорват, приметя колебание злодеев, храброго своего полка с двумя эскадронами, присоединя к себе чугуевские роты, объехал Оренбургскою дорогою, и обратя бегущих по оной дороге назад, гнался за ними по дороге к Илецкому городку более 17 верст, и в сем преследовании побил множество злодеев. — Г. полковник Ильин с своим полком, въехав в крепостные ворота, злодеев также преследовал, и привел пленных 300 человек. — Находившиеся при корпусе волонтеры, лейб-гвардии конного полка поручик князь Волконский и адъютант Кошелев всегда были при его сиятельстве неотлучны, и посылались от него в нужные места, что оба они исполняли с бесстрашием и с отменною храбростию, причем адъютант Кошелев пред концом сражения и рану получил в ногу пулею. Такую ж доказывал при всяком случае к службе ее императорского величества ревность и дежурный при корпусе премьер-маиор и кавалер Муфель, не оставляя везде быть, куда

только следовали приказания. Находившийся при его сиятельстве в должности дежур-маиора, Углицкого полка квартирмистр Романов, чрез усердие свое к службе, многократно оказывал хорошие заслуги, и в продолжение сей экспедиции употреблялся с хорошею пользою; а здесь с начала сражения с небольшою командою послан был для примечания злодейских батарей к самому валу, и обозревши оный, подал обо всем том настоящее сведение; равно ж и дивизионный квартирмистр Герман в продолжение сей многотрудной экспедиции должность свою неусыпно исправлял, доказывая по званию своему довольное в ней искусство; а здесь же, в поражении при Татищевой крепости злодеев, употреблен был с егерями и освободил окруженных злодеями лыжников. — 24-й легкой полевой команды премьер-маиор Швейковский и 2-го гренадерского полка секунд-маиор Пушкин были в настоящей атаке и в штурмовании крепости, где, по засвидетельствованию бригадного командира г. генерал-маиора Фреймана, отличили себя довольно храбростию.

Неустрашимость и храбрость ее императорского величества войск известны уже всему свету, а потому и при сем важном и решительном сражении, к преодолению всех упорств от бывших в крайнем отчаянии злодеев и бунтовщиков, всеми военными людьми оказанная ревность заслуживает генерально имя достойных и неустрашимых воинов, а особливо гг. штаб-и обер-офицеры, предводительствуя своими подчиненными, при всяком встречном случае всеусердно и ревностно исполняли свои должности.

23-го числа чрез разосланные партии привезено пленных до 400 человек, да явилось девертиров из Бердинской слободы 10 человек оренбургских казаков: последние объявили, что по разбитии злодеев в главной их толпе, то есть в Бердинской слободе, сделалось между ними замешательство, и что сам изменник Пугачев, прибрав к себе яицких казаков, часть ссылочных и заводских людей, однако ж всех навсе не более 2000 человек, вознамерился спасать себя бегством и пробраться прямо степью к Яицкому городку так, чтоб пройти ему до Переволоцкой крепости, оставляя здешнюю дорогу в левой стороне, и артиллерии-де взял он с собою только 10 пушек; остальная-де часть бунтовщиков, как башкирцы и прочие, отделились от него и пошли к Ново-Московской дороге. По сим известиям, чтоб пресечь оному злодею дорогу, в тот момент приказал его сиятельство отрядить к совершенному истреблению оного злодея сильный деташемент с подполковником и кавалером Бедрягою, да в командование его два батальона пехоты, да эскадрона гусаров и карабинер с 10-ю орудиями, подтвердя накрепко, чтоб он как возможно наискорее занял Переволоцкую крепость и имел бы примечание на все движения пораженных и бегущих злодеев.

25-го числа уведомлено, что самозванец Пугачев с сообщниками своими остановился в хуторах от Переволоцкой крепости верстах в 30-ти, и старается пробраться оттуда прямо к Ново-Сергиевской крепости, а потому и отрядил его сиятельство г. полковника Ильина с двумя эскадронами, придав ему 100 человек егерей и 100 лыжников, с тем, чтоб занял он Переволоцкую крепость; а подполковнику Бедряге, вышед из оной, велено маршировать к Ново-Сергиевску, и так сделать связь от Татищевой до Ново-Сергиевской крепости. Сего ж числа явилось дезертиров 67 человек.

26-го числа получил его сиятельство сообщение от оренбургского губернатора, г. генерал-поручика и кавалера Рейнсдорна, что он, будучи от дезертиров уведомлен о победе, одержанной в Татищевой крепости над известным злодеем Пугачевым, и зная о побеге его Пугачева, не преминул взять с своей стороны надлежащие меры, да и послал вслед оного часть войска; также отрядил некоторую часть и к занятию Чернореченской крепости и Бердинской слободы, оставленной злодеями, где покинуто от них около 60 пушек, знатное число провианта и фуража; что всё приказал он перевозить в Оренбург. Таким образом, к преграде и пресечению злодейского побега, учреждена

по означенным местам связь от самого Оренбурга даже до крепости Ново-Сергиевской, а от оной и до Сорочинской крепости велено иметь частые разъезды. В сей позиции находились войска до 30 числа; злодеи ж, усмотря, что им здесь прекратя и намерение свое сдержать никоим образом не можно, оставя оное, обратились назад, и пошли опять к Каргалинской слободе.

Между тем командующий г. генералмаиор упражнялся в том, чтоб из готовленного в Сорочинской крепости магазейна, как можно скорее, доставить в Оренбург довольное число провианта и фуража, куда все назначенные транспорты были уже доставлены.

29-го числа взятые в плен в течение вышеозначенных чисел, при достаточном конвое, отправлены были по Сакмарской линии; а важных арестантов до 600 человек отправлено при корпусе.

Сего ж числа получил его сиятельство подлинное известие, что злодей Пугачев, узнав, что со всех сторон к пресечению побега его на Яик взяты меры, со всею своею толпою обратился назад чрез Общий Сырт, с намерением занять Каргалинскую слободу: почему в самой скорости и отправлены туда передовые войска, под командою г. полковника и кавалера Хорвата. В ту ж самую ночь получены подтвердительные известия из Чернореченской крепости о настоящих движениях злодейских, и что самозванец Пугачев прямо стремится к помянутой слободе, видя везде путь себе прегражденный, а потому и обнадеялся в оной слободе найти еще свое убежище; а хотя обе оные подгородные слободы, то есть Каргалинская и Бердинская, и заняты были небольшими партиями от легких войск, высланных из города Оренбурга, но оные партии, находя себя не в состоянии сопротивляться злодейским силам, принуждены были ретироваться; к тому же было не безызвестно, что бунтовщики, усиливавшись, заняли было не малым своим числом Берду, да и намеревались тут, как в прежнем своем гнезде, сонмище свое еще сделать; а потому командующий г. генерал-маиор князь Голицын приказал полковнику Хорвату с крайнею поспешностию следовать к Оренбургу, да и всему корпусу назначил поход с полуночи; генерала ж маиора Мансурова оставил в прежней позиции, для охранения крепостей Ново-Сергиевской, Переволоцкой и Татищевой, в том рассуждении, чтоб тем подвоз провианта и фуража из Сорочинской крепости мог быть беспрепятственно продолжаем, да и коммуникацию б отнять у бунтовщиков с Яицким городком. В команду помянутому г. генерал-маиору поручено войско: три баталиона пехоты, в том числе один егерьский и пять эскадронов конных с достаточным числом артиллерии.

30-го числа корпус сделал форсированный марш до Чернореченской крепости, где получен рапорт от г. полковника Хорвата, что он занял уже Бердинскую слободу, а злодей в Каргале и в Сакмарском городке, и что он по верным известиям узнал якобы состояние бунтовщиков переменилось, и предводитель их получил к себе в шайку более 2000 башкирцев, да из разной сволочи обратно к нему ж приобщились не мало, так, что число всех оных простирается до 5000 человек, а потому и признал он г. полковник за лучшее обождать тут прибытия корпуса.

31-го корпус следовал до слободы Бердинской, которая расстоянием от Черноречья 17 верст. Марш сей продолжался лугами и по реке Сакмаре, а частию озерами. По прибытии в оную слободу, соединился корпус с передовым деташементом, где его сиятельство получил верное известие, что самозванец Пугачев положил намерение тут остаться и приумножить свои силы, заготовляя тут довольное себе пропитание. Сего ж числа отправился его сиятельство с одним легким конвоем в город Оренбург, до которого от Бердинской слободы считается 7 верст, куда прибыв, от г. генерал-поручика и кавалера, оренбургского губернатора Рейнсдорпа встречен и принят он был с отменною радостию, при общем восклицании всех городских жителей, которые, за неимением пищи,

находились в великой уже слабости; радость свою оказывали они, проливая слезы и прославляя монаршую к ним милость доставлением избавления сего близ самой погибели бывшего города, который, будучи утеснен несносным гладом, в скором времени неминуемо и совершенно погиб бы со всеми его жителями; а как скоро получил его сиятельство от здешнаго г. губернатора обо всех обстоятельствах сведение, то, нимало не мешкав, и выехал из города в тот же самый день, взяв в прибавок войск несколько пехоты и один эскадрон легких драгунов, да казаков яицких и оренбургских до 300 человек; но понеже оные казаки (будучи в шестимесячной осаде) потеряли всех своих лошадей, то его сиятельство нашел способ снабдить их оными, собрав от всего своего корпуса и истребовав у штаб- и обер-офицеров, кои усердствуя к службе всемилостивейшей своей монархине, последних лошадей своих охотно отдали. Таким образом признал его сиятельство за самую нужность, чтоб, нимало не теряя времени и не давая скопляться и усиливаться вышеозначенному злодею, атаковать его всеми силами в помянутой Каргалинской слободе.

1-го числа апреля пополуночи учрежден был марш в три колонны; авангард был под командою г. полковника Бибикова, которой передовые войска приближась к Каргале, приметили, что злодеи находятся в оной слободе якобы не с большим числом; но самозванец Пугачев в самое приближение корпуса прибыл туда со всею его толпою, в намерении, чтоб пробраться ему оттуда в Бердинскую слободу, думая, что войска продолжаются еще в Татищевой крепости, или не пришли еще в сию слободу. Местоположение около Каргалы примечено весьма неспособным и наполнено рвами и дефилеями; один только проход был к ней, да и тот самый нужный: почему и не можно было иначе здесь действовать, как только одною малою частию войска. Злодеи против самой дороги поставили свою батарею из 7 пушек, и стремились удержать баталионы капитан-поручика Толстова и полевых легких команд подполковника Аршеневского, которые отряжены были к атаке; по наступлении оных, злодеи нашли себя недостаточными вступить в сражение, и затем, вышедши из слободы, спустились на реку Сакмару, покрывая свою ретираду пушками и надеясь дойти до Сакмарского городка. Его сиятельство, как скоро уведомлен был о их выступлении из Каргалы, отрядил тотчас полковника и кавалера Хорвата с 3 эскадронами гусаров и один эскадрон карабинер архангелогородских, дабы на первый случай несколько их поудержать; а между тем тогда же послан батальон капитан-поручика Толстова; но злодеи еще поспешнее ретираду свою продолжать начали, занимая дефилеи. Кавалерия, как ни стремилась их сбить; но сильною их канонадою удерживана была, продолжая свой путь более 3 верст; но как наконец подоспели наши пушки, и из последнего дефилея злодеев выбили, то без помешательства уже следовали, пользуясь весьма тесным проходом. В продолжение оного г. полковнику Бибикову с батальоном велено было занять гору, которая была на левой нашей стороне. Храбрый и достойный похвалы Хорват приметил, что ему дозволяет место ударить на бунтовщиков, с отменною неустрашимостию атаковал их, не взирая на превосходное число толпы их, отбил пушки, обратил их в наглый бег и преследовал за ними 8 верст. Самозванец сперва покушался было удержаться в Сакмаре, где собрал остальные свои силы и изготовился к обороне; но храбрые гусары преследовали их столь жестоко, что с бегущими вскакали в самый городок. Самозванец Пугачев как всегда имел готовых к побегу береженых лошадей, подхватя тут четыре заводные лошади, бежал оттоль далее по дороге на Пречистенскую крепость. Полковник Хорват не упустил догонять его еще столько, сколько дозволяли силы, на усталых лошадях; но не мог его достигнуть, за крайним утомлением лошадей своих. При сем решительном сражении бунтовщик Пугачев потерял без остатка все свои силы; пленных взято 2800 человек, убито 400, ме-

жду первыми найдены все первые самозванцевы старшины, а именно: Подуров, Горшков, Жилкин и прочие; в добычу получено 9 пушек, одно знамя Симбирского батальона, взятое злодеями у полковника Чернышева, и несколько их злодейских значков, весь их обоз, заготовленный провиант и фураж, словом, часто помянутый бунтовщик и самозванец так здесь поражен, что при сем случае потерял он здесь все свои силы.

При сем важном и знаменитом сражении отменно против прочих отличил себя г. полковник и кавалер Хорват: быв первым участником в сражении злодеев, с своим полком отбил у злодеев все пушки, и не дал им засесть в Сакмарский городок, атаковал их тут, и преследование сделал столь сильное, что в скорости и последовало совершенное разбитие и поражение их, причем доказал он все качества неустрашимого и храброго начальника.

Гвардии капитан-поручик Толстой был отряжен с батальоном на подкрепление кавалерии, который поспешно следовал, подоспевая всегда облегчать оную в своих оборотах, и чрез поставленные от него пушки принудил злодеев ретироваться; об отличившихся же при сем поражении обер-офицерах Изюмского гусарского полка представлен особливый список.

Примечено также, что согласные яицкие казаки, будучи предводимы старшиною их Бородиным, доказали свою храбрость и усердие к службе ее императорского величества, находясь всегда впереди в преследовании злодеев. Чугуевского казацкого полка ротмистр Тутолмин и Гончаров, которые отряжены будучи с одними казаками, еще до приближения корпуса к Каргалинской слободе, храбро удерживали злодеев, дав время между тем подойти пехоте, и при поражении злодеев обще с кавалериею всегда были напереди.

Из-за сего вторичного поражения самозванца и возмутителя Пугачева с его сообщниками, признав его сиятельство, что г. генерал-маиору и кавалеру Мансурову в прежнем положении остаться уже нет надобности, послал к нему ордер, дав знать о вышеозначенной одержанной над злодеями вторительной победе; определил, чтоб он из Татищевой крепости следовал к Илецкому городку, для истребления находившихся в сих местах злодеев.

3-го числа отряжены войска внутрь Башкирии, для усмирения находящихся по рекам Деме и Белой сообщников Пугачева. Им хотя велено было следовать до самого города Уфы, но как по полученным чрез пленных известиям уведомлено, что те бунтовщики пробираются в Уральские горы, с намерением пройти оттуда в Исетскую провинцию и возмутить тамошних жителей, то посему и отряжены два деташемента: с первым отправлен г. генерал-маиор Фрейман по Уфимской дороге, на Бугульчанскую и Стерлитамацкую соляные пристани и к пригороду Табынску, где, будучи, обороты свои велено иметь ему по обстоятельствам. Из войска ж в команду его дано 600 человек пехоты и 8 орудий, 3 эскадрона гусар, рота чугуевских и 100 человек яицких казаков; со 2-м деташементом отряжен легких полевых команд подполковник Аршеневский; ему велено следовать по Московской дороге и быть в точной команде упомянутого г. генерал-маиора. С ним командированы батальон пехоты с 4 пушками, эскадрон изюмских гусаров и эскадрон Бахмутского полка, да 50 человек оренбургских казаков.

При всем том не оставил его сиятельство разослать от себя во всю Башкирию объявления, что возмутитель и самозванец Пугачев сего месяца 1-го числа совершенно разбит и истреблен, с крепким подтверждением, дабы все зараженные скаредным духом возмущения его пришли в раскаяние, и возвратясь в свои жилища, прибегнули б с повинною к стопам законной и милосердной своей монархини, изъясняя им, что сие есть одно оставшее им средство умилостивить ее императорское величество, а паче когда они самого того самозванца и злодея Пугачева, поймав, приведут к команде, чрез что восстановят они прежний свой покой и благоденствие; в противном же случае все

они подвергнутся неминуемой и конечной уже погибели.

4-го числа уведомлено из допросов главных бунтовщиков, что самозванец Пугачев намерен всеми способами пробираться к Яицкому городку, где у него остались еще сообщники; а потому и определил его сиятельство г. генерал-маиору и кавалеру Мансурову, по занятии Илецкого городка, немедленно туда следовать к освобождению осажденных и крайнюю уже нужду претерпевающей там команды. Сего ж числа послана партия, при капитане Ивановиче, состоящая в одном эскадроне Изюмского полка гусаров с прибавлением одной роты чугуевских и 10 человек яицких казаков; ей велено идти к Пречистенской, а оттуда, ежели надобно будет, и до Красногорской крепости, разведывая в тамошних местах не появятся ли где в оных злодеи, с намерением, чтоб сими местами прокрасться им к Илецкой соляной Защите, а оттуда б степью пройти и в Яицкий городок.

5-го числа в Сакмарском городке поставлен обсервационный деташемент с полковником князем Одоевским, в том намерении, чтоб в нужном случае удобнее было доставить сикурс отправленным внутрь Башкирии войскам, равномерно ж и обе предупомянутые подгородные слободы: Каргала и Берда, войсками заняты; сам его сиятельство сего же числа отправился в Оренбург, куда по прибытии отряжена особливая пристойная партия легкой полевой команды с маиором Наумовым вверх по реке Сакмаре, для примечания над живущими в тамошних местах обывателями, которой велено, если злодей Пугачев или сообщники его будут там прокрадываться к Яику, то б их не пропущать и истреблять.

Впрочем же сие 6-ти-месячного осадного времени описание не может лучше и преимущественнее окончано быть, как приложением копии с высочайшего и всемилостивейшего ее императорского величества именного указа, по окончании уже оного бедственного времени, то есть мая 1 дня 1774 года, состоявшегося за собственноручным ее величества подписанием, которого точное содержание есть следующее. *(См. Приложения, I.)*

Прибавление второе,

в котором содержится краткое известие о злодействах самозванца и бунтовщика Пугачева, учиненных от него и от сообщников его в разных местах после поражения их под Сакмарским городком, по поимке его Пугачева, то есть: сентября по 18 число 1774 года.

Поражение, помянутому злодею и сообщникам его учиненное под предводительством г. генерал-маиора и кавалера князя Петра Михайловича Голицына близ Сакмарского городка, столь было велико и сильно, что он, оставя всех своих сообщников в разбитии и рассеянии, сам-третий или сам-четверт того ж, т. е. 1 числа апреля, малыми и скрытными тропами прибежал в село г. коллежского советника Тимашева, называемое Никольским, от Сакмарского городка 20, а от Оренбурга 50 верст, где он сию первую ночь и ночевал.* На другой день съехалось к нему туда из рассеянных злодеев несколько человек, с которыми он поехав отсель, трафил на одну толпу башкирцев, которую удалось ему еще преклонить в свое согласие; потом пробрался он с ними на Конаникольский бывший Мосолова завод, где все находившиеся крестьяне и рабочие люди склонились в его

* Злодейство помянутого бунтовщика, после того, как он совершенно здесь разбит, и принужден был бежать от Оренбурга вдаль, оставя осаду, и добывание оного превосходят все те, кои причинял он, приближаясь к Оренбургу, и во время шестимесячной осады сего города; но как они чинены им и в разных отдаленных от Оренбурга местах, то по обстоятельному описанию оных и бывших между тем приключений, необходимо надлежит со многими командами, крепостьми и городами, где что произошло, иметь справки, которых в скорости собрать не можно; а дабы между тем иметь хотя некоторое и общее об них сведение, для сего предварительно и прилагается здесь под именем второго прибавления сие краткое известие, в несомненной надежде, что обстоятельное описание для потомственного знания от искусных и сведущих людей, всё вместе или хотя по частям и по местам, впредь сочинено и в публику издано быть имеет.

сторону. Тут, будучи во время вешней распутицы окружен разлитием вод, начал он больше прежнего башкирский народ возмущать и усиливаться снова.

Между тем скоро после Сакмарского поражения, от его сиятельства, вышепомянутого г. генерал-маиора и кавалера князя Голицына, командирован был в Башкирию г. генерал-маиор и кавалер Фрейман с довольною командою; но он, дошед сперва до Бугульчанской пристани, а потом до пригорода Табынска, за великим разлитием тамошних рек, не мог поисков сделать над злодеями, и принужден был ожидать способного летнего пути, по которому он внутрь Башкирии со всею своею командою немедленно и пошел. Потом скоро, с особливым деташементом, в коем нерегулярных людей было до 500 человек, отправлен был вверх по реке Сакмаре из отставных от службы предупомянутый коллежский советник Тимашев, бывший прежде таможенным директором. О нем думали, что он, по имеющемуся в здешних за-уральских башкирцах кредиту, не только отвратить их от сообщения с Пугачевым, но и самого его в состоянии будет поймать; чего однако ж учинить он не мог; только с уфимской стороны от осады города Уфы, в которой сей город не маловременно был содержан, по приближении туда армейских команд, злодеи отражены, и хотя после того и засели было они в пригороде Табынске, от Уфы вверх по реке Белой около 100 верст, но и тут напав на то злодейское скопище подполковник Михельсон с командою всех их разбил, да и самого их предводителя яицкого казака, на Яике Чикою называвшегося, а после от Пугачева графом Чернышевым прозванного, поймав, в город Уфу отвез, где он несколько времени содержан был под крепким караулом, а потом, как великий злодей и главный Пугачева сообщник, отослан он в Казань. — 18-го числа мая прибыл из Казани в Оренбург его сиятельство г. генерал-поручик и кавалер князь Федор Федорович Щербатов, и вступил в главное командование всеми в Оренбургской губернии находящимися войсками, от которого его сиятельство вышереченный г. генерал-маиор и кавалер князь Петр Михайлович Голицын отправлен был в Башкирию сам, для усмирения приобщившихся в согласие к Пугачеву башкирцев, с корпусом регулярных и нерегулярных людей и с потребною артиллериею; выступил он из Оренбурга 17 июля, и на несколько времени остановился на Бугульчанской и Стерлитамацкой соляных пристанях, из которых, неподалеку от последней, на речке Акшадаре, имел сражение с башкирцами, коих разбив и рассеяв, прошел оттуда в город Уфу, и там, для воздержания башкирского народа, остановился; а между тем и г. генерал-маиор и кавалер Фрейман, в команду которого и вышеозначенный советник Тимашев с деташементом его приобщен, над злодеями учинил несколько поисков, разбив их скопища в разных местах с немалым их уроном; но со всем тем совершенно усмирить их и оные замешательства прекратить было еще не можно. Они, сбираясь кучами в разных местах нападениями своими на разные небольшие команды, на едущие по большим дорогам обозы, на медные и железные заводы, и на многие жительства, причиняли множество смертных убийств, грабительств, пожегов и разорения.

Сам злодей и самозванец Пугачев, во время вешней распутицы и разлития вод, находясь сперва на Конаникольском Мосолова заводе, потом на Авзяно-Петровских Демидовских заводах по нескольку дней, а оттуда пробрався на Белорецкий Твердышева завод, не только всех тамошних крестьян принудил быть в своем согласии и оные заводы опустошил, но и всю Башкирию, наипаче ж живущих около Верхо-Яицкой пристани и к стороне Исетской провинции возмутил так, что весь сей народ стал быть его сообщниками и государственными злодеями.*

---

* Из находящихся в Исетской провинции башкирских старшин, Кубеляцкой волости старшина Баим Тархан есть знатнейший и всех других богатее; ибо у него у одного в конском его заводе считали лошадей от 5 до 6 тысяч. Сей старшина, преклонившись к Пугачеву, был ему там главным сообщником и помощником.

Не можно довольно надивиться, с какою скоропостижностию и удачею помянутый злодей и возмутитель, будучи в здешней стороне, злодейские свои намерения производил в действие; а как скоро бываемое в тамошних местах великое разлитие вод поуменьшилось, — во-первых: напал он на Магнитную в верху Яика имевшуюся крепость, коею овладев и разорив ее, устремился он, миновав Верхо-Яицкую крепость, на Уйскую линию. Здесь овладел он Улыкарагайскую степную Петропавловскую, а напоследок 20 мая завладел он и главную там Троицкую крепость, где, так как и в Оренбурге, в летнее время торг и мена с азладскими купцами и народами происходит и бывает там великий купеческий съезд и своз многих товаров.

Жалко и почти не можно описать кровопролития и злодейств оного самозванца и сообщников его в помянутых и других местах, с сей стороны причиненных; словом, все штаб- и обер-офицеры, в оных крепостях находившиеся, умерщвлены, жены их и дети с самыми простыми женщинами ограбленные и особые гнаты были пешком до самой Троицкой крепости.* Бывший здесь комендант, г. бригадир Фейервар, который на сей бедственный случай находясь болен и возим был в коляске, заколот копьями. Г-жа бригадирша, жена его, по жалобе на нее одного слуги, или служанки, якобы в жестоком содержании, привязана была к лошадиному хвосту, и таскали ее живую еще по улицам, а наконец оные злодеи тирански ее умертвили. Всё сие в Троицкой крепости бывшее кровопролитие происходило 20 мая; имение ж всех, а равно и находившиеся там товары собраны и раскладены были верстах в трех от крепости, по кучам, с тем, дабы на завтрашний день между злодеями быть разделу, да и все в живых тут оставшие на другой день ожидали своей судьбины; чего ради и выведены они были в злодейский лагерь, от крепости верстах в трех имевшийся. Но сей день был днем их спасения: ибо г. генерал-поручик Декалонг с командою своею хотя и крайне поспешал нагнать злодеев, однако ж прежде не мог поспеть туда, как 21 числа мая, то есть, на другой день после взятии Троицкой крепости. Злодеи встретили его в верстах в 8-ми от крепости; но он с корпусом своим, напав на них, всех их разбил и рассеял прежде, нежели они к вышеозначенному дележу приступили, и побив из них многих на месте сражения, спас жизнь многих, бывших в руках уже злодеев, от погибели.

Сказывали заверно бывшие при том и смотревшие на оное побоище, что сам Пугачев в сие время не выезжал на сражение, но лежал в палатке, имев у себя руку подвязану, да и видели его, ехавшего верхом на лошади с подвязанною ж рукою.* А как-де ему сказано было от одного казака, что сражение для них несчастливо, и он бы поскорее убирался, то он, сев на лошадь, и поехал потихоньку за увал вдаль от крепости, а тем и спасся от поимки; к чему, сказывали, якобы был тут весьма хороший случай; но не многие-де то видели и знали. Коль же скоро перевалился он опять в Башкирию, то, будучи здесь, и умножил он себе снова сообщников, да и оставшиеся от разбития злодеи туда ж к нему съехались; а хотя еще после вышеозначенного разбития и были на него нападения с немалым ему уроном, однако ж находил он всегда способы совокуплять и умножать свои силы. И так он отсюда в невероятной почти скорости прошел чрез всю Башкирию к реке Каме, и там будучи завладел близ пригородка Мензелинска большим дворцовым селом Каракулиным, потом пригородом Осою и другими многими тамошними жительствами, умножив себе сообщников еще гораздо больше прежнего, да и артиллерии в разных местах нахватал не малое число; оттоль пошел он к реке Вятке,

* Сказывают, что самозванец Пугачев, пришед на Уйскую линию, посылал от себя в среднюю Киргиз-Кайсацкую орду к Облаю Салтану и к тамошним старшинам с требованием, чтоб они ему к овладению Троицкой крепости помогли, обещая им за то всех пленных людей отдать в свойство; но они от сего отреклись и никто к нему из них для оного не бывал.

* Говорили, что он был тогда ранен выстрелом из ружья при Магнитной крепости; но сам, по поимке, содержавшийся в Симбирске, он Пугачев объявил, что ранен был из пушки картечью.

взяв намерение идти отсюда прямо к Казани для овладения сим знатным и богатым городом, знав, что тут не большая воинская команда находится.

По первым известиям, что оный великий злодей и самозванец, перешед из Башкирии к реке Каме, стремился уже и к городу Казани, вышеозначенные гг. генералы, чтоб удержать стремление оного злодея, хотя и пошли туда ж, а именно: князь Голицын из Уфы к пригороду Заяику близ Камы реки и по пути к Казани лежащему с немалым корпусом, а генерал-поручик князь Щербатов прямо на Казань из Бугульмы (ибо он из Оренбурга выехал туда еще в первых числах июля месяца, в том рассуждении, что ему, как главному командиру, быть здесь посредине); однако ж не могли они помянутому городу подать помощи. Злодей Пугачев, пришед сюда 11 числа июля с многочисленною своею толпою, сделал удар, имея при себе и артиллерию; малая, находившаяся здесь воинская команда, выведена вне жила к рогаткам и к небольшому рву, скоропостижно на сей случай сделанному, не могла удержать злодейское стремление: они, ворвавшись в жило, без всякой защиты бывшее, зажгли оное в разных местах, сделали не только великие пожары, но и грабительства домов, а при том захватили великое число обоего пола людей, и отослали в свой злодейский лагерь, где умерщвлены были от них многие. Они сей же день порывались было и на самую крепость, внутри города имеющуюся, где находились тамошние архиепископ, губернатор (в крайней болезни находившийся, от которой он скоро после сего погрому и умер) и другие знатнейшие особы; да и великое множество народа, для спасения своего съехавшиеся; но престарелый г. генерал-маиор Кудрявцев из дома своего переехать туда отрекся, а потому и убит он ворвавшимися в дом его злодеями. Пугачев, приметя, что вышеозначенною крепостью или замком скоро овладеть ему не можно, отложил нападение на оный до другого дня, а сам с сообщниками своими, оставя нескольких при пожарищах в городе для ночлега, отъехал в свой лагерь, и там будучи, как выше значит, многих из захваченных в городе погубил: от вышеозначенного ж злодеями причиненного пожара славный Казанской богоматери монастырь, многие церкви, гостиные дворы и почти все слободы до основания сгорели; уцелели только четыре предместья, то есть, Архангельское и Суконное, да две татарские слободы.

Тот же день ввечеру, когда самозванец Пугачев с сообщниками своими намеревался еще быть в город и приступать к замку, прибыл туда на спасение всех оставшихся там храбрый подполковник Михельсон с имевшимися при нем деташементами, и нимало не мешкав, а притом и не взирая на многочисленную злодейскую толпу, вступил в сражение и так их поразил, что они, оставя на месте множество убитых, разбежались все врознь; думали, что сим одним поражением оставившие город жители спаслись от угрожаемой крайней их погибели; но тем всё дело не было еще окончено: самозванец Пугачев, будучи поражен, кинулся и разослал от себя сообщников своих в близ города лежащие села и деревни, и обещая великие награждения, собрал разной сволочи, а больше татар и новокрещеных чуваш, столь много, что людство его составило более 25.000, с которым вознамерено наперед атаковать и разбить упомянутого подполковника Михельсона, а потом снова приступать к городскому замку всеми силами и совершенно овладеть ему сим городом.

В деяниях древних веков и в новейших историях едва найдутся ли примеры, чтоб столь отважный и многолюдный злодей побежден и совершенно прогнат был от города, почти совсем в руках его имевшимся, такою малою командою и отважностию, какову имел здесь г. Михельсон; но как сие, так и всё вышеозначенное требует подробного и обстоятельного описания, а я предварительно сообщаю один только перечень; а потому не распространяясь здесь об оном, за неимением у меня верных на всё записок и доказательств, внесу здесь точную копию с ра-

порта помянутого г. Михельсона о сем храбром его поступке, с великою отвагою и бесстрашием учиненном. Сию копию имею я из рук моих приятелей. Рапорт его писан от него к г. генерал-поручику и кавалеру князю Щербатову от 16 июля 1774 года следующего содержания:

„Я, не будучи в состоянии, за изнуренными моими лошадьми, довольно пользоваться двоекратными победами 12 и 13 чисел над государственным злодеем, вором Пугачевым, должен был остановиться на Арском поле. 14-го получил известие, что злодей, верстах в 20-ти от Казани, усиливает свою толпу, кою он и действительно совокупя к себе более 10 куч, набранных его сообщниками, умножил и сделался больше как в 25.000 человек, с коими вчерашнего числа и стал подвигаться для нападения на меня, с тем, чтоб разбить меня, взять Казань и простирать бы далее свои варварства и злости. Я, как скоро узнал о приближении злодеев, будучи подкреплен получением от его превосходительства г. генерал-маиора и кавалера Потемкина полутораста пехоты, пошел к ним навстречу к тому месту, где имел сражение 12-го числа. Злодеи на меня наступили с такою пушечною и ружейною пальбою, и с таким отчаянием, коего только в лучших войсках найти надеялся, и малое мое число конечно б должно было уступить многолюдству злодеев, ежели бы не были подкреплены надеждою на бога, усердием к ее императорскому величеству, нашей всемилостивейшей государыне и утверждены не были со мною умереть или победить стремления злодейские. В продолжение четырех часов сражение, не уступая ни с которой стороны, сражаясь сначала стрельбою, а потом уже штыками и копьями, сколь ни опасный взяло вид, однако помощию божиею переменилось: — я, взяв с собою последний мой резерв в 40 человеках карабинеров, ударил в то место, где подкрепление было нужнее, и злодеи, сколько ни усиливались, помощию божиею и храбростию войск ее императорского величества были обращены в бег с потерею всей артиллерии и до 2000 разных народов, по большей части иноверцев убитых; живых взято до 5000 человек, знамен 17, пушек медных 3, чугунных 6, ящиков с снарядами 9 и немалое число пороха. Сколь мои кони утомлены ни были, я, не оставляя ни единого человека, гнался за злодеем, и препоруча всю кавалерию маиору Харину, не велел оного спускать с глав. Злодеи, имев лагери в двух местах, в коих оставались несчастные казанские жители, доезжая как до первого, так и до второго, останавливаясь, старалися удерживать стремление: однако наши храбрые воины не давали злодеям справляться. Вор Пугачев из второго его лагеря едва ускакал из рук наших, и быв преследован более 30 верст, ударился он в лес, а наши кони были не в состоянии далее идти. Казанские жители, жены и дети их, кои злодеем были захвачены до 10,000 и более душ, из рук варварских освобождены, и получена совершенная победа. Я не оставлю, как скоро узнаю, куда злодей повернулся, употребить все возможности к истреблению сего вора. За долг мой считаю отдать справедливую похвалу, во-первых, маиору Дуве с его колонною, в которой был капитан Олсуфьев: сия колонна была единая, которую злодеи не могли привесть к колебанию. Равномерно ж себя отличили как пред сим, так и ныне, маиор Харин, ротмистр Чугуевского полка Демьянов, Архангелогородского князь Енгалычев, С.-Петербургского Домогацкий, Изюмского гусарского капитан Кардашевский, поручики: С.-Петербургского Матис фон-Фуск, Тутолмин, барон Игельстром, Архангелогородского барон Дельвиг, Изюмского гусарского Зелинский, Томского пехотного Венгерский, Чугуевского квартирмистр Яковлев, Казанского гусарского полуэскадрона Скупинский, артиллерии подпоручик Амбрациев, Томского Блохин, 2-го гренадерского Быков, из корнетов: С.-Петербургского Селиванов, Пятин, Нейман, Изюмского прапорщик Рыков, Казанского полуэскадрона Зверинский, Томского Ржевский, Чугуевского Иванов и адъютант Тареев, вахмистры: С.-Петербургского Рылеев, Архангелого-

родского Ларионов, сержанты: Томского Сапожников, Популов и Нармуцкий, Володимирского Алекин, Малыгин и Куроедов“.

С нашей стороны убито разных команд 35, тяжело раненых 63, легко раненых 58, лошадей убитых 46, раненых 68. После сего злодей Пугачев не отважился уже здесь совокуплять и умножать себе сообщников, пошел он с оставшими при нем злодеями по луговой стороне Волги вверх, и переправился на нагорную под Кузьмодемьянским, чрез Васильевский перевоз, а еще одна или две толпы злодеев, между коими были и башкирцы, не хотя идти за Волгу, пошли по луговой стороне. Каждая толпа сказывала, что предводитель у нее самозванец Пугачев, может быть, для того, дабы лучше утаить, где он сам находится и куда его намерение клонится; но скоро открылось, что он за Волгою возмущал и разорял жительства; пробирался он к городу Нижнему, надеясь там из множества бурлаков немалым числом умножить себе сообщников. Сказывали, якобы из находившихся при нем яицких казаков, послал он от себя нескольких наперед в село Фокино, на берегу Волги лежащее (ниже города Нижнего около 30 верст) с тем, чтоб тутошних крестьян, принадлежащих дворянину Демидову, прежде других возмутить и привлечь в свое согласие; но оные, не отдавшись в обман, поймав оных возмутителей и связав, отвезли в Нижний, которых тамошний г. губернатор, генерал-поручик и кавалер Ступишин, повеся, пустил на плотах на низ Волгою рекою, а сею строгостию тамошних жителей и успокоил, да и сам Пугачев, узнав, что ему в Нижнем удачно быть не может, намерение свое идти туда отменил, и обратился вместо того к городу Алатырю.

Идучи сюда спопутно, возмущал везде подлый народ, и завладев городами Алатырем, Саранском, Пензою и Саратовом, причинил в них ужасные кровопролития и грабительства, умертвил тамошних начальников и множество находившихся в тех городах и уездах дворян, кои ему и сообщникам его в руки попались. Из Саратова ж со всею злодейскою толпою пошел он прямо к Царицыну, которым городом также мог бы овладеть, если б не дошла до него весть, что гонится за ним близко предупомянутый храбрый полковник Михельсон. Сие послыша и оставя осаду Царицына, пошел он на утек вниз по Волге далее; но помянутый полковник с передовою своею командою нагнав сего злодея ниже Царицына верстах во сте, 25 августа сделав с ним сражение, разбил его до основания, и всю находившуюся при нем артиллерию, а именно 19 пушек, 4 единорога, да пудовую мортиру, отбил, и весь его обоз получил в добычу. При сем сражении убито было злодеев на месте более 2000, а в плен взято 6000 человек: только сам он Пугачев и здесь еще увернулся и обратил свой бег на луговую сторону; но для истребления его отряжены были от г. генерал-маиора Мансурова и царицынского коменданта г. полковника Цыплетева 200 яицких казаков под командою маиора Бородина, и донской полковник Тавинский с его полком, которым наистрожайше подтверждено, всюду за ним следовать, и атаковав, поймать или совсем истребить; а сверх того и командующие гг. генерал-поручик и кавалер Суворов и предупомянутый генерал-маиор князь Голицын, перешед Волгу с их командами, для преследования и поимки его Пугачева туда ж устремились.

Оставшиеся от разбития сообщники его Пугачева, узнав, что со всех сторон с крайнею поспешностию гонятся за ними сильные деташементы, от которых они неминуемо окружены и стеснены быть имеют к неизбежной их погибели, начали для спасения своего помышлять о поимке помянутого самозванца, дабы, и отдачею оного от себя, сколько-нибудь облегчить свои винности, кои сказывали, что сие намерение между сообщниками Пугачева в побеге их от Волги продолжалось несколько времени; а как они приехали на Узени, которые места подошли к Яицкому городку, и Пугачев стал им представлять, что лучше и безопаснее для них идти им на взморье к Гурьеву городку и оттоль пробраться в Персию (к чему напред сего и яицких казаков скло-

нилось намерение), то все они от сего похода отреклись, и поссорясь с ним явно, сказали ему, что они много за ним ездили, а теперь уже он бы за ними ехал; из-за чего, связав его, и послали от себя в Яицкий городок, с известием, что они его связали, и когда привезут его, то будут ли прощены. В Яицком городке находился тогда для следственных дел по Секретной комиссии гвардии капитан-поручик Маврин, почему от находящегося там в комендантской должности полковника Симонова, для привоза и приема его, и командирован был сержант Бордовский, которому он Пугачев от тех его сообщников и отдан был связанный. И так привезен он в Яицкий городок и посажен тут под крепкий караул. Всё сие произошло в те самые числа, в которые он великий государственный злодей прошлого 1773 года оказался в тех же местах на яицких казачьих хуторах и под Яицким городком, о чем в описании оренбургского осадного времени обстоятельнее значит.

По привозе Пугачева в Яицкий городок, не только вышеозначенные от Царицына для поиску и поимки его отправленные деташементы, но и вышеупомянутые генералы в самом коротком времени в Яицкий городок прибыли, а тем и подтверждается, что означенные сообщники Пугачева к поимке и привозу в помянутый городок того самозванца и предводителя своего ни чем больше, как страхом от приближившихся к ним со всех сторон войск были подвигнуты и принуждены; самозванец же сей, по учинении ему чрез вышереченного гвардии капитана Маврина надлежащего допроса, взят г. генерал-поручиком и кавалером Суворовым и повезен к главнокомандующему, генерал-аншефу графу Петру Ивановичу Панину под наикрепчайшим караулом, для которого его отвоза сделана была на подобие клетки особливая на двух колесах телега, куда он посажен, по рукам и по ногам скованный.*

Прибавление третие,

в котором содержится краткое известие о том, что по привозе оного злодея Пугачева в Симбирск, а оттуда по отвозе его в Москву происходило, и какая сему врагу отечества казнь учинена.

По привозе помянутого Пугачева в Симбирск, когда он представлен был главнокомандующему генералу, его сиятельству графу Петру Ивановичу Панину, при многолюдном собрании народа на дворе его сия-

* Один капитан в Яицком городке при команде находящийся, сообщил в Оренбург известие (пущенное оттоль 30 сентября) как о побеге часто помянутого злодея от Царицына, так и о поимке оного сообщниками его, кое рассудилось мне здесь вместить так, как оно есть:

Когда сей изверг в последние разбит ниже Царицына, то бросился опрометью с оставшими при нем чрез Волгу вплавь, а на другом берегу в безопасности будучи, сделал совет, куда бы им следовать и что далее предпринять; сам он злодей намеревался, чтоб идти в Киргизскую Орду, чтоб как оную, так и другие смежные к ним народы в помощь свою привлечь, и тем усилясь, вновь те ж самые, какие уже злодейства чинили, распространить; но его сообщники (все они были до одного человека из яицких казаков) на такие предложения не соглашались, а ждали его, чтоб ехать на Узени (сие такое место, в котором наилучшее для беглых воров убежище, состоящее от Яицкого городка верст ста с два). Злодей должен был совету их последовать, ибо, кроме сих, никого уже при себе не имел, а казаки представляли, что, прибыв тут, будут они снова размышлять и придумывать, куда б лучше ехать, и так на Узени поехали. Между тем яицкие бунтовщики, видя, что во всех местах удачи им больше не было: как ни повстречаются с войсками, от оных всегда в прах были разбиваемы, зная ж, что везде следуют за ними партии и что далее злодейства свои продолжать способов больше уже не имеют, да и самим приходит конец, — положили, в намерении, чтоб все свои варварские поступки поимкою Пугачева загладить, надеясь, что за сие конечно их всех простят. — В таком намерении приехав на Узени и отманя Пугачева от прочих далее, арестовали, а потом увезли уже до самых форпостов под караулом, однако ж не связанного, ибо-де он проговаривал, что, за такое бесчестие ему, без наказания оставлены они не будут и якобы на следник за него конечно вступится. Прибыв на линию, то есть между четвертым и третьим от Яика форпостами, послали из толпы своей двух человек с известием, и чтоб проведать, будет ли им прощение сим, как были они уверены, то помянутого изверга высланному пятидесятнику Харчеву и отдали, а он его посадя в колодку и привез на Яик. Драки и несогласия при заарестовании сего чудовища у его партизанов не было; а хотя он в одном месте, сказывают, и схватил было

тельства, то хотя он и признавался тут публично, что он донской казак Емельян Пугачев, и как пред богом, так и пред ее величеством важные преступления чинил и пред всем государством виноват; но, может быть, по привычке своей, или по злой своей натуре, ответствовал на вопросы его сиятельства очень смело и дерзновенно, то раздража тем его сиятельство, тут же пред всем народом получил от собственных его рук несколько пощечин и ударов, из-за чего и начал уже быть кроток, и став на колена, просил у его сиятельства помилования. После чего посажен он был под крепкий гвардейский караул, скованный по рукам и по ногам железами, а сверх того около поясницы его положен был железный обруч с железною ж цепью, которая вверху прибита была в стену; таким образом содержался в Симбирске.

. 1774 года сего числа за довольным конвоем и отправлен был на переменных подводах в Москву, для окончательного следствия и решения.*

2) Экстракт из журнала командующего войсками ее императорского величества, г. генерал-маиора и кавалера князя Петра Михайловича Голицына, о деташементах, командированных в разные места для поиска и истребления злодеев, и какие где от них действия и успехи были.

1. Военное действие было от реки Волги, где прежде бывший Казанской, а ныне Оренбургской губернии, город Сакмара и пригород Алексеевск, на Сакмаре ж реке лежащий, заняты уже были посланными от самозванца Пугачева сообщниками его командированным от г. генерал-маиора и кавалера Мансурова деташементом, оба оные места из злодейских рук освобождены, да и в других, где оные злодеи встречались, посыланными от него партиями с немалым их уроном были рассыпаны.

2. В первых числах января командирован был от г. генерал-аншефа и кавалера

у казака саблю и пистолет, приказывая главных предводителей ловить и вязать, только никто уже его не слушал, и смотрели накрепко, чтоб он каким-либо образом не ушел.

Есть еще и другое с Яика известие, от офицеров в Оренбург сообщенное, в коем значится, что он Пугачев в Яицкий городок привезен был имеющий на себе хорошее шелковое платье (кое после с него снято и отдано тому, кто его привез), и когда-де предупомянутый гвардии капитан Маврин спросил во-первых: кто он таков, тогда ответствовал он без всякого запинания, что он донской казак Емельян Иванов сын Пугачев; а как спрошен был еще, с чего он отважился принять на себя высочайшее звание, то сперва сделал отзыв, всем таким злодеям свойственный: богу изволившу наказать Россию чрез его окаянство, и проч. Когда ж он от реченного капитана выведен был на площадь для показания содержавшимся там под караулом его сообщникам и народу, то все его сообщники, посмотрев на него и признав его своим бывшим предводителем, потупили глава свои в землю, а он Пугачев публично уличал их, что они упрашивали его несколько дней принять на себя вышеозначенное звание и быть бы их предводителем, от чего он сперва отрицался, а наконец хотя к тому и склонился, однако ж все свои поступки и злодейства производил он по их воле, а многие-де злодейства и сами они, не сказывая ему, делали и проч.

* — В бытность мою в Симбирске, по повелению его сиятельства для некоторых изъяснений, касающихся до Оренбургской губернии дел, сам его сиятельство изволил меня спрашивать, желаю ль я оного злодея видеть, и как я донес, что немалое имею к тому любопытство, то приказал он меня препроводить на ту квартиру, где помянутый Пугачев содержался; чтоб подать здесь о смысле и состоянии его некоторую идею, то нарочно вношу здесь краткий мой с оным злодеем бывший разговор. Вошед к нему в такое время, когда он сидел и ел щербу, налитую на деревянное блюдо, первое его слово было ко мне: „добро пожаловать“ с просьбою — с ним обедать, а сие он не только удвоил, но и утроил. Я из сего познав подлый дух и, помолчав немного, стал ему говорить: Как он отважиться мог на такие злодейства и продерзости? На сие он ответствовал, что виноват перед богом и ее величеством, и будет стараться всё оное заслуживать, что он по своей подлости и божбою неоднократно подтверждал. После того спросил он у меня, кто я; и как я ему отвечал о моем звании, в ответ сказав при том, что я от него и от его сообщников совсем разорен, а тягчее всего, что лишился моего сына, бывшего в Симбирске комендантом и полковником, который убит недавно под пригородом на сражении с его сообщниками, то он ответствовал на сие, якобы всё то делано без его ведома, ибо-де сообщники его, что ни похотели, то, не спрашиваясь его, сами делали. А как я, выговоря об моем

Александра Ильича Бибикова с особливым деташементом вверх по Каме реке до пригорода Мензелинска родной его племянник, г. полковник Бибиков, коему отделено было баталион гренадер и два эскадрона конных. Он, где ни встречались ему злодейские толпы, везде их поражал с великим их уроном; а между тем он же, и пригород Заинск, в руках уже злодейских бывший, в который они засев и преклоня тамошних жителей на свою сторону, противиться было тут стали, из злодейских рук вырвал, выгнав из него оных злодеев, побил их до 400 человек, и в плен взял не малое число, отняв у них пушки, а тутошних жителей усмирил. Потом 10 числа февраля 1774 года прибыл в Нагайбацкую крепость, и узнав от тамошних обывателей, что в крепостце, называемой Бакалы (от Нагайбака в 37 верстах), стоит злодейская толпа в 4000 человеках, немедленно туда выступил, взяв с собою 300 человек пехоты, 120 гусаров и 50 казаков, да 4 пушки, 11-го числа поутру оную крепость атаковал, и выгнал из нее злодеев; следуя ж за ними несколько верст, побил из них до 400 человек, а оттуда возвратясь в Нагайбак, пошел чрез Бугульму, для соединения с корпусом его сиятельства.

3. Г. полковник Хорват около реки Вятки нагнав скопляющихся тут злодеев, всех разбил и рассеял, да и предводителя их, который возмущал там народ, поймав, на страх тамошних жителей, учинил ему пред народом достойное наказание.

покойном сыне, смутился и от слез удержаться не мог, тогда якобы и он Пугачев, как то бывшие со мною штаб- и обер-офицеры уверяли, заплакал же: но сие было в нем от его великого притворства, к которому, как от многих слышно было, так он приучился, что, когда б ни захотел, мог действительно плакать. Впрочем из лица и речи его Пугачева приметно мне было, что он самый изверг натуры и ко всякому злому предприятию склонный человек; глаза у него чрезвычайно быстры, волосы и борода черные, росту небольшого, но широк в плечах, и весьма скор в поворотах к воинским делам по казацким обыкновениям, и при многих случаях оказывал он великую склонность и проворность. Личина его, напереди сего описания приложенная, с подобием лица и стана его нарочито сходствует.

4. Капитан Фаддеев около Черемшана реки, под деревнями Афонкиной и Туармой, нагнав злодеев до 200 человек, убил их на месте, да 25 человек в плен взял. Он же Фаддеев узнал, что в деревне Соленкиной находится около 3000 человек башкирцев, приставших к самозванцу и злодею Пугачеву, взял надлежащие меры к их атаке, при которой с обеих сторон продолжалась пушечная пальба, а наконец все оные злодеи были от него опрокинуты и устремились на побег, оставя на месте убитых до 300 человек, в том числе и главный их начальник, да две чугунные пушки.

5. Поручик князь Ураков, отряженный от помянутого ж капитана Фаддеева на злодеев, коих было до 300 человек, напав на них, побил из них 50, да в плен взял 7 человек.

6. Капитан Квашнин-Самарин, при деревне Сентемире, напав на собравшихся тут злодеев, коих было до 800 человек, совершенно их разбил, и взял из них в плен не малое число.

7. Командированный от г. генерал-маиора и кавалера Фреймана маиор Валленштерн, имев сражение с злодеями на большой Московской дороге, в селе Спасском, которое по помещике и Рычковым называется, где оные злодеи не малое время имели свои стан и форпост, всех их разбил и из того села выгнал, а сверх того получил он тут в добычу награбленного здесь оными злодеями провианта и фуража 280 подвод, да 250 рогатой скотины, что роздано по командам.

8. Г. подполковник и кавалер Бедряга, командированный от г. полковника Бибикова, сперва при деревне Чолнах имел сражение с злодеями, оставил их на месте убитыми до 100, да в плен взял 25 человек; потом он же от помянутого Г. полковника командирован был с 300-ми пехоты, с одним эскадроном гусар и с 4-мя пушками засевших и укрепившихся засекою в селе Пьяном Бору в немалом людстве злодеев не только всех из той их засеки выгнал, но и побил из них до 400 человек; да в плен

взял 60, а кои засели было в избах и отстреливались, тех разъяренные военные люди всех перерезали и перекололи.

9. Г. подполковник Гринев, после завладения злодеями Ставропольской крепости, напав на тех злодеев около Красноярской крепости, сию злодейскую толпу разбил, и взятые ими в Ставрополе пушки и порох с снарядами у них отбил.

10. Нарвского пехотного полка премьер-маиор и кавалер Гагрин отправлен был от самого вышеупомянутого г. генерал-аншефа и кавалера в Кунгур, и узнав там злодейский скоп, простиравшийся до 2000 человек, несмотря на их многолюдство, небольшою своею командою отважился их атаковать, всех их разбил, и отнял у злодеев 18 пушек. Убитых на месте сочтено им 50, да в плен взято 60 человек, причем сам он ранен в ногу, но не опасно; убитых у него было 3, да раненых, кроме его самого, 5 человек.

11. Г. полковник и кавалер, командированный от г. генерал-маиора Фреймана, нашед толпу злодеев, около 700 человек, под деревнею Акбашами (от Бугульмы в 30 верстах), атаковал оную; злодеи встретили его с необыкновенным криком, делая со всех сторон устремление; наконец все они, убоявшись пушечной пальбы и разделясь на пять куч, ударились на побег, за которыми командирован от него был гвардии капитан Толстой. При сем случае побито злодеев 35 человек, в добычу получено 200 пик, довольное число рогатого скота, провианта и фуража.

12. Команды г. полковника Хорвата капитан Воронин командирован был от маиора Елагина, для занятия квартир, в деревню Захаркину; военных людей было при нем только 30 человек гусаров, 56 егерей и 50 гренадеров с одним орудием. Подошед он Воронин к помянутой деревне, и усмотрев около ее на высотах злодеев около 1000 человек, дал знать о том команде, а между тем злодеи и начали по команде его стрелять из пушек и окружать его небольшое людство. Он, сделав батальон-каре, со всех фасов производил пальбу, и оною от тех злодеев оборонялся. Помянутый полковник, уведомясь о том, отрядил к нему маиора Елагина с немалым числом гренадеров и эскадрон с двумя орудиями; по приходе ж к нему Воронину из сей команды авангарда, устремились они на злодеев, выезжая в самую их толпу. Злодеи, усмотря сие и узнав, что и г. полковник сам туда в сикурс следовал, пошли все на побег. Убитых злодеев найдено на месте около 200 человек, да отнята у них одна пушка; в плен взято только 12 человек: ибо разъяренное войско всех кололо; они без остатка б были здесь истреблены, если б глубокие снега помянутому г. полковнику не воспрепятствовали подоспеть к самому тому происходившему сражению.

13. Казанских баталионов секунд-маиор Попов, присланный Казанской губернии в провинциальный город Кунгур с рекрутами, по усмотрению главкомандующего генерал-аншефа, такое сделал там благоразумное и порядочное распоряжение и оборону сему городу, что он имев неоднократные сражения с злодеями, от которых помянутый город обложен был, удержал его от погибели; а за ту его ревностную службу, по рекомендации оного г. генерал-аншефа, именным ее императорского величества указом и пожалован он Попов в подполковники.

14. Предупомянутый г. генерал-маиор и кавалер Мансуров, 14 февраля приближась с командою своею к Бузулуцкой крепости, встречен был злодейскою толпою, которая имела около 2000 человек с 15 пушками; он тотчас сделал учреждение к сражению с злодеями и, отрядя часть войск на другую сторону с подполковником Гриневым, приказал им зайти и напасть на злодеев от деревни Малаховой. Злодеи начали производить по его команде жестокую пушечную пальбу; но, не уважая сего, отряжен был к атаке с драгунскою ротою поручик Ижовский, который тотчас отбил поставленные у злодеев напереди 2 пушки, и хотя прогнал их саблями до самой крепости, но остановлен тут был картечною из пушек их стрель-

бою. С другой стороны подполковник Гринев, прошед узким проходом, в котором состояло 6 пушек, преодолел их мужественно (где и лошадь под ним убита), а потом ворвался в крепость; между тем же от стороны его превосходительства отряжены были к пресечению побега и к занятию дороги маиор Соловьев, с двумя ротами гусар, и легкие полевые команды, да поручик Гарстейн с одною ротою драгун, и так гнались за злодеями около 7 верст. Пленные объявили, что прислано было к ним от злодея Пугачева в сикурс яицких казаков 50, а всего до 1000 человек; начальники у них были здесь: Арапов, Чулочников и Каюков, кои все разогнаны. По занятии крепостей, взято тут от злодеев пушек медных 7, в том числе один 12-фунтовой единорог, чугунных пушек 8, ящиков 9, 5 саней с снарядами, 3 знамя, дротиков казацких 723; убитых сочтено 270, в плен взято 286, да явились собою 165 человек.

15. Маиор Елагин, находясь в деревне Пронькиной с передовым деташементом, в коем находилось пехоты и кавалерии более 500 человек и 4 орудия, в самую ночную темноту и во время сильного бурана, принужден был выдержать нечаянное от злодеев нападение; он немедленно учредил тут порядок, и готов был к обороне, но, по несчастию его, при первой атаке, сей достойный и храбрый офицер убит; потом подоспел туда: Владимирского полка капитан Самарин с гренадерами и с подкреплением роты 2-го гренадерского полка с капитаном Олсуфьевым, кои с отменною неустрашимостию бунтовщиков отбили с их уроном, взяв от них и пушки; и хотя в продолжение сего боя покушались бунтовщики еще ту деревню атаковать со всех сторон, но как покойного генерал-маиора Елагина команда по старшинству досталась секунд-маиору Пушкину, то и не упустил он доказать своего усердия к службе храбрым и хорошим предводительством: устроил с своей стороны такой порядок к атаке, что злодеи за их продерзость довольно были наказаны. Потом вышел он из деревни для преследования их, сколько по темноте ночи осторожность дозволяла.

Сие сражение продолжалось более 3-х часов; наконец злодеи ушли с большою их потерею; между убитыми найден тут главный их начальник Толкачев и несколько старшин; в плен взято 36 человек. С нашей стороны главный урон состоял здесь в потере вышеозначенного маиора Елагина; убит же Чугуевского казацкого полка прапорщик от карабинер, унтер-офицер, карабинеров 2, гренадер 1; тяжко ранены: 2-го гренадерского полка поручик, карабинер 1, гусар 1, гренадеров 2 и канонер 1.

3) Краткое известие о злодейских на Казань действиях вора, изменника и бунтовщика Емельки Пугачева, собранное Платоном Любарским, архимандритом спасо-казанским 1774 года августа 24 дня.

Любезный друг!

О злодейских на Казань действиях вора, изменника и бунтовщика Емельки Пугачева, 1774 года предприятых, краткое посылаю вам известие, собранное из словесных рассказаний таких людей, кои сами, или в разных против его экспедициях будучи, или по несчастию в злодейские его руки попавшись и много претерпев, всех дерзких и бесчеловечных сего урода злодейств зрителями были. Я о истине и точности всех обстоятельств не ручаюсь; по крайней мере большая и существеннейшая оных часть достоверна.

Правда, многие много и с немалою против моего описания отменностию рассказывают; но сии, сколько я их знаю, ни в каких сего бунта случаях не бывав, более опровергать чужое, нежели о себе что-либо правде подобное объявить склонны. Мне кажется, сего вора всех замыслов и похождений не только посредственному, но ниже самому превосходнейшему историку поря-

дочно описать едва ль бы удалось; коего все затеи не от разума и воинского распорядка, но от дерзости, случая и удачи зависели; почему и сам Пугачев, думаю, подробности оных не только рассказать, но и нарочитой части припомнить не в состоянии, поелику не от его одного непосредственно, но от многих его сообщников полной воли и удальства в разных вдруг местах происходили.

Для того, друже! и вам от меня совершенной о сих приключениях несчастливых истории ожидать не можно было; будьте и сим грубым начертанием довольны. При том же я чрез сие, не историка подробного свойство, но усердного друга послушание оказать старался.

И так приступаю к удовольствованию вашего любопытства.

После частых поражений в окрестностях Оренбурга, злодей Пугачев, скрыв на несколько времени свой побег, покусился чрез немалолюдные свои толпы, под предводительством некоторых своих сообщников, учинить вторичное нападение на город Кунгур; но, по изрядном примерными сими в верности к правительству жителями сделанном отпоре, видя слабую надежду к одолению, обратя стремление свое к реке Каме, показался сам с несколькими тысячами всякого сброда, а паче башкирцев и татар, при городке Осе; тогда, по мере приближения к Казани Пугачева, умножилась в казанских жителях робость; ибо явные везде распространяясь слухи, что он прямо стремится на Казань, приводили и неробкие сердца в смущение; но только и было: все боялись; а о невредимости общества никто не помышлял: всякий думал спасти себя, не помышляя о прочих сочленах. После, как уведомились, что посланный на защищение Осы баталионный маиор Скрыпицын с капитаном Смирновым и подпоручиком Минеевым, по издержании всего военного запаса, с согласия жителей, для спасения себя и города (ибо злодей приказал уж было крепость, которая вся деревянная, обвалить соломою, намереваясь ее сжечь), сдался со всею при нем бывшею артиллериею, тогда не преминули многие, скрыв имение свое в безопасные места и никому не сказавшись, удалиться с поспешностию из Казани.

Несчастный оный предводитель думал сдачею своею при способном времени услужить отечеству, открывая правительству злодеевы предприятия; вследствие чего, согласясь с капитаном и подпоручиком, которого изменнические мысли еще неизвестны были, написав в Казань письмо, изыскивая надежные способы к пересылке, носил оное в кармане. Изменник, не имевший никогда благородных мыслей, Минеев, случай сей употребил в мнимую свою пользу, сказав о том Пугачеву, за что его злодей наименовал полковником; напротив, те несчастные, без дальнего по обыкновению его рассмотрения, были повешены. Возгордясь небольшою сею при Осе удачею, Пугачев отважился, переправясь чрез Каму, пойти на Ижорский и Воткинский казенные заводы, где сбунтовавшись его приходом работники главного над теми заводами командира Венцеля и других, при должностях находившихся, тщетно сопротивление чинивших, предали злодею, которые равную с прочими таковыми, в варварские его руки попадающимися, имели участь. Заводы разграблены и почти до основания разорены, а работников наибольшая часть по своему произволению записались злодею в службу. После сих легких удач, несмысленный Минеев подумал, что можно предпринять что-нибудь и важное, и будучи в тех мыслях, что ежели намерение его соответствовать будет окончанию дела, может он быть у Пугачева первым министром и вольнее насытить свои необузданные страсти, стал помышлять о покушении на Казань. Сии столь дерзкие мечты так злодейским его сердцем овладели, что, не внемля ни гласу совести, ни страху наказания от бога и власти, начал возбуждать, или, лучше сказать, убеждать Пугачева идти прямо к своему отечеству, Казани, где отец его, весь род, приятели и знакомые, заклинаясь пакостною своею жизнию, что он по причине

развалившегося крепостного строения и известных ему слабых расположений удобно оною овладеть может. На что, по нескольких неудобствах несопротивления, которые Минеев решить и опровергать старался, злодей и склонился. Как сие в дерзком их совете заключено было, то начали прилежно запасаясь всеми военными, как орудиями, так и другими потребностями, коих не мало взято было на вышеобъявленных заводах, и с поспешностию удаляясь от подполковника г. Михельсона, который их преследовал, приближаться к Казани; тогда большая часть сего города жителей, удостоверясь о подлинности грозящего им несчастия, а больше когда услышали, что высланный из Казани с несколькими полевыми солдатами для воспрепятствования полковник Николай Васильевич Толстой разбит и убит (не взирая, что город со всеми предместиями, рогатками и в надлежащем расстоянии батареями укреплен), кой-куда бежали спасаться многие в Москву, иные в Симбирск, в Пензу и прочие места.

Наконец Пугачев, пред тем роковым днем, в который суждено по неосторожности от злодеяния его руки Казани погибнуть, то есть 11 числа июля, в самый полдень, за семь верст выше Казани, на подлужной левой стороне Казанки реки, при мельнице, Троицкою называемой, в виду всего города лагерем безбоязненно расположась и делая под вечер разные движения, подсылал к городу со стороны Арского поля партии, в коих, как сказывают, и сам находился, но не предпринимая в тот вечер ничего, возвратился в свое становище, где до утра пребывал спокойно.

Сволочь его состояла тогда по уверению более нежели из 20.000 различных людей, яко то: яицких казаков, башкирцев и татар, вооруженных саблями, луками и огнестрельным оружием, большая часть из мужиков заводских и собранных в около-лежащих по дороге деревнях, у коих никакого более оружия, кроме кольев, дубин и завостренных шестиков, в руках не было.

На другой день, то есть 12 июля, поутру, сей злобный буян повел на горе атаку следующим образом: вся многочисленная оная толпа, под предводительством самого оного урода и яицких казаков, в немалом протяжении прямо от села Царицына по Арскому полю стремилась к городу, имея пред собою для защиты и вместо подвижных батарей несколько возов соломы, между коими расставлены были пушки, в удивительной скорости; злодеями наполнились стоящие в близости от дороги по правую сторону казенные кирпичные сараи, а по левую забором огороженные помещицы Нееловой роща и генерала Кудрявцева дом; из всех сих засад сильною стрельбою охранявшую перерыв дороги небольшую при одной пушке команду сбили с места, и явно нападать стали, которая видя вокруг себя великое множество злодеев, иных почти внутрь укрепления уже ворвавшихся, и опасаясь, дабы не быть отрезанной, построившись кареем, ретировалась за рогатки: между тем злодей Пугачев (приметив еще накануне что прямо по открытому Арскому полю покушение его на город, по причине поставленной против оного главной батареи, имеет быть тщетным) отрядил с правого своего крыла не малое число пешей черни, по большой части без всякого оружия, с одними кулаками, к речке Казанке, приказал берегом по подгорью подходить к предместию; почему малосмысленные сии твари, от конных яицких казаков сзади плетьми погоняемые, перебегая весьма проворно из буерака в буерак, из лощины в лощину и переползывая, по предписанию Минеева, по-егерьски на брюхах чрез вышины, кои пушечным нашим выстрелам несколько открыты были, наконец таким образом в самые крайние к жилу два буерака выбрались свободно. И хотя постановленною на сем опасном месте одною небольшою пушкою и производима была по них пальба, однако они, исправно наблюдая вышеупомянутое учреждение, снизу Казанки подползши, пушку отбили и влезши в губернаторский летний дом, между двумя оными буераками

стоящий и с предместиями соединяющийся, как из ворот, так и из-за заборов оного дома по строю, прямо вдоль за рогатками стоящему, начали палить из ружей; при том не только уж позади оного строя оказались, но в то ж самое время ближайшие улицы наполнили, чем во-первых на главной батарее причинили великое смятение; с другой стороны, левое злодейское крыло, частию по за кирпичным сараям, частию пространным буераком к Суконной слободе, собственному защищению оставленной, пробравшись, караулы по горе и народ, из-за рогаток некоторое супротивление чинивший, сбили, и немедленно оную зажегши, устремились по улицам. Сие услышав, а больше увидя пламень, из злодеев, внутрь предместья с двух сторон ворвавшихся, все и на прочих батареях бывшие, не видав ни малейшего нападения, с одной робости оставив неприятелю пушки и весь снаряд, без всякого порядка опрометью в крепость побежали.

Тогда-то сии кровожаждущие звери всех попадающихся им в немецком платье, яко, по мнению их, в богопротивном, думая быть дворян и чиновных, коих, будто народных мучителей, предприяли истребить, иных кололи, а иных в свое становище отвозили, где бесчеловечнейшим образом плетьми замучены; из захваченных же ими солдат ни один почти не умерщвлен, а только у всех косы обрезаны были. Всякого состояния, пола и возраста жителей в полон верст за 7-мь отгоняли; укрывшиеся же в церквах, видя оттуда терзаемых и закланных своих родственников и знакомых, не смели рыдать, но трепеща, равной себе ожидали судьбины. Алчные злодеи не устрашились разбивать, разграблять, сожигать и самые святые церкви; из коих людей бесчинно бегая с оружием и въезжая на лошадях, выгоняли в плен, многих тут же умерщвляя.

Как сие местничество по городу происходило, Пугачев с ближними своими, отбив в гостином дворе, против крепости, не более как на 20 сажень отстоящем, ворота, и в находящемся при оных трактире засев с двумя пушками, другие из триумфальных ворот церкви и из-за питейного большого дома и винных погребов каменных, кои внизу с правой стороны с крепости из ружей непрестанно палили по городу, откуда равным образом отвечаемо было. Сей штурм устремлен был по большей части на Спасский монастырь, который занимает правый угол крепости и которого южной городовой стены фас, а особливо наугольная башня, от ветхости до половины почти развалилась. Подобный Пугачеву, помянутый изменник Минеев, с другой стороны, поставя также на святых воротах Казанского девичьего монастыря сделанной церкви на паперти две пушки, стрелял в крепость по самому опасному развалившемуся месту. Сии злодеи не без успеха могли бы продолжать таким образом атаку; но видя своих паче на грабление устремившихся, бродящих по домам, обремененных добычею, разъезжающих пьяных по улицам и многих одетых в различные одежды, яко то: в стихари, подризники, в женское платье и пр.; также не стерпя жара от пламени зажженных около крепости публичных и приватных зданий, а при том наипаче опасаясь охваченными быть свади пожаром и приближающимся на помощь осажденным, под командою подполковника Михельсона, войском, не осмелились более штурмовать крепость, хотя во многих местах от древности и развалившуюся, но отступя в лагерь, с досады во многих местах зажгли город.

За несколько часов пред тем грозным временем, сбежавшиеся в крепости, то от страха очевидной смерти, то от жара бывшего в крепости ужасного пламени, да и внутри в разных местах возжигавшегося, также от пыли и дыма, сильным вихрем и бурею наносимых, почти задыхались, наипаче женщины и малолетные, теснящиеся в церквах, зданиях и под оными, по углам, конурам и где только можно было, подняли вопль, крик, стон и рыдание, думая, что уже злодеи вломились в крепость. Неутомимый пастырь Вениамин, архиепископ, во всё то время продолжавшегося штурма, не выходя из соборной Благовещения пресвятые богоро-

дицы церкви, коленопреклонно молил господа о ниспослании скорой на нечестивых помощи, а по утишении пальбы, не взирая на жар, дым и копоть, взяв честные иконы, со всем бывшим при нем духовенством, внутрь крепости обошел вокруг с умиленным пением, молебствуя ко всевышнему. Вскоре потом чувствовали от жара не малую прохладу, а от бури, дыму и пыли свободу, так что к вечеру глубокое настало молчание, которое и всю ночь продолжалось. Всякий ожидал заутра несчастного конца своей жизни; всякий, прощаясь с ближними, в бдении пребывал до утра, взирая на беспрепятственно обращаемый в пепел город, и горькими слезами оплакивая кровных и сограждан своих, почитая их от рук злодейских или от пламени погибшими, отчего и самые бывшие на больших сражениях приходили в уныние.

На рассветании, взошед на высшие здания, обращали взор свой в ту сторону, откуда наступления вчерашней боялись ужасной тучи, разрушением крепости и погублением всех в ней находившихся грозящей, не ведая, что вчера еще пополудни в 6-м часу нетерпеливо ожидаемый г. Михельсон необыкновенным маршем, преодолев невероятные трудности, с малочисленною своею командою подоспевши, на Арском поле без отдохновения имел удачное дело со злодеем, и на месте сражения проводил ночь, не разоруживаясь; но к превеликому обрадованию вскоре заподлинно известились о всем том благополучном бывшем происхождении, и что превожделенную весть сию присланный тогда ж от г. Михельсона штаб-офицер приносит. Вообразить не можно, коль неописанная радость в тот час объяла несчастных: всякий предупреждает друг друга, стремится вбежать на крепостную стену, чтоб воззреть на сего ангела божия, желая увериться собственными глазами, и хотя малое в отягченном печалию сердце получить облегчение. Узнав же истину, с воздеянием на небо рук приносили благодарение вышнему, не без сожаления некоторого на свою судьбину, что и избавитель Михельсон не многими только часами опоздал всё Казани случившееся отвратить несчастие; но и то за неисповедимое милосердие к себе божие почитали, что хотя без домов, без имения и лишась нескольких сограждан, а некоторые и кровных, сами живы остались.

Неутрудимый герой и избавитель Казани, не трогаясь с победительного своего места, давая более по толиким подвигам людям и лошадям своим роздых, сам прилежно наблюдал злодейские движения. Пугачев, как сказывают пленные, поражение свое по неведению приписывал князю Голицыну; но известясь, что поразитель его г. Михельсон, а не Голицын, предприял, повидимому, исправить вчерашнюю свою ошибку и загладить пред своими стыд; почему на другой день, то есть 13-го числа, рано отправил назад подальше в безопасное место все тягости и пленных казанских, с толпою двинулся прямо на Михельсона, и приказал черни своей, подняв по обычаю ужасный визг и крик, стремиться без порядка на кого попало, думая тем приведши неустрашимых в робость и замешательство, самому с отборными своими напасть с боков нечаянно, и чрез то с меньшим трудом выиграть победу; но мечтанием сим обманулся: ибо Михельсон лишь только движение безрассудного многолюдства приметил, тотчас предварил сам атаковать, и без дальнего сопротивления смял и прогнал к селу Савинову; но, за усталостью своей от толь чрезмерных трудов команды, не мог далее преследовать, а при том, дабы и города без прикрытия не оставить, возвратясь в лагерь, отдыхал тот день и следующий спокойно, не видав от Пугачева никаких покушений: ибо он, в оба те дни переходя с пленными и добычею с места на место, разглашал чрез своих единомысленных ложную над Михельсоном победу, взятие крепости и другие для обмана бредни; между тем приготовлялся неприметным народу образом к решительному на Михельсона и Казань покушению, отваживаясь в последние испытать свое счастие; почему без всякого отлагательства со всякого звания людей, с разных мест и

из Казани приведенных, учреждал под разными названиями полки, исправляя и запасая всякие потребности; а дабы в сем упражнении не иметь от Михельсона помешательства, то удалился от города по Галицкой дороге за село, Сухая Река называемое, верст за 15.

Как всё было к исполнению его намерения готово, то 15 числа на рассвете толпе своей, под знамена расставленной, и прочему в плену у него находившемуся бесчисленному народу вслух велел прочитать бестолковый свой манифест, коим дал знать, что по вшествии с торжеством в Казань предприял поспешать в столичный свой город Москву; потом приказал пленным следовать за собою; сам с новоукомплектованными конными и пешими своими так называемыми полками, и со всем военным прибором весьма спешно пошел на Михельсона тою же дорогою, коею и от него удалялся. Можно было, по густой превеликой пыли, из-за лесов на-подобие дыма или черных облаков на воздух подымающейся, всему городу издали явно видеть злодейское третичное дерзновение, что всех приводило в страх и трепет, особливо представляющих себе несравненно превосходнейшее сволочи его число противу, так сказать, горсти защитительного своего (которое не более как из 800 карабинеров, гусаров и чугуевских казаков состояло) храброго войска, хотя мужество и искусство предводителя отчаяваться в победе и не дозволяло.

Как только сей от бога ниспосланный Казани защитник увидел противу себя идущего из-за Казанки прямо на Арское поле злодея, великим протяжением многотысячную толпу за собою влекущего, тотчас против него отправился с немногочисленными своими, привыкшими уже сих буянов поражать, воинами, и по занятии выгоднейшего места, не дав времени ему, как и где хотелось, построиться в боевой порядок, всеми силами, при помощи исправной своей артиллерии, на него с такою неустрашимостию ударил, что злодей, по весьма слабом и коротком сопротивлении, остановив все свои тягости военные, многолюдство и великим хищением собранное богатство, опрометью, как ему обыкновенно, побежал с весьма малым числом себе верных, по той же Галицкой к Кокшайску дороге, за коим отряженная команда гналась около 30 верст; но видя, что злодей, будучи впереди, везде берет переменных неусталых лошадей, за усталостию своих, возвратилась.

После чего в крепости торжественно благодарный молебен отправлялся, и Михельсон при умиленнейшем всего народа зрении и засвидетельствовании радостнейшими восклицаниями ура! и другими знаками наичувствительнейшей сему избавителю своему благодарности, генералитетом и знатнейшими персонами, за крепостными воротами был встречен, и поздравлен; между тем победительное его войско отнятою от злодея добычею подвиги свои с излишеством наградило. Вскоре потом рассеянные по разным местам злодейские остатки истреблены были.

Что после вернее или обстоятельнее к сему узнаю, для поправления или пополнения, сообщить вам не оставлю.

Государь мой!

Ваш слуга и богомолец

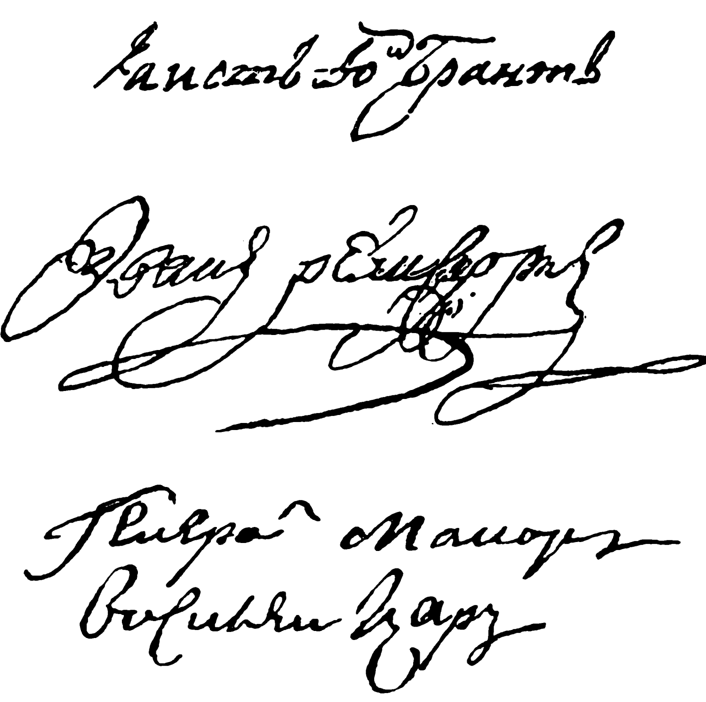
Платон, архимандрит спасо-казанский.

Конец.

Печать Пугачева (большая государственная печать Петра Третьего, императора и самодержца всероссийского 1774). (Из первого издания „Истории Пугачевского бунта“.)

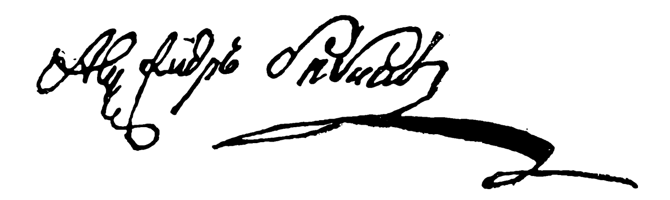
Начертания, сделанные рукой неграмотного Пугачева. (Из первого издания „Истории Пугачевского бунта“.)

Подпись под указами Пугачева. (Из первого издания „Истории Пугачевского бунта“.)



Подписи Бранта, Рейнсдорпа и Кара. (Из первого издания „Истории Пугачевского бунта“.)

Подписи Голицына и Бошняка. (Из первого издания „Истории Пугачевского бунта“.)



Подписи Бибикова, Щербатова и Михельсона. (Из первого издания „Истории Пугачевского бунта“.)

<Заметки к „Истории Пугачева“>

1

Стран. 16. Пугачев был уже пятый самозванец, принявший на себя имя императора Петра III. Не только в простом народе, но и высшем сословии существовало мнение, что будто государь жив и находится в заключении. Сам великий князь Павел Петрович долго верил, или желал верить сему слуху. По восшествии на престол первый вопрос государя графу Гудовичу был: жив ли мой отец?

2

Стран. 18. Пугачев говорил, что сама императрица помогла ему скрыться.

3

Стран. 20. Первое возмутительное воззвание Пугачева к яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного. Оно тем более подействовало, что объявления, или *публикации*, Рейнсдорпа были писаны столь же вяло, как и правильно, длинными обиняками, с глаголами на конце периодов.

4

Стран. 25. Бедный Харлов, накануне взятия крепости, был пьян, но я не решился того сказать, из уважения его храбрости и прекрасной смерти.

5

Стран. 34. Сей Нащокин был тот самый, который дал пощечину Суворову (после того Суворов, увидя его, всегда прятался и говорил: боюсь, боюсь, он дерется). Нащокин (Воин Васильевич) был один из самых странных людей своего времени. Сын его написал его записки: отроду не читывал я ничего забавнее. Государь Павел Петрович любил его и при восшествии своем на престол звал его в службу. Нащокин

отвечал государю: Вы горячи и я горяч; служба в прок мне не пойдет. Государь пожаловал ему деревни в Костромской губернии, куда он и удалился. Он был крестник императрицы Елисаветы и умер в 1809 году.

6

Стран. 54. Чернышев (тот самый, о котором государыня Екатерина II говорит в своих записках) был некогда камер-лакеем. Он был удален из Петербурга повелением императрицы Елисаветы Петровны.* Императрица Екатерина, вступив на престол, осыпала его и брата своими милостями. Старший умер в Петербурге комендантом крепости.

7

Стран. 55. Кар был пред сим употребляем в делах, требовавших твердости, и даже жестокости (что еще не предполагает храбрости, и Кар это доказал). [В Радоме он был сторожем Радзивилла]. Разбитый двумя каторжниками он бежал под предлогом лихорадки, лома в костях, фистулы и горячки. Приехав в Москву, он хотел явиться с оправданиями к князю Волхонскому, который его не принял. Кар приехал в благородное собрание, но его появление произвело такой шум и такие крики, что он принужден был поспешно удалиться. Ныне общее мнение если и существует, то уже гораздо равнодушнее, нежели как бывало в старину. Сей человек, пожертвовавший честью для своей безопасности, нашел однако же смерть насильственную: он был убит своими крестьянами, выведенными из терпения его жестокостью.

8

Стран. 56. [Придворные отношения А. И. Бибикова чрезвычайно любопытны. Это один из благороднейших характеров того времени.] Императрица уважала Бибикова и уверена была в его усердии, но никогда его не любила. В начале ее царствования был он послан в Холмогоры, где содержалось семейство несчастного Иоанна Антоновича, для тайных переговоров. Бибиков возвратился влюбленный без памяти в принцессу Екатерину (что весьма не понравилось государыне). [Свобода его мыслей и всегдашняя его оппозиция были известны], Бибикова по-

* [Он и брат его были любимцами Петра III, который сделал одного полковником и дал ему полк, а второго подполковником. Екатерина пожаловала первого бригадиром и сделала С.-Петербургским комендантом, а брата его (повешенного) — полковником и комендантом Симбирским. Петербургский комендант в старости своей был в связи с Травиной: он целый день проводил в ее доме, сидя под окном, а на заре отправлялся в крепость.]

дозревали благоприятствующим той партии, которая будто бы желала возвести на престол государя великого князя. [Существовала ли такая партия или нет — другой вопрос.] Сим призраком беспрестанно смущали государыню, и тем отравляли сношения между матерью и сыном, которого раздражали и ожесточали [неправые подозрения], ежедневные мелочные досады и подлая дерзость временщиков. Бибиков не раз бывал посредником между императрицей и великим князем. Вот один из тысячи примеров: великий князь, разговаривая однажды о военных движениях, подозвал полковника Бибикова (брата Александра Ильича) и спросил, во сколько времени полк его, в случае тревоги, может поспеть в Гатчину? На другой день Александр Ильич узнает, что о вопросе великого князя донесено, и что у брата его отымают полк. Александр Ильич, расспросив брата, бросился к императрице и объяснил ей, что слова великого князя были не что иное, как военное суждение, а не заговор. Государыня успокоилась, но сказала: скажи брату своему, что в случае тревоги полк его должен идти в Петербург, а не в Гатчино.

*

[Стран. 64. Ив. Ив. Дмитриев описывал мне Корфа, как человека очень простого, а жену его, как маленькую и старенькую дуру; муж и жена открывали всегда губернаторские балы менаветом à la reine. Он в старом мундире времен Петра I-го, она в венгерском платье и в шляпе с перьями.]

9

Стран. 73. Густав III, изъявляя в 1790 году все свои неудовольствия, хвалился тем, что он, несмотря на все представления, не воспользовался смятением, произведенным Пугачевым. — Есть чем хвастать, говорила государыня, что король не вступил в союз с беглым каторжником, вешавшим женщин и детей.

10

Стран. 78. Уральские казаки (особливо старые люди) доныне привязаны к памяти Пугачева. Грех сказать, говорила мне 80-тилетняя казачка, на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал. — Расскажи мне, говорил я Д. Пьянову, как Пугачев был у тебя посаженным отцом? — Он для тебя Пугачев, отвечал мне сердито старик, а для меня он был великий государь Петр Федорович. Когда упомянул я о его скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря: не его воля была: наши пьяницы его мутили.

11

Стран. 82. [Державин, приближаясь к одному селу близ Малыковки с двумя казаками, узнал, что множество народу собралось и намерено идти к Пугачеву. Он приехал прямо к сборной избе и требовал от писаря Злобина (впоследствии богача) изъяснения, зачем собрался народ и по чьему приказанию? Начальники выступили и объявили, что идут соединиться с государем Петром Федоровичем, и начали было наступать на Державина. Он велел двух повесить, а народу велел принести плетей и всю деревню пересек. Сборище разбежалось. Державин уверил, что за ним идут три полка. (Слышал от сенатора Баранова.)] И. И. Дмитриев уверял, что Державин повесил сих двух мужиков более из поэтического любопытства, нежели из настоящей необходимости.

12

Стран. 84. Казни, произведенные в Башкирии генералом князем Урусовым, невероятны. Около 130 человек были умерщвлены посреди всевозможных мучений. [„Иных растыкали по кольям, других повесили ребром за крюки, некоторых четвертовали.] Остальных, человек до тысячи (пишет Рычков), простили, отрезав им носы и уши“. — Многие из сих прощенных должны были быть живы во время Пугачевского бунта.

13

Стран. 93. Князь Голицын, нанесший первый удар Пугачеву, был молодой человек и красавец. Императрица заметила его в Москве на бале (1775), и сказала: как он хорош, настоящая куколка. Это слово его погубило. Шепелев (впоследствии женатый на одной из племянниц Потемкина) вызвал Голицына на поединок и заколол его, сказывают, изменнически. Москва обвиняла Потемкина...

14

Стран. 135. [Показание некоторых историков, утверждавших, что ни один из дворян не был замешан в Пугачевском бунте, совершенно несправедливо. Множество офицеров (по чину своему сделавшихся дворянами) служили в рядах Пугачева, не считая тех, которые из робости пристали к нему.] Замечательна разность, которую правительство полагало между дворянством личным и дворянством родовым. Прапорщик Минеев и несколько других офицеров были прогнаны сквозь строй, наказаны батогами и проч. А Шванвичь только ошельмован преломлением над головою шпаги. Екатерина уже готовилась освободить дворянство от телесного наказания. Шванвичь был сын кронштадтского коменданта, разрубившего некогда палашом, в трактирной ссоре, щеку Алексея Орлова (Чесменского).

15

Стран. 137. Кто были сии смышленные сообщники, управлявшие действиями самозванца? — Перфильев? Шигаев? — Это должно явствовать из процесса Пугачева, но к сожалению я его не читал, не смев распечатать без высочайшего на то соизволения.

16

Стран. 138. Молодой Пулавский был в связи с женою старого казанского губернатора.

17

Стран. 145. В Саранске архимандрит Александр принял Пугачева со крестом и евангелием, и во время молебствия, на ектении упомянул государыню Устинию Петровну. Архимандрит предан был гражданскому суду, в Казани, 13 окт. 1774 года в полдень приведен он был в оковах в собор. Его повели в алтарь и возложили на него полное облачение. Солдаты с примкнутыми штыками стояли у северных дверей. Протопоп и протодиакон поставили его посреди церкви, во всем облачении и в оковах. После обедни был он выведен на площадь; ему прочли его вины. После того сняли с него ризы, обрезали волосы и бороду, [надели мужицкий армяк] и сослали на вечное заточение. Народ был в ужасе и жалел о преступнике. В указе было велено вывести Александра в одежде монашеской. Но Потемкин (Петр Сергеевич) отступил от сего, *для большего еффекта.*

18

Стран. 157. Настоящая причина, по которой Румянцев не захотел отпустить Суворова, была зависть, которую питал он к Бибикову, как вообще ко всем людям, коих соперничество казалось ему опасным. [Вместо Суворова прислал он Щербатова. Императрица Екатерина не любила Румянцева за его низкий характер.]

19

Стран. 164. Падуров, как депутат, в силу привилегий, данных именным указом, не мог ни в каком случае быть казнен смертию. Не знаю, прибегнул ли он к защите сего закона; может быть он его не знал; может быть судьи о том не подумали; тем не менее казнь сего злодея противузаконна. [Вот один из тысячи примеров, доказывающих необходимость адвокатов.]

Общие замечания

Весь черный народ был за Пугачева; духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противуположны. (№ Класс приказных чиновников был еще малочислен, и решительно принадлежал простому народу. То же можно сказать и о выслужившихся из солдат офицерах. Множество из сих последних были в шайках Пугачева. Шванвичь один был из хороших дворян.)

Все *немцы*, находившиеся в средних чинах, сделали честно свое дело: Михельсон, Муфель, Меллин, Диц, Деморин, Дуве etc. Но все те которые были в бригадирских и генеральских, действовали слабо, робко, без усердия: Рейнсдорп, Брант, Кар, Фрейман, Корф, Валленштерн, Билов, Декалонг, etc. etc.

Разбирая меры, предпринятые Пугачевым и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самые надежные и действительные к достижению своей цели. Правительство с своей стороны действовало слабо, медленно, ошибочно.

Нет худа без добра: Пугачевский бунт доказал правительству необходимостъ многих перемен и в 1775 году последовало новое учреждение губерниям. Государственная власть была сосредоточена; губернии слишком пространные разделились; сообщение всех частей государства сделалось быстрее etc.

〈1834—1835〉

〈Заметки о Шванвиче〉

Немецкие указы Пугачева писаны были рукою Шванвича.

Отец его, Александр Мартынович, был маиором и кронштадским комендантом, — после переведен в Новгород. Он был высокий и сильный мужчина. Им разрублен был Алексей Орлов в трактирной ссоре. Играя с Свечиным в ломбер, он имел привычку закуривать свою пенковую трубочку, а между тем заглядывать в карты. Женат был на немке. Сын его старший недавно умер. (Слышано от Н. Свечина.)

Анекдот о разрубленной Шванвичем щеке слишком любопытен. Четыре брата Орловы (потомки стрельца Адлера, пощаженного Петром Великим за его хладнокровие перед плахою) были до 1762 году бедные

гвардейские офицеры, известные буйной и беспутной жизнью. Народ их знал за силачей, и никто в Петербурге с ними не осмеливался спорить, кроме Шванвича, такого же повесы и силача, как и они. Порознь он мог сладить с каждым из них, — но вдвоем Орловы брали над ним верх. После многих драк, они между ⟨собою⟩ положили, во избежание напрасных побоев, следующее правило: один Орлов уступает Шванвичу и где бы его ни встретил — повинуется ему беспрекословно. Двое же Орловых, встретя Шванвича, берут перед ним перед, и Шванвичь им повинуется. Таковое перемирие не могло долго существовать. Шванвичь встретился однажды с Фед. Орловым в трактире и, пользуясь своим правом, овладел бильярдом, вином и девками. Он торжествовал, как вдруг, откуда ни возьмись, является тут же Алексей Орлов, и оба брата, по силе договора, отымают у Шванвича вино, бильярд и девок [а его самого в толчки выгоняют]. Шванвичь, уже хмельной, хотел воспротивиться. Тогда Орловы вытащили его из дверей. Шванвичь в бешенстве стал дожидаться их у выхода притаясь за воротами. Через несколько минут вышел Алексей Орлов. Шванвичь обнажил палаш, разрубил ему щеку и ушел; удар пьяной руки не был смертелен, однако ж Орлов упал. Шванвичь долго скитался, боясь встретиться с Орловыми.

Через несколько времени произошел переворот, возведший Екатерину на престол, а Орловых на первую степень в государстве. Шванвичь почитал себя погибшим. Орлов пришел к нему, обнял его и остался с ним приятелем. Сын Шванвича, находившийся в команде Чернышева, имел малодушие пристать к Пугачеву и глупость служить ему со всеусердием. Г. А. Орлов выпросил у государыни смягчение приговора.

⟨1834—1835⟩

Об „Истории Пугачевского бунта“

(Разбор статьи, напечатанной в „Сыне Отечества“, в январе 1835 года)

Несколько дней после выхода из печати „Истории Пугачевского бунта“ явился в „Сыне Отечества“ разбор этой книги. Я почел за долг прочитать его со вниманием, надеясь воспользоваться замечаниями неизвестного критика. В самом деле, он указал мне на *одну* ошибку и на *три* важные опечатки. Статья вообще показалась мне произведением человека, имеющего мало сведений о предмете, мною описанном. Я собирался при другом издании исправить замеченные погрешности, оправдаться в несправедливых обвинениях и принести изъявление искренней моей благодарности рецензенту, тем более, что его разбор написан со всевозможной умеренностию и благосклонностию.

Недавно в „Северной Пчеле“ сказано было, что сей разбор составлен покойным Броневским, автором „Истории Донского войска“. Это заставило меня перечесть его критику и возразить на оную в моем журнале, тем более, что „История Пугачевского бунта“, не имев в публике никакого успеха, вероятно не будет иметь и нового издания.

В начале своей статьи, критик, изъявляя сожаление о том, что „История Пугачевского бунта“ писана вяло, холодно, сухо, а не пламенной кистию Байрона и проч., признает, что эта книга „есть драгоценный материал, и что будущему историку, и без пособия нераспечатанного еще дела о Пугачеве, не трудно будет исправить *некоторые поэтические вымыслы, незначащие недосмотры*, и дать сему мертвому материалу жизнь новую и блистательную“. За сим г. Броневский отмечает сии поэтические вымыслы и недосмотры „не в суд и осуждение автору, а единственно для пользы наук, для его и общей пользы“. Будем следовать за каждым шагом нашего рецензента.

Критика г. Броневского.

„На сей-то реке (Яике),— говорит г. Пушкин, — в XV столетии явились донские казаки“.

Выписанное в подтверждение сего факта из „Истории уральских казаков“ г. Левшина (см. прим. 1. 3—8 стр.) долженствовало бы убедить автора, что донские казаки пришли на Яик в XVI, а не в XV, столетии, и именно около 1584 года.

Объяснение

Есть разница между *появлением* казаков на Яике и *поселением* их на сей реке. В русских летописях упоминается о казаках не прежде как в XVI столетии; но предание могло сохранить то, о чем умалчивала хроника. Наша летопись в первый раз о татарах упоминает в XIII столетии, но татаре существовали и прежде. Г. Левшин неоспоримо доказал, что казаки поселились на Яике не прежде XVI столетия. К сему же времени должно отнести и существование полу-баснословной Гугнихи. Г. Левшин, опровергая Рычкова, спрашивает: как могла она (Гугниха) помнить происшествия, которые были *почти* за сто лет до ее рождения? Отвечаю: так же, как и мы помним происшествия времен императрицы Анны Иоанновны,— по преданию.

Критика г. Броневского.

Вся первая глава, служащая введением к „Ист. Пуг. бун.“, как краткая выписка из сочинения г. Левшина, не имела, как думаем, никакой нужды в огромном примечании к сей главе (26 стр. мелкой печати), которое составляет почти всю небольшую книжку г. Левшина. Книжка эта не есть древность, или такая редкость, которой за деньги купить нельзя; посему почтенный автор мог и должен был ограничить себя одним указанием, откуда первая глава им заимствована.

Объяснение.

Полное понятие о внутреннем управлении яицких казаков, об образе жизни их и проч. необходимо для совершенного объяснения Пугачевского бунта; и потому необходимо и *огромное* (т. е. пространное) примечание к 1-й главе моей книги. Я не видел никакой нужды пересказывать по-своему то, что было уже сказано как нельзя лучше г-м Левшиным, который, по своей благосклонной снисходительности, не только дозволил мне воспользоваться его трудом, но еще и доставил мне свою книжку, сделавшуюся довольно редкою.

Критика г. Броневского.

„Известно, — говорит автор, — что в царствование Анны Иоанновны Игнатий Некрасов успел увлечь за собою множество донских казаков в Турцию“. Стр. 16.

Некрасовцы бежали с Дона на Кубань в царствование Петра Великого, во время Булавинского бунта, в 1708 году. См. Историю Д. войска, Историю Петра Великого Берхмана, и другие.

Объяснение

Что Булавин и Некрасов бунтовали в 1708 году, это неоспоримо. Неоспоримо и то, что в следующем сей последний оставил Дон и поселился на Кубани. Но из сего еще не следует, чтоб при императрице Анне Иоанновне не мог он с своими единомышленниками перейти на турецкие берега Дуная, где ныне находятся селения Некрасовцев. В истории Петра I-го в последний раз об них упоминается в 1711 году, во время переговоров при Пруте. Некрасовцы поручены *покровительству Крымского хана* (к великой досаде Петра I-го, требовавшего возвращения беглецов и наказания их предводителя). Положившись на показания рукописного *Исторического Словаря*, составленного учеными и трудолюбивыми издателями „*Словаря о святых и угодниках*", я поверил, что Некрасовцы перешли с Кубани на Дунай во время походов графа Миниха, в то время, как запорожцы признали снова владычество русских государей.* *Но это показание несправедливо:* Некрасовцы оставили Кубань гораздо позже, именно в 1775 году. Г. Броневский (автор „Истории Донского войска") и сам не знал сих подробностей; но тем не менее благодарен я ему за дельное замечание, заставившее меня сделать новые успешные исследования.

Критика г. Броневского.

„Атаман Ефремов был сменен, а на его место избран Семен *Силин.* Послано повеление в Черкаск сжечь дом Пугачева... Государыня не согласилась по просьбе начальства перенесть станицу на другое место, хотя бы и *менее выгодное*; она согласилась только переименовать Зимовейскую станицу Потемкинскою". Стр. 74.

В 1772 году войсковой атаман Степан Ефремов, за недоставление отчетов об израсходованных суммах, был арестован и посажен в крепость; вместо его пожалован из старшин в наказные атаманы Алексей Иловайский. Силин не был донским войсковым атаманом. Из Донской истории не видно, чтобы правительство приказало сжечь дом Пугачева; а видно только, что, по прошению донского начальства, Зимовейская станица перенесена *на выгоднейшее место* и названа Потемкинскою. См. „Историю Д. войска", стр. 88 и 124 части I.

Объяснение

В 1773 и 74 году войсковым атаманом Донского войска был *Семен Сулин* (а не Силин). Иловайский был избран уже на его место. У меня было в руках более пятнадцати указов на имя войскового атамана Семена Сулина и столько же докладов от войскового атамана Семена

---

* Изменник Орлик, сподвижник Мазепы, современник Некрасова, был тогда еще жив и приезжал из Бендер уговаривать старинных своих товарищей.

Сулина. В „Русском Инвалиде“, в нынешнем 1836 году, напечатано несколько донесений от полковника Платова к войсковому атаману Семену Никитичу Сулину во время осады Силистрии в 1773 году. Правда, что в „Истории Донского войска“ (сочинении моего рецензента) не упомянуто о Семене Сулине. Это пропуск важный и, к сожалению, не единственный в его книге.

Г. Броневский также несправедливо оспоривает мое показание, что послано было из Петербурга повеление сжечь дом и имущество Пугачева, ссылаясь опять на свою „Историю Донского войска“, где о сем обстоятельстве опять не упомянуто. Указ о том, писанный на имя атамана Сулина, состоялся 1774 года января 10 (№ казнь Пугачева совершилась ровно через год, 1775 года 10 января). Вот собственные слова указа:

„Двор Ем. Пугачева, в каком бы он худом или лучшем состоянии ни находился, и хотя бы состоял он в развалившихся токмо хижинах, имеет Донское войско, при присланном от обер-коменданта крепости Св. Димитрия штаб-офицере, собрав священный той станицы чин, старейшин и прочих оной жителей, при всех их сжечь, и на том месте через палача или профоса пепел развеять; потом это место огородить надолбами, или рвом окопать, оставя на вечные времена без поселения, как оскверненное жительством на нем все казни лютые и истязания делами своими превосшедшего злодея, которого имя останется мерзостию навеки, а особливо для Донского общества, яко оскорбленного ношением тем злодеем казацкого на себе имени, — хотя отнюдь таким богомерзким чудовищем ни слава войска Донского, ни усердие оного, ни ревность к нам и отечеству помрачаться и ни малейшего нарекания претерпеть не может“.

Я имел в руках и донесение Сулина о точном исполнении указа (иначе и быть не могло). В сем-то донесении Сулин от имени жителей Зимовейской станицы просит о дозволении перенести их жилища с земли, оскверненной пребыванием злодея, на другое место, *хотя бы и менее удобное*. Ответа я не нашел; но по всем новейшим картам видно, что Потемкинская станица стоит на том самом месте, где на старинных означена Зимовейская. Из сего я вывел заключение, что государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердия и только переименовала Зимовейскую станицу в Потемкинскую.

Критика г. Броневского.

Автор не сличил показания жены Пугачева с его собственным показанием; явно, что свидетельство жены не могло быть верно: она, конечно, не могла знать всего и, конечно, не всё высказала, что знала. Собственное же признание Пугачева, что он скры-

вался в Польше, должно предпочесть показанию станичного атамана Трофима Фомина, в котором сказано, что будто бы Пугачев, отлучаясь из дому в разное время, кормился *милостынею!!* и в 1771 был на Куме. — Но Пугачев в начале 1772 года явился на Яик с польским фальшивым паспортом, которого он на Куме достать не мог.

На Дону по преданию известно, что Пугачев до Семилетней войны промышлял, по обычаю предков, на Волге, на Куме и около Кизляра; после первой Турецкой войны скрывался между польскими и глуховскими раскольниками. Словом, в мирное время иногда приходил в дом свой на короткое время; а постоянно занимался воровством и разбоем в окрестностях Донской земли, около Данкова, Таганрога и Острожска.

Объяснение

Показания мои извлечены из официальных, неоспоримых документов. Рецензент мой, укоряя меня в несообразностях, не показывает, в чем оные состоят. Из показаний жены Пугачева, станичного атамана Фомина и наконец самого самозванца, *в конце* (а не в начале) 1772 года приведенного в Малыковскую канцелярию, видно, что он в 1771 году отпущен из армии на Дон, по причине болезни; что в конце того же года, уличенный в возмутительных речах, он успел убежать и, тайно возвратясь домой в начале 1772 года, был схвачен и бежал опять. Здесь прекращаются сведения, собранные правительством на Дону. Сам Пугачев показал, что весь 1772 год скитался он за польской границею и пришел оттуда на Яик, кормясь милостынею (о чем Фомин не упоминает ни слова). Г. Броневский, выписывая сие последнее показание, подчеркивает слово *милостыня* и ставит несколько знаков удивления (!!); но что ж удивительного в том, что нищий бродяга питается милостынею? Г. Броневский, не взяв на себя труда сличить мои показания с документами, приложенными к „Истории Пугачевского бунта“, кажется, не читал и манифеста о *преступлениях казака Пугачева*, в котором именно сказано, что он *кормился от подаяния*. (См. манифест от 19 декабря 1774 года, в „Приложении к Истории Пугачевского бунта“.)

Г. Броневский, опровергая свидетельство жены Пугачева, показания станичного атамана Фомина и официально обнародованное известие, пишет, что *Пугачев в начале 1772 года* явился на Яике *с польским фальшивым паспортом, которого он на Куме достать не мог.* Пугачев *в начале* 1772 года был на Кубани и на Дону; он явился на Яик *в конце* того же года не с польским *фальшивым* паспортом, но с русским, данным ему от начальства, им обманутого, с Добрянского форпоста. Предание, слышанное г. Броневским, будто бы Пугачев, *по обычаю предков* (!), промышлял разбоями на Волге, на Куме и около Кизляра, ни на чем не основано и опровергнуто официальными, достовернейшими документами. Пугачев был *подозреваем* в воровстве (см. показание Фо-

мина); но до самого возмущения Яицкого войска *ни в каких разбоях не бывал.*

Г. Броневский, оспоривая достоверность неоспоримых документов, имел, кажется, в виду оправдать собственные свои показания, помещенные им в „Истории Донского войска“. Там сказано, что природа одарила Пугачева *чрезвычайной живостию* и с *неустрашимым мужеством дала ему и силу телесную и твердость душевную*; но что, *к несчастию, ему не доставало самой лучшей и нужнейшей прикрасы — добродетели;* что отец его был убит в 1738 году; что двенадцатилетний Пугачев, *гордясь своим одиночеством, своею свободою, с дерзостию и самонадеянием вызывал детей равных с ним лет на бой, нападал храбро, бил их всегда;* что в одной из таких забав убил он предводителя противной стороны; что по пятнадцатому году он *уже не терпел никакой власти;* что на двадцатом году *ему стало тесно и душно на родной земле;* что честолюбие мучило его; что вследствие того он сел однажды на коня и *пустился искать приключений в чистое поле;* что он поехал на восток, *достигнул Волги и увидел большую дорогу;* что, встретив четырех удальцев, начал он с ними грабить и разбойничать; что, *вероятно,* он занимался разбоями только во время мира, а во время войны служил в казачьих полках; что генерал Тотлебен, во время Прусской войны, увидев однажды Пугачева, сказал окружавшим его чиновникам: *„чем более смотрю на сего казака, тем более поражаюсь сходством его с великим князем“*, и проч. и проч. (См. „Историю Донского войска“. Ч. II, гл. XI.) Всё это ни на чем не основано и заимствовано г. Броневским из пустого немецкого романа „Ложный Петр III“, не заслуживающего никакого внимания. Г. Броневский, укоряющий меня в каких-то *поэтических вымыслах*, сам поступил неосмотрительно, повторив в своей „Истории“ вымыслы столь нелепые.

Критика г. Броневского.

„Шигаев, думая заслужить себе прощение, задержал Пугачева и Хлопушу, и послал к оренбургскому губернатору сотника Логинова с предложением о выдаче самозванца“. Но в поставленном тут же под № 12 примечании автор говорит, что сие показание Рычкова невероятно: ибо Пугачев и Шигаев, после бегства их из-под Оренбурга, продолжали действовать заодно“.

Если показание Рычкова невероятно, то в текст и не должно было его ставить; если же Шигаев только в крайнем случае в самом деле думал предать Пугачева, то это обстоятельство не мешало продолжать действовать заодно с Пугачевым: ибо беда еще не наступила. Историку, конечно, показалось трудным сличать противоречащие показания и выводить из них следствия; но это его обязанность, а не читателей.

Объяснение

Выписываю точные слова текста и примечание на оный:

„После сражения под Татищевой, Пугачев с 60 казаками пробился сквозь неприятельское войско и прискакал сам-пят в Бердскую слободу с известием о своем поражении. Бунтовщики начали выбираться из Берды, кто верхом, кто на санях. На воза громоздили заграбленное имущество. Женщины и дети шли пешие. Пугачев велел разбить бочки вина, стоявшие у его избы, опасаясь пьянства и смятения. Вино хлынуло по улице. Между тем Шигаев, видя, что всё пропало, думал заслужить себе прощение и, задержав Пугачева и Хлопушу, послал от себя к оренбургскому губернатору с предложением о выдаче ему самозванца, и прося дать ему сигнал двумя пушечными выстрелами.

„*Примечание*. Рычков пишет, что Шигаев велел связать Пугачева. Показание невероятное. Увидим, что Пугачев и Шигаев действовали заодно несколько времени после бегства их из-под Оренбурга".

Шигаев, человек лукавый и смышленый, мог под каким ни есть предлогом *задержать* нехитрого самозванца; но не думаю, чтоб он его *связал:* Пугачев этого ему бы не простил.

Критика г. Броневского.

Стр. 97. „Уфа была освобождена. Михельсон, нигде не останавливаясь, пошел на Тибинск, куда после Чесноковского дела прискакали Ульянов и Чика. Там они были схвачены *казаками* и выданы победителю, который отослал их скованных в Уфу". В примечании же 16-м (стр. 51), принадлежащем к сей V главе, сказано совсем другое, именно: „По своем разбитии, Чика с Ульяновым остановилися ночевать в Богоявленском Медноплавильном заводе. Приказчик угостил их и, напоив допьяна, ночью связал и представил в *Тобольск*. Михельсон подарил 500 руб. приказчиковой жене, подавшей совет напоить беглецов".

Место действия находилось в окрестностях Уфы, а по сему приказчик не имел нужды отсылать преступников в Тобольск, находящийся от Уфы в 1145 верстах.

Объяснение

Если бы г. Броневский потрудился взглянуть на текст, то он тотчас исправил бы опечатку, находящуюся в примечании. В тексте сказано, что Ульянов и Чика были выданы Михельсону в *Табинске* (а не в *Тобольске*, который слишком далеко отстоит от Уфы, и не в *Тибинске*, который не существует).

Критика г. Броневского.

„Солдатам начали выдавать в сутки только по четыре фунта муки, т. е. десятую часть меры обыкновенной". Стр. 100.

Солдат получает в сутки два фунта муки, или по три фунта печеного хлеба. По означенной выше мере выйдет, что солдаты во время осады получали двойную порцию, или что весь гарнизон состоял из 20 только человек. Тут что-нибудь да не так.

Объяснение

Очевидная опечатка: вместо *четыре фунта* должно читать *четверть фунта*, что и составит около *десятой части* меры обыкновенной, т. е. двух фунтов печеного хлеба. Смотри статью „Об осаде Яицкой крепости“, откуда заимствовано сие показание. Вот собственные слова неизвестного повествователя: „Солдатам стали выдавать в сутки только по четверти фунта муки, что составляет десятую часть обыкновенной порции“.

Критика г. Броневского.

В примечании 18, стр. 52, сказано, что оборона Яицкой крепости составлена по статье, напечатанной в „Отечественных Записках“, и по журналу коменданта полковника Симонова. Как автор принял уже за правило помещать вполне все акты, из которых он что-либо заимствовал, то журнал Симонова, нигде до сего не напечатанный, заслуживал быть помещенным в примечаниях также вполне, как Рычкова — об осаде Оренбурга, и архимандрита Платона — о сожжении Казани.

Объяснение

Я не мог поместить *все* акты, из коих заимствовал свои сведения. Это составило бы более десяти томов: я должен был ограничиться любопытнейшими.

Критика г. Броневского.

Стр. 129. „Михельсон, оставя Пугачева вправе, пошел прямо на Казань и 11 июля вечером был уже в 15 верстах от нее. — Ночью отряд его тронулся с места. Поутру, в 45 верстах от Казани, услышал пушечную пальбу!..“ Маленький недосмотр!

Объяснение

Важный недосмотр: вместо *в 15 верстах*, должно читать: *в пятидесяти*.

Критика г. Броневского.

„Пугачев отдыхал сутки в Сарепте, оттуда пустился вниз к Черному Яру. Михельсон шел по его пятам. Наконец, 25 августа на рассвете он настигнул Пугачева в *ста пяти* верстах от Царицына. Здесь Пугачев, разбитый в последний раз, бежал, и в семидесяти верстах от места сражения переплыл Волгу *выше* Черноярска“. Стр. 155—156.

Из сего описания видно, что Пугачев переплыл Волгу в 175 верстах *ниже* Царицына; а как между сим городом и Чернояром считается только 155 верст, то из сего выходит, что он переправился чрез Волгу *ниже* Чернояра в 20 верстах. — По другим известиям, Пугачеву нанесен последний удар под самым Царицыном, откуда он бежал по дороге к Чернояру, и в сорока верстах от Царицына переправился через Волгу, то есть верстах в десяти ниже Сарепты.

Объяснение

Выписываю точные слова текста:

„Пугачев стоял на высоте, между двумя дорогами. Михельсон *ночью обошел его* и стал противу мятежников. Утром Пугачев опять увидел пред собою своего грозного гонителя; но не смутился, а смело пошел на Михельсона, отрядив свою пешую сволочь противу донских и чугуевских казаков, стоящих по обоим крылам отряда. Сражение продолжалось недолго. Несколько пушечных выстрелов расстроили мятежников. Михельсон на них ударил. Они бежали, брося пушки и весь обоз. Пугачев, переправясь через мост, напрасно старался их удержать, он бежал вместе с ними. Их били и преследовали сорок верст. Пугачев потерял до четырех тысяч убитыми и до семи тысяч взятыми в плен. Остальные рассеялись. Пугачев в семидесяти верстах от места сражения переплыл Волгу, выше Черноярска, на четырех лодках, и ушел на луговую сторону, не более как с тридцатью казаками. Преследовавшая его конница опоздала четвертью часа. Беглецы, не успевшие переправиться на лодках, бросились вплавь, и перетонули“.

Рецензент пропустил без внимания главное обстоятельство, поясняющее действие Михельсона, который *ночью обошел* Пугачева, и, следственно разбив его, погнал не *вниз*, а *вверх* по Волге, к Царицыну. Таким образом мнимая нелепость моего рассказа исчезает. Не понимаю, каким образом военный человек и военный писатель (ибо г. Броневский писал военные книги) мог сделать столь опрометчивую критику на место столь ясное само по себе!

Критика г. Броневского.

К VI главе 6 примечания не достает. См. 123 и 55 стр.

На карте не означено многих мест, и даже городов и крепостей. Это чрезвычайно затрудняет читателя.

Объяснение

Цыфр, означающий ссылку на замечание, есть опечатка.

Карта далеко неполна; но оная была необходима, и я не имел возможности составить другую, более совершенную.

Г. Броневский заключает свою статью следующими словами:

„Сии немногие недостатки ни мало не уменьшают внутреннего достоинства книги, и если бы нашлось и еще несколько ошибок, книга, по содержанию своему, всегда останется достойною внимания публики“.

Если бы все замечания моего критика были справедливы, то вряд ли книга моя была бы достойна внимания публики, которая в праве

требовать от историка, если не таланта, то добросовестности в трудах и осмотрительности в показаниях. Знаю, что оправдываться опечатками легко; но, надеюсь, читатели согласятся, что *Тобольск* вместо *Табинск*; *в пятнадцати верстах* вместо *в пятидесяти верстах* и наконец *четыре фунта* вместо *четверти фунта* более походят на опечатки, нежели следующие errata, которые где-то мы видели: *Митрополит* — читай: *простой священник, духовник царский; зала в тридцать сажей вышины* — читай: *зала в пятнадцать аршин вышины; Петр I из Вены отправился в Венецию* — читай: *Петр I из Вены поспешно возвратился в Москву.*

Рецензенту, наскоро набрасывающему беглые замечания на книгу, бегло прочитанную, очень извинительно ошибаться; но автору, посвятившему два года на составление ста шестидесяти осьми страничек, таковое небрежение и легкомыслие были бы непростительны. Я должен был поступать тем с большею осмотрительностию, что в изложении военных действий (предмете для меня совершенно новом) не имел я тут никакого руководства, кроме донесений частных начальников, показаний казаков, беглых крестьян, и тому подобного, — показаний, часто друг другу противоречащих, преувеличенных, иногда совершенно ложных. Я прочел со вниманием всё, что было напечатано о Пугачеве, и сверх того 18 толстых томов in-folio разных рукописей, указов, донесений и проч. Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев, и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою.

Сказано было, что „История Пугачевского бунта“ не открыла ничего нового, неизвестного. Но вся эта эпоха была худо известна. Военная часть оной никем не была обработана: многое даже могло быть обнародовано только с *высочайшего* соизволения. Взглянув на „Приложения к Истории Пугачевского бунта“, составляющие весь второй том, всякой легко удостоверится во множестве важных исторических документов, в первый раз обнародованных. Стоит упомянуть о собственноручных указах Екатерины II, о нескольких ее письмах, о любопытной летописи нашего славного академика Рычкова, коего труды ознаменованы истинной ученостию и добросовестностию — достоинствами столь редкими в наше время, о множестве писем знаменитых особ, окружавших Екатерину: Панина, Румянцева, Бибикова, Державина и других... Признаюсь, я полагал себя в праве ожидать от публики благосклонного приема, конечно, не за самую *„Историю Пугачевского бунта“*, но за исторические сокровища, к ней приложенные. Сказано было, что историческая

достоверность моего труда поколебалась от разбора г. Броневского. Вот доказательство, какое влияние имеет у нас критика, как бы поверхностна и неосновательна она ни была!

Теперь обращаюсь к г. Броневскому уже не как к рецензенту, но как к историку.

В своей „Истории Донского войска" он поместил краткое известие о Пугачевском бунте. Источниками служили ему: вышеупомянутый роман „Ложный Петр III", „Жизнь А. И. Бибикова", и наконец предания, слышанные им на Дону. О романе мы уже сказали наше мнение. „Записки о жизни и службе А. И. Бибикова" по всем отношениям очень замечательная книга, а в некоторых и авторитет. Что касается до преданий, то если оные, с одной стороны, драгоценны и незаменимы, то, с другой, я по опыту знаю, сколь много требуют они строгой поверки и осмотрительности. Г. Броневский не умел ими пользоваться. Предания, собранные им, не дают его рассказу печати живой современности, а показания, на них основанные, сбивчивы, темны, а иногда и совершенно ложны.

Укажем и мы на *некоторые вымыслы* (к сожалению, не поэтические), на некоторые *недосмотры* и явные несообразности.

Приводя вышеупомянутый анекдот о Тотлебене, будто бы заметившем сходство между Петром III и Пугачевым, г. Броневский пишет:

„Если анекдот сей справедлив, то можно согласиться, что слова сии, просто сказанные, хотя в то время не сделали на ум Пугачева большого впечатления, но впоследствии могли подать ему мысль называться императором". А через несколько страниц г. Броневский пишет: „Пугачев принял предложение яицкого казака Ивана Чики, более его дерзновенного, называться Петром III" — Противоречие!

Анекдот о Тотлебене есть вздорная выдумка. Историку не следовало о нем и упоминать и того менее — выводить из него какое бы то ни было заключение. Государь Петр III был дороден, белокур, имел голубые глаза: самозванец был смугл, сухощав, малоросл; словом, ни в одной черте не сходствовал с государем.

Страница 98. „12 Генваря 1773, раскольники (в Яицком городке) взбунтовались и убили как генерала (Траубенберга), так и своего атамана".

Не в 1773, но в 1771. См. Левшина, Рычкова, Ист. Пугач. бунта, и пр.

Стран. 102. „Полковник Чернышев прибыл на освобождение Оренбурга, и 29 апреля 1774 года сражался с мятежниками; губернатор не подал ему никакой помощи" и проч.

Не 29 апреля 1774 г., а 13 ноября 1773; в апреле 1774 года разбитый Пугачев скитался в Уральских горах, собирая новую шайку.

Г. Броневский, описав прибытие Бибикова в Казань, пишет, что в то время (в январе 1774) *самозванец в Самаре и Пензе был принят народом с хлебом и солью.*

Самозванец в январе 1774 года находился под Оренбургом и разъезжал по окрестностям оного. В *Самаре он никогда не бывал, а Пензу взял уже после сожжения Казани,* во время своего страшного бегства, за несколько дней до своей собственной погибели.

Описывая первые действия генерала Бибикова и медленное движение войск, идущих на поражение самозванца к Оренбургу, г. Броневский пишет: „Пугачев, умея грабить и резать, не умел воспользоваться сим выгодным для него положением. Поверив распущенным нарочно слухам, что будто от Астрахани идет для нападения на него несколько гусарских полков с донскими казаками, он долго простоял на месте, потом обратился к низовью Волги и чрез то упустил время, чтобы стать на угрожаемом нападением месте“.

Показание ложное. Пугачев всё стоял под Оренбургом и не думал обращаться *к низовью Волги.*

Г. Броневский пишет: „Новый главноначальствующий граф Панин не нашел *на месте* (на каком месте?) всех нужных средств, чтобы утишить пожар мгновенно и не допустить распространения оного за Волгою“.

Граф П. И. Панин назначен главноначальствующим, когда уже Пугачев переправился через Волгу и когда пожар уже распространился от Нижнего-Новгорода до Астрахани. Граф прибыл из Москвы в Керенск, когда уже Пугачев разбит был окончательно полковником Михельсоном.

Умалчиваю о нескольких незначащих ошибках, но не могу не заметить важных пропусков. Г. Броневский не говорит ничего о генерал-майоре Каре, игравшем столь замечательную и решительную роль в ту несчастную эпоху. Не сказывает, кто был назначен главноначальствующим по смерти А. И. Бибикова. Действия Михельсона в Уральских горах, его быстрое, неутомимое преследование мятежников оставлены без внимания. Ни слова не сказано о Державине, ни слова о Всеволожском. Осада Яицкого городка описана в трех следующих строках: „Он (Мансуров) освободил Яицкий городок от осады и избавил жителей от голодной смерти: ибо они уже употребляли в пищу землю“.

Политические и нравоучительные размышления,* коими г. Броневский украсил свое повествование, слабы и пошлы и не вознаграждают читателей за недостаток фактов, точных известий и ясного изложения происшествий.

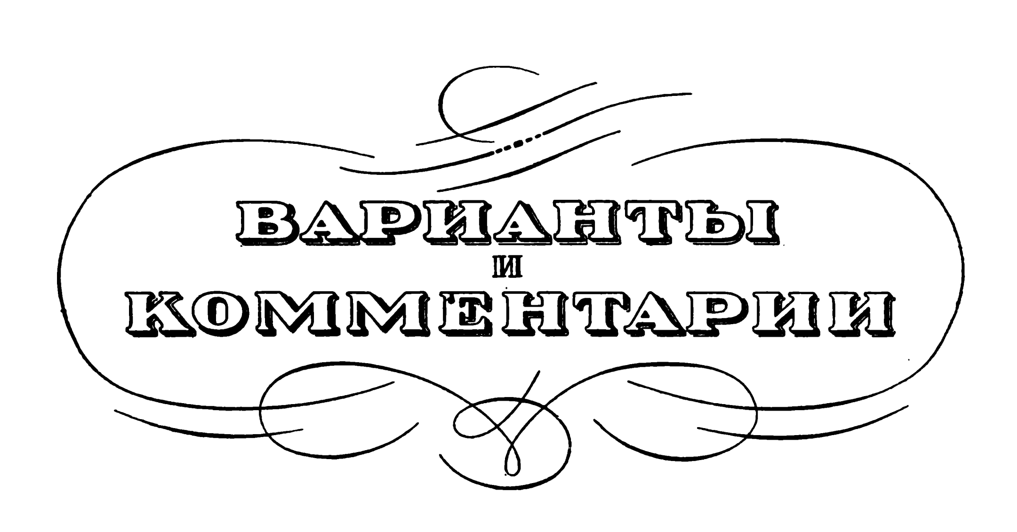
Я не имел случая изучать историю Дона и потому не могу судить о степени достоинства книги г. Броневского; прочитав ее, я не нашел ничего нового, мне неизвестного; заметил некоторые ошибки, а в описании эпохи мне знакомой — непростительную опрометчивость. Кажется, г. Броневский не имел ни средств, ни времени совершить истинно исторический памятник. „Тяжкая болезнь — говорит он в начале „Истории Донского войска“ — принудила меня отправиться на Кавказ. Первый курс лечения Пятигорскими минеральными водами хотя не оказал большого действия, но, по совету медиков, я решился взять другой курс. Ехать в Петербург и к весне назад возвращаться было слишком далеко и убыточно; оставаться на зиму в горах — слишком холодно и скучно; итак, 15 сентября 1831 года отправился я в Новочеркасск, где родной мой брат жил по службе с своим семейством. Осьмимесячное мое пребывание в городе Донского войска доставило мне случай познакомиться со многими почтенными особами Донского края“ и проч. „Впоследствии уверившись, что в словесности нашей не достает истории Донского войска, имея досуг и добрую волю, я решился пополнить этот недостаток“ и проч.

Читатели г. Броневского могли, конечно, удивиться, увидя вместо статистических и хронологических исследований о казаках подробный отчет о лечении автора; но кто не знает, что для больного человека здоровье его не в пример занимательнее и любопытнее всевозможных исторических изысканий и предположений! Из добродушных показаний г. Броневского видно, что он в своих исторических занятиях искал только невинного развлечения. Это лучшее оправдание недостаткам его книги.

А. П.

⟨1836⟩

* Например: „Нравственный мир, так же как и физический, имеет свои феномены, способные устрашить всякого любопытного, дерзающего рассматривать оные. Если верить философам, что человек состоит из двух стихий, добра и зла: то Емелька Пугачев бесспорно принадлежал к редким явлениям, к извергам, вне законов природы рожденным; ибо в естестве его не было и малейшей искры добра, того благого начала, той духовной части, которые разумное творение от бессмысленного животного отличают. История сего злодея может изумить порочного и вселить отвращение даже в самых разбойниках и убийцах. Она вместе с тем доказывает, как низко может падать человек и какою адскою злобою может быть преисполнено его сердце. Если бы деяния Пугачева подвержены были малейшему сомнению, я с радостию вырвал бы страницу сию из труда моего“.


ВАРИАНТЫ
И
КОММЕНТАРИИ

Повести

⟨Арап Петра Великого⟩

Печатается по автографу (беловому, с поправками) *ЛБ* (тетрадь № 2378, на 45 листах) и *ПД* (листы, вырезанные из тетради № 2378 самим Пушкиным и переданные для публикации в „Северные Цветы на 1829 г.“). Часть главы IV, не сохранившаяся в автографе, печатается по „Северным Цветам“, а несколько последних строк главы седьмой, отсутствующие в беловом автографе (от слов „В это время защелка двери его приподнялась...“), печатаются по черновику этой главы (*ПД*, собрание А. Ф. Онегина). Черновые наброски первых шести глав частично сохранились в *ЛБ* (тетради № 2367, лл. 60 об. — 61 и № 2368, лл. 21 об. — 29 об.). Самим Пушкиным опубликовано только две главы (обе не полностью) — одна под названием „IV глава из исторического романа“ в „Северных Цветах на 1829 г.“, стр. 111—124 (без подписи, но имя Пушкина указано в оглавлении), другая под названием „Ассамблея при Петре I“ (глава III, от слов „В большой комнате, освещенной сальными свечами...“) в „Литературной Газете“ от 1 марта 1830 года, № 13, стр. 99—100, без имени автора. Под названием „Две главы из исторического романа. 1. Ассамблея при Петре Первом, 2. Обед русского боярина“ перепечатано в „Повестях, изданных Александром Пушкиным“, СПБ. 1834. Сокращения и изменения первопечатных текстов, обусловленные превращением в самостоятельные историко-бытовые картины эпизодов большого романа, в основном тексте нами не учитываются. Впервые опубликовано по рукописи в „Современнике“ 1837, т. VI, стр. 97—145, с заголовком „Арап Петра Великого“, утвердившимся во всех последующих изданиях. (Самим Пушкиным роман никак не был озаглавлен.) Важнейшие из пропусков и ошибок этой публикации отмечены были П. И. Бартеневым („Русский Архив“ 1881, № 3, стр. 466—469) и В. Е. Якушкиным („Русская Старина“ 1884, № 11, стр. 335—337); черновой автограф VII главы опубликован впервые в сборнике „Неизданный Пушкин“, П. 1922, стр. 148—151.

Перебеляя написанную часть романа в особую тетрадь (*ЛБ*, № 2378), Пушкин выписал на первом листе ряд цитат, предназначавшихся для эпиграфов к первым главам:

⟨1⟩

Я тебе жену добуду
Иль я мельником не буду.

Аблесимов, в опере Мельник.

⟨2⟩

Уж стол покрыт, уж он рядами
Несчетных блюд отягощен.

⟨*Баратынский.*⟩

⟨3⟩

Железной волею Петра
Преображенная Россия.
⟨*Языков.*⟩

⟨4⟩

Как облака на небе,
Так мысли в нас меняют легкий образ.
Что любим днесь, то завтра ненавидим.
⟨*Кюхельбекер.*⟩

⟨5⟩

Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен...
Желанием честей размучен,
Зовет, я слышу, славы шум!
Державин.

Время работы Пушкина над первым его романом определяется на основании следующих данных: 31 июля 1827 года, вскоре после возвращения своего в Михайловское после шумной жизни в Петербурге и Москве, он писал А. А. Дельвигу: „Я в деревне и надеюсь много писать... Вдохновения еще нет, покамест принялся я за прозу“. О том, что „прозой“ этой был „Арап Петра Великого“, свидетельствуют, во-первых, отметки в черновиках последнего („31 июля“ в главе I и „10 августа“ в главе III) и, во-вторых, запись в дневнике А. Н. Вульфа, которому Пушкин 15 сентября 1827 года показал в Михайловском „только что написанные первые две главы романа в прозе, где главное лицо представляет его прадед Ганнибал, сын Абиссинского эмира, похищенный турками, а из Константинополя русским посланником присланный в подарок Петру I, который его сам воспитывал и очень любил. Главная завязка этого романа будет — как Пушкин говорит — неверность жены сего арапа, которая родила ему белого ребенка и за то была посажена в монастырь“ (Л. Майков, „Пушкин“, СПБ. 1899, стр. 177).

Политические установки романа определялись образом императора Петра, царяреформатора, человека мощной воли и кипучей энергии, просвещенного борца с отсталостью, косностью и предрассудками, „гражданина на престоле“.

Материалы об Абраме Петровиче Ганнибале впервые использованы были Пушкиным в печати еще в конце 1824 года, в примечании к строфе L первой главы „Евгения Онегина“. Краткая биографическая справка о нем завершалась здесь строками: „В России, где память замечательных людей скоро исчезает, по причине недостатка исторических записок, странная жизнь Аннибала известна только по семейственным преданиям. Мы со временем надеемся издать полную его биографию“. Михайловские предания (а может быть, и песни дворни) получают отражение и в стихотворной записи Пушкина, датируемой осенью 1824 года:

Как жениться задумал царской арап,
Меж боярынь арап похаживает,
На боярышен арап поглядывает.
Что выбрал арап себе сударушку,
Черный ворон белую лебедушку.
А как он арап чернешенек,
А она-то душа — белешенька...

Пушкина одинаково занимала в эту пору и популяризация исторического Абрама Ганнибала, и возможность художественного воплощения этого образа. В первой половине февраля 1825 года, услышав о работе Рылеева над „Мазепой“, Пушкин писал брату Льву: „Присоветуй Рылееву в новой его поэме поместить в свите Петра I нашего дедушку. Его арапская рожа произведет странное действие на всю картину Полтавской битвы“.

В письме к П. А. Осиповой от 11 августа 1825 года Пушкин упоминает о своих надеждах на получение от П. А. Ганнибала каких-то записок, относящихся к его предку („des memoires concernant mon aieul“). Речь шла, вероятно, о старинном немецком рукописном жизнеописании А. П. Ганнибала, хранящемся ныне в архиве Пушкина, вместе

с набросками собственноручного его перевода ее на русский язык (*ЛБ*, тетрадь № 2387 А; см. „Рукою Пушкина", 1935, стр. 34—49). Именно эти материалы об А. П. Ганнибале положены были Пушкиным в основание художественной биографии его в „Арапе Петра Великого" (1827) и в краткой исторической справке о нем же в „Родословной Пушкиных и Ганнибалов" (1834—1835).

В последней статье Пушкин выдвинул и эпизод, положенный в 1827 году в основу фабулы „Арапа", но в немецкой биографии генерала Ганнибала, по понятным соображениям, замолчанный: „В семейственной жизни прадед мой Ганнибал так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин.[1] Первая жена его, красавица, родом гречанка, родила ему белую дочь. Он с нею развелся и принудил ее постричься в Тихвинском монастыре".

Эта же трагическая эпопея запечатлена и в исчерканном наброске, который предназначался Пушкиным, вероятно, для предисловия к „Арапу Петра Великого" (автограф *ПД*; впервые опубликован в сборнике „Неизданный Пушкин", СПБ. 1922, стр. 152): „Часто думал я об этом ужасном семейственном романе: воображал беременность молодой жены, ее ужасное положение и спокойное доверчивое ожидание мужа. Наконец, час родов наступает. Муж присутствует при муках милой изменницы. Он слышит первые крики новорожденного; в упоении восторга бросается к своему младенцу — и остается неподвижен..."

Приурочивая „семейственную" трагедию Ганнибала к петровской эпохе, Пушкин несколько изменял документальную биографию „арапа". Последний возвратился из Парижа в Петербург в *1722 году*, а женился только в 1731, т. е. через шесть лет после смерти Петра, причем женой его была вовсе не русская боярышня (как в романе), а дочь капитана галерного флота, гречанка Евдокия Диопер. Характерно, однако, что и смещая хронологию и изменяя социальный облик героини романа, Пушкин все же не выходил в нем за пределы своих семейных преданий и только контаминировал материалы о Ганнибале с данными о других своих предках — Пушкиных. Так, А. П. Пушкин, убивший свою жену (из боярского рода Головиных) в год смерти Петра, был женат на ней с *1722 г.*, а на родовитой *Ржевской* (фамилию эту носит в романе будущая жена арапа) женат был не Ганнибал, а другой прадед поэта — А. Ф. Пушкин.[1] Вся история сватовства Ганнибала и участия в его женитьбе императора Петра построена была Пушкиным в романе на основании материала двух исторических анекдотов, рассказанных Голиковым в „Деяниях Петра Великого". Мы имеем в виду анекдоты XXXI и XCIX („Щедрость монарха в награждении заслуг" и „Монарх издевается над старинною спесью боярскою"). Первый из них посвящен был истории женитьбы царского денщика Румянцева на дочери графа Матвеева. Как и в романе Пушкина, Петру принадлежала в этом анекдоте самая инициатива сватовства, а роли Ржевских и Ибрагима размещены были между Матвеевыми и Румянцевым. (Ср., напр., описание визита Петра к Ржевским и следующие строки анекдота: „Монарх приехал к графу Матвееву и сказал хозяину: „У тебя есть невеста, а я привез ей жениха". Толикая нечаянность смутила крайне отца, потому паче, что казался ему жених недостойным дочери его, яко не из родословных

[1] „Прадед мой Александр Петрович, — отмечал Пушкин выше, — умер весьма молод, в припадке сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах". В „Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений" о нем же Пушкин писал несколько подробнее, отмечая, что „он умер ... в заточении, в припадке ревности или сумасшествия зарезав свою жену" (1830).

[1] Исторической является в романе не только фамилия Ржевских, но и все попутно упоминаемые в главах IV и V фамилии их родных и знакомых. Князя *Бориса Алексеевича* Лыкова не существовало, но зато известны были в XVII в. боярин князь *Борис* Михайлович Лыков и стольник *Алексей* Алексеевич Лыков; пресекся этот род в 1701 г. При дворе и в армии Петра были и Шеины, и Львовы, и Рагузинские, и Троекуровы; старинный род Милославских угас только в 1791 г.; из князей Елецких один был в 1718 г. в числе узников Петропавловской крепости.

бояр. Монарх, тотчас проникши в мысль его, сказал: „Ты знаешь, что я его люблю, и что в моей власти соравнять его с самыми знатнейшими“. Нечего было делать, как согласиться на желание такого свата“.) Из второго анекдота заимствована была Пушкиным концовка главы пятой: „В одно время великий государь любимому денщику своему Павлу Ивановичу Ягушинскому сказал: „Хочешь ли, Ягушинский, нынешний день получить знатный подарок? Так слушай же: старик Репнин ныне недомогает; поезжай к нему и спроси от меня о здоровьи, но умей угодить старинной его боярской суетности: оставь лошадь у ворот и взойди на двор пеший и без шляпы...“ и пр. Господин Ягушинский точно поступил по предписанию сему. Старик хвалил его за всё, и что он умеет почитать людей старых и заслуженных, а его величество крайне смеялся суетности стариков, боярством и родом своим толико зараженных“. (Ср. в „Арапе Петра Великого“: „Всё, брат кончено, — сказал Петр, взяв его под руку: — я тебя сосватал. Завтра поезжай к своему тестю; но смотри, потешь его боярскую спесь: оставь сани у ворот; пройди через двор пешком; поговори с ним о его заслугах и знатности — и он будет от тебя без памяти“.)

К историческим анекдотам в „Деяниях Петра Великого“ восходили в романе Пушкина не только детали характеристики Петра и Ганнибала, но и данные о парижском приятеле последнего, Корсакове. Воин Яковлевич Римский-Корсаков (1702—1757), посланный Петром в 1716 году во Францию для усовершенствования в науках, учился и служил в Тулоне, а летом 1724 года возвратился в Петербург. С его слов записан был Голиковым анекдот CIX („Монарх не терпит расточения и никаких излишеств в подданных своих“). Приводим этот анекдот, использованный Пушкиным в главе III романа: „Воин Яковлевич Корсаков, в молодых летах посыланный от него во Францию курьером, по возвращении своем явился к монарху, имея на себе нижнее платье бархатное. Великий государь, расспрося его о всем, что было нужно в отношении посылки его, сказал: „Корсаков! штаны-то на тебе такие, каких не носит и государь твой. Смотри, чтоб я с тобою не побранился; это пахнет мотовством; я ведь знаю, что ты не богат“. Но если не терпел он мотов, то еще несноснее казались ему так называемые петиметры, которых почитал он за людей ни к чему не способных и не годных“. (Ср. в „Арапе“: „Послушай, Корсаков, — сказал ему Петр, — штаны-то на тебе бархатные, каких и я не ношу, а я тебя гораздо богаче. Это мотовство: смотри, чтоб я с тобой не побранился“. — Глава III.)

Печатая в „Литературной Газете“ 1830 года отрывок из своего романа („Ассамблея при Петре I“), Пушкин в беглом примечании сам счел необходимым назвать литературные источники, к которым восходили историко-бытовые детали его повествования: „См. Голикова и Русскую Старину“. Материал, заимствованный из „Деяний Петра Великого“, нами отмечен был выше. Глухая же ссылка на „Русскую Старину“ имела в виду исторические очерки, помещенные в этом альманахе декабристом А. О. Корниловичем, имя которого в 1830 году нельзя было прямо назвать в печати. Вся первая часть „Русской Старины, карманной книжки для любителей отечественного, на 1825 год“, изданной А. Корниловичем, посвящена была „Нравам русских при Петре I“ (стр. 1—168) и состояла из четырех очерков: 1) „О частной жизни императора Петра I“; 2) „Об увеселениях русского двора при Петре I“; 3) „О первых балах в России“; 4) „О частной жизни русских при Петре I“.

Особенно широко использовал Пушкин в своем романе фактические данные очерков первого и третьего, в которых А. О. Корниловичем объединен был огромный историко-бытовой материал о Петре Великом, восходящий частью к архивным источникам, частью к западноевропейской мемуарной и анекдотической литературе.

Как и статья „О первых балах в России“, явившаяся основным сводом матери-

алов для Пушкинских сцен „Ассамблеи при Петре I", очерк А. О. Корниловича „О частной жизни императора Петра I" должен был привлечь внимание Пушкина не только богатством и свежестью своих фактических данных, но и литературно-политическими установками автора. Тенденция А. О. Корниловича показать „не повелителя многочисленного народа, а гражданина, в домашнем быту, посреди его семейства" („Русская Старина" 1825, стр. 2) необычайно была близка и Пушкину. Работая над „Арапом Петра Великого", он свое понимание задач исторического романиста проверял на материале и методах Вальтер Скотта: „Главная прелесть романов В. Скотта, — писал Пушкин в 1829—1830 году, — состоит в том, что мы знакомимся с прошедшим временем не с enflure <напыщенностью> французских трагедий, не с чопорностию чувствительных романов, не с dignité <достоинством> истории, но современно, но домашним образом. Шекспир, Гете, Вальтер Скотт не имеют холопского пристрастия к королям и героям. Они не походят (как герои французские) на холопей, передразнивающих la dignité et la noblesse <достоинство и благородство>. Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté, de théâtral même dans les circonstances solenelles — car les grandes circonstances leur sont familières".[1]

Весною 1828 года Пушкин читал первые главы романа своим петербургским друзьям. 24 марта 1828 года П. А. Вяземский писал из С.-Петербурга И. И. Дмитриеву: „Пушкин читал нам несколько глав романа своего в прозе: герой — дед его Аннибал; между действующими лицами рисуется богатырское лицо Петра Великого, кажется, верно и живо схваченное, судя, по крайней мере, по первым очеркам. Описание петербургского бала и обеда в царствование Петра ярко и натурально" („Русский Архив" 1866, стб. 1716). Об одном из следующих чтений П. А. Вяземский писал 18 апреля 1828 года А. И. Тургеневу: „Пушкин читал нам на-днях у Жуковского несколько глав романа в прозе, à la Walter Scott, о деде своем Аннибале. Тут является и Петр. Много верности и живописи и живости в нравах и в рассказе. Должно желать, чтобы он продолжал его" („Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским", т. I, 1921, стр. 65).

К началу мая 1828 года относится запись в дневнике Б. М. Федорова о беседе его с Пушкиным о Петре и материалах А. О. Корниловича („А. С. Пушкин", изд. журнала „Русский Библиофил" 1911, стр. 35), после чего ни прямых, ни косвенных свидетельств о работе над „Арапом Петра Великого" до нас уже не дошло. Однако, если мы обратимся к творческому календарю Пушкина, то причины, обусловившие задержку „Арапа", определятся довольно точно: апрелем 1828 года датируются первые наброски „Полтавы", замысел которой как героической поэмы о Петре родился и оформился в процессе собирания и изучения материалов для романа о Петре и Ганнибале. Работа над „Полтавой" и седьмой главою „Евгения Онегина" в 1828 году, „Путешествие в Арзрум" и целый ряд задуманных в 1829 году повестей из современного быта надолго задержали окончание „Арапа". Между тем, русский исторический роман вальтер-скоттовского типа, проблема создания которого была столь актуальна в 1827 — 1828 годах, когда Пушкин приступал к своему „Арапу", к концу 1829 года был представлен уже двумя законченными образцами: „Юрием Милославским" Загоскина и „Димитрием Самозванцем" Булгарина. Несмотря на всё несовершенство этих романов, успех их был исключителен. Пушкин приветствовал „Юрия Милославского" большой рецензией, в которой формулировал свое понимание исторического романа и дал едкую характеристику русских и французских эпигонов Вальтер Скотта, но сам от соревнования с Загоскиным и Бул-

[1] Они просты в повседневных случаях жизни, в их речах нет ничего приподнятого, театрального, даже в торжественных обстоятельствах, так как великие события для них привычны.

гариным уклонился. На некоторое время „Арап Петра Великого“ был вновь отложен, но от окончания романа Пушкин, видимо, не отказывался. Об этом свидетельствуют его попытки переработки рукописи даже после того, как самая фабула его недописанного романа неожиданно была скомпрометирована Булгариным. Мы имеем в виду известный фельетон последнего в „Северной Пчеле“ от 7 августа 1830 года, № 94 („Второе письмо из Карлова на Каменный Остров“), в котором против Пушкина направлены были следующие строки: „Рассказывают анекдот, что какой-то поэт в испанской Америке, также подражатель Байрона, происходя от мулата или, не помню, от мулатки, стал доказывать, что один из предков его был негритянский принц. В ратуше города доискались, что в старину был процесс между шкипером и его помощником за этого негра... и что шкипер доказывал, что он купил негра за бутылку рома...“ и пр.

Пушкин очень болезненно реагировал на Булгаринский анекдот, ответом на который в том же 1830 году явились и заключительные строфы „Моей родословной“ („Решил Фиглярин, сидя дома, / Что черный дед мой Ганнибал / Был куплен за бутылку рома / И в руки шкиперу попал...“ и пр.) и страницы „Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений“: „В одной газете (почти официальной) сказано было, что прадед мой Абрам Петрович Ганнибал, крестник и воспитанник Петра Великого, наперсник его и проч.,— был куплен за бутылку рому.—Прадед мой, если был куплен, то вероятно дешево, но достался он шкиперу, коего имя всякой русской произносит с уважением и не всуе...“ и пр. Об окончании „Арапа Петра Великого“ после выступления Булгарина не могло быть и речи (характерно для Пушкина изъятие после статьи в „Северной Пчеле“ даже примечания о Ганнибале из новых изданий „Евгения Онегина“). Для спасения материала написанных глав приходилось перестроить роман так, чтобы в интриге его история „арапа“ не играла уже никакой роли. План такой перестройки романа, переносящий время его действия к годам правления царевны Софии и первого стрелецкого бунта, сохранился в той же тетради, в которой переписаны были начальные главы „Арапа Петра Великого“ (см. о нем далее). Не использованные же в этом плане детали первой главы брошенного романа частично утилизируются в набросках комедии начала 30-х годов —„Через неделю буду в Париже“ (диалог „графини“, забеременевшей в отсутствие своего мужа, и Дорвиля (Мервиля), ее любовника, а строки главы второй о „новорожденной столице, которая подымалась из болота по манию самодержавия...“ и пр. ожили в 1833 году во вступлении к „Медному всаднику“.

Глава I

13. *Герцог Орлеанский*—герцог Филипп Орлеанский, регент Франции с 1715 по 1723 г.; *Laws* — Ло, Джон (1671 — 1729), финансовый делец и прожектер, организатор „Генерального банка“ в Париже.

14. *Проказы герцога Ришелье, Алкивиада новейших Афин...— Ришелье*, Арман-Дюплесси (1698—1788), маршал Франции, веселый прожигатель жизни, один из наиболее ярких представителей двора Людовика XV.

14. *Temps fortuné, marqué par la licence...* — цитата из „Орлеанской девственницы“ Вольтера, песнь XIII.

Перевод:

Счастливое время, отмеченное вольностью,
Когда безумие, звеня своей погремушкой,
Легкими стопами обегает всю Францию,
Когда ни один из смертных не считает нужным быть набожным,
Когда люди делают всё, только не каются.

14. *Он присутствовал на ужинах, одушевленных молодостью Аруэта и старостию Шолье, разговорами Монтескье и Фонтенеля... — Жан-Мари Аруэ*—Вольтер; *Шолье*, Гильом (1639—1720) — поэт, автор фривольных песенок и посланий; *Монтескье*, Шарль-Луи (1689--1755) — политический публицист и сатирик, автор „Персидских писем“ и „Духа законов“; *Фонтенель*, Бернар-

ле-Бувье (1657—1757)—ученый и публицист, автор известных „Разговоров о множественности миров".

14. *Ибрагима представил ей молодой Мервиль, почитаемый вообще последним ее любовником, что и старался он дать почувствовать всеми способами.*— Далее в рукописи зачеркнуто: „Графиню почитают, сказал он Ибрагиму, женщиной умной и холодною, имеющей любовников от нечего делать. Это мнение несправедливо. Она проста, имеет пылкие чувства, и любовь главное дело ее жизни. В обществе она рассеяна и ленива; это придает какую-то заманчивость ее словам. Ее странные вопросы, загадочные ответы вольно принимать за эпиграмматические выходки или за глупости. Мы, т. е. близкие ее приятели, из дружбы прославили ее оригинальность и остроту. Впрочем, она женщина самая добрая, самая милая. Познакомьтесь с нею короче: вы ее полюбите и удостоверитесь, что ограниченность ее ума почти незаметна от избытка простодушия и чувствительности".

Глава II

19. *Чем более удалялся он от Парижа, тем живее, тем ближе представлял он себе предметы, им покидаемые навек.*— Далее зачеркнуто: „Целый день он думал о графине Д., следовал сердцем за нею, казалось, был свидетелем каждого ее движения, каждой ее мысли. В часы, когда он обыкновенно с нею видался, он мысленно собирался к ней, входил в ее комнату, садился подле нее, разговаривал с нею,— и мечтание постепенно становилось так сильно, так ощутительно, что он совершенно забывался".

20. *Петр... вспомнил некоторые черты Ибрагимова младенчества и рассказывал их с таким добродушием и веселостию...*— Пушкин имел, вероятно, в виду анекдот, внесенный им впоследствии в *„Table-Talk"*: „Однажды маленький арап, сопровождавший Петра I в его прогулке, остановился за некоторой нуждой..." и пр. (см. т. V).

20. *Ученый Брюс, прослывший в народе русским Фаустом...*— *Брюс*, Яков Вилимович (1670—1735) — генерал-фельдцейхмейстер, сын шотландца русской службы, математик, астроном и натуралист, составитель первых русских печатных календарей, пользовавшийся репутацией чернокнижника и колдуна.

Глава III

21. *На другой день Петр по своему обещанию разбудил Ибрагима и поздравил его капитан-лейтенантом бомбардирской роты Преображенского полка, в коей он сам был капитаном...*—В Пушкинском переводе немецкой биографии Ганнибала этим строкам соответствовало: „Государь... сделал его (28 лет) бомбардирской роты л.-г. Преображенского полка, коего полка сам Петр был капитаном,—капитан-лейтенантом, в коем чине мог он государя всегда видеть без доклада". Это же место почти без перемен вошло в „Родословную Пушкиных и Ганнибалов". Судя по документальным данным, Абрам Ганнибал был назначен, на основании собственноручного указа Петра I от 4 февраля 1724 года, не капитаном, а поручиком бомбардирской роты Преображенского полка („Пушкин и его современники", вып. XVII—XVIII, 1913, стр. 217).

21. *Надменный князь Меншиков дружески пожал ему руку. Шереметев осведомился о своих парижских знакомых, а Головин позвал обедать...*— Князь *Меншиков*, Александр Данилович (1670—1729)—генерал-фельдмаршал, фаворит Петра I (см. упоминание о нем в „Полтаве": „Счастья баловень безродный / Полудержавный властелин); граф *Шереметев*, Борис Петрович (1652—1719)— генерал-фельдмаршал; *Головин*, Иван Михайлович (16..—1737)—генерал кригс-комиссар.

21. *Ибрагим видел Петра в Сенате, оспориваемого Бутурлиным и Долгоруким...* — *Бутурлин*, Иван Иванович (1661—1738)— генерал-аншеф, член военной коллегии, принимавший руководящее участие в крупнейших военно-судных процессах; князь *Долгорукий*, Яков Федорович (1639—1720)—сенатор, председатель ревизион-коллегии, известный своей независимостью и прямотою.

(См. о нем в *„Table-Talk“* „Славный анекдот об указе, разорванном князем Яковом Долгоруким, рассказан у Голикова ошибочно...“ и пр.). О спорах Бутурлина и Долгорукого с Петром см. в „Русской Старине“ очерк А. Корниловича, СПБ 1825, стр. 21—23.

21. *Видел его с Феофаном, Гавриилом Бужинским и Копиевичем... — Феофан Прокопович* (1681—1736) — архиепископ Новгородский, ближайший сотрудник Петра по делам церковного управления, известный своим свободомыслием и борьбой с схоластикой и догматизмом; *Гавриил Бужинский* (1680—1731)—обер-иеромонах флота, директор всех московских и петербургских типографий, переводчик многих исторических работ и публицистических трактатов; *Копиевич*, Илья Федорович (умер около 1707 года) — лютеранский пастор, родом белорусс, организатор русской типографии в Амстердаме, переводчик и составитель учебников. В 1834 году Пушкин упомянул этих сподвижников Петра в „Путешествии из Москвы в Петербург“: „Петр Великий бросил на словесность взор рассеянный, но проницательный. Он возвысил Феофана, ободрил Копиевича...“

23. *Государь престранный человек, вообрази, что я застал его в какой-то холстяной фуфайке, на мачте нового корабля, куда принужден я был карабкаться с моими депешами. Я стоял на веревочной лестнице и не имел довольно места, чтоб сделать приличный реверанс.* — Эпизод этот основан на рассказе А. О. Корниловича о приеме Петром бранденбургского посла фон-Принца: „Аудиенция сия была верно единственная в своем роде. Посланник, не полагая, чтоб государь вставал так рано, думал, что не опоздает, явившись во дворец в пять; но уже не застал Петра. Он был на верфи и работал на марсе какого-то военного корабля. Фон-Принц... принужден был отправиться вслед за ним в адмиралтейство. „Пусть побеспокоится взойти сюда, если не умел найти меня в назначенный час в аудиенц-зале“, сказал Петр, когда ему доложили о приезде. Посланник принужден был по веревочной лестнице взбираться на грот-мачту, и государь, сев на бревно, принял от него верющую грамату и обыкновенные при подобных случаях приветствия под открытым небом, на корабельном марсе“ („Русская Старина“ 1825, изд. 2-е, стр. 24—26).

Глава IV

27. *В ту же минуту старая женщина, набеленная и нарумяненная, убранная цветами и мишурою, в штофном робронде, с открытой шеей и грудью, вошла припевая и подплясывая. Ее появление произвело общее удовольствие. „Здравствуй, Екимовна“, — сказал князь Лыков...* — Строки эти восходят к материалам А. О. Корниловича „Об увеселениях русского двора при Петре I“: „В праздничные дни, или когда случались гости, дура, разряженная как 18-летняя девушка, забавляла собрание прыжками, кривляньем и пеньем. Преимущественно старались выбирать для сего старых женщин, полагая, что чем дура старее, тем она охотнее к рассказам и тем забавнее в пляске...“ („Русская Старина“ 1825, изд. 2-е, стр. 97—98).

28—29. *Ох уж эти мне ассамблеи... Да и прилично ли, сударыня, русской боярыне или боярышне находиться вместе с немцами-табачниками, да с их работницами? Слыхано ли дело — до ночи плясать и разговаривать с молодыми мужчинами.*—Строки эти восходят к очерку А. О. Корниловича „О первых балах в России“: „Матушки, воспитанные по старине, неохотно повиновались воле государевой и жаловались на развращенное время, в которое девушкам позволялось, не краснея, разговаривать и даже (чего боже сохрани) прыгать с молодыми мужчинами“ („Русская Старина“, стр. 102).

30. *О походе 1701 года*—занятие шведской армией Курляндии и Польши после разгрома русских под Нарвою в 1700 году.

Глава V

34. *От жены я не стану требовать любви: буду довольствоваться ее верностию, а дружбу приобрету постоянной нежностию, доверенностию и снисхожде-*

нием. — Строки эти очень близки позднейшему письму Пушкина от 5 апреля 1830 года к матери его невесты: „Привычка и долгая близость одни могли бы помочь мне заслужить расположение вашей дочери; я могу надеяться привязать ее к себе с течением долгого времени, — но во мне нет ничего, что могло бы ей нравиться. Если она согласится отдать мне свою руку, — я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца". (Подлинник по-французски.)

34. Зачеркнутая концовка главы пятой: На другой день, следуя во всем советам государя, приехал он к Гавр‹иилу› Аф‹анасьевичу› и был принят как жених, хоть и не мог видеть свою невесту. Ему сказали, что она ушиблась, прыгая неосторожно с своими подружками. С тех пор Ибрагим всякой день ездил к своему будущему тестю и своим почтительным и ласковым обхождением, кротким и образованным умом во время болезни Н‹атальи› Г‹авриловны› снискал не только дружество отца, но и уважение князя Лыкова и благосклонность доброй Татьяны Афанасьевны, которая не раз со вздохом говорила своему брату: лучшего жениха грех нам и желать; а жаль, что он арап.

Глава VI

36. *Но знаешь пословицу: не твоя печаль чужих детей качать...* — Строки эти записаны Пушкиным на особом листе в ряду других занимавших его старинных пословиц и поговорок (см. т. V). В печатных сборниках пословиц она известна, однако, в другой редакции: „Не твоя печаль *кому* детей качать".

Повести покойного Ивана Петровича Белкина

Печатается по изданию „Повести, изданные Александром Пушкиным", СПБ. 1834, стр. 3—158, с исправлениями по автографу (*ЛБ*, папка № 2379). Впервые опубликовано в 1831 году, без имени автора („Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.", СПБ 1831, 12°). Все повести писаны во время пребывания Пушкина осенью 1830 года в Болдине. Самая ранняя из них („Станционный смотритель") снабжена в рукописи датой 14 сентября, а последняя („Метель") окончена 20 октября 1830 года. Предисловие же („От издателя"), объединившее повести и связавшее их с именем Белкина, написано было не раньше июля — августа 1831 года (автограф его см. в *ЛБ*, тетрадь № 2387, лл. 14—19), причем Пушкин широко использовал для него вводную часть брошенной „Истории села Горюхина" (см. далее, стр. 725—726). О переключении в „Повести Белкина" материала неоконченных повестей 1829 года см. далее. В самом еще начале работы над будущим циклом на листе, занятом планом „Станционного смотрителя", Пушкин набросал перечень задуманных им повестей и пословицу, намеченную, вероятно, эпиграфом ко всему циклу:

[Гробовщик]
Барышня-крестьянка
Ст. Смотритель
+ Самоубийца
Зимнее ‹?› приключ.‹?›
А вот то будет, что
и ничего не будет.
Пословица Св‹ятогорского›
игумена.

Заголовки двух последних повестей (расшифровка второй весьма условна) соответствовали, вероятно, начальному замыслу „Выстрела" и „Метели".

9 сентября 1830 года, закончив первую из своих повестей, Пушкин писал П. А. Плетневу из Болдина: „Что за прелесть здешняя деревня! Вообрази: степь да степь, соседей ни души; езди верхом сколько душе угодно, пиши дома, сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы и стихов".

20 октября дописана была последняя повесть цикла („Метель“), но только 9 декабря Пушкин „весьма секретно“ осведомил Плетнева о том, что написано им „прозою пять повестей, от которых Баратынский ржет и бьется“, но что напечатать повести эти „придется Anonyme: под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает“. Перспективы анонимного издания, очевидно, не очень вдохновляли Пушкина, ибо только в феврале 1831 года, извещая Плетнева о своих денежных затруднениях, он предупредил последнего о необходимости приступить к изданию: „Делать нечего: придется печатать мои повести. Перешлю тебе на второй неделе, а к святой и тиснем“. В первых числах апреля 1831 года Пушкин читал в Москве свои повести М. П. Погодину („Пушкин и его современники“, вып. XXIII—XXIV, 1916, стр. 112), а 3 июля 1831 года, уже из Царского Села, писал Плетневу: „Я переписал мои 5 повестей и предисловие, т. е. сочинения покойника Белкина, славного малого. Что прикажешь с ними делать? Печатать ли нам самим или сторговаться со Смирдиным?“

В этом письме Пушкин впервые фиксировал свое предположение об объединении болдинских повестей образом и именем Белкина. Переключая для этого в предисловие к „Повестям“ художественную биографию Белкина из рукописной „Истории села Горюхина“, Пушкин построил всю систему маскировки подлинного автора повестей по методам подобных же мистификаций в вводных очерках и примечаниях „от издателя“ в романах Вальтер Скотта,* с тою, однако, разницей, что предисловие Пушкина являлось случайной позднейшей надстройкой, композиционной фикцией, а не органической частью повествования.

К июлю — августу 1831 года относится и проект титульного листа повестей (тетрадь № 2387 В, л. 20), в котором намечено было несколько затем измененное название цикла — „Краткие повести покойного И. П. Белкина“ — и выписан автограф из „Недоросля“, сохраненный и в печатной редакции повестей. В это же время (судя по цвету чернил) на обороте обложки „Барышни крестьянки“ составлено было Пушкиным оглавление будущей книги и заготовлены эпиграфы к повестям:

Предисловие

Гробовщик.

Не зрим ли каждый день гробов,
Седин дряхлеющей вселенной?

Державин.

Смотритель.

Коллежский регистратор,
Почтовой станции диктатор.

Князь Вяземский.

Барышня крестьянка.

Во всех ты, душенька, нарядах хороша.

Богданович.

Выстрел.

Теперь сходитесь...

„Евг. Онегин“.

Метель.

Вдруг метелица кругом,
Снег валит клоками,
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями.
Вещий стон гласит печаль...
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль
Воздымая гривы...

Жуковский.

В этом плане порядок размещения повестей точно соответствовал датам работы Пушкина над ними, но перед самой сдачей в печать „Выстрел“ и „Метель“ передвинуты были в начало сборника — с тем, очевидно, расчетом, чтобы последовательность повестей точно соответствовала их внутренней хронологии.

Около 15 августа 1831 года Пушкин отправил рукопись повестей через Гоголя

* Об этом см. материалы Д. П. Якубовича „Предисловие к повестям Белкина и повествовательные приемы Вальтер Скотта“ („Пушкин в мировой литературе“, Л. 1928 года 160—187).

в Петербург Плетневу с просьбой отдать их в цензуру и приступить к изданию. Предисловие в это время еще готово не было, ибо Пушкин обещал его „прислать после". В этом же письме Пушкин предупреждал о необходимости „Смирдину шепнуть мое имя, с тем, чтобы он перешепнул покупателям". 5 сентября 1831 года Плетнев писал Пушкину: „Повести Ив. Петр. Белкина из цензуры получены. Ни перемен, ни откидок не воспоследовало... Не задержишь ли ты издания присылкой Предисловия и уморительно смешного эпиграфа?" Опасения Плетнева не оправдались, и в конце октября повести вышли в свет.

Очень характерен рассказ П. И. Миллера о его встрече с Пушкиным вскоре после выхода в свет „Повестей Белкина": „Я и не подозревал, что автор их — он сам".—„Какие это повести? И кто этот Белкин?" — спросил я, заглядывая в книгу. „Кто бы он там ни был, а писать повести надо вот этак: просто, коротко и ясно" („Русский Архив", 1902, кн. III, стр. 234).

Критика встретила „Повести Белкина" очень сдержанно. Псевдоним Пушкина был разгадан немедленно, что не помешало рецензенту „Московского Телеграфа" отметить: „Лучшею из всех повестей Белкина нам показалась — „Станционный смотритель". В ней есть несколько мест, показывающих знание человеческого сердца. Забавна и шутка, названная „Гробовщик". Зато в повестях: „Выстрел", „Метель" и „Барышня крестьянка" нет даже никакой вероятности, ни поэтической, ни романической. Это фарсы, затянутые в корсете простоты" („Московский Телеграф" 1831, № 21, ноябрь, стр. 254—256). Более положителен был отзыв рецензента „Северной Пчелы" (вероятно, бар. Е. Ф. Розена). Отметая жалобы на то, что „содержание сих повестей слишком просто, что, прочитав некоторые из них, спрашивают: только то?" — критик признавал, что все повести „рассказаны мастерски: быстро, живо, пламенно, пленительно", и заключал свою заметку интересной информацией: „У поэта, которому довелось издавать сии рассказы, есть, говорят, еще препорядочный запасец сочинений покойного его приятеля" („Северная Пчела" 1831, № 255).

Подготовляя весной 1834 года к печати сборник своих „Повестей", Пушкин включил в него и „Повести Белкина", ограничившись беглой стилистической правкой лишь нескольких строк старого текста. Разрешенный цензурой 19 июля, сборник вышел в свет в конце августа 1834 года.

Отклики печати на переиздание „Повестей" были еще более неблагоприятны, чем рецензии 1831 года.

Варианты предисловия

Рукописная редакция предисловия хранится в *ЛБ*, тетрадь № 2387 В, лл. 14—19.

Важнейшие черновые варианты, впервые опубликованные В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 12, стр. 571—572:

43. [Рукописное собрание повестей, предлагаемых ныне публике], доставлено нам М. И. Б. [дальной] ближайшей родственницей и наследницей покойного автора. Взявшись хлопотать об издании...

44. *Смерть его родителей, почти в одно время приключившаяся, понудила его подать в отставку и приехать в село Горюхино, свою отчину.* [Описание приезда его почерпнуто мною из его рукописи, мне им подаренной, полагая, что вам оное любопытно будет* —(*Здесь выпущен довольно длинный отрывок из одной пространной рукописи, нами приобретенной и которую надеемся издать, если сии повести благосклонно приняты будут публикою)].

45. Ни образом мыслей, ни нравом мы большею частию друг с другом не сходствовали. В доказательство сего приведу пример. Перед обедом, какая бы ни была погода, обыкновенно езжу я верьхом или осматривая поля и работы, или занимаясь охотою или просто прогуливаясь, что моему здоровью отменно полезно и даже необходимо. П. И. [служивший в пехотном полку], не имев привычки к верьховой езде,

долго опасался следовать моему примеру, наконец решился потребовать лошадь. Я приказал для него оседлать самую смирную изо всей моей конюшни — и поехал шагом, ибо рысь могла показаться ему с непривычки ездой слишком опасною и беспокойною — к тому и лошадь его давно от нее отвыкла. П. И. сидел довольно бодро и начинал уже приноравливаться к движению коня, — как я подъехал к риге, на которой молотили, остановился поговорить [с молотившими бабами] со старостою. Следуя моему примеру и лошадь П. И. стала. Но он от незапного сотрясения, потеряв равновесие, упал и расшиб себе руку. — Сие нещастие и смех, от коего не мог я воздержаться, не помешали ему и впредь сопровождать меня в моих прогулках, и впоследствии приобрел он некоторый навык к верьховой езде — сему столь же полезному, как и благородному упражнению.

Включенное в предисловие письмо ненарадовского помещика, „почтенного мужа, бывшего другом Ивану Петровичу“, сохранилось в бумагах Пушкина и в начальной своей редакции (*ПД*, автограф из собрания А. Ф. Онегина; впервые опубликован в сборнике „Неизданный Пушкин“, П. 1922):

„Сердечно радуюсь, что рукопись, которую имел я честь вам препроводить, показалась вам достойной некоторого внимания. Спешу исполнить волю вашу, доставив вам все сведения, кои мог я получить касательно покойного моего друга.

Петр Иванович Д — родился в Москве в 1801 году от честных и благородных родителей. П. И. воспитывался во 2 кадетском корпусе, где несмотря на чрезвычайную нежность здоровья и слабость памяти оказал он довольно значительные успехи в науках. — Его прилежание, хорошее поведение, скромность и доброта заслужили ему любовь наставников и уважение товарищей.

В 1818 году был он выпущен офицером в Селенгинский пехотный полк, в коем он и служил до 1822. В сие ⟨время⟩ лишился он матери и расстроенное здоровье принудило его взять отставку. Он поселился в N-ском у., в сельце Горюхине, где и провел остальные дни краткой своей жизни. —

Быв его опекуном, желал я сдать ему его имение на законном основании, но П. И. по природной беспечности никогда не мог решиться пересмотреть щетные книги, планы, бумаги мною ему представленные. Насилу уговорил его поверить по крайней мере расход и приход последних двух лет — но он довольствовался пересмотром одних итогов, по коим заметил, что кур, гусей и телят и прочей дичи умножилось почти вдвое, благодаря хорошему надзору, хотя, к сожалению, число мужиков значительно уменьшилось по причине повальной болезни, свирепствовавшей в нашем краю. — Предвидя, что беспечность его характера не допустит его заниматься хозяйством, я предлагал ему продолжение своего управления, на что он не согласился, совестясь налагать на меня лишние хлопоты.

Я советовал ему по крайней мере пустить крестьян на оброк и тем избавить самого себя от всякой хозяйственной заботы; предположение мое было им одобрено, однако, не привел его в исполнение за *недосугом*. Между тем хозяйство остановилось, крестьяне не платили оброка и перестали ходить на барщину, так что не было во всем околотке помещика [более любимого] и менее получающего дохода“.

Выстрел

Повесть, как свидетельствует рукопись, первоначально обрывалась после первой главы авторской ремаркой: *Окончание потеряно*. Датирована была эта редакция „Выстрела“: 14 октября 1830. Болдино („14“ переправлено на „12“). Тем же числом датирована и глава вторая, написанная дополнительно. Повесть не имеет в рукописи ни

заголовка, ни эпиграфов. Первый эпиграф впоследствии взят был из „Бала" Баратынского, второй — из „Вечера на бивуаке" Бестужева-Марлинского. В начале главы второй, после слов „Уединение было сноснее", в рукописи и в первопечатном тексте следовали строки, изъятые из издания 1834 года: „Наконец решился я ложиться спать как можно ранее, а обедать как можно позже; таким образом укоротил я вечер и прибавил долготы дней и обретох, яко се добро есть".

Прототипом героя повести, Сильвио, явился один из кишиневских приятелей Пушкина и автор известных мемуаров о нем, маиор И. П. Липранди. Образ Сильвио не свободен, впрочем, и от чисто литературных воздействий. Не вызывает сомнений и известная родственность образов героев „Выстрела" и почти одновременно писавшихся сцен „Моцарта и Сальери".[1]

51. *Я перепил славного Б***, воспетого Д. Давыдовым.* — Бурцов, Александр Петрович (178 . — 1813), офицер Белорусского гусарского полка, по свидетельству мемуаристов, „величайший гуляка и забулдыга", увековеченный Д. В. Давыдовым в „Гусарском пире" и в двух посланиях („Бурцов, ера, забияка" и „В дымном поле, на биваке").

52. *С тех пор не прошло ни одного дня, чтоб я не думал о мщении. Нынче мой час настал.* — Строки эти почти дословно повторены в „Русалке": „Прошло семь долгих лет.../ Я каждый день о мщеньи помышляю, /И ныне, кажется, мой час настал".

56. *Сказывают, что Сильвио, во время возмущения Александра Ипсиланти, предводительствовал отрядом этеристов и был убит в сражении под Скулянами.* — Об Александре Ипсиланти и сражении 29 июня 1821 года под Скулянами см. повесть „Кирджали" (1834) и примечания к ней, стр. 743 настоящего тома.

Метель

План повести находится среди черновиков „Моей родословной" (автограф *ПД*):

Помещик и помещица, дочь их, бедный помещик сватается, отказ. Увозит ее, — Метель. — Едет мимо, останавливается, барышня больна. Он едет с отч<аяния> в армию. Убит. Мать и отец умирают. Она помещица. За нею сватаются. <*Нрзбр*> — Полковник приезж. Объяснение.

Дата окончания повести 20 октября 1830 года. Заголовок и эпиграф (взятый из „Светланы" Жуковского) в рукописи отсутствуют. Черновой вариант начала „Метели" дошел до нас в следующей редакции:

„В конце 1811 года, в эпоху, столь живо описанную Ф. Н. Глинкою, жил в Нижегородском поместии своем добрый Гаврила Гаврилович Р**, с женою, [румяной] белой, веселой и еще свежею бабою, большой охотницей до виста, и с 17-летней дочерью, меланхолической девицей, бледной и стройной.

Гаврила Гаврилович славился во всей округе гостеприимством и радушием. Соседи поминутно ездили к нему, поесть, попить, поиграть с Парасковьей Петровной по 5 коп. в бостон, а некоторые и для того, чтобы поглядеть на Марью Гавриловну. Она считалась богатой невестою — и многие прочили ее за себя или за сыновей.

Марья Гавриловна была воспитана на [чистом воздухе] французских романах, и следственно была влюблена. Предмет, избранный ею, был старший сын одного бедного соседа, обремененного долгами и многочисленным семейством".

Этот вариант начала „Метели" обнажает совершенно непосредственную связь

[1] Об источниках „Выстрела" см. ценную сводку данных в очерке Л. П. Гроссмана „Исторический фон „Выстрела" в сборнике его статей „Цех пера", М. 1930, а также заметки Н. О. Лернера „К генезису „Выстрела" („Звенья", кн. V, М. — Л. 1935, стр. 125—133).

ее с прозаическими набросками Пушкина, относящимися к 1829 году. Мы имеем в виду „Роман в письмах“ (см. далее, стр. 764) и отрывок „В начале 1812 года полк наш стоял в небольшом уездном городе“. (Ср., например, в последнем строки: „Всего чаще посещали мы дом городничего. Он был взяточник, балагур и хлебосол, жена его свежая веселая баба, большая охотница до виста, а дочь — стройная меланхолическая девушка лет 17, воспитанная на романах и на бланманже“.) Из вариантов рукописной редакции „Метели“ заслуживают внимания еще два, в которых Пушкин предполагал вернуться к образу одного из приятелей первого жениха Марьи Гавриловны — „мальчика лет шестнадцати, недавно поступившего в уланы“. После строк „Марья Гавриловна все попрежнему окружена была искателями“ (стр. 63) в рукописи было:

„В числе новых двое казалось оспоривали между собою первенство, удалив всех прочих соперников. Один из них был сын уездного предводителя, тот самый маленький улан, который некогда клялся в вечной дружбе бедному нашему Владимиру, но ныне хохотун, обросший усами и бакенбардами [и смотрящий] настоящим Геркулесом. Другой был раненый гусарский полковник, лет около 26, с Георгием в петлице, и с интересной бледностию (как говорили тамошние барышни)“.

Перед абзацем же: „Бурмин был, в самом деле, очень милый молодой человек“,— в рукописи было:

„Правда и то, что уланский Геркулес, казалось, имел над нею особенную власть. — Они были между собою короче и откровеннее. — Но всё это (по крайней мере с ее стороны) походило более на дружество, чем на любовь. Заметно было даже, что волокитство молодого улана иногда ей досаждало — и редко его шутки приняты были ею благосклонно. Раненый гусар менее шумел и смеялся, но кажется успевал гораздо более“.

Некоторые тематические детали интриги „Метели“ очень близки завязке романа Вальтер Скотта „Сен-Ронанские воды“ (тайный брак, подмена жениха девушки другим лицом, следствия этой ошибки, определяющие дальнейший ход и финал повествования). Самое же описание метели повторяет соответствующие строки „Бесов“ („Мчатся тучи, вьются тучи“), написанные в Болдине 7 сентября 1830 года, т. е. за полтора месяца до повести.

63. *Артемиза* — вдова галикарнасского царя Мавзола; памятник, воздвигнутый ею на могиле мужа (IV в. до н. э.) считался одним из „семи чудес света“.

63. *Музыка играла завоеванные песни: Vive Henri Quatre, тирольские вальсы и арии из Жоконда.* — „*Vive Henri Quatre*“ — куплеты из комедии Шарля Колле „Генрих IV на охоте“ (1774), пользовавшиеся исключительной популярностью в первые годы Реставрации; „*Жоконд* или искатель приключений“ — комическая опера Николая Изуара, шедшая с большим успехом в 1814 году в Париже.

63. „*И в воздух чепчики бросали*“ — цитата из „Горе от ума“.

63. „*Se amor non è; che dunche*“ — усеченный стих из XXXVIII сонета Петрарки („s'Amor non è; che dunque è quel chi sento?“).

65. *Первое письмо St. Preux.* — *Сен-Пре* — герой романа Жан-Жака Руссо „Юлия или Новая Элоиза“ (1761).

Гробовщик

Повесть датирована: 9 сентября 1830, Болдино. Заголовок и эпиграф (взятый из оды Державина „Водопад“) в автографе отсутствуют. О прототипе героя повести, гробовщике Адриане, мастерская которого находилась напротив дома Гончаровых в Москве, на Б. Никитской (этот же адрес гробовщика дан и в повести), сохранилось

любопытное упоминание Пушкина в письме к невесте от 4 ноября 1830 года из Болдина: „Как вам не стыдно оставаться на Никитской во время чумы? Это очень хорошо для вашего соседа, Адриана, который от этого большие барыши получает, но Наталья Ивановна, но вы? ей же ей, я вас не понимаю“.

На стр. 70, после слов „Целый день разъезжал с Разгуляя к Никитским воротам и обратно“ в рукописи было:

„К вечеру всё сладил и приехал домой уже поздно. В светлице не было огня; дочери его давно спали. Он долго стучался у калитки, пока сонный дворник его не услышал. Адриан разбранил его по своему обыкновению и отправил его *дрыхнуть*, но в сенях гробовщик остановился — ему показалось, что люди ходят по комнатам. Воры! была первая мысль гробовщика; он был не трусливого десятка, первым его движением было войти как можно скорее — Но тут ноги его подкосились, и он от ужаса [чуть не упал] остолбенел“.

67. *Шекспир и Вальтер Скотт оба представили своих гробокопателей людьми веселыми и шутливыми...* — Пушкин имеет в виду „Гамлета“ (действие V) и „Ламмермурскую невесту“ (глава XXIV).

69. *Как почталион Погорельского...* — один из персонажей повести Антония Погорельского (псевдоним А. А. Перовского) „Лафертовская маковница“ (1825).

69. *„С секирой и в броне сермяжной“...* — цитата из стихотворения А. Е. Измайлова „Дура Пахомовна“.

Станционный смотритель

План повести, сохранившийся в бумагах Пушкина, не соответствует в некоторых своих частях окончательной ее редакции:

„Рассуждение о см⟨отрителях⟩ — вообще люди несчастные и добрые. Приятель мой смотритель вдов⟨ец⟩. Дочь. Тракт сей уничтожен. Недавно поехал я по нем. Дочери не нашел. История дочери. Любовь к ней писаря. Писарь за нею в П. б., видит ее на гуляньи. Возвр⟨атясь⟩, находит отца мертвым. [Дочь приезжает]. Могила за околицей. Еду прочь. Писарь умер. Ямщик мне рассказывает о дочери“.

Дата окончания повести, как свидетельствует ее черновая рукопись: 14 сентября 1830 года, Болдино („14“ переделано из „10“). Заголовок и эпиграф (взятый из „Станции“ кн. П. А. Вяземского) в рукописи отсутствуют. Эпизод с растоптанными деньгами (стр. 79, от слов „Долго стоял он неподвижно...“ и кончая „Смотритель за ним не погнался...“), отсутствующий в черновой редакции повести (где его заменяли строки: „Думал он, думал и наконец сознался в душе, что молодой человек прав. Старик решился отправиться домой“), набросан дополнительно в тетради *ЛБ*, № 2387 В, л. 19 (на обороте предисловие к „Повестям,“ т. е. не раньше лета 1831 года). Отсутствует в рукописи повести и известное описание картинок, изображавших историю блудного сына. Вся эта страница почти дословно перенесена была в 1831 году в печатную редакцию „Станционного смотрителя“ из начатой Пушкиным в 1829 году повести о прапорщике Черниговского полка („4 мая произведен я в офицеры“, см. далее стр. 768). В несколько переработанном виде включен в повесть и набросок, первоначально предназначавшийся, возможно, для эпиграфа к ней:

„В трех верстах от станции стало накрапывать и через минуту проливной дождь вымочил меня до последней нитки. Приехав на станцию, первая забота моя была поскорее переодеться, вторая поскорее поехать.

Нет лошадей, сказал мне смотритель и подал мне книгу в оправдание слов своих. — „Как нет лошадей!“ закричал ⟨я⟩ с гневом, отчасти притворным.

Из записок мол⟨одого⟩ чел⟨овека⟩“.

74. *Долго не мог я привыкнуть и к тому, чтоб разборчивый холоп обносил меня блюдом на губернаторском обеде...* — Об автобиографической значимости этих строк свидетельствует „Путешествие в Арзрум“, глава вторая (обед у Тифлисского губернатора, стр. 406).

74. *Вся в покойницу мать.* — В рукописи далее зачеркнуто:

„А давно ли ты хозяйку схоронил“ — Да вот уже четвертый год пошел. — Тут вошел мой *старый* ямщик (т. е. 20-летний ямщик, привезший меня; на большой дороге и стареются-то на почтовых) с требованием *на водку*; в то время народ не прашивал на чай. Но просвещение, исполински шагнув в последнее десятилетие...“

75. *Много могу я насчитать поцелуев...* и пр. — Рукописный вариант этих строк:

„Много могу насчитать я поцелуев
С тех пор, как этим занимаюсь,

но почему же не один не оставил во мне столь живое, столь сладостное воспоминание. И теперь при мысли о нем [кажется вижу ее томные глаза и вдруг исчезнувшую улыбку. — Кажется, чувствую теплоту ее дыхания и свежее напечатление губок].

Читатель ведает, что есть несколько родов любовей. [Любовь чувственная, платоническая, любовь из тщеславия, любовь 18-летнего сердца, и проч.] Но изо всех любовь дорожная самая приятная. Влюбившись на одной станции, нечувствительно доезжаешь до другой [а иногда и до третьей]. Ничто так не сокращает дороги. — Воображение, ничем не развлеченное вполне, наслаждается своими мечтаниями. Любовь безгорестная, любовь беспечная! Она [только] живо занимает нас, не утомляя нашего сердца, и угасает в первом городском трактире“.

78. *Из подорожной знал он, что ротмистр Минский ехал из Смоленска в Петербург.*—В рукописи фамилия гусара обозначена была „Л**“ и изменена, согласно специальному распоряжению Пушкина в письме к Плетневу в августе 1831 года: „В сказке *Смотритель* назвать гусара *Минским* и сим именем заменить везде ***“. Эту же фамилию, использованную в повести Погодина „Русая коса“, которую читал Пушкин в 1827 году, носит и герой неоконченной повести „Гости съезжались на дачу“ (1829) (см. далее, стр. 761).

80. *Дуня, одетая со всей роскошью моды, сидела на ручке его кресел, как наездница на своем английском седле.*—Строки эти восходят к „Физиологии брака“ Бальзака: „J'aperçus une jolie dame assise sur le bras d'un fauteuil, comme si elle eût monté un cheval anglais“ (1829).

Барышня крестьянка

Повесть датирована: 20 сент. ⟨1830 г.⟩ Болдино. 9 ч⟨асов⟩ в⟨ечера⟩. Заголовок и эпиграф (взятый впоследствии из „Душеньки“ Богдановича) в рукописи отсутствуют. В процессе работы над „Барышней крестьянкой“ Пушкиным был широко использован материал неоконченного „Романа в письмах“ (1829), откуда в новую повесть перешли рассуждения об „уездных барышнях, воспитанных в тени своих садовых яблонь“ (см. стр. 353), замечания писем 7 и 8 о линии поведения Владимира ** в кругу провинциальных помещиков и некоторые другие детали повествования (см. стр. 350—352). Самая интрига повести (переодевание героини крестьянкой или служанкой, в которую влюбляется герой, готовый вот-вот переступить социальные преграды, оказывающиеся, однако, мнимыми) напомнила ее первым читателям комедию Мариво „Le jeu de l'amour et du hasard“ (1730), широко известную в многочисленных переводах и подражаниях. В охотничьих же сценах „Барышни крестьянки“ (примирение старых врагов на стр. 91—92

и проч.) получили отражение соответствующие детали фабулы „Ламмермурской невесты“ Вальтер Скотта.

83. *Вышел в отставку в начале 1797 года.* — Дата отставки Берестова не случайна, ибо массовый уход со службы гвардейских офицеров после смерти Екатерины II был определенной формой протеста против реорганизации армии, начатой Павлом.

83. *„Но на чужой манер хлеб русской не родится“* — стих из „Сатиры“ кн. А. А. Шаховского в „Драматическом Вестнике“ 1808, № 18 (апрель), стр. 149.

85. *Особенность характера, самобытность (individualité), без чего, по мнению Жан-Поля, не существует и человеческого величия...* — вольный перевод французского текста сентенции Жан-Поля: „Respectez l'individualité dans l'homme; elle est la racine de tout ce qu'il a de bien“. Цитата эта заимствована из издания „Pensées de Jean-Paul, extraites de tous ses ouvrages“, Paris 1829, подаренного Пушкину в Москве 31 августа 1830 г.

85. *Два раза в год перечитывала Памелу...* — *„Памела,* или вознагражденная добродетель“ — роман Ричардсона (1740).

87. *Настя и тут ей помогла: она сняла мерку с Лизиной ноги, сбегала в поле к Трофиму пастуху и заказала ему пару лаптей по той мерке.* — В рукописи далее следовало: [„Изволь, отвечал старик, да зачем тебе, матушка, понадобились детские лапти“. — Не твое дело, отвечала Настя, скоро ли лапти поспеют. — „Завтра утром принесу“]. Пастух обещал принести их к завтрашнему утру, и Настя побежала прочь, распевая свою любимую песню: [Вечерней, румяной зарею].

Капитанская дочь
Не ходи гулять в полночь“.

93. *Рукава à l'imbécille торчали как фижмы у madame de Pompadour.* — Рукава, пышные у плеча и узкие у кисти; *фижмы* — широкий круглый каркас, на который надевались юбки у модниц XVIII в. *Мадам де-Помпадур* (1721—1764) — любовница короля Людовика XV.

95. *Ланкастерская система* — методика взаимного обучения, разработанная английским педагогом Ланкастером (1771—1838) и широко применявшаяся (главным образом в школах для взрослых) в России конца 10-х и начала 20-х годов.

95. *„Наталья, боярская дочь“* — историческая повесть Карамзина.

История села Горюхина

Печатается по черновому автографу *ЛБ*, тетрадь № 2387 А, лл. 2, 83, 3, 82, 4, 81, 5, 80, 6, 79, 9, 76, 10, 75, 7, 78, 8, 77, а также № 2387 В, лл. 13—14. Впервые опубликовано после смерти Пушкина в „Современнике“ 1837, т. VII, стр. 197—200, под произвольным названием „Летопись села Горохина“ с многочисленными искажениями и усечениями (частью цензурного порядка) в композиции и в тексте. Пропуски и неточности первопечатных текстов „Истории“ впервые были частично указаны В. Е. Якушкиным в его описании рукописей Пушкина („Русская Старина“ 1884, № 12, стр. 544—546 и 570—571). Пушкинское написание „Горюхино“ (вм. „Горохино“) восстановлено было С. А. Венгеровым в редактированном им изд. „Пушкин“ т. IV, СПБ. 1910, стр. 226—236, а правильная композиция всех фрагментов и новое чтение некоторых черновых деталей текста „Истории“ даны Б. В. Томашевским в Сочинениях Пушкина, Л. 1924, стр. 451—457. В настоящее издание внесены незначительные уточнения этого текста.

„История села Горюхина“ писана осенью 1830 года в Болдине, сразу же после окончания 20 октября последней из „Повестей Белкина“. В рукописи „Истории“ сохранились и две точные даты — 31 октября и 1 ноября,

проставленные Пушкиным после перечня „источников, послуживших к составлению „Истории села Горюхина“ (см. стр. 107) и после слов „Приступим теперь к самому повествованию“ (стр. 110).

Впечатления от болдинского крепостного быта, материалы о его прошлом и настоящем получили непосредственное отражение в хозяйственно-бытовых зарисовках „Истории“,[1] а чтение „Истории Русского Народа“ (выписки из последней сохранились на том же листе, где набросана программа „Истории села Горюхина“) дало материал для пародирования в некоторых местах „Истории села Горюхина“ приемов исторического повествования Н. А. Полевого, а может быть, и его предшественников („История Государства Российского“ Карамзина). Работа Пушкина над „Историей села Горюхина“ не была доведена до конца и осталась в его бумагах, ибо критическое отношение к крепостной действительности, не говоря уже об элементах острой социально-политической сатиры, которые обнажались в последних страницах „Истории“, исключало возможность появления ее в печати.

Летом 1831 года Пушкин воспользовался началом брошенной рукописи „Истории села Горюхина“ для предисловия к изданию своих болдинских повестей, куда перенесен был им и самый образ Белкина, и детали его биографии, и даже фамилия (см. об этом выше, стр. 717).

В бумагах Пушкина сохранилась детальная программа „Истории села Горюхина“ (автограф из собрания И. А. Шляпкина в *ПД*) и два наброска плана начальных страниц (*ЛБ*, тетрадь № 2387 А, лл. 1, 76, 75 об.).

⟨1.⟩

Уважение мое к званию писателя, поэтов в особенности.

Встреча с Булгариным и Милоновым. Любовь.

Попытки мои в разных родах.

[1] Об этом см. материалы П. Е. Щеголева, „Пушкин и мужики“, М. 1928, стр. 61—93.

В повестях.

В истории: всеобщей, России, губернского города. Уездный город не имеет истории.

Приезд мой в деревню.

Родословная моя, мысль писать историю.

Календари. Изустные предания. Летопись попа. Ревижские сказки с описанием мужиков.

Географическое описание деревни.

Баснословные времена.

Правление старосты.

Приказчик.

Приезд моего прадеда тирана.

Дед мой управляет. Пожар.

Соседи. Повальная болезнь. Церковная история.

Отец мой. Стар. приказчик. *Бунт.*

Была богатая вольная деревня.

Обеднела от тиранства.

Поправилась от строгости.

Пришла в упадок от нерадения.

⟨2.⟩

Вступление.

Глава I.

[Географическое описание]. Статистическое обозрение Горюхина. [Описание]. Правл⟨ение⟩ и обитатели.

Число жителей. Архитектура. Церковь дерев. под. ⟨?⟩

⟨3.⟩

Торговля. Браки. Похороны. Одежда. Язык. Поэзия.

На том же листе, где набросан план „вступления“ и „главы I“, сохранились выписки и расчеты, явно относящиеся к работе над „Историей села Горюхина“:[1]

[1] Впервые частично опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 12, стр. 544; полностью — в сборнике „Рукою Пушкина“, 1935, стр. 510. Связь этих выписок с „Историей“ подтверждается тем, что первоначальной редакцией последней обозначалось, что „страна, по имени столицы своей Горюхиным называемая, занимает на земном шаре более 2 400 десятин“. Последний нуль в этой цифре был зачеркнут Пушкиным лишь в процессе дальнейшей работы.

5 400 десят. пашни
(покосу и кустарника 664)
лесу строевого и дровяного 2 000 д⟨уш⟩
под тростн. ([I] 176
под реками etc (48)
под бол⟨отом⟩ (17) деся.

2 400 десят. ⟨пашни⟩
Куст⟨арнику⟩ 66 десят.
лесу 100 деся⟨тин⟩
под — 8 десят. 5 400—2 000 душ
под реками 5 деся. 200 душ—540
100—240

С материалами этими, возможно, связана и запись, сделанная Пушкиным на особом листе. [1]

В сельце ** с деревнями в коих рев⟨изских⟩ душ 227—

Земли в единственном [имении] владении состоит
Пахотной 1 230 дес. 577 саж.
Сенокосу 46 дес.
Лесу дровяного и между оным покосу 826 дес.
По болоту лесу дровяного 8 дес.
Под дорогами и реками 21 десятина
На 1 200 саж.

Под селениями, огородами и под скотными дворами 34 дес.

Всего земли 2170 дес. 1750 саж.
В сем имении тягл на хлебопашество 120.

Ежегодного посева ржи . . 100 четв.
Овса . . . . 160 четв.
Жита . . . . 24 четв.
Пшеницы . . . . 4 четв.
Семя льняного . . . . . . 2 ч.
Гороху 1
Гречи 10

Промышленности особой крестьяне не имеют.

———

Создавая образ Белкина, литературные вкусы и интересы которого сложились под влиянием „Письмовника“ Курганова и уроков приходского дьячка, Пушкин частично трансформировал для своей „Истории“ памфлетно-полемический этюд, написанный им еще в 1827 году. Именно к герою этого памфлета, „одержимому благородною страстию к изящному вообще и к российской словесности в особенности“ (образ этот оживал и в недописанном памфлете 1829 года на редакционный коллектив „Вестника Европы“, изображенный в виде деятелей „Общества для распространения правил здравой критики Курганова и Тредьяковского“), восходили некоторые черты Ивана Петровича Белкина, с его „охотою к чтению и вообще к занятиям литературным“, пробужденною „Новейшим письмовником“.

[1] Автограф, хранящийся ныне в *ПД*, впервые опубликован П. Е. Щеголевым в книге „Пушкин и мужики“ 1928, стр. 65—66.

⟨Памфлетный набросок 1827 г.⟩ [1]

Если звание любителя отечественной литературы само по себе достойно уважения и что-нибудь да значит, то и я в мнении публики, не взирая на убожество дарований, имею право на некоторое ее внимание. Произошед в 1751 г. от честных, но недостаточных родителей, я не мог пользоваться источниками просвещения, открытыми в последствии времени в столь великом изобилии, и должен был довольствоваться уроками приходского дьячка, человека, впрочем, [довольно просвещенного] весьма образованного в смиренном своем звании. Сему-то почтенному мужу обязан я благородною страстию к изящному вообще и к российской словесности в особенности. Вверенный мне им Письмовник г. Курганова не выходил из моих рук, и восьми лет знал я его

[1] Автограф ЛБ, тетрадь № 2367, лл. 43—44. Впервые опубликовано (как якобы „начало Истории села Горюхина“) В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 5, стр. 349; точнее и полнее дано в „Полном собр. соч. А. С. Пушкина“ изд. 3, том V, стр. 576—577. На объявление В. С. Филимонова о его книге „Искусство жить“, помещенное в „Русском Инвалиде“ 1825, № 17, Пушкин откликнулся еще в письме к Вяземскому от 28 января 1825 г.: „Каков Филимонов в своем Инвалидном объявлении! Милый, теперь одни глупости могут еще развлечь и рассмешить меня. — Слава Фильмонову!“

наизусть. С того времени смело могу сказать, что не вышло из печати ни одного русского творения, ни одного перевода, ни одного русского журнала (включая тут хозяйственные и поваренные сочинения, также и месяцословы), коих бы я не прочитал или о коих, по крайности, не получил достаточного понятия. Старых людей обвиняют вообще в слепой привязанности к прошедшему и отвращении от настоящего. Но я не заслуживаю такого упрека. — Успехи нашей словесности всегда радовали [патриотическое] мое сердце и я не мог без негодования слышать в нынешних журналах нападки, столь же безумные, как и несправедливые, на произведения писателей, делающих честь не только России, но и всему человечеству, и вообще на состояние просвещения в любезнейшем нашем отечестве. Сии журналы не суть ли сами красноречивые доказательства исполинских успехов нашего просвещения. Какой из иностранных [журналов] превзойдет в глубокомыслии „Вестник Европы", в учености — „Северный Архив", в приятном разнообразии [„Московский Телеграф"], и в прочих достоинствах [„Сын Отечества", „Московский Вестник"], „Сев. Пчелу" и другие. В чем конечно согласятся почтенные издатели „Вестника Европы", „Северного Архива", „Московского Телеграфа" и проч. Сии-то несправедливые и без⟨умные⟩ нападения принудили меня в первый раз выступить на поприще писателей, надеясь быть полезным любезным моим соотечественникам, пока неумолимые Парки прядут еще нить жизни, как говорит г. Ф⟨илимонов⟩ в одном трогательном газетном объявлении о поступившей в продажу книжке своего сочинения.

Важнейшие черновые варианты

101. Я родился от честных и благородных родителей, в селе Горюхине 1801 года апреля 1 числа, и первоначальное образование получил от нашего дьячка [мужа просвещенного и весьма сведущего]. Сему-то почтенному мужу обязан я впоследствии развившейся во мне охотою к чтению и вообще к занятиям литературным. Успехи мои хотя были медленны, но благонадежны, ибо на десятом году от роду я знал уже почти всё то, что поныне осталось у меня в памяти, от природы слабой и которую, по причине столь же слабого здоровья, покойные родители [не приказывали] мне излишне отягощать.

Десяти лет привезен я был в Москву и отдан в партикулярный пансион [Франца Егоровича Ф.], где и пробыл три месяца, т. е. до самого нашествия Наполеона, во время коего нашествия пансион был распущен, и я возвратился в село Горюхино приобретши в пансионе только большой навык к игре, называемой лаптой, [коей обучил я вскоре и всех дворовых мальчиков]. По изгнании двухнадесяти языков.....

(1830)

105. Не долго искал я себе героя. Я выбрал Рюрика — и принялся за работу [Старинное вступление *пою* или *О муза* справедливо казалось мне рабским подражанием, недостойным свободного оригинального гения. Что касается до размера, то, не учившись никогда версификации, но получив некоторый навык, переписывая стишки, я избрал тот, которому более всего]

109. Однако ж россиянину [легче] понять горюхинца, [нежели горюхинцу русского, особенно воспитанного в ** университете].

110. Сии песни заимствованы большею частию из народных русских, сочиняемых солдатами, писарями и барскими слугами, но приноровлены весьма искусно ко нравам Горюхинским и к различным обстоятельствам.

---

101. „*Новейший письмовник*"—учебник русской грамматики и общеобразовательная хрестоматия, первое издание которой выпущено было в свет ее составителем, преподавателем морского корпуса Н. Г. Кургановым (1725—1796), в 1769 году, под названием „Российская универсальная грамматика или всеобщее письмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с седьмью присовокуплениями разных учебных и полезно-за-

бавных вещей“. Второе и третье издания (1777 и 1788 гг.) печатались под названием „Книга письмовник, а в ней наука российского языка с седьмью присовокуплениями“. В эти „присовокупления“ входили „краткие замысловатые повести“, „сбор разных пословиц и поговорок“, „сбор разных стиходейств“, нравоучительные рассуждения, исторические анекдоты, мифологические рассказы и т. п. В первой четверти XIX века „Письмовник“ продолжал многократно перепечатываться, уже не столько как учебное пособие, сколько как книга для чтения малограмотного люда. В эпиграмме „Литературное Известие“ Пушкин, характеризуя в 1829 году журнал, издаваемый „в Элизии“ Тредьяковским, подчеркивал литературную архаичность и беспомощность этого органа стихами:

Курганов сам над критикой хлопочет,
Блеснуть умом „Письмовник“ снова хочет.

101. *После генерала Племянникова, у которого батюшка был адъютантом...* — Генерал-аншеф П. Г. Племянников (умер в 1775 г.). Зачеркнутый вариант фамилии генерала—Вейсман, т. е. Отто-Адольф-Вейсман фон-Вейсенштейн, убитый у дер. Кучук-Кайнарджи в 1773 году.

104. *„Ненависть к людям и раскаяние“* — мелодрама Августа Коцебу.

104. *Г. Б., коего прекрасные статьи имел я счастие читать в Соревнователе Просвещения...* — Фаддей Булгарин. См. план „Истории села Горюхина“ стр. 726.

105. *К стихам приобрел я некоторый навык, переписывая тетрадки, ходившие по рукам между нашими офицерами, именно Опасного соседа, Критику на Московский бульвар, на Пресненские пруды и т. п.*— *„Опасный сосед“* — поэма В. Л. Пушкина, *„Булевар“* („Жаль расстаться мне с бульваром“), *„На Пресненские пруды“* („Я приду к прудам широким“) и „Разлука с Преснею“ („Пресня, милое гулянье“) — рукописные куплеты неизвестного автора, посвященные сатирической характеристике представителей московской дворянской общественности начала XIX века.

106. *Бессмертный труд аббата Милота* — „Всеобщая история“ в 14 частях, изданная в 1773 году и переведенная на русский язык в 1819—1820 гг.

108. ... *после Нибура непростительно было бы тому верить...* — *Нибур,* Георг (1776—1831) — автор „Римской истории“, основоположник критического источниковедения, популяризированный в России Н. А. Полевым, который посвятил ему свою „Историю Русского Народа“. Иронические замечания Пушкина о претенциозности и бестактности этого посвящения см. в его рецензии на первый том „Истории“ Полевого (1830).

111. *Но в течение времени родовые владения Белкиных раздробились и пришли в упадок. Обедневшие внуки богатого деда не могли отвыкнуть от роскошных своих привычек — и требовали прежнего полного дохода от имения, в десять крат уже уменьшившегося.* — Сходные автобиографические суждения Пушкина см. в „Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений“ („Ныне огромные имения Пушкиных раздробились и пришли в упадок, последние их родовые поместия скоро исчезнут, имя их останется честным единственным достоянием темных потомков некогда знатного рода“) и в „Романе в письмах“ („Мы проживаем в долг наши будущие доходы — и разоряемся; старость нас застает в нужде и хлопотах. Вот причина быстрого упадка нашего дворянства: дед был богат, сын нуждается, внук идет по миру“).

„Рославлев“

(Отрывок из неизданных записок дамы)

Печатается по беловому автографу *ЛБ*, тетрадь № 2387 Б, лл. 10, 12, 82, 13, 83, 14, 84, 15, 85 (первые три раздела) и по черновому автографу *ЛБ*, тетрадь № 2382, лл. 52 об. —47 об. (остальные три раздела; черновая редакция первых разделов „Росла-

влева“ занимает в этой же тетради лл. 63 об.—52). Впервые опубликовано (только первый раздел) самим Пушкиным в „Современнике“ 1836, т. III, стр. 197—203, под названием „Отрывок из неизданных записок дамы (1811 год)“, без имени автора, подпись которого заменена в конце публикации отметкой: „С французского“. Второй и третий разделы (не полностью) опубликованы в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. XI, 1841, стр. 115—119; остальные (также с большими сокращениями) в „Материалах для биографии Пушкина“ П. В. Анненкова, 1855, стр. 474—477. Цензурные искажения устранены были В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 12, стр. 555, и С. А. Венгеровым в изд. „Пушкин“, т. IV, 1910, стр. 247—252. В настоящем издании на основании рукописи уточнено чтение отдельных слов и строк.

Первый раздел „Рославлева“ в черновой рукописи датирован 2 июня 1831 года, остальные три дописаны, вероятно, не позже конца июня — первой половины июля 1831 года.

Роман Загоскина „Рославлев“ вышел в свет в самом начале июня 1831 года. Пушкин ожидал появления этого романа с большим нетерпением, судя по письму его к Е. М. Хитрово от 8 мая 1831 года из Москвы: „Роман Загоскина еще не вышел. Он был вынужден переделать несколько глав, где говорилось о поляках 1812 года. Поляки 1831 года причиняют гораздо более хлопот и их роман еще не кончен“. 3 июля 1831 года он же писал П. А. Вяземскому: „Рославлева прочел и очень желаю знать, каким образом ты бранишь его“. На замечание же П. А. Вяземского, что в „Рославлеве“ Загоскина „нет истины ни в одной мысли, ни в одном чувстве, ни в одном положении“, Пушкин отвечал 3 сентября 1831 года: „То, что ты пишешь о Рославлеве сущая правда; мне смешно читать рецензии наших журналов, — кто начинает с Гомера, кто с Моисея, кто с Вальтер Скотта; пишут книги о романе, который ты оценил в трех строчках совершенно полно, но к которым можно прибавить еще три строчки: *что положения, хотя и натянутые, занимательны; что разговоры, хотя и ложные, живы, и что всё можно прочесть с удовольствием*“.

По существу Пушкин не возражал против исторической концепции Загоскина, противопоставившего в своем романе политическое разложение и пораженческие настроения интернационализированной верхушки старого барства и придворной аристократии в 1812 году патриотическому подъему и гражданским доблестям дворянской массы и буржуазии. Однако он не был удовлетворен ни наивным дидактизмом „Рославлева“, ни схематизмом и трафаретностью его социально-бытовых и персонажных характеристик. Между тем круг исторических и художественных проблем, связанных с темою „Русские в 1811 — 1812 г.“, издавна занимал Пушкина. Политическая ситуация лета 1831 года (восстание в Польше, неудачи русских войск и определившаяся угроза иностранного вмешательства в русско-польские отношения) давала материал для необычайно острых сближений с эпохой, предшествовавшей вторжению Наполеона в Россию (см. письма Пушкина). Вместе с тем, своеобразная форма художественной полемики с Загоскиным легко маскировала и облегчала проведение в печать суждений Пушкина по таким актуальным общественно-политическим вопросам этой поры, как угроза прорыва в едином фронте дворянской общественности в момент французской интервенции, как оценка социального поведения разных групп правящего класса перед лицом внешнего врага. Корректируя в своем „Отрывке“ роман Загоскина, Пушкин в основу саркастической характеристики верхов дворянской общественности в 1812 году положил свои московские впечатления 1831 года: „Москва — это город ничтожества,— писал он 26 марта 1831 года Е. М. Хитрово, — политические новости доходят до нас поздно или искаженными. Около двух недель мы не знаем ничего определенного о Польше и ни у кого нет никакого беспокойства и нетерпения...— Мы жалки, мы печальны и тупо под-

считываем насколько сократились наши доходы". В черновых набросках „Путешествия из Москвы в Петербург" эти же наблюдения впоследствии были обобщены в строках: „Ныне нет в Москве мнения народного: ныне бедствие или слава отечества не отзывается в ее сердце. Грустно было слышать толки московского общества во время последнего польского возмущения. Гадко было видеть бездушного читателя французских газет, улыбающегося при вести о наших неудачах". Ср. в стихотворном наброске „Ты просвещением свой разум просветил" гневные строки об одном из этих „бездушных" пораженцев 1831 года: „Ты руки потирал от наших неудач. /С лукавым смехом слушал вести. /Когда бежали вскачь/ — — — — И гибло знамя нашей чести".

В предисловии Загоскина к „Рославлеву" отмечалось: „Интрига моего романа основана на истинном происшествии — теперь оно забыто; но я помню еще время, когда оно было предметом общих разговоров, и когда проклятия оскорбленных россиян гремели над главою несчастной, которую я назвал Полиною в моем романе". Эта ссылка на якобы „истинное происшествие", подсказав Пушкину форму его художественно-полемического этюда (показаниям Загоскина противопоставлялись свидетельства подруги Полины), едва ли обусловливала его отказ не только от типологии „Рославлева", но и от всех фабульных его линий. Между тем, перенеся из многочисленных действующих лиц „Рославлева" в свой „Отрывок из записок дамы" только Полину и Сеникура, Пушкин в своей переработке этих персонажей совершенно пренебрег материалом о них в романе Загоскина. В „Отрывке" Пушкина прежде всего не нашлось места самому Рославлеву, выразителю нравственных и политических идеалов Загоскина, жениху Полины и подлинному „герою" всего романа; Полина в „Рославлеве" Загоскина являлась дочерью провинциальной вдовы-помещицы Лидиной, меланхолической девушкой, без всяких общественно-политических запросов и интересов; с пленным французским полковником Сеникуром она встречалась еще в Париже, ее брак с ним — естественный результат их прежних отношений. Полина Пушкина — дочь московского знатного барина, ее жених не Рославлев, а „московский франт", пустоватый прожигатель жизни, типический представитель великосветской золотой молодежи 10-х годов; его гибель в Бородинском сражении не позволяет говорить и об измене Полины, ибо смерть жениха предшествует в „Отрывке" Пушкина роману с Сеникуром, и т. д. Судьба Полины Загоскина в последней части „Рославлева" выяснялась из ее предсмертной исповеди: „Скоро французы заняли нашу деревню. Муж мой сделался свободным, и мы отправились в Москву. Сеникур любил меня. Ужасные бедствия моих сограждан, пожар Москвы, беспрестанные слухи о покорении всей России, — всё это казалось мне какимто смутным, невнятным сновидением. Я жила только для него, видела одного его". При отступлении Полина следует за своим мужем („Адольф! — вскричала я, — мое отечество там, где ты; я забыла его для тебя"), который вскоре гибнет, она же добирается коекак до Данцига, рожает сына, умирающего от голода в осажденном городе, и погибает сама, смертельно раненная осколками русского снаряда.

Разумеется, эта мелодраматическая развязка была так же чужда Пушкину, как и вся сюжетная схема „Рославлева". Нет никаких оснований (ни тематических, ни биографических, ни текстологических) считать „Отрывок из записок дамы" произведением незаконченным. Особенностями художественной структуры, общественно-политических и литературно-политических заданий „Отрывка" была исключена возможность его дальнейшего развертывания, ибо последнее не могло бы уже не обнажить всей случайности и искусственности приурочения набросков Пушкина к „Рославлеву" Загоскина. Больше того: совершенно исчерпанным оказывался в „Отрывке" и известный нам по рукописям Пушкина фонд заметок его о дворянской общественности 1811—1812 гг., о

допожарной Москве, о пребывании г-жи де-Сталь в России и т. п. Еще в 1825 году, в полемике своей с А. А. Мухановым о г-же де-Сталь, Пушкин сослался в „Московском Телеграфе“ на „одну рукопись“, из которой процитировал строки о „благородной чужеземке, которая первая отдала полную справедливость русскому народу“ и пр. Автором этой „рукописи“ был, вероятно, сам Пушкин, а намеченная им здесь точка зрения на г-жу де-Сталь полностью оказалась усвоенной Полиной в „Отрывке из записок дамы“. В суждениях Полины развернута была и сентенция письма Пушкина к Вяземскому от 27 мая 1826 года: „Мы в сношениях с иностранцами не имеем ни гордости, ни стыда — при англичанах дурачим Василия Львовича; перед mad. de Stael заставляем Милорадовича отличаться в мазурке...“ Основной же фактический материал о пребывании г-жи де-Сталь в Москве Пушкин широко заимствовал из ее рассказов и рассуждений в книге „Dix ans d'exil“ (Paris 1820), которую весьма высоко ценил.

„Отрывки из неизданных записок дамы“ предназначались, вероятно, для „Литературной Газеты“. Однако прекращение в июле 1831 года этого издания и затянувшиеся хлопоты о газете, могущей ее заменить, обусловили задержку переписки и окончательной отделки „Отрывков“. Возвратился Пушкин к этой рукописи лишь в пору издания „Современника“, в 1836 году. Переписав набело три начальных раздела рукописи (до слов „Мы приехали в **, огромное село“) и озаглавив ее „Рославлев“, Пушкин, опасаясь цензурных осложнений, должен был, однако, ограничиться публикацией лишь первой главы (с характерной заменой слов „о нашей светской черни“ строкой „об этой светской мелочи“).

Набросок плана первых глав.

Москва [в 1811 году] тому 20 лет. — Полина г. Загоскина. — Ее семейство, ее характер. — M-me de Сталь в Москве. — Обед, данный ей [отцом Полины] князем ** — Ее записка. — Война с Н⟨аполеоном⟩. — Молодой граф Мамонов. — Мы едем из Москвы.

---

118. *Вот уже, слава богу, лет тридцать, как бранят нас бедных за то, что мы по-русски не читаем, и не умеем (будто бы) изъясняться на отечественном языке... Дело в том, что мы и рады бы читать по-русски, но словесность наша кажется не старее Ломоносова и чрезвычайно еще ограничена... Мы принуждены всё, известия и понятия, черпать из книг иностранных...* и пр. — Суждения эти частично формулированы были Пушкиным еще в статье 1825 года — „О предисловии г. Лемонте к переводу басен Крылова“ („Просвещение века требует пищи для размышления, умы не могут довольствоваться одними играми гармонии и воображения, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснились...“ и пр.), в „Отрывках из писем, мыслях и замечаниях“ 1827 года („Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии, полагая тому причиною незнание отечественного языка...“ и пр.), в черновых строфах третьей главы „Евгения Онегина“ (1824), перенесенных в рукописную редакцию главы седьмой (1828):

Сокровища родного слова,
Заметят важные умы,
Для лепетания чужого
Безумно пренебрегли мы.
Мы любим муз чужих игрушки,
Чужих наречий погремушки,
А не читаем книг своих —
Да где ж они? давайте их.
А где мы первые познанья
И мысли первые нашли,
Где поверяем испытанья,
Где узнаем судьбу земли?
Не в переводах одичалых,
Не в сочиненьях запоздалых,
Где русский ум и русский дух
Зады твердит и лжет за двух.

118. *Вечные жалобы наших писателей на пренебрежение, в коем оставляем мы русские книги, похожи на жалобы русских*

торговок, негодующих на то, что мы шляпки наши покупаем у Сихлера и не довольствуемся произведениями Костромских модисток. — Далее в рукописи Пушкина зачеркнуто: „[К тому же русские писатели обходятся с нами, как с детьми, издают особенные книжки для дам, полагают, что мы не в состоянии понимать ничего дельного, а должны довольствоваться пошлым и приторным враньем]“. Эти зачеркнутые строки восходят к „Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям“ 1827 года. См. след. примечание.

120. *Ma chère enfant...* Перевод: „Мое дитя, я совсем больна. С вашей стороны было бы очень любезно, если бы вы приехали оживить меня. Постарайтесь получить на то позволение вашей матушки и будьте так добры — засвидетельствуйте ей почтение подруги вашей. Де-С.“

124. *Он полагал, что с женщинами должно употреблять язык, приноровленный к слабости их понятий, и что важные предметы до нас не касаются. Таковое мнение везде было бы невежливо, но у нас оно и глупо. Нет сомнения, что русские женщины лучше образованы, более читают, более мыслят, нежели мужчины, занятые, бог знает чем.* — В этих строках использована Пушкиным его же заметка, сделанная в 1830 году в той же тетради, в которой сохранилась и черновая редакция „Рославлева“.

О дамах. [1]

Умная дама сказывала однажды, что если мужчина начинает с нею говорить о предметах ничтожных, как бы приноравливаясь к слабости женского понятия, то в ее глазах он тотчас обнаруживает свое незнание женщин. В самом деле не странно ли почитать женщин, которые так часто нас удивляют быстротою понятия, тонкостию чувств и разума, существами низшими в сравнении с нами?

„Даже люди (сказано в „Северных Цветах“) [выдающие себя за усерднейших почитателей прекрасного пола, не предполагают в женщинах ума, равного нашему, и, приноравливаясь к слабости их понятия, издают ученые книжки для дам, как будто бы для детей]“.

Это особенно странно в России, которая гордится [славою] женщин, царствовавших со славою, между прочим Екатериною II — и где вообще женщины более просвещены, более читают, более следуют общему в Европе ходу вещей, чем мы, гордые бог ведает почему.

Дубровский

Печатается по черновому автографу *ЛБ*, тетради № 2380 (особо сшиты т. I, объединяющий первые 8 глав, на 65 листах, и т. II, объединяющий следующие 11 глав, на 62 листах) и № 2387 А, л. 32 (заключительная страница от слов „Последние происшествия...“, случайно отделившаяся от основной рукописи). В рукопись тома I вшита писарская копия подлинного дела Козловского уездного суда от октября 1832 года „О неправильном владении порутчиком Иваном Яковлевым сыном Муратовым имением, принадлежащим гвардии подполковнику Семену Петрову сыну Крюкову, состоящим Тамбовской губернии Козловской округи сельце Новопанском“. В этой копии Пушкин начал было исправлять имена и фамилии Муратова и Крюкова на Троекурова и Дубровского, но до конца этой работы не довел. Впрочем, и в основной рукописи, местами совершенно фраг-

[1] Печатается по автографу *ЛБ*, тетрадь № 2382, лл. 71 и 70 об. Впервые заметка эта указана В. Е. Якушкиным („Русская Старина“ 1884, № 11, стр. 368) и частично опубликована П. О. Морозовым в соч. А. С. Пушкина, т. V, 1887, стр. 162. Полный текст заметки восстановлен на основании ссылки Пушкина на „Северные Цветы“ 1828, откуда он, судя по записанному им началу фразы — „Даже люди (сказано в „Северных Цветах“), — хотел процитировать несколько строк своей же статьи „Отрывки из писем, мысли и замечания“. Сокращенная редакция заметки „О дамах“ впоследствии включена была Пушкиным в „Table-Talk“.

ментарной, остались не унифицированными имена некоторых персонажей (Дубровский называется иногда Зубровским, Дефорж — Русло, Марья Кирилловна — Марьей Петровной, Марьей Гавриловной и Натальей Гавриловной; Арина Егоровна — Петровной и Аксиньей Троцкой). Самим Пушкиным роман озаглавлен в рукописи не был (в письмах он называл его „Островским", см. далее).

Впервые опубликовано (под названием „Дубровский") в Посмертном изд. соч. Пушкина, т. X, 1841, стр. 101—240. Из многочисленных пропусков, неточностей и цензурных искажений первопечатной редакции некоторые выправлены были в 1855 году в „Сочинениях Пушкина" под ред. П. В. Анненкова (т. V), некоторые опубликованы П. И. Бартеневым („Бумаги Пушкина", вып. I, М. 1881, стр. 170—172), В. Е. Якушкиным („Русская Старина" 1884, № 11, стр. 340—344, и 1887, № 9, стр. 546—551), в изданиях Сочинений Пушкина 1887 г. под ред. П. А. Ефремова и П. О. Морозова, в „Пушкине" под ред. С. А. Венгерова (1910). Первое критическое издание повести опубликовано было Б. В. Томашевским в 1923 году (А. С. Пушкин „Дубровский", Гиз). Текст этот, несколько уточненный Б. В. Томашевским и Д. П. Якубовичем в 1930 году (Полное собр. соч. А. С. Пушкина, приложение к журналу „Красная Нива", т. IV), положен в основу (с незначительными исправлениями) и настоящего издания.

К работе над „Дубровским" Пушкин приступил, судя по собственной его отметке в рукописи первой главы, 21 октября 1832 года. Самая фабула романа подсказана была ему П. В. Нащокиным. Последний, как свидетельствует запись его воспоминаний, сделанная П. И. Бартеневым, „рассказывал Пушкину про одного белорусского небогатого дворянина, по фамилии Островский (как назывался сперва роман), который имел процесс с соседом за землю, был вытеснен из именья и, оставшись с одними крестьянами, стал грабить сначала подьячих, потом и других. Нащокин видел этого Островского в остроге".[1] Рассказ П. В. Нащокина может быть датирован очень точно: Пушкин встречался с П. В. Нащокиным в Москве „почти всякой день" между 21 сентября и 10 октября 1832 года. В письме к жене от 30 сентября Пушкин уже отмечал: „Мне пришел в голову роман, и я вероятно за него примусь", а в письме от 2 декабря к Нащокину он же, как о чем-то вполне понятном его корреспонденту, сообщал: „Честь имею тебе объявить, что первый том Островского кончен, и на днях прислан будет в Москву на твое рассмотрение и под критику г. Короткого.[2] Я написал его в две недели, но остановился по причине жестокого рюматизма, от которого прострадал другие две недели, так что не брался за перо".

Замена в романе фамилии „Островского" Дубровским связана была, вероятно, с псковскими преданиями о бунте крестьян помещика Дубровского в 1737 году. Как свидетельствует выписка из „дела" Псковской провинциальной канцелярии, воинская команда, посланная для ареста виновных в одну из деревень Дубровского, встречена была крестьянами, вышедшими из лесу „с топорами и рогатинами" и объявившими, что, „если их будут ловить, то они его, сержанта с рассыльными, убьют или потопят в озере", причем действуют они так „по наказу Дубровского, который писал, что если кто придет для поимки их, то, если поимщиков немного, бить их, а если много, то бежать в лес".[3]

---

[1] Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 годах". Вступительная статья и примечания М. Цявловского, М. 1925, стр. 27. Об этом же П. И. Бартенев писал в сборнике „Девятнадцатый век", кн. 1, М. 1872, стр. 394.

[2] Д. В. Короткий — чиновник Опекунского Совета, поверенный Пушкина и Нащокина, через которого и получена была, вероятно, Пушкиным копия тяжебного дела Муратова и Крюкова, использованная во второй главе „Дубровского" (см. выше, стр. 733).

[3] „Дела Псковской провинциальной канцелярии", изданные И. И. Василёвым, Псков 1884, стр. 57. Ср. И. А. Шляпкин «„Дубровский" Пушкина» в сборнике „Пушкин и его современники", вып. XVI, 1913, стр. 106—107.

Для имения же Дубровского Пушкин воспользовался названием своего сельца Кистеневки в Сергачинском уезде Нижегородской губернии, неподалеку от Болдина. Перезалогом Кистеневки он был занят как раз во время работы над „Дубровским“ — осенью и зимою 1832 г.

Ход работы над первой частью романа определяется следующими отметками Пушкина: первая глава, начатая 21 октября, 25-го была доведена до середины и закончена 26 октября. Вторая глава закончена на следующий день, третья глава к 29 октября была написана до слов „погрузился в глубокие размышления“ и закончена 2 ноября. В середине шестой главы сохранилась дата — 8 ноября 1832 года, после главы седьмой — 9 ноября, после восьмой — 11 ноября. Таким образом, первая часть „Дубровского“ написана была в 20 дней. Возобновив работу примерно через месяц, Пушкин 14 декабря закончил главу девятую, 16-го — главу десятую и часть одиннадцатой (кончая словами „сел в коляску и поскакал“), 21 декабря датирована первая половина главы двенадцатой (кончая словами: „почитал князя Верейского себе равным“), 28 декабря — глава четырнадцатая, 1 января 1833 года — глава пятнадцатая, 3 января — глава шестнадцатая, 6 января — семнадцатая, 15 января — восемнадцатая, 22 января — девятнадцатая (кончая словами: „приказав подобрать раненых“) и, наконец, 6 февраля 1833 года датирована последняя страничка „Дубровского“. Дописав вторую часть романа, Пушкин уже к этой работе не возвращался, оставив ее незаконченной (см. планы „Дубровского“, где предусматривалась еще третья его часть, действие которой происходило в Москве), а черновую рукопись не перебеленной (переписана была только глава первая, но вновь обращена в черновик); никаких попыток не делал он и к проведению написанных глав в печать. Объяснять это неожиданное охлаждение Пушкина к своему роману только трудностями его публикации в условиях 30-х годов нет никаких оснований, ибо автору „Дубровского“ удавалось проводить в печать (ценою, правда, некоторых художественно-тактических компромиссов) произведения, тематика которых была еще более неприемлема с цензурно-полицейской точки зрения, чем фабула „Дубровского“. Причины отказа от последнего были, конечно, гораздо сложнее и определялись прежде всего неудовлетворенностью самого Пушкина результатами его работы. О том, что это недовольство связано было не только с художественными недочетами романа, а с самой его проблематикой, свидетельствуют следующие факты: между 15 и 22 января 1833 года Пушкин еще работал над девятнадцатой главой „Дубровского“, а 31 января датируется уже первый из известных нам планов повести о „государственном изменнике“ — Шванвиче (см. далее, стр. 747 и сл.). 6 февраля дописана была последняя страница „Дубровского“, а 7 февраля Пушкин обратился уже к военному министру с просьбой о допущении его к ознакомлению со следственным делом о Пугачеве. Политическое осмысление „бунта“ Дубровского оказывалось невозможным на том узком социально-бытовом фоне, который взят был Пушкиным для его романа. Вплотную подойдя в процессе работы над „Дубровским“ к проблеме крестьянской революции и к истории дворянина, переходящего на позиции другого класса, Пушкин занимавшие его общественно-политические вопросы мог художественно осмыслить и разрешить только на большом историческом материале, к изучению которого он обратился в феврале 1833 года.

Планы и варианты [1]

〈Начальный план романа〉

Островский, воспитываяся в П. Б., по смерти отца возвращается в деревню, о ко-

[1] Начальный план „Дубровского“ впервые опубликован в книге В. Я. Брюсова „Письма Пушкина и к Пушкину“, стр. 136; прочие планы опубликованы Б. В. Томашевским по автографам *ПД* (собрание Л. Н. Майкова) и *ЛБ*, тетрадь № 2380 (планы 3-й и 4-й первых частей). Материалы о земском суде (автограф

торой идет тяжба. Находит одну усадьбу с дворовыми людьми без крестьян и без земли. Люди его питают его и себя как-нибудь. Едет заседатель, люди Островского его убивают из мести. Следствие начинается. Суд приезжает к Остр. Островский заступается за своих людей — вяжет суд и делается разбойником.

Островский, негодуя на свое состояние, решается убить помещика, виновника его несчастия. Он бродит около его деревни, встречает его дочь, влюбляется в нее. Он ищет случая с нею познакомиться. Встречает учителя француза, едущего к помещику, он отымает у него бумаги и пашпорт, представляется к помещику.

У помещика праздник. Сосед ограбленный... Шкатулка. Учитель убегает с барышней.

[Островский распускает свою шайку]. — Жена его рожает, она больна, он везет ее лечиться в Москву — избрав из шайки надежных людей и распустив остальных. Остр. в Москве живет уединенно, форейтор его попадается в буйстве и доносит на Остр. (с одним из шайки Островского). Оберполицмейстер.

Планы первых двух частей.

1.

Дубровский — 1-ая глава, 2-ая, болезнь [записка] письмо няни [письмо няни] — [приезд] [решение] попытки к примирению [пись] смерть, похороны; приезд молодого барина [введение во владение] — во время пирушки похорон. [пожар]. Он занимается делами — разбирает бумаги. Жажда мщения, встреча его с дочерью. Дубр. — прогулка его на кладбище. Приезд суда — *ночной пожар* (от людей без участия Дубровского). Архип убивает суд — Дубровский и его виновные люди скрываются.

2.

Ссора
Суд
Смерть
Пожар
Учитель
Праздник
Объяснение.

3.

Пока приказные пьют, в людской люди сговариваются, и повар Архип решается убить их

4.

Садовник ловит мальчика. Саша отымает у него кольцо и снова кладет в дупло. — Приказчик запирает мальчика на голубятню покамест будет ему время — перед светом мальчик убегает.

5.

[Кн. Верейский, visite]
[2 visite]
Сватовство —
Свидание
Письмо перехваченное
Свадьба, отъезд
Команда, сраж<ение>
Расп. шайка

Планы второй и третьей частей

1.

[Разлука, объяснение, обручение]
[Капитан-исправник]
Жених. К. Жених
Свадьба [похищение]
[Карета в лесу]. Команда, сражение
[рана]
[Сумасшествие]
Распущенная шайка
Москва, лекарь, уединение
Кабак, извет
Подозрение, полицмейстер

<Справка для главы 2-ой>
Земский суд

Исправник
Заседатель земского суда

ПД) впервые опубликованы И. А. Шляпкиным в кн. „Из неизданных бумаг А. С. Пушкина" 1903, стр. 58—59. Вариант начала романа (автограф *ЛБ*, тетрадь № 2373, л. 42 об.) опубликован В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 8, стр. 329.

Секретарь
Стряпчий
Письмоводитель (писарь)
Солдат (унтер инвалидный)
Священник ближний.

Привозят — *Зерцало* в избе
Свящ. с крест., с евангелием
Следствие: донос на кого?

Форма допроса. [Чей ты]?.. Зовут меня Д... двор. чел. такого-то господина. От роду столько-то. Вероисповедание. На исповеди и у свят. прич. бываю через год. Наперед сего в штрафах (в *приводах*) под следствием и судом никогда не был. Ты убийца — за что — и как. Апелляцию — срок год.

Вариант начала романа

Илья Петрович Нарумов долго был дворянским предводителем одной из северных наших губерний — Его звание и богатство давали ему большой вес во мнении помещиков, соседей —

Он был избалован их обращением слишком уже снисходительным — И привык давать полную волю порывам нрава, пылкого и сурового, и затеям довольно ограниченного ума —

Вариант к главе XVII

— Ага, — заметил Кирила Петрович, — слуги в барина, каков поп, таков и приход, а малина разве растет у меня на дубах?

— Всяко случается, — отвечал мальчик насмешливо.

— И, конечно, случается, что вашу братию секут розгами в задаток кнута — слыхал ли ты это.

Мальчик ничего не отвечал.

— Папенька, прикажите ему отдать кольцо, — сказал Саша.

— Молчи, Александр, — отвечал Кирила Петрович, — не забудь, что я собираюсь с тобою разделаться. Ступай в свою комнату. Ты — косой — ты мне кажешься малый не промах — если ты мне скажешь кто тебя подослал за кольцом, так я тебя не высеку, а дам еще пятак на орехи — не то, велю Степану отодрать тебя на обе корки — понимаешь.

— Очень понимаю.

— Отвечай же, где твой барин, зачем он тебя подослал.

Мальчик не отвечал ничего —

— Добро, гей, люди, спустите-ка с него портки, разложите его — розог.

Розги явились — мальчишку схватили, раздели и растянули на полу сарая. Мальчик молчал.

— Хочешь ли говорить, — спросил Кирила Петрович —

Мальчик не отвечал ни слова —

— Не хочешь? — секите ж его. — Розги хлестнули. — Мальчик молчал с терпением, достойным маленького спартанца.

— Полно, — сказал Кирила Петрович, — теперь отдай кольцо — и ступай себе к барину.

Мальчик разжал кулак и показал, что в его руке не было ничего.

— Добро — сказал Кирила Петрович — отвести его на голубятню — и запереть.

Степан отвел мальчишку.

130. В рукописи, вместо слов: *Обстоятельства разлучили их надолго*, зачеркнуто: „Славный 1762 год разлучил их надолго. Троекуров, родственник княгини Дашковой, пошел в гору...“ — В 1762 году был свергнут с престола Петр III, место которого заняла Екатерина II. Ближайшее участие в этом дворцовом перевороте принимала кн. Е. Р. Дашкова (1744—1810), статс-дама Екатерины, впоследствии бывшая организатором и первым президентом Российской Академии, автор известных мемуаров.

Глава III

143. *Через 10 минут въехал он на барский двор. Он смотрел вокруг себя с волнением неописанным. Двенадцать лет не видал он своей родины. Березки, которые при нем только что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими, ветвистыми деревьями. Двор, некогда украшенный тремя правильными цветниками,*

меж коими шла широкая дорога, тщательно выметаемая, обращен был в некошенный луг, на котором паслась спутанная лошадь. — Строки эти почти дословно перенесены в „Дубровского“ из недописанной в 1830 году „Истории села Горюхина“: „Наконец, завидел Горюхинскую рощу, и через 10 минут въехал на барский двор. Сердце мое сильно билось — я смотрел вокруг себя с волнением неописанным. 8 лет не видал я Горюхина. Березки, которые при мне посажены были около забора, выросли и стали теперь высокими, ветвистыми деревьями. Дом, бывший некогда украшен тремя правильными цветниками, меж которых шла широкая дорога, усыпанная песком, — теперь обращен был в некошенный луг, на котором паслась бурая корова“.

Глава IV

144. *„Где стол был яств, там гроб стоит...“* — стих из оды Державина „На смерть князя Мещерского“.

Глава VIII

155. *Отец ее, никогда не читавший ничего, кроме Совершенной Поварихи, не мог руководствовать ее в выборе книг.* — Пушкин имел, вероятно, в виду какую-нибудь кулинарно-домоводческую книгу. Возможно, однако, что речь шла о „Пригожей Поварихе, или похождениях развратной женщины“, — известном романе М. Д. Чулкова.

159. *Слуги стали разносить тарелки по чинам, в случае недоумения руководствуясь Лафатерскими догадками.* — Об ироническом отношении Пушкина к обычаю разносить кушанья на званных обедах по чинам см. „Путешествие в Арзрум“ (гл. 2, стр. 406). *Лафатерские догадки* — заключения, основанные на учении Лафатера о „физиогномике“, т. е. о том, как по особенностям строения черепа и разным чертам лица определять человеческий характер.

Глава IX

161. *Сущий портрет Кульнева...—Кульнев,* Яков Петрович (1763—1812) — известный боевой генерал, победы которого в Финляндии и смерть в 1812 году были широко популяризированы в лубочных картинах и брошюрах. В библиотеке Пушкина сохранилась книжка „Дух генерала Кульнева, или черты и анекдоты, изображающие великие свойства его, и достопамятные происшествия как из частной, так и военной его жизни“, СПБ 1817.

162. *Пылкая мечтательница, напитанная таинственными ужасами Радклиф...— Радклиф,* Анна (1764—1823) — английская романистка, автор „Удольфских тайн“.

Глава XIII

175. *Куда же девался наш Ринальдо?— Ринальдо-Ринальдини*—благородный разбойник, герой одноименного романа Христиана-Августа Вульпиуса (1762—1827), широко известного и в русских переводах.

Глава XVI

176. *Она не путалась шелками, подобно любовнице Конрада, которая в любовной рассеянности вышила розу зеленым шелком...* — Пушкин имеет в виду эпизод поэмы Мицкевича „Конрад Валленрод“.

Пиковая дама

Впервые опубликовано в „Библиотеке для Чтения“ 1834, т. II кн. 3 (март), стр. 107—140, с подписью *„Р“*, принадлежность которой Пушкину расшифрована на обложке журнала. Перепечатано с небольшими исправлениями в „Повестях, изданных Александром Пушкиным“, СПБ 1834, стр. 187—247.

Автограф неизвестен.

Повесть написана, вероятно, осенью 1833 года в Болдине. Самым ранним свидетельством о ней является письмо В. Д. Комовского к А. М. Языкову от 10 декабря 1833 года: „Пушкин привез с собою из Болдина, по слухам, три новых поэмы... Он же написал какую-то повесть в прозе: или „Медный всадник“ или „Холостой выстрел“, не помню хорошенько. Одна из этих пьес прозой, другая в стихах“ („Исторический

Вестник“ 1883, кн. XII, стр. 538). Возвращаясь из Болдина, Пушкин читал в Москве свою повесть П. В. Нащокину, со слов которого П. И. Бартенев записал в 1851 году следующее: „Пиковую даму Пушкин сам читал Нащокину и рассказывал ему, что главная завязка повести не вымышлена. Старуха-графиня — это Наталья Петровна Голицына, мать Дм. Владимировича, московского генерал-губернатора, действительно жившая в Париже в том роде, как описал Пушкин. Внук ее, Голицын, рассказывал Пушкину, что раз он проигрался и пришел к бабке просить денег. Денег она ему не дала, а сказала три карты, назначенные ей в Париже С.-Жерменом. „Попробуй“, — сказала бабушка. Внучек поставил карты и отыгрался. Дальнейшее развитие повести всё вымышлено. Нащокин заметил Пушкину, что графиня не похожа на Голицыну, но что в ней больше сходства с Н. К. Загряжскою, другою старухою. Пушкин согласился с этим замечанием и отвечал, что ему легче было изобразить Голицыну, чем Загряжскую, у которой характер и привычки были сложнее...“ („Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей Бартеневым“, М. 1925, стр.46—47).

В бумагах Пушкина (*ЛБ*, тетрадь № 2373, лл. 15, 18 и 18 об.; впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 8, стр. 322—324) сохранились следующие черновые наброски начальной редакции повести:

Гл<ава> I

А в ненастные дни
Собирались они
Часто,
Гнули — — —
От пятидесяти
На сто.
И выигрывали
И отписывали
Мелом.
Так в ненастные дни
Занимались они
Делом.

Рукописная баллада.

Года четыре тому назад собралось нас в Петербурге несколько молодых людей, связанных между собою обстоятельствами. Мы вели жизнь довольно беспорядочную. [Обедали у [толстого] Андрие без апетита, пили без веселости, ездили к С<офье> А<стафьевне> [без нужды], чтобы побесить бедную старуху притворной разборчивостию]. День убивали кое-как, а вечером по очереди собирались друг у друга [и всю ночь проводили за картами].

<II>

Теперь позвольте мне покороче познакомить вас с жизнью героини моей повести.

В одной из etc.

[Шарлота Миллер была четвертая дочь [обанкрутившегося] обрусевшего немца]. Отец ее был некогда купцом второй гильдии, потом аптекарем, потом директором пансиона, наконец корректором в типографии, и умер, оставив кой-какие долги и довольно полное собрание бабочек и насекомых. Он был человек добрый и имел много основательных сведений, которые ни к чему хорошему его не привели. Германн жил на одном дворе с его вдовою, познакомился с Шарлотой и скоро они полюбили друг друга, как только немцы могут еще любить в наше в<ремя>.

Но в сей день или справедливее etc.

И когда милая немочка отдернула белую занавеску окна, Германн не явился у своего васисдаса и не приветствовал ее обычной улыбкою.

Отец его, обрусевший немец, оставил ему после себя [60 тысяч капиталу] маленький капитал; Германн оставил их в ломбарде, не касаясь и процентов, а жил одним жалованьем.

Германн был твердо etc.

Кроме того на обороте чернового письма Пушкина к А. Х. Бенкендорфу от 26 февраля 1834 года (*ПД*) сохранился исчерканный проект вставки в главу VI печатной редакции:

[Чекалинский глазами отыскал Нарумова].

[— Как зовут вашего приятеля, спросил Чек. у Нар.].

Для ранней редакции „Пиковой дамы", как свидетельствуют приведенные выше ее фрагменты, характерна была установка на личный рассказ, на интимно-автобиографическую нагрузку повествования. Набросок „Года четыре тому назад" восстанавливал с протокольной четкостью документа образ петербургской жизни Пушкина в 1828—1829 гг. (ср., например, многочисленные свидетельства о Пушкине этой поры в письмах и воспоминаниях его современников, а также его собственное письмо от 15 января 1832 года к М. О. Судиенко: „Образ жизни моей совершенно переменился к неописанному огорчению Софьи Остафьевны и кавалергардских шаромыжников. От карт и костей отстал я более двух лет" и пр.). Все, что имело значимость конкретных автопризнаний, из окончательной редакции „Пиковой дамы" было тщательно устранено, так же как и все зарисовки быта и характера петербургских немцев, занимавшие в начальном тексте повести, судя по странице о Шарлоте Миллер, довольно видное место. Заменив Шарлоту, первоначальную героиню повести, Лизой, компаньонкой старой графини, Пушкин широко воспользовался своими же материалами о „бедных воспитанницах и demoiselles de compagnie", включенными им еще в 1829 году в неоконченный „Роман в письмах" (ср. вторую главу „Пиковой дамы" и первое „письмо" 1829 года). Из набросков того же романа (зачеркнутые строки письма седьмого, см. далее, была извлечена и превращена в эпиграф к главе II заметка об юмористическом диалоге М. А. Нарышкиной с Денисом Давыдовым по поводу „демократической склонности" последнего к субреткам (см. об этом и письмо Давыдова к Пушкину от 4 апреля 1834 г.); из неоконченной повести „На углу маленькой площади" (1829) перенесен был в „Пиковую даму" эпиграф к III главе; из наброска, связанного с „Дубровским" (1832), заимствована была фамилия Нарумова (в главе I).

Из произведений, над которыми Пушкин работал в 1833 году, „Пиковая дама" некоторыми тематическими линиями (безумие Германна) связана с концовкой „Медного всадника" и с стихотворением „Не дай мне бог сойти с ума". Для уяснения же социально-политических установок повести (образ разночинца Германна, представителя новой капиталистической общественности, тонко противопоставленный в „Пиковой даме" военным и придворным верхам поместного дворянства) необходимо учесть одновременно с нею писавшиеся страницы „Путешествия из Москвы в Петербург" (см., например, замечательные общественно-политические обобщения главы II о дворянском оскудении, о промышленной буржуазии, вытесняющей с исторической авансцены старое барство и пр.). Эта близость обоих произведений получает порой выражение не только в тематическом, но и в чисто языковом плане. Ср., например, сентенции: „Две столицы не могут в равной степени процветать в одном и том же государстве, как два сердца не существуют в теле человеческом" („Путешествие из Москвы в Петербург", гл. 2) и „Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место" („Пиковая дама", гл. VI).

Некоторые фабульные детали связывали „Пиковую даму" с произведениями Э. Т. А. Гофмана, переведенными в 1829—1833 гг. почти полностью на французский язык (в библиотеке Пушкина сохранилось девятнадцатитомное издание Гофмана в переводе Леве-Веймара), и его многочисленных подражателей. Так, эпизод с картой, превращаемой расстроенным воображением обезумевшего игрока в конкретный женский портрет, восходил к „Элексиру сатаны" Гофмана (в библиотеке Пушкина сохранился французский перевод этого романа, изданный в 1829 году как сочинение якобы Шпиндлера). С героем другой повести Гофмана (Менар в „Счастьи игрока") связаны некоторые линии характеристики Германна и эпизод с „убитой дамой" в финале карточной игры. Менее поддается точному учету связь некоторых эпизодов „Пиковой дамы" с аналогичными сценами из жизни игроков в романе ван-дер-

Фельде „Арвед Гилленштиерна“ (1816) или в драме „Жизнь игрока“ Виктора Дюранже (русский перевод вышел в 1828 году). В образе Германна есть черты сходства с героем „Шагреневой кожи“ Бальзака (1831). В новелле Бальзака „L'auberge rouge“ (1832) сохранились строки („Его звали Германном, как зовут почти всех немцев, выводимых писателями)“, возможно учтенные Пушкиным при выборе самого имени его героя. Анекдот о трех картах в завязке „Пиковой дамы“ восходил к одному из эпизодов французского жизнеописания Калиостро (три удачно предсказанных последним нумера лотерейных билетов), а выбор „тройки“ и „семерки“ при обозначении двух первых карт, составлявших тайну старухи, обусловлен был, очевидно, особым значением именно этих цифр в старинной магической литературе.

Внимательное отношение к традициям мастеров романтической новеллы не помешало Пушкину в процессе оформления даже специального мистико-фантастического материала сохранить присущий всей его художественной прозе трезвый реалистический упор. Так, ироническим эпиграфом из Сведенборга и авторской ремаркой о вине, разгорячившем воображение Германна, предварялось в главе пятой „Пиковой дамы“ явление мертвой старухи, открывающей тайну трех карт, а случайность первых двух выигрышей подчеркивалась трагическим срывом Германна в третий вечер.

„Пиковая дама“ явилась первым прозаическим произведением Пушкина, успех которого в самых широких читательских кругах и в печати был общепризнанным. 7 апреля 1834 года Пушкин записал в своем дневнике: „Моя Пиковая Дама в большой моде. Игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Н. П. <Голицыной> и кажется не сердятся“.[1]

[1] Сводка основной литературы о „Пиковой даме“ дана Н. О. Лернером в сборнике „Рассказы о Пушкине“, Л. 1929, стр. 132—163. Дополняют эту работу и статьи Д. П. Якубовича «Литературный фон „Пиковой дамы“» („Литературный Современник“ 1935, № 1) и В. В. Виноградова „Стиль Пиковой дамы“ („Временник Пушкинской Комиссии“ 1936, кн. 2).

Глава I

193. Стихи, взятые в качестве эпиграфа первой главы повести, были написаны Пушкиным еще в 1828 году. См. его письмо от 1 сентября 1828 года к П. А. Вяземскому: „Пока Киселев и Полторацкий были здесь, я продолжал образ жизни, воспетый мною таким образом: „А в ненастные дни/ Собирались они/ Часто...“ Далее следовал полный текст с непечатным вариантом стиха 4-го, который см. выше, в черновом варианте начала повести.

Тематически первая глава „Пиковой дамы“ связана с первым прозаическим опытом Пушкина „Надинька“ (см. далее, стр. 761).

194. *Вы слышали о графе Сен-Жермене...* — *Сен-Жермен* (умер около 1795 г.) — знаменитый авантюрист, увековеченный в мемуарной и художественной литературе XVIII и нач. XIX века.

194. *Казанова в своих Записках говорит...* — *Казанова*, Джованни-Джакопо (1725—1798) — итальянский авантюрист и веселый прожигатель жизни, автор записок, десятитомное издание которых („Memoires de J. Casanova de Seingalt, écrits par lui-même“, Bruxelles 1833) сохранилось в библиотеке Пушкина.

195. *Проиграл, помнится, Зоричу...* — *Зорич*, Семен Гаврилович — фаворит Екатерины II в 1777—1778 гг., известный игрок.

Глава II

196. Перевод эпиграфа: „Повидимому, вы решительно предпочитаете служанок? — Что прикажете сударыня? Они более свежи“. Эпиграф этот, перенесенный в „Пиковую даму“ из черновиков „Романа в письмах“ (см. далее, стр. 766), вызвал следующее письмо Д. В. Давыдова к Пушкину от 4 апреля 1834 года: „Помилуй, что у тебя за дьявольская память; я когда-то на лету рассказывал тебе разговор мой с М. А. Нарышкиной: „Vous préférez les suivantes“ (и пр.). Ты слово в слово поставил это эпиграфом в одном из отделений Пиковой дамы“.

196. *Старая графиня***...* — Прототипом „старой графини“, как уже отмеча-

лось самим Пушкиным (см. выше), была княгиня Наталья Петровна Голицына (1741—1837), по прозванию „Princesse Moustache“ (усатая княгиня), девяностолетняя статс-дама, фрейлина Елизаветы Петровны и Екатерины II, блиставшая в Париже времен Людовиков XV и XVI. Не лишены, однако, основания предположения П. В. Нащокина, что Пушкин в своей работе над образом знатной старухи воспользовался некоторыми чертами и Н. К. Загряжской, о которой см. в т. V.

198. *„Горек чужой хлеб, говорит Данте, и тяжелы ступени чужого крыльца...“* — цитата из „Божественной комедии“ („Рай“, песнь XVII).

Глава III

201. Перевод эпиграфа: „Вы мне пишете, мой ангел, письма, исписанные со всех четырех сторон, быстрее, чем я успеваю их прочесть“. В „Пиковую даму“ эти строки перенесены из неоконченной повести „На углу маленькой площади“ (1829).

204. *На стене висели два портрета, писанные в Париже M-me Lebrun...* — *Виже-Лебрен* (1755 — 1842) — знаменитая французская портретистка.

Глава IV

206. Перевод эпиграфа: „Человек без нравственных и религиозных устоев“.

208. *Удивительно напоминал он портрет Наполеона. Это сходство поразило даже Лизавету Ивановну...* — Ср. выше: *Этот Германн, продолжал Томский, лицо истинно романическое: у него профиль Наполеона...*, а также в гл. II: *Германн был сын обрусевшего немца... Черные глаза его сверкали.* — Типажная характеристика Германна чрезвычайно напоминает известный и по портретам и по воспоминаниям современников внешний облик П. И. Пестеля, вождя Южного Общества декабристов, как и Германн, „сына обрусевшего немца“. Ср., например, данные о нем в Записках Н. И. Лорера: „Пестель был небольшого роста, брюнет, с черными, беглыми, но приятными глазами. Он и тогда и теперь, при воспоминании о нем, очень много напоминает мне Наполеона“ („Записки декабриста Н. И. Лорера“, М. 1931, стр. 70). Это совпадение, конечно, не случайно и связано с воспоминаниями о Пестеле, пробужденными встречей Пушкина в ноябре 1833 года с кн. Суццо: „Он напомнил мне, — записал Пушкин в своем дневнике 24 ноября 1833 года, — что в 1821 г. был я у него в Кишиневе вместе с Пестелем. Я рассказал ему, каким образом Пестель обманул его и предал этерию, представя ее отраслию карбонаризма“. С откликом кн. Суццо на эту информацию связан, может быть, и эпиграф к главе четвертой („Homme sans moeurs et sans religion!“). А раздумия Пушкина о трагической судьбе автора „Русской Правды“ тогда же отразились в главе второй „Путешествия из Москвы в Петербург“ писанной одновременно с „Пиковой дамой“. Мы имеем в виду строки о влиянии немецкой идеалистической философии на поколение, сменившее декабристов: „Она спасла нашу молодежь от холодного скептицизма французской философии и удалила ее от упоительных и вредных мечтаний, которые имели столь ужасное влияние на лучший цвет предшествовавшего поколения“. Ср. записи в дневнике Пушкина от 4 апреля 1821 года: „Утро провел я с Пестелем. Mon coeur est materialiste, говорит он, mais ma raison s'y refuse. Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч.“

209. *Причесанный à l'oiseau royal...*—т.е. журавлем (название старинной прически).

Глава V

209. *Шведенборг*—Сведенборг, Эммануил (1688—1772) — шведский теософ и „духовидец“, сочинения которого очень популярны были в кругах русских масонов конца XVIII и нач. XIX в. Первоисточник эпиграфа Пушкина до сих пор, однако, в сочинениях Сведенборга не обнаружен.

209. *Молодой архиерей произнес надгробное слово...* — В журнальном тексте вм. „молодой архиерей“ было „славный проповедник“.

Глава VI

211. *Атанде!* — предложение не делать ставки (испорченное „attendez" — подождите). Ср. „Атанде, слово роковое/ Мне не приходит на язык" („Евгений Онегин").

211. *В Москве составилось общество богатых игроков под председательством славного Чекалинского, проведшего весь век за картами...* — В образе Чекалинского Пушкин дал почти портретную характеристику своего старого партнера, знаменитого московского игрока, В. С. Огонь-Догановского (1776—1838), богатого помещика, дом которого в конце 20-х годов, по секретным полицейским данным, являлся „особенным прибежищем" для всех любителей большой игры, в том числе и для будущего автора „Пиковой дамы". См. письмо Пушкина к В. С. Огонь-Догановскому о погашении 25-тысячного карточного долга (1830).

212. *Семпелем* — на одну карту.

Кирджали

Впервые опубликовано в „Библиотеке для Чтения" 1834, т. VII, кн. 12 (декабрь), стр. 197—204, с подписью: *А. Пушкин*. Автограф неизвестен. Печатается по журнальной публикации. Время работы над повестью, вероятно, осень 1834 года.

Первым опытом художественной обработки материалов о Георгии Кирджали является стихотворный набросок „Чиновник и поэт", датируемый 1823 годом (см. т. I). В 1828 году Пушкин вернулся к этому замыслу, набросав план и первые 12 строк поэмы под названием „Кирджали" („В степях зеленых Буджака..."). Судя по этому плану, фабула поэмы близко соответствовала будущей повести, но обрывалась на пребывании Кирджали в Кишиневе и не заключала данных ни о его выдаче, ни о бегстве из Ясской тюрьмы. Приводим этот план (*ЛБ*, тетрадь № 2371, лист 78), впервые частично опубликованный В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 7, стр. 49, полностью:

Кирджали

[Крупянского зала]. Эмигранты. Stènka. Скулянская битва. Кантакузин. Pendadeka. Харчевский, Навроцкий. Битва — Арнауты в Кишиневе.

26 декабря 1830 года Пушкин писал из Москвы своему кишиневскому приятелю Н. С. Алексееву: „Пребывание мое в Бессарабии не оставило доселе никаких следов ни поэтических, ни прозаических. Дай срок — надеюсь, что когда-нибудь ты увидишь, что ничто мною не забыто". Реализацией этого обещания и явилась повесть „Кирджали", материал для заключительной главы которой дала Пушкину встреча в Петербурге в 1833 — 1834 гг. с М. И. Лексом, от которого поэт получил в 1823 году первые свои сведения о Кирджали. Именно к М. И. Лексу, служившему в начале 20-х годов в кишиневской канцелярии генерала И. Н. Инзова, а в 1832 году назначенному директором канцелярии министерства внутренних дел, относятся строки в „Кирджали" о „человеке с умом и сердцем, в то время неизвестном молодом чиновнике, ныне занимающем важное место". (О нем же Пушкин писал в своем дневнике 5 декабря 1834 года.) Старые и новые рассказы М. И. Лекса, наброски плана поэмы 1828 года, а также материалы об Александре Ипсиланти и Пендадеке, записанные Пушкиным еще в 1821 году (см. т. V), определили круг источников повести „Кирджали". В нее же перенесен был и материал об Ипсиланти и Иордаки Олимбиоти, вовсе не связанный с данными о Кирджали, но занимавший Пушкина в 1821— 1822 гг., когда он готовил поэму об этеристах. (План этой поэмы: „Два арнаута хотят убить А. И<псиланти>. Иордаки убивает их. Поутру Иордаки объявляет арнаутам его бегство. Он принимает начальство и идет в горы, преследуемый турками.— Секу".)

217. *Когда Александр Ипсиланти обнародовал возмущение...* — *Ипсиланти*, Александр Константинович (1792 — 1828) — сын молдаво-валахского господаря, генерал-маиор русской службы, потерявший руку в битве под Дрезденом в 1813 году; с 31 марта 1820 года — глава этерии, тайного общества, имевшего целью освобождение Греции от турецкого владычества; с осени 1820 года жил в Кишиневе, где с ним познакомился и Пушкин. О его выступлении см. „Note sur la revolution d'Ipsylanti" (т. V), записи в дневнике Пушкина с 2 апреля по 26 мая 1821 года (т. V), а также упоминания в послании „В. Л. Давыдова" („И с горя на брегах Дуная /Бунтует наш безрукий князь"), в X главе „Евгения Онегина" и в переписке Пушкина.

218. *Начальник карантина (ныне уже покойник)...* — Начальник Бессарабской карантинной линии Навроцкий, о котором см. выше — план поэмы „Кирджали".

219. *Таковая каруца стояла у ворот острога в 1821 году...* — Кирджали был выдан турецким властям не в 1821, а в 1823 году.

Египетские ночи

Печатается по автографу (беловому с поправками) *ЛБ*, тетрадь № 2386 А, лл. 14 и 16 — 49. Стихи „Чертог сиял. Гремели хором..." и пр., отсутствующие в рукописи повести, но явно связанные с последней, печатаются по автографам *ЛБ*, № 2376 В, лл. 1 и 22 (кончая стихом „Глава счастливцев отпадет") и *ПД* (последние 12 стихов, входившие в состав так наз. собрания Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано после смерти Пушкина в „Современнике" 1837, т. VIII, стр. 5 — 24. Прозаический текст повести датируется 1835 годом, стихотворный — 1827 (первая редакция стихов о Клеопатре относится еще к осени 1824 года (см. т. I). О попытках использования стихов 1827 года в повести „Мы проводили вечер на даче у княгини Д." см. далее.

Работая над „Египетскими ночами", Пушкин перенес в повесть не только свои старые стихи о Клеопатре, но и несколько страниц автобиографического „Отрывка" („Несмотря на великие преимущества..."), написанного им еще в 1830 году (см. далее). При включении в „Египетские ночи" отрывок этот был несколько сжат и освобожден от интимно-бытовых и литературно-полемических деталей, понятных в 1830 году, но едва ли уместных в 1835. Так, например, не попали в новую повесть строки о дворянских предрассудках героя, о древности его рода, о высоких литературных гонорарах, о недавней поездке его „в армию" (т. е. в Арзрум), о „двойном ремесле" некоторых писателей и пр. Для третьей главы повести использованы были материалы неоконченной повести „Мы проводили вечер на даче у княгини Д." (1835).

Глава I

225. Перевод эпиграфа: „Кто этот человек? — О, это большой талант; он делает из своего голоса всё, что захочет. — Ему бы следовало, сударыня, сделать себе из него штаны". Этот эпиграф заимствован из французского „Альманаха каламбуров" маркиза Биевра (1771).

225. *Публика смотрит на него, как на свою собственность; по ее мнению, он рожден для ее пользы и удовольствия...* и пр.— Строки эти, восходящие к „Отрывку", определили тематику и стихотворного „Ответа анониму" (1830):

Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
И выстраданный стих, пронзительно-унылый,

Ударит по сердцам с неведомою
силой,—
Она в ладони бьет и хвалит, иль порой
Неблагосклонною кивает головой.
Постигнет ли певца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье:—
„Тем лучше,— говорят любители
искусств,—
Тем лучше! наберет он новых дум
и чувств
И нам их передаст...“

226. *Резановское мороженое*—приготовленное в модной петербургской кондитерской Резанова.

226. *Когда стихи легко ложатся под перо ваше, и звучные рифмы бегут навстречу стройной мысли...* и пр. — Ср. в „Осени“ (1833):

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к
бумаге.
Минута — и стихи свободно потекут...

227. *Signor... Lei voglia perdonarmi si...* Перевод: Сударь... простите, пожалуйста, если...

227. *Ho creduto... Ho sentito... la vostra eccelenza mi perdonera*. Перевод: Я полагал... Мне казалось... что ваше превосходительство простит меня...

227—228. *Наши поэты не пользуются покровительством господ: наши поэты сами господа, и если наши меценаты (чорт их побери!) этого не знают, то тем хуже для них.*— Формулировка эта сложилась еще в пору полемики Пушкина с Рылеевым и Бестужевым о роли меценатства в литературе: „У нас писатели взяты из высшего класса общества, — писал Пушкин летом 1825 года А. А. Бестужеву. — Аристократическая гордость сливается у них с авторским самолюбием. Мы не хотим быть покровительствуемы. Вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою, а тот является с требованием на уважение, как шестисотлетний дворянин“.

228. *Я бедный импровизатор...* и пр.— Возможно, что материал об импровизаторе введен был Пушкиным в повесть на основании его впечатлений от гастролировавшего в Петербурге в 1832 году немецкого импровизатора Макса Лангеншварца (см. подробный рассказ о его сеансах в „Северной Пчеле“ от 21 июня 1832 года, № 140). Некоторые же бытовые детали встречи Чарского с импровизатором напоминают рассказы, записанные со слов С. Н. Гончарова, о визите к Пушкину чревовещателя А. Ваттемара летом 1834 года („Русский Архив“ 1874, кн. II, стр. 98—99. Ср. „Русская Старина“ 1880, № 5, стр. 94—96).

Глава II

229. Эпиграф взят из оды Державина „Бог“.

229. *Corpo di bacco* — итальянская поговорка, соответствующая русскому „чорт побери!“

229. *Пылкие строфы, выражение мгновенного чувства, стройно излетели из уст его... Вот они, вольно переданные одним из наших приятелей...* — В рукописи этих стихов нет, но можно считать несомненным, что для первой импровизации итальянца Пушкин предполагал использовать строки из неоконченной поэмы о Езерском (см. приложение к „Родословной моего героя“, т. II), к переделке которых он и приступил в 1835 году. Вот эти строки:

[Поэт идет]: открыты вежды,
Но он не видит никого;
А между тем за край одежды
Прохожий дергает его:
Скажи, зачем без цели бродишь?
Едва достиг ты высоты,
И вот уж долу взор низводишь
И низойти стремишься ты.
На стройный мир ты смотришь смутно;
Бесплодный жар тебя томит;
Предмет ничтожный поминутно
Тебя тревожит и манит.
Стремиться к небу должен гений,
Обязан истинный поэт
Для вдохновенных песнопений
Избрать возвышенный предмет...

Дальше, повидимому, должна была идти переработка следующих строк „Езерского“:

Зачем крутится ветр в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На чахлый пень? Спроси его.
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона —

Конец стихотворения сохранился в черновых набросках:

Таков поэт: как Аквилон,
Что хочет, то и носит он,
Орлу подобно он слетает
И, не спросясь ни у кого,
Как Дездемона избирает
Кумир для сердца своего.

230. *La signora Catalani...— Каталани*, Анжелика (1779—1849) — итальянская певица, гастролировавшая в России в 1820, 1824 и 1825 гг.

230. *Италиянец при сем случае обнаружил такую дикую жадность, такую простодушную любовь к прибыли, что он опротивел Чарскому.*— Ср. „Импровизатор“ В. Ф. Одоевского: „Еще последний слушатель не вышел из залы, как импровизатор бросился к собиравшему деньги при входе и с жадностию Гарпагона принялся считать их“ („Альциона, альманах на 1833 год“).

Глава III

231. *Всё это очень не понравилось Чарскому, которому неприятно было видеть поэта в одежде заезжего фигляра...* — Ср. строки „Холодная толпа взирает на поэта,/ Как на заезжего фигляра“ („Ответ Анониму“ 1830 года).

231. *Заиграли увертюру из Танкреда...— „Танкред“* — опера Россини на сюжет одноименной трагедии Вольтера.

232. *„L'ultimo giorno di Pompeia“, „Cleopatra e i suoi amanti“, „La primavera veduta da una prigione“, „Il Trionfo di Tasso“.* — Перевод: „Последний день Помпеи“, „Клеопатра и ее любовники“, „Весна в темнице“, „Торжество Тассо“.

233. *Я имел в виду показание Аврелия Виктора.* — См. об этом далее в неоконченной повести „Мы проводили вечер на даче у княгини Д.“, стр. 372.

Капитанская дочка

Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, т. IV, стр. 42—215, без подписи автора (дата цензурного разрешения: 11 ноября 1836 г.). Перепечатано без авторской правки в „Романах и повестях А. Пушкина“ (разрешено цензурой 8 января 1837 г.), но издание это в свет не вышло.[1] Автограф (беловой, с многочисленными исправлениями) хранится в *ПБЛ* (глава I) и в *ЛБ*, № 2381 (главы со II по IV и с VIII по XIV); рукопись главы V не сохранилась. Начальная редакция „Капитанской дочки“ дошла до нас лишь в отрывках, важнейшим из которых является так наз. „Пропущенная глава“, печатаемая нами выше по автографу *ЛБ*.[1] Большое значение, которое придавал этой главе сам Пушкин, явствует из того, что сам он, признав невозможность ее опубликования, присоединил ее к рукописи основного текста повести, зачеркнув прежнее ее обозначение („глава XII“) и дав новое („Пропущенная глава“). К этой же редакции повести относится набросок послесловия (от слов „Здесь прекращаются записки П. А. Буланина“), датирован-

[1] См. о нем в „Звеньях“, т. 2, 1933, стр. 246—250.

[1] Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“ 1880, № 3, стр. 218—227; точнее и полнее — П. О. Морозовым в Сочинениях Пушкина 1887, т. IV.

ный „23 июня" (хранится в *ПБЛ*, см. о нем дальше).

Замысел „Капитанской дочки", или, точнее, сюжетно еще до конца не определившейся повести о дворянине-пугачевце, родился в процессе работы Пушкина над „Дубровским". Вплотную подойдя в последнем к проблеме крестьянской революции и к истории дворянина, изменяющего своему классу, Пушкин не мог в традиционных рамках патетического разбойничьего романа социально осмыслить „бунт" Дубровского и сделать самый образ его политически значимым и актуальным. Между 15 и 22 января 1833 года Пушкин еще работал над XIX главой „Дубровского", дописанной 6 февраля, а 31 января датируется уже план нового романа:

⟨1⟩

Шванвич за буйство сослан в гарнизон.

Степная крепость — подступает Пугачев — Шванвич предает ему крепость — взятие крепости — Шванвич делается сообщником Пугачева — Ведет свое отделение в Нижний — Спасает соседа отца своего. — Чика между тем чуть было не повесил стар⟨ого⟩ Шванвича.— Шванвич привозит сына в Петербург. — Орлов выпрашивает его прощение.[1]

31 янв. 1833

С именем Шванвича связаны и еще два плана будущей „Капитанской дочки". Один из них посвящен дополнительной разработке самой завязки романа и конкретизации некоторых историко-бытовых деталей фабулы (вместо Пугачева действует Афанасий Перфильев), а другой, его сменивший, исключает вводные петербургские сцены романа и, устраняя Перфильева, связывает Шванвича непосредственно с Пугачевым примерно теми же фабульными нитями („метель", „вожатый"), которые были развернуты в окончательной редакции „Капитанской дочки". Вот эти планы:

[1] Печатается по *ЛБ*, тетрадь № 2374, л. 5. Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве" 1881, кн. I, стр. 448.

Второй вариант плана

Кулачный бой — (На пиках) — Шванвич — Перфильев — Перфильев, купец — Шванвич за буйство сослан в деревню — встречает Перфильева.[1]

Третий вариант плана

Крестьянский бунт — Помещик пристань держит, сын его —[2]

Мятель — кабак — Разбойник вожатый — Шванвич ст⟨арший⟩ — Молодой человек едет к соседу, бывшему воеводой — Марья Ал⟨ександровна?⟩ сосватана за племянника, которого не любит. М⟨олодой⟩ Шванвич встречает разбойника вожатого. — Вступает к Пугачеву — Он предводительствует шайкой — Является к Марье Ал. — [Вешает] — Спасает семейство, и всех

Последняя сцена. — Мужики отца его бунтуют, он идет на помощь. — Уезжает —

[1] Печатается по автографу *ПД* (собрание Я. К. Грота). Впервые опубликовано в газете „Русь" 1885, № 22, стр. 3, точнее — в „Сборнике Пушкинского Дома на 1923 г.", П. 1922, стр. 3—6. О Перфильеве см. выше данные „Истории Пугачева", гл. III и VIII и комментарии к ним.

В распоряжении Пушкина были бумаги о Перфильеве одного из ликвидаторов восстания, капитана Галахова и, возможно, данные, почерпнутые из рассказов баснописца И. А. Крылова, отец которого вел переговоры с Перфильевым при осаде последним Яицкого городка. Материалы Галахова невольно ввели, однако, Пушкина в заблуждение. Так, он принял на веру подложное письмо к кн. Г. Г. Орлову, составленное одним из участников восстания, Евстафием Долгополовым, разорившимся ржевским купцом (этот „купец" отмечен и в начальном плане „Капитанской дочки" вместе с Перфильевым и Шванвичем), который, отстав от Пугачева после его разгрома под Казанью, предложил правительству, якобы от имени Перфильева, захватить и выдать самозванца. Документы следствия обнаружили совершенную непричастность Перфильева к авантюре Долгополова, но Пушкин во время своей работы над „Историей Пугачева" (см. примечания к главе VIII) с этими материалами знаком не был. Возможно, что именно письмо Долгополова заставило его отказаться от использования фигуры Перфильева в „Капитанской дочке".

[2] Перед чертой цифры, определяющие, вероятно, хронологию повести: ⟨17⟩ 74. 1770.

Пугачев разбит. — Молодой Шванвич взят — Отец едет просить Екатерину. — Орлов — Дидерот — Казнь Пугачева.[1]

Имя подпоручика 2-го гренадерского полка Михаила Александровича Шванвича, родовитого дворянина, перешедшего из командного состава императорской армии в штаб Пугачева, могло стать известно Пушкину прежде всего из правительственного сообщения от 10 января 1775 года „О наказании смертною казнью изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников“:

„Подпоручика Михайла Швановича, — отмечалось в разделе восьмом этой официальной „сентенции“, — за учиненное им преступление, что он, будучи в толпе злодейской, забыв долг присяги, слепо повиновался самозванцовым приказам, предпочитая гнусную жизнь честной смерти, — лишив чинов и дворянства, ошельмовать, переломя над ним шпагу“.

Поскольку никаких других данных об этом сподвижнике Пугачева не мог Пушкин заимствовать из печатных источников, а материалы архивные ему в январе 1833 года еще были недоступны, естественно предположить, что интерес романиста к исторической личности Шванвича определился под непосредственным воздействием каких-то более определенных *устных* свидетельств о последнем.

И действительно, в бумагах Пушкина сохранилось несколько заметок, тематически близких интересующим нас планам романа и восходящих, как свидетельствует пояснительная ссылка самого поэта — „Слышал от Н. Свечина“ (см. стр. 692) — к совершенно конкретным рассказам об этом сподвижнике Пугачева близко знавшего его лица.

„Показание некоторых историков, утверждавших, что ни один из дворян не был замешан в Пугачевском бунте, совершенно несправедливо, — писал Пушкин в 1834 году, имея прежде всего в виду героя задуманного им романа. — Множество офицеров (по чину своему сделавшихся дворянами) служили в рядах Пугачева, не считая тех, которые из робости пристали к нему. Замечательна разность, которую правительство полагало между дворянством личным и дворянством родовым. Прапорщик Минеев и несколько других офицеров были прогнаны сквозь строй, наказаны батогами и проч., а Шванвич только ошельмован преломлением над головою шпаги. Шванвич был сын кронштадтского коменданта, разрубившего некогда палашем, в трактирной ссоре, щеку Алексея Орлова (Чесменского)“. Об этой же ссоре Пушкин подробнее писал в другой заметке (см. выше, стр. 693), из которой заимствуем только ее заключительную часть, как мотивирующую концовку одного из планов „Капитанской дочки“: „Шванвич долго скитался, боясь встретиться с Орловыми. Через несколько времени произошел переворот, возведший Екатерину на престол, а Орловых на первую степень в государстве. Шванвич почитал себя погибшим. Орлов пришел к нему, обнял его и остался с ним приятелем. Сын Шванвича, находившийся в команде Чернышева, имел малодушие пристать к Пугачеву и глупость служить ему со всеусердием. Г. А. Орлов выпросил у государыни смягчение приговора“.

Судя по известным Пушкину кратким биографическим данным о старике Шванвиче, он не принадлежал в 1762 году к числу сторонников императрицы Екатерины и при возведении последней на престол даже „почитал себя погибшим“. А. Г. Орлов спас его от гибели, но, конечно, не мог обеспечить его карьеры. В планах повести Пушкина он рисуется уже отставным и опальным помещиком, живущим в глухой деревне. Образ старого оппозиционера, про-

---

[1] Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано в брошюре И. С. Зильберштейна „Из бумаг Пушкина“, М. 1926, стр. 42—43. Отметка „Дидерот“ в плане романа связана с фактом пребывания Дидро в Петербурге с сентября 1773 г. по конец февраля 1774 г., т. е. в течение всего отрезка времени, соответствовавшего первому периоду пугачевщины. О возможной функции „Дидерота“ в романе о Шванвиче см. в „Литературном Наследстве“ 1934, кн. 16—18, стр. 451—452.

зябающего в глуши за свой рыцарственный легитимизм в 1762 году, за свое отчуждение от растленного двора Екатерины II и ее фаворитов, принадлежал, как известно, к числу любимейших образов Пушкина и связан был даже с семейными преданиями об опале его деда, Льва Александровича (см. „Мою родословную“, „Родословная Пушкиных и Ганнибалов“, данные о „славном 1762 г.“ в „Дубровском“). Рукопись последней редакции „Капитанской дочки“ позволяет установить, что и Андрей Петрович Гринев, отец героя повести, „служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-маиором в *1762* году“, т. е., очевидно, „как Миних верен оставался паденью третьего Петра“. Эта дата отставки старика Гринева (исключенная из печатного текста, возможно, по цензурным соображениям) объясняет и опальное положение его в деревне, и постоянное раздражение при чтении „Придворного Календаря“, и нежелание отправить Петрушу на службу в гвардию, в Петербург. В начальных планах романа и самый факт появления молодого Шванвича в штабе мнимого Петра III мотивировался, вероятно, старыми семейными счетами Шванвичей с Екатериной II, что позволяло и его „измену“ трактовать не как сознательный переход дворянина и гвардейца на сторону крестьянской революции, не как попытку того или иного компромисса с последней (мотивировки для подцензурного издания пушкинской поры совершенно, конечно, неприемлемые), а как случайную трагедию одного из членов правящего класса, по мотивам совершенно особого порядка оказавшегося в стане восставших крепостных рабов.

Работа над романом в 1833 году не пошла дальше начальных наметок плана, ибо изучение архивных материалов о пугачевщине, доступ к которым Пушкин получил в конце февраля 1833 года, настолько его увлекло, что вместо повести о Шванвиче он сразу же принялся за исследование о Пугачеве. Первая редакция этой исторической монографии (разумеется, в самой сжатой, местами еще полуконспективной форме) закончена была, как свидетельствуют рукописи Пушкина, 22 мая 1833 года. Однако ошибочно было бы думать, что „История Пугачева“ означала отказ от романа. Об определенном параллелизме в эту пору художественных и исследовательских интересов Пушкина свидетельствуют не только его автопризнания, но и творческие документы. Так, готовясь к поездке в Казань и Оренбург для ознакомления с районом восстания, а также для собирания дополнительных архивных и фольклорных материалов о нем, Пушкин, на официальный запрос от имени самого Николая I о целях его путешествия, 30 июля 1833 года отвечал управляющему III Отделением следующее: „Может быть, государю угодно знать, какую именно книгу хочу я дописать в деревне: это роман, коего большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани, и вот почему хотелось бы мне посетить обе сии губернии“. Это, хотя и достаточно глухое, упоминание о романе нельзя толковать как простую отписку, имевшую целью только прикрыть основную мотивировку поездки — доработку „Истории Пугачева“. Через пять дней после только что приведенного письма Пушкин набрасывает проект художественного введения к роману, которое мы связываем с изменениями всей его фабулы, получившими выражение в это же время в планах, объединенных именем Башарина.

Вместо Шванвича, служившего самозванцу „со всеусердием“ и на ответственных командных постах, в этом новом варианте плана романа появляется уже Башарин, личность также историческая, но существенной роли в событиях 1773—1774 гг. уже не игравшая. Эта смена героев очень симптоматична.

Как и в планах „Капитанской дочки“, так и в исторической действительности, Башарин является уже только пленником Пугачева, случайно им помилованным и скоро оказавшимся вновь в рядах правительственных войск. Архивные материалы о занятии мятежниками 29 ноября 1773 года крепости Ильинской позволили Пушкину восстановить

в „Истории Пугачева“ следующую сцену суда и расправы Пугачева:

„Ему представили капитана Камешкова и прапорщика Воронова. История должна сохранить сии смиренные имена. *„Зачем вы шли на меня, на вашего государя?“* — спросил победитель. — „Ты нам не государь, — отвечали пленники: — у нас в России государыня императрица Екатерина Алексеевна и государь цесаревич Павел Петрович, а ты вор и самозванец“. Они тут же были повешены. Потом привели капитана Башарина. Пугачев, не сказав уже ему ни слова, велел было вешать и его, но взятые в плен солдаты стали за него просить. *„Коли он был до вас добр,*— сказал самозванец, — *то я его прощаю*“.— И велел его, так же как и солдат, остричь по-казацки, а раненых отвести в крепость“ („История Пугачева“, глава IV).

Эта сцена, впоследствии широко развернутая в седьмой главе „Капитанской дочки“, позволяет уяснить и источник сведений Пушкина о Башарине — бумаги архива военного министерства, доставленные ему по распоряжению графа Чернышева между 25 февраля и 29 марта 1833 года. К весне или лету 1833 года относим мы и соответственное изменение планов романа в вариантах пятом и шестом.

Четвертый вариант плана романа[1]

Башарин отцом своим привезен в Петербург и записан в гвардию. — За шалость послан в гарнизон — Он *<нрзбр.>* из страха отд. *<нрзбр.>* — Пощажен Пугачевым при взятии крепости, [произведен им в капитаны и отряжен] с отдельной партией в Симбирск под начальством одного из полковников Пугачева. — Он спасает отца своего, который его не узнает. — Является к Михельсону, который принимает его к себе; отличается против Пугачева—принят опять в гвардию.— Является к отцу в Москву — идет с ним к Пугачеву.

[Старый комендант отправляет свою дочь в ближнюю крепость;]

[Пугачев, взяв одну, подступает к другой — Башарин первый на приступе]. [Требует в награду].

Пятый вариант плана[1]

Башарин дорогой во время бурана спасает башкирца (le mutilé).[2] — Башкирец спасает его по взятии крепости. — Пугачев щадит его, сказав башкирцу — *Ты своею головою отвечаешь за него.* — Башкирец убит — etc.

Набросок введения к роману[3]

Любезный внук мой Петруша!

Часто рассказывал я тебе некоторые происшествия моей жизни и замечал, что ты всегда слушал меня со вниманием несмотря на то, что случалось мне, может быть, в сотой раз пересказывать одно. На некоторые вопросы я никогда тебе не отвечал, обещая со временем удовлетворить твоему любопытству. — Ныне решился я исполнить мое обещание.— Начинаю для тебя свои записки, или лучше искреннюю исповедь, с полным уверением, что признания мои послужат к пользе твоей. Ты знаешь, что, несмотря на твои проказы, я всё полагаю, что в тебе прок будет, и главным тому доказательством почитаю сходство твоей молодости с моею. Конечно, твой батюшка никогда не причинял мне таких огорчений, какие терпели от тебя твои родители — он всегда вел себя порядочно и добронравно; и всего бы лучше было если б ты на него походил — ты уродился не в него, а в дедушку, и по-моему это еще не беда. Ты увидишь, что завлеченный пыл-

[1] Печатается по автографу *ЛБ*, тетрадь № 2374, л. 4 об. Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“ 1881, кн. I, стр. 448.

[1] Печатается по автографу *ЛБ*, тетрадь № 2375, л. 32 (листок с этим планом вырезан был Пушкиным из предыдущей тетради и вшит в тетрадь № 2375 после его смерти). Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 9, стр. 653; чтение записи уточнено Д. П. Якубовичем в сб. „Работа классиков над прозой“, Л. 1929, стр. 11.

[2] Изуродованный.

[3] Печатается по черновому автографу *ПД* (собрание А. Ф. Онегина). Впервые опубликовано в сборнике „Неизданный Пушкин“, П. 1922, стр. 163—165.

костию моих страстей во многие заблуждения, находясь несколько раз в самых затруднительных обстоятельствах, я выплыл наконец и, слава богу, дожил до старости, заслужив и почтение моих ближних и добрых знакомых. — То же пророчу и тебе, любезный Петруша, если сохранишь в сердце твоем два прекрасные качества, мною в тебе замеченные — доброту и благородство.

5[4] августа 1833. Черн. речка.

Материалы, вывезенные Пушкиным из поездки его в сентябре 1833 года в Казань, Симбирск, Оренбург и Уральск, ближайшее отражение получили в работе не над романом, а над „Историей Пугачева". Можно утверждать, что и в Болдине, где Пушкин отдыхал после поездки и где в течение полутора месяцев закончена была им переработка „Истории Пугачева", „Медного всадника", вновь написаны „Анджело", „Пиковая дама" и две сказки, к своему роману Пушкин не обращался. Этот этап в истории „Капитанской дочки" самим Пушкиным был формулирован в письме к А. Х. Бенкендорфу от 6 декабря 1833 года следующим образом: „Я думал некогда написать исторический роман, относящийся ко временам Пугачева, но, нашед множество материалов, я оставил вымысел и написал историю Пугачевщины".

Время возвращения Пушкина к работе над романом до сих пор точно не установлено. Возможно, что еще летом 1833 года, перед отъездом в Оренбург, Пушкиным написано было не только введение к роману („Любезный внук мой Петруша"), но и несколько цельных глав. По крайней мере иначе трудно было бы объяснить письмо Пушкина к жене от 13 сентября 1834 года из Болдина: „И стихи в голову нейдут, и роман не переписываю". Строки эти тем более непонятны, что последний из дошедших до нас *планов* романа, очень близкий окончательной редакции „Капитанской дочки", набросан *не ранее конца 1834 года*, но, вернее, относится к еще более позднему времени.

Шестой вариант плана [1]

Валуев приезжает в крепость. Муж и жена Борисовы. Оба душа в душу. — Маша, их балованная дочь — (барышня, Марья Борисова). Он влюбляется тихо и мирно.

Получают известие и капитан советуется с женою — Казак, привезший письмо, подговаривает крепость. — Капитан укрепляется, готовится к обороне [а дочь посылает], подступает (?)

Крепость осаждена — Приступ отражен. — Валуев ранен, в доме ком⟨енданта⟩ — Второй приступ — крепость взята. — Сцена виселицы — [Швабрин] Валуев взят во стан Пуг⟨ачева⟩. — От него отпущен в Оренбург.

Валуев в Оренб. — Совет — Комендант — Губернат. — Тамож. См. — Прокурор. — Получает письмо от М. Ив.

В этом плане характерен, в отличие от предшествующих пяти, упор не на политическую линию Шванвича — Пугачева, а на локальный историко-бытовой материал (семья Борисовых, т. е. будущих Мироновых, и роман Валуева-Гринева с Марьей Ивановной на фоне белогорской идиллии). Снижение героя продолжается — Валуев не Шванвич и даже не Башарин, но все же образ его не расщеплен еще, как в окончательной редакции романа, на Швабрина и на Гринева, поэтому в плане нет и поединка (будущей главы IV), а ранение героя происходит не на дуэли, а во время осады крепости. Следует отметить и живые черты прототипов героев повести, которыми Пушкин условно пользуется в этом плане, согласно обычной технике своего прозаического письма. Валуев — это П. А. Валуев, двадцатилетний жених дочери кн. П. А. Вяземского, будущий министр. Маша Борисова — это Марья Васильевна Борисова, молодая девушка, сирота,

[1] Печатается по автографу *ЛБ* (писано на листке, занятом стихами А. Боде. Дата стихов: 28 октября 1834 г.). Впервые опубликовано (вместе с факсимиле) М. А. Цявловским в „Трудах Публичной библиотеки им. Ленина", М. 1934, стр. 24.

жившая в доме П. И. Вульфа, о которой Пушкин шутливо писал 27 октября 1828 года из Малинников А. Н. Вульфу, что „намерен надиях в нее влюбиться".

Начало реализации нового плана „Капитанской дочки" не может быть датировано раньше 1835 года, а о том, что и в конце года роман не был еще написан, свидетельствует, во-первых, отсутствие данных об этом в бумагах Пушкина и, во-вторых, письмо его к Плетневу от октября 1835 года из Михайловского: „Такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось. Пишу, — через пень колоду валю. Для вдохновенья нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен".

Роман задерживался, однако, не только отсутствием „сердечного спокойствия", необходимого для работы. Неуспехом „Истории Пугачева" и отдельного издания „Повестей" 1834 года, запрещением „Медного всадника" и отказом самого автора от окончания „Дубровского" создавалось положение, при котором Пушкин не мог идти на риск провала в цензуре своей новой большой вещи. Роман приходилось путем сложнейших литературно-тактических ухищрений и перестроек приспособлять к жестким рамкам „дозволяемого к печати". Художественной и политической ответственностью этой неблагодарной работы и были прежде всего обусловлены медленные темпы ее осуществления.

Дошедшие до нас планы романа особенно ярко демонстрируют процесс постепенного политического и интеллектуального снижения его героя. Вместо Шванвича, выходца из кругов старой дворянской оппозиции петербургскому самодержавию, активного и сознательного союзника Пугачева, уже в четвертом варианте плана появляется капитан Башарин — пленник Пугачева, пощаженный по просьбе любивших его солдат, но скоро вновь оказавшийся в рядах правительственных войск. В шестом варианте плана „Капитанской дочки" исторический Башарин, которого Пушкин предполагал связать с Пугачевым случайным эпизодом „спасения башкирца" во время бурана (фабульное зерно, давшее в последней редакции романа заячий тулупчик), заменяется безличным Валуевым (характерен вариант его фамилии — Швабрин), но и этот невольный пугачевец, фигура почти нейтральная, в силу именно своей нейтральности в разгар крестьянской войны, не мог, разумеется, быть, с точки зрения охранительного аппарата дворянской монархии, признанным положительным героем и как бы рупором самого автора. Для сохранения в „Капитанской дочке" даже скромных позиций Валуева-Гринева приходилось противопоставить ему резко отрицательный образ пугачевца из дворян, что и было осуществлено Пушкиным в последней редакции романа путем расщепления единого прежде героя-пугачевца на двух персонажей, один из которых (Швабрин), трактуемый как злодей и предатель, являлся громоотводом, обеспечивавшим от цензурно-политической грозы положительный образ другого (Гринева).

Самое имя Гринева (в черновой редакции романа он еще назывался Буланиным) выбрано было не случайно. В отмеченной нами выше правительственной информации от 10 января 1775 года об окончании процесса Пугачева, имя подпоручика Гринева значится в ряду тех, кои „находились под караулом, будучи сначала подозреваемы в сообщении с злодеями, но по следствию оказались невинными".

Ломка романа не ограничилась, конечно, отказом от его начального плана и изменением характера и функций его героев. Дошедшая до нас одна из глав законченной черновой редакции „Капитанской дочки" (см. выше) позволяет установить, что Пушкину уже в процессе переписки романа приходилось исключать из него ряд сцен, образов и положений, социально-политическая значимость и острота которых была неприемлема для подцензурной печати 30-х годов.

23 июня 1836 года, закончив работу над „Капитанской дочкой", Пушкин 27 сентября представил цензору П. А. Корсакову „первую половину" своего романа; 19 октября рукопись переписана была до конца и 24 октября дополнительно сдана для подписи

к печати. В обоих обращениях в цензуру Пушкин настойчиво просил сохранить „тайну“ своего имени, предполагая выпустить роман в свет анонимно. Какие-то мелкие изменения пришлось Пушкину внести по требованию цензора в первые главы романа, а по поводу заключительной его части он же должен был письменно разрешить недоуменный вопрос своего официального рецензента: „Существовала ли девица Миронова и действительно ли была у покойной императрицы“.

„Имя девицы Мироновой,—отвечал Пушкин 25 октября П. А. Корсакову,— вымышлено. Роман мой основан на предании некогда слышанном мною, будто бы один из офицеров, изменивших своему долгу и перешедших в шайки Пугачевские, был помилован императрицей по просьбе престарелого отца, кинувшегося ей в ноги. Роман, как изволите видеть, ушел далеко от истины“.

1 ноября 1836 года Пушкин читал свой роман на вечере у П. А. Вяземского („Остафьевский Архив“, т. III, стр. 347), замечания которого дошли до нас в письменной форме („Переписка Пушкина“, т. III, стр. 407) и частично были учтены Пушкиным (напр., изъятие из главы восьмой анахронизма в словах Пугачева: „Ступай ко мне в службу — и я пожалую тебя в князья Потемкины“ или замена в главе первой слова „абшид“ на „пашпорт“). Сохранилось известие, что Пушкин не хотел печатать „Капитанскую дочку“ в „Современнике“, рассчитывая на бо́льший успех отдельного ее издания.[1] Вероятно, для этого издания предназначалось и особое предисловие, начало которого сохранилось в бумагах Пушкина:

Набросок предисловия[2]

Анекдот, служащий основанием повести, нами издаваемой, известен в Оренбургском краю.

Читателю легко будет распознать нить истинного происшествия, проведенную сквозь вымыслы романические, а для нас это было бы излишним трудом. Мы решились написать сие предисловие с совсем другим намерением.

[Несколько лет тому назад в одном из наших Альманахов напечатан был.]

Последние строки этого недописанного предисловия имели целью объяснить, как мы полагаем, связь некоторых фабульных линий „Капитанской дочки“ с историческими данными „Рассказа моей бабушки“, появившегося в „Невском альманахе на 1832 год“.[1] В этом рассказе использованы были подлинные воспоминания о взятии Хлопушей Нижне-Озерной крепости, о гарнизонном быте в Оренбургских степях и пр. „Бабушка“ являлась героиней рассказа, ибо отец и мать ее были убиты пугачевцами, а она, оставшись сиротою, едва спаслась от их покушений. Возможно, что семья Мироновых в „Капитанской дочке“ и сложилась под впечатлением „Рассказа моей бабушки“, откуда бесспорно заимствованы были Пушкиным и некоторые детали для зарисовки крепостного быта (напр., эпизод с пушкой в главе шестой).

Материалы того же порядка Пушкин мог, впрочем, почерпнуть и из устных рассказов И. А. Крылова, детство которого прошло в Яицком городке и в Оренбурге. Самый образ капитана Миронова, скромного и незаметного офицера захолустного гарнизона, но твердого и благоразумного начальника, возвышающегося до подлинного героизма в пору осады крепости, подсказан был, вероятно, также рассказами баснописца о его отце, капитане Андрее Крылове, офицере осажденного пугачевцами Яицкого городка. На основании этих рассказов, частью даже записанных Пушкиным 11 апреля 1833 года, образ

[1] Воспоминания И. П. Сахарова („Русский Архив“ 1873, кн. 1, стб. 974—975).

[2] Печатается по автографу *ЛБ*, тетрадь № 2385, л. 16. Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 7, стр. 530.

[1] „Невский альманах на 1832 год“, стр. 250—332. Неизвестный автор „Рассказа“ укрылся за подписью А. К. Знакомство Пушкина с этим материалом впервые отмечено было в неопубликованном докладе Н. О. Лернера в 1933 г.

скромного армейского капитана Крылова был заметно выдвинут в „Истории Пугачева“, что и дает нам основание утверждать об определяющей роли его же при конструировании типических черт капитана Миронова в „Капитанской дочке“.[1]

Характерный для всех исторических композиций Пушкина упор на документальный, мемуарный и фольклорный материал осложняется в „Капитанской дочке“ работой по первоисточникам, впервые введенным в литературный оборот частью самим Пушкиным в его „Истории Пугачева“, частью специально прибереженным им для романа. Особенно близка и непосредственна была связь с „Историей Пугачева“ центральных глав „Капитанской дочки“. Так, развернутым историческим комментарием для шестой („Пугачевщина“) и десятой („Осада города“) глав романа являлись первые три главы „Истории“; к ней же (главы третья и четвертая) восходили основные сцены и образы глав седьмой („Приступ“), восьмой („Незванный гость“) и частью девятой („Мятежная слобода“).

Если история взятия Нижне-Озерной и Ильинской, картины суда и расправы, чинимой Пугачевым в крепостях, казни капитана Камешкова и прапорщика Воронова, помилования Башарина и пр. предопределяли даже детали всего повествования о взятии Белогорской крепости, о гибели капитана Миронова и Ивана Игнатьевича, о помиловании Гринева и пр., то не менее значимой представляется нам для уяснения самой техники пушкинской переработки фольклорных и документальных источников знаменитая сцена пирушки в штабе Пугачева. В основу ее положена была следующая страница главы третьей „Истории Пугачева“: „Пугачев не был самовластен. Яицкие казаки, зачинщики бунта, управляли действиями прошлеца, не имевшего другого достоинства, кроме некоторых военных знаний и дерзости необыкновенной. Он ничего не предпринимал без их согласия; они же часто действовали без его ведома, а иногда и вопреки его воли. Они оказывали ему наружное почтение, при народе ходили за ним без шапок и били ему челом: но наедине обходились с ним, как с товарищем, и вместе пьянствовали, сидя при нем в шапках и в одних рубахах, и распевая бурлацкие песни. Пугачев скучал их опекою. *Улица моя тесна*, говорил он Денису Пьянову, пируя на свадьбе младшего его сына“.

Творческое преображение этого материала в „Капитанской дочке“ вылилось в впечатления Гринева: „Необыкновенная картина мне представилась. За столом, накрытым скатертью и установленным штофами и стаканами, Пугачев и человек десять казацких старшин сидели, в шапках и цветных рубашках, разгоряченные вином, с красными рожами и блистающими глазами... Все обходились между собою как товарищи, не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю... „Ну, братцы,— сказал Пугачев,— затянем-ка на сон грядущий мою любимую песенку. Чумаков! начинай!“ Сосед мой затянул тонким голоском заунывную бурлацкую песню, и все подхватили хором: „Не шуми, мати зеленая дубровушка...“ и пр. (глава восьмая).

Из отмеченного нами выше места „Истории Пугачева“ в этой сцене оказалась неиспользованной только заключительная сентенция Пугачева на пиру у Дениса Пьянова: „Улица моя тесна“. Однако эта кра-

[1] Пушкинскую запись рассказов И. А. Крылова о пугачевщине и комментарии к ней см. во „Временнике Пушкинской Комиссии“ (т. I, стр. 26—29). Ср. также перенос из „Истории Пугачева“ в „Капитанскую дочку“ следующей ситуации: „Двести человек при капитане Крылове отряжены были вперед. К ним выехал навстречу казак, держа над головою возмутительное письмо от самозванца. Казаки потребовали, чтоб письмо было им прочтено. Крылов тому противился. Произошел мятеж“ и пр. („История Пугачева“, глава вторая). В главе седьмой романа действиям капитана Миронова перед вылазкой предшествовала следующая сцена появления казаков-пугачевцев: „В это время из-за высоты, находившейся в полверсте от крепости, показались новые конные толпы... Мы в них узнали своих изменников. Один из них держал над шапкою лист бумаги... „Вот я вас!— закричал Иван Кузмич.— Ребята! Стреляй!...“ Между тем мятежники видимо приготовлялись к действию“ („Капитанская дочка“, глава седьмая).

сочная деталь не пропала даром — она ожила в разговоре Пугачева с Гриневым:

„А ты полагаешь идти на Москву?"

„Самозванец несколько задумался и сказал вполголоса: „Бог весть. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою" (глава одиннадцатая).

В этом диалоге интересно не только самое использование красочной детали живого говора Пугачева, записанной Пушкиным под Оренбургом со слов одного из собеседников самозванца, но и наличие определенных тенденций политически поднять Пугачева, оторвав его от казачьей „воровской" вольницы. Для уяснения самого отношения Пушкина к Пугачеву необходимо учесть впечатления его поездки в места, связанные с историей пугачевщины.

Из рассказов современников Пугачева, из преданий и песен о нем, вырастал мощный образ народного вождя, памятью о котором продолжала жить крестьянская и казачья масса всего Приуралья.

„Уральские казаки (особливо старые люди),— осторожно отмечал Пушкин в своих заметках о пугачевщине, поданных царю 31 января 1835 г.,— доныне привязаны к памяти Пугачева. Грех сказать, говорила мне 80-летняя казачка, на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал.— Расскажи мне, говорил я Д. Пьянову, как Пугачев был у тебя посаженным отцом? — Он для тебя Пугачев, отвечал мне сердито старик, а для меня он был великий государь Петр Федорович. Когда упомянул я о его скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря: не его воля была: наши пьяницы его мутили".

Во время путешествия 1833 г. записана была, очевидно, Пушкиным и замечательная калмыцкая сказка об орле и вороне, замыкающая беседу Пугачева с Гриневым о походе на Москву, а по живым рассказам восьмидесятилетней старухи Бунтовой[1] восстановлены были Пушкиным красочные сцены присяги Пугачеву после взятия Белогорской крепости (глава седьмая), картина раздачи денег народу перед выездом самозванца[1] (глава девятая) и другие историко-бытовые детали романа.

Рассказы очевидцев с исключительным художественным тактом дополнялись в „Капитанской дочке" бытовыми документами, извлеченными из архивов. Отметим, например, что знаменитая сцена главы девятой, посвященная столкновению Пугачева с Савельичем из-за врученного последним „Реестра барскому добру, раскраденному злодеями" („Два халата, миткалевый и шелковый полосатый на шесть рублей..." и пр.), построена была Пушкиным на основании одной из подлинных „претензий" 1774 г., скопированной им, вероятно, в Оренбургском архиве во время поездки 1833 г. („Реестр, что украдено у надворного советника Буткевича при хуторе в пригороде Заинске").

Итак, для уяснения некоторых особенностей художественного образа Пугачева в „Капитанской дочке" необходимо учесть,

[1] Рассказы Бунтовой (или, как называл ее Пушкин, „старухи в Берде") дошли до нас частью в записях самого Пушкина, частью в очень точной передаче „одной москвички", гостившей в Оренбурге и посетившей Бунтову через два месяца после Пушкина. Для сцены присяги в гл. VII использован был следующий рассказ Бунтовой: „К Пугачеву приводили ребят—он сидел между двумя казаками, из коих один держал серебряный топорик, а другой—булаву.—У Пугачева рука лежала на колене — подходящий кланялся в землю, а потом, перекрестясь, целовал его руку" (запись Пушкина). В развернутой передаче письма „москвички" из Оренбурга от 26 ноября 1833 г. рассказ Бунтовой ближе к тексту „Капитанской дочки", чем лаконическая запись самого Пушкина: „Бывало он <Пугачев> сидит, на колени положит платок, на платок руку, по сторонам сидят его енаралы... супротив виселица, а около мы на коленях присягаем, присягнем, да поочередно, перекрестясь, руку у него поцелуем, а меж тем на виселицу то беспрестанно вздергивают" (Л. Майков, „Пушкин", СПБ. 1899, стр. 427).

[1] Ср., напр., запись Пушкина со слов „старухи в Берде": „Когда Пугачев ездил куда-нибудь, то всегда бросал народу деньги" (*ПД*, автограф из собрания Л. Н. Майкова) — развернутую в главе IX, в сцене выезда Пугачева из Белогорской крепости: „Пугачев остановился на крыльце и со всеми поздоровался. Один из старшин подал ему мешок с медными деньгами, и он стал их метать пригоршнями. Народ с криком бросился их подбирать, и дело обошлось не без увечья..."

с одной стороны, яркие и волнующие рассказы еще живых пугачевцев, непосредственно воздействовавших на Пушкина *своей* интерпретацией исторической личности Пугачева, как подлинного народного вождя, с другой — общие впечатления поэта от поездки в места, охваченные в 1773—1774 г. восстанием (административные и торговые центры Поволжья и Приуралья, крепостные деревни, казачьи городки и степные кочевья угнетенных народов Оренбургского края). Итоги именно этих живых и действенных впечатлений, подкрепленные изучением архивных материалов о пугачевщине, определили не только позицию будущего автора „Капитанской дочки“, но и заключения записки, представленной Пушкиным Николаю I 25 января 1835 г. Доказывая, что „весь черный народ был за Пугачева“, Пушкин пояснял, что лозунги крестьянской революции ни в какой мере не противоречили интересам прочих классов, за исключением поместного дворянства.

„Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства,— писал Пушкин.— Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противуположны... Разбирая меры, предпринятые Пугачевым и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самые надежные и действительные к достижению своей цели. Правительство с своей стороны действовало слабо, медленно, ошибочно“. Два политических вывода непосредственно вытекало из этой записки, формулировать которые прямо Пушкин, видимо, не мог, но в учете которых царем не сомневался. Первый заключал в себе признание известной случайности победы помещичье-дворянской монархии в борьбе ее с Пугачевым, второй сводился к напоминанию: „Пугачевский бунт доказал правительству необходимость *многих перемен*“. — Сделанный тут же Пушкиным краткий перечень тех „перемен“, которые были реализованы за шестьдесят лет („новое учреждение губерниям“, разукрупнение областей, улучшение путей сообщения), красноречиво свидетельствовал, однако, о неосуществленности важнейшей из реформ, подсказанных правительству уроками пугачевщины. Пушкин имел, конечно, в виду необходимость ликвидации крепостных отношений, неизбежно таящих в себе угрозу „насильственных потрясений, страшных для человечества“. Именно эта формула крестьянской революции сложилась у Пушкина в пору его работ над приспособлением к печати заметок о запретном для русских читателей „Путешествии из Петербурга в Москву“ Радищева. Характерно, что полный текст этой сентенции, условная охранительная функция которой должна была облегчить проведение в печать прямо противоречащих ей материалов трактата о Радищеве, в той же, примерно, значимости перенесена была Пушкиным в последнюю редакцию „Капитанской дочки“:

„Лучшие и прочнейшие изменения, — писал Пушкин в заметках о Радищеве, — суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества“ (концовка главы „Русская изба“). „Молодой человек, — резюмирует Гринев в „Капитанской дочке“, — если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений“ (глава шестая).

Перспективы крестьянской революции и связанные с последней вопросы о той или иной линии поведения либерального меньшинства правящего класса, сдавленного рамками крепостнического государства, но в то же время терроризированного и призраком новой пугачевщины, впервые встали перед Пушкиным во всей своей конкретности и остроте летом 1831 года.

Письма и заметки поэта именно этой поры дают исключительно богатый материал для суждения об эволюции его общественно-политических взглядов под непосредственным воздействием все более и более грозных вестей о расширении плацдарма кре-

стьянских „холерных бунтов“ и солдатских восстаний.

„Ты верно слышал о возмущениях Новгородских и Старой Руссы. Ужасы! — писал Пушкин 3 августа 1831 г. кн. П. А. Вяземскому. — Более ста человек генералов, полковников и офицеров перерезаны в Новгородских поселениях со всеми утончениями злобы. Бунтовщики их секли, били по щекам, издевались над ними, разграбили дома, изнасильничали жен; спасся один при помощи больных, лежащих в лазарете; убив всех своих начальников, бунтовщики выбрали себе других — из инженеров и комуникационных. Государь приехал к ним вслед за Орловым. Он действовал смело, даже дерзко; разругав убийц, он объявил прямо, что не может их простить, и требовал выдачи зачинщиков. Они обещались и смирились. Но бунт Старо-Русской еще не прекращен. Военные чиновники не смеют еще показаться на улице. Там четверили одного генерала, зарывали живых и проч. *Действовали мужики, которым полки выдали своих начальников.* Плохо, ваше сиятельство. Когда в глазах такие трагедии, некогда думать о собачьей комедии нашей литературы“.

В аспекте классовых боев 1830—1831 г. получали необычайно острый политический смысл и исторические уроки пугачевщины. Концепция последней как „русского бунта бессмысленного и беспощадного“, предопределяя и всю социальную дидактику печатной редакции „Капитанской дочки“ (невозможность либерально-дворянского компромисса с крестьянской революцией), впервые обозначилась для Пушкина не в результате позднейших пристальных изучений им пугачевских материалов, а еще года за полтора до окончательного оформления этой линии его творческих и исследовательских интересов. Переписка Пушкина позволяет установить, что ближайшим информатором его о кровавых эксцессах восстания военных поселян, — фактах, не подлежавших, конечно, оглашению в тогдашней прессе, — был поэт Н. М. Коншин, совмещавший служение музам с весьма прозаической работой правителя дел Новгородской секретной следственной комиссии. Необычайно характерно, что в своей оценке событий 1831 г. Пушкин полностью солидаризировался со своим официозным корреспондентом, суждения которого предвосхищали, вероятно, и идеологический субстрат знаменитой формулы „русского бунта“.

„Я теперь как будто за тысячу по крайней мере лет назад, мой любезнейший Александр Сергеевич, — писал Н. М. Коншин Пушкину в первых числах августа 1831 г. — Кровавые сцены самого темного невежества перед глазами нашими перечитываются, сверяются и уличаются. Как свиреп в своем ожесточении добрый народ русской! Жалеют и истязают; величают вашим высокоблагородием и бьют дубинами, и это всё вместе. Чорт возьми, это ни на что не похоже! Народ наш считают умным, но здесь не видно ни искры здравого смысла“ („Переписка Пушкина“, т. II, стр. 294).

К событиям 1830—1831 г. восходили не только некоторые декларативные детали печатной редакции „Капитанской дочки“, но, как можно установить, даже некоторые элементы ее бытописи. Ср., напр., рассказ Пушкина о его попытке пробиться из Болдина в Москву в октябре 1830 г., в самый разгар холеры, „чуть не взбунтовавшей 16 губерний“ („Я тотчас собрался в дорогу и поскакал. Проехав 20 верст ямщик мой останавливается: застава! — Несколько мужиков с дубинами охраняли переправу через какую-то речку... Ни они, ни я хорошенько не понимали, зачем они стояли тут с дубинами и с повелением никого не пускать“ и пр.), с известной сценой в пропущенной главе позднейшей „Капитанской дочки“: „Что такое?“ спросил я с нетерпением. „Застава, барин“, отвечал ямщик, с трудом остановя разъяренных коней. В самом деле, я увидал рогатку и караульного с дубиною. Мужик подошел ко мне, снял шляпу, спрашивая пашпорту“. Эти же впечатления от крестьянской карантинной милиции 1830—1831 г. предопределили и зарисовку столкновений Гринева с пугачевской заставой у Бердской сло-

боды при попытке его пробиться из Оренбурга в Белогорскую крепость (глава одиннадцатая).

К Пушкинским писаниям 1830 г. восходит и известное место четвертой главы „Капитанской дочки“: „Петр Андреевич сочинил недавно песню и сегодня запел ее при мне, а я затянул мою любимую:

Капитанская дочь,
Не ходи гулять в полночь“.

В черновой редакции „Барышни крестьянки“, датированной „20 сент.“ 1830 г., обнаружены следующие строки:

„И Настя побежала прочь, распевая свою любимую песню:

Капитанская дочь,
Не ходи гулять в полночь“.

Поэтика исторических романов Вальтер Скотта, высоко ценимого Пушкиным издавна и вновь перечитанного в 1834—1835 гг.,[1] оказала непосредственное воздействие и на общую технику оформления историко-бытового материала в „Капитанской дочке“ и на конкретные детали отдельных ее образов, сцен и ситуаций.[2] Общность основных фабульных линий теснее всего связывала „Капитанскую дочку“ с „Роб-Роем“ и „Уоверли“. Сюжетно более далек роман Пушкина был от „Эдинбургской темницы“, но на материале именно последней построена была вся заключительная глава „Капитанской дочки“ (рассказ о Марье Ивановне в Царском Селе, ее пребывание у Анны Власьевны, неожиданный вызов ее во дворец и пр. полностью восходили к истории поездки Дженни, хлопочущей за невинно осужденную Эфи, в Лондон, ее жизни у миссис Глас, встречи с герцогом Аргайлем и пр.) Более общи некоторые сюжетные линии, связывающие „Капитанскую дочку“ с „Бюг-Жаргалем“ Гюго (1826) и „Обрученными“ Мандзони (1827).

[1] 25 сентября 1835 г. Пушкин писал жене из Михайловского: „Читаю романы В. Скотта, от которых в восхищении“. О чтении В. Скотта он писал ей же 13 сентября 1834 г.

[2] Сопоставление параллельных сцен „Эдинбургской темницы“ и „Капитанской дочки“ см. в статье М. Л. Гофмана, „Капитанская дочка“ („Пушкин“, под ред. С. А. Венгерова, 1910, т. IV, стр. 356—357). Ср. Б. В. Нейман, „Капитанская дочка“ Пушкина и романы Вальтер Скотта“ (Сборн. Отд. русск. языка и словесности Академии Наук СССР“, Л. 1928),

Глава I

239. *Служил при графе Минихе...* — *Миних*, Бурхард-Христофор (1683—1767) — полководец и политический деятель, сосланный Елизаветой Петровной в Сибирь, откуда возвращен Петром III. Во время дворцового переворота 1762 г. оставался верен Петру. Об интересе Пушкина к этому моменту его биографии см. выше, стр. 749.

244. *„И денег, и белья, и дел моих рачитель“.*— Источник цитаты не установлен.

Глава II

245. Эпиграф заимствован из „Нового и полного собрания российских песен“, изд. Н. Новикова, М. 1780, ч. III, №. 68. Первые два стиха в подлиннике звучат иначе: „Сторона ль ты моя сторонушка,/ Сторона ль моя, незнакомая“.

246. *Я приближался к месту моего назначения.*— Черновой вариант этих строк ближе связан с впечатлениями самого Пушкина во время поездки его осенью 1833 г. в Оренбург: [Я ехал по степям Заволжским... Я видел одни бедные мордовские и чувашские деревушки.]

246. *Кибитка ехала по узкой дороге или, точнее, по следу, проложенному крестьянскими санями...* и пр.—Строки эти восходят к очерку С. Т. Аксакова „Буран“, опубликованному без имени автора в альманахе „Денница на 1834 г.“: „Небольшой обоз тянулся по узенькой, как ход крестьянских саней, проселочной дорожке, или лучше сказать — следу, будто недавно проложенному по необозримым снежным пустыням“. Самые же подробности бурана, описанного далее, основаны на точных данных как очерка С. Т. Аксакова, так и материалов о буранах в „Топографии Оренбургской“ П. И. Рычко-

ва, СПБ. 1762. Дата цензурного разрешения „Денницы“ — 24 октября 1833 г., время покупки альманаха Пушкиным — 18 мая 1834 г.

Глава III

253. *Картинки, представляющие взятие Кистрина и Очакова.* — Прусская крепость Кюстрин была осаждена русскими войсками в 1758 г., турецкая крепость Очаков взята была войсками Миниха в 1737 г.

Глава IV

257. *Однажды удалось мне написать песенку, которой был я доволен...* и пр. Стихи, цитируемые далее („Мысль любовну истребляя“ и пр.), заимствованы Пушкиным из „Нового и полного собрания российских песен“, изданного Н. Новиковым, М. 1780, ч. I, стр. 41, причем вовсе устранены вторая и третья строфы первоисточника и четвертая сокращена наполовину, а в оставшихся перефразированы некоторые строки.

260. *А я затянул мою любимую: Капитанская дочь,/ Не ходи гулять в полночь.*— Песня эта заимствована Пушкиным из сборника Ивана Прача „Собрание народных русских песен“, СПБ. 1790, стр. 85 (песни плясовые, № 10). Во всех других сборниках эта песня печаталась в иной редакции („Ты, отеческая дочь,/ Не ходи гулять в полночь“).

Глава V

263. Первый эпиграф („Ах ты, девка, девка красная!“) точно соответствует шести последним стихам песни „Ах ты, Волга, Волга матушка“. (Иван Прач „Собрание народных русских песен“, СПБ. 1790, стр. 29; то же в сборнике Н. Новикова, 1780, ч. I, № 176. Второй эпиграф („Буде лучше меня найдешь, позабудешь...“ и пр.) взят из песни „Вещевало мое сердце, вещевало“ („Новое и полное собрание российских песен“, изд. Н. Новикова, М. 1780, ч. I, № 135).

Глава VI

268. Эпиграф заимствован из песни о взятии Казани Иваном Грозным (первые две строки зачина) в песеннике, изд. Н. Новиковым, М. 1780, ч. I, № 125.

272. *Воззвание написано было в грубых, но сильных выражениях, и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей.*— Это же Пушкин отмечал в записке, представленной в 1835 г. Николаю I: „Первое возмутительное воззвание Пугачева к яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного“.

274. *Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов...* и пр.— Об этой формуле, впервые намеченной Пушкиным в „Путешествии из Москвы в Петербург“, см. выше стр. 756.

274. *Комендант Нижне-Озерной крепости, тихий и скромный молодой человек, был мне знаком: месяца за два перед тем проезжал он из Оренбурга с молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузмича.* — Далее в рукописи сохранились следующие строки: „Помню даже, что Марья Ивановна была недовольна за то, что я слишком разговорился с прекрасною гостьей, и во весь день не сказала мне ни слова, и вечером ушла со мною не простившись, а на другой день, когда подходил я к комендантскому дому, то услышал ее звонкий голосок: Марья Ивановна напевала:

Во беседах, во веселых не засиживайся,
На хороших, на пригожих не заглядывайся“.

Глава VII

276. Эпиграф заимствован из песни о казни стрелецкого атамана („Голова ль ты моя головушка,/ Голова моя послуживая“) в песеннике, изд. Н. Новикова, М. 1780, ч. II, № 130.

277. *Изменники кричали: „Не стреляйте, выходите вон к государю. Государь здесь!“*—Ср. рассказ о взятии крепости Ильинской: „Мятежники приблизились и, разъезжая около нее, кричали часовым: Не стреляйте и выходите вон: здесь государь. По них выстрелили из пушки“ („История Пугачева“, гл. IV).

278. *Комендант, Иван Игнатьич и я мигом очутились за крепостным валом, но оробелый гарнизон не тронулся...* и пр. — См. подробности взятия крепости Нижне-Озерной („История Пугачева“, гл. II).

279. *Вдруг закричали, что государь на площади ожидает пленных и принимает присягу...* и пр.— О документальных и фольклорных источниках сцен суда и расправы Пугачева, казни капитана Миронова и Ивана Игнатьича см. выше, а также показания „очевидца“ о взятии Сакмарского городка („История Пугачева“, гл. II).

Глава VIII

281. В рукописи зачеркнут второй эпиграф к этой главе:

„А пришли к нам злодеи в обедни — и у сборной избы выкатили три бочки вина, и пили — а нам ничего не дали (Показание старосты Ивана Парамонова в марте 1774 года)“.

283. *Пугачев и человек десять казацких старшин сидели в шапках и цветных рубашках, разгоряченные вином...* и пр. Об источниках этой сцены см. выше, стр. 754.

284. *Сосед мой затянул тонким голоском заунывную бурлацкую песню, и все подхватили хором: „Не шуми, мати, зеленая дубравушка...“* и пр. — Песня эта (в редакции, усвоенной Пушкиным) сохранилась в песеннике, изд. Н. Новиковым, М. 1780, ч. I, № 131. Эту же песню Пушкин использовал в „Дубровском“ (гл. XIX).

285. *Я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу, когда принужден я был скрываться от своих недругов. То ли еще увидишь! Так ли еще тебя пожалую...*—Возможно, что в сцене этой, равно как и в дальнейших мотивировках отношений Пугачева и Гринева, получил отражение анекдот о казанском пасторе, произведенном Пугачевым в полковники за милостыню, которую самозванец получал от него в казанском остроге („История Пугачева“, гл. VIII).

Глава IX

287. Эпиграф взят из стихотворения М. М. Хераскова „Разлука“.

288. *Обер-секретарь громогласно стал по складам читать следующее: „Два халата, миткалевый и шелковый полосатый на шесть рублей...“* и пр. Об источнике этой сцены см. выше, стр. 755.

Глава X

290. Эпиграф взят из „Россиады“ М. М. Хераскова (песнь XI).

293. *Не стану описывать оренбургскую осаду, которая принадлежит истории.* — См. „Историю Пугачева“, гл. IV.

294. *С вами де то же будет, что с Лизаветой Харловой.* — См. „Историю Пугачева“, гл. II.

Глава XI

296. Эпиграф, судя по исчерканным вариантам рукописи, восстановлен Пушкиным по памяти. Ссылка на сочинения А. Сумарокова не верна, что дает основания подозревать авторство самого Пушкина.

197. *Я надеялся объехать слободу благополучно, как вдруг увидел в сумраке прямо перед собой человек пять мужиков, вооруженных дубинами: это был передовой караул пугачевского пристанища...* и пр.—Об этой сцене см. выше, стр. 757.

299. *Первый (как узнал я после) был беглый капрал Белобородов, второй Афанасий Соколов (прозванный Хлопушей).*— Характеристики их см. в „Истории Пугачева“ гл. III.

303. *Самозванец несколько задумался и сказал вполголоса: „Улица моя тесна; воли мне мало.*— См. выше, стр. 755.

Глава XII

304. Эпиграф, два последних стиха которого в рукописи Пушкина читаются иначе („Некому ее снарядити/, Некому [ее] благословити“), близок пушкинской записи свадебной песни: „Много, много у сыра дуба/ Много ветвей и поветей/ Только нету у сыра дуба/ Золотые вершиночки“ и пр. (см. т. II).

Заменив сравнение с „сырым дубом" „яблонькой" и перефразировав концовку песни, Пушкин заботился не столько о точной передаче народной песни, сколько о приспособлении эпиграфа к тематике главы.

Глава XIII

312. *Вскоре князь Голицын, под крепостию Татищевой, разбил Пугачева...*"—См. „Историю Пугачева", гл. V.

313. *Пугачев бежал, преследуемый И. И. Михельсоном.*— См. „Историю Пугачева", гл. VI и VII.

Глава XIV

318. *Отец мой пострадал вместе с Волынским и Хрущовым...*—*Волынский*, Артемий Петрович (1689—1740), — кабинет-министр Анны Иоанновны, герой думы Рылеева и романа Лажечникова „Ледяной дом", казненный (вместе с А. Ф. *Хрущевым*, советником адмиралтейств-коллегий) за участие в заговоре против Бирона, фаворита императрицы, фактического главы государства.

322. Черновой вариант концовки:

„Петр Андреевич умер в конце 1817-го года. Рукопись его досталась старшему внуку его, который и доставил нам оную, узнав, что мы заняты были историческим трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом. К сожалению мы получили ее слишком поздно, и решили с дозволения родственников напечатать ее особо,приискав к каждой главе приличный эпиграф и тем сделать книгу достойной нашего века. 23 июня.

А. Пушкин".

Отрывки и наброски

Надинька

Печатается по черновому автографу *ЛБ*, тетрадь № 2364, л. 57. Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 3, стр. 654—655; точнее и полнее—С. М. Бонди в Полном собр. соч. Пушкина, 1930, т. IV, стр. 486. Датируется 1819 годом по месту в рукописи, среди черновиков „Руслана и Людмилы" и стихов 1819 года. В рукописи сохранился и второй вариант названия повести — „Эльвина". Черновой вариант зачина: „У гусара К [В] было дружеское собрание". Из четвертого абзаца, после слов „Ветренный Вельверов" зачеркнуто: „Я без ужина никак не могу обходиться, а ужинать могу только у нашихизвестных пр⟨елестниц⟩. Виктор одобрил эту похвальную привычку".

Героиней задуманной повести должна была, очевидно, явиться Надинька Форст, известная петербургская кокотка конца 40-х годов. О ней упоминал Пушкин в послании „К Щербинину" 1819 года („Кто Надиньку под вечерок за тайным ужином ласкает"); к ней же относилось и четверостишие „С тобой приятно уделить..." и пр., обычно приписываемое Пушкину. В письме его же к П. Б. Мансурову от 27 октября 1819 года с тематикой начатой повести непосредственно связаны строки: „Всеволожский Никита играет; мел столбом, деньги сыплются!" Образ жизни этой поры запечатлен и в стихах, исключенных из второй главы „Евгения Онегина" (1823):

Бывал готов я в эти лета
Допрашивать судьбы завет,
Налево ляжет ли валет?
Уж раздавался звон обеден,
Среди разбросанных колод
Дремал усталый банкомет,
А я нахмурен, бодр и бледен,
Надежды полн, закрыв глаза,
Пускал на третьего туза.

⟨„Гости съезжались на дачу..."⟩

I. Гости съезжались на дачу***... Печатается по автографу (беловому, с поправками) *ЛБ*, тетрадь № 2387 Б, лл. 40, 41, 57, 58, 42, 43, 55. Впервые опубли-

ковано с некоторыми неточностями и цензурными изъятиями в сборнике „Сто русских литераторов“, СПБ. 1839, т. I, стр. 94—95. Автограф черновой редакции этой части повести находится в *ЛБ*, тетрадь № 2371, лл. 27—36 об. См. некоторые варианты в „Русской Старине“ 1884, № 7, стр. 45—46. Датируется по месту в рукописи осенью 1828 года.

II. Минский лежал еще в постеле.... Печатается по автографу *ЛБ*, тетрадь № 2371, л. 98. Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 7, стр. 54. Датируется условно 1828—1829 годом.

III. Вы так откровенны и снисходительны.... Печатается по автографу *ЛБ*, тетрадь № 2382, лл. 75 об.—73. Впервые частично опубликовано П. В. Анненковым в „Вестнике Европы“ 1880, кн. VI, стр. 611; полнее — В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 11, стр. 365—366 и С. А. Венгеровым в „Пушкине“ 1910, т. IV, стр. 255—256. Датируется по месту в рукописи началом 1830 года.

Фабула повести о Зинаиде Вольской, разработанная с не совсем обычной для замыслов этой поры детальностью (самый план см. на стр. 385) и занимавшая Пушкина в течение почти двух лет, осталась нереализованной. Очевидно, самый жанр утонченно-психологизированной „светской повести“, представлявшийся ведущим критикам и теоретикам конца 20-х и 30-х годов генеральной линией русской прозы, своими возможностями не удовлетворял Пушкина, решительно перешедшего после нескольких творческих экспериментов в этой области на позиции более широкого социального и художественного плана „Повестей Белкина“.

Прототипом Зинаиды Вольской (в плане „Зелия“) являлась известная петербургская красавица этой поры, Аграфена Федоровна Закревская, жена министра внутренних дел генерал-адъютанта А. А. Закревского, охарактеризованная Пушкиным тою же осенью 1828 года в „Портрете“ („С своей пылающей душой,/ С своими бурными страстями“) и в „Наперснике“ („Твоих признаний, жалоб нежных“), портретно зарисованная в одной из выпущенных строф восьмой главы „Онегина“ („Неслышно в залу Нина входит...“ и пр.) и бегло отмеченная в основном его тексте (сравнение Татьяны с „блестящей Ниной Воронскою, сей Клеопатрою Невы“). Страницы о Зинаиде Вольской являлись местами лишь прозаическим переложением „Портрета“ и „Наперсника“, а письмо Пушкина от 1 сентября 1828 года к Вяземскому о Закревской („Она утешительно смешна и мила. Я ей пишу стихи, а она произвела меня в свои сводники“) проливает свет на основу и самой завязки романа (ср. сентенцию Минского в первом наброске: „Я просто ее наперсник, или что вам угодно. Но я люблю ее от души — она уморительно смешна“ — и его же роль в наброске втором той же главы). Возможно, что из-за портретности героини и некоторой обнаженности автобиографических черт, сообщенных образу Минского (о его фамилии см. выше, стр. 724), Пушкин отказался от продолжения начатого романа и переключил его материал в схему „На углу маленькой площади“. Несколько снизив образ Минского, а Вольскую из блестящей светской львицы превратив в увядающую обитательницу Коломны, Пушкин художественно резче и убедительнее мог разрешить и намеченную им романическую коллизию — столкновение Вольской с ее будущей соперницей („молодой провинциалкой“, судя по плану). На отказ от первого варианта романа известное влияние могло оказать и знакомство Пушкина в конце 1828 года с полным текстом „Бала“ Баратынского, который не только героиней своей поэмы избрал ту же Закревскую, но предвосхитил и всю фабульную схему Пушкина (Арсений, герой, несколько напоминающий Минского, покидает свою любовницу, великосветскую львицу „княгиню Нину“, для Ольги, „чистой“, хотя и мало заметной, молодой девушки). Восторженные критические заметки Пушкина о „Бале“ Баратынского дают ключ к уяснению особенностей и его собственного подхода к той же теме. Одна эпизодическая деталь брошенного романа (разговор с испанцем о светских жен-

щинах) была развернута Пушкиным в начале 1830 года в особом художественно-публицистическом этюде (разговор с испанцем о русской аристократии).

334. *Один из наших поэтов* — кн. П. А. Вяземский.

335. *Il n'en fera rien, trop heureux de pouvoir la comprometttre* — Он этого не сделает, так как слишком рад случаю ее компрометировать.

335. *Гуссейн-паша* — последний алжирский бей, низложенный французами в 1830 году.

337. *„Liaisons dangereuses"* — „Опасные связи", роман Шодерло-де-Лакло (1782).

337. *Гений выкраден из Жомини...* — *Жомини*, Генрих (1779—1869) — историк и теоретик военного дела, участник походов Наполеона; с 1813 года — генерал-адъютант русской службы.

337. *Et puis c'est un homme à grands sentiments* — А кроме того, это человек, способный к сильным чувствам.

339. *Наша дворянская чернь, к которой и я принадлежу, считает своими родоначальниками Рюрика и Мономаха. Но настоящая аристократия наша с трудом может назвать и своего деда...* и пр.—Формулировка мыслей, получивших выражение в „Моей родословной", „Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений", „Романе в письмах", заметках о русском дворянстве.

339. *Мы гордимся не славою предков, но чином какого-нибудь дяди дурака или балом двоюродной сестры.* — См. далее.

На углу маленькой площади

Печатается частью по беловому автографу *ЛБ*, тетрадь № 2386, лл. 12,13,50 (глава I), частью по черновому *ЛБ*, тетрадь № 2371, лл. 88—86 об. (глава II). Автограф черновой редакции главы I хранится в *ПД* (собрание А. Ф. Онегина) и в *ЛБ*, тетрадь № 2371, лл. 88 и 89. Впервые глава I опубликована в Посмертном изд. соч. Пушкина т. XI, 1841, стр. 143—147 и глава II, дополнения и варианты к главе I — В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 7, стр. 51—52; точнее — в Полном собр. соч. Пушкина, 1930, т. IV, стр. 492—494. Наброски черновой редакции опубликованы в сборнике „Неизданный Пушкин", П. 1922, стр. 158—162. Датируется на основании положения в рукописи самым концом 1829— первой половиной 1830 года. Первая глава была перебелена, возможно, в начале 1831 или 1832 года (на листе, занятом I главой, сохранилась дата: „24 февраля").

В тетради *ЛБ*, № 2382, л. 23, об. сохранился набросок плана повести.[1]

В Коломне avant-soirée.[2] *Она* — больная, капризная, нежная. *Он* (рассеянный, сатирический) лжет — soirée с хор.<?>. Явление в свет молодой девушки — Он влюбляется — Утро молодого человека. — У них будут балы, покамест не выйдет замуж. — Он представлен. Сцены в Коломне — Он ссорится.

План этот, восходя в основных своих частях к замыслу повести, первый вариант которой был реализован в набросках „Гости съезжались на дачу" (см. выше, стр. 761, а также стр. 781), в процессе своего осуществления свидетельствовал о некотором снижении социального положения центральных его персонажей. Блестящая Зинаида Вольская превращена была в увядающую „больную и нежную" даму, уже оставившую большой свет, а функции Минского, холодно самолюбивого, „усмиренного опытами" и уверенного в себе аристократа, сменил Валериан Володский, молодой человек, еще не завоевавший себе прочного положения в обществе, боящийся быть „в пренебрежении у светской аристократии", мнительный и раздражительный. С обстоятельствами личной жизни Пушкина связаны были усиление в повести элементов сатирической характеристики петербургского большого света (см. эти же

[1] Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 11, стр. 350; полнее и точнее — в Полном собр. соч. Пушкина, 1930, т. IV, стр. 494.

[2] В сумерки.

мотивы в „разговоре с испанцем“, в „Романе в письмах“, в „Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений“, в „Моей родословной“) и некоторые особенности зарисовки отношений Володского к Зинаиде (ср., например, строки повести: „Он был в отчаянии: никогда не думал он связать себя такими узами...“ и пр. с письмом Пушкина к Е. М. Хитрово зимой 1828—1829 г.: „Я пресытился интригами, чувствами, перепиской и т. д. Я больше всего на свете боюсь порядочных женщин и возвышенных чувств...“).

Сюжетная схема начатой повести создалась, возможно, под воздействием романа Б. Констана „Адольф“ (1815), высоко ценимого Пушкиным. Как раз в 1829 году над переводом этого романа работал П. А. Вяземский, а значение, которое придавал предстоящему изданию Пушкин, видно, хотя бы из заметки его в „Литературной Газете“, где „Адольф“ характеризовался еще неопубликованными строками „Онегина“: „Адольф принадлежит к числу *двух или трех романов*,

В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивый и сухой,
Мечтаньям преданный безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом“.

Это толкование „Адольфа“ существенно уясняет и отношение Пушкина к образу Володского. Об отражении в повести Пушкина других элементов тематики „Адольфа“ и некоторых следов его знакомства с „Физиологией брака“ Бальзака (1829) см. статью А. А. Ахматовой „Адольф“ Б. Констана в творчестве Пушкина („Временник Пушкинской Комиссии“, т. I, стр. 101—106).

340. Эпиграф: „Votre coeur est l'éponge imbibée de fiel et de vinaigre. Correspondance inédite“ — „Ваше сердце — губка, пропитанная желчью и уксусом. *Неизданная переписка*“.

Источник этого эпиграфа не установлен.

341. „А *кто такая графиня Фуфлыгина?*“ — „*Взяточница, толстая, наглая дура*“. — В строках этих дана почти портретная характеристика графини М. Д. Нессельроде, жены министра иностранных дел, одной из ожесточенных гонительниц Пушкина в петербургском большом свете и при дворе.

342. Эпиграф перенесен был Пушкиным впоследствии в „Пиковую даму“. Перевод его см. выше, стр. 742.

‹Роман в письмах›

Печатается по автографу *ПД* (первые семь писем) и *ЛБ*, тетрадь № 2382, лл. 93 об. — 87 об. (последние три письма). Автограф черновой, заголовка не имеет, перебелена на особом листе только часть первого письма (от слов „Ты, конечно, милая Сашенька“ до „Слезы ее меня тронули“). Впервые опубликовано (с пропусками и искажениями) П. В. Анненковым в дополнительном томе Сочинений Пушкина, 1857, т. VII, стр. 125—138; дополнено им же (несколько строк в письме восьмом, вместе с которыми ошибочно введена в „Роман“ страница из „Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений“) в статье „Общественные идеалы Пушкина“ („Вестник Европы“ 1880, кн. VI, стр. 612) и В. Е. Якушкиным в работе „Рукописи Пушкина“ („Русская Старина“ 1884, № 11, стр. 362—364). Весь текст выправлен по автографу в 1930 году и вновь несколько уточнен в настоящем издании.

Время работы Пушкина над „Романом в письмах“ определяется датами черновых текстов двух писем: первое датировано 21 октября, третье —1 ноября (первоначально „30 окт.“). Даты эти относятся к 1829 году, что подтверждается, во-первых, местом писем в тетради № 2382, среди черновиков „Путешествия в Арзрум“, восьмой главы „Онегина“ и стихотворения „Зима. Что делать нам в деревне...“, писанных 2 ноября 1829 года, во-вторых, внутренней ссылкой в письме пятом на 1829 год, как на текущий, и наконец отметкой в конце письма первого: „С. Павловское“.

Село Павловское — имение П. И. Вульфа, дяди приятеля и приятельниц Пушкина, в Старицком уезде Тверской губернии. Пушкин гостил здесь в октябре 1828 года, в январе и осенью 1829 (см. письма Пушкина к А. Н. Вульфу от 27 октября 1828 года и 16 октября 1829 г. В первом из этих писем появляется и известная формула: „Тверской Ловлас С.-Петербургскому Вальмону здравия и успехов желает“). Встретясь в Павловском и в Малинниках со своими тригорскими приятельницами 1824—1826 гг., Пушкин слегка волочился здесь за „нежной, томной, истерической“ Анной Николаевной Вульф и за „уездной барышней“ Е. В. Вельяшевой (вероятный прототип Маши), но в то же время приглядывался и к формам барщинного хозяйства, к усадебному быту и к крепостной деревне (ср. в восьмом письме: „Всё это надумал я, живучи в чужой деревне, глядя на управление мелкопоместных дворян...“ и т. п.).

23 августа 1833 года Пушкин писал жене: „Ты не угадаешь, мой ангел, откуда я к тебе пишу: из Павловского, между Берновом и Малинниками, о которых вероятно я тебе много рассказывал... Назад тому пять лет Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями, но уланы переведены, а барышни разъехались...“ Ср. в „Романе в письмах“: „Вхожу в гостиную, нахожу толпу гостей, уланские мундиры. Дамы меня окружают...“ и пр.

Сатирическая характеристика великосветского Петербурга, данная в „Романе в письмах“, необычайно близка строфам XXIV—XXVII восьмой главы „Евгения Онегина“, писанным в то же время и частью даже в той же тетради *ЛБ*, № 2382. Но „Роман в письмах“ тесно связан был и с предшествующими главами „Онегина“ (типологическая близость обеих героинь, методы показа петербургского денди и „уездной барышни“, разгадка „героя“ посредством чтения „героиней“ старых отметок на полях прочитанных им книг, упоминания о фонвизинских персонажах в строфе, посвященной гостям Лариных в главе пятой „Онегина“ и в восьмом письме романа и т. п.). В начатый роман Пушкин предполагал вложить и свои излюбленные мысли о дворянском оскудении, о подлинной и мнимой русской аристократии (см. более раннюю наметку суждений об этом в набросках „На углу маленькой площади“ и в „Разговоре с испанцем“), а также некоторые общие соображения о петровской табели о рангах („чины в России“) и о системе дворянского воспитания, намеченные им еще в „Записке о народном воспитании“ 1826 года (пробелы в девятом письме, вероятно, и предназначались для этих вставок.)

Трудностями проведения в печать чисто публицистических страниц „Романа в письмах“, с одной стороны, и, с другой — использованием в нем материала, нужного для „Евгения Онегина“ и частично в последнем уже даже показанного, обусловлен был отказ Пушкина от занимавшего его в 1829 году замысла. Но уже написанные части „Романа“ не остались без движения в его бумагах. Осенью 1830 года в Болдине в „Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений“ переходят из „Романа в письмах“ рассуждения о старой и новой русской аристократии. В рукописную редакцию „Метели“ (в печатном тексте это место было несколько изменено) переходит общая характеристика Маши и ее семьи (см. письмо второе); в „Барышне крестьянке“ оказывается использованной страница об „уездных барышнях, воспитанных в тени своих садовых яблонь“ и пр. и некоторые другие детали писем седьмого (о дамской обуви) и восьмого (линия поведения Владимира ** в кругу провинциальных помещиков). Наконец, в 1834 году Пушкин для „Пиковой дамы“ приспособляет свою зарисовку Лизы, которая, сниженная и социально и интеллектуально, оживает в образе Елизаветы Ивановны, бедной воспитанницы знатной старухи. В новой повести разворачиваются и суждения героини „Романа в письмах“ о горькой доле „девушек, состоящих на правах воспитанниц, дальних родственниц и demoiselles de compagnie“, а исключенный из письма седьмого

анекдот об „Эпиграмме Д“ (см. ниже) выдвигается в „Пиковой даме“ как эпиграф ко второй ее главе.

344. *Уединение мне нравится на самом деле, как в элегиях твоего Ламартина...* — Пушкин очень сдержанно относился к стихам „сладкозвучного, но однообразного“ Ламартина (1790—1869), одного из самых модных французских поэтов 20-х годов. Отзыв о его „тощем и вялом“ однообразии Пушкин повторил и в заметке „Всем известно, что французы народ самый антипоэтический“ (1832). Характерно, что и героиня „Романа в письмах“ не считает „своим“ Ламартина.

345. *Отец [балагур] и хлебосол. Мать толстая, веселая баба, большая охотница до виста. Дочка стройная меланхолическая девушка лет семнадцати, воспитанная на романах и на чистом воздухе.* — Строки эти почти дословно переходят в том же, 1829, году в набросок „В начале 1812 года полк наш стоял в небольшом уездном городе“, откуда осенью 1830 года переставляются в рукописную редакцию „Метели“: „В конце 1811 г., в эпоху столь живо описанную Ф. Н. Глинкою, жил в Нижегородском поместии своем добрый Гаврила Гаврилович Р**, с женою, белой, веселой и еще свежею бабою, большой охотницей до виста, и с 17-летней дочерью, меланхолической девицей, бледной и стройной“.

345. *...говорит о природе нараспев и с чувством подчует вареньем...* — Ср. в „Евгении Онегине“: „Звала Полиною Прасковью / И говорила нараспев“.

348. *Я было заглянула в журналы и принялась за критики Вестника**, но их плоскость и лакейство показались мне отвратительны. Смешно видеть, как семинарист важно упрекает в безнравственности и неблагопристойности сочинения, которые прочли мы все...* — Пушкин имеет в виду статьи Н. И. Надеждина в „Вестнике Европы“ о „Графе Нулине“. На эти статьи Пушкин хотел ответить в „Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений“ (1830) и в особом письме в редакцию „Литературной Газеты“ („Отдавая полную справедливость...“ и т. п.). Одновременно же с „Романом в письмах“ он откликнулся на обвинения Надеждина в заметке „Многие недовольны нашей журнальною критикой“ (см., напр., концовку: „Педантизм имеет свою хорошую сторону. Он только тогда смешон и отвратителен, когда легкомыслие и невежество выражаются языком пьяного семинариста...“) и в наброске эпиграммы:

В журнал совсем не европейский,
Над коим чахнет старый журналист,
С своею прозою лакейской
Взошел болван семинарист.

350. *Я узнала, что Р. объявил однажды себя решительно на стороне аристократок, потому что они лучше обуваются.* — В черновой редакции этих строк (на обороте автографа первого письма) им предшествовала следующая сентенция, использованная впоследствии в „Барышне крестьянке“:

„Неопрятная обувь в женщине доказывает или недостаток воспитания, или неуважение приличий. С об⟨увью⟩ дозволяется кокетство“.

Мотивировка предпочтения, оказываемого *Р* (это, конечно, не русское эр, а французское П — инициал, которым Пушкин подписывал нередко свои статьи) аристократкам, заменила в письме седьмом следующие зачеркнутые строки:

„Недавно кто-то напомнил эпиграмму Д. какой-то спелой кокетке, которая смеялась над его демократической склонностью к субреткам. — Que voulez-⟨vous⟩madame? Elles sont plus fraîches. Многие приняли сторону дам большого света. Утверждали, что любовь питается блеском и тщеславием. Это напоминает мне слова Р. Он объявил себя решительно ⟨на стороне аристократок, потому что они лучше обуваются.⟩ и пр.

350. *Петербург — прихожая, Москва — девичья...* — Сентенция, предназначавшаяся в 1827 году для „Отрывков из писем, мыслей и замечаний“, но исключенная оттуда, вероятно, цензурой.

350—351. *Древние фамилии приходят в ничтожество, новые поднимаются и в третьем поколении исчезают опять. К чему ведет такой политический материализм? Не знаю, но пора положить ему преграды.* — Политический смысл этих тирад определяется их связью с теми рукописными трактатами и секретными докладными записками об уничтожении табели о рангах и о введении майоратов, которые в последнее десятилетие царствования Александра I выходили из прогрессивных кругов крупнопоместного дворянства, левый фланг которого как-то смыкался с правым флангом декабристов. Мы имеем прежде всего в виду защиту майоратов в известной записке об освобождении крестьян, поданной в 1816 году П. Д. Киселевым, а также записку „Об уничтожении гражданских чинов", представленную некиим Марковым через Н. С. Мордвинова графу А. А. Аракчееву 3 ноября 1816 года. Особенно интересна для уяснения генезиса политических установок Пушкина в „Романе в письмах" система аргументации записки Маркова: „Разделение статских чинов на классы, неизвестное во всей Европе, должно приписать тому, что Петр I желал чрез сие ввести бо̀льшую подчиненность между боярами, всегда между собою кичившимися... Постановления сии соделались ныне вредными, ибо произвели множество дворянских родов, кои, получив начало свое от людей необразованных и исшедших из самых низких классов народа, не могли потому передать потомству своему того возвышенного духа и тех правил чести, кои во все времена и у всех народов существенно отличали дворянское сословие. В особенности тот легкий способ приобретать дворянское достоинство нанес великий вред российскому купечеству, ибо замечено, что многие из знатнейших купеческих родов, перешедши в дворянство, утратили знаменитость свою по торговым делам, потребили стяжанные предками сокровища и из первых в прежнем состоянии соделались последними в новом. Если щедрая раздача дворянских дипломов столь очевидно унижает сие достоинство, и потому была бы вредна для всякого государства, то в России она тем бедственнее, что у нас одним дворянам предоставлено право владеть крестьянами, и потому, чем более размножается дворян, тем более увеличивается число людей, пользующихся сим правом" („Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива собственной е. и. в. канцелярии, СПБ. 1901, стр. 391—392).

351. *Я без прискорбия никогда не мог видеть уничижения наших исторических родов...* и пр.— Первая формулировка суждений Пушкина об этом дана в 1827 году в „Отрывках из писем, мыслях и замечаниях" („Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно..." и пр.). Эта же тема использована в фабуле повести „Гости съезжались на дачу", после „Романа в письмах" перешла в „Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений" и в „Родословную моего героя".

351. *И какой гордости воспоминаний ожидать от народа, у которого пишут на памятнике: „Гражданину Минину и князю Пожарскому"*. Об этой надписи см. заметку, предназначавшуюся Пушкиным в 1836 году для „Современника" (т. V наст. издания).

351. *Какая дикость! Для них не прошли еще времена Фонвизина. Между ими процветают Простаковы и Скотинины...*— Возможно, что для сатирической характеристики провинциального дворянства еще в пятой главе „Онегина" при описании гостей Лариных использованы персонажи Фонвизина (глава V, строфа XXVI):

С своей супругою дородной
Приехал толстый Пустяков;
Гвоздин, хозяин превосходный,
Владелец нищих мужиков;
Скотинины, чета седая...
и пр.

351. *„А потому что патриотки"*.— стих из „Горя от ума".

352. *Охота тебе корчить г. Фобласа... — Фоблас* — герой серии романов Луве-де-Кувре „Приключения кавалера Фобласа".

353. *Эта девушка, выросшая под яблонями и между скирд, воспитанная природой и старыми нянюшками, гораздо милее наших однообразных красавиц...* — Строки эти использованы в „Барышне крестьянке“: „Что за прелесть эти уездные барышни! Воспитанные на чистом воздухе, в тени своих яблонь, они знание света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам...“ и пр.

В начале 1812 г. полк наш стоял...

Печатается по черновому автографу *ЛБ*, тетрадь № 2382, л. 13. Впервые опубликовано С. М. Бонди в Полном собр. соч. Пушкина, приложение к журналу „Красная Нива“ 1930, кн. 9, стр. 504.

Набросок, для которого использовано несколько строк „Романа в письмах“ (см. выше, стр. 766), датируется по месту в рукописи 1829 годом и является, возможно, вариантом начала „Метели“ (см. выше, стр. 722, а также рукописный вариант этого начала, стр. 721). Семья городничего, едва намеченная в наброске „В начале 1812 г....“ и замененная в „Метели“ семьей провинциального помещика, ожила в том же составе и, примерно, с теми же квалификациями в „Ревизоре“ Гоголя. Эта тематическая связь не случайна, ибо самый замысел „Ревизора“ принадлежал, как известно, Пушкину.

〈Повесть о прапорщике Черниговского полка〉

Печатается по черновому автографу *ПД* (бывш. собрание И. А. Шляпкина). Впервые частично опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855, стр. 273; полностью — в книге И. А. Шляпкина „Из неизданных бумаг Пушкина“, СПБ. 1903. До 1930 года обычно печаталось в приложениях к „Повестям Белкина“, как якобы вариант к „Станционному смотрителю“. Набросок условно датируется 1829—1830 гг. В левом нижнем углу первого листа рукописи сохранился набросок плана всей повести:

Смотритель.—Прогулка.—Фельдъегерь.

Дождик — Коляска — Gentilman — Любовь. —

Родина.

Армейский прапорщик, полунищий безземельный дворянин, воспитанник сиротского дома или кадетского корпуса, живущий „с одного жалованья“— фигура типическая как для участников восстания Черниговского полка в декабре 1825 года (в числе сподвижников С. И. Муравьева-Апостола было пять прапорщиков), так и для всего левого крыла южного декабризма. О последнем Пушкин был, конечно, хорошо осведомлен не только по печатным источникам („Донесение Следственной Комиссии“ и „Высочайше утвержденный приговор об офицерах Черниговского полка, судимых в Могилеве“), — воспоминания о встречах с армейскими заговорщиками в 1820—1824 гг. в Кишиневе, Каменке и Одессе, оживленные беседами с ссыльными декабристами в 1829 году на Кавказе, позволили ему совершенно безошибочно определить социальную природу „героя“, впервые заявившего себя на русской исторической сцене в рядах деятелей Общества Соединенных Славян и участников васильковских событий.

Поэтому, вероятно, Пушкин почти не воспользовался в своей повести одним известным эпизодом восстания, необычайно благодарным в художественном отношении, но для общей картины движения мало характерным. Мы имеем в виду историю появления и гибели в рядах восставшего Черниговского полка девятнадцатилетнего Ипполита Муравьева-Апостола. Только что произведенный в прапорщики, он выехал зимою 1825 года из Петербурга к месту своего назначения в Тульчин, дорогой, рассчитывая на свидание с братом, свернул в Васильков, куда неожиданно попал в самый разгар восстания, с энтузиазмом стал в ряды революционных черниговцев, при столкновении

с правительственными войсками был тяжело ранен и, не желая пережить разгрома мятежников, застрелился.

Прапорщик Пушкина — „бедный прапорщик армейский“, а не аристократ Муравьев-Апостол. Повесть, рассчитанная на печать, не могла строиться в тонах патетической апологии бунтаря, и, подобно тому, как Пушкин сделал это впоследствии с Евгением в „Медном всаднике“, его герой и в 1829 году оказался несколько сниженным и социально и интеллектуально...

Судя по началу повести и сохранившемуся ее плану, социально-политическая острота вещи связана была главным образом с ее концовкой, обозначенной Пушкиным только одним словом — „Родина“. Эта лаконическая запись, открывая простор самым широким догадкам о развязке задуманной Пушкиным вещи, прежде всего ассоциируется с трагическим переломом судьбы всех солдат и офицеров Черниговского полка — с декабрьским восстанием 1825 года.

Повесть о прапорщике Черниговского полка брошена была Пушкиным в то же время и по тем же причинам, по которым ему пришлось уничтожить десятую главу „Онегина“. В условиях цензурно-полицейского террора после июльской революции 1830 года даже случайные следы произведения с декабристской тематикой могли навлечь на поэта тяжелые административные репрессии.

Однако он не сразу отказался от начатой вещи. По крайней мере, о какой-то попытке нейтрализации ее фабулы свидетельствуют зачеркнутые в тексте повести прямые ссылки на Черниговский полк, но без этих обозначений произведение, очевидно, лишалось своего стержня, и переработка его была прекращена. В середине 1831 года Пушкин рассматривал сохранившиеся листы повести 1829 года уже только как сырой материал и, подготовляя к печати „Повести Белкина“, почти без исправлений перенес в написанного предыдущею осенью „Станционного смотрителя“ целую страницу из своей брошенной вещи — описание лубочных иллюстраций к легенде о блудном сыне (см. выше, стр. 723).

Участь моя решена. Я женюсь...

Печатается по автографу *ЛБ*, тетрадь № 2372, лл. 65 об.—62. Впервые опубликовано П. В. Анненковым в дополнительном томе Соч. Пушкина 1857, т. VII, стр. 139—142 (им же цитировалось в „Материалах для биографии Пушкина“ 1855, стр. 276). Пропуски и неточности этой публикации выправлены частью В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 8, стр. 316, частью С. А. Венгеровым в „Пушкине“, изд. Брокгауз — Ефрон, 1910, т. IV, стр. 141—142, частью — в Полном собр. соч. Пушкина, 1932, т. IV, стр. 696—699. Датируется маем 1830 года, на основании положения в рукописи и отметок самого Пушкина: 12 мая (после строк „Вот моя холостая жизнь“) и 13 мая (после строк „критикуется в журналах дураками“).

Все три наброска, из которых состоит это явно автобиографическое произведение, прикрытое в рукописи нарочито неверной отметкой: „С французского“,— связаны с помолвкой Пушкина 6 мая 1830 года. О его невесте, Н. Н. Гончаровой, которую он впервые встретил в 1828 году, речь идет в строках „Та, которую любил я целые два года...“ и пр. В первом наброске точно воспроизведен образ холостой жизни Пушкина в Москве (даже такая деталь, как редкие визиты к больному дяде — умирающему Василию Львовичу), а во втором и третьем набросках отражены известные нам по другим источникам мысли Пушкина о поездке за границу в случае отказа со стороны Гончаровой и его же первые размолвки с невестой и ее родными.

31 августа 1830 года Пушкин в письме к Плетневу следующим образом подводил итоги этому периоду своей жизни: „Жизнь жениха тридцатилетнего хуже 30-ти лет жизни игрока... Свадьба моя отлагается день ото дня далее. Между тем я хладею, думаю о заботах женатого человека, о прелести холостой жизни. К тому же московские сплетни доходят до ушей невесты и ее ма-

тери — отселе размолвки, колкие обиняки, ненадежные примирения — словом, если я и не несчастлив, по крайней мере не счастлив".

Одни из сентенций „Участи" слегка лишь варьируют строки французского письма Пушкина от 5 октября 1830 года к будущей его теще (например, о готовности „пожертвовать всеми своими привычками и страстями, всем своим вольным существованием"), другие прямо повторяются потом в письмах Пушкина от 31 августа и 29 сентября к Плетневу (например: „Чорт меня догадал бредить о счастии, как будто я для него создан. Должно было мне довольствоваться независимостью" или „Доселе он *я*, а тут он будет *мы*").

359. *„My native land, adieu!"* — „Родная земля, прощай!" — стих Байрона.

360. *Портрет m-lle Зонтаг*...— Зонтаг, Генриетта (1805—1854) — знаменитая немецкая певица, гастролировавшая в 1830 году и в России.

Отрывок

Печатается по автографу *ЛБ*, № 2387 Б, лл. 24, 25, 73, 74. Впервые опубликовано после смерти Пушкина в „Современнике" 1837, кн. VIII, стр. 242—246; ошибки этой публикации устранены В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 12, стр. 667 и С. М. Бонди в Полном собр. соч. Пушкина, приложение к „Красной Ниве" 1930, кн. 9, стр. 509—511. Датировано самим Пушкиным 26 октября, а год (1830) точно определяется на основании тематики наброска, тесной связи ее с „Опытом отражения некоторых нелитературных обвинений" и некоторых палеографических данных (бумага с вод. зн. „1829" и „1830 г.").

В архиве Пушкина сохранился на особом клочке бумаги (*ЛБ*, тетрадь 2386 А, л. 15 об.) набросок, предназначавшийся, вероятно, для вставки в „Отрывок". Запись эта, частично опубликованная В. Е. Якушкиным в „Русской Старине" 1884, № 12, стр. 533, полностью расшифрована в 1930 году С. М. Бонди: „Но главною неприятностию почитал мой приятель приписывание множества чужих сочинений, как то: Эпитафия попу покойного [Нахимова] Курганова, четверостишие о женитьбе, в коем так остроумно сказано, что коли хочешь быть умен — учись, а коль хочешь быть в аду — женись, стихи на брачную перв⟨ую ночь⟩, достойные Ивана Семеновича Баркова, начитавшегося Ламартина... Беспристрастные наши журналисты, которые обыкновенно не умеют отличить стихов Нахимова от стихов Б⟨аркова⟩, укоряли его в безнравственности, отдавая полную справедливость их поэтическому достоинству и остроте".

Основная часть „Отрывка" была переработана Пушкиным в 1835 году для первой главы „Египетских ночей", о чем см. выше.

361. *Публика смотрит на него, как на свою собственность*... и пр.— Об этих строках см. выше.

361. *Явится ли он в армию, чтоб взглянуть на друзей и родственников — публика требует непременно от него поэмы на последнюю победу*...— Намеки на статьи „Северной Пчелы" после поездки Пушкина на Кавказ в 1829 году. См. об этом в предисловии к „Путешествию в Арзрум" и в примечаниях к нему.

362. *Что называл он в своем энергическом просторечии подслушивать у кабака, что говорят об нем холопья*...— Ср. автопризнание в полемических набросках 1830 года: „Пушкин читает все №№ Вестника Европы, где его ругают, что значит — по его энергическому выражению — подслушивать у дверей, что говорят об нем в прихожей" (т. V наст. издания).

362. *Он столько же дорожил тремя строчками летописца, в коих упомянуто было о предке его, как модный камер-юнкер тремя звездами двоюродного своего дяди*... и пр.— Ср. „И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездою двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей отечества" („Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений"), а также: „Мы

гордимся не славою предков, но чином какого-нибудь дяди дурака или балом двоюродной сестры".

362. *Кроме сей маленькой слабости, которую, впрочем, относим мы к желанию подражать лорду Байрону...* — Ср. „Если быть дворянином значит подражание английскому поэту, то сие подражание весьма невольное...", а также: „Я русский дворянин, и знал своих предков прежде, чем узнал Байрона" (т. V).

363. *Опасные по своему двойному ремеслу...* — намек на Булгарина, совмещавшего литературную работу с негласным сотрудничеством в III Отделении. Об этом см. памфлеты Пушкина „О записках Видока" и „Несколько слов о мизинце г. Булгарина" (т. V).

⟨Роман на Кавказских водах⟩

Печатается по автографу *ЛБ*, № 2377 А (два полулиста с вод. зн. „1831 г."). Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве" 1881, кн. III, стр. 466—468. Датировано 30 сентября ⟨1831 года⟩, причем отсутствующее в рукописи обозначение года точно определяется на основании дат планов повести. Эти планы и связанные с ними заметки (автографы *ПД* — впервые опубликованы Н. В. Измайловым в изд. „Пушкин и его современники", вып. XXXVII; заметка ко 2-му варианту — „Раз. брат едет из Петербурга" — опубликована впервые С. М. Бонди в Полном собр. соч. Пушкина 1932, т. IV, стр. 706) печатаем полностью, придерживаясь хронологической их последовательности:

⟨I⟩

[Кавказские воды — семья русская] — Якуб ⟨ович⟩ приезжает — Якуб ⟨ович⟩ impatronisé — arrive du [frère] véritable amant — [tout le monde] les femmes enchantées de lui — soirées [dans][1] в калмыцкой кибитке — [jeux[2]] встреча, изъяснение — поединок —

[1] Становится своим человеком — приезд [брата] настоящего любовника — [все] женщины в восхищении от него — вечера [в].

[2] Игры.

Якуб ⟨ович⟩ [ранен] не дерется — условие — он скрывается — толки, забавы, гуляния — [кунак — enlèvement[1]] нападение черкесов — enlèvement — [Москва — приезд Якуб ⟨овича⟩ в Москву] — Якуб. хочет жениться —

Заметки к 1-му варианту плана

Якуб. enlève Marie, qui a fait avec lui la coquette [son amant l'enlève du milieu des tcherkes].

Kounak — un jeune garcon [amoureux d'elle] attaché à elle l'enlève et la [donne] rend à sa famille.[2]

⟨II⟩

Les eaux — une saison,[3] весна, кто живет на Кавказе — один расслабленный [конвойный] маиор Курисов — генерал-баба — генеральша Мерлина — два лекаря.

Семейства съезжаются — отец и [две] дочери — отец составляет вист; расслабленный, лекарь и Курисов — дочь дружится с воспитанницей генеральши — воспитанница чувствительная сводня — [приезд Якубовича] [приезд брата и любовника]...

Поэт, брат, любовник, Якубович, зрелые невесты, банкометы (сотрудники) Якубовича.

На другой день банка — все дамы на гуляньи ждут Якубовича. Он является — с братом, который представляет его — его ловят — он влюбляется в Марью — cavalcade[4] Бешту — Якубович сватается через брата Pelham — отказ — *дуэль* — у Якубовича секундант поэт, у брата (Курисов отказывается) *любовник*, раненый на Кавказе офицер, бывший влюблен⟨ным?⟩ [еще в], знавший Якубовича в горах и некогда им ограбленный — Якубович ночью едет в аул ⟨к⟩ узденю — во время переезда из Горячих

[1] Похищение.

[2] Похищает Марию, которая кокетничала с ним [ее любовник похищает ее у черкесов]. — Кунак — юноша [влюбленный в нее] привязанный к ней, похищает ее и [отдает] возвращает в семью.

[3] Воды — сезон.

[4] Прогулка верхом.

на Холодные, Якубович enlève — тот спасает ее с одним кунаком.

Заметки ко 2-му варианту

1

[Корсакова] [Александра] Алина увезена Кубов⟨ичем?⟩ в аул и спасена [ее женихом] [влюбленным офицером] — Гранев —

2

Раз.⟨?⟩ брат едет из Петербурга — il laisse son escorte au [pauvre] paralytique — est attaqué par les tcherkes — il[s] en tue un — les autres fuient, [est blessé] [Якубович] Якубович n'y est pas[1] — спрашивает у сестры [в кого она влюблена] влюблена ⟨ли⟩ она в Якубовича. Смеется над ним.

Якубович fait des frais pour lui — et lui demande sa soeur en mariage — *Duel*[2]

⟨III⟩

Приезд на станцию старухи Корсаковой и старика Кубовича. Корсакова едет далее, а он плетется назад. [Они атакованы].

Гранев, Курилов и Хохленко сидят у кислосерного источника — Курилов рассказывает черкесский набег — едет карета — Шмидт предупреждает Хохленка [Хохленко ходит] — приезжает в параличе разбитый старик — Хохленко ходит за ним.

Алина кокетничает с офицером, который в нее влюбляется — вечера кавказские — приезд Кубовича — смерть его отца — театральное погребение — Алина начинает с ним кокетничать — Кубович введен в круг Корсаковых — им все восхищаются — Гранев его начинает ненавидеть — Якубович предлагает свою руку, она не соглашается[3] влюбленная в Гранева — он предает его черкесам — он освобожден (казачкою-черкешенкою) и является на воды — дуэль — Якубович убит.

[1] Он оставляет свой конвой [бедному] параличному — на него нападают черкесы — он[и] убивает одного из них — остальные бегут [ранен]... Якубовича между ними нет.

[2] *Якубович* платит за него — и просит у него руки его сестры — *Дуэль*.

[3] Далее зачеркнуто: Он увозит с бала — [она] Гранев едет освобождать ее и на дуэли убивает Кубова.

Наброски разработки 3-го варианта

1

Кунак, друг Якубовича, пленитель офицера, брат казачки.

2

Последняя станция — параличный — разговор Ник. ⟨?⟩ и Корсаковой.

Приезд параличного, смерть его в Константиногорске.

Приезд сына с каз⟨аками?⟩

Похороны; всё — кокетство.

3

Приезд Корсаковой и т. д.

Общество на водах — — —

Кавказский пленник; дочь с ними кокетничает — она влюбляется.

[Он ей друг].

Приезд параличного.

Встреча пленника с Якубовичем [у Корсаковых] — объяснение.

4

Теперешнее состояние Кавказа и прежнее —

Кто были [посетители и] жители?

Жители: генерал Мерлини с женой, маиор Кур⟨илов⟩, начальник отряда, казачий отряд, больной [обл. (?)] офицер, два лекаря (враги по ремеслу) — кто скорей рекомендуется.

5

Москва, сцена отъезда или об отъезде.

Общество на водах: два лекаря, Курилов, больной и офицер, приехавший заранее.

6

Хлапенко, малоросс, лекарь; поэт, игрок, воин, musard,[1] любопытный — гуляет с казачьим офицером (или с больным откупщиком о⟨десским?⟩), который ему рас-

[1] Празднощатающийся.

сказывает — — — Едет коляска с дамой московской — Хлапенко опаздывает, немец берет его место — „куда вы, Адам Адамович?...“

В наметках романа, начатого Пушкиным в 1831 году, отражены впечатления его двукратного посещения Кавказа в 1820 и в 1829 гг.

Прототипы героев, прямо обозначенные в планах, вводят нас, однако, не только в круг людей, с которыми Пушкин так или иначе сталкивался на Кавказе, но и в сферу московских его отношений конца 20-х годов.

Семья „Кор-вых“ романа — это Марья Ивановна Римская-Корсакова, ее дочь Александра Александровна („Алина“) и сын Григорий Александрович. В 1827—1829 гг. Пушкин был частым гостем в их доме и не скрывал своего увлечения дочерью Корсаковой, одной из первых московских красавиц этой поры. По авторитетному свидетельству П. А. Вяземского, именно ею вдохновлена известная строфа VII главы „Онегина“: „У ночи много звезд прелестных/ Красавиц много на Москве“ и пр. 8 мая 1827 года через М. И. Корсакову, уезжавшую на Кавказ, Пушкин писал брату Льву, рекомендуя ему эту „чрезвычайно милую представительницу Москвы“. „Познакомься с нею, да прошу не влюбиться в дочь“. В следующем году много шума наделала история, частично отраженная и в планах Пушкина.

„Горцы сделали набег на всех ехавших от теплых вод на кислые, — писал А. Я. Булгаков 8 июля 1828 года брату. — Тут попалась и М. И. Корсакова, которая была ограблена до рубашки, а какого-то полковника убили... У Корсаковой ни минуты без авантюров“. А брат его, К. Я. Булгаков, писал о том же: „Из Москвы уже пишут, что не только Корсакову ограбили, но увели у нее дочь и всех людей“ („Русский Архив“ 1901, кн. III, стр. 173—175, 1903, кн. III, стр. 129).

Сталкивая Корсакову как героиню своего романа с Якубовичем (или „Кубовичем“), Пушкин имел, конечно, в виду Александра Ивановича Якубовича (1792—1845), бывшего корнета лейб-гвардии уланского полка, известного бреттера и игрока, члена „Зеленой Лампы“, высланного в 1817 году из Петербурга на Кавказ, где он и заслужил в 1818—1824 гг. боевую славу исключительного удальца не только в русских войсках, но и среди горских народов; в 1825 году, приехав лечиться от ран в Петербург, примкнул к кругам будущих декабристов, участвовал в восстании 14 декабря, был осужден по I разряду и в 1831 году находился в Нерчинских рудниках. Образ Якубовича давно занимал Пушкина. В ноябре 1825 года он в письме к Бестужеву из Михайловского называл Якубовича „героем своего воображения“: „Когда я вру с женщинами, я их уверяю, что я с ним разбойничал на Кавказе, простреливал Грибоедова, хоронил Шереметева etc. В нем много, в самом деле, романтизма. Жаль, что я с ним не встретился в Кабарде — поэма моя 〈„Кавказский пленник“〉 была бы лучше“. Возможно, что коллизия Якубович — Гранев, намеченная в планах романа в 1831 году, ожила в „Капитанской дочке“ в образах Швабрина и Гринева (см. выше).

Из прочих персонажей романа — „маиор Курилов“ (он же „Курисов“ в начальных планах) — точно соответствовал маиору И. А. Курило, старому кавказскому офицеру, командиру 3-го батальона Тенгинского полка, являвшемуся в то же время смотрителем Кислых минеральных вод; „генерал и генеральша Мерлины“ — это генерал-маиор Станислав Демьянович Мерлини (1775—1833), известный кавказский военный администратор и богатый горячеводский (пятигорский) домовладелец; его жена — Екатерина Ивановна, женщина очень боевая, властная, „мать-командирша“, хозяйка влиятельнейшего горячеводского салона; врач — украинец Хохленко (он же „Хлобенко“ и „Флобенко“), охарактеризованный в планах как „поэт, игрок, воин“ и пр., напоминает некоторыми своими чертами Е. П. Рудыковского,

домашнего врача Раевских во время поездки их совместно с Пушкиным на Кавказ в 1820 году, украинского поэта, участника войны 1812—1814 гг. О Пеламе, герое романа Бульвера, именем которого условно обозначен во II плане брат героини, см. далее.

Русский Пелам

Печатается по автографу *ЛБ*, тетрадь № 2387 Б, лл. 16, 17, 80, 18, 79, 81, 19, 78 (бумага с вод. зн. „1834 г.“). Впервые опубликовано под произвольным названием „Записки М*“, в Посмертном изд. соч. Пушкина, 1841, т. XI, стр. 135—141; перепечатано с тем же заголовком, в Соч. Пушкина под ред. П. В. Анненкова, 1855, т. V, стр. 513—516, в рубрике „Старинные русские странности“, как якобы второй раздел записок П. В. Нащокина. Ошибки первых публикаций устранены в Полном собр. соч. Пушкина, 1930, т. IV, стр. 516—518. Датируется 1834—1835 годом.

В бумагах Пушкина сохранилось несколько детальных планов романа, условно названного исследователями „Русский Пелам“. Впервые эти планы (автограф которых хранится ныне в *ЛБ*) опубликованы были Е. И. Якушкиным (планы I, II и начало IV) в „Библиографических Записках“ 1859, № 5, стр. 144—146 и П. А. Ефремовым в Соч. А. С. Пушкина, 1881, т. V, стр. 516—517 (планы III и IV); точнее — П. В. Анненковым в „Вестнике Европы“ 1881, кн. VII. Факсимильные воспроизведения и транскрипции этих планов даны М. А. Цявловским в „Трудах Публичной библиотеки им. Ленина“, М. 1934.

Связывая свой роман с романом Эдуарда Бульвера „Пелам, или приключения одного джентльмена“ (1828), Пушкин имел, вероятно, в виду типологическую близость своих героев центральным персонажам „Пелама“ и учитывал характерные для последнего методы использования „живой натуры“, перенесение в роман исторически примечательных лиц современного ему светского общества. Герои английского „Пелама“ — два молодых аристократа, проходящих тяжелую жизненную школу, — лорд Гленвиль, человек могучих страстей, натура яркая и талантливая, но ничем не дисциплинированная и рано гибнущая, и Пелам — сдержанный, холодный, презрительно - наблюдательный и много работающий над собой политический карьерист, прикрывающийся маской легкомысленного прожигателя жизни. Отзвуки романа Бульвера, сохранившегося в библиотеке Пушкина в английском оригинале и во французских переводах, см. в „Романе в письмах“ (1829) и в „Романе на Кавказских водах“.

Биография героя задуманного Пушкиным романа имеет много общих черт с фактами жизни П. В. Нащокина (см. о нем т. V) и его семьи (см., напр., „Переписку Пушкина“, 1908, т. II, стр. 364—367). Два связанных с ним основных персонажа романа также принадлежали к числу старых знакомцев Пушкина: Орлов, Федор Федорович (1792—1835), брат Алексея и Михаила Орловых, известный игрок, кутила и удалец, отставной полковник лейб-гвардии уланского полка, с которым Пушкин часто встречался в Кишиневе; Завадовский, Александр Петрович (1794—1856), граф, сын фаворита Екатерины II, камер-юнкер, сослуживец Пушкина по Коллегии иностранных дел, приятель Грибоедова, любовник балерины Истоминой, из-за которой дрался 12 ноября 1817 года на дуэли и убил кавалергарда В. В. Шереметева. Отставленный после дуэли от службы, жил несколько лет в Англии (о нем Пушкин запрашивал Я. Н. Толстого в 1822 году), а затем в Петербурге. С 1826 года состоял на особом учете тайной полиции как крупный игрок и весьма подозрительный человек; в числе посетителей его дачи на Выборгской стороне в 1827 году был отмечен и Пушкин.

Планы романа

⟨I⟩

Русский Пелам — сын барина, воспитан французами. Отец его frivole[1] в русском

[1] Легкомысленный.

роде. Пелам. Двоюродный [брат] его, mediocre frère<?>.[1] — [Пелам в свете — театр, литераторы, картежники] — Он свидетель бесчестия одного молодого человека. — Его дружба с Ф. Орловым. Он помогает ему увезти любовницу, отказывается от игры фальшивой.— Брат его в игре получает пощечину, дуэль, брат его струсил.

Орлов увозит девушку, ее несчастное положение, бедность, разврат мужа. Она влюбляется в Пелама. — Связь ее с ним. — Подозрения мужа — Смерть Ф. Орлова. Пелам влюбляется в женщину высшего общества. — Пелам в б. обществе. — Любовь в большом свете. — [Пелам едет в] — Отец его умирает. — Пелам в деревне — (Эпизод жены Ф. Орлова). Соседи — жизнь русских помещиков. — Слышит о свадьбе двоюродного брата — едет в ПБ. — Брат его делается ему врагом, чернит его в глазах правительства — Он выслан из города (Фед. Орлов доходит до разбойнического — Пел. son confident) — Он свидетель нападения. — — Он оправдан самим Ф. Орловым.

<II>

Пелам выходит в большой свет, [влюбляется] и наскуча им вдается в дурное общество. — В обществе актрис и литераторов встречает Ф. Орлова и с ним дружится, отказывается от игры наверно, помогает ему увезти девушку, продолжает свою беспутную жизнь — связь его с танцоркой, на счет графа Завадовского.

Дуэль Фед. Орлова с двоюродным братом Пелама.—Пелам узнает обо всем —укрывает его у себя. — Несчастная жизнь жены Ф. Орлова, Орлов доходит до нищеты и до разбойнич<ества>.

Пелам влюбляется — Отец у него умирает — Перемена его, он ссорится с танцоркой.

Он сватается — Ему отказывают — Он едет в деревню—Разбой—Донос—Суд—Тайный неприятель — Письмо к брату, ответ Тартюфа — Узнает о свадьбе брата — Отчаяние — Он [оправдан] освобожден по покровительству Ал. Орлова и выслан из города—

Болезнь душевная — Сплетни света — Уединенная жизнь—Ф. Орлов пойман в разбое, Пел. оправдан, получает позволение ехать в ПБ. — Заключение.

Характеры

Отец и его любовница — [Дв. брат] Выблядок. — *Фрол.* — Фед. Орлов — Ал. Орлов — Кочубей, дочь его; кн. Шаховской, Ежова, — Истомина. Грибоедов, Завадовский — Дом Всеволожских — Котляревский — Мордвинов и его общество — Хрущов — Общество *умных* (И. Долгорукий, С. Трубецкой, Никита Муравьев etc.)

Служба, юнкер гв., офицер гв., немец начальник, *отставка*, долги, Неелов, Шишкин,—

Похороны отца etc. Привычка к роскоши. Обеды, литераторы — Ив. Козлов.

Большое общество — Семья Пашковых, etc.

Игроки

Орлов, Павлов.

<III>

История Фед. Орлова — Un mauvais sujet, élégant, un Zav., des maîtresses, des dettes.[1] Он влюбляется в бедную светскую девушку, увозит ее; первые года роскошные; впадает в бедность; cherche des distractions chez ses premières maîtresses, devient escroc et dueliste,[2] доходит до разбойничества, зарезывает Щепочкина; застреливается (или исчезает).

История Пелымова. Он знакомится с Ф. Орловым dans la mauvaise société[3] — помогает ему увезти девушку — отказывается

---

[1] Посредственный брат.

[1] Мошенник, франт вроде Завадовского, любовницы, долги.

[2] Ищет развлечения у своих прежних любовниц, делается мошенником и дуэлистом.

[3] В дурном обществе.

от фальшивой игры — на дуэли секундантом у него — Узнает [1] от него о убийстве Щ., devient l'exécuteur testamentaire de [2] Фед. Орл., попадается в подозрение (он [носит часы Щеп.] дает ломбардный билет). Обращается к Ал. Орлову из крепости.

Эпизоды

[Уезжает в деревню — Смерть отца его — Эпизод крепостной любви]

История брата его. Он зарывается в канцелярии — отрекается от своей матери — [является в дурном обществе, по страсти к деньгам — получает пощечину] — Делается врагом Пелымову — выходит в люди — преследует тайно своего брата — сватается за его невесту — и женится на ней.

Мать его (княгиня Хованская) расточает деньги [Всеволожского] его для Порового, которого обыгрывает шайка Ф. Орлова и который получает пощечину etc.

Нат. К⟨очубей⟩ вступает с Пелымовым в переписку, предостерегает его, etc.

Une danseuse — Пелымов с нею знакомится, находит у ней Фед. Орлова.

⟨IV⟩

Пелымов воспитан у отца 7-ю французами, немцем шв⟨ейцарским⟩, англичанином.—Отец им не занимается, но любит — Ссорится с ним за Порового. Отец назначает ему 1000 в год, и выгоняет его—Умирает в нищете—сын его хоронит.

[Пелымов] Баск. pour vivre traduit des vaudevilles.[3] — Шаховской, Ежова etc., etc.

I. Воспитание. Смерть матери — явление княгини Хованской сНиградским, мои ошибки с ним, его сплетни. Гувернеры. Жизнь отца. — Il reçoit bonne compagnie en fait d'homme, et mauvaise en fait de femme.[4] Я выхожу в службу и в свет.

[1] Сверху написан вариант: не ⟨узнает⟩.

[2] Делается душеприказчиком.

[3] Для заработка переводит водевили.

[4] Он приобретает хорошую мужскую компанию и дурную женскую.

II. Светская жизнь Петербургская (получаю часть моей матери), балы, скука большого света, происходящая от бранчивости женщин; [он], по примеру молодежи, удаляется в холостую компанию, дружится с Zav. (Ф. Орловым).

III. Общество Zav. Les parasites, les actrices—sa mauvaise réputation; il devient amoureux, Пелымов est son confident.

IV. Enlèvement. P. devient aux yeux du monde un mauvais sujet. C'est alors qu'il est en correspondance avec N. — Il reçoit la première lettre au sortir de chez la Istomine, qu'il console du mariage de Zav.

V. La porte de Чок⟨олей⟩ lui est refusée; il ne la voit qu'au thèâtre. [Son.] apprend que son frère est secrétaire du Чок⟨олей⟩.

VI. Vie splendide de Zav.—Il donne des diners et des bals. Embarras domestiques. Créanciers. Jeu.

VII. Поровой et son duel.

VIII. Scène chez le père.

IX. Explication avec Zav.

X. P⟨elymof⟩ rompt avec Zavadowsky.[1]

⊹

I. Continuation des amours de P⟨elymof⟩.

II. [Zavad. brigand] la femme de Zav. [misère]

Le mari devenu Ф. Ор. Ses nouvaux compagnions. Leurs exploits. Ils arrêtent dans la rue P.—Фед. Орлов se reconnaît et tourne la chose en plaisanterie.*

[1] III. Общество Завадовского, прихлебатели, актрисы, его дурная слава, он влюбляется, Пелымов его поверенный. IV. Похищение. Пелымов в глазах света делается негодяем. В это время он вступает в переписку с Н. — он получает ее первое письмо, уходя от Истоминой, которую он утешает по поводу женитьбы Завадовского. V. Ему отказано от дома Чоколея, он видит ее только в театре. Он узнает, что его брат — секретарь Чоколея. VI. Роскошная жизнь Завадовского — Он дает обеды и балы. Домашние затруднения. Кредиторы. Игра. VII. Поровой и его дуэль. VIII. Сцена у отца. IX. Объяснение с Завадовским. X. Пелымов порывает с Завадовским.

* Ce chapitre après la catastrophe.

III. Maladie, délaissement et mort du père de Ρ.

IV. Situation du frère.

V. Assasinat.[1]

VI.

Чуколей (он же „Чоколей“) — граф В. П. Кочубей (1768—1834), министр внутренних дел в 1819—1825 гг.; его дочь, Наталья Викторовна (1800—1855) — „Наталья К.“ планов „Русского Пелама“, вдохновительница лицейского стихотворения Пушкина „Измены“.

775. *Дом Всеволожских*—семья богатейшего промышленника и землевладельца, действительного камергера В. А. Всеволожского (1769 — 1836). Пушкин был дружен с его младшим сыном Никитой Всеволодовичем (1799—1862), в квартире которого собирался кружок „Зеленая Лампа“.

775. *Семья Пашковых*—братья Андрей Егор, Николай и Сергей Пашковы, офицеры лейб-гвардии гусарского полка, видные представители великосветской петербургской молодежи 1817—1820 гг., их четыре сестры и мать. В начале 30-х годов семья распалась после скандального процесса, затеянного А. И. Пашковым против матери и младших братьев из-за неправильного якобы раздела их многомиллионного состояния.

В числе прочих персонажей романа, кроме общеизвестных представителей политических кружков и литературно - театральных салонов конца 10-х годов, Пушкиным упоминаются:

775. *Хрущев*, Александр Павлович (1784—1845)—правитель канцелярии Главного управления путей сообщения в 1819—1820 гг., по характеристике Ф. Ф. Вигеля —„полулитератор, полуделец, не совсем честен, не совсем плут, но скорее последнее“; *Неелов*, Сергей Алексеевич (1778 — 1852) — московский богач и веселый прожигатель жизни, автор порнографических стишков; *Шишкин*, Алексей Петрович — отставной офицер, петербургский ростовщик, и многие другие, имена которых остаются или вовсе нерасшифрованными („Поровой“, он же „Ниградский“, „Фрол.“, „Баск.“ или „Бам.“, „Щепочкин“) или раскрываются предположительно („Котляревский“, „Мордвинов“, „Павлов“).

[1] Продолжение любовных похождений Пелымова. II. [Завадовский разбойник]. Жена Завадовского, [нищета]. Муж делается Ф. Орловым. Его новые товарищи, их подвиги. Они останавливают на улице Пелымова. Фед. Орлов узнает его и обращает всё в шутку*. (*Эта глава после катастрофы). III. Болезнь, печальное одиночество и смерть отца Пелымова. IV. Положение брата. V. Убийство.

В 179* возвращался я в Лифляндию...

Печатается по автографу *ЛБ*, тетрадь № 2387 Б, лл. 23 и 75. Впервые опубликовано после смерти Пушкина в „Современнике“ 1837, т. VIII, стр. 247—249, с произвольной отметкой в заголовке „Глава 2“. Датируется (на основании вод. зн. бумаги—„1834“) 1835 г.

Мы проводили вечер на даче у княгини Д...

Печатается по беловому автографу *ЛБ*, тетрадь № 2386 Б, лл. 18, 19, 21 (до слов „Я предлагал ** сделать из этого поэму“), далее по черновикам в той же тетради, л. 25 об. (до „Темная знойная ночь объемлет африканское небо“), автографу *ПД*, из собрания А. Ф. Онегина (до „Этот предмет“) и *ЛБ*, тетрадь № 2386 Б, лл. 15, 16, 23, 24 (до „Так вот чего вы не хотели нам рассказать“); далее по беловому автографу *ЛБ*, тетрадь № 2386 Б, л. 21 (до „Разговор переменился“) и, наконец, опять по черновику той же тетради, л. 17. Впервые опубликовано П. В. Анненковым в Соч. Пушкина, 1857, т. VII, стр. 143—146 (им же частично цитировано в „Материалах для биографии Пушкина“, 1855, стр. 395—396). Дополнения (черновой вариант наброска) и поправки даны были П. И. Бартеневым („Русский Архив“ 1881, кн. I, стр. 221) и В. Е. Якушкиным („Русская Старина“ 1884, № 12, стр. 537—538). Страница от слов „Темная, знойная ночь“ и кончая „Больна бесчувствием она“ впервые опубликована А. Ф. Онегиным в „Грядущей России“ 1920 и, точнее — М. Л. Гофманом в сборнике „Неизданный

Пушкин", П. 1922, стр. 104—105. В настоящем издании наброски повести „Мы проводили вечер на даче у княгини Д." печатаются в редакции, предложенной С. М. Бонди в его книге „Новые страницы Пушкина", М. 1931. Датируются наброски 1835 годом (вод. зн. бумаги „1834"). О связи их с „Египетскими ночами" см. выше.

Черновая редакция стихов о Клеопатре:

Чего еще недостает
Египта древнего царице?
В своей блистательной столице
Боготворима ⟨*нрзбр*⟩
Спокойно властвует она.
Всечасно пред её глазами
Пиры сменяются пирами;
Горит ли [африканский] день,
Свежеет ли ночная тень —
Всечасно роскошь и искусства
Ей тешат дремлющие чувства;
Покорны ей земные боги,
Полны чудес ее чертоги,
В златых кадилах вечно там
Сирийский дышит фимиам,
Звучат тимпаны, флейты, лиры,
[Блистают] дивные кумиры —
Все земли, волны всех морей
Как дань несут наряды ей —
Она беспечно их меняет:
То в тирском золоте сияет,
То избирает фивских жен
Тяжелый пурпурный хитон,
[То звероловицей Дианой,
Как идол стройный и румяный,
[Очам] является она
И с ног и с плеч обнажена]
⟨То по водам седого⟩ Нила
Под сенью рдяного ветрила
Она в триреме золотой
Плывет Кипридою младой
. . . .
Она томясь тоскою бродит
В своих садах — она заходит
В покои тайные дворца,
Где ключ угрюмого скопца
Хранит [ей отроков] прекрасных
[И юношей] [стыдливо] страстных.

371. *Разговор коснулся как-то до madame de Stael...* — См. выше „Рославлев" и примечания к нему.

371. *Madame de Maintenon, madame Roland.* — Г-жа *де-Ментенон* (1635—1719) — всевластная фаворитка короля Людовика XIV; г-жа *Ролан* (1754—1793) — жирондистка, вдохновительница одного из влиятельнейших парижских политических салонов первых лет революции.

372. *Вчера мы смотрели Anthony...* — *„Антоний"* — пьеса Александра Дюма, премьера которой в Петербурге состоялась 11 января 1832 года.

372. *„La physiologie du mariage"* — повесть Бальзака (1829).

372. *Вершнев, который учился некогда у езуитов...* — В черновой рукописи: „Вершнев, один из тех людей, одаренных убийственною памятью, которые всё знают и всё читали, и которых стоит только тронуть пальцем, чтоб из них полилась их всемирная ученость". В рукописи Вершнев называется также Титовым, что позволяет установить прототип этого персонажа: *Титов*, Владимир Павлович (1807—1891) — член московского кружка „любомудров", сотрудник „Московского Вестника" и „Северных Цветов", чиновник Министерства иностранных дел.

Цезарь путешествовал...

Печатается по черновым автографам *ЛБ*, тетрадь № 2372, лл. 57 об. — 56 об. (кончая словами: „Он находился в предместии города") и *ПД*, собрание Л. Н. Майкова (от слов „Им управлял"; там же и план всей повести). Стихотворные вставки, отсутствующие в рукописи повести, но в ней отмеченные, печатаются по автографам *ПД* и *ЛБ*, тетрадь № 2377 А, № 13. Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина", 1855, стр. 397—400; точнее и полнее — в Полном собр. соч. Пушкина 1930, т. IV, стр. 525—528.

Начальные наброски (в тетради № 2372) датируются по месту в рукописи и по палеографическим данным ноябрем 1833 года. Возвратился же к этой работе Пушкин не

раньше начала 1835 года, так как самый план ее продолжения (см. далее) набросан на бумаге с вод. зн. „1834 г.“, а ода Анакреона „Поредели, побелели“, на которую имеется прямая ссылка в дальнейшем тексте, датирована Пушкиным „6 янв. 1835 г.“

Наброски плана

Описание дома — Первый вечер, как было это и кто.—Греч. Фил⟨ософ⟩ исчез—Петроний улыбается и сказывает *оду* (отрывок).

(Мы находим Петрония с своим лекарем — Он продолжает рассуждение о роде смерти — избирает теплые ванны и кровь).— Описание приготовлений — Он перевязывает рану и начинаются рассказы.

1) О Клеопатре — Наши рассуждения о том.

2) Вечер. Петроний приказывает разбить драгоценную чашу — диктует Satyricon. — Рассуждения о падении человека — о падении богов — о общем безверии — о предрассудках Нерона — Раб-христианин...

Фактической основой замысла Пушкина явились материалы о Петронии в „Анналах“ Тацита (кн. XVI, гл. 18—20) и в первом французском издании „Сатирикона“, сохранившемся в его библиотеке („La satyre de Petrone, traduite en français avec le texte latin. Ouvrage complet, contenant les galanteries et les débauches de l'empereur Neron et de ses favoris; avec des remarques curieuses, et une table des principales matières“. A Cologne. MDCXCIV). История гибели Петрония, поэта по призванию, аристократа по происхождению и придворного по воле цезаря, должна была привлечь внимание Пушкина некоторыми характерными аналогиями с его собственным ложным положением в петербургском большом свете и при дворе Николая I, а жанровое своеобразие „Сатирикона“ (сочетание прозы со стихами разных размеров, так называемая „мениппея“, которая была знакома ему еще по „Лицею“ Лагарпа) подсказывало самую форму использования в задуманной повести некоторых своих переводов из античных авторов, а равно и некоторых других материалов, находившихся в его портфеле. Так, судя по плану повести, Пушкин предполагал включить в нее стихи о Клеопатре („Чертог сиял“), перемещенные впоследствии в „Египетские ночи“.

Обратившись к своим переводам из Анакреона, Пушкин несколько переработал первый и сократил второй, чтобы лучше приспособить их к прозаическому контексту; то же он сделал бы и с одой Горация „Кто из богов мне возвратил“, полный текст которой см. в т. II.

Стих Горация, на котором обрывается „Цезарь путешествовал“, переведен Пушкиным из оды „К римскому юношеству“ (книга III, ода 2-я).

⟨Мария Шонинг⟩

Печатается по автографу *ЛБ*, пачка 2377 А, №№ 13, 14, 15, 16, 17. Впервые опубликовано (французский конспект и два первых письма) в „Современнике“ 1837, т. VIII стр. 250—256; остальное — В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 10, стр. 87—89; полнее и точнее — в Полном собр. соч. Пушкина, 1930, т. IV, стр. 528—533.

Даты первого и второго письма „25 апреля“ и „28 апреля“ нами из текста изъяты ввиду того, что они не соответствуют внутренней хронологии писем и являются, очевидно, датами работы над ними Пушкина. Судя по палеографическим данным (бумага конспекта и второго письма с вод. зн. „1832 г.“), повесть писана не раньше 1832 года. Мы датируем ее условно апрелем 1836 года, учитывая исключительную близость характеристики детей Анны Гарлин высказываниям Пушкина о его собственной семье. Так, строки повести: „Дети растут и хорошеют. Франк становится молодцом. Вообрази, милая Марья, что уж он бегает за девочками, — каков? — А ему нет еще и трех лет. А какой забияка! Фриц не может им налюбоваться и ужасно его балует... Минна гораздо степеннее; правда, она годом старше“— предваряются в письмах Пушкина к П. В. Нащокину от конца октября 1835 года („Мое

семейство умножается, растет, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться") и к жене в сентябре — октябре того же года („Скажи Сашке, что у меня здесь белые сливы, не чета тем, которые он у тебя крадет... Что Машка? и каковы ее победы?" или: „Что ты про Машу ничего не пишешь? Ведь я, хоть Сашка и любимец мой, а всё люблю ее затеи"). Сведения же о возрасте Фрица и Минны точно совпадают с данными о возрасте Саши и Маши Пушкиных к весне 1836 года: Марья Александровна родилась 19 мая 1832 года, а Александр Александрович—6 июля 1833 года. Следовательно, ему в апреле 1836 года, как и Фрицу, не было „еще и трех лет", Маша же, как и Минна, была „годом старше".

Фабула задуманной Пушкиным повести, схематически представленная во французском конспекте, заимствована из издания „Causes célèbres étrangères, publiées en France pour la première fois et traduites de l'anglais, de l'espagnol, de l'italien, de l'allemand etc. par une société de jurisconsultes et de gens de lettres", Paris, C. L. F. Panckoucke", 1827, t. II, p. 200—213 („Infaticide. Procès de Maria Schoning et d'Anna Harlin"). Анализ работы Пушкина над этим источником см. в статье Д. П. Якубовича „Мария Шонинг" как этап историко-социального романа Пушкина" („Звенья", 1934, т. III—IV, стр. 146—167).

Стр. 383. *Перевод:*

Мария Шонинг и Анна Гарлин, осужденные в 1787 г. в Нюрнберге.

Мария Шонинг, дочь нюрнбергского рабочего, потеряла отца, когда ей было 17 лет. Она ухаживала за ним одна, так как бедность заставила ее отпустить единственную их служанку, Анну Гарлин.

Возвратившись с похорон отца, она застала у себя двух чиновников податного ведомства, которые велели показать им бумаги покойного, чтобы удостовериться, платил ли он налоги соразмерно своему имуществу. Они нашли после проверки, что старый Шонинг платил несоответственно своим средствам, и наложили печати. Молодая девушка перебралась в пустую комнату, пока начальник податного ведомства решит это дело.

Податные чиновники возвратились с решением своего начальства и с приказом, чтобы Мария-Элеонора Шонинг оставила дом, отбираемый в казну.

Г. Шонинг был беден, но бережлив. Трехлетняя болезнь истощила всё, что он скопил. Мария пошла к чиновникам, плакала, но начальство было неумолимо.

Вечером она отправилась на кладбище св. Иакова. Она ушла оттуда утром; затем, умирая от голода, снова вернулась на кладбище.

Нюрнбергская полиция выплачивает полкроны ночным сторожам за арест каждой женщины после 10 часов вечера. Марию отвели в полицейское управление. На другой день ее привели к судье, который отпустил ее, пригрозив отправить в исправительный дом, если она попадется вторично.

Мария хотела броситься в Пегниц.. Кто-то ее окликает, — она видит Анну Гарлин, бывшую служанку своего отца, вышедшую замуж за инвалида. Анна утешила ее: „Жизнь коротка, — сказала она ей, — а небо вечно, дитя мое".

Мария нашла приют у Гарлинов и прожила у них год. Она вела там очень убогую жизнь. Под конец Анна заболела. Наступила зима, работы не было; цена на продукты поднялась. Всю мебель продали вещь за вещью, кроме кровати инвалида, который к весне умер.

Один бедный врач бесплатно лечил мужа и жену. Иногда он приносил им бутылку вина, но денег у него не было. Анна выздоровела, но сделалась ко всему равнодушной; работы не было совсем.

Однажды вечером, в начале марта, Мария вдруг ушла из дому...

Она была захвачена ночным обходом. Капрал велел солдатам окружить ее и сказал ей, что на утро ее высекут. Мария вскричала, что она виновна в детоубийстве.

Когда ее привели к судье, она объявила, что родила, причем повитухой была Анна Гарлин, которая и похоронила ее ребенка в лесу, где — она сама не знает. Анна Гарлин была тотчас же арестована, и, после отпирательства, приведена на очную ставку с Марией; она ни в чем не сознавалась.

Принесли орудия пытки. Мария испугалась, схватила связанные руки своей мнимой сообщницы и сказала ей: „Анна, сознайся в том, чего от тебя требуют! Милая моя Анна, для нас всё кончится, а Франк и Нани будут помещены в сиротский дом“.

Анна поняла ее, обняла и сказала, что ребенок был брошен в Пегниц.

Дело было решено быстро. Обеих приговорили к смертной казни. — Утром, в назначенный день, их повели в церковь, где они молитвою приготовились к смерти. На повозке Анна была спокойна. Мария волновалась. Гарлин взошла на эшафот и сказала ей: „Еще минута, и мы будем там (на небе). Мужайся, еще одна минута — и мы предстанем пред богом!“

Мария воскликнула: „Она невинна, я лжесвидетельница...“ Она бросилась в ноги к палачу и священнику и рассказала всё... Палач в изумлении останавливается. В народе слышатся крики... Анна Гарлин, на вопросы священника и палача, говорит с отвращением (простотою): „Разумеется, она сказала правду. Я виновна в том, что солгала и усомнилась в благости провидения“.

Судье посылают донесение. Посланный возвращается через час с приказанием исполнить приговор. Палач, отрубив голову Анне Гарлин, лишился чувств. Мария была уже мертва.

Планы

385. I. ⟨Карты; продан...⟩

Печатается по автографу *ЛБ*, тетрадь № 2369. Впервые опубликовано С. М. Бонди в Полном собр. соч. Пушкина 1930, т. IV, стр. 535. Датируется этот обрывок плана (начало его оторвано) 1820 годом по месту в рукописи.

385. II. ⟨Влюбленный бес⟩

Печатается по автографу *ПД* (собрание А. Ф. Онегина). Впервые опубликовано Н. В. Измайловым в сборнике „Неизданный Пушкин“. П. 1922, стр. 147; полнее — в Полном собр. соч. Пушкина 1930, т. IV, стр. 535. План Пушкина набросан на недатированной записке к нему А. Балша, кишиневца, жившего в 1826—1827 гг. в Москве и в Петербурге, знакомца кн. В. Ф. Одоевского и Хомяковых („Русский Архив“ 1884, кн. III, стр. 225). Предположительная дата плана – 1826—1828 гг. Инициалы, которыми отмечен в плане один из персонажей будущей повести, расшифрованы нами как „Влюбленный бес“ на основании соответствующей отметки в одном из перечней задуманных Пушкиным произведений (на листке, занятом стихотворением „Под небом голубым“, дата которого 29 июля 1826 г.). В библиотеке Пушкина сохранился роман Жюля Казотта „Le diable amoureux“, заголовок которого предвосхищал название замысла Пушкина. Основные элементы фабулы „Влюбленного беса“ использованы были, с согласия Пушкина, в фантастической повести В. П. Титова „Уединенный домик на Васильевском“ („Северные Цветы на 1829 год“).

385. III. ⟨L'homme du monde.⟩

Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано в Полном собр. соч. Пушкина, 1930, т. IV, стр. 535—536. Датируется 1828 годом, так как на основе этого плана начаты были Пушкиным повести „Гости съезжались на дачу“ (1828) и „На углу маленькой площади“ (1829) (см. выше, стр. 761 и 763).

385. *Перевод:*

Светский человек, женившийся в провинции на аристократке, ухаживает за молодой дамой (имя). Он ее соблазняет, но женится на другой (по расчету). Жена делает

ему сцены. Та признается во всем мужу — утешает ее — заходит к ней. Светский человек несчастен — самолюбив.

Появление молодой особы в свет.

Зелия любит тщеславного эгоиста; она окружена холодным недоброжелательством света; благоразумный муж. Любовник, который смеется над ней. — Подруга, отдалившаяся от нее, становится легкомысленной, ведет себя скандально. Любит человека, который не любит ее. — Муж оказывает ей приют. — Она совсем несчастна. Ее любовник, ее друг.

1) Сцены из великосветской жизни... светского человека...

2) ...О соблазне. Связь. Любовник афиширует ее.

3) Появление в свете молодой провинциалки. — Сцены ревности. — Неодобрение света.

4) Слух о женитьбе. — Зелия во всем признается мужу. — Благоразумный муж. — Свадебный визит. — Зелия заболевает, возвращается в свет, за нею ухаживают и т. д.

386. IV. ⟨Н. избирает себе в наперсники Невский проспект...⟩

Печатается по автографу *ЛБ*, тетрадь № 2387 А, л. 84 об. Впервые частично опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, 1884, № 12, стр. 546, полностью — в „Звезде“ 1930, кн. VII, стр. 224.

Набросок, сохранившийся на листе, занятом заголовком „Истории села Горюхина“ и условно датируемый поэтому началом 30-х годов, представляет собою, возможно, памфлетную характеристику какого-нибудь живого лица. Первую букву можно читать не как руссское „Н“, а как французское „Н“ (аш). Зачеркнутые варианты: *весь* Н⟨евский⟩ Проспект; *берет* вм. доверяет; *тайны* вм. огорчения.

386. V. ⟨Планы и наброски повести о стрельце и боярской дочери⟩

Первый набросок плана печатается по автографу *ЛБ*, тетрадь № 2365, л. 59. Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 4, стр. 106. Датируется декабрем 1833 года, когда Пушкин пересматривал старую тетрадь и сделал на чистых ее листах несколько карандашных отметок. Второй и третий наброски печатаются по автографу *ЛБ*, тетрадь № 2378, л. 45. Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“ 1884, № 11, стр. 337—338. Датируется нами условно 1833—1835 годом, когда Пушкин, приступая к работе над „Историей Петра Великого“, вернулся к брошенной рукописи „Арапа Петра Великого“ и, рассчитывая как-то использовать некоторые нейтральные ее части (страницы о старом боярском быте, о Ржевском, о его дочери и „стрелецком сыне“) в той же тетради набросал план нового романа.

Ключ к раскрытию его фабулы дают материалы о стрелецких бунтах (см. в т. V, выписки и заметки Пушкина для первых глав „Истории Петра Великого“). Завязка определялась, очевидно, событиями 1682 года (заговор царевны Софии, поддержанной в борьбе за власть стрельцами и раскольниками, боярский погром в Москве и пр.). Ржевские, упоминаемые в плане, — старинный дворянский род, связанный с Пушкиными; А. И. Ржевский в 1686—1689 гг. сидел в приказе Большой Казны. Одним из героев задуманной повести был, вероятно, Иван Елисеевич Циклер, „полковник стрелецкий“, ревностнейший сторонник царевны Софии, глава заговора против Петра, казненный в 1697 году вместе с своим тестем Федором Матвеевичем Пушкиным, предком поэта. Таким образом, и в этом романе оставались элементы семейной хроники (правда, уже не Ганнибалов, а Пушкиных). Песня о Циклере отмечена в проектированном Пушкиным в 1832—1833 гг. сборнике народных песен. Для повести о стрельце и боярской дочери предназначались, вероятно, и выписки Пушкина о соколиной охоте в XVII веке, о центральных и местных учреждениях Московского государства (см. т. V). Позднейший вариант повести о „сыне стрельца“ см. далее, стр. 783.

387. VI. <Криспин приезжает в губернию...>

Печатается по автографу *ГПБ* (листок с вод. зн. „1832 г.“). Впервые опубликовано П. О. Морозовым в изд. „Пушкин и его современники“, 1913, вып. XVI, стр. 110; точнее — в Полном собр. соч. Пушкина, 1930, т. IV, стр. 537. Предположительно датируется 1833—1835 годом. В левом углу автографа написана и зачеркнута Пушкиным фамилия „Свиньин“, проливающая свет на происхождение всей записи. Со слов самого Гоголя, О. М. Бодянский отметил в своем дневнике, что фабула „Ревизора“ подсказана была ему Пушкиным, рассказывавшим, как Павел Петрович Свиньин (1787—1839), издатель „Отечественных Записок“, выдавал себя в Бессарабии за важного петербургского чиновника и только зашедши уж далеко (стал было брать прошения от колодников) был остановлен („Русская Старина“ 1889, № 10, стр. 134). О происхождении фабулы „Ревизора“ см. также „Авторскую исповедь“ Гоголя, „Воспоминания гр. В. А. Соллогуба“, дополненные рассказом П. И. Бартенева (оттиск из „Русского Архива“, М. 1866, стр. 18—19). См. также план повести Пушкина „В начале 1812 г. полк наш стоял“ и комментарии к ней, стр. 768.

387. VII. <Les deux danseuses...>

Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано в Полном собр. соч. Пушкина 1930, т. IV, стр. 539—540. Факсимиле см. в „Огоньке“ от 10 февраля 1931 года, № 4. Датируется этот план повести, выделившейся из „Русского Пелама“ (см. выше) предположительно 1834—1836 годом.

Судя по сочетанию в плане имен балерины Истоминой и Завадовского, а также по упоминанию о „дуэли“, Пушкин предполагал использовать в повести историю известного поединка гр. А. П. Завадовского с Шереметевым, любовником Истоминой, 12 ноября 1817 года. Эта хронология событий, отраженных в замысле Пушкина, ссылки его на *начало* карьеры Истоминой и, наконец, самый факт временного ее ухода со сцены и неучастия в балетах Дидло в 1819 году, не оставляют сомнений в том, что в отметке Пушкина „Балет Дидло в 1819 г.“, последняя цифра является опиской и должна быть изменена на „7“ (дата дуэли — 1817 г.) или на „5“ (время первого появления Истоминой на сцене — 1815 г., дебютировала она в балете Дидло „Ацис и Галатея“).

387. *Перевод:*

Две танцовщицы. Две танцовщицы — Балет Дидло в 1819 году... Завадовский — любовник из райка. — Сцена за кулисами — дуэль — Истомина становится модной — она делается содержанкой, выходит замуж. Ее сестра в отчаянии. — Она выходит замуж за суфлера — Истомина в свете. — Ее там не принимают. — Она устраивает приемы у себя. — Неприятности — к ней заходит подруга по ремеслу.

Истомина, Авдотья Ильинишна (1799—1848), упоминается в „Онегине“ (гл. I, строфа XX и гл. V, строфа XXXVII), в эпиграмме „Орлов с Истоминой в постеле“ (1817). О ней же и о ее выступлении в балете „Кавказский пленник“ писал Пушкин брату 30 января 1823 года: „Пиши мне о Дидло, о черкешенке Истоминой, за которой я когда-то волочился, подобно Кавказскому пленнику“.

387. VIII. <Сын казненного стрельца>

Печатается по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано в брошюре И. С. Зильберштейна „Из бумаг Пушкина“, М. 1926, стр. 31—32. Датируется нами 1834—1835 годом (вод. зн. бумаги „1834 г.“), когда Пушкин как раз работал над материалами о Прутском походе 1711 г. („Записки Моро де Бразе“, „История Петра Великого“). В числе источников его было, конечно, и знаменитое апокрифическое письмо Петра от 10 июля 1711 года, заключавшее в себе секретные инструкции Сенату на случай его смерти или пленения турками. („Если случится сие последнее, то вы не должны меня почитать своим царем и государем, и ничего

не исполнять, что мною, хотя бы то по собственноручному повелению от нас, было бы требуемо, покамест я сам не явлюся между вами в лице моем; но если я погибну и вы верные известия получите о моей смерти, то выберите между собою достойнейшего мне в наследники").

Об этом письме, впервые опубликованном по-немецки в книге Штелина „Анекдоты о Петре Великом" в 1785 году, Пушкин отмечал в 1835 году: „Штелин уверяет, что славное письмо в Сенат хранится в кабинете его величества при императорском дворце. Но, к сожалению, анекдот, кажется выдуман и чуть ли не им самим. По крайней мере письмо не отыскано" (*ПД*, „Материалы для истории Петра Великого, 1711 год").

Возможно, что в „Сыне казненного стрельца" Пушкин предполагал использовать некоторые главы брошенного „Арапа Петра Великого" и материалы, собранные для его перепланировки в 1833—1834 гг.

Путешествие в Арзрум

Еще в 1827 году Пушкин собирался ехать в Грузию (письмо к брату Л. С. от 8 мая 1827 года), намереваясь заняться историей Грузии и ермоловских войн на Кавказе. В 1828 году на просьбу Пушкина об определении его в действующую армию против турок последовал отказ (20 апреля 1828 года). Чрез несколько дней (23 апреля) такой же отказ последовал на просьбу Пушкина об отпуске на 6—7 месяцев в Париж. В 1829 году 5 марта, не испрашивая никакого разрешения, Пушкин берет подорожную в Тифлис и 1 мая выезжает из Петербурга. Эта самовольная поездка Пушкина вызвала крайнее недовольство Николая I, и Бенкендорф 22 марта отдал распоряжение об установлении над Пушкиным усиленной слежки. К приезду Пушкина в Тифлис военный губернатор Тифлиса был извещен Паскевичем о предстоящем прибытии „известного стихотворца, отставного чиновника X класса Александра Пушкина" и о необходимости установления над ним строгого надзора. Самое разрешение Паскевичем, данное Пушкину, прибыть в действующую армию надо объяснять не одною только надеждою, что поэт прославит военные подвиги главнокомандующего, но и удобством непосредственного наблюдения над поэтом и над его отношениями к декабристам и „прикосновенным", находившимся на службе в армии Паскевича.

Путевые заметки сохранились в объеме, соответствующем первой главе „Путешествия", сверх этого — описание дворца сераскира в Арзруме, с пометкою „12 июля 1829 г." (глава V „Путешествия в Арзрум") и эпизод о встрече с казаками, вовсе не вошедший в „Путешествие" („Мы ехали из Арзрума в Тифлис"). Первая заметка — о посещении Ермолова — помечена: „15 мая. Георгиевск". (Рукопись *ЛБ*, тетрадь № 2328, 35 стр. текста; бумага 1828 г.; первые пять страниц — беловые, остальные — черновые; страница о дворце сераскира — из собр. А. Ф. Онегина — „Puschkiniana", № 2; отрывок V главы — в *ПД*.)

В 1830 году Пушкин напечатал отрывок из записей: „Военная Грузинская дорога", с подзаголовком: „Извлечено из путевых записок" („Литературная Газета" 1830, № 6). (Факсимиле рукописного отрывка с изъятиями и искажениями, произведенными личной цензурой Николая I, было воспроизведено в „Историческом Вестнике" 1899, кн. 5, стр. 29—68. Рукопись находится в *ПД*, лицейский фонд автографов Пушкина.) В „Литературной Газете" текст отрывка подвергся новой *авторской* правке: частично переработаны и сокращены были два абзаца, причем выброшена цитата из Рылеева:

Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны...
(„Петр Великий в Острогожске".)

„Умолчанием“ Пушкина о победах Паскевича в 1829 году была разочарована официозная пресса и критика (Булгарин, Надеждин), а в первую очередь сам Паскевич. Насколько обязательным политическим актом со стороны Пушкина Паскевич считал в данном случае написание поэмы или оды, видно из письма Паскевича к Жуковскому в ответ на присылку последним брошюры „На взятие Варшавы“, в которую вошли стихи Пушкина „Клеветникам России“ и „Бородинская годовщина“. Письмо это (1831), написанное уже тогда, когда Паскевич, казалось бы, мог чувствовать себя удовлетворенным комплиментами, содержащимися в „Бородинской годовщине“, исполнено резких упреков Пушкину за то, что „его лира долго отказывалась брящать во славу подвигов оружия“ и что „так померкнула заря достопамятных событий Персидской и Турецкой войны“.

В 1834 году французский дипломатический агент на Востоке и политический писатель Виктор Фонтанье (1796—1857) опубликовал „Voyages en Orient, entrepris de 1830 à 1833 an. Deuxième voyage en Anatolie“. (Путешествие на Восток, предпринятое по повелению французского правительства с 1830 по 1833 год. Второе путешествие в Анатолию.) Книга направлена против восточной политики Николая I с точки зрения французских колониальных интересов. Предупреждая европейские державы об опасности растущей военной мощи России, Фонтанье вместе с тем дискредитирует чисто военное значение побед Паскевича над слабой турецкой армией в 1829 г. и, анализируя политику Николая I в Грузии, призывает Европу к протесту. Паскевича Фонтанье характеризует, „согласно общему мнению“, как „полководца, лишенного крупного военного дарования“, а людей, ему подчиненных, как образованных, опытных и влиятельных военных деятелей. При их перечислении, вслед за именем Раевского, упоминается „выдающийся поэт“ („un poète distingué), „который оставил столицу, чтобы петь подвиги своих соотечественников“. Следующий абзац начинается ироническим замечанием по адресу Пушкина: „У турок не было бардов в их свите...“ В той же главе Фонтанье говорит о „блистательных донесениях“ Паскевича с театра военных действий, представляющих неистощимый „предмет насмешек для опытных офицеров“, и сразу же — „о сюжете не поэмы, но сатиры“, который нашел на войне поэт (возможно, что Фонтанье намекал на иронические стихотворения: „Из Гафиза“ и „Делибаш“, являвшиеся непосредственным откликом Пушкина на военные события). По ясности намека на Пушкина и на его друзей в армии Паскевича, ввиду характера книги, равнявшегося обвинению, Пушкин счел необходимым выступить в печати.

Так появилось „Предисловие“ к „Путешествию в Арзрум“ и издание самого „Путешествия“ как *всего*, что им было написано о походе 1829 года, с несомненною целью опровергнуть свидетельство Фонтанье о существовании сатиры Пушкина на турецкую войну. Таким образом, „Путешествие“ было написано гораздо позднее „Путевых записок“, а именно в 1835 году, и даже не всегда на них основывалось. Это ясно как из характера сведений, даваемых Пушкиным на основании обширной научной литературы, так и из любопытной ошибки памяти: перевал через Безобдал Пушкин отнес, например, ко времени до выезда из укрепления Гергеры, тогда как перевал начинается после Гергер.

Беловая рукопись „Путешествия“ (*ЛБ*, тетрадь № 2328) является текстом, вполне подготовленным для издания отдельной книгой, включающей и „Предисловие“ и два приложения: 1) „Notice sur la secte de Gésidis“ и „Маршрут от Тифлиса до Арзрума“. В этом убеждает „обложка“ „Предисловия“, на которой рукою Пушкина, с его условным начертанием типографских концовок, обозначено: „Предисловие. 1835. — СПБ.“ Весь текст „Путешествия“, за исключением отрывка, совпадающего с „Военною Грузинскою дорогою“, и французской заметки о Езидах („Приложения“), написан рукою Пушкина на бу-

маге 1834 г. (отрывок о Военно-Грузинской дороге — писарская копия отрывка, напечатанного в „Литературной Газете“, на бумаге 1830 г.; приложения—на бумаге без водяных знаков). Однако намерение Пушкина издать „Путешествие“ отдельною книгой, несмотря на шаги, предпринятые с этой целью, не осуществилось, и „Путешествие“ было напечатано (с „Предисловием“) в первой книге „Современника“ за 1836 год.

Обычно при печатании „Путешествия“ редакторы клали в основу первопечатный текст „Современника“ и к нему в разных местах делали дополнения из рукописей „Путевых заметок“. Включение в окончательный текст произведения, написанного в 1835 году, произвольных и случайных дополнений по записям 1829 года, когда замысел „Путешествия“ литературно еще не определился, являлось редакторским произволом; выбор первопечатного текста „Современника“ как основы крайне неудачен. Текст этот печатался явно без авторского участия в корректуре, что повело к географическим и фактическим ошибкам, в которых упрекали Пушкина без всяких оснований, так как их не имеется в беловой рукописи, и они являются ошибками корректора (таково нелепое название Тифлиса *Тбимикалар* (у Пушкина *Тбилис-калар*), эпизод с Мушским пашею (в пятой главе), якобы просившим Паскевича о месте *для* своего племянника (у Пушкина: о *месте своего племянника*).

В настоящем издании текст „Путешествия“ печатается по беловой рукописи, ранее не подвергавшейся обследованию настолько, что в текст „Путешествия“ не включался эпизод с „азиатским“ офицером (глава вторая), который, повидимому, был исключен при печатании по цензурным соображениям. По той же причине были исключены при подготовке к печатанию и первые четыре страницы „Путевых записок“, перебеленные Пушкиным (посещение Ермолова).

Из первопечатного текста „Современника“ внесено в текст беловой рукописи деление на главы, с краткими перечнями тем, как авторское или авторизованное, сохраняя при этом деление на абзацы по беловой рукописи.

Инициалы и звездочки, имеющиеся в беловой рукописи (как и в „Современнике“), раскрыты.

К предисловию

„Предисловие“ известно нам в четырех вариантах: три рукописных и первопечатный текст „Современника“. Первоначальный (незаконченный) проект „Предисловия“ писан на „обложке“ с зачеркнутым заглавием: „Путешествие в Арзрум в 1829 г.“, перевернутой верхом вниз (*ЛБ*, тетрадь № 2387, лл. 27_{1-2} — 71); затем первый полный текст в указанной выше беловой рукописи „Путешествия“, почти дословно совпадающий с недавно „открывшимся“ в Париже автографом; на парижском автографе „Предисловия“ имеется пометка: „28 сент. 1835. Ценсор В. Семенов“, относящаяся ко времени предполагаемого издания „Путешествия“ отдельной книгой. Отказавшись от этой мысли, Пушкин на этом цензурованном экземпляре делает новые сокращения и изменения, точно отразившиеся в первопечатном тексте „Современника“.

Различия между первоначальным проектом и печатной редакцией сводятся к сокращению вступительной части, где Пушкин давал объяснения своему появлению на театре войны и упрекал журналистов за предъявленные к нему, по возвращении, требования воспеть „успехи нашего оружия“. Здесь имелись в виду рецензия Булгарина на VII главу „Евгения Онегина“ („Северная Пчела“ 1830, № 35) и статья Надеждина („Вестник Европы“ 1830, № 2).

---

391. „*Voyages en Orient...*“—Путешествия на Восток, предпринятые по поручению французского правительства в 1830—1833 гг. В. Фонтанье, бывшим учеником нормальной школы. Второе путешествие в Анатолию. Париж, издательство Дюмон, 1834.

391. „*Un poète distingué...*“—„Один поэт, одаренный богатым воображением, нашел

во всех славных деяниях, которые ему пришлось наблюдать, сюжет не для поэмы, а для сатиры" („Путешествия", глава 23, стр. 251—252.)

391. *Перевод:*

Среди начальников, ею командовавших (армией *князя* Паскевича), выделялись генерал Муравьев... грузинский князь Чавчавадзе... *армянский князь Бебутов... князь Потемкин*, генерал Раевский, и наконец г. Пушкин... покинувший столицу, чтобы воспеть подвиги своих соотечественников.

391. *Муравьев*, А. Н. (1806—1874) — поэт, издал в 1832 году (без имени автора) в двух частях „Путешествие к св. местам", что было для Пушкина удобным примером поэта, одновременно с ним побывавшего на театре войны 1829 года и тоже не воспевшего подвигов русского оружия.

Говоря о Хомякове и Муравьеве, Пушкин умолчал о поэте В. Г. Теплякове, который во время Турецкой войны был на Балканском полуострове. Имя Теплякова в 1829 году было опальным, ибо он был в это время политическим ссыльным.

Исключенная Пушкиным из „Предисловия" фраза: „углубление нашего пятнадцатитысячного войска в неприятельскую землю на расстояние пятисот верст, оправданное полным успехом", является скрытою критикою стратегического плана Паскевича.

Глава I

393. *Ермолов*, А. П. (1772—1861) — генерал, отличившийся в кампании 1812 года. Как оппозиционно настроенный, быстро завоевал популярность среди радикальных кругов общества. Его назначение в Грузию командующим Кавказским корпусом (1817) имело главным образом в виду удалить его из Петербурга. Год наибольшей его популярности — 1820, когда ожидали его назначения главнокомандующим в назревавшей войне с Турцией за освобождение греков. Кюхельбекер и Рылеев пишут ему стихотворные послания и оды. На Кавказе Ермолов держался с известной самостоятельностью по отношению к центральной власти. Проводил жестокую и прямолинейную захватническую политику в отношении горских племен. Сложность его характера и склонность к политическим комбинациям вызывали о нем отзывы вроде позднейшей (1834) пушкинской характеристики: „великий шарлатан". Его популярность среди декабристов вызвала подозрения Николая I, и в 1827 году, во время персидской войны, он был сменен и уволен в отставку.

Указание Пушкина, что „о правительстве и политике не было ни слова", следует понимать в очень узком смысле слова (отсутствие в разговорах обсуждения личности Николая I и частных вопросов внутренней политики); между тем даже разговоры, передаваемые самим Пушкиным, — критика Паскевича как полководца, засилие немцев в командовании армии, восторг от записок Курбского (без сомнения, с намеками на современность и личное положение Ермолова) — достаточно насыщены политическим содержанием. Впоследствии Ермолов категорически отказал Погодину рассказать о „предметах разговоров с Пушкиным". В письме к Д. В. Давыдову (по передаче последнего П. А. Вяземскому) Ермолов писал: „Был у меня Пушкин. Я в первый раз видел его и, как можешь себе вообразить, смотрел на него с живейшим любопытством. В первый раз не знакомятся коротко, но какая власть высокого таланта! Я нашел в себе чувство кроме невольного уважения..." и далее о стихах Пушкина: „Вот это поэзия! Это не стихи нашего знакомого Грибоедова, от жевания которых скулы болят..."

394. *Con amore* — с увлечением.

394. *Орловский*, А. О. (1777—1832) — художник, известный своими рисунками и батальной живописью. Пушкин ценил его только как рисовальщика (ср. его отзыв, что Орловский „кисти в руки не брал").

395. *Раевский*, А. Н. (1795—1868) — старший сын генерала Н. Н. Раевского, друг Пушкина. Познакомились они именно на Кавказских минеральных водах в 1820 году.

396. *Времена гр. Гудовича* (И. В., 1741—1820) на Кавказе — 1806—1809 гг., когда он

был начальником войск Грузии и Дагестана.

396. *Черкесы нас ненавидят...* — В этих словах Пушкин осуждает крайности насильственной русской политики на Кавказе со времени Ермолова, главными принципами которой было: лишать горцев плодородных земель, пастбищ и теснить их в горы, голодом желая довести их или до полного покорения, или до полного истребления. Всякий прорыв этой голодной блокады считался „разбоем", и ответственность за него возлагалась на ближайшие селения. В официальных бумагах горцы назывались не иначе, как „воры" и „грабители". Ср. заключительные строфы стихотворения „Кавказ", отброшенные при напечатании:

Так буйную вольность Законы теснят,
Так дикое племя под Властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят.

397. *Мансур* — шейх, первый (в 1785 г.) придавший борьбе с русскими войсками религиозный характер, предшественник имамов XIX века, попал в плен при взятии Анапы войсками графа Гудовича в 1791 году и был заключен в Шлиссельбургскую крепость (у Пушкина ошибочно названа Соловецкая), где и умер в 1794 году.

397. „*...like a warrior taking his rest...*" — Он лежал, завернувшийся в свой боевой плащ, как отдыхающий воин. „Погребение сэра Джона Мура" (1816), стансы Чарльза Вольфа, ирландского поэта (1791—1823).

398. *Аманаты* — заложники. Заложничество широко применялось в военной политике Ермолова. Он брал в аманаты детей. Ср. циничный рассказ об этом самого Ермолова: „Аманаты стоили прежде ужасно дорого; иной получал 3 руб. серебром в день. Я начал брать ребятишек, которые играли у меня в бабки, а родители приезжали наведываться. Я кормил их пряниками, и те были предовольны, расчищали мне просеки".

398. *Шернваль-Валлен*, Э. К., барон (1806—1890), в 30-х годах состоял офицером генерального штаба при Паскевиче.

398. „*Реке на севере гремящей*". — Из 72-й строфы „Водопада" Державина:

И ты, о водопадов мать!
Река, на Севере гремяща,
О Суна!...

398. *Бекович-Черкасский*, Ф. А., князь, родом кабардинец, вступил на русскую службу в 1806 году. В 1828 году был командиром бригады; по взятии Карса — начальник Карского пашалыка.

399. „*И в козиих мехах вино, отраду нашу!*" — 315 стих III песни „Илиады" в переводе Кострова:

И в козием меху вино, отраду нашу.

399. „*Похищение Ганимеда*" — картина Рембрандта (1606—1669), находится в Дрезденской галлерее. Ганимед изображен младенцем, от испуга испускающим струю. Картина была популярна по гравюрным воспроизведениям.

399. Предание о царице *Дарии*, как и дальнейшее изложение о Кавказских воротах, показывают, что для работы над „Путешествием" Пушкин использовал значительную и притом новую научную литературу. Так, в „Voyage dans la Russie méridionale et particulièrement dans les provinces situées au dela du Caucase fait depuis 1820 jusqu'en 1824; par le chevalier Gamba, consul du Soi à Tiflis" (t. II. Paris 1826, p. 21—22: „Если можно верить местному преданию, этот замок принадлежал в Средние века какой-то княгине Дарии, которая задерживала на заставе всех путешественников, принуждала понравившихся ей делить с нею ложе и приказывала бросать в Терек любовников, которых подозревала в том, что они будут на нее жаловаться. Более верно, чем это предание, то обстоятельство, что достаточно увидеть Дарьял, чтобы признать в нем Pylae, или Кавказские ворота".

Труд гр. И. Потоцкого, на который ссылается Пушкин, называется: „Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. Histoire primitive des peuples qui ont habité anciennement ces contrées. Nouveau périple du Pont-

Euxine. Par le comte Jean Potocki. Ouvrages publiés... par M. Claproth, t. II, Paris 1829". (Путешествие в астраханские и кавказские степи. Первобытная история народов, в древности там обитавших. Новое круговое плавание по Понту Евксинскому. Сочинение графа Ивана Потоцкого. Т. II, Париж 1829). Здесь, на стр. 216—217, текст из Плиния: „По близости от этих народов находятся *Кавказские ворота*, неправильно называемые *Каспийскими*, — изумительное творение природы, пробившей в этом месте огромнейшие скалы. Здесь водружены ворота из бревен, скованных железом. Под воротами этими протекает река *Дириодорис*. Примечание. Единственное место в этом ущелье, где возможно было водрузить ворота, — Дарьял; таким образом, река Дириодорис есть Терек..."

В научной литературе Дириодорис читается, как Дири-одорис, то есть „с тяжелым запахом".

Об испанских романах Потоцкого говорится в том же сочинении, стр. XVI.

400. *Флигельман* — солдат, по движениям которого все учились поворотам и ружейным приемам.

400. *...подпирающую небосклон.*—Ср. в оде Державина „На переход Альпийских гор":

И небо поддержав плечами...

400. Персидский поэт *Фазиль-Хан*, уроженец Тавриза, учитель детей наследника персидского Аббас-мирзы, входил в состав персидского посольства Хозрев-Мирзы, направлявшегося в Петербург с извинениями персидского правительства за уничтожение русской миссии и убийство Грибоедова. Здесь поэт поднес оду Николаю I (перевод оды в альманахе „Подснежник" 1830) и получил перстень, табакерку и 250 червонцев. Изъявлял желание остаться в России и в 40-х годах проживал и преподавал в Тифлисе, где и умер в 1852 году.

400. *Чиляев*, Б. Г. (1798—1850)—грузин, товарищ А. А. Бестужева-Марлинского по Горному кадетскому корпусу, служил всю жизнь на Кавказе, в 1828—1829 гг. управлял горскими племенами по Военно-Грузинской дороге.

401. *Огарев*, Н. Г. —подполковник, заведывал в 1829 году ремонтом Военно-Грузинской дороги.

401. Описание обвала взято Пушкиным из сочинения Гамба (см. выше) (t. II, p. 24). Вот это место в переводе: „В двух местах от Дарьяла мы увидели справа, на другой стороне Терека, ледяные глыбы — остатки ужасной лавины, свалившиеся с Казбека в 1817 году: она покрыла больше двух верст и остановила течение Терека. Река вышла из берегов и сделала дорогу непроходимой для повозок в течение двух лет. Кажется, эта катастрофа повторяется каждые семь или восемь лет. Казбек покрывается в это время огромными массами льда и снега, скопление которых кончается тем, что они теряют равновесие и, падая, покрывают громадные пространства". У Пушкина 1817 год ошибочно передан как 1827.

402. *Хозрев-Мирза*—персидский принц, внук шаха, глава чрезвычайного посольства в России в 1829 году с извинением за убийство Грибоедова и уничтожение русской миссии в Тегеране. Посольство ехало в Петербург по требованию Паскевича.

402. *Абаз* — старогрузинская монета, в то время — 20 копеек серебром. Название получила от имени персидского шаха Аббаса I, изображавшегося на персидских монетах.

402. De la liberté grande—за такую большую вольность.

Глава II

404. „... a lovely georgian maid..."—Прелестная грузинская дева с красками и прохладным жаром на ланитах, какой бывает у дев ее страны, когда они выходят, разгоряченные, из тифлисских источников... (Томас Мур, „Лалла-Рук").

404. *E sempre bene* — и преотлично.

404. *Раевский*, которого Пушкин надеялся встретить в Тифлисе,— Николай Николаевич (1801—1843), младший сын генерала Н. Н. Раевского. Ему Пушкин посвятил „Кавказского пленника". В 1826 году привлекался к следствию по делу декабристов,

затем был назначен командиром Нижегородского драгунского полка; в 1829 году, во время похода командовал кавалерией. В конце 1829 года был подвергнут аресту за „предосудительные сношения“ с сосланными на Кавказ декабристами.

404. *Санковский,* П. С. (1798—1832) — первый редактор „Тифлисских Ведомостей“. Во время пребывания Пушкина в Тифлисе поместил в „Тифлисских Ведомостях“ две заметки о Пушкине (в №№ 29 и 32), в которых писал, что публика ждет от поэта, как „свидетеля кровавых битв“, „прелестных подарков“.

404. *Цицианов,* П. Д., князь (1754—1806) — главнокомандующий в Грузии, представитель завоевательной политики России на Кавказе.

405. В приведенном Пушкиным грузинском стихотворении, по указанию Г. Леонидзе, взяты первые три и шестой куплеты стихотворения Дим. Туманишвили.

405. *Кларенс, Джордж* — младший брат короля Эдуарда V, сначала с ним враждовавший, потом перешедший на сторону брата. Злопамятный Эдуард по незначительному поводу осудил его на смерть, предоставив ему выбор рода смерти. Осужденный пожелал утопиться в бочке мальвазии (1478).

405. *Самойлов,* Н. А., граф, сын генерал-прокурора, родственник Раевских. Адъютант Ермолова, уволенный одновременно с ним. Умер в 1842 году.

406. В ироническом упоминании „асессорского чина“ Пушкин цитирует из элегии А. Н. Нахимова („Восплачь, канцелярист, повытчик, секретарь...“) стих: „О чин асессорский, толико вожделенный!“

406. *Сипягин,* Н. М. (1775—1828) — генерал-адъютант, был назначен в начале 1827 года тифлисским военным губернатором. Биограф его утверждает (вопреки слухам, передаваемым Пушкиным), что ему был предписан „сильный прием меркурия, единственного средства при тифлисских болезнях“.

406. *Стрекалов,* С. С. — генерал-адъютант, военный тифлисский губернатор, назначенный на место Сипягина, имел поручение Паскевича следить за поведением Пушкина и переписывался по этому поводу с Паскевичем.

406. *„Ночи знойные!..“* — Может быть, воспоминание о стихах Вяземского „Черные очи“ (1828), обращенных к А. О. Смирновой-Россет:

> Южные звезды! Черные очи!
> Неба чужого огни...

407. Крепость *Гергеры* Пушкин проехал до Безобдала. Здесь Пушкин писал по памяти и ошибся.

408. *Vous ne connaissez pas...* — вы еще не знаете этих людей: вот посмотрите, когда дело дойдет до ножей.

409. *Бутурлин* — адъютант гр. А. И. Чернышева, уехал в действующую армию за отличиями. Именно по его доносу вскоре Паскевич получил замечание, что у него рядовые из политических преступников пользуются слишком большой свободой во вред дисциплине, а Н. Раевский был подвергнут домашнему аресту за приглашение разжалованных к своему столу.

410. *Арарат,* по библейской легенде о всемирном потопе, был единственною горою, вершина которой не была под водою, и к которой пристал ковчег Ноя.

412. *„К калмычке“* напечатано в „Литературной Газете“ в июле 1830 года за подписью *Крс.* На рукописи этого стихотворения имеется дата: „22 мая 1829 г. Кап-кой“.

Глава III

412. *Бурцов,* И. Г. (1794—1829) — знакомый Пушкина еще в лицее; член Союза Благоденствия. В 1826 году был на полгода заключен в Бобруйскую крепость, затем переведен на Кавказ в Тифлисский полк. В персидскую и турецкую войны нес обязанности офицера генерального штаба и принимал непосредственное участие в руководстве военными действиями. В 1829 году был ранен в неудачной атаке при с. Харте 19 июля и умер через четыре дня. Числился у Паскевича среди тех „прикосновенных“, которые „оправдали доверие по службе, но не ос-

тавили прежних мыслей". Являлся одним из главных руководителей войны, что Паскевичем тщательно замалчивалось. Этим и объясняется, что, высказывая сожаление о смерти Бурцова (глава вторая), Пушкин отметил: „Это происшествие могло быть гибельно и для всего нашего малочисленнного войска". В первопечатном тексте „Современника" Пушкин смягчил слова „могло быть гибельно" словами „могло быть печально". Во фразе — резкая критика стратегического плана Паскевича.

412. *Паскевич*, И. Ф. (1782—1856)—сын полтавского мещанина. Оказал услуги Николаю I еще в бытность последнего великим князем. В 1827 году занял место Ермолова, руководил персидской и турецкой войнами (1827—1828 и 1829 гг.), получил графский титул, звание генерал-фельдмаршала и 1 000 000 рублей. Роль его после декабрьского восстания, личность выскочки и генерала-придворного, его роль в смещении Ермолова вооружили против него широкие общественные круги. Основными чертами Паскевича как начальника были подозрительность, требовательность, грубость и уменье чернить и изгонять людей после их максимального использования. Таково было его отношение к декабристам и „прикосновенным", бывшим у него под началом на Кавказе, фактическим организаторам победы в турецкую войну: Вольховскому, Бурцову, Сухорукову, Раевскому и другим. Его военная репутация, несмотря на успехи, раздутые в его реляциях Николаю I, считалась сомнительной. Прославление подвигов Паскевича вменялось Пушкину, побывавшему на театре военных действий, в обязанность. Поэтический отклик Пушкина ироничен („Не пленяйся бранной славой", „Делибаш", „Олегов щит"). В „Путешествии в Арзрум" дважды встречается критика Паскевича как стратега (в „Предисловии" и в эпизоде о смерти Бурцова). В тексте первой главы приводятся резкие и насмешливые отзывы о нем Ермолова (в первопечатном тексте встреча с Ермоловым выпущена). Самое изображение Паскевича иронично (ср., например слишком частое именование его *графом*, тогда как графский титул его был очень нов — пожалован в 1828 году и вызывал насмешки, — ср. насмешку Ермолова в первой главе).

412. *Вольховский*, В. Д. (1798—1841)—товарищ Пушкина по лицею. Служил в гвардейском генеральном штабе. Как „бывший в замечании" по делу 14 декабря в 1826 году переведен на Кавказ. В начале турецкой кампании был назначен обер-квартирмейстером.

412. *Пущин*, М. И. — брат лицейского товарища Пушкина, отданный за участие в восстании 14 декабря в солдаты на Кавказ; один из главных негласных военно-инженерных советников Паскевича в турецкую кампанию. Оставил воспоминания о походе 1829 года и о пребывании Пушкина на театре войны („Русский Вестник" 1893, IX).

413. *„Heu! fugaces, Posthume, Posthume..."*—Увы, о Постум, Постум, мчатся быстротечные годы (Гораций, Оды, кн. II, ода XIV — „К Постуму"). У Горация собственно:

Eheu! fugaces, Postume, Postume...

Postumus — последний; в написании Пушкина Posthumus — посмертный.

413. *„Usque nec Armeniis in oris..."*—И не вечно льются дожди из туч на угрюмые поля, и Каспийское море не всегда терзают неистовые бури; и берега Армении, мой друг Вальгий, не круглый год закованы в неподвижный лед (Гораций, Оды, кн. II, ода IX — „К Вальгию").

413. *Семичев*, Н. Н.—декабрист. После полугодового заключения в Петропавловской крепости был в 1826 году переведен в Нижегородский драгунский полк на Кавказе капитаном. Умер в 1830 году от холеры.

413. *Лава* — особый строй казаков при атаке.

413. *Басов*, П. Т.—подполковник, в 1829 году командовал Донским казачьим полком своего имени.

Пушкин умолчал, что в этой перестрелке при Инжа-су, 14 июня, он принял личное участие в военных действиях. Это засвидетельствовано в официальной „Истории

военных действий в Азиатской Турции 1828—29 гг.“ ген. Ушакова (изданной под наблюдением Паскевича), в записках Михаила Пущина и, наконец, собственным рисунком Пушкина в альбоме Е. Н. Ушаковой (на коне, с пикой, в круглой шляпе и бурке).

414. *Остен-Сакен,* барон — штабс-капитан Нижегородского драгунского полка, был легко ранен в ногу ружейной пулей. Младшим он назван Пушкиным в отличие от Дмитрия Ерофеевича, бывшего при Паскевиче начальником штаба.

414. *Вагенбург* — боевое расположение обоза как на месте, так и в движении.

414. *Фридерикс,* Б. А., барон (1797—1874) — с 1827—1830 гг. командовал Эриванским карабинерным полком.

415. *Муравьев,* Н. Н. (1804—1866), служил на Кавказе, участник персидской (1826—1827) и турецкой войны 1829 года, отличившийся при осаде и штурме Карса. Командовал резервной гренадерской бригадой.

415. *Симонич,* И. О., граф, сражался во французской армии и был взят в плен в 1812 году. После заключения Парижского мира (1814), не желая служить в Австрии, вступил на русскую службу, в 1829 году командовал Грузинским гренадерским полком.

415. *Сводный уланский полк.* Название „сводный“ заменено *** и в „Современнике“ и в тексте беловой рукописи по цензурным соображениям: „сводный“ полк был скомплектован из частей полков, принимавших участие в декабрьском восстании.

416. *Сальватор-Роза* (1615—1673)—известный итальянский художник.

416. *Сераскир* — турецкое название главнокомандующего.

Глава IV

417. *Etes-vous fatigué...* — вы не устали после вчерашнего дня? — Немножко, граф. — Весьма огорчен за вас, потому что нам предстоит еще один переход, чтобы нагнать пашу, а после этого придется еще верст 30 преследовать неприятеля.

417. *Анреп,* Р. Р. — флигель-адъютант, в 1829 году командовал сводным уланским полком, по окончании войны — генерал-маиор.

418. Турецкое название *хосс* взято Пушкиным из сочинения гр. Потоцкого (стр. 211—212), названного выше.

420. *Франками* на ближнем Востоке называли европейцев.

420. Описание дней 26 и 27 июня Пушкин излагал, сверяясь с реляциями Паскевича („Северная Пчела“, № 90), упрощая и снижая пышное содержание и стиль официального донесения. Ср. в реляции: „Наши полки стройными колоннами, с музыкою со всех сторон обходили Топ-Даг... еще несколько ядер с городских батарей пронеслись мимо меня. Депутаты сами просили меня огнем наших орудий привести в покорность сих мятежников, кои в числе нескольких сотен противоборствовали общему голосу и возмущали народ“.

420. *Юзефович,* М. В. (1802—1889) — поэт и археолог, друг П. А. Вяземского; в 1828—1829 гг. состоял при Паскевиче. При взятии Ахалцыха был тяжело ранен и дальнейшего участия в войне не принимал. В 1880 году издал воспоминания о Пушкине („Русский Архив“, 1880, III).

420. *Voyez les turcs...* — вот они турки. Никогда нельзя на них полагаться.

420. *Арнауты* (албанцы) — племя, живущее в Бессарабии и Турецкой Армении.

Глава V

421. Эпизод с телячьими ушами, поднесенными персидскому послу, Пушкин передает по памяти и не точно из романа Morier'а „The adventures of Haji Baba of Ispahan“ (1824). Перевод романа на русский язык О. И. Сенковского („вольный перевод Барона Брамбеуса“, в 4 томах 1831 г.).

421. *Турнфор* — Pitton de Tournefort (1656 — 1708) — ученый путешественник и ботаник, описавший Закавказье и Малую Азию, автор сочинения „Relation d'un voyage du Levant“ (Amsterdam 1718).

В рассуждении Пушкина об азиатской роскоши отразилось рассуждение А. Мар-

линского в „Военном Антикварии“ (из Арзерума 1829 г. в октябре).

422. *Годфред* (Готфрид) Бульонский — герцог Нижней Лотарингии, легендарные подвиги которого легли в основу поэмы Т. Тассо „Освобожденный Иерусалим“ (род. ок. 1060 — умер в 1100 году). Здесь имя его употреблено для обозначения времени первого крестового похода.

422. Стихотворение „Стамбул гяуры нынче славят...“ написано Пушкиным 17 октября 1830 года в Болдине. Имя поэта — вымышленное.

423. *Сухоруков*, В. Д. (1795 — 1841) — собиратель материалов для истории и описания Войска Донского. Знал о заговоре декабристов, был исключен из гвардии и отправлен на Дон под „бдительный тайный надзор“. В 1827 году переведен на Кавказ. Участвовал в турецкой кампании 1829 года, собирая материалы для истории кампании. В 1830 году был арестован, так как его исторические занятия показались подозрительными. Пушкин ценил его знания, старался помогать ему в возвращении отобранных исторических материалов и в 1836 году приглашал к участию в „Современнике“.

423. *Бей-Булат* — стоял во главе набегов. Паскевич рассчитывал удержать его около себя, чтобы обеспечить спокойное движение по Военно-Грузинской дороге.

424. *Абрамович*, И. Я.— корнет Серпуховского полка, адъютант и любимец Паскевича, польского или татарского происхождения, сражался в 1812 году в рядах французской армии, потом жил во Франции и Италии, затем определился в Серпуховский полк, „смотрел за конюшней и занимался ложными доносами“. Принадлежал к числу тех „некоторых личностей, которые шпионили за поведением Пушкина и передавали свои наблюдения Паскевичу, разумеется, с прибавлениями, желая тем выслужиться“ (Н. Г. Потокский).

425. *Коновницын*, П. П. (1802—1830) — декабрист, член Северного общества; после тюремного заключения был разжалован в солдаты, лишен дворянства и сослан на Кавказ. Отличился в персидскую войну (1828) и получил офицерский чин.

426. *Дорохов*, Р. И. (умер в 1852 г.) — сын партизана 1812 года, разжалован не раз в рядовые за дуэли. Под именем Долохова выведен Л. Н. Толстым в „Войне и мире“.

427. Статья, о которой Пушкин говорит в заключении—Надеждина о „Полтаве“ („Вестник Европы“ 1829, № 8, стр. 287—302). Написана в форме комедии, причем действующими лицами являются: автор (классик, Никодім Арістович Надоумко); „романтик“ Флюгеровский и незнакомец (старик, любитель прекрасного, отставной корректор ....овской университетской типографии, Пахом Силич Правдин). Дата статьи: „С Патриарших Прудов, 28 апреля 1829 г.“ Таким образом, из действующих лиц Пушкин верно назвал только корректора типографии; „автор“ Пушкиным назван иронически дьячком, а его собеседник, „романтик“, просвирней.

Варианты и дополнения

<Из I проекта предисловия>

По возвращении моем напечатал я одну из глав Евг<ения> Онег<ина>, писанную три года прежде. В С<еверной> Пчеле неизвестный Аристарх меня побранил не на шутку, ибо, говорил он, мы ожидали не Евг<ения> Онег<ина>, а поэмы на взятие Арзрума. Почтенный В<естник> Евр<опы> также пороптал на *Певунов*, которые не пропели успех нашего оружия.

Всё это было довольно странно; какое было им дело до моих путешествий, и неужели я непременно был обязан писать именно то, что прикажут мне журналисты?— Что за несчастные люди русские писатели? Он<и> одни находятся *вне* устава цензурного. Наша частная жизнь подлежит обнародованию. О каком офицере решился бы журналист написать например следующие <строки?>: Мы надеялись, что Г. *такой-то* возвратится из похода с Геор<гиевским> крестом, вместо того он вывез из Молдавии

одну лихорадку. Явно, что ценсура того бы не пропустила.

Однако ж я не отвечал, не желая доставить Гостиному Двору приятное зрелище *авторской травли* и зная, что публика столь же мало заботится о причине моих путешествий, как и о странных требованиях моих рецензентов.

⟨II проект предисловия⟩

Сии записки, будучи занимательны только для немногих, никогда не были ⟨бы⟩ напечатаны, если бы к тому не побудила меня особая причина: прошу позволения объяснить ее, и для того войти в подробности очень неважные, ибо они касаются одного меня.

В 1829 году отправился я на Кавказские воды. В таком близком расстоянии от Тифлиса, мне захотелось туда съездить для свидания с братом и некоторыми из моих приятелей. Приехав в Тифлис, я уже никого из них не нашел. Армия выступила в поход. Желание видеть войну и сторону мало известную побудило меня просить у е. с. графа Паскевича-Эриванского позволения приехать в армию. Таким образом видел я блистательный поход, увенчанный взятием Арзрума.

Журналисты как-то о том проведали. В газете (политической) побранили меня не на шутку за то, что по возвращении моем напечатал я стихотворение, не относившееся ко взятию Арзрума. Мы надеялись, писал неизвестный рецензент, и проч. Один из московских журналов также пороптал на *Певунов*, не воспевших успехи нашего оружия.[1]

Я, конечно, ⟨не⟩ был обязан писать по заказу гг. журналистов. К тому же частная жизнь писателя, как и всякого гражданина, не подлежит обнародованию. Нельзя было бы, например, напечатать в газетах: Мы надеялись, что г. прапорщик *такой-то* возвратится из похода с Георгиевским крестом, вместо того вывез он из Молдавии одну лихорадку. Явно, что ценсура этого не пропустила б.

Зная что публика столь же мало заботится о моих путешествиях, как и о требованиях рецензентов, я не стал оправдываться. Но важнейшее обвинение заставляет меня прервать молчание.

Недавно попалась мне в руки книга, напечатанная в Париже в прошлом 1834 году под названием *Voyages en Orient entrepris par ordre du gouvernement Français*. Автор, по своему описывая поход 1829 года, оканчивает свои рассуждения следующими словами: Un poëte distingué par son imagination a trouvé dans tant de hauts faits dont il a été temoin, non le sujet d'un poëme, mais celui d'une satire.

Из русских поэтов, бывших в турецком походе, знал я только об А. С. Хомякове и о А. Н. Муравьеве. Оба находились в армии графа Дибича. Первый написал в то время несколько прекрасных лирических стихотворений; второй обдумывал свое путешествие к святым местам, произведшее столь сильное впечатление; но я не слыхал ни о какой сатире на Арзрумский поход. Никак не мог бы я подумать, что дело здесь

[1] Ср. „Северная Пчела“ 1830, № 35, суббота, марта 22. Новые книги. Евгений Онегин. Роман в стихах. Глава VII. Сочинение Александра Пушкина: „И так надежды наши исчезли! Мы думали, что автор Руслана и Людмилы устремился на Кавказ, чтоб напитаться высокими чувствами поэзии, обогатиться новыми впечатлениями, и в сладких песнях передать потомству великие события на востоке, удивившие мир и стяжавшие России уважение всех просвещенных народов, ... — и мы ошиблись! Лиры знаменитые остались безмолвными, и в пустыне нашей поэзии появился опять Онегин, бледный слабый... сердцу больно, когда взглянешь на эту бесцветную картину“.

Один из московских журналов... — „Вестник Европы“ 1830, № 2, январь, стр. 146: „...ныне—когда будто по следам баснословным Олега, торжествующая Россия уже готова была пригвоздить победоносный щит к стенам Константинополя, если б, смиловавшись над поверженным врагом, не победила самой себя христианским смирением и человеколюбием — ныне ни один из певунов, толпящихся между нами, не подумал и пошевелить губ своих...“ „О настоящем злоупотреблении и искажении романтической поэзии“ (Окончание). С латинского Н. И. Надеждин. В приведенной фразе— полемика со стихотворением Пушкина „Олегов щит“ („Северные Цветы на 1830 год“, стр. 53).

идет обо мне, если бы в той же самой книге не нашел я своего имени, между именами генералов отдельного Кавказского корпуса: parmi les chefs qui la commandoient (l'armée du Prince Paskevitsch) on distinguoient le général Mouravief... le Prince Géorgien Tsitsevaze (Чавчевадзе)... le Prince Armenien Beboutof... le Prince Potemkin, le général Raïewsky, et enfin... Mr. Pouchkine, qui avoit quitté la capitale, pour chanter les exploits de ses compatriotes.

Признаюсь: эти строки французского путешественника, несмотря на лестные эпитеты, были гораздо мне досаднее, нежели журнальная брань, к которой, слава богу, мы приучены.

Искать вдохновений всегда казалось мне смешной и нелепою причудою. Вдохновения не сыщешь, оно само должно найти поэта. Приехать на войну с тем именно, чтобы воспевать будущие подвиги, было бы и слишком самолюбиво для стихотворца и довольно неприлично для русского дворянина. Я не вмешиваюсь в военные суждения: это не мое дело. Может быть, смелый переход через Саган-лу, движение, коим граф Паскевич отрезал сераскира от Османа-Паши; поражение двух неприятельских корпусов в течение одних суток; быстрый поход к Арзруму; углубление нашего пятнадцатитысячного войска в неприятельскую землю на расстоянии пятисот верст, оправданное полным успехом; всё это, может быть, в глазах военных людей, чрезвычайно забавно. Но я устыдился бы самого себя, если бы мог писать сатиры на полководца, принявшего меня ласково под сень своего шатра и находившего время посреди своих великих забот оказать мне лестное внимание. Независимый человек, не имеющий нужды в покровительстве сильных и ничего от них не требующий, не должен ли дорожить их радушием и гостеприимством? —

Обвинение в неблагодарности касается до чести и не должно быть оставлено без возражения, как ничтожная критика, или площадная литературная брань. Вот почему решился я написать это предисловие и выдать свои путевые записки, как *всё*, что мною было написано о походе 1829 года.

3 апреля 1835.

Вариант к главе первой

(Военная Грузинская дорога (извлеч. из путевых записок).

До Ельца дороги ужасны. Несколько раз коляска моя вязла в грязи, достойной грязи одесской. Мне случалось в целые сутки проехать не более 40 верст. Смотря на маневры ямщиков, я со скуки пародировал американца Купера в его описаниях морских эволюций. Наконец Воронежские степи оживили мое путешествие, и я свободно покатился по зеленой равнине.

Переход от Севера к Югу делается час от часу чувствительнее. Леса исчезают, холмы изглаживаются, трава густеет и являет большую силу прозябаемости. По широким пажитям

Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны
⟨*Петр Великий в Острогожске.*⟩

Отрывок из путевых записок, не вошедший в „Путешествие в Арзрум“

Мы ехали из Арзрума в Тифлис. 30 человек линейских казаков нас конвоировали— возвращающихся на свою родину. Перед нами показался линейский полк, идущий им на смену. Казаки узнали своих земляков и поскакали к ним навстречу, приветствуя их радостными выстрелами из ружей и пистолетов. Обе толпы съехались и обнялись на конях при свисте пуль и с новыми прощальными выстрелами в облаках дыма и пыли — быстро обменявшись известиями — они расстались и догнали нас.

— Какие вести, спросил я у прискакавшего ко мне урядника, все ли дома благополучно? — Слава богу, ответил он, старики мои живы; жена здорова.— А давно ли ты с ними расстался? — Да вот уж три года, хоть по положению надлежало бы слу-

жить только год.— А скажи,— прервал его молодой арт<иллерийский> офицер, не родила ли у тебя жена во время отсутствия? — Ребята говорят, что нет, отвечал веселый урядник.— А не б.... ли без тебя? — Помаленьку, слышно, ...— Что ж, побьешь ты ее за это? — А зачем ее бить? Разве я безгрешен.— Справедливо; а у тебя, брат, спросил я у другого казака, так ли честна хозяйка, как у урядника? — Моя родила, отвечал он, стараясь скрыть свою досаду. — А кого бог дал? — Сына.— Что ж, брат, побьешь ее? — Да посмотрю, коли на зиму сена припасла, так и прощу, коли нет, так побью.— И дело, подхватил товарищ, побьешь да и будешь горевать, как старик Черкасов; смолоду был он дюж и горяч, случился с ним тот же грех, как и с тобой, поколотил он хозяйку, так что она после того 30 лет жила калекой. С сыном его случись та же беда, и тот было стал колотить молодицу, а старик-то ему: Слушай, Иван, оставь ее, и посмотри, как мать и я смолоду поколотил ее за то же, да и жизни не рад.— Так и ты, продолжал урядник, жену-то прости, а выб.... посылай чаще по дождю.— Ладно, ладно, посмотрим, отвечал казак.— А в самом деле, спросил я, что ты сделаешь с выб...? — Да что с ним делать, корми да отвечай за него, как за родного.— Сердит, шепнул мне урядник,— теперь жена не смей и показаться ему, прибьет до смерти.—

Это заставило меня размышлять о простоте казачьих нравов.— Каких лет у вас женят? — спросил я. — Да лет 14-ти.— Слишком рано, муж не сладит с женою.— Свекор, если добр, так поможет — вот у нас старик Суслов женил сына да и сделал себе внука.

Черновые варианты из путевых записок 1829 г.

1. <Коляска графа Пушкина>

Он едет в огромной бричке. Это род укрепленного местечка, мы ее прозвали *Отрадною*. В северной ее части хранятся вина и съестные припасы; в южной — книги, мундиры, шляпы etc, etc. С западной и восточной стороны она защищена ружьями, пистолетами, мушкетонами и проч. На каждой станции выгружается часть северных запасов и таким образом мы проводим время, как нельзя лучше.

2. <Калмычка>

На днях, покаместь запрягали мне лошадей, пошел я к калмыцкой кибитке (т. е. круглому плетню, крытому шестами, обтянутыми белым войлоком, и с отверстием вверху). У кибитки паслись уродливые и косматые кони, знакомые нам по верному карандашу Орловского. В кибитке я нашел целое калмыцкое семейство; котел варился посредине и дым выходил в верхнее отверстие.— Молодая калмычка, собой очень недурная, шила, куря табак. Лицо смуглое, темнорумяное — багровые губки, зубы жемчужные. Замечу, что порода калмыков начинает изменяться — и первобытные черты их лица мало-по-малу исчезают. Я сел подле нее. — Как тебя зовут? —..... Сколько тебе лет? — Десять и восемь.—Что ты шьешь?—Портка.— Кому? — Себя.— Поцалуй меня. — Неможна, стыдно.— Голос ее был чрезвычайно приятен. Она подала мне свою трубку и стала завтракать [со] всем своим семейством. В котле варился чай с бараньим жиром и солью. (Не думаю, чтобы кухня какого бы то ни было народу могла произвести что-нибудь гаже). Она предложила мне свой ковшик — и я не имел силы отказаться — я хлебнул, стараясь не перевести духа. Я просил заесть чем-нибудь, мне подали кусочек сушеной кобылятины. И я с большим удовольствием проглотил его. После сего подвига я думал, что имею право на некоторое вознаграждение. Но моя гордая красавица ударила меня балалайкой по голове, мусикийским орудием, подобным нашей бал[алайке]. Калмыцкая любезность мне надоела, я выбрался из кибитки и поехал далее. — Вот к ней послание, которое, вероятно, никогда до нее не дойдет. — — —

3. ⟨Минарет в Татартубе⟩

Внутренняя лестница еще не обрушилась. Я взобрался на то место, где уже не раздается голос муллы. Там нашел я несколько неизвестных имен, нацарапанных на кирпичах проезжими офицерами. Суета сует! Гр. П[ушкин] последовал за мною. Он начертал на кирпиче имя ему любезное, имя своей жены — счастливец — а я свое.

Любите самого себя,
Любезный, милый мой читатель.

4. ⟨Черкесы⟩

Можно попробовать влияние роскоши — новые потребности мало-по-малу сблизят с нами черкесов — самовар был бы важным нововведением. Должно надеяться, что с приобретением части восточного берега Черного моря черкесы, [отрезанные] от Турции, [лишенные торговли с Турцией]... Есть, наконец, средство самое сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века. Терпимость сама по себе вещь очень хорошая, но разве апостольство с нею несовместно?

Легче для лености выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты.

Лицемеры! Так ли исполняете долг христианства? Христиане ли вы? С сокрушением и раскаянием должны вы потупить голову и безмолвствовать— — — Кто из вас, муж Веры и Смирения, уподобился старцам, скитающимся по пустыням Африки, Азии и Америки, в рубищах, часто без крова, без пищи, но оживленны⟨м⟩ теплым усердием и смиренномудрием. Какая награда их ожидает? Обращение рыбака или странствующего мальчика, или семейства диких, или бедного умирающего старца, нужда, голод, иногда мученическая смерть. Мы умеем в великолепных храмах спокойно блистать велеречием, упиваться похвалами слушателей. Мы читаем светские книги и важно находим в суетных произведениях выражения предосудительные.—

Предвижу улыбку на многих устах. Многие, сближая мои калмыцкие нежности с черкесским негодованием, подумают, что не всякой ⟨и⟩ не везде имеет право говорить языком высшей истины. Я не такого мнения. Истина, как добро Мольера, где попадается, там и берется — —

История Пугачева

Впервые опубликовано отдельным изданием, в двух частях, под названием: „История Пугачевского бунта“. Часть первая. История. Часть вторая. Приложения. Санктпетербург. В типографии II отделения собственной е. и. в. канцелярии 1834, с отметкою на обороте заглавного листа: „С дозволения Правительства“ (вместо обычного цензурного разрешения). К первой части было приложено: 1. Гравированный портрет Пугачева. 2. Карта губерний Оренбургской, Казанской, Нижегородской и Астраханской (до 1775 г.). 3. Печать Пугачева. 4. Снимок с начертаний, сделанных рукою Пугачева. 5. Подпись под указами Пугачева. 6. Снимки с подписей Бранта, Рейнсдорпа, Кара, Бибикова, Щербатова, кн. Голицына, Михельсона и Бошняка. Беловая рукопись (десять отдельных тетрадей) хранится в *ЛБ* (тетрадь № 2390); писарская копия с этой рукописи, выправленная Пушкиным перед сдачей ее в набор, хранится в *ПБЛ*. Печатается нами по изданию 1834 г. с исправлением опечаток и с восстановлением по рукописи всех тех мест, которые были изъяты или изменены Николаем I. Не перепечатывается нами лишь „Указатель к Истории Пугачевского бунта“, приложенный к первой части издания. Многочисленные материалы, собранные Пушкиным для „Истории“, его выписки из документов, записи рассказов современников, а также черновые наброски некоторых глав хранятся в *ПД*, в *ПБЛ* и в *ЛБ* (тетради № № 2373, 2391, 2394).

Из этих материалов опубликованы заметки, сделанные Пушкиным во время его поездки осенью 1833 г. в район восстания. Печатаем их по автографу *ПБЛ*, впервые частично и неточно опубликованному П. О. Морозовым в Сочинениях Пушкина, т. VII, 1904 стр. 278—279, и Л. Б. Модзалевским в „Рукописях Пушкина в *ГПБ* в Ленинграде“, 1929, стр. 26-27:

Пугачев повесил академика Ловица в Камышине. Иноходцев убежал.

Оцюш кайбас, бог.

Панин, дом Пустынникова, Смышляевка.

В Берде Пугачев жил в доме Кондр. Ситникова, в Озерной — у Полежаева.

Харлова расстреляна.

Чугуны — Кар etc.

Васильсурск — Предание о Пугачеве.

Он в Курмыше повесил маиора Юрлова за смелость его обличения — и мертвого секли нагайками. Жена его спасена его крестьянами.

Сл⟨ышал⟩ от старухи. сестры ее, живущей милостынею.

Пугачев шел мимо копны сена — собачка бросилась на него.— Он велел разбросать сено. Нашел двух барышень, коих, подумав, велел повесить.

Слышал от смотрителя за Чебоксарами.

Вас. Плотников. Пугачев у него работником.

Из Гурьева городка
Протекала кровью река.
Из крепости из Зерной
На подмогу Рассыпной
Выслан капитан Сурин
Со командою один.
Он нечаянно в крепость въехал,
Начальников перевешал,
Атаманов до пяти,
Рядовых сот до шести.

Ур⟨альские⟩ казаки
Были дураки
Генерала убили
Госуд.

Для характеристики работы Пушкина над первоисточниками приводим две выписки, сделанные им летом 1834 г. из материалов, предоставленных ему для использования историком Д. Н. Бантыш-Каменским (Автографы *ЛБ* и *ПД*, впервые опубликовано в „Литературном Наследстве“, № 16—18, 1934, стр. 457 и 463).

Об Аристове

Аристов (Илья) *из дворян* был капралом в 1773 году, бежал из Томского полку, возмущал станицы Донские, взят под стражу, освобожден во время взятия Казани, наименован от Пугачева полковником, взят в плен в июле 1774, пытан в Нижнем Новг. — Там показал на казанского архиерея Вениамина (смотри о Вениамине). Он пытан был потом и в Москве в Тайной экспедиции генерал-прокурором к. Вяземским и Шешковским. Екатерина избавила его от смертной казни. Он был высечен кнутом в Казани и сослан на каторжную работу в Рогервик.

(Из бумаг о Пугачеве Б. Каменского.)

О Белобородове и Перф⟨ильеве⟩

Иван Наумов сын Белобородов, отставной канонир, пристал к Пуг. 1773 году, пожалован им в полковники и в походные атаманы, а потом в начале 1774 в старшие войсковые атаманы, и в фельдмаршалы. Был жесток, знал грамоты, соблюдал в шайках строгую дисциплину. Взят в июле под Казанью, пытан в Тайной экспедиции, наказан кнутом 13 августа, потом привезен в Москву и казнен смертью на Болоте 5 сентября 1774 — в 10 час. *пополудни* (?)

(Б. Каменский.)

Перфил⟨ьев⟩ сказал: пусть лучше зароют меня живого в землю, чем отдаться в руки государыни.

Работа Пушкина над материалами по истории восстания Пугачева определяется следующими основными датами: 31 января

1833 г. Пушкин набрасывает план исторической повести из времен пугачевщины (схема этой повести была впоследствии частично использована для „Капитанской дочки"); 7 февраля обращается к военному министру гр. А. И. Чернышеву с просьбой о разрешении познакомиться с „следственным делом о Пугачеве"; 25 февраля и 8 марта доставлены были ему первые партии архивных материалов о событиях 1773—1774 гг.; 25 марта, судя по отметке в черновом тексте первой главы, приступил к писанию, а 22 мая 1833 г. вчерне закончена была уже им первая черновая редакция „Истории". Этот начальный черновой абрис „Истории", известный нам лишь по нескольким наброскам, в течение всего 1833 г. и начала 1834 г. дополнялся, исправлялся и перестраивался на основании полученных Пушкиным новых документальных и мемуарных данных. Деятельно собирая и изучая материалы о пугачевщине, Пушкин осенью совершает специальную поездку в места, охваченные восстанием, посещает между 2 и 23 сентября Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Оренбург, Уральск, знакомится с провинциальными архивами, опрашивает старожилов, записывает фольклорные данные, наконец 1 октября приезжает в Болдино, где работа над окончанием „Истории" чередуется с писанием „Медного всадника", „Анджело", „Пиковой дамы", „Сказки о рыбаке и рыбке". Время окончания „Истории" определяется датой предисловия к ней—2 ноября 1833 г., а 6 декабря Пушкин уже писал А. X. Бенкендорфу: „Я думал некогда написать исторический роман, относящийся к временам Пугачева, но, нашед множество материалов, я оставил вымысел и написал историю пугачевщины. Осмеливаюсь просить через ваше сиятельство дозволения представить оную на высочайшее рассмотрение. Не знаю, можно ли мне будет ее напечатать, но смею надеяться, что сей исторический отрывок будет любопытен для его величества". Надежды Пушкина на то, что внимание Николая I к его рукописи может обеспечить и разрешение на ее публикацию, неожиданно оправдались. В начале марта 1834 г. Пушкин писал П. В. Нащокину: „Я камер-юнкер с января месяца; Медный Всадник не пропущен. Убытки и неприятности! Зато Пугачев пропущен и я печатаю его на счет государя". Ср. запись в дневнике Пушкина от 28 февраля: „Государь позволил мне печатать Пугачева: мне возвращена моя рукопись с его замечаниями (очень дельными)". На печатание „Истории" Пушкин получил беспроцентную ссуду из казны в размере 20 000 рублей. При утверждении этой ассигновки Николай I 16 марта 1834 г. предложил, однако, переименовать работу Пушкина: вместо „Истории Пугачева" царь „собственноручно" написал „История Пугачевского бунта".

Книга, печатание которой началось летом, вышла в свет (в количестве 3000 экз.) в самом конце декабря 1834 г. Успеха она не имела. „В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже не покупают,— отмечал Пушкин в своем дневнике в феврале 1835 г.— Уваров ⟨министр народного просвещения⟩ большой подлец. Он кричит о моей книге, как о возмутительном сочинении".

Изучение материалов о пугачевщине Пушкин продолжал и после выхода своей „Истории" в свет. Заключения социально-политического порядка, которые Пушкин не мог высказать печатно, но счел необходимым довести до сведения Николая I, см. на стр. 687.

Заметки к „Истории Пугачева"

Печатаются по копии с утраченного белового автографа, опубликованной впервые в „Заре" 1870, кн. XII, стр. 418—422. По сохранившейся в бумагах Пушкина черновой, но более распространенной редакции этих же заметок сделаны нами в прямых скобках дополнения к основному тексту. Эта черновая редакция заметок Пушкина, хранящаяся ныне в *ПД* (собрание Л. Н. Майкова; отсутствует лишь автограф заключительных „Общих замечаний"), впервые частично была опубликована в „Библиографических Записках" 1859, № 6, стр. 179—181 и в несколько иной композиции в „Полярной Звезде на 1861 г.", кн. VI, стр. 128—131.

Заметка к стр. 61 („Ив. Ив. Дмитриев описывая мне Корфа...“) впервые опубликована нами в Полном собр. соч. Пушкина 1933, т. V, стр. 424.

Беловой автограф заметок представлен был Пушкиным 26 января 1835 г. Николаю I через шефа жандармов, при следующем сопроводительном письме: „Честь имею препроводить к вашему сиятельству некоторые замечания, которые не могли войти в историю Пугачевского бунта, но которые могут быть любопытны. Я просил о дозволении представить оные государю императору и имел счастие получить на то высочайшее соизволение“.

Заметки о Шванвиче

Печатаются по автографу *ПД* (собрание Л. Н. Майкова). Впервые опубликовано в „Библиографических Записках“ 1859, № 6, стр. 181 — 183.

Тематически и стилистически тесно связанные с „замечаниями“, представленными Пушкиным 26 января 1835 г. Николаю I (см. выше), материалы о Шванвиче должны быть датированы самым концом 1834 или началом 1835 г. Материалы об этом сподвижнике Пугачева (полученные, может быть, от того же Н. Свечина, который информировал Пушкина о всей семье Шванвича) положены были Пушкиным еще 31 января 1833 г. в основу плана исторического романа, из которого впоследствии выросла „Капитанская дочка“. Печатные данные о Михаиле Александровиче Шванвиче, подпоручике 2-го Гренадерского полка, перешедшем из командного состава императорской армии в штаб Пугачева, исчерпывались ко времени работы Пушкина над материалами по истории Пугачева следующим упоминанием в правительственном сообщении от 10 января 1775 года „О наказании смертною казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников. С присоединением объявления прощаемым преступникам“:

„Подпоручика Михаила Швановича, за учиненное им преступление, что он, будучи в толпе злодейской, забыв долг присяги, слепо повиновался самозванцовым приказам, предпочитая гнусную жизнь честной смерти—лишив чинов и дворянства ошельмовать, переломя над ним шпагу“ (перепечатано в приложениях к „Истории Пугачевского бунта“, ч. II, СПБ. 1834, стр. 47).

Об „Истории Пугачевского бунта“

(разбор статьи, напечатанной в „Сыне Отечества“ в январе 1835 г.)

Впервые опубликовано в „Современнике“ 1836, кн. III, стр. 109—134. Автограф неизвестен.

Рецензия В. Б. Броневского на „Историю Пугачевского бунта“ напечатана была в „Сыне Отечества“ 1835, кн. I, отд. 3, стр. 177—186, без подписи автора. Принадлежность ее Броневскому указана была Булгариным в статье „Мнение о литературном журнале «Современник» издаваемый Александром Сергеевичем Пушкиным, на 1836 год“ („Северная Пчела“ от 9 июня 1836 г., № 129).

О двух описках, указанных в рецензии, Пушкин писал еще 26 января 1835 г. Д. Н. Бантышу-Каменскому: „Прошу вас взять на себя труд исправить две ошибки, справедливо замеченные в Сыне Отечества: на стр. 129 был уже в 15 верстах должно читать в 50. Из примечания к пятой главе (16) вместо *Тобольск — Табинск*“.

Броневский, Владимир Богданович (1784—1835)—член Российской Академии, автор „Записок морского офицера“ (1818—1819), „Обозрения Южного берега Тавриды“ (1822), „Путешествия от Триеста до С.-Петербурга“ (1828), „Истории Донского войска“ (ч. I—IV, СПБ 1834). В письме Пушкина от 26 апреля 1835 г. к И. И. Дмитриеву есть явный намек на отзыв Броневского об „Истории Пугачева“: „Что касается до тех мыслителей, которые негодуют на меня за то, что Пугачев представлен у меня Емелькою Пугачевым, а не Байроновым Ларою, то охотно отсылаю их к г. Полевому, который, вероятно, за сходную цену возьмется идеализировать это лицо по самому последнему фасону“.

Перечень иллюстраций

Титульные листы и внутреннее оформление художника А. М. Сурикова. Оформление переплета по макету М. И. Козлова. Барельеф с чеканной медали художника гравера Скуднова — резал на стали гравер А. Н. Карякин.

Содержание

Повести

Отрывки и наброски

Часть вторая

I. Манифесты, указы и рескрипты, относящиеся к Пугачевскому бунту

II. Рапорт графа Румянцева в Военную коллегию, и письма Нурали-Хана, Бибикова, графа Панина и Державина

III. Сказания современников

Варианты и комментарии

Редактор *И. М. Рубановский.*
Художественная редакция
М. П. Сокольников
и *Е. А. Орликова.*
Лит.-технич. наблюдение
В. В. Чешихина.
Техническая редакция
М. П. Ткачуков.
Ответственная корректура
Е. Н. Семяновская.
Наблюдали на производстве
М. И. Козлов
и *Н. С. Черников.*

* * *

Сдано в набор 19/IX. Подписано к печати 5/XI—36. Тираж 25300. Уполномоч. Главлита Б-30128. Зак. тип. № 3477. „Ас." 258. Инд. А-0. Бумага 82×110—1/16, Вишерского Бумкомбината. Переплетный материал—лидерин Щелковской ф-ки Техноткани. Печ. лист. 50,5, вкл. лист 27. Уч. авт. лист. 59,2.

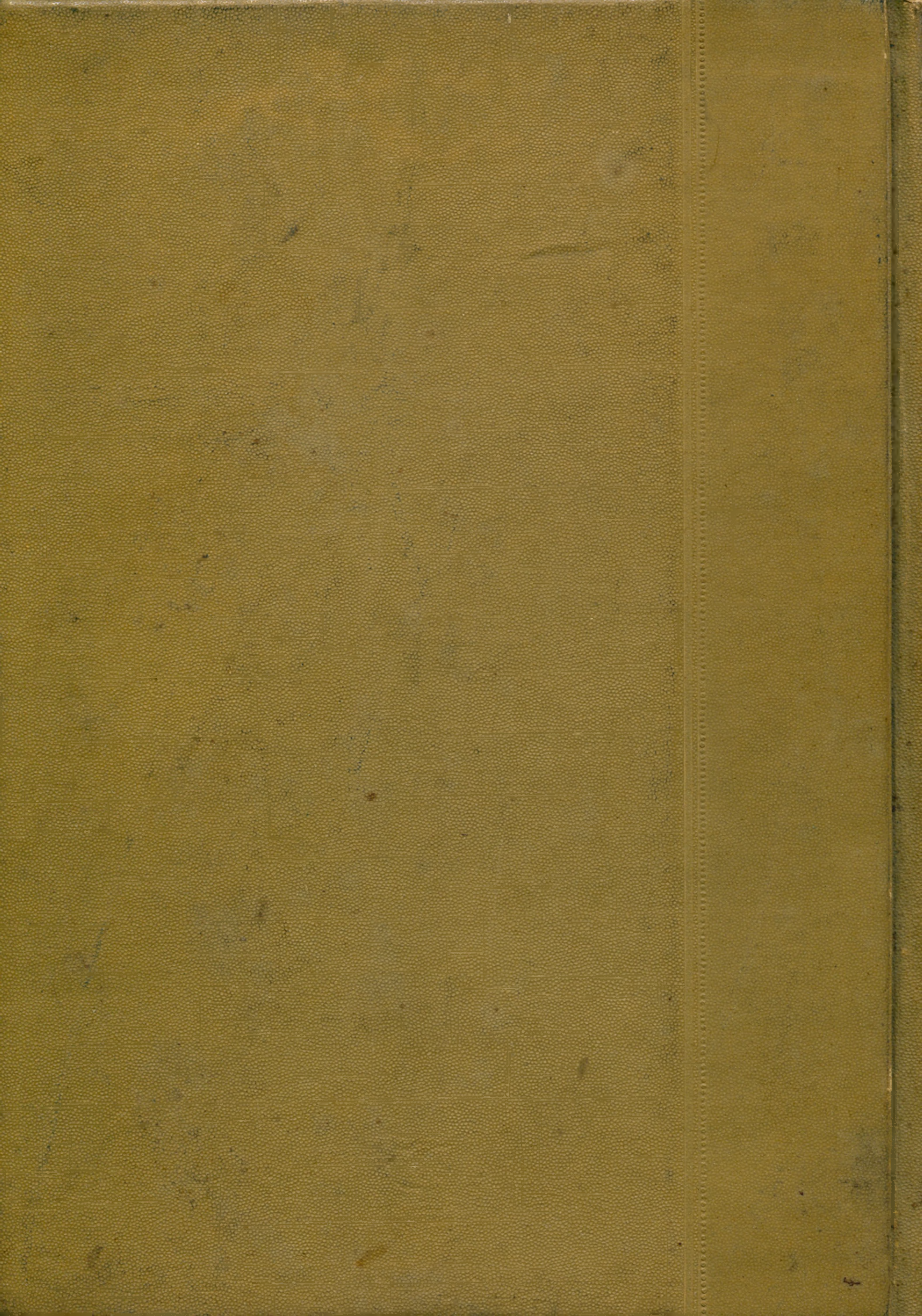
* * *

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига". Москва, Валовая, 28.

Цена Р. 16.00
Переплет Р. 4.00

Замеченные опечатки

Страница	*Строка*	*Напечатано:*	*Следует:*
109	5—6 св.	примечаних	примечаниях
409	3 сн.	славу богу	слава богу
723	25 сн.	предисловие	предисловия
742	6 и 13 св.	Суццe	Суццо
744	2 св.	В. Л. Давыдова	В. Л. Давыдову



1837 – 1937

ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ACADEMIA